PÝCCKÏŇ ÂPXŃRZ

1896

5.

CTD.

- 5. Къ исторія Пугачовщины. 1-VI. П. Л. Юдина.
- 47. Записки Петербургскаго чиновника стараго времени. П. И. Гомубева (окончаніе).
- 110. Изъ воспоминаній врача (1865—1875). И. А. Митропольскаго.
- 127. Письмо А. С. Хомянова въ В. В. Ганкъ (1847).
- Письмо князя А. Б. Куракина къ Императору Александру Павловичу, 1801. (Жалоба на графа Н. П. Панина).
- 132. Изъ писемъ партизана А. Н. Сеславина, (1817-1850).
- 143. Стихотвореніе виявя ІІ. А. Вявемскаго.
- 144. Письмо архіепископа Херсонскаго Инпокентія въ А. П. Озерову (1854).
- 145. Изъ письма В. В. Скрипицына нъ графу Д. Н. Толстому.
- Ярославская старина. VI. Солдативъ. VII. Отреченіе отъ массоиства. Л. Н. Трефолева.
- 156. Стихотвореніе П. Шумахера.
- 158. По поводу отзывовъ объ А. С. Хомяковъ С. М. Соловьева и г. Боборывана. Ю. В.
- 159. Историческія статьи въ повременныхъ изданіяхъ неисторическихъ.

Приложена ннига "Архива Князя Воронцова

MOCKBA.

Въ Университетской тинографіи, на Страствонъ бульваръ.

1896.

ИСТОРИЧЕСКІЯ СТАТЬИ ВЪ ДУХОВНЫХЪ ПОВРЕМЕННЫХЪ ИЗДАНІЯХЪ.

1896 годъ.

Соколовъ М. Святый Стефанъ, епископъ Пермскій († 1396 года Апръля 26). "Церковныя Вѣдомости № 16.

Вотчина Ростовскаго архіерейскаго дома въ годы 1629—1631: села Вексицы, Филимоново, гора Благовъщенская. "Ярославскія Епарх. Въд." № 11.

Матеріалы для исторіп Владимирской епархіи. Выпускъ 4-й. Юрьевская десятина жилыхъ данныхъ церквей и пустовыхъ церковныхъ оброчныхъ земель "Владимирскія Епарх. Въд. № 6.

И. А. К. Воспресенсий Новодъвичій монастырь въ С.-Петербургв. "Церковныя Віздомости" №№ 12—13.

Звъревъ Ст. Надгробное слово преескта Евенмія Болховитинова 1790 г. "Богословскій Въствикъ", Апръль.

Поповъ Н. М. Чинъ священнаго коронованія. (Историческій очеркъ образованія Чина) "Богословскій Въстникъ", Апръль.

Д—скій А. Св. Стефанъ, епископъ Пермскій. (Къ 500-льтію его кончины, † 26 Апръля 1396 г.). "Московскій Церк. Въд." № 16.

Сиворцовъ Н. Московская Церковная Старина. Уничтоженныя церкви въ мъстности Пречистенскаго сорока. Церковь Саввы Стратилата на Знаменкъ. "Московскія Церк. Въд." № 16.

Села Ростовскаго и другихъ увздовъ по писцовой книгъ стольника Степана Жадовскаго да подъячаго Мартына Антонова 1676—1679 годовъ. Село Павловское и его угодъя въ 1629—1631 гг. Наводненіе въ г. Угличъ въ 1719 году. "Ярославскія Еп. Въд." № 16.

Мзвъювъ Н. Труды профессора Московской Духовной Академія Александра Өеодоровича Лаврова-Платонова, какъ члена Комитета по вопросу о реформъ духовнаго суда. "Московскія Церк. Въд." № 16.

РУССКІЙ АРХИВЪ.

годъ тридцать четвертый.

1896.

2.

PÝCKIŬ ÂPXÍRZ

ИЗДАВАЕМЫЙ

Петромъ Бартеневымъ.

1896.

КНИГА ВТОРАЯ.

МОСКВА. Университетская типографія, Страєтной бульваръ. 1896.

КЪ ИСТОРІИ ПУГАЧОВЩИНЫ.

I.

Вступленіе, — Причины мятсжей, — Масленскій бунть. — Самозванецъ Каменщиковъ ("Алтынный Главъ").

Пугачовщина далско еще не вполив выяснена и описана. Большинство паслъдованій касалось мятежа преимущественно въ Поволжскихъ губерніяхъ и южной части Урала, между твиъ какъ о дъйствіяхъ Пугачова и его сообщинковъ въ съверной части Пріуралья, особенно въ провинціяхъ Уфимской и Исетской, свъдъній очень мало 1).

Пользуясь данными Тургайскаго областнаго и нъкоторыхъ Оренбургскихъ архивовъ, а также заинсками современника, поручика Андрея Егоровича Поспълова, печатавшихся въ "Оренбургскихъ Губернскихъ Въдомостяхъ" за 1869 г., и статьею Зырянова "Пугачовскій бунтъ въ Шадринскомъ уъздъ" ("Пермскій Сборникъ" 1859, 1), осмъливаемся начертить картину мятежа въ съверныхъ частяхъ Оренбургскаго края и указать происшедшія послъ того событія, которыя имъли тъсную связь съ общимъ охватившимъ этотъ край волненіемъ.

Извъстно, что край Оренбургскій, населенный разнородными илеменами Башкировъ, Мордвы, Черемисъ, Вотяковъ и другихъ инородцевъ, издавна былъ мъстомъ постоянныхъ мятежей, волненій и посягательствъ на цълость Русской имперіи, какъ со стороны Башкировъ, такъ и со стороны Киргизовъ, хотя считавшихся подвластными намъ, но въ сущности не признававшихъ пикакой власти, даже власти своихъ хановъ 2). Переселенные сюда пэъ центральныхъ областей Россіи Русскіе и другіе инородцы (Чуваши, Мордва и Черемисы), разбросавшіеся въ дебряхъ Башкиріи небольшими по-

¹⁾ Исключеніе представляеть мопументальный трудь Н. О. Дубровина "Пугачовъ и его сообщинки" Спб. 1884 г. З тома; однако и этому почтенному изследователю остались пеизвестными изкоторыя данныя, сообщаемыя въ настоящей статьв. Ред.

³) Г. Мордовисвъ въ 1-мъ томъ своихъ "Самозванцевъ" (стр. 287) пишетъ относительно Киргизовъ, что "Большая орда управлявась въ то времи (т. с. Пугачовскаго бунта) ханомъ Эрали (1), Средняя—Аблаемъ и меньшая—Нурали-ханомъ. Состоя нодъ покровительствомъ (1) Русского правительства, они были самыми безпокойными сосъдями и, какъ подвластные Русскому престолу Киргизъ-Кайсаки, давали намъ, въ случав необходимости, помощъ войскомъ". Можемъ увтрить автора, что Большая орда въ то время была подчинена Зюнгорскому владълысу, а Эрали, братъ Нурали-хана, наковмъ образомъ не могь управлять сю и никогда не управлялъ. Киргизы также викогда не давали и де сихъ поръ не даютъ намъ "помощи войскомъ".

селками, сами подчинялись вліянію тёхъ же туземдевъ, а м'єстныя власти не обращали никакого вниманія на нравственное состояніе м'єстнаго населенія.

Здёсь не мёсто перечислять всё элоупотребленія властей, такъ какъ объ этомъ уже писалось не разъ. Воеводы и различные подъячіе обирали едико возможно не только Башкировъ и другихъ туземцевъ, но п Русскихъ*), и обращались съ ними просто по варварски, какъ будто это были не люди. Но всего больше теривли крестьяне горныхъ заводовъ Урада отъ своихъ прикащиковъ, конторщиковъ, управляющихъ и т. п., власть и самоуправство коихъ не знали себъ границъ. За долго еще до Пугачовскаго бунта и много спустя послъ него эдъсь творились такія безобразія, такія душу раздирающія сцены безчеловъчнаго обращенія, что, въ силу необходимости, изнывніе подъ тяжестью непосильныхъ работь крестьяне возставали противъ своихъ притвенителей, такъ какъ суда и управы на нихъ трудно было найти въ мъстныхъ учрежденіяхъ, а до Петербурга въ то время, при невозможныхъ путяхъ сообщенія, добраться было не легко, чтобы "пов'ядать Царю-батюшь про свое лютое горе". А если и находились такіе смільчаки, что пускались въ далекій суть, то ихъ, по распоряженію твхъ же пластей, перехватывали по дорогь и, какъ колодниковъ, подъ строгимъ караудомъ, отправляли назадъ, гдв имъ готовы были плеть и розги.

Тавимъ образомъ, въ отдаленномъ отъ центра просвъщенія и государственнаго строя Оренбургскомъ крат царили полный произволъ, попраніе всякихъ человъческихъ правъ и утъсненіе темнаго люда всяческими поборами. Въ концт концовъ народъ не выдержаль тягости такого гиста, и вся эта масса крестьянъ, инородценъ и казаковъ ополчилась противъ своихъ притъснителей, чтобы сбросить съ себя ярмо ненавистнаго ига, благо для подстрекательства ихъ находились "благодътели и защитники", готовые стать во главъ мятежнаго движенія.

Значительныя волненія Башкиров'я и других винородцевь, не говоря уже о наб'ягах Киргизовь, не прекращались до 1755 года, начиная съ 1584 г. и, даже рав'ве, съ 1574 года, когда въ Башкиріи начала строиться Уфа; первый же бунть крестьянь, какъ указывають источники, открылся только въ 1760 году въ Масленскомъ острог'я бывшей Исетской провинціи (нынъ Челябинскаго уфзда). Крестьяне здісь взбунтовались, потому что ихъ передали въ этомъ году "въ кр'япость" изв'ястному богачу и вдад'яльну Уральскихъ жел'язно-д'ялательныхъ заводовъ Никит'я Демидову съ т'ямъ, чтобы, вм'ясто зад'яльной платы, онъ впосилъ за нихъ въ казну подати и повинности; они были недовольны такой выгодной для правительства сд'ялкой, лишавшей ихъ свободы, и хот'яли вооруженной силой добиться прежнихъ правъ. По волненіе это скоро было подавлено, и бунтовщики, казалось, подчинились требованію правительства, хотя не надолго.

Въ слъдующемъ 1761 году, въ той же Исетской провинціи, появился первый въ крат $Pyccki\ddot{u}$ возмутитель казакъ Чебаркульской кръпости Θ едоръ

^{*)} До чего сильно было взяточничество, видно изъ письма А. Ватазиной къ Елисаветъ, "Русскій Архивъ" 1867 г. Ред.

Каменщиковъ (онъ же Слудниковъ), прозванный почему-то "Алтыннымъ Глазомъ", который впоследстви снова вооружиль противъ правительства крестьянъ Масленскаго острога и Броневской слободы 1).

Первымъ его дъйствіемъ, показавшимъ склонность его къ убійству и мятежамъ, была подача челобитной на притъсненіе казаковъ со стороны ихъ старшинъ. Хотя инын его жалобы оказались справедливыми, но по слъдствію онъ былъ признанъ виновнымъ, такъ какъ не могъ доказать, что есаулъ Фальковъ грозилъ ему "поркой", а атаманъ Симоновъ удерживалъ, при раздачъ казакамъ фуражныхъ денегъ, отъ каждаго рубля по 5 коп.; что онъ же Симоновъ принуждалъ казаковъ безплатно возить подрядный провіантъ и безвинно билъ и сажалъ подъ караулъ тъхъ изъ нихъ, которые не соглашались на это, и дълалъ незаконный поборъ съ казаковъ "для исходатайствованія у подполковника Могутова з) жалованія за бытность ихъ на линейной службъ, спустя долгое послъ самаго побора время". Ложью было признано и заявленіе Каменщикова въ челобитной, что всъ мірсвіе люди послали его жаловаться на старшинъ.

Все это, вмѣстѣ взятое, повело къ заключенію его въ 1761 году подъ стражу въ казармахъ Троицкой крѣпости. Въ Апрѣлѣ 1765 года, кыйдя однажды изъ тюрьмы, онъ замѣтилъ, что вожнын кандалы на немъ были очень плохи, сшибъ ихъ съ ногъ камнемъ и бѣжалъ изъ подъ караула. Такъ по крайней мѣрѣ потомъ на допросѣ онъ говорилъ самъ. Но по всей въроятности побѣгъ этотъ былъ задуманъ имъ ранѣе; еще сидя въ казармахъ, онъ подговаривалъ караульныхъ на свою сторону и писалъ государственнымъ крестьянамъ Буткинской слободы (Исетской же провинціи), что по освобожденіи его изъ острога онъ будетъ хлопотать по дѣлу ихъ о спорной землѣ съ Татарами. Крестьяне прислали ему 120 рублей и взились собрать еще 200.

На первый разъ Каменщикову достаточно было этихъ средствъ, чтобы освободиться изъ подъ стражи. Онъ сообщилъ о своемъ планъ подъячему Кузьмъ Мерзлякову и просилъ его прівхать въ Троицкую крѣпость къ нему "для письмоводства по Буткинскимъ дъламъ". Въ Мартъ 1765 года Мерзлнковъ дъйствительно прибылъ въ Троицкъ съ крестьяниномъ Буткинской слободы Симономъ Телминовымъ и остановился на квартиръ у драгуна Оренбургскаго полка Петра Долгихъ, который также "издавна былъ знакомъ" съ Каменщиковымъ. Прівхавшіе объяснили драгуну свое дъло, тотъ тотчасъ же отправился въ острогь и привелъ къ себъ Каменщикова 3).

При этомъ свиданіи съ Мераляковымъ Каменщиковъ показываль ему печатный указъ императора Петра Өедоровича, данный будто бы на его ими,

^{&#}x27;) Свъдънія о дъйствіяхъ Каменщикова и о волненіи крестьянъ заимствованы изъдъла № 61, на 112 листахъ, Тургайскаго областнаго архива.

²⁾ Наказный атаманъ Оренбургскаго войска.

³⁾ По какону праву Долгихъ приводилъ Каменщикова изъ тюрьны, того изъ дълж не видно.

но не объяснить ему ни содержанія, ни времени выхода указа этого ¹). И послѣ этого, при разныхъ другихъ случалхъ, онъ неоднократно говорилъ ему что Петръ III живъ и слышалъ-де, что онъ часто съ бывшимъ губернаторомъ Волковымъ ²) наѣзжалъ по ночамъ въ Троицкую крѣпость для разевдыванія о народныхъ обидахъ и останавливался у того же драгуна Долгихъ Послѣдняго Каменщиковъ еще раньше привлекъ на свою сторону, увѣривъ его, что Волковъ лично объщаль ему Каменщикову не оставить его и поручился въ этомъ именемъ императора Петра III ³).

Такимъ путемъ Каменщиковъ успълъ подговорить къ себъ въ сообщеники и Мерзаякова, котораго потомъ употреблялъ вмъсто писаря, и съ помощію этихъ двухъ друзей бъжаль изъ Троицкой тюрьмы. Зная, что Исстскаго въдомства Масленскаго острога и Борневской слободы крестьяне, и сдавно приписанные къ заводамъ дворянина Демидова, были недовольны своимъ положеніемъ, и въроятно, "разсчитывая на мятежное расположеніе умокъ ихъ", онъ направился прямо къ нимъ и объявилъ себя тамъ сенатскимъ курьеромъ Михаиломъ Ръздовымъ, пославнымъ по именному высочайшему указу для разслъдованія обидъ и притъсненій, дълаемыхъ крестьянамъ прикащиками Демидова.

Народъ повърилъ этому, и среди крестьянъ началось сильное волненіе. Недовольные со всёхъ сторонъ стекались къ нему, прося помощи и защиты. Каменщиковъ принималъ ото всёхъ на свое ямя прошенія и всёмъ объщалъ милости. Потомъ онъ съ своими сообщенками сталъ разъёзжать по селамъ и деревнямъ и всюду сёялъ "мятежныя внушенія". Людей, повиновавшихся ему, онъ ласкалъ и обнадеживалъ объщаніями ходатайствовать за нихъ не только въ Сенатъ, но даже предъ самой Государыней. Неповиновавшихся же ему и обличенныхъ по доносамъ крестьянъ въ накихъ либо притъсненіяхъ онъ сажалъ подъ караулъ и приказывалъ бить плетьми, а дома и имущество ихъ или запечатывалъ или забиралъ себъ.

Чтобы не попасть въ руки правительства, "Алтынный Глазъ" постонено имълъ при своей квартиръ стражу и окружалъ себя довъренными людьми. Когда въ Мат 1765 года для поники его въ Масленскій острогь прів-

¹⁾ Впоследствів въ числе бумагь, отобранных у Каменщикова, нашлись два укава, однимъ изъ коихъ (25 Декабря 1761 г.) изв'ящалось о кончива императрицы Елисавсты Пстровны и повелевалось присигать Пстру III.

³) Дмитрій Васильевичь Водковь, при вступленіи на престоль Петра III, быль пазначень тайнымь секретаремь особаго совіта, вст члены коего "думали головой Водкова". Его перу принадлежать грамота дворянству 1762 г., затімь проекть объ уничтоженіи тайной канцеляріи и общирная "записка" объ Оренбургской губерніи, которою онь управляль съ 1762 по 1766 годъ. Эта записка напечатана въ "Оренбургскихъ Губерніскихъ Водомостяхъ за 1859 г. № 50, 52 и 1860 г. № 1.

¹⁾ На допрось въ Оренбургской губернской канцеляріи опъ въ этомъ не сознался (см. пиже). Между тъмъ почти одновременно, среди крестьянъ другихъ деревень Исстской провинціи посились слухи, что Петръ III не умеръ, а живъ и скрывается у Янцкихъ казаковъ. Въ 1763 году въ селъ Чесноковкъ (въ 18 верстахъ отъ г. Уом) попъ и дьячекъ ро овмиліи Осдоровы служили даже благодарственный молебенъ о чудесномъ спасеніи отъ смерти императора Петра III (см. Памят. книж. Уоммской губерніи 1873 г. ч. II, стр. 102).

халъ воммисаръ Калининъ и явился въ домъ, гдѣ онъ жилъ, то "стоявшій на часахъ крестьянинъ Иванъ Шимолинъ" предупредиль его о грозящей опасности, и Каменщиковъ успѣлъ бѣжать.

Разъвзжая по деревнямъ, Каменщиковъ дълаль съ крестьянъ поборы деньгами по 9 коп. съ души, изъ копхъ 6 коп. для себя, а 3 коп. для постоянно находившагося при немъ крестьянина Семена Косенки, его върнаго тълохранителя. Встревоженное угрожающей опасностью, мъстное начальство не разъ посылало для понмки его людей, но Каменщиковъ приказывалъ схватывать ихъ, заключалъ подъ стражу и билъ плетьми. Мало этого, какъ облеченное большими полномочіями лицо, опъ нисколько не странциса предъявлять различныя требованія и къ властямъ, посылая свои грозные ордеры, которые ему сочинялъ и переписывалъ Мерзляковъ, и въ Шадринскую управительскую канцелярію, и къ комисару Окуневскаго дистрикта *).

Влінніс его позрастало съ каждымъ днемъ, и число приверженцевъ день ото дни увеличивалось. Тщетны были всѣ усиліи мѣстиаго начальства захватить преступника. Видимо онъ былъ очень опасенъ для правительства, ибо указомъ Сената отъ 1 Іюля 1765 года было объявлено 50 рублей награды за его поимку, и прощеніе вины, если бы поймавшій его оказался даже главнымъ его сообщимкомъ.

Прослышавъ объ этомъ и, въроятно, предвидя себъ худой вонець, Каменщиковъ ръшилъ сврыться отъ преслъдованія, но самымъ дерзвимъ и страндымъ способомъ. Онъ объявиль врестьянамъ, что уъзжаетъ въ Петербургъ хлопотать за нихъ, и требовалъ выборныхъ, чтобы съ ними вмъстъ подать челобитную. Мужички охотно исполнили его приказаніе. Чтобы еще больше убъдиться въ ихъ полномъ ему повиновеніи и согласіи подать жалобу на обидчиковъ, 500 Масленскихъ и Броневскихъ врестьянъ по его требованію были приведены священникомъ села Охлупіевскаго въ присягъ. Отъ Масленскаго острога и Броневской слободы для принесенія жалобы на заводскихъ прикащиковъ явились выборными Егоръ Проковьевъ и Кирила Ширяевъ, а отъ Буткинскихъ крестьянъ, по дълу о спорной землъ съ Татарами, Семенъ и Никита Телминовы.

Съ этими представителями "міра" и съ женой своей Василисой Лукьяновой Каменщиковъ отправился въ столицу. На пути, въ дер. Починокъ (Казанск. у.), въ день Апостоловъ Петра и Павла, онъ стрълялъ изъ ружья, приказывалъ считать народъ при выходъ изъ церкви и захватилъ съ собой двороваго человъка отставного морского капитана Аристова—Оедора Андреева, объщая представить его Государынъ за то, что онъ донесъ ему, будто тамопиніе помъщики, въ томъ числъ и Аристовъ, хотъли убить его.

По дорогѣ въ Петербургъ, Каменщиковъ выдаваль себя то курьеромъ, то вахмистромъ Бахметевымъ, то "полковникомъ, а по выслугѣ лѣтъ генераломъ" и свободно бралъ себъ подводы и проводпиковъ. Доъхавъ никъмъ не задержанный до столицы, онъ остановился на квартирѣ у монастырскаго

^{*)} Въ то вреия Шадринскъ и Оса входили въ составъ Оренбургской губернів.

писаря Ивана Сажина, который и сочинить ему челобитную въ 48-ми пунктахъ. Отъ Сажина Каменщиковъ перешелъ въ домъ къ помѣщичьему бѣглому слугъ Алексъю Васильеву; но тутъ счастье измѣнило сму: одинъ изъ его сообщниковъ, Никита Телминовъ, прельстясь обѣщанной за него наградой, явился въ главную Полицеймейстерскую Канцелярію и донесъ на него. Каменщикова тотчасъ же схватили вмѣстѣ съ сообщниками, затѣмъ допрашивали въ Главной Полицеймейстерской Канцеляріи а потомъ въ Сенатъ. По какъ изъ допросовъ "о прямомъ его Каменщикова злоумышленномъ намѣреніи не открылось", то Сенатъ отправиль его съ товарищами въ Оренбургъ, предписавъ губериской канцеляріи дослъдовать дъло на мѣстѣ престунленія, судить виновныхъ и обо всемъ донести въ Сенатъ.

Преступники прибыли въ Оренбургъ 8 Марта. Но и здъсь по слъдствію также ничего злонамъреннаго не открылось. На спросъ его, откуда онъ знаеть, что императоръ Петръ III живъ и "проговариваль о томъ Петру Долгихъ и Кузьмъ Мерзлякову", Каменщиковъ отвъчалъ, что зналъ "по увъренію Чебаркульской кръпости казака Копона Бълкина, который-де говорилъ, будто императоръ Петръ тадилъ съ губернаторомъ Волковымъ въ образъ инута, и хота-де онъ Каменщиковъ тому было повърилъ, но какъ увъдомился, что оной казакъ за такое затъйное произпошеніе высъченъ плетьми, то уже и върить не сталъ".

Губернская канцелирія, разобравъ проступки виновныхъ, 18 Октября 1766 года присудила: Каменщикова и Мерзлякова, по наказапіп кнутомъ и выръзаніп поздрей, въ ссылку на Перчипскіе заводы въ тягчайшую работу въчно; Семена Телминова, Федора Андреева, Ивана Шимолина и Сергья Телминова (у котораго Каменщиковъ "стаивалъ" на квартиръ) къ наказанію кнутомъ, Прокофьева же и Ширнева—паказанію плетьми.

Такимъ образомъ кончилась попытка перваго самозванца для возбужденія народа противъ властей. Но въ сердцахъ крестьянъ и казаковъ не могла потухнуть брошенная имъ искра: "живъ Царь - батюшка, защитникъ нашъ", и какъ только въсть о появленіи Пугачова на Яикъ достигла съверныхъ предъловъ Оренбургской губериіи, народъ снова пришелъ въ движеніе.

Излагаемыя въ следующихъ трехъ главахъ событія и особсино числа не совствъ согласуются съ темъ, что мы читаемъ у Дубровина. Правильность своихъ утвержденій предоставляемъ защищать самому автору. Ред.

II.

Слухи о Пугачовъ. — Сборъ войскъ къ Оренбургу. — Дъйсткін Пугачова подъ втимъ городомъ. — Вригадиръ Короъ. — Участь Чернышова. — Мъры къ убійству Самозванца. — Хлочиума и его дъйствін.

Задавнись цёлію писать о Пугачов'й только то, что нев'врно передано прежними изследователями или то, что еще мало изв'єстно, мы не будемь касаться здёсь и повторять еще разъ всю родословную этого самознанца, его появленіе на Яик'й и его первые усп'ёхи до прибытія къ Оренбургу. Изв'єстно уже, что мятежныя д'йствія его оть Яицкаго городка до "столицы

степей" шли такъ скоро и скрытно, что въ Оренбургъ тогда только узнали о случившемся, когда толны митежниковъ стали появляться близъ Бердской слободы. Туть только Оренбургское начальство увидъло необходимость въ ръшительныхъ мърахъ и дало знать о появленіи Пугачова встав подвъдомственнымъ кръпостимъ съ приказаніемъ о немедленной высылкъ отрядовъ для защиты города 1).

По этому приказанію отъ Звърпноголовскаго пъхотнаго батальона былъ командированъ въ Оренбургъ секундъ-маюръ Шкабскій, съ двумя ротами, изъ комхъ одною, за непмънісмъ капитана, командовалъ поручикъ Посиъловъ, авторъ записокъ, на которыхъ мы здъсь основываемся. Отрядъ выступилъ изъ кръпости того же названія 14 Октября 1773 года и продолжалъ путь форсированнымъ маршемъ, нигдъ почти не останавливаясь за исключеніемъ двухсуточной стоянки въ кръпости Верхне-Яицкой з), для пріема денежной казны 3 тыс. рублей на жалованіе и порціонные и гдъ къ отряду были еще прикомандированы, при одномъ казачьемъ сотникъ, сто человъкъ Исстскихъ казаковъ и двъсти человъкъ Башкировъ.

Соединенному отряду этому однако не пришлось дойти до Оренбурга. На пути нолучено было приказаціє: казакамъ Исетсинмъ остаться въ крвпости Орской, а пъхотъ и Башкирамъ идти въ Верхне-Озерную для подкрвиленія ся гарнизона, который состояль всего лишь изъ 80-ти солдать,
"старыхъ и дряхлыхъ инвалидовъ и конфедератовъ", 100 Калмыковъ, 30-ти
Бердскихъ казаковъ и 45-ти человъкъ жителей, "престарвлыхъ отставныхъ
казаковъ и солдатъ, на которыхъ пикоимъ образомъ нельзя было надъяться,
въ случав нападенія на крвпость непріятеля". Но и посланный отрядъ не
пришель туда полностію. По дорогѣ Башкиры разбъжались, и въ Озерную
29 Октября вступили только двѣ роты пъхоты. Однако комендантъ кръпоста
полковникъ Демаринъ былъ радъ и такому подкръпленію "здоровыхъ" силъ
и въ тотъ же день распредблилъ всю прибывшую команду по фасамъ, поручивъ начальствованіе падъ каждымъ особому офицеру.

Тъмъ временемъ Самозванецъ, значительно усилившись толиами Башкирокъ и разной заводской черии, обольщенной его объщаніями освободить отъ крѣностныхъ работъ, собралъ около себя тысячъ 50 войска и двинулся на Заводы з), гдъ, отливъ пушки и тъмъ увеличивъ свою очень илохую артиллерію, снова подступилъ блокировать Оренбургъ, пепрестанно безпокоя его гарнизонъ своими дерзкими приступами и нанося существенный уронъ городу 4).

Бригадиръ Корфъ, слъдовавний на помощь Оренбургу съ вспомогательными командами изъ Троицка, Озерной и другихъ мъстъ, былъ атако-

^{&#}x27;) Заниски поручика Посивлова ("Оренбургскій Губернскій Ведомости" 1869 г. № 26).

²⁾ Ныпа увадный городъ Верхнеуральскъ.

³⁾ Теперь г. Орскъ.

^{&#}x27;) Записки Посивлова. У Пушкина же (Ист. Пуг. Бун. III, 29—30) ноказано, что Заводы взяты Хлонушею, который высладь оттуда Пугачову и артиллерію. Но, какъ увиднив ниже, Хлонуша выпущень изъ острога повже присоединенія въ Пугачову Заводовъ.

ванъ Пугачовымъ почти подъ самыми ствнами города и едва спасся, благодаря только во время высланному изъ Оренбурга отряду, и мятежникамъ достались нъсколько повозокъ, шедшихъ въ хвоств отряда Корфа.

На другой день, 14 Ноября 1773 года, между Оренбургомъ и Чернорвченской крвпостью, Самозванецъ сдвлаль такое же неожиданное нападение на вспомогательный корпусъ изъ Симбирскаго и Ставропольскаго батальоновъ полковника Чернышова, который, совсемъ не ожидая непріятельскаго нападенія, шель безъ всякихъ походно-босвыхъ предосторожностей. Между тъмъ Пугачовъ былъ заранъе извъщенъ о движении этого отряда и заблаговременно съ своей толной засель въ густыхъ кустарникахъ, растущихъ около р. Сакмары по объимъ сторонамъ дороги, по которой лежалъ путь Чернышовскаго отряда, и когда этоть безпечный военачальникъ вошель въ середину засады, мятежники вскии силами разомъ ударили на него 1). Хота Чернышовъ стойко приняль ударъ врага и бился отчаянно, "съ неноколебимымъ мужествомъ"; но численность непріательскихъ войскъ превосходила втрое болъе его отрядъ, и въ концъ концовъ, лишившись артиллеріи, на первыхъ же порахъ схватки отбитой бунтовщиками, онъ принужденъ былъ сдаться²). Посланныя изъ Оренбурга на выручку его войска не усивли придти во время и могли только убъдпться въ оплошности и гибели Чернышова.

Пугачовъ, захвативъ весь отрядъ несчаствато полковника (500 челов. пъхоты при 12-ти офицерахъ 3), мъдныя пушки съ артиллерійскими запасами, денежныя суммы и весь обозъ, съ торжествомъ возвратился въ Берду, гдъ на другой день была расправа съ несчастными плъвниками. Самозванецъ предлагалъ Чернышову вступить въ ряды его войскъ, но мужественный полковникъ съ гордостью отвергъ это позорное предложеніе, публично назвавъ Пугачова измънникомъ и воромъ, и вмъстъ съ другими своими офицерами былъ тотчасъ же повъщевъ.

Ужасъ объядъ всёхъ жителей и военачальниковъ въ Орсибургв, когда было получено извъстіе объ участи Чернышова. Слабый п трусливый до нельви Рейнсдориъ 1) совсёмъ потерядъ голову и не знадъ, на что рёшиться.

^{&#}x27;) Записки Поспедова. Пушкить же (III, 40) принисываеть гибсль Чернышовь измёнё нарочно подосланнаго къ нему Пучановымъ сотцика Падурова. Между тёмъ и по настоящее время Чернорёченская дорога проходить между кустарниками, въ лёсу (хотя теперь уже рёдкомъ), и слёд. показанію Поспедова можно дать болёе вёронтія. Кроме того Пушкинь утверждаеть, что Чернышовъ имёль дёло съ Пугачовымъ ранёс Кореа. (Тоже утверждаеть и г. Дубровинъ). Но г. Мордовцевъ ("Отеч. Записки" 1868 Августъ) въ данномъ случай сходится съ ваписками Поспедова.

ЭВъ свояхъ показаніяхъ Пугачовъ не говорить о сильномъ сопротивленіи, но сообщаеть о томъ, что Чернышовъ хотълъ убъжать переодъвшись въ мужицкое илетье и съвъ на козды свней. Ред.

^{•)} У Пушкина (Ш, 41) въ отрядъ Чернышова на 1500 солдатъ и казаковъ и 500 Квямыкъ при 12 пушкахъ, показано 36 офицеровъ, число коихъ, соображансь съ численностью войскъ, кажется преувеличеннымъ. По запискамъ же Рычкова (стр. 337) было: "солдатъ гариязонныхъ—600, Ставропольскихъ Калмыковъ — 500, да кръпостишхъ казажовъ 100; и того—1200 человъкъ".

Генералъ-поручикъ Иванъ Андреевичъ Рейнсдорпъ былъ Оренбургскимъ губсрнаторомъ съ 1769 по 1781 годъ.

Понимая всю оцасность отъ непріятеля и видя, что предпринимаемыя войсками неудачныя выдазки оканчивались каждый разъ жертвами врагу, уменьшая и безъ того незначительный гаринзонъ Оренбургской крапости. Онъ въ концѣ концовъ надумаль побъдить Самозванца хитростью, которая заключалась ни больше, ни меньше, какъ въ томъ, чтобы тайнымъ образомъ убить Пугачова. Но какъ сдълать это? Заманить Самозванца въ Оренбургъ было нельзя, онъ даже во времи схватокъ не подъйзжалъ близко къ городу; слъдовательно оставался лишь одинъ исходъ: подослать кого-нибудь къ нему, чтобы совершить задуманное діло. Какъ утопающій за соломинку, ухватился Рейнедориъ за эту мысль и употребиль "вев способы къ отысканію такого усерднаго къ отечеству человъка, который бы пожертвоваль своею жизнью кь освобождению города отъ напраснаго разорения и жителей отъ напрасной смерти", такъ какъ можно было предвидеть впередъ, что смельчаку такому казаки не простять убійства ихъ предводителя. "По многомъ старанін", наконець, такой "усердный къ отечеству человікь" отыскался, и гдъ же? Среди "заключенныхъ въ острогъ ссыльныхъ колодниковъ, содержавнихся за разбои и душегубства". То быль извъстный всему Заволжью каторжникъ Хлопуша, судившійся не разъ за свои преступленія. Но это нисколько не помѣщало Рейнсдориу воспользоваться его услугами, такъ что злайшій преступникь и душегубець, благодаря безхарактерности, слабоумію и трусости главнаго начальника кран, вызвался быть спасителемь своего отечества.

Когда Хлопушъ было сдълано это предложеніе, онъ не только охотно, но даже "съ великою клятвою" принялъ его, "объщаясь, по разръшеніи его отъ узъ и по выпускъ изъ города, явясь къ сему злодъю, при удобномъ къ тому случаъ умертвить его соннаго и тъмъ возстановить тишину въ государствъ" *).

— Смерть-де моя, умильно говориль каторжникь, уменьшить влодъйства, за которыя безпрестанно угрываеть меня совъсть, за что, можеть, получу отъ Создателя моего прощеніе гръхамъ моимъ.

Плохо понимавшій по-русски, Німець-губернаторь вполні повіриль искренности льстивых словь разбойника и выпустиль его на свободу въ полной падежді, что онъ неминуемо исполнить свое клятвенное обіщаніе. "Но посуда, нь которой быль деготь, напитавшись его духа, не можеть ничівмь оть него освободиться кромі огня". Такь и этоть извергь, "будучи исполнень всякаго распутства и кровожадности", не могь уже сділаться

[&]quot;) Пушкинь (III, 29) объясняеть, что Хлопуша выпущень Рейнсдорпомъ для распространенія въ Пугачовской шайкі увъщательныхъ манифестовъ. Но врядь ли подобное можеть быть основательно. Для такихъ сравнительно ничтожныхъ в все же не настолько опасныхъ для жизни посланнаго порученій не было никакой надобности выпускать каторжника, который 20 літь разбойничаль въ втихъ краяхъ, три раза ссылался въ Сибирь и три раза бъжаль оттуда. Скорте можно согласиться съ показаніемъ Поспівлова ("Оренб. Губ. В." 1869, № 26), что Рейнсдорпъ, отправляя къ Пугачову Хлопушу, хотиль разонъ отділаться оть обонкъ: Хлопуша убиль бы Самозванца, а казаки убиль бы его.

честнымъ человъкомъ и совершить что-либо полезное, когда не былъ рожденъ для того. И какъ только его освободили отъ оковъ, онъ тотчасъ же забылъ свои клятвы и, явившись къ Пугачову, представился ему върнымъ слугой.

— Я невольникъ, сказалъ опъ Самозванцу, нарочно выпущенъ изъ острога для вашего убійства. По сіе гнусное предпріятіе исполнить не въ состояніи и не имѣю намѣренія, а предаю себя въ ваше милостивое распоряженіе, съ непремѣннымъ объщаніемъ хранить ваше здравіе и служить вамъ со всякою върностію до послъдней капли крови, не жалъп живота моего.

Предводитель мятежниковы быль крайне удивлень такимы неожиданнымы предупреждениемы и особенно чистосердечнымы признаписмы Хлопуши. Оны горячо благодарилы каторжника, обласкалы его, щедро наградилы деньгами и туты же произвель его примо нь полковники, вифривы ему командование нады четыректысячной толной своей разношерстной рати, сы которой потомы послалы его взяты крыпости Пречистенскую, Воздвиженскую и Верхне-озерную.

III.

Хлопуша подъ Верхне-озерной.—Увръпленіе и гарнизонъ ен.—Дъйствія мятежинковъ.— Служи о пораженіе Кара. — Отсутствіе Хлопуши.— Пугачовъ самъ идетъ на Верхнеозерную.—Взятіе Ильинской.—Глосль Исетскихъ казаковъ.—Бомбандировка Озерной.— Возяваніе Пугачова и отвътъ гарнизона его казакамъ.—Послъдния попытка Самозванца завладъть Верхне-озерной.

Первыя дъйствія новаго мятежнаго предводителя были изъ удачныхъ. Хлопуша скоро, безъ всякаго почти сопротивленія, завладъль Пречистенской и Воздвиженской и, усиливъ свой отрядъ гарвизонами этихъ кръпостей, двинулся на Верхне-озерную, которая въ то время представляла видъ четырехугольника съ 8-ю фасами. Укръпленіе ея состояло изъ небольшаго землянаго вала и рва, съ шестью бастіонами и двумя воротами. Расположена была она на мъстности ровной, окруженной съ одной стороны озеромъ, а съ двухъ другихъ большими и крутыми оврагами.

Комендантъ кръпости, полковникъ Демаринъ, былъ человъкъ опытный, боевой. Мало надъясь на върность, стойкость и храбрость кръпостныхъ защитниковъ, особенно же Башкировъ, Калмыковъ и казаковъ, онъ размъщалъ послъднихъ по фасамъ такъ, чтобъ они были всегда между солдатами прибывшихъ ротъ Звърпноголовскаго батальона. Такъ, напримъръ, у поручика Поспълова на бастіонъ по серединъ куртины, примыкавшей къ большому оврагу съ Оренбургской стороны, стояло 25 солдатъ и 45 человъкъ Башкировъ, Калмыковъ и казаковъ, и какъ только, но время сраженія, ктолибо изъ нихъ проявлялъ попытку къ измънъ, солдаты кололи и били его "безъ всякаго помилованія". Распоряженіе это ни для кого не было тайной и впослъдствіи имъло хорошія послъдствія. Инородцы боялись своихъ больше, нежели непріятеля, и потомъ, во время двухъ мятежныхъ нападокъ, хотя и дрались съ бунтовщиками не особенно стойко и охотно, но уже не выходили изъ повиновенія своимъ начальникамъ.

Постоянная опасность, угрожавшая Верхие-озерной отъ Пугачовевихъ полчищь, была такъ велика, что гарнизонъ, не неключая и фасныхъ командировъ, всю осень и зиму 1773 года провелъ въ землянкахъ, нарочито вырытыхъ въ криностномъ валу, такъ что криность постоянно находилась въ полной готовности къ встричв врага.

Хлонуша зналъ объ этомъ и, чтобъ обмануть бдительность гарнизона, подступилъ къ Верхне-озерной "въ ночь на 18-е Ноября" *) и, подъ прикрытіемъ темноты, усивль разставить артиллерію, чтобы потомъ, разомъ открывъ огонь со всёхъ сторонъ, сбить противника и, не давъ ему времени опомниться, тотчасъ же начать приступъ, для чего въ имъвшихся по объчить сторонамъ крепости оврагахъ залегли на штурмъ остальные митежники.

Планъ былъ составленъ умёло. Приготовленія бунтовщиковъ велись такъ тихо, что въ крепости ничего не было слышно. И очень легко бы нечаянное нападеніе это увенчалось успёхомъ, если бы одинъ изъ мятежниковъ, въ разстояніи не боле ста шаговъ отъ вала, не выстрёлилъ и темъ не подалъ сигнала наружнымъ часовымъ крепости, которые, услышавъ его, тотчасъ же дали знать полковнику Демарину, ударили тревогу; гарнизонъ встрепенулся и подъ ружьемъ занялъ свои мёста.

Такимъ образомъ, благодари самому незначительному обстоятельству, надежды Хлопуши не оправдались. Замътивъ въ кръпости шумъ и возню, онъ отказался отъ мысли тотчасъ же, т. е. ночью, дълать приступъ и открылъ только сильный артиллерійскій огонь, продолжавшійся до самвго разсвъта, хоти безъ всикаго вреда для гарнизона. Это много помогло осажденнымъ собраться съ силами и грудью дружно встрътить врага. При ночномъ же нападеніи мятежниковъ, пользунсь темнотой, всъ тъ, на върность коихъ была плохая надежда, свободно бы передались бунтовщикамъ, и кръпость конечно была бы взита.

На учащенную пальбу противника гарнизонь, въ свою очередь, чтобы не остаться въ долгу и не показать своихъ слабыхъ сторонъ, также отвъчаль выстрёдами, но только "жалостными холостыми зарядами", сберегая боевые, въ которыхъ ощущался сильнайшій недостатокъ, до болье рашительныхъ минуть.

Съ наступленіемъ дня міткость непріятельскихъ орудій значительно увеличилась, нанося существенный уронъ гарнизону, особенно изъ одной пушки, поставленной противъ бастіона посрединѣ куртины. Хотя отъ губительнаго огня ея защищаль кріпостной валь, куда чаще всего ложились непріятельскій идра, однако перелеты давали себя чувствовать стоявшимъ позади кріпостной батарен, "Калмыцкимъ людямъ", вырвавъ изъ нихъ нѣсколько человікъ убитыми. Два-три удачныхъ выстріла изъ кріпости заставили, наконецъ, не только замолчать эту пушку, но повредили се такъ, что мятежники принуждены были убрать се съ позиціи. Въ это время, противъ угловаго бастіона, за небольшой, на-половину врытой въ землю, избой, явилась другая пушка, выстрілы которой еще больше приносили вреда осажденнымъ, а заставить

^{*) 23} Ноября по Дубровину. Ред.

ее замолчать было довольно трудно, такъ какъ мятежники, сделавши изъ нея залиъ, тотчасъ же укатывали за избу, гдв, зарядивъ, снова ставили на мъсто. Долго връпостные канониры мучились сбить ее съ боя. И въ кондъ концовъ, выбравъ минуту, когда бунтовщики устанавливали ее на линіи огня, мътко прицълплись: грянуль выстръдъ, и часть митежной пушки отлетыла въ сторону. Непріятель въ силу необходимости принужденъ быль прекратить пальбу. Тогда съ объихъ сторонъ началась сильнъйшая ружейная перестрълка. Засъвшін въ оврагахъ толпы мятежниковъ нъсколько разъ бросались на приступъ, но каждый разъ встръчались крвпостной картечью, оставляя позади себя груды мертныхъ тълъ. Мятежникамъ не въ моготу было наступать подь убійственными выстралами. Они прекратили штурмовое движеніе и снова засёли по оврагамъ, зачастивь отгуда стрёдами изъ луксвъ 1) и выстрылами изъ ружей и орудій, не причинявшими никакого вреда осаждаенымъ, должно быть, потому что непріятельскіе канопиры были плохими артиллеристами или же, какъ завербованные силой изъ взятыхъ Хлопушею крипостей, не хогили вредить своимъ. Какъ бы то ни было, но много орудійных в ядеръ не долетало до крвности, а еще того больше перелетало за крапость въ необъятную степь.

Видя такую неудачу и, очевидно, не желая по пусту терять зарядовъ, Хлопуша еще разъ ръшился на отчаянный приступъ, но также всюду, на всъхъ фасахъ отражаемый мъткими выстръдами, не имълъ успъха и съ значительнымъ урономъ, передъ закатомъ солнца, принужденъ быль отступить отъ кръпости.

Какъ велика была потеря мятежниковъ, этого не удалось узнать осажденнымъ, но, должно быть, не малая, если самъ Хлопуша старался скрыть это и, передъ вторымъ (последнимъ) приступомъ, велель собрать тела своихъ убитыхъ и закопать ихъ въ такомъ месте, где бы ихъ нельзя было отыскать противнику. Съ нашей же стороны было убито: 1 капралъ, 1 солдатъ, 3 казака, 1 Башкирецъ, две женщины внутри крепости, и ранено девять человекъ.

Следующую ночь (т. е. на 19-е Ноября), хотя мятежниковь уже не было видно по близости, гарнизонъ Верхне-озерной провель, не смыкая глазъ, въ еще большей тревогъ, чемъ наканунъ. Вдали слышались сильные раскаты пушечныхъ выстредовъ, заставляя крепостныхъ жителей трепетатъ въ непрестанномъ ожидании снова увидъть врага и недоумъвать, гдъ, у кого и съ къмъ происходила схватка. Только на утро загадка эта разъяснилась.

Пугачовъ, стоявшій еще въ Бердь, узнавъ о приближеніи генерала Кара ³), спѣшившаго съ своимъ отрядомъ на помощь къ Оренбургу, встрѣтилъ его со всей своей ратью верстахъ въ ста отъ города и нечаяннымъ нападеніемъ привелъ въ такой невыразимый ужасъ отрядъ, что солдаты, по-

^{&#}x27;) Башкары и другіе инородцы были нооружены стралами, луками, коньями, топорами и даже просто кольями.

¹) Атаковалъ Кара подъ деревнею Юзеевой не Пугачовъ, а Овчинянковъ, 9 Ноября (Дубровинъ). Ред.

бросавъ оружье, передались на сторону Самозванца и выдали ему руками всъхъ офицеровъ, которые потомъ были повъщены. Самъ же Каръ едва могъ спастись бъгствомъ ¹).

Между тъмъ Хлопуша, покинувъ Озерную, направился въ Берду, предварительно завернувъ къ Кондуровскимъ Татарамъ ²) и приказавъ имъ поддерживать блокаду Верхис-озерной впредъ до его прибытія съ новыми силами для окончательнаго ея разгрома.

Положеніе крѣпости было самое плачевное. Татары эти соединились съ Башкирами и день и ночь своими набъгами тревожили гарнизонъ. Всъ сообщенія съ окружающею мъстностью были прерваны. Не представлялось положительно нивакой возможности вытъхать изъ кръпости за хлъбомъ, за дровами или за кормомъ для лощадей. Бунтовщики сожгли все обывательское съно, вслъдствіе чего скотъ умираль голодной смертью. Если же ктонибудь ръшался выъзжать изъ кръпостныхъ стънъ, чтобы накосить камыша для своей скотины, мятежники, скрывавщіеся въ кустахъ, захватывали такихъ смъльчаковъ въ плънъ и тутъ же убивали на мъстъ.

Черезъ восемь дней Верхне - озерную постигло еще большее несчастіе. Пугачовъ, воротившись послѣ пораженія Кара въ Берду и узнавъ туть отъ Хлопуши з) о постигшей его неудачѣ, вскипѣлъ неукротимымъ гнѣвомъ противъ "царской" ослушницы и, чтобы достойно наказать ен слабыхъ защитниковъ, нисколько не мѣшкая, увеличилъ толпу Хлопуши еще 3-мя тысичами "разной сволочи", самъ принялъ надъ ней командованіе и двинулся къ Верхне-озерной. На пути онъ, однако, перемѣнилъ свое намѣреніе и виѣсто этой крѣпости пошелъ къ Ильинской, гдѣ гарнизонъ состоялъ всего изъ двухъ ротъ пѣхоты, подъ начальствомъ коменданта маіора Заева и небольшаго числа казаковъ.

Здесь Самозванець появился также совершенно неожиданно и тотчась началь приступь, предварительно открывь сильный орудійный огонь. Бой продолжался "съ угра и съ вечера", и хотя гарнизонь упорно защищался, но численное превосходство непріятельскихъ силь победило его мужество, и крёпость пала, чему больше способствовало еще то, что вмёсто землянаго вала она "была обнесена ветхимъ деревяннымъ заплотикомъ", который, бу-

¹⁾ Въ "Ист. Пуг. 6." III, 39, разсказано такъ: "Каръ целые восемь часовъ отстреживался изъ своихъ пяти пушекъ, бросилъ свой обовъ и потеряль (если верить его донесенію) не более 120 человекъ убитыми, ранеными и бежавшими". Но Пушкинъ самъ сомневался въ верности донесенія Кара. Г. Мордовцевъ же (Самозванцы, І, 169) говоритъ, что подробности о пораженіи Кара до сихъ поръ у насъ никому не известны. Обв пріурочиваютъ это пораженіе прежде гибели Чернышова, что явно противоречитъ могическому выводу, такъ какъ Чернышовъ былъ посланъ изъ Симбирска ранее Кара, и вто подтверждается приведенными Пушкинымъ записками Рычкова (350—351).

^{*)} Кондуровская Татарская слобода, нына Кондуровскій казачій поселокъ Орскаго удада, основана въ 1745 г. на р. Сакмара, близъ кр. Воздвиженской.

³) Пушкинъ (III, 39) увърнетъ, что Хлопуша ранъе соединился съ Пугачовымъ и принималъ виъстъ съ нимъ участіе въ пораженіи Кара, чего на самомъ дълъ не могло быть.

дучи не въ состояніи выдержать непріятельскую канонаду, быль скоро сбить до основанія 1).

"Певозможно изобразить вкорененной злобы и варварства сего злодвя, какое онь оказаль при взитіи сей несчастной крипости", повиствуеть поручикь Поспиловь. "Маіора Заева и всихь не токмо офицеровь, но и унтерьофицеровь и капраловь, словомь всихь большихь и малыхь чиновниковь, приказаль повисить, а иныхь и другимь разнымь смертямь предать, равно-жы и изь солдать оставиль самую малийшую часть. Сверхь же сего, безчеловичный сей извергь не могь удовольствоваться и насытить кровожаждущую душу свою мщеніемь немалаго числа мужескаго пола людей, но предаль и всихь женщинь смерти, не щади при томъ малыхь дитей и беззлобивыхь младендевь" 2).

Захвативъ потомъ вей денежныя суммы, какія были въ криности, провіанть, вей съйстные принасы, артиллерію, ружья, порохъ, въ которомъ особенно пуждался, и отправивъ все это окольными путями въ Берду, Пугачовъ пе оставилъ камня на камнѣ въ Ильинской "обративъ ее въ пепель, такъ что ни кола не осталосъ", и на другой день выступилъ съ намъреніемъ идти на Озерную, чтобы также, по примъру первой, и эту стереть съ лица земли; но Провидъніе Божіе сохранило ее и на этотъ разъ.

Следуя туда, Самозванси в получиль известіе, что въ Оренбурге открылся сильнейшій голодь и поэтому генераль Рейнсдорнь выслаль изъ города 500 Исетскихъ казаковъ в подъ пачальствомъ атамана Севастьянова, которые, возкращаясь въ свои станицы, шли по тракту на Орскъ и на ночь съ 24-го на 25-е Ноября должны были остановиться въ крености Красноярской в 74 верстахъ отъ Оренбурга.

Пугачовъ несказанно обрадовался этому извъстію и вмъсто того, чтобы идти на Озерную, вторично оставилъ ее въ сторонъ и повернулъ на Кондуровскую слободу, гдъ, нереночевавъ, на другой день двинулся къ Гирьяльскому редуту (между кръп. Озерной и Красногорской), чрезъ который лежалъ путь казачьяго отряда. Онъ не дошелъ нъсколько верстъ до селенія, чтобы удобнъе было слъдить за казаками и остановился на сосъднихъ горахъ.

Ничего не предвидя опаснаго, Исетцы безпечно, безъ всякихъ предосторожностей, вступили въ укръпленіе, и часть ихъ, по распоряженію Севастьянова, отправилась за съномъ. Этимъ случаемъ не замедлилъ воснользоваться все время слъдившій за ними Пугачовъ и, какъ только посланные

⁴⁾ По "Ист. Пуг. б." (IV, 45—47) Ильнеская взята Хлопушей и оставлена цълой, а 27 Ноября Пугачовъ еще разъ подступаль къ пей, разрушиль ее и затимъ пошелъ на Озерную.

²⁾ Пощаду получилъ лишь капитанъ Башаринъ, такъ какъ солдаты его роты упросили Пугачова простить его за то, что "онъ въ ихъ солдатскихъ нуждахъ не оставлялъ ихъ". Ред.

³⁾ Исетскіе казани, косвенно подчинявшієся Оренбургскому войску, населяли Исстскую провинцію, состоявшую въ то время изъ уфздовъ Челябинскаго, Шадринскаго, Окуневскаго, Картамышевскаго и Увельскаго.

⁴⁾ Красноярскан или Красногорскан криность, ныпи Красногорскій поселокъ Оренбурскаго войска, расположена на томъ самомъ мисти на берегу р. Уража, гди 1-го Августа 1741 г. былъ задоженъ г. Оренбургъ.

фуражиры скрылись изъ вида, быстро подступилъ къ редуту, окружилъ его со всёхъ сторонъ и потребоваль отъ оставшихся казаковъ сдачи. Застигнутые врасплохъ, полуголодные вояки бросили оружіе и безъ всякаго сопротивленія покорно отдались на волю побёдителя, моля о помилованіи. По этому варвару были чужды порывы состраданія и милосердія. Пе нзирая на просьбы ихъ, онъ тутъ же приказаль пов'єсить атамана, есаула и всёхъ офицеровь, оставивъ лишь простыхъ казаковъ, да и т'вхъ, должно быть, не над'ясь на ихъ в'врность ему, привель къ присягъ и распред'ялилъ между своими толпами 1).

Между тъмъ посланные на фуражировку казаки (около 30 человъкъ), нагрузили съномъ телъги и медленно возвращались къ редуту. По, замътнвъ еще издали что-то неладное, рыскавшихъ кругомъ укръпленія какихъ-то всадниковъ, они смекнули въ чемъ дъло, побросали воза и давай Богъ ноги—около полуночи прибъжали къ Верхне-озерной.

Полковникъ Демаринъ, боясь измѣны, долго не соглашался впустить ихъ въ крѣпость, не смотря на то, что разсказы ихъ дышали чистосердечнымъ признаніемъ и заслуживали полнаго въроятія; а потому, хотя они и были впущены, но изъ предосторожности ихъ посадили въ пустой погребъ, дверь коего завалили снѣгомъ и къ погребу приставили караулъ, чтобы, въ случаѣ нападенія непріятеля, казаки эти не могли передаться мятежникамъ или сообщить имъ о недостаткахъ гарнизона. Крѣпость съ этого дня приняла всѣ мѣры предосторожности и защиты, такъ какъ не было уже ника-кого сомнѣнія, что Пугачовъ теперь пойдетъ на Озерную, до которой отъ Гирьяльскаго редута было всего 21 верста, и дъйствительно нестройным толпы мятежниковъ не замедлили появиться подъ стѣнами ея.

Покинувъ "въ 3 часа по-полуночи" редутъ Гирьяльскій, Самозванецъ уже на разсвътъ наступающаго 26-го Ноября в) былъ въ виду гарнизона Озерной. Онъ остановился верстахъ въ двухъ, расположился съ своими "главными силами" на горъ съ Оренбургской стороны "на значительныхъ интервалахъ", "а среди горы" в) поставилъ Башкирцевъ и другой почти ничъмъ невооруженный сбродъ, которому приказалъ "инсатъ", чтобы тъмъ нагнатъ "паническій страхъ" на осаждаемыхъ. Но маневръ этотъ не имълъ никакого успъха: главныя силы противника, разбросанныя по горъ нъсколькими отрядами, не производили внушительнаго вида своею численностію и за отдаленностью отъ кръпости казались "маленькими кучками"; гиканье же трусливыхъ Башкировъ совсъмъ не достигало гарнизона, чтобы могло напугать его.

¹⁾ Въ "Самозванцахъ" (I, 160) о голодъ Оренбургскомъ описывается такъ: "А между тъмъ Оренбургъ чувствуетъ недостатокъ въ принвсахъ, высылаетъ сильный отрядъ на фуражировку, и ивъ этого отряда въ стычит съ толнами Пугачова погибаетъ разомъ 300 человъкъ". Не объ Исетскомъ ли отрядъ говоритъ г. Мордовцевъ?

³⁾ Пушкинъ говорить, что Верхне-озерная осаждалась два раза и показываеть, что во второй разъ Самозванецъ подощель въ ней 30-го Ноябри. ("Ист. Пуг. б., IV, 47); а у г. Мордовдева совстить натъ пикакихъ свъдъній объ этомъ.

 [&]quot;Свади горы" должно понимать по отношенію къ кріпости, а не отряда Пугачова.

Простоявь такимы образомы съ четверты часа безы всякаго результата, Пугачовы сталы спускаться вы оврагы, который, начиналсь вы 30 саж. оты часа по средины куртины, тянется версты на десяты кы стороны Оренбурга. Оны былы настолько широкы и глубокы, что, спустившись вы него сы своей арміей, Самозванецы скрылся изы глазы слёдившаго за нимы гарнизона.

Предводитель мятежниковъ снова пустился на хитрости. Раздъливъ толны свои на дий части и поставивъ одну противъ другой, онъ приказалъ имъ открытъ съ объихъ сторонъ сильную перестръдку, желая, видимо, обмануть защитниковъ Озерной, что на его армію будто бы напали правительственныя войска и такимъ образомъ возбудивъ рвеніе въ осаждаемыхъ, хотълъ вызвать ихъ въ поле, чтобы окружить со всъхъ сторонъ и захватить въ плънъ. Гарнизонъ Озерной дъйствительно былъ пораженъ такимъ маневромъ Самозванца, и полковникъ Демаринъ долго колебался, не зная, на что ръшиться: сдълать ли, пользуясь этой "сумятицей", неожиданную вылазку на противника и обратить его въ бъгство, или же держаться выжидательнаго положенія. Послъ "нъкотораго размышленія", онъ призналь послъднъе болъе раціональнымъ и тъмъ спасъ кръпость.

Отвлекая вниманіе гарнизона мнимымъ сраженіемъ, Пугачовъ однако не оставался въ бездъйствіи и постепенно готовился къ приступу. Опъ оставиль часть своихъ войскъ въ первомъ оврагѣ, приказалъ спѣшиться остальнымъ толпамъ и, позади пригорковъ, провелъ ихъ въ другой окрагъ, съ противоположной стороны крѣпости такъ тихо и скрытно, что осажденные даже не замѣтили этого движенія.

Занявъ "противъ угловыхъ бастіоновъ съ лицевой стороны" двъ небольшихъ горки, въ ста саженяхъ отъ кръпости, и поставивъ на нихъ свои единороги, противникъ разомъ изъ всъкъ орудій открыль по кръпости сильную конопаду. Послъ каждаго выстръла мятежники увозили орудія за пригорки, заряжали ихъ тамъ и потомъ снова, безъ всякаго для себя урона, ввозили на гору для новаго залиа.

Вскорт, окруженный свитой человъкъ въ 50 Янцкихъ казаковъ между пушками показался самъ Пугачовъ "подъ криснътмъ знименемъ и "проъзжан очень тихо мимо кръпостныхъ стънъ, останавливался на нъкоторое время для переговоровъ съ осаждаемыми". Тълохранители его кричали кръпостнымъ жителямъ:

"Эй вы, солдаты, казаки, Калмыки, Башкирцы! Взирайте всё, взирайте на своего государя Петра Федоровича! Воть онъ изволить шестковать подъсимъ знаменіемъ. Пе мёшкайте и сдавайте крёпость и вашихъ начальниковь! Вамъ никакого озлобленія не будеть учинено: государь милосердь, прощаеть васъ во всёхъ вашихъ преступленіяхъ; а ежели вы не учините сего, то почувствуете всю тяжесть его монаршаго гнёва по взятіи сей крёпости".

Паши солдаты съ презрвијемъ отвергли это позорное предложение.

— У пасъ пъть государя, "съ поносительствомъ" отвъчали они имъ; всъ мы знаемъ, что Петра Өедоровича давно на свътъ нътъ. Всему госу-

дарству извъстно, онъ представился и погребень въ Петербургъ. У насъ нынъ императрицей Екатерина Алексъевна, государыня благоразумная, кроткая и милосервная. Мы всъ ее любимъ и за нее стоимъ и стоять будемъ до послъдней капли крови. Очувствуйтесь лучше вы, Яицкіе казаки! Смягчите злостью наполненныя сердца ваши! Посмотрите кому вы служите, кого называете государемъ? Сей есть воръ и извергъ рода человъческаго, съ Дону простой казакъ Емелька Пугачовъ, который и къ вамъ присталъ къ такимъ же ворамъ , и проч. 1).

Можеть быть, отвъть этоть принадлежаль офицерамь, а солдаты только повторяли за ними; но во всякомъ случат ръзкія и правдивыя слова эти не пришлись по сердцу Пугачовцамь, и они стали стращать гарнизонъ угрозами, объщаясь отомстить встамь посла взятія Озерной. Потомъ начали кричать Исетскимъ казакамъ: "Эй вы, Исетскіе казаки! Съ чъмъ вы посланы сюда, чтобы по сіе время молчать и не исполнять даннаго вамъ приказанія? Что мъшкаете! Что не зажигаете кръпость?"...

Оскорбленные поношеніемъ и ругательствами мятежниковъ, солдаты наши открыли по нимъ ружейный огонь; "но Богу, видно, угодно было, гръхъ нашихъ ради, попустить сего злодъя для нашего наказанія: не только его, но и единаго человъка изъ его свиты трафить не могли, и они остались безъ всякаго поврежденія^{4 2}).

Свита Пугачовская отхлынула и, миновавъ крѣпость, спустилась въ "Малый" опрагь, откуда бунтовщики открыли учащенный ружейный огонь. Но такъ какъ опрагъ былъ слишкомъ глубокъ, то для выстрѣловъ имъ приходилось выбъгать наружу, гдъ они терпъли пораженіе отъ мъткаго огня съ крѣпости, чъмъ скоро охладился ихъ пылъ.

Вида значительную убыль своей армін и принимал во вниманіе близкое разстояніе оврага отъ крипости, Самозванецъ, наконецъ, приказалъ своимъ толпамъ идти на приступъ.

. — Грудью, други, грудью! поощрядъ онъ ихъ.

Но никто не трогалси съ мъста,

— Сунься-ка самъ! Рази не видишь, какъ намъ пули въ лобъ придетають? отвъчали ему его "подданные".

Въ тоже самое время изъ непріятельскихъ пушекъ, поставленныхъ противъ угловыхъ бастіоновъ, открылась безпрерывная пальба, которая въ началѣ была почти недъйствительной, но когда туда явился Пугачовъ и перепоролъ нагайками въ виду кръпости вредъ осаждаемымъ, особенно стрвлы послъднихъ стали наносить сильнъе вредъ осаждаемымъ, особенно

¹) См. Орен. Губ. Въд. 1869 г., № 26.

^{*)} Тамъ же, запески Посийлова. Мы нарочно останавливаемся на этихъ подробностяхъ, чтобы показать пріемы военныхъ дъйствій Самовванца.

³⁾ Вотъ накова была тактика Пугачова, и г. Мордовцевъ (Самозванцы, I, 193) напрасно увърнетъ, что "всъ распорижении Пугачова основаны на правилакъ военнаго искусства и исполняются по этимъ правиламъ. Его войска преданы ему и корошо дисциплинированы"...

пока на батареяхъ присутствоваль самь Пугачовъ и указывалъ канонирамъ стрълять вдоль по куртинамъ. Очевидно, онъ былъ близко знакомъ съ тъмъ "моральнымъ впечатлънісмъ", какое производило дъйствіе артиллерійскаго огня во флангъ.

Такое распоряжение было не безусившно. У осажденных в оказался значительный уронъ, и многие упали духомъ. Прежде вевхъ смъщались Калмыки и, оставивъ кръпостныя ствны, бъжали укрыться въ землянки, вырытыя въ валу. Демаринъ приказывалъ выгонять ихъ оттуда. Въ кръпости поэтому начались безпорядки. Пугачовъ, види это, ръшилъ воспользоваться минутой и снова двинулся на штурмъ; но встръченный сильнымъ артиллерийскимъ и ружейнымъ огнемъ, принужденъ былъ отступить съ урономъ обратно въ овратъ и болъе на приступъ уже не отваживался.

По отбитіи этого штурма полковникь Демаринъ сосредоточилъ артиллерійскій огонь противъ непріятельскихъ батарей и, прецятствуя правильному дъйствію ихъ, мъткостью кръпостныхъ выстръловъ заставиль непріятеля сняться съ позиціи и прекратить канонаду. Дъйствіе артиллеріи уже не возобновлялось болю, за то ружейная пальба не прекращалась съ объихъ сторонъ до самой ночи.

На другой день, всявдствіе своего неуспъха, Пугаловь отступиль отъ кръпости, объщаясь прибыть къ ней съ свъжими силами, чтобы пепремънно разорить ее до основанія безъ всякой пощады гарнизону.

Послѣ его отступленія заключенные въ погребъ Псетскіе казаки были выпущены п подвергнуты самому строгому допросу относительно воззванія Пугачовской свиты по поводу подсыла ихъ для зажженія крѣпости во время нападенія Самозванца. По казаки клятвенно отреклись отъ всякаго участія въ этомъ дѣлѣ и были освобождены изъ подъ ареста.

IV. *)

Осада Кондуровскими Татарами Верхне-озерной. — Недостатокъ провіанта. — Посыдка за нимъ въ кр. Орскую. — Состояніе втой крапости. — Извастіе о пораженіи Пугачова ки. Голицынымъ. — Разореніе Кондуровской слободы. — Посылка поручика Поситлова за мукой въ Башкирію и его возвращеніе. — Набати Киргизовъ на Орскую и другія крапости.

Пообъщавъ снова вернулся къ Озерной, Пугачовъ не оставилъ ся безъ наблюденія. Пензивнные союзники его Кондуровскіе Татары и Башкиры опять окружили кръпость и безпрестапно безпокоили ся гарнизонъ скоими дерзкими набъгами. Дъйствія ихъ для осажденныхъ были, пожалуй, опаснъе, чъмъ самъ Пугачовъ съ своей ратью, такъ какъ не проходило дня, особенно праздничнаго, чтобы они не сдълали нападенія, разсчитывая на оплошность ся защитниковъ. И эти набъги продолжались до тъхъ поръ, пока не выпаль глубокій снъгъ, который, препятствуя дъйствіямъ Татаръ враз-

^{*)} Прошу читателей обратить вниманіе на вту главу, содержаніе воей не было швайство ни Пушкину, ни Мордовцеву, ни м'ястному историку Р. Г. Игнатьску, ни другамъ.

сыпную, заставиль ихъ отступить оть крѣпости. Къ этому примѣшалось другое "и пемалое несчастіе"—недостатовъ провіанта, который "долженствовало перевозить изъ Орской крѣпости (въ разстояніи 150 версть отъ жительствъ и дороги"), а какъ крѣпость "содержалась въ безпрестанной блокадъ, то послать за онымъ (провіантомъ) отъ сего было не можно", почему жители и гарнизонъ "пришли въ крайнюю нужду" *).

Таково было положеніе Верхне-озерной во время осады ся Татарами и Башкирами. Всё пути до Орска, грё въ то время находился генералъ Станиславскій, были захвачены мятежниками. Чтобы посылать туда за провіантомъ, прямо нужно было рисковать посланными людьми. Демаринъ кличъ кликнулъ", и на зовъ его откликнулись "охотниками" два казака, которые за 25 рублей каждый согласились доставить къ генералу Станиславскому "требованіе о провіантъ". Охотники были выпущены изъ крёпости ночью пъшколъ, и имъ было приказано "слёдовать позади рёки Яика по возможности безопасными мёстами" и только по ночамъ, дабы не попасться въ руки непріятелю или Киргизъ-Кайсакамъ. Черезъ 10 дней, потериёвъ "задержку отъ стужи и Киргизовъ", казаки прибыли въ Орскъ и явились къ коменданту.

Генераль - маіоръ Станиславскій, получивь оть Демарина скорбную пъсть о непремінной и скорбішей присылкі провіанта, такь какь "въ случає промедленія невозможно будеть защищать" Озерную, тотчась же распоридился отправить туда муки, крупы, овса "на 85-ти подводал», положа на каждую только по див четверти", изъ опасенія большой тижестью обременить слабосильных лошадей, которымь предстояль бездорожный путь. Транспорть отправился подъ прикрытісмъ роты мушкатерь, при двухъ сдинорогахь, и "кь великому порадованію" жителей прибыль въ Озерную 8-го Января 1774 года.

По продовольствія этого могло достать не надолго. Поэтому полковникть Демаринъ носыдаль въ Орскъ за провіантомъ еще два раза. Послѣдній разъ быль посланъ поручикъ Поснѣловъ и какъ нарочно, при обратномъ его слѣдованіи въ Озерную съ провіантомъ, генералъ Станиславскій отказаль ему въ конвов, потому что крѣпость эта въ это время находилась въ самомъ тревожномъ состояніи. Гарнизону и жителямъ грозила опасность со стороны Орскихъ казаковъ, жившихъ при крѣпости отдѣльнымъ "форштадтомъ". Они, въ надеждѣ, что Станиславскій дастъ подъ свозъ провіанта значительное прикрытіе, надумали воспользоваться этимъ благопріятнымъ случаемъ и послали къ Пугачову нарочныхъ, чтобы онъ немедленно спѣпилъкъ нимъ на условленное мѣсто, предварительно бы увѣдомивъ о своемъ приближеніи, чтобы они могли заранѣе ночью перебить всѣхъ солдать, разставленныхъ у нихъ по квартирамъ. Замыселъ заговорщиковъ не удался лишь потому, что одинъ изъ пихъ, почти въ туже минуту, какъ были отправлены гонцы къ Самозванцу, явился къ генералу Станиславскому и разска-

^{*)} Записки Посивлова. (Орен. Губ. В. 1869, № 27).

залъ ему обо всемъ. Послъдній тотчасъ же приказалъ перевязать всъхъ казаковъ, "остани только малыхъ ребятъ" и, забивъ въ колодки, посадиль нъ винный погребъ, вырытый въ горъ 1), откуда предварительно выбрали вино. Въ погоно же за посланными былъ командированъ офицеръ съ 20 драгунами, которые на четвертый день догнали ихъ и, отобравши у пихъ письмо къ Пугачову, представили къ коменданту. И хотя потомъ измънники эти, "при допросахъ, кои чинены имъ пристрастно съ великимъ истязаніемъ, и чинили во всемъ запирательство, но привезенное письмо явно изобличало ихъ измъну, за что, къ чувствительному наказанію, генералъ приказалъ всъ дома ихъ разломать до основанія и раздать жителямъ".

Такимъ образомъ Поспъловъ долженъ былъ отправиться съ транспортомъ безъ всякаго прикрытія, если не считать вантыхъ имъ изъ Озерной 25-ти Калмыковъ, на защиту коихъ была плохая надежда, и онъ "ясякую минуту былъ въ величайшей опасности, ожидая злодъйскаго нападенія".

На четвертый день пути, пройди разоренную Пугачовымъ Пльинскую кръпость, Поспъловъ замътилъ вдали двухъ верховыхъ казаковъ, ъхавинхъ по направленію отъ Верхне-озерной къ пему. Думан, что это разъъздъ изъ какой нибудь Пугачовской шайки, онъ пріостановился и послалъ впередъ двухъ Калмыковъ узнать и разспросить, что это за люди, откуда они, и если окажутся лихими влодъями, немедленно донести ему. Но верховые эти оказались Озернинскими казаками, отправленными полковникомъ Демаринымъ на-встръчу транспорта съ радостнымъ извъстіемъ о пораженіи генераломъ Голицынымъ Пугачова подъ Татищевой кръпостью. Демаринъ писалъ Поспълову, что князь Годицынъ, разбивъ Самозванца, гналъ его до Сакмарскаго городка, что все пространство отъ Татищевой до Сакмарска устлано трупами мятежниковъ и что столица Пугачова Берда вся пстреблена и состоитъ теперь подъ въдъніемъ Оренбурга, а самъ "злодъй бъжалъ и гдъ нынъ скрывается, неизвъстно" 2).

Полковникъ Депаринъ воспользовался этимъ случаемъ и, "ища свою сатисфакцію въ отомщеніе за безпокойство" Верхне-озсрной Кондуровскими Татарами, двинуль на ихъ слободу 100 челов, солдатъ и 50 Калмыковъ и казаковъ при одномъ капитанъ и двухъ субалтернъ-офицерахъ, приказавъ

¹⁾ Должно быть въ горъ Преображенской.

^{*)} Посивловъ въ своихъ вапискахъ, основываясь на ордерѣ въ нему полкованка Демарина, указываетъ днемъ пораженія Пугачова S-e Марта. (См. "Оренб. Губ. Въд." 1869, № 27). Очевидно, это или описка или опечатка за неразборчивостью рукописи, такъ какъ первая побъда кн. Голицына надъ скопищами Пугачова подъ Татищевой точно установлена—22-го Марта. Но здѣсь приходится замѣтить разногласіе въ числахъ относительно освобожденія г. Оренбурга отъ осады: Пушкинъ (У, 66—67) говоритъ, что кн. Голицынъ прівхалъ въ Оренбургъ 26-го Марта 1774 г. и, слѣдовательно, съ этого времени Оренбургъ освободился отъ полчищъ бунтовщиковъ, ибо ипаче какинъ образоиъ кн. Голицынъ могъ проѣхать къ нему? Рычковъ указываетъ прівьдъ Голицынъ съ легнить конвоемъ 31-го Марта (стр. 498), а мѣстный (поздивйшій) пяслѣдователь Р. Г. Игнатьевъ, ни на чемъ не основывансь, настойчиво увѣряетъ, что гор. Оренбургъ освобожденъ отъ осады 29-го Марта ("Оренб. Епарх. Вѣдом. 1874, № 2, стр. 69).

употребить всё способы, чтобы разорить ее. Татары сначала было вступили съ отрядомъ "въ жестокое сраженіе, которое продолжалось немалое время", но напоследокъ принуждены были "ретироваться" за р. Сакмару, которая вследствіе быстраго теченія противъ ихъ селенія не замерзаєтъ вимой, такъ что "за торопливостію многіе изъ вихъ перетонули, а многіє побиты, и тако симъ врагамъ христіанства учинено изрядное возмездіе не только убивствомъ нёкоторыхъ, но и сущимъ раззореніемъ".

На третій день посл'я встрічи съ посланными къ нему казаками, Поспівловъ прибыль съ транспортомъ въ Озерную, сділавъ 150 версть пути отъ Орской крізпости ровно въ 8 сутокъ вслівдствіе усталости, худобы и безсилія полуголодныхъ лошадей.

Вскор'в потомъ овъ быль командированъ съ 5-ю сотнями казаковъ и Калмыковъ въ Башкирію для отысканія муки и для публикованія манифеста о поимкъ злодъя Емельки Пугачова.

Въ этой командировий Посийловъ пробылъ болве двухъ недвль, разъважан по Башкирскимъ селеніямъ; по онъ не могь исполнить возложеннаго
на него порученія прежде всего потому, что въ селеніяхъ на его пути не
было "ни одного человъка". Послі разбитія Пугачова и разоренія Кондуровской слободы Башкиры, опасаясь той же участи, покинули свои жилища и бъжали въ горы. Тъ же изъ Башкиръ, которые не успіли спастись
бъгствомъ, при приближеніи Русскихъ фуражировъ, старались скрыться
отъ нихъ.

Довхавъ до одного Башкирскаго селенія, оказавшагося также совершенно безлюднымъ, Поспъловъ хотълъ переночевать въ немъ; но вдругъ къ нему прискакаль какой-то Башкирскій сотникъ и изръстиль его, что не далеко собирается значитсльная партія Башкировъ, которая намъревается напасть на селеніе и захватить его. Поручикъ до-того перетрусилъ, что, не провъривъ этого сообщенія, собраль свой отрядъ и отправился поспъшно въ обратный путь, и всю ночь Русскіе вояки скакали, не останавливансь. Только пробъжавъ перстъ 60, когда уже всякая опасность миновала, отрядъ остановился на отдыхъ въ пустой деревушкъ и, накормивъ лошадей найденнымъ здъсь овсомъ, продолжать весь день свой путь дальше.

Пробхажь еще много пустыхъ селеній, наконецъ, къ вечеру того же дня казаки достигли Башкирской деревни, не оставленной жителями. Види, что лошади ихъ, сдълавній въ сутки болбе ста версть, отказывались служить дольше, они обратились къ Башкирцамъ съ просьбой перемѣнить лошадей, и тъ охотно согласились на это.

Оставивъ своихъ изпуренныхъ клячъ въ этой деревушкъ и немного отдохнувши здъсь, фуражиры, въ сопровождении проводниковъ-Башкировъ, передъ разсвътомъ выъхали далъе и "весь остатокъ той ночи и наступающаго дня, ъхавши на свъжихъ лошадяхъ, къ полудню прибыли въ лежащую на самомъ берегу Сакмары большую деревню, населенную Казанскими Та-

тарами, которые, не приниман участія въ Пугачовскомъ бунтѣ, много потерпѣли отъ Самозванца $^{\alpha}$ 1).

Надъясь на ихъ върность, Поспъловъ ръшился остаться у нихъ и, отпуская отъ себя взятыхъ изъ Башкирскаго селенія проводниковъ, приказаль имъ доставить сюда оставленныхъ у нихъ лошадей отряда съ тъмъ, чтобы потомъ получить своихъ. На пятый день Башкирцы привели казачьихъ коней и при этомъ доносили, что та шайка, которая намъревалась нанасть на отрядъ Поспълова, состоящая изъ 300 человикъ, дъйствительно "доважала до того селенія", гдъ онъ хотълъ заночевать и распрашивала о немъ окрестныхъ жителей; но узнавъ, что онъ уже болъе сутокъ, какъ бъжалъ изъ селенія этого, не преслъдовала его и воротилась назадь...

Трусливый поручикъ, возвратившись потомъ въ Верхне-озерную, такъ и доложиль объ этомъ коменданту Демарину. Последній быль крайне поражень такой въстью, что командирь пятисотеннаго вооруженнаго огисстръльнымъ оружіемъ отряда испугался 300 невооруженныхъ Башкирцевъ. Разсказывая въ своихъ запискахъ этотъ случай, Поспеловъ оправдывается лишь тёмъ, что "потомъ, спустя пекоторое время оказалось, что Емелька Пугачовъ, не будучи пойманъ и скрываясь тогда въ Башкиріи, находясь отъ меня не въ дальнемъ разстояніи и слыша неодпократно, что я публикую манифестъ о поимке сего злодея, приказалъ Башкирцамъ меня поймать, которыхъ нарочно для сего собралось ровно 300 человекъ; но я благодарю Бога, что Опъ всесильной Своей рукою отъ сего мена пзбавилъ, а то досталось бы пить мие отъ сего злодея горькую чашу" 2).

Таковы были у насъ восначальники!

٧.

Осада Увы, -Слухи по городу. -Въсти о Пугачовъ. -Босвыя силы Увы, -Чика и Губа новъ. - Персговоры Чики. - Подметныя письма, -22 Октября 1773 г. - Недостатокъ продовольствія. - Дальнъйшія дъйствія наступающихъ. - Купецъ Дюковъ. - Начало 1774 года. - 25-е Январа и 25-е Марта, --Появленіс Мяхельсона и освобожденіе города. - Казнь Чики.

Въ то времи какъ Самозваненъ брогилъ около Оренбурга и по линейнымъ крвпостямъ, наводи всюду ужасъ и разрушеніе, во ими сто бунтъ вспыхивалъ и въ другихъ мъстахъ Пріуралья. Провинціи Уфимская, Исстская и Верхне-Яицкан не замедлили примкнуть къ общему мятежу. Здъсь, какъ и въ другихъ мъстахъ, съ молвой въ народъ о Пугачовъ, высказались необыкновенное броженіе умовъ, безсознательная въра въ царственчое происхожденіе его и полнан готовность покориться ему, какъ властителю, объщающему "царскаго благосердін ради" разнын льготы и вольности, а главное уничтоженіе кръпостнаго ига и воеводъ съ ихъ "утъсненіями и чрезвычайными поборами".

^{&#}x27;) Натъ сомевнія, что это была Сентовская Татарская слобода, или Каргале (по Пушкину), въ восемнадцати верстахъ отъ Оренбурга.

¹) См. сго записки ("Оренб. Губ. В. 1869, № 27).

Для бунтовщиковъ тамъ было открыто свободное поле побъдъ, такъ какъ долженствовавшія служить опорой Русской власти наши кръпости стояли или полуразрушенными или имъли такіе незначительные и вмъстъ съ тъмъ плохіе гарнизоны, что они были годны лишь для содержанія карауловъ по тюрьмамъ да острогамъ, по ни въ коемъ случать не для защиты кръпостныхъ стънъ и жителей, а тъмъ болъе для усмиренія непокорныхъ.

Главный центръ Свверной Башкирін и нашъ оплоть въ ней, городъ Уфа, хоти еще въ 1728 году Петромъ II признавался "военнымъ пунктомъ" и въ 1732 году, по повеленію императрицы Анны Іоапновны, обиссенъ "рвомъ, валомъ и налисадомъ, съ исправленіемъ старинной крепости 1), по во времи Пугачовскаго возмущенія представляль незначительное укрепленіе изъ "стараго вала и частокола". Гаринзонъ же его состояль въ это времи изъ 200 солдать и въсколькихъ Казаковъ Уфимской станицы.

Задолго още до появленія Пугачова на Янкв, именно въ началв 1773 года, стали появлятьен вь Уфв разныя "знаменія", которыя уже заранъе пугали пародъ пришествиемъ чего-либо необычайнаго. Такъ, въ Февралъ этого года протојерей Смоленскаго собора Гаковъ Невъровъ и воспода Уфимскій, коллежскій сов'ятникъ Алексій Инкифоровичь Борисовъ, допосили: первый преосвященному Лаврентію (Барановичу), епискому Витскому 2), а второй-Оренбургскому губернатору Рейнедорну, что вы соборв Смоленской Б. М. каждый день, "когда на утрени начиуть читоть шестопсадые ("Слава въ вышнихъ Богу") раздается въ сводахъ колокольный звонъ или гулъ". Народь быль из смятенія. Страхъ и ужась обупли жителей. И хотя по подученій этого извъстія изъ Оренбурга для разельдованія такого пеобыкновеннаго событія быль командировань архитекторъ Казановъ, который нашель, что гуль происходить оть креста, слабо утпержденнаго въ главъ надъ сводомъ, и поэтому кресть звонить, колеблемый при сильномъ вътръ, глава была разобрана, при чемъ оказалось, что кресть упирался на связи, потомъ глава была вновь сложена, и кресть прочно утвержденъ въ сводъ, не касансь связей; но гуль въ сводъ попрежнему продолжался.

- Знать, Богу угодно за гръхи наказать насъ! говорилъ народъ. Погибиеть Уфа! И многіс изъ жителей хотвин бъжать изъ города.
- Самъ христіанскій Богь разгиввался на Русскихъ и хочеть казнить ихъ! всюду разглашали Бащкиры и Татары.

Волненіе умонь было страшнос. Всв., отъ мала до велика, готовились къ кар'в Господней, ждали суда Божін. Дъло допіло до Сепата, до Государыни, и 14-го Іюля 1773 года, за № 8.887, Сепать предписаль Оренбургскому губернатору "употребить всв мізры къ изслідованію гула для спокойствія народа" 3). Рейпсдориъ пригласиль епископа Вятскаго и Велико-першскаго

^{&#}x27;) Поли. Собр. Зак., т. VIII, № 6.226.

³) Нынъшняя Уфамская губернія въ то время подчинялась въ духовномъ отношенів Вятской соврхін. Смоленскій соборъ—нынъ церковь Св. Трояцы на углу Посадской и Трояцкой улицъ.

^{*)} Тургайск. област. арх., стояны указовъ, за 1773 г., лист. 105—119.

Лаврентія въ Уфу; но чъмъ "поръшено" было это событіе, изъ дълъ мъстныхъ архивовъ, къ сожальнію, не видно.

Скоро Рейнсдорпу было уже не до того. 8-го Августа Уфимскіе воевода и коменданть получили оть него секретныя предписанія о появленін на Яик'в Пугачова и о принятіи мірь кь защить города и успокоенію народа 1). Власти Уфимскій, описывая беззащитность своей крівпости, просили прислать хоть тоть драгунскій (Уфимскій) полкъ, который ранже стояль въ Уфі, и снабдить боевыми припасами. Но Рейнсдорить выслаль только 3.500 патроновъ и 50 пудъ пороху, отказавъ въ присылків военнаго отряда 2). Коменданть Уфы, полковникь Сергій Степановичь Мясобдовъ снова (20-го Августа) просиль о помощи, по на этоть разъ не получиль никакого отвіта. Между тімь въ окрестностяхь Уфы началось волненіе среди крестьянъ и инородцевъ. Въ Сентябрі появились въ Уфі Русскіе и Татарскіе возмутительные листы Самозванца къ народу. 12-го Сентября листы эти были посланы къ Рейнсдорпу съ новымъ требованісмъ прислать войско, но отъ него также не было отвіта 3).

У фа была въ самомъ жалкомъ состоянии. Кругомъ рыскали митежники, хотя еще не набъган на нее. Изъ убзда въ городъ бъжали помъщики и духовенство, 14-го Сентибря военода Борисовъ и комендантъ Мисовдовъ собради жителей города и объявили о своемъ неизминиомъ ришении защищаться и не сдавать городь митежникамъ, ссли последние нападуть на него. Духовенство собралось въ Смоленскій соборъ; быль отслужень молебень. Протојерей Невъровъ съ крестомъ въ рукахъ и съ чудотворными, очень чтимыми иконами Богоматери Казанской и Смоленской, несомыми хоругвеносцами, вышелъ изъ собора къ народу, напомпилъ горожанамъ долгъ присяги и закливаль Богомъ бороться съ мятежниками до послъдней капли крови, "Пресвятая Богородица спасеть нась!" останяя православныхъ крестомъ, сказаль онъ. И весь городъ, вей сословія, пом'ящики, солдаты, крестьяне, казаки, откликнулись на этоть зовъ. Туть двадцатитрехлатній Ростовскій купень Ивань Игнатьевичь Дюковь, проживавшій по своимъ торговымъ деламъ въ Уфе, взалъ у отца протојерся изъ рукъ икону и со словами: "Пресвитаи Богородица, спаси нась!" кликнулъ кличъ молодцамъ пэъ купцовъ и мъщанъ. Всъ люди, отъ воеводы, коменданта, воинскихъ чиновъ и до простыхъ обывателей, благоговъйно преклонили колъна предъ мъстными святыними и торжественно присягнули защищать друга друга и Св. Церковь до последняго издыханія. Минута была самая трогательная. Врядъ ли кто удержался отъ слезъ въ это время. Въ тотъ же день, какъ говорить преданіе, на сводахъ собора пересталь слышаться гуль.

Несчастіе соединило всёхъ, не смотря на степень развитія, положенія и знатности. Сословія всё ополчились поголовно и требовали оружія и

^{*)} Изъ дъла Тург. обл. архива. О возмутителъ Емелькъ Пугачовъ, M 85, I, лист. 140—141.

²) Тамъ же, листъ 152 и 160.

[&]quot;) Тамъ же, л. 841.

пороху. Дюковъ, этотъ второй Мининъ 1), предводительствовалъ мъщанами, купцами и разночинцами изъ отставныхъ, коихъ набралось 204 человъка, способных стать подъ ружьемъ. Дворянство составило ополчение изъ 250 человъкъ, подъ начальствомъ отставнаго секундъ-мајора Николан Николаевича Пекарскаго ²), Уфимскаго предводителя дворянства. Штатная рота "Уфимскихъ инвалидовъ" въ 200 человъкъ, 150 Уфимскихъ казаковъ, до 40 пушекъ съ 58-ю артиллеристами, частію бывшими при нихъ и частію набранными изъ отставныхъ, стали подъ команду командира роты капитана Кузьмы Кузьмича Пастухова. А всего въ Уфв нашлось 862 защитника, готовыхъ "положить животъ свой за други своя". Орудія распредёлены были на четыре кръпостныхъ и одну подвижную (съ легко-конной запряжкой) батареи. Одна изъ нихъ въ 12 орудій была поставлена на берегу Бълой по направленію Оренбургской дороги, другая (6 пушекъ) на горъ Усолкъ, третья, въ 8 пушекъ, на кладбищъ, лицомъ на Сибирскую дорогу, и четвертая, съ 6-ю орудіями на горь надъ р. Бълой близъ ныившинго архіерейскаго дома. Остальныя восемь орудій составили подвижную батарею. Кругомъ города были назначены казачьи разъёзды и патрули 3).

Приготовившись такимъ образомъ къ встръчъ врага, комендантъ и воевода съ казакомъ Матрусинымъ послали Рейнсдорпу донесеніе и снова просили помощи. Но посланный, всюду задерживаемый волновавшимися уже крестынами и Башкирами, которые даже грозили убить его, едва-едва добрался 30-го Сентября 1773 года до Оренбурга, гдж уже началась въ это время Пугачовская осада 4), такъ что о высылкъ въ Уфу какой либо помощи и думать было нельзя.

Одновременно съ этимъ, того же 30-го числа, чрезъ торговаго человъка изъ казаковъ Василін Трифонова, въ Уфв было получено извъстіе, что къ городу подвигается непріятельская рать въ 10 тыс. человъкъ Башкировъ, врестьянъ, Татаръ, Мордвы и казаковъ съ предводителями ихъ Яицкимъ казакомъ Пваномъ Зарубинымъ (или по просту Чикою) и Уфимскимъ уроженцемъ, торговымъ человъкомъ изъ казаковъ, Василіемъ Губановымъ.

27-го Сентибри Чика пироваль на Богонвленскомъ (мѣдноплавильномъ) заводѣ, прикащикъ коего и всѣ заводскіе крестьяне, видимо, держа сторону злодѣевъ, даромъ угощали ихъ, а 30-го Сентибря онъ занилъ окрестности У фы 5).

На другой день, т. е. 1-го Октября, чуть свъть, когда еще въ церквахъ служили заутреню, Уфимскіе разъвздные казаки замътили приближающіяся толпы мятежниковъ: съ Оренбургской стороны шелъ Чика и остановился въ 18 верст. въ с. Чесноковкъ, а по Сибирской дорогъ подвигался

¹⁾ Разница лишь въ томъ, что Мининъ былъ говядарь, Дюковъ рыбный торговецъ

¹⁾ Извъстный своими учеными трудами покойный академикъ П. П. Пекарскій, какъ можно проследить по родословнымъ записямъ дворянъ Уфимской губерніи, доводится роднымъ внукомъ ему.

²) Дело Тург. Обл. архива № 85, т. III, листъ 3117 и т. д. (см. журналъ "Освды Уфы").

¹⁾ Тамъ же л. 330. Книга явокъ Оренбург. губерн. канцел. 1773, л. 30.

^{*)} Сыски. дело Уфимси, воевод, канцел. 1778 г., визка II, л. 110.

Губановъ къ с. Богородскому, также въ 18-ти верс. отъ города. Отряды были громадные. Въ пихъ, кромъ Башкировъ и крестьянъ, были замътны солдаты и Яицкіе казаки съ нъсколькими орудіями.

Объ этомъ сейчасъ же донесено было воеводъ, который немедленно отправился въ соборъ и отгуда, послъ объдни, былъ совершенъ крестный ходъ кругомъ города.

На слъдующій день двъ партін охотниковъ вышли изъ Уфы попытать счастія въ борьбъ съ врагомъ. Одна изъ нихъ въ 30 человъкъ мъщанъ, отставныхъ солдатъ и казаковъ съ Дюковымъ во главъ направилась по Сибирской дорогъ; другая же къ 25 стрълковъ, подъ начальствомъ сержанта Ладыгина, переправилась за Бълую на Оренбургскую сторону.

Дюкову посчастливилось встретить толпу Башкировь около 100 человень; завизалась перестрелка, и плоховооруженные митежники скоро бежали, оставивь трехъ убитыми (у насъ же убить одинъ мещанинъ); но охотники, боясь засады, не преследовали противника и 3-го числа возвратились въ Уфу. Ладыгинъ же съ своей партіей успель только разузнать, что Чика сильно укрепляется въ Тесноковке, и 4-го Октября вернулся въ городъ.

Погода въ это времи стояла сырая, или дожди, дороги по окрестностямъ были испорчены. Только съ 8-го Октябри пачались первые морозы; окрайны Бълой начали замерзать. По бунтовщики еще не показывались близь города, ожидая, должно быть, когда ръка замерзнетъ совсъмъ. Лишь 9-го числа утромъ на противоположной сторонъ Бълой понвился небольшой отрядь Япцкихъ казаковъ съ бълыми платками на пикахъ*). Видимо они вызывали переговорщиковъ. Воевода послалъ на лодкъ къ нимъ Дюкова, и когда онъ перевхалъ на другую сторону, къ нему подъвхали двое мятежниковъ: одинъ повидимому казачій начальникъ, другой, одътый въ офицерскій мундиръ, изображалъ при немъ нъчто въ родъ адъютанта, ближайшаго совътника.

— Кто у васъ тутъ воевода и комендантъ? спросиль казакъ Дюкова. Гдв они? Я желаю видеть ихъ и говорить съ ними.

Дюковъ отвъчалъ, что онъ посланъ отъ воеводы. Что вамъ, господа, нужно?

— Намъ нечего съ тобой говорить. Ступай, скажи воеводъ и коменданту, чтобы они не противились законному государю!

Посланный въ точности исполнилъ желаніе мятежниковъ. Воевода п коменданть, посовътовавшись между собой, приказали Дюкоку передать бунтовщикамъ, что-де начальство Уфимское и само видить, что городу не устоять, но народъ-де хочеть защищаться и не только не послушаеть ихъ, а даже могутъ убить, ежели они только помыслять о сдачъ города, пока-де надо выждать время, и потомъ они сдадутъ городъ.

Мятежные предводители выслушали Дюкова и потомъ съ гнѣвомъ сказали ему: "По указу Его И. В-ва дается вамъ сроку три дня на размышленіе, или страшитесь государска гнѣва".

^{*)} Дъло Уфимс. комендан. канцеляр. 1773, в. 3 и 4, листы 11, 13, 118 и 119.

- -- Да ты, умная голова, не изъ командировъ-ли будещь? спросилъ Дюкова мнимый офицеръ.
- Пътъ! Я только теперь временный солдатъ всемплостивъйшей Государыни нашей и долженъ исполнять волю начальства.
- Хорошо баншь, умная голова! Такъ скажи своему начальству что слышаль, да и жителямь скажи, а особливо господамь казакамъ: имъ не гоже, тяжкій гръхъ есть поднимать руку на законнаго государя; Богь и царь накажуть ихъ.

Воевода, коменданть и множество горожань стояли на берегу, когда Дюковъ воротился съ такимъ отвътомъ и объявилъ его имъ.

- Что-жъ, православные, али намъ сдавать городъ? Какъ вы хотите, а я до послъдняго издыхація буду стоять за въру, Государыню напу и отечество: въдь я присягу принималь! сказаль туть воевода.
- Мы тоже вев присигали. Хошь сечась веди насъ противъ злодъевъ! законилъ народъ ¹).

Три условденныхъ дня мятежники дъйствительно нигдъ не показывались. Холода за это время усилились, и власти, опасаясь скораго замерзанія ръки, много защищавшей городъ отъ сконицъ мятежниковъ, старались поддерживать его искусственно, приказывая горожанамъ и воинскимъ людимъ каждый день расчищать полыньи.

На четвертый день утромъ на берегу Бѣлой снова явились съ бѣлыми значками казаки. Опять къ шимъ посланъ былъ Дюковъ. На этотъ разъ предводитель бунтовщиковъ, оказакшійся самимъ Чикою, былъ одѣтъ въ мѣ-ховой полушубокъ съ Андреевскою звѣздой на груди.

 — А гдъ-жъ воевода? встрътилъ онъ посланнаго. Я хочу говорить съ головой, а не съ хвостомъ.

Борисовъ, въ сопровождени секретаря своего Протопонова и еще одного дворинина, немедленно повхалъ къ Чикъ, который по прежнему требовалъ сдачи Уфы. Но воевода тоже отвъчалъ ему, какъ и ранъе черезъ Дюкова ³).

— Охъ, смотри! Это твоя хитрость протянуть время! сказаль ему Чика. Не думаешь ли ты обмануть государя? Не думаешь ли, что помощь подойдеть? Не жди: самъ государь стоить подъ Оренбургомъ!

Борисовъ еще разъ повторилъ свое объщаніе, упомянувъ при этомъ, что "теперь до поры, до времени нътъ нужды вести переговоры, а когда нужно, онъ самъ дастъ знать Зарубину (т. е. Чикъ").

— Ладно! промолвиль Чика. Переговоровь не будеть, дамь вамъ время подумать; но помни, коевода, за твое упорство ты п все твое начальство будете повъшены, городъ сожженъ, жители перебиты, а иные проданы Киргизамъ.

¹⁾ Разговоры эти въ пъсколько измъненномъ и слишкомъ пространномъ видъ значатся въ особой запискъ Уфимской коменд. канц. в. 4, листы 130—284.

²⁾ Дъло Тург. обл. ар. № 85, 111, л. 50 и 51-

Чика увхаль. Борисовъ возвратился въ Уфу. Въ карманъ его севретаря Протопонова оказались незамътно положенныя казаками Пугачовскія прокламаціи. Ихъ тотчасъ же запечатали въ конверты и положили хранить въ денежный сундукъ. Но на другой день точно такія же воровскія письма были наклеены на воротахъ отставнаго солдата Чибурина по Сибирской улицъ и на стънъ церкви свв. мучен. Флора и Лавра въ Флоровской улицъ. Поэтому, какъ эти письма, такъ и письма, представленныя Протопоновымъ, въ тотъ же день были сожжены рукой палача, и жителямъ объявлено съ барабаннымъ боемъ, что всякій, кто найдеть подобныя письма, немедленно долженъ представлять ихъ въ воеводскую канцелярію; кто же отыщеть виновнаго въ распространеніи писемъ будеть награжденъ, а кто утаить ихъ будеть повъшенъ 1).

Чика и Губановъ вездъ устроили разъвзды, не допуская никого въ городъ, особенно же събстные припасы и дрова, грабили проважихъ, захватывали въ плъть и убивали.

Поутру 18-го числа на Сибирской дорогь повазалась толпа Башкировь, вооруженных большею частію кольями и топорами. На встрічу имъ вышли капитанъ Пастуховь съ 50 солдатами и Дюковь съ нівсколькими мінцанами. Бунтовщики было храбро ринулись на горсть Уфимских защитниковь, но при первомь же залий солдать разстроились и постыдно біжали, потерявь двухь человікь убитыми и нівсколько ранеными; трое мятежниковь были захвачены въ плінь. Побіда эта досталась намъ очень легко: только одинь солдать быль раненъ стрівлой.

Плънниковъ допрашивали въ комендантской канцеляріи, и они показали, что у Губанова 8,000 войска и 9 пушекъ 2).

Настала зима. Ледъ покрылъ всё рвии. Бълая, не смотря на тщетныя усилія горожанъ задержать ся замерзаніс, наконець, стала. Чика началь готовиться къ рвшительнымъ двйствіямъ и 19-го Октября вызвалъ къ себв на совътъ Губанова. Мятежники рвшили двйствовать дружно; но впоследствін Губановъ почему-то не сдержалъ своего слова. Говорятъ, что онъ боялся, какъ-бы военода и комендантъ, за его измену, не погубили его семью, жившую въ то время въ Уфв.

22-го числа утромъ, Чика со всёми своими силами выступилъ изъ Чесноковки и, занявъ лёвый берегъ Бёлой, противъ главной крёпостной батареи, открылъ изъ своихъ пушекъ частый артиллерійскій огонь. Изъ города также отвёчали изъ всёхъ пушекъ, направленныхъ на Оренбургскую дорогу. Одновременно по Сибирской дорогъ показался съ разношерстной ратью Губановъ и, не дойди вереть двухъ до города, остановился въ выжидательномъ положеніи.

Орудійная нальба Чики продолжалась до вечера. Къ сумеркамъ выстрълы зам'ятно стали ръдъть и, наконецъ, мятежники совствъ прекратили стръльбу и не спъща стали отступать. Воспользовавшись этимъ моментомъ,

^{&#}x27;) Дѣло о Пугачовѣ № 85, III, 38.

Дъло Уоим. коменд. канц. 1778, л. 39.

когда уже совершенно стемнъло, отставной прапорщикъ Ерлыковъ съ 20 солдатами и Дюковъ съ 60-ю своими молодцами захватили два легкихъ орудія, спустились мимо нынѣшняго архіерейскаго дома къ Бълой, перешли ее, незамѣтно пробрались перелѣскомъ и неожиданно ударили въ тылъ противнику, открывъ залиъ изъ ружей и орудій. Мятежники были устрашены такимъ внезапнымъ пападеніемъ, бросили на мѣстѣ дѣйствія свои четыре пушки безъ лафетовъ, 13 плѣнниковъ и 28 человѣкъ убитыми и отъ страха постыдно бѣжали. Дюковъ и Ерлыковъ за темнотой ночи не преслѣдовали врага и воротились въ городъ, гдѣ народъ радостно привѣтствовалъ ихъ. И пе смотря на позднее уже время, въ Смоленскомъ соборѣ былъ отслуженъ благодарственный молебенъ о столь счастливой побѣдѣ. Радость Уфимцевъ была невыразима.

Въ туже ночь захваченныхъ плънныхъ допрашивали въ комендантской капцеляріи, и изъ допросовъ ихъ выяснилось, что у Чики было до 10 тыс. мятежниковъ и 24 пушки безъ лафетовъ. Кромъ того онъ посладъ на Заводы еще за пушками. Въ дагеръ его Чесноковкъ постоянно пируютъ казаки, развратничаютъ и сорятъ деньгами на право и на дъво. Чика и Губановъ ведутъ непрерывную переписку съ Пугачовымъ. Всъ получаемые отъ послъдняго изъ Берды приказы Чика прочитываетъ, собравъ, по казацкому обыкновеню кругъ и потомъ ужъ отдаетъ соотвътствующее приказаніе. Мягежники дъйствовали только съ согласія своихъ предводителей; Яицкіе же казаки могли поступать такъ, какъ имъ вадумается.

Потерпъвъ первое свое поражение подъ Уфой, Чика долго не показывался подъ ен ствиами. Впрочемъ были схватки, но очень незначительныя 27-го Октября на Сибирской, а потомъ на Оренбургской дорогахъ; затъмъ 29-го числа и 2-го и 4-го Ноября шайки бунтовщиковъ подступали къ Уфъ и, выпустивъ пъсколько ядеръ, уходили, не нанеся урона осажденнымъ.

8-го Ноября посланные Чикой переговорщики снова требовали отъ воеводы сдачи города, но по прежнему безуспъшно. 10 и 11-го Дюковъ, сержантъ Ладыгинъ и урядникъ Поповъ еще разъ дълали вылазки за р. Бълую и оба раза удачно. Дюковъ былъ всегда впереди съ своими молодцами *).

Между тъмъ въ Уфъ ощущался все больше и больше недостатокъ въ продовольствии и другихъ жизненныхъ припасахъ. Все страшно вздорожало. И если бы, какъ говоритъ преданіе, не Золотуха (предмѣстье города близъ Усольскихъ горъ), то жители всъ повымерли бы съ голода. Пользуясь крутизнами занимаемаго ими мъстоположенія на мысъ, между рр. Уфой и Бълой, педоступнымъ для мятежниковъ, жители Золотухи своими запасами хлъба, съна и прочаго, хотя не за дешевую цъну, но все таки дълились съ горожанами. Между тъмъ за Бълой были городскіе стога съна, почему-то не уничтоженные мятежниками; но до нихъ трудно было добираться. 17-го Поября капралъ Семечкинъ съ 15-го солдатами ръщился было попользоваться съномъ. Въ это время бунтовщики окружили его со всёхъ сторонъ,

^{*)} Дъло Уониской коменд. ванцелярів 1778, в. 3, л. 204—214.

И. 3

и лихал попытка закончилась тремя убитыми и семью ранеными; и если бы на выручку не подосивль капитанъ Пастуховъ съ сотнею солдать и двуми орудіями, то вев смёльчаки эти достались бы въ жертву врагамъ.

Послѣ этого до 21-го Ноября съ объихъ сторонъ стояло затишье. Непріятель ничего не предпринималъ. Только утромъ, въ день праздника Введенія во храмъ Богородицы, едва отошла церковная служба, съ южной стороны загремъли орудія Чики. И въ тоже время съ Сибирской дороги появились шайки Губанова съ 7-ю пушками и остановились отъ города приблизительно на пушечный выстрълъ.

У фимское начальство разд'влило гарнизонъ на двое: одна часть его, подъ начальствомъ воеводы, заняда Сибирскую улицу и вст выходы съ Сибирской стороны; друган же, подъ управленіемъ коменданта, обратилась на Оренбургскую дорогу.

Теперь у Чики были уже единороги и мортиры. Но, поставивъ противъ города три батареи, онъ попрежнему не причиняль вреда гарнизону. Должно быть, артиллеристы его не умъли стрълять, такъ что за времи дневнаго боя зажгли ядромъ одну лишь отдъльно стояниую избу близъ Бълой; но народъ, разобравъ ее тотчасъ же, не далъ распространиться отню. Папрасно Чиго въ своемъ бараньемъ, крытомъ бархатомъ, полушубкъ съ Андреевской звъздой на груди и въ высокой овчинной шапкъ, скакалъ отъ орудія къ орудію, отъ пъхоты къ вонницъ, поставленнымъ вив дъйствія отня, и отъ конницы опять къ пушкамъ, билъ нагайками артиллеристовъ, нонукалъ казаковъ, кричалъ на пъхотинцевъ; дъло мало спорилось. За весъ день въ Уфъ было только трое убитыхъ, между тъмъ какъ отъ мъткихъ кръпостныхъ выстръловъ мятежники падали рядами. Подъ Чикой убита спачала одна лошадъ; онъ пересълъ на другую; къ вечеру убяля и другую, опъ пересълъ на третью и все продолжалъ скакатъ неистово по полю, усъянному телами мятежниковъ. Губановъ же все время боя бездъйствоваль.

Уже смерклось, когда Чика, убравъ пушки, медленно потянулся въ свой лагерь. Слъдомъ за пимъ тихо, осторожно, тъмъ же путемъ, какъ 22-го Октабра, выступили 240 Уфимцевъ съ двумя орудіями. Молодцамъ и на этотъ разъ посчастливилось. Они захватили 40 человъкъ въ полонъ, уложивъ 30 матежниковъ убитыми и ранеными. Въ тоже время съ Сибирской стороны съ 300 солдатъ при двухъ пушкахъ вышли на Губанова мајоръ Пекарскій и купецъ Дюковъ. Но того давно и слъдъ простылъ. Только въ хвостъ его колонны наши воины пастигли запоздавшую шайку, изъ которой 20 человъкъ пало мертвыми и 15 взято въ плънъ. Всъ захваченные мятежники потомъ оказались или крестъянами, или Башкирами, Чувашами и другими инородцами; но не было ни одного Яицкаго казака.

Уфа ликовала. Въ церквахъ радостно звонили колокола, служили молебны, народъ торжествовалъ, молился и славилъ Бога.

Между тъмъ комендантъ и воевода видъли горестное состояние города: жлъба нътъ, боевые запасы истощились, держаться дольше и защищать городъ было нечъмъ.

Посовътовавшись, они еще разъ послади въ Оренбургъ двухъ надежныхъ людей съ просъбой о помощи, хотя хорошо знали о плачевномъ состояніи этого города; а на другой день пов'ядали горожанам в о своем в тяжкомъ горъ. Народъ не смутился, не налъ духомъ. Всъ были вполнъ увърены, что они безъ всякой посторонней помощи отстоять городъ. Среди жителей носились даже слухи, что изъ церкви Св. Пророка Иліи выважаль на конъ мужъ свътлый и грозный видомъ, наводить страхъ на осаждающихъ; на колокольнъ Успенскаго монастыря выръзанный изъ жельза въ видь одюгера ангель постоянно, въ какой бы ни было вътеръ, стоитъ обращенный лицомъ къ Чесноковкъ и угрожаетъ мятежникамъ. Многіе върили предсказанію отца Невірова, "Богородица спасеть нась", такъ какъ два приступа какъ нарочно отбиты въ дни Богородичныхъ празднованій: 22-го Октября и 21-го Ноября. Народъ даже самъ хотвяъ идти на мятежниковъ въ Чесноковку, разбить ихъ, разграбить и уничтожить это разбойническое гивадо и только благодаря совътамъ и благоразумію воеводы коменданта не привель въ исполнение такой пагубной затви.

Чтобы васколько возможно сберечь боевые причасы, съ этого дня гаринзонъ сталъ уклоняться отъ безполезной перестрвлки съ мятежниками, когда они лодходили незначительными партіями. Но бунтовщики, получивъ хорошій урокъ, долго не показывались. Лишь ночью 6-го Декабря мятежники незамітно пробрались въ городь, подожгли домъ на Флоровской улиців и въ общей суматохів начали грабить и убивать. Въ перквахъ ударили набать, караульщики затрещали въ трещетки, народъ сбіжался, затушиль пожаръ, лихо и скоро расправился съ мятежниками, захвативъ въ плінъ четверыхъ, изъ коихъ на другой день трое были повішены, а четвертый съ отрівзанными носомъ и ушами былъ отправленъ къ Чикъ, "дабы не позволять онъ другой разъ разбойничать" 1).

Послѣ этого мятежники не отваживались уже дѣлать воровскіе набѣги Весь Декабрь и почти Январь 1774 года прошли спокойно. Чика два раза опать было предлагаль условін сдачи города, но также не имѣлъ успѣха ²).

25-го Января быль сильный бурань. Мятежники воспользовались этимъ временемъ и рано утромъ окружили городъ со всёхъ сторонъ. Народъ перетрусилъ. Звуки набата смѣшались съ отчаянными воплями. Гарнизонъ, ободряемый начальниками, хотя держался стойко, но не могъ выдержать насъдающихъ на пего массъ.

Сделавъ сильный залпъ изъ орудій, поставленныхъ на льду Белой, Чика съ своими казаками бросился на главную крепостную батарею и тотчасъ же почти безъ боя завладель ею. Одновременно Губановъ ворвался съ Сибирской улицы и захватилъ всё поставленныя тамъ противъ него пушки. Наконецъ, съ Усольской улицы ломились еще бунтовщики. Тогда бой закипелъ въ городе, въ каждой улице, въ каждомъ домъ. Громадные

¹⁾ Дъло Оренбург. оберъ-номенд. 1774, вязко 3, л. 71.

¹) Дѣло о Пугачовѣ, № 85, т. VI, л. 40 м т. д.

сугробы снъга выше заборовъ не давали ходу мятежникамъ и были чуть ли не единственной защитой осажденнымъ въ домахъ жителямъ. Плохо вооруженные Чикинскіе пъхотинцы вязли въ снъгу, мътко поражаемые пулями. Больше всёхъ въ этомъ бою отличились Ладыгинъ съ своими стрълками и Дюковъ съ молодцами - мъщанами. Первый хотълъ было обойти въ тылъ Чики, но былъ убитъ, и команда его разсъялась. Къ счастію, подоспъли 4 орудія легкой батареи и картечью очистили дорогу. Подъ Чикой была убита лошадь, онъ пересълъ на другую. Но, не смотря на его хладнокровіе (стоя на горъ, онъ самъ руководилъ сраженіемъ), поражаемые картечью и пулями солдатъ капитана Пастухова, мятежники дрогнули и бросились бъжать, вязли въ снъгу и снова попадали подъ выстрълы. Вскоръ главная батарея надъ Бълой была отбита, силы у защитниковъ прибавилось, выстрълы участились. Чика уже не могъ удержать бъгущихъ, старавшихся скрыться отъ губительнаго огня въ овраги, гдъ они гибли въ сугробахъ. Мятежный предводитель и самъ едва-едва убрался оврагомъ на Золотуху.

Темъ временемъ на Сибирской сторонъ бой еще продолжался. Губановъ сильно насъдалъ; но подоспъвшая, послъ пораженія Чики, батарея заставила его остановиться. Картечь и здъсь скоро произвела потрясающее дъйствіе. Губановскіе сообщники бъжали, устилая землю мертвыми и ранеными и побросавъ захваченныя кръпостныя и три своихъ пушки, которые были поставлены на полозья.

Надвинулась уже ночь, когда быль окончательно отбить приступъ. Горожане молились по церквамъ, гарнизонъ убиралъ тъла своихъ убитыхъ, которыхъ отыскалось только 20 человъкъ и которые на другой же депь съ честью были погребены при Смоленскомъ соборъ 1).

Третій разъ Уфа праздновада побъду надъ врагами. Подъемъ духа былъ сильный. Солдаты и народь всв поголовно собирались идти добить противника въ Чесноковкъ. Роптали на начальство и видъли уже измѣну. "Въ Чесноковку, на злодън Чику!" слышались крики. Пачальство, понимая опасность и зная про недостатокъ въ боевыхъ припасахъ, голодъ и болъзни въ городъ, всъми мърами старалось отговорить жителей отъ этого безумнаго шага.

Воевода нѣсколько разъ уговаривалъ народъ, обѣщалъ самъ идти на врага въ Чесноковку, когда придетъ время, "а теперь надо обождать". Духовенство ободряло и наставляло православныхъ въ терпѣніи и въ повиновеніи властямъ. Каждый праздникъ кругомъ города совершался крестный ходъ съ хоругвями и иконами Смоленской и Казанской Богоматери. Житсли говѣли, исповѣдывались и причащались, каждый день готовясь къ смерти. А тѣмъ временемъ голодъ и дороговизна жизненныхъ припасовъ усиливались все больше и больше ²) Разсказывають, что солдатамъ выдавали хлѣба "по

^{&#}x27;) Всего во время осады Уфы было убито 100 человъкъ, тъла коихъ покоятся въ трехъ ямахъ около этого собора или нынъ Троицкой церкви. Много умерло отъ голода и различныхъ болъзней, усилившихся въ это время въ городъ.

[&]quot;) Пудъ ржи продавался по 1 р. 20 к., пудъ пшеницы по 1 р. 60 к. Ред.

полупайну"; а чтобы не вормить даромъ арестантовъ изъ мятежниковъ, начальство распорядилось утопить ихъ въ Бълой, для чего была выстроена надъ прорубью изба, гдъ вмъсто пола былъ сдъланъ прорубъ, такъ что всявій входившій въ нее арестантъ неминуемо попадалъ въ воду, и народъ прозваль избу эту "тайной тюрьмой").

27-го Января Чика снова появился подъ городомъ, но, сдълавъ нѣсколько выстръловъ, ушелъ обратно. 30-го числа они опять вмъстъ съ Губановымъ обстръливали Уфу, но также безъ всякаго успъха. Въ кръпости сберегали боевые заряды и на десять-двадцать выстръловъ мятежниковъ выпускали одинъ или два кръпостныхъ. 3-го Февраля Чика снова палилъ по городу, почти безъ всякаго вреда, если не считать того, что во время крестнаго хода изъ Христорождественскаго женскаго монастыря мятежнымъ ядромъ перешибло пополамъ одну послушницу, несшую икопу, и двухъ контузило. Но послъ этого, въ теченіе всего Февраля и Марта, мятежлики ничего пе предпринимали, посылая въ городъ только спои воровскій письма 2, конмъ уже не върилъ народъ, а рвался все сразиться съ прогомъ.

Наконедь, въ Уоб открылась ранияя весна. Была ст визя распутица Чика и Губановъ попрежнему бездъйствовали. Вдругъ, въ почь на 25-го Марта, вдали, по Оренбургской дорогь, Уфимцы увидели зарево, кака бы оста большаго пожара, "Что бы значило это?" недоумъвали они. По обыкновенію въ 3 часа ночи, такъ какъ въ тому же день былъ праздничный, ударили къ заутрени; народъ потинулся въ храмы Божін, начальство гобиралось въ Смоленскомъ соборъ. Какъ разъ въ самый разгаръ богослужения прискакалт. къ собору офицеръ и объявилъ жителямъ, что наканунт Чика былъ разбить подполковникомъ Михельсономъ 1). Уфа была освобождена, И въ тотъ же день во всёхъ церквахъ были отслужены благодарственные молебны. По окончаніп литургіп въ Смоленскомъ собор'в протоіерей Нев'вровъ сказалъ прочувствованное слово, на текстъ "Сея бо насъ спасла есть, Богородице!" II дибавиль въ заключение: "Завъщая потомкамъ или жителямъ сего богоснасасмаго града туже върность Царю и отечеству и ко всякой власти отъ Цари поставленной, завъщаемъ имъ не забыть никогда день спасенія сего града -день двадиать пятаго Марта".

Но, увы, только черезъ сто лѣть горожане Уфимскіе вспомнили эти знаменательным слова и съ 25-го Марта 1874 года установили каждогодно совершать въ Троицкой церкви поминовеніе всѣхъ защитниковъ Уфы отъмитежныхъ нападеній Чики и Губанова.

^{&#}x27;) Оренб. Губ. Въд. 1864 г. ст. Сомова "Описаніе Уфы". Преданіе это заимствовано изъ неизданныхъ записокъ о Пугачовскомъ бунтъ современника, В. А. Рембединскаго.

²) Дъла Оренб. оберъ-коменд. 1774, в. 3, л 73-75.

³⁾ Покойный Р. Г. Игнатьевъ въ своихъ изследованияхъ (Орен. Дист. 1877, № 16, Орен. Епар. Вед. 1874 г., № 8, Уфин. Губ. Вед. 1874, № 12, Справоч. Книж. Уфин. губ. 1883 г. стр. 289) говоритъ, что Уфу освободилъ внязь Петръ Михайл. Голицынъ. Странно тогда, какимъ же образомъ овъ 22 Марта того же года очутился подъ Оренбургомъ и зажватилъ кр. Татищеву, отъ которой до Уфы не мене 300 верстъ. Явная несообразность.

Михельсовъ, не останавливаясь въ Уфв, преследоваль мятежниковъ. Губановъ, узнавъ о поражении Чики въ Чесноковкв, того же 25-го Марта бъжаль въ Табынскъ. А въ это время Чика скрывался въ Богонвленскомъ заводв, гдв прикащикъ купца Твердышова, напоивъ его допънна виномъ, далъ знать о темъ Михельсону, которому потомъ и выдалъ его руками 1). Губановъ же, по преданію, самъ явился къ Михельсону и отдался ему. Ихъ обоихъ привезли въ Оренбургъ, гдв допрашивали и пытали, а потомъ, после поимки Пугачова отправили въ Петербургъ.

10-го Января 1775 года въ Москвъ быль казненъ Пугачовъ. Чику же и Губанова, "со всякою потъшностью", повезли въ Уфу, гдъ они были посажены въ застънокъ подъ соборной колокольней, а 10-го Февраля 1775 года 2), при громадномъ собраніи народа, была совершена казнь надъ ними.

Чикъ отрубили голову и воткнули ее на шестъ, который быль выставлень на томъ самомъ мъстъ, откуда онъ дълалъ на городъ нападенія, а тъло его было сожжено. Губанову также отрубили голову, которую вмъстъ съ тъломъ потомъ сожгли палачи и развъяли прахъ его по вътру 3). Преданіе же указываетъ, что трупъ Губанова былъ отданъ его семейству и погребенъ за р. Бълой, близъ Оренбургской дороги, гдъ (многіе старожилы еще помнять) стоялъ каменный столбикъ, вмъсто надгробнаго креста, безъ надписи 4).

Сообщая объ осадъ Мензелинска, г. Юдинъ ничего не говорить о побътъ воеводы Можарова и мајора Тихановскаго въ Казань. Какъ видно изъ рапорта Брандта, они были предвны за таковой поступокъ суду. Убъжалъ съ своего поста и комендантъ Бузулука подполковникъ Вульфъ, зять Брандта. Желательно ,чтобы г. Юдинъ точнъе укаваль на чемъ онъ основывалъ свое сообщеніе. Ред.

VI.

Осада Мензелинска.—Вылазки гарнизона противъ митежниковъ. -- Волненіе подъ Челябинскомъ.—Распоряженіе воеводы Веревкина. — Хорункій Невзоровъ.—Манифесты Пугачова и ихъ значеніе. — Декалонгъ и его объявленіе.—Побъда Декалонга и освобожденіе Челябинска отъ осады.

Никогда еще крестьянское возстаніе не было такъ сильно, какъ въ Декабръ 1773 года. Бунтъ разгорался чуть не съ каждымъ часомъ. Образовавъ множество отрядовъ, бунтовщики разбрелись во всъ стороны, всюду устилая путь свой убійствами и освъщая пожарами. Многолюдная Кундравинская

¹) Дѣло о Пугачовѣ, № 85, т. VI, л. 343 и 401.

²⁾ Относительно казни Чики и Губанова много разногласій: то они казнены 25-го Января (Орен. Губ. Въд. 1847, № 12—15), то въ первыхъ числахъ Февраля (Оренб Губ. Въд. 1852, № 8, 14—16). Но въ донесеніи воеводы Оренбургскому губернатору отъ 16 Февраля (дъло № 85, т. VIII, л. 301) точно увазано вышепоказанное нами число.

³⁾ Что быль за человъкъ Губановъ, какая его была цъль, бросивъ жену и дътей, присоединиться къ Самозванцу, изъ дъль архивныхъ нельзя ничего почерпнуть. Даже въ сентенціи отъ 10 Января 1775 г. о немъ не упоминается, а между тъмъ архивныя дъла называютъ его главнымъ сообщинкомъ Пугачова.

⁴⁾ Орен. Губ. Въд. 1852 г. № 8.

слобода Исетской провинціи 1) первая примкнула къ волновавшимся Башкирамъ, которые, только что усмиренные лътъ 20 тому назадъ во время Бурзянскаго возмущенія, снова воспрянули духомъ и, соединившись съ крестьянами и мастеровыми горныхъ заводовъ, терзали предълы Оренбургской губерніи 2).

Въ Декабръ 1773 года значительная шайка ихъ подступила къ Мензелинску, въ то время очень плохенькому уъздному городишкъ, который не представлялось взять никакой трудности, если бы мятежники дъйствовали умъло.

Положеніе города было самое плачевное. Изъ 130 отставныхъ солдать съ однимъ оберъ-офицеромъ большая часть была выведена въ Уфу. Въ Мензелинскъ же оставались лишь старики, да малыя дъти ³). Но однако и съ такими ничтожными средствами, жители сумъли выйти побъдителнии, когда бунтовщики съ 23-го по 25-е Декабря подвергли городъ бомбардировкъ.

Раздраженные этой неудачей, на следующій день, 26-го числа, мятежники рішили во что бы то ни стало завладіть городомъ. 10 тысячь ихъ съ 14-ю пушками, подъ начальствомъ Башкирскаго старшины Татарина Санонна, окружили городъ со всёхъ сторонъ и сначала открыли огонь съ р. Мензелы по городскому пикету, стоявшему въ концъ Панской слободы. Но командиръ пикета этого, капитанъ Тихановскій отвічаль имъ тімъ же, а чтобы бунтовщики не могли переправиться черезъ рвку, приказаль спустить въ этомъ мъсть воду. Тогда мятежники отступили и, переправившись ниже, напали на шедшаго съ командой изъ Нагайбацкой криности кашитана Алексвева. Завязалась отчаленая схватка. Толпа бунтовщиковъ, высъдая на команду, приблизилась къ городу и зажгла гумна и единъ крайній дворъ. Изъ города дали сильный залоъ. Мятежники остановились, но потомъ, носле неудачной попытки склонить горожань къ добровольной сдачв города, снова ринулись на крепостные валы. Съ часу дня до сумерекъ оплись враги, но въ концъ концовъ, потерявъ три пушки, принуждены были отступить съ значительнымъ урономъ. У насъ же было убито щесть человыкъ и пысколько раненыхъ, въ томъ числь капитанъ Алексвевъ въ руку пикой.

Извъдавъ картечь Мензелинскихъ пушекъ, мятежникг уже не подступали близко къ городу; только коппыя партіи яхъ въ 200—300 всадниковъ разъёзжали по окрестностямъ и препятствовали жателямъ выбъзжать изъ города за необходимыми предметами продовольствін. Види нервинтельность бултовщиковъ, горожане надумали сдёлать противъ нихъ выдазку, и когда, 12-го Января, партія въ 300 конныхъ и пъщихъ Башкировъ показалась вблизи

¹⁾ Нына Тронцкаго увада Оренбургской губереін казачыя станяца.

²⁾ Изъ рапортовъ Михельсона А. М. Бибикову видно, до какого ожесточенія дошли Башкиры: "въ пиль здость и жестокость съ такою яростью вкоренились, что ръдкій живой въ полонъ отданался, а которые и были захвачены, то нъкоторые вынимали пожи изъ кариановъ и ръзали людей ихъ ловившихъ". Ред.

³⁾ Справочи. книжка Уфимской губ. 1883 г., II, стр. 296.

города, а потомъ скрылась изъ вида, маіоръ Петровъ и прапорщики Дударь и Самарцевъ съ отрядомъ вышли въ поле и, не смотря на глубокій снъгь, засёли въ кустахъ около дороги. Чрезъ нёсколько минутъ бунтовщики снова показались и направились къ Мензелинску; но какт только они миновали кусты, солдаты дали ружейный залиъ и потомъ бросились на нихъ въ тылъ. Въ тоже время изъ города вышли съ командой маіоръ Головъ и капитаны Евсевъ и Рушинскій и съ противоположной стороны начали тёснить мятежниковъ. Башкиры смёшались и бросились къ дер. Мазиной, откуда, поддержанные новыми толпами, воротились назадъ; но дружнымъ натискомъ Мензелинцы сломили ихъ и преследовали до Мазиной, захвативъ 2-хъ въ пленъ и 22 убитыми. Одновременно съ другой стороны у дер. Деуковой маіоръ Ляховичъ и капитанъ Евсевъ съ 80 человеками пёхоты и мёщанъ обратили въ бёгство 500-ную толпу, полонивъ одного старшину Абдулу Егафева и 50 Башкировъ со знаменемъ, которое было въ рукахъ убитаго въ дёлё Башкировъ со знаменемъ, которое было въ

Такъ блистательно были отражены противники, которые хлынули прочь и больше за все время Пугачовскаго мятежа не показывались подъ Мензелинскомъ. Жители же въ воспоминание этого события установили каждогодно въ Май ко дию Св. Николая Чудотворца приносить изъ г. Елабуги икону Спаса Нерукотворнаго Образа и совершаютъ моления о погибшихъ въ бою предкахъ своихъ 1).

Бунть твиъ временемъ разгорадся съ большей силой и перешелъ далве къ границамъ Сибири. Въ Январв 1774 года опасность уже угрожала г. Челибинску, бывшему тогда центромъ управленія Исетской провинціп, въ кругь которой входили вся Зауральная Башкирія и увзды или по тогдашнему дистрикты: Исетскій (Челябинскій), Шадринскій, Окуневскій, Куртамышевскій и Увельскій. Воеводою въ то время въ Челябинскі быль стат. сов. Алексві Петровичъ Веревкинъ, человікъ умный и энергичный. Такъ какъ въ провинціи совсімъ не было войскъ, ибо большая часть Исетскихъ казаковъ была выведена въ Оренбургъ и по прилинейнымъ ближайшимъ къ Оренбургу кріпостямъ, то онъ, когда получилъ отъ Рейнсдорна первое извістіе о появленіи Пугачова и открытіи мятежа въ сосіднихъ провинціяхъ, для защиты ввіреннаго ему края сділаль слідующее довольно оригинальное, но вмістії съ тімъ дільное распоряженіе.

Первымъ дёломъ онъ приказалъ изъ всёхъ людей выбрать 1300 здоровыхъ и способныхъ къ строю человёкъ, назвавъ этотъ отрядъ временнымъ казачествомъ, съ тёмъ, чтобы каждый изъ этихъ казаковъ имълъ свое огнестрёльное оружіе, у кого какое найдется, и запасъ провіанта на двъ недёли; а потомъ велёлъ собраться въ Челябинскъ всёмъ отставнымъ солдатамъ, проживающимъ въ слободахъ ²).

Распоряжение это было исполнено въ скоромъ времени, хотя не безъ нъкоторыхъ злоупотребленій со стороны ближайшихъ его помощниковъ.

⁴⁾ Изъ двла Тург. областнаго архива № 85.

^{*)} Пермскій Сбори. 1859, кн. І. Ст. Зырянова. "Пугачовскій бунть въ Шадринскомъ уфада".

Такъ напримъръ, въ казаки набирались люди одинокіе, бъдные, дряхлые или малолътки, на которыхъ была плохая надежда въ защитъ. Чтобы точно установить кого должно выбирать въ казаки, Веревкинъ издалъ другое распоряженіе, "дабы люди набирались здоровые и немалолътніе отъ семи человъкъ одинъ, а остальные шесть должны снабдить его необходимой одеждой, верховой лошадью съ приборомъ и съдломъ, фуражомъ и провіантомъ и по 25 коп. деньгами съ каждаго въ мъсяцъ, приказавъ брать казаковъ изъ большихъ семей, гдъ было пять-шесть человъкъ работниковъ; въ тъхъ же семействахъ, гдъ было менъе этого числа душъ, чтобы не разстранвать хозяйства и домашняго быта, не позволялось никого назначать въ казаки *,...

Такимъ образомъ составилось временное ополчение съ воинами въразличныхъ одъянихъ и съ разнообразнымъ вооружениемъ: у кого были винтовки, у кого ружья - турки, у кого сабли и казачьи шашки, а пъкоторые были просто съ кольями и рогатинами. Тъмъ временемъ шайка Башнировъ уже успъла занять Кундравинскую слободу, обыватели которой истрътили ихъ съ почестью, а священникъ вышелъ съ крестомъ. Паходиншеся тамъ для защиты слободы крестьяне-казаки схватили своего командира поручика Максимова и выдали его мятежникамъ. Поручикъ былъ посаженъ подъстражу и на другой день повъщенъ.

Бунтовщики сожгли туть всё "конторскія" діла, разграбили казенное имущество и, выпивь двё бочки вина, сопровождаемые крестьянами-казаками и Кундравинскими жителями, направились къ Чебаркульской крёпости, где были также встрічены священникомъ съ крестомъ и народомъ. На другой день, въ праздникъ Крещенія Господня, мятежники, послів об'єдни ходили съ крестнымъ ходомъ на воду, при чемъ священникъ на эктеніяхъ поминаль императоромъ Петра Өеодоровича.

Оть Чебаркуля до Челябинска оставался одинь лишь переходь, и буптовщики намъревались подступить къ нему 7-го Январи. Въ городъ въ это время было неспокойно. Среди Челябинскихъ казаковъ, тайно возбуждаемыхъ хорунжимъ Невзоровымъ, началось волненіе, которое вскоръ разразплось открытымъ возмущеніемъ.

Дня за два до нападенія на Челябинскъ бунтовщиковъ, въ Воскресенье, 5-го Января, когда народъ еще былъ у заутрени, казаки эти во главъ съ Невзоровымъ напали на часовыхъ, караулившихъ только что привезенныя съ Сибирской линіи пушки, поставленныя на городской площади противъ церкви и дома воеводы, связали ихъ, завладъли орудіями, зарядили ихъ и повернули по улицамъ, чтобы стрълять по городу; но подосиввшіе кръпостные артиллеристы прогнали ихъ штыками.

Воевода, бывшій въ это время въ церкви, услышавъ шумъ и тревогу, вышелъ на площадь. Мятежники бросились на него, связали и потапцили его на воеводскій дворъ "чинить надъ нимъ судъ и расправу". Богъ знастъ,

^{*)} Предписаніе Доливтскому мірскому староств отъ секундъ-маіора Завороткова, отъ 10 Девабря 1778 года.

чёмъ бы кончилась эта схватка, если бы не подоспёли тёже артиллеристы, которые съ помощію оружія отбили у казаковъ несчастную жертву. Казаки разбёжались. Невзоровъ, видя неудачу, поспёшилъ скорёе скрыться въ Чебаркуль, но пятерыхъ его главныхъ сообщниковъ успёли схватить и посадили въ тюрьму *).

Тъмъ временемъ предводитель мятежныхъ шаекъ, пировавшихъ въ Чебаркульской кръпости, называвшій себя полковникомъ, наградивъ Чебаркульскаго попа за усердіе "двумя ведрами вина и деньгами" и захвативъ потомъ пять бывшихъ тамъ пушекъ, 7-го Января двинулся къ Челябинску. Городъ еще за три версты встрътилъ мятежниковъ пушечными выстрълами, на что и они отвъчали тъмъ же, и чтобы похвалиться предъ горожанами своей "несмътной силой", разсыпали въ одиночку по возвышенностямъ въ окрестностяхъ Челябинска временныхъ, передавшихся имъ, казаковъ (крестьянъ). Маневръ этотъ однако не имълъ никакого существеннаго значенія. Жители Челябинска твердо ръшились защищаться до послъдней капли крови.

Следующій день бунтовщики ничего не предпринимали. Только одинъ Невзоровъ не разъ подъезжаль нь крепости и убеждаль часовыхъ сдаться "законному государю" и отворить наступающимъ ворота. Желаніе его, наконець, исполнили; но едва лишь онъ въехаль въ городъ, какъ теже часовые связали его и представили въ воеводскую канцелярію, а на другой день его водили по городу въ конскихъ железахъ на показъ народу, какъ изменника.

Утромъ 9-го числа мятежники ближе подвинулись къ городу и начали пальбу, которая продолжалась до полудня, не причинивъ однако гарнизону никакого вреда. Тогда бунтовщики, видн, должно-быть, безуспъшность своихъ дъйствій и невозможность побъдить городъ, хотя и были подкръплены четырьмя сотнями Баштымскихъ крестьянъ при двухъ орудіяхъ, отхлынули отъ Челябинска къ дер. Шершневой, гдъ къ нимъ присоединились еще несколько шаекъ изъ рабочихъ Кыштымскаго, Каслинскаго и Ураимскаго заводовъ.

Со всъхъ окрестныхъ селъ и деревснь текли къ мятежникамъ вооруженныя и невооруженныя шайки крестьянъ. Этому особенно способствовали листы, распространяемые агентами Пугачова, въ которыхъ такъ замакчиво для простаго, угнетеннаго кръпостнымъ правомъ люда проповъдывалась "вольностъ". Вотъ одинъ изъ этихъ листовъ:

"Божею милостію, мы, Петръ Третій, императоръ и самодерженъ Всероссійскій и проч., и проч., и проч., объявляемъ во всенародное извъстіє.

"Не безъизвъстно есть каждому върноподданому рабу, какимъ образомъ мы отъ недоброжелателей и завидцевъ общаго покоя Всероссійскаго и по всъмъ правамъ принадлежащаго Престола лишены были; а нынъ Всемогущій Госпоть, неизръченными Своими праведными судьбами и моленісмъ и

^{*)} Показаніе перебъжавшаго маъ Челибинска въ Шадринскъ посадскаго Прокопія Чебывина въ дълъ о Пугачовъ въ архивъ бывшаго Шадринского уъздиаго суда, № 5547-

усерднъйшимъ желаніемъ нашихъ върноподданныхъ рабовъ скипетру нашему покоряетъ, и завиддевъ общему покою и благотишію подъ ноги наши повергае ъ; токмо и нынъ нъкоторые, ослъпась невъдъніемъ или помрачены отъ зависти злобою, не приходять въ чувства и высокой власти нашей чинять противленіе и непокореніе и тщатся процвътшееся имя наше такимъ образомъ, какъ и прежде, угасить и нашихъ върноподданныхъ рабовъ и истинныхъ сыновъ отечеству, аки младенцевъ, осиротить. Однако мы, по природному нашему и върноподданныхъ неизръченному великодушію, буде кто и нынъ, возникнувъ изъ мрака невъдънія и пришедъ въ чувство, власти нашей покоритесь, всемилостивъйше прощаемъ; сверхъ того, всякой вольности отечески васъ жалуемъ. А буде-же кто и за симъ въ такомъ же ожесточеніи и суровости останется и данной намъ отъ Создателя высокой власти не покоритесь, то уже неминуемо навлечете на себя праведный нашъ и неизбъжный гнъвъ, чего ради отъ насъ, для надлежащаго исполненія и всенароднаго истиннаго познанія, симъ и публикуется".

"Манифестъ" этотъ 1) изданъ "Декабря дня 1773 года" и подписанъ однимъ словомъ "Петръ".

Конечно, крестьяне нисколько не задумывались надъ тъмъ, вправду ли, настоящій ли Петръ III писаль и слаль къ нимъ такіе "милостивын" грамотки или то дълаль Самозванецъ. Поэтому шли и шли подъ знамена "чудесно спасшагося" Царя. И хотя одновременно въ противовъсъ этому мъстныя власти (не только главное начальство края, но даже воеводы и коменданты кръпости), чтобы направить народъ на путь истины, также издавали воззванія, но имъ уже никто не въриль, отчасти потому, что слишкомъ много было воззваній этихъ 3), которыя каждый изъ начальствующихъ варіпроваль по своему, стараясь подъйствовать на темную массу то угрозами (какъ, напримъръ комендантъ Верхоянцкой кръпости полковникъ Ступишинъ), то ласками и, объщаніемъ милостей (какъ генераль-поручикъ Декалонгъ), а отчасти и, главнъе всего, потому что большинство властей было не любимо народомъ, такъ какъ даже въ обыкновенное время своими дъйствіями возбуждало всеобщую ненависть.

Собравшись толной въ нъсколько тысячъ человъкъ, мятежники отъ Шершевой снова подступили къ Челябинску, на этотъ разъ, видимо, съ твердымъ намъреніемъ завладъть имъ, и обложили его со всъхъ сторопъ, не пропуская ни коннаго, ни пъшаго внутрь города и оттуда.

Управитель Окуневскаго утода Томиловъ, извъстись о грозившей Челябинску опасности, собралъ 100 человъкъ крестьянъ и въ половинъ Япваря 1774 года выступиль съ ними, намъреваясь если не прогнать отъ Че-

^{&#}x27;) Напечатанъ въ "Пермскомъ Сборн." 1859, кн. І и перепечатанъ въ "Орен. Губ. Въд." 1869, № 45. Еще характернъе воззвани Грознова. См. Дубровинъ II, 220—221. Ред.

³) Кромъ приложенныхъ къ "Истор. Пугач. бун." Пушкина, ихъ можно еще найти въ "Перм. Сбор." 1859, кн. І, "Оренбур. Губер. Въдом." за 1868 г., № 33 и за 1869 г. № 46, въ "Памат. книж. Оренб. губер." 1865 г., стр. 133 и друг. изданіяхъ. Заттал нъ воззваніяхъ своихъ правительство иногда прибъгало къ завъдомой и очевидной лжи. Ред.

лябинска мятежниковъ, то хоть дать каную либо помощь городу. Но узнавъ, что всё пути къ Челябинску заняты уже Башкирами, заблагоразсудилъ за лучшее воротиться въ Окуневскъ і).

Челябинскъ находился въ самомъ безвыходномъ положеніи. Помощи ни откуда, гарнизонъ маль, а между тьмъ толны мятежниковъ съ каждымъ днемъ унеличивались все болье и болье. Очевидно, ихъ привлекала сюда "богатая казна", которая по ихъ мнънію, должна была находиться въ Челябинскъ, такъ какъ въ немъ сосредоточивалось все управленіе общирной Исетской провинціи. Къ счастью горожанъ, мятежники не производили еще серьезныхъ дъйствій и ограничивались лишь обложеніемъ города; должно быть, хотъли выморить его осадой.

Одинъ изъ мятежныхъ предводителей Михаилъ Ражевъ, отобравъ дучшія силы бунтовщиковъ изъ подъ Челябинска и оставивъ туть лишь однихъ Башкировъ, въ концъ Января двинулся на Міясскую кръпость и далъе до села. Бродокалмацкаго, покоряя себъ всъ лежащія на пути деревни. Тъмъ временемъ другія шайки, дойдя предъловъ Окуневскаго дистрикта, захватили близънего лежащіе пригороды: форностъ Карачельскій и богатое село Воскресенское ²).

Опасаясь за участь своего города, Окуневскій управитель просилъ старосту Воскресенскаго села прислать имъвшінся тамъ пушки и послалъ для того своего канцеляриста Шляпкина; но послъдній 7-го Февраля донесъ ему, что исполнить приказанія не можно, такъ какъ селомъ этимъ успъли завладеть матежники, "изъ коихъ 90 было Русскихъ и 10 Башкировъ", и жители уже присягнули Самозванцу. Мятежники сожгли дъла сельской конторы, въ кабакъ выпили все вино, а цъловальника за то, что у него оказалось мало выручки, избили, старосту-же "за опубликованіе присылавшихся прежде распоряженій начальства о Пугачовъ", высъкли плетьми и заковали въ жедіза, послів чего, набравъ въ разныхъ містахъ у обывателей пожитковъ на десять возовъ и захвативъ дей пушки, на лошадяхъ Воскресенскихъ крестьянь увезли это имущество въ Карачельскій форпость. "Здісь, какъ удалось узнать Шляпкину посредствомъ шпіонства, бунтовщики похвалились набрать войска до 10 тысячъ и идти чрезъ два дня къ Окуневску; а ушло ихъ къ Долуатову монастырю и къ городу Шадринску иять тысячь, отправлено на низъ по Тоболу въ Куртамышъ до шести тыс. и около Челябинска, кромъ Башкировъ, стоить однихъ Русскихъ девять тыс., которые осажденных въ Челябинскъ продержать безъ баталіи вплоть до Благовъщенія, а потомъ, ежели не покорятся, они поступить съ ними, какъ съ злодъями, вооруженной рукой ..

Чувствун, что ему не справиться съ буйной ватагой, Томиловъ забралъ изъ Окуневска пушки, казну и канцелярію и посившиль скрыться въ

^{&#}x27;) Изъ отношенія Томилова къ Шадринскому коменданту 17 Января 1774 г. (дъло бывшей Окуневской управит. канцелярів).

³) Село это ранъе принадлежало архісрейскому дому митрополита Сибирскаго и Томскаго.

Исетскъ; но по дорогъ, въ селъ Мехомскомъ, былъ встръченъ посланнымъ къ нему отъ Шадринскаго коменданта нарочнымъ, съ приглашениемъ идти въ Шадринскъ, какъ мъсто болъе безопасное для проживания, и Томиловъ направился туда, гдъ и жилъ все время до усмирения мятежа (до 9-го Апръля 1774 г.).

Послѣ удаленія его, мятежники не только взяли приступомъ Окуневскъ, но прошли даже до предъловъ Куртамышевскаго увзда. Предводитель ихъ Ражевъ, усилившись еще больше солдатами и крестьянами захваченныхъ селъ, крѣпостей и городовъ, пошелъ къ Сѣверу по р. Міясу къ Долматову монастырю '), съ цѣлью заяладѣть его сокровищами, которыми тоть въ то время славился. Бунтовщики употребляли всѣ мѣры, чтобы овладѣть хорошо укрѣпленнымъ монастыремъ, дѣйствуя на осажденныхъ то угрозами, то увѣпцаніями съ обѣпцаніемъ различныхъ льготъ и вольностей г). Съ каждымъ днемъ толпы ихъ усиливались, замѣняя убитыхъ и раненыхъ новыми силами, а монастырь изнемогалъ отъ тяжести полутора мѣсячной осады; силы защитниковъ съ каждымъ днемъ слабѣли, боевые запасы истощились, продовольствія уже не хватало.

Въ это самое тяжкое время, когда Челябинскъ едва держался, Шадринскъ также быль обложенъ кругомъ, Окуневскій и Куртамышевскій увзды разграблены мятежниками, и въ последнихъ числахъ Февраля съ своимъ трехтысячнымъ корпусомъ въ пределы Исетской провинціи вступилъ давно ожидаемый "надъ Сибпрскими войсками главный командиръ", гепералъ-поручикъ Декалонгъ.

Прежде всего онъ очистиль отъ мятежныхъ шаекъ г. Шадринскъ, назначивъ комендантомъ его маіора Кенига и закрывъ въ немъ всё кабаки, въ которыхъ обыкновенно сообщники Пугачова спаивали народъ и склоняли его "разными злокозненными предыщеніями" въ подданство Самозванца. Затъмъ онъ обратился къ жителимъ Исетской провинціи съ возяваніемъ, призывая ихъ къ покорности законной государынъ и объявляя, что "если которыя по тракту къ Екатеринбургу селенія еще тъмъ ядомъ (мятежа) заражены, то бъ очувствовались; жители оныхъ присыдали ко мить встрти отъ себя лучшихъ мірянъ съ признаніемъ своего преступленія, которые, получа прощеніе, паки въ жительство отпущены будутъ; а какъ я съ состоящими при мить войсками, коихъ не менте трехъ тысячъ, имтю следовать къ Екатеринбургу, для того въ деревить Коротковой, въ Долматовт монастырт и въ прочихъ по тракту лежащихъ мітелахъ приготовить къ продовольствію тъхъ войскъ провіанта, овса и ста безнедостаточно" з).

^{&#}x27;) Долматовъ мужскій монастырь расположень на лівомъ берегу р. Исети, въ 158 верстахъ отъ Екатервибурга, по дорогів къ Шадринску. Еще въ 1762 монастырскіе крестьяне взбунтовались противъ монаховъ. Возстаніе вто извідстное подъ именемъ "Дубинщины", усмирено было съ большой жестокостью. Ред.

 ^{*)} Свищенникъ села монастырскаго Никольскаго поддерживалъ духъ возмущения. Ю. В.

[&]quot;) Перм. Сборн. 1859 г., кв. І. "Оренб. Губ. Въд." 1869, № 46.

Но воззвание это на первыхъ порахъ нисколько не подъйствовало на народъ. Не смотря на дальнъйшее движение Декалонга отъ Шадринска, неистовства мятежниковъ продолжались, и жертвой ихъ сдълался Усть-Міясскій винокуренный заводъ, разграбленный бунтовщиками. Одновременно съ этимъ Ражевъ, снявъ осаду Долматова и оставивъ осаду Челябинска на долю Башкировъ и разной сволочи, стягивалъ свои лучшія силы къ р. Уксянкъ, чтобы дать Декалонгу генеральное сраженіе и воспрепятствовать его движенію въглубь провинціи.

Дъйствительно подъ Уксянкой произошло жаркое дъло, длившееся подрядъ нъсколько часовъ и, не смотря на то, что у Декалонга было всего нъсколько пушекъ, а у мятежниковъ до 50 орудій и численность ихъ далеко превышала численность правительственныхъ войскъ, побъда была на нашей сторонъ. Мятежники были разбиты на-голову и бъжали, оставивъ на полъ боя 800 человъкъ убитыми и до 1000 ранеными и 26 орудій.

Такая побъда возвысила Декалонга въ глазахъ народа; теперь воззвапіе его было болъе убъдительнымъ, и къ нему начали поступать просьбы о помилованіи, провинившіеся называли его отщомъ и просили его "смиловаться надъ ними". И генералъ, чтобы наглядно доказать народу, какъ слуги законной Государыни чужды звърства и озлобленія Пугачовскихъ предводителей, прощаль виновныхъ, отдавая въ руки правосудія только главныхъ и серьезныхъ зачинщиковъ.

Послв побъды Декалонгъ вернулся въ Шадринскъ, чтобы дать тамъ пъкоторый отдыхъ войскамъ, время отъ времени посылая небольше отряды по окрестнымъ деревнямъ и селамъ для очищенія ихъ отъ мятежниковъ. Но отряды эти мало имъли успъха, такъ какъ бунтовщики соединялись большими партіями, съ которыми трудно было справиться мелкимъ отрядамъ. Тогда Декалонгъ самъ со всъми своими войсками вновь выступилъ изъ Шадринска и направился къ Челябинску, усмиряя по дорогъ попутныя села. Но лишь только онъ удалялен, какъ бунтъ вспыхивалъ снова и ожесточался еще болъе. Декалонгъ понялъ, что, пока глава мятежа не будетъ у него въ рукахъ, прочнаго спокойствія нельзя ожидать. Поэтому онъ ръшился настичь самого Самозванца, который уже свиръпствовалъ въ Карагайской кръпости. Но приблизившись туда, Декалонгъ засталъ только дымившіяся развалины—Пугачовъ громилъ Троицкую.

(Продолжение будеть).

ЗАПИСКИ ПЕТЕРБУРГСКАГО ЧИНОВНИКА СТАРАГО ВРЕМЕНИ

(Петра Ивановича Голубева 1).

Въ продолжение производства дълъ о расходахъ на войну съ Турцією въ 1828 и 1829 годахъ, директоръ часто посылаль меня къ министру для доклада особенно экстренныхъ бумагъ, и тогда-то и увидъль близко этого необыкновеннаго человъка 3). Множество дъль, въ которыхъ онъ, своею расчетливостію и предвидініемъ послідствій какихъ либо финансовыхъ мъръ, доставлялъ казнъ огромныя выгоды, производились въ моемъ отдъленіи. Такъ, въ 1829 году, онъ купилъ у коммерческаго дома Сегенъ и К° 100 т. Голдандскихъ червондень по 10 р. 20 к. и отдалъ ихъ на заграничные расходы по 11 руб. 75 к.; следовательно выиграль при этомъ обороте 155 г. руб. Съ этими бумагами я посланъ былъ въ нему въ Духовъ день 1829 года, когда въ лътнемъ саду во всъхъ сторонахъ гремъда музыка и толнилась огромная масса гуляющихъ. Министръ жилъ тамъ же во дворцъ Петра І-го вивсто дачи, чтобы менве тратилось времени на пересылку бумагь за городъ обратно. Я, за теснотою, не могь пройти къ его квартиръ со стороны Инженернаго замка, а зашелъ съ Невы. У меня было только два предписанія Главному Казначейству: одно, чтобы принять отъ Сегена и К° 100 т. черв. и отпустить имъ 1.020.000 руб., а другое выдать эти червонцы по извъстному назначенію, поставя ихъ въ расходъ суммою въ 1.175.000 ассиг. Подписавъ эти бумаги, онъ съ улыбкою спросиль меня: Каково? Я отвъчаль «превосходно, ваше сіятельство». Вообще онъ терпъть не могъ никакой болтовни, какъ бы она ни была красноръчива, и Басинъ нравился ему въ особенности тъмъ, что умълъ избъгать всякихъ предисловій и послъсловій, но ограничивался только словами самыми необходимыми, стараясь лишь отвъчать на вопросы графа.

Однажды, тоже лътомъ 1829 года, получена была отъ Новороссійскаго и Бессарабскаго генераль-губернатора графа Воронцова съ

¹) См. выше книга I, стр. 513.

²) Графа Е. Ф. Канкрина, П. В.

нарочнымъ бумага, по которой требовалось немедленно ассигновать въ сто распоряжение 100 т. р. на расходы по прекращению бывшей тогда въ Одессъ чумы. Это требование нельзя было отложить ни на одинъ день; но и слишкомъ поспъшное исполнение казалось невозможнымъ потому, что на отпускъ этихъ денегъ не было еще испрошено высочайшее разръшение. Розенбергъ послалъ меня съ этою бумагаю къ министру, узнать, что по ней будетъ приказано. Войдя въ кабинетъ, я сказалъ: «Ваше сіятельство графъ Воронцовъ»... Снаю, но что намъ тылать? Государь теперь польнъ, и я никакими токлатами безпокочть сло не смъю!» Я доложитъ, что графъ Воронцовъ обязанъ доставлять пищу оцъпленнымъ домамъ. Графъ отворилъ ключемъ бюро п, доставъ оттуда какую-то бумагу, сказалъ:

«А Ивант Иванычт върно тумаетт, что я просъвалт испросить плаговременно пужныя псвельнія... Нътт, патюшка, напишите ассигновку по высочайшему повельнію и пришлите мнъ къ подписанію ст курьеромъ».

Такъ и было сдълано.

Одинъ разъ при мив откланивался графу Егору Францовичу вновь опредвленный вице-губернаторъ*), которому онъ далъ такое напутственное наставленіе: «Не подписывайте бумагь, не читая; та не посволяйте себв на носу пирюльки точить!!!»

Мив однажды случилось въ присутствіи графа защищать противъ директора особенной канцеляріи по кредитной части (въ послъдствіи министра и графа Вронченки) составленный въ департаментв нашемъ расчеть съ Кабинетомъ Его Величества въ суммв, какая Кабинету слъдовала изъ добычи золота и серебра на Колывановоскресенскихъ Нерчинскихъ заводахъ. Мое защищеніе этого расчета прошло очень благополучно, и графъ, отпуская меня, удостоилъ благосклонною улыбкою, которая очень меня порадовала.

Вообще, приводя себъ на память приказанія и поступки этого великаго министра, я не могу умолчать о нихъ, желая принесть и мою убогую жертву памяти этого незабвеннаго государственнаго человъка. Мои воспоминанія о графъ, конечно, очень бъдны, и я не считаю себя достойнымъ коснуться его исторіи, къ величайшему сожальнію еще никъмъ не начатой, исторіи требующей отъ ея составителя высокихъ финансовыхъ свъдъній и дарованій, чтобы понять и объяснить всъ дъйствія величайшаго изъ министровъ.

Изъ разныхъ остатковъ суммъ, пріобрътенныхъ его же бережливостію и не входившихъ въ государственный бюджетъ, составилъ онъ

^{*)} Бывшіе вице-губернаторы переименованы потомъ председателями вазенныхъ палатъ.

значительные капиталы и построиль изъ нихъ биржевые пактаузы п таможенный скверь (они приносять порядочный ежегодный доходъ казив и величайшую пользу купечеству), основаль Технологическій Институть съ православною церковью и всеми его практическими заведеніями; развель на гласись здынней крыпости превосходный публичный садъ, цазвавъ его Александровскимъ паркомъ (въ самомъ же дълъ паркъ этоть долженъ бы быль считаться живымъ и въчнымъ монументомъ самого графа), построилъ также Пъвческій мость *), украсивъ такимъ образомъ дворцовую площадь, окончилъ великолъпный соборъ Смольнаго монастыря, начатый при императрицъ Едисаветъ Петровнъ, по плану знаменитаго архитектора Растрелли, воздвигнулъ множество памятичковъ сраженій отечественной войны 1812 года. Но самое важнос изъ его распоряженій по части департамента Государственнаго Казилчейства было учреждение гербовыхъ квитанцій. Дѣло это пропвводилось не въ нашемъ первомъ, но въ третьемъ отделени бухгалтеріи, котораго начальникомъ быль статскій советникъ Севриновъ. За участіє нь этихъ трудахъ графъ наградиль его орденомъ Св. Анны 2 степени, украшеннымъ брилліантами.

Мъра эта совершенно прекратила милліонныя кражи казначесвъ, которые утанвали доходы въ свою пользу.

Приспособленіе таможеннаго тарифа къ современнымъ требованіямъ народа, въ видахъ усиленія доходовъ временныя мануфакфактурныя выставки, въ объихъ столицахъ, фабричныхъ и мануфактурныхъ произведеній, возстановленіе упадшихъ питейныхъ гоходовъ, распространеніе золотыхъ пріисковъ, улучшеніе технической части монетныхъ дворовъ, громадное увеличеніе банковыхъ оборотовъ, доставившихъ обильный источникъ денежныхъ сумит для устройства разныхъ шоссированныхъ дорогъ, военныхъ сооруженій и проч., всъ эти дъйствія составляютъ истинную славу министра, но принадлежатъ, какъ сказано, его исторіи.

Съ увеличениемъ нашихъ работъ по части ассигнования суммъ на военные расходы, Басинъ ходатайствовалъ о помъщении меня въ казенную квартиру. Миъ ее дали, но крайне дурную, хотя очень об-

^{*)} У графа Канкрина была страсть къ постройкамъ, которыя вногда не удавались. Такъ одинъ мостъ (кажется, на Крюковомъ каналъ) провалился въ день его освищения, что дало поводъ къ строфа въ шуточномъ стихотворени С А. Соболевскаго Канкриніада:

Кто странъ, скажите, отчей Придалъ исполинскій рость? Кто построилъ чудный зодчій Самопадающій мость?

пирную; она испорчена была наводненіемъ, но черезъ годъ я, по назначенію директора, перемъниль ее на болье удобную во второмъ или антресольномъ этажъ. Казенная квартира дана мнъ очень кстати, потому что кромъ чрезвычайно умножившихся въ первомъ отдъленіи бухгалтерін временно распорядительныхъ и счетныхъ работъ по военпымъ обстоятельствамъ, возложены были на это отдъленіе по высочайшей воль навсегда постоянныя обязанности-представлять разные срочные счеты и еженедъльную въдомость о чрезвычайныхъ по государству расходахъ. Чтобы не утомлять высочайшее вниманіе, нужно было писать эту въдомость на одной страницъ обыкновеннаго листа, слъдовательно оставалось вносить только важивнийя статьи расходовъ кратко и ясно, показывая издержки мелочныя итогомъ. Представленная за одну неделю ведомость возвращалась отъ Государя министру, а тотъ подносилъ въ тоже время новую. Приготовление этой въдомости требовало особенной точности и тщательности въ редакціи, такъ какъ Государь обращаль на всв ся статьи особое высочайшее вниманіе.

Другое, болье тяжкое дъло относилось въ общимъ обязанностямъ по исполнению высочанщаго повельния о представлении отчетовъ о дъйствияхъ каждаго министерства и управления.

Здъсь до перваго отдъленія бухгалтеріи, т. е. до меня, касались только численность по обороту суммъ, а она-то и составляла чрезвычайную трудность, такъ какъ, по общирности Имперіи, невозможно было получать изъ губерній къ сроку для составленія этого предварительнаго отчета нужныя сведенія, и во многихъ случаяхъ неизбежно было извлекать цыфры изъ приблизительныхъ соображеній. При первомъ приступъ къ этому дълу оно оказалось совершенно невозможнымъ. Написано было директоромъ Розенбергомъ, Басинымъ, мною, огромное число формъ и примърныхъ счетовъ, но всв они далеко неудовлетворяли требованіямъ. Мы опасались, что со временемъ, при сличении цыфръ, составленныхъ по примърнымъ соображениямъ, съ цыфрами настоящихъ отчетовъ, откроются большія несходства, и можно подвергнуться за невърности въ суммахъ отвътственности и даже гивву Государя Императора; но наконецъ Богъ вразумиль насъ одольть этоть тяжкій трудь и, посль мукъ, потерпънныхъ при составленіи этого почти невозможнаго отчета за первые три года, діло облегчилось опытомъ и постепенно придуманными облегчительными формами.

Текстъ этого отчета, въ самомъ началъ, порученъ былъ Александру Максимовичу, а потомъ поручался другимъ лицамъ, по избранію директоровъ; цыфры же главнъйше требовались отъ перваго отдъденія бухгалтеріи. Въ званіи бухгалтера я былъ ровно 8 лътъ и почти во все это время не имълъ своей воли. Отправляясь къ роднымъ на Петербургскую Сторону, я выбиралъ время, смотря по ходу дъла, и уъзжалъ изъ департаментскаго дома, даже на часъ, не иначе, какъ съ дозволенія начальника отдъленія, который всегда зналъ, гдъ меня отыскать въ случав надобности. Онъ однако не требовалъ такой рабской покорности, а я самъ, опасаясь быть причиною какой либо остановки въ дълахъ по военному времени, добровольно наложилъ на себя тяжелое бремя такой зависимости.

Въ Январъ 1829 года я получилъ чинъ 8-го класса и орденъ Св. Анны 2-й ст. Василій Степановичъ пригласилъ меня съ женою на вечеръ и при многихъ гостяхъ, въ присутствіи бывшаго нашимъ главнымъ начальникомъ въ экспедиціи о государственныхъ доходахъ А. И. Миллера, благодарилъ за мое примърное, какъ онъ тогда выразился, усердіе къ службъ, и облобызавъ возложилъ на меня орденъ. Это былъ мой тріумоъ. Честь дороже денегь.

1829 годъ окончился для меня не совсёмъ счастливо: начальникъ и благодётель мой, директоръ департамента, тайный совётникъ Розенбергъ скончался внезапно, 16 Декабря. Мёсто его заступилъ въ качествё управляющаго департаментомъ вице-директоръ Николай Романовичъ Политковскій. Онъ любилъ всёхъ сослуживцевъ и былъ любимъ всёми. Эта прекрасная, благороднейшая душа не могла быгъ съ черстнымъ чиновничьимъ сердцемъ, и Николай Романовичъ, сокровище своихъ друзей, отлично образованный и принадлежавшій къ лучшему обществу, не имёлъ дарованій присяжнаго сидёльца, а потому не могъ при такомъ министре, какъ графъ Канкринъ, наслёдовать званіе директора.

Послъ утвержденія росписи на 1830 годъ, Николай Романовичъ выпросиль мнъ и моему товарищу, другому бухгалтеру, Н. Р. Кондратьеву всемилостивъйшія награды, по брилліантовому перстеньку изъ Кабинета.

Въ Розенбергъ я лишился втораго отца, но Богу угодно было послать мнъ другаго покровителя: изъ сердитаго грубаго, взыскательнаго командира, Василій Степановичъ обратился въ благодътельнаго и внимательнаго начальника, какъ я уже и говорилъ.

Хотя Турецкая война окончилась еще въ Сентябръ 1829 г., но расчеты и разныя претензіи по этой войнъ не только не уменьшались, но еще увеличивались, а между тъмъ возникла новая переписка и отчетность по войнъ противъ Польскихъ мятежниковъ. Дошло до того, что мы иногда сидъли въ департаментъ съ 8 часовъ утра до 9 часовъ

вечера, не имъя времени дойти нъсколько шаговъ до своихъ квартиръ въ домъ департамента.

Наступиль 1831 годь, въ Польше и Западномъ нашемъ крав появилась ходера. Въ это время я чуть не попаль въ бъду отъ одного безтолговаго писца. Изъ нъкоторыхъ губерній требовались для дъйствующей армін и въ зараженныя холерою мъстности врачи. Надобно было дать циркуляръ некоторымъ казеннымъ палатамъ, чтобы онв отпускали для этихъ медиковъ прогоны и путевое пособіе въ въдъніи губернаторовъ. Точныя слова этой циркулярной ассигновки были изложены такъ: «на отправление въ дъйствующую армію врачей отпустить и проч. Два писца, каждый въ своей доль, по нъскольку экземпляровъ написали это какъ следовало; третьему же вздумалось написать: на отравление въ дъйствующей армии врачей отпускать.... Всвхъ бумагъ было до 18 совершенно одинаковаго содержанія. По настоящему довольно было бы прочесть одну или двъ бумаги, а повърку прочихъ предоставить писцамъ; но зная этихъ господъ очень хорошо, а прочиталь каждую самь, и дойдя до отравленія страшно испугался. Мнв представилось, что какой-то злой духъ вертится между нами, ища, кого погубить. Въ самомъ дълъ тогда распространилась между черни молва, что холеры нътъ, а людей отравляють умышленно. Что было бы со мною, если бы эти бумаги были отправлены безъ должной осмотрительности, и кто бы мив повврилъ, что это написано по ошибкъ?

Въ Іюнъ 1831 года появилась страшная эта бользнь и у насъ въ Цетербургъ. Изъ первыхъ ея жертвъ былъ нашъ безподобный Николай Романовичъ. Исполнивъ христіанскій долгъ, онъ послѣ исповъди и св. причастія потребоваль секретаря и приказаль при себъ написать докладную записку о выдачъ къ канцелярской суммы пособій нъкоторымъ чиновникамъ, въ томъ числѣ и мнъ. Министръ тотчасъ утвердиль эту записку и прислалъ къ Николаю Романовичу; но онъ былъ уже безъ чувствъ, и мы не могли его поблагодарить, а только помолились объ упокоеніи прекрасной души его.

Департаменть быль впрочемь очень счастливь добрыми начальниками. Къ намъ поступиль директоромъ Дмитрій Максимовичъ Княжевичъ І-й. При началь моей службы въ 1811 году онъ быль начальникомъ перваго стола бывшей экспедиціи о государственныхъ доходахъ. И тогда еще Дмитрій Максимовичъ, любимый всёми сослуживцами, быль отличнымъ дёлопроизводителемъ, имён прекрасный даръ излагать ясно и всегда удовлетворительно самые многосложные предметы въ нашей бюрократіи. Кромъ службы онъ бывъ весьма ревностнымъ членомъ тогдашняго Общества Любителей Словесности (о чемъ

сказано выше), сделался известнымъ своими разборами синонимъ, какъ-то: политаю и уважию, ученость и просвыщение и прод. Но этому случаю онъ получилъ прозвание (псевдонимъ) Сослововъ. Въ последствии, при открыти нашего департамента, былъ онъ началы икомъ перваго распорядительнаго отделенія, потомъ здешнимъ вице-губернаторомъ, находился заграницею при генер-интенданте Канкрипъ для ликвидаціонныхъ расчетовъ съ жителями Немецкихъ владеній, за поставки для войскъ; по возвращеніи въ Россію, сделанъ вице-директоромъ деперталента государственныхъ имуществъ, затёмъ директоромъ канцеляріи министра финансовъ и наконецъ поступилъ въ директоры къ намъ.

Со вступленіемъ Дмитрія Максимовича началась новая эпоха для департамента. Отчетность его досель представляема была только одному Государственному Совьту; а съ 1831 года ревизія отчетовъ казенныхъ палатъ, производившаяся въ Государственномъ Контроль, возложена на департаментъ Государственнаго Казначейства съ тымъ, чтобы онъ, по предварительномъ обревизованіи губернскихъ отчетовъ, представлялъ Контролю общій о государственныхъ доходахъ и расходахъ отчетъ. Исполненіе этого новаго закона требовало измінить совершенно весь счетный составъ департамента, согласить съ его возможностію и средствами слишкомъ распространенныя требованія Ісонтроля и дать этому общирному дълу правильный и удобный ходъ.

Это могъ совершить и совершиль только Дмитрій Максимовичь. Онъ своими практическими и неопровержимыми доводами поставиль Государственный Контроль въ необходимость отступиться отъ всъхъ излишнихъ подробностей и принять формы болже ясныя и краткія по проектамъ не Контроля, а самаго департамента, которому впрочемъ не дано для совершенія этого дёла никакихъ вспомогательныхъ суммъ въ дополненіе къ штату 1821 года.

При дъятельномъ содъйствіи самого директора, одольны ревизіонными отдъленіями всь трудности, и первый отчеть доставленъ Контролю въ опредъленный срокъ; а потомъ привычка чиновниковъ и вповъ допущенныя, по сношенію съ Контролемъ, облегченія дали этому огромному дълу успъшный ходъ, но съ непремъннымъ условіемъ постоянныхъ посльобъденныхъ занятій всъхъ контрольныхъ нашихъ частей. Главнымъ облегченіемъ въ этомъ дъль было сокращеніе формъ отчета, представляемаго ежегодно министромъ финансовъ Государственному Совъту. Представленіе объ этомъ писано самимъ Дмитріемъ Максимовичемъ и принадлежитъ къ образцамъ превосходнаго дъловаго слога. Лучиними сотрудниками Дмитрія Максимовича въ этомъ гигантскомъ трудъ по части отчетной были: начальникъ 2-го отдъленія бухгалтеріи

М. М. Севриновъ и бухгалтеры С. М. и А. М. Кобылины, Ермолинь и Криль.

Такъ наши съ Басинымъ дъйствія (государственный бюджеть п военныя дъла) отошли на второй планъ дъйствій департамента.

Въ 1832 году Басинъ и П. П. Янжулъ-Михайловскій утверждены вице-директорами, первый за труды, второй изъ особаго уваженія, какое всегда питаль въ душт своей Дмитрій Максимовичь въ памяти бывшаго управляющимъ экспедицією, Лубьяновича.

На мъсто начальника отдъленія Басина было два кандидата, бухгалтеры Н. Р. Кондратьевъ и я. Министру угодно было избрать меня. Записка объ этомъ написана была собственною рукою Дмитрія Максимовича и утверждена графомъ Канкринымъ 20 Января 1832 года, но я никогда прямыхъ докладовъ Дмитрію Максимовичу не имълъ, и ихъ удержалъ за собою Басинъ. Къ министру я также во все время управленія Княжевича департаментомъ не показывался. При всемъ томъ Дмитрій Максимовичъ избралъ для меня прекрасную квартиру (одну изъ лучшихъ въ домъ департамента) въ 4-мъ этажъ, на углу Садовой и Италіянской улицъ. Окладъ моего жалованья составлялъ по штату 4000 р. ассигн. въ годъ.

Долгъ благодарности и глубокаго душевнаго почтенія къ Д. М. Княжевичу побуждаетъ меня посвятить нѣсколько строкъ памяти этого незабвеннаго начальника. Какъ директоръ, онъ строго требоваль, чтобы каждый чиновникъ старательно исполнялъ свои обязанности; но, какъ добрѣйшій человѣкъ, отечески входилъ въ семейственныя обстоятельства подчиненныхъ и пособлялъ имъ, сколько дозволяли служебныя средства. Стараніями его многія изъ дѣтей чиповниковъ получили на счетъ казны воспитаніе; многимъ оказана отъ правительства помощь на пользованіе трудныхъ недуговъ, даны значительным испомоществованія въ тѣсныхъ обстоятельствахъ семейной жизни; большая часть чиновниковъ украшена орденами. Словомъ, управленіе его было для всѣхъ насъ золотымъ временемъ.

Никогда начальники отдъленій не пользовались такимъ уваженіемъ своихъ директоровъ, какъ при Дмитрів Максимовичъ. ()пъ обращеніемъ съ нами разъясниль, что значила поговорка Петра Великаго «время работь, веселью част». Въ дълахъ онъ былъ всегда первымъ труженикомъ: бумагу, написанную не совсвиъ ловко, онъ исправитъ безъ гнъва; негодную, какія иногда случались, напишеть самъ безъ всякихъ выговоровъ и замъчаній дълопроизводителю; но, будучи отъ природы чувствителенъ и слъдовательно горячъ, онъ не могъ владъть собою, если замъчалъ въ чиновникъ нерадъніе и особенно подлость, когда иной старается свою вину взвалить на товарища. Дмитрій Максимовичь быль красавцемь до старости, высокь ростомь и дородень; но это не мішало ему работать съ утра до вечера, а иногда просиживать за ділами цілыя ночи. За то были дни, когда онь радушно приглашаль къ себі обідать начальниковь отділеній, и они вмісті съ его родственниками и знакомыми участвовали въ его семейныхъ праздникахъ. Между прочимь мы всякій годь были приглашаемы на Большую Охту, 5 Іюля, на поминки покойнаго Корнилія Антоновича Лубьяновича (бывшаго управляющимь экспедицією о доходахъ), котораго память для Дмитрія Максимовича была священна.

Увлекшись однако пріятными воспоминаніями о нашемъ любимомъ начальникъ, я многое не досказалъ о своемъ семействъ.

Послѣ несчастнаго разрѣшенія Софыи Петровны въ 1825 году первымъ младенцемъ, намъ Богъ далъ второе дитя, дочь Марію. Она родилась благополучно и была, повидимому, очень здоровая дѣвочка; но мы съ женою лишились ея, держась, по неопытности нашей, чужихъ совѣтовъ. Старшая сестра увѣрила Софью Петровну, что она не можетъ кормить свое дитя сама, и что надо взять кормилицу; въ ожиданіи, покуда найдутъ послѣднюю, кормили дитя соской. Дѣвочка эта, казалось, имѣла свой упорный характерь и, привыкнувъ къ соскъ и рожку, не хотѣла уже никакъ взять груди. Къ несчастію, ко времени ея рожденія, я переѣхалъ въ первую казенную квартиру, крайне сырую послѣ бывшаго наводненія. Отъ неестественной пищи и дурнаго помѣщенія, дитя видимо истощалось изо дня въ день, и мы схоронили ее зимой 1826—1827 на четвертомъ мѣсяцѣ отъ рожденія.

Эта малютка едва было не увлекла за собою въ могилу и мать свою: Софья Петровна, стараясь всячески приспособлять младенца къ принятію груди, простудилась и получила жестокую грудницу. При весьма ограниченных способахь и не щадиль ничего для пользованія жены. Ее лечиль очень извъстный докторь-акушерь, г. Гейдельбергь, получая по 5 р. за визить, и не только не доставиль облегченія, но грудница угрожала воспаленіемъ. Случайно, товарищъ мой Н. Р. Кондратьевъ посовътовалъ мив употребить средство, испытанное въ подобномъ случав его женой: какую-то воду Бенедикта Руданда (Aqua Benedicti Rulandi). Надобно было взять двъ равныя части тертой моркови и березоваго толченаго угля, смешать вместе то и другое, поливъ это одною ложкой сказанной воды; смъсь эту, завернувъ колстинною ветошкой, прикладывать къ больному мъсту. Это средство перешло къ г. Кондратьеву отъ знаменитаго въ наше времи медика, Христіана Яковлевича Витта. Жена моя, употребивъ это лекарство въ нъсколько пріемовъ, получила совершенное исцъленіе.

Въ 1829 году родился у меня сыпъ Григорій. Опять спояченица моя настояла взять кормилицу; но для хорошей кормилицы средства наши были очень еще недостаточны, и намъ пришлось взять такую, какая попалась подъ руку. Вышло, что это была опытная плутовка и кормила нашего младенца, будучи беременна, что объявиль департаментскій докторъ, П. В. Богословскій. Разумівется, мы ее прогиали и взяли другую, одобренную уже докторомь; эта, проживъ нізсколько мізсяцевь, объявила, что она по какимъ-то, павірное, вымышленнымъ семейнымъ обстоятельствамь, ни за что у насъ оставаться не можеть. Съ этимъ вмізств у нея обнаружился какой-то тяжелый кашель, который пемедленно сообщился и дитяти. Такъ потеряли мы и третье дитя, но по крайней мізріз своимъ горькимъ опытомъ научились, что вмізсто этихъ поганыхъ бабъ, принимающихъ на себя изъ корысти питапіс младенцевь, гораздо лучше, если дитя будетъ питаться молокомъ своей матери.

Въ 1831 году Богь далъ мив. 12-го Апръля въ Вербное Воскресенье, сына Николая. Замъчательно, что опъ родился въ тотъ самый моменть, когда раздался первый звонь колокола къ поздией объдив; но не даль знать о своемъ рождени крикомъ, и голосъ его услышали мы чрезъ нъсколько секундъ послъ его рождени. Это показывало сго бользиенныя начала, которыя впоследствій развивались довольно сильно. Его долго наблюдаль очень опытный докторъ Шибель и не скрываль оть насъ своего опасенія, что если это дитя останстся въ живыхъ, то нельзя будетъ надъяться на его хорошія умственныя способности. Это пророчество не сбылось. Правда, малютка началь ходить только по четвертому году; но скоро обнаружиль удивительную память и любознательность, необыкновенное незлобіе, примърное послушаніе и любовь къ умственнымъ занятіямъ, отъ которыхъ благоразумнъе было бы его отвлекать, чтобы на счетъ излишнихъ свъдъній пріобръсти для него долю здоровья. Онъ окончилъ съ отличіемъ гимназическій курсь, вышель изъ университета первымъ кандидатомъ историко-филологического факультета, но имълъ несчастіе, еще учась въ гимназіи, простудиться; при усиленныхъ занятіяхъ въ университеть у него явилась глухота, которая сперва преследовала его періодически, а къ 20-летнему возрасту обратилась постоянно въ телесный недостатокъ весьма трудно излечимый. Были недъли, что онъ вовсе не могъ слушать лекцій; по товарищи отдавали ему свои записки, и онъ составляль изъ нихъ особые мемуары. Впрочемъ его исторія ему и принадлежить.

Посавдиимъ нашимъ дитятею была родившаяся въ 1834 году дочь Марія. Эта двиочка, искормленняя матерыю, росла благополучно и также одарена отличными способностями; училась въ Институть Св. Екатерины и при выпускъ награждена первою золотою медалью.

Обращаюсь опять къ главному элементу жизни моей, т. е. къ службъ.

Въ числъ чиновниконъ второго отдъленія бухгалтеріи быль очень замъчателенъ по необыкновеннымъ дарованіямъ помощникъ бухгалтера, Александръ Ивановичъ Криль. Ближайшими его начальниками были два брата Кобылины. Они почему-то не давали ему большаго хода, въроятно опасаясь, при возвышений его, проиграть во митніи высшаго цачальства, которое не могло бы не замътить необыкновенныхъ талантовъ этого молодаго человъка. Такимъ образомъ онъ долго оставался въ твии, и таланты его были извъстны только товарищамъ. При утверждении меня начальникомъ отделения, мяж предложено было избрать на свое мъсто достойнаго чиновника; я просилъ назначить Криля, и его тотчасъ же утвердили къ намъ въ первое отделение бухгалтеромъ. – Я сдълалъ это сколько изъ желанія вывести Криля изъ его замкнутаго положенія въ департаменть на Божій свъть, столько же съ намъреніемъ доставить службъ отличнаго делопроизводителя; но Кобылины не могли съ нимъ разстаться. Они считали его своимъ ученикомъ, отчего поступокъ мой приняли за совершенный дневной грабежъ и ръшились насолить мив въ свою очередь. Въ самомъ дълв и поступилъ неосторожно, взявъ изъ ихъ среды, безъ всякаго предварительнаго съ ними объясненія, человъка, безъ котораго они не могли обойтись; этимъ неловкимъ съ моей стороны поступкомъ и далъ имъ случай разыграть со мною пословицу водевиль: «на чужой каравайроть не разввай, а пораныше вставай, да свой доставай».

Въ противоположность даровитому Крилю, служилъ въ трегьемъ бухгалтерскомъ отдъленіи бухгалтеръ Дмитрій Герасимовичъ Чулковъ. Онъ быль и старъ, и грубъ, и крайне безтолковъ, такъ что не знали, куда его дъвать.

Тогда третье отдъленіе, окончивъ отчетность за прежне время, соединилось со вторымъ, и оба они поступили подъ начальство старшаго Кобылина, соединясь для одного общаго дъла: отчетности за повъйшее время.

Гг. Кобылины ловко доказали, что они, потерявъ Криля, лишились лучшаго работника и не могутъ уже удостовърить, что повая отчетность Государственному Контролю пойдетъ- съ должнымъ усивхомъ. По настояніямъ ихъ, Чулкова посадили ко мнѣ, а Криля взяли опять въ отчетныя отдъленія. Нечего было дълать. По совершенной неспособности Чулкова, оставалось мнѣ, какъ лакею, стать на запятки за объими каретами, т. е. отвъчать за начальника отдъленія и править должность бухгалтера. По счастію, у насъ въ отделеніи по штату 1821 года положено три бухгалтерскихъ вакансіи; я сталъ просить о помъщени на третью, не занятую съ самаго открытія департамента, вакансію одного, также отличнаго чиновника, Михайла Дмитріевича Шемадамова, но не изъ чужихъ, а собственно изъ нашихъ, 1-го отдъленія бухгалтеріи. Ходатайство мое объ этомъ подкрівпиль Василій Степановичъ Басинъ, и это исполнилось, чемъ я совершенно спасенъ отъ страшныхъ и даже невыносимыхъ трудовъ. Эта интрига удалась Кобылинымъ такъ легко, потому что послъ выбытія изъ департамента ихъ начальника М. М. Севринова, сдъланнаго еще въ 1827 году Пермскимъ вице-губернаторомъ, старшій Кобылинъ, Семенъ Михайловичъ, заступилъ его мъсто, и при помощи старшаго брата, Андрея Михайловича, отличнаго знатока въ счетномъ дълв и превосходнаго дълопроизводителя, имълъ вліяніе на ходъ дълъ всэхъ счетныхъ частей департамента, кромъ нашего 1-го отдъление бухгалтерии. Такимъ образомъ, хотя Криль поступилъ не въ 3-е отдъленіе, а на вакансію, открывшуюся после Чулкова, во 2-е, но все же быль въ полномъ распоряженіи Кобылиныхъ.

Съ 1833 года мое положение въ департаментъ чрезвычайно измънилось. Прежде всъ мои труды совершались въ глазахъ директора, и я дъйствовалъ почти независимо, по его приказаніямъ; но Дмитрій Максимовичъ, желая сохранить правила дисциплины и не зная меня такъ хорошо, какъ зналъ Розенбергъ, обращался во всъхъ случаяхъ къ вице-директору, предоставя даже ему докладывать всъ обыкновенныя по отдъленію исходящія бумаги, за моею скръпою.

Скоро мой добръйшій Василій Степановичь смекнуль, какъ ему надобно дъйствовать; онъ подписываль себъ свои пенсіонныя ассигновки и со стороны казалось, что онъ всегда озабочень и занять дълами; съ пимъ, какъ съ оракуломъ въ казусныхъ дълахъ, совътовались; ему поручались болье важныя дъла на предварительное заключеніе, а онъ сталъ передавать ихъ въ 1-е отдъленіе бухгалтеріи, т. е. мнъ, и дошло до того, что если какую нибудь затруднительную бумагу не беруть ни въ какое отдъленіе, то ее директоръ передаваль на разръшеніе Басину, тотъ мнъ, и наконецъ канцелярія департамента приняла за правило: «если бумагу никто не беретъ, отдавать Голубеву».

Министру обыкновенно докладывали директоръ съ вице-директоромъ Басинымъ и нъкоторыми начальниками отдълсній. Разумъется, докладныя бумаги, заготовляемыя къ подпису министра по моей части, отдавались Василію Степановичу. Ему было хорошо: онъ походилъ на орангутанга, который, поймавъ кошку, доставалъ лапками изъ печи

горячіе каштаны. Въ случав, когда что нибудь не удавалось, виновать быль начальникъ отделенія, а весь успёхъ въ дёлахъ принадлежаль ему, какъ старшему. При этомъ невольно вспомнишь поговорку употребляемую, въ подобныхъ случаяхъ нашими мужичками: «ему блинки да пышечки, а мнъ пинки, да тишечки». Были однако люди, которые понимали, кто именно достаетъ и кто именно ъстъ каштаны; первый между этими людьми былъ мой прежній начальникъ и благодётель, Александръ Максимовичъ Княжевичъ.

Надобно сказать, что мой добрайшій начальникъ Василій Степановичь, кром' свойственнаго всемъ старичкамъ недуга, жадности, побуждающей схватить при случав лишнюю тысячу, страдаль отчасти и другою бользнію, небольшимъ тщеславіемъ. Бывая иногда, по случаю разсмотренія государственной росписи Комитетомъ Финансовъ, въ предверіи этого Комитета, онъ всегда восхищался величавыми манерами нъкоторыхъ вельможъ, между прочими князя Алексъя Борисовича Куракина, котому любилъ подражать, иногда въ манерахъ: говориль съ высшими по своему, торопливо, съ низшими, подражал князю, величественно и протяжно; при входф съ дестницы въ департаменть снимали его соболью шубу нъсколько сторожей. Онъ проходиль въ комнату общаго присутствія шаркая и слегка кланяясь на объ стороны и нъсколько досадуя, что чиновники объихъ сторонъ не всъ отвъчали ему на поклоны; чихая, кланялся и благодариль, котя никто изъ присутствовавшихъ и не думалъ ему здравствовать, такъ какъ старика не любили и охотно надъ нимъ подшучивали.

Это я написаль отнюдь не для того, чтобы глумиться надъ уважаемымъ мною начальникомъ, но въ своемъ мъстъ этихъ записокъ, отдавъ справедливость хорошимъ его качествамъ, не ръшаюсь умолчать и о его слабостяхъ, свойственныхъ всякому человъку, и только различныхъ своими симптомами. Я назвалъ его добръйшимъ Васильемъ Степановичемъ. Онъ былъ дъйствительно добръ, но, предаваясь иногда припадкамъ ребяческаго тщеславія и чванства, дълалъ зло противъ воли.

Такъ онъ привыкъ смотръть на меня отнюдь не какъ на труженика, обремененнаго множествомъ разнородныхъ дълъ начальника отдъленія, но какъ на своего адъютанта. Иногда, не обращая никакого вниманія на то, что я занятъ исполненіемъ какихъ либо очень нужныхъ бумагъ, онъ требовалъ меня къ себъ чрезъ курьера за сущими пустяками и, кажется, большею частію для того, чтобы показать при постороннихъ свою власть и величіе, а потомъ самъ же дълалъ понужденіе окончить скоръе мои бумаги, изъявляя свое нетерпъніе, что онъ еще не готовы.

Однажды, возвратись отъ министра, онъ передаль мив крошечный листокъ съ несколькими строками, написанными собственноручно министромъ графомъ Егоромъ Францовичемъ, и приказалъ отправить этотъ доскутокъ немедленно къ князю А. С. Меньшикову, бывшему тогда начальникомъ Главнаго Морскаго Штаба и Финляндскимъ генераль-губернаторомъ. Дело касалось продажи Военному Министерству пороха, выдъланнаго на Финляндскомъ Эстермюрскомъ заводъ. Листочикъ этотъ и передаль нашему журналисту, А. А. Постникову, и просиль послать эту бумажку тотчасъ же. Вышла прескверная исторія. Графъ Е. Ф. Канкринъ приказалъ послать эту записочку князю Меньшикову съ надписью на конвертъ: особенно секретно, из собственныя руки, а этого-то и не сдълано. Князь Меньшиковъ, чувствуя всю важность записки, не ясную для насъ, простыхъ чиновниковъ, жаловался нашему графу, что ее прислали въ Морское Министерство неосторожно, безъ надписи секретно, и она потому раскрыта не самимъ княземъ, а чиновникомъ, которому предоставлено распечатывать всв обыкновенныя бумаги.

Не знаю, кто быль туть виновать: я ли, не выслушавь порядочно приказанія и не передавь его, какъ должно, или журналисть не выслушаль меня порядочно; но во всякомь случать быль очень не правъ и Василій Степановичь: нечего было ему звать меня, онъ должень быль, оставивъ на этоть разъ княжеское свое величіе, потрудиться псполнить въ точности самъ приказаніе министра, надписавъ какъ было сказано на конверть, или по крайней мърт велъвъ сдълать это при себъ журналисту.

Графъ Егоръ Францовичъ страшно разсердился, разругаль бы Басина въ пухъ; но въ моментъ перваго гићва, попался не онъ. а невинный директоръ Дмитрій Максимовичъ.

Васинъ однако не оставилъ этого даромъ, позвалъ къ себъ журпалиста Постникова и сдълалъ ему любезность, сказавъ такую пріятную рѣчь: «Какой ты, братецъ, выросъ большой, а ничего не умѣешь
порядочно сдълать! Какъ же ты отправилъ къ князю Меньшикову важную и очень секретную бумагу и не написалъ даже обыкновеннос
слово: въ собственныя руки». Сказавъ это, нашъ вице-директоръ
быстро обернулся и ушелъ изъ этой комнаты, не слушая никакихъ
оправданій журналиста. Къ удивленію моему, собственно мнѣ Василій
Степановичъ не сказалъ ни слова.

Во множествъ дълъ, захваченныхъ въ 1-е отдълзніе бухгалтеріи и совершенно не принадлежавшихъ ему по учрежденію департамента, нъкоторыя были многосложны и затруднительны, напримъръ: о поступленіи въ Россійскую казну Персидской и Турецкой контрибуцій,

о суммахъ, которыя Государственное Казначейство обязано отдавать, по учрежденію Бессарабской области, тамошнему 10 процентному капиталу на устройство этого края; о вознаграждении Курляндской помъщицы баронессы Клопманъ за земли ея, отошедшія подъ Ковенское шоссе; о вознагражденіи Австрійскаго подданнаго барона Сакелларіо за 50 т. быковъ, поставленныхъ имъ для войскъ нашихъ во время войны съ Турцією 1828 — 1829 гг., разсмотрівніе и заключеніе по указамъ Сената разныхъ другихъ претензій поставщиковъ во время той же войны и прочее исполнение экстренныхъ бумагъ, поступавшихъ въ большіе праздники, на томъ основаніи, что я жиль на казенной квартирв. Такъ въ 1834 году, по случаю предназначеннаго тогда путешествія по губерніямъ Великаго Князя Цесаревича (нынъ царствующаго Императора) надобно было приготовить докладныя бумаги къ всеподданнъйшему докладу о суммахъ, которыя слъдовало отпустить здёсь и отпускать въ губерніяхъ по этому случаю. Это надобно было сдёлать начальнику 3-го распорядительнаго отдёленія Слонецкому, но его директоръ пощадилъ ради наступавшей Св. Пасхи, и такое чрезвычано спешное и хлопотливое дело, где всякій промахъ, всякая недомолвка въ предписаніяхъ могли быть опасны, передали мив. Чиновники на Страстной недвив говфють, и я говфиь. Докладныя бумаги Государю объ этихъ расходахъ составилъ и переписаль я самь, потому что никого не нашли дома. Въ Свътлое Воскресенье, возвратись отъ заутрени, очень усталый, я погрузился въ глубокій отрадный сонъ; вдругь, въ два часа ночи, курьеръ, присланный отъ директора, прямо ко мит съ утвержденными уже Государемъ бумагами, разбудилъ меня и объявилъ, что Дмитрій Максимовичъ требуеть, чтобы эти бумаги были приготовдены въ тоть же самый день. Нечего дълать, я сълъ за работу, которую и окончилъ къ 10 часамъ Воскреснаго дня; надобно было переписывать болье 30 бумагь не одинаковаго содержанія, но съ разными варіантами. Для одного меня это было физически невозможно, и и на этотъ разъ употребилъ въ дъло подлъйшее обыкновение таскаться въ начальству съ поздравлениями. Каждаго изъ приходившихъ ко мив съ визитомъ молодыхъ чиновниковъ какъ моего, такъ и другихъ отдъленій, я, во имя начальства, усаживаль за работу, и такимъ образомъ часу въ 4-мъ дня бумаги были готовы. Потомъ, разумъется, и всъ послъдствія о расходахъ по этому дълу, и разные вопросы Казенныхъ Палатъ поступали ко мнъ. Кажется, за это дъло я украшенъ орденомъ Св. Анны 2-й степени съ Императорскою короною. Результаты дёль, о которыхъ упомянулъ я выше, окончились довольно выгодно для казны. Мы составили новыя правила для отчисленія въ Бессарабскій 10% капиталь ежегодныхъ

суммъ на устройство тамошняго края; изъ предъявленныхъ долговъ этому капиталу на Государственномъ Казначействъ за прежнее время, простиравшихся по исчисленію Бессарабской Казенной Палаты до 780 т. р. ассиг., мы, примънясь къ тъмъ же правидамъ, предложили уплату Бессарабскому начальству только 67 т. р. На всв эти предложенія изъявлено согласіе генераль-губернатора графа (впоследствін князя) Воронцова. Но главная выгода производившихся объ этомъ расчетовъ состояда въ томъ, что вновь данныя правида устранили и на всв последовавшіе годы слишкомъ роскошное отчисленіе суммъ въ пользу 10% капитала изъ общихъ государственныхъ доходовъ. Скажу не въ похвальбу себъ, но какъ сущую истину, что всъ эти правила для расчетовъ о 10% капиталъ и всъ сокращенія, сдъланныя въ расходахъ казны по этому случаю, принадлежать собственно мив, безъ участія г.г. директора и Басина. Неумвренныя требованія баронессы Клопманъ за земли ея, отошединя подъ Ковенское шоссе, по сдъланнымъ съ нашей стороны замъчаніямъ, приведены въ размъръ опредъденный закономъ и правидами, основанными на точнъйшихъ исчисленіяхъ. Требовательный и настойчивый иностранецъ, баронъ Сакелларіо, не смотря на всв свои домогательства, вместо огромныхъ процентовъ на проценты за многіе годы, удовлетворенъ очень въ уменьшенномъ видъ, нежели онъ себъ представлялъ; съ такою же осмотрительностію и стараніемъ соблюсти подьзу казны представляемы были заключенія въ Правительствующій Сенать по всемь подобнымъ деламъ, находившимся въ раземотрвнім нашего 1-го отделенія бухгалтеріи. Успешное производство этихъ дель доставляло вице-директору Басину, который по нимъ докладывалъ, уважение графа Канкрина и безпредъльную довъренность директора.

Въ 1834 году я разлучился съ любезнымъ товарищемъ по службъ Николаемъ Род. Кондратьевымъ. Его сдълали начальникомъ 1-го контрольнаго отдъленія, а на мъсто его ко мив поступилъ бухгалтеромъ столоначальникъ 2-го распорядительнаго отдъленія Василій Осип. Вудкинъ. Это былъ очень умный человъкъ могъ очень скоро и правильно составлять дъловыя бумаги, но не столько былъ знакомъ со счетною частію и особенно съ дъломъ о составленіи росписи, требующимъ немаловременнаго опыта. Это перемъщеніе для него было тяжело, да и съ моей стороны потребовало особенно усиленнаго труда; но «Господъ помощникъ мой и избавитель мой, на него уповахъ»... Г. Будкинъ недолго пробылъ въ этой должности; какая-то страшная бользнь, въ родъ размягченія мозга, свела его преждевременно въ могилу. Помощникъ его г. Сапожниковъ занялъ мъсто бухгалтера по части росписи. Онъ получилъ образованіе въ Главномъ Инженерномъ училищъ,

выпущенъ сапернымъ офицеромъ, служилъ во время Турецкой войны 1828—1829 годовъ и перешелъ въ гражданскую службу. Этотъ молодой человъкъ имълъ удивительныя способности для счетной части. Микникогда не случалось видъть, чтобы кто нибудь могъ быстръе его въ самыхъ затруднительныхъ справкахъ извлекать искомыя цыфры и распутывать самые неясные счеты; но каждому свое: онъ мало былъ ознакомленъ съ правилами Русскаго языка. Впрочемъ я отъ этого не встръчалъ затрудненій, и дъло наше пошло несравненно успъшнъе прежняго.

Въ 1835 году директоръ нашъ, г. Княжевичъ 1-й, отпущенъ былъ въ отпускъ за границу, но болъе для пользы службы, нежели для собственнаго отдыха.

Г.г. Княжевичи владъють, между прочимь, виноградными садами въ Крыму. Великій государственный хозяинь, графъ Егоръ Францовичь, желая улучшить винодъліе въ Тавридь, предложиль Дмитрію Максимовичу обозръть виноградники на Рейнъ и, если возможно, пригласить въ Россію хорошихъ винодъловъ для улучшенія Крымскихъ садовъ.

Управленіе департаментомъ нашимъ, на время отсутствія Дмитрія Максимовича, поручено вице-директору департамента вившией торговли, состоявшему при министръ тайному совътнику Ивану Максимовичу Ореусу. Онъ служилъ нъкогда въ бывшей экспедиціи о доходахъ столоначальникомъ и былъ хорошо знакомъ со многими нашими чиновниками. Скоро онъ познакомидся и со мною, часто въ департаментъ приходилъ въ 1-е отдъленіе бухгалтерій, садился возлъ меня, требоваль объясненій по предметамъ, касавшимся моего отдёленія и другихъ частей департамента и всегда, повидимому, оставался доволенъ моими объясненіями, приходиль въ департаменть обыкновенно не позже 9 часовъ и заставалъ меня всегда на мъстъ и за дъломъ. Лътомъ 1835 года онъ жилъ на дачъ въ Гесслеровой аллев, идущей отъ Широкой улицы на Петербургской Сторонъ къ Крестовскому острову, а не подалеку отъ него ванималъ и я летнюю квартиру. Мы часто встречались по утру, идя къ должности. Онъ обыкновенно въ такомъ случав дружески разговаривалъ со мною, но не иначе, какъ о предметахъ служебныхъ. Не смотря на временную обязанность свою въ отношеніи къ нашему департаменту, онъ исправлялъ ее съ особеннымъ усердіемъ.

При немъ возникло очень важное дъло противъ интересовъ казны. Изъ разныхъ Польскихъ фундушей или суммъ, поступившихъ въ массу общественныхъ капиталовъ дворянства Гродненской губерніи, обращено было въ казну за недоимки около 1 мил. руб. ассиг. Дворянствомъ предъявленъ былъ споръ, разръшенный Сенатомъ въ

пользу истцовъ съ тѣмъ, чтобъ взятые изъ фундушей деньги возвратить отъ Министерства Финансовъ съ накопившимися происитими. Иванъ Максимовичъ очень озаботился этимъ дѣломъ и потребовалъ, чтобы каждый начальникъ отдѣленія представилъ ему свое мнѣніе, въ какомъ размѣрѣ слѣдуетъ заплатить эти проценты, т. е. по $4^{\circ}/_{\circ}$, $5^{\circ}/_{\circ}$ и $6^{\circ}/_{\circ}$. Отъ меня этого мнѣнія не требовалось, потому что отдѣленіє мое было въ завѣдываніи г. Басина. По представленнымъ мнѣніямъ надо было, по самому меньшему размѣру, заплатить дворянамъ процентовъ не менѣе 200 т. рубл., такъ какъ принадлежавшія имъ суммы были взяты въ разные сроки, но въ началѣ текущаго столѣтія.

Въ одно прекрасное утро, Василій Степановичь, придя противъ обыкновенія, очень рано въ департаменть, пригласиль меня въ комнату общаго присутствія и спрашиваль, что я думаю объ этомъ разсчеть съ дворянствомъ.

Зпая, что большая часть взятыхъ изъ фундушей за недоимки денегь употреблена была на разные расходы и только самая небольшая часть, до ръшенія разныхъ тяжебныхъ дълъ, обращалась въ Банкъ и Приказахъ Общественнаго Призрънія, я сказалъ, что всего проще оставалось бы въ этомъ дълъ придержаться буквы сенатскаго ръшенія и не высчитывать проценты, а выдать столько, сколько ихъ получится отъ кредитныхъ установленій, такъ какъ Сенатомъ вельно возвратить капиталъ съ накопившимися, а не съ причитающимися процентами. Едва успълъ я это сказать, какъ вошелъ къ намъ Иванъ Максимовичъ и показалъ Басину свою записку, по которой были исчислены очень умъренные проценты, но все же около 200 т. рубл. серебромъ на весь капиталъ. В. С. Басинъ очень любезно отвъчалъ, что не напрасно ли мы цыфиряли, разсчитывая проценты, и не лучше ли, придержась буквъ сенатскаго ръшенія, выдать ихъ столько, сколько получимъ сами отъ банковъ.

Иванъ Максимовичъ сложилъ свою записку въ четверо и спряталъ въ карманъ, поручивъ Басину доложить его мивне министру.

Графъ Канкринъ нашелъ это мивніе совершенно справедливымъ. Вмівсто 200 т. р. сер. заплачено процентовъ только 90 т. р. ассиги: Дворянство жаловалось Государю, но по заключенію Комитета Министровъ и высочайше утвержденному мивнію Государственнаго Совіта, распоряженіе Министерства Финансовъ признано правильнымъ, и разсчеть о 90 т. р. оставленъ во всей силів.

По этому дълу ходатайствовалъ въ Сенатъ нъкто г. Жальветръ, изъ Польскихъ урожденцовъ. Онъ былъ сильно убъжденъ, что по точному смыслу ръшенія, кромъ капитала, получить онъ непремънно и самые высокіе проценты; но случилось не такъ, и онъ, будучи весьма

преклонныхъ лътъ, не могъ этого перенести; кажется, этотъ случай заставилъ его вскоръ переселиться на тотъ свътъ, къ отцамъ и братіямъ Ръчи Посполитой.

Настало время составленія государственной росписи на 1836 годъ. Иванъ Максимовичъ видълъ ясно, какъ умный человъкъ, что главнымъ распорядителемъ и мастеромъ этого дъла былъ самъ министръ и работалъ не иначе, какъ съ Василіемъ Степановичемъ, а послъдній со мною. Министръ диктовалъ Басину всъ доклады Государю, какіе находилъ нужными, наиболье важныя сношенія съ разными въдомствами о сокращеніи расходовъ по разнымъ министерствамъ; секретари писали также, по диктовкъ графа, представленія о бюджетъ Комитету Финансовъ и Государственному Совъту. Въ чемъ же состояли наши бухгалтерскіе труды по росписи? Надобно сознаться, что они были довольно маловажны.

Нашимъ дъломъ было наблюдать, чтобы въ смъты разныхъ министерствъ не входили статьи, не разръшенныя высочайшими повелъніями, чтобы таксовые и курсовые разсчеты были составлены върно, чтобы сроки отпуска суммъ были соотвътственны существующимъ на то правиламъ и, наконецъ, чтобы каждая смъта содержала опредъленныя назначенія: сколько, откуда и какими частями слъдуетъ къ выполненію расходовъ. Доходы требовали менъе работы нашей, потому что смъты о нихъ составлялись департаментомъ Министерства Финансовъ и подъ особеннымъ наблюденіемъ самого графа.

Для удобивиших его соображеній мы составляли какъ о доходахъ, такъ и о расходахъ сравнительныя въдомости о суммахъ настоящаго и слъдующаго бюджетнаго года, показывая въ нихъ возвышеніе или упадокъ каждой статьи доходовъ и объясняя достаточно основанія, принятыя какимъ-либо министерствомъ къ увеличенію расходовъ, также причины исключенія изъ счетовъ или послъдовавшаго въ нихъ сокращенія. Для этой чисто-бухгалтерской работы нужны были усидчивость, привычка и аккуратность.

Графъ не любилъ умниковъ и терпъть не могъ ничьихъ указаній въ финансовомъ дълъ кромъ высочайшей воли.

Какъ отличный въ свое время генералъ-интенданть, онъ обращалъ особое вниманіе на расходы Военнаго Министерства и часто дълалъ весьма удачныя сокращенія расходовъ по военному и другимъ въдомствамъ, съ высочайшаго на то соизволенія. За всъмъ тъмъ онъ очень уважалъ и наши неособенно-важные труды, награждая охотно дъятельность и усердіе. По утвержденіи росписи на 1836-й годъ я получилъ, по высочайшему повельнію, въ награду столовыя деньги по 2.000 р. ассигн. въ годъ, покуда находиться буду на службъ. Эта ми-

II. 5

дость исходатайствована мит Иваномъ Максимовичемъ и Василіемъ Степановичемъ въ самомъ началт 1836 года. Скоро возвратился изъза границы Дмитрій Максимовичъ, и дта пошли прежнимъ порядкомъ; Ореусу вновь пришлось управлять, тоже временно, департаментомъ разныхъ податей и сборовъ.

Съ назначениемъ мнъ прибавочнаго содержания средства въ пользу моего семейства и, главное, для образования моихъ дътей, значительно увеличились.

Хотя я сказаль въ одномъ мъстъ, что исторія мосто сына принадлежить ему; но за его детство обязань отвечать и, какъ отецъ. Въ 1836 году ему минуло 5 лътъ. Онъ выучился читать почти пераючи. Главною моею заботою было внушить ему, прежде всёхъ познаній, начатки христіанства. Онъ любилъ беседовать со мною и особенно съ большою охотою слушаль разсказы мои изъ священной исторін. Какъ ребенокъ, онъ иногда шалилъ, не слушался, капризничалъ, докучалъ просьбами о невозможномъ, выводя иногда изъ терптнія меня и мать. По его возрасту очень мудрено было убъдить его словами, и хоти и это пробоваль, но онъ слушаль и делаль свое. Не мудретвуя лукаво, я объявиль ему, что если онъ солжеть или ослушается, то будеть больно наказанъ розгами. Помня изречение Петра І-го свеще законы дасать, если ихъ не исполнять», я однажды что-то запретнав сму, но чрезъ 10 минуть онъ принялся опять за тоже; у меня недостало впрочемъ столько лютости, чтобъ его высвчь, я ему повторилъ приказапіе: перестань! слуппаться! Не пересталь таки и ослушался; я его очень больно высъкъ; потомъ въ подобныхъ запрещеніяхъ онъ, желая продолжать шалость, смотръль на меня, что я скажу; тогда я громко говориль слушаться и, какъ бы забава интересна для него ни была, онъ повиновался. Такимъ только способомъ я могъ избъжать надъ нимъ частыхъ тълесныхъ наказаній и, говоря объ этомъ, не могу це вспомнить словъ библейскихъ: «любишь сына-не жалъй жезла». Другой семейный законъ мой предложиль я Софью Петровий, чтобъ она говорила съ обоими нашими дътьми не иначе, какъ по-французски, предоставя самому себъ Русскій языкъ. Жена мол, не безъ затрудненія, на это согласилась и впоследствіи увидёла сама препрасные плоды этого правила. На шестомъ году сынъ мой могь уже вести дътскій разговоръ по-французски, и даже малютка дочь наша, подражая брату, лепетала тоже по-французски на четвертомъ году возраста.

Уже въ первые годы младенчества дътей моихъ очень замътно было большое различие въ ихъ характерахъ. Одинъ находилъ величайшее удовольствие въ томъ, чтобы бесъдовать со мною, особенно о религи, слушать историю о сотворении мира, о пришествии къ людямъ 1исуса Христа Сына Вожія, о будущемъ блаженствъ добрыхъ, о безконечномъ страданіи злыхъ; другая любила болье всего быть съ мадютками своего возраста, рёзвиться и дёлать всевозможныя сальтомортале, но была такъ жива и ловка, что никогда не ушибалась, чего, при ея чрезвычайной ръзвости, мы безпрестанно опасались. Оба, сынъ и дочь, были одарены отличною памятью. Я занимался только съ сыномъ, мать-собственно съ дочерью. Мои занятія отнюдь не были для меня трудомъ, напротивъ того пріятнъйшимъ отдыхомъ после служебныхъ занятій. Чистописаніе, цыфры, начала рисованія, были игрушнами для моего малютки, тогда какъ никакія обольщенія не могли подъйствовать на дочь мою, чтобъ она согласилась заняться прилежно хотя одинъ часъ. Състь смирно и заниматься было для нея наказаніемъ. Бъгать, болтать, распъвать какія-нибудь песенки, воть что было ея любимымъ занятіемъ. Одинъ разъ мнв надобно было за что-то ее наказать, я сорваль пучекъ крапивы и хотыть порядочно поучить шалунью; это было въ саду; она спряталась оть меня въ кустахъ и, увидя, что я готовъ ее схватить, побъжала отъ меня, и я съ полчаса напрасно за нею бъгалъ; наконецъ, мнъ стали смъщны мой гнъвъ на ребенка и ея кошачья быстрота; я бросиль крапиву, позваль Манну къ себъ, объщая прощеніе; она бросилась ко мит на шею, и съ тъхъ поръ мы съ нею помирились.

Мы съ женою усиливали свое стараніе о дътяхъ по мъръ ихъ возраста. Мев очень хотвлось, чтобы сынь мой учился по-нвисцки, но не книжному, а разговорному языку. Къ этому отпрыяся прекрасный случай. У жены моей была очень хорошая знакомая, статская совътница Александра Ивановна Барклай-де-Толли, урожденная баронесса Ховенъ, супруга покойнаго генералъ-лейтенанта Бибикова и по второму замужеству родственница гепераль-фельдмаршала. Мужь ея служиль при Дрезденской миссіи и не находиль удовольствія въ любви и дружбъ своей супруги, которая, на Ивмецкомъ изыбъ, была очень умная, а на Русскомъ-очень гордая и капризная дама. Она издавна любила мою Софію Петровну, и однажды мы, вивсть съ этой барыней, наняли дачу на Петербургской Сторонъ. Отъ нечего дълать, она очень занялась моимъ Николинькой; къ радости нашей малютка полюбилъ ее и скоро привыкъ лепетать съ нею по-нъмецки. Александра Ивановна, привыкнувъ къ моей семью, не хотела, съ окончаніемъ літа, разъбхаться съ нами и продолжала свои почти шуточныя занятія съ Николинькой. Года черезъ два онъ сталъ очень порядочно говорить по-нъмецки, и мы взяли ему учителя, который могь уже съ нимъ заниматься грамматически. Это былъ молодой и любезный Нъмецъ изъ Риги, г. Томсонъ. Къ сожалънію, онъ занимался съ

моимъ ребенкомъ не болъе года и потомъ вступилъ въ коронную службу въ одной изъ Остзейскихъ губерній.

Н ничего не жальль, чтобы продолжать начатое и обратился къ бывшему въ лютеранскомъ училище Св. Петра инспектору Геккеру, извъстному составленіемъ хорошей Нъмецкой грамматики, съ убъдительнъйшею просьбой давать уроки моему сыну; но этотъ почтеннъйшій человъкъ не могь на это согласиться, а рекомендоваль мнъ одного магистра Кенигсбергскаго университета, г. Вольфа, съ тъмъ, чтобъ онъ преподавалъ моему сыну и Латинскій языкъ. Дело наше съ г. Вольфомъ пошло какъ нельзя лучше. Онъ не зналъ ни слова по-русски и кое-какъ лишь могъ объясняться на Французскомъ языкъ, почему долженъ былъ преподавать латынь по-нъмецки. Для Французскаго языка мы пригласили одного изъ младшихъ преподавателей 2-го Кадетскаго Корпуса г. Собера, бывшаго храбраго гусара Наподеоновской арміи 1812 года. Діти наши очень полюбили его. Они, конечно, не могли пріобръсти отъ него большихъ познаній; но онъ, будучи родомъ изъ Парижа, прелюбезно болталъ съ ними и скорве забавляль ихъ, нежели училъ; за то и быль не дорогъ.

И не только двти, а всё мы полюбили душевно этого ветерана. Для меня онъ быль забавень искусствомъ своимъ ломать нашъ Русскій языкъ. Часто разсказываль онъ миё про Наполеона І-го, какъ онъ, въ день своего рожденія 3 (15) Августа, на военныхъ парадахъ разъбажаль по рядамъ и дарилъ заслуженныхъ воиновъ полновъсными Наполеондорами. Я говорилъ ему, что они, вёроятно, были выбиты изъ золота, наловленнаго копьемъ въ разныхъ Европейскихъ государствахъ. Соберъ сердился. Иногда онъ повёствоваль намъ свою исторію, какъ грозно, весело и величественно шли они отъ Нёмана до Москвы, а я спросилъ его: «Отчего же, г. Соберъ, вы говорите только о томъ, какъ весело войска ваши шли до Москвы; разскажите-ка, пожалуйста, какъ-то вы шли отъ Москвы и отчего не долго тамъ погостили?» Онъ надулся и съ досадою сказаль: «Что же дёлать, несчастіе можеть случиться со всёми».

Соберъ при обратномъ шествіи изъ Москвы взять быль съ прочими толнами Бонапартовской сволочи въ плънъ подъ Смоленскомъ, и гурты ихъ, отчасти подъ карауломъ деревенскихъ бабъ, разведены были по разнымъ губерніямъ. Соберъ попаль въ Саратовъ. Тамъ ихъ на первый разъ заперли въ какой-то сарай; по счастію, при осмотръ плънныхъ какимъ-то чиновникомъ, Соберъ отличился хорошимъ своимъ произношеніемъ; за это взяли его учителемъ къ дътямъ губернатора, и съ того времени началось его педагогическое поприще. Онъ проболталъ у насъ болъе года и передалъ свое мъсто другому учи-

телю, своему товарищу г. Риго. Отъ послъдняго мы получили только ту пользу, что онъ отпускалъ часто гостить къ намъ своего сына, Альфреда, съ которымъ дъти мои играя упражнялись во Французскомъ языкъ. Но какъ правильный ходъ ученія для толстаго, лъниваго г. Риго быль невозможенъ, то мы принуждены были взять человъка болъе способнаго. То былъ г. Ложье, красавецъ, умница, человъкъ довольно образованный, и занятія съ нимъ дътей моихъ принесли имъ явную пользу. Онъ такъ же, какъ г. Вольфъ, пріъхалъ недавно изъ Парижа, гдъ почтенный его родитель имълъ ресторанъ на одномъ изъ бульваровъ, не зналъ по-русски ни слова, но полюбилъ насъ и Русскую ботвинью, которую называль la soupe froide.

Преподаваніе Русской грамматики, Русской и всеобщей географіи, арифметики, закона Божія я принять на себя. Менте всего мой ученикь ус. тваль въ географіи отъ тягостной ся номенклатуры. Это меня очень безпокоило; я всячески старался облегчить моему малюткъ изученіе этой варварской науки. Напрасно, мить кажется, называють ее пріятною; если учиться ей, какъ должно, то она очень тяжела.

Есть старинная пъсня Аргонавтовъ: «свить троякій зря счистань очи". Ел музыка лучше словъ; мы съ сыномъ любняя пъть одинь изъ ел куплетовъ, именно:

> "Образъ Дієвъ, стѣны Вавилонски, Гробъ Мавзоловъ и колоссъ Родосскій, Өаросъ, пирамиды, съ храмомъ Артемиды, Прахъ противъ нашихъ великихъ дѣлъ".

По легкости, съ которою сынъ мой выучиль эти названія семи чудесь свъта, мнъ пришла мысль, нельзя ли этотъ же способъ примънить и къ другимъ названіямъ историко-географическимъ, которыхъ огромная масса такъ обременяетъ память. Я сдълалъ опытъ, и онъ удался превосходно. Изъ этого составилась метода, которую одобрили многіе очень умные и надъ которою смъялись многіе не очень глупые люди.

Вотъ въ чемъ дёло. Если ребенокъ отъ природы имёетъ музыкальную, хотя небольшую способность, напримёръ, вёрный слухъ, то въ успъхъ изученія множества собственныхъ именъ въ кратчайшее время сомиёваться нельзя.

Мы начали съ Русской географіи. Взяли Архангельскую губернію. Надо было для этого расположить названія городовъ такъ, чтобы они подходили къ кадансу годоса или напъва какой-либо музыкальной штуки, напримъръ:

Архангельскъ, Холмогоры, Мезень, Кемь, Онега, Щенкурскъ, (Кола) и Иннега. (bis) Кола и Пинега;

Каменецъ Подольскъ, Проскуровъ, Летичевъ, Литинъ, Брацлавъ, Винница, Гайсинъ и Балта, Могилевъ и Ольгополь, Ушица, Ямполь.

Архангельскіе города. подходили удобно на голосъ всёмъ изв'єстной Русской п'єсни «Во саду ли, от огородь». Подольскую губернію п'єли мы на голосъ марша «Грома побюды раздавайся»; но посл'єдніе два города, Ушица, Ямполь, нужпо повторять, поддёлываясь къ музыкальному разм'єру.

Совокупное повтореніе въ школахъ почти на-распъвъ таблицы умноженія отчасти указываеть на возможность успъха моей методы.

Такъ изученіе названій Американскихъ штатовъ съ ихъ городами было для насъ легко и пріятно.

На 11 году надобно было начать понемногу заниматься математикою повыше тъхъ свъдъній, нежели могъ сообщить я самъ. Добръйшій нашъ Нъмецко-латинскій учитель, бывъ тогда гувернеромъ въ приготовительномъ отделеніи Главнаго Педагогическаго Института, рекомендоваль мив для этого студента Жирухина, бывшаго послъ адъюнктъ-профессоромъ математики въ томъ же Институтъ. Испытавъ моего сына въ ариометикъ, г. Жирухинъ нашелъ возможнымъ начать съ нимъ алгебру и геометрію. Къ сожальнію, г. Жирухинъ преподаваль эти предметы мальчику 11 лътъ, какъ 20-лътнему студенту: прочтеть, бывало, свою лекцію, возметь 5 р. и уйдеть. Я, человъкъ православный, не могь ни съ которой стороны судить о достоинствъ преподаванія Агарянской науки, алгебры, и потому діло шло неуспъшно. Однако же случилось, что, во время преподаванія Жирухинымъ геометріи, пришель къ намъ родной племянникъ Софыи Петровны, молодой инженерный офицеръ путей сообщенія Краснопольскій *); онъ нашелъ это преподавание слишкомъ непрочнымъ и принялъ великодушно на себя досказать своему маленькому двоюродному брату все то, что Жирухинъ преподалъ, но не сыну моему, а пріятному зефиру, который леталь около, слушая его краснорвчіе.

Вообще душевная благодарность моя и жены моей къ благородному истино-родственному пособію М. Я. Краснопольскаго, въ выс-

^{*)} Строитель, впоследстви, эпаменитыхъ ностовъ по Американской системи въ городахъ Искова и Острова.

шей степени добросовъстному преподавателю Латинскаго и Нъмедкаго языковъ г. Вольфу и за пріятивйшую болтовню съ нашими дътьми пофранцузски г. Ложье, сохранится нами до гроба.

Возвращаюсь къ предметамъ службы. Директоръ нашъ много и долго убъждаль графа Канкрина усилить денежныя средства департамента, чтобы иткоторымъ увеличениемъ рабочихъ силь итколько усоразмърить тяжкие труды чиновниковъ счетныхъ отдълений; но все это было безусивнию. Дмитрий Максимовичъ, къ большой досадъ впрочемъ министра, бросилъ довольно неблагодарную для него службу въ Министерствъ Финансовъ и перешелъ въ въдомство Народнаго Просвъщения. Тогдаший министръ, графъ Уваровъ, опредълиль его попечителемъ Одесскаго учебнаго округа.

Въ Августъ 1837 года въ намъ поступилъ аристократъ, бывшій управляющимъ въ Заемномъ Банкъ, графъ Александръ Григорьевичъ Купелевъ-Безбородко. Онъ началъ по-русски, съ хлъба соли. Дмитрій Максимовичъ и директоры прочихъ департаментовъ Министерства Финансовъ, канцеляріи министра и всъ наши начальники отдъленій приглашены были въ великольпному объду, гдъ за каждымъ гостемъ былъ особый слуга. Ливреи слугъ были двухъ гербовъ, краснаго—князи Безбородко и синяго—фамиліи Кушелевыхъ. Объдъ происходилъ на извъстной дачъ, находящейся на Выборгской сторонъ, на берегу Невы.

Наканунь графъ А. Г. принядъ департаментъ и спросидъ перваго меня, въронтно, зная, что отъ моего отдъленія представляются срочныя бумаги и въдомости къ всеподданнъйшимъ докладамъ. Первымъ его со мною словомъ было: «Познакомьте меня съ вашимъ отдълепіемъ». Я доложиль: «Не позволите ли, ваше сіятельство, для предварительнаго обозрвнія предметовъ, относящихся къ моему отділенію, почтительнийше представить образцы срочных в счетовъ, докладываемыхъ Государю, и дело о составлении росписи на истекающий годъ? >-- «Очень хорошо, потрудитесь прислать мни все это подъ конвертомь», что я и сдълалъ. Оно было очень удобно, потому что графъ А. Г., желая ознакомиться съ дълами и обозръвъ ихъ предварительно, могь сдълать мив всв необходимые вопросы, тогда какъ, не видя ихъ, онъ нескоро бы понять меня, и на мое разглагольствіе потребовалось бы очень много времени. Графъ А. Г. былъ высоко образованный и, главное, добрый человъкъ. Онъ имълъ дипломъ отъ Московскаго Университета на степень доктора этико-политическихъ наукъ и, самое главное: подучая съ имъній своихъ 900 т. р. ассиг. ежегоднаго дохода, самъ своеручно вель счеты своимъ доходамъ и расходамъ.

Въ первые годы своего вступленія къ намъ директоромъ опъмного сдълалъ добра департаменту. Чего не могъ достигнуть Дмитрій

Максимовичъ, то графъ Кушелевъ - Безбородко испрашивалъ у министра скоро и легко. Такъ онъ доставилъ прибавку счетнымъ частямъ нашимъ до 85 т. р. ассигн. въ годъ.

Изъ всъхъ начальниковъ отдъленій онъ обратиль преимущественно вниманіе на Семена Михайловича Кобылина и на меня, потому что въ моемъ отдъленіи были бюджетная и кассовая части, а у перваго отчетность Государственному Контролю и Государственному Совъту. Часто требоваль онъ насъ къ себъ по утрамъ въ свой городской домъ (у Гагаринской пристани). За нами обыкновенно прівзжала карета четвернею съ двумя гайдуками въ алыхъ ливреяхъ.

Графъ старался ознакомить насъ съ принятою имъ методою счетоводства по его имѣніямъ, желая примѣнить ее къ счетамъ Государственнаго Казначейства. Сущность этой методы состояла въ томъ, чтобы главный сводъ счетовъ всегда представлялъ вѣрные итоги: назначенія, прихода, расхода и наличности суммъ, долги дебиторовъ и долги кредиторамъ. Всѣ подверженныя измѣненіямъ цыфры, напримѣръ, назначенія писались какъ въ общемъ сводѣ, такъ и частныхъ счетахъ красными; неизмѣняемыя (приходъ, расходъ и наличность) черными чернилами.

Мы докладывали, съ своей стороны, что находимъ этотъ порядокъ чрезвычайно удобнымъ и постараемся ввести его, гдъ окажется возможнымъ. Это очень пріятно было графу.

Вскоръ по его вступленій къ намъ случилось одно очень экстренное и важное дъло по моему отдъленію.

Въ 1837 году Государь Императоръ поручилъ министру объяснить Великому Князю Наслъднику Цесаревичу (нынъ царствующему Императору) систему финансовъ Имперіи въ видъ лекціи, въ составъ которой потребовалось не слишкомъ подробное, но обстоятельное объясненіе государственной росписи. Графъ Канкринъ приказалъ директору сдълать по этому предмету записку или объяснительное описаніе всъхъ статей росписи, показавъ доходъ изъ налоговъ прямыхъ по окладамъ въ частности и годовое вступленіе по назначенію росписей текущаго года; налоги косвенные по способу взиманія съ обозначеніемъ общей годовой бюджетной цыфры каждаго наименованія. Прочіе неопредъленные и случайные доходы приказано было показать по соображенію съ отчетами поступить могутъ.

Расходы росписи слъдовало раздълить такъ: содержаніе высочайшаго двора и духовенства, платежъ долговъ, народное образованіе, издержки на сохраненіе внъшней и внутренней безопасности государства, на взиманіе доходовъ, пути сообщенія и публичныя зданія, содержаніе контроля и почть. Каждая изъ этихъ главныхъ статей должна была им'ють свои подразделенія, чтобы дать ясное понятіе о всёхъ видахъ госудерственныхъ расходовъ.

Дъло это графъ Александръ Григорьевичъ возложилъ собственно на меня, и какъ онъ этимъ очень спъшилъ, то надобно было заниматься день и ночь въ продолжение двухъ сутокъ. По окончании всей этой работы составилась очень порядочная, по числу листовъ, книжечка. Къ величайшему моему счастію, и директоръ, и министръ остались вполнъ ею довольны, тогда какъ, зная до какой высокой степени доходили въ подобныхъ дълахъ свъдънія министра, я очень боялся неудачи.

Другой экземпляръ этой книги, очень чисто переписанной, хранился у меня въ департаментъ; но эту книжку какіе-то злодъи, не украли, а такъ себъ — тихонько взяли и унесли домой.

Роспись на 1838 годъ подъ надгоромъ министра совершилась благополучно.

Великодушный графъ Александръ Григорьевичъ не оставилъ безъ особеннаго уваженія трудовъ по описанію росписи и исходатайствоваль мнё награду необыкновенную: я удостоился получить, въ чинё 7 класса (надворнаго советника) орденъ св. Владимира 3-й степени, кроме того 1000 р. ассигн. единовременно. Въ докладной записке объ орденъ сказано, однакоже, что онъ жалуется за участіе въ трудахъ по составленію росписи, такъ какъ неудобно было бы просить награды за трудъ по описанію ея, порученный собственно министру.

За роспись 1839 года и отчетность за 1836 и 1837 годовъ исходатайствовано графомъ директоромъ небывалое прежде денежное награжденіе мнв и обоимъ братьямъ г.г. Кобылинымъ по 5000 р. ассиги.; съ легкой руки графа А. Г., начали испрашивать у Государя денежныя награды каждый годъ всёмъ начальникамъ отдёленій по росписи и отчетности, но не въ такомъ уже размёрв, а не выше 2000 р. ассигн. или 600 рубл. сер., и съ тёмъ вмёстё въ этой монаршей милости участвовали, по соразмёрности званій, бухгалтеры и протчіе чиновники. Это продолжалось десять лёть и прекратилось при министрѣ графъ Вронченкѣ, на докладѣ котораго о томъ же награжденіи послёдовала высочайшая резолюція въ Январѣ 1840 года: «Дѣлали свое дѣло; дать половину и впредъ не представлять».

Въ 1841 году, по случаю переложенія ассигнацій на серебро, высочайше учреждена въ Министерствъ Финансовъ при департаментъ Государственнаго Казначейства коммиссія, составленная изъ депутатовъ всъхъ министерствъ и управленій подъ предсъдательствомъ паниего директора, для переложенія на серебро всъхъ штатовъ. Цъль этой

коммиссій состояла въ томъ, чтобы каждый опредъленный окладъ переложенъ былъ въ круглую, сколько возможно, сумму, для удобнъйшаго деленія на третныя и месячныя части; чтобы разные вычеты, следующие въ инвалидный и пенсіонный капиталы, также удобно делились безъ мелкихъ долей копейки и чтобы, наконецъ, переложение сдълано было, сколько позволить возможность, безъ ущерба для казим и чиновниковъ. Управляющимъ дълами этой коммиссіи сдъланъ быль я. Она продолжалась болье года и навлекла мнь множество хлопотъ сверхъ обыкновенныхъ занятій по должности. Соглашеніе мивній разныхъ депутатовъ, составленіе журналовъ, извѣщеніе министровъ п главно-управляющихъ о постановленіяхъ коммиссіи; распубликованіе чрезъ Правительствующій Сенатъ переложенныхъ на серебро штатовъ п въ пъкоторыхъ статьяхъ испрашивание разръшений Комитета Министровъ; нъкоторые слишкомъ мелочные разсчеты, которые коммиссія обязана быля повърить, напримъръ, переложение разныхъ таксъ, воепныхъ табелей, вещеваго довольствія войскъ, кормовыхъ денегь и проч. терзали насъ своею меледой и подробностью. Но въ этомъ чрезвычайно многотрудномъ дълъ были мив превосходными помощниками бухгалтеры моего отдівленія гг. Сапожниковъ и Шемадамовъ.

Последній, человенть съ отличными дарованіями, изобреть средство на облегченію расчетова нашихъ.

Посредствомъ его таблички можно очень легко перечислять какія угодно цыфры серебряныхъ денегъ на ассигнаціи и съ такимъ же удобствомъ обратно переводить ассигнаціи на серебро.

Съ нъкоторою привычкою чиновники дълали такимъ способомъ переложение очень скоро, но не всякий могъ сдълать эту привычку; это удавалось только людямъ, способнымъ къ головному счислению. Объ этомъ счастливо придуманномъ способъ и довелъ до свъдъния графа А. Г. Онъ велълъ Шемадамову сдълать при себъ перечисление какой-то большой ассигнаціонной суммы, и даровитый Шемадамовъ объявилъ ему въ тотъ же моментъ сумму, которую она составитъ на серебро. Графъ не върилъ, полагая, что это какой нибудь фокусъ; раздълилъ данную сумму самъ на 350 и убъдился, что способъ этотъ превосходенъ. Съ тъхъ поръ онъ обратилъ на Шемадамова особенное вниманіе, но, къ несчастію, не могъ ничего сдълать этому отличному чиновнику, кажется потому, что отношенія директора къ министру пъсколько измънились, по какимъ-то неслужебнымъ обстоятельствамъ.

Мы, всъ подчиненные графа А. Г., любили его какъ своего благодътеля; одинъ и оказался ему неблагодарнымъ отъ предосудительной вспыльчивости и нетерпъливости своей. Покаюсь въ этомъ.

Въ 1842 году надо было избрать въ Государственномъ Казначействъ разные свободные капиталы до 8 мил. руб. сер. для обращенія въ составъ неприкосновеннаго фонда, предположеннаго для обезпеченія хода въ народномъ обращеніи государственныхъ кредитныхъ билетовъ. На совъщание съ Васильемъ Степановичемъ о томъ, какие капиталы должны быть обращены въ составъ этого фонда, директоръ употребиль все присутственное время, 13 Сентября 1842 г., и приказаль мив написать немедленно, по ихъ соображеніямъ, нужныя бумаги. Занявшись этимъ тотчасъ же, я замътилъ, что не всв суммы, которыя на этомъ совъщании избраны, могли быть взяты въ составъ фонда, такъ какъ нъкоторые капиталы получили уже всъ или частію назначенія высочайше утвержденныя Государемъ Императоромъ, почему п сябдовало соображенія нашихъ командировъ измінить. Я заготовиль всв по этому предмету довольно сложныя и больнія бумаги и, считая своею обязанностію доложить ихъ предварительно г. Басину, отправился къ нему на квартиру въ 7 часовъ вечера, но мий сказали, что онъ въ церкви; потомъ еще въ 9 часовъ- объявили, что онъ прогуливается и когда возвратится неизвёстно; послё того ходиль къ нему въ 10 часовъ-объявили, что спить, а будить не смеють: быль и поутру, но мий сказано, что Василій Степановичь желаеть объясниться въ департаментъ со мною, а въ департаментъ его превосходительство пожаловаль оть объдни, когда прібхаль и самь директорь, то есть во второмъ часу, и сибщилъ отправиться вийств съ Васинымъ къ министру.

Я представиль графу свои бумаги. Начавъ ихъ мелькомъ разсматривать, онъ увиделъ одну сумму 56/т. рубл., которую онъ считалъ слишкомъ мелочною и, остановясь на этомъ, объявилъ, что бумаги мон ипкуда не годятся и что я, когда діло идеть о 8,000,000 рубл. сер., пишу о такой ничтожной сумыв, какъ 56/г. рубл сер. Мив это показалось крайне обиднымъ твить болве, что всв начальники отделеній были въ общемъ собраніи предъ докладомъ въ компать присутствія; а при томъ злой духъ внушилъ мнв, что если я проглечу этотъ выговоръ безмолвно, то за этимъ останется теривть и тогда, если аристократу вздумается плюнуть мий въ глаза. Я дрожаль, слезы явились у меня на глазахъ, но почтительнъйше доложилъ графу, что о 56/г. написаны слова не мои, а позаимствованы въ точности изъ подлиннаго высочайшаго повельнія; основаніе же, по которому неизбъжно было отступить отъ назначеній, сдылацныхъ на вчерашнемъ совыщаніи, я всячески старался довести до сведёнія Василья Степановича, п для того нъсколько разъ являлся къ нему, чтобы предварительно показать свою работу, но не быль принять его превосходительствомъ.

Графъ, пересмотръвъ опять всъ бумаги, началъ ихъ скръплять одну за другою. Когда онъ окончилъ подписи, я, въ величайшемъ смущеніи, доложилъ ему: «Ваше сіятельство, я, прослуживъ 32 года, никогда не получалъ выговоръ за работу, но всегда имълъ я счастіе пользоваться признательностію начальства и вашею въ особенности; а потому испрашиваю великодушнаго прощенія въ томъ, что горе свое о настоящемъ со мною случав не имъю силы перенести и скрыть отъ васъ и моихъ товарищей». Съ этимъ словомъ я вышелъ изъ комнаты общаго присутствія; а графъ, вскочивъ съ своего мъста, взялъ меня подъ руку и началъ ходить со мною по отдъленію, дълая разные вопросы, касавшіеся этихъ бумагъ, но не сказаль ни одного слова въ извиненіе своего опрометчиваго выговора.

Вслъдъ за тъмъ другой весьма непріятный случай явно охладиль расположеніе графа ко мит и моему отдъленію.

Онъ увлекся какою-то страстію вводить разныя формы счетовъ и табелей ненужныхъ вовсе для службы, но довольно затруднительныхъ. Прітхавъ однажды въ департаментъ, по своему обыкновенію около 1½ часа пополудни, онъ пришелъ къ намъ въ 1-е отдъленіе и обратился съ приказаніемъ ко мнт и Шемадамову, чтобы мы сдълали табели на большихъ Александрійскихъ листахъ, изъ которыхъ можно бы было видъть ежемтвсячное поступленіе доходовъ и выполненіе расходовъ, суммы, высланныя въ Главное Казначейство изъ казначействъ утванияхъ, суммы, остающіяся въ недоимить изъ доходовъ, недоплаченные расходы и ожидаемые еще къ высылкть въ Казначейство.

Я удивлялся, отчего графъ, пробывъ у насъ директоромъ около 6 лъть, не могь замътить, что, по отдаленности нашихъ отчетныхъ смътъ, подобныя свъдънія не могли быть никогда получаемы къ удобнымъ для нашихъ соображеній срокамъ, что эти мъсячныя свъдънія всегда были бы и не полны и не върны, что къ тому времени, когда могли они быть доставлены, оканчиваются и самые годовые отчеты по всъмъ оборотамъ Государственнаго Казначейства и что, наконецъ, заведеніе этихъ новыхъ табелей было бы для тружениковъ-чиновниковъ совершенною казнію Данаидъ, такъ какъ цыфры въ этихъ табеляхъ надобно было безпрестанно перемънять и часто самыя табели переписывать. Но графъ, нисколько не думая объ этомъ, требовалъ, чтобы въ табеляхъ показывались цыфры: неизивняемыя-черными чернилами, а предполагаемыя-красными. Я улыбнулся совершенно противъ воли своей. Графъ строго на меня взглянулъ и, не окончивъ съ нами, ушелъ въ свой кабинетъ. Говоря объ этомъ, я проклинаю свою неумъстную, хотя не умышленную, улыбку; ибо графъ, не смотря на капризы большаго барина, за свое великодушіе и стараніе о всёхъ насъ заслуживалъ глубочайшее почтеніе и признательность цёлаго департамента. Можно было бы, не входя въ большіе диспуты, завести эти табели, и потомъ прекратить ихъ, ибо скоро самъ графъ убёдился бы въ совершенной невозможности выполненія его плана.

Тъмъ досадите казалась мит моя безумная улыбка, что наступило время опредълять моего сына въ гимназію: при благорасположеніи ко мит начальства, его тотчась бы приняли туда на казенный
счеть, но разсердивъ графа, я могъ опасаться отказа. Поэтому я не
осмълился просить директора лично, а обратился къ одному изъ нашихъ начальниковъ отдъленія, управлявшему конторою по имъніямъ
графа, г-ну Виноградову, который взялъ это дъло на себя съ удовольствіемъ. Я желаль опредълить сына во 2-ю гимназію, слыша
много хорошаго о ея преподавателяхъ. Графъ далъ мит знать, что онъ
готовъ это сдълать, но велълъ меня спросить: почему же я не желаю
помъстить сына въ 1-ю гимназію? Я отвъчалъ, что готовлю своего
сына не для высшаго общества и болъе надъюсь на преподавателей
2-й гимназіи.

Въ Августъ 1842 г. исходатайстовано высочайшее повелъніе объ опредъленіи сына во 2-ю гимназію съ платою за него изъ казны 214 р. 28 к. и единовременно на обзаведеніе 14 р. 28⁴/, коп.

Мы съ сыномъ повхали къ графу на дачу благодарить его, и онъ, повидимому, принядъ насъ очень благосклонно.

Въ 1842 году графъ Егоръ Францовичъ Канкринъ оставилъ министерскій постъ, и на мъстъ его явился въ качествъ управляющаго Министерствомъ Финансовъ тайный совътникъ Өедоръ Павловичъ Вронченко.

Вскорт послт этого наша коммисія о переложеніи на серебро окончилась, и вст участвовавшіе въ ней чиновники представлены къ наградамъ. Собственно на счеть мой графъ А. Г. распорядился такъ: я былъ управляющимъ дёлами коммисіи, но въ представленіи о наградахъ названъ депутатомъ со стороны Министерства Финансовъ, а званіе управлявшаго дёлами приписано правителю канцеляріи нашего департамента, г. Диденко, собственно съ тёмъ нам'треніемъ, чтобы доставить ему хорошую награду, тогда какъ онъ не переступиль ни разу даже чрезъ порогъ коммисіи. Ему, всёмъ депутатамъ другихъ министерствъ и обоимъ бухгалтерамъ, моимъ помощникамъ, гг. Сапожникову и Шемадамову, даны денежныя награды, соотв'тствующія полугодовому жалованью, а мнт объявлено монаршее благоволеніе.

Высочайшимъ указомъ 16 Января 1844 г. графъ Кушелевъ - Безбородко пожалованъ сенаторомъ, а начальникомъ департамента нашего сдъланъ бывшій мой командиръ и постоянный благодътель, Александръ Максимовичъ Княжевичъ. Вскоръ и графа Канкрина смънилъ товарищъ его Вронченко.

Повидимому этимъ назначеніемъ быль очень недоволенъ В. С. Басинъ. Опъ, въ ту самую минуту, когда новый директоръ хотълъ войти въ свой кабинетъ, подалъ просьбу объ отставкъ. Это было впрочемъ очень грубо. Еще при вступленіи къ намъ графа Кушелева графъ Канкринъ докладывалъ Государю, что хотя Басинъ по старшенству и долженъ былъ занять мѣсто директора, но по старости своей отказывается отъ этой должности п, оставаясь въ званіи вицедиректора, можетъ своею опытностію быть весьма полезенъ на службъ, за что и пол:алогали Басину единогременно 10/т. рубл. Продавъ, такимъ образомъ, свое право, окъ уже не имѣлъ причины думать, что его обощли при избраніи директора, послѣ Кушелева.

Со вступленіемъ Александра Максимовича, порядокъ службы снова измѣнился. Онъ не подписываль бумагъ какъ баринъ, на кредитъ, но читалъ каждую непремѣнно, и надобно было очепь изучитъ свое дъло прежде нежели пойдешь съ нимъ къ докладу въ кабинетъ дпректора.

Въ 1844 году новое наше начальство исходатайствовало высочайшее соизволеніе, по которому дочь моя опредълена въ Институтъ св. Екатерины на казенное содержаніе. Принеся благодарность мою Александру Максимовичу, я счель это милостію Провидънія за непризнанные, но тяжкіе труды въ нашей коммисіи.

Скоро новый, но отдично опытный директоръ нашъ убъдился въ быстромъ и правильномъ теченіи діль въ моемъ отділеніи, безъ всякаго уже участія вице-директора Басина, съ которымъ онъ не хотвлъ имъть никакихъ объясненій. Наступило время къ составленію росписи на 1845 годъ. Я уже сказалъ прежде, что геній графа Канкрина выносиль всё трудности этого чрезвычайно важнаго финансоваго дёла. Всв доклады о немъ Государю, Комитету Финансовъ и Государственному Совъту бывшій министръ диктоваль своимь секретарямъ и присылаль къ намъ лишь для переписки, и отъ департамента требовалъ по этому предмету однъхъ справокъ. Теперь всв труды по росписи остались на обязанности начальника отделенія; ему пришлось отвечать за всв промахи и упущенія, которыя могли случиться при разсмотръніи смътъ разныхъ въдомствъ и составленіи изъ нихъ общаго государственнаго бюджета. По обширности департамента, новому директору трудно было ознакомиться вдругь со всёми подробностями этого дъла и объяснять министру, тоже мало знакомому со смътами, разные случаи, встрвчающеся при ихъ разсмотрвніи,

Разсматривая роспись 1844 года, министръ Вронченко весьма основательно пожелалъ удостовъриться, согласно ли съ предположеніемъ поступають разные доходы, неимъющіе опредълительнаго назначенія, и не производится ли какихъ либо лишнихъ расходовъ противъ печисленій по смътамъ министерства?

Для этого надобно было обратиться къ отчетности, и Александръ Максимовичъ поручилъ начальнику отдъленія С. М. Кобылипу составить такія табели, которыя выражали бы върно, какъ дъйствительное поступленіе доходовъ, такъ и выполненіе расходовъ.

Эти табели сдёланы были въ отчетныхъ отдёленіяхъ немедленно. Министръ доложилъ ихъ Государю съ объсненіемъ, что, до поступленія его министромъ, многіе доходы и расходы поступали далеко не соотвётственно съ назначеніемъ. Поэтому высочайше повелёно исправить смёты о тёхъ и другихъ, прибавя недостающее и исключивъ излишнее. Исполненіе этого высочайшаго повелёнія принадлежало къ обязанностямъ моего 1-го отдёленія. Высочайшую волю относительно расходовъ сообщили прочимъ министрамъ, объ исправленіи исчисленій доходовъ дали знать прочимъ департаментамъ нашего министерства и объявили графу Киселеву, министру государственныхъ имуществъ. Послёдствіемъ этого было, что смёты возвысились на 5/м. р., отчего даже за замёномъ оказавшихся по нёкоторымъ статьямъ доходовъ открылся дефицитъ до 3½ м. р.

Это событіе, возможное при какихъ либо несчастныхъ обстоятельствахъ, было слишкомъ несообразно съ благополучными свъдъніями объ урожать, цтнахъ на провіантъ и при совершенномъ спокойствіи въ политическихъ взаимныхъ отношеніяхъ Европейскихъ государствъ во второй половинт 1844 года.

Я сдълалъ примърное о бюджетъ 1845 года соображение съ показаниемъ дефицита въ 3½ милліона. Директоръ докладывалъ это соображение безъ меня. Вронченко испугался его результатовъ, и не безъ причины.

Онъ потребовалъ меня къ 6 часамъ вечера того же дня, и у насъ происходилъ съ нимъ слъдующій разговоръ.

Онг (показывая мит соображенія по бюджету). Вы, милостивый государь, знаете это соображеніе?

Я. Долженъ знать, ваше высокопревосходительство.

Онг. Долженъ! Да знаете ли?

Я. Знаю.

Онг. Я просилъ бы васъ покорнъйше объяснить мнъ, какой дьяволъ заставилъ васъ показать дефицить въ 3 ½ мил. Понимаете ли вы, милостивый государь, что при благополучномъ положеніи государства этого не можеть быть.

Я. Точно такъ, ваше высокопревосходительство.

Онг. Зачёмъ же вы написали здёсь такую дичь?

А. Эти счеты не что иное, какъ простое сложение предполагаемыхъ на 1845 годъ доходовъ и расходовъ; изъ ихъ взаимнаго сравнения выходитъ, что первые недостаточны на покрытие вторыхъ.

Онг. Тутъ есть какая нибудь ошибка.

Я. Осмъливаюсь доложить, что въ этомъ дълъ ошибки не допускаются.

Онг. Отчего расходы по всёмъ почти вёдомствамъ стали выше, нежели въ нынёшнемъ году?

 Отъ увеличенія прим'єрно назначаемыхъ расходовъ, не им'єюпілкъ опред'єдительнаго назначенія.

Онъ. На какомъ основаніи вы это сділали?

Я. По высочайше утвержденной 15 Сентября докладной запискъ вашего высокопревосходительства.

Онг. Государю угодно было приказать, чтобы и доходы возвысились по тъмъ статьямъ, гдъ они показывались невърно.

Я. Они поставлены были въ бюджетъ 1844 г. графомъ Егоромъ Францовичемъ, и въ примърномъ исчислении на 1845 увеличены въ иъкоторыхъ статьяхъ, согласно съ послъдними табелями, доложенными Государю.

Онг. Вы изволите мий дичь пороть! Я вамъ говорю, что доходы надо возвысить соразмёрно расходамъ.

Я. Каждая цыора доходовъ неопредёленныхъ поставлена изъ записки 15 Сентября, а государственныя подати и всё окладные доходы въ тёхъ самыхъ цыорахъ, какія мы получили изъ прочихъ оинансовыхъ департаментовъ и Министерства Государственныхъ Имуществъ. Но если благоугодно будетъ сдёлать увеличеніе въ нёкоторыхъ статьяхъ сверхъ того, то это зависёть будетъ отъ назначенія вашего высокопревосходительства.

Онг. Почему же департаменть Казначейства допустиль въ прежнихъ смътахъ несоотвътственное съ дъломъ уменьшение расходовъ?

Я. Бывшій г. министръ, зная все это въ подробности, находилъ невозможнымъ поправлять цыфры неопредъленныхъ расходовъ; потому что если нъкоторые изъ множества подобныхъ расходовъ увеличиваются, то передержки въ тоже самое время покрываются уменьшеніемъ издержекъ на другіе предметы. Такъ напримъръ, во время рекрутскихъ наборовъ, статья на содержаніе рекрутъ возвышается болье нежели на 1½ м. р., но въ тоже время увеличивается и доходъ, вносимый на

эту надобность отдатчиками рекруть; суммы на чрезвычайные по губерніямъ расходы никогда, даже и приблизительно, въ бюджеть опредълены быть не могуть, то увеличиваясь, то уменьшаясь по разнымъ непредвидимымъ обстоятельствамъ. Нельзя также не доложить о платежахъ Придворной Конторъ за чрезвычайные расходы: они въ недавнихъ еще годахъ не превышали 120—160 т. въ годъ, и только въ 1844 году ассигновано было 445 т., которыя, по высочайшему повельнію 15 Сентября, поставлены въ бюджеть 1845 года.

Онг. Такъ вы находите, что дополнять такіе расходы не слъдовало? Я. Точно такъ, слъдуя правиламъ бывшаго министра.

Онъ (громовымъ басомъ). Азіатскій образъ мыслей!! Съ этимъ словомъ онъ ударилъ кулакомъ по столу и вышелъ изъ кабинета, оставя тамъ меня одного.

Зная страшно подозрительный характеръ Вронченки, я вышелъ изъ кабинета въ ближайшую комнату, чтобы удалить подозрѣніе, что я безъ него читалъ какія нибудь севретныя бумаги.

Министръ, возвратясь изъ внутреннихъ комнатъ, грозно спросилъ: Отчего вы эдъсь, а не тамъ?

 Оттого, ваше высокопревосходительство, чтобы не дать подозрънія на себя, что я читаль на столъ ваши бумаги.

Онъ не сказаль ничего и долго ходиль большими шагами по комнатъ. Послъ нъсколькихъ минутъ молчанія и раздумья онъ отпустиль меня, приказавъ мнъ явиться къ нему завтра въ 8 часовъ утра.

Явясь къ назначенному времени, я быль тотчасъ же позванъ къ Өедору Павдовичу и нашелъ его гораздо спокойнъе. Онъ спросиль, что я думаю о возможности покрыть исчисленный дефицить. Я отвъчаль, что если бы при дальнъйшемъ ходъ росписи не встрътилось къ тому благопріятныхъ обстоятельствъ къ сокращенію расходовъ, то можно было бы уменьшить сумму, списываемую въ бюджетъ изъ доходовъ на случай слабаго поступленія недоимокъ. Эта сумма составляла до 7 м. и въ благополучные годы была слишкомъ велика въ сравненіи съ дъйствительною надобностью. Министръ, сказавъ, что онъ и самъ тоже думаетъ, отпустилъ меня очень ласково и послъ говорилъ директору, что онъ нашелъ во мнъ очень толковаго чиновника (это передалъ мнъ Александръ Максимовичъ).

Роспись 1845 года окончилась благополучно и безъ всякаго дефицита. Директоръ поручилъ мнв лично представить ее министру. Вронченко съ большею благосклонностію поблагодарилъ меня и удостоилъ пожатія руки.

Въ Май 1845 года ришились отпустить В. С. Басина на цокой. За его долговременную и дийствительно полезную службу министръ II. 6.

предложиль ему мъсто члена въ совътъ своемъ, съ тъми окладами, какіе В. С. получалъ, и съ вознагражденіемъ за потерю казенной квартиры деньгами. Объ этомъ заготовлена была всеподданнъйшая докладная записка въ двухъ видахъ: одна на 1000 рублей и другая на 1500 р. въ годъ. Эти два экземпляра надобно было приготовить и послать къ Вронченкъ непремънно въ назначенный срокъ, и они были готовы. Василій Степановичъ неожиданно пришелъ въ мое отдъленіе и, взявъ у меня со стола, прочелъ объ записки, а ту которая написана была о производствъ только одной тысячи разорвалъ въ клочки и ушелъ, не сказавъ ни слова. Былъ уже 6-й часъ. Мнъ крайне досадно было докладывать объ этомъ директору, тогда какъ было приказано отнюдь не показывать эти экземпляры Басину.

Когда я разсказалъ Александру Максимовичу, какъ В. С. взядъ у меня эти бумаги штурмомъ, онъ, въ величайшемъ гнъвъ на этотъ дерзкій поступокъ, приказалъ вмъсто разорваннаго экземпляра написать другой, и записка все таки послана къ назначенному сроку въ двухъ видахъ.

Я быль увъренъ, что Басина непремънно накажуть за эту дерзость, ограничивъ ему квартирныя деньги тысячею р.; но великодушный нашъ директоръ не хотълъ мстить старику, и Вронченко испросилъ ему 1500 р. сер. сверхъ всъхъ окладовъ, производившихся по должности вице-директора.

Но не для всёхъ и не всегда Оедоръ Павловичъ расположенъ былъ къ добру; онъ дёлалъ его для чиновниковъ только по настояніямъ и просьбамъ ближайшаго начальства и не бралъ на себя труда замъчать усердіе тёхъ, которые день и ночь трудились въ его глазахъ. Такъ первая составленная имъ роспись угрожала дефицитомъ, но онъ былъ устраненъ. Единственнымъ въ этомъ случав помощникомъ его былъ я. Онъ, впрочемъ, понималъ это вполнъ и ограничился лишь пожатіемъ мнъ руки.

Напротивъ того; судьбѣ угодно было поставить меня передъ нимъ мишенью, а его сдѣлать стрѣлкомъ, который учился стрѣльбѣ въ цѣль: ѣдкіе, иногда безъ всякой причины, выговоры, вѣчный шумъ и крикъ отъ того только, что, не зная порядочно счетнаго дѣла, онъ, по своей врожденной подозрительности, боялся ошибокъ, но никогда не былъ въ силахъ отвратить или предупредить ихъ, что видно изъ сказаннаго выше, когда онъ согласился напичкать въ роспись безъ толку пустыхъ расходовъ. Изъ нихъ между прочимъ Придворной Конторѣ уплачивалась сверхъ обыкновенной смѣты такая сумма, какая дѣйствительно была издерживаема ею на непредвидѣнныя надобности и большею частію не превышала 100 т. или 200 т. въ годъ; но когда назначили ей

на 1845 годъ 445 т. р., то контора уже постоянно требовала каждый годъ всю эту сумму вполев.

Если какой нибудь финансовый департаменть значительно возвысить свою смъту, то всв объясненія по этому предмету требовались отъ меня. Напримъръ, департаментъ сборовъ проситъ прибавить на заготовленіе вина 2 или 3 милліона. Вронченко требоваль, чтобы я доказаль ему необходимость этой прибавки ведрами, чарками и рублями, чего нельзя было видёть изъ смёты. Въ такомъ случай поднималась страшная буря, почему департаменть Казначейства, т. е. я, представитель его, не можеть дать порядочного объясненія; резонъ нашъ, что мы не имбемъ возможности входить въ подробности чужаго дъла не годился: шумъ и ругательство не прекращались до техъ поръ, покуда не допросишься у делопроизводителей департамента сборовъ, личными объясненіями, всъхъ основаній сделанной добавки до последняго рубля и до каждаго ведра. Разумбется, что господинъ, понимающій дъло, потребоваль бы этихъ объясненій изъ первыхъ рукъ, а не отъ посторонняго міста. Между тімь собраніе всіхь этихь объясненій увеличивало вдесятеро обыкновенный трудъ при разсмотрени сметъ. Весь этоть тяжкій безпорядокъ происходиль отъ того, что Вронченко никогда не разсматриваль самь финансовыхъ смёть, а приказываль отсылать ихъ къ намъ, заботясь только о томъ, чтобы на конвертъ, въ которомъ онв посылаются, написано было «весьма нужное».

Изъ привычнаго усердія къ своей должности, я дъйствительно сбился съ такта, котораго надобно было держаться во время правленія Вронченка. Изъ дълъ моего отдъленія было видно, что многія министерства изъ тъхъ суммъ, которыя отпускаются имъ по росписямъ, составляють у себя экономическіе капиталы и, отличаясь въ годовыхъ отчетахъ бережливостью, продолжаютъ обременять Государственное Казначейство напрасными издержками, требуя на разные предметы болье, нежели нужно, съ надеждою увеличивать такимъ образомъ свои экономическіе капиталы.

Я разсказаль объ этомъ Александру Максимовичу, и вслёдъ за тёмъ статсъ-секретарь Тантевъ объявиль всёмъ министрамъ и главноуправляющимъ высочайшее повелтне доставлять министру финансовъ о подобныхъ капиталахъ подробнтийня свёдтнія.

Съ этимъ вмъстъ открылась для министра финансовъ полнъйшая возможность къ правильному разсмотрънію смътъ. Лишнія или избыточныя требованія денегь по ежегоднымъ смътамъ легче было обнаружить теперь, нежели прежде, и въ случать значительнаго пріумноженія какихъ либо капиталовъ, не имъющихъ опредъленнаго назначе-

нія и составленныхъ большею частію изъ самыхъ же источниковъ казны, можно было обращать на подкръпленіе Казначейства.

Но въ тоже время явилась для департамента Государственнаго Казначейства новая, чрезвычайно тяжкая работа: по каждой такой въдомости высочайше повельно было министру финансовъ докладывать Государю Императору о томъ, въ какомъ подоженіи находятся эти капиталы и что можно взять изъ нихъ для пособія Государственному Казначейству.

Иногда со стороны прочихъ министровъ дълаемы были протесты на замъчанія министра финансовъ относительно предположеній его о возможности исключить въ смѣтъ какую либо изъ этихъ капиталовъ сумму, съ обращеніемъ требуемаго расхода на собственные способы требовательнаго въдомства, или взять изъ капитала часть денегъ на общія надобности по росписи. Изъ этого возникла очень сложная переписка, о возбужденныхъ спорахъ необходимо было доводить до высочайшаго свъдънія. По счастію, Государь Императоръ всегда принималь нашу сторону, и мы въ теченіе нъсколькихъ лътъ успъли уничтожить излишнихъ требованій и взять въ казну избыточныхъ капиталовъ всего до 5 милліоновъ рублей.

Предъ министромъ, желавшимъ искренно доставить пользу казнѣ, подобныя дъйствія департамента были бы немаловажною заслугою; но Өедоръ Павловичъ, стараясь только объ очищеніи входящихъ бумагъ, мало обращалъ вниманія на послъдствія своей бюрократіи.

Такимъ образомъ и я отъ своего грознаго министра не получилъ никакого благоволенія, а напротивъ того, онъ, въ одно прекрасное утро, объявилъ мнѣ, что я перессорилъ его съ другими министрами и между прочимъ, что графъ Киселевъ не хочетъ смотрѣть на него прямыми глазами. Въ самомъ дѣлѣ, Министерство Государственныхъ Имуществъ, имѣя многіе хозяйственные и запасные капиталы, принуждено было подѣлиться съ нами гораздо болѣе, нежели другія вѣдомства.

Не получая за свои труды ничего, мнѣ оставалось въ утѣшеніе свое пѣть Малороссійскую пѣсню: «Биду соби купили, да за свои гроши».

Я долженъ признаться, что претерпънныя мною непріятности по расчетамь о капиталахъ были достойнымъ мнъ наказаніемъ, во 1-хъ за то, что я неосновательно вмъшался не въ свое дъло, забывъ правило опытныхъ Русскихъ людей «на работу не набивайся, и отг работы не отказывайся». Мнъ можно было предвидъть, что привосновенность къ интересамъ постороннихъ въдомствъ произведетъ безпрерывные съ ними споры и огромнъйшую переписку, какъ это дъйствительно и случилось; по 2-хъ, что Вронченко никогда не имъль спо-

собности быть признательнымъ къ труду; что при его невниманіи къ счетному дёлу трудно будеть доказывать ему справедливость нашихъ выводовъ и, наконецъ, что изысканіе главныхъ финансовыхъ мёръ ни въ какомъ случать не относится къ обязанностямъ начальника отдъленія, какъ простаго исполнителя буквы закона и воли начальства. И такъ, надълавъ глупостей, справедливо претерпъть и ихъ послъдствія.

Въ исходъ 1847 года открылся на 1848 годъ огромный дефицитъ по чрезвычайному возвышению цънъ на провіанть и фуражъ. Государь Императоръ объявилъ Вронченкъ, что самъ желаетъ заняться разсмотрънісмъ смъть и повелълъ доставить ихъ къ себъ немедленно.

Это было для Вронченки громовымъ ударомъ: по этому Государь могъ сдёлать ему такіе вопросы, на которые ему было бы слишкомъ тажело отвёчать. Онъ своеручно приготовилъ докладную записку, въ которой довольно ловко успокоилъ Государя, что со стороны Министерства Финансовъ сдёланы всё возможныя распоряженія къ сокращенію расходовъ, и что по принятымъ мёрамъ къ покрытію росписи 1848 года особыхъ затрудненій встрётиться не можеть.

Это было 25 Декабря 1847 года, въ праздникъ Рождества; я былъ нездоровъ и никакъ не ожидалъ въ такой великій день служебной тревоги. Вдругъ, около 9 часовъ утра, получаю отъ директора записку съ приказаніемъ явиться немедленно къ министру; узнаю тамъ все, что сказано выше. Объяснительную записку Вронченко составиль и послаль къ Государю до прівзда Александра Максимовича и отпустиль насъ съ тъмъ, чтобы доставить къ нему тотчасъ же всв подлинныя смъты министерствъ, на случай, если бы Государю, и за всеми объясненіями, благоугодно было разсматривать это дело въ подробности. Я повхаль въ департаменть, собраль сметы и на двухъ курьерскихъ санкахъ отправилъ ихъ къ министру, явясь и самъ слъдомъ за ними. Между тъмъ записка, составленная министромъ, возвратилась съ разными высочайшими резолюціями, и съ темъ вместе отправленія въ Государю подлинныхъ смёть не потребовалось. Александръ Максимовичъ довезъ меня въ своемъ экипажъ до департамента и простился со мною, сказавъ, что остальное время праздника, кажется, наше. Но въ три часа, когда я только сёль за нашъ семейный обёдъ, директоръ прівхаль ко мив на квартиру и объявиль, что отъ Государя получены два тюка бумагь и разныхъ въдомостей о капиталахъ, находившихся къ тому времени въ разныхъ въдомствахъ, и что Государю угодно, чтобы всв эги свъдвнія были немедленно разсмотрыны и чтобы заключение министра финансовъ о томъ, сколько изъ нихъ можно взять для покрытія росписи, представлено было Его Величеству непремънно въ тотъ же самый вечеръ. По счастію веж эти въдомости

были мит хорошо знакомы изъ практики за предшествовавшіе годы. Осталось пересмотръть на-скоро, нътъ ли въ нихъ чего нибудь новаго. Я доложиль объ этомъ Александру Максимовичу, и мы, отправясь въ департаменть и расположась въ его кабинеть, начали составлять всеподданнъйшую докладную записку, которая однакоже ни въ какомъ случав не могла быть слишкомъ кратка. Пересмотрввъ всв эти фоліанты, мы собрали довольно данныхъ, чтобы составить нъчто дъльное, и богатырь Александръ Максимовичъ продиктовалъ мит начало, я написаль справки, которыя успёль извлечь въ такое короткое время, а заключение составили мы общимъ совътомъ. Было уже 8 часовъ вечера, но директоръ и я еще не объдали. Явился къ намъ нашъ отличный писецъ Сапожниковъ и, сосчитавъ строки, объявилъ, что онъ можеть окончить нашу бумагу перепискою на чисто къ 11 часамъ ночи. Нечего было дълать; онъ сълъ переписывать. Александръ Максимовичъ повхалъ домой, сказавъ, что возвратится часамъ къ 9-ти, я тоже пошель объдать и потомъ отправился къ Сапожникову, чтобы разръшать могуще встрътиться при перепискъ вопросы. Все это благополучно окончилось въ присутствій уже самого Александра Максимовича, и молодецъ Сапожниковъ переписаль записку безъ малъйшей ошибки и подчистки. Директоръ былъ этому чрезвычайно радъ, опять пригласилъ меня съ собою къ министру. Вронченко также былъ очень доволенъ запискою и тотчасъ же препроводилъ ее къ Государю въ собственныя руки. Мы опять отправились по домамъ.

Въ часъ ночи директоръ прівхалъ ко мив съ высочай ше утвержденными записками министра финансовъ. Одна изъ нихъ была та, которую составили о капиталахъ; другая представлена Его Величеству наканунт Рождества вообще о положеніи въ то время доходовъ и расходовъ, на 1848 годъ предполагаемыхъ; она-то и произвела страшную тревогу въ праздникъ. Въ этой запискт допущено было между прочимъ одно, собственно мое, предположеніе, одобренное какъ директоромъ такъ и министромъ безъ малтишаго измъненія, относительно того, какъ производить изъ банковъ займы для шоссейныхъ работь съ выполненіемъ платежей процентовъ и погашенія изъ земскихъ сборовъ, не стъсняя последнихъ и не обременяя Государственнаго Казначейства. Противъ этой статьи Государь Императоръ изволилъ написать собственноручно «хорошо». Это доставило мит высокое наслажденіе, котораго я не испытывалъ прежде и не забуду никогда.

Войдя ко мнѣ въ комнату, Александръ Максимовичъ сказалъ: «Вотъ, П. И., Государь утвердилъ всѣ наши предположенія и противъ вашей статьи о займахъ на счетъ земскихъ сборовъ написалъ «хорошо»; я заъхалъ къ вамъ нарочно для того, чтобы сказать объ этомъ

и выиграть для васъ время, чтобы можно было завтра что нибудь сдёлать для исполненія высочайшихъ повельній». Я рышился на радостяхъ почтительнейше предложить Александру Максимовичу бокаль шампанскаго; онъ выкушаль и, поблагодаривь, убхаль.

За роспись 1848 г. директоръ получилъ орденъ Бълаго Орла, я обычную награду наравит съ отчетными и ревизіонными начальни-ками отдъленій. Они обыкновенно получали по 600 рублей каждый.

Александръ Максимовичъ разсказываль, что онъ имълъ счастіе приносить лично всеподданнъйшую благодарность за пожалованный ему орденъ Бълаго Орла, и что Государь Императоръ изволилъ ему сказать: «Да, я васъ порядочно помучилъ въ Рождество».

Чрезъ нъсколько льть посль того я получиль доказательство Русской правды, которая выражена въ пословиць: за Богом молитва, за Царем с служба не пропадают».

Увидимъ послѣ, что благороднѣйшій Александръ Максимовичъ Княжевичъ, сдѣлавшись самъ министромъ, успѣлъ поправить то, чего не съумѣлъ сдѣлать невнимательный и черствый Вронченко, отнявшій у насъ даже то, что было исходатайствовано не имъ, а графомъ Егоромъ Францовичемъ; именно постоянное денежное награжденіе за роспись и годовую отчетность.

Въ 1847 году сынъ мой окончиль очень счастливо гимназическій курсъ. На выпускномъ экзаменъ ему дали первую серебряную медаль съ надписью преуспивающему; онъ говориль ръчь, въ которой выразиль благоговъйно благодарность Государю за свое образованіе, начальству гимназін за попеченіе о питомцахъ, учителямь въ особенности за то, что они, указавъ ему путь къ небу, научили быть полезнымъ обществу на земль. Эта ръчь прината быда всъми присутствовавшими очень благоскловно. Двое изъ пихъ особенно обласкали моего сына: одинь, протојерей Маловъ, знаменитый въ свое время проповъдникъ, остановилъ молодаго оратора, когда опъ ссиюлъ съ каоедры, благословиль его и совытоваль преимущественно заниматься Русскою словесностію; другой, какой-то полковникъ Генеральнаго Шгаба, привътствоваль разными желаніями счастія въ служов и въ жазни. Подучивъ аттестатъ, сынъ мой тотчасъ же поступаль въ здваний узиверситеть по историко-филологическому факультету. Директоръ нашъ выпросиль ему стипендію въ 175 рублей сер. въ годъ, и на это, по докладу министра, изъявлено высочайшее соизволеніе.

Въ 1847 году, кромъ обыкновенныхъ занятій по моему 1-му отдъленію мнъ поручено было управленіе 1-мъ распорядительнымъ отдъленіемъ, по случаю отъъзда за границу статскаго совътника Григорьева, начальника этого отдъленія. Такъ съ начала моей службы со-

ставилось нів сколько лівть, что я не могь пользоваться красотами лівта, собственно за недосугомъ при исполненіи служебныхъ обязанностей за себя и другихъ.

Въ 1848 году посътила Петербургъ страшная холера, отъ которой въ Іюнъ скончалась мать моя; вслъдъ затъмъ подвергся этой страшной бользии и я самъ, но стараніями придворнаго доктора Өедора Өедоровича Риттиха, на этотъ разъ, отдълался отъ смерти.

Въ 1848, 1849, 1850 и 1851 годахъ труды по росписи, особенно въ остальное время года, были едва выносимы отъ развитія дёль, возникавшихь вслёдствіе высочайшей воли о строгомъ пересмотръ капиталовъ, находившихся въ распоряжении разныхъ министровъ. Съ темъ вместе Государь Императоръ всегда изъявлялъ высочайшую волю, чтобы роспись непремённо была оканчиваема къ 1-му Января наступающаго года, хотя смъта Военнаго Министерства получалась всегда почти въ последнихъ числахъ Декабря. Зная напередъ, что наша работа передъ окончаніемъ росписи не можеть быть отсрочена ни на 24 часа, я обращался съ просъбами въ канцелярію Военнаго Министерства, и почтеннъйшій начальникъ тамошней бухгалтерін, теперь дійствительный статскій совітникъ Никаноръ Егоровичь Викторовъ, сообщаль намъ со всею готовностію и радушіемъ, которыя такъ свойственны этому отлично умному и образованному человъку, всъ необходимыя о расходахъ Военнаго Министерства свёдёнія, предварительно формальнаго ихъ доставленія въ Министерство Финансовъ, и такимъ только способомъ мы были въ состояніи исполнять высочайшія повельнія объ окончаніи росписи 31-го Декабря.

Въ 1851 году Вронченко вздилъ за границу для поправленія здоровья, но при возвращеніи оттуда въ глубокую осень простудился, и хотя употреблены были всевозможныя усилія къ его пользовацію, но въ семидесятые годы, не смотря на его гигантскія силы, смерть взяла свое, и онъ скончался въ Апрёлъ 1852 года отъ водяной бользии.

Управленіе Министерствомъ поручено его товарищу, Петру Осдорогичу Броку, облеченному вскорт въ званіе министра финансовъ. Послт бурь и урагановъ, претеритнныхъ мною при докладахъ Вронченкт, наступило для меня время болт счастливое. Никогда не случалось, чтобы я вышелъ изъ кабинета Петра Оедоровича, всегда виимательнаго къ дъльному труду, обиженнымъ или недовольнымъ, и что бы о немъ ни говорили, но я считаю все мое время, проведенное подъ его начальствомъ, особенно счастливымъ.

Сметы на 1853 годъ разсмотрены были благополучно, безъ всякаго крика и шума, потому что Петръ Оедоровичъ понималъ счетное дъло гораздо лучше своего предмъстника. Роспись утверждена въ обыкновенное время, и мнъ съ моимъ отдъленіемъ исходатайствована награда 2000 р. сер., изъ которыхъ я получилъ въ прежнемъ размъръ 600 р., а 1400 р. раздълены бухгалтерамъ и прочимъ чиновникамъ.

Въ Апрълъ 1854 г. А. М. Княжевичъ оставилъ департаментъ и возведенъ въ званіе почетнаго опекуна С.-Петербургскаго Опекунскаго Совъта. Простясь съ нимъ, мы всъ считали себя осиротъвшими. На мъсто его командиромъ нашимъ поступилъ бывшій прежде Волынскимъ, потомъ Кіевскимъ предсъдателемъ Казенной Палаты, дъйствительный статскій совътникъ Алексъй Кирилловичъ Ключаревъ, сынъ протоіерея Астраханскаго собора и магистръ С.-Петербургской Духовной Академіи. Онъ служилъ прежде въ разныхъ въдомствахъ, не пользуясь большимъ счастіемъ по службъ; потомъ поступилъ, какимъ-то случаемъ, къ Новороссійскому и Бессарабскому генералъ-губернатору графу (въ послъдствіи князю) Воронцову, и съ того времени фортуна ему улыбнулась.

Алексей Кирилловичь явился къ намъ въ департаменть 15 Мая 1854 г. и въ этотъ день только нознакомился со всеми старшими чиновниками, почтивъ вице-директоровъ, г.г. Севринова и С. М. Кобылива пожатіемъ рукъ, чего удостоился и я. На следующій день онъ позваль всёхъ столоначальниковъ, бухгалтеровъ и контролеровъ и пригласиль ихъ признаться ему откровенно: нътъ ли у кого изъ нихъ залежавшихся бумагъ или упущеній по дъламъ, внушивъ при томъ, что гораздо дучше признаться въ самомъ началв его вступленія, нежели допустить, чтобы онъ самъ или случай открыли за иими какія дибо неисправности. На этоть разъ такихъ гръшенковъ не оказалось. Далве онъ потребоваль образчики чистописанія всехъ канцелярскихъ служителей, со спискомъ получаемаго каждымъ изъ нихъ жалованыя. Разсмотръвъ все это со вниманіемъ, онъ поиказаль правителю канцеляріи составить докладную записку, въ которой испрашивалось разръшеніе: писцамъ, неимъющимъ хорошихъ почерковъ, уменьшить жалованье на 50 и даже на 100 р. въ годъ. Къ несчастію, министръ утвердилъ это крайне бъдственное для писцовъ предположеніе, можеть быть и дільное, приміння службу ихъ къ найму рабочихъ, но несправедливое въ понятіяхъ о достоинствъ службы, которал никогда безъ вины не отнимаетъ того, что отъ нея пріобретено. Въ этомъ случав открылось, что многіе изъ писцовъ, не имвишихъ хорошаго почерка, были очень полезны для делопроизводства и потому лишь не имъли штатныхъ мъсть, что не было вакансій. Изъ чиновинковъ моего отдъленія никто не подвергся этой проскрипціи. У насъ были чиновники, опредъленные для усиленія департамента, и на нихъ,

по особому высочайшему соизволенію, производилась опредъленная сумма. Всё эти господа, въ томъ числё извёстный публицистъ Андрей Александровичъ Краевскій, уволены.

Въ это время у насъ было два вице-директора, дъйствительные статскіе сов'ятники, М. М. Севриновъ и С. М. Кобыдинъ. Первый, завъдывая распорядительными отдъленіями, обязанъ быль представлять министру, въ докладной день нашего департамента, по Средамъ, свъдънія о состояніи кассъ Государственнаго Казначейства и распредвлять свободныя суммы для отпуска главнымъ въдомствамъ, какъ-то: Коммиссіи Погашенія долговъ, Военному и Морскому Министерствамъ и Главному Управленію Путей Сообщенія. Вскоръ по своемъ вступленіи въ департаменть, Ключаревъ взяль на себя это распредъленіе, и затъмъ вице-директору осталось подавать къ подписанію только ассигновки по этому предмету и безмолвствовать передъминистромъ. Другой вице-директоръ занимался собственно по счетной части и являлся къ министру съ представленіями годовыхъ отчетовъ. Директоръ очень кръпко взялся за эту часть, хотя не сдълаль къ ней заранте необходимой привычки. Онъ началь съ того, что приказаль купить себъ колоссальные счеты съ крупными костями, на которыхъ впрочемъ вовсе нельзя было порядочно считать. Алексий Кирилловичь скоро замътиль, что С. М., проникнутый въ плоти и крови цыфрами, быль далеко не отличный делопроизводитель, и съ него перваго началось гоненіе. Оно скоро дошло до того, что директоръ, приглашая г. Кобылина въ общее собраніе начальниковъ счетныхъ отделеній, делаль сму разныя замівчанія и выговоры, едва ли одиако справедливые, и находиль даже удовольствіе подшучивать надъ нимъ, называя его часто въ шутку отщема счетоводстви, и тъмъ напоминаль намъ свои богословскіе термины и свое происхожденіе. Но отливались и волку овечьи слезы. Одниъ разъ министръ, говоря о чемъ-то по росписи со мною, назваль нашего Алексыя Кирилловича «поповскими»... (принадлежностями), разумъется, не въ его присутствіи. Вообще Петръ Өедоровичъ, превосходный бюрократъ, быть очень недоволенъ редакцією департамента подъ управленіємъ Ключарева.

Севриновъ, по семейнымъ обстоятельствамъ встрътивъ надобность въ денежномъ пособіи, обратился съ просьбою, изложенною въ почтительномъ письмъ къ Петру Өедоровичу. Это письмо министръ передалъ Ключареву, и оно осталось безъ послъдствій.

Въ концъ 1854 года умеръ отъ внезапнаго удара всъми уважаемый, трудолюбивъйшій начальникъ 2-го отдъленія бухгалтеріи Андрей

Михайловичъ Кобылинъ (братъ вице-директора), а осенью 1855 скончался грудною водяною бользнію вице-директоръ Севриновъ.

Со мною, покуда, Адексей Кирилдовичь быль въ дадахъ.

Въ Октябръ 1854 я получилъ чинъ дъйствительнаго статскаго совътника и въ Февралъ 1856 года утвержденъ вице-директоромъ на мъсто Севринова; въ Апрълъ 1857, на Пасху, пожалованъ мнъ орденъ св. Станислава 1-й степени, возложенный на меня рукою директора. Во все это время я пользовался постоянно благосклонностію министра, являлся при каждомъ докладъ на тъхъ же почти основаніяхъ, какія введены были Ключаревымъ для Севринова, но сохранилъ преимущество представлять доклады о росписи.

Все мое служебное время и очень часто цъдые вечера проходили въ подписывани департаментскихъ бумагъ. Зръне мое начало слишкомъ явно ослабъвать, и наконецъ я не могъ въ пяти шагахъ разглядъть знакомаго человъка.

Ревнивый къ власти Алексей Киридловичъ не могъ терпеть, чтобы кто нибудь изъ его подчиненныхъ въ присутствии министра выступалъ за предёлы молчанія. Онъ бралъ съ собою къ докладу начальниковъ отдёленія только для того, чтобы, въ случав вопросовъминистра, пріискать въ дёлё какую нибудь цитату.

Въ 1857 году купленъ былъ у Военнаго Министерства домъ на Литейной бывшаго Департамента Военныхъ Поселеній, для помъщенія въ немъ Главнаго Казначейства. Встрётилась надобность сдедать въ этомъ домъ капитальныя исправленія какъ для удобнъйшаго храненія суммъ, такъ и для пріема стекающейся въ Казначейство въ извъстные дни мъсяца публики. Перестройка эта, къ несчастио, по ошибкъ нашего директора, ввърена, по контракту съ торговъ, нъкоему Змигродскому. Для этого учреждена коммиссія, въ которую избрали меня, съ архитекторомъ и экзекуторомъ нашимъ, при достаточномъ числъ нижних служителей. Строеніе это производилось слишкомъ медленно, потому что подрядчикъ удерживалъ плату рабочимъ и, наконецъ, вовсе остановилось. На основаніи контракта министръ приказаль удалить подрядчика и окончаніе перестройки поручиль коммиссіи. Изъ этого возникло очень кляузное многотомное дёло по протесту подрядчика на архитектора. Я быль главнымъ производителемъ этого дъла; но по недоброжелательству Ключарева не получиль за огромные по этому двлу труды никакого вознагражденія, а между тыль однажды едва было не сдъдался жертвою своего усердія къ службь, рискуя пропасть на строеніи, по непривычкъ ходить по щебню и лъсамъ.

Года три или четыре со времени поступленія къ намъ директоромъ Алексъя Кирилловича, я былъ самымъ довъреннымъ и надежнымъ его совътникомъ и никогда не думалъ, чтобъ онъ сдълался ко мнъ холоденъ и неблагодаренъ, но увы! лучшее всегда хорошему злодъй.

10 Апръля 1858, въ день Свътлаго Христова Воскресенія, чиновники Министерства Финансовъ обрадованы были назначеніемъ новаго начальника. Александръ Максимовичъ, оставя нашъ департаментъ възваніи директора, возвратился министромъ.

Первые доклады новый министръ принималь въ комнатахъ, гдъ собирался комитетъ финансовъ. Въ Субботу, около 3-хъ часовъ пополудни, курьеръ объявилъ, что министръ меня требуетъ.

Я принять быль его высокопревосходительствомъ съ особеннымъ благоволеніемъ. Онъ сказаль мив: «Петръ Ивановичь, не желаете ли вы поработать со мною? Я поклонился низко, и въ туже минуту блеснула у меня въ головъ мысль, что министръ намъренъ употребить меня въ родъ чиновника особыхъ порученій, и что я буду поставленъ чрезъ то въ ужасное положение распоряжаться въ департаментв по приказанію министра мимо Ключарева; а въ такомъ случав онъ, имъя надъ чиновниками власть чародъя, парализируетъ всъ мои дъйствія и совершить мое паденіе на первыхъ порахъ; это могло случиться даже не въ первые дни, а въ первые часы моего участія въ дълахъ до совершеннаго устраненія изъ департамента хитраго и опытнаго въ интригахъ Алексъя Кирилловича. Другая мыслъ, посланная мив тогда же Богомъ, состояда въ томъ, что я могу быть учтивве съ подчиненными и добрве къ нимъ нежели Ключаревъ, но едва ли буду въ силахъ принести пользу службъ настолько же, какъ онъ, человъкъ, одаренный превосходными физическими и душевными сидами и при томъ отлично образованный. Занявъ его мъсто недостойно, я быль бы тяжко виновать передъ Богомъ и Государемъ, и пикакіе ордена, никакія денежныя награды не утёшили бы меня въ послёднюю минуту жизни отъ угрызенія совъсти за подлый поступокъ своекорыстія и честолюбія. Чрезъ минуту послів сдівланнаго мий предложенія, я вторично поклонился министру и, поблагодаривъ его за великодушное приглашеніе, отвъчаль, что, при всемъ желаніи моемъ воспользоваться предлагаемою мнв высокою честію, не имвю силь принять эту милость при моихъ преклонныхъ лътахъ и по крайней слабости эрънія. Посмотръвъ на меня съ какою-то недовърчивостію, Александръ Максимовичъ сказалъ: «Что вы Петръ Ивановичъ? Въдь я старве васъ, но могу еще много трудиться . . - «Я никогда не осмълюсь сравнивать свои бъдныя способности съ дарованіемъ и высокими способностями вашего высокопревосходительства. Одержавъ такимъ образомъ побъду надъ своимъ честолюбіемъ, я вышель изъ кабинета, поклонясь въ третій разъ.

Ключаревъ дожидался въ департаментъ моего возвращенія. Я разсказаль ему о своемъ разговоръ съ министромъ, но не во всей подробности, а стараясь дать видъ, что онъ хотълъ поручить мнъ одно постороннее дъло, отъ котораго я отказался по слабости зрънія.

Но Алексъя Кирилловича провести трудно, и съ тъхъ поръ обращение его со мною, всегда почти любезное, ръшительно измънилось.

Одинъ изъ нашихъ сослуживцевъ, начальникъ отдъленія Оедоръ Антоновичъ Миллеръ, издавна знакомый съ членомъ Государственнаго Совъта Прянишниковымъ, слышалъ отъ него, что Александра Максимовича спрашивали, какъ онъ терпитъ въ средъ своихъ директоровъ Ключарева, и что онъ на это отвъчалъ такъ: «Что же мнъ дълать? Въ департаментъ Казначейства два вице - директора; одинъ слишкомъ старъ для этой должности, а другому я предлагалъ, но онъ отказался по слабости зрънія».

Первый докладъ Ключарева со мною происходиль въ кабинетъ при библіотекъ Министерства Финансовъ, гдъ бываютъ собранія разныхъ комитетовъ. Ключаревъ вошель къ министру первый и вышелъ, имъя багряное лицо, какъ раскаленное желъзо. Надобно думать, что Александръ Максимовичъ сдълалъ ему порядочный нагоняй за неприличное обращеніе съ чиновниками и жестокость съ нъкоторыми изънихъ. Но выправить горбатаго могила, а упрямаго дубина, говаривалъ нашъ старикъ экзекуторъ и казначей Чивилевъ.

Алексъй Кирилловичъ былъ весьма бережливъ на канцелярскую сумму, но только, какъ послъ оказалось, чрезвычайно дорого платилъ поставщику за бумагу: а впрочемъ пособія изъ нея бъднъйшимъ чиновникамъ дълались очень ръдко, и то развъ по ходатайству его задушевнаго друга Тристана; у насъ трудно было выпроситься въ отпускъ на обыкновенный законный срокъ, 28 дней, но на два и болъе мъсяцевъ отпускали охотно, потому что жалованье въ такомъ случаъ оставалось въ экономіи департамента, и такими и тому подобными средствами, составлялись значительные остатки. Директоръ самъ назначаль изъ нихъ пособія двумъ вице-директорамъ, всёмъ начальникамъ отдъленія, правителю канцеляріи, начальнику архива и экзекутору, а прочимъ чиновникамъ раздавались награды по назначенію начальниковъ отдъленій, съ большими однако перемънами по волъ директора, который быль не прочь исполнять просьбы знакомыхъ дамъ и вліятельныхъ лицъ вообще. Раздавались однако не всё остаточныя деньги, и директоръ, во время бытности министромъ П. О. Брока, всегда оставляль свободными 2 т. рубл. Эту сумму Петръ Өедоровичь обыкновенио разръшалъ директору взять себъ. Казалось, что эта продълка, при вступленіи Александра Максимовича и послъ нахлобучки, данной директору, о которой в сказаль выше, прекратится; но нъть, онъ подъвхаль и къ новому министру съ такимъ же расчетомъ, предоставляя остаточныя 2.000 руб. на его благоусмотръніе. Александръ Максимовичъ написаль на докладной объ этомъ запискъ резолюцію: «Раздълить и эту сумму на чиновников»....

Кромѣ Ильенки Алексъй Кирилловичъ терпѣть не могъ очень старослуживыхъ начальниковъ отдъленій статскихъ совътниковъ Савицкаго и Миллера. Въ представленіи къ наградамъ въ Комитетъ Министровъ въ 1859 году оба они были пропущены, но отъ министра опнансовъ представленіе возвращено съ приказаніемъ включить ихъ обоихъ въ это представленіе, независимо отъ общихъ правилъ, за отличіе, къ слъдующимъ чинамъ. Тотъ и другой произведены въ концѣ 1859 г. года въ дъйствительные статскіе совътники. Передъ тъмъ, также безъ всякаго со стороны Ключарева ходатайства, я получилъ въ Великую Субботу 1859 знаки ордена Св. Анны первой степени. Эту совершенно нежданную мною награду приписываю я за необыкновенные труды по росписямъ нъкоторыхъ годовъ, оставленные безъ вниманія министромъ Вронченкомъ.

Осенью 1859 года, вечеромъ, завхалъ навъстить меня племянникъ министра, Максимъ Дмитріевичъ Княжевичъ. За бокаломъ шампанскаго, говоря о томъ, о семъ, я высказаль ему свою затаенную мысль оставить службу и обратился къ нему съ просьбою сдълать для меня величайшее одолженіе, поговорить, при случав, съ дядюшкой о моей отставив съ пенсіею, которая была бы достаточна на мое нероскошное, но безбъдное содержание въ старости. Максимъ Дмитріевичъ взялся за это очень радушно. Недвли черезъ двъ онъ высказалъ мит следующій ответь. Я говориль съ дядею о вашемъ желанія оставить службу. Онъ удивился и спросиль, что это значить? «Я подагаю продолжалъ Максимъ Дмитріевичъ, что у нихъ нелады съ Ключаревымъ . - «Пустое, сказалъ министръ; теперь это довольно трудно: если я выпрошу у Государя порядочный пенсіонъ Голубеву, то и другіе два вице-директора, С. М. Кобылинъ и Григорьевъ *), также будуть просить объ увольнении съ пенсіями. Впрочемъ подумаю». Я очень былъ благодаренъ Максиму Дмитріевичу за исполненіе моей просьбы.

Между тъмъ отношенія мои къ Алексью Кирилловичу съ часу на часъ становились холоднъе. Не смотря на груды доставшихся на мое разсмотръніе бумагъ, которыя надобно было подписывать очень осторожно, онъ иногда поручалъ мнъ и нъкоторыя постороннія дъла, но докладывалъ министру исполненіе по нимъ самолично. Разныя замъ-

Этотъ вице-двректоръ прибавленъ къ составу департамента въ 1859 году, послъ передачи въ его въдъніе особой части земскихъ повинностей.

чанія казеннымъ палатамъ по ревизіоннымъ отдёленіямъ передаваль на резолюцію любимца своего Ж—и, котораго мы съ Жуковскимъ *) называли Тристаномъ-пустынникомъ. Этотъ Тристанъ, хотя очень плохой грамотъй, не спускалъ ни одной бумаги, чтобы ее не перекроить по своему для того, чтобы явить директору новые опыты своего усердія и прилежанія.

Такъ прошли 1859 и 1860 годы.

Еще со времени вступленія Александра Максимовича на министерскій постъ, Алексъй Кирилловичъ взялъ, какъ Атлантъ, все бремя дълъ на одного себя, и я уже не докладывалъ бумагъ по росписи.

Товарищъ мой, Семенъ Михайловичъ, разлучился съ незабвеннымъ Алексъемъ Кирилловичемъ и получилъ мъсто управляющаго Главнымъ Казначействомъ, а вице-директоромъ опредъленъ начальникъ 3-го распорядительнаго отдъленія, бывшій нъкогда секретаремъ при графъ Канкринъ, статскій совътникъ Александръ Кирилловичъ Жуковскій.

Въ 1861 году Алексви Кирилловичъ пожелалъ отправиться съ супругою и воспитанницей за границу и получиль увольнение на 5 мъсяцевъ, а управление департаментомъ поручено мнъ съ Жуковскимъ, которому предоставлены доклады по распорядительнымъ отделеніямъ; но важивище предметы, какъ то представление проектовъ для всеподдапитанияхь докладовь, удовлетворение главивишихъ въдометиъ суммами и всв особенно экстренные случаи, оставлены на моей отвътственности. Труды по званію вице-директоров не были и не могли быть сняты. Къ этому присоединилась еще тревожная и пустъйшая обязанность подписывать новый выпускъ билетовъ Государственнаго Казначейства. Этого мало: случилось такъ, что и министръ получилъ высочайшее разръшение отправиться на два мъсяца, съ Іюля, для обозрънія казенных палать и убодных казначействъ подмосковных и другихъ среднихъ и южныхъ губерній до Симферополя, а управленіе министерствомъ поручено его товарищу, тайному совътнику Шигаеву, человъку не слишкомъ знакомому съ ходомъ нашего дъла, а при томъ крайне трусливому и недовърчивому.

Ключаревъ увхалъ въ половинъ Мая. Министръ въ началъ Іюпя. Первый счелъ долгомъ распустить разныхъ дълопроизводителей, въ томъ числъ правителя канцеляріи, на продолжительные сроки, кого въ отпускъ, кого съ порученіями ревизовать убздныя казначейства и паконецъ нъкоторыхъ для излеченія тяжкихъ бользней, извъстныхъ въ публикъ подъ общимъ названіемъ: febris pritvorialis. Онъ, кажется,

^{*)} Начальникъ 3-го распорядительного отдёленія, сдёланный вскорё потомъ вицедиректоромъ.

имълъ тайную мысль доказать вселенной, что безъ него департаменть нашъ существовать не можетъ.

Благодаря однако милостивое Провиденіе, дела наши шли благополучно.

Въ Августъ 1861 г. скоропостижно скончался управлявшій главнымъ Казначействомъ г. Кобылинъ. Товарищъ министра, Шигаевъ, я, Жуковскій, всъ члены и чиновники Казначейства проводили С. М. на въчный покой. Казначейскіе были увърены, что на его мъсто непремънно поступить долженъ былъ я, и забавно было видъть, какъ они выстроились на кладбищенской дорожкъ и творили мнъ чуть не земные поклоны. Я внутренно смъялся на этотъ церемоніалъ, вспомнивъ извъстную басню В. Пушкина:

> "На утренней заръ, Въ день правдначный, противъ иконы, Сидъла мышь на алтаръ И видя, что народъ творитъ предъ ней поклоны" и проч

Впоследствім справедливейшее начальство нашло чиновника более меня достойнаго занять это место, на которое и возведень бывшій председатель Лифляндской казенной палаты Матвей Осиповичь Лешевичь *); а меня, какъ церковную мышь, оставили въ когтяхъ Ключарева.

Со мною не церемонились, тэмъ болве, что я отказался отъ предложенія поработать ст министром, т. е. стать на степень, съ которой можно шагнуть въ директоры. Но разность обязанностей директора съ обязанностями управляющаго Главнымъ Казначействомъ слишкомъ велика. Сравнивая ихъ работы, перваго можно примънить къ живописцу, а другаго назвать маляромъ. Честный маляръ не возметь на себя обязанностей живописца и не откажется отъ своего искусства писать по трафареткъ: такъ и я не отказался бы отъ должности управляющаго Казначействомъ, котораго всъ дъйствія направляются директоромъ департамента. Впрочемъ я утвшался мыслію, что обпицали подумать о моей участи, и что меня върно сдълають, по примъру другихъ, хотя членомъ Совъта Министерства Финансовъ; но не случилось и того. Мий оставалось посли этого ожидать, что, при окончательной потеръ зрънія, получу по уставу 1827 года пенсію, ничтожную для гръшника, но слишкомъ достаточную для праведника — 572 рублей сер. въ годъ.

^{*)} Этотъ господинъ нашелъ себъ сильное повровительство генералъ-губернатора Прибалтійскихъ губерній, князя Суворовъ - Рымникскаго, теперь здъщняго генераль-губернатора, который и выпросилъ ему мъсто управляющаго главнаго Казначейства.

Послъдния награда, которую получиль я, была—великолъпный ордень св. Анны 1-й степени, и я думаль, что миъ придется, современемь, украшаясь алою лентою черезъ плечо, ходить въ сапогахъ безъ подошвъ, такъ какъ все, что я накопиль въ теченіе многихъ лътъ изъ ежегодныхъ наградъ, отдано было въ приданое за дочерью, и это заставило меня просить.

Я обратился въ своемъ раздумъв къ директору канцеляріи министра финансовъ Өедору Тимовеевичу Фанъ-деръ Флиту и представиль ему, что хотя я ни въ какомъ случав не надвюсь и не считаю себя достойнымъ какихъ либо наградъ, но, зная великодушіе Александра Максимовича, предполагаю возможнымъ, что его высокопревосходительству благоугодно будетъ, во вниманіе къ прежнимъ монмъ трудамъ, ножаловать мив новую награду, которая, въ порядкв вешей, состоять должна въ знакахъ того же ордена, украшеннаго Императорскою короною, и потому осмъливаюсь всепокорнъйше просить не включать меня въ представленіе, такъ какъ награда этимъ орденомъ сопряжена со взносомъ денегъ для меня затруднительнымъ.

Почтеннъйшій Өедоръ Тимовсевичъ, выслушавъ меня съ особенною благосилонностію, объщаль сдълать все, что отъ него зависить.

Въ самомъ дълъ, къ 30 Августа 1861 года готовилось представление къ паградамъ, но не общее по министерству, а только о нъкоторыхъ чиновникахъ.

Өедоръ Тимовеевичъ, чрезъ нѣскольно дней послѣ объясненія со мною, былъ до того внимателенъ, что самъ пожаловалъ ко мпѣ въ департаментъ съ пріятною вѣстію: что онъ былъ требованъ въ Москву по телеграфу и между прочимъ говорилъ обо мнѣ съ министромъ и что Александръ Максимовичъ точно имѣлъ намѣреніе представить меня къ наградѣ орденомъ Анны 1-й степени съ короною, по, узнавъ нежеланіе мое получить орденъ, представилъ меня къ денежной наградѣ 2000 р. съ отнесеніемъ ихъ къ секретнымъ суммамъ, отпущеннымъ на извѣстные Государю Императору расходы, чтобы не дѣлатъ вычета на инвалидовъ. Эти 2000 рублей были мнѣ присланы изъ канцеляріи министра финансовъ 30 Августа 1861 года въ день св. Александра Невскаго.

Какъ эта награда была особенною милостію, независимо отъ наградъ обыкновенныхъ и секретная, то я могъ думать, что имъю нъкоторое право получить еще что нибудь по представленію въ Комитетъ Министровъ за обыкновенные труды по должности вице-директора; но этого не случилось, и весьма справедливо, ибо желанія наши слишкомъ неумъренны. Впрочемъ, кажется, судьбъ не хотълось баловать меня деньгами. 13 Іюня 1861 г., еще до отъъзда министра изъ С.-Пе-

тербурга, исполнилось пятидесятильтіе моей дъйствительной службы Товарищь мой, вице-директорь Жуковскій, докладываль объ этомъ Александру Максимовичу; но онъ, пересмотръвь мой формулярный списокъ, нашель, что я произведенъ въ офицеры 31 Декабря 1812 года и объявиль, что Государь Императоръ жалуетъ награды за 50-лътнюю службу собственно въ офицерскихъ чинахъ, то мив нужно будетъ еще повременить; но въ Февралъ 1862 года А. М. Княжевичь смънился, и юбилей мой состояться не могъ. Объ этомъ сказано будетъ далъв.

Во время управленія моего департаментомъ случились два очень непріятныя обстоятельства, и я не перестаю возсылать свои гръшныя молитвы съ благодареніемъ Господу Богу за то, что они прошли благополучно.

21 Іюня 1861 года получено въ департаментъ требованіе коммиссіи опнансовъ Царства Польскаго, чтобы заплатить ей 6257 р. сер. за такую же сумму, выданную изъ ея кассы на счеть нашей казны, живущимъ въ царствъ владъльцамъ билетовъ одного изъ многихъ Русскихъ заграничныхъ займовъ, на полугодовой срокъ за проценты. Въ отношеніи коммиссіи сказано, что она препровождаетъ при семъ подлинные, уже уплаченные купоны Государственной (нашей) Коммиссіи погашенія долговъ и въдомость о нумерахъ купоновъ.

По заведенному издавна въ департаментъ нашемъ порядку, входящія бумаги на имя департамента распечатываеть при курьерѣ правитель канцеляріи, за командировкою котораго должность эту исправляль чиновникъ особыхъ порученій Гербаневскій. Послів сділанной помъты правителемъ канцеляріи, бумаги пересматриваются директоромъ. Для пріема денегъ, присылаемыхъ въ департаменть, командируется казначей или его помощникъ въ почтамтъ. Вложенные въ конвертахъ денежные документы или свидътельства, обязательства и проч. правитель канцеляріи тотчась же, по распечатаніи конверта, передаеть казначею съ его отмъткою на полученной бумагь, что документы имъ приняты. Г. Гербаневскій, въроятно не прочтя бумаги о сказанныхъ 6257 р., отдаль ее съ прочими бумагами ко мев; я, въ уверенности, что приложенные къ ней купоны переданы, по введенному порядку, для храненія казначею, или лучше сказать при чрезвычайномъ множествъ дъла, не посмотръвъ хорошенько, возвратилъ эту бумагу съ прочими въ канцелярію. Бумага записана въ реестръ и была отдана къ исполнению въ 1-е отдъление бухгалтерии; но ни тамъ, ни въ другомъ отдъленіи, куда ее отдавали, не принята, и такимъ образомъ въ спорахъ и пререканіяхъ прошель цёлый місяць.

Около 20 Іюля взялъ наконецъ ее начальникъ 1 отдъленія бухгалтеріи П. Н. Тюринъ и, приступивъ къ исполненію, увидълъ, что указанныхъ въ отношеніи купоновъ и въдомости нътъ. Начали справляться; оказалось, что ихъ не было вовсе прислано, однако можно было подумать, что они выкрадены, такъ какъ они не были отмъчены платежными знаками, слъдовательно по нимъ какой-нибудь злоумышленникъ могъ получить деньги въ другой разъ. Тотчасъ же мы увъдомили объ этомъ коммиссію финансовъ Царства, замътивъ ей, что купоны, по которымъ слъдуетъ заплатить 6257 р. слъдовало отослать къ намъ не съ простой, а съ денежной корреспонденціей, и просили выслать ихъ къ намъ, если они были не приложены. Цълые 1½ мъсяца не было пикакого отвъта, и уже лишь въ началъ Сентября эти купоны присланы сюда съ нарочнымъ чиновникомъ. Во все это время я страдалъ жестокими сомнъніями.

Другое обстоятельство было еще опаснъе.

Въ 3-мъ распорядительномъ отдъленія, которое никогда не отличалось сохраненіемъ канцелярскаго порядка, пропало присланное изъ Сената на заключеніе министра финансовъ подлиное дѣло, на 4500 листахъ, о наслъдственномъ дѣлежъ и по расчету съ казною помѣщиковъ Браницкихъ и князя Сапъги. Это было доложено мнъ 8 Августа 1861 г. Мы съ г. Жуковскимъ приказали столоначальнику Потемкину, человъку не безъ способностей и очень трудолюбивому, но слабому съ подчиненными, употребить всъ возможныя средства къ отысканію этого дѣла, такъ какъ въ противномъ случав онъ можетъ пострадать.

Какъ въ 3-е распорядительное отдъленіе часто поступали подобныя дъла и пересылались въ другія министерства или были возвращаемы съ требованными заключеніями, то мы съ Жуковскимъ и начальникъ того отдъленія Якубовскій были увърены, что дъло это отослано куда нибудь по ошибкъ.

Ключареву объ этомъ донесъ другъ его Тристанъ въ своей съ нимъ интимной перепискъ.

По возвращеніи, въ началь Октября, Алексьй Кирилловичь немедленно допросиль Потемкина, какъ случилась эта пропажа, и объявиль, что если дъло не найдется въ теченіе недъли, то г. Потемкинъ будеть подвергнуть слъдствію и суду, а самъ въ первый же свой докладъ довель объ этомъ до свъдънія министра, присовокупивъ мнѣніе, что много упущено времени къ отысканію пропавінаго дъла, что и твердиль постоянно, желая выказать неисправности, которыхъ при его управленіи, какъ думаль онъ, случиться бы не могло; но всякій разъ, когда была объ этомъ ръчь, я повторяль ему, что онъ самъ нашелъ нужнымъ дать Потемкину еще недълю для отысканія дъла, сверхъ того времени, которое назначили мы съ Жуковскимъ.

Слъдователемъ былъ назначенъ чиновникъ при министръ Өедоръ Прохоровичъ Мицкевичъ. Его посыдалъ министръ въ Москву, разузнать, не попало ли это дъло ошибкою въ тамошній Сенать; но тамъ ничего не открыли. Слъдствіе продолжалось около года, и по окончаніи слъдственное производство представлено, по закону, на разсмотръніе Совъта Министерства Финансовъ. Совътъ постановилъ передать слъдствіе на разсмотръніе Уголовной Палаты. Ключаревъ настоялъ, чтобы и оба вице-директоры дали за своимъ подписомъ объясненіе, чтобыло сдълано ими къ отысканію пропавшаго дъла.

Паканунъ того дня, когда надобно было отправить слъдственныя бумаги въ Уголовную Палату, явился въ домъ къ Ө. П. Мицкевичу какой-то господинъ и, въ отсутствіе хозяина, отдалъ дворнику огромную связку, запечатанную и адресованную на имя Мицкевича. Это было пропавшее дъло. Мицкевичъ представилъ его, при рапортъ, въ департаментъ, и формалистъ нашъ, Алексъй Кирилловичъ, собравъ начальниковъ отдъленій, велълъ начальнику 3-го отдъленія пересмотръть при нихъ и пересчитать всъ листы по описи. Все оказалось исправнымъ и пълымъ.

Кто взяль это дело изъ департамента и кто принесъ его къ Мицкевичу, это осталось доселе тайною.

Ключаревъ наказалъ виноватыхъ порядочно; въ 1861, 1862 и 1863 годахъ ни Потемкину, отцу 8-хъ дѣтей, ни его подчиненнымъ, не давалось никакого пособія. Жестоко, но справедливо.

Чиновники Министерства Финансовъ, для которыхъ со вступленія Александра Максимовича на министерскій постъ наступилъ золотой вѣкъ, думали со введеніемъ блистательной новой системы питейныхъ сборовъ, что его благодѣтельное управленіе будеть продолжительно, и ошиблись: въ Февралѣ 1862 г. пронесся слухъ и, къ несчастію, неложный, что онъ оставляетъ Министерство новому преемнику, управлявшему дѣлами Комитета Финансовъ, тайному совѣтнику Михаилу Христофоровичу Рейтерну.

Когда послъдовать объ этомъ высочайшій указъ, всѣ чиновники Министерства явились въ залахъ дома министерскаго (противъ Мраморнаго дворца) для представленія новому начальнику въ присутствіи Александра Максимовича, которому директоръ нашъ, мы, вице-директоры и всѣ начальники отдѣленій нашего департамента рѣшились принести искреннѣйшую благодарность за его кроткое и благодѣтельное управленіе.

Мы явились для этого къ бывшему министру въ часъ пополудни. Камердинеръ извъстилъ насъ, что Александръ Максимовичъ приглашаетъ всъхъ насъ въ залу. Ключарева еще не было, и мнъ, какъ
старшему, досталось представить его высокопревосходительству прочихъ
товарищей. Когда онъ вышелъ къ намъ, я сказалъ: «За отсутствіемъ
директора, потребованнаго Михаиломъ Христофоровичемъ, имъю честь
представить вашему высокопревосходительству благодарныхъ чиновниковъ департамента Государственнаго Казначейства. Каждый изъ насъ
питаетъ надежду, что, и оставя Министерство, вы не лишите насъ
своего высокаго покровительства». Онъ чрезвычайно ласково отвъчалъ:

«Я всегда любиль департаменть Государственнаго Казначейства, но теперь уже не имъю возможности быть ему полезнымъ попрежнему». Потомъ онъ обратился очень милостиво къ вице-директору Жуковскому и нъкоторымъ ветеранамъ нашимъ, поговоривъ съ каждымъ изъ насъ со свойственною ему благосклонностію, и потомъ распрощался. Послъ этого намъ объявлено, что бывшій министръ испросилъ у Государя Императора всемилостивъйшую награду на департаментъ Государственнаго Казначейства 24.000 рублей.

Распредѣленіе этой суммы предоставлено директору. Онъ не упустиль при этомъ случать ужалить вице-директоровъ, давъ имъ по 450 р. сер., даже менте нежели нъкоторымъ начальникамъ отдъленій.

Надобно сказать, что Ключаревъ, отличною исправностію по службъ, пріобрътая постепенно, хотя не сердечное къ себъ расположеніе, но довъренность министра, скоро забыль данную отъ него сначала жестокую гонку и возобновиль свой терроризмъ надъ чиновниками; будучи однако не хитрымъ, но очень лукавымъ человъкомъ, онъ ловко принялъ всѣ мъры, чтобъ до министра не доходили слухи о его лютости; для этого онъ удивительно былъ ласковъ и любезенъ съ нъкоторыми господами, имъвшими доступъ къ Александру Максимовичу, расположилъ ихъ въ свою пользу такъ, что они, изъ признательности къ нему, не оглашали скверныхъ его поступковъ, и такимъ образомъ онъ дълалъ, что хотълъ. Само собою разумъется, что еслибъ Александръ Максимовичъ зналъ все, что у насъ дълается, то никакъ не допустилъ бы Алексъю Кирилловичу обидъть вице-директоровъ, а назначилъ бы имъ награды по собственному усмотрънію.

Получивъ это награжденіе, мы опять отправились благодарить Александра Максимовича, и я почтительно и въ глубокомъ молчаніи ему поклонился.

Наступилъ первый докладной день новому министру. По заведенному порядку, и я пошелъ со всёми кассовыми счетами при директорё, который убёдительно просилъ меня, идучи со мною, не говорить ии слова съ министромъ, «такъ какъ я, сказалъ Алексъй Кирилловичъ, заготовиль записку, написавъ въ ней все то, что нужно было бы объяснять на словахъ». Это миъ казалось очень страннымъ, но было дъйствительно такъ: онъ хотълъ превратить меня въ безсловесные.

Во время этихъ передвиженій по службі, случилось, что жену мою посътила родственница бывшаго министра, родная сестра покойной его супруги, глубоко имъ уважаемая Александра Христіановна Христіани, вдова генералъ-лейтенанта. При разговоръ о случившейся перемънъ министра, жена моя изъявила, что мы крайне опечалены, лишась Александра Максимовича, на котораго, сказала Софья Петровна, мы возлагади надежду, что мужъ мой, оканчивая службу, не останется безъ куска хлъба, и даже теперь надъемся, что бывшій министръ не оставить въ этомъ случав оказать свое содействіе и покровительство. Отвъчали: Неужели вы думаете, Софья Петровна, что Александръ Максимовичъ можетъ унизиться до того, чтобы просить Рейтерна? Видя, какъ разсыпались надежды наши, жена моя залилась слезами и сказала: «Мы не позводимъ себъ этого думать, но Максимъ Дмитріевичъ довелъ до свъдънія министра, еще въ концъ 1859 года, что Петръ Ивановичь желаеть оставить службу по слабости эрвнія, и просить исходатайствовать небольшое, но достаточное содержание въ отставкъ за его очень долговременную службу, и г. министръ объщаль подумать. Генеральша отвъчала: «мы объ этомъ не слыхали».

Послѣ этого мнѣ съ женою оставалось на старости ожидать горккую бѣдность съ ея лишеніями. Но Богу угодно было спасти насъ сверхъ всякаго чаянія.

При этомъ я не могу не вспомнить, что бывшій вице-директоръ по управленію земскими повинностями, Григорьевъ, въ 1861 году, по бользни уволенъ быль по всеподаннъйшему ходатайству Александра Максимовича съ пенсією 2570 р. въ годъ. Видя этотъ примъръ, я хотъль также попытать счастія и думаль было обратиться съ просьбою къ Петру Федоровичу Броку, при которомъ хотя не долго служиль, но быль взысканъ неоднократно его милостями (онъ далъ мнѣ мъсто вице-директора и орденъ Св. Станислава 1-й степени); но, пе зиая его отношеній къ Михаилу Христофоровичу, ръшился искать своего блага прямою дорогою.

Но прежде я долженъ сказать, что хотя мнё много, часто и несправедливо приходилось терпёть отъ Ключарева непріятности, но я, принявъ еще въ молодости своей за непремённое правило никогда не идти противъ ближайшаго начальника, не далъ ему никакого повода питать ко мнё вражду, и до послёдней минуты нашей съ нимъ службы, онъ часто бесъдоваль со мною дружески, называя меня иногда, можеть быть, въ шутку, дипломатомъ.

Такъ однажды лътомъ 1862 г. въ откровенномъ разговоръ, я объяснилъ ему, что моя продолжительная служба довела до послъдняго разстройства мое зръніе, и что я не могу уже быть полезнымъ службъ на столько, какъ бы желалъ, всепокорнъйше просилъ его сдълать для меня милость переговорить предварительно съ новымъ министромъ о моемъ желаніи и узнать, могу ли я надъяться получить возвышенную противъ обыкновеннаго устава пенсію.

Онъ однако сталъ совътовать мив послужить еще и не торопиться выходить изъ департамента. Подумавъ хорошенько, я находилъ и самъ, что лучше было бы прослужить хотя съ годъ при новомъ министрв и постараться заслужить, если возможно, его впиманіе, нежели рисковать, что онъ можеть напомнить мив извъстное примъчаніе Св. Зак. т. III уст. о пенсіяхъ, гдв строго запрещено ходатайствовать о назначеніи пенсій сверхъ окладовъ закономъ положенныхъ; а притомъ я видълъ много примъровъ на службъ, что настоянія подчиненныхъ лицъ скоръе могуть вредить, нежели приносить пользу.

Вскорѣ начали оказываться примѣры великодушнаго вниманія со стороны Михаила Христофоровича къ старымь и добросовѣстно служившимъ чиновникамъ. Многіе, уволенные отъ службы, получили пенсіоны съ нѣкоторыми прибавками къ установленнымъ окладамъ и нѣкоторымъ оставлено даже при увольненіи полное содержаніе, производившееся на службѣ, между прочимъ чиновникъ особыхъ порученій дѣйствительный статскій совѣтникъ Долгій уволенъ съ окладомъ 2000 р.

Были примъры испроиченныхъ сверхъ закона возвышенныхъ окладовъ и по другимъ въдомствамъ. Въ Октябръ 1862 года получено было отношеніе министра внутреннихъ дълъ о назначеніи возвышенной пенсіи одному заслуженному чиновнику по карантинной части. Министръ финансовъ изъявилъ на это свое согласіе. Алексъй Кирилловичъ пригласилъ меня въ свой кабинетъ и, показавъ мнъ бумагу эту, сказалъ, что онъ, имъя въ виду желаніе мое оставить службу, изъявилъ готовность, если я не перемънилъ намъренія, просить министра объ исходатайствованіи мнъ у Всемилостивъйшаго Государя производства, при увольненіи отъ службы, полнаго содержанія, какое получалъ я въ званіи вице-директора. Я покорнъйше просилъ исполнить это благодътельное для меня намъреніе.

Въ первый же послъ того докладъ Алексъй Кирилловичъ говорилъ объ этомъ съ Михайломъ Христофоровичемъ и, выйдя изъ кабинета, сказалъ: «молитесь Богу, Петръ Ивановичъ; министръ согласился пазначить вамъ, за вашу долговременную службу, въ пенсію всъ ваши

оклады и приказаль заготовить объ этомъ всеподданнъйшую докладную записку». Я поблагодариль директора отъ всей души. Впрочемъ мнъ извъстно было, что мъсто мое нужно было для его задушевнаго друга—Тристана Ж—го.

Туть случились обстоятельства, которыя отчасти замедлили мое увольнение и побудили самого Алексъя Кирилловича оставить службу, котя онь быль еще въ полныхъ силахъ продолжать ее съ прекрасными надеждами въ будущемъ изловить Бълаго Орла и облечься въ алый, сенаторскій мундиръ.

Обо мий Алексий Кирилловичь представиль министру въ половинь Октября 1862 проекть всеподданивищей записки; но, по случаю отъйзда Государя Императора въ Москву, Михаиль Христофоровичь отозвался, что этимъ дъломъ надо повременить до возвращенія Его Величества. А съ директоромъ, совершенно неожиданно, случилось воть что:

Давно продолжались между Министерствомъ Финансовъ и Главнымъ Управленіемъ Почть горячіе споры о претензіяхъ на казпу содержателей вольныхъ почть за излишне выставленныхъ на разныя станцій лошадей, за вновь учрежденныя въ разныхъ м'встностяхъ станціи и проч. Всякая по этимъ предметамъ бумага почтоваго въдомства возбуждала, по резолюціямъ Алексвя Кирилдовича, строгую критику и возраженія, отчего завязывалась на долго переписка; подобная полемика открывалась и съ другими вёдомствами, конечно съ желаніемъ уменьшить издержки Государственнаго Казначейства; по твить не менве всв эти, слишкомъ досадные для разныхъ управленій споры, не всегда правильные съ нашей стороны, распространяли о нашемъ директоръ весьма непріятные слухи; даже замътки о немъ въ одномъ заграничномъ журналъ много вредили ему въ мивнім вськъ правительственныхъ лицъ. Особенно недоволенъ имъ быль бывшій тлавноначальствующій надъ почтовымъ департаментомъ Оедоръ Ивановичь Прянишниковъ, какъ за безпрерывные споры и возраженія по двламъ, такъ и за одного издавна покровительствуемаго имъ чиновника, который служиль у насъ начальникомъ отделенія и, бывъ принуждень Алексвемъ Кирилловичемъ выйти изъ департамента, съ большимъ семействомъ остался безъ всякихъ средствъ къ содсржанію, лишась при томъ казенной квартиры. Говорять, что это общее нерасноложение къ нашему директору высшихъ сановниковъ было причиною, что онъ принужденъ быль оставить службу.

Въ Ноябръ, по возвращени изъ Москвы Государя, Алексъй Кирилловичь представляль снова министру проектъ докладной записки о мосмъ увольнени. Выйдя послъ того изъ кабинета съ большимъ смущеніемъ, онъ объявилъ мнъ, что и на этотъ разъ министръ отложилъ это дёло до времени и что впрочемъ оно будетъ исполнено по данному уже слову. Оказалось, что самъ Алексей Кирилловичъ получилъ предложение оставить Министерство Финансовъ, съ тёмъ впрочемъ, что усердие его къ службе и превосходное управление департаментомъ будутъ достойно вознаграждены.

Въ самомъ дѣлѣ онъ получилъ отъ директора канцеляріи министра финансовъ отъ 28 Декабря 1862 г. письмо, въ которомъ Өедоръ Тимофеевичъ изъяснилъ, что Государь Императоръ, по представленію министра финансовъ, во вниманіе къ отличнымъ заслугамъ Алексѣя Кирилловича, всемилостивѣйше увольняя его, по болѣзни отъ службы, пожаловалъ ему 4000 р. пенсіи и сверхъ того къ ежегодному производству въ теченіе 12 лѣтъ 3000 арендныхъ денегъ. Это письмо по просьбѣ директора прочтено было мною предъ всѣми начальниками отдъленій, и мы ноздравили его съ монаршею милостію.

Потомъ Алексъй Кирилловичъ объявилъ намъ и твердилъ всъмъ, кто хотълъ его слушать, что онъ сдълается Кіевскимъ мъщаниномъ, избирая богоспасаемый градъ Кіевъ постояннымъ мъстомъ своего пребыванія. Онъ не забылъ своего Тристана, выхлопотавъ ему мъсто предсъдателя Витебской Казенной Палаты.

Опасаясь, чтобы дёло о моемъ увольненіи не окончилось также неудачно, какъ при содействіи Максима Дмитрієвича Княжевича, я просиль Алексвя Кирилловича доложить министру, въ родё папоминовенія о моей просьбі; онъ это на радостяхъ своихъ исполниль, и Михаилъ Христофоровичъ, повторивъ данное слово уволить меня съ полнымъ содержаніемъ, прибавилъ къ тому, что надобно нъсколько недёль обождать, такъ какъ было бы неловко вдругъ уволить изъ департамента директора и старшаго его помощника.

Приказомъ объ отставкъ А. К. Ключарева не спѣшили, и опъ остален управлять департаментомъ до прибытія своего преемника, бывшаго Пензенскаго гражданскаго губернатора, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Купріянова. Онъ пріѣхалъ въ Февраль 1863 г. Мы съ вице-директоромъ Жуковскимъ являлись къ пему; онъ заплатиль намъ за это учтивѣйшимъ визитомъ. Скоро сдѣлалось извѣстнымъ, что на мое мѣсто приготовленъ уже какой-то его рготе́де́, чпновникъ, состоявшій при Костромскомъ гражданскомъ губернаторъ, коллежскій совѣтникъ Поповъ. Г. Купріяновъ предложилъ мнѣ оставаться въ должности нѣсколько времени до пріѣзда г. Попова. Наконецъ записка объ увольненіи меня съ пенсією по 2570 руб. сер. въ годъ состоялась и удостоена высочайшаго соизволенія 12 Апрѣля 1863 года.

Принеся благодареніе Господу Богу, я положиль въ сердцѣ своемъ постоянно и съ усердіемъ ежедневно молиться о здравіи и счастіи благодѣтельнаго Михаила Христофоровича, исполняя это до послѣдней минуты своей жизни.

Теперь обращусь ивсколько назадъ, чтобы сказать о моемъ юбилсв. Чиновникъ, прослужившій 52 года, изъ которыхъ 44 былъ пе писаремъ, а дёлопроизводителемъ, между прочимъ 24 года участвоваль въ составленіи росписи, имѣлъ разныя особыя порученія, сохраняя всегда неукоснительно интересы казны и всегда добросовъстно исполняя приказанія, заслуживаетъ, безъ сомнёнія, милость правительства.

Но почему-то мое полувѣковое труженичество не было увънчано. Люди, которыхъ меньше тормошили разными экстренностями, меньше обременяли дѣломъ, праздновали свои юбилеи, а для меня это отсуждено. Правда, что мнѣ исходатайствована возвышенная пенсія, но если бы этого не сдѣлали, то меня жестоко обидѣли бы въ сравненіи съ г. Григорьевымъ, который за свое болѣзненное состояніе на службѣ, уволенъ съ окладомъ, какой дали и мнѣ—2570 р. Но за то я былъ великолѣпно вознагражденъ другимъ образомъ.

Удостоивъ вспомнить докладъ Жуковскаго о моемъ 50-лътіи, бывшій министръ финансовъ и главнійшій благодітель мой, Александръ Максимовичь, быль столько внимателень къ моей службъ, что пріъкалъ ко мев на квартиру 31 Декабря 1862 года, когда исполнилось мив пятьдесять леть въ офицерскихъ чинахъ. Меня въ это время не было дома. Я со всёмъ семействомъ отправился въ этоть день на Петербургскую Сторону отслужить благодарственный молебенъ въ томъ же самомъ храмъ, гдъ бъдная мать моя совершила свою молитву слишкомъ за полвъка назадъ, представляя меня на службу. По окончаніи молебна я отправился въ департаменть, а жена и дочь мои домой. Поговоривъ съ ними и желая меня видъть, бывшій мицистръ повхаль въ штабъ и приняль на себя трудъ взойти въ верхт, по 92 ступенямъ, что по его лътамъ была слишкомъ дорогая жертва. Онъ внезанно вошелъ къ намъ въ вице-директорскую комнату и поздравиль меня, спросивъ: какую награду исходатайствовало мив начальство за мою усердную и 40 лътъ ему извъстную службу? Я съ глубокою чувствительною благодарностію доложиль его высокопревосходительству, что мив, на старости, объщанъ кусокъ хлеба назначеніемъ возвышенной пенсіи, съ чъмъ вивств я не смью и помышлять о какой либо еще наградь, чтобы не лишиться той, какая объщана. При прощаніи, посмотръвъ на меня, онъ изволиль сказать: «Нюпов, Петрз Ивановичь, вы можете еще служить. Этимъ словомъ окончился мой юбилей.

Александръ Максимовичъ могъ сказать это, потому что я, пока былъ на службъ, всячески старался держаться прямо, ходить проворно и подкрашивалъ свои волосы; но еслибъ онъ взглянулъ на меня черезъ недълю послъ отставки, такъ повърилъ бы, что я одряхлълъ, посъдълъ и сдълался дъйствительно негоднымъ для службы.

Въ половинъ Мая 1863 года прівхаль изъ Костромы преемникъ мой г. Поповъ; 16-го числа я подписаль послъднія вице-директорскія бумаги и простился съ любезными сотрудниками.

Такъ кончилась служба моя, продолжавшаяся съ 13 Іюдя 1811 по 17 Мая 1863, слишкомъ 52 года.

Я теривть не могь клянчить передь начальствомь, но подь старость убъдился, что дитя не плачет, мать не разумпеть. При этомъ у меня быль въ глазахъ и убъдительный примърь, какъ справедливы библейскія слова «просите, и дастся вамь». Семенъ Михайловичъ Кобылинъ попросиль и получилъ мъсто управляющаго Главнымъ Казначействомь; еще попросиль, ему исходатайствована прибавка 1.000 рубл. къ ежегодному содержанію; опять попросиль, — поморщились, но дали ему въ ссуду 4.000, а со смертію его этотъ долгъ сложили. Всъ эти милости пролились на него въ теченіе лишь нъсколькихъ мъсяцевъ бытности управляющимъ.

Не получивъ юбилейной награды, которой не лишенъ быль даже и Степанъ Николаевичъ Савицкій, добрый человѣкъ, но не болѣе, я рѣшился переговорить объ этомъ съ г. Купріяновымъ и объясниль ему слѣдующій резонъ.

— Вашему превосходительству извъстно, что я оставляю службу по крайней слабости зръвія; но думаю, что послъ нъкотораго отдыха и при употребленіи медицинскихъ пособій, могь бы нъсколько поправить мои глаза, но издержки на это выше моихъ средствъ, принимая даже въ расчетъ пожалованную пенсію; долговременная опытность моя и непривычка къ взяткамъ могли бы еще пригодиться для службы. Итакъ, не изволите ли испросить у министра денежное мнъ вспомоществованіе на пользованіе зрънія? Онъ отвъчалъ, что находитъ мое желаніе весьма справедливымъ и предложилъ мнъ написать объ этомъ письмо министру, объщая и съ своей стороны употребить ходатайство въ мою пользу. «Если же, сказалъ онъ, г. министръ встрътилъ бы затрудненіе войти по этому предмету со всеподданнъйшимъ докладомъ, то объщаю сдълать вамъ пособіе на счеть канцелярской суммы».

Но дъла такого рода совершаются удобите при личномъ ходатайствъ ближайшаго начальства, а не просительными письмами чиновниковъ, всегда досадными для высшаго начальства, и хотя Максимъ Христофоровичь ангель доброты, но все таки не раздаватель милостыни (aumonier), а министръ финансовъ, обязанный беречь, а не расточать казну; кромв того, не зная обстоятельствъ, которыя давали мив право надвяться на исполнение моей просьбы, легко могь счесть меня человъкомъ слишкомъ требовательнымъ и неблагодарнымъ; а если бы ръшиться на то, чтобъ описать порядочно обстоятельства моей службы, то это было бы не письмо, а цълая исторія; мнъ не хотьлось утруждать министра чтеніемъ пустяковъ: бросиль это.

Не лишнимъ считаю сказать нъсколько словъ о моемъ послъднемъ свиданіи съ Ключаревымъ.

Передъ отъёздомъ въ Кіевъ, онъ пришелъ въ департаментъ проститься и, любя церемоніалы по своему клерикальному расположенію, онъ созваль всёхъ начальниковъ отдёленій въ комнату вице-дпректоровъ, торжественно благодарилъ ихъ за службу и объявилъ, что онъ вскорё уёзжаетъ отсюда и намёренъ сдёлаться навсегда Кіевскимъ мъщаниномъ. Никто не сказалъ ему ни слова, и на его привётъ «пр »щайте, господа», всё отвёчали полупоклономъ. Никто не провожалъ его по выходё изъ комнаты кромё экзекутора и его любезнаго Тристана.

Потомъ, кажется, наканунъ своего отъбзда, онъ опять побываль въ департаментъ, но уже не созывалъ чиновниковъ, а попросилъ къ себъ меня, расположась въ отдъленіи о государственной росписи и приняль меня очень ласково, потому что передъ тъмъ я благодариль его искренно и почтительно за мою пенсію. Разговаривая со мною о Кіевъ, онъ сказаль, что онъ надъется проводить тамъ время пріятно и счастливо, какъ въ то время, когда онъ былъ тамъ предсъдателемъ Казенной Палаты Я-признаюсь въ своей неловкости-отвъчаль ему: «Безъ сомнънія, ваше превосходительство, пребываніе ваше въ Кіевъ после столь продолжительныхъ и важныхъ трудовъ государственной службы, будеть для вась и семейства вашего особенно пріятнымъ, если только какія нибудь воспоминанія прошедшаго не будуть безпокоить васъ». Онъ нахмурился, какъ осенній туманъ, и съ досадою сказаль: какія же эти воспоминанія? — Обширныя занятія вашего превосходительства сопровождались всегда тяжкими трудами и заботами, о которыхъ воспоминанія, какъ объ ужасныхъ снахъ, едва им не будуть безпокоить вась въ продолжение жизни, ибо они приходять на память противъ води нашей. — Онъ однако не оставиль безъ наказанія этихъ, въ самомъ дълъ, досадныхъ словъ: простился, облобызавъ начальника и бухгалтеровъ 1-го отдъленія, а со мною сухо раскланялся.

Оканчивая описаніе моей пятидесяти-двухъ-лётней службы, я долженъ присовокупить, что мои неважные, но полезные труды сдёла-

мись извъстными Государю Императору Александру Николаевичу. Когда я благодарилъ Петра Өедоровича Брока за избраніе меня въ 1856 году вице-директоромъ, онъ сказаль мнв, что Государю Императору благоугодно было спросить: не тотъ ли это Голубевъ, который занимался по части государственной росписи? Такой же точно вопросъ сдёланъ былъ Его Императорскимъ Величествомъ Александру Максимовичу Княжевичу при подписаніи высочайшаго рескрипта о пожалованіи меня орденомъ Св. Анны первой степени, какъ объявилъ мнв бывшій министръ при докладв нашего департамента. Брокъ и Княжевичъ спрашивали меня, какимъ образомъ я сдёлался извёстнымъ Государю Императору, и я отвёчалъ, что лично я никогда не имёлъ счастія представляться Его Величеству, а полагаю, что подпись моя на дёловыхъ бумагахъ очень часто представлялась на высочайшее воззрёніе и что эти самыя бумаги доставили мнв счастіе только однимъ именемъ удостоиться высочайшаго вниманія.

Мит остается сказать итсколько словъ о результатт воспитанія моихъ дітей.

Сынъ мой, по окончаніи въ 1851 году курса наукъ въ С.-Петербургскомъ Университетв, получилъ званіе—степень кандидата историко-филологическаго факультета, награжденъ по опредвленію Университетской конференціи Ивановскою премією 300 руб. сер. и получилъ дозволеніе поступить на службу въ какой либо министерскій департаментъ. Право это предоставлено было тогда по закону только тъмъ сгудентамъ, которые при испытаніи признаны будутъ первыми въ познаніяхъ; прочіе же, окончившіе курсъ кандидатами или дъйствительными студентами, должны были поступать на службу не иначе, какъ въ губернскія или уъздныя присутственныя мъста. Въ 1857 году сынъ мой началъ независимую жизнь, женясь на дочери коллежскаго совътника Лукинскаго, воспитанной въ училищъ Орд. Св. Екатерины въ одно время съ моею дочерью.

Дочь моя вышла изъ Института въ 1850 г. и награждена при выпускъ первою золотою медалью. Въ 1852 году мы выдали ее замужъ за капитана лейбъ-гвардіи Волынскаго полка Бухмейера. Въ 1854 онъ произведенъ быль въ подполковники и отправился во время бывшей съ Англо-Французами войны въ дъйствовавшую армію и на походъ, близъ Бахчисарая, скончался.

Въ 1856 году она вторично вышла въ замужество за отставнаго прапорщика строительнаго отряда въдомства путей сообщенія Шимана. 3-го Іюля 1864.

Записки Петра Ивановича Голубева любезно сообщены въ "Русскій Архивъ" роднымъ его внукомъ Павломъ Викторовичемъ Шиманомъ. П. Б.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ ВРАЧА*).

1865—1875 годы.

Кромъ разсказаннаго случая, когда мнъ пришлось охранять самолюбіе Рудинскаго съ рискомъ для себя, разскажу еще одинъ, который прямо рисуеть характеръ его, а отчасти имъеть и общій интересъ. Вечеромъ, въ совершенно необычное время, получаю отъ него запискою приглашение придти къ нему на квартиру немедленно. Рудинскій встрівчаеть меня словами: выручайте, И. А., на вась надежда... Оказывается, что Рудинскій получиль изъ Окружнаго Суда пов'встку о назначени его, по желанію которой-то изъ сторонъ, экспертомъ по уголовному делу. Помнится, что это было знаменитое въ свое время дело Волоховой, во всякомъ случав, то, въ которомъ участвовалъ экспертомъ профессоръ анатоміи Ив. М. Соколовъ. Что же, спрашиваю, васъ встревожило въ такомъ приглашения? Я на вашемъ мъсть приняль бы его съ удовольствіемъ: гражданскій долгь, честь, любопытство... «Подите вы, очень мив все это нужно. Какой нибудь мальчишка, брехунъ будеть вертьть, выворачивать тебя на потвху публики, которая чорть знаеть изъ кого и состоить. Потомъ въ газеты тебя втянуть, да и своя братія пойдеть прохаживаться на твой счеть. Ни за что не повду; лучше штрафъ заплачу, воть туть (тычеть въ повъстку) онъ и назначенъ. Да въдь этимъ пожалуй не отдълаешься: понравится, онять будуть таскать! - «Да, говорю, отделываться, такъ отделаться разъ на всегда. Мы и отдълались чрезъ командующаго войсками по служебнымъ причинамъ.

Нежеланіе Рудинскаго фигурировать въ роли эксперта на судъ я понимаю. При своемъ самолюбіи, какъ я говориль уже, онъ не былъ ни красноръчивъ, даже не ръчисть и не находчивъ, а безъ того и другого и свъдущій эксперть обрекается на судъ чему-то въ родъ истязанія. Въ то время положеніе эксперта-врача на судъ было еще хуже теперешняго. Тогдашніе прокуроры и адвокаты, злоупотребляя своимъ

^{*)} См. выше I, стр. 77.

положеніемъ на трибунв и пользуясь своею привычкою къ публичному разглагольствованію съ одной стороны, и неопытностью, не подготовденностію къ публичной судебно-медицинской дъятельности по новому уставу врачей, дозволяли себъ неръдко невыносимое глумленіе надъ инымъ экспертомъ, мъшавшимъ обвиненію или защить. Впрочемъ и въ настоящее время прорываются такія выходки сторонъ противъ экспертовъ, что только можно удивляться, какъ терпить судъ такія вещи, которыя невозможны въ порядочномъ обществъ и во всякомъ случаъ не проходять тамъ безнаказанными. Такъ, очень недавно, въ Петербургъ прокуроръ, дълая оцънку экспертизы д-ра Ш., вызваннаго защитою по дълу одного врача, позволилъ себъ сказать: д-ръ Ш. здъсь на судъ величался профессоромъ; онъ, правда, читалъ лекціи въ какомъ-то заведении, но профессоромъ можетъ считаться только in partibus infidelium, хотя у него развязности и апломба больше, чёмъ у иного настоящаго профессора. Къ чему это было сказано? Съ какой стороны могло клониться къ уясненію истины? Д-ръ Ш. действительно читалъ лекціи по судебной медицинъ въ одномъ изъ спеціально-юридических в заведеній и при томъ, какъ спеціалисть-акушеръ, быль компетентенъ въ вопросъ, по которому давалъ свое заключение. Какъ же это защитникъ не догадался попросить судъ занести слова прокурора въ протоколъ? Тогда, можетъ быть, не последовало бы обвинительнаго приговора, и во всякомъ случав получился бы поводъ къ кассаціп. Человъкъ почтенный (г. Ш. тайный совътникъ по чину) и къ самому дълу непричастный третируется на судъ, какъ мазурикъ, и такое третирование со стороны трибуны несомнънно импонируеть суду и присяжнымъ. Какая польза отъ этого правосудію? Вообще, положение у насъ врачебной экспертизы и самая экспертиза на судъ оставляеть желать многаго въ интересахъ правосудія, и ненормальность эта сознается врачами, чему служить доказательствомъ возникшая по этому вопросу медицинская литература. Она же, эта ненормальность или неправильность постановки судебной экспертизы, доказывается твмъ, что чрезъ 30 лътъ судебной практики по новому уставу все еще слишкомъ часто компрометирують и медицинскую науку и правосудіе иногда діаметрально противоръчащія одно другому заключенія экспертовъ по одному и тому же вопросу, что при настоящемъ состояніи врачебныхъ наукъ должно бы встрвчаться, какъ исключеніе, зависящее при томъ отъ случайныхъ причинъ. Въ настоящее время это разногласіе экспертовъ зависить отъ того, что врачъ не знаетъ, чего держаться, уголовнаго ли закона, который ему случайно, но поверхностно знакомъ, XIII-го ли тома законовъ, который остается сухою въткой на новомъ судъ, или иностранныхъ учебниковъ, составленныхъ примънительно къ мъстной

юрисдикцій, по которымъ учатъ студентовъ наши профессора, или же стоять на чисто-научныхъ основаніяхъ, предоставляя суду и сторонамъ понимать и толковать ихъ, какъ умѣютъ и какъ хотятъ. Во всякомъ случав, врачей нельзя упрекнуть въ томъ, чтобы они относились равнодушно къ новымъ своимъ обязанностямъ по судебнымъ уставамъ. Напротивъ, уголовные процессы съ врачебной экспертизой возбуждали въ нихъ живъйшій интересъ, и по нѣкоторымъ процессамъ, какъ Волоховой, Антона Свинаря, Сары Бернаръ и др., возникла цѣлая литература, плодившаяся, именно, на разногласіи взглядовъ на дѣло. Споры велись съ страстностью, съ увлеченіемъ; антагонисты не щадили другъ друга, а экспертамъ иногда больно доставалось отъ товарищей. Вотъ чего еще боялся Рудинскій.

Здесь кстати сказать кое-что и относительно положенія врачей по судебнымъ уставамъ. При отсутствіи у насъ института спеціальныхъ судебныхъ врачей, судебная повинность, сверхъ общей для всёхъ обязанности присяжнаго засъдателя, увеличивается, кромъ экспертизы на судъ, еще экспертизою на предварительномъ слъдствіи. Въ этомъ последнемъ случав, всякій врачь, какъ обязанный являться для вскрытія, напр., мертвыхъ тълъ, подвергается въ силу закона производу стъдователя. Одинъ на увздъ врачъ, называющійся увзднымъ, назначенный для экспертизы на предварительномъ следствін, можеть иметь, какъ это и бываеть, выгодныя постороннія занятія, практику, службу на фабрикахъ и т. д., и при хорошихъ отношеніяхъ къ следователю можеть свободно предаваться этимъ занятіямъ за счеть привлекаемыхъ следователемъ для замены его постороннихъ врачей. Такъ несомиенно и бываетъ. Напр., мий извистенъ случай, когда при подобныхъ обстоятельствахъ военный врачь, въ Ржевъ, по недоразумънію, зная военный порядокъ и субординацію, но не зная судебныхъ уставовъ, не принять присланной ему непосредственно следователемъ повестки и не повхаль на следствіе. Следователь оштрафоваль его; врачь отказался платить штрафъ; послъдовала продажа имущества съ аукціоннаго торга. Врачь быль любимъ офицерами, которые явились покупателями на имущество врача и купивъ тотчасъ же возвратили его ему. Не знаю, какъ все это выглядить со стороны правды и права, но по личному опыту знаю, что свое право следователь можеть обратить въ допеканье врача. Будучи главнымъ врачемъ военнаго госпиталя въ Луцкъ, я, по независящимъ отъ меня обстоятельствамъ, чрезъ моихъ подчиненныхъ и сослуживцевъ, сталъ во враждебныя отношенія ко всему чиновному кружку въ городъ. Подчиненные и сослуживцы мои были въ городъ аборигены, а я пришлый; они свои люди, а я чужой. Дело затеялось страшное для меня, стоившее мне десяти

льть жизни, по крайней мъръ, и кончилось тъмъ, что весь госпиталь, начиная съ начальника госпиталя и кончая послъдней сестрой милосердія, быль разогнань: остался только я одипъ, также не пожелавній оставаться на мъсть битвы, хотя бы и побъдителемъ. Но пока велась борьба, въ числъ другихъ средствъ, вздумали допекать менн и судебнымъ слъдователемъ. Получаю я отъ него повъстку на вскрытіе трупа версть за 30 отъ города и при этомъ увъдомленіе, что слъдователь заъдеть за мной въ такомъ-то часу. Милости просимъ, думаю; посмотримъ, кто останется въ дуракахъ. Слъдователь пріъхалъ и требуетъ, чтобы я поторопился выходить. Я прошу его зайти ко мнъ въ квартиру, потому что я не готовъ.

«Какъ же говорить онъ, входя; я же писаль вамъ, что забду въ такомъ-то часу; теперь десятью минутами позже».

- У меня есть тоже свои служебныя дёла, которыя бросить и не могу. Но не въ этомъ дёло. Скажите, пожалуйста, что васт заставило привлечь именно меня къ этому вскрытію?
 - «Увадный врачь забольль, я и пригласиль вась».
- Но у меня есть четыре ординатора, почему вы не привлекли кого либо изъ нихъ?
- «Это мое дёло. Я приглашаю, кого хочу, и въ этомъ случать никто мнт указывать не можетъ».
- Это я знаю. Тодемте. Но я обязанъ васъ предупредить, г. слъдователь, что прежде, чъмъ я приступлю къ вскрытію, долженъ буду потребовать отъ васъ составленія протокола въ этомъ моемъ заявленіи вамъ, что я страдаю дальтонизмомъ.

«Что это такое?»

— Состояніе зрвнія, при которомъ не различаются совсвиъ некоторые цвета, а другіе показываются фальшиво или неясно. Мнё такой протоколь необходимъ для того, чтобы не отвечать за то, что и поневолё могу напутать въ актё о вскрытія.

«Нътъ, въ такомъ случав, зачемъ же вамъ и вздить?»

— Какъ вамъ будетъ угодно.

Другихъ приглашеній на следствіе, конечно, я уже не получаль; но въ этотъ разъ никто и изъ моихъ ординаторовъ также потревоженъ не былъ.

Выше, по случаю исторіи съ писаремъ Окружнаго Совъта, я сказаль, что въ исходъ докладовъ инспектора командующему войсками я быль заинтересованъ, и это я считаю нужнымъ пояснить. Доклады начальниковъ отдъловъ бывали очередные и экстренные. Первые для каждаго назначались не менъе, какъ по два раза въ недълю, въ опредъленные дни. Для медицинскаго инспектора были назначены Поне-

русскій архивъ 1896.

дъльники и Четверги. Я убъдилъ Рудинскаго выпросить только одинъ день для доклада, именно Понедъльникъ, на что тотъ и согласился, не находя для себя удовольствія лишній разъ въ неділю бесідовать съ Гильденштуббе. Поступилъ я такъ потому, что Рудинскій, не зная службы, весьма трудно усвоиваль дёло, почему и не могь доложить его какъ следуетъ. Отъ этого происходило, что иные важные, необходимые въ служебныхъ интересахъ доклады проваливались у командующаго войсками, что, впрочемъ, Рудинскаго не печалило, и не безпокоило. Командующій войсками не разрішиль, а мий-де наплевать, какъ хочетъ! Но для меня это было не все равно: изъ-за чего же работать, если результать труда зависить оть глупости одного и самодурства другого? По этой причинъ я и придумалъ готовить Рудинскаго къ докладу у Гильденштуббе, какъ къ экзамену, составляя для этого конспекть, въ которомъ были бы, по возможности, предусмотрены всв возраженія. Продълывать это два раза въ недвлю было бы скучно и для Рудинскаго, и для меня; поэтому мы и успъли устроить такъ, чтобы остаться при однихъ Понедъльникахъ. Въ Субботу и предъявляль бумаги къ докладу, излагаль ихъ сущность и то, что по нимъ требуется сдълать; въ Воскресенье составляль конспектъ, который и посыдаль вивств сь бумагами къ Рудинскому, а въ Понедвльникъ репетировалъ его. Первый опыть такихъ докладовъ имълъ слъдующій результать. Рудинскій возвращается отъ Гильденштуббе довольный и сіяющій. «Я такъ ему все по вашей запискъ и прочелъ. Со всемъ согласился и все разрешилъ, сказалъ онъ. Это вы хорошо придумали».

У Рудинскаго, впрочемъ, было одно достоинство, которое для всвять его служебныхъ недостатковъ служило противовъсомъ; по крайней мъръ, въ моихъ глазахъ. Онъ быль чуждъ гой служебной политики, которая, чтобы сдъдать самый необходимый, неотложный шагь, прежде справляется и обнюхиваеть, какъ могуть думать или взглянуть на данное дёло вверху тё или другія лица, не причинить ли онъ какого-либо неудобства или непріятности кому-либо, а съ тъмъ вивств и самому шагнувшему. Этимъ въ служебной политикв и опредъляется умъстность и своевременность служебнаго шага, котя бы надобность въ немъ была неотложная, вопіющая. Рудинскій не придерживался такой политики, можеть быть, потому, что не понималь ея, и готовъ быль во всякое время идти кверху, по начальству, со всякимъ дъломъ, лишь бы оно казалось ему полезнымъ и основательнымъ, а главное было подготовлено, какъ облупленное яйцо, и могло идти бумажнымъ порядкомъ, само собою, не требуя отъ Рудинскаго ни труда, ни хлопотъ. Оттого при немъ оказалось возможнымъ вчи-

нать и проводить успъшно такія дъла, которыя немыслимы были ни при Яновскомъ, ни при Добряковъ. Этимъ качествомъ Рудинскаго можно объяснить и то, что при его главномъ инспекторствъ впоследствіи удалось окончить благополучно дело объ увеличеніи медицинскимъ чинамъ столовыхъ денегъ, начатое еще при Козловъ, но остановившееся на полудорогъ, не смотря на пресловутыя умънье и довкость последняго проводить всякія служебныя дела. Делу этому оказался тормозъ въ недостаткъ средствъ, могло также мъшать и интендантство, и само министерство, дорожившее остатками отъ большаго некомплекта въ то время врачей; но, будучи поставлено основательно и прямо и направлено въ законномъ, форменномъ порядкъ, а не окольными путями, оно безъ особаго труда преодолёло существовавшія препятствія. Рудинскому, я увърень въ этомъ, было безразлично положение военно-врачебного сословія, но онъ темъ не менъс оказаль ему важную услугу, потому что не прочь быль сдёлать добро чужими руками.

Такъ было и съ квартирными деньгами для секретарей въ окружныхъ управленіяхъ. Въ теченіе шести-семи літь всі управленія осаждали главное управленіе и надобдали своимъ командующимъ войсками этимъ дъломъ, но оно не подвигалось впередъ. Поступивъ въ управленіе, и я, съ своей стороны, предложиль поднять это діло вновь. На это мев отвъчали, что уже и писано и говорено достаточно, такъ что поднимать это дъло больше и неудобно и безполезио. Вы неправильно вели его, говорю я; оно должно быть направлено чрезъ Окружный Совъть, тогда избъгнеть скользкой канцелярской дороги и волею-неволею будеть разсмотрёно, не останется подъ сукномъ. Для такого направленія существують и по закону достаточныя основанія. Право на квартирныя деньги врачамъ и фармацевтамъ предоставлено абсолютно и при всёхъ условіяхъ такою-то статьею, но отнято у секретарей административнымъ распоряжениемъ главнаго штаба, который такой компетенціи не имветь. Яновскій съ Добряковымъ замахали руками. Но что не удалось сделать при нихъ, то легко сделалось при Рудинскомъ.

Другое дёло, которое мий удалось провести, чрезъ Совёть, касалось увеличенія штата писарей и отпуска денегь на канцелярскіе расходы. Первыхъ было только двое, а послёднія были такъ мизерны, что не хватало на бумагу и т. п. расходы. По недостатку писарей, а также по незнанію всёми канцелярскаго порядка, никакихъ такъназываемыхъ дёлъ въ управленіи не заводилось и не существовало, почему нельзя было разобраться въ бумагахъ и ни за чёмъ слёдить. Вслёдствіе этого пришлось мий самому писать прямо на-бёло много

бумагь, а для пустыхъ банальныхъ надписей, какъ и для обычныхъ повтореній, напоминаній и т. п. заготовить трафареты, образцы, подъ номерами, и раздать ихъ для руководства писарямъ: пиши-молъ по такому-то номеру туда-то о томъ-то. Но при всемъ томъ, чтобы добиться нужнаго порядка въ дълопроизводствъ и не имъть задержанныхъ, неисполненныхъ бумагъ, пришлось завести вечервія занятін, конечно, въ моемъ присутствіи, то-есть, работать по вечерамъ самому вивств съ писарями, такъ какъ иначе никакой пользы отъ такихъ вечернихъ занятій не могло быть. Это было необходимо потому, что почти вся работа по управленію падала на первос, медицинское, отділеніе; для фармацевтическаго же и ветеринарнаго оставались маленькія крохи ея, какъ вообще, по самому устройству управленія, такъ особенно, впоследствій, по методе Рудинскаго, запрягавшаго меня и въ чужія сани. Такъ, еще и при Яновскомъ было, что, ожидая его капризной явки въ управленіе изъ квартиры Добрякова (для чего не имълось назначеннаго времени), всв давно передълали все свое маленькое дъло и разбрелись по домамъ подъ разными служебными предлогами: фармацевтическій помощникъ въ аптечный магазинъ, кетеринаръ-въ какой-либо конскій дазареть, бухгалтеръ-въ интендантство, и вев они, уходя, наказывають: если-де его и-во спросить меня, пожалуйста скажите, что я отправился туда-то по такому-то дълу и, конечно, въ этотъ день въ управление пикто изъ нихъ не возвращался. Если же Яновскій, заставши всехъ въ управленіи, беседоваль въ своемъ кабинетъ, открывавшемся въ квартиру Добрякова, съ къмъ-либо и затягиваль свое торчанье въ управленіи за обычные часы занятій и если я на просьбу томящихся бездёльемъ сослуживцевъ отвічаль отказомъ, предлагая имъ самимъ доложить инспектору, что у нихъ пътъ діль для доклада ему, и что имъ нужно отлучиться по служебной индобности, то происходило следующее. Товарищъ мой, секретарь-фармацевть, не имъвшій возможности и предлога показывать себя въ нътъхъ, какъ вообще, такъ и въ особенности, когда его начальникъ, фармацевть, помощникъ инспектора, находился на лицо, принимался за принесенный съ собою романъ или, чаще впоследстви за оранцузскіе діалоги, держа книгу такъ, чтобы при входъ Яновскаго удобно было спрятать ее подъ столъ. Французскими діалогами товарищь занимался потому, что разсчитываль жениться на богатой купеческой дочкъ, въ чемъ впослъдствіи и успъль на свою гибель. Остальные, томившіеся бездільемъ и скукою, а иной разъ и голодомъ, сослуживцы бродили взадъ и впередъ по единственной для канцеляріи комнать, жгли безъ жалости одну папиросу за другою и то-и-дъло подходили ко мнв: да, скоро ли же, вы И. А.? «Подождите, господа, сейчасъ;

одна или двъ бумаженки осталось». Окончивъ предположенное на этоть день дело. я собираль бумаги и шель къ инспектору, напутствуемый просьбами: скажите, что у меня нътъ бумать къ подписи, у меня нъть дъль къ докладу и т. д. Управившись съ Яновскимъ, я говорилъ ему, что по другимъ отдъленіямъ нъть ни дълъ къ докладу, ни бумагъ къ подписи, и что не позволитъ ли онъ чиновникамъ разойтись, потому что уже столько-то часовъ. Обыкновенно такой докладъ я двлаль прежде всего и, получивъ разрвшеніе, выходилъ тотчасъ же въ канцелярію и объявляль, что, господа, можете-моль расходиться, окружный инспекторъ не имъеть на этоть день въ васъ надобности. И все моментально разлеталось, исключая иногда тъхъ, кому Яновскій не даваль разрішенія, желая съ ними поговорить. Эти оставались съ кислъйшею гримасою. Явно, значить, было для всъхъ, что дъла у меня много, что управляться съ нимъ было для меня трудно, если я, не для удовольствія же своего, запрягь себя съ писарями въ вечернія занятія. Однако, по спеціальной тупости, которую в считаю свойственною исключительно врачамъ, укращающимъ себя, какъ фальбалой, комическою гуманностью, я потерпъль непріятность за эти занятія отъ добрейшаго Добрякова. Писарямъ, конечно, было не понутру, что ихъ я заставиль работать по вечерамъ, чего не было ни въ одномъ изъ окружныхъ управленій, и писаря пожаловались на меня Добрякову, бывшему помощникомъ, но исправлявшему должность инспектора, въ ожиданіи Рудинскаго, который быль уже назначенъ. По своей дешевой доброть, Добряковъ вступился за писарей и напаль на меня. «Писаря жалуются, что вы изнуряете ихъ работой, назначили самовольно вечернія занятія!>-- А развъ они на меня или за меня работають, а не вмъсть со мною? - Все равно, я этого дозволить не могу. - И не дозволяйте, если это вамъ угодно. Но, я удивляюсь, какъ вы, служившій секретаремъ и теперь помощникомъ инспектора въ управленіи, не понимаете, въ какомъ безпорядкъ у васъ находится делопроизводство. Я не говорю уже о томъ, какъ это затрудняеть службу и въ какое положение можеть поставить насъ предъ новымъ начальникомъ, котораго мы не знаемъ. Возможна въдь и ревизія управленія. Кто тогда возьметь на себя отвътственность за безпорядокъ, не вы ли? Если такъ, то для меня безразлично: я буду работать столько же, сколько и другіе, и писаря не будуть изнуряться.— «Но въдь у насъ нътъ средствъ, какъ въ другихъ управленіяхъ».-Это не оправданіе; у насъ могуть спросить, почему же мы молчали, не просили этихъ средствъ?-Мое предсказание о ревизи дълопроизводства исполнилось вскоръ послъ увеличенія штата въ управленіи, но она не была уже мнъ опасна. Производившій канцелярскій смотръ генералъ самъ немного смыслилъ въ этомъ дѣлѣ и былъ доволенъ, что, выкликая по входящимъ и исходящимъ журналамъ бумаги, тотчасъ же слышалъ отъ меня, отвъчавшаго по настольному реэстру: здѣсь, то-есть, дѣло номеръ такой-то, страница такая-то.

При очевидной для всякаго недостаточности средствъ у нашей канцеляріи входить въ Окружной Совъть съ докладомъ объ увеличеніи ихъ было рискованно. Начальники другихъ отделовъ, довольные составомъ своихъ канцелярій и имъя возможность пополнять его прикомандировкою чиновниковъ и писарей изъ подвъдомственныхъ заведеній, могли отнестись несочувственно къ нашей нуждів, какъ потому, что не видъли надобности и въ самомъ нашемъ управленіи, такъ и потому, что могли припоменть причиненнымимъ въ Совътъ Яповскимъ непріятности и отплатить за нихъ. Чтобы задуманное діло не провалилось, я обставиль его такъ. Отъ инспектора разосланы были по вежить управленіям в запросы о доставленій по встретившейся надобности свъдъній о томъ, сколько въ истекшемъ году было входящихъ и исходящихъ бумагъ, сколько къ текущему году состояло сверхштатныхъ канцелярскихъ чиновниковъ и писарей, прикомандированныхъ, и осталось ли что либо отъ канцелярской суммы за всеми въ годъ расходами. Свъдънія были получены, и по нимъ оказалось, что, напр., въ окружномъ штабъ, на каждаго писаря приходилось по одной съ дробью бумагь въ день, тогда какъ въ нашемъ управлении почти по двадцати, и изъ канцелярскихъ суммъ у всъхъ оказались остатки. Съ такимъ матеріаломъ уже можно было идти въ Совътъ съ докладомъ объ увеличении штата, и дъло увънчалось успъхомъ.

Еще заботой моей было добыть управленію сколько нибудь сносное пом'єщеніе, что отчасти требовалось и моими личными интересами. Женившись и ожидая увеличенія семейства, я не могъ уже обходиться тремя маленькими и неудобно-расположенными комнатками, при томъ грязными и киштвішими тараканами, которыхъ развели живініе около меня писаря. Квартира моя далеко не стоила тта квартирныхъ денегъ, которыя мит, наконецъ, были разртшены; я не прочь былъ уйти на вольную квартиру, но это встртчало большія служебныя затрудненія для меня и не находило согласія у Рудинскаго. Не безъ труда удалось мит добиться увеличенія квартирнаго отпуска для управленія почти вдвое. Управленіе перешло на Волконку въ домъ Восйковой, гдт разм'єстилось гораздо просторнте прежняго, и гдт для меня оказалась порядочная квартира.

Отыскивая для управленія новую квартиру, что было въ 1870 году, я натолкнулся на курьезный случай. Не смотря на лёто, свободныхъ квартиръ въ городъ оказалось чрезвычайно мало, и онъ сильно поднялись въ цънъ. Московскіе домовладъльцы только что проснулись, проспавши увеличение городского населения, начавшееся съ крестьянской реформы и сильно шедшее въ гору съ постройкою желъзныхъ дорогъ, въ узлъ которыхъ оказалась Москва. Москвичи не замъчали, что давно въ гостиницахъ и номерахъ стало трудно находить помъщение пріъзжимъ, и цъны на комнаты поднимались. Домовладъльцевъ разбудила только ожидавшаяся въ Москвъ первая выставка; они вскочили съ жадностью наживы и точно осатанъли. Исходивъ, въ поискахъ за квартирой, изъ конца въ конецъ почти всю центральную Москву, я наталкивался на забавныя сцены. Домовладельцы уже не спрашивали, какую и для чего нужно квартиру, а въ какую цену, точно квартира калачъ или печенка, которую можно отрёзать на грошъ или на копъйку. Какъ теперь было, помню на Поварской домовладъльца С.... или что-то въ этомъ родъ, на домъ котораго и увидълъ записку объ отдачъ квартиры. Войдя во дворь, я встрътиль самого домовладъльца, ругавшагося съ плотниками, которые надстраивали надъ погребами и конюшнями жилое помъщение. «Вамъ квартиру? Въ какую цвну? Вотъ у меня скоро будеть готова!> -- А какъ вы продаете квартиры? спрашиваю я. Отръзываете и отвъшиваете ихъ на пятакъ и на грошъ? Домовладелецъ вламывается въ амбицію.

Наталкивался я на досчатые сараи, которые оштукатуривались и превращались въ жилыя помъщенія; знаю много домовъ, которые, въ два этажа, строились изъ барочнаго лъсу въ одинъ - два мъсяца, тотчасъ же по постройкъ, когда не выведена была еще и крыша, оштукатуривались и, не готовые еще, сдавались.

Возникшая строительная горячка тотчась же перешла въ спекуляцію домами. Дома росли, какъ грибы, немедленно закладывались въ банкахъ, на ссуду строились новые, эти также закладывались гдѣ нибудь, продавались, и въ результатъ оказалось для иныхъ разореніе, для другихъ барышъ.

Похожая горячка въ то время существовала въ медицинскомъ міръ вообще или въ военномъ въ особенности. Развивавщаяся медицинская дъятельность въ земствъ увлекала туда врачей даже и изъ военной службы, что было и понятно. Полторы тысячи рублей, которые тогда обыкновенно платило земство врачу, въ военной службъ получалъ только дивизіонный врачъ, и то прослужившій не менѣе двадцати лъть. Земскому врачу, кромъ того, улыбались доходы отъ практики, хотя и обязательной, слъдовательно долженствующей быть безплатною въ своемъ участкъ, но тъмъ не менѣе приносившей и теперь приносящей выгоды не только у помъщиковъ и вообще у состоятельныхъ людей, но и у крестьянъ не бъдныхъ. Каждому важно,

чтобы врачь постарался около больного, и это стараніе нужно такъ или иначе купить у врача: таковы наши обычаи. Кромъ того многихъ военныхъ врачей толкало въ земство ихъ положение приниженное и безправное между двойною властію, вооруженною дисциплинарнымъ оружіемъ. Тяжело, да пожалуй и противно вспоминать, какъ иногда третировался военный врачь. Для доказательства или иллюстрація следуеть однако привести примерь-другой. Гильденштуббе, осматривая въ Рязани дазаретъ, остадся недоводенъ вившнимъ его состояніемъ и раскричался на врача. Этотъ сталъ оправдывать себя (а Гильденштуббе этого не переносиль) тъмъ, что недостатки и неисправности зависять не оть него, а оть командира, которому о пихъ было неоднократно докладовано и доносимо. «Вотъ не угодно ли взглянуть, в.-в. ство, заключаетъ врачъ, предъ самыми окнами дазарета свадивается навозъ». Гильденштуббе взглянуль, и еще сильные напустился на врача, почему такой безпорядокъ? Врачъ возражаетъ, что не его дъло убирать навозъ и грязь со двора. Гильденштуббе вышелъ совершенно изъ себя. «Такъ я тебя заставдю убрать эту кучу тогими руками», закричаль и затопаль ногами генераль. Здёсь впрочемь, какъ вездъ почти, когда Гильденштуббе на кого либо набрасывался, были особыя причины неудовольствія.

Не мягче относились къ врачамъ и менъе крупные генералы. Случилась командировка изъ округа врача куда-то на край свъта съ перспективою застрять тамъ навсегда; управленіе вызывало желающихъ, но ихъ не оказалось. Тогда стали выбирать между молодыми и одинокими, но назначаемые немедленно подавали въ отставку, такъ что можно было целый округь оставить безъ врачей. Пришлось принести въ жертву службъ такого, который, какъ обязанный службою за казенную стипендію, не могь подать въ отставку, и секретно писать медицинскому его начальству, чтобы оно не допускало какого либо отлыниванія отъ командировки со стороны назначеннаго, напр., подачей рапорта о бользии. Младшихъ врачей съ обязательною службою оказалось ивсколько, но изъ нихъ нуженъ былъ такой, которому обязательной службы оставалось не менёе двухъ-трехъ лёть, потому что самое путешествіе съ командою продолжалось около года. Для выбора жертвы не было иныхъ признаковъ, кромъ этого и еще безсемейности. Отобравъ всёхъ удовлетворяющихъ этимъ условіямъ, я подвергъ ихъ жеребьевкъ: написаль фамиліи на отдъльныхъ бумажкахъ, свернуль последнія и положиль въ фуражку, попросивъ кого-то вынуть. Вышла фамилія, помнится, Мельникова, и, какъ, неизвъстно почему, бываетъ обыкновенно, жребій паль на самаго смирнаго, безотвътнаго.

Удрученный своимъ назначеніемъ, врачъ, проъздомъ чрезъ Москву, находитъ нужнымъ заглянуть въ Управленіе не безъ намъренія пожаловаться на меня, какъ виновника его злосчастія, и не безъ надежды какъ нибудь избавиться отъ постигшей его бъды, но зашелъ туда слишкомъ рано. Въ ожиданіи времени, когда въ Управленіи можно застать инспектора, онъ пошелъ посидъть на находившійся по близости Тверской бульваръ, гдъ сълъ на лавочку и сталъ думать свою горькую думу. Въ это время, дълавшій свою утреннюю прогулку на бульваръ, генералъ Х. (онъ еще, кажется, здравствуетъ), проходитъ мимо сидящаго уткнувши носъ въ землю, и горюющаго врача разъ, проходить другой, тотъ все сидитъ въ томъ положеніи, не замъчая бросающаго на него грозные взгляды генерала. Наконецъ, этотъ не выдержалъ и подошелъ къ сидъвшему уткнувши посъ врачу. Увидъвъ предъ собою генеральскія ноги съ лампасами, врачъ поднялъ глаза, увидълъ незнакомаго генерала и машинально всталъ.

«Почему вы, когда я, генераль, прохожу мимо вась нъсколько разъ, сидите и не отдаете мнъ чести?»

— Я, в-ство, васъ не замътилъ,—отвъчаеть, запинаясь, оробъвшій врачь.

«Воть и теперь вы отвъчаете, стоя раскарякой и не приложивши руки къ козырьку. Какъ ваша фамилія, какой вы части?»

Несчастный врачь отвъчаеть, тоже не догадавшись поправиться и откозырять.

«Ступайте къ медицинскому инспектору и скажите ему, что я, такой-то генералъ, арестовалъ васъ на педвлю за неотданіе мит чести!»

Съ этой новою бъдою, забывши о старой, приходить врачь въ Управленіе и застаеть только меня. Выслушавши эго, я говорю: медицинскій инспекторъ хотя и обязань, но теперь не можеть исполнить законнаго требованія генерала Х. Изъ-за вашего преста будсть задержана команда, которую вы сопровождаете, и подвергиется измъненію уже утвержденный ся маршруть. Медицинскій писпекторь можеть сдъдать только то, что напишеть, куда следуеть, чтобы васъ выдержали подъ арестомъ по прибытіи на мъсто. Но этого не будеть: довольно съ васъ и того, что выпало вамъ по волъ судебъ. (Я, копечно, не сказаль ему про выпавшій ему жребій). Повзжайте съ Богомъ и не тревожьтесь этою исторією. Я беру все на себя и, если вы не върите моему слову, то дамъ вамъ письменное удостовъреніе въ томъ, что приказаніе генерада Х вы исполнили. Врачъ, не являясь къ инспектору, увхалъ въ командировку, даже съ нъсколько облегченной душой. Такъ иногда легонькая боль отъ горчишника облегчаеть другую болье тяжелую. Я разсказаль инспектору этоть случай

въ подробности, не скрывая ничего и о себъ, и получилъ одобреніе. Это случилось еще при Яновскомъ и въ то время, когда онъ находился въ явной немилости у Гильденштуббе.

Относительно отданія чести врачи поставлены были нашими обычными порядками въ какое-то одностороннее, комическое положеніе. Когда вышель законь, обязывающій, по Прусскимь порядкамь, военныхъ отдавать при встръчъ другь-другу честь, причемъ низшій по чину долженъ былъ предупреждать высшаго, прапорщикъ не признаваль нужнымъ отдавать ее, встречаясь съ врачемъ даже въ генеральскомъ чинъ. Даже нижніе чины поголовно обязанные отдавать честь всёмъ безъ исключенія военнымъ врачамъ, не только рёдко псполняли это, но нёкоторые изъ игривыхъ, которыхъ много встрёчалось между юнкерами и вольноопредвляющимися, двлали изъ этого закона для себя мальчишескую забаву, которой я неоднократно подвергался. Зная, что на сдъланную мив честь, я обязань отвъчать темъ же по форме, я спешилъ приложить руку къ козырьку, видя, что встрътившійся миж юнкеръ срывается своею правою рукою кверху; но оказывалось, что она не доходила до козырька фуражки, а останавливалась по дорогь у носа, въ которомъ и начинала ковырять. Эот, значить, и была честь, предназначенная имъ врачу. Винюсь, что въ иныхъ подобныхъ случаяхъ я останавливалъ скудоумнаго на счеть своихъ законныхъ обязанностей юношу, которому впереди можетъ быть предстояль крупный генеральскій чинь, и разъясняль ему всю глупую безразсудность и служебную гнусность его поступка со мною, указывая, что въ сиду существующихъ законовъ его спасетъ отъ наказанія не только по дисциплинарному уставу, но и по военномууголовному, и закроеть оть меня только тоть начальникъ его, который не уважаеть закона. Такое внушеніе обыкновенно производило дъйствие нагоняемымъ страхомъ, но не знаю, приносило ди какой дибо духовный плодъ.

Вообще изъ всего этого выходить то, что требование отъ врача военной выправки и военнаго чинопочитания по фронтовому уставу принимало характеръ простой придирки, что ни въ какомъ случав не могло содъйствовать привитию къ врачамъ военныхъ порядковъ, и врачи дъйствительно туго усвоивали ихъ на свое горе.

Иногда эти требованія принимали прямо характеръ глумденія надъврачемъ и ложились на душу тяжкою, трудно переносимою обидой. Такъ, напр., по старому (не знаю, какъ теперь) порядку врачъ долженъ быль, при слъдованіи обоза на церемоніальномъ маршъ, находиться у задняго колеса лазаретной повозки. Ну, и отъ чего же не пройти нъсколько сотенъ шаговъ, придерживаясь колеса, когда обозъ

двигается шагомъ? Но нъкоторые изъ крупныхъ начальниковъ, дълавшихъ смотръ, пускали дазаретный обозъ рысью и въ карьеръ, и врачъ бъжалъ за нимъ, какъ собака, высуня языкъ. Къ чему это? Выъздку и качество казенныхъ лошадей, положимъ, нужно знать военному начальнику, но кръпость мясовъ врача и его скороходный аллюръ на что могли пригодиться военачальнику?

Все это вмъстъ взятое, не смотря на существовавшее спеціально для подготовки военныхъ врачей заведение (Академию) и массу казенныхъ стипендій на медицинскихъ факультетахъ, оставляло въ арміи сотни незанятыхъ врачами должностей. Предстоявшая военная реформа, потребовавшая и на мирное время, большаго противъ существовавшихъ штатовъ числа врачей, осложняла дъло. И вотъ почему, позаниствовавши у другихъ всеобщую воинскую повинность, мы относительно отбыванія ея врачами, не взяли образца ни съ Гермапіи, гдъ врачъ отбываетъ ее во фронтъ, ни во Франціи, гдъ онъ отбываеть повинность эту въ дазаретахъ, а освободили врача отъ всякой обязательной службы въ арміи въ мирное время, а въ военное привлекаемъ только къ медицинской. Газсчетъ быль тотъ, чтобы свободой отъ фактической воинской повинности привлечь какъ можно болъе народу къ медицинской профессіи, а не ослабить еще болье охоту къ ней. Въ дъйствительности, однако, и льготой для врачей по отбыванию воинской повинности и земской медициной достигнуто было немного: за тридцать лътъ число врачей у насъ почти и не удвоилось, не смотри на увеличившуюся за это время численность населенія государства. Да и самое увеличение числа врачей, главнымъ образомъ, получилось на счеть Евреевъ изъ-за ненавистной для нихъ военной службы. Туго двигавшійся, не смотря на означенныя благопріятныя условія, прирость врачей быль, между прочимь, однимь изъ поводовь и основаній къ открытию у насъ женскихъ медицинскихъ курсовъ. Открытые поепнымъ въдомствомъ, курсы эти имъли назначение женщинами-врачами вытеснять мужчинъ-врачей изъ земской и иной врачебной службы и толкать въ военную. Женщины-врачи понадобились и на то, чтобы при недостаточномъ числъ мужчинъ-врачей, было къмъ замънить последнихъ въ гражданскомъ населени во время службы ихъ, на войнъ, въ армін. Впоследствін, когда ежегодно увеличивающійся запаст врачей достигъ достаточнаго числа ихъ, былъ уничтоженъ ранве существовавшій резероз врачей, формировавшійся въ военномъ в'ядомствъ изъ служащихъ въ другихъ и вольнопрактикующихъ, не подпавшихъ военной повинности. Затъмъ, когда военное въдомство почувствовало себя обезпеченнымъ вполнъ запасомъ врачей, оно нашло для себя излишними расходы на женскіе врачебные курсы, и они были закрыты.

Конкурируя съ земствомъ въ привлечении врачей къ себъ на службу въ мирное время, военное въдомство прибъгло къ слъдующимъ двумъ (главнъйшимъ) мърамъ. Во-первыхъ, оно увеличило содержаніе своихъ врачей, по сделало это первоначально только для высшихъ должностей, оставивъ надолго низшія при прежнихъ окладахъ, почему мъра эта и не приносила ожидавшейся отъ нея пользы. Другою мърою было широкое предоставление военнымъ врачамъ возможности подучать, за казенный счеть, докторскую степень, которая по действующему закону даеть право и открываеть дорогу на высшія должности. Этою возможностью военные врачи и воспользовались широко, но военное въдомство инчего оть этого не выиграло. Переполнившись докторами медицины настолько, что не знало, куда ихъ дъвать, оно достигло только того, что наиболъе талантливые и предпримчивые изъ нихъ, не желая по десятку лътъ корпъть въ жалкомъ положени баталіоннаго врача, бросились вонъ изъ военной службы на высшія земскія и административныя должности (старшихъ врачей земскихъ больпицъ, врачебныхъ инспекторовъ и т. д.), дорогу къ которымъ открываль имъ дипломъ съ нагруднымъ академическимъ значкомъ, въ то время введеннымъ.

Однако, обязанность безпристрастнаго историка требуеть отъ меня сказать, что послъднее, хотя и не по своей винъ, но достигло желаемаго. Висъвшія ранъе въ Главномъ Медицивскомъ Управленіи объявленія о свободныхъ вакансіяхъ исчезли, и въ военную службу поступить врачу стало также трудно, какъ и въ настоящее время въ думскую и иную. Вызванныхъ искусственно къ медицинской профессіи оказалось слишкомъ много, а избираемыхъ на службу—слишкомъ мало.

Такое положеніе дълу соорудила земская и думская городская медицина.

Такъ стоитъ дъло теперь, но въ концъ шестидесятыхъ годовъ недостатокъ врачей вызывалъ, кромъ мъръ къ ихъ размноженію, еще и
мъры къ увеличенію числа и къ улучшенію состава фельдшеровъ.
Стали возникать и въ земствахъ и по другимъ въдомствамъ фельдшерскія школы, и въ силу необходимости фельдшеръ вопреки закопу,
получилъ на дълъ право самостоятельной практики. Оказался ли онъ
на самомъ дълъ способнымъ къ этому, или по инымъ причинамъ, но
въ это время возникъ проектъ о подлъкаряхъ, чемъ-то среднемъ между
врачемъ и фельдшеромъ, выпускаемомъ изъ тъхъ же фельдшерскихъ
школъ, но съ чиномъ и съ правомъ какъ самостоятельной практики,
такъ и держанія экзамена на врача послъ опредъленныхъ лътъ такой
практики. Проектъ этотъ появился въ то время, когда паша медицина
только что стала выходить изъ своего продолжительнаго застоя и сама

начала учиться у заграничной, потому быль и прямо вредень и опасень для будущаго нашей науки у нась. Но общая пресса, съ радостію приняла этоть проекть объими руками и облобызала, такъ что моей, написанной противу него стать не удалось достучаться ни въ одну изъ Московскихъ редакцій. Тогда я ръшился послать мою статью предсъдателю медицинскаго совъта. По этой ли причинъ или по какой иной, проекть, родившійся въ медицинскомъ департаменть, подкинуть быль подъ сукно, но чрезъ двадцать льтъ вновь появился такимъ же малольткомъ, какъ и ранье, но подъ названіемъ проекта о ликаряхъпрактикахъ. Этоть проекть, уже безучастно встръченный общею прессою, но враждебно-спеціальною, медицинскою, опять спрятался подъ сукно, а чрезъ нъсколько времени вновь назойливо выглянуль подъ названіемъ проекта о лиценціатихъ. Все это являлось только старыми погудками на новый ладъ.

Въ это же время обратило внимание на своихъ фельдшеровъ и военное въдомство, да и пора было это сдълать. Если положение врача было тяжелое, то каково же должно быть положение фельдшера, надъ которымъ начальствовалъ не только офицеръ, но и фельдфебель. Низшій, какъ теперь принято выражаться, медицинскій персональ въ воепномъ въдомствъ состоялъ въ то время изъ слъдующихъ слоевъ. Ниже всего стоялъ цирюльникъ 2-го комплекта изъ солдатъ. Выбранные изъ числа большею частію неспособныхъ, къ фронту, но мало-мальски грамотныхъ, солдаты эти поступали подъ команду фельдшеровъ въ лазареты своей части, гдв наглядкою, редко советомъ и указаніемъ, а чаще толчкомъ и зуботычиной, они начинялись, считавшимися для пихъ достаточными, врачебными знаніями и получали по экзамену полковаго врача званіе цирюльника 2-го комплекта. При прежней долгой солдатской службъ, пробывши десятокъ лътъ въ этомъ званіи, они повышались до младшаго фельдшера или ученика, а иногда восходили и до ранга старшаго полковаго фельдшера. Цирюльниками 2-го ком плекта эти несчастные, во-истину, люди именовались потому, что существовали и цирюльники 1-го комплекта, истинные цирюльники, обя занность которыхъ состояла въ брить в солдать, не имъвшихъ тогда права носить бороды и долженствовавшихъ являться съ чисто-выбритымъ подбородкомъ, особенно въ торжественныхъ случаяхъ. Эта обязанность создавала для цирюльника источникъ доходовъ. Нечего, конечно, говорить, что цирюльниками 1-го комплекта были почти исключительно одни Евреи. Эти перваго сорта цирюльники играли своего рода почетную роль въ войскъ. Заслуженныхъ изъ нихъ отличали и награждали выгодными и почетными командировками въ рекрутскія присутствія. Здёсь, орудуя въ качестве спеціалистовь, они взимали должное и за лобъ и за запылокъ, чтобы властною рукою не окарнать парня на посмъщище бабамъ. Власть этихъ первосортныхъ цирюльниковъ покоилась въ исторической колыбели. Они имъли право считать себя наслъдниками тъхъ полковыхъ лъкарей, высшая, почетная, обязанность которыхъ состояла въ томъ, чтобы вороды брить полковымъ командирамъ и заправлять имъ перруки. Между первокомплектными и второкомплетными существовала непримиримая вражда.

Съ этимъ родомъ людей и освоился, служа въ полку, и еще ранъе ознакомился и заинтересовался имъ, когда служилъ въ Гроднъ госпитальнымъ ординаторомъ. Гродненскій госпиталь быль укомплектованъ почти фельдшерами исключительно изъ цирюльниковъ. Въ одномъ изъ отдъленій на 150 мъстъ, называвшимся слабосильною командою, быль фельдшеромъ Гумановъ, котораго я ежедневно встрвчалъ на службъ пьянымъ. Отдъленіе это или, правильнъе, слабосильная команда наполнялась людьми, изнурявшимися въ гоньбъ за повстанцами. Они требовали не лъченія, а только отдыха и хорошей пищи. Перваго было достаточно, а вторая улучшалась винными порціями, на которыя начальство не скупилось. Думая, что фельдшеръ обмъриваетъ солдатъ водкой, которую я выписывалъ для нихъ изъ аптеки, я устроиль раздачу порцій при посредствів выборных визь самихъ же солдать старость, но фельдшерь продолжаль пьянствовать. Тогда мив пришло на мысль поверить въ аптеки свои требованія на водку за нъсколько дней. Требованія эти писались фельдшеромъ, и мною подписывались, - обычный въ то время порядокъ. При повъркъ оказалось, что фельдшеръ римскія цифры употреблявшіяся въ медицинскомъ въсъ, передълывалъ въ подписанномъ уже требовании по усмотрвнію своему, напр., изъ У делаль Х и т. п., не заботясь даже о тщательности. Аптекарю не было надобности выдавать поддёлку: чёмъ больше требовалось, темъ для него выгоднее. Узнавши источникъ пьянства для фельдшера, я сталь уже собственноручно и прописью выставлять количество выписываемаго для больныхъ. Фельдшеръ пересталь являться пьянымъ, скоро пересталь и совсемъ пить, началь обнаруживать ко мнъ нъкоторую привязанность даже. Въроятно, на него подъйствовало то, что я не только не ругалъ его, но и не выдалъ. Послв этого Гумановъ сдъдался мив помощникомъ въ раскрытіи и устранении многихъ вредныхъ для больныхъ мошенничествъ въ госпиталъ.

Не ръдко, когда мы налагаемъ свою руку на другого, зависящаго отъ насъ, человъка, намъ кажется, что мы совершаемъ чуть ли не подвигь, оказываемъ великую услугу дълу, чуть ли ни государству. Въ дъйствительности же выходитъ, что мы только повредили маленькому человъку, погубили его, не принося пользы никому, а только потъшили сами себя.

ПИСЬМО А. С. ХОМЯКОВА КЪ В. В. ГАНКЪ.

Заимствуемъ это письмо изъ перваго выпуска Ученыхъ записокъ Императорскаго Юрьевскаго Университета. 1896 года. (Изъ бумагъ И. І. Шафарика и В. В. Ганки. Къ исторіи Русско-Чешскихъ ученыхъ и литературныхъ сношеній въ первой половинъ XIX въка). Любопытный и обильный матеріаль этотъ найденъ профессоромъ Е. В. Пътуховымъ въ Чешскомъ національномъ музев (Прага) лътомъ 1895 года. На этотъ разъ помъщены лишь письма къ Ганкъ О. М. Бодянскаго (15), А. С. Хомякова (1), С. М. Соловьева (1), Н. И. Греча (2); всъ они затрогиваютъ вопросы науки, литературы и жизни Славянской. Приложенныя къ сборнику замътки Шафарика о Русской литературой и жизенсаторова даровитаго Чешскаго ученаго съ Русской литературой и исторической наукой.

Милостивый государь Вячеславъ Вячеславичь!

Изъ Обржистовъ *) послалъ я вамъ стихи; писалъ также съ берсговъ Рейна и также посылалъ стихи: не знаю, дошло ли все это до васъ. Въ этомъ сомивни повторяю то, что уже писалъ.

Прібхавъ изъ Обржиствъ или, дучше сказать, на дорогів сочиниль я слідующую пьесу. Хороша ли, дурна ли—всетаки посылаю ее вамъ:

Не гордись передъ Бълградомъ.... и т. д.

Написавъ и отправивъ эти стихи, я успокоился и легъ спать; но, видно, было что-то вредное въ вашемъ Пратскомъ воздухъ: меня вмъсто сна звало къ стихамъ, занятію давно забытому мною; я вспоминалъ ваши послъднія слова объ единствъ въры, безъ котораго нътъ полнаго единства въ народахъ, и ни то во снъ, ни то на яву написалъ слъдующіе стихи:

^{*)} Вівронтпо это-Оргаувко, містечко Повнанск. у. на лівоми берегу Варты, ви Пруссія.

Бензвъздная полночь дышала прохладой... и т. д.

Послъ нашего свиданія провхаль я въ короткое время много и много земель, наслушался и нагляделся довольно. Везде нашель я всесовершенное равнодущие къ темъ вопросамъ, съ которыми срослася наша жизнь. Если бы міръ Славянскій быль какимъ-нибудь землетрясеньемъ поглощенъ, Европа и не охнула бы. Все сочувствіе, ею намъ изръдка оказываемое, есть или чистое лицемъріе, или слъдствіе какихъ нибудь своекорыстныхъ видовъ. Безумны тъ изъ нашихъ братій, кокорые ищуть сочувствія вив насъ. Съ другой стороны, наука понимаеть многія прекрасныя стороны нашего быта и завидуеть намъ, напр. крестьянской община въ Россіи и у южныхъ Славянъ. Это понимаютъ Нъмцы и даже нъкоторые Французы. Общину Славянскую изучають и пишуть объ ней, какъ я уже сказаль; съ завистью; но зависть-не любовь. Другое сочувствіе, глубокое и сильное, нашель я въ Англіи, не къ намъ, но къ нашей Церкви. Трудно повърить, какъ часто и съ какимъ жаромъ выражается у нихъ любовь или, лучше сказать, жажда церковнаго единства. Неужели она не проснется въ нашихъ единокровныхъ братьяхъ? Върьте миъ, ни Протестантство, ни Романизмъ не отвъчають ни требованіямъ времени, ни глубокимъ требованіямъ Славянской души. Одно уходить въ Фейербаха, другой въ грубую политику. Оба отжили. Мнв кажется, мой сонъ будетъ когда нибудь не сномъ. Дай Богъ поскорве. Покуда скажу я, что отрадивишимъ днемъ моего путешествія быль день въ Прагв, и что вашъ привътъ и ласки почтеннаго Шафарика миъ отогръли душу, какъ солнечнымъ лучомъ. Всегда буду отъ души благодарить васъ и благословлять за вашу любовь къ доброму дълу. Примите увъренія въ глубочайшемъ почтенів и совершенной преданности, съ которыми честь имъю быть вашъ покорный слуга Алексъй Хомяковъ.

Верлинъ.

Изъ письма видно, что оба стихотворенія написаны почти безъ перерыва, между тімъ въ "Стихотвореніяхъ А. С. Хомякова" Москва 1861 г., второе помічено 1847 годомъ, а первое отнесено (предположительно) къ 1852.

was a result of the wallet of the a

ПИСЬМО КНЯЗЯ АЛЕКСАНДРА БОРИСОВИЧА КУРАКИНА КЪ ИМПЕ-РАТОРУ АЛЕКСАНДРУ ПАВЛОВИЧУ.

Sire!

Je mets aux pieds de Votre Majesté Impériale mon obéissance et ma soumission envers elle, et en même temps ma douleur. La circonstance où je me trouve agite tous les sentimens dans mon âme. Vos hontés, Sire, m'ont retenu au service. Vous m'avez ordonné de garder ma place dans le moment le plus douloureux de ma vie, où tout m'inspirait l'idée, je dirai même, le devoir de la retraise. Vous m'ordonnâtes de rester, et je m'empressais d'obéir à mon souverain, au fils cheri de mon bienfaiteur, avec une soumission entière. Je respectais en silence vos ordres suprêmes, Sire, et privé de toutes les fonctions qui appartiennent à ma place, je ne me permettais pas même aucune prétention quelconque à leur égard; et certainement je ne les réclame pas, parce que je me dis que telle est votre volonté. Mais à présent le devoir le plus sacré à l'homme, l'honneur, me fait un devoir et me reduit à la nécessité d'oser vous soumettre mes respectueuses représentations.

Il est des règles de pure forme, consacrées par la loi et l'usage, établies, maintenues, observées dans tous les pays et dans toutes les cours, que tous les individus constituants le ministère concourrent également à la formation et à la signature de tous les actes publics, émanés de la volonté du souverain et revetus de sa confirmation, et n'y sont jamais séparés à moins de raisons très graves contre celui qui en est exclu. J'osais me flatter qu'elles seraient toujours observées vis-à-vis-de moi, et je vois le contraire. Il est sans exemple, Sire, que le vice-chancelier de votre Empire, que celui qui par son ancienteté est le premier dans votre ministère, soit exclu des négociations et puisse ne pas être nommé dans vos pleins-pouvoirs pour conclure et signer les traités. Mon exclusion de celui qui vient d'être conduit à sa fin avec l'Angleterre porte le caractère d'une disgrace complète et du peu de confiance de Votre Majesté envers moi, et me couvre de honte et

11 9. РУССВІЙ АРХИРТ. 1896

d'humiliation non seulement devant ma patrie, mais aussi aux yeux de toute l'Europe. Je le sens autant que je le dois; et ce sentiment, qui me remplit si douloureusement, je n'hésite pas à Vous le faire connaître, Sire; parce que je connais l'extrème bonté, la loyauté et les rares vertus de votre coeur et par ce que je suis persuadé que vous n'avez pu vouloir me rendre malheureux. J'ose m'adresser à Votre Majesté comme au meilleur des souverains, qui est bon et juste dans toutes ses actions, qui ne cherche qu'à faire des heureux, et qui certainement ne voudra pas s'éloigner de sa clémence et de ses principes pour m'humilier moi seul, tandis que me connaissant depuis si longtems elle peut apprécier si bien mon zèle et mon devouement pour sa personne et pour son service. Lui en donner des preuves constantes et voir que celles-là seront toujours agrées pas elle avec bonté est tout ce que je désire.

Après m'être acquitté de ce devoir de sincérité que j'avais à remplir vis-à-vis de Votre Majesté Impériale, je me borne à me placer sous sa protection immédiate et à en attendre les effets, qui doivent conserver mon honneur et ma tranquillité et me rendre aux moyens de la servir autant que j'ai à le souhaiter.

Ma fidelité envers feu l'Empereur votre père doit, Sire, vous garantir celle que je vous ai jurée, et qui m'accompagnera jusqu'au tombeau de même que le profond respect et l'attachement inviolable avec lesquels je suis, Sire, de votre Majesté Impériale le fidèle sujet le prince Alexandre Kourakine.

le 9 de Juin 1801.

Государь! Повергаю въ стопамъ Вашего Императорскаго Величества мою покорность и повиновеніе, а въ тоже время мою скоро́ь. Всё чувства дупи моей взволнованы обстоятельствомь, въ которомъ я нахожусь. Милость ваша, Государь, удержала меня въ служо́в. Въ самую скоро́ную минуту жизпи моей, когда все побуждало меня (скажу даже, обязывало) уйти въ отставку, вы мнё приказали оставаться на моемъ мѣств. Таково было ваше повельніе, и я усердствоваль съ полною покорностью повиноваться моему Государю, возлюбленному сыпу моего благодётеля. Въ тишинт сердца оцтинваль и, Государь, верховную вашу волю, и хотя лишенъ быль всякаго участія въ дълахъ по моему мъсту, но не позволяль себт малъйнаго притязанія по сей части, и конечно не жалуюсь, говоря себт, что такъ вамъ угодно. По теперь священнъйшая для человъка обязанность, честь, вынуждасть меня къ смѣлости изложить вамъ мои почтительныя представленія. Существують правила, вполнт внѣшнія, по освященныя закономъ и обычаемъ, установленныя, содержимыя и наблюдаемыя во встьть странахъ и при

всъхъ дворахъ, чтобы лица, входящія въ составъ министерства, принимали одинаковое участіе въ начертаніи и въ подписи вебхъ государственныхъ бумагъ, пеходящихъ отъ воли Государи и снабженныхъ его утвержденіемъ. Эти лица никогда не устраняются оть сего, развъ по какимъ либо очень важнымъ противъ нихъ соображениямъ. Я осмъдивался льстить себя увърепностью, что я не могу быть вы числь устраняемыхъ и вижу теперь противное. Виде-канцлеръ вашей Имперіи, по службв старийй въ вашемъ министерствъ, не допускается до переговоровъ и не снабженъ вашимъ полномочіємъ для заключенія и подписація трактатовъ. Это, Государь, безпримърно. И не допущенъ къ участію въ приводимомъ къ окончанію трактать съ Англісю, какъ будто я въ совершенной у васъ немилости и вы не имъете ко мив достаточно довврія. Это для меня стыдъ и уничиженіе не только передъ монить отечествомъ, но передъ всей Европою. Я не долженъ иначе отноепться къ тому, а и спишу донести до свидинія вашего, Государь, про это скорбное наполняющее меня чувство, потому что мят извъстны чрезвычайная доброта, любовь къ законности и ръдкія качества вашего сердца, и и убъжденъ, что вы не могли желать моего несчастія. Осм'вливаюсь обратиться къ Вашему Величеству, какъ лучшему изъ государей, доброму и справедливому во всехъ своихъ дъйствіяхъ, нежелающему кого либо сдълать несчастнымъ и конечно неспособному уклониться отъ своего милосердія и своихъ правиль для того, чтобы обидьть только меня одного, тогда какъ съ давинго времени можетъ цвинть мое усерде и приверженность къ нему лично и къ его службъ, Постоянно это доказывать ему и знать про милостивое его одобреніе: воть все чего я желаю. Исполнивъ этоть долгь испренности относительно Вашего Императорскаго Величества, предаю себя непосредственному покровительству вашему къ сохранению моей чести и спокойствия и къ преподанию мит способа служить вамъ, какъ и того желаю. Вфрность моя покойному вашему родителю должна служить вамъ. Государь, ручательствомъ той, на которую я вамь присягнуль и которую сохранить до гроба, равно какъ и глубокое почтеніе съ ненарушимою приверженностью Вашего Императорскаго Величества върноподданный князь Александръ Куракинъ. 9 Іюня 1801 года.

За сообщение письма этого мы обязаны князю Оедору Алекствичу Куракину. Оно писано въ первые мъсяцы царствованія Александра Павловича, когда вст діла по нашимъ витшимъ сношеніямъ забраль въ своп руки графъ Пикита Петровичъ Панинъ, не допускавшій для себя совмістничества. Это письмо важно, такъ какъ оно возбудило подозртніе Государя противъ графа Панина, отставка котораго, имъ самимъ себъ подготовленная, состоялась въ Сентябрт місяців того же года. П. Б.

ИЗЪ ПИСЕМЪ ПАРТИЗАНА СЕСЛАВИНА.

Кому изъ Русскихъ людей не извъстно имя партизана Александра Никитича Сеславина *), героя Отечественной войны, который своевременнымъ увъдомленіемъ главнокомандующаго киязя Голенищева-Кутузова о намъренін Паполеона двинуть свои отступающія войска на Калугу даль возможность предупредить Французовъ подъ Малоирославцемъ и отбросить ихъ къ Смоленску, т. е. на путь голоднаго отступленія?

Полной біографіи его въть. Личныя бумаги А. Н. Сеславина и документы погибли для потомства: корабль, на которомъ опъ ъхалъ въ Англію потеривлъ крушеніе, и всѣ вещи партизана были выброшены въ море.

Представленныя въ наше распоряжение внукомъ партизана Дмитр. Никол. Сеславинымъ письма его ближайшимъ родственникамъ дополняють собою біографическія данныя о Сеславинт и освіщають именно то время, которое онъ провель послі войны за границей, а также и послідніе годы его жизни, которые онъ провель въ своемъ имініи Тверской губ., Ржевскаго убзда.

Первыя четыре письма писаны къ родному брату партизана, Николаю Никитичу Сеславину; пятое письмо—къ женъ брата, Софін Павловнъ; шестое—къ мужу родной илемянницы, Николаю Александровичу Огареву и послъднія три письма къ илемянницъ Марін Николаевиъ Огаревой.

I.

Здравствуй Николаша!

Провхавъ всю Францію отъ одного конца до другаго, наконецъ прибыль въ Баррежъ, что въ Пиринейскихъ горахъ, на границъ Испаніи, и пользуюсь водами. Здѣсь я получилъ письмо твое, въ которомъ извъщаешь меня, что ты уже отецъ. Слъдовательно я—родной дядя. Я обрадовался до того, что, таскаясь по вершинамъ ужаснъйшихъ горъ, не выпускаю письма изъ рукъ, читаю его и перечитываю безпрестанно. Какъ ты счастливъ Николаша! Никогда не имълъ столь силь-

^{*)} А. Н. Сеславинъ, род. въ 1779 году, скончался въ чинъ генералъ-лейтенанта въ 1858 г. П. С.

наго желанія жениться, какъ теперь. Я никогда не сумнъвался въ воздержной твоей жизни, да и кто же лучше можеть знать о томъ, какъ не я. Да правду-ля ты говоришь? Ты описываешь, что чрезъ девять мъсяцевъ ровно Соничка родила; это наводить меня на сумнъніе. Ежели это истинно, то я долженъ надъяться, что моя жена будетъ рожать чрезъ четыре съ половиною мъсяца.

Ты пишешь, что не надъялся получить письма отъ меня. Почему это? Мы можемъ ссориться и мириться также скоро, какъ бывало мы дрались за одъяло.

Я вспыльчивъ, но не золъ; ты добръ и хладнокровенъ, и сего довольно, чтобъ умърить мою вспыльчивость и утишить строптивость. 20 лътъ взаимной дружбы можетъ предохранить насъ отъ несчастія быть во враждъ; за облачка-же, которыя могутъ иногда находить, не ручаюсь.

Боюсь, что Сергый тебя обезпоконть.

Здёсь военный комисаръ довольно значущая особа, сходствуетъ съ тобою какъ двѣ капли воды: тотъ-же кривой носъ и тѣ-же кривыя ноги; та-же походка, та-же честность и то-же благородство въ поступкахъ. Первый разъ когда и его увидѣлъ, остановился вдругъ, долго смотрѣлъ на него, родились въ головѣ моей разныя мысли, вспомнилъ о нашей юности, и слезы покатились невольно изъ глазъ. Съ тѣхъ поръ всякій разъ когда его вижу, ощущаю томное и сладостное удовольствіе.

90 ваннъ уже взялъ; изявни еще 10, отправлюсь осмотръть остальныя провинцін южной Францін. Потомъ въ Швейцарію, а зиму проведу въ Италіи по совъту докторовъ, дабы предупредить дурныя послъдствія отъ сильнаго кровохарканья.

Вожественная Софинька!

Завидую, поистинъ завидую Николаю! Если я буду имъть супругою подобную вамъ, почту себя наисчастливъйшимъ!

Чувствую необходимость имъть друга и всегдашняго товарища. Повсюду отдають должную справедливость моимъ заслугамъ; правда, это льстить моему самолюбію, но ощущаю всегда пустоту въ себъ. Чтобъ не истребилась память дъль моихъ, надо жениться, родить сына, которому передавъ мои дъла я не умру, я буду жить въ немъ. Папинькъ, маминькъ и милой Катинькъ прошу кланяться. Богъ съ вами! Вашъ другъ и брать Александръ.

18 Августа 1817 Варрежъ. Р. S. Пиши чаще и посылай письма по прежпему чрезъ Габбе, который будетъ пересылать оныя къ Воронцову во Францію, а отъ Воронцова я буду получать, хотя бы я былъ въ Италіи.

II.

Лозанна въ Швейцаріи, Октября 1-го.

Здравствуй Николаша!

. . . Единственное мое желаніе, которое питаю въ груди моей, есть чтобъ возвратиться въ отечество и успокоиться подъ отцовскою крышкою.

Поведеніе *** меня крайне оскорбило, тъмъ болье, что ты не пишешь въ чемъ именно состоять его поступки, ибо ты меня лишиль чрезъ то возможности писать къ Государю и просить, чтобъ онъ приказаль его судить за его дурные поступки и за то, что обмануль Государя, сказавшись больнымъ вышель вь отставку, не заслужа то попеченіе правительства и то благодъяніе, которое оказано сму воспитаніемъ въ корпусъ.

Напиши ему, что если онъ не вступить по прежнему въ службу, я буду просить Государя отдать его подъ судъ и ежели оный найдетъ нужнымъ, лишить его чиновъ и опредълить на службу солдатомъ. Онъ думаетъ, что въ отставкъ можно дълать зло, напомни ему прежде, что было со старшимъ братомъ; я не потерплю, чтобъ и онъ смълъ марать доброе имя нашей фамиліи, которое мы пріобръли кровію нашею, и старшій братъ, который, сдълавъ фамиліи пятно, успъль смыть оное кровію своею и самою жизнью.

Ежели я заслужиль у Государя довърсниость, употреблю се на то, чтобъ онъ не быль безполезнымъ и вреднымъ членомъ государства и презрительнымъ бродягою; поспъпи увъдомить меня о сго ръпеніи. Твой брать Александръ.

III.

Ничего не осталось во Франціи, чего бы я не видълъ. Изъ Баррежа отправился я въ Тулузу, дабы оттуда пуститься по каналу, который Французы почитаютъ чудомъ; онъ соединяетъ Средиземное море съ Океаномъ. Я видълъ въ немъ всъ шлюзы, прорытые въ горахъ, дабы дать оному теченіе; работа многотрудная и дълаетъ честь Франціи, но чудеснаго ничего иътъ. Осмотрълъ всъ кръпости и порты на Средиземномъ моръ, всъ заведенія и фабрики южной Франціи. Тамъ выдержалъ двъ горячки, послъ которыхъ открывались раны, и одна по сіе время открыта и выбрасываеть кости. Паша хотя и перевязываеть и зондируєть мий рану, но не можеть загладить то зло, которое мий надёлаль и поведеніе свое: онь сділался воромъ, обманщикомь и употребиль во зло мое стараніе научить его Французскому языку, и кажется надежды ніть на его исправленіс. Выучивь его говорить по французски граматикально, я хотіль отдать его въ папсіонь въ Парижі; по послі двухь літь, когда открыль въ немъ пороки, бросиль его учить и заставиль его быть слугою. Воть награда за доброе діло!.. Напиши къ его матери, чтобъ она дала сыну наставленіе; можеть быть это послужить ему въ пользу.

Прошлаго года въ Сентябръ мъсяцъ ты писалъ, что идешь въ отставку. Это меня порадовало; нынвшинго года изъ письма твоего отъ Іюня вижу, что ты еще городничій. Это меня удивило; иди въ отставку, устраивай хозяйство свое такъ, чтобъ черезъ годъ и безъ тебя могло все идти своимъ порядкомъ. Возвратясь въ Россію даю тобъ слово исходатайствовать тебъ мъсто и выгодное, и почетное въ государствъ. Я основываю мое увърение на томъ, что при отъъздъ моемъ изъ Петербурга, Государь позваль меня къ себъ въ кабинеть и, благодаря меня за службу, обняль меня, целоваль и когда я, будучи растрогань сею его благосилонностью, сказаль ему, что нътъ жертвы, которую бы ему не посвятиль, онь прослезился и, прижавъ мени къ груди своей, сказалъ, чтобъ я требовалъ отъ него, чего миъ надо. Въ эту минуту ты былъ у меня на умъ; но какъ ты миъ прежде сего говориль, что ты не хочешь перемвнить мыста, я отвычаль Государю, что не имъю ни въ чемъ нужды. По крайней мъръ впереди, если будешь имъть нужду-пиши прямо ко мив, увъдомляя о своемъ здоровьъ. Это были последнія слова его.

Весною я оставилъ проклятую Францію; пробывъ ньсколько времени въ Женевъ, я нанялъ мызу въ Швейцаріи, по близости Лозанны, на берегу Женевскаго озера. Видъ оный наипрекраснъйшій, послъ Константинополя и Неаполя, во всемъ свътъ. Это я узналъ и увидълъ самъ, что читалъ во многихъ описаніяхъ. Тутъ я провелъ лъто, лъча свою рану въ правомъ плечъ. Завтрашній день тру осмотръть ту дорогу, по которой шелъ славный Аннибалъ, переходя Альпы, а также узкіе проходы и гору Saint-Bernard, гдъ прошелъ Бонапартъ и С. Готардъ, гдъ проходилъ Суворовъ. Оттуда тру въ Италію, гдъ проведу зиму въ разныхъ городахъ; Страстную и Святую недъли пробуду въ Римъ, а оттуда, пользуясь позволеніемъ Государя, чрезъ Германію въ Англію. Государь прислалъ мнъ 8000 рубл. Это содълало меня подвижнымъ...

Графа Петра Александровича *) старшая дочь за генераль-маюромъ Гурьевымъ; вторая 17 лътъ, еще дъвица. Я очень желаю знать, помолвлена-ли она за кого, или нътъ. Узнай объ этомъ такъ, чтобъ не подать какого мнънія; но узнай непремънно и меня увъдомь въ первомъ письмъ.

IV.

Мая 9-го 1819 г.

... Изъ Лозаны добхалъ я до Мартиньи. Оставивъ здёсь коляску, отправился пёшкомъ въ горы, дабы осмотрёть три пункта, которыми проходили Бонапартъ чрезъ большой С. Бернардъ, Аннибалъ—чрезъ малый С. Бернардъ и Суворовъ, Русскій Аннибалъ, чрезъ С. Готардъ. Итакъ отъ Мартиньи перешелъ большой С. Бернардъ въ Аостъ; отгуда чрезъ малый Бернардъ въ Пьемонтъ, чрезъ Мутію, Конфланъ, Гору (Мопt-Вапс) возвратился въ Мартиньи, сдълавъ 65 Французскихъ миль, или 260 верстъ въ пять дней въ горахъ, высотою отъ 10 до 11000 футовъ, покрытыхъ вёчнымъ снёгомъ.

Довхавъ до Брига и снова оставивъ коляску, пошелъ до Айроло, гдъ Суворовъ, разбивъ Французовъ, началъ переходить С. Готардъ. Слъдуя его пути, дошелъ до Чортова моста, перешедши С. Готардъ. Оттуда чрезъ ледяныя горы Фурка, откуда вытекаетъ ръка Рона и протекая часть Швейцаріи и въ срединъ Женевскаго озера, чрезъ Ліонъ впадаетъ въ Средиземное море, откуда въ прошломъ году, подымаясь вверхъ по сей Ронъ, довхалъ до Лозанны.

Влизъ С. Готарда, осмотръвъ источники четырехъ большихъ ръкъ, какъ-то: Рейна и прочихъ, возвратился въ коляскъ въ Бригъ. На возвратномъ пути отъ Чортова моста близъ источника Роны въ снъжныхъ горахъ едва не погибъ, проходя по тропинкъ. Ноги мои начали уже скользить по льду и если-бы не палка съ острымъ гвоздемъ, которую воткнулъ въ ледъ и тъмъ удержался, я обрушился-бы въ пропасть до 8000 футовъ. Проводникъ съ опасностью жизни мнъ помогъ. Суди о моемъ страхъ видъть пропасть подъ ногами!..

Палку храню, чтобы сдълать подарокъ Өедөру.

Въ Ару путешествіе я сдълаль 170 версть въ два для къ удивленію Швейцарцевь, которые по возвращеніи мость стекались, чтобъ видъть меня и мосто провожатаго, котораго я паградиль съ избыткомъ и обезпечиль по возможности состояніе бъдпой его матери за спасеніе мосй жизни ея сыномъ.

^{*)} Толстаго. П. Б.

Извъстно тебъ, что я нъсколько дътъ занимался военными книгами, просиживая иногда и ночи; съ техъ поръ я питалъ въ себъ непреодолимое желаніе осмотръть три пути, которые прославили павсегда Аннибала, Бонапарта и Суворова, дабы сдблать сравнение сихъ трехъ великихъ полководцевъ. Любопытство, которое чуть не стоило жизни, удовлетворено. Желая всегда быть полезнымъ къ службъ Государи, предприняль путешествіе по Италіи, съ тъмъ, чтобъ, пользуясь климатомъ для моего здоровья, осмотръть всъ кръпости оной. Отправившись чрезъ Simplon гору, чрезъ которую Бонапартъ проложилъ путь, преодольвъ чрезвычайныя препятствія, я прибыль въ Милань; оттуда въ Brescia, Castel-nuovo, Verona, въ Виченцу, въ Мантую, Кремону; былъ на Требіп, гдв Суворовъ разбилъ Магдональда, въ Лоди, Александріи, Нови, гдъ Суворовъ одержаль знаменитую побъду, осмотрель поля Тортоны и Нови и прибыль въ Геную. Оттуда моремъ въ Ливорну, чрезъ Пизу, Люкъ во Флорендію, Римъ, Неаполь, гдъ зимовалъ; оттуда чрезъ Римъ, гдъ провелъ Страстную и Святую педъли, чрезъ Апкову, по Адріатическому морю въ Болоцью и чрезъ Флоренцію и Ливорио, гдв напяль малос судно и моремь, взгляпувь на островъ Эльбу, вдоль берега отъ Ніеви мимо Каннъ, гдъ Бонапарть, ушедши съ острова Эльбы, вышель на берегь и овладъль вторично Францією, я прибыль въ Тулопъ и сухимъ путемъ въ Марсель. Здъсь я намъревъ провести въсколько мъсяцевъ на теплыхъ водахъ, чтобъ лъчивъ открытую рану въ илечь, сдълать описаніе и замъчанія всего, что я видъль и узналь во время моего путешествія.

Въ Средиземномъ морѣ, на половинѣ пути отъ Диворна до Тудона я претерпѣлъ бѣдствіе во время шторма по пеосторожности капитана судна. Но Богъ и тутъ спасъ меня. Въ продолженіе моего путешествія въ Швейцарія рану перевязывали проводники и, не бывъ деликатными, производили иногда лихорадку, такъ что по два часа я оставался иногда въ постели, иногда въ сиѣжпыхъ горахъ, гдѣ нѣтъ никакого обиталища.

Послъ Ліона во Франціи, гдъ я получиль оть государя 9.000 рублей, получиль столько же въ Римъ; сіс средство содълываеть меня движимымъ. Около 50.000 рублей прожито, изъ коихъ каналья Паша върно мнъ стоить до 15.000 рублей, ибо имъеть все тоже, что я самъ

Милая Софинька!

Провхавъ Европу, смъю васъ увършть, что нъть дучие народа Русскаго, нъть дучие мъста, какъ Есемово и Өедоровское, гдъ бы я желать провести пъкоторое время въ кругу милыхъ сердцу мосму.

Отъ Катиньки не имъю ни строчки; я бы хотълъ, чтобъ она меня любила въ половину того, какъ я ее люблю. Поцълуйте моихъ племянницъ и племянника, ежели есть. Храни васъ Богъ!..

Будьте счастливы и вспоминайте иногда вашего друга Александра. Марсель, въ Южной Франціи.

P. S. Вашему батюшкъ и матушкъ прошу свидътельствовать мое почтеніе.

Николаша, пиши подробно все, что происходить дома, то есть въ монастыръ, у родныхъ, въ правительствъ какія перемъны; да существуетъ ли Аракчеевъ и какое имъетъ вліяніе на Государя и кто еще въ силахъ и въ довъренности Государя.

٧.

Другъ мой, милая Софинька.

...Вы спрашиваете меня: справедливо ли то, что я избавился отъ очевидной опасности въ южной Франціи. Это слишкомъ правда. Лишь только вывхаль и изъ Парижа, на всёхъ дорогахъ встречаль курьеровъ съ извъстіемъ, что во многихъ мъстахъ, чрезъ которыя и долженъ былъ провзжать, открывались мятежи. Это заставило меня давировать то въ одну, то въ другую сторону и какъ дело партизана миж весьма знакомо, я ускользиуль отъ непріятностей, которыя могли бы со мною повстрачаться; но это не значить ничего. Проважая изъ Тулузы, что въ южной Франціи вдоль канала, который соединяеть Средиземное море съ океаномъ-произведение, которое дълаетъ честь Франціи-въ сумерки одинъ разбойникъ, остановясь среди дороги и прицълясь, прочиль убить почталіона, ежели онь не остановится; почталіонъ повиновался; тогда, приближась къ моей коляскъ, требовалъ дспеть. Я ему даль несколько, онь требоваль еще; я даль и еще, но когда онъ потребоваль отъ меня 10.000 франковъ и велёль мив выйти изъ коляски, грозя меня убить, не имъвъ при себъ ни пистолета, ни сабли, которую Паша заложиль внизь, я бросился на него, вырваль изъ его рукъ дубину, которою онъ махаль, держа оную въ дъвой рукъ удариль его по виску такъ, что онъ упаль въ ровъ, забывъ выстръдить изъ пистолета, который держаль въ правой рукъ. Почему же товарищи его не перешли ровъ, чтобы напасть на меня-я это приписываю и моему счастю, и Богу, Который меня храниль всегда.

Какъ бы я жедаль увидъть моихъ племянницъ и быть посреди васъ, моихъ милыхъ друзей, я вамъ не могу того изобразить; но начатое надо докончить. Одна изъ вашихъ малютокъ показывала на мой портретъ, произнося мое имя; сіе мнѣ доказываетъ, что вы меня помните и любите; почему я и взялъ смѣлость назвать васъ въ пачалѣ моего письма— Софинька!... Вашъ другъ Александръ Сеславинъ.

VI.

Милостивый государь, Николай Александровичъ.

Радуюсь рожденію у васъ сына Михаила, съ чёмъ васъ обоихъ душевно поздравляю. По прівздё моемъ въ С.-Петербургъ, чтобы лично съ вами познакомиться, я впучекъ, внучка и племянницу вдоволь расцёлую.

И сохраниль ваше письмо, писанное ко мнв еще женихомъ, въ которомъ вы объщаете стараться во всю вашу жизнь содълывать счастіе моей племянницы. Она счастлива. Вы, достойнъйшій человъкъ, сдержали ваше слово и тъмъ пріобръли неотъемлемое право на мою искреннюю приверженность, уваженіе и преданность, тъмъ болье, когда помыслю, какому множеству моихъ родныхъ вы сдълали благодъяніе!...

Осмъливаюсь просить васъ принять на себя трудъ 28-го нынышняго мъсяца поздравить Его Императорское Высочество съ дисмъ его рожденія отъ меня, перваго его адъютанта, отъ котораго онъ получиль первый въ жизни его рапортъ. Эготь день для меня намятенъ тъмъ, что онъ есть начало моего счастія въ первую половину кипящей дъятельностью моей жизпи. Надо все разсказать. Блаженной памяти Государь Павелъ Петровичъ, нъсколько дней спустя послъ рожденія Его Высочества Михаила, пожаловаль къ намъ въ корпусъ. Это было во второмъ часу, послъ объда, когда кадеты играли на дворъ и катались на конькахъ. Штабъ и оберъ-офицеры разъъхались по домамъ объдать.

Узнавъ о прибытіи Государя, всё кадеты разб'єжались.

Всегда смёлый, я подошель къ Государю и поцёловаль руку. Мнё было тогда 13 лёть; я быль прекрасень, какъ херувимчикъ. Поцёловавь меня, Государь объявиль, что Опъ прибыль поздравить кадеть съ новымь фельдцейхмейстеромь, а узнавъ, что я племянникъ того Сеславина, который служиль у него въ Гатчинъ, спросиль меня: не желаю ли я служить у него въ гвардіи? Я отвёчаль, что желаю, но только съ братомъ, что нынѣ вашъ тесть. Чрезъ нѣсколько дней мы были уже офицеры въ гвардейской артиллеріи.

По повельню Его Величества, я съ двумя орудіями, находясь всегда при лейбъ-баталіонь, ходиль въ Гатчицу, Павловскъ и Петергофъ. Вскорь потомъ назначили меня адъютантомъ и на маневрахъ я пришслъ въ палатку Его Величества съ рапортомъ къ фельдцейхмейстеру. Увидавъ меня, мой шефъ спряталъ личико на грудь Августъйшей своей матери. Много стоило труда Августъйшему родителю уговорить упрямаго фельдцейхмейстера, который плакалъ, кричалъ и барахталъ ножками, чтобы принялъ отъ меня рапортъ и то не иначе, какъ отворотясь отъ меня и протянувъ назадъ ручку, въ которую я вложилъ рапортъ.

Оставлясь навсегда съ благоговъніемъ къ памяти въ Возъ почи вающаго Августъйшаго мосго благодътеля, я сохраняю мою приверженность къ Августъйшему его сыну, къ виновнику мосго счастія въ юности моей.

Если благоугодно будеть Его Высочеству знать обо мит, прошу сказать, что я бодръ, здоровъ и свъжъ; въ груди моей пылаетъ неугасимое пламя юныхъ лътъ.

Будьте здоровы со вебми вашими. Всеь вашъ Александръ Сеславинъ. Ржевъ, 18 Япваря 1845 года.

P. S. По бользии глазъ, едва не сжегь письма, печатая.

VII.

Милая Марія Пиколаевна!

Письмо ваше отъ 31 Марта я имъть несравненное удовольствіе получить во время полевыхъ моихъ прогулокъ. У насъ здёсь погода стоить прекрасная, призываеть въ поле для обозрѣнія работъ и, какъ нѣкто сказалъ: «взгляните на сін бразды, воздѣлываемыя земледѣльцемъ, на нихъ зрѣеть слава и величіс государства»—я страстно полюбилъ земледѣліе.

Нъкоторое времи въ моей ротондъ, подобной той, которую знаменитый Палладіо построиль на такомъ же мъстъ въ Виченцъ, гдъ и въ молодости провель нъсколько счастливыхъ дней, — ожидаль васъ радушный пріемъ. Но... этого не суждено.

И я также желаль бы, чтобы вы постоянно и сколь возможно чаще дарили меня пріятными для меня ваними письмами, а милый вашь супругь благосклонно приняль приглашеніе засвидътельствовать мос высокопочитаніе его товарищамь: его сіятельству графу Л. Орлову и Льву Александровичу Нарышкину, мосму другу, который

благоводилъ взять отъ меня на пямять Турецкую съ крестомъ пулю, полученную мною на сквозь въ сгибъ праваго плеча въ то время, когда я, ведя колонны Уварова на штурмъ Рупцука, первый взошелъ на кръпостной валъ,—и сказать имъ Христосъ Воскресе!

Вашъ, весь вашъ Александръ Сеславинъ.

VIII.

Милый другъ Машинька.

Снъта воспрепятствовали мнъ отправиться въ С.-Петербургъ для лъченія глазъ, и я остался дома на неопредъленное время. Вы желаете знать о моемъ житъъ-бытъъ? Извольте, я удовлетворю ваше желаніе. Земледъліс— сообразио нынъшнему состоянію науки, раздълываю землю съ весны до осени— и борьба съ певъжествомъ, жесточайшая, въчная борьба,—суть всегдашція мон занятія. Добыть капиталъ изъ земли, чтобы содълать полезными богатыя угодья 2.300 десятинъ земли, которыя безъ капитала остаются безполезными, воть мон аферы!

Вскоръ послъ билля въ Англіи, которымъ дозволяють вывозъ въ иностранныя государства машинъ, Россія наводинлась и машинами и машинистами. Это обстоятельство можеть сдъдать подрывъ вашей фабрикъ.

Вдоволь расцълую по прітздъ мосмъ въ С.-Петербургъ внучка и весь полкъ дъвочекъ, о которыхъ вы нишете. Прошу сказать Николаю Александровичу искреннее мое почтеніе.

Остаюсь навсегда върнымъ вашимъ другомъ Александръ Сеславинъ. Ржевт, 7-го Мая 1845 года.

IX.

Милый другъ Марія Николаевна.

Письмо ваше отъ 29-го Декабря прошлаго года я имълъ удовольствіе получить. Радуюсь вашему счастію. Я и теперь еще, какъ и всегда, люблю 1-е Іюля, день, въ который вы пожалованы во фрейлины къ Императрицъ, которую я обожаю.

Въ этотъ день съ утра флагъ съ цвътами ордена ленты Маріи Терезін развъвается падъ моей ротопдою. Бъдные, наиболъе слъпые, мон братья приходятъ ко мив на поклонъ, а я за столомъ выпиваю бокалъ добраго шампанскаго вина за здоровье Августъйшихъ виновниковъ вашего счастія.

Вы очень хорошо дълаете, что не оставляете двора и общества, иначе трудно было бы возвратиться; я знаю это по себъ. Придерживайтесь наиболье Еп Императорскаго Высочества Великой Княгини Елены Павловнь, этой доброй и великаго ума женщины. Желаль бы я, и это время, надъюсь, не такъ-то отдалено — увидъть васъ, лично познакомиться съ Николаемъ Александровичемъ, причемъ и расцъловать прелестнъйшихъ и милыхъ вашихъ дътей.

О себь вамъ скажу, что глаза мои излъчены совершенно, а здоровье мое таково, что проскакать верхомъ 60 верстъ въ одинъ день во время сънокоса для осмотра работъ на 20-ти пустошахъ—ничего не значитъ для меня, и усталости не знаю, а помъщики говорятъ: «вотъ каковы старые гусары!»

Примите, другъ мой, увъреніе во всегдашней моей къ вамъ преданности. Александръ Сеславинъ.

Ржевъ, Тверской губ. Сельцо Сеславенское. Марта 1 дня 1850 года.

СТИХОТВОРЕНІЕ КНЯЗЯ П. А. ВЯЗЕМСКАГО.

Зачёмъ такъ чутки мы на чуждые намъ стоны, А страждущей семьи намъ голосъ часто чуждь? Зачёмъ по сторонамъ кидаемъ милліоны, Когда у насъ ихъ нётъ для нашихъ кровныхъ нуждъ?

Какъ будто нътъ у насъ ни скорби, ни страданія, Пи хлъба алчущихъ, пи алчущихъ познанья. Ни жадно чающихъ движенія воды?

Нътъ, многія поля у насъ еще безводны. Для орошенья ихъ да брызнетъ свъжій ключъ: Торговль, грамотъ упрочьте путь свободный, Степямъ вы дайте жизнь, потемкамъ-Божій лучъ.

Нътъ, почва русская, томясь безъ удобренья, И много проситъ рукъ и много денегь ждетъ, Чтобъ зрълой жатвою добра и просвъщенья Насытиться вполнъ могъ доблестный народъ.

Это стихотвореніе любопытное во многихъ отношеніяхъ и до сихъ поръ, сколько намъ извъстно, сще нигдъ необнародованное любезно сообщено въ "Русскій Архивъ" графомъ Сергіемъ Димитріевичемъ Шереметевымъ, образцово издавщимъ уже одинадцать томовъ сочиненій покойнаго князя Петра Андреевича Вяземскаго.

ПИСЬМО АРХІЕПИСКОПА ХЕРСОНСКАГО ИННОКЕНТІЯ КЪ АЛЕКСАН-ДРУ ПЕТРОВИЧУ ОЗЕРОВУ.

Получ. 29 Марта (1854.

Ваше превосходительство, милостивый государь!

Не простое и краткое слово мое, а ваше доброе и патріотическое сердце внушило вамъ готовность поспъшить на духовную помощь нашимъ за-Дунайскимъ собратіямъ по въръ. Тъмъ не менъе для меня утвшительно видеть, какъ глаголъ въры и любви о Христь, возглашенный съ канедры церковной, при содъйствіи благодати Божіей, не возвращается тощь и праздень, а производить преднамъренное дъйствіе. Вполив сочувствую вашимъ славянолюбнымъ помысламъ и чувствамъ, выраженнымъ по сему случаю въ письмъ вашемъ ко мнъ. Кто изъ имъющихъ сердце и память можетъ не сострадать глубоко бъдной Волгаріи, которая при самомъ обращеніи нашемъ въ Христіанство надълила насъ безцъннымъ сокровищемъ-перевода на Славянскій языкъ Священнаго Писанія, а сама теперь едва не лишена онаго варварствомъ дикихъ и кровожадныхъ завоевателей своихъ? Твердо вфрую, что Господь благословить оружіе, подъятое съ такимъ самоотверженіемъ во славу пресвятаго имени Его, въ защиту Православія, и съ храмовъ Болгарскихъ не снидуть уже долу тъ кресты, кои теперь ставятся на нихъ рукою побъдителей, а напротивъ будуть умножаться, возвышаться и украшаться на посрамленіе луны безрогой.

За симъ, призывая на васъ и почтеннъйшее семейство ваше благословеніе Божіе, съ чувствомъ особеннаго душевнаго уваженія и любви о Христъ, остается и пребудетъ навсегда вашего превосходительства усерднъйшій слуга Инпокентій архіепископъ Херсонскій.

P. S. Доставленное будеть немедленно отправлено, куда слъдусть.

29 Марта, 1854 г.

Его Превосходительству, повъренному въ дълахъ при Оттоманской Портъ, Александру Истровичу Озерову.

ا الداعة المراتب والمراجم

ИЗЪ ПИСЬМА В. В. СКРИПИЦЫНА КЪ ГРАФУ Д. Н. ТОЛСТОМУ.

Ницца, 9 Февраля *).

....Обратите пожалуйста вниманіе на письмо мое, напечатанное въ журналь Le Nord, № 35, 4 Février, подписанное V. S. Sawe. Надъюсь, что вы его одобрите; а я, по любви моей къ родинь еще служу ей какъ могу, прибъгая къ этому единственному способу для темнаго гражданина доводить правду до великихъ земли Русской.

Сегодня я вычиталь въ журналь, что митрополить Кіевскій началъ вводить въ своей епархіи избирательное начало. Всяческое спасибо за то владыкъ. Если онъ меня помнить, засвидътельствуйте ему мое почтеніе. Дъйствительно, это единственное средство возстановить связь въ духовенствъ и слить церковь съ народомъ. Необходимо, чтобы прихожане были въ церкви, не въ гостяхъ, а дома у себя, какъ въ дом'в матери своей; чтобы во всв должности епархіальнаго и даже мопастырскаго управленія лица не назначались, а избирались братіями своими и, съ утвержденія епископства, вступали въ должности, для огражденія самихъ епископовъ отъ нареканія въ дурномъ, пристрастномъ выборъ. Необходимо, чтобы епископы обращались съ духовенствомъ какъ отцы съ дътьми, а не какъ всемогущіе начальники съ рабольшными чиновниками; чтобы они чаще съ ними бесъдовали, на что у нихъ достанетъ времени, когда члены консисторій будуть избирательные, слъд. пользующіеся довъренностью и уваженіемъ собратій, а не чиновники въ рясахъ, которые теперь не ръдко воруютъ вмъстъ съ секретаремъ и обращаются со священниками, какъ съ рабами. Словомъ, надо, чтобы духовный строй былъ семья, а не команда, какъ теперь, дабы все духовенство перестало смешивать подлое раболенство со смиреніемъ и чтобы высшее духовенство относилось къ низшему съ должнымъ уваженіемъ къ лицу и сану, и не духовенство уважало бы свою личность и свой санъ. Это надо начать съ семинарій.

русовій архивъ 1896.

^{*)} Года не означено. П. В.

II. 10

Говоря о митрополить Кіевскомъ, надо сообщить вамъ одно обстоятельство, по которому я долженъ особенно уважить этого владыку. Послъ служенія моего въ Синодъ и возсоединенія Уніатовъ, всъ епископы болье или менье были мнь знакомы. Бывъ директоромъ я продолжаль 14 льтъ еще косвенно служить нашей церкви*) и акуратно два раза въ годъ писалъ почти ко всъмъ епархіальнымъ епископамъ и всегда акуратно получалъ самые лестные отвъты. Но когда я оставилъ департаментъ и ко всъмъ имъ написалъ прощальныя, полныя чувства письма, прося ихъ благословенія, они вообразили себъ, что я въ опалъ, и потому ии одинъ не ръшился мнъ и отвъчать, кромъ бывшаго тогда архіепископа Варшавскаго, нынъ митрополита Арсенія, который почтилъ меня самымъ лестнымъ отвътомъ.

^{*)} В. В. Скрипицыпъ, въ министерство А. А. Перовскаго, былъ директоромъ Дспартамента Ипостранныхъ Исповъданій. П. Б.

ЯРОСЛАВСКАЯ СТАРИНА*).

VΙ.

Солдатикъ.

Въ почь съ 10-го на 11-е Февраля 1807 г., въ съняхъ, предъ входомъ шъ иладовую Московскаго Сепата, стоялъ на часахъ молодой солдативъ и посматривалъ на кладовую, гдъ хранились казенныя деньги. Было глухо и темно. Общирныя съни слабо освъщались фонарными огоньками....

— Сколько, чай, деньжищевъ тамъ въ сунрукахъ! мечталъ солдатикъ; нотъ-бы взять тысячь пятокъ, да и махнуть на родину въ Любимскій увздъ, къ матушкв моей Натальв Афанасьевив?.. Скажу ей: такъ и такъ, въ отпускъ на побывку къ тебъ начальство меня отпустило, а идя путемъ-дорогою, нашелъ-де н, ради твоего счастія, кладъ... Бери, родимая, себъ половину и сестру Варвару не оставь безъ награды, а съ остальными денежами я самъ съумъю погулять... Въ случав-же чего, если дъло откроется, ну, тогда зять мой, Варваринъ мужъ, Прохоръ Никифоровъ, довкій мужикъ, снезеть меня тайкомъ въ Пошехонскіе дремучіе лъса къ людямъ старой въры. Пемало у пихъ нашего брата скрывается... Ловокъ, говорятъ, нашъ капитанъ-исправникъ Толбузинъ, да шалитъ— не поймаетъ!.. А на серебряную икону Казанской Божіей Матери я съ нашимъ удовольствіемъ, сто рублёвъ пожерткую. Мать Пресвятан Богородица, помоги рабу твоему Конону!....

И поть, въ полутьмъ, блеснулъ въ рукахъ солдатика штыкъ. Печать у двери сръзана; замокъ сломанъ тъшъ-же орудіемъ; дверь отворена; солдатикь входить въ кладовую и взламываетъ штыкомъ-же сундукъ съ царской казной. Денегъ—пропасть,—всё разнопвътныя бумажки. Разбираться пътъ времени: того и смотри, сейчасъ явится смъна караула... Взяты три начки ассигнацій, разумъется, первыя попавшіяся подъ руку... Авось наберется 5,000 рублей!?

Деньги спрятаны въ ранецъ. Кладовая затворена. Замокъ наложенъ... Солдатикъ какъ ни въ чемъ не бывало, дождался прихода эфрейтора, который смънить его другимъ часовымъ. За темнотою, слъды преступленія своевременно не были обнаружены, и сотворившій злое дъло пришелъ спокойно

^{*)} Продолжение. См. выше 1, 206.

въ караульню, а отгуда въ свою роту.. Что затъмъ происходило, это мы знаемъ изъ слъдующаго письма Московскаго генералъ-губернатора Тимонея Ивановича Тутолмина къ Ярославскому губернатору квизю М. Н. Голипыну, отъ 15 Февраля 1807 г. (за № 519).

"Милостивый государь мой, князь Михаплъ Николаевичъ! Въ кладовой Провіантской Коммиссіи Московскаго Депо, 12-го сего мѣсяпа, усмотрѣна пропажа казенныхъ денегъ сорока тысячъ (40,000) рублей, и по производящемуся теперь о похищеніп оныхъ слѣдствію открывастся подозрѣніе на убѣжавшаго 11-го числа настоящаго-же мѣсяца изъ Московскаго гарнизоннаго полку рядового Конона Вихарева, который, наканувѣ своего побѣга быль въ караулѣ и стоялъ на часахъ у оной кладовой. Къ большому-же на него сомнѣнію служитъ то, что оставшійся въ полку, по отлучкѣ, его штыкъ найдепъ съ отломленнымъ концомъ, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ весь изогнутъ.

"Обстоятельства сіи убъждають меня сообщить кашему сіятельству примъты оного рядового Вихарева, а именно: отъ роду—21-й годъ, ростомъ 2 арш. 4 вер., волосомъ русъ, лицомъ бълъ, глаза сърые, носъ прямъ. Въ службу поступилъ прошедшаго (1806) года изъ экономическихъ крестьянъ Ярославской губерніи, Любимской округи, Обнорской волости, слободы Шеренской; грамотъ читать и писать не умъетъ. Отлучился въ казенныхъ вещахъ: сърой шинели съ полнымъ числомъ пуговицъ и сапогахъ, въ собственной рубахъ и портахъ. А при томъ, на случай удаленія его отселъ во ввъренную вамъ губернію, по намъренію пройти къ родственникамъ, прошу васъ, м. г. мой, предписать городничимъ и исправникамъ обратить особенное стараніе на поимку сего дезертира, и когда гдъ открытъ и задержанъ будетъ, прислать его ко мнъ съ нарочнымъ подъ надежнымъ, дабы съ дороги не могъ уйти, присмотромъ".

Воровская "одиссея", начатая въ Москвъ, кончилась въ Любимскомъ увадь, куда, по иврной догадкъ Тутолмина, солдатикъ поспъщиль со своимъ сокровищемъ. И теперь черезъ 90 почти летъ, 40,000 р. (хотя-бы и ассигнаціями) составляють большую сумму. Чемъ-же они тогда-то казались солдатику, который съ помощью штыка одержаль столь знатную викторію - не надъ Французскимъ императоромъ Иаполеономъ Бонапарте, а надъ казеннымъ сундукомъ, съ интендантскими деньгами? Песомивнио, что молодой воръ считалъ себя, какъ говорится, на седьмомъ небъ; однако вскоръ последоваль целый рядь разочарованій. Наняль онь оть Москвы до Ярославля неизвъстнаго ему троечника, не торгунсь съ нимъ, чвмъ, конечно, возбудилъ въ извощикв сомевніе: откуда могла взяться у солдатика крупная, размъненная имъ, сто рублевая ассигнація? На пути, близъ какого-то села, извощикъ остановилъ лошадей и обратился къ съдоку съ предложениемъ убираться подобру, поздорову, если не хочеть быть преданнымъ въ руки сотскаго и десятскихъ, "потому что (объяснилъ Московскій ямицикъ) ты, парень, должно быть только для отводу глазь надёль на себя солдатскую аммуницію, а на самомь діяль—Вогь тебя знасть, что ты за человічкь...

Выльзай и уходи!" Всплакался Вихоревъ, поклялся Христомъ-Богомъ, что онъ доподлинно солдать, спешить къ умирающей матери, а она-дескать женщина очень богатая, прислада своему любимому сынку несколько соть рублей, какъ наслъдство, чтобы оно не пропало въ случав скорой ея смерти. Повърилъ-ли возница этой баснъ, или захотълъ поживиться на счетъ менмаго наслъдника, какъ бы то ни было, переговоры между пими кончились тъмъ, что Вихоревъ отдалъ извощику еще сторублевую бумажку, и затъмъ они благополучно прівхали въ Ярославль, гдв и разлучились. Вихореву пе хотвлось явиться домой безъ подарковъ: онъ купиль въ Ярославлв небольшой, окованный желъзомъ, дубовый сундукъ, куда уложилъ купленныя имъ у Ярославскихъ торговцевъ разныя вещи, именно: три бобровыя шапки. 6 арш. ситцу, нъсколько полотняныхъ, бумажныхъ и гарнитуровыхъ платковъ, шелковый кушакъ, 15 арш. синяго сукна, "клееную" красную рубашку и пр. Не была, конечно, забыта и гармоника, которою солдатикъ надвялся плъпить деревенскихъ дъвокъ: по его словамъ, опъ очень любилъ бабьё и чарочки тоже придерживался съ большой охотой. Прівхавъ вь городь Даниловъ, Вихоревъ остановился въ домъ мъщанина Ивана Гурьева, содержавшаго постоядый дворь, а оттуда-маршъ прямо въ питейный домъ, гдв, за неимъніемъ медочи, хотіль-было размінять двадцатинятирублёвку. По въ кабакв случились, на ту пору, какія-то четыре личности, ему копсе неизвъстныя, "по виду приказные или дворовые люди", и, схвативъ Вихорева, стали допрашивать:

- Откуда ты? 'Іто за человъкъ? Гонори сущую правду.
- Изъ дворовыхъ Любимскаго помъщика, маюра Николая Яковлевича Скульскаго, солгалъ солдатикъ (уситвшій уже снять съ себя солдатскую шинель и облачился въ "штатское платье"):—отпустите меня, господа! Я васъ угощу, напою и накормлю досыта...

"Однако (читаемъ въ показаніяхъ Вихорева, данныхъ имъ въ последствін полицейскому начальству), оные пеизпъстные мав приказные или дворовые люди держали меня, обхвати весьма крвико и требовали, чтобы в отдаль имъ ту ассигнацію, что и и вынуждень быль исполнить, опасалсь привода въ Даниловское Городинченское Правленіе, После сего пришель я на квартиру къ вышеозначенному Ивану Гурьсву, а вследь за мной явился одинъ изъ техъ, якобы, приказныхъ и, схвативъ меня опить, сказалъ, что двадцати пяти рублей мало: "давай еще"! И опому человъку я далъ сторублевую ассигнацію, подагая, что тімь откуплюсь и оть дальнійшаго вымогательства избавлюсь". Тщетна была сія надежда! Таинственная личность, изображавшая "приказнаго", разлакомилась и пеудовольстовалась сторублевкой: всявдъ за собой, эта "личность" привела остальныхъ своихъ товарищей; вчетверомъ опи шумно настучили на солдатика и "начали просить еще". "А кто они были (объяснилъ Вихоревъ), мет не въдомо, и о томъ долженъ знать самъ мъщанинъ Гурьевъ, или братъ его Петръ, при космъ я выдаль на всёхъ четверыхъ приказныхъ, или дворовыхъ людей, другую сотенную ассигнацію; посл'я чего вст они ушли, а п легъ спать на подати.

и едва успъль заснуть, какъ разбудиль меня вышеозначенный Петръ Гурьевъ, закричавъ: "Вставай!"-"Зачъмъ?"-"Отвъчай, за что ты паградилъ сихъ людей ста рублями? Давай и мей столько-же!" Получивъ-же требуемую бумажку, онъ оставилъ меня въ поков, а потомъ будилъ мпогократно и говорилъ:- "Пойдемъ къ городничему!" Но чтобъ туда меня онъ не стацилъ, я даваль ему девять разъ все по сто рублевой бумажкь, и тогда сей мъщанивъ Гурьевъ сказалъ:-, спасибо, теперь достаточно. Увзжай только отъ насъ скоръе, пойдемъ нанимать павощика"... Когда-же сей послъдній быль нанять, мы съ Иваномъ Гурьсвымъ, перенесли къ тому извощику сущучекъ и поставили въ сани. Только и тронулси съ мъста, какъ вдругь подбъжаль ко мив Петръ Гурьевъ, а за нимъ трое изъ числа "приказныхъ", взяли меня за вороть и намфревались вести къ городничему; но чтобъ меня не водили къ его благородію, каждому изъ пихъ дано было мною еще по сту рублей. И затъмъ они меня отпустили невредимо, пославъ только къ нечистому духу... А шинель солдатская (заключиль свое показаніе Коновъ Вихоревъ) осталась на полатяхъ въ домъ Ивана Гурьева"...

Сопровождаемый пожеланіемъ "убираться къ чорту", пашъ солдатикъ попался, на свою бёду, не въ лапы "нечистаго", а въ руки Любимскаго земскаго исправника, гвардіи подпоручика Николая Толбузипа, которому сотскій Обнорской волости, крестьянинъ деревни Чечулина, Гордей Алексъевъ, донесъ, что 14-го Февраля, поутру, на разсвъть прівхаль въ село Шарну къ своей матери Патальъ Афанасьевой, сынъ ея, молодой солдать и, пробывъ у нея малое время, оставилъ у ней дубовый сундукъ съ имуществомъ, а самъ убхалъ къ замужней сестръ своей Варваръ Трофимовой въ дер. Луковицу съ крестьяниномъ Устиномъ Петровымъ. Разумъетен, исправникъ немедленно пустился въ розыски, которые увънчались полнымъ успъхомъ, послъ арестованія вора и его укрывателей, т. е. зати, сестры и матери. При Вихоревъ оказалось 4,475 рублей; отъ его сестры земскій исправникъ отобралъ 700 руб. "бумажками", да отъ матери только 300 рублей.

- Сколько-же ты украль всёхъ денегь? Допытывался исправникь.
- Не знаю, не считаль, отвъчаль солдатикь; а истратиль я столькото на покупки, уплатиль извощику столько-то, да неизвъстнымь "приказнымъ" и на постояломъ дворъ отдаль столько-то. Больше денегь у меня нъть и не было.

Во время допросовъ прискакалъ изъ Москвы квартальный поручикъ Чистяковъ, командированный Тутолминымъ для производства дальнъйшихъ розысковъ. Какія мъры принялъ этотъ полицейскій офицеръ, вмъстъ съ исправникомъ съ цълью "открыть истипу", мы не знаемъ; невъролтно, чтобы употреблены были пытки, запрещенныя закономъ. Всего легче предположить, что полиція объщала полнъйшее помилованіе за откровенность и вызвала ее отъ "женки" Варвары Трофимовой, которая указала на стогъ съна.—"Ищите здъсь!"—Стали искать и нашли 32,125 р.

Квартальный Чистяковъ доставилъ Тутолмину, кромъ главнаго преступника Вихорева, скованнаго по рукамъ и погатъ, ("дабы утечки не учи-

пиль"), государственных в ассигнацій на 37,730 руб. и серебромъ 5 р. да сундукъ съ купленными Вихоревымъ разными вещами, которые были опънены въ 156 руб. 85 колъекъ. Дальнъйшан судьба "солдатика" намъ пе извъстна: его, конечно, судили по всей строгости военныхъ законовъ, за двойное преступление-дезертирство и похищение казенныхъ денегь во времи караула. Не помогло ему и душеспасительное объщаніе исполнить христіанскій долгь, хотя, из предвлахъ возможности, онъ и остался въренъ своимъ благочестивымъ мечтамъ. Такъ, по крайней мере, показывала на суде вдовая "женка" Наталья Аванасьева Вихорева. Въ словахъ ея, несмотри на устарблый и, конечно, не ей принадлежащій "приказный" слогь, всётаки слышится даже чрезъ 90 леть правдивая речь несчастной Русской бабы, лишившейся сына, отданнаго въ солдаты. Правда, онъ былъ бъглецъ и воръ, но материнское сердце — не сердце непреклоннаго и неподвушнаго судьи: оно слепо смотрить на сыновніе грашки. Не могла-же она отдать свое "двтище" въ руки капитапъ-исправника, твиъ болве, что ово-это дътнице-безъ мальйшей утайки торопливо объяснило ей, "войдя въ избу, поутру рано, что опъ (Вихоревъ) ущелъ изъ солдатчины, и сившить въ сестръ своей въ деревню Луковинцу. И принесъ опъ съ собою сундукъ, окованный жельзомъ, и потомъ, отперши оный, далъ сперва мив одну сторублевую ассигнацію, говори, что жертвуєть оныя деньги для положенія вклада въ церковь пашу, въ сель Шариъ, причемъ земно поклонился Владычиць Пресвятой Богородиць, а посль сего еще такія-же двь бумажки отдать мив на пропитаціе, и два платка гранитуровыхъ (sic!) подариль, да извощику, мив неизвъстному *), за провозъ отдалъ мъдными (деньгами), а сколько-я не запримътила, и сверхъ того на водку далъ ему-же 30 копъскъ, и, осганя сундукъ, отправился къ сестръ своей, а моей дочери, въ дер. Луковницу... " Избъгая подробностей, приводимъ ръшеніе Ярославской Уголовной Палаты, состоявшееся 26 Марта 1807 года: 1) Крестьянина Прохора Пикифорова, 26-ти лътъ, и женокъ Варвару Трофимову, 23 лътъ, и Наталью Анапасьеву Вихореву, 47 леть, наказать въ ихъ селеніяхъ плетьми, перваго 60-ю, вторую 50-ю, а третью 40-ка ударами, и потомъ Инкифорова отослать въ Рекрутское Присутствіе для опредвленія въ военную службу, буде способенъ окажется, съ зачетомъ вотчинъ за рекрута; въ обратномъ-же случав-безъ зачета, какъ его, такъ и женокъ Трофимову и Вихореву, сослать на поселеніе, о чемъ Ярославскія Казенную Палату и Губериское Правленіе ув'ядомить. 2) Крестьянина Устина Петрова (взявшаго отъ Варвары Трофимовой, бывшей уже подъ стражею, на сбережение 32 рубля) наказать плетьми 40 ударами и отдать по прежнему въвотчину, съ должнымъ обизательствомъ и подтвержденіемъ не учинять инчего противнаго законамъ. 3) Любимскому мъщанину Ивану Асысалову (который отвезъ Вихорева въ дер. Луковницы, но въ знаніе о побъть и похищеніи имъ денетъ съ допросовъ и священническаго увъщанія, не сознался, да и дезертиръ ви въ пер-

^{*)} Впоследствии опъ оказался Любимскимъ мащавиномъ Иваномъ Асисто миъ

вомъ, ни во второмъ случав его не оговариваль) быть отъ следствія свободнымь, полученныя-же имъ за провозъ деньги 70 коп. отобравъ, отослать, куда следуетъ. 4) Именія вышеозначенныхъ осужденныхъ трехъ лиць продать аукціоннымъ порядкомъ и вырученныя деньги обратить въ число недостающей суммы похищенныхъ денегъ.

"13 Апръля 1807 года его сіятельство, г. гражданскій губернаторъ кн. М. И. Голицынъ изволилъ дать на сіе ръшеніе Уголовной Палаты свое согласіе, вследствіе чего публичное наказаніе плетьми вышереченных в людей было исполнено съ соблюденіемъ достодолжнаго порядка". Иными словами, сестра и мать нашего "солдатика" были высъчены палаченъ и сосланы въ Сибирь на поселеніе; третій-же. т. е. Прохоръ Никифоровъ, выйдя изъ рукъ заплечнаго мастера, оказался для солдатской службы вполнъ способнымъ, а потому вошель въ составъ Русской арміи. Тогда не считалось, какъ вынв считается, за величайшій позоръ иміть среди защитниковь Царн и Отечества людей оскорбленныхъ и униженныхъ, правственно и физически, рукою палача—презрвинаго исполнителя тогдашияго правосудія. О прочихъ дъйствующихъ лицахъ нашей драмы, въ которой участвовали по одип "злодви", по и особы добродътельныя, остается сказать немногос. Голь добродетельныхъ героевъ, какъ мы уже знаемъ, отлично выполнили кваргальный Чистаковъ и Любимскій исправникъ Толбузинъ къ величайшему удопольствію Московскаго высшаго начальства. — "Милостивый государь мой, квязь Михайла Пиколаевичъ (лисалъ 21 Феврали 1807 г. Тутолминъ). На отношепіс в-го с-ства (оть 19 сего місяца), честь имію увідомить вась, государь мой, что штата Московской Управы Благочинія, квартальный поручикь Чистяковъ отправленнаго съ нимъ дезертира, похитившаго пвъ кладовой Коммиссіи провіантскаго Московскаго депо денежную казпу, Конона Вихорска, и порученныя ему деньги 37,735 рублей, также сундукъ съ разными пещами, купленными онымъ Вихоревымъ на похищенную имъ сумму, доставилъ ко мив исправно. По предлогу сему почитаю себя обязаннымъ изъявить и-му с-ству особенную мою признательность за оказанное предписаніемъ вашимъ пособіє квартальному поручику Чистякову въ преследованіи похитителя сего и за скорое произведение изыскание дъятельностью Любимского исправника Толбузина, въдомству котораго подлежащая земская полиція долженствуеть, по справедливости, служить образномо и обратить на себя начальническое в-го с-ства вниманіе и общую, по всей Россійской Имперіи, похвалу", п т. д Со своей стороны, князь Голицынъ представилъ Императору Александру І "върноподаннической рапортъ", въ которомъ, изложивъ всё дъло о столь знаменитой, по количеству денегь, кражь, выразился такъ: "Осмъливаюсь Вашему Императорскому Величеству, по самой истинъ, засвидътельствовать земсваго исправника Толбузина усердіє къ высочайщей службь (sie!) и дъятельность, которыя доказаль онъ несомнъннымъ опытомъ при поимкъ рядового Вихорева и въ изысканіи похищенных в имъ денегь". Затьмъ, припомнить читатель, въ этомъ двлё участвовали еще какіс-то таинственпые незнакомцы, "приказные", обиравшіе въ гор. Даниловъ "солдатика", съ

участіємъ мінанъ Петра и Ивана Гуревыхъ! Каная-же судьба постигла этихъ людей? Неизвістные такъ-таки и остались для насъ "иксами". Что-же касается означенныхъ мінанъ Гурьевыхъ, то движимое и недвижимое имініе ихъ, по рішенію Ярославскихъ судебныхъ мість, было описано (на сумму 1175 р. 75 к.) и продано съ аукціоннаго торга. Пущено было также съ молотка имініе Прохора Никифорова, его жены и бобылки Натальи Вихоревой за 128 руб. Остальную сумму (сравнительно ничтожную) Московскій Ордонансь-Гаузъ опреділиль взыскать съ члена Провіантской Коммиссіи Соловьева), ради чего— не знаемъ, быть можеть единственно, ради пословицы, не вполніт справедливой, что "казенная копівечка въ водіть тонеть и въ огніт не горить".

VII.

Отречение отъ масонства.

Сохранилось преданіе, отчасти подтверждаемое нечатными свъдъніями, что въ Ярославлъ при намъстникъ А. П. Мельтуновъ существовала масонская ложа, и что самъ Мельгуновъ былъ однимъ изъ наиболъе дъятельных ся членовъ. Есть также основаніе предполагать, что филантроптическія иден Ярославскихъ масоновъ, вслъдствіе почина того-же намъстника, въ 1786 г. осуществились блестящимъ образомъ: тогда основанъ былъ Ярославскій "Домъ Призрвнія Ближняго", процвътающій и въ настоящее время. Разгромъ всъхъ масонскихъ ложъ какъ извъстно, послъдоваль въ 1822 году. Тогда Ярославскій гражданскій губернаторъ Александръ Михайловичъ Безобразовъ, получилъ (20-го Августа) отъ министра внутреннихъ дълъ графа Кочубея слъдующее "сообщеніе":

"Рескриптомъ, на мое имя, въ 1-й день сего Августа даннымъ, Его Императорскому Величеству угодио было возложить на меня сдъдать распоряженія о закрытін и недопущеніи существованія впредь масонскихъ ложъ и всъхъ тайныхъ обществъ. Къ приведенію сихъ распоряженій въ дъйство Его Императорское Величество указать миъ изволилъ: сообщить всъмъ главноуправляющимъ въ губерніяхъ и гражданскимъ губернаторамъ къ исполненію ихъ слъдующее.

1) Вст масонскія дожи и другія тайныя общества закрыть и учрежденія ихъ впредь не дозволять. 2) Объявить о семъ встмъ членамъ сихъ обществъ и обязать ихъ подписками, что они впредь ни подъ какимъ видомъ ни масонскихъ дожъ, ни какихъ тайныхъ обществъ, подъ какимъ-бы благовиднымъ названіемъ они не были предлагаемы, ни внутри Имперіи, ни внъ ен составлять не будутъ. 3) Какъ не свойственно чиновникамъ, въ службъ находящимся, обязывать себя какою-либо присягою кромъ той, которая закономъ опредълена, то каждый разъ при вступленіи чиновниковъ въ службу или опредъленіи въ должности требовать отъ нихъ по формъ, при семъ

^{*)} Отношение Тутолмина къ кн. Голицину отъ 17 Февраля 1808 г., за № 56.

(подъ № 3-мъ) приложенной 1), что опи ни къ какимъ масонскимъ ложамъ или тайнымъ обществамъ въ Имперіи, или вив оной, не принадлежать.
4) Подписки сін хранить при спискахъ о службъ чиновниковъ или при просьбахъ объ опредъленіи къ должностямъ, ими подаваемымъ.

, Вст распоряженія сін пе относятся до чиновниковъ, въ дъйствительпой службъ паходищихся, о коихъ начальство восиное получаеть надлежащія предписація.

"О таковой Высочайшей воль и честь имъю вашему превосходительству сообщить. Управляющій Министерствомъ Внутреннихъ Дълъ графъ В. Комубей ²).

Первыя "отреченія" оть масонства посл'ядовали из Ярославлі со стороны лиць, служившихъ въ Демидовскомъ "вышинхъ" наукъ училищв. Проректоръ его Степанъ Вилинскій, согласно порученію училициаго Совъта, отображь "самъ отъ себя" и отъ подвъдомственныхъ ему господъ профессоровъ, учителей и другихъ чиновниковъ подписки. За подписью проректора стоить подпись профессора, и кан. Оедора (въ скобкахъ: "Фридриха") Шмядта, очень почтеннаго Ивмиа, который по преданіямь, быль приверженцемъ масопетва, пяфеть съ другимъ полунфицемъ - полуславяниномъ Карломъ Янишемъ, (отцомъ навъстной, родившейся въ Ярославлъ, поэтессы Каролины Карловны Инингь); онъ быль первымъ, по времени, проректоромь 2) и задолго до означенной катастрочы оставиль нашь городь. Остальные профессора: Александръ Вонновъ, Герасимъ Покровскій, Михайло Хапенко, Александръ Инколаевъ и Оедоръ Бекетовъ, въроятно, пичего общаго съ масонами пе имъли, какъ люди вполив благонадежные, въ родв... ну, скажемь для примъра, учителя фектовального искусства Жозефа Ляраме. Веледь за "Демидовцами", отрекси оть масонства директоръ училингь Прославской губернін Павель Абатуровь, со всёмь служебнымь персоналомь Ярославской гимназіи.

Губернаторъ Безобразовъ, почему-то долго не получаль отвитовь по пастоящему дёлу отъ губернскаго и убздныхъ предводителей дворянства и городскихъ головъ. Последніе, вероятно, и не подозревали о существованіи какихъ-то масоновъ, темъ не менёе, и опи должны были выразить инсьменно свое отреченіе. Равнымъ образомъ Безобразовъ настоялъ, чтобы "президенты Палатъ Гражданской и Уголовной, а также члены губернскаго Правленія и Приказа Общественнаго Призренія, губернскій прокуроръ, судья Совестваго Суда, инспекторъ Врачебной Управы, полицеймейстеры и городинчіе, губернскіе почтмейстеръ и землемеръ и правящій должность оберъ-форшмейстера благоволили его уведомить отношеніями, сообразно Высочайшему повеленію, не находятся-ли въ ведомстве сихъ мёсть и лицъ таковые люди,

^{&#}x27;) Въ архивномъ дълв втой формы пе сохранилось. Л. Т.

^{*)} Предписаніе отт. 5-го Августа 1822 г., за № 520.

³⁾ См. статью К. Д. Головщикова, въ "Яросл. Губ. Въдом." 1869 г. (подъ мосю редакцією): Черты жизни и дънтельности Ярославскаго Демидовскаго высшихъ наукъ училища и потомъ лицея, съ краткою біографісю П. Г. Демидова".

кои принадлежать къ масонскимъ дожамъ или другимъ тайнымъ обществамъ, и въ семъ случав тоже отобрать отъ нихъ подински въ отречении. Таковоеже распоряжение было учинско въ отношения всехъ Увадныхъ Земскихъ и Спротекихъ Судовъ, Городовыхъ Магистратовъ и Городскихъ Думъ. Затъмъ всь полицейскія власти, до квартальныхъ надзирателей включительно, обязаны были "двятельное наблюдение имвть, чтобъ отнодь масонскихъ ложъ и никакихъ тайныхъ обществъ не могло ни подъ какимъ предлогомъ возникать". Конечно, здёсь рвчь шла о надзорё въ городахъ за добыкновенными обывателими", или, иначе сказать, за разпочинцами. Что-же касается дворянства, то наблюдение за состояниемъ умовъ и вообще за политической его благонадежности Прославскій губернаторъ возложиль исключительно на дворянскихъ предводителей: каждому изъ шихъ "визнено было въ особенную обязациость объявить веймъ г.г. дворянамъ, обратающимся въ губерии, о семъ Высочайшниъ повелвии и также имъть пеусыпное бдительное паблюденіе за несоставленіемъ подобныхъ обществъ, съ тімъ, буде таковыя, паче чаянія, въ губерпім учреждаться булуть, то допосить губернатору исукосинтельно".

Любопытенъ взглядъ самого А. М. Безобразова на масопетво въ донесеніи его графу В. П. Кочубею:

"Высокопочтенивние допося о сихъ распоряженияхъ вашему сіятельству, имѣю честь присовокупить, что такъ-какъ а пикогда ин къ какимъ масоневимъ ложамъ и тайнымъ обществамъ не припадлежалъ и не принадлежу, то и поминутая подписка до меня отпошенія не имѣстъ; а, какъ отенъ многочисленнаго семейства, съ благоговъпіемъ принесъ и благодареніе Всещедрому Богу за то, что благодътельное понеченіе всемилостивъйнаго Государя Императора пыпъ учиненнымъ распоряженіемъ оградило родителей отъ опасенія видъть когда-либо въ дътяхъ своихъ пачала заблужденій, порождавшихъ прямую скорбь въ сердцахъ благомыслящихъ подданныхъ, върностію Государю и отечеству пренсполненныхъ".

Л. Н. Трефолевъ.

ИЗЪ СТАРЫХЪ СТИХОТВОРЕНІЙ.

Жбанъ квасу вытянуль спросонокъ, Всю ночь севрюжина жгла грудь, Какъ жерновъ давитъ поросенокъ И растегай не дастъ вздохнуть; Отъ Ланинскаго редереру Трещитъ и пухнетъ голова.... И чертъ велълъ мнъ читъ мадеру! Да! угостился черезъ мъру!!! Что дълать? Матушка Москва!

Смотрёлъ царь-колоколъ, царь-пушку, Дпвился Русской старинё; Попалъ у Иверской въ ловушку: Мазурикъ жульнулъ портмоне. То пыль, то грязь на диво свёту, Въ тяжелой думё голова; Напрасно сталъ бы дёлать смёту Очистить городъ отъ пудрету. Что дёлать? Матушка Москва!

....Купилъ штофъ водки у Понова, Взялъ у Филиппова калачъ. Ходилъ на биржу, тамъ армяне Съ жидами взяли всъ права; А православные граждане Храпятъ съ мильонами въ кармапъ Что дълать?— Матушка Москва!

Глушенъ былъ Тъстовскимъ органомъ, Смотрълъ блаженнаго дъячка, Поъхалъ почью въ паркъ къ Цыганамъ, Намяль дорогою бока Тузовъ-купчинь засталь въ туманв, Плетуть несвязныя слова; Пиль съ ними, куры стропль Танв, Да и свалился на диванв. Что двлать? Матушка Москва!

Мнъ снилось зарево пожара:
Въ Кремлъ Французъ, гудить набать.
Народъ возсталъ, какъ Божьн кара,
И дрогнулъ дерзкій супостатъ.
Спаливши крылія орлины,
Онъ сгибъ, какъ въ стужу мурава,
И палъ на снъжныя долины.
Чтожъ? По гостямъ и проводины!
Что дълать? Матушка Москва!

П. Шумахеръ.

ПО ПОВОДУ ОТЗЫВОВЪ ОБЪ А. С. ХОМЯКОВЪ С. М. СОЛОВЬЕВА И Г. БОБОРЫКИНА.

Мы уже указывали («Русскій Архивъ» 1896 I, 578), что обпародованіе записокъ С. М. Соловьева (въ томъ видъ, какъ онъ печатаются въ «Русскомъ Въстникъ»), бросаетъ нъкоторую тънь на него самого, такъ какъ слишкомъ ръзкія отзывы о цъломъ рядъ замъчательныхъ лицъ, не раздълявшихъ его убъжденій, невольно внушаютъ сильное сомивніе въ безпристрастіп знаменитаго историка Дальнъйшее печатаніе «Записокъ» еще болье поддерживало это сомивніе. Онъ въ своей характеристикъ А. С. Хомякова (Апръль Рус. Въстн. 1896 г.) укоряєть его въ измышленіи фактовъ и цитированіи писателей, пикогда не существовавшихъ.

Г. Боборыкинъ, писатель извъстный своимъ умъцьемъ почти фотографически воспроизводить дъйствительность, въ романъ «Княгиня» (Январь Въсти. Евр. 1896) мимоходомъ бросаеть въ Хомякова тоже обвиненіе.

Такъ какъ Сергъй Михапловичъ въ «Запискахъ» изображаетъ свои личныя впечатлънія, то правильность этого обвиненія лежитъ на его совъсти, но г. Боборыкинъ, никогда лично, сколько памъ извъстно, Хомякова не знавшій, въроятно основывается на чемъ нибудь общензвъстномъ.

Живо интересуясь всёмъ, къ А. С. Хомпкову отпосящимся, мы просимъ лицъ дучне насъ освёдомленныхъ или г. Боборыкина, который, надо полагать, знаетъ, что говорить, указать намъ, на чемъ положительном основаны подобныя утверждения.

Разъяснение этого вопроса важно во всякомъ случав: опо или прибавить новую любопытную черту къ характеристикъ человъка въ высокой степени замъчательнаго, или устранитъ возможность повторять эти обвинения тъмъ болье нежелательныя, что они въ данномъ случав распространяются даже путемъ беллетристики и такимъ образомъ усвоиваются широкимъ кругомъ лицъ, для которыхъ пстинный нравственный обликъ незабвеннаго Алексъп Степановича можетъ быть совершенно неизвъстенъ.

Юрій Бартеневъ.

ИСТОРИЧЕСКІЯ СТАТЬИ ВЪ ПОВРЕМЕННЫХЪ ИЗДАНІЯХЪ НЕИСТОРИЧЕСКИХЪ.

Бобыли въ XVI и XVII въкахъ. М. А. Дьяконова. "Ж. М. И. Пр." Априль.

Лишь въ памятникахъ XVI въка начинаетъ попадаться терминъ бобыль. Объяснение Бъляева, что бобылемъ назывался землевладъленъ сидящій на половинномъ тяглъ, принятое большинствомъ изслъдователей признается авторомъ совершенно педостаточнымъ и основаннымъ лишь на указахъ 1630—1631 годовъ.

Бобыль прежде всего человъкъ, "отбывшій пашни" или въ силу бъдности покинувшій земледъліе или не имъвшій возможности нигдъ "порядиться въ крестьяне". Въ силу этого бобыли набирались лишь въ пъщую рать и платили только оброкъ (не несли тягла).

Экономическое приниженное пололоженіе бобылей выразплось въ названіи ихъ невзюдниками, перешедшимъ въ офиціальный языкъ грамотъ.
Но быль и болье приниженный типъ—
бобыли безъ собственной освалости—
безмистные, бродящіє или походячіє.
Бывали случаи повышенія бобыли,
переходя въ разрядъ пашенныхъ и
тяглыхъ людей, но типичною формою
авторъ признаетъ бобыля непашеннаго, имъющаго собственную усадебную освалость.

Смутное время уменшило почти на половину число тягленовъ и заставило правительство привлечь къ тяглу и бобыльское населеніе, что и послужило основаніемъ къ возникновенію новой окладной единицы—жибущей четверти.

Эта мъра произведшан глубокую псремъну въ юридическомъ положении бобылей, не вызвала большихъ перемънъ въ ихъ фактическомъ положеніи. Окончательное уравненіе ихъ съ крестьянами въ размърахъ тяглаго оклада было произведено указами 1649 и 1679 годовъ о введеніи подворной подати.

Легенда объ олигархических ъ тенденціях в верховнаго тайнаго совта въ царствованіе Екатерины І. Проф. А. С. Аленства, "Русское Обозраніе". Апраль (окончаніе).

Всё доводы г. Филиппова о стрем леніяхъ тайнаго совёта ограничить вліяніе Сената и Сунода авторъ признаєть неосновательными; тщательный разборъ законодательныхъ актовъ ярко освёщаеть значеніе совёта какъ учрежденія совёщательнаго.

Разсмотръніе состава членовъ совъта опять по мизнію автора опровергаеть воззрънія тъхъ историковъ, которые видять въ немъ учрежденіе, явившееся уступкой боярской партін; партін эта никакой роди въ возникновеніи совъта не играла. Стремленія къ самостоятельности проявляли лишь герпогъ Голштинскій да Меншиковъ, которые вовсе не были носителями какихъ либо политическихъ идеаловъ. По свидътельству иностранныхъ дипломатовъ Совъть заслуживалъ упрека въ слабости своей противодъйствовать личнымъ вліяніямъ и случайнымъ ръшеніямъ.

Исторія располяченія Западно - Русскаго костела. А. П. Владимирова. "Русское Обозръніе".

Введеніе Русскаго языка въ дополнительное богослуженіе и проповъдь въ костелахъ Западной Россіи есть только возвращеніе къ тому, что дълалось въ этомъ крав въ минувшіе пъка. Въ доказагельство своего положенія авторъ приводить красноръчивыя данныя о всеобщемъ господствъ Русскаго языка въ Съверо-Западномъ краъ.

Жмудекій каноникъ Стрыйковскій въ концъ XVII въка написавшій литовскую льтопись собраль до тысячи Русскихъ мъстныхъ льтописей. По Литовскому статуту земскій писарь всъ бумаги обязанъ писать по-Русски. Въ Виленскихъ училищахъ лишь съ 1526 года началось преподаваніе Польскаго языка. Широко пользовалось Русскимъ языкомъ и католиче-

ское духовенство. Особую ревность по искорененію Русскаго языка показали ісэунтами: Русскія кипги были истребляемы безпощадно, сожигались на площадяхъ. У нъкоторыхъ Поликовъ это стремление принимало характеръ маніи. Авторъ разсказываеть, что во время своихъ занятій въ Виленской публичной библіотекъ онъ находиль мпожество Латинскихъ и Польскихъ книгь XVII и XVIII въка, обернутыхъ ВЪ пергаменть исписанный кириллицей. Были Полнки которые на истребление Русскихъ книгъ употребляли свои огромные доходы. Статья еще не окончена.

П. А. Чаадаевъ. А. И. Кирпичникова. "Русская Мысль". Апръль.

Авторъ поминальной замътки (14 Апраля исполнилось 40 лать смерти Чаадаева) воспользовался документами хранящимися въ Румянцевскомъ музев. Нѣкоторые нихъ важны для біографіи Чавдаева. Изъ указа объ отставкъ можно заключасть, что немилости государя въ Троппау не было (хотя тоже видно изъ бумагъ напечатанныхъ у насъ въ 1875 г.). Болъе важно извлечение изъ метнія цензурнаго комитета отъ 1833 года; изъ него явствуетъ, что Чаадаевъ въ 1832 хотълъ издать свои письма по-русски. Любопытно, но мало значительно завъщание. Интересны указанія на то, что Чаадаева отожествляли съ Чацкимъ.

новыя книги.

Л. Ф. Змѣевъ. Чтеніе по врачебной исторіи Россіи. Спб. 1896 8-ка 250 стр. цвна 3 р.

Его же Русскіе врачебники. Спб. 1896. 8-ка 274 стр. цѣна 2 р. 40 к.

Выписывающіе прямо отъ автора: С.-Петербургъ, Пупікинская д. № 11 кв. № 59, пользуются 15 % уступки или даровою пересыдкой.

Празднованіе 800-літія (1095—1895) г. Рязани. Рязань 1896. 8-ка. 126-ІІ стр. съ 4-мя рисунками.

Цареградская патріархія и православіє въ Европейской Турціи. Соч. Костадина, переводъ съ Сербскаго и предисловіе Д. Никольскаго. Спб. 1896. Мал. 8-ка. 59+4 нен.

Исторія Ревельскаго Преображенскаго собора. Историко-статистическое описаніе. Сост. свящ. К. Тизикъ. Ревель. 1896. 16-я 232 стр. цъна 1 р.

Средняя Азія. Научно-литературный сборникъ статей по средней Азія. Подъ ред. Е. Т. Смирнова изданіе «Средне-Азіатскаго Въстника». Ташкентъ. 1896. 8-ка 212.

Жизнь и труды М. П. Погодина. Книга десятая. Николая Барсунова. Спб. 1896. 8-ка XV+583. Цена 2 р. 50 к.

Русская исторія отъ древнъйшихъ временъ, томъ первый Н. М. Павлова. М. 1896. 8-ка VIII+405. Цъна 1 р. 50 к. (складъ въ магазинахъ «Новаго Времени»).

Н. Н. Бантышъ-Каменскій Обзоръ внёшнихъ сношеній Россіи (по 1800 годъ), ч. вторая. Изданіе коммиссіи печатанія Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ при Московскомъ Главномъ Архивъ Министерства Иностранныхъ Дълъ. М. бол. 8-ка VIII+272.

Памятная книжка окончившихъ курсъ въ С.-Петербургской Духовной Академіи съ 1811—1896, составилъ И. А. Скроботовъ. Спб. 1896. мал. 8-ка XXXVIII+328.

ПОДПИСКА

H A

РУССКІЙ АРХИВЪ

1896 года.

"Русскій Архивъ" въ 1896 году вступиль въ 34-й годъ изданія. Цѣлое поколѣніе народилось и выросло съ тѣхъ поръ, какъ возникъ нашъ повременный историческій сборникъ, и людей, получавшихъ его въ 1863 году, насчитывается уже немного. Скромный трудъ нашъ не измѣнилъ своего направленія: разработывая и по возможности освѣщая протекшее, онъ въ тоже время посвященъ будущему, ибо сберегаетъ отъ забвенія и закрѣпляетъ печатью черты исторіп и быта Русскихъ людей, во всѣхъ отношеніяхъ и подробностяхъ.

"Русскій Архивъ" въ 1896 г. издается двѣнадцатью тетрадями, съ приложеніями (въ числѣ ихъ книга "Архива Князя Воронцова").

Годовая цёна "Русскому Архиву" въ 1896 году съ пересылкой и досгавкой девять рублей. Для чужихъ краевъ—двёнадцать рублей.

Подписка принимается въ Москвъ, въ Конторъ "Русскаго Архива", на Ермолаевской Садовой, въ домъ 175-мъ. Въ книжныхъ магазинахъ "Новаго Времени", въ Петербургъ, Харьковъ и Одессъ.

Составители и издатели "Русскаго Архива" Петръ Бартеневъ. Юрій Бартеневъ.

PÝCKIŬ APXÚRZ

1896

6

CTP.

- 161. Къ всторів Пугачовщины. (Е. А. Ступишнеъ.—Погромъ Тровце кой крипости.—Посли Пугачова.—Самозванецъ Ханинъ.—Рубцовскій бунть). П. Л. Юдина.
- 185. Три письма Екатерины Великой въ Е. А. Щербинину (1763— 1772).
- 188. Письмо Екатерины Великой въ Шведскому королю. 1767.
- 189. Изъ переписки графа Н. П. Мереметева (въ царствованіе Екатерины Великой).
- 211. Воспоменанія О. А. Оста.
- 273. Историческая справив о перенесеніи праха князя и графовъ Орловыхъ жеъ Отрады въ Юрьевъ монастырь. А. Н. Львова.
- Дътство и отрочество виператора Николая Павловича. Статья А. Н. Корсакова.
- 291. Изъ равскавовъ графа Строганова.
- 292. Любовнательность императора Николан Павловича.
- 293. Прошеніе князя П. А. Ваземскаго въ Главное Училищъ Пракленіе. (Жалоба на Красовскаго).
- О несостоявшемся министерствъ цензуры. Письма барона М. А. Корфа къ А. Г. Тройницкому.
- 303. Отповедь г-ну Митропольскому. С. Д. Яновскаго.

MOCKBA.

Въ Университетской типографіи, на Страствонъ будьваръ. 1896.

Совътъ Общества ревнителей русскаго историческяго просвъщенія въ память ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III,

имъя въ виду одну изъ главныхъ поставляемыхъ себъ Обществомъ цълей — собирать и обработывать свъдънія о жизни и царствованіи ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III, обращается къ лицамъ и учрежденіямъ, располагающимъ по сему предмету какими-либо свъдъніями, документами и проч., съ покорнъйшею просьбой не отказать въ сообщеніи таковыхъ Обществу, адресуя присылаемые матеріалы на имя предсъдателя Общества графа Сергія Дмитріевича Шереметева (С.-Петербургъ, Фонтанка, 34) или товарища предсъдателя графа Арсенія Аркадіевича Голенищева-Кутузова (Спб., Фонтанка, 50).

Arthur Levy. Napoléon intime. Onzième édition. Paris, Plon. 1894. 601. 8-12. XII n 656 ctp.

Napoléon et Alexandre 1-er. L'alliance russe [sous le premier empire. III. La rupture. Par Albert Vandal. Deuxième édition. Paris, Plon. 1896. бол. 8-ка 607 стр.

Вл. Черевинскій. Подъ боевымъ огнемъ. Историческая хроника Иллюстраціи Л. Ф. Лагеріо, Н. Н. Каразина и др. Спб. 1896. бол. 8-ка 6 нен. 224 и 214 стр. Цъна 3 р.

КЪ ИСТОРІИ ПУГАЧОВЩИНЫ.

VII 1).

Пугачовъ въ Башкиріи.—Верхне-Янцкая кръпость и ся комендантъ Ступишинъ.—Пугачовъ подъ Верхне-Янцкой.—Отступленіе къ Троицкой кръпости.—Дъйствія Декалонга и Михельсона.—По пути въ Казань.—Увъщаніе архіепискона Казанскаго.—По Поволжью.—Поимка и казнь Пугачова и его сообщинковъ.—Присяга Уральцевъ.

Потерпъвъ пораженіе, нанесенное подъ Татицевой и Оренбургомъ княземъ Петр. Михайл. Голицынымъ, Самозванецъ бъжалъ въ Башкирію, гдъ, собранъ значительныя толпы мятежниковъ, двинулся вверхъ по линіи, на Уральскіе горные заводы.

Думая, что въ Орской кръпости попрежнему стоитъ генералъ Станиславскій в), Пугачовъ оставиль ее вправъ и пошелъ горами на Ургазымскую кръпость, которую взяль безъ малъйшаго сопротивленія, не оставивъ камни на камнъ. Потомъ, подвигаясь вверхъ по Яику, обогнулъ кръп. Кизильскую и напаль на Магнитную, которою завладълъ только приступомъ; послъ долгаго сопротивленія коменданта и всъхъ начальствующихъ повъсилъ, жителей велълъ переколоть, а строенія всъ сжечь.

Туть опъ узналь объ отсутствии изъ Орской генерала Станиславскаго и о беззащитности трехъ пройденныхъ и не разоренныхъ имъ кръпостей: Губерлинской, Орской и Таналыцкой и, чтобы исправить свою ошибку, поручилъ Башкирскимъ шайкамъ захватить и разорить уцълъвшія кръпости. Въ тоже самое время ему были представлены въ качествъ депутатовъ Киргизскіе старшины. Онъ "съ великою дасковостью" и торжественностью вринялъ ихъ и приказалъ имъ также разорять до основанія оставшілся кръпости, "ничего не опасаясь", объщая въ будущемъ вывести изъ тъхъ мъсть всъхъ Русскихъ, а землю отдать Башкирамъ.

Башкиры и Киргизы со всёмъ усердіемъ принялись за дёло и начали свои грабежные наб'єги. Орская кръпость, какъ ближайшая и пограничная

¹⁾ См. выше, стр. 5.

²) Генералъ Станисланскій въ Мартъ былъ посланъ съ своимъ отрядомъ на подмогу Верхне-Янцкой крѣпости. А на смѣну ему съ ротой пѣхоты былъ командированъ изъ Верхне-Озерной поручикъ Поспѣловъ, который и прибылъ въ Орскъ 20-го Марта 1774 г. (см. записки Поспѣлова, Орен. Губ. Вѣд. 1869, № 28).

отруженный знаменами, въ шапка изъ церковныхъ покрововъ, какъ передаетъ очевидецъ. Ю. Б.

II. 11

къ сторонъ степи, больше всего терпъла отъ Киргизъ-Кайсаковъ, непрестанно безпокоившихъ ее своими нападеніями. Къ этому примъшались другія несчастія. Быстро развившійся отъ безкормицы падежь лошадей не только лишилъ жителей и гарнизонъ перевозочныхъ средствъ, но почти всъхъ оставилъ пъшими.

Узнавъ объ этихъ бъдствіяхъ, Киргизы еще болье участили набъги свои на кръпости: они два раза скрали поставленный въ верств отъ Орской казачій пикетъ, потомъ въ глазахъ жителей угнали весь кръпостной рогатый скотъ и такъ дерзко и быстро, что гарнизонъ не могъ воспрепятствовать этому грабежу. Въ кръпости Таналыцкой также былъ угнанъ ими весь скотъ, а Губерлинскую кръпость, гарнизонъ которой состоялъ всего изъ 20 человъкъ, они разорили до тла. Послъ того Киргизы напали на высланную изъ Орской кръпости съпокосную команду, для заготовленія съна на зиму и захватили бы ее, еслибы съ отрядомъ при одной пушкъ не подоспълъ на выручку поручикъ Поспъловъ. Киргизы, думан, что за отрядомъ этимъ слъдуетъ еще подкръпленіе, быстро переправились черезъ Яикъ и скрылись въ своей необъятной степи.

Тъмъ временемъ Пугачовъ продолжалъ свои дъйствія въ Верхне-Янцкой дистанців *), коей въ то время управлялъ комендантъ полковникъ Егоръ Алексъевичъ Ступишинъ, человъкъ энергичный, строгій, храбрый и умный. Башкиры и Киргизы трепетали при его имени, войска и жители любили и уважали его, и до сихъ поръ въ народъ сохраняется добран память о немъ и передаются воспоминанія, какъ онъ безъ войскъ обманулъ Пугачова войсками.

Происходя изъ дворянъ Саратовской губерніи, Ступишинъ, какъ разсказывають, быль крестнымъ сыномъ императрицы Елисаветы Петровны, служилъ сначала въ гвардіи и былъ лично извъстенъ наслъднику престола, великому князю Петру Феодоровичу. Въ разгаръ мятежа онъ находился въ самомъ безвыходномъ положеніи: отъ Оренбурга двигался къ нему Пугачовъ, кругомъ Верне-Яицкой дистанціи волновались Киргизы, Башкиры и горнозаводскіе крестьяне, недавніе и невольные выселенцы изъ разныхъ мъсть. Помощи не было ни откуда. Онъ писалъ и въ Оренбургъ къ Рейнсдорпу, и къ начальнику Сибирскихъ войскъ Декалонгу. Послъдній даже былъ вблизи Верхне-Яицкой кръпости и зналъ ея безсиліе, но почему-то отошелъ отъ верховьевъ Яика, оставивъ на произволъ судьбы всъ при-Яицкія кръпости. Ступишинъ не выдержалъ. Пославъ 10 Января 1774 г. довольно ръзкій рапортъ генералу Декалонгу съ упрекомъ въ бездъйствіи, онъ того же числа (за № 60), написалъ на него въ Государственную Военную Коллегію доносъ, въ которомъ говорилъ:

"Понеже въ кръпостяхъ Верхо-Яицкой дистанціи весьма малое число войскъ обрътается, какъ-то: въ Верхо-Яицкой, Магнитной, Карагайской и

^{*)} Верхне-Янция дистанція въ то время состояла изъ врепостей: Верхо-Янцкой, Магинтной, Карагайской и Кизильской.

Кизильской всего не будеть 1000 человъкъ и 30 пушекъ, въ этомъ же числъ обрътаются и 300 Красно-Уфимскихъ казаковъ, присданныхъ отъ его высокопревосходительства господина Оренбургскаго губернатора, генеральпоручика Рейнсдорфа, а какъ около дистанціи неспокойно, ибо Башкирцы и заводскіе крестьяне ведикую шаткость имфють, а Киргизы, кочуя около крфпостей, тоже весьма бунту склонны, сего ради и какъ въ народъ слухъ, что оный воръ и государственный здодей Емелька Пугачовъ отъ Оренбурга на горные Твердышевскіе заводы и на линію устремился, того ради кръпостямъ великая опасность, а его высокопревосходительство господинъ генеральпоручикъ Декалонгъ, хотя и лично въ свое присутствіе здесь виделъ всю опасность, но о семъ не радъдъ, да и я оному г-ну генералъ-поручику не разъ о томъ рапортоваль, но всё мои представленія остались втунё, онъ же, г-нъ генералъ-поручикъ, вивсто того, съ командою своей отъ Верхне Яицкой дистанціи отошель, а меня одного съ малосильною командою оставиль и помощи никакой не даль, равно таковой опричь присылки мнъ 300 человъкъ Красно-Уфимскихъ казаковъ отъ его высокопревосходительства генералъ-поручика и Оренбургского губернатора и кавалера Рейнсдорфа болъе не было и всв мои представленія тоже остаются втунв. Какъ оный г-въ генералъ-поручикъ Декаловгъ, какъ мев известно, ни впередъ, ни назадъ не сделаль злодениь страху, чрезь что они, по своему легкомыслію, увидя послабленіе, на нападеніе отважутся, единственно по таковымъ дъйствіямъ онаго г-на генералъ-поручика. О чемъ, не видя себъ помощи ни откуда и видя великую опасность крепостямъ Верхне-Яицкой дистанціи, какъ отъ малаго числа войскъ, пороху и оружія, такъ равно отъ шагости Башкирдевъ, Киргизъ и заводскихъ крестьянъ, того ради, взойдя вмъсть съ симъ представденіемъ къ его высокопревосходительству г-ну генералъ-поручику Декалонгу, долгомъ считаю о всемъ томъ напиочтительнъйше рапортовать Военной Коллегіи. Ежели же оные злодви на Верхие-Янцкую врвность нападеніе сдвлають, то я, съ находящимися здёсь чинами, сколько будеть силь и возможности, буду до посладней капли крови отноръ чинить, ибо ничто осталося, какъ умереть по долгу совъсти и присяги за въру и Ея Императорское Величество" *).

Ио не смотря на послѣднее требованіе Ступишина (отъ 10 Января, за № 61), о присылкѣ "военнаго сикурса и пушекъ", Декалонгъ не далъ ему никакой помощи. Такимъ образомъ полковникъ былъ предоставленъ самому себъ. Приходилось поэтому измышлять способы, чтобы, если не побъдить врага, то обмануть его хитростью.

Боись, что еще прежде нашествія самого Пугачова, пользуясь смутнымъ временемъ, на крѣпости его дистапцій будуть нападать Киргизы и Башкиры, а войскъ для отраженія ихъ было недостаточно ("въ Магнитной гарнизону и жителей было всего 1000 чел., въ Карагайской—1200 и въ Кизильской—1240 ч.. пушекъ 34 и 6 фалконетовъ, изъ солдатскихъ ружей

^{*)} Дъла коменд. Верхне-Янц. дист. 1774, л. 30 и 31. Оренб. Губ. Въд. 1868, № 38.

много было негодныхъ; пороху и свинцу недостаточно"), онъ издалъ воззваніе къ "Башкирамъ, живущимъ около Верхне-Яицкой дистанціи", и требоваль отъ нихъ полной покорности і).

"Оный Емелька, увъряю васъ, энергично писалъ онъ, скоро войсками Е. И. В-ва будеть пойманъ и достойную по деламъ казнь приметъ, да вст ть, кто его слушаеть, также не жди себь пощады: всь также казнены будуть. Ея И. В. прощаеть матерински только тахъ, кто раскаяние приносить, а не нераскаянныхъ здодъевъ. Башкирды! Я знаю все, что вы замышляете; только знайте же и то: ежели до меня дойдеть хоть накой слухъ, то вы, воры и шельмы, ждете къ себъ тъхъ воровъ и имъ кормъ и скоть и себъ стрелы и оружія припасаете, то вы, шельмы эдакія, готовьте этоть скоть, барановъ и коровъ, для меня съ командой: ибо я, услышавъ что-либо о ва шей шатости, тотчасъ на васъ со всею моею командою изъ Верхне-Яицкой, Магвитной, Карагайской и Кизильской крвности пойду и съ пушками, п тогда вы не ждите пощады, буду васъ казнить, въшать за ноги и за ребра, домы ващи, хлебъ и сено пожгу и скотъ истреблю. Слышите ли? Если слышите, то бойтесь: я не люблю лгать, ни шутить. Вы меня знаете, и я васъ очень хорошо знаю. Сего числа около Верхне-Яицкой пойманъ Башкирецъ Зеутфундинка Мусинъ съ воровскими Татарскими письмами отъ злодвевъ, и ко мет оный Башкирецъ приведенъ и хотя онъ немой, однакоже теми, имекшимися у него воровскими письмами, довольно приличается, и того ради и вельдъ оныя письма при народномъ собраніи сжечь и сожжены отъ профоса, а тому вору Башкирцу велёль я отразать нось и уши и къ вамъ, ворамъ, съ симъ отъ меня листомъ посылаю". Въ заключение своего воззванія, Ступишинъ говорить: "Всего же лучше сов'ятую вамъ, кто изъ васъ хочеть быть благоразумень и истиннымъ върноподданнымъ Ея И. В-иа. тотъ явись ко мев въ Верхне-Яицкую въ комендантскую, съ семьею и о своей върности занви мнъ, и я, по усмотрънію, или домой отпущу, или оставлю на время въ крепостяхъ и дамъ вамъ и мъста, где кочевать, и неимущимъ хлюбъ дамъ. Вы думаете, и злодви васъ учать, что у меня хлюба нъть; мало ли чего здодви вамъ толкують и письма свои воровскія шлють, только вы пожальйте сами себя, свой животь и свои семейства, говорю вамь толкомь. Башкирды! Ежели же вы, получа отъ меня листь, который мною сего числа по всемь крепостямь Верхне-Янцкой дистанціи всенародно, сь барабаннымъ боемъ объявленъ, воровскихъ писемъ и людей, съ ними подосланныхъ, не выдадите, или сами о покорности своей мев не заявите, то я съ вами поступлю по власти, мев данной и безъ всякой пощады. Знайте, кто изъ васъ явится и о върности Ея И. В-ву заявить ложно, тоть, по великомъ истизаміи, будеть казнень смертью. Думайте: срокь Башкирамь, живущимь близь кръпостей,-три, а прочимъ-семь дней; иначе и буду съ вами по своему распоряжаться, какъ долгь мой велить мив" 2).

^{&#}x27;) Тамъ же, 1773, д. 346.

³) Возяваніе это дано 4 Апръля 1774 г., № 274. (См. Дъда коменд. Верхне-Янц. дист. 1774. л. 609—616), Полное воззваніе можно найти напечатаннымъ въ Оренб. Губ. Въд. 1868, № 33.

Какъ ни странно и какъ ни оригинально было подобное увъщаніе, но оно имъло свое дъйствіе на темную массу полудикарей, и вскоръ къ Ступишину съ изъявленіемъ покорности явилось 330 Башкирскихъ семей, которыя, до поры до времени, и были распредълены имъ по кръпостямъ.

Между тёмъ Пугачовъ, захвативъ Магнитную и думая, что въ Верхне-Ницкой крѣпости гарнизонъ съ прибытіемъ туда генерала Станиславскаго усилился, миновалъ ее и остановился въ 50 верстахъ на Бѣлорѣцкомъ заводѣ, жители котораго признали его императоромъ Петромъ III, лили ему пушки и ядра, прогнали отъ себя присланныхъ Рейнсдорпомъ для ихъ защиты 300 Красно-Уфимскихъ казаковъ и еще болѣе усилили собой Пугачовскія скопища ¹).

Ожидая приготовленія артиллеріи, потерянной имъ подъ Оренбургомъ и Сакмарскимъ городкомъ, Самозванецъ въ это время разсылалъ свои манифесты по Башкирамъ, крипостямъ и заводамъ и требовалъ отъ комендантовъ безусловной сдачи ихъ кръпостей. Такой же строгій указъ получиль и Ступишинъ. Тогда онъ собраль войска и жителей Верхне-Яицкой кръпости и, выяснивъ имъ, кто такой Пугачовъ и какіе замыслы чинить онъ, сказалъ имъ: "Въ здешнихъ мъстахъ немало есть какъ отъ шляхетства, такъ и солдатства, особливо проживающихъ въ отставкъ, которые служили въ Петербургъ, въ лейбъ-гвардіи полкахъ и блаженныя памяти Императора Петра III-го помнять, да и того вора Емельку видали, и подъ присягою говорили, что Емелька воръ и самозванецъ. А многіе то говорили ему въ глаза, не страшась мучительства, и тако души своя предали Богу, яко върные Ен И. В-ва подданные и христіане. Если Божінмъ попущеніемъ онъ воръ, злодей Емелька придеть нь Верхне-Янцкой крепости, станемъ все оть мала до велика, кто въ силъ поднять хоть камень, а живыми не дадимся въ руки злодъю, не дадимъ ему ругаться храмомъ Божіимъ, женами и дътями нашими. Первый умру за въру и Государыню и коменданть, и всъ мои подначальные офицеры, надъюсь, что не постыдять себя; за начальными людьми и солдаты. Будемъ живы, отразимъ злодвя, и наградять насъ Богь и Ен И. В-во, а погибнемъ, то яко мученики обрътемъ вънецъ нетлънный. Оружія у насъ двольно, свинцу пороху и провіанту тоже, солдаты молодцы. Кто изъ жителей хочетъ оружія, требуй пороха и свинца изъ комендантской канцеляріи" 2)

Войска и жители присягнули Ступишину слушаться его во всемъ, сражаться и умереть за въру, Государыню и отечество. Въ тоже время изъ предосторожности были арестованы всъ Польскіе конфедераты, какъ служащіе, такъ и проживающіе по кръпостямъ съ воспрещеніемъ имъть съ ними сношенія, дабы они не могли открыть Пугачову слабосильность гарнизона, въ которомъ числилось 400 пѣшихъ солдатъ, 48 артиллеристовъ,

⁴⁾ Предоставляемъ самому автору поддерживать свое утвержденіе, что на Бълоръцкій авводъ Пугачовъ прибылъ после разгрома Магнитной. Ю. Б.

²) См. въ Памят. Книж. Оренб. губ. за 1865г., стр. 188, "Ордеръ по Верхне-Янцкой кръпости" отъ 22-го Мая 1774 года.

100 Красно-Уфимскихъ казъковъ, 6 пушекъ и 1 фалконеть, а жителей обоего пола 949 душъ 1).

Отливъ на заводажъ пушки, съ 10 тыс. мятежниковъ и 12-ю орудіями, Пугачовъ подступилъ наконепъ къ Верхне-Яицкой и, остановившись въ двухъ верстахъ отъ кръпости, послалъ къ коменданту строгое приказаніе немедленно безъ сопротивленія сдать кръпость. Но посланнаго не подпустили близко, встрътивъ его выстръдами. Войска и жители, вооруженные чъмъ попало—кольями, топорами, дубинами, женщины, старики и дъти стояли на валу, на крышахъ домовъ, на которыхъ были приготовлены чаны съ водой на случай пожара, и твердо ръшились умереть. Мало этого: чтобы испугать противника численностью войскъ, Ступишинъ приказалъ нарядить въ солдатское и казацкое платье соломенныхъ чучелъ, натыкалъ по валу шесты съ обожженными верхушками, которые издали казались остріями пикъ, а въ полѣ за городомъ поставилъ пустыя палатки какъ бы прибывшихъ на подмогу войскъ.

Пугачовъ, устращившись такой громадной силы, снядся и пошель мимо крвности, сдвлавъ по ней только два выстрвла изъ орудій, которыя, кстати сказать, пролетвли надъ головами осажденныхъ. Разсказываютъ, что самъ Ступишинъ и двое старыхъ гвардейцевъ туть же, вогда Пугачовъ проважалъ мимо нихъ, подъ клятвой объявили жителямъ, что онъ не Петръ III, а воръ и самозванецъ.

Такимъ образомъ спаслась Верхне-Япикан. Отсюда Пугачовъ двинулся на Троицкую, "куда слъдуя, попутныя кръпости Карагайскую, Петропавловскую и Степную побрадъ и всъхъ начальниковъ отъ мала до велика предалъ смерти, кръпости же и бывшія въ нихъ строенія всъ выжегъ 2) и, забравши съ собою всъхъ жителей тъхъ кръпостей съ женами и дътями, пошелъ далъе".

Подойдя къ крвпости Троицкой, Самозванецъ тотчасъ же началъ ея бомбардировку, и вскорв завладълъ ею. Легкое взятіе ея объясняется тъмъ, что крвпость эта имъла слишкомъ обширныя укрвпленія сравнительно съ численностію стоявшаго въ ней гарнизона, который поэтому не могь занять всю линію укрвпленій. Когда мятежники обстрвливали крвпость съ южной стороны изъ-за р. Уя, то ядра и пули попадали въ соборъ Св. Троицы, гдв на южныхъ входныхъ дверяхъ и до сихъ поръ остались слъды отъ пролета ружейныхъ пуль. Преданіе говорить, что буйная челядь заняла храмъ и сдълала въ немъ конюшню, на престолю были поставлены корыта для овса и лежали связки свна 3). По взятіи крвпости, Пугачовъ показалъ необыкновенное варварство: "священнику и коменданту бригадиру Де-Фейервару по его приказанію отръзаны уши, и затъмъ они повъщены. Женъ ихъ

⁴⁾ Д. Коменд. Верж. дист. 1774, л. 601.

^{*) &}quot;Храмы Божін выжегь, въ образа святые отъ богоотступниковъ страляно, в другіе ими и нашу варили" (Дубровинъ).

^{*)} Орен. Епарх. Въд. 1874, № 12, 452.

привязали за волосы къ хвостамъ лошадей и замучили до смерти 1). "Изъ штабъ и оберъ-офицеровъ, равно жъ и изъ малыхъ чиновникъ никто въ живыхъ не остадся, а жителей, отставныхъ солдатъ и прочихъ, всъхъ выгналъ за городъ и, поставн въ шеренгу, приказалъ Башкирамъ пиками по-колотъ".

"Къ вящшему же разоренію", Пугачовъ имъль намъреніе, порядочно пограбя Троицкую, сжечь ее, а потомъ отправиться для такого же раззоренія внизъ, на кръпости Каракульскую, Крутоярскую, Усть-Уйскую и Звъриноголовскую и затемъ следовать въ Тобольскъ; но предпріятію этому не удалось сбыться. На другой день нъ Троицкой подступилъ съ своимъ корпусомъ генераль Декалонгъ, который, заметивъ Пугачова, расположившагося лагеремъ подъ городомъ, наканунъ имъ сожженнымъ, тотчасъ же напалъ на него и после кровопролитнаго сраженія, длившагося несколько часовъ, разбилъ его на голову и разсвиль его толны ²). Самь Пугачовъ, съ небольшой шайкой приверженцевъ, едва спасся бъгствомъ въ Уральскія горы, гдъ вскоръ собрадъ новыя толпы мятежниковъ и съ ними сжегъ и разорилъ Кундравинскую слободу, потомъ Чебаркульскую (казачью) крыпость и, не смотря на то, что крепость эта не противилась ему, онъ и туть пролиль много неповинной крови, сжегъ Преображенскую церковь съ приделомъ Сретенія Господня и всів строенія, пов'всиль многихь изъ офицеровъ, солдать и казаковъ 3), а остальныхъ захватиль въ свою толпу 4).

Разоривъ Чебаркуль, Пугачовъ въ самый праздникъ Вознесенія Господня обратился на Златоустовскій заводъ купца Лугинина. Послъ выхода его, крѣпость была занята полковникомъ Михельсономъ, преслѣдовавшимъ Самозпанца по пятамъ. Тъ изъ жителей Чебаркуля, которые отъ страха признали Пугачова Петромъ III и присягнули ему, какъ государю, за чистосердечное раскаяніе были прощены Михельсономъ, а потомъ и Императрицею. Въ воспоминаніе же о страшныхъ Пугачовскихъ дняхъ жители послъ того построили въ верстъ отъ селенія деревянную часовню во имя Вознесенія Господия 5) и каждогодно въ этотъ день совершаютъ туда крестный ходъ.

Михельсонъ наконець въ Уральскихъ горахъ при р. Ав нагналъ Пугачова и "небольшимъ своимъ деташаментомъ надъ чрезвычайною элодъй-

¹⁾ Тамъ же.

³) Декалонгомъ въ Сепарскомъ редутъ было найдено множество планныхъ (около трехъ тысячъ) въ самомъ ужасномъ видъ. Жены и дъти офицеровъ были въ такомъ состояния, что "оныхъ отличить отъ деревенскихъ самыхъ подлыхъ стряпушекъ, по утру около печи обращающихся", было невозможно. Это вдохнуло новыя силы утомленному отряду. Ю. Б.

³) То мъсто на горъ, принадлежащей къ хребту Чебаркульскому, гдъ были Пугачовскій висълицы, и по сію пору вовется "Гора Висъльнивъ".

¹⁾ Подъ деревней Лягушиной Пугачовъ разбитъ Михельсономъ 23 Ман. 1774 г. Ю. Б.

Прежней часовни уже нътъ, на ея мъстъ теперь выстроена другая. (Орен. Губ. Въд. 1869, № 28).

скою толпою учиниль побъду, разбиль и разогналь оную по разнымъ мъстамъ"1).

Но и послѣ этого пораженія Пугачовъ успѣлъ собрать новыя толны и двинулся къ Казани, "въ разсужденіи своего многолюдства, собравшагося къ нему по пути изъ Черемисъ, Вотяковъ и со многихъ заводовъ крестьянъ, вооруженныхъ пиками, топорами, косами и простыми дубинами" з).

Съ такимъ воинствомъ Самозванецъ приблизился въ Казани, гдъ, не смотря на "пастырское увъщаніе" архіепископа Веніамина "почитать власти и Императрицу и избъгать сообщничества Пугачова", жители приняли его съ распростертыми объятіями. Напрасно мученивъ - архипастырь увъряль православныхъ, что, "защищая въру, законъ, преданія и поборая за славу государей и цълость отечества, тъмъ самымъ подвизаемся за честь Божію и свое спасеніе, соблюдаемъ наше и ближняго благополучіе"; напрасно онъ призываль на непокорныхъ громы небесные и "непокоряющихся же истинъ сей, по данной намъ отъ Христа пастыреначальника власти, связуемъ неръшимыми узами отлученіемъ отъ церквей—жребія върныхъ въ сей жизни, въ будущей же достойнаго святыхъ", з)—его голосу никто не внималь изъ простолюдиновъ.

Жители Суконной слободы встрётили Самозванца за городомъ съ почетомъ; прочіе же обыватели искали спасенія въ крѣпости. Пугачовъ, желая наказать непокорныхъ Казанцевъ, приказаль зажечь городъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ, за исключеніемъ Суконной слободы.

Между тъмъ Михельсонъ, извъстясь, что Самозванецъ идетъ къ Казани, пошелъ за нимъ слъдомъ; "но уже не успълъ остановить злодъя до сожженія города; однакожъ, не давъ болъе ему никакой пакости городу учинить, подъ самымъ онымъ напалъ на него и всю его многочисленную толпу разбилъ и оставилъ на мъстъ сраженія столько убитыхъ, несвъдущихъ военнаго искусства тварей, что и счесть не можно. Самъ же злодъй, видя чрезвычайную надъ собой побъду, ретировался съ малыми людьми и, оставя предпринятое свое намъреніе слъдовать къ Москвъ, обратилъ свой трактъ къ Саратову, куда слъдуя всъхъ къ себъ склонядъ, а особливо изъ помъщичьихъ людей (пока умножилъ свою злодъйскую толпу), изъ коихъ многіе господъ своихъ къ нему приводили", и Пугачовъ, "величайшими муками сихъ несчастныхъ муча, предавалъ жесточайшей смерти. Онъ же злодъй, препровождая путь свой, неслыханныя причинялъ злодъянія; жегъ многія

⁴⁾ Записки Поспалова. П. Ю. Сколько намъ извастно, 3-го Іюня самъ Пугачовъ совершенно неожиданно напалъ на Михельсона, подъ дер. Киги. Ю. Б.

¹⁾ Танъ же.

^{&#}x27;) Пастырское увъщаніе, отысканное въ копін въ архивъ Сарапульскаго духовнаго правленія, напечатано въ № 7 Орен. Епар. Въд. за 1874 г. (стр. 218—224). Замъчательно, что копія, между прочими, подписана и секретаремъ Казанской консисторім дворяниномъ Василіемъ Аристовымъ, тъмъ самымъ, который впослъдствім сдълаль на архіспископа Веніамина доносъ въ его якобы приверженности и сообщимчествъ съ Путачовымъ.

попутныя селенія, грабиль и разоряль Божіи храмы, не им'вя никакого сожалінія и помилованія къ безвиннымь и незлобивымь младенцамь" 1).

Подполковникъ Михельсонъ снова настигъ Самозванца и, нанеся ему иъсколько сильныхъ пораженій, преградилъ путь въ Астрахань, куда спѣшилъ Пугачовъ, чтобы, переправившись черезъ Волгу, укрыться въ Узеняхъ, а потомъ бѣжать въ Персію или Киргизскія степи"; но Яицкіе казаки, утратившіе вѣру въ успѣхъ своего дѣла и, желая снискать милость и прощеніе правительства, "улучивъ способное къ тому время, поймали его, связали, не приняли отъ него ни просьбы, ни угрозъ" 2) и выдали правительству.

Но послѣ поимки Пугачова, бунтъ еще не кончился. Около Таналыцкой и Орской крѣпостей до осени 1774 года не переставали грабить Киргизы, а въ Верхне-Яицкой дистанціи даже въ 1775 году, уже послѣ казни Пугачова, волновались Башкиры.

22 Октября 1774 года поручикъ Поспъловъ былъ командированъ изъ Орской кръпости въ Таналыцкую за провіантомъ. Транспортъ его состояль изъ 80-ти подводъ, "которын съ великой нуждой набраться могли", и въ прикрытіе было назначено 40 солдатъ и 35 казаковъ при двухъ орудіяхъ.

Не довзжая версть 20 до Таналыцкой, отрядь замвтиль на степной сторонв Яика значительную толпу Киргизовь, которые долгое время, полобно хишнымы звврямы, разсматривали Русскихы, но, увидя пушки, которыхы они очень боятся, пустились на-утекы, держась ближе Яика. Впоследствій оказалось, что накануне прихода отряда вы Таналыцкую, Киргизы эти отбили у жителей весь рогатый скоть до последняго теленка, и малолюдный гарнивовы не вы состояніи быль задержать хищниковы.

Переночевавъ въ Таналыцкой двъ ночи и нагрузивъ провіантомъ телъги, отрядъ выступилъ обратно. Но, приближаясь къ Орской, онъ былъ пораженъ пожаромъ, дымъ котораго, препятствуя видъть издали кръпость, наводилъ солдатъ и казаковъ на печальныя размышленія, что Орская въ ихъ отсутствіп взята Киргизами и сожжена. Чтобы узнать истину, Поспъловъ послалъ туда нъсколько казаковъ. Чрезъ нъсколько времени посланные вернулись и разсказали, что то горятъ травы и кусты около кръпости, зажженые Киргизами, которые въ отсутствіи отряда каждый день (въ продолженіе пяти сутокъ) по нъскольку разъ осаждали кръпость, не давая жителямъ ни днемъ, ни ночью покоя, "а особливо поморили было всъ ъ жаждою, не выпуская за водою", отважившихся же на это захватывали и полонили, такъ что въ пятеро сутокъ они успъли захватить 5-ть солдатъ, 8-мь женщинъ и 35 лошадей.

Это было, кажется, послѣднее бѣдствіе Пугачовщины. 10-го Января 3) 1775 года онъ былъ казненъ "въ Москвѣ на Болотѣ". Въ началѣ

^{&#}x27;) Записки Поспълова.

³) Тамъ же.

³⁾ Между тамъ въ вовзвания Ступишина къ Башкирскому народу, отъ 4 Марта 1775 г., обозначено 5-го Января.

того же года обнародовано было общее прощеніе, и Екатерина, чтобы навсегда изгладить воспоминаніе объ этой ужасной эпохів, повелівла уничтожить древнее названіе рівки Янка. Казаки Янцкіе были переименованы въ Уральскіе, гор. Янцкій—въ Уральскіе, и р. Янкъ въ Ураль. Но очевидно, все еще не надіясь на Янцкихъ (или уже Уральскихъ) казаковъ, выдавшихъ Самозванца головой, правительство потребовало отъ раскаявшихся и получившихъ прощеніе преступниковъ вновь принесенія присяги і текстъ которой заключался въ такихъ выраженіяхъ:

"Я объщаюся и клянуся предъ Всемогущимъ Богомъ и Святымъ Евангеліємъ Его въ томь, что отрицаюся навсегда отъ измінника и государственнаго злодъя Емельки Пугачова; принявшаго на себя званіе покойнаго государя Петра III, не только дъломъ когда либо присоединяться къ его злодъйской толиъ, вооружанся противъ истинной Государыни нашей Великой Императрицы Екатерины Алексвевны и наследника ея Благовернаго Государя Цесаревича и Великаго Кинзи Павла Петровича и супруги Его Благовърной Государыни Натальи Алексвевны, но ниже помысломъ вреднымъ погръщать, признавая и почитая отъ всего сердца и души истинную Государыню Императрицу Екатерину Алексевну, обязуюсь защищать ее право и служить ся всличеству и пресвътлъйшему ся сыну и наслъднику, не піадя жизни своей до последняго дыханія, подвергая себя миценію всемогущаго Господа Бога, яко сердцевъдца всъхъ человъковъ, и страшному суду, если когда мысль моя въ върности противъ ея величества поколеблется, въ томъ подагаю душу мою, прося Всевышняго Бога да отметить сему злодъю кровь имъ пролитую предыценныхъ имъ яко дьяволомъ несчастныхъ душъ, и во свидътельство върности моей Ен Императорскому Величеству цълую Святое Евангеліе и Крестъ Господа нашего Іисуса Христа. Аминь".

Видимо, присяга эта была общая для всёхъ, такъ какъ подъ ней идутъ огромные списки лицъ изъ чиновниковъ и казаковъ.

VIII.

Посль Пугачовщины.—Башкиры, —Двйствія сосланных сообщниковъ Пугачова.—Крестьянинъ Журавлевъ. — Слуки о Петрв III въ Исетской и Убимской провинціяхъ. — Мещерякъ Антышевъ. — Старовъръ Завьяловъ. — Крестьяне Калбановъ и Кривенковъ. Солдатъ Колесниковъ. — Мъщанинъ Соколовъ. — Мъры противъ разглашеній. — Второй Самозвънецъ.

Глава эта (какъ и двъ послъдующія) основана исключительно на архивныхъ данныхъ, которыя еще мало и даже совсъмъ неизвъствы и читающей публикъ, в прежнивъ изслъдователямъ о Пугачовъ. П. Ю.

"Свершилось... казнь злодъй понесъ", и казалось бы съ его гибелью должна была погибнуть и вся его преступная дъятельность; но на самомъ дълъ много и долго еще пришлось бороться съ тъмъ зловреднымъ настрое-

⁴⁾ Присяга эта, печатная на отдёльныхъ листиахъ, имъется въ архивъ Уральскаго войсковаго хозяйственнаго правленія (по описи № 1, хронол. указат. № 151) и помъщена на страницахъ "Оренб. Листка" за 1881 г., № 26.

ніемъ которое за два года усибло пустить глубокіе корпи среди крестьянъ и особенно между инородцевъ, жаждавшихъ давнымъ давно выйти изъ подъ зависимости Россіи. Киргизы, какъ и прежде, продолжали дълать свои дерзкіе набъги на пограничныя поселенія, и избавиться оть нихъ было трудно даже въ половинт текущаго столттія. Башкиры, хотя смирились послт Пугачовскаго бунта, по все еще не переставали волноваться и замышлять раздичныя козни противъ Русскаго правительства. Среди нихъ носидись слухи, "яко бы оный злодъй Емелька живъ, а на мъсто его казненъ другой, и тоть Емедька себъ новое войско собрадь въ Киргизской степи и сюда идетъ". "По строгому о томъ изысканію открылось, что сія молва вышла отъ муллы деревни Сафаровой 1). Инородцы заволновались нуще прежняго и съ петеривніємъ ждали появленія Самозванца, снова собирансь кружками и толпами. Волненіе уже охватило Верхне-Янцкую диставцію и па столько, что Ступишину пришлось обращаться къ туземдамъ съ воззващемъ, въ которомъ, извъщая ихъ, "что воръ и Самозванецъ Емелька Пугачовъ войсками Е. И. В. разбить, скопища его разсъяны и самъ пойманъ и сего 5-го Января въ Москвъ казневъ всенародно на Болотъ", приказываль имъ, "буде кто станеть на подобіе муллы возмущать народь, донести" ему: "кто же, въдая, умолчить, тотъ строго будеть наказанъ 2).

На Уралъ также не было спокойно. Тамъ у Пугачова еще остались сообщинки, которые далеко не чистосердечно склонили свои выи и все еще мечтали "тряхчуть матушкой-Москвой". Первыми позмутителями явились сосланные въ гор. Перновъ (Рижской губерпіи) его ближайшіс товарищи; знаменитые Өедоръ Чумаковъ, Иванъ Өедулевъ, Петръ Пустобасвъ и Иванъ Твороговъ, тотъ самый, который связалъ въ Узеняхъ Пугачова 3).

Паходились они тамъ, "въ Ризскаго департамента батальонахъ солдатами", подъ строжайшимъ полицейскимъ надзоромъ, такъ что не только не могли куда нибудь свободно отлучаться изъ мъста расположения батальона, но, въ видахъ политическихъ, имъ воспрещено было даже вести персписку съ своими родными, съ своимъ войскомъ "съ своимъ милымъ Янкомъ-Горынычемъ". И томились ссыльные неизвъстностью о "своихъ братцахътоварищахъ".

На счастье ихъ, передъ Троицынымъ днемъ 1775 года въ Перновъ, для прінсканія работы, пришелъ Суздальскаго увзда, села Иванова, графа Петра Борисовича Переметева крестьянинъ Венедиктъ Журавлевъ. И надо же было случиться такъ, что онъ остановился на той именно квартиръ, гдъ жили Чумаковъ съ товарищами. Слово за слово, казаки разговорились съ

¹⁾ Верхнеуральскаго убада, гда живуть Тептяри-магометане.

³⁾ Въ возявани этомъ, отъ 4-го Марта 1775 года, Верхне-Янцкая крѣпость называется уже Верхнеуральской, что ясно доказываетъ вышеприведенное мнѣніе, что переименованіе Янка въ Уралъ, Янцка въ Уральскъ и т. д. послѣдовало въ концѣ 1774 года или въ началѣ 1775 г., но никакъ не въ концѣ послѣдняго, какъ увѣрястъ Пушкинъ.

^{*)} Въ сентенцін 10-го Январи 1775 г. (§ 9) этих казаковъ понеліно отъ всякаго наказанія освободить"; но это, какъ видно по ділу, не візрно.

новь прибывшимъ, Журавлекъ также оказался раскольникомъ, и полились у нихъ тутъ "медовыя ръчи"; начали они разсказывать сму свои затаенныя мысли и повъдали ему, что "Пугачовъ живъ, а царь-батюшка ихъ жалуетъ и жалованіе даетъ имъ денежное по триста рублевъ въ годъ каждому" 1). Дальше-больше, новые знакомые сошлись на короткую ногу. Журавлевъ нъсколько времени шатался по городу, но не могъ найти для себя выгодной плотничьей работы.

- Э, да што ты эря ходишь туть? сказали ему казаки. Ступай къ намъ на Яикъ.
- A и такъ правда, подумалъ Журавлевъ. У меня тамъ шуринъ живетъ; баитъ—житье хорошее.
- Воть ты и сходи, посмотри самъ, совътывали ссыльные, коли тебъ Яикъ-батюшка по нраву придется, деньгу знатную заработаешь. При томъ они просили его "снести ко дворамъ въсточки" отъ нихъ, за каковую службу пообъщали заплатить ему "сто пятьдесятъ рублевъ 2), ежели онъ обратно воротится и такія же имъ письма принесетъ".

Сначала «Журавлевъ долго не соглашался на это, но потомъ видимо, прельстившись такой "уймой" денегъ, а можетъ быть, и по другимъ какимъ либо причинамъ, наконецъ, согласился, хотя въ задатокъ "ничего отъ нихъ не получилъ".

7-го Сентября 1775 г. выбхаль онь изъ Пернова и на своей лошаденкъ добрался до Петербурга; здъсь продаль ее, пересъль на барку и
поплыль до села Лыскова, откуда, по причинъ замерзанія Волги, направился
далье чрезъ Сызрань и Самару пъпкомъ и 14-го Ноября достигь Уральскихъ предъловъ, не будучи нигдъ задержанъ, такъ какъ имълъ "годичный
паспортъ". Только въ чертъ Уральскаго войска, какъ на гръхъ, по дорогъ
замелъ онъ въ уметъ Красный, къ казаку Борису Плиткину, гдъ думая, что
всъ Уральскіе казаки приверженцы Пугачова, началъ распространяться какъ
о немъ, такъ и о цъли своего путешествія. Сидъвшая въ это время у Плиткина, казачка Анна Зеленцова смекнула, что "дъло сіе не ладно" и, какъ
только Журавлевъ ушелъ, собралась и поъхала въ Уральскъ, гдъ обо всемъ
слышанномъ заявила правящему полицеймейстерскую должность сотнику
Мартынову 3), который въ свою очередь донесъ войсковому атаману "арміи
полковнику" Акутину, а послъдній распорядился принять надлежащія мъры
для розыска "непристойныхъ словъ разглашателя".

¹) Дъло Тургайся. Област. архива, 1775 г. № 90 на 63 листахъ.

²⁾ На первомъ допросъ 22-го Ноября 1775 г. Журавлевъ показывалъ плату за доставку писемъ 150 рубл., на второмъ же--въ Уральской войсковой канцеляріи, 1-го Декабря, "съ пристойнымъ увъщаніемъ, онъ винился, не стерпя учиненнаго ему подъплетьми распроса", что за отвозъ ихъ "оные казаки рядили дать ему платы 35 рубл." (См. дъло № 90, лл. 26 и 28).

³⁾ Канъ видно изъ показанія самой Зеленцовой 8-го Декабря 1775 г. (см. д. № 90 л. 7), главной причиной доноса втого была сильная ненависть ея въ Пугачову; ибо, какъ она говоритъ, "ел свекра, отставнаго казака Ивана Зеленцова, Пугачъ повъсилъ".

Тъмъ временемъ Журавлевъ успълъ раздать адресованныя роднымъ ссыльныхъ казаковъ письма 1), получилъ въ свою очередь отъ нихъ и спокойно, ничего не подозръвая, отправился обратно. Такимъ образомъ мъстнымъ властямъ не удалось захватить его въ Уральскъ, и поэтому въ погоню за нимъ былъ посланъ пятидесятникъ Филатъ Черноморсковъ, который и нагналъ его на Самарской дорогъ. Журавлевъ доставленъ былъ въ Уральскъ, гдъ "съ приличнымъ увъщаніемъ" допрашиванъ, а потомъ, вмъстъ съ отобранными у него и у казаковъ письмами, препровожденъ въ Оренбургъ.

По ни въ письмахъ, заключавшихъ въ себъ только поклоны и просъбу казаковъ ходатайствовать за нихъ о возвращении на родину, ни въ показаніяхъ Журавлева не оказалось ничего такого, что можно было бы признать за распространеніе зловредных возмущеній. Очень можеть быть, что ссыльпые нарочно, во избъжаніе подозрвній, не писали ничего существеннаго, а поручили Журавлеву передать что было нужно роднымъ на словахъ. Какъ бы то ни было, по Оренбургскій губерпаторъ генераль-поручикь Рейнедориъ взглипуль на дело строго. Журавлева долго пытали, но, не добившись ничего положительнаго, заковали въ ножные кандалы и, подъ присмотромъ капрала Оренбугской "статной" команды Томилина и двухъ солдатъ, препроводили для дальнейшаго надъ "его поступками сужденія" въ Суздальскую провинціальную канцелярію, сообщивъ объ этомъ (24-го Декабря 1775 года) и Рижскому генералъ-губернатору, генералъ-аншефу Егору Егоровичу графу фонъ-Броуну, съ просъбой предписать коменданту г. Пернова²), "чтобъ за казаками, яко извъстными злодъями и измънниками, чинено было неослабное смотръніе, дабы они ни на какіе худые поступки, а паче на непристойное разглашение и переписку съ родственниками ихъ отваживаться и тамъ поваго возбужденія сделать не могли". Графъ же Броунъ, пославъ Поссіету строжайций "ордеръ" для наблюденія за сосланными Уральцами, въ свою очередь допесъ о случившемся генералъ-прокурору д. т. с. князю Александру Андреевичу Вяземскому; а послъдній, придавъ еще большее значеніе поступкамъ Журавлева, предписалъ Суздальской провинціальной канцеляріи, вмвств съ производящимся тамъ о немъ деломъ, выслать его въ Петербургъ, где песчастному опять "пристрастно" начали чинить допросы, хоти Суздальская канцелярія уже осудила его и 21-го Января 1776 г., "следуя лимянному ея императорскаго величества высочайшему Марта 17 дня 1775 года повельнію, оставляя о всемь того крестьянина Журавлева поступкь излишнее изысканіе, а за одно только пустое его, однако-жъ безвредное разглашеніе, въ пресвченіи дальнъйшихъ "оть обыкновенной простой, и состоянію его приличной глупости мыслей, и во истребление ихъ вовсе, "--- опредвлила:

⁴) Помимо писемъ этихъ, казаки съ Журавлевымъ прислали еще два письма, одно атаману Акутину, другое войсковому старшивъ Михайлову; по письма эти для передачи по принадлежности Журавлевъ отдалъ жившеку въ Уральскъ шурину своему, крестьянину Андрею Воробьеву.

^{*)} Комендантомъ Пернова въ то время былъ генералъ-мајоръ Поссіетъ. Не предокъ ли бывшаго министра путей сообщения?

"къ въчному о томъ забвенію учинить ему наказаніе плетьми", что и было исполнено 1-го Февраля того же года.

Дъло протянулось еще нъсколько мъсяцевъ и потомъ было доложено Государывъ, которая, разсматривая его, одна только нашла, что все обвиненіе Журавлева основано лишь на одномъ доносъ казачки Зеленцовой, не подтвержденномъ никакими другими показаніями, и 24 Марта 1775 г. повельна освободить его отъ наказанія, хотя оно уже было совершено надънимъ.

Такъ сравнительно благополучно кончилась для Журавлева его безобидная передача писемъ. Но искра уже была пущена. Его разговоры о Пугачовъ на постоялыхъ дворахъ и по уметамъ, коими онъ проходилъ, во мгновеніе ока разнеслись по Уралу, и слухи, что живъ Пугачовъ, стали повторяться и въ другихъ мъстахъ. Особенно это было по сердпу Башкирамъ. Носились даже въсти, что они собираются уйти въ Киргизскую степь, отчасти вслъдствіе непомърныхъ поборовъ и сильнаго притъсненія властей, но, кажется, всего больше вслъдствіе разоренія ихъ жилищъ во время бунта правительственными войсками ').

Чувствуя, должно быть, что въ губерніи творится что-то недадное, Рейнедорпъ 19-го Ноября 1775 года разослаль въ Уфинскую и Исетскую провинціи циркулярныя предписанія, коими, между прочимъ, спрашивалъ: "въ какихъ мысляхъ тамошняго въдомства Башкиры находятся и не имъють ли иногда согласія и преклонности въ сообщество ворамъ-Киргизцамъ?" 2)

Отвъты получились, хотя противоположные этому запросу, но далеко неутъщительные: 9-го Января 1776 года воевода Исетскій подполковникъ Лазаревъ доносиль, что, посланный для развъдыванія о состояніи Башкиръ Салгзаутской волости, мулла Абдулгаферъ Манауровъ сообщиль ему о разглашеніяхъ старшины Каратабынской волости Рясула-тарханъ 1) Иджимасова, который-де "сказываль ему мулль, что называющійся государемъ Пугачовъ не умеръ, а ушелъ-де въ числъ двънадцати тысячъ върныхъ въ Крымъ, а ему Расулю приказалъ въ Киризъ-Кайсацкую степь отправить посланцевъ". При этомъ, въ подтвержденіе своихъ словъ, Иджимасовъ ссылался на только что прибывшаго изъ Астрахани "служилаго" Мещеряка Хамзю Аптышева.

Конечно, по важности двла, оба "разглашателя" тотчасъ же были вытребованы въ Оренбургъ; но на допросв (8-го Февраля) "съ довольнымъ увъщаніемъ" Рясуля отказался отъ своихъ словъ, обвинивъ муллу Мансурова въ ложномъ на него доносв, будто бы по злобъ за то, что когда Мансуровъ хотвлъ быть ахуномъ 4), то онъ, Рясуля, "въ сей санъ его не удо-

^{&#}x27;) Въ Тургайск. обл. врх. есть особое дъло. "О нажъренія Башкиръ уйти въ Каргияскую степь", нач. 6 Апръля 1776 г., № 95.

^{*)} Двло Тург. об. ар. за 1776 г. № 91 на 22 листахъ.

^{*)} Тарханъ-дворниское или скорве особое служилое сословіе у Башкиръ.

^{&#}x27;) Ахунъ-нвчто нъ родв протојерея у магометанъ.

стоиваль и какъ самь тами 1) не даваль, такъ и командь своей давать не вельль". Показанія же Аптышева не имьли ничего общаго съ возбужденнымъ деломъ. Опъ разсказалъ только, какъ осенью 1773 года, когда Самозванець съ своей толной, подойдя къ Оренбургу, держаль его въ блокадь 2), то Хамзя, по наряду Исетской провинціальной канцеляріи, въ числъ другихъ, былъ командированъ въ походъ къ кръпости Зелаирской, но, не дойдя до нея насколько версть, встратился съ мятежной шайкой Башкировъ, "съ коими у нихъ было денно и ночно сраженіе". Хотя Мещеракамъ удалось пробраться въ крвность, но бунтовщики окружили ее со всвхъ сторонъ, окончательно прекративъ подвозъ жизненныхъ принасовъ, такъ что на фуражировки приходилось посылать особыя команды. Находись въ одной изъ танихъ командъ, въ числъ семи человъкъ, Аптышевъ былъ схвачевъ Башкирами и препровожденъ къ самому здодъю въ Берду, гдв и находился около мъсяца, а потомъ, "испрося отъ бывшаго при Пугачовъ атаманомъ Башкирскаго старшины Ямансара э) билетъ", отправился на нобывку въ свою деревню Муслямову. Но какъ разъ въ это время Пугачовъ потеривлъ подъ Оренбургомъ пораженіе и бъжаль съ своими сообщниками къ Троицкой кръпости. По дорогь Хамзя снова быль захвачень толпой бунтовщиковъ и участвоваль съ ними при осадъ этой кръпости.

Посль пораженія и здысь Самозванца, Аптышевь, направившись кь своему семейству, опять попаль въ толпу злоды, который торопился къ Казани. Хамзя и туть участвоваль въ разграбленіи города и въ другихъ звырствахъ Пугачова вплоть до окончательнаго его пораженія подь Царицынымь, откуда съ шестью товарищами, Татарами и Мещернками, успыльбыть по направленію въ Астрахани; но въ степи ихъ поймали Калмыки и привезли въ Астрахань, а отсюда былецовь, черезъ Саратовъ, отправили къ командующему Башкирскимъ войскомъ генераль-маіору Павлу Дмитріевичу Мансурову 4), который, прописавъ имъ приличное наказаніе плетьми, отпустиль по домамъ.

Тамъ кончились допросы этихъ "разглашателей", не показавшіе ничего подозрительнаго.

Между тымь, почти одновременно (15-го Января) въ той же Исетской провинціи явился новый разглашатель Челябинскій казакь, старовырь Герасимь Завьяловь, и разсказываль онь, что "бывшій злодый Пугачовь быль посланникомь оть государя Петра III, а самь государь живь и находител у Теплаго моря, гдё ныні у него войска двізнадцать тысячь Донскихь ка-

^{&#}x27;) Тамга значить печать. Тувемцамъ Оренбургскаго края и до сихъ поръ по безграмотству предоставлено право прилагать, вивсто подписи, тамгу.

³⁾ Мы нарочно касаемся подробностей показанія Аптышева, такъ какъ оно до пъкоторой степени вырисовываетъ отношенія инородцевъ къ бунту и Пугачову.

У Имени втого втамана - старшины, видимо игравшаго немадоважную роль при Пугачовъ, нигдъ не упоминается въ изслъдованіяхъ объ этомъ мятежъ.

⁴⁾ Мансуровъ съ тамъ витетъ числяден до 1781 г. помощникомъ Оренбургскаго губернатора, а потомъ (въ 1815 г.) былъ Казанскимъ губернаторомъ.

заковъ, да двънадцать тысячъ Калмыковъ и другихъ людей, съ которыми нынъ онъ пошелъ къ Петербургу, а вскоръ и къ Оренбургу, о чемъ-де извъстить особымъ посланнымъ" 1).

По доносу на него Сибирскому губернатору генераль-поручику Д. И. Чичерину Тобольскимъ купцомъ Дмитріемъ Постниковымъ, котораго Завьяловъ возилъ отъ Верхнеуральска до Карагайской кръпости, онъ былъ схваченъ и препровожденъ для разслъдованія дъла въ Оренбургъ. На допросахъ здъсь онъ во всемъ повинился, и поэтому 29-го Января губернской канцеляріей отъ него была отобрана подсиска, что онъ "впредъ такихъ непристойныхъ словъ, ко вредности обществу касающихся, произносить не будетъ и житъ будетъ добропорядочно, подъ опасеніемъ въ противномъ случать смертной казни". Потомъ его отправили подъ конвоемъ въ Исетскую провинціальную канцелярію, гдъ, 7-го Февраля, по предписанію Рейнсдорпа, падънимъ "учинено, вмъсто кнутъ, пещадное наказаніе плетьми".

Но, не смотря на такія строгія міры наказанія для обузданія виновныхъ, въ народъ не переставали упорно держаться всевозможные слухи о Пугачовъ. Секретныя дъла "о непристойныхъ словъ разглашателяхъ" не перемежались въ губернской канцеляріи въ 1776, 1777, 1778 и 1779 годахъ. Допросы, пытки, очныя ставки, "чиненіе нещаднаго битья" кнутомъ, плетьми, припрутенами происходили чуть не каждый місяць. Слухи были ужь слишкомъ дикими, доходившими до полнайшихъ цельпостей. Такъ, напримъръ, въ Марть 1776 года, на Преображенскомъ (мъдиплавильномъ) заводъ колл. ассес. Твердышева были схвачены двое крестьянъ этого завода Туда Калбановъ и Өедоръ Кривенковъ, люди уже немолодые (первому было 57, а второму 52 года), которые распространяли въ народъ въсти, что, "когда, по поимкв Пугачова, его привезли въ Симбирскъ къ генералъ-аншефу Панину, и последній призналь его за государя и отпустиль, то графа Панина въ Москвъ за сіе дідо "господа Нарышкинъ, Салтыковъ и Шереметевъ изрубили"... "Его высочество великій инязь Павелъ Петровичь немалое времи пропадаль, но после въ Петербургъ явился, а въ Москве действительно повъсили того злодъя Пугачова, и нынъ-де туда проъзду и проходу нъту"... "Прежде-де при государынъ первыми и въ славъ были Чернышевъ и Орловы генерады, а нынъ-де уже Панины, Нарышкинъ и двое Шереметевы"²).

По слёдствію потомъ оказалось, что крестьяне эти, во время мятежа, принимали самое деятельное участіє въ шайкъ Пугачова, а Калбановъ даже былъ "поставленъ при семъ заводъ атаманомъ".

Немного позднъе, въ Іюль того же года, нашелся еще разглашатель на Воскресенскомъ заводъ, крестьянинъ Петръ Юринъ, который уже утверждалъ, что "Пугачовъ съ Лицкими казаками и Киргизами идетъ отъ Лицкаго городка на Оренбургъ" 3). И подобные возмутители были не только между крестьянъ, Башкировъ и казаковъ, но даже въ войскахъ, среди солдатъ.

¹) Дъло Тург. об. ар. за 1776 г., № 92 на 33 листахъ.

²⁾ Дѣдо Тург. об. ар. ва 1776 г., № 94, на 33 листахъ.

²⁾ Тамъ же, дъло № 99, на 18 листахъ.

Одинъ изъ такихъ разглашателей, присланный 27-го Марта 1776 года отъ Сибирскаго губернатора Чичерина, рядовой пограничнаго Озернаго батальона 1), Аписимъ Колеспиковъ, будучи въ отпуску въ слободѣ Щелкунской, Екатеринбургскаго въдомства, распускалъ среди своихъ сельчанъ вотъ какіе слухи. "Хоти Пугачовъ казненъ, что онъ и самъ, въ бытность свою въ Москвъ, видълъ; но слышно, что, виъсто него, есть другой, называющійся Максимъ Желѣзняковъ или просто Желъзо, потому-де, что на тълѣ его есть знаки, которые доподлинно подтверждаютъ въ немъ государя, и что оный Желѣзо стоитъ у Чернаго моря съ немалымъ числомъ партіи и, дождавшись травъ, памъревается идти на Россійское государство. Противъ него уже посылался одинъ полкъ, но онъ потонулъ подо льдомъ, не добравшись до него. Потомъ послано было еще два полка, но они не могли взять его". "Первымъ долгомъ, говорилъ Колесниковъ, онъ Желѣзо, по прибытіи въ Россію, всѣ въ прежнес замъщательство разоренные крестьянскіе дома перестроитъ "на-ново" 2).

Пародъ жадно слушаль тавія річи, въ чаяній будущих благъ. Темный людь все больше и больше увірплся, что, во время Пугачовскаго мятежа, бунтовщиками предводительстноваль самъ Петрь III, а если и быль поимань и казнень Пугачовъ, то это было ни больше, ни меньше, какъ подставное лицо; государь же быль спасенъ великимъ княземъ Павломъ Петровичемъ и увезенъ въ Голштинію.

Показапія (31 Марта 1779 года) мізцанина г. Тюмени, Ивана Соколова, подтверждають слухи эти. Онъ "живъ и находится съ собраннымъ своимъ войскомъ за большимъ Дономъ, подлії Чернаго моря и съ нимъ въ обществії сосланный до сего на Білыя Воды четырехлітній перваго императора сынъ Петръ Петровичъ, да изъ воиновъ Метла Слудниковъ, п будетъ-де престоль Петру Петровичъ".... "И уже баталія съ регулярнымъ всйскомъ у пето была, и онъ-де мпожество войска побиль, да много-много Крымскихъ Татаръ отложилось въ Петру Федоровичу и, конечно, сего году Петръ Петровичъ желаемое получитъ и Петра Федоровича на царство опредълить, а Петру Петровичу пе быть на престолів, а будеть-де при Петрії Федоровичь великимъ княземъ. Такъ-де въ книгахъ старовърскихъ написано ")".

Главными двигателями новаго волиснія и возбужденія въ народѣ аптагонизма противъ супцествующаго порядка были старовѣры съ своими книгами. Цѣль ихъ разглашать эти различныя были и небылицы была та, чтобы имѣть возможность руководить темнымъ людомъ, достигнуть того главенства и той силы, какую они имѣли во время правленія царевны Софьи и добиться признанія старообрядчества отдѣльнымъ отъ православія исповѣданісмъ, о чемъ мечтають они и до сихъ поръ.

^{&#}x27;) Батальовъ этотъ стоялъ въ Зеланрской крапости.

⁴⁾ Двао Тург. обл. арх. за 1776 г., № 96, на 22 лист.

^{&#}x27;) Дъло Тург. обл. арх. за 1779 г., № 128 на 52 лист.

II. 12

Тревожное состояніе народа, еще не усивниаго отправиться оть Пугачовскаго погрома, и общее напряженное состояніе духа, консчно, не могли пройти незамвченными для людей смвтливыхъ и предпріимчивыхъ, искавшихъ гдв пибудь и чвмъ нибудь поживиться. И двиствительно, изъчисла такихъ предпринимателей въ Поволжъв явился новый самозванецъ, именовавшій себи царемъ. То быль отставной Донской казакъ Березовской станицы Максимъ Ханинъ 1).

Из счастію нашему, онъ выбрадь совсёмъ исудачное время для своей діятельности, когда по всей Россіи вдасти, не занятыя, какъ въ бывшій мятежь и во время Турецкой войны, какими либо приготовленіями для отраженія вцівшинго врага, были на сторожів и зорко слідили за движеніемъ и настросніемъ безнокойныхъ жителей. При другихъ же благопрінтныхъ тому обстоятельствахъ Богь знасть чёмъ бы кончилось появленіе этого самозванца.

IX.

На Узеняхъ. - Жупановъ. - Его подговоры. - Оружейниковъ съ товарищами. - Бътство Жупанова. - Казачка Кузнецова. - Поника Жупанова, оказавшагося Ханинымъ, въ Царицыпъ. - Допросы и пытки. - Награда Оружейникову. - Конецъ втораго самозванца.

Всемъ извъстно, что Пргизскіе деса были не только разеодникомъ раскольническихъ въроученій и містомъ безконтрольнаго разврата въ прошломь и даже цастоящемъ столівтіяхъ, по и главивійшимъ и, кажется, единственнымъ удобнымъ пристанищемъ для бродягъ, есыльныхъ, каторжинковъ, бітлыхъ вотчинныхъ крестьянъ, лезертировъ-солдатъ и грабителей - душегубовъ. Часто эти бітлецы производили пабіти на проізжихъ, на обозы и совершали "смертныя убивства". Не разъ для поимки ихъ высылались вооруженныя команды изъ Оренбурга, изъ Уральска и изъ Саратова. Но переловить всёхъ преступниковъ и уничтожить это гийздо грабителей не было возможности, такъ какъ на сміну однихъ прибывали новые бітлецы.

Скрывались туть и бъжавине отъ кары закона преступники, жили туть и находили себъ радушный пріємь политическіе пропагандисты. Всъхъ принимали Пргизскіе раскольники, лишь бы бъглые были противъ Никоніанскаго правительства. Въ тиши лъсовъ, въ глуши укромныхъ мъстъ, далеко отъ надзора начальства можно было творить всикія дъла, замышлять какіе угодно политическіе заговоры и предположенія.

Весной 1777 года, во время севрюжьей плавни ²), нартія Уральских с казаковъ: Алексъй Оружейниковъ, Михайла Кайдановъ, Иванъ Котельни-

¹⁾ О самозванцъ этомъ писалъ Д. Л. Мордовцевъ ("Самозванцы и попизовая вольница" I, 307—326), но далеко не исчерпалъ всъхъ о немъ данныхъ и въ заключеніе предполагаеть, что "онъ если не умеръ подъ кнутомъ или на висълицъ, то кончилъ жизнъ въ Сибири". Между тъмъ это не правда и, пользуясь данными Тург. обл. арх. (дъло 1780 г., № 141, на 130 лист.), сообщаемъ о Ханинъ еще свъдънія въ слъдующей главъ.

^{*)} Севрюжья плавия начинается въ Апреле и продолжается два месяца.

щевъ, Дмитрій Рукавишниковъ, Иванъ Плотниковъ, Иванъ Солдатовъ и Максимъ Подлиналинъ, отправились для рыбной ловли на ръчкъ Узени, въ 100 верстахъ отъ г. Уральска. Только что они расположились "станами", устроили себъ шалаши и принялись за работу, какъ къ нимъ нежданно-негаданно явились какіе-то неизвъстные люди, четверо мужчинъ и одна женщина. Одинъ изъ нихъ назвалъ себя отставнымъ Донскимъ казакомъ Никитой Михайловымъ Жупановымъ, а жепщину показалъ своей женой; трое же другихъ, повидимому, Малороссы, не объявили своихъ фамилій.

Проведя съ казаками первый день прівзда, Жупановь, дътина лътъ 40, "не высокъ собой, по коренасть", съ смуглымъ цвътомъ лица, длиннымъ продолговатымъ" посомъ и темными волосами на головъ и бородъ, все разспранивалъ ихъ, далеко ли до Уральскаго городва, какъ найдти дорогу туда, какъ живуть тамъ казаки, спокойны ли теперь и можно ли по его ремеслу пайти тамъ работу, такъ какъ онъ хочетъ "заняться кузнечнымъ мастерствомъ", въ удостовъреніе чего и "необходимые для того инструменты" имъ показывалъ. Казакамъ такое "его любонытетво" показалось подозрительнымъ. Поэтому, не сказавъ ему дороги на Уральскъ, они предложили ему остаться съ пими, пока не кончатъ плавию, чтобы послъ виъстъ вхать въ Уральскъ, "имън въ мысляхъ" въ теченіс этого времени узнать, что это за люди, не злодъп ли какіе-пибудь, дабы потомъ заявить пачальству. Жупановъ, ничего не подозртвая, охотно согласился на ихъ предложеніе.

На другой день Донець сталь смелье разспрашивать рыбаковь о нравственномь состояніи Уральцевь, ихъ образії мыслей и ихъ наміреніяхь къ новому возмущенію. Онь вывідываль у Оружейникова, быль ли онь въ митежной шайкії Пугачова и долго ли. Когда же тоть отвічаль ему утвердительно, Жунановь повідаль сму, что "Емельнию Ивановичь и его помощникъ" Уральскій казакъ Овчинниковь живы и находится у его дяди "въ общинь" *). Отъ такого разговора у рыбаковь мурашки побіжали по кожь. Не было никакого сомибнія, что этоть кузнець вхаль въ Уральскъ съ цёлью позмущенія. "Воть еще напасть то!" думали казаки, "какъ бы бізды съ пимъ не пажить". По они ничего ему не сказали на это, только "держали въ мысляхь", какъ бы при случаї спровадить его. Благопріятный къ тому случай не замедлиль представиться.

Пе задолго передъ тъмъ, на Сызранской дорогъ, верстахъ въ 300-хъ отъ Уральска, "не въдомо какими воровскими людьми" былъ ограбленъ крестьянскій обозъ, ъхавшій съ хлъбомъ въ Уральскъ. Для поимки грабителей, по распоряженію Уральской войсковой канцеляріи, въ Іюлъ мъснцъ, подъ начальствомъ сотника Пономарева, была послана команда изъ 40 казаковъ, и нуть ихъ какъ разъ лежалъ чрезъ Узени.

Когда отрядъ этотъ дошелъ до стоянки рыбаковъ, Оружейниковъ немедленно заявилъ Пономареву о Жупановъ и его товарищахъ и разсказалъ, ему, какія они говорять "непристойныя ръчи". Сотникъ тотчасъ же арестоваль козмутителей и при донессени, подъ конвоемъ, отправилъ ихъ въ

^{*)} Надо понимать: въ Иргизскихъ монастыряхъ.

Уральскъ. Но тамъ войсковая канцелярія не обратила должнаго вниманія на поступки Жупанова. Допросивъ только ихъ 1) и, видимо, не признавъ ихъ виновными, она, не дождавшись ни Пономарева, приславшаго преступпиковъ, ни Оружейникова²) и его товарищей, которые могли бы подтвердить ихъ виновность, безъ всякой уважительной причины, освободила ихъ изъ подъ стражи и отдала на поруки такимъ дюдямъ, которые сами не разъ были замъчены въ распространении возмущений, не донеся даже объ этомъ главному начальнику края, генералу Рейнедорпу. Преступники, конечно, воспользовались данной имъ свободой и, при номощи поручителей, въ одну изъ темныхъ ночей, 29-го Сентября, скрылись изъ Уральска, оставивъ тамъ жену Жупанова, которая впоследствій оказалась женой казака Дубовскаго войска, Средней станицы, Мареой Савельевой Кузпецовой, съ Жунаповымъ же сошлась на Дону въ Березовской станицъ съ 1776 года. По удостопъреніи ся личности, чрезъ Самарскаго жителя Ивана Турнипа, она была отправлена въ мъсто своего жительства, и тъмъ дъло о Жупановъ закопчилось. Уральская войсковая канцелярія не сочла нужнымъ производить розыски бъжавшихъ преступниковъ.

Прошло года три после этого. Случай съ Жупановымъ, многимъ пеизвъстный, скоро забылся; какъ вдругъ, въ Апръле 1780 года, Оренбургскій губернаторъ Рейнсдорпъ получаетъ изъ Саратова отъ Астраханскаго губернатора Якоби ³) секретное отношеніе, въ которомъ Якоби писалъ, что въ предълахъ ввёренной ему губерніи "къ Царицынской округъ, къ оставшихся после Волгскаго войска селеніяхъ, пойманъ отставной Донской казакъ Максимъ Анисимовъ Хапинъ, который дерапулъ принять на себя титуль великаго государя Петра Оедоровича и именоваться его именемъ, и хотя зла сего не успъть еще распространить, однако-жъ, мало по малу началъ было къ себъ пріобщать сообщниковъ, конхъ набралось не болъе десяти человъкъ⁴ ().

На спросахъ самозванецъ этотъ показалъ, что "онъ въ прошломъ 1779 году, въ Мартъ мъсяцъ, по бытности его въ Самаръ, увидълси съ бывшимъ въ прошедшее неустройство въ элодъйской толиъ Уральскимъ ка-

^{&#}x27;) На допросв трое Малороссовъ назвали себя жителями Волжскаго войска, казачьей слободы Андреевки (или Кленовки), Саратовскаго уйзда, одинъ Никифоромъ Богатенко, другой—Андреемъ Волошенко и третій—Антономъ Шепшенко.

³) Здёсь необходимо добавить, что Оружейниковъ, какъ знавшій всё укромным мёств по Иргизу, быль взять Пономаревымъ съ собой на развёдку и пробыль съ нимъчетыре мёснца. На рёчкё Еруслана казаки захватили партію бёглыхъ въ 8 человёкъ, изъ коихъ 3-е были пахотными солдатами, 2-е гусаръ, 2-е ссыльныхъ и одинъ Малороссъказакъ или Запорожецъ, какъ ихъ тогда называли.

³⁾ Судя по двлу (Тур. обл. арх. № 141), г. Саратовъ и Саратовскій увздъ входили въ то время въ составъ Астраханской губерніи, съ центромъ управленія въ гор. Саратовъ. Генералъ - поручикъ Иванъ Вареоломеевичъ Якоби впослідствіи, съ 1782 по 1784 г., управлялъ Оренбургскимъ краемъ, когда послідній подъ именемъ Уфимскаго намастичества входилъ въ составъ Самбирскаго и Уфимскаго генералъ-губернаторства.

⁴⁾ Изъ письма Якоби въ Рейнедорпу отъ 19 Апрели 1780 года.

закомъ Алексвемъ Оружейниковымъ, который подзывалъ его къ уходу къ Запорожцамъ, объявя, что въ стоящемъ на Уралѣ по квартирамъ полку (а какого подлинно, не знастъ), кромѣ полковника и маіора, всѣ офицеры и нижніе чины, да изъ Уральскихъ казаковъ человѣкъ до тридцати и болѣе, склонны на возмущеніе и къ бунту"; сперхъ того "сговорили двухъ живущихъ въ томъ Уральскъ Запорождевъ Савелія и Василія, и всѣ они "согласились идти силою въ городъ Москву и самый Петербургъ съ тайнымъ злодъйствомъ противъ высочайшей персоны".

Всявдствіе этого отъ Якоби было предписано коменданту г. Самары маіору Молоствову "найстрожайше подъ секретомъ", дабы ничего не было извъстно самимъ Уральцамъ, дознать подробите о казакъ Оружейниковъ и, розыскавъ его, представить для очной ставки съ преступникомъ въ Саратовъ. По такъ какъ Оружейниковъ быль житель Урала, то его и не нашли въ Самаръ. Поэтому Якоби адресовался къ Рейпедорпу, а послъдній, вытребовакъ въ Оренбургъ предсъдителя Уральской войсковой канцеляріи маіора Донскова, далъ ему особую инструкцію для розыска Оружейникова и упоминаемыхъ Запорожцевъ.

Какъ разъ въ это время на Уралъ производилась весения плавня, на которой находились всъ казаки. Допсковъ прямо направился туда и 2-го Ман, пастигнувъ казаковъ въ 350 верстахъ отъ Уральска у кръп. Кулагиной, "непримътнымъ образомъ", якобы для указанія пужныхъ мъсть на ръчкахъ Узепяхъ, кзялъ Оружейникова, заковаль его въ кандалы и отправилъ въ Оренбургъ.

Снова начались допросы. Оружейниковь, ничего не утаивая, разсказаль всй подробности предыдущаго случая съ Жупановымъ и потворство сму Уральской войсковой канцеляріи. Спова полетьли на Ураль говцы. Рейнедориъ притянулъ къ отвъту и войсковаго атамана полковника Акутина, и предебдательствующаго Донскова, и заседающаго въ войсковой канцелярін войсковаго старинну Назарова. Вытребовать быль изъ Уральска и только что произведенный въ естулы сотникъ Попомаревъ, захвативній Жупанова, по указавію Оружейникова, вытребовано и самое діло о Жупановъ; но въ немъ инчего возмутительнаго не нашлось, и большинство бумагь оказались написацными заднимъ числомъ. Гивву Рейнсдорна не было границъ, но какимъ-то образомъ Уральское начальство усићло оправдаться и, кромъ выговора, не понесло никакого наказанія. Оружейникова же подъ конвоемъ трехъ солдать на обывательскихъ подводахъ препроводили въ Саратовъ, гдъ онъ, вмъсть съ другимъ свидътелемъ, Донскимъ казакомъ Устьмедведицкой станицы, Ивапомъ Дапиловымъ, призналь въ Ханинъ того самаго самозванца, который три года тому назадъ рыскалъ по Узепямъ подъ фамиліей Жупанова. Такъ какъ показанія Оружейникова подтвердились еще опросами бывшихъ съ нимъ на рыболовствъ товарищей и есаула Пономарска, доказывавнихъ неосновательность возведенныхъ на него Хапинымъ обвиненій, то онъ отъ сабдетвія былъ освобожденъ и отправленъ на Уралъ, съ награждениемъ его (по настоянию

Якоби) за долговременное напрасное содержаніе подъ карауломъ, тридцатью рублями. Ханинъ же за поступокъ свой, "по учиненіи падъ нимъ мъры наказанія", въ Августъ того же 1780 года, отосланъ былъ по мъсту своего жительства (т. е. на Донъ) подъ строжайшій падзоръ...

Такъ кончилась попытка снова возмутить Уралъ.

X.

Рубцовскій бунть.—Крутыя мары наказанія.—Ссыльные въ Оренбургскую губернію. -- Приписка ихъ датей въ казачье сословіе Оренбургскаго войска.

О Рубцовскомъ бунтв на Дону, какъ мив поминтен, у насъ пътъ пикакихъ свъдвий въ исторической литературъ. А между тъмъ, по важности двла, его слъдуетъ занести на страницы исторіи и, пожалуй, даже причислить къ "отголоскамъ" Пугачовщины, такъ какъ опъ произошелъ вскоръ послъ этой эпохи, когда съмена мятежнаго движенія еще не заглохли изказакахъ на Уралъ, Волгъ и отчасти на Дону. Дъло, суди по имъющимся у насъ даннымъ, происходило такимъ образомъ.

Русское правительство, желая упрочить свое вліяніе на Кавкази и удержать хищнические набыти горцевъ, рышило въ восьмидесятыхъ годахъ прошлаго стольтія переселить пъсколько семей Донцовъ на передопую Кавказскую динію, надвливъ ихъ, конечно, всвить, что требовалось для заведенія хозяйства на новомъ мъсть и всьми запасами для отраженія непріятельскихъ набъговъ. По это распоряжение правительства не поправилось нъкоторымъ. Упоретво и явное неповиновение властимъ дошли до того, что пять станиць, а именно Есаулинская, Кобылянская, Пижнечирская, Верхнечирская и Пятіизбянская, взбунтовались окончательно и готовы были съ оружіемъ въ рукахъ отстаивать свою независимость. Главнымъ руководителемъ бунта явился есаулъ Иванъ Рубцовъ. Онъ подговаривалъ Донцовъ вооружаться поголовно и идти къ городу Черкаску, чтобы синчала перевъшать всёхъ правительственных чиновниковъ, разграбить все ихъ имущество, а потомъ, отложившись отъ Россіи, возстановить на Дону свое казачье управленіе. Что будеть, то и будеть, братцы, говориль опъ, а ужь мы постоимъ за себя. Коли пеудача будеть, махнемъ на Дунай къ Некрасовцамъ. Турки насъ съ честью примуть. Ничего, что басурманская земля!

Но предположеніямъ Рубцова не посчастливилось сбыться. Не всв казаки откликнулись на его зовъ. У многихь еще нашлось благоразуміе остаться въ сторонъ отъ заманчивой затъи. Между тъмъ, власти предприняли ръшительныя мъры и не только не допустили выступившихъ уже бунтовщиковъ до Черкаска, но вскоръ разстроили возстаніе, захвативъ гланныхъ виновниковъ возмущенія, которые и были заключены подъ стражу. Пачалнеь допросы, пытки и слъдствіе, которое въ концъ 1794 года поступпло на разсмотръніе Военной Коллегіи, а затъмъ Императрицы.

Государыня, снисходя къ ноступкамъ своихъ подданныхъ, содъявшихъ преступленіе не по разуму, вмъсто наказанія за измъну смертію, какъ тре-

бовали того изкоторые пупкты "вопискихъ артикуловъ", 20-го Люня 1795 года, "на собственноручнымъ подписаніемъ", дала такой указъ Военной Коллегін: 1) "Есаула Ивана Рубцова, яко перваго начинщика возмущенія, простиравшаго за преступныя предпріятія жь явному бунту и пам'вив, выстиь кнутомъ и выразать ноздри и, поставя на лицо знаки, сосдать итчио въ каторжимо работу. 2) Изъ главныхъ его сообщинковъ, въ числъ ста сорока шести человъкъ состоящихъ, которые во всъхъ дънняхъ и намърепіяхъ Рубцова согласны съ пиль были и сму во опыхъ способствовали, выбравь по жребію изь инти бунтовавшихъ станиць по одному старшинь, высьчь ихъ кнутомъ и сослать въ ссылку, по два человъка послать въ кръпостныя работы на десять лъть, десятаго человъка сослать лишь въ Сибирь, а остальныхъвыслать на поселеніе на Оренбургскую линію, притомъ есауловъ, сотшковъ, хорупкихъ и прочихъ урядниковъ липить старпинскихъ ихъ званій. 3) Пзъ числа двухсоть пятидесяти пяти старшинъ п казаковъ, угрозами ссаула Рубцова и его сообщинковъ въ согласно съ ними приступившихъ и равнос неповиновеніс и препирательство оказавнихъ, десятаго по жребію сослать на поселеніе на туже Оренбургскую линію. 4) Всехъ прочихъ, какъ штабъ и оберъ-офицеровъ, такъ стариихъ и казаковъ, имъна имъ въ наказаніе долговременное подъ стражею содержаніс, всемилостивъйние прощаемъ. Таковое же прощеніе отпосится и изъ виновныхъ на вебхъ твхъ, кои болбе тридияти лъть намъ служили и раны въ трехъ последнихъ войнахъ получили. Равномерно жъ и те, которые при усмирени или при изследовании наче чалнии наказаны были, отъ вторичнаго наказанія уже освобождаются. 5) Царицынскаго гаринзопа сержанта Истра Лобова и города Черкаска казака Андрея Жмурина сослать въ Сибирь на поседеніс. 6) Царишынскаго купца Алексви Татаркина, вятий сму въ наказаніе долговременное заключеніе въ оконахъ, изъ опыхъ ослободить и отпустить въ домъ его".

По указу этому Военная Коллегія, ст. председательствующимъ "въ опой господиномъ генераль-аншефомъ графомъ Пиколаемъ Ивановичемъ Салтыковымъ", предписала какъ председателю военнаго суда надъ этими преступниками генералъ-мајору князю Щербатову, такъ и Донскому войсковому гражданскому начальству: 1) "Назначить для экзекуціи время и къ этому времени всё пужныя распоряженія приготовить, князю Щербатову относительно воинской команды, а гражданскому правительству относительно частей, до вёдомства его принадлежащихъ. 2) Быть при экзекуціи членамъ, воинскій судъ составляющимъ, и двумъ, тремъ пли сколькимъ возможно членамъ изъ первыхъ въ войсковомъ *) гражданскомъ правительствъ засёдющимъ, тоже чиновникамъ и казакамъ, ежели возможность позволитъ, котя по три изъ каждой вообще Допскихъ станицъ. 3) Надъ ссауломъ Рубцовымъ экзекуцію произвесть въ станицъ Есаулинской, такъ какъ она главнымъ у мятежниковъ сборнымъ мъстомъ была. 4) По второму и третьсму

^{*)} Войска Донскаго.

пунктамъ указа жребій кинуть въ томъ мість, гдь сін преступники нынів содержатся, и кому изъ нихъ предлежать будеть наказаніе кнутомъ, тімъ оное произвесть каждому въ той изъ пяти упорствующихъ станицъ, въ коей кто свое жительство имбеть, и потомъ сослать въ Нерчинскъ въ ссылку тіхъ, коимъ по жребью достанется въ кріпостныя работы, сослать въ крівности на Сибирской линіи, а затімъ по второму пункту всіхъ остальныхъ и по третьему десятый по жеребью, выслать на поселеніе на Оренбургскую линію«.

На долю Оренбургской губерніи пришлось 143 преступника съ ихъ семьями, которые въ началі 1796 года и прибыли въ Оренбургъ, за исключеніемъ есаула Тараса Дербенцова и дочери сотника Дмитрія Махина Прасковьи, умершихъ во время слідованія и затімъ еще оставшихся за болізнію на Дону въ ст. Кобылянской—одной женщины, въ Нижисчирской—трехъ и Пятіизбянской—восьми.

Казаки эти были разосланы по крвпостямь и казачымы станицамъ по преимуществу на новой Оренбургской липіи (что нынъ 3-я и часть 2-го военнаго отделовь Оренбургского войска) и зачислены въ "подушной окладъ", но потомъ по ходатайству ихъ, по силъ Сенатскаго указа отъ 7-го Декабря 1748 года 1), они были перечислены въ Оренбургскіе казаки.

Для прочнаго обзаведенія хозяйствомъ и домами имъ дана была отъ службы льгота на два года и отведена земля для хлібонашества и свиокошевія на равномъ пользованіи съ прочими коренными жителями. По прошествій же этихъ літь они уже обязаны были нести такую же службу,
какую отправляли Оренбургскіе казаки, но только въ тіхть крівностихъ,
куб они жили и подъ строгимъ надзоромъ комендантовъ этихъ крівностей.
Діти же ихъ считались уже безусловно Оренбургскими казаками.

Впосавдствій ибкоторыя мбета, отведенныя для поселенія ссыльныхъ Донцовь, оказались неудобными, такъ что, "пельдствіе пеурожая хльба и овощей, они пришли въ крайнее разореніе, что по старости льть пропитывать себи находились не въ силахъ, а дъти пришли не въ состояніе отправлить службу Его Императорскаго Величества" и поэтому часть Донцовъ, поселенныхъ въ г. Верхнеуральскъ, въ Октябръ 1800 года, просила Оренбургскаго военнаго губернатора гепералъ-майора Бахметева 2) дать имъ болъе удобное для хлъбопашества мъсто, указывая при этомъ на станицу Разсыпную, близъ Оренбурга.

Бахметевъ внялъ ихъ слезной жалобъ и 8-го Марта 1801 года предписалъ Оренбургской войсковой канцелярін перевести въ Разсынную 44 человъка сосланныхъ Донцовъ.

П. Юдинъ.

^{&#}x27;) Указъ этотъ приведенъ въ статъв моей "Съ Дона на Уралъ" ("Орен. Губ. Въд." за 1890 г. № 43).

²) Никодаё Никодаевичь Бахметевъ правидъ Оренбургскимъ праемъ съ 1799 г. по 1803 годъ.

ТРИ ПИСЬМА ЕКАТЕРИНЫ ВЕЛИКОЙ КЪ ЕВДОКИМУ АЛЕКСЪЕВИЧУ ЩЕРБИНИНУ.

Измайловскаго полка секундъ-майоръ Е. А. Щербининъ, по окончании празднествъ коронаціи въ 1762 году, съ двумя капитанами гвардіи и однивь поручикомъ, посланъ былъ "для разбиранія Слободскихъ полковъ разоренія". Слободскіе депутаты подавали Государынъ прошеніе о прекращеніи "народныхъ изнеможеній". Въ указъ Е. А. Щербинину отъ 11 Марта 1763 года (напечаталномъ въ книгъ г. Головнискаго "Слободсковазачьи полки", Спб. 1865) сказано: "Особо же порученная вамъ коминссіи по Слободскимъ полкимъ, ежели по собраннымъ въдомостимъ и дополненіямъ заведсть насъ въ дальнъйшее слъдствіе, то собравъ обстоительства, чѣмъ и отъ кого казаки-обыватели тягость чувствують я какому установленію въ пресъчснію того быть должно, представить намъ: равно, гдъ по онымъ Слободскимъ полкамъ непорадовъ усмотрите, въ отвращенію средства и въ сысканію нашего интереса способовъ въ увъдомленію нашему уногребить не оставьте". Отчетомъ Щербинина ръшено было окончательное преобразованіе Слободскихъ полковъ.

Депутатъ отъ Искова нъ Коммиссіи о сочинскіи Новаго Уложенія, Е. А. Щербинить управляль Слободскою губернісії, ведъ переговоры съ Татарави, пожалованъ тенераль-поручикомъ 18 Іюля 1771 года за въсть о взятіи Керчи и Еникале, умеръ сенаторомъ, въ 1783 году. Сынъ его быль женать на княжив Настасью Михайловию Дашковой, а дочь, Елена Ендокимовна, была матерью партизана Д. В. Давыдова.

"Мы воспрінам Всероссійскій престоль не на собственцое удовольствіе, по на учреждение добраго порядка и утверждение правосудия ит любезномъ намъ отсчествъ", писала Екатерина и на питый же день по восществін на престоль заявила въ Сенать, что у нея личныя средства припадлежать государству и изъ "своихъ сумиъ" ведала оказать помощь погоравшимъ еще годь, тому назадь, владальцамъ пеньковыхъ амбаровъ, затвиъ 18 Іюля 1762 г. обнародовала манифесть "о скверномъ дакомствъ и лихоимствъ . Въ немъ говорилось: "Не спискапіс высокаго имени обладательницы Россійской, не пріобратевіе сокровищь, которыми паче всахъ земныхъ намъ можно обогатиться; не властолюбіе и не иная дакан корысть, но истинная любовь къ отечеству и всего народа, какъ мы видёли, желаніе, понудили пасъ принять сіс бремя правительства-Почему ны не токмо все, что имъемъ или имъть можемъ, но и самую нашу жизнь на отечество любезное опредвлили, не полагая ничего себъ въ собственное, ниже служа себъ саминъ, но вев труды и попеченія подъемлемъ для славы и обогащенія парода нашего. Въ такомъ богоугодномъ намереніи для отсчества нашего сколь трудно бы было намъ царствовать, ежели бы правосудіе на судахъ не содъйствовало нашему желанію и столь притомъ огорчительно, когда меда и корысть оными обладають въ сердцахъ таковыхъ злонравныхъ, которые, забывъ многіе предковъ нашихъ блаженной и въчно достойной памяти государей, в особливо діда нашего вселюбезнійшаго Государя и Императора Петра Веливаго, строжайшіе о лихоимстві указы, судей педостойно, в лихоимцевъ праведно имя носять, и свою влубу въ имінію, служа не Богу, но единственно чреву своему, насыщають мэдоимствомь, льсти себя надеждой, что все, что они ни ділають по лакомству, прикрыто будеть добрымь и искуснымь канцелярскимь или приказнымь порядкомь, а сердцевідца Бога не памятують, судію Всевышняго, Который всі злыя ихъ помышленія и совіты открываєть путими неизвістными, и нась самихь, яко ваконоположительницу, наконець, побудить на гнівь и отищеніе". Ссылка въ Сибирь Новгородской губ. канцеляріи регистрата Якова Рембера за взяточничество показала, что манифесть не останстся только на бумать. Безпорядки въ слободскихъ полкахъ заставили Екатерину образовать особую коммиссію для изслідованія діза на мість, куда и назначень быль Е. А. Щербиннять. Въ Новорь послідоваль слідующій указъ Сенату: "Секупдъмаїора одного Измайловскаго полка Пієрбинина и кого онь выбереть двухъ капитановъ гвардін и поручика, послать для разбиранія Слободскихъ полковъ разоренія и прочаго о тіхъ діль разоренія".

I.

Евдокимъ Алексевичъ. Ваше письмо я съ крайнимъ удивленіемъ читала, и хотя нѣсколько то до моихъ ушей и доходило прежде, однако не уповаю я увидѣть толь особливаго рода непорядокъ и лакомства: ибо никто еще, кажется миѣ, не слыхалъ до этого, чтобы поборы напрасные сбирались, а надлежащіе въ казну въ недоникѣ запущены были. Но при всемъ томъ я на прилежность, усердіе и разумъ вашъ надѣясь, думаю, что вы потщитесь, проникнувъ во всѣ ихъ хитрости, отвратить и на будущія времена такія похищенія, которыя теперь возвращать стараетесь. А я съ особливымъ благоволеніемъ, распорядкомъ вашимъ будучи довольна, уповаю, что такое распоряженіе купно съ радѣніемъ вашимъ возвратить сколько возможно въ казну похищенное. Пребываю вамъ доброжелательная Екатерина.

Маія 19 дня 1763 года. Изъ Троицкой Лавры.

(Все письмо собственноручное).

II.

Евдокимъ Алексвевичъ. Изъ письма вашего съ удовольствіемъ видъла я, коль всё ваши учрежденіи похвальны и что успёхи въ сборё положенныхъ податей и тишина въ той странё соотвётствують во всемъ нашимъ намёреніямъ. Начинщика непослушаній Изюмскаго полку слободы Андреевскія сапожника здёсь искать отъ меня приказано, и какъ скоро онъ явится, такъ скоро подъ караулъ посаженъ будеть. Что же до перехода съ мёста на мёсто жителей касается, то хотя принятыми отъ васъ предосторожностями оное въ нынёшнемъ году отвращено не было; однако я уповаю, что когда Малороссія въ порядокъ

приведется, то и персходы жителей сами по себъ пресъкутся. Впрочемь я есмь вамь доброжелательная Екатерина.

Въ 4-й день Апрван 1766 года. Въ Санктъ-Петербургъ.

(Лишь подпись собственноручная).

III.

Божіей милостію мы Екатерина Вторая, императрица и самодержица Всероссійская и пр. и пр.

Пашему генераль-поручику Щербинину.

Совершеніе негоціацій съ ханомъ Крымскимъ и правительствомъ есть новое подтвержденіе нашего всегда бывшаго удостовъренія о вашихъ способностяхъ и усердіи къ памъ и къ нашей имперіи. Мы, входя во вст обстоятельства, съ какими оная негоціація производима была, съ тъмъ большимъ удовольствіемъ отдаемъ справедливость тщанію, трудамъ и подвигамъ вашимъ при томъ оказаннымъ, чъмъ непреодолънные казались быть тъ препятствія, кои съ вами непрестанио встръчались, и толь охотите усугубляемъ и наше къ вамъ всемилостивъйшее благоволеніе, чъмъ и самое къ нашимъ видамъ Татаръ счастливое обращеніе было слъдствіемъ употребленныхъ вами мъръ и способовъ, по пристойности времени и случаевъ между тъмъ происходившихъ.

Теперь же, когда мы такимъ образомъ видъвъ понынъ довольные вашего искусства и трудолюбія опыты въ управленіи почти несообразимыми Нагайскими Татарами, имъемъ уже и толь паче несумнительныя свидетельства о достатке предусмотренія вашего и заботы ка сохраненію и удержанію и Крымскаго правительства въ распоряженіи свойственномъ съ учиненнымъ съ онымъ чрезъ васъ самихъ договоромъ: то по сему нашему преимущественному къ вамъ надъяню мы всемилостивъйше соизволяемъ, чтобы до времени и пока дъла съ Крымскимъ полуостровомъ нѣкоторое точное распоряжение получать и по выбздъ вашемъ изъ сего полуострова, гдъ бы вы ни находились, были однакожъ оныя въ вашемъ въдомствъ и управлении, равно какъ и Ногайскія въ вашемъ же производствъ состоять. Почему симъ вамъ и препоручаемъ оставляемаго при ханъ Крымскомъ резидента*) всегда руководствовать вашими наставленіями, какъ основанными на пріобрътенныхъ вами свъдъніяхъ и испытаніяхъ локальныхъ о всемъ тамошнемъ состояніи, и для того и быть съ нимъ въ перепискъ непрестанной.

Екатерина.

29-го Декабри 1772 года.

(Лишь подпись собственноручная).

^{•)} П. П. Божидаровичъ-Вессинтскій быль резидентонь при Крымскомъ ханъ въ 1772—1775 годахъ.

Письма эти печатаются съ подлинниковъ, принадлежащихъ П. И. Щукину, прекрасный Музей котораго, посвященный собиранію преммущественно Русскихъ старинныхъ предметовъ, не перестаетъ обогащаться достопримъчательностями, портретами, старопечатными книгами и цънными рукописными матеріалами. Нелишнимъ будетъ указаніе на то, что владълецъ Музея пріобрълъ недавно прекрасное собраніе ръдкихъ Русскихъ гравированныхъ портретовъ, среди которыхъ находится напр. гравиранный портретъ знаменитаго Виніуса. Въ Щукинскомъ Музев хранится также и ръдкая гравюра, изображающая нашу пасхальную заутреню 10 Апръля 1814 года, на Парижской площади Согласія. П. Б.

ПИСЬМО ЕКАТЕРИНЫ ВЕЛИКОЙ КЪ ШВЕДСКОМУ КОРОЛЮ.

Monsieur mon frère. J'ai appris avec plaisir la célébration du mariage de son altesse royale le prince (fustave, fils ainé de votre majesté, avec son altesse royale madame la princesse Sophie Madelaice de Dannemarc. Un cavalier de ma cour que j'envoye féliciter votre majesté sur cet événement lui témoignera plus particulièrement la joye qu'il m'a causé. Je me contente au départ du comte de Gyllenborg, dont la conduite ici a mérité mon approbation, de lui renouveller les assurances des sentimens de parfaite estime et d'amitié avec lesquels je suis, monsieur mon frère, de votre majesté la bonne soeur et voisine Caterine.

St.-Pétersbourg ce 31 Janvier 1767 à sa maj-té le Roy de Suède.

Списано съ евоеручнаго подлинника, находищатося въ Упсальской Университетской библіотсків и любезно сообщено въ "Русскій Архивъ" П. П. Щукинымъ. П. Б.

ИЗЪ ПЕРЕПИСКИ ГРАФА Н. П. ШЕРЕМЕТЕВА.

Читателя "Русскаго Архива" (см. вып. 3-й сего года, стр. 327) уже знакомы отчасти съ графомъ И. П. Шереметевымъ. Въ архивъ его внука, графа Сергін Дмитріевича, съ 1789 по 1808 годъ сохранились копіи съ партикулярныхъ писемъ его. Это полуофиціальная часть переписки, переписацная различными почерками. За то же время сохранились "Кпиги повельній", въ которыхъ записаны его хозяйственныя распоряженія. Паконецъ, третій отділь его бумагъ составляеть частная переписка, сохранившанся въ подлинникахъ.

Въ виду приближающагося стольтняго юбилея основаннаго имъ Страннопрінинаго Дома въ Москвъ (1809 — 1909) предполагастся собпраніе матеріаловъ для его біографическаго очерка. Въ виду сего предпринято постепенное обнародованіе той части его переписки, которая можеть представлять изкоторый интересь въ бытовомъ отпошеніи.

"Дити XVIII-го въка", графъ П. И. Шереметевъ оставался вполив Русскимъ человъкомъ, върнымъ преданіямъ своего рода. Личность его всего прче обрисовывается въ завъщательномъ письмъ его къ сыну. "Домъ родителя моего, говорить онъ въ этомъ письмъ, отличался отъ многихъ". Быть можеть, этимъ отличіемъ объясняются педоброжелательные отзывы нѣкоторыхъ современниковъ. По у графа Н. П. Переметева были и върные друзья, какъ киязь Л. Б. Куракинъ, съ которымъ вижеть овъ учился въ Лейденекомъ уникерситетъ, кинъ А. И. Щербатокъ, В. С. Шереметевъ, д-ръ Фрёзе, герцогь Серра-Капріола, Ростовскій гробовой монахъ Амфилохій и др. Самъ онъ из образъ жизни, во взглядахъ и двятельности своей тоже "отличался отъ многихъ", и крестьяне его въ особенности могли оцвнить это отличіс. Своєю самобытностью, своими человъколюбивыми стремленіями, любовью къ искусствамъ, овъ заслуживаеть полнаго сочувствія. Не задолго передь тымь, какъ началась вижесльдующая переписка его съ разпыми липами, скончался (30 Поября 1788) отець его оберъ-камергеръ графъ Петръ Борисовичь, оставившій ему великое и благоустроенное богатство.

Письмо князя Потемкина.

Милостивый государь мой графъ Николай Петровичъ.

Имъю я нужду въ Русскомъ поваръ. Ваше сіятельство много меня одолжить изволите, приславъ одного изъ вашихъ на время по-ходу; покорио васъ о томъ прошу и увъряю объ отличномъ къ вамъ почтеніи, съ коимъ имъю честь быть вашего сіятельства, милостивый государь мой, покориъйшимъ слугою князь Потемкинъ-Таврической.

Септября 4 для 1789. Главная квартира при Дубосарахъ Новыхъ.

Отвътъ графа Н. П. Шереметева.

Свътивний князь милостивый государь.

Будучи удостоенъ почтеннъйшимъ вашей свътлости письмомъ, за счастіе себъ поставляю отличить хотя малъйшій опыть внішней моей къ вашей свътлости преданности и по таковымъ чувствіямъ моимъ и желаніямъ угодить вашей свътлости съ присланнымъ курьеромъ отправиль лучшаго изо всіхъ моихъ Русскихъ поваровъ, съ коимъ и фрукты осмъливаюсь препроводить. Счастливъйшимъ былъ бы и болье еще, если я смогу въ чемъ доказать вашей свътлости, съ коимъ глубочайшимъ почтеніемъ и непоколебимъйшею преданностью по жизнь мою остаюсь, свътлъйшій князь, милостивый государь, в. с. всепокорнъйшій и всеусерднъйшій слуга графъ Николай Шереметевъ.

Септября 16 дня 1789.

Отъ В. П. Шереметева.

Милостивый государь Николай Петровичъ.

Имъвъ счастіе испытать къ себъ милости ваши и будучи въ той надеждь, почель за долгъ донести в. с. о произведеніи меня въ пранорщики; прося при томъ о продолженіи оныхъ, стараюся часъ отъ часу быть оныхъ достойнъе, какъ моею признательностью и тьмъ глубокимъ почтеніемъ, съ которымъ за отмънное почту счастіє всегда называться в. с. м. гос. покорнъйшимъ слугою Василій Шереметевъ.

Септибря 13 для 1789. С-Пб.

Отъ О. П. Козодавлева.

Милостивый государь графъ Николай Петровичъ.

Небезъизвъстно в. с., что родственникъ вашъ, а мой свойственникъ, Василій Петровичъ Шереметевъ весьма отличилъ себя въ сраженіи морскомъ 13-го Августа противу Шведскаго галернаго флота. Онъ пожалованъ за сіе дъло гвардіи офицеромъ и медалью. Домашнія обстоятельства его, думаю, вамъ также извъстны, какъ и храбрые поступки его и хорошее поведеніе, обращающіе милостивое на себя вниманіе его родственниковъ. Отецъ его, Петръ Владимировичъ, даетъ ему только по сту рублей на годъ; сею суммою не только онъ не въ состояніи себя содержать, но не въ силахъ и одъть себя, какъ офицеру прилично. Отецъ его не только ему ничего не присыластъ, но къ нему ничего и не пишетъ; словомъ, онъ оставленъ, яко сирота, не имъющій ни отца, ни роду, ни племени. По предаппости моей къ вашему роду и по связи съ Васильемъ Пстровичемъ я за нужное почель в. с. о семъ доцести; надъюсь, что вы подвигнете Петра Влади-

мировича, котораго я нимало не знаю, къ поправленію состоянія своего сына и къ отвращенію непріятностей, могущихъ произойти вашему роду отъ совершенной пищеты Василія Истровича. Впрочемъ
Василій Петровичъ такъ скроменъ и къ родителю своему такъ почтителенъ, что меня просилъ, чтобъ я никому о его печальныхъ обстоятельствахъ не сказывалъ. Надъюсь, что в. с. благосклонно принять
изволите сіе мое письмо, яко знакъ моей къ вамъ преданности и совершеннаго почтенія, съ каковыми я навсегда пребываю, милостивый
государь, в. с. всенокорнъйшимъ слугою Осипъ Козодавлевъ.

Октября 27 для 1789. С.-Пб.

Василій Петровичь Шереметевь, сынь гвардін капитана-поручика Петра Владимировича и княжны Татьлиы Сергвевны Голицыной (родной тетки князя А. П. Голицына), мужъ Надсжды Николаевны Шереметевой, урожд. Тютчевой, убить лошадыми въ с. Покровскомъ и похороненъ въ Саввиномъ Сторожевскомъ монастыръ, въ семейномъ склепъ Шереметевыхъ; на могилъ его падпись: "Съ тобою виъстъ душа моя. П. Ш." Подъ тъмъ же камнемъ и могила Надежды Николаевны.

Оть директора Дворцовой Капеллы М. О. Полторацкаго.

Сінтельный графъ, милостивый государь.

Прибъгая къ в. с. съ мосю покорнъйшею просьбой, лаская себя надеждой и быть предъ вами оправданный въ томъ, чтобы я не осмълился утруждать васъ, еслибы не всегда въ памяти своей имълъ отличныя в. с. и покойныхъ родителей къ себъ милости и не увъренъ бы былъ возбудить къ себъ в. с. расположеніе оказывать добро другимъ. Мнъ предстоить надобность въ домъ для свадьбы старшаго моего сына, на дочери покойнаго полковника Хлъбникова сговореннаго *). Не можно ли для сего дъла, дозвольте занять на двъ недъли в. с. домъ? Сія милость запечатльсть на въки въ намяти моей, всъмъ моимъ семействомъ восчувствуется отмъннымъ образомъ. Склонитесь, милостивый государь, исполнить мою просьбу и будьте удостовърены, что благодарность моя будеть безпредъльна. Впрочемъ съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенною преданностью имъю честь пребыть, в. с. м. г. м., всепокорнъйшій слуга Маркъ Полторацкій.

Спб. Августа 6-го двя 1790.

^{*)} Динтрій Марковичъ Полторацкій—отецъ изв'ястнаго библіофила Сергвя Динтрієвича. П. Б.

Къ графу А. Я. Брюсу.

Милостивый государь графъ Яковъ Александровичъ.

Вашему сіятельству довольно извъстна опека надъ имъніемъ сестры моей Варвары Петровны Разумовской, которая началась по условію покойнаго родителя моего съ гр. Алексвемъ Кириловичемъ, при коемъ посредникъ былъ главнокомандующій тогда въ Москвъ графъ Захаръ Григорьевичъ Чернышовъ. По сему условію избраны были опекуны для правленія имфнісмъ сестры мосй и для заплаты значущихъ долговъ; его сілтельство оберъ-камергеръ кн. Алекс. Мих. Голицынъ и колежскій сов'ятникъ Василій Владимировичъ Шереметевъ. Все сіе извъстно было Ен Императорскому Величеству чрезъ графа Захара Григорьевича, и когда сіе условіе было подписано покойнымъ родителемъ моимъ и графомъ Алексвемъ Кириловичемъ съ утвержденіемъ посреднического подписанія, тогда покойный графъ Захаръ Григорьевичъ, будучи главнокомандующимъ, взявъ съ сего условія копію, приложиль оную Губернскому Московскому Правленію съ такимъ предписаніемъ, чтобъ о сей опекъ и объ опекунахъ дано было знать во всъ тъ намъстничества, гдъ сестрино имъніе состоитъ. Все сіе было исполнено, и опекуны управляють темъ именіемъ и поныне. По кончине же графа Захара Григорьевича в. с., вступя главнокомандующимъ въ Москву, по просыбъ покойнаго родителя моего, то посредничество словесно принять на себя изволили, почему долгомъ себъ поставляю открывшееся ныив обстоятельство в. с. донести. Изъчисла вышеоказанныхъ опекуновъ Василій Владимировичъ Шереметевъ, письмами своими, какъ ко мив, такъ и къ е. с. князю Александру Михайловичу, отказывается отъ опекунства и требуетъ, чтобы на мъсто его опредъдень быль другой. А какь удержать его не можно, то его сіят. кн. Алекс. Мих. и представляеть на мъсто его къ себъ въ сотоварищество бригадира Ивана Ивановича Палибина, съ коимъ я говорилъ, и онъ соглашается. Но при семъ долженствуеть о сей перемънъ чрезъ посредника предложено быть Губернскому здёсь Правленію, дабы объ отръшении Шереметева, какъ и объ опредълении его, во всъ намъстничества по прежнему сообщено было, что зависить нынъ отъ главнокомандующаго здёсь въ столице его сіятельства князя Александра Александровича Прозоровскаго. И такъ всепокорнъйше в. с. прошу удостоить меня на сіе вашимъ совътомъ и наставленіемъ. Я же съ искреннимъ почтеніемъ и съ совершенною преданностью навсегда пребуду, м. г., в. с. всепокоривиній слуга гр. Николай Шереметевъ.

Ноября 25 дня 1790.

Къ А. А. Нарышкину.

М. г. мой Левъ Александровичъ.

Получа вашего высокопревосходительства письмо, изъясняющее жалобу крестьянь вашихъ на прикащика моего Булатова съ крестьянами якобы въ притвененіяхъ и обидахъ имъ чинимыхъ, по коему я предписалъ прикащику своему, чтобы таковыхъ наглостей не токмо в. в—а крестьянамъ, но ниже кому нибудь дёлать не осмёлился. А правду ли крестьяне ваши представляють къ вамъ и отчего таковая ссора между ими происходитъ, я потребовалъ объясненія и отвёта во всёхъ по письму вашему частяхъ, по полученіи коего, разсмотря, не оставлю я и надлежащее, буде справедливо, удовлетвореніе приказать сдёлать, и тогда какіе отвёты получу, увёдомить в. в. не оставлю, потому болёе, что я думать не могу, чтобы прикацикъ мой осмёлился крестьянамъ вашимъ таковое притёсненіе, какъ они вамъ отписывають, дёлать, зная и мое къ вамъ почтеніе и совершенную предавность, съ коими я навсегда пребуду и пр.

Февраля 10 дия 1791.

Отъ князя Хованскаго.

Милостивый государь мой графъ Николай Петровичъ.

Я прівзжаль вчерашній день къ в. с. съ тёмъ, чтобы узнать, состоялся ли или нётъ спектакль нашъ. Я уже слова роли своей исписаль, только музыку не имёю, то пожалуйте, изволите ув'вдомить меня, существуетъ ли оный или нётъ; я же, какъ вамъ далъ слово, то и готовъ оное выполнить; только нужно мн'в музыку им'єть и знать играемую, ибо время очень коротко. Изв'єщеніемъ в. с. одолжите вашего преданнаго и покорнаго слугу князь Василья Хованскаго.

Февраля 15 дня 1791.

Отъ графа Я. А. Брюса.

Милостивый государь мой графъ Николай Петровичъ.

Вручитель сего, господинь Офрень съ дочерью отправляется въ Москву, дабы тамъ давать въ наступившій великій пость концерты. Онъ меня просиль, чтобы его рекомендовать любителямъ и покровителямъ музыки, почему ни къ кому лучше его адресовать не могу, какъ къ в. с., зная, сколько вы оную любите, проси покорнъйше принять ихъ обоихъ, какъ людей съ отмънными талантами, въ свое покровительство, чъмъ много меня одолжить изволите, и и пребуду какъ съ истинною признательностью, такъ и совершеннымъ почтеніемъ в. с. милостиваго государя моего покорный слуга графъ Брюсъ.

27 Февраля 1791. С.-Петербургъ.

II. 13

РУССКІЙ АРХИВЪ 1896.

Къ князю Потемкину.

Съ достодолжнымъ уваженіемъ имълъ я честь получить почтеннъйшее вашей свътлости письмо, кое пріемля знакомъ особливой в. с. ко мнѣ милости, а потому сколько можно стараться буду доставить господину Кардону удовольственное провожденіе здѣсь времени, счастливъйшимъ себя почту, если впредъ повельніями вашей свътлости удостоенъ буду; я же, предавъ себя въ продолженіе вашихъ ко миѣ милостей, съ неизреченною преданностію и съ искреннимъ высоконочитаніемъ въчно пребуду, свътлъйшій князь, милостивый государь, вашей свътлости всепокорнъйшій слуга гр. Н. Шереметевъ.

Марта 20 дня 1791.

Къ В. С. Попову.

Милостивый государь мой Василій Степановичь.

Въ надеждъ оказываемыхъ в. пр-вомъ благосклонностей, предпринимаю смълость препроводить при семъ къ в. пр-ву для вручения его свътлости князю Григорію Александровичу что возможно было въ сіє время собрать Кусковской моей оранжереи свъжихъ вишенъ 47, абрикосовъ 30, грушъ 38, огурцовъ 70, которые по получени всепокорнъйше прошу принять на себя трудъ вручить его свътлости, чъмъчувствительно обяжете пребывающаго и пр.

Апръля 11 дия 1791.

Къ графу В. Г. Орлову.

Съ чувствительною благодарностью получиль пріятивищее письмо ваше, графъ Володимиръ Григорьевичъ; весьма дли меня пріятно видіть знаки дружества вашего, и участіе, пріемлемое вами въ мосй тяжкой бользни, произвело во мев пріятивйшія чувствованія. Примите, в. с., учтивости світскія; но за искрепность моихъ чувствованій покорнівше прошу о продолженіи вашей пріятной дружбы и сохраненіи въ памяти вашей искренно почитающаго васъ вашего вірпаго слугу гр. Н. Шереметева.

Ихъ сіятельствамъ свидътельствую мое почтеніе. Іюня 25 дня 1791.

«Оное письмо писано къ графу Володимиру Григорьевичу Орлову».

Къ княгинъ Касаткиной-Ростовской.

Государыня моя сестрица княгиня Варвара Алексвевна.

За присланную при письмъ вашемъ ко мнъ рыбу, которая сочтена вами хотя и за бездълицу, но я, почитая за искрепцій знакъ

вашей ко мив приверженности, пріємлю оную со особливымъ моимъ удовольствіємъ и свидътельствую и князю Ивану Феодоровичу і) искреннюю мою благодарность. Впрочемъ пребываю съ искреннимъ почтеніємъ, в. с. государыня моя сестрица 2), пок. слуга гр. Н. Ш.

26 Irons 1791.

P. S. Я быль очень болень, и теперь другая недёля, что всталь съ постели и хотя очень тихо, но началь оправляться.

Къ В. С. Попову.

Въ бытность его свътлости князя Григорія Александровича въ Москвъ, имълъ я честь объяснить ему о моемъ дѣлѣ съ гр. Миханломъ Сергъевичемъ Шереметевымъ 3) и вручить оному записку, каковую равномърно в. пр-ву при письмъ истекшаго Марта отъ 3-го дня приложилъ съ испрошеніемъ при случаѣ напомнить по опой его свътлости, дабы я чрезъ милостивое его предстательство получилъ опому окончаніе высочайшимъ Ел Императорскаго Величества разсмотръніемъ и рѣшеніемъ, безъ возвращенія онаго въ Правительствующій Сенатъ въ общее собраніе; но, по неимѣнію о томъ свъдѣнія, осмѣливаюсь еще утруждать васъ всепокорнѣйшей моею просьбою о напамятованіи объ опомъ его свътлости. Буде же неудобпость времени не дозволитъ миѣ оной милости доставить, то почту за отличное одолженіе оть его свътлости по объщанію своему благоволить припять трудъ молвить Аркадію Ивановичу 4). Простите, м. г. мой, если я васъ просьбою моею обременяю.

Іюля 3 дня 1791.

Къ князю А. Н. Щербатову.

Милостивый государь мой князь Андрей Николаевичь.

От чувствительною признательностью имъль и удовольствіе получить письмо в. с., въ которомъ вы столь дружественно изъясняете мнъ о моей бользни, хотя не опасной, но весьма для меня чувствительной, и кажется в. с. будто какъ предвидъли, упоминая о рецидивъ: то самое точно и случилось, и я теперь день лежу въ постелъ, къ тому же и почечуйная кровь не покидаетъ меня своимъ теченіемъ, и слъдова-

¹⁾ Лицо намъ неизвъстное.

²) Мать княгини В. А. Касаткиной-Ростовской, кимгиня Екатерина Борисовна Урусова, супруга полковника князя Алексъя Васильевича, была родная тетка графа Н. П. Шереметева.

³⁾ Это троюродный брать графа Николан Истровича, тоже внукь фельдмаршала графа Вориса Петровича.

¹⁾ Терскому, генераль-рекетмейстеру.

тельно ослабъваетъ мой корпусъ, и принужденнымъ нахожусь лежать въ постелъ съ упованіемъ на Бога. Увъренъ, в. с., что не предвидится никакой опасности въ оной бользни, и я всегда въ памяти, даже и въ такихъ пароксизмахъ, когда жаръ продолжался часовъ по сороку; ко слабости такой и желудокъ, отягченный сею бользнію, не даетъ много надежды, какъ не скорое и долговременное оправленіе. Сіе покорнъйше прошу поразгласить побольше у васъ, дабы, ежели возможно, дошло оное до двора, какъ то чрезъ Василія Степановича увъдомить свътлъйшаго князя или сдълать все то, что вы заблагоразсудите и можете. Теперь прошу о продолженіи столь пріятной дли меня вашей искренности и пр.

Іюля 24 двя 1791.

Письмо сіе Василію Степановичу препровождаю на разсмотрѣніе в. с.; ежели разсудите, вслѣдствіе моей болѣзни, что оное можно подать или оставить у себя, то все сіе предоставляю на разсужденіе ваше.

Кънемуже.

Милостію Божією вижу, что мое дело воспріяло начало. Чемъ оно кончится, ожидаю того отъ власти Божіей; потомъ и по объщанію вашему и старанію получу скорое объ ономъ в. с. увъдомленіс. Что касается до графа Безбородки, считаю совсёмъ ненужнымъ объ ономъ писать и просить, а употребить оное развъ въ самой крайности. За увъдомление ваше о побъдахъ приношу мою чувствительную благодарность; прошу и впредъ меня онаго удовольствія не лишать, хотя и не своей рукой, то кому приказать запиской меня увъдомить: мы обо всемъ здёсь весьма худо знаемъ. Извините, что я не самъ вамъ своею рукою пишу, но причина онаго, что лежу въ постель и отъ бользни своей еще не освободился: въ третій разъ получиль рецидивъ, не бывши тому причиною; мучусь довольно, отбиваясь отъ лихорадки. Ваше сіятельство писать изволите, что подана обо мив записка на полученіе ордена Св. Владимира; но какъ видно, что оное такъ и останется, хотя бы весьма для меня пріятно было что нибудь иміть Россійское. Я доволенъ быль и выпиской, которую я причисляю къ своей кавалеріи. Вотъ вамъ искренное и дружеское мое признаніе. Какъ по пословицъ Русской говорится: съ вами я за душой ничего не оставилъ и не оставлю. Ея сіптельству княгинъ *) приношу мое почтсніе, прошу милыхъ вашихъ дътокъ отъ меня поцъловать и думаю, что сія компанія будеть в. с. не противная.

Іюля 24 для 1791.

^{*)} Княгиня Антонина Вонновна, ур. Яворскан, мать графини Анны Андреевны Блудовой и Марки Андреевны Поликарповой.

Къ князю Д. Ю. Трубецкому.

Милостивый государь мой князь Дмитрій Юрьевичь.

Съ особливымъ удовольствіемъ получилъ я почтеннъйшее и родственное письмо ваше, изъявленіе ко мнъ незабвенія вашего сіятельства, за что, а равно и за всъ желанія, въ коихъ я не сомитваюсь, чтобъ не происходили они отъ искренней ко мнъ любви вашей, приношу мою покорнъйшую благодарность. Я же съ искреннимъ почтеніемъ всегда пребуду, милостивый государь мой в. с. покорнъйшій слуга гр. Н. Шереметевъ.

P. S. За искреннее желаніе видёть меня «съ графиней» чувствительно благодарю; пов'єрьте, что мит сіе въ тягость никогда быть не можеть. Завтра у меня ничего не будеть, и если вамъ пріятно пожаловать ко мит посліт об'єда, я буду радъ.

Іюля 31 двя 1791.

Къ Московскому гражданскому губернатору П. В. Лопухину.

Милостивый государь мой Петръ Васильевичъ.

Вручитель сего письма, извъстный в. пр. господинъ *Capmiù* *), имъстъ намъреніе ъхать за границу къ его свътлости князь Григорію Александровичу Потемкину-Таврическому; а для того и нужно ему имъть о свободномъ туда пропускъ паспортъ, о дачъ коего покориълше прошу в. пр. сдълать ему сіе нужное вспоможеніе, которое приму я съ истинною благодарностію, пребывая впрочемъ съ искреннимъ момиъ почтеніемъ, милостивый государь мой, вашего превосходительства покорный слуга г. Н. III.

Септября 20 для 1791.

Отъ А. И. Кучецкаго.

Ваше сіятельство, милостивый государь графъ Николай Петровичь. По приказанію вашего сіятельства, по прівздв моемъ, на другой день въ Четвергъ поутру у Мароы Васильевны имвлъ честь быть. Приняла отмвнно ласково, и я долго сидвлъ; просила, чтобы я вздилъ къ ней объдать. Я просиль о продолженіи къ себъ милости и хочу вхать на сихъ дняхъ объдать. Она поутру очень была перетревожена,

^{*)} Джузеппе Сарти, извъстный композиторъ духовной музыки и многихъ оперъ, род. въ 1729, ум. въ 1802 г. Екатерина вызвала его въ Петербургъ въ 1784 году. За изображение особаго прибора для изиврения сотрясений звучащихъ тълъ сдъланъ онъ былъ въ 1794 г. членомъ нашей Академии Наукъ. Князъ Потемкинъ поручалъ ему основать консерваторию въ Екатеринославъ.

а теперь еще не можеть отдохнуть. Тоть же день вечеру уживаль у князь Александра Александровича ') и говориль о графъ Безбородкъ; приказаль вашему сіятельству сказать, что онъ будеть съ нимъ говорить не однажды и никакъ не забудеть, увъренъ въ его къ вамъ ласкъ, надъется успъхъ имъть. Говорилъ я также о Новосильцовъ; онъ мив сказаль, что правда, онъ человъкъ проворный, имветъ связь со многими, только не думаеть, чтобъ онъ взошель. О Дмитрів Любимовичь также говориль, что в. с. желаете доставить ему мъсто въ городничіе, въ разсужденіи, что онъ человікь добрый и небогатый, а въ Декабръ выйдеть изъ исправниковъ. Князь сказалъ, что въ городничіе мъста нътъ и приказалъ спросить: не согласится ли остаться опять въ псправникахъ туть же, то можно его оставить. Съ тъмъ и разстался; приказаль в. с. благодарить за угощеніе. А на будущій годъ хочеть удивить своими собаками, не болве съ семью псарями. На другой день въ Пятиицу онъ убхаль въ Петербургъ. Въ Пятиицу я былъ у князя Александра Михайловича 2) и не могъ его видеть: очень занемогъ, и кровь пущали. Слава Богу, теперь получше; я провъдывалъ. Въ Субботу былъ у меня управитель в. сіятельства о рекрутахъ, что князь Вяземскій упрямится. Я къ нему вздиль и просиль оть имени вашего. Вы изволили отгадать, что ему хотвлось, чтобы вы чрезъ письмо его просили; въ доказательство сказаль миф, сумиввался, можеть вы и не знаете, а управитель вашимъ именемъ приходиль къ нему и еще, что рекругь уже въ команду отослалъ князю Прозоровскому, то для чего князь и прислаль формально рекрута для перемёны вамъ. Я его увърилъ, что в. с. угодно рекрута перемънить, и ежели бы ки. Алекс. Александр. не увхаль, то я и его согласіе выполниль вамъ; наконецъ въ угодность в. с. согласился и приказалъ прислать въ Понедъльникъ къ себъ управителя, которому прикажетъ приготовить другаго на мъсто того. Въ Субботу послъ объда посъщаль я князь Ивана Алексфевича; цашель его въ постель: руки и ноги завязаны и на плечь пластырь; говорить, что получие. По обыкновенію очень жарко у него, и тотъ день никого у него не нашелъ, но наканунъ того дня были его родные. Теперь о себъ донесу вашему сіятельству: по милости сдъланной вами мнъ, я никогда въ мою жизнь не чувствоваль такого спокойствія. Сокрушаеть меня одно, что я пе съ вами вмъстъ; я инкогда такой скуки не терпълъ, какъ теперь, безъ васъ, и не знаю, когда буду имъть удовольствіе. Здъсь перемънилось сегодня: цълую ночь шелъ дождикъ и днемъ. Я думаю, и у васъ та-

¹⁾ Прозоровскаго, тогданняго Московскаго главнокомандующаго.

¹⁾ Голицына, оберъ-камергера.

кое же. Берегитесь, батюшка, в. с., не простудите себя при перемънной погодъ. Я по отъъздъ моемъ не знаю, какъ вы находитесь и гдъ; сдълайте милость, в. с., прикажите меня увъдомить. Увърены, конечно, сколько мит дорого ваше здоровье. Вашего сіятельства милостиваго государя всепокорнъйшій слуга Александръ Кучецкій. 5 Октября 1791.

Александръ Ивановичъ Кучецкій женать быль на побочной сестрѣ графа Н. П. Шереметева, Настасьѣ Петровић Реметевой.

Къ Н. В. Шереметеву.

Государь мой Николай Владимировичъ.

При семъ увъдомилю васъ, что я, благодаря Бога, нахожусь здоровъ и давно бы могъ быть въ Москвъ, но удержанъ по случаю приключившейся Маргаритушкъ) бользии; а къ тому же и самъ нъсколько времени былъ боленъ; то и живу здъсь въ скукъ; почему котя и желательно бы миъ было поскоръе отправиться въ Москву, но оставить больную никакъ нельзя и жалко; а для того и положилъ еще на нъсколько времени здъсь остаться. Гр. Н. III.

Увъдомьте меня, здоровы ли и есть ли вамъ способы со мною видъться, то былъ бы доволенъ.

Октября 28 для 1791.

Къ А. И. Кучецкому.

Государь мой Александръ Ивановичъ.

Письмо ваше я получиль, за которое свидътельствую вамъ мою благодарность и при томъ прошу васъ, если вы имъете какое свъдъніе о кончинъ его свътлости князя Григорія Александровича, то не продолжать ²) вашимъ увъдомленіемъ, во ожиданіи чего остаюсь покорный слуга вашъ г. Н. III.

Октября 22 дня 1791.

Къ П. В. Лопухину.

Увъдомясь я отъ крестьянъ моихъ, торгующихъ издавна въ Москвет въ Таганкъ хлъбными припасами, что по представленію отъ Московскаго магистрата, чрезъ частныхъ приставовъ, вельно имъ товаръ ихъ изъ лавокъ весь выбрать и впредъ не торговать; въ противномъ же случать тъ лавки со встми ихъ товарами запечатать и конфисковать, чрезъ что и должны тъ крестьяне мои, лишась своего промысла, понести себъ немалое отягощеніе. А сіе самое и убъждаетъ меня утруждать ваше пр—во моею просьбою сдълать имъ въ семъ случать нужное вспоможеніе, которое приму я съ истинною благодарностью, пребывая впрочемъ съ искреннимъ моимъ почтеніемъ.

31 Октября 1791.

^{&#}x27;) Маргарита Петровна Реметева, впоследствии замужемъ за Путятинымъ.

^{*)} По нынъшнему не замедлить.

Отъ князя А. А. Прозоровскаго.

Милостивый государь графъ Николай Петровичъ.

Исполненіе порученій вашего сіятельства есть удовольственное для меня упражненіе, съ каковымъ принялъ я на себя ходатайство о дёлё вашемъ съ родственникомъ вашимъ, и конечно бы исполнилъ препорученное, но за прівздомъ въ Петербургъ скоро последовало ув'єдомленіе о кончинѣ князя Григорія Александровича. Сіе предлежавшее въ Яссы отправленіе графа Александра Андреевича *) занимало его такъ, что по краткости времени до отъёзду его не болѣе двухъ разъ могъ я видёть его, и въ такихъ заботливостяхъ, что не могъ требовать отъ него не только пособія, ниже изв'єстія о дёлѣ вашемъ. И о состояніи опаго не оставлю осв'єдомиться и кого должно просить; однакоже, судя по обстоятельствамъ здёшнимъ, долженъ сказать, что конечно надобно будеть взять н'ёкоторое терпѣніе времени онаго.

Соотвътствуя симъ почтенному писанію вашему отъ 22-го Октабря, подтверждаю мое истинное почтеніе и преданность, съ коими имъю честь быть всегда, милостивый государь мой, вашего сіятельства покорный слуга кпязь Александръ Прозоровскій.

Октабря 31 для (1791). Петербургъ.

Отъ графини Н. В. Салтыковой.

Милостивый государь графъ Николай Петровичъ.

Я имъла честь получить письмо вашего сіятельства и исполнила ваши приказанія, будучи весьма рада имъть случай изъявить вашь, что я за совершенное удовольствіе себъ поставляю исполнить ваши желанія. Какъ вамъ самимъ извъстно, что я васъ всегда любила, какъ и теперь люблю. Желаю, чтобы вы чаще повторяли свои приказанія, дабы чрезъ оныя я видъла, что вы обо мит помните. Имъю честь быть съ совершенною преданностію, милостивый государь, вашего сіятельства покорная ко услугамъ графиня Наталья Салтыкова.

Ноября 28 для 1791.

Къ оберъ-гофмаршалу князю Барятинскону.

Милостивый государь мой князь Оедоръ Сергъевичъ.

Честь имъю принесть вашему сіятельству искреннъйшее мое поздравленіе съ паступающимъ праздникомъ Рождества Христова и Новымъ годомъ. Желаю сердечно вамъ всякаго благополучія и при семъ случать препровождаю къ в. с. для поднесенія Ея Императорскому Ве-

^{*)} Безбородки.

личеству Кусковской моей оранжереи грушъ планковыхъ 150, спаржи 10 фунтовъ, которыя по получении покорнъйше прошу принять на себя сей трудъ поднесть Ея Императорскому Величеству, и когда благоволеніемъ Ея Величества въ принятіи будутъ удостоены, не оставить меня вашимъ извъщеніемъ, во ожиданіи чего остаюсь съ истиннымъ почтеніемъ и преданностью моею, милостивый государь мой, вашего сіятельства покорный слуга гр. Николай Шереметевъ.

Декабря 19 дин 1791.

Отъ княгини В. А. Касаткиной-Ростовской.

Батюшка Николай Петровичъ.

Имъю честь вамъ сообщить, что мив Богъ даровалъ сына, и такъ какъ вы мив отецъ, то осмъливаюсь васъ просить, чтобъ вы были отцемъ моему сыну, и ввести его въ крещеную въру; а меня Богъ разръшилъ 28-го Сентября. Если бы вы эту милость желали, батюшка, вы бы насъ чувствительно обязали. Мужъ мой самъ хотълъ къ вамъ ъхать, чтобы васъ. Князъ Петръ Васильевичъ намъ сказалъ, что васъ нельзя получить дома, что вы въ отъвзжемъ полъ, а какъ я очень слаба, то мужу никакъ отъвхать нельзя.

Итакъ, батюшка, препоручая себя вамъ въ милость, пребуду съ почтеніемъ княгиня Варвара Касаткина-Ростовская.

1791.

Отъ графа А. А. Безбородки.

Милостивый государь мой графъ Николай Петровичъ.

Въ отвъть на письмо в. с. имъю честь сказать, что извъстное ваше дъло должно почитать оконченнымъ, потому что Ел Императорское Величество, по выслушанім онаго, отозваться изволила, что ръшеніе Сената находить справедливымъ и съ законами согласнымъ, но указа въ апробацію онаго не разсудила подписать, съ одной стороны для того, что подобные указы тогда только даются, когда отмъняются въ чемъ либо ръшенія Сенатскія, а съ другой, по обыкновенному своему милосердію, дабы не отяготить жребія родственниковъ вашихъ, которые за неосновательную на Сенатъ жалобу подверглись законному взысканію.

Есмь впрочемъ съ совершеннымъ почтеніемъ в. с. покорнъйшій слуга графъ Александръ Безбородко.

Въ Царскомъ Селъ Іюня 22-го 1792.

Отъ актера И. А. Дмитревскаго.

Сіятельнъйшій графъ милостивый государь.

Присланный отъ в. с. для обученія акціи и пѣнія человѣкъ вашъ Василій Жуковъ началь опять у меня принимать уроки. Во угожденіе в. с. я помѣстиль его жить у себя, дабы онъ все свое время подъмониъ смотрѣніемъ могъ тѣмъ удобнѣе употреблять въ свою пользу. Признаться надобно, что онъ великаго понятія о себѣ требуетъ, а особливо въ Россійскомъ языкѣ, въ которомъ опъ очень скуденъ и безъ котораго актеромъ хорошему быть весьма трудно; но прилежность и охота доведутъ его, можетъ быть, въ скоромъ времени до желаемаго памъренія.

Жуковъ сказываль мив, что благоволеніе в. с. есть такое, чтобъ онъ учился: 1) акціп, 2) півнію, 3) Итальянскому языку, 4) нівсколько на клавирів, дабы могь себів немного и самое нужное аккомпанировать. Все сіе приведу я въ дівтельность, соображаясь во всемъ высокому и основательному вашему благоизволенію. Но ко всему сему позвольте, сіятельнійшій графъ, прибавить мив Россійскій языкъ, чтобъ Жуковъ лучше могь его читать, писать и разуміть; а для того прежде всего я заставлю его съ корня учиться по-русски, по граматическимъ правиламъ. Я заняль его теперь тремя рольми: И. Пигмаліономъ, Ографсемъ (?) и Солиманомъ изъ Трехъ Султанніъ; а какими півческими ролями занять его мив надобно будеть, ожидаю на то вашего повелівнія.

Сей ли точно планъ в. с. имъете съ Жуковымъ? И какія роли долженъ онъ учить въ трагедіякъ, комедіякъ, операкъ и въ прочемъ? Прошу нижайте повельть мнъ прислать репертуаръ и объяснить мнъ во всемъ вашу волю, которую свято исполнить считаю первымъ себъ долгомъ; и, не смотря на всю адскую ложь и клевету отъ злобныхъ и недостойныхъ людей мнъ панесенцую, почту особливымъ счастіемъ удостовърить в. с., что я почитатель отмънныхъ вашихъ достоинствъ и что я по смерть мою съ глубочайшимъ высокопочитаніемъ есмь, сіятельнъйшій графъ, милостивый государь, в. с. всепокорнъйшій слуга Иванъ Дмитревскій.

Августа 30-го дня 1792. С.-Петербургъ.

Отъ актера С. А. Сандунова.

Сіятельнъйшій графъ милостивый государь.

Принявъ препровожденныхъ ко мив отъ вашего сіятельства Өедора Кирющенкова, Илью Птичникова и Авдотью Бъляеву, честь имъю, въ знакъ моей признательности за оказанное чрезъ оныхъ ко миф довъріе, принести мою чувствительнъйшую в. с. благодарность, при чемъ предпринимаю увърить в. с., что я всевозможныя приложу старанія оправдать совершенно в. с. учиненную мив довъренность и удостоиться вашего благовольнія, и сколь усердны должны быть мои старанія о совершенстві ихъ талантовъ, столь же соразмітрно на то употреблю все мое вниманіе, чтобы предохранить всевозможно ихъ правы и доброе поведеніе, безъ чего и самыя величайшія достоинства бывають лишь вредны и презрительны и въ чемъ я долженствую отвъчать предъ самимъ Богомъ: ибо ввъренные для наученія молодые люди также должны быть охраняемы оть зла и разврата, какъ и молодое, плодовитое древо отъ свиръпости бунтующей стихіи. Я для того столько о семъ распространяюсь, чтобы изъяснить совершенно великость вашей ко мив и женв моей довъренности, въ препоручении дъвицы, которую она полюбила совершенно. Что же принадлежить до прінсканія имъ необходимо нужныхъ учителей, также пьесъ и музыкъ, то будьте благонадежны, сіятельнійшій графь, что ни въ чемь ни малаго недостатка они имъть не будутъ, равно какъ и въ содержаніи ихъ. Оедора Кирющенкова и Авдотью Бъллеву не угодно ли приказать обучать играть и на фортеніанъ, что, вы изволите знать, для пъвцовъ необходимо, а Птичникова сперва только учить пъть и акцін, а за инструменть приняться после, чтобъ онъ быль теперь свободень, а канцін и пенія, изъ которыхъ перваго буду прододжать и совершенно кончу все амплуа буффа, вторую обучать все амплуа жены моей, а третьяго все амилуа любовничье. Во первыхъ притомъ смею доложить в. с., что я вебми силами стараться стану сдблать изъ нихъ такихъ сужетовъ, которые бы в. с. принести могли всевозможное удовольствіе, а мив бы доставили право, не стыдясь, признавать ихъ всегда моими учепиками; а какъ за успъшнымъ и основательнымъ оныхъ обучениемъ несумнънно послъдуетъ оть вашего совершеннаго познанія имъ всьмъ и благоволеніе, то я тімъ почту себя совершенно счастливымъ.

Между тъмъ позвольте назваться и пребыть навсегда вашего графскаго сіятельства, милостиваго государя, покорнъйшій слуга Сила Сандуновъ.

Августа 30-го дня 1712.

Отъ него же.

Сіятельнъйшій графъ милостивый государь.

Честь имъю препровождать къ в. с. при семъ желаемую вами оригинальную комедію «Торжествующую Добродътель» и малую пьесу «Не знаешь—не ревнуй», равно и партитуру «Двухъ Филозофовъ»,

которыя по учиненнымъ отъ господина Дмитревскаго препятствіямъ доставать быль должень съ превеликими затрудненіями и безпокойствіями, что все засвидътельствовать вамъ можеть Өедоръ Кирющенковъ, то какъ ни велики были затрудненія, но всё оныя мною преодольны, и я чувствую себя совершенно награжденнымъ за мои безпокойствія тъмъ, что могь чрезъ нихъ оказать мою приверженность къ услугамъ в. с. о ввъренныхъ мив ученикв и ученицъ, что и ихъ нахожу довольно способными. И будьте при томъ, сіятельнъйшій графъ, увърены, что я всъ старанія употреблю доставить ихъ таковыми жъ, каковыми и прежде у меня учившеся доставлены къ в. с., чтобы и они по примъру Чухнова и Кирющенкова снискали благоволеніе отъ просв'ященнаго вашего вкуса и заслужили вниманіе зрителей, и притомъ, что тоже и подагаю величайшею важностью, доставить ихъ, и особливо дъвицу, столько же неповрежденными въ правахъ и сердцъ, сколь и наставленными въ ихъ должностяхъ. При семъ в. с. препровождаю, что необходимость требуеть заказать сдъдать для Кирющенкова изсколько карактернаго платья, париковъ и прочихъ мелочей, а именно къ «Сивильскому Цырульнику» платье ему и Чухнову, и ему же парикъ, къ «Двумъ Филозофамъ» платье ему и парикъ, равно и для роди Клемента платье и для предъидущихъ родей нужныхъ карактеровъ Кирющенкову изготовить. Недавно къ театру нашему въ службу принять славной декораторъ Гонзаго, который своимъ чрезвычайнымъ искусствомъ удивилъ весь городъ и первый разъ написанныя имъ декораціи принудили публику забыть о играемомъ на тоть разъ спектакив, заставя всвхъ восхищаться его кистью и разумомъ; ибо сколь онъ силенъ въ оптикъ и колерахъ, столько же великъ и въ композиціи. А какъ и однажды навсегда посвятиль себи на услуги в. с., въ чемъ, я увъренъ, не буду имъть причины раскаиваться, то предлагаю в. с. упредить его какъ наискорте отдачею ему знающаго уже ученика, и онъ безъ сомнънія доставить его в. с. великимъ декораторомъ, и мое удовольствіе будеть совершенно, ежели л могу споспъшествовать хотя мало возвышению вашего театра. Въ ожиданіи вашего на все вышеписанное благонзволенія, честь имъю назваться и пребыть, в. с. милостиваго государя, преданивишимъ слугою Сила Сандуновъ.

Октября 12 дня 1792. С.-Петербургъ.

Къ И. А. Дмитревскому.

Государь мой Иванъ Аванасьевичъ.

По полученіи мною письма вашего, за удовольствіе себѣ вмѣняю свидѣтельствовать вамъ мою благодарность.

Что принадлежить до обученія его (Жукова) на клавирь, то я сего за нужное не нахожу, а развъ на скрыпкь, да и то не слишкомъ много, дабы не отвлечь его тъмъ оть пънія и другихъ нужныхъ ко обученію его въ пьесахъ акцій. Въ обученіи же и Итальнскому языку прошу употребить ваше стараніе; роли же, полагаю, учить ему тъ, о которыхъ написано у Оедора Кирющенкова, въ чемъ и полагаюсь на ваше расположеніе. Въ чувствахъ же моихъ вы никогда сумнъваться не можете, и остаюсь искреннъйшій вашъ гр. Н. III.

Октября 13-го дня 1792.

Къ С. Н. Сандунову.

Государь мой Сила Николаевичь.

Получа ваше письмо касательное до увъренія о предпринятіи всяких расположеній въ употребленіи старанія къ обученію пьесъ и музыкі людей моихъ, изъ коего видя пріятное для меня ваше ко мий расположеніе, свидітельствую мою благодарность, прося при томъ, дабы по расположенію вашему во обученіи ихъ употребить всевозможное ваше стараніе, надіясь неизмінно, что вы въ успішномъ оныхъ обученіи доставите мий надлежащее удовольствіе. Что же слідуеть до обученія Авдотьи на фортепіані, то оное употребить нахожу котя и за нужное, но не весьма много, а котя нізсколько, дабы дать ей распознать музыку; Федора же и Илью, кажется, пс надобно, дабы не занять ихъ тімъ къ употребленію себя къ півнію, а развів півсколько на скрипкі, въ чемъ и полагаюсь на ваше расположеніе; въ чувствованіяхъ же моихъ вы никогда сумнівваться пе можете, и остаюсь искренній вашь гр. Н. Шереметевъ.

Октября 13-го дия 1792.

Кь нему же.

Государь мой Сила Николаевичь.

Письмо ваше и при ономъ сдёланныя вами распоряженія, касаюпілся до наставленія и обученія ввёренныхъ отъ меня вамъ молодыхъ людей, я получиль, которое разсмотря, могъ замётить, что оное сдёлано порядочно, и я онымъ доволенъ, за что и благодарю. Для отдачи же въ ученіе рекомендованному вами новому декоратору Гонзаго, котораго репутація давно мнё извёстна, и я скажу, что лучше его нётъ

въ Европъ. Наши мысли съ вами довольно сошлись, сходны, и я немедленно посылаю ученика, который уже довольно знаеть и, имъя мастеромъ себъ сголь искуснаго учителя, не сумнъваюсь, что много профитировать можетъ. О представленіи его къ оному мастеру и дабы онъ во время своей у него бытности не могъ потерять напрасно время, то оное представляю на ваше попечение и надъюсь несумивнию, что вы въ томъ не оставите употребить ваше стараніе и при томъ прошу поговорить съ нимъ отъ себя; и его (просиль) написать къ одной пьесъ декорацію, и если въ томъ обнадежить, тогда прошу меня увъдомить, и я по полученіи онаго, сдълавъ мое расположеніе той декораціи и назнача міру театра сь подлежащимь обстоятельствомь, сообщить вамъ оное не замедлю. Желалъ бы я знать также. какого рода видомъ и авантажемъ для театра написаны, и если бы не столь дорого, то я и три декораціи бы заказаль. Одолжите, о всемь навъдайтесь, вы симъ миъ очень пріятное сдълаете. Въ заключеніе, для сдъланія карактернаго платья, париковъ и прочаго, прошу взять на свое распоряжение и что должно сдълать; а деньги на оное можете получить отъ управителя моего Петра Александрова, о чемъ отъ меня къ нему и предпишется. Впрочемъ же остаюсь искрепитиній вашъ графъ Николай Шереметевъ.

Октября 25 дня 1792.

Отъ князя И. А. Долгорукаго.

Поябри 28-го дия 1792.

При семъ посылаю имянинику дорогому икры п калачъ на тижелой почтъ отъ усерднаго моего сердца; а остальные три калача прошу в. с. отдать Прасковъъ Ивановнъ; да не обманите такъ, какъ въ прошломъ году. Князь Иванъ Долгорукій.

Князь Иванъ Алексвевичъ Долгорукій, сынъ княгини Мароы Михайловны (жившей въ домъ у графа Шерсметсва и воспитавней Прасковыю Ивановну Ковалевскую). Это внукъ графа Михаила Ворисовича Шерсметева.

Къ князю А. А. Прозоровскому.

Милостивый государь князь Александръ Александровичь.

Какъ уже намъреваюсь я въ скоромъ времени отправиться въ С.-Петербургъ, то желательно мит прежде видъться съ в. с., дабы, если что угодно будетъ вамъ приказать касательно до Петербурга, то могу васъ увърить, что я со всевозможнымъ моимъ усердіемъ все въ точности исполню, и для того прошу назначить мит время и часы, чтобы я могъ прітхать къ в. с. Сегодняшній день вечеромъ я бы конечно прівхалъ и отобъдать, но въ разсужденіи принимающихъ лекарствъ нужныхъ для моего здравія вижу себя должнымъ лишиться сего удовольствія.

Прежде моего отъбада считаю за нужное донести в. с., что по получении моею конторою свъдънія о посланномъ оть в. с. въ Управу Благочинія о земль мосй, находящейся у Бълаго города, что на Трубъ, на которую угодно было в. с. требовать оть меня крипостей, о чемъ въ бытность мою у васъ въ Субботу, въ день ассамблеи в. с., хотя и начиналь сію матерію, которая была прекращена прівзжающими тогда гостями, почему и предоставиль оное объяснять в. с. при удобномъ случав чрезъ Александра Ивановича Кучецкаго, который, какъ вижу, ошибкою не въ точности изъявилъ в. с. истинное существо моего намъренія. И такъ почитаю за пужное чрезъ сіе письмо честь имъть в. с. объяснить, что въ доставленіи на оную землю кръпостей есть для меня отягощающее затрудненіе, которое. . . . оть одного моего отсутствія, и по случаю имфющихся въ дом'в мосмъ немалаго количества дълъ и приведенныхъ архиву моему чрезъ болъе 13 л. въ разстройку и разложенную по разнымъ мъстамъ монхъ казенныхъ, такъ что иныя остались въ Петербургъ, а другія находятся и въ Рижскихъ моихъ вотчинахъ, перевезенныя туда изъ Петербурга для очищенія мъста другимъ дъламъ моимъ. А какъ не настоиль случай по сіе время предъявлять монкъ пріпостей, притомъ бывъ увіренъ, что владъемое мною имъніе несумнънно принадлежить мнъ, то я употреблю и употребляю все мое старавіе къ приведенію моего дома въ теченіе желаемаго порядка. О произведении на томъ масть регулярнаго каменнаго строенія и разположенія мосто совсьмъ не было, потому что оное состоить за городомъ. А какъ я видълъ, что в. с. угодно, чтобъ то мъсто было застроено, то я и не премину ныпъшнею весною исполнить сходное съ волею вашею.

Въ дополнение доложу в. с., что почтение мое и нелицемърная къ вамъ преданность, которую вы изволили всегда замъчать въ искании моемъ вашего ко миъ благорасположения, есть поводомъ миъ къ чисто-сердечному признанию, что сие мъсто давно уже мной отдано, и доходъ, какъ нынъ, такъ и впредъ собираемый въ пользу одного ничего не имъющаго человъка, однакоже который меня очень близко интересуетъ и благосостояние котораго я всъми способами стараюсь поправить.

Воть, милостивый государь, сколь велико искреннее мое вамъ почтеніе, что я и внутренность моей души сокрыть оть васъ не могь, о чемъ чрезъ сіе донеся, съ истиннымъ почтеніемъ и искреннѣйшею преданностью вѣчно пребуду, милостивый государь, в. с. покорно искреннѣйшій слуга графъ Николай Шереметевъ.

Денабря 10 дня 1792.

Отъ князя А. А. Прозоровскаго.

Милостивый государь мой графъ Николай Петровичъ.

Письмо в. с. имълъ удовольствіе получить сегодня ввечеру. Въ 8, а не прежде, буду я дома, какъ объдаю въ гостяхъ; то если вамъ, милостивый государь мой, не поздно, то пожалуйте въ 8 ч. по полудии или завтра за буднишній столъ отобъдать, на что я буду ожидать вашего ръшенія.

Касательно до мъста, я болъе для того противъ кръпостей, какъ и в. с. словесно сказывать изволили, что у васъ нътъ. Это были земли стрълецкія, отдавались въ наемъ отъ Стрълецкаго Приказа, потомъ отъ Губернской Канцеляріи, а по учрежденіи Каменнаго Приказа вельно ихъ обълить; то если у васъ кръпости не найдется, то полиція за васъ укръпитъ и возьметь одинъ разъ по три копъйки за сажень квадратную. А что и желаю тутъ видъть строеніе, то сіе мнъ простите: это для украшенія сей древней и вами любимой столицы; мъсто же на виду и лежащее къ водопаду.

Впрочемъ увърътесь въ моемъ къ вамъ нелестномъ почтеніи и истинной преданности, какъ и есмь и буду, милостивый государь мой, в. с. покорный и върный слуга князь Александръ Прогоровской.

Декабря 10 дня 1792. Москва.

Отъ оберъ-камергера князя А. М. Голицына.

Изъ Москвы, 31-го Марта 1793.

Милостивый государь мой графъ Николай Петровичъ.

Сего утра получить я чрезъ домъ вашъ благосклонное письмо ваше отъ 24-го сего мъсяца съ приложеніемъ рисунка катафалку сдъланнаго въ память послъдняго короля Французскаго. Здъсь пребывающіе Французы таковой же долгъ отдали несчастному своему монарху въ своей церкви; мы при оной церемоніи присутствовали и слушали приличную къ случаю предику и музыку. Мнъ весьма пріятно, милостивый государь мой, видъть изъ письма вашего, что вы своихъ Московскихъ друзей помните, за что и приношу вамъ свою искреннюю благодарность.

Изъ послъднихъ вашихъ въ домъ вашъ дошедшихъ писемъ увърены мы были имъть вскоръ удовольствіе васъ здъсь видъть; по вскоръ же потомъ увъдомился я чрезъ князя Александра Александровича '),

^{&#}x27;) Прозоровскаго.

что вы извъщаете его объ отсрочкъ прівзда вашего въ Москву до весны. Таковое продолженіе вашего въ Петербургъ пребыванія довольно сносно для насъ бы было, ежели бы при томъ не были слухи, якобы вы получите мъсто въ Петербургъ, которое принудить васъ уже совсъмъ туды переселиться. Однакоже письмо ваше меня успоконваеть, поелику объщаеть намъ васъ въ будущемъ Маъ имъть удовольствіе здъсь видъть.

Чаятельно, что управитель вашъ Петръ Петровичъ увъдомилъ васъ о скоромъ прибытіи сюда нанятыхъ для васъ въ Вънъ музыкантовъ; они съ собою везуть постановленный князь Дмитрісмъ Михаиловичемъ ²) съ ними контрактъ и извъстіе, сколько имъ на ихъ путевые расходы издержано денегъ; получа оные по пріъздъ ихъ, не премину къ вамъ доставить и вашего управителя увъдомить, на какомъ основаніи ихъ содержать. Затъмъ остается миъ желать, чтобы оные музыканты заслуживали вниманіе знатоковъ музыки и вамъ потому пріятны были.

Впрочемъ непремънное желаніе мое въ томъ состоить, чтобы какъ въ томъ случав, такъ и во всёхъ другихъ, мив представляющихся, оказывать вамъ мои угодности и доказывать истипное мое почтеніе и нелицемърную преданность, съ коими пребываю вашего сіятельства върно покорной слуга князь Александръ Голицынъ.

Къ А. И. Кучецкому.

Апраля 7-го дан 1793 (Спб.).

Государь мой Александръ Ивановичь.

О пребываніи моемъ скажу вамъ, что я совсёмъ собрался на второй недёль; но сіе совсёмъ переменилось, однако скажу то, что я совсёмъ расположенъ, чтобы мнё въ Май поёхать. Что до житья моего здёсь, признательно скажу, что я время свое благополучно и пріятно провожу и скажу, что все идетъ къ тому истинно къ добру. Коли вы меня любите, то вамъ оное вёрно будетъ пріятно. Другу моему Настинькі мой поклонъ. Напрасно думаєшь, чтобъ и тебя забыль; но здёсь время такъ течеть: не всегда удается и написать, даже и о себів подумать; я же тебя все такъ люблю, какъ и прежде, и если сама причины не подашь, то я не престану. Друга своего извини; онъ потому не писалъ, что я раза два обманулъ почтой не нарочно; потомъ была нездорова, а тамъ готовились дать концертъ, который вчерась и давали, и здёсь расхвалили до безконечности; здёсь такого пёнія и не

¹⁾ Голицынымъ, братомъ писавщаго это письмо, панимъ посломъ въ Вънъ.

II. 14 русскій архивъ 1896

слышать. Воть, мой другь, все сказаль. Прости. Маленькую твою целую. Пишешь ко мне, что ты перевкала, но я не знаю куда и въ какой домъ. Проценты получила, я имель отъ тебя ответь; но муженекъ твой мне ни слова не упоминаеть. Ужели ты отъ него таишь? И я надеюсь, что оныя деньги ты съ нимъ вместе издержишь; желаю въ пользу и въ удовольстве. Г. Н. III.

Къ Г. С. Державину.

Милостивый государь мой Гаврила Романовичъ.

Вчерашній день им'єть я удовольствіе получить письмо в. пр., которымъ увъдомился, что по просъбъ моей напоминали вы его пр-ву Александру Николаевичу 1) о увольнени меня отпускомъ и что получили отъ него отзывъ таковой, что докладывалъ онъ Ея Величеству; въ силу чего и буду я уволенъ на вакантное время, за что съ одной стороны за принятый вами трудъ приношу мою чувствительную благодарность; съ другой же стороны искренно скажу: крайне меня удивляеть, что сей назначенный мив отпускь выходить несоотвътственно какъ моей просыбъ, такъ и тому согласительному отзыву, который получиль я отъ графа Пл... А... 2), изъявляющій ясно, что я безъ затрудненія по жеданію моему могу нісколькими місяцами воспользоваться пробытіемъ въ моихъ подмосковныхъ. При отъезде же моемъ получиль я оть Ал... Пик... сему сходственный отзывъ. И такъ, дабы привести все сіе согласно съ моею просьбою, покоривище прошу в. пр. взять на себя трудъ привести оное къ надлежащему окончанію; при томъ прошу быть увъреннымъ, что я съ искрепнимъ моимъ почтеніемъ и предавностью всегда пребуду гр. Ш.

Iюля 4-го дня 1793.

Отъ графа А. Н. Зубова *).

Сіятельный графъ милостивый государь мой.

Благосклонное в. с. ко мив благоволеніе обязало меня быть благодарнымъ; а потому въ знакъ искренней моей преданности служу в. с. Арабскимъ жеребцомъ, желая, чтобы онъ вамъ понравился, что за крайнее удовольствіе поставляетъ тотъ, который съ наиглубочайшимъ почитаніемъ имъетъ честь назваться в. с. милостивато государя моего всепокорнъйшій слуга графъ Александръ Зубовъ.

Іюля 15 дня с. Хорошово.

¹⁾ Самойлову, тогдашнему генералъ-прокурору.

²) Зубова.

^{*)} Это отецъ тогдашняго любимца. П. Б.

Къ В. С. Шереметеву.

Милосгивый государь мой Василій Сергвевичъ.

Съ особливымъ удовольствіемъ имъль честь получить пріятнъйшее письмо в. пр., за которое свидътельствую вамъ искреннъйщую мою благодарность и за особливую пріятность себъ вмъняю исполнить желаніе ваше увъдомить о бывшемъ пребываніи мосмъ въ С. - Петербургъ, гдъ принятъ былъ какъ Ен Императорскимъ Величествомъ, а равно и ихъ Императорскими Высочествами весьма милостиво, видълъ благорасположение ко мнъ графа Платона Александровича, также прежнихъ моихъ пріятелей, и препроводиль время весьма для меня пріятно. Возвратился же въ Москву, какъ будто нарочно для хворости, ибо чешуйная бользнь третью недълю держить меня въ компатв и нахожусь теперь въ слабомъ здоровьи: но какъ есть мое желаніе, дабы въ торжественныя празднества препроводить время въ С. Петербургъ, и если мое здоровье позволить, то н полагаю туда отправиться въ нынёшнемъ мёсяцё непременно, увёряя васъ при томъ, что оное желаніе мое не съ тімъ намереніемъ, дабы могъ надвяться получить что нибудь новое, но единственное для принесенія усерднівишаго моего поздравленія Ея Императорскому Величеству и еще воспользоваться твми монаршими милостями, коими имвль я счастіе быть удостоень во время третьей моей въ C.-Петербургв бытности. Прошу покорнвище не лишать меня пріятнаго наввщенія, какъ о родственномъ вашемъ ко мив расположенія, такъ и о пребываніи вашемъ. Я же съ истиннымъ почтеніемъ и непремънною преданностью всегда пребуду в. пр. милостиваго государя моего покорный слуга гр. Ш. Татьянъ Ивановнъ мое почтеніе.

Августа 3 дня 1793.

Къ митрополиту Платону.

Преосвященнъйшій владыко, милостивый государь мой.

Въ епархів в. пр. Коломенской округи въ вотчинъ моей селъ Чиркинъ имъется изъ давныхъ лътъ ружная церковь во имя св Василія Великаго, при которой для исправленія священнодъйствія имълся священникъ Филиппъ Стефановъ на собственномъ какъ покойнаго родителя моего, а по кончинъ его, на моемъ содержаніи, во всякомъ удовольствіи; но по смерти его, за неимъніемъ при той церкви другаго священника, остается оная безъ служенія. А какъ въ той церкви похоронены родственники мои и въ слъдственность оставшихся послъ ихъ завъщаній слъдуеть быть въ той церкви священнослуженію, въ

каковомъ случав, желая сохранить по тому ихъ заввщанію, покорнівше ваше преосвященство прошу объ опреділеніи къ той церкви священника и на томъ же положеніи, какъ находился прежній, сдълать ваше позволеніе, чімъ крайне одолжить меня изволите, которое приму я съ истинною благодарностію, предоставляя себів впрочемъ сей случай къ препорученію себя молитвамъ вашимъ и къ засвидівтельствованію того истиннаго почтенія, съ коимъ пребуду, милостивый государь, вашего преосвященства покорный слуга графъ Николай Шереметевъ.

Іюля 16 дня 1792 года.

Село Покровское - Чиркино Коломенскаго увзда, гдв похоронены бояре знаменитый Крымскій плънникъ Василій Борисовичъ Шереметевъ, отецъ его Борисъ Петровичъ (Двинской воевода) и дъдъ его Петръ Ипкитичъ, убитый въ Исковъ, есть древнъйшее помъстье Шереметевыхъ.

Отъ А. Н. Самойлова.

Іюля 21-го дня 1793.

Милостивый государь мой графъ Никодай Петровичъ.

Препоручение в. с. о исходатайствовании вамъ увольнения по Поябрь мъсяцъ имълъ я счастие докладывать Ея Императорскому Величеству и получилъ повелъние записать имянной Ея Величества указъ, чтобъ отпускъ вашъ отъ присутствия въ Сенатъ продолженъ былъ по 1-е Ноября сего года, о чемъ Правительствующему Сенату 1-го поля отъ меня объявлено, и такъ на полученное нынъ отъ васъ, милостивый государь мой, письмо долгомъ моимъ поставляю извъстить васъ отъ означенномъ высочайшемъ поведънии и пр.

Александръ Самойловъ.

Отъ князя А. Н. Щербатова.

Милостивый государь, графъ Николай Петровичъ.

Весь городъ нашъ миѣ сказываетъ, что вы къ Александрову дню будете къ намъ. Графъ Безбородко точно увърялъ, что вы будете; а домъ, сказывалъ вашъ человъкъ, что уже нанятъ Сологубовъ на 6 мъсяцевъ за 2000 р.

Здъсь новаго ничего нъть. Дворъ третьяго дни прівхаль изъ Царскаго Села, и теперь Государыня въ Таврическомъ дворцъ, и туда безъ дъла никто не ъздитъ. Воть только у насъ новостей. Впрочемъ я навсегда в. с. милостиваго государя моего покорно-върнъйшій слуга князь Андрей Щербатовъ.

Отъ 18-го Августа 1793:

Отъ А. И. Кучецкаго.

Ваше сіятельство, милостивый государь мой графъ Никодай Петровичъ.

Донесу вамъ: вчерашняго числа мы съ женой объдали у оберъкамергера, гдъ объдалъ новый кавалеръ Михайла Михайловичъ Измайловъ, который отмънно радъ и сказывалъ, что получилъ ленту, бывъ на полв съ собаками, въ который день быль снегь и стужа, а его всего вымочило и новую ленту, которую, самъ сказывалъ, что надълъ сверхъ теплаго сюртука, чтобы зайды видёли; и спрашиваль, будете ди вы нынвинною осень вздить въ Москвв? Ежели не будете, то ему хочется поездить въ Цыбине, и сказаль, что его наверное увериль князь Михайла Сергвевичь Волконской, чтобы онъ вздиль, что вы не будете изъ Петербурга. Я сказалъ: видно, Волконскому больше моего пзвъстно; а я васъ увъряю, что в. с. объщали непремънно въ Октябръ прівхать, то, можеть, время позволить и въ Цыбинв повздить, то и просиль меня, чтобы я объ немъ къ вамъ написалъ, что онъ за стодомъ пиль ваше здоровье и чтобъ увъдомили, будеть ли скоро въ Москву или нътъ, и ежели въ Цыбинъ нывъшнюю осень вы не будете, то можеть ли онъ повздить и сказаль, что ежели я къ вамъ не напишу и отвъту ему не дамъ, то будеть сердиться со мною. У насъ впрочемъ ничего новаго здёсь нёть, а пріятное слышу оть васъ пророчество, что вамъ будетъ подарокъ, въ чемъ я согласенъ и желаю отъ пскренняго сердца и смъло жедаль и вамъ пари, но вы не изволили удариться; я бы выиграль у вась. Сейчась получиль оть в. с. наполненное ласкою письмо, за что приношу мою благодарность твиъ больше, что и заочно въ памяти имъете прошедшаго имянинника; при томъ изволите писать, что имянивнику послади гостинецъ, который конечно будеть для меня дорогь и пріятень. За все оное чувствительную приношу мою благодарность, хотя я и такъ много одолженъ отъ в. с., прося о продолженіи такого вашего къ себъ расположенія. Я в. с. забыль благодарить, что получиль после отъезду вашего рисунокъ перегородочки, которую и отдалъ сдълать. Не журите, что дорого: вы сами такую приказали нарисовать; долго думаль, но однако отдаль сдёлать за 100 р. И затёмъ съ истинной моей преданностью честь имъю остаться. Пожалуйте, в. с., увъдомьте меня, въ Петербургъ ли моя кума и здорова-ль? Повхала къ вамъ; а не знаю, довхала-ль или нътъ. Вашего сінтельства, милостиваго государя моего, всепокорнъйшій слуга Александръ Кучецкой.

1793. (Бевъ числа).

Къ А. Л. Нарышкину.

Милостивый государь мой Александръ Львовичъ.

По засвидътельствовании в. пр. моего почтенія, я рѣшаюсь утрудить васъ покорнъйшею моею просьбою принять на себя сей трудъ препровождаемыхъ при семъ изъ моего звѣринца три пары оденей представить ихъ императорскимъ высочествамъ, и когда я буду столько счастливъ, что оные благоволеніемъ ихъ высочествъ въ принятіи будуть удостоены, то не оставить меня вашимъ извѣщеніемъ, въ ожиданіи чего остаюсь я съ истиннымъ почтеніемъ и совершенной преданностію в. пр., милостивато государя моего, покорный слуга гр. ІЦ.

Августа дня 1793.

Отъ князя А. А. Прозоровскаго.

Милосгивый государь мой графъ Николай Петровичъ.

Вчера намъренъ я былъ съ в. с. подробно переговорить въ разсуждении, какъ бы согласясь положить время сдълать вмъстъ съ вами котя одно поле; но изъ театру прямо вы поспъшили отправиться, и такъ сего не успълъ; но теперь чрезъ сію бумагу сіе исполняю.

Въ Воскресенье въ спектакль къ вамъ быть не могу, чего бы я хоти охотно желаль, но за должностью поставляю совершенно невозможнымъ, какъ же въ Понедвльникъ день почтовый и тоть, въ который положено главнокомандующему доносить о состояніи столицы и губерніи, то и ночевать нельзя. Но ежели вы не отъёдете въ Петербургъ и сбору вашему къ пути мъшать не будеть, въ чемъ дружески прошу себя не притеснять, какъ и я съ вами обхожусь на положеніи некреннемъ, то если мив что и воспрепятствуетъ, о чемъ я вамъ не пропунцу сообщить, я бы могъ прівхать къ вамъ во Вторникъ по утру, т. е. часовъ въ 10 или 11; ранве отобъдать и вхать на поле; а собакъ того же утра приведуть поранв. Но туть есть вопросъ первый: нъть ли въ охотъ вашей чумы? Сказать прошу, милостивый государь мой, истину, хотя у меня привезены не лучшія собави. Какъ я уже настращался; а два кобеля, бывшіе тогда съ прочими въ чумъ и выздоровъли, а два еще неважвы. Второе: я не знаю около васъ мъстъ для охоты, а кажется, очень площадисто, то есть ли мъста отъемныя? То назначить куда мы повдемъ и далеко ли отъ дому вашего? А между тъмъ, я по дружбъ вашей ко мет у васъ и ночую. А притомъ прошу, если желающіе изъ знакомыхъ моихъ будуть охотпики, позволить съ собою привезти; и на все оное буду ожидать вашего ръшенія, пребывая, какъ всегда, съ истиннымъ почтеніемъ и

таковою же преданностью, милостивый государь мой, в. с., покорный слуга князь Александръ Прозоровскій.

Августа 19 дня, Петровскій дворецъ.

Къ А. Я. Протасову.

Милостивый государь Александръ Яковлевичъ.

Чрезъ почтенивние письмо в. в. отъ 3-го Августа угодио было вамъ извъстить меня о доставлении плодовъ изъ моихъ оранжерей для подпесения Пхъ Императорскимъ Высочествамъ, на которое я имълъ честь вамъ допести, что по сдучаю истечения тогда для лучшихъ плодовъ времени, хорошихъ фруктовъ въ оранжерев моей не оказалось; а изъ другой не самое лучшее послать не осмълился. Но какъ извъстно мив, что Ихъ Императорския Высочества изволили жаловать бишовъ, для коего ныив, собравъ изъ моихъ оранжерей 250 свѣжихъ, горькихъ помаранцовъ, послалъ на ныпышней тяжелой почтв въ домъ мой къ управителю, чтобъ опъ по получени представилъ оные для поднесения Ихъ Императорскимъ Высочествамъ, покорнъйше в. в. прося васъ пранять на себя оный трудъ, поднести оные Ихъ Императорскимъ Высочествамъ. Счастливымъ себя почту, что если оные примутся съ обыкновенною Ихъ Императорскимъ Высочествомъ милостью.

Ноября 2-го дня 1794.

Отъ графа Д. А. Зубова.

Милостивый государь графъ Николай Петровичъ.

Зная истиппо ваше ко мнѣ и къ семейству нашему дружеское расположение, увъренъ, что вы, какъ въ горести, равно и въ радости нашей примете чувствительное соучастие.

Братъ, графъ Валеріанъ Александровичь, находись съ авангарднымъ корпусомъ, состоящимъ въ 2.500 человѣкъ, нашедши мятежниковъ
Польскихъ, сконившихся въ тринадцати тысячахъ, на нихъ напалъ и
разбилъ; отнялъ одну пушку, взялъ въ полонъ нѣсколько офицеровъ,
напослѣдокъ преслѣдовалъ оныхъ; на третій день имѣлъ съ бѣглецами
маленькую стычку, потерялъ ногу, которую ядромъ оторвало, и для спасенія его жизни припуждены были ему погу рѣзать. Государыня изъ
особой благотворительности соизволила послать къ нему придворнаго
доктора, а на другой день соизволила послать орденъ Андрея съ генералъ-адъютантомъ брата графа Платона Александровича. Съ курьеромъ
нынѣшый же день мы получили свѣдѣніе, что ему гораздо свободнѣе,
что общую намъ составило радость. Графъ Александръ Васильевичъ
Суворовъ приступомъ взялъ Прагу, отнялъ 60 пушекъ, взялъ въ полонъ

трехъ генераловъ и 15.000 войска, 10.000 положено на мѣстѣ. По сему удачному предпріятію пѣтъ сумньнія, чтобъ Варшава не сдалась, а буде поупрямится, то возмется.

Списокъ пожалованныхъ при семъ прилагаю.

Изъ полученнаго отъ батюшки письма вижу что в. с. одолжили меня сворою брудастыхъ собакъ, за что приношу мою искренную благодарность.

Я не имъю силъ соразмърно дружескимъ обязательствамъ вашимъ отплатить. Одно мое признаніе примите чувствомъ, проистекающимъ отъ искренияго мосго желанія чъмъ-либо на опытъ доказать вамъ мою готовность и то усердіе и почитаніс, съ которымъ непремъняемо во всю мою жизнь пребуду в. с. върнонокориъйшій слуга.

Графъ Амитрій Зубовъ.

С.-Петербургъ, Ноября 3-го дня 1794.

Попрошу во осторожность старику нашему поговорить; надняхъ курьера къ нему пришлемъ. Побывайте у него, а каковъ, увѣдомьте. Мы боимся, чтобы при слабости батюшкиной крайне не огорчило; братъ теперь безонасенъ въ жизна, но несчастье, что безъ ноги. Что дѣлать? Судьбѣ такъ угодно. Сдѣлайте милость, побывайте, чѣмъ несказанно одолжите, и напишнте, каковъ опъ. Я не знаю, зять Александра Александровича пріѣхалъ ли, о чемъ съ нимъ поговорить можете, какъ курьеръ пріѣдстъ, чтобы къ опому ихъ приготовить, а не прежде сказать, какъ курьеръ будетъ, потому что отъ брата графа Валеріана есть письмо отъ 23-го Сентября.

ВОСПОМИНАНІЯ ОЕДОРА АДОЛЬФОВИЧА ООМА.

«Den 31-sten schenkte mir der Allmächtige um 4 Uhr Nachmittags einen gesunden Knaben, wofür Ihm Preis und Dank.» *) Эта замътка, написанная рукою отца моего 31-го Іюля 1826 года, гласить о рожденій моемь, въ зданій Императорской Академій Художествь, въ которой отець служиль, если не ошибаюсь, въ качеств надзирателя при восинтанникахъ и учителя. Лъто 1826-го года было, говорять, жаркое, и въ окрестностяхъ Петербурга горыли лъса, такъ что воздухъ быль насыщень дымомъ и солице постоянно было красное и въ туманъ.

Отецъ мой, принадлежавшій къ старъйшимъ патриціямъ Ревсля, насльдоваль, говорять, значительное состояніе, но, всльдствіе неудачныхъ коммерческихъ операцій, лишился всего и принужденъ былъ оставить дъла и даже мъсто родины и переъхать въ С.-Петербургъ, гдъ, благодаря участію бывшаго тогда президента Академіи Художествъ А. Н. Оленина, получилъ мъсто, которое занималъ въ годъ рожденія моего.

О предкахъ съ отцовской стороны до сихъ поръ мив мало извъстно; до меня дошло только, что фамилія наша происхожденія Голландскаго. Во время владычества Австріи, фамилія Оот была возведена въ имперское дворянство (Vorstermann van Oyen. Dictionnaire nobilitaire. La Haye. Van Doorn et Fils). Во время пребыванія моего въ Голландіи съ нокойнымъ Цесаревичемъ, Голландцы признавали во мив своего соотечественника. По всей въроятности, ивкоторые изъ Голландскихъ предковъ монхъ разсвялись по Ганзейскимъ городамъ и очутились въ Англіи, Португаліи, Германіи и въ Остзейскомъ краю. Изъ стариной Шведской хроники мив извъстно, что въ тридцатилітною войну, когда часть ныпышняго Остзейскаго края была подъ владычествомъ Шведовъ, въ Лифляндін былъ уже одинъ изъ предковъ монхъ Напя Оһт, и что король Густавъ Адольфъ по окончаніи этой войны, въ 1631 году, продалъ ему въ Анцальскомъ кирхшийъ имѣніе

^{*) 31-}го, въ четыре часа дня, Всемогущій дароваль мна вдороваго мальчика, за что Ему хвала и благодарность.

Зоммерналенъ въ уплату 2.000 талеровъ отпущенныхъ этимъ Оомомъ заимообразно для продовольствія Шведской армін. Оомъ продаль Зоммернаденъ съ деревнями Озелль, Герреферъ и Сойскиль въ 1652 г. Дидриху Мёллеру за 7,300 талеровъ. Пе подлежитъ сомивнію, что потомки этого Оома были люди болье чьмъ достаточные; ибо сохранившияся у меня серебрянныя медали доказывають, что друзья ихъ не щадили издержскъ для ознаменованія намятниками самыхъ обыкновенныхъ въ семейств'в событій. Такимъ образомъ двів медали были выбиты: однапо случаю обрученія Гейприха Оома въ 1752 г. съ д'ввидею Гертрудою Елисаветою Зеебекъ (обручение Товіи съ Сарою) а другая — по случаю бракосочетанія ихъ же (бракъ въ Кап'в Галилейской). Сохранилась у нэсъ также записка, по которой медаль, пожалованияя въ 1728 г. прибывшему въ С.-Петербургъ къ коронованию винератора Цетра II-го въ качествъ перваго депутата города Ревеля Адольфу Оому, передавалась изъ рода въ родъ, сперва внуку его Адольфу къ празднику Рождества, нотомъ симъ последнимъ сыпу своему, а моему отцу, Адольфу, который въ свою очередь подариль ее трехлетиему сыпу своему, моему однокровному брату Адольфу. Изъ напечатанной въ 1874 году двоюроднымъ братомъ монмъ, бывшимъ профессоромъ Деритскаго Упиверситета, О. A. Бунге внижки «Die Revalsche Rathslinie nebst Geschichte der Rathsverfassung», видно, (стр. 119), что родившійся въ 1670 г. въ Ревель Адольфъ Оомъ былъ первоприсутствующимъ бургомистромъ Ревельскимъ въ 1729, 1733 и 1737 годахъ († 1753). Опъ и бадилъ депутатомъ отъ Ревеля въ Москву на коронацію Петра II-го. Впукъ его Адольфъ 11-й († 1811) былъ почти во всехъ техъ же должностяхъ, какъ и дъдъ его. Отецъ сего послъдияго Геприхъ ум. въ 1760 г. Наконецъ сынъ Адольфа II го мой отецъ, родившійся въ 1791 г., былъ старшиною большой гильдін до 1824 г., когда выбхаль въ Петербургъ. Въ той же кинжив уноминается о Вильгельмв Оомв, который быль въ 1790 — 1796 годахъ Beisitzer des Departaments des Gouvernements-Magistrats für peinliche Sachen.

Вотъ все, что перешло ко мив отъ предковъ моихъ со стороны отцовской; другихъ свъдъній я никогда не имълъ, за исключеніемъ развътого, что одна отрасль нашей фамиліи пребываетъ въ Португаліи и считается, на основаніи родословной, происходящею отъ того же Ганса Оома. Фамильный гербъ нашъ тотъ же. Одинъ изъ члеповъ Португальской линіи Frederico Оот, офицеръ морской службы, пробылъ 4 года (съ 1859 по 1863) въ Пулковъ, чтобы изучить устройство обсерваторіи и потомъ, возвратившись въ Лиссабонъ уже жепатымъ на Русской подданной, дъвицъ Миллеръ, построилъ тамъ обсерваторію по образцу

Пудковской и состоить нынь директоромь оной. Извыстно намь также, что въ Англіи были наши однофамильцы, что съ однимь изъ нихъ по-койный однокровный брать мой познакомился во время пребыванія своего въ Лондонь и что этоть Оомь, служившій въ Англійскомъ министерствы иностранныхъ дыль, скончался молодымъ человькомъ. Бывшіе въ С.-Петербургы послами сэръ-Букананъ и Торитонъ отзывались о немъ какъ о человыкь очень образованномъ, способномъ и симпатичномъ.

Свъдънія о родствъ съ материнской стороны, хотя и простираются недалеко, по они иссравненно обстоятельнъе, и я дорожу ими болъе, потому что съ нами сопряжены лучшія для меня воспоминанія.

Діядь мой, отець моей матери, Фридрихь Литопъ Фурмань, прибыль въ Россію изъ Саксовін во второй половинѣ прошлаго стольтія и пользовался извъстностію по своимъ агрепомическимъ и экономическимъ познаніямъ, которыя и доставили ему, на первыхъ же порахъ прибытія его изъ-за границы, весьма выгодныя въ то время занятія. Онъ быль немедленно опредвлень на службу и кромв того завъдываль многими имфијями круппыхъ помбинковъ. Жепатый на девице Эпгель (сестръ извъстнаго въ свое время статсъ-секретаря Оедора Ивановича Энгеля, видиаго дъятеля при императоръ Павлъ Петровичъ и въ особенности при императоръ Николав Павловичь), онъ въ 1791 году проживаль въ Звенигородскомъ имбини князя Голицына, сель Богородскомъ, гдв у него родилась третья дочь Анна, моя матушка. За неимъщемъ въ той мъстиости протестантского настора, она была крещена только на шестомъ году отъ рожденія. Вносл'єдствін д'єдъ мой самъ пріобръдъ небольшое имъніс въ Кієвской губернія и туть занялся воспитаціємъ д'втей своихъ, для чего у него жилъ рекомендованный ему извъстнымъ педагогомъ Кампе ипостранецъ Граффъ. Какъ матушка мон, такъ и братъ и сестры ея, всегда съ особеннымъ уваженіемъ и любовью отзывались объ этомъ наставникъ. На насъ дътей, его воспитанниковъ, перешелъ какъ бы по наслъдству почеркъ его, отличавшійся твердостію и отчетливостію.

У дѣда мосго отъ перваго брака съ дѣвицею Энгель были сыновья Романъ, Антонъ, Александръ, Оедоръ и дочери Елисавета, Екатерина и Аниа; отъ втораго же брака, съ дѣвицею Гильдебраштъ: сынъ Андрей и дочь Наталія.

Старшій сынъ Романъ, воспитывавшійся въ Горномъ Корпусѣ, кончиль свое поприще въ Царствъ Польскомъ, гдъ завъдывалъ опнансами Царства съ 1831 года по 1848 годъ. Жена его, рожденная Адамовичъ, была падчерица статсъ-секретаря О. П. Энгеля, роднаго брата моей бабушки. Отъ этого брака было у нихъ два сына: Николай, женатый на дѣвицѣ Тепперъ (въ молодости лейбъ-гусаръ, скончавшійся въ званіи егермейстера въ 1885 г.) и Иванъ. женившійся на Кавказѣ на мѣстной уроженкѣ, и семь дочерей: 1) Елисавета, жена сенатора А. Н. Крузенштерна, 2) Марія, вдова д. с. с. Холодовскаго, 3) Екатерина, вдова гепералъ-лейтенанта Дейтрихъ (нынѣ директриса Полтавскаго Института), 4) Александра, вышедшая замужъ за инжепернаго капитана Бехан, 5) Елена, 6) Анна, пынѣ вдова генералъ-адъютанта барона Будберга и 7) Ольга, жена флотъ-капитана флигель-адъютанта Новосильскаго.

Второй сынь деда моего Антонъ Фурманъ восинтанивкъ Горнаго же Корнуса, служилъ по тому же ведомству на Урале и оберъ-бергмейстеромъ вышелъ въ отставку. Песчастливый въ браке, онъ овдовелъ и по конецъ жизни страдалъ умономещательствомъ, главною причиной котораго были непріятности, причиненныя этому честному и благородному человеку бывшимъ начальникомъ его Мечниковымъ.

Третій сыпъ Александръ служиль въ Генеральномъ Штабъ, отличатся умомъ и любезностію і), но рано умеръ, оставивъ вдову съ двумя сыповьями и дочь Е. А. Бенецкую.

Четвертый сынъ Оедоръ, любимецъ всего семейства, воснитывался сперва въ одномъ изъ Кадетскихъ корпусовъ, по вслъдствие ушиба, лишившись руки, перешелъ въ Дерптский Университетъ, потомъ служилъ почти постоянно при нашихъ миссіяхъ заграницею, гдѣ и женился на Римлянкъ Іюдиоъ Фіораванти, которую предварительно воспиталъ на свой счетъ. О немъ придется говорить впослъдствии. Единственная ихъ дочь Октавія вышла замужъ за графа Бержинскаго. Извъстная графиня Самойлова, въ альбомъ портретовъ ей принадлежавшемъ, подъ портретомъ дяди паписала: «Масива non fuit in te» 2).

По окончаній курса въ Деритскомъ Университеть Оедоръ Оедоровичь отправился заграницу для усовершенствованія въ наукахъ. Въ Берлинь онъ имьль случай быть представленнымъ принцессь Парлотть Прусской, въ то время невъсть В. К. Николая Павловича. Въ Римь, поселившись въ домь бъднаго музыканта Фіорованти, онъ обратиль вниманіе на маленькую дочь хозявна Гудиоь, приводившую его въ во-

¹⁾ См. Записки Вигеля.

^{*)} Т. е. въ тебъ не была пятна.

сторгъ своими музыкальными способностями. По просьот его России взялся развить таланть маленькой Италіянки. Будучи уже на службъ при посольствъ въ Константинополъ, дядя мой вновь пріъхаль въ Римъ, засталь свою protégée 15-ти-льтиею красавицею съ предестио обработаннымъ голосомъ и, иссмотря на всевозможныя препятствія со стороны родныхъ и пачальства, женился на ослепивней его Италіянкъ. Въ 1839 г. опъ переселился изъ Константиноноля въ Истеробургъ и въ званій совътника Министерства Иностравныхъ Дълъ былъ въ 1843 г. назначенъ въ Римъ, для переговоровъ по поводу крещенія дътей В. К. Марін Пиколаевны, герцогини Лейхтенбергской, въ Православную въру, противъ чего возставалъ Папа. Дъло это дядя велъ съ большимъ искусствомъ. Въ то время отъ него была получена, между прочимъ, денеща, о которой одна изъ свътскихъ дамъ Петербурга, въ своихъ Запискахъ (см. «Русскій Архивъ» 1882 г. книга 1-я, стр. 206) говоритъ: «Въ Февраль 1845 г. замъчательна депеша Фурмана, который умеръ въ Римъ. Selon moi, un chef d'oeuvre d'habilité, de bon goût et en même temps d'exigences fermes».

Дядя Өедоръ Оедоровичъ скончался въ 1842 году отъ апоплексическаго удара, внезапио, поднималсь съ женою по лъстищъ въ домъ, занимаемомъ нашимъ несломъ въ Римъ, Бутеневымъ, у котораго опи должны были объдать.

Дѣло, порученное дядѣ, окончилъ графъ Д. П. Блудовъ. Конецъ былъ положенъ тѣмъ, что императоръ Николай Павловичъ придалъ къ титулу герцоговъ Лейхтенбергскихъ—названіе Киязей Романовскихъ.

Пятый Фурманъ, Андрей (отъ втораго брака мосго дѣда съ дѣвицею Гильдебрантъ) но выпускъ изъ Кадетскаго Корпуса, но рекомендація моей матушки, опредѣленъ былъ на службу въ Черниговскій полкъ, которымъ командовалъ Муравьевъ-Аностолъ. Эта рекомендація послужила новодомъ къ сближенію его съ командиромъ полка и къ тому, что дядя мой, замѣшанный въ дѣлѣ 14-го Декабря, кончилъ жизиь въ ссылкѣ на поселеніи въ Спбири, вслѣдствіе тоски, какъ говоритъ Розенъ въ своихъ «Запискахъ Декабриста».

Старшая дочь дѣда моего Елисавета, 13 лѣтъ, вышла замужъ въ Кіевѣ за нѣкоего Бунге и была матерью извъстныхъ профессоровъ Деритскаго университета: юриста Өедора Андресвича Бунге, служив-шаго подъ конецъ во И Отдѣленіи собственной канцеляріи Его Величества и теперь проживающаго въ Висбаденѣ, и ботаника Александра Андресвича, пыпѣ академика, живущаго въ Деритѣ.

Вторая моя тетка Екатерина была замужемъ за Коростовцевымъ. У нея были сыновья Александръ и Андрей Андреевичи и дочери Анна и Наталья Андреевны. Наталья вышла замужъ за II. М. Новосильскаго (брата извъстнаго адмирала). Три сына ея—моряки Новосильскіе, изъкоихъ старшій Михаилъ женился на младшей дочери дяди мосго Романа Өедоровича, Ольгъ, слъдовательно на двоюродной теткъ своей. Другіе два Андрей и Павелъ, изъкоихъ первый умеръ во время заграничнаго плаванія въ Санъ-Франциско, и второй командовалъ фрегатомъ «Герцогъ Эдинбургскій».

Четвертан дочь отъ втораго брака дѣда моего, Наталья была замужемъ за А. П. Литке, однокровнымъ братомъ графа Оедора Петровича. Мать послѣдняго была также рожденная Энгель, такъ что онъ былъ двоюродный братъ матушки моей.

Когда дёдъ мой овдовёлъ, матушка моя, будучи еще ребенкомъ, была взята на воспитаніе прабабушкою моею Елисаветою Каспаровною Энгель, принявшею въ тоже время къ себё и внука своего О. П. Литкс, мать котораго скончалась чрезъ два часа послё его рожденія. Отсюда и дружба вхъ, сохранившаяся до кончины моей матушки, которая была семью годами старше славнаго адмирала. За смертію Елисаветы Каспаровны матушка моя была взята на воспитаніе бывшею въ тёсной дружбё съ прабабушкою Елисаветою Марковною Олениной, рожд. Полторацкой, у которой и оставалась до 25-ти-лётняго возраста.

Кому пензвёстны по преданію разсказы о дом'в Алексіл Пиколасвича Оленина, этомъ средоточім интересовъ дитературныхъ и художественныхъ? Имена Державина, Озерова, Гвідича, Батюшкова, Крылова, Жуксвскаго для меня какъ бы родственныя, и съ ними соединены дучшія восноминанія моего дітства и юношества, когда бывало матушка разсказывала намъ о живыхъ бесідахъ и литературныхъ чтеніяхъ въ дом'в Олениныхъ. Ни одно сочиненіе этихъ діятелей по части словесности не выходило въ світь, не будучи прочтено предварительно въ тісномъ кружкі, собиравшемся вокругъ мецената того времени.

Матушка моя присутствовала при всёхъ этихъ бесёдахъ и съ работою въ рукахъ прислушивалась къ разсужденіямъ, которыя такъ благодётельно дёйствовали на развитіе ея. Несмотря на молодость свою, она уже тогда пользовалась уваженіемъ этого кружка и была такъ сказать любимицею иёкоторыхъ изъ этихъ уже маститыхъ въ то время старцевъ. Такъ, напримёръ, Державинъ всегда сажалъ се за об'ёдомъ возл'ё себя, а Озеровъ въ угоду ей подарилъ ей ложу на первое представленіе его «Динтрія Донскаго», самъ пріёхалъ въ ложу и, какъ говорила матушка, восторгаясь игрою изв'єстной въ то время артистки Семеновой, плакалъ отъ умиленія.

Часто матушка вспоминала также о большихъ празднествахъ, въ которыхъ принимали участіе эти діятели золотаго віжа Русской словеспости и лучийе того времени художники. Такъ поминтся мив разсказъ ел о балъ, устроенномъ графомъ Чернышовымъ въ домъ его у Синяго моста (впоследствін Юнкерская школа, а после дворець В. К. Марія Николаевны), гд'в одновременно были танцы, маскарадъ, театръ и живыя картины. Эти празднества имъли особый характеръ; все было осмысленно и въ пьесахъ нарочно для этого случая написанныхъ, и въ картинахъ, изображавшихъ то сатиру, то аллегорію; а если вспомнить тогданныю страсть къ классицизму и сатирическое направление, то не трудно понять и то, что въ сюжетахъ для живыхъ картинъ и представленій не было недостатка. Крыловъ, Шаховской, Гивдичъ конкурировали между собою въ сочиненияхъ для этихъ празднествъ, и Пріютипо (небольшое имвийс, скорве дача, Олениныхъ, за пороховыми заводами) служило обыкновенно мъстомъ, гдъ впервыя разыгрывались пьесы, написанныя виаменитыми литераторами. 5-го Септября, въ день именицъ Елисаветы Марковны Олениной, ежегодно устранвались сюрпризы въ театръ, нарочно для того устроенномъ, в матушкъ мосії перъдко случалось принимать участіе и испытывать подъ руководствомъ Гивдила свой сценическія способности, впрочемъ весьма слабыя (она была слишкомъ застъпчива для игры на сценъ). Празднование 5-го Септября въ Приотинь повторялось ежегодио до кончины Е. М. Поминтся мив, какъ въ апонеозъ, въ которомъ участвовали Анна Алексъевна Оленина, Антонина и Лидія Динтріевны Блудовы, и меня маленькаго повъсили на проволокъ почти голаго съ подрумянеными свеклою щеками и съ крылышками. Такого же амура изображала Лизанька Оленина, впосавдствін Мамонова, дочь Петра Алексвевича. Въ Пріютинь мы гостили ежегодно по пъскольку недъль. Тутъ же лъто проводилъ И. А. Крыловъ; ему было отведено помъщение въ хорошенькомъ домъ въ саду на горъ, который назывался банею. Часто меня посыдали будить крестнаго отца моего, который всегда быль ласковь и шутиль со мною. Такъ пногда онъ объявляль мив, что встанетъ только тогда, когда я безъ ошибки скажу ему наизусть одиу изъ бассиъ его. Когда Пріютино, послъ кончины Елисаветы Марковны, было продано, оно казалось мнъ потеряпнымъ раемъ. Мельчайшія подробности дътства, проведеннаго нами тамъ, до сихъ поръ миъ дороги и намятны. Староста Гаврило, старушка огородница Василиса, приносившая намъ каждое утро по пучечку моркови, утреший чай изъ листьевъ черной смородины съ ишенными будочками, фруктовый садъ и оранжерен, все это чередуется въ намяти моей.

Близкіе дома, въ которыхъ матушка часто проводила время и о которыхъ она всегда съ особеннымъ удовольствіемъ и благодарностію вспоминала, были семейства Бакуппныхъ, Самариныхъ и Архаровыхъ. Покойная Софья Григорьевна Волконская, супруга фельдмаршала, до смерти своей сохранила къ матушкъ моей самое дружеское расположеніс. Дружна она была и съ А. И. Васплычивовой (до замужества Архаровой). Изъ молодыхъ людей, въ то время часто бывавшихъ въ домѣ А. Н. Оленина, были между прочичъ С. С. Уваровъ и П. Д. Киселевъ. Бывалъ у Олениныхъ уже въ наше время ки. П. М. Волкопскій, министръ двора, по жень своей родственникъ Елисаветы Марковны. Когда онъ прівзжаль къ объду, старшій буфетчикъ Пвань Кондратьевъ съ особенною торжественностію являлся и провозглашаль свое обычное: «Кушать поставили». Одважды князь привезъ Елисаветъ Марковиъ пожадованный ей орденъ Св. Екатерины, и старушка, припявъ знаки ордена, замѣтила: «Ты, киязь, хлопочешь о томъ, чтобы передъ гробомъ моимъ было что нести». Памъ, дътямъ, приходилось въ домъ Алексвя Пиколаевича встречаться съ детьми инкоторыхъ паъ упомянутыхъ лицъ. Живо помнится, какъ бывало по Воскресецьямъ послъ объда мы ръзвились и плясали подъ звуки фортеніано или шарманки съ дочерьми A. II. Васильчиковой (впоследстви гр. Апна Алексевна Баранова и клягиня Е. А. Черкасская), съ Эристомъ и Кларою Люцероде, конхъ отецъ былъ Саксонскимъ посланникомъ. Изъ ближайшихъ къ семейству дътей были Атянька Оленина (нынъ А. Г. Стояновская) и кп. Алина Голицына, дочь Александра Өедоровича, женатаго на гр. Н. И. Кутайсовой, жившаго въ верхнемъ этажъ дома Олениныхъ на Большой Морской (пынъ перестроенъ и принадлежитъ Грейгу).

Самымъ горячимъ ноклонникомъ матушки моей между извъстными личностями былъ К. Н. Батюшковъ, на котораго однако къ несчастію эта любовь, нераздъляемая матушкою, имѣла самое нагубное вліяніе, ибо была одною изъ причинъ сперва его меланхоліи, потомъ умономѣшательства. Письма Батюшкова къ Е. Ө. Муравьевой свидѣтельствуютъ о тяжеломъ настроеніи его духа; онъ жалуется на судьбу свою. Въ стихотвореніи «Мой геній» Батюшковъ выражаєть всю глубину чувства своего. Глинка переложиль эти стихи на музыку, но этотъ романсъ одно изъ слабыхъ произведеній его. Нынѣ сынъ В. А. Куковскаго передаль Помпею Николаевичу Батюшкову стихотворенія его брата, посвященныя моей матушкѣ; они помѣщены въ полномъ собраній сочиненій Батюшкова, изданіи А. П. Майкова. Въ 1 томѣ, стр. 190 упоминается о моей матушкѣ.

Пока матушка моя воспитывалась какъ любимая дочь въ дом'в Олепиныхъ, отецъ ея вторично женился, и отъ этого втораго брака

подрастала уже дочь Наталья Федоровиа. Дедъ мой, желая, чтобы мать моя приняла на себя воспитание этой сестры, вызывалъ ее настоятельно въ Дерптъ (гдъ онъ поселился уже нъсколько лътъ, продавъ предварительно свое Кіевское имфиіе). Вызовъ этотъ былъ неожиданнымъ ударомъ для матунки моей, привязавшейся всею душою къ Елисаветъ Марковив. А. Н. Оленинъ сказалъ ей, что она можетъ не вхать въ Деритъ, если согласится выйти замужъ за человъка, давно уже просящаго руки ея, что онъ не ръщался до сихъ поръ говорить ей о немъ, будучи заранње увъренъ въ отказъ ел, но что теперь обязанъ ей объявить, что претенденть этоть Ник. Ик. Гивдичь. Этого матушка шкакъ не ожидала: она привыкла смотръть на Гивдича (уже далеко не молодаго человъка) съ почтеніемъ, уважая его умъ и сердце, наконецъ съ признательностію за вліяніе его на развитіе ея способностей, ибо почти ежедневно бесъдовала съ нимъ и слушала наставленія его; однимъ словомъ, она любила его, какъ ученицы привизываются къ своимъ наставникамъ. Но туть же появилось несчастное чувство сожальнія, и она просила А. Н. дать ей ивсколько дней для размышленія. Кончилось твиъ, что она, конечно, другими глазами смотря на Гивдича, стала замъчать въ немъ недостатки, напр, неимвршую дотолв никакого для нея значенія наружность (Н. И. былъ кривъ на одинъ глазъ всабдствіе оспы, обезобравившей ему лицо), и все это обратилось въ чувство непреодолимаго отвращенія, которое вскор'є сділалось яснымъ и для самого жениха. Въ это время какъ-то за объдомъ, дочь Олениныхъ Анна Алексвевна, тогда еще ребенокъ, вдругъ, ко всеобщему удивленію, смотря на Гитдича, съ сожальніемъ вскрикнула: «Бъдный Н. П., въдь онъ кривенькій». Елисавета Марковна, сдълавъ дочери выговоръ, спросила ее: кто могъ ей это сказать? Малютка промодчада, но вмёсто ея отвечаль только что взятый изъ деревии и стоявшій за стуломъ казачекъ: «Кто сказаль? Вфстимо, барышня (т. е. моя матушка) при мив говорили сегодня утромъ, что они (Гифдичъ) кравые; да и вправду они одноглазые.>

Матушка моя съ отчаяніемъ вырвалась изъ объятій дорогаго ей семейства, которое привыкла считать своимъ, и уъхала въ Дерптъ.

Туть она застала: Протасовыхъ, Воейкова, женатаго на Протасовой, и сестру ея, жену профессора Мойера, а также В. А. Жуковскаго.

Вскоръ свыклась она съ новою жизнію и обстановкой, дотоль для нея чуждой.

Въ 1821 году дѣдъ мой временно переселился въ Ревель, и тутъ моя матушка вышла замужъ за отца моего, у котораго отъ перваго брака былъ уже шестилѣтній сынъ.

II. 15

РУССКІЙ АРЖИВЪ 1896.

Затъмъ, какъ уже сказано выше, отецъ мой, выпужденный обстоятельствами, выъхалъ съ семействомъ изъ Ревеля и поступилъ на службу по въдомству Императорской Академін Художествъ и Морскаго Кадетскаго Корпуса.

Въ 1824 г., простудившись во время наводненія, онъ сталъ хворать и въ Февраль 1827 года скончался. Два мъсяца спустя матупіка была опредълена главною надзирательницею Воспитательнаго дома, т. е. отдъленія Французскихъ классовъ (Николаевскій Сиротскій Институтъ) и возрастнаго отдъленія, слившагося впослъдствіи съ Александринскимъ Сиротскимъ домомъ.

Трудное наступило время для бъдной матушки. Въ то время опа кормила меня, 8-мъсячнаго ребенка, и должна была блюсти за заведепіемъ, въ которомъ воспитывалось тогда не болье 300 питомицъ Воспитательнаго дома. Но время это сопряжено съ воспоминаніями, которыя
матушка сохрапяла до кончины своей. Руководительницею ея въ повыхъ обязанностяхъ была сама Императрица Марія Федоровна, въ первые дни пріъзжавшая въ заведеніе и, вводя новую пачальницу въ обязанности ея, съ материнскою заботливостію слъдившая за управленіемъ
его. Гр. Ив. Вилламовъ, бывшій въ то время секретаремъ Ея Величества,
а послъ кончины Императрицы статсъ - секретаремъ, управляющимъ
IV Отдъленіемъ Собственной Его Величества Капцеляріи, былъ также
отличнымъ совътникомъ матушки моей. Онъ всегда цънилъ заслуги и
способности ея и называлъ ее шуткою вмъсто мадамъ Оомъ мадамъ Умъ.

Вскорѣ матушка свыклась съ обязанностями до того, что державная ел покровительница однажды, обращаясь къ Е. М. Оленипой, спросила се: si elle n'a pas parmi ses bijoux une seconde perle, comme m-me Oom, qu'elle la prendrait à l'instant *).

Весь день у матушки былъ поглощенъ занятіями, которыя годъ отъ году становились труднёе по значительно возраставшему числу воспитанницъ.

Въ 1837 году въ назначени Воспитательнаго дома проязошла рѣз-кая перемѣна.

Французскіе классы были обращены въ Сиротскій Институть, въ который стали принимать исключительно оберъ-офицерскихъ дѣтей, а незаконнорожденныхъ дѣтей отвозили въ окрестныя деревии, гдѣ они и оставались до извѣстнаго возраста; а потомъ дѣвушки, если не вы-

^{*)} Нътъ ли въ числъ ея драгоцънностей еще другой жемчужины, какъ г-жа Оомъ; она бы ввила се сей часъ.

ходили замужъ, помъщались въ развыя заведенія въдомства учрежденій Императрицы Маріи, въ качествъ прислужницъ или, какъ называля пхъ въ институтахъ, няпекъ. Предлогомъ къ лишению воспитания и образованія этихъ песчастно-рожденныхъ (какъ со времени этого преобразовованія называла ихъ моя матупіка, которая сильно противилась реформ'в) послужило предположение, что этимъ путемъ, если не прекратится, то по крайней мірь, уменьшится безправственность. Какъ будто вовлеченные въ гръхъ люди думаютъ о послъдствіяхъ безправственнаго ихъ поступка? Я увъренъ, что въ очень ръдкихъ случаяхъ человъкъ удержится отъ гръха въ предвидъпіи того, что плодъ сго незаконной связи будетъ лишенъ образованія. При учрежденін воснитательныхъ домовъ, Императрица Екатерина имъла въ виду не только гуманцую цель-смыть, такъ сказать, съ детей, неповинныхъ конечно въ грехъ родителей, пятно на няхъ лежащее, и сравнить ихъ съ другими сословіями сообразно ихъ способностямъ и паклониостямъ, но въ тоже время лучшихъ изъ шихъ и наиболье способныхъ подготовлять къ службь внутри и на окраинахъ Россіи. И въ самомъ дель, сколько изъ питомцевъ воспитательныхъ домовъ было впоследствии отличныхъ врачей, учителей и воспитательницъ во всехъ губерніяхъ Россіи и Сибири. Этимъ молодымъ людямъ, не имъвшимъ ин родныхъ, на знакомыхъ въ столицахъ, не трудно было разставаться съ Петербургомъ п Москвою, в они скоро свыкались съ провинціальною жизнію во время шестильтней обязательной службы ихъ въ мыстахъ, куда ихъ назначало правительство, ибо другой родины ови не имъли. Между тъмъ мы знаемъ, какъ трудно и теперь находить людей для службы вив столицъ и въ особенности гдѣ нибудь въ глуши. Вотъ этихъ-то людей и давали воспитательные дома съ вхъ учебно-воспитательными заведеніями.

Матушка, пасколько отъ нея завискло, отстанвала препмущества дарованныя песчастно-рожденнымъ датямъ Императрицею Екатериною. Она рашалась даже лично просить Императрицу и Государя не лишать этихъ датей воспитанія и убъждала, если требуется, основать особое сиротское заведеніе для оберъ-офицерскихъ датей, по не закрывать питомцамъ пути къ воспитацію и образованію. «Мой долгъ, Государь», говорила она, «вступиться за нихъ, поо она мив поручены покойной матушкой вашей. Она призвада меня воспитывать именно ихъ, а не другихъ датей.» Но вопрось былъ рашенъ безповоротно.

Во всякомъ случав могу съ уввренностью сказать, что съ той минуты, когда вмвсто малолютнихъ незаконнорожденныхъ двтей стали поступать въ Институтъ оберъ-офицерскія сироты 10, 12-ти и до 13-ти лють, часто если не испорченныя уже, то съ дурными наклонностями

и привычками, матушкъ стало несравненно трудите управлять заведеніемъ. Число дітей стало быстро возрастать; въ 1845 году перевели въ тоже зданіе воспитанниць Александринскаго Сиротскаго дома, коего помъщение на Каменно-островскомъ проспектъ понадобилось для Лицея, выведеннаго тогда изъ Царскосельского дворца. Число воспитанницъ и служащихъ, подвъдомственныхъ управленію моей матушки, возросло до 1000 человъкъ. Странно, что, не смотря на эти перемъны, которыя вызывали усиленные труды и возлагали на матушку страшную отвътственность, содержание ея, весьма тогда скромное, оставалось неизмъненнымъ до кончины ея. Въ теченіе 24-хъ льтней службы она отъ Опекунскаго Совъта наградъ не получала, да и не просила; два раза удостоявалась получать подарки лично отъ Государыни Императрицы. 24-хъ лътняя служба ся ознаменована самымъ добросовъстнымъ исполненіемъ обязанностей и безкорыстіємъ. Государь Николай Павловичъ зналъ это и цвиилъ службу ея, что доказалъ милостивымъ участіемъ во время предсмертной ея бользии и послъ кончины ся.

Часто матушка нуждалась въ денежныхъ средствахъ, и когда по совъту медиковъ ей приходилось въ 1842 и 1846 годахъ ъздить на морскія купанья въ Гельсингфорсъ, оба раза она ъздила на счетъ позаимствованныхъ денегъ, которыя возвращать стоило немалаго труда.

Сестры мон, окончивъ курсъ въ Институтъ, устроили у себя небольшой пансіонъ для дъвочекъ, что давало имъ средства содержать себя.

По выход'в моемъ изъ Университета, въ которомъ я, какъ и во 2-й гимназіи, состоядъ стипендіатомъ Й. А. Крылова *), моего врестнаго отца, матушка, чтобъ экипировать меня, заняла 300 р., которые я уплатиль впосл'ядствін изъ жалованья моего.

Какъ добросовъстно относилась матуніка моя къ своимъ обязанностямъ, можно судить уже потому, что, постоянно наблюдая за нравственнымъ и умственнымъ развитіемъ ввъренныхъ ей сиротъ, она въ тоже время неуклопно провъряда самую себя и совътовалась съ извъстными въ то время педагогами: Парротомъ, Е. А. Энгельгардтомъ, академиками Аделунгомъ и Шторхомъ, Пезаровіусомъ и директоромъ Нъмецкаго училища Св. Петра старикомъ Вейсомъ. Эти господа приглашались и на экзамены выпускныхъ воспитанницъ. Бывшій министръ

^{*)} Въ день 50-ти лътияго юбился его въ 1838 году, какъ баснописца, была Всемилостивъйще пожаловака изъ Государственнаго Казначейства сумма на образование стипендий Крылова. Иванъ Андреевичъ приъхалъ тотчасъ же къ матушкъ моей съ предложениемъ взять меня первымъ степендиатомъ.

Нар. Просв. графъ Уваровъ, котораго матушка зиала еще въ молодости, также посъщалъ Институтъ, который называлъ Женскимъ Университетомъ. Гр. Ив. Вилламовъ и почети. опек. графъ Михаилъ Юрьевичъ Віельгорскій принямали самое близкое участіе въ дълъ образованія воспитанницъ, которыя готовились въ домашнія наставницы и номѣщались въ семейства, проживающія внутри Россіи, не имѣя права въ первыя по выпускъ писть лѣтъ принимать мѣста въ столицъ. Отъѣзжающихъ матушка всегда провожала сама въ контору мальностовъ, и по просьбамъ ея, въ Москвъ и другихъ городахъ, ихъ встрѣчали на пути заботливыя попеченія или начальницъ институтовъ, или мѣстныхъ властей. Она оберегала ихъ какъ своихъ дочерей до самого прибытія ихъ въ семьи и была потомъ въ перепискъ съ ними.

Дътство и юность моя и сестеръ монхъ были самыя счастливыя, и любовь наша къ матушкъ безграничная. Тенерь, когда иншу эти строки, испытавъ въ жизни много чувствительныхъ потерь, сознаюсь откровенно, что смерть матушки была лишеніемъ самымъ свяьнымъ и бользпеннымъ. Никогда я не встръчалъ въ женщинъ столько ума и сердца, никогда не могъ себъ представить болье чарующей ласки, которая относилась не только къ намъ, роднымъ дътямъ ея, не только къ ввъреннымъ ея руководству сиротамъ, по даже къ посторониимъ лицамъ, прибъгавшимъ къ ней за совътомъ и утъщеніемъ.

По настоянію матушки мужское отділеніе Воспитательнаго дома, которое отділялось отъ женскаго церковью (помінцавшеюся тамъ, гдіныні танцовальный заль Николаевскаго Пиститута), было переведено въ Гатчину, что послужило къ значительному расширенію женскаго отділенія. Внослідствій для груднаго отділенія было построєно особое зданіе (ныні Воспитательный домъ), а присоединеніе прежияго помінценія онаго къ Институту дало возможность перевести туда Александринскій Сиротскій домъ и слить его съ рукодільными классами.

Какъ живо помпится миѣ квартира, которую запимала матушка въ первые годы ся службы. Компатъ было всего 4, изъ которыхъ одна раздѣлялась на гостивную, спальню и матушкинъ кабинетъ. Всѣ онѣ топились огромною изразцовою печью, весьма красивою, съ большимъ шаромъ обвитымъ гирляндами, которыя граціозно опускались на самую печь и по пей почти до полу. Помпю еще пѣсколько красивыхъ израздовыхъ печей въ Пиститутскомъ зданіи; всѣ эти памятники временъ Елисаветы Петровны, поставленные при постройкѣ великолѣннаго дома гр. Кирилы Григорьевича Разумовскаго, давно уже исчезли. Новѣйшихъ временъ архитекторы безпощадно упичтожали ихъ

при каждой перестройкъ. Дядя мой (по женъ своей Натальъ Петровнъ Литке), адмиралъ Ив. Сав. Сульменевъ, при первомъ посъщении матушки въ новомъ ея помъщенія, вспомниль, что, будучи юнкеромъ во флоть, стояль на часахъ у входа въ эту квартиру, когда ее занималь прибывшій изъ Франців во время революців въ 1793 г., герцогъ Артуа, впоследствій Карль Х-й. Мы жили 15 леть въ этомъ тесномъ помещенія, но никому и въ голову не приходило жаловаться на тесноту. Вообще требованія были иныя въ то счастливое время. Никто не искаль роскоши въ обстановкъ, а между тъмъ матушку навъщали всъ старые друзья ея молодости. Такъ какъ, во время наводненія, родители мои лишились всей мебели, обзаводиться повою было не на что, то друзья и родственники позаботились снабдить ихъ необходимымъ. У насъ долгое время сохранилась мебель краснаго дерева въ гостинной, которую подариль матушкв И. А. Крыловъ. Когда бывало Императоръ Няколай Павловичь или Императрица Александра Осодоровна удостоивали навъщать матушку, то мы, дъти, тотчасъ послъ отъезда Ихъ Величествъ, отмѣчали вресла, на которыхъ сидъли августъйшіе гости. Въ то время пачальницамъ виститутовъ не меблировали помъщенія, какъ дълается теперь.

Я, какъ единственный сывъ матушки, былъ въ дътствъ общимъ баловнемъ, начиная съ воспитанинцъ и служащихъ до Императрицы, которая всегда меня ласкала и на экзаменахъ, при которыхъ часто присутствовала, ноила съ ложечки шеколадомъ. Государь очень цънилъ матушку и настоятельно требовалъ, чтобы она приняла на себя воспитаніе великихъ княженъ Маріи и Ольги Наколаевны; но матушка пикакъ не могла рѣшиться на это приглашеніе, желая непремѣнно останить за собою воспитаніе собственныхъ четырехъ дѣтей. Цѣлый годъ Государь ислъдствіе этого не посѣщалъ Института, но подъ конецъ гнъвъ обратилъ на милость.

Едва ли кто пибудь можеть похвастаться такимъ счастливымъ дътствомъ, какъ л. Первыя мон учительницы были пъкоторыя изъ воспитанинцъ Института. Помнятся мит имена Анны Гавриловны Зайцевой, Катерины Осиновны Гореглядъ и другихъ наставницъ монхъ до поступленія моего въ Реформатскую школу въ 1835 году. Инспекторомъ этой школы былъ Гордакъ, хорошій педагогъ, воспитанію котораго ввърялись дъти изъ самыхъ разнообразныхъ слоевъ общества. Тутъ были сыновья высоконоставленныхъ лицъ, дворянъ, чиновниковъ, которые сидъли рядомъ съ сыновьями ремесленниковъ и разночинцевъ, по духъ былъ отличный. Школа эта служила отчасти приготовительнымъ заведеніемъ для спеціальныхъ заведеній, какъ Училище Правовъдънія,

Лицей, Артиллерійское и Инженерное Училища, отчасти же для гимпазій, потому что тутъ же необязательно преподавался Латинскій языкъ, и наконецъ, большая часть учениковъ ограничивалась курсомъ школы и по окончаніи онаго возвращалась къ ремесламъ и другимъ занятіямъ своихъ отновъ.

Въ 1839 году я поступиль во 2-ю Гамиазію, гді въ это время пзвістный А. Ф. Постельсь, въ качестві директора, деспотически распоряжался очисткою интерната отъ воснитанниковь, которыхъ перевоспитать онъ вітроятно не надіялся, а видя ихъ дурное вліяніе на товарищей безперемонно сікъ или исключаль изъ заведенія. Тяжело было намъ всімь быть свидітелями такого деспотизма; по нельзя не отдать Постельсу справедливости въ томъ, что поставиль онъ гимиазію на отличную вогу.

Попеволь сожальены тенерь о томъ, что ивтъ больше такихъ интернатовъ, въ которыхъ масса мальчиковъ, не получающихъ пикакого домашняго воспитанія, паходила его въ Гимпазіи. Направленіе, данное тогда молодымъ людямъ и дътямъ въ Гимназіи, конечно послужило имъ въ прокъ. Никогда не слыхалъ я по крайней мъръ, чтобы бывшіе воспитанники этого интерната были замъщаны въ какіе пибудь политическіе процессы. Духъ этотъ не только сохранился въ бывшихъ товарищахъ монхъ, но привился и къ послъдующимъ покольніямъ.

Въ 1880 году гимназія праздновала 75-тильтіе своего существованія, и по этому случаю бывшіе воспитанники собрались на праздникь въ Озеркахъ. Въ обществь однокашниковъ, собравшихся тогда на объдъ въ числь около 150 человькъ, можно было убъдиться въ томъ отличномъ направленія, которое дълаетъ честь Постельсу въ его системь. Между всьми ими чувствовалось единомысліе, замьтно было начало насъ связующее, и всякій наъ насъ чувствовалъ себя въ кругу людей руководимыхъ добрыми, правственными началами и не чувствующихъ надобности скрывать другь отъ друга своихъ убъжденій. Это до такой степени върно, что, какъ мит извъстно, одинъ наъ бывшихъ воспитанниковъ Гимназіи, зараженный иными воззрѣніями, чувствуя, инстинктивно, что ему не мъсто среди насъ въ этотъ день юбилея, воздержался отъ участія въ товарищескомъ празднествъ.

Въ Гимназіи нѣкоторые предметы давались мнѣ легко, и я по нимъ былъ однимъ изъ лучшихъ учениковъ; другіе же давались туго, и я былъ на дурномъ счету у моихъ преподавателей, изъ которыхъ, между прочими, учитель геометріи (до аналитики включительно), Миха-илъ Кирилловичъ Иващенко, преслъдовалъ меня систематически, сбивая

на отвътахъ. Пользуясь положительнымъ неумъніемъ моимъ выражаться, онъ делаль мий отчаянныя отметки и оставиль меня на 2-й годъ въ иятомъ классъ. Помию, что я страшно скучалъ иногда въ Гимиазіи, гдъ былъ интерномъ. Воспитанный дома среди дъвицъ, изнъженный женскимъ обществомъ, я не переносилъ грубыхъ выходокъ товарищей, которые задались какъ нарочно мыслію меня прошколить, какъ и слѣдовало. Это имъло отличное на меня вліяніе, и теперь я съ удовольствіемъ вспоминаю о многихъ моихъ товарищахъ, къ которымъ тогда привязался съ искрениею любовью. Вотъ имена изкоторыхъ изъ нихъ. 1) Тенгоборскій (Адольфъ) хромой, великій шалунъ, по умный, способный; онъ не выдержаль дисциплины Постельса и въ одинъ прекрасный день ушель изъ Гимназія и болье не возвращался. Отецъ его, извъстный экономисть, жившій тогда въ Вънь, чрезъ графа Нессельроде опредълиль его на службу въ Тегеранъ, потомъ консуломъ въ Рештъ, гдь онъ пріобрыть извыстность необыкновенною эпергією, настойчивостію и даже свирѣнымъ обращеніемъ съ Персіянами. Умеръ онъ отъ чахотки въ Тифлисъ въ качествъ управляющаго дипломатическою канцеляріею при нам'єстник внязь Барятвискомъ, въ объятіяхъ друга своего генералъ-адъютанта барона Николан, послъ монаха въ одномъ изъ монастырей Франціи. 2) Игнатьевъ, сынъ Новгородскаго помъщика. 3) Тахомировъ умершій въ Гимназіи. 4) баронъ Ренне, впоследствія адъютантъ и зять графа Коцебу. 5) Бинеманъ-фонъ-Бинсиштамъ, Курляндець, умеръ Деритскимъ студентомъ. 6) Тернеръ Осдоръ Густавовичъ пынъ директоръ департамента госуд. казначейства *). 7) Мятлевъ Петръ Ивановичъ, 8) Бутурлинт и 9) князь Дмитрій Долгорукій, всъ трое перешля въ Пажескій корпусъ. Мятлевъ, бывшій гусаръ, женатъ на Данауровой. Бутурливъ, очень способный и прекрасный юпоша, оказался вноследствін ни къ чему негоднымъ и умеръ молодымъ человекомъ. Долгорукій, бывшій кавалергардъ, нынѣ шталмейстеръ, жеватый на графинъ Н. В. Орловой-Давыдовой.

Многихъ могъ бы я перечесть, но самымъ лучшимъ другомъ моимъ былъ въ Гимназіи и въ Университетъ А. П. Фромандіеръ. Отецъ его знаваль въ молодости матушку мою, а потому Александръ Павловичъ былъ принятъ ею, какъ второй сынъ, и по выходъ изъ Гимназіи мы съ пимъ жили неразлучно. Прелестный юноша, красавецъ, любимецъ дамъ и дъвицъ, онъ всю жизнь въ состояніи былъ бы проводить въ ихъ обществъ и влюбляться ежечасно, но для дъла онъ былъ неспособенъ. Онъ могъ бы быть примърнымъ мужемъ, отличнымъ отцемъ

^{*)} Съ 1886 года товарищъ министра финансовъ, а нынъчленъ Государственнаго Совъта.

и семьяниномъ. Разстроенныя дёла заставляютъ его служить въ настоящую минуту по крестьянскимъ дёламъ въ Лидё, Виленской губерніи.

Гимназистомъ, а потомъ и студентомъ, особенно часто бывалъ я въ домъ генерала Полозова, бывшаго начальника С.-Петербургскаго округа жандармовъ. Тутъ я сблизился съ многими пажами: ви. Имеритинскимъ, Рихтеромъ (иынъ генералъ-адъютантомъ), Эккельномъ, Николаевымъ, Арбузовымъ и другими.

Помѣшала мнѣ между прочимъ въ учебныхъ занятіяхъ первая любовь. Когда я встръчался у матушки мосй съ воспитанинцами Института, мић и въ голову не приходило влюбляться въ пихъ; я съ пеленокъ привыкъ къ нимъ и смотрълъ на пихъ совсъмъ иными глазами, нежели на дъвицъ и дамъ, которыхъ встръчалъ виъ Института. Влюбился я впервыя въ тетку мою, жену родпаго брата матушки моей, Өедора Өедоровича Фурмана, въ ту прелестную Римлянку, которая была извъстна въ Петербургъ подъ названіемъ la bella Juditha и плъняла всёхъ пёніемъ своимъ. По смерти дяди она была въ замужествъ сперва за Ксаверіемъ Лабенскимъ, а потомъ за Эверсомъ. Всъ три мужа ея служили по Министерству Иностранныхъ Дѣлъ; помню слова гр. Нессельроде, одного изъ поклонниковъ тётки, въ день кончины Лабенскаго: Quel malheur pour la pauvre veuve; avoir eu deux maris aussi parfaits et les perdre!*) Когда дядя мой въ первый разъ съ женою прівхаль въ Петербургь изъ Константинополя, ей было літь 18-ть. Красавица, живая какъ шаловливый ребенокъ, одна изъ лучшихъ ученицъ Россиии, она до того вскружила мив голову, что, сидя цвлую недълю въ Гимназіи, я только и думалъ о ней, напъвалъ прелестныя аріи, которыми она сводила съ ума и молодежь и стариковъ, мужчинъ п женщинъ, мечталъ только о блаженствъ, которое ожидало меня въ предстоящую Субботу. Объ урокахъ не было и ръчи; я никакъ не могъ оторваться отъ милыхъ мнв грёзъ и съ сожалвніемъ и даже съ пренебреженіемъ смотрѣлъ на товарищей, которые не могли понимать ни чувствъ, ни мечтаній моихъ. Только отъбадъ ея съ дядею въ Римъ положиль конець этому ребячеству, и уже въ 1846 году вновь вспыхнула страстная любовь моя къ теткъ, когда она вдовою возвратилась въ Петербургъ, чтобы вскоръ выйти вновь замужъ за прекрасиъйшаго и образованнъйшаго человъка, Ксаверія Лабенскаго, игравшаго видичю роль при граф Нессельроде.

^{*)} Какое горе бѣдной вдовы. Два мужа ея были такіе превосходные люди, и ова ихъ лишилась!

Повторяю, дътство мое было счастливъйшее, и я до гроба буду вспоминать это беззаботное, чудное время, когда блаженство мое заключалось въ безграничной любви къ матушкъ и стараніи утьшать ее, угождать ей. Чистота правственная, въ которой конечно я не отдаваль себь отчета, придавала жизни нашей въ семь в предесть ничемъ пезам внимую. И любилъ всёхъ и каждаго, не зналъ ненависти, ибо былъ окруженъ людьми меня ласкавшими. И быль къ тому же мечтателень, любиль природу, эту скудвую природу нашихъ окрестностей. Пріютино, дача Олениныхъ за пороховыми заводами, и Куракина дача, гдв матушка приводила часть льта съ воспитанинцами, давали мив все, чего я жаждаль въ дътскіе годы. Въ Пріютинъ, которое воситто Батюшковымъ, мы наслаждались всеми преимуществами жизни барскаго дома, и какъ горько плакалъ я, когда по кончинь Е. М. Одениной оно было продано. По и Куракина дача имъла свою прелесть. Поминтся мнъ, что часто, вставая рано, я въ хорошую погоду ходиль одинь въ поле и приходиль въ экставъ: молился, возносиль къ небу благодарсніе за счастье, за блаженство жизни. Въ такія чудныя минуты хотвлось обнять всіхть дорогихъ мий и близкихъ сердцу. Часто, гуляя одинъ, я громко декламировалъ стихи Русскихъ, Немецкихъ и немногихъ Французскихъ поэтовъ. Что это были за блаженныя минуты, какъ я быль тогда чисть душою! Одна только любовь къ Богу и ближнему наполняла сердце мое, потому что я не зналъ ни злобы, ни искушеній, и быль полонь лучшихъ надеждъ, лучшихъ пожеланій.

Къ такимъ воспоминаніямъ дітства принадлежать дни, которые проводили мы у Олениныхъ. До кончины Елисаветы Марковны, мы обязательно объдали каждое Воскресенье у нихъ. Тутъ всегда мы встръчали родственниковъ ихъ: Олениныхъ, Сухаревыхъ, Волконскихъ (князя Петра Михайловича в сыновей его Дмитрія и Григорія съ женами, рожденными Кикиной в Бенкендоров), Полторацкихъ, Мертваго в проч. Блудовыхъ, Крылова, Жуковскаго, академиковъ и профессоровъ. Между Олешиными была сестра Алексъя Николаевича, Софья Николаевна, старая фрейлина, проживавшая въ Таврическомъ дворцъ. Невообразимо дурная собою, съ физіономією филина, она носила парикъ, къ которому большою брошкою изъ гранатовъ (pavé) прикалывала чепедъ. Помню, какъ разъ, на едкъ въ нашемъ домъ, она пеосторожно потянулась, чтобы осмотръть подарки, лежавшіе около ёлки, зажгла чепецъ и вифств съ нимъ и нарикъ и, очутившись съ голою головою, громко закричала «Херъ Іссусъ Кристусъ!» Она была большая трусиха и въ особенности пугалась, когда по вечерамъ возвращалась отъ Олениныхъ въ Тавриду, въ четырехмъстной придворной каретъ съ форейторомъ: тънь послъдияго обгоняла карету. Тогда она хватала за руку свою подругу, старушку княжну Апну Алексъевну Волконскую и кричала: «княжна, видишь?»—«Вижу», отвъчала та и крестилась.

Иванъ Андревичъ Крыловъ каждое Воскресенье объдалъ у Оленныхъ. Разъ какъ-то онъ не явился. Ждали его, посылали въ Англійскій клубъ узнать, не тамъ ли онъ; но когда пришелъ отвътъ, что его и тамъ не было нъсколько дисй сряду, послали узнать о его здоровьъ. Оказалось, что онъ боленъ. На другой день я былъ посланъ матушкою узнать о его здоровьъ. Застаю его въ халатъ, кормящаго голубей, которые постоянно влетали къ нему въ окна и причиняли безпорядокъ и печистоту въ комнатахъ. Тутъ онъ разсказалъ миъ, что былъ дъйствительно нездоровъ, но вылъчился пеожиданно, страннымъ способомъ. Объдалъ онъ наканунъ дома. Подали ему больному щи и пирожки. Съълъ онъ первый пирожокъ и замъчаетъ горечь, взялъ второй—тоже горекъ. Тогда онъ, по разсмотръніи, замътилъ на нихъ ярь. «Ну чтоже», говоритъ, «если умирать, то умру отъ лвухъ какъ и отъ шести и съ-ътъ всъ шесть. Послъ того желудокъ поправился, и сегодия думаю ъхать въ клубъ».

Оленинскіе блины славились въ свое время. На масляницѣ ежедневно собарались любителя этой сиѣди. Иностранцы также усердио ѣли эти блины; Австрійскій посолъ Финельмовъ однажды наѣлся до того, что серіозно занемогъ. Отличался также прожорливостію своєю профессоръ Н. Ө. Рождественскій. Когда въ первый разъ подали въ концѣ обѣда полоскательныя чашки, въ которыхъ была, какъ обыкновенно, теплая вода, подправленная лимонною коркою, онъ вообразилъ, что это питье и, выпивъ весь стаканъ, замѣтилъ, что «пуншикъ хорошъ, по слабоватъ». Баловалъ меня еще одинъ изъ воскресныхъ посѣтителей Олениныхъ мирза Джафаръ Топчибашевъ, профессоръ восточныхъ языковъ. Онъ миѣ подарилъ Черкесскій костюмъ, въ которомъ я охотно щеголялъ. Еще приноминаю флигель-адъютанта нолковника Асланъ-Бека Туганова, командовавшаго эскадрономъ конвоя, подъ начальствомъ командира Алексѣя Өедоровича Львова.

Хорошее время было и студенчество. Про себя могу сказать, что я въ четыре года пребыванія въ Университеть місшаль діло съ бездівлісмъ. Я занимался, правда, болісе передъ экзаменами, но аккуратно посіншаль лекцін, а по вечерамъ, грішный человікъ, почти ежедневно бываль въ дамскомъ обществі или у матушки, или же у знакомыхъ, влюбляясь безпрестанно въ дамъ и дівицъ, съ которыми приходилось танцовать мазурку или котильонъ. Часто бываль я у почтенной Александры Оедоровны Фулонъ, жившей тогда въ Караванной, въ домі

брата ся, А. Ө. Львова. Прелестныя дочери ея и подруги ихъ, сестры Пр. Аг. Львовой, Въра и Марья Аггъевны Абазы (послъдняя вышла за извъстнаго Н. А. Милютина), имъли множество поклонниковъ между молодыми людьми, моими товарищами. Изъ безчисленныхъ Львовыхъ болъе всъхъ симпатиченъ миъ былъ Леонидъ Леонидовичъ, мать котораго, рожд. Козлянинова, была женщина въ высшей степени образованная и любезная. Часто собирались мы и въ этомъ домъ, гдъ но вечерамъ устроивались чтенія или разыгрывались пьесы. Помню между прочимъ, какъ мы очень порядочно разыграли «les Plaideurs» Расина.

Бывалъ я и у т-те Cassel, пачальницы Александровскаго училища, гдѣ плѣняли въ то время молодежь бывшія воспитанницы: Кобякова (вышедшая за Ив. Сем. Каханова), Межуева, Кохановская, Дудина и др. Постоянными кавалерами на вечерахъ были: два брата Поггенноли, З. Н. Мухортовъ, Кахановъ, Оедоровы и др. Къ этому же времени относится мое знакомство съ семействомъ старика лейбъ-медика Беверлея, владѣльца дачи по Шлиссельбургскому шоссе, сосѣдней съ такъ называемою Куракиною дачею, куда на лѣто поселялись воспитанницы Николаевскаго Института и переѣзжала педѣль на шесть и матушка моя. Не забуду шикогда впечатлѣнія, произведеннаго на меня очаровательною Эмиліею Беверлей, этой типической бѣлокурой красавицей Англичанкой, какихъ встрѣчаешь только въ Великобританіи пли въ Англійскихъ кипсэкахъ.

Товоря о дачё, не могу не вспомнить о бревенчатомъ домё въ институтскомъ городскомъ саду, который выходиль на Казанскую улицу. Этимъ домомъ матушка моя пользовалась весною и осецью и наслаждалась въ немъ въ часы отдохновенія, гуляя по саду и ухаживая за цвётами и растеніями, которыхъ съ дётства была большою любительницею. Вообще она восхищалась природою, даже такою скудною, какъ въ окрестностяхъ Петербурга, и если всегдашнею ея мечтою была поёздка за границу, въ особенности въ Саксонію, о которой много слышала онъ отъ отца своего, то никогда не жаловалась на невозможность исполнить эти ріа desideria.

Въ Университетъ я особенно сошелся съ Александромъ или (какъ называли его) Санди Крейтономъ, который умеръ бъдняга отъ тифа въ Крыму, во время Севастопольской войны. Слабаго и даже пъжнаго сложенія, ему не слъдовало вовсе ъхать туда и сколько я его ин отговаривалъ, онъ настоялъ на своемъ, подъ предлогомъ нежеланія отпустить туда одного друга и товарища по Университету гр. Анатолія Палена. Но жертву эту онъ принесъ не товарищу, а сестръ его, предест-

ному существу, въ которую онъ былъ влюбленъ. Ея уже давно пътъ въ живыхъ, а братъ ея умеръ отъ тифа же и рапве Крейтона. Товарищъ нашъ Пашковъ, прибывшій въ Симферополь съ Тульскимъ ополченіемъ, встрътиль похороны Палена, а Крейтона засталь уже въ предсмертной агоніи. Друженъ быль я также съ Л. А. Титовымъ (посл'в Могалевскій предводитель дворянства) и съ Вл. Павл. Языковымъ, давно уже скончавшимся въ деревић, послѣ несчастнаго паденія съ лошади на охоть. Товарищами монии были Дмитрій и Сергви Дмитр. Бибиковы, ки. Н. П. Мещерскій, братья Александръ и Василій Шереметевы, ки. Юсуповъ, братья Палены, Жемчужниковы, Терперъ и пр. Съ личностью Языкова сопряжены лучшія воспоминанія моей юности. Семья отца его, Павла Александровича, была для меня второю семьею. Туда стремился в постоящио, когда уже не стало матушки моей, и всв помышленія мон ивсколько лёть сряду были направлены къ одной цёли сродниться съ этимъ семействомъ. Но увы, это оказалось несбыточнымъ, и я предпочитаю эту священную тайну сердца моего хранить про себя. Съ благодарностію вспоминаю и о семействъ генерала Швенгельма, бывшаго директора Лъснаго Института. Жена его, рожд. Кридцеръ, была сестра покойной жены П. Л. Языкова. Цъдая компанія молодежи, дружно жившей между собою, собиралась ежедневно въ одномъ изъ семействъ: Швенгельмъ, Языковыхъ, Христіани, Вилліе и др. Къ этой компаніи принадлежали братья-Преображенцы Денъ, Тучковы, Гельфрейхъ, баронъ Анд. Ник. Корфъ, нынѣ Приамурскій генералъ-губернаторъ, графъ К. К. Сиверсъ, Татовъ, Христіани, Пистолькорсъ, баронъ Икскуль и много другихъ.

При жизни матушки домъ нашъ былъ постоянно полонъ: всегда было нѣсколько дѣтей, которыхъ она изъ состраданія брада къ себѣ съ тѣмъ, чтобы призрѣть на нѣкоторое время отъ голода и нищеты, а потомъ, при содѣйствіи другихъ, помѣстить въ какія-нибудь заведенія. Императрица Александра Өедоровна также поручала моей матушкѣ такихъ дѣвицъ, которыхъ въ институтѣ помѣщать признавалось неудобнымъ, но которыхъ нужно было удалить изъ семействъ. Такимъ образомъ были призрѣны въ семействѣ нашемъ двѣ дочери тайнаго совѣтника Попова "), за принадлежность его къ сектѣ хлыстовъ или скакуновъ сославнаго въ Казань. Овъ служилъ въ почтовомъ вѣдомствѣ, подъ начальствомъ кинзя Александра Николаевича Голицына и между прочими хотѣлъ и дочерей своихъ заставить послѣдовать ученію этой секты. Одна изъ нихъ Любовь Васильевна подверглась со стороны его страшнымъ гоненіямъ: ее запирали, даже пстязали, такъ что она избитая, тщедушная, въ ранахъ прибыла къ намъ, и долго пришлось лечить ее,

^{*)} См. Дубровина "Наши мистики".

чтобы возстановить здоровье ся и силы. Объ сестры до того сроднились съ нашимъ семействомъ, что и до сего времени сохранились между нами отношенія почти родственныя.

Потомъ быда помѣщена къ намъмаленькая княжна Екатерина Петровна Гурко-Ромейко-Друцкая-Соколинская. Мать ея прибыла изъ Смоленска и просила покровительства Императряцы отъ преслѣдованій мужа, горькаго пьяницы и безобразнаго чудовища. Маленькая Катя прожила у насъ нѣсколько лѣтъ, а послѣ смерти отца была вновь взята матерью.

Наконедъ, по волъ же Ея Величества, отдана была моей матушкъ на воспитаніе прелестная 6-тильтиям дівочка, Черкешенка, взятая въ плънъ при штурмъ Ахульго, княжна Сулейма или Маслимата Сурхай. Отецъ ся быль отчалиный и сильный врагь Россіи, мюридъ въ родъ Шамиля. Дочь была пайдена среди убитыхъ и раненыхъ подъ ствиами кръпости, съ пробитымъ череномъ и съ раною на лбу. Привезена она была по порученію генераль-адъютанта Граббе въ Петербургъ полковникомъ Захаржевскимъ прямо къ моей матушкъ, которая съ сердсчною нежностью приняла малепькую, дикую девочку, чуждавшуюся всёхъ, а въ особенности мужчинъ, какого бы возраста они ни были. Помию, что она не только убъгала отъ меня, по и отворачивалась при видъ меня. Медленны были успъхи въ стремленіи устранить эту дикость, но чрезъ 2-3 года, по крещенім ея въ православіе, она сділалась прелествійшимъ созданіемъ. Закону Божію училъ ее протопресвитеръ Бажановъ, всьми другами предметами занимались мов сестры. При Св. крещеніи она была наръчена Александрою Павловной, ибо воспріеминками ся были Императрица и генералъ-адъютантъ Павелъ Христофоровичъ Граббе. Обрядъ былъ совершенъ въ церкви Зимняго Дворца. Нельзя было не удивляться перемінів, происшедшей въ этомъ предестномъ ребенків. Молилась она такъ, какъ ръдко молятся дъти ея лътъ, по рожденію принадлежащія къ православной церкви. Такъ она росла въ пашей семь до 13 льть. Матушка, сестры мой, я и весь Институть привязались къ ней. Императрица ласкала ее, какъ будто она принадлежала къ Царской семьв. Ее часто брали во дворедъ и, замвчательно, что она тамъ вела себя также свободно, какъ дома, писколько не стъсняясь пышною обстановкой и обществомъ Великихъ Киязей и Кияженъ. Дяля мой, О. И. Лятке, бывшій въ то время воспитателемъ В. К. Константина Николаевича, конфиденціально передаль матушкѣ моей, что Августвиній воспитанникъ его влюбился въ нашу милую Сашу, возмечталь со временемъ жениться на ней и сделаться владетельнымъ княземъ на Кавказъ. Конечно, это была ребяческая мечта; но что она занимала Великаго Князя и сдёлалась извёстною въ Царской семью, доказывается тымь, что, въ присутствій покойнаго Цесаревича на Кавказів въ 1863 году, Его Высочество мий разсказываль объ этомъ.

Но увы! Бъдиая дъвочка на 14-мъ году внезапно заболъла скоротечною чахоткой и, проболъвъ мъсяцъ, скончалась. Императрица навъщала ее во время болъзни, сидъла у ея постели и горько оплакивала ея смерть. Для насъ эта потеря была семейнымъ горемъ.

Отрадиую и благодарную память сохранили мы еще о двухъ лицахъ, съ которыми были въ родственныхъ отношеніяхъ: это племянница А. Н. Оленина, воспитанная и жившая въ его домѣ до его кончины, а потомъ переселившаяся къ моей матушкѣ. Фамилія ея, Коханѣева, была извѣстна немногимъ, а Мареу Осдоровну знало почти все высшее Петербургское общество. Добрѣйшая, по беззаботная душа, она, правда, пичего въ жизни своей не создала, была виолиѣ безполезна, но любила искренно мать мою и сестеръ, и мы также были сердечно привязаны къ ней. Рѣдко встрѣчалъ я старушекъ, способныхъ такъ искренно смѣяться и въ тоже время, безъ всякой почти причины, создавать себѣ заботы, какъ она. Послѣднее, впрочемъ, происходило отъ ея бездѣлья.

Другое лицо быль баронь Борисъ Борисовичь Штакельбергь, завъдывавшій хозяйственною частью Воспитательнаго Дома и Сиротскаго Пиститута. Благородивйшій, честивйшій и добрвйшій человви, рыцарь въ душь, онь имбль въ тоже время многія странности: быль упрямь и часто крайне несправедливь, особенно къ нькоторымь класснымь дамамь. Для восинтанниць онь быль настоящимь отномь, баловаль ихъ и часто шель въ разрыть съ мивнісмъ моей матушки. Она уважала его, но много имбла изъ-за него непріятностей. Я сму многимь обязавь: но Субботамь, приходя изъ Гимназіи, я жиль у него и туть встрычался со многими его родственниками, воспитанниками кадетскихъ корпусовь, которыхъ онъ браль къ себь на праздники. Братья Мельхіоръ и Олафъ Романовичи Штакельберги, последній нынь вице-адмираль, а нервый убить на Кавказь, три брата бароны Шиллинги, изъ коихъ последній нынь состоить при В. К. Алексью Александровичь, Барановъ, были друзьями дѣтства и молодости моей.

7-е Октября 1850 г. былъ роковой день, въ который матушка сковчалась, послѣ продолжительной болѣзии, во время которой пеоднократно она была навѣщаема Государемъ Цесаревичемъ Александромъ Николаевичемъ и Государынею Цесаревною Маріею Александровной, за отсутствіемъ Императора и Императрицы. Высокое и милостивое участіе Ихъ Величествъ во все это время выражалось порученіемъ лейбъ-медикамъ

Аридту и Маркусу ежедневио навъщать больную. Каждый курьеръ, отъвзжавшій въ Варшаву, гдв тогда имели пребываніе Ихъ Величества, должень быль привозить подробныя донесснія врачей о бользии матушки. Посав кончины матушки Ихъ Величества возвратились изъ Варшавы. Свдя однажды за работою въ Конторъ, я былъ нотребованъ къ Государю. Его Величество принялъ меня со словами: «И призваль тебя, чтобы отъ тебя узнать подробности о бользии и кончинь твоей матери». Я прослезился и не могъ произпести ни слова. «Понимаю», сказаль Государь, «что тебь трудно разсказывать; такъ отвъчай мнь на вопросы». Тогда онъ сталъ разспрашивать меня о всёхъ мельчайшихъ подробностяхъ в въ концъ, поцъловавъ меня въ лобъ, сказалъ: «Твоя задача — сдълаться достойнымъ такой матери, какую Господь тебъ даль; знай, что мы никогда не перестанемъ ее оплакивать; потеря ея для насъ незамънима». Можетъ-ли, послъ такихъ словъ, быть предълъ чувствамъ преданности и върноподданнической любви къ Царю! Всю жизнь мою посвятиль я личной службъ Царскаго семейства, и не мяъ судить, въ какой мере я выполниль заветь императора Николая; могу сказать только, положа руку на сердце, что если гръщилъ и ошибался, то только по невъдънію, но никогда противъ совъсти, и благодарю Создателя за то что совъсть во миъ никогда не заглушалась, не дремала, и что я всегда имътъ смълость говорить правду и стоять за истиву.

Большимъ для больной моей матери утъщеніемъ послужило опредъленіе мое на службу, уже въ Іюнь 1850 г., въ Контору Двора Государя Наслъдника Цесаревича помощникомъ столоначальника.

По окончаній выпускныхъ экзаменовъ въ Университеть, въ Іюнь 1850 года, я узнавъ случайно объ открывшейся въ Конторъ Двора Государя Наследника Цесаревича вакансій должности помощника столоначальника Матушка, уже больная, просила гофмаршала Двора Его Высочества, В. Д. Олсуфьева объ определения меня на эту должность. Олсуфьевъ вызвалъ меня въ Петергофъ, проэкзаменовалъ меня, заставивъ написать Нъмецкое и Французское письма, и на такъ-называемомъ общемъ докладъ прошеній отмітить карандашемъ резолюція. Въ тотъ же день, 29-го Іюня, посав объдни, онъ объявилъ мив, что я буду принять на службу, если последуеть на то Высочайшее соизволение, такъ какъ, не будучи первымъ по выпуску кандидатомь, я не имъдъ права поступить на службу въ министерство. Матушка моя написала письмо къ Государю, прося допустить исключение, въ видъ особой милости за ея многольтнюю сдужбу, въ продолжение которой она накогда ни о чемъ для себя не просила. Государь на просьов пачерталь: «Объявить Анню Оедоровию, что я самъ опредъляю сына ея на службу, а милость прошу отложить на черный день».

При поступленіи моємъ на службу, засталь я Контору Двора Государя Наслідника Цесаревича, подъ начальствомъ гофмаршала В. Д. Олсуфьева, съ управляющимъ оною, д. с. с. П. Р. *., столоначальникомъ М. С. С. . . . , бухгалтеромъ Гронскимъ, съ помощникомъ его А. С. Мингалевымъ, казначеемъ Мих. Еф. Звегинцевымъ. По штату числился п секретарь Его Императорскаго Высочества; но по выходъвъ отставку бывшаго секретаря барона Розена (того самаго, который написалъ либретто для оперы Глинки: «Жизнь за Царя»), должность эта не была замъщена, и ее исполнялъ гофмаршалъ, при которомъ для того состоялъ чиновникъ Петръ Алексфевичъ Морицъ.

В. Д. Олсуфьевъ былъ въ полномъ смыслѣ слова баринъ стараго закала, чисто-русскій человѣкъ и патріотъ, который хотя и предпочиталь, по собственному его выраженію, квасную пѣпу пѣпѣ Французскаго шампанскаго, но никогда въ отношеніяхъ своихъ съ иновѣрцами не проявлялъ ни малѣйшаго предубѣжденія. Ласковый со всѣми, онъ былъ и въ душѣ добрый человѣкъ, отличный семьянинъ и прекрасный пачальникъ. Безъ надменности, онъ держалъ себя съ достоинствомъ, не стѣснялся въ откровенномъ выраженіи своихъ убѣжденій и взглядовъ предъ Государемъ и Цесаревичемъ и былъ искренно имъ предапъ. Очень любила и цѣнила его Государыня Цесаревиа Марія Алексапдровна.

Его помощинкомъ по хозяйственнюй части быль управляющій Конторою *. Человъкъ этотъ въроятно по протекціи попаль на это мъсто, по отнюдь не по выбору В. Д. Одсуфьева. Типъ чиновника, хотя и работящій и вічно въ хлонотахъ, онъ производиль всегда на меня внечативніе челов'ька съ нечистою сов'єстью. В'вроятно такъ и было, потому что, имъя въчно какіе-то секретные разсчеты, при запертыхъ дверяхъ, съ поставщиками, оффиціантами и проч., онъ, при ограпиченпомъ содержаніи, нашелъ возможнымъ пріобръсти кое-какія педвижимыя имущества, давалъ роскошные объды и пр.; пока, наконецъ, при постройкъ собственной дачи, что за Петергофомъ, не обнаружились явныя влоупотребленія и даже растрата денегъ. Дъло это меня не касалось; я вообще далекъ быль отъ міра чиновниковъ, составлявшихъ его маленькій дворъ (а такихъ было нъсколько) и не любившихъ меня за то, что я представлядъ собою по воспитанію своему и по кругу монхъ знакомыхъ чуждый имъ элементъ. Вотъ почему я только догадывался о многомъ, что потомъ в обнаружилось, но было потушено по желанію Государя Цесаревича, дабы не порождать толковъ. Не понимаю до сихъ поръ, какъ *. самъ не ущелъ.

Другая скандальная исторія въ мое время, случившаяся при Двор'ь, была кража жемчуга камеръ-юнгферою О.

Столоначальникъ Конторы М. С. С. былъ человъкъ чрезвычайно способный, съ упиверситетскимъ образованісмъ, добрый и пріятный, добросовъстно относившійся къ служебнымъ обязанностямъ, по, къ сожальнію, неограниченно самолюбивый и влюбленный въ самого себя. Самообольщеніе его не им'яло границь; къ тому же быль онъ баловень судьбы и ловко умълъ устранвать мелкія ділишки. Великой руки ловеласъ, онъ женился на увезенной отъ живаго мужа женщинъ Итальянкъ, нъкогда красавицъ. При жизни ся имълъ опъ разныя похожденія и связи, а посл'є кончины увлекся вновь женою разслабленнаго старца Коссиковскаго и послъ сто смерти женился на исй. По эта вторая жена составила его несчастіе: она ревностію своєю, вноли в основательною, обратила жизнь его въ адъ, а онъ, въ утъщение, вновь влюбился въ дъвицу, съ которою прожилъ уже до кончины своей, последовавшей отъ эксцептричной жизни не по летамъ. Онъ не принадлежалъ къ тесному кружку клевретовъ управляющаго Конторою, однако принималь подарочки и услуги кондитеровь, кофещенковь, мундшенковъ и проч. Видя многое въ этомъ родъ, я получилъ омерзение къ придворпому хозяйству и пріобръдъ цазваніе гордеца. Когда же приходилось мет завідывать хозяйствомъ въ Гансаль и Либавь, я, насколько могь, сдерживаль этихъ оффиціантовъ и, строго контролируя ихъ, старался виущить имъ добросовъстное отношение въ обязапностямъ. По сдавалось мић и тогда, que je prêchais dans le désert, потому что порядки придворные вошли уже въ плоть и кровь касты придворно-служителей, и это убъждение пеодпократно было мною высказываемо покойному Цесаревичу, при чемъ я говорилъ, что придворно-служители тъже дворовые люди, которымъ следовало, вместе съ последними, дать свободу, при введенін реформы 1861 года, зам'єнивъ ихъ вольнонаемными людьми Песаревнчъ самъ проникся этою идеей и ръшилъ заранъе при свосмъ дворъ имъть прислугу вольноваемную.

О Гронскомъ говорять не буду: я мало зналъ его, някогда симпатіи къ нему не питалъ; а преемникъ его, А. С. Мингалевъ, рготе́де́ Олсуфьева, потому что сестра его была воспитательницею дочерей послъдняго (впослъдствій начальница Московскаго Училища Ордена Св. Екатерины), напоминалъ мнъ и наружностію, и характеромъ Claude Frollo изъ романа V. Hugo «Notre dame de Paris». Помощинкомъ его былъ опредъленъ В. А. Родіоновъ, Донецъ (нынъ генералъ-лейтенантъ), нерешедшій изъ инженернаго въдомства въ Придворную Контору и остававшійся тамъ до войны 1853—1856 годовъ.

Совершенно въ сторонъ отъ другихъ держалъ себя П. А. М., рготе́де́ шталмейстера Двора И. М. Толстаго, впослъдствій графа и министра почтъ и телеграфовъ. Опъ былъ надмененъ, крайне обидчиваго и перовнаго характера, такъ что пикто пе зналъ какъ обходиться съ пимъ. Даже съ бывшимъ по напсіону Журдана товарищемъ своимъ Супинскимъ опъ безпрестанно ссорился.

Вотъ какое было мое общество; понятно, что сближенія быть пе могло для человѣка воспитаннаго въ женской средѣ и вращавшагося въ сферѣ совершенно иной. Потому легко представить себѣ, какъ былъ я счастливъ, когда меня назначили, въ 1854 г., чиновникомъ при дѣлахъ секретаря Его Высочества, а въ Февралѣ 1855 г., послѣ восшествія на престолъ Государя Наслѣдника Цесаревича Александра Николаевича, состоящимъ при воспитателѣ Августѣйшихъ Дѣтей генералъ-адъютантѣ Зиновьевѣ.

Лѣтиія поѣздки въ Гапсаль много способствовали тому, чтобы маленькому чиновнику дать положеніе совершенно исключительное. Правда, что Государь самъ опредѣлилъ меня на службу, что добрая намять о покойной матунікѣ много способствовала навѣстному отношенію ко мнѣ, какъ къ человѣку, съ которымъ была связана намять о глубокочтимой матери его; я́о я удостоивался уже тогда приглашеній къ царскому столу и на вечера, и часто мнѣ оказывалось такое милостивое вниманіе Ихъ Величествъ, каковаго тогда я не имѣлъ права ожидать.

Благодарную и отрадную память сохраниль я къ Н. Г. Кознакову и его семейству, а также къ К. Н. Посьету, этому благородившиему человвку, этой чистой душв. У Кознаковыхъ я, до женитьбы моей, бываль почти ежедиевно и до сихъ поръ сохраняю воспоминанія о радушін, съ которымъ быль всегда принимаемъ, какъ Николаемъ Геннадіевичемъ, котораго, впрочемъ, зналь съ дътства, такъ и красавищею женой его Елисаветою Сергвевной и сестрою ея Марьею Сергвевною Неклюдовою, которая была полною хозяйкой въ домв, потому что Е. С. Кознакова въ то время была крайне бользиениа. Позже роли ихъ перемънились: Е. С. въ Кісвв окончательно выздоровъла, а Марья Сергвевна одержима была страшнымъ недугомъ, и тогда первая обратилась въ настоящую сестру милосердія.

Посьетъ и помощиять его баронъ Н. Г. Шиллингъ, близкій мнѣ съ дѣтства, состояли при Великомъ Князѣ Алексѣѣ Александровичѣ. Оба прекрасные люди, чуждые интригъ, равные со всѣми. При воспоминаніяхъ о нихъ на душѣ тепло и свѣтло.

Зиповыева, Гогеля п Казнакова замѣнили графъ Перовскій, флигель-адъютантъ фонъ-Бокъ и поручикъ Литвиновъ. Всѣ знавшіе графа Бориса Алексѣевича Перовскаго должны отдать полную справедливость его рыцарскому характеру, его глубоко-религіозному чувству, его преданности Государю, его любви къ отечеству, наконецъ, его доброму сердцу, всегда отзывчивому на нужды бѣдныхъ и страждущихъ, ибо онъ тайкомъ дѣлалъ бездну добра. Но воспитателемъ онъ никогда быть не могъ и не желалъ. Главная причина тому былъ не выработавшійся характеръ. Онъ былъ крайне внечатлителенъ, часто упрямъ, что тѣмъ болѣс вредило ему, что онъ не допускалъ объясненій; по если потомъ случайно узнавалъ истину и ноневолѣ долженъ былъ измѣнить мнѣніе и отказаться отъ предвзятой или необдуманной идеи, то часто со слезами выражалъ сожалѣніе и не стѣснялся извиниться предъ подчиненнымъ своямъ, или младшимъ себя. Къ нему можно было привязаться отъ всей души.

Бокъ, Георгій Тимоф'євичъ, былъ челов'єкъ бол'є образованный ч'ємъ графъ Перовскій, по ми'є трудно судить о вліянін его на сыновей Государевыхъ. Кажется, что онъ казался имъ скучнымъ. Что касастся Литвинова, котораго я зналъ маленькимъ мальчикомъ въ гимназів, то не понимаю и пикогда не могъ объяснить себ'є назначеніе его къ Ихъ Высочествамъ. Говорятъ, будто на него указала Анастасія Николаевна Мальцева.

Замъчательно, что во все время службы Литвинова, Государыня Императрица им разу не удостоила его разговора. Въ этомъ созиался миъ самъ Литвиновъ какъ-то разъ, послъ весьма милостиваго въ его присутствии разговора Ея Величества со мною.

Въ 1854 г. я былт назначенъ чиновникомъ при дълахъ секретаря Его Высочества, на мѣсто П. А. Морица, который замѣстилъ при Государынѣ Цесаревиѣ секретаря ея, К. К. Лабенскаго; а въ Февралѣ 1855 г., по восшествін на престолъ императора Александра Николаевича, я получилъ назначеніе состоять при воспитателѣ Августѣйшихъ Дѣтей Пхъ Величествъ генералѣ Зиповьевѣ. Крайне лестно мнѣ было слышать и отъ гофмаршала Двора В. Д. Олсуфьева, и отъ генерала Зиновьева, что ни тотъ ни другой не хотѣли уступить меня; но въ виду неопредѣленности назначенія и предметовъ вѣдомства вновь открытой Конторы Августѣйшихъ Дѣтей Ихъ Величествъ, созданной для Олсуфьева, рѣшено было назначить меня состоять при генералъ-адъютантѣ Зиновьевѣ. Этому назначенію я обязанъ дальиѣйшею своею карьерою.

На меня была воздожена вся переписка по д'вламъ отпосившимся до воснитателя, сл'вдовательно я им'влъ д'вло и съ преподавателями, и со многими лицами приглашавшимися къ Ихъ Высочествамъ, при посъщени Москвы и другихъ городовъ.

Въ самый день восшествія на престоль императора Александра Николаевича случайно узналь я отъ В. Д. Олсуфьева вець, въ высшей стенени знаменательную. Прибъжаль онъ крайне разстроенный въ Контору и сталь искать очки, которые были у него на лбу. Я вошель къ нему въ кабинеть и на вопросъ его «батинька, кто взяль мои очки?» отвѣчаль: «да, они у васъ на лбу». Всегда ноказывавшій мнѣ довѣріе, Василій Дмитріевичь объясниль миѣ причину своего волненія. «Вотъ, батинька» говориль онъ, какіе есть нодлые люди! Сегодня на вопросъ Государя: «что говорять въ народѣ?» ему отвѣчаль одинь негодяй: «Говорять, что будеть царствовать не Государь, а Императрица».

Вотъ чѣмъ объясияется то обстоятельство, что у Императрицы, на которую надѣялись миогіс благомыслящіе люди, ожидавшіе отъ этой умной, образованной, благочестивой Великой Киягини столько блага и нользы для разныхъ воспитательныхъ и благотворительныхъ учрежденій, что у нея, говорю, съ нервой минуты новаго царствованія была отнята не только всякая иниціатива, но и всякая возможность заняться тѣмъ, что было создано супругою Павла и столь заботливо ноддерживаемо супругами Александра І-го и Ииколая І-го. Этимъ объясияется многое и между прочимъ неосновательное обвиненіе ея въ пидифферентизмѣ къ воснитанію собственныхъ дѣтей, въ чрезмѣрной приверженности къ церковнымъ обрядамъ и проч. Когда позже настало для этой святой женщины время тяжкихъ испытаній, ей быль предоставленъ пѣкоторый просторъ въ ея дѣйствіяхъ, по для многаго было уже ноздно.

Но здёсь сабдуеть мий ийсколько остановиться на томъ, что я засталь въ 1855 году въ сферф воспитателей и преподавателей Великихъ Князей. Первоначальнымъ обученісмъ Великихъ Князей занималась Вёра Николаевна Скриницына. По достиженіи 7-лётняго возраста, одного за другимъ отдёляли, поручая ихъ воспитателямъ. Такимъ образомъ при Великомъ Князё Николаё Александровичё состояль съ 1849 г. бывшій директоръ Пажескаго Корпуса генералъ-лейтенантъ Зиновьевъ, а по достиженіи 7-лётняго возраста Великаго Князя Александра Александровича помощникомъ Зиновьева былъ назначенъ генералъ-маїоръ Гогель, рекомендованный на эту должность Великимъ Княземъ Михаиломъ Павловичемъ, который зналъ Гогеля, какъ отличнаго фрунтоваго офицера л.-гв. Волынскаго полка, а потомъ какъ примёрнаго баталіоннаго коман-

дира Института Инженеровъ Корпуса Путей Сообщенія. Вскор'в къ Великому Киязю Владимиру Александровичу быль назначень полковникъ Генеральнаго Штаба Кознаковъ. Не стану говорить о систем'в воспитанія, потому что въ строгомъ смыслів таковой не было вовсе.

Николай Васильевичь Зиновьевь, человъкъ религіозный и строгихъ правиль, почти всегда действоваль подъ вліяціемь умной жецы своей Юлін Пиколаевны, рожд. Батюшковой, и тогда его взглядъ и сужденія были правильны и человъчны; но часто на него дъйствоваль не умный, но хитрый **, и тогда онъ на словахъ и въ мъропріятіяхъ своихъ впадаль въ ошибки печальныя, которыя могли бы имъть последствія весьма прискорбныя, еслибъ патура воспитанниковъ не была такъ хороша. Гогель за то былъ отличною няцькою, и нельзя было не отдавать полной справедливости распоряжениямъ его въ отношения устройства помъщений Великихъ Киязей въ Зимнемъ и загородныхъ дворцахъ, а также туалета и гардероба ихъ. Когда дело шло объ устройств'в праздниковъ и увеседеній, то нельзя было не удивляться изобратательности Гогеля; если же предстояло юнымъ князьямъ участвовать въ разводахъ и парадахъ, то заботы о подготовкъ ихъ съ любовью принималь опъ на себя, какъ отличный, образцовый, фрунтовой офицеръ. Кознаковъ по образованію и способпостямъ могь бы быть весьма полезевъ, но онъ большею частію не находиль возможности примънять ихъ, ибо пришелъ поздно, когда все водворенное Гогелемъ уже пустило глубокіе кории; да къ тому же Зиновьевъ, любившій и ласкавшій Козвакова какъ роднаго сына, вфроятно считаль его недостаточно онытнымъ или слишкомъ молодымъ для того, чтобы принимать его изгляды и мивнія и, сабдовательно двиствовать въ разрізъ съ порядкомъ установившимся. Роль Кознакова была нассивная. Сознавия это, онь, какъ честный человъкъ, вскоръ до того сталъ скучать и тяготиться положениемъ своимъ, что жаждалъ другаго назначения и самъ говорилъ мев, что съ удовольствіемъ приняль бы командованіе нолкомъ, лишь бы только не оставаться нассивнымъ свидътелемъ того, что было противно его убъжденіямъ и чего онъ между тымъ отвратить не могъ.

Въ высшей степени оригинально было отношение воспитателей къ преподавателямъ. Кромъ В. Б. Бажанова, перваго законоучителя Великихъ Князей, были приглашены для обучения Русскому и Пъмецкому языкамъ, Исторіи и Географіи Я. К. Гротъ (рекомендованный П. А. Плетневымъ и вызванный изъ Гельсингфорса, гдъ онъ былъ лекторомъ Русскаго языка и Словесности при Александровскомъ Университетъ) и Швейцарецъ (licencié de l'Academie de Genève) Куріаръ; вслъдъ за-

тъмъ учителемъ Ариометики поступилъ С. П. Сухонинъ (изъ Пажескаго Корпуса) и чистописанія Лагузенъ *), и за ними уже ношла цълая вереница преподавателей, смънявшихъ другъ друга съ большимъ или меньшимъ уснъхомъ. Самые вліятельные учителя были Деронъ, Gymnasiarque, какъ онъ называлъ себя, и генералъ-маіоръ Сивербрикъ, обучавшій фехтованію. Первый бралъ неномърнымъ нахальствомъ и тъмъ, что ему удалось, вслъдствіе удачнаго льченія больной ноги принца Н. М. Лейхтенбергскаго, получить въ глазахъ Великой Киягини Маріи Николаевны значеніе человъка знающаго и опытнаго; а второму, т. е. Сивербрику, оказывалось особое уваженіе по чину.

Вотъ одинъ изъ эпизодовъ, характеризующихъ отношенія воспитателей къ преподавателямъ. Старика Куріара Великіе Киязья любили и уважали, да и онъ былъ къ инмъ привязанъ всею душою и имълъ на нихъ отличное вліяніе. Это породило зависть, потому что стали зам'ьчать, что одно слово Куріара имело часто больше значенія, чемъ долгія пропов'єди восинтателей. Однажды, это было въ Гансаль, Куріаръ, педовольный урокомъ Цесарсвича, заявиль, что опъ такъ огорченъ невниманіемъ Его Высочества, что отказывается отъ объда съ нимъ. П. В. Зиновьевъ, которому Куріаръ тотчасъ посят урока объявиль объ этомъ, согласился съ старикомъ и одобрилъ эту мъру. По этого персиести не могъ Гогель. На саздующій день приходить опъ ко мив и объявляеть мив поручение Николая Васильевича объяснить Куріару, что онъ не имваъ никакого права употреблять подобнаго рода наказація, что опъ, Швейцарець, не понимаеть чести, которую сму дълають, приглашая его къ великокняжескому столу, что его обязанности начинаются и кончаются урокомъ, что опъ инкакого правственцаго вліяція на Великихъ Князей имъть не можеть и не должень. Это меня страшно возмутило. Не смотря на мою молодость и положение маленькаго чиновника, я напрямикъ объявиль, что ин за что на свъть не исполно этого порученія, противнаго мосму уб'єжденію и, что наконець следовало поручить это В. П. Титову, которому преподаватели подчинены пспосредственно. И ръшился даже доказывать Гогелю исобходимость правственнаго вліянія преподавателей на ученнковъ и что безъ таковаго немыслимъ усивхъ. Такою ръшимостію я положиль конецъ порученіямъ подобнаго рода и былъ очень доволенъ, хотя мив этого простить не могли.

Уже въ 1855 году начались побядки сперва въ Гансаль, а потомъ въ Москву. Помню первое мое знакомство съ Погодинымъ, когда я

^{*)} Лагузсиъ на визитныхъ карточкахъ своихъ именоваль себя учителемъ чистописанія Членовъ Императорскаго Дома.

явился къ нему на Дъвичемъ Поль и, заставъ его въ его свътелкъ, пригласиль принять на себя ознакомление Великихъ Князей съ достопримвчательностями первопрестольной столицы. Не воображаль я тогда, что смущенный и убитый въстью о взятіи Севастоноля М. П. Погодинъ, принявъ не безъ и вкотораго выраженія неудовольствія приглашеніе сопровождать юныхъ князей при осмотръ Москвы, въ тоже время будетъ тайнымъ наблюдателемъ не столько за системою воспитація (о которой онъ усивлъ едва ли составить себъ опредъленное понятіс въ ивсколько дней проведенныхъ большею частію вив дворца, т. е. на улицахъ и въ окрестностяхъ Москвы), а за наружною обстановкою и за лицами окружавшими Великихъ Киязей. Это короткое и поверхностное знакомство Погодина съ жизнію ихъ послужило новодомъ къ нисьму его въ 1857 г. къ В. П. Титову, въ которомъ опъ сему посабднему, въ минуту назначенія его наставникомъ къ Августвинимъ Сыновьямъ Государя, даетъ совъты и обращаетъ внимание бывшаго своего товарища по Московскому Университету на то, что въ компатахъ дътей онъ кромъ оружіл пичего не видалъ и что они воспитываются будто бы исключительно по рутив военно-учебныхъ заведеній. Письмо это въ 1858 году, безъ согласія В. II. Титова и даже безъ в'єдома его, появилось въ одномъ изъ иностранныхъ журналовъ, тотчасъ же было представлено Государю Императору и послужило отчасти причиною къ сложенію Титовымъ своихъ обязанностей при Великихъ Князьяхъ. Говорю отчасти, потому что, къ сожанвнію, оно совпало съ несчастною исторією К. Д. Кавелина, котораго пригласилъ Титовъ къ преподаванию покойному Цесаревичу общихъ понятій о прав'в, и слова котораго въ искаженномъ вид'в нередавались Его Величеству. Такъ, напримъръ, говоря о судъ и судьяхъ, Кавелинъ однажды замѣтилъ, что никто не можетъ быть паказанъ безъ суда и никто не можетъ наказывать человъка неприговореннаго судомъ къ наказанію. Въ этихъ словахъ замітили посягательство на ограничение правъ верховной власти. Точно также былъ сдъланъ ему упрекъ въ томь, что онъ порицаетъ существующія постановленія, когда онъ, говоря о чинъ, замътилъ, что въроятно со временемъ чины утратятъ свое значение какъ средство ноощрения юношества къ поступлению въ высшія учебныя заведенія, дающія оканчивающимъ курсъ право на чины.

Кавелинъ имѣлъ еще непримиримаго врага въ генералъ-адъютантѣ Ростовцовѣ, который прежде покровительствовалъ ему, но возненавидѣлъ его, когда Кавелинъ, состоявшій при немъ во время предсѣдательства Ростовцова въ Редакціонной Коммиссіи по освобожденію крестьянъ, неизвѣстно почему, ушелъ отъ него. Съ той минуты Ростовцовъ постоявными наговорами на Кавелина возстановилъ противъ него Государя.

Въ письмъ своемъ Погодинъ, между прочимъ, совътовалъ Титову выбирать въ преподаватели людей съ характеромъ независимымъ, твердымъ, дабы растлъвающій, по его словамъ, придворный воздухъ пе имълъ на нихъ вліянія, и они не подчинялись ему. Государь въ разговоръ съ Титовымъ намекнулъ ему, что опъ пригласилъ Кавслица именно по этому совъту Погодина. Титовъ въ тотъ же день представилъ Его Величеству записку, въ которой, объясняя свой взглядъ на воспитаніе Великихъ Князей и оправдывая сдъланный имъ выборъ преподавателей, просиль объ увольнении его отъ запятій съ Ихъ Высочествами. Записку эту Титовъ далъ мнъ прочесть; я пришелъ въ восторгъ отъ изложенія, пречисполненнаго достоинства. Кавелинъ былъ также уволенъ отъ запятій съ Цесаревичемъ и когда ему предложена была пенсія за эти запятія, онъ написалъ Титову слъдующее письмо.

«Милостивый государь Владимиръ Павловичъ!

Во вниманіе къ монмъ недостаточнымъ средствамъ ваше превосходительство благосклонно предложили мит ходатайствовать предъ Ихъ Императорскими Величествами о вознагражденіи меня въ виду тѣхъ лишеній, которымъ я долженъ подвергнуться съ прекращеніемъ уроковъ Его Императорскому Высочеству Государю Наслѣднику Цесаревичу.

Принося вамъ искренивійшую благодарность за столь заботливое участіе въ моей судьбів, я считаю обязанностію увівдомить ваше превосходительство, что по зрівломъ обсужденій нахожусь выпужденнымъ отклонить это предложеніе. Сміно надіяться, что причины, меня кътому нобуждаюція, будутъ вами уважены.

Утвинительно и справедливо принять вознаграждение за доведенный до конца трудъ, за совершенное двло; можно еще принять вознаграждение и тогда, когда болвзиь или потеря физическихъ и умственныхъ силъ, происшедшия отъ самаго свойства двла, лишили возможности трудиться далве. Въ последнемъ случав если и ивтъ заслугъ, то ивтъ за то и упрековъ совъсти. Я не подхожу ни подъ ту, ни подъ другую категорію. Занятія мои съ Его Высочествомъ продолжались только ивсколько мъсяцевъ; никакихъ результатовъ они не принесли и не могли еще принести. Съ какими же чувствами получилъ бы и вознагражденіе, котораго по совъсти не заслужилъ? Правственно оно только тяготило бы меня, особенно при мысли, что такое святое и великое двло, какъ воспитаніе будущаго Государя Россіи, для меня, Русскаго, не сдълавшаго еще ничего, послужило какъ бы средствомъ для денежныхъ соображеній. Вопросъ о воспитаніи Наследника Престола слишкомъ выходитъ изъ обыкновенной ежедневности, чтобы къ нему можно было примъ-

нять правила повсечастных житейских отношеній. Только за удовлетворительное разрѣшеніе его, вполиѣ или частію, можно принять вознагражденіе съ спокойною совѣстью. Еслябъ, сохранивъ тенерь званіе преподавателя Государя Наслѣдника Цесаревича, я впослѣдствіп, не пользуясь болѣе вашимъ руководствомъ, пашелъ свое преподаваніе, по тѣмъ или другимъ причинамъ, безуспѣшнымъ: на миѣ лежала бы святая обязавность самому просить объ увольненіи, и я точно также подвергся бы лишеніямъ. Неужели это уполиомочило бы меня принять вознагражденіе? По совѣсти думаю, что меня не одобриль бы за это пикто изъ добросовѣстныхъ и благомыслящихъ людей. Таково и теперь мое положеніе; ибо не мѣра лишеній, не обстоятельства, при которыхъ наставникъ Паслѣдника Престола устраняется отъ преподаванія, а единственно результатъ и успѣхъ его трудовъ опредѣляютъ правственную сторону вознагражденія, которое опъ получаетъ.

Есть еще в другой, менъе щекотливый для совъсти способъ пабъжать лишеній, соединенныхъ съ потерею содержанія: это — испросить снова мѣсто въ службѣ, которому присвосно приблизительно такое же жалованье, какого я лишился, принявъ должность преподавателя при Его Императорскомъ Высочествѣ. Но служба, даже самая легкая, какъ я убѣдился теперь опытомъ, была бы песовмѣстна съ моими учеными занятіями по званію профессора. Притомъ, все время, свободное отъ приготовленій уроковъ для Государя Наслѣдинка Цесарсвича, я памѣренъ посвятить исключительно составленію учебнаго руководства по Гражданскому Праву, котораго у насъ до сихъ поръ пътъ вовсе и въ которомъ чувствуется настоятельная пужда. Исполнивъ это, я найду вравственное утѣшеніе въ томъ, что по мѣрѣ силъ и крайнему разумѣнію исполнилъ свой долгъ; вмѣстѣ съ тѣмъ я надѣюсь, чрезъ нанечатаніе и продажу руководства, извлечь для себя матеріальныя выгоды, которыя вознаградятъ меня внослѣдствін за лишенія въ настоящее время.

Съ отличнымъ уважениемъ и совершенною предапностию имъю честь быть вашего превосходительства покоривинивъ слугою К. Кавелинъ-

С.-Петербургь, 2-го Мая 1858 года".

Въ 1856 году мив вновь пришлось провести льто въ Гансалв, куда признано было нужнымъ возить Великихъ Киязей почти ежегодно, по причинв золотушнаго ихъ расположенія. По возвращеній изъ Гансаля повхали мы въ Москву, на коронацію.

Не имъя никакого права виъшиваться въ дъла воснитателей, я былъ однако свидътелемъ многихъ странныхъ явленій, такихъ педаго-

гическихъ мъропріятій, наконецъ такихъ отношеній воспитателей къ преподавателямъ, что перъдко возмущался апормальнымъ ходомъ великокняжескаго восинтанія. Императрица также чувствовала, что дівло идетъ не такъ какъ следовало бы, по держала себя въ стороне, избегая неудовольствій, которыя причинила бы вибшательствомъ своимъ. Паконецъ, но внушению ифкоторыхъ приближенныхъ и въ особенности, если не ошибаюсь, Анны Осдоровны Тютчевой (Аксаковой), бывшей фрейлиной в воспитательницей Великой Кияжны Маріи Александровиы, ръшились пригласить завідующимъ учебною частію бывшаго въ то время посланивкомъ въ Пітутгарть В. П. Титова, котораго рекомендовала королева Ольга Инколасвна. По не долго оставался онъ при этой должности. Интриги и вышеприведенный энизодъ съ Погодинымъ давили его до того, что онъ добровольно отказался отъ этой недагогической даятельности и былъ замъненъ Гриммомъ, бывшимъ учителемъ Великаго Киязя Константина Инколаевича. По человькъ этотъ, изъ котораго О. И. Литке умклъ, такъ сказать, выжимать сокъ и который въ роли учителя дъйствительно былъ полезенъ, теперь на высокомъ ньедесталъ, оказаяся смашнымъ и совершенно безнолезнымъ. Графъ Строгановъ тотчасъ понядъ это, и въ 1860 году Гриммъ после двухлетиихъ занятій быль уволень съ огромною непсісю въ 7.000 рублей.

Императрица желала перемвны, по положение ея было трудное; нужно было указать прямо на такого человька, который съ успъхомъ могъ бы замънить восинтателя. Вотъ ночему В. П. Титовъ однажды поручиль мив поразведать у дяди мосго О. П. Литке, не возмется ли онъ за это дѣло? Порученіе было деликатное, потому что прямаго отказа отъ старика получить не хотели. Мий удалось издалека навести дядю на вопросъ этотъ и когда и въ конць концовъ могъ спросить его: «А вы, дядюшка, взяли ли бы на себя воспитаніе Цесаревича», опъ отвъчалъ: «Иътъ, для меня трудно; по знаю, что еслибъ и чувствовалъ себя довольно еще сильнымъ для этого труднаго дёла, то никакъ не употребиль бы той системы, которая мив была пасильно навязана съ минуты поступленія мосто къ Великому Киязю Константину Николасвичу. Я вышесъ изъ этого воспитанія груствый оныть и увърень, что усивль бы сдвлать многое, еслибъ вель двло иначе. Но что же двлать? Прошлаго не верисшь, а неонытность моя въ то время была причвною того, что я безпрекословно подчинялся требованіямъ Государя держать въ ежевыхъ рукавицахъ Великаго Киязя ...

Въ 1856 году я имълъ счастье быть въ Москвъ и участвовать въ празднествахъ по случаю коронованія.

Въ 1857 году мы вздили опять въ Гансаль*).

Въ 1858 году была совершена повздка въ Финляндію, Парву, Ревель и Гельсингоорсъ.

8-го Сентября 1859 года Цесаревичу Пиколаю Александровичу минуло 16-ть лѣтъ, и въ этотъ день праздновали совершеннолѣтіе его. Къ присягѣ церковной приготовлялъ Цесаревича духовникъ и законоучитель его, протопресвитеръ Бажановъ, къ гражданской присягѣ — графъ Модестъ Андреевичъ Корфъ; а такъ какъ предстояло вслѣдъ за присягою принять всѣхъ представителей иностранныхъ державъ, то къ этому торжественному пріему приготовленъ былъ Цесаревичъ барономъ Жомини подъ руководствомъ ки. Горчакова. Былъ прочтенъ цѣлый курсъ дяпломатіи и, благодаря этому, юный Паслѣдникъ сдѣлалъ блистательный пріемъ посламъ и послашникамъ, бесѣдуя съ каждымъ пзъ нихъ о политикѣ и распрашивая о разныхъ государяхъ и ихъ семействахъ.

О. Б. Рихтеръ, присутствовавшій на лекціяхъ барона Жомини, пользовался каждою свободною минутой, чтобы повторять съ Цесаревичемъ выслушанное на лекціи, и во время прогулокъ дълались ренетиціп пріема дипломатическаго корпуса и велись разговоры, въ которыхъ Рихтеръ представлялъ пословъ.

Попечителемъ къ пему пазначенъ былъ гепералъ-адъютантъ графъ С. Г. Строгоновъ, бывшій попечитель Московскаго учебнаго округа, а въ послѣднее время занимавшій послѣ графа Закревскаго важное мѣсто Московскаго гепералъ-губериатора. Возрадовались этому назначенію всѣ близко знавшіе графа Москвичи, въ особенности же профессора и бывшіе студенты Московскаго Университета; во огорчены были многіе, разсчитывавшіе на вное назначеніе, да и испугались пъкоторые не знавшіе графа, а въ особенности тѣ, которыхъ самъ графъ не зналъ, но съ которыми по новому положенію опъ долженъ былъ встрѣчаться и имѣть дѣло. Суровый видъ и рѣзкая рѣчь графа смущали лицъ этихъ. На первыхъ порахъ графъ убѣдился въ томъ, что молодой Цесаревичъ обладалъ всѣмя дарами, какими Богъ надѣляетъ только избранныхъ Свочхъ; онъ нашелъ умъ, воспріимчивость, любознательность, прекрасную намять, и виѣстѣ съ тѣмъ душевныя качества въ юпошѣ скромномъ, даже застѣнчивомъ, который понималъ высокое призваніе свое, но тя-

^{•)} Тутъ я познакомплея съ семействомъ А. Н. Очкипа, бывшаго редактора С.-Петербургскихъ Академическихъ Въдомостей, а въ Октибръ того же года посватался за одну изъ дочерей его Пелагею, на которой и женился въ Инваръ 1858 года. Недолго однако я пользовался семейнымъ счастьемъ. Въ концъ Октибря 1863 года она разръпилась младшимъ сыномъ моимъ Осдоромъ и чрезъпъсколько дней скопчалась отъ родильной горячки.

готился недостаточною подготовкою, ограниченностію знаній въ 16 льтъ, а главное чувствоваль, что, кром'в основательнаго изученія Русской грамоты, всв прочія паучныя знанія были поверхностны. Съ любовью графъ взялся за дёло и, посовътовавшись съ своими бывшими учениками, въ то время уже профессорами Московскаго Университета, начерталь программу на три предстоящіе года. Приглашены были тотчась же: О. И. Буслаевъ и С. М. Соловьевъ, а вследъ затемъ М. М. Стасюлевичъ, начавній курсъ Средней Исторін съ Крестовыхъ походовъ и окончившій уже въ 1862 году Новую Исторію до Французской революціи включительно; И. К. Бабстъ для статистики, А. П. Чивилевъ политической экономін, Куріаръ Французской словесности, П. Х. Бунге-финансовъ, К. П. Побъдоносцовъ, Б. П. Чичеринъ-юридическихъ наукъ, и генералъадъютантъ Тотлебенъ съ полковникомъ Соловьевымъ, генералъ Платовъ, полковникъ Драгомировъ и Шваревъ - военныхъ наукъ. Быстро шло развитіе царственнаго юноши, и графъ Строгоновъ, идя рука объ руку съ преподавателями, совътуясь съ ними и бесъдуя о мельчайшихъ подробпостяхъ всего, что замівчалось ими при преподаваніи, паконецъ, имівя подъ рукою, хотя и молодаго тогда, по преисполненнаго лучшими по-бужденіями полковника О. Б. Рихтера, состоявшаго при Цесаревичь и жившаго съ нимъ перазлучно съ всены 1858 года, находилъ полное правственное удовлетворсніе за тв заботы и труды, которые приняль на себя, безъ всякихъ дичныхъ видовъ и побужденій. Честь и слава такому человіку, и благодарное потомство можеть быть соорудило бы ему памятникъ, еслибы Провидению не угодно было преждевременною кончиною обавтельнаго Первенца Царскаго положить предаль и жизни его и этимъ трудамъ его просвътителя.

Не безъинтересенъ одинъ случай, о которомъ графъ Строгоновъ самъ разсказалъ мий слидующее. Когда предстояло Стасюлевичу приступить къ исторіи Французской революціи, графъ предупредиль о томъ преподавателя Французской словесности Куріара, съ тимъ чтобы и онъ подготовился къ этой эпохів. Куріаръ, хотя уроженсцъ республиканской Швецаріи, былъ однако глубоко-религіозный человікъ и, будучи самъ по спеціальности своей богословомъ, конечно, смотрівль на революцію съ точки зрівнія иной, пежели люди, признающіе ее спасеніемъ не только для Франціи, по и для человічества вообще. Устросно было такъ, что вслідь за окончаніемъ курса Стасюлевичемъ Цесаревичу, находившемуся подъ впечатлівніемъ всего услышаннаго отъ пего, выступиль Куріаръ и въ продолженіе двухъ часовъ безъ перерыва представиль въ живой и краснорічивой річи вей ужасы эпохи и ел послідствій. Онъ, по выраженію графа, громиль и металь огненныя

стрвлы противъ разнузданныхъ изверговъ, въ трогательныхъ картинахъ изобразилъ исвишныя жертвы революціи и не только совершенно сгладилъ внечатлівніе, произведенное Стасюлевичемъ, по убідилъ Цесаревича въ вітристи своего взгляда. Потрясенный глубоко словомъ почтеннаго и любимаго имъ пренодавателя, Великій Князь послів лекціи бросился въ объятія графа и благодарилъ его за такое удачное соноставленіе двухъ діаметрально противуноложныхъ воззрівній. Графъ былъ въ восторгів и, въ свою очередь, благодарилъ Куріара, но не въ присутствіи Августійшаго ученвка, дабы онъ не могъ догадаться въ подготовкі Куріара но зараніве условленному плану.

Куріару я приписываю сближеніе Цесаревича съ Імператрицею, ибо онъ пользовался всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы объяснить Его Высочеству значеніе матери въ воспитаніи дѣтей и, наконецъ, указалъ на средство сближенія съ нею. Сначала Цесарсвичъ предложилъ Императрицѣ прочесть ей вслухъ свои Французскія сочиненія о Крестовыхъ походахъ, о рыцарствѣ и проч. (тетрадки этп хранятся въ Библіотекѣ Аничковскаго дворца), потомъ были Куріаромъ же рекомендованы другія книги, представлявшія темы для обмѣна взглядовъ на разпыя событія и т. д. Кончилось тѣмъ, что какъ мать, такъ и сынъ почувствовали потребность бесѣдъ, и не подлежитъ никакому сомнѣнію, что умная, высоко-образованная Императрица, представлявшая собою пдеалъ женственности и безпорочности, имѣла великое вліяніе на развитіс своего любимца, который, въ свою очередь, представлялъ собою такую благодатную почву для воспріятія и усвоенія сердечныхъ совѣтовъ и наставленій матери.

Какъ часто Куріаръ, съ которымъ я близко сошелся, передавалъ мив съ восторгомъ разсказы Цесаревича о бесвдахъ его съ Императрицею!

Къ сожальнію, ни одинъ изъ преподавателей нокойнаго Цесаревича не оставиль записокъ о томъ времени, которое они провели въ ежедневныхъ почти занятіяхъ съ Его Высочествомъ, а отмѣтить можно было многое; но крайней мѣрѣ мнѣ извѣстно, съ какимъ восторгомъ отзывались они о царственномъ ученикѣ своемъ, и сколько разъ приходилось мнѣ проводить съ этими лицами цѣлые дни въ одинхъ восноминаніяхъ о немъ. Одинъ М. М. Стасюлевичъ написалъ прелестное надгробное слово въ предисловіи къ ІІІ-му тому своей «Исторіи Средвихъ вѣковъ» ч. І-я, подъ заглавіемъ: «Изъ прошедшаго. 1860—1862».

Въ началъ 1860 г. ген.-адъютанты Зиновьевъ, Гогель и ген. маіоръ Кознаковъ были замънены при великихъ князьяхъ Александръ и Владимирь Александровичахъ генералъ-адютантомъ Перовскимъ и канитаномъ 1-го ранга Геор. Тим. Бокомъ. Иозже былъ еще опредъленъ къ Ихъ Высочествамъ полковникъ Литвиновъ. Государь Цесаревичъ былъ уже въ Сентябрь 1859 г. окончательно отдъленъ отъ Августъйнихъ братьевъ, и при пемъ, какъ уже сказано, состояли попечитель графъ Строгоновъ и флигель-адъютантъ Рихтеръ. Я хотя и числился въ Конторъ Августъйшихъ Дътей, по находился постоянно въ распоряжения графа Строгонова.

Дальнъйшій разсказъ будетъ содержать описаніе всего, что можетъ послужить матеріаломъ для біографіи Цесаревича Николая Александровича, и въ немъ, конечно, я коспусь и исторіи его бользии.

Въ 1860 году сыновъл Государсны вмѣстѣ съ двоюродными братьями затѣяли свачку на инодромѣ въ Царскомъ Селѣ. Цесаревичъ долженъ былъ скакать на Англійской лошади, не будучи вовсе подготовленъ къ подобной скачкѣ. Графъ Строгоновъ положительно возставалъ противъ этого и даже просилъ Государя запретить скачку, доказывая не только опасность, но и неприличе предпріятія для Наслѣдника Престола. Государь, не подозрѣвая въ сынѣ слабости тѣлосложенія и предполагая даже нѣкоторую женственную въ немъ изиѣженность, не согласился съ графомъ и замѣтилъ, что подобныя упражненія только могутъ служить съ пользою и должны придать ему болѣе смѣлости и мужества: «il est trop efféminé».

Къ несчастію, опасснія графа оправдались. Цесарсвичъ, пе привыкшій скакать на Англійскихъ лошадяхъ, уналъ съ лошади и ушибъ снину, по, не чувствуя особенной боли, отказался отъ всякихъ мъръ, тотчасъ-же предложенныхъ докторомъ Шестовымъ (тогда уже состоявшимъ при Его Высочествъ, по рекомендація И. В. Епохина).

Золотуха, которою страдалъ Великій Киязь, бросилась на ушибленное мъсто, которое сдълалось уже съ тъхъ поръ средоточіемъ всъхъ послъдующихъ страданій.

Въ томъ же году мы были въ Либавѣ, гдѣ Его Высочеству были предписаны морскія купапья.

Въ 1861 году Цесаревичь весною, взявъ теплую ванну на почь, отправился съ герцогомъ Н. М. Лейхтенбергскимъ на охоту въ Осиновую рощу, не смотря на то, что О. Б. Рихтеръ взялъ съ него объщанія, что опъ изъ предосторожности не воспользуется приглашеніемъ герцога. Возвратившись на другой день домой, Цесаревичъ вечеромъ у Императрицы хотълъ продълать съ Великимъ Кияземъ Сергіємъ Александрови-

чемъ то, что дёлалъ ежедневно, т. е., обнявъ брата, перебросилъ его черезъ свое плечо, но вдругъ почувствовалъ такую боль въ спинѣ, что упалъ и, вставъ, не могъ выпрямиться. Его снесли въ постель, въ которой онъ пролежалъ почти двѣ недѣли. Помогло только электричество, и дѣйствительно на этотъ разъ болѣзпь эта была не болѣе, какъ пострѣлъ (lumbago), по проявилась всетаки на больномъ, ушиблениомъ мѣстѣ. Этимъ успѣшнымъ примѣпеніемъ электричества впослъдствіи были вводимы въ заблужденіе всѣ пользовавшіе Его Высочество медики. Постоянно всѣ онп твердили, что болѣзнь ревматическаго свойства, но мало было обращаемо вниманія именно на то обстоятельство, что ревматизмъ этотъ избралъ мѣсто именно то, которое было ушиблено и сдѣлалось гпѣздомъ золотушныхъ отложеній.

Въ 1860 году мы были въ Либавѣ, гдѣ Его Высочеству были предписаны морскія купанья, послѣ которыхъ онъ чувствовалъ себя относительно хорошо. Онъ вообще очень былъ доволенъ пребываніемъ въ Либавѣ. Шла тихая жизнь въ средѣ людев, которые ему были симпатичны; онъ распредѣлялъ день по его желанію, по утрамъ отъ 10 до 11½ ч. читалъ намъ лекціи Русской словесности по запискамъ Буслаева и увлекался Русскими былинами и пѣснями, изъ коихъ многія зналъ наизустъ. Съ О. О. Эвальдомъ, который въ качествѣ преподавателя Алексѣя Александровича и Николая Константиновича былъ тоже въ Либавѣ, Цесаревичъ повторялъ Алгебру и Геометрію, чувствуя себя, благодаря плохому преподаванію этихъ предметовъ Сухонинымъ, недостаточно подготовленнымъ для предстоящихъ курсовъ военныхъ наукъ: геодезін, артиллеріи и инженернаго искусства.

Ограничусь описаніемъ обратнаго путешествія нашего изъ Либавы чрезъ Ригу. Отъѣздъ назначенъ на 31 Іюля. Наканувѣ я около 11 часовъ вечера возвратняся домой, чтобы отдохнуть наконецъ послѣ хлонотанваго дня, который весь былъ посвященъ на укладку и отправленіе вещей на пароходы «Штандартъ» и «Смѣлый», пзъ конхъ первый назначенъ былъ къ отплытію въ Ригу съ пѣкоторыми лицами свиты и всею кладью; другой же прибылъвъ Либаву для переѣзда на немъ Алексѣя Александровича и Николая Константиновича въ Финляндскія тхеры, гдѣ Ихъ Высочества должны были встрѣтить Его Высочество Гепералъ Адмирала для дальнѣйшаго плаванія на пароходѣ «Ретвизанъ». На другое утро часовъ въ 5, придя въ домъ Шнабеля, я засталъ уже суетившуюся около остатковъ, посуды и прч. прислугу; почти весь домъ былъ на ногахъ. Съѣздивъ нѣсколько разъ на пристань, я отправился къ 9-ти часамъ въ церковь, гдѣ отъѣзжающіе получили напутственное благословеніе. Къ 10-ти часамъ собрались къ завтраку. Изъ лицъ, ежедневно собиравшихся за

этимъ столомъ, приглашенъ былъ только статскій совѣтникъ Крузенштернъ, который долженъ былъ сопровождать князя Суворова сухимъ
путемъ до Риги. Предъ завтракомъ Ө. Ө. Эвальдъ объявилъ во всеуслышаніе о томъ, что въ этотъ день минуло миѣ 34 года, и по этому
случаю было подано Шампанское. При этомъ мнѣ припомиился случай,
доказывающій, что при Дворѣ нѣтъ ничего невозможнаго. Однажды въ
Гапсалѣ оказался недостатокъ въ Шампанскомъ, именно той фирмы,
которую подавали всегда за царскимъ столомъ. Требовалось пепремѣнно это вино, а не другое, и что же: оказалось, что у випоторговца
этого маленькаго городка было куплено прекраспое Шампанское той
же марки, хотя хозяинъ лавки клялся передъ тѣмъ, что этого сорта
вина у него никогда въ погребъ не бывало. Загадка головоломная, по
которую возможно угадать.

Наследникъ Цесаревичъ предложилъ тостъ за мое здоровье, и при этомъ я вспомнияъ, что въ прошедшемъ, т. е. въ 1859 году, этотъ день быль проведень на пароходь «Штандарть», при перевадь изъ Гапсаля въ Петергофъ. Не стану повторять слова Его Высочества, но они връзались въ намять мою, и я всегда съ умиленіемъ буду вспоминать объ этомъ див, о прощація съ Либавою, этимъ мидымъ городкомъ, гдв лъто было проведено тихо, ясно и почти безъ облачка на житейскомъ горизонтъ.-Между тъмъ предъ окнами стущалась все болъе и болъе тодна скромныхъ бюргеровъ съ женами и дътьми, смуглыхъ Евреевъ въ длинополыхъ кафтанахъ, Евреекъ съ типичными физіономіями, и паконецъ выстроился вдоль улицы конный взводъ Александровской гвардія въ драгунскихъ мундирахъ. Все это напоминало день прівада въ Либаву съ тою только разницею, что на всехъ лицахъ въ выраженію нъкоторой торжественности присоединялась грусть о разлукъ съ тъмъ, котораго привыкли ежедневно встръчать на прогулкахъ по городу, за которымъ сабдили постоянно глаза жителей, даже во время занятій въ дом'ь, при мал'вйшемъ шум'ь экипажа, бросавшихся къ окнамъ съ надеждою увидъть Наслъдника Престола.

По окончаніи завтрака, всё, какъ водится, присёли на минуту и потомъ подиялись съ мёсть, чтобы отправиться въ путь. Александровская гвардія конвопровала двухмёстную коляску Его Высочества; въ ней же сидёль и князь Суворовъ. Въ Наслёднике съ утра уже было замётно нёсколько печальное настроеніе духа. Подъёхавъ къ пристани, гдё обычная надпись «Willkommen», сохранявшаяся со дня пріёзда, была обращена въ слова «Auf Wiedersehen», Наслёдникъ вышелъ изъ экипажа, простился съ братьями, потомъ обратился къ Курляндскому дворянству, благодарилъ ихъ самыми ласковыми словами, поцёловалъ

II. 17

русскій архивъ 1896.

бароновъ Нольде, Мантейфеля и Клейста, наконецъ возвратился къ своему экипажу съ четверкою лихихъ лошадокъ и поёхалъ шагомъ чрезъ мостъ, отвъчая привътливо на возгласы толны и почти не надъвая фуражки. Не доёхавъ до шоссейной заставы, Его Высочество замътилъ, что забылъ кошелекъ съ деньгами, и потому послапъ былъ ко мнъ ротмистръ Александровской гвардіи спросить; не у меня ди онъ. Потомъ оказалось, что онъ былъ оставленъ въ шкафикъ, гдъ нашелъ его добрый Шнобель и прислалъ его потомъ уже съ Лифановымъ.

У заставы собрались дамы, между которыми были графини Ридигеръ и Медемъ, баронесса Корфъ и другія; тутъ же быль альтерманъ Улихъ, достойный представитель города, которому Либава обязана многими улучшеніями и между прочимъ отличнымъ устройствомъ благотворительныхъ и учебныхъ учрежденій и заведеній; имъ же составленъ проектъ Либаво-Юрбургской жельзной дороги, удостоенный одобренія правительства, по не приведенный въ исполнение по разнымъ причинамъ. Улихъ безъ сомивнія припадлежить къ темъ личностямъ, о которыхъ вспоминаень всегда съ отраднымъ чувствомъ уваженія. Вся жизнь его посвящена общественной пользъ, при чемъ однако матеріальное вознаграждение далско не выкупаетъ лишений и жертвъ имъ прицосимыхъ. Посав ежедневныхъ съ нимъ сношеній я сохранилъ къ нему чувство благодарности за постоянную и пепритворную готовность помочь мив въ двлахъ, часто до него не касавшихся, но но которымъ я пуждался въ содъйствіи. Догадавшись, по какому поводу Насабдникъ Цесаревичь вспомниль о кошелкъ, я воспользовался минутною остановкою, чтобы предложить и всколько рублевых в билетовъ, для раздачи нищимъ. Его Высочество, простившись съ Улихомъ, глубоко тропутый сълъ въ экипажъ, въ который полетела целая груда цевтовъ венками и букетами. Сигналомъ въ отъвзду послужило резко-звучное «ура» графини Ридигеръ, которая, на подобіе богини Флоры, сыпала вокругъ себя безконечное миожество цвётовъ. На черте городскихъ владеній Алексапдровская гвардія откланялась Его Высочеству и была замінена сельскою кавалькадою крестьянъ изъ окрестныхъ имбий. При этомъ скажу, для избъжанія повтореній, что этотъ конвой смінялся по ніскольку разъ на каждой станціи, до самыхъ границъ Рижскихъ городскихъ владъній, при чемъ крестьяне большею частію были снабжены значками съ названіями вміній, къ которымъ припадлежали, а за неимъпіемъ этихъ флаговъ они держали въ рукахъ какіе-то жезлы собственнаго издълія, украшенные перьями и лентами; у всёхъ безъ исключенія были вънки не только на шапкахъ, по и въ видъ перевязей; при проъздъ же чрезъ казенные лѣса намъ сопутствовали казенные лѣсничіе въ сѣрыхъ кафтанахъ и фуражкахъ, съ ружьями чрезъ илечо, напоминавшіе чрезвычай но ополчанъ последней войны. Здёсь же место упомявуть о безчисленномъ множестве тріумфальныхъ вороть и арокъ, встречавшихся на пути, почти на границе каждаго именія. Все были украшены зеленью и цветами, а на векоторыхъ красовались надписи съ выраженіемъ напутственныхъ желаній. Вхали въ следующемъ порядке: коляска двухместная (Цесаревичь съ княземъ Суворовымъ), двухместная карета (графъ Строгановъ и О. Б. Рихтеръ), четырехместная коляска (н. А. Шестовъ, Крузенштернъ и я) и наконецъ двухместная коляска (камердинеръ Костинъ и Василій, слуга О. Б. Рихтера).

Дождь, напрапывавшій съ утра, сталь исподоволь усиливаться; подняли навъсы и хотя въ воздухъ не было замътно сконившагося электричества, но и пачалъ замічать грозу, приближавшуюся съ другой стороны. Н. А. Шестовъ, пеоднократно выражавній неудовольствіе на товарищество Крузенштерна, нахмурился, сдвинулъ брови и съ невозмутимымъ стоическимъ молчаціемъ перепосиль щелчки круппыхъ дождевыхъ капель, превративникся скоро въ проливной ливень. Крузенштернъ безпрестацио мънялся со мною мъстами; дождевый плащъ, одолженный мив О. Б. Рихтеромъ, предохранялъ меня отъ пепріязпепнаго расположенія къ намъ погоды, пока вода, наконявшаяся въ складкахъ непромокаемаго плаща, стала стекать водопадами въ коляску и образовала въ ней наводнение. Въ это время мы, пробхавъ чрезъ Гробинъ и смвнивши лошадей на станціи Айстернь, содержимой молодымъ графомъ Медемомъ, подъезжали къ городу Газенноту. Живописное местоположеніе города отклонило ожидаемую мною грозу: лицо Шестова прояснилось, и онъ даже улыбнудся на то, что я изъ подъ плаща пичего не вижу. Завсь остановилясь въ клубі, гді, вмісто завтрака, нь чась пополудня, были приготовлены фрукты, Шампанское, мороженое. Городъ этогъ былъ мив непавистенъ по впечатавино, произведенному на меня провадомъ чрезъ него весною въ Март'в, какъ дурными дорогами, такъ н грязною станцією съ Жидовскимъ запахомъ, проникавшимъ даже въ супъ, телятину и кофе, мнв поданные къ объду. На этотъ разъ все мив было мило; я былъ не только вссель, по даже счастливъ Жители были въ такомъ восторей отъ привада высокаго гостя, что, не смотря на всѣ усилія, я не могъ добиться почтмейстера, чтобы ему уплатить прогоны. Никто пе могъ отыскать его, никто ис зналъ гдв онъ, между тъмъ какъ позже оказалось, что онъ все время стоялъ почти возлѣ меня и, слушая мои просьбы и домогательства, не понималъ ихъ. Провхавъ еще небольшое разстояніе, достигли мы границы пом'єстья Кацдангенъ, коего владвлецъ баронъ Мантейфель, старшій сынъ Цираускаго, въ бъломъ галстухъ и черномъ фракъ, подъ сильнымъ дождемъ, ожидалъ съ

своимъ сыномъ прибытія Цесаревича. Его Высочество веліклъ остановить экипажъ, обласкалъ маленькаго бълокураго барона и поъхалъ далье. Я приняль тотчась же предложение бар. Мантейфеля пересъсть въ его карету, и тогда вздохнулъ и сколько свободиве посав душной атмосферы подъ непромокаемымъ плащемъ. Обогнувъ около водяной мельницы и пробъжая почти мимо помъщичьяго дома, я узналъ въ группъ дамъ и мужчинъ, стоявшихъ подъ дождевыми зонтиками, брата Кацдангенскаго барона, Николая и старшую сестру. На половинъ дороги была подстава, дождь началъ стихать, на горизонтв небо начало прояспиваться, свъжія лошади съ бодростію тронулись съ мъста быстрою рысью, и въ скоромъ времени мы подъёхали къ казенному имъпію Прунденъ, содержимому въ арендъ барономъ Коскулемъ. На скверъ предъ барскимъ домомъ была устроена выставка земледъльческихъ орудій и хозяйственныхъ машинъ; докомобили уже дымились и обычнымъ произительнымъ свистомъ заявляди нетерпвије приступить къ работъ. Вокругъ стояли густою толпою (въ числъ 3.000) крестьяне въ правдиичныхъ нарядахъ, и между пини отставные нижніе чины разныхъ гвардейскихъ и армейскихъ полковъ въ щеголоватыхъ мундирахъ, за что они въроятно обязаны быди брату барона Коскудя, бывшему лътъ 20 тому назадъ командиромъ кавалерійского образцоваго полка. Гостепріимство хозяевъ, въ общирномъ и опрятно содержимомъ домѣ, подъйствовало весьма пріятно на насъ, промокцихъ почти до костей. Принарядившись на сколько позволяли скудныя средства дорожнаго моего туалета, я посившиль познакомиться съ хозяйкою дома, рожд. графинею Ламсдорфъ, и дочерью ея, прекрасно образованною девушкою. Въ ней я во второй разъ встрътилъ смъсь Нъмецкаго воспитанія, въ строгихъ правилахъ правственности, съ Французскимъ обравованіемъ, которое придаетъ первому недостающіе ему лоскъ и развязность. Часто случалось мив видьть даже ивкоторыхъ изъ моихъ родственницъ, дввушекъ воспитанныхъ въ имъніямъ Остзейскихъ губерній, auf dem Lande, кавъ говорятъ, съ отличными правилами, но не имъющихъ ни малъйшаго успаха въ Петербургскихъ салонахъ, по недостатку именно того, что требуется столичнымъ свътскимъ обществомъ. Скромность, застънчивость и неумънье пользоваться своими познаніями, чтобы поддержать разговоръ, придаютъ вмъ видъ дикости и нелюдимости, между тъмъ какъ получение окончательнаго образования если и не въ Парижъ, то въ Монпелье (гдъ училась баронесса Коскуль) производить благодътельную перемвну in diesen Kindern vom Lande. За объдомъ, сидя между этою новою моею знакомою и давнишнимъ знакомымъ полковникомъ Коскулемъ, я провелъ время какъ недьзя пріятиве и слушая съ одной стороны много интереснаго о путешествіяхъ за границею, я передавалъ другому сосъду все, что зналъ про общихъ нашихъ Петербургскихъ прінтелей и знакомыхъ. Я встръчалъ Коскуля въ домъ Олениныхъ, а еще чаще у его сослуживца Андро. Послъ объда князь Суворовъ, взявъ меня по обыкновенію подъ руку, передалъ мнъ съ увлеченіемъ проистедшій во время пути случай, который живо запечатлълся въ моей намяти. Князь, замътивъ нздали нищаго, съ той стороны, гдъ онъ сидълъ, вынулъ изъ бумажника рублевую бумажку и, не желая останавливать экипажа, чтобъ не разбудить дремавшаго Цесаревича, бросилъ бъдняку подаяніе. Цесаревичъ, очнувшись, замътилъ это и сказалъ: «Князь, если вы не можете подать нищему милос тыню изъ рукъ въ руки, то лучше совсъмъ не давайте, но только не б осайте ему денегъ, какъ вы это сдълаля». Деликатность чувства не могла не тронуть благороднъйпнаго киязя Суворово; впрочемъ этотъ разсказъ произвелъ одинаковое впечатлъніс на всъхъ, кому я передавалъ его.

Всв пошли осматривать выставку машинъ и начали, конечно, съ молотилки, какъ наиболбе сложной и приводимой въ движение посредствомъ пара. Не помню къ сожальнію количества вымолачиваемаго въ день зерна. Кромъ молотилки, паровой двигатель служилъ еще отличной авсопильной машинв. Потомъ съ любопытствомъ была осмотрвна машина для двланія киршичей (пустыхъ, которые въ большомъ употребленін въ Курляндіи и вміноть значительныя преимущества предъ обыкновенными), черепицы в разной величины дренажныхъ трубъ. Последніе предметы выставки были разнообразные плуги, бороны, свялки, ввялки, грабли, жатвенныя орудія, вальки для укатыванія засъяннаго поля, наконецъ машины для размельченія корнеплодныхъ растеній, въ пищу для скота, и для різки картофеля и свеклы для випокурень и сахарныхъ заводовъ. Изъ плуговъ наша косуля признана не только Кураяндцами, по даже ппостранцами удобивнинить орудіемъ. Въ полевыхъ работахъ двигатель все тоть же: терпъливая лошадь или сильный воль, и едва ли въ скоромъ времени замѣнитъ ихъ паръ, въ особенности въ Россіи и даже въ Курляндіи, гдв недостатокъ въ механикахъ и техникахъ, необходимыхъ для почини машинъ, весьма ощутителенъ.

Простившись съ любезными хозяевами, мы вышли онять на балконъ и увидъли экипажъ Наслъдника съ четверкою великолъпныхъ сърыхъ и предъ каретою графа Строганова шестерикъ вороныхъ лошадей, принадлежавшихъ братьямъ Коскулямъ. Отставной гусаръвынесъ изъ прежней службы страсть къ лошадямъ п немало гордидся сърыми конями, пріобръвшими славу въ окрестныхъ имъніяхъ.

Дорога изъ Шрундена въ Фрауснбургъ весьма живописна, и я восхищался ею даже въ Марть мъсяць, когда таявшій сныгь только что начиналь обнажать поля и лежаль плотною массою въ лесахъ. Жаль только, что на половинъ дороги стемнъло до того, что едва можно было различить окрестности. За то мы были вознаграждены подъ конецъ дороги прекрасною иллюминацією, которая на протяженій двухъ верстъ и въ гористой мъстности представляла картину чрезвычайно живописную. Не останавливаясь на станціи мъстечка Фрауснбургъ, мы проъхали прямо до Бергхофа, имънія г-на Бринкена, назначеннаго для ночлега. За отсутствіемъ помъщика, бывшаго за границею, Государя Наследника принималь зять его Фонь - дерь - Рекке. Названіе мызы указываеть на положение помъщичьего дома на горъ или дучне на холмъ. Въ особенности былъ хорошъ видъ на Фрауенбургъ; развалины древняго женскаго монастыря и прочія строенія были видны вдали окаймленныя огненными нитями или украпісиныя разноцевтными фонарями à la kia-king. Сели за чайный столь, на которомъ разставлены были тарелки и блюда съ фруктами и самымъ разнообразнымъ домашнимъ печеньемъ. Тутъ-то вспомиили, что хозяйка пе была представлена Его Высочеству, следовательно не могла и подчивать высокаго гостя. Но было поздно, и знакомство это было отложено до другаго утра (впрочемъ и тогда не состоялось). Цесаревичъ, простившись со всеми, ушель въ приготовленную для него компату; графъ Строгановъ также удалился, а остальное общество собралось на балконъ; къ нему присоединилось еще въсколько бароновъ, и въ числе ихъ 70-ти летній камеръ-юшкеръ баропъ Фирксъ, страстный агрономъ, трудящійся весь свой въкъ надъ нововведениями. Хоти и увъряли, что этотъ балконъ, подъ свийо въковыхъ каштановъ, служатъ лучшимъ убъжищемъ отъ палящихъ лучей Іюльскаго солида, я однако никакъ не могъ согласиться съ тъмъ, чтобы въ осений, сырой вечеръ это мъсто представляло тъже удобства и, несмотря на согръвающій punch royal въ огромномъ сосудь, я нотихоньку ускользиуль изъ веселой компаніи бароновъ.

Утромъ въ половинѣ нестаго я вышелъ въ садъ и засталъ графа Строганова, возвращавшагося уже съ прогудки. Послѣ чаю пошли онять на сельскую выставку, которая впрочемъ не представляла ничего новаго. Въ шесть часовъ мы уже ѣхали далѣе по довольно живописной, но плоской мѣстности, между полями, на которыхъ уже стояли снопы и скирды. Въ лѣсу было такое изобиліе прекраснѣйшихъ грибовъ, что я не могъ равнодушно смотрѣть на нихъ, сожалѣя о томъ, что нельзя было часокъ посвятить на прогудку по бору. На пути, Цесаревичъ заѣхалъ и на сельскую ярмарку. Далѣе княгиня Ливенъ встрѣтила Его Высочество на границѣ своего имѣнія, гдѣ крестьянскія дѣтя, подъ управленіемъ

сельскаго учителя, исполнили «Пародный Гимпъ» и «Коль славенъ нашъ Господь» на Латышскомъ языкъ. День былъ прекрасный, въ воздухъ была необыкновенная тишина, все дышало свъжестію.

Следующая станція-Бекгофъ, где встретили Цесаревича оркестромъ доморощенныхъ музыкантовъ, игравшихъ съ большимъ усердіемъ, но безъ согласія, кто въ лѣсъ, кто по дрова. Послѣдняя станція предъ Митавою мъстечко Добленъ, съ прекрасными развалинами. Не знаю, ясная ли погода и отличное во мнъ расположение духа были причиною тому, что это мъсто уже издали какъ-то особенно мит улыбалось, или казалось оно мит привлекательнымъ потому, что я еще въ дътствъ любилъ слушать разсказы о Доблевъ друга моего, барона Рение, воспитывавшагося здёсь у тетки своей баронессы Рение, рожд. Оффенбергъ, матери г-жи Нольде. Какъ бы то ни было, нельзя отнять у этого містечка чего-то радушнаго и уютнаго; не даромъ же тутъ поселяются на лѣто нѣкоторые жители Митавы и даже Риги, въ хорошенькихъ дачахъ, между которыми въ глаза бросается Villa Tottleben, принадлежащая одному изъ родственниковъ нашего Севастопольскаго героя. Между лицами, сопровождавшими Государя Наслёдинка при осмотре развалинь, быль отставной генераль-мајорь Дитрихсъ, служивний ивкогда въ Пажескомъ Корпусв и немало возгордившійся при встрічь съ О. Б. Рахтеромъ, бывшимъ его питомцемъ.

Повхали далве и посль утомительной взды на солнечномъ принекв, около 30 верстъ безъ малъйшей твии, прибыли во второмъ часу въ Митаву. Эта резиденція герцоговъ Курляндскихъ ноказалась мив въ Марть отвратительною до нельзя, потому что я оба раза проважаль ночью, въ ненастную погоду, по грязнымъ улидамъ; теперь же все показалось иначе: откуда взялись прекрасныя каменныя зданія, теперь укращенныя коврами и цвътами, съ садами, въ которыхъ густая, темная зелень дуба и Итальянского перамедального тополя смъцилась свъжею изумрудною зеленью другихъ деревьевъ. Въ соборъ Русскимъ купечествомъ была поднесена хлѣбъ - содь. Князь Суворовъ зналъ даже и этихъ купцовъ по имени, и у одного изъ нихъ осведомился о его сестръ Матренъ Егоровнъ или Акулинъ Парфентьевиъ, не помню, но память эта меня поразила. На вопросъ этотъ купецъ отвъчаль: «Покорно-съ благодаримъ, все-съ еще-съ проживають за границею-съ, ваша свътлость». Типъ Русского купчика, хотя и говорящаго чистымъ Немецкимъ языкомъ, везде одинъ и тотъ же, несмотря на то, «проживаютъ-съ за границею-съ». Изъ собора что сестрица ихъ шагомъ прівхали въ домъ Дворянскаго Депутатскаго Собранія, расположенный на набережной ръкп Аа: странное название, неизвъстно

что значить, а между темъ въ большомъ употребленія; въ последствін еще придется говорить о долинь рыки Аа въ Лифлиндской Швейцарін, а въ Курляндіи еще есть der See zum heiligen Aa, между тімъ начего ивть общаго между этими реками и озеромь. Толпа, провожавшая насъ оть городской заставы, съ разными депутаціями, до того сгустилась на узкой набережной предъ домомъ, что, оставивъ экипажи на большой улиць, мы съ трудомъ пробрались до подъезда. Для Цесаревича помъщение было приготовлено во 2-мъ этажъ, въ прохладныхъ, великол виных в покояхъ. Н. А. Шестову и мив назначено было внизу въ квартиръ графа Германа Кейзерлинга, брата Эстляндскаго предводителя дворянства. Посяв пріема разныхъ лицъ, Его Высочество легь отдохнуть, а потомъ отправился осмотръть дворецъ, преврасное произведеніе знаменитаго Растрелли. Сначала вопіли въ склепъ, гдв покоятся герцоги Курляндскіе. Гробъ Бирона какъ и некоторыхъ, открытъ, и я впился взорами въ черты этого злодъя, какихъ немного въ исторіи человъчества. Не смъю выдавать за истину, по я разсмотрълъ лице его съ большинъ вниманісмъ, и мив показалось, что оно было выкрашено масляною краскою. Какъ пиаче объяснить нежно-розовый цветь и тонкія полосы, происходящія отъ щетипистой кисти перскусцаго маляра?

Внутренность замка, или лучше сказать, ствы царских комнать оклеены нынь новыми обоями и обновлены, исключая одного небольшаго покоя, коего ствиы покрыты гобеленами, вышитыми герцогинею Курляндскою Анною Іоанновною. Пробъжавъ наскоро цълый лабиринть обширных залъ и небольших комнать, я носпъшиль онять домой, и къ 4-мъ часамъмы собрались въ большой дворянской заль, украшенной безчисленнымъ множествомъ гербовъ Курляндскаго дворянства. Безукоризненный въ гастрономическомъ отношени объдъ былъ оживлень пріятнымъ разговоромъ; немногочисленное общество состояло изълящъ, пріважавшихъ уже въ Либаву и потому болье или менье знакомыхъ. Подъ конецъ объда Государь Наслъдникъ въ послъдній разъ простился съ представителями Курляндскаго дворянства и благодарилъ ихъ за радушіе и гостепріимство. Благодарность эта была выражена немногими, но провикнутыми искренностію, словами.

Опять поданы экипажи, опять толпа предъ домомъ, на мосту, по большой улюць, до самой заставы, а тамъ снова откуда ни взялись новые проводы крестьянскихъ всадниковъ, на этотъ разъ однако, вмъсто гирляндъ изъ цвътовъ, съ бълыми полотняными перевязями и такими же значками. На станціи Олай подпесена хлъбъ-соль уже Ражскимъ мъщаниномъ, для большей смълости подкръпиршимъ себя чаркою про-

стаго вина. Князь Суворовъ назвалъ его опять по имени Григорьевымъ или Тимовеевымъ. Черезъ часъ времени уже начали показываться издали башни Св. Петра, Якова и Вышгородской церкви. По объимъ сторонамъ дороги тянулся рядъ дачъ, потомъ слышались отрывистые крики громкаго «ура» стоявшихъ на дорогѣ группъ солдатъ, или вышедшихъ на встръчу городскихъ жителей. Въбхали въ Митавское предмъстье; тутъ уже начали сдерживать лошадей. Отдельныя группы сливались въ массы, радостнымъ крикамъ не было конца; спустились къ мосту, и провадъ чрезъ арку казался невозможнымъ. Предъ глазами открылась великольпиая картина: къ самому мосту подошли разныя суда, образовавшія цілый лісь мачть, украшенныхь разноцвітными флагами, палубы были загромождены зрителями, изъ коихъ пъкоторые, похрабръе, вивств съ матросами висвли на снастяхъ и мачтахъ. Мостъ былъ подъ водою отъ наплыва людской массы. Государь Наслединкъ, видя невозможность кланяться во всв стороны и отвечать темъ на приветствія, ъхалъ все время съ приподнятою падъ головою фуражкою. Восторгъ доходиль до неистовства: люди бросались подъ лошадей, держались за экипажи, чтобъ имъть возможность следовать за нами; сбивали другъ друга съ погъ, и бъда тому, кто не въ силахъ былъ кулаками и тычками продагать себь дорогу: по поясь въ водь онъ находился подъ опассніемъ быть опрокинутымъ сабдующимъ за нимъ смедьчакомъ. Въ концѣ моста опять тріумфальные ворота и опять новая толпа встрѣчающихъ. Пробравшись съ трудомъ сквозь этотъ рой, въбхали въ узкія ульцы, поднялись вверхъ до площади въ центръ города, гдъ высокаго гостя встрътилъ чудный гимпъ, исполненный оркестромъ роговой музыки, помещенной на балконе ратуши. Степы этого дома, какъ и некоторыхъ другихъ, были сверху до низу украшены великолѣпными тропическими и другили растеніями и цвётами. Улица ведущая мимо биржи къ Губернаторской площади, превратилась въ безконечную залу, со ствнами въ нъсколько этажей и съ потолкомъ изъ разподвътныхъ матерій, переброшенныхъ съ одной стороны на другую. Депутаты всъхъ возможныхъ сословій образовали живую изгородь, а городская гвардія скакала впереди, прокладывая путь въ цитадель. Тутъ преосвященный Платонъ встрътилъ Государя Наследника съ крестомъ и святою водой и привътствовалъ краткимъ словомъ. Я пришелъ только къ концу и потому не могу судить о содержаніи річи. Послі благодарственнаго молебствія отправились наконець въ замокъ, въ которомъ каждый нашелъ себъ удобно устроенную комнату; всъ были помъщены прекрасно, исключая гостепрінинаго хозянна, князя Суворова, переселившагося въ какой-то холодный, сырой уголовъ. Впрочемъ, сколько я могу судить, дни пребыванія Государя Наследника въ Риге были светлыми минутами въ жизни князя: онъ былъ счастливъ видъть у себя не только первороднаго сына обожаемаго имъ Царя, но и юношу-человъка, къ которому привязался всею сплою своего чувствительнаго сердца, всею теплотою честной своей души. Отрадно ему было видъть въ жителяхъ Остзейскихъ губерній туже безпредъльную любовь къ царскому дому и убъждаться на каждомъ шагу, что выраженіе этой любви дъйствовало такъ благотворно на высокаго гостя, что онъ не оставался равнодушнымъ къ этимъ чувствамъ. И въ самомъ дълъ, не говоря уже о приготовленіяхъ къ пріему Наслъдника, вся Рига или, лучше, Лифляндія, была занята одною и тою же мыслію, какъ бы еще что придумать, чтобы пребываніе Его Высочеству сдълать пріятнъе и удобиъе. Какъ же оставаться равнодушнымъ къ этимъ заботамъ, какъ не оцънить этого радушія? Могу себъ представить, что происходило въ Цесаревичъ, когда у меня глаза безпреставно наполнялись слезами умилевія.

Цесаревичь принималь нѣкоторыхъ лицъ и между прочимъ представителей купечества, поднесшихъ хлѣбъ-соль на серебряномъ вызолоченномъ блюдѣ съ красивою солонкою, работы Сазикова. Въ 9 часовъ вечера, на дворѣ замка собрались члены Рижскихъ Liedertafel и Liederkranz въ числѣ около 100 человѣкъ и привѣтствовали Его Высочество пѣніемъ сочиненій извѣствѣйшихъ композиторовъ. Оркестровка въ высшей степени замѣчательная, прекрасные голоса и исполненіе пѣсень были выше всякой критики. Окончивъ пѣніе, вся собравшаяся на дворѣ замка масса съ факедамв, фонарями и знаками тронулась съ мѣста и открыла шествіе по городу вдоль иллюминованныхъ улицъ. Меня особенно восхищали живыя цвѣты и растенія, которыя покрывали стѣны домовъ; освѣщенныя разноцвѣтными огнями, они образовали какъ бы куртины тропнческой растительности. Между ними были экземпляры рѣдко встрѣчающіеся даже въ самыхъ роскошныхъ садахъ и теплицахъ.

На другой день, 2-го Августа, въ 6 часовъ утра, я для нѣкоторыхъ совѣщаній пошелъ къ князю Суворову и съ нимъ обошелъ весь замокъ. Когда мы сошли съ крѣностнаго вала на берегъ Двины, онъ мнѣ по-казалъ вельботъ, приготовленный имъ для прогулокъ Государя Наслѣд-пика по рѣкѣ. Тутъ же встрѣтили мы барона Фаркса, столь извѣстнаго Шедоферроти, который обязанъ своею славою, сочиненію: «Études sur la Russie». Послѣ прогулки собрались къ 8½ часамъ около чайнаго стола, за которымъ Его Величество разсказалъ про наивный отвѣтъ унтеръ офицера Bürgergarde, завимавшаго пакапупѣ караулъ у дверей его покоевъ. На вопросъ Наслѣдника: «Нары ihr auch während des Aufenthalts des Kaisers hier die Wache bezogen?» онъ отвѣчалъ: «Ja wohl, und

einer von uns hat auch ein allergnädigstes Geschenk dafür erhalten *). Эта скромность озадачила меня, такъ что я даже не улыбнулся. Оттонъ Борисовичь, замътивъ это, обратиль общій смъхъ на меня; но туть же было решено, что отъ Его Высочества будутъ подарки только двумъ офицерамъ гвардіи. Въ 10 часовъ начался пріемъ представляющихся военныхъ и гражданскихъ чиновъ, дворянства и купечества. Въ это время я вздиль къ негодіанту Бранденбургу и передаль ему двв изящныя вазы, пожалованныя ему Цесаревичемъ въ изъявление благодарности за присылку имъ въ Гапсаль въ теченіи и вскольких вліть илодовъ и цвътовъ. Въ 11 1/2 часовъ Его Высочество присутствовалъ при богослуженін на Латышскомъ языкъ въ домовой церкви преосвященнаго Платона, оттуда повхаль въ Магистрать, гдв ему вкратцв было объяснено все дъло и судопроизволство и открытъ архивъ, содержащій весьма древије и замвчательные акты. Въ домъ Черноголовыхъ старшина Голандеръ, по старвиному обычаю, поднесъ кубокъ съ Шампанскимъ, изъ котораго сперва хлебпулъ самъ. Залы этого дома украшены въ древнемъ стиль, и во время осмотра ихъ съ хоръ гремьла оглушающия роговая музыка, вездъ преслъдовали черные глаза св. Маврикія, коего изображение торчало вездъ, гдъ только было не запято мъстечко. Домъ Лворянскаго Собранія, коего покон украшены гербами Лифляндскаго дворянства, церкви св. Петра, св. Якова п Domkirche, наконедъ, биржа, большая и малая гильдія, представляють собою прекрасные намятники исторіи Лифанндіи и превмущественно Риги. Замічательны: 1) Въ церкви св. Петра надпись, свидътельствующая, что великій преобразователь Россій молился туть на кольнихъ предъ алтаремъ о спасеніи церкий, сгоръвшей въ тоже время отъ удара молнін, что шинль этого храма, пострадавшій оть огня, быль вцовь сооружень по плану инженера Мициха, который этой постройки обязань знакомствомъ съ Петромъ и виосабдствін своей карьерою. 2) Въ церкви св. Якова сидащія въ ствнахъ церкви ядра - брошенныя изъ непріятельскаго лагеря, во время осады города Русскими; объ нихъ распространился довольно подробно генераль - суперинтенденть Вальтерь при встрычь Его Высочества. 3) Въ зданіяхъ биржи и большой гильдіп, изъ конхъ первое недавно окончено, а второе еще не достроено, стиль обоихъ зданій чисто-готическій, отличается широкими размірами, которые кажутся еще огромнъе оттого, что зданія, къ сожадьнію, какъ будто бы не на своемъ мъстъ и втиснуты въ узкія удицы. Внутренность роскошна, но не обременена излишними украшеніями. 4) Малая гильдія сохранилась въ пер-

^{*)} Вы были здёсь на карауле и во время пребыванія Императора?—О да, и одина изъ насъ получиль за то всемилостивейшій подарокъ.

вобытномъ видъ и напоминаетъ входомъ и съими разсказы изъ среднихъ въковъ. Внутри кой-какія картины и въ особенности католическіе образа, оригинальной живониси. Тутъ же представлялась Его Высочеству Рижская гвардія, состоящая исключительно изъ членовъ малой гильдій, т. е. цеховыхъ ремесленниковъ. Пока осматривали католическую церковь, я посившиль къ г. Армстедту, чтобы занять у него пъсколько денегъ, недостающихъ по моему разсчету для расходовъ въ Ригѣ и на обратномъ пути. Послѣ оффиціальнаго обѣда Цесаревичъ поѣхалъ въ такъ пазываемый Kaiserlicher Garten, летнее местопребывание князя Суворова, потомъ на Марсовое поле, гдъ былъ народный праздинкъ, в въ лагерь. Я воспользовался свободнымъ вечеромъ, чтобы провести его въ последній разъ съ Мердеромъ, и совершиль при этомъ съ женою его прогудку въ тотъ же Kaiserlicher Garten, причемъ мы встрътили Его Высочество на возвратномъ его пути. Вечеръ того же дня достоинъ описанія. Нужно замітить, что праздникъ этотъ быль устроенъ на Двинъ, въ темную, по безоблачную ночь, и что все общество собралось на «Штандарть». (Въ скобкахъ скажу, что я пригласиль къ себъ на вечеръ Мердера съ женою и князя Ливена съ его женою, рожд. Стрекаловою и что мы любовались эрвлищемъ съ крвностнаго вала; къ намъ же присоединились Иванъ Васильевичъ Рождественскій и Свербесвъ съ женою - красавицею, которую я зналъ еще до замужества графинею Менгденъ).

3-го Августа рано утромъ происходила въ набинетъ Цесаревича бесъда съ ген.-ад. Тотлебеномъ, а въ 10 часовъ, тронулась вереница экипажей изъ двора замка въ Лифляндскую Швейцарію, въ слъдующемъ порядкъ: Его Императорское Высочество съ княземъ Суворовымъ, графъ Строгановъ съ Рихтеромъ, баронъ Ливенъ, пригласившій меня въ свою коляску, Н. А. Шестовъ съ Менгденомъ, полковникъ Ивановъ съ Мердеромъ. Быстрою рысью неслись экипажи по гладкой дорогѣ до первой станцін, потомъ сверпули направо и проселкомъ добхали до замка Кремонъ. Подъвзжая къ нему, баронъ Ливсиъ объявилъ мив, что мы прибыли въ Лифляндскую Швейцарію. Но гдъ же горы, гдъ великольпная долина? спросилъ я. Но мы уже выходили изъ коляски и, не давъ мић времени поздороваться съ хозяиномъ, баронъ проведъ меня чрезъ комнаты на противуположную сторону дома, и тутъ събалкопа открылся великолъпный видъ на Швейцарію. Домъ стояль на краю крутаго обрыва, обросшаго лёсомъ, съ просъкою противъ террассы замка, что давало возможность въ перспективъ видъть часть долины и расположенный на противуположной гор'в замокъ Зегевольде. Тотчасъ предпринята была небольшая прогулка по скату горы, гдъ устроены водопадъ п фонтанъ; но лучше бы шаюзовъ при насъ не открываля, потому что сфрансто - водородный запахъ воды былъ отвратительно непріятенъ и мѣшалъ прекрасному впечата вийо мъстности. Пошли дальше и остановились на углу горы, съ которой открылся такой очаровательный видъ, какого я себъ не могъ и вообразить. Представьте себъ долину между двумя обросшими густымъ лісомъ горами, на дні которой протекаеть быстрый ручей, который на протяжении 2-хъ верстъ измъплетъ 7 разъ свое направде ніе, и всё 7 изгибовъ представляются взорамъ зрителя. Отсюда же видны развалины замковъ Трейденъ по сю сторопу в Зсгевольде на противуположной сторовъ долины, оба на вершинахъ горъ. Экинажи, бъгущіе внизу, по извилистымъ дорожкамъ, казались жуками и мухами; накопецъ тънь облаковъ, то освъщающая, то затемняющая разныя части доливы, придавала своего рода прелесть этой картинъ. Я не могъ оторваться отъ этого места, вполив заслуживающого свое название «Belle vue»: такъ бы кажется и засълъ бы здъсь на цълый день, чтобы любоваться видомъ при различныхъ освъщеніяхъ. Чудная тишина, господствовавшая въ природъ, нарушаема была замъчательнымъ эхо, повторявшимъ съ необыкновенною отчетливостію нъсколько разъ слова про-изпосимыя безъ особаго напряженія, точно будто бы человъку запрещается нарушать типпину соблюдаемую природою и чуть только преступается этотъ законъ, эхо, этотъ въковой и вървый сторожъ, спъшитъ по всей долинь разгласить болтливость человька. Баронъ Кноррингъ, бывшій гвардеецъ, со всей сплы гаркнуль команду, которая и повторилась безчисленное множество разъ. Наше общество было слишкомъ многочисленно, чтобы насладиться картиною, какъ следуетъ. Быть здесь одному, въ безмолвін, лицомъ къ лицу съ величественною природою, которая напомянаеть о могуществъ и ведичів Міросоздателя и о ничтожествъ человъка, постигать чистоту и непорочность всего окружающаго и представлять самого себя во всей грешной нагот своей: вотъ назначеніе этихъ картинъ природы!

Возвратившись въ домъ, мы застали приготовленный любезнымъ хозянномъ, барономъ Ливеномъ, завтракъ, который нельзя даже назвать déjeuné dinatoire, а просто роскошнымъ объдомъ, состоявшимъ изъ 6 или 7 самыхъ изысканныхъ блюдъ и закускою изъ salade aux homards и тому подобныхъ лакомствъ. Этотъ завтракъ приводилъ въ отчаяніс г. г. дворянъ, какъ множествомъ блюдъ, такъ и продолжительностію своею, ибо они разсчитывали на хорошій аппетитъ гостей, для объда устроеннаго ими въ Трейденъ. Послъ того спустились, частію верхомъ, а частію въ экинажахъ, въ долину, остановились предъ пещерою, получившею названіе Бушмана отъ скрывавшагося здъсь съ своею возлюбленною героя древней легенды, а нынъ служащею сборищемъ юнаго

покольнія для устройства въ ней пиршествъ. Моментъ этотъ быль весьма удобень для альбома художника, и я поспьшиль подать мысль понавшемуся мнь здысь Тимму помыстить въ Художественномъ Листкы изображение разнообразной картины остановившихся предъ гротомъ всадпиковъ и вереницы экипажей; но кажется, что онъ не раздылиль моего взгляда, ибо до сихъ поръ не воспроизвелъ въ своемъ изданіи этой, какъ казалось мнь, счастливой идеи.

Въ Трейденской долинъ былъ устроенъ народный праздникъ. На эстрадъ Цесаревичъ былъ встръченъ графинею Борхъ и г-жею Сталь-Потомъ началась скачка крестьянскихъ мальчиковъ, одътыхъ жокеями. и раздавались призы героямъ Steeple - chaise, а ловкіе Латыши и Эсты въ это время награждали себя сами, кто успъвалъ, разными разностями съ такъ называемыхъ mât de cocagne. Пока среди хохота публики происходили эти подвиги сельскихъ акробатовъ, во время объда крестьянъ въ національныхъ праздничныхъ нарядахъ, я позаботился о своемъ собственномъ нарядъ, запыленномъ отъ дороги, въ которомъ я не считаль себя въ правъ явиться къ объду; поэтому, воспользовавшись удобною минутою, я проскользнулъ сквозь толну и, поднявшись на крутую гору, вошель въ гостипницу въ виде Швейцарскаго шале и засталь все семейство Гримма, хлопотавшее о принадлежностяхъ дамскаго туалета и крайне педовольное пеудобнымъ помъщениемъ. Но такъ какъ и въ этомъ случав вицы этой принять на себя не могъ, то и поспышаль прихоронившись въ налатку, подъ которою былъ накрытъ дливный столъ на 150 челов'якъ. Но увы! Предчувствіе оправдалось: аппетиту ни у кого не было ин малъйшаго, а не смотря на то всв просидъли за объдомъ добрыхъ 11, часа. Разговоръ былъ весьма одушевленный и, благодаря пріятному соседству съ Эттингеномъ, съ одной, и съ бургомистромъ Миллеромъ съ другой стороны, я ручаюсь за Оттона Борисовича и за себя, что мы не скучали ни одной минуты. Эттингенъ, въ качествъ предводителя дворянства, провозгласилъ тосты за Государя Императора и Государыню Императрицу, сопровождаемые восторженнымъ «ура»; послѣ того Цесаревичъ предложилъ тостъ за Лифляндское дворянство; но всабдъ за симъ Эттингенъ эпергическимъ годосомъ воскликнуль: Auf das Wohl unseres vielgeliebten Grossfürsten Thronfolgers. Lebehoch! Lebehoch! отозванись очнувніяся горы и додины.

Но кончился объдъ, пужно было еще осмотръть развалины замка Трейденъ; а между тъмъ стемнъло, взвились сигнальныя ракеты, и бъглые огни, перебъгая отъ шкаликовъ къ фонарямъ и отъ фонарей къ плошкамъ, факсламъ и смолянымъ бочкамъ, распространили въ полномъ смыслъ волшебную иллюминацію въ долинъ, по ръкъ, на мосту съ ар-

ками, въ темномъ лъсу, въ гротъ и, наконецъ, очертили огненными витями всь строеція въ окрестности. Лучше всего были освъщены Gutmanns Höhle, мостъ и развалины Зегевольде, на вершинахъ коихъ горъли яркимъ пламенемъ смоляныя бочки. Но дорого досталась мнъ эта палюминація. Разговорившись съ новыми знакомыми, я отсталь отъ нашего общества, и потому не нашель уже экипажа, въ которомъ поднялся въ Трейденъ. Какой-то добрый человекъ посоветовалъ мне спуститься въ долину не большою дорогой, гдв много экппажей, следовательно опасно, а садомъ. Представьте себя темною ночью въ совершенно незнакомомъ вамъ саду, расположенномъ на крутомъ скатъ горы, гдъ дорожки и тропинки то спускаются, то подымаются, на самыхъ крутизнахъ, обращаются въ скользкія ступени; представьте себъ къ тому обманчивые огни въ долинь, мелькающіе между кустами и заставляющіе васъ думать, что вотъ, наконсцъ, нъсколько еще шаговъ и вы въ долицъ, только руку подать! и вы поймете отчаяніе, въ которомъ я провель не Французскія mauvais quart d'heure, а добрый Русскій чась! Это быль для меня темь болье непріятный лабиринть, что я не имьль съ собою почти ничего кром'в того, что было на мив, такъ что ежеминутно рисковаль поскользнувшись по глишистой и мягкой после дождя почвы, довхать до низу горы; въ какомъ бы видъ я тогда очутился внизу, этого я даже при сильно раздраженномъ воображени не могъ себъ представить. Помню только, что, скользя, я хватался за сучья деревьевъ, или нагибаясь ползкомъ спускался до той минуты, нока чувствоваль подъ погою точку опоры, тогда я вставаль, спешиль по новой троинике, по увы! опять опа подымалась въ гору, я я опять удалялся отъ цели; и все это въ темиотъ, во фракъ, въбъломъ галстукъ и налевыхъ перчаткахъ! На дворъ уже было очень свъжо, а меня безпрестанно обдавало жаромъ. «Frau von Kampenhausen, liebe, gute, wo sind sie denn?» раздалось вдругъ надо мною. «Aber hier, mein Gutchen», отозвалась Frau v. Kampenhausen въ двухъ шагахъ отъ меня. И обернулся и вижу ночти возав меня довольно полную небольшаго росту даму. Мы столкнулись довольно неловко; я извинился, между тімъ какъ она вскрикнуля съ испугомъ: Ach Gott, wer ist das? Пошли объясненія, которыя кончились темъ, что эти же две дамы вывели меня изъ пепріятнаго положенія в предложили въ ихъ экипаж'в довезти меня до Зегевольде. Сюда я прибыль уже къ концу вечера, но успель все-таки полюбоваться великольною иллюминацією и фейерверкомъ.

Паконецъ гости начали разъвзжаться. Всвиъ приглашеннымъ переночевать въ домъ графини Борхъ назначены были компаты для ночлега; безъ пріюта остались только тѣ, которые сами назвались, или не знали что дѣлать съ ихъ семействами незванными.

На другое утро, послѣ ранней прогудки, всѣ собрались за чайнымъ столомъ, и потомъ отправились въ развалины, около которыхъ были посажены деревья въ память пребыванія Цесаревича, а въ 9 часовъ переправились въ Кремонъ, гдѣ усѣвшись въ дорожные экипажи пустились въ обратный путь, и во 2-мъ часу прибыли въ Ригу. Въ 4 часа былъ обѣдъ на 30 персонъ, въ 6 часовъ поѣхали осматривать новыя сооруженія, закладку театра и станцію желѣзной дороги; затѣмъ объѣхали Московскій форштадтъ, гдѣ живутъ исключительно Русскіе и преимущественно раскольшики, оттуда, проѣхавъ весь почти городъ, направились къ садовому заведенію Вагнера и, наконецъ въ Wöhrmann's Garten. Послѣ чая пропѣта была Его Высочеству прощальная серенада.

5-го утромъ, посав молебствія всв собранись къ 6-ти часамъ на пароходъ «Ундину», которая должна была вывести насъ къ устью Двины, гдв ожидаль «Штандарть», и гдв предполагалось осмотреть вновь сооружаемые по плану г.-а. Тотлебена крыпостныя работы. Густой туманъ не дозволялъ пуститься въ плаваніе до 8 часовъ. Тогда «Ундина», сопровождаемая тремя другими пароходами биткомъ набитыми пассажирами, тробулась и вскоръ подвезла насъ въ Динаминдской кръпости. Здесь были осмотрены со вничаниемъ работы и спущены въ воду два фашинныхъ тюфяка, служащіе основаніемъ мола. Между тімъ на «Ундинь» быдъ приготовленъ завтракъ, за которымъ маститый старецъ, бургомистръ Шварцъ произнесъ отъ имени города краткое слово, выражавшее благодарность за посъщение Риги и желание благополучнаго возвращенія въ столицу. Наконецъ, простившись съ квяземъ Суворовымъ и со всеми присутствовавшими, Цесаревичъ перешелъ на «Штандартъ». Минута былъ высокоторжественная. Все и всв молчали, но вдругъ воздухъ огласился такимъ «ура», въ которомъ выражались и благодарность, и грусть раздуки. Всв были тронуты до глубины души. Тронулся громадный «Штандартъ», и за нимъ пустились и маленькіе пароходы, одинъ за другимъ, обгоняя гиганта и огибая около носа, возвращались по другой сторонъ его. Жалко было мнъ разстаться съ Ригою, и грустно было видеть разлуку князя Суворова съ Великимъ Княземъ, котораго онъ горячо любилъ.

Описаніе это такъ подробно потому, что оно было составлено пемедленно по возвращенів нашемъ въ Петербургъ.

(Продолжение будеть).

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА

о причинѣ перенесенія въ 1832 году праха князя и графовъ Орловыхъ изъ села Отрады въ Новгородскій Юрьевъ монастырь.

Въ 4-мъ выпускъ «Русскаго Архива» сего года помъщена замътка подъ заглавіемь: «Перенесеніе праха князя и графовъ Орловыхъ». Перенесеніе это совершено въ нынфшнемъ Февраль изъ Новгородскаго Юрьева монастыря въ родовое графовъ Орловыхъ именіе - Отраду (Моск. губ.), гдв первоначально князь и два графа Орловыхъ были погребены, но въ 1832 г., по просъбъ дочери одного изъ графовъ, графини А. А. Орловой-Чесменской, были перевезены изъ Ограды въ Юрьевъ монастырь, которымъ въ то время управляль знаменитый архим. Фотій, имъвшій неограниченное вліяніе на свою духовную дочь графиню Орлову-Чесменскую, постоянно проживавшую близъ своего отца духовнаго. Въ этой замъткъ высказана мысль о необъяснимости побужденій, которыми руководствовалась графиня, чтобы увезти, вміств съ своимъ отцомъ, героемъ Чесмы, двухъ дядей своихъ, пролежавшихъ безъ малаго полевка въ Отрадъ, оставивъ въ тоже время двухъ другихъ дядей, т. е. графовъ Ивана и Владимира Григорьевичей, въ первоначальномъ мъсть ихъ упокоенія, т. е. въ с. Отрадъ.

Дъйствительно, представляется крайне-страннымъ и необычайнымъ и само по себъ перенесеніе трехъ славныхъ «Екатерининскихъ Орловъ» изъ родоваго ихъ имънія въ совершенно чуждое для нихъ мъсто и притомъ почти чрезъ полвъка послъ ихъ смерти; а равно непонятно и то, что изъ пяти братьевъ Орловыхъ, погребенныхъ въ Отрадъ, перевезены были графинею только отецъ ея и два дяди.

Но если не сохранилось ни въ фамильномъ архивъ графовъ Орловыхъ, ни въ фамильныхъ преданіяхъ этой славной, вполнъ исторической семьи свъдъній, объясняющихъ это обстоятельство: то остается прибъгнуть для разъясненія къ оффиціальнымъ даннымъ, которыя, быть можетъ, прольютъ нъкоторый свътъ на этотъ случай. Въ одномъ изъ Петербургскихъ архивовъ намъ пришлось ознакомиться съ оффиціальными бумагами, которыя заключаютъ въ себъ слъдующія данныя.

Дъло начинается представленіемъ митрополита Новгородскаго Серафима въ Св. Синодъ отъ 13 Ноября 1831 г., въ которомъ онъ из-

дагаеть, что «Двора Ен Императорскаго Величества камеръ-фрейдина, графиня Анна Орлова-Чесменская, въ прошенія своемъ ко мив прописала, что родитель ея, графъ Алексъй Орловъ-Чесменскій и родные братья его, а ея дяди, князь Григорій и графъ Өеодоръ Орловы скончались первый въ 1807 г., второй въ 1783 и третій въ 1796 годахъ; тыла же ихъ, по надлежащемъ отпътіи, не были преданы земль, а поставлены въ склепахъ на поверхности земли въ особо-устроенномъ мъсть въ видь часовни, Московской епархіи Серпуховскаго увзда въ сель Отрадь; она же графиня, возъимьвъ желаніе перевезти тыла сіи въ Новгородской первоклассный Юрьевъ монастырь и предать оныя земять въ паперти соборной Святаго Побъдоносца Георгія церкви, гдъ для погребенія умершихъ устроено нъсколько мість, и испросивъ на сіе отъ настоятеля онаго монастыря архимандрита Фотія со старшею братією согласіе, утруждала словесною всеподданнъйшею просьбою. чрезъ генералъ-адъютанта графа Алексвя Өедоровича Орлова, Государя Императора о дозволеніи ей привести оное желаніе ея въ исполненіе; почему графъ письмомъ увъдомиль ее, что Его Величество на сію просьбу ея изволиль словесно же отвічать, что ей графині надлежить по предмету сему испросить разръшение чрезъ меня отъ Святъйшаго Синода, и ежели не окажется въ семъ ничего противнаго нашимъ церковнымъ обрядамъ, то и Его Величество изволить дать свое соизволеніе. При чемъ графиня Орлова-Чесменская, представляя ко мив въ подлинникв означенное письмо графа Орлова, проситъ меня учинить по сему прошенію надлежащее разсмотрініе и рішеніе.

«По разсмотръніи прошенія сего, я не токмо не нахожу, касательно перевезенія изъ села Отрады покойнаго графини Орловой-Чесменской родителя и дядей ея тълъ, хранящихся досель въ склепахъ, и преданія ихъ землъ въ церковной паперти Новгородскаго общежительнаго Юрьева монастыря, ничего церковнымъ обрядамъ противнаго, а еще почитаю несогласнымъ съ оными оставить ихъ въ томъ положеніи, въ каковомъ они теперь находятся, о чемъ, во исполненіе Высочайшей воли, изъясненной въ письмъ г. генералъ-адъютанта графа Орлова, при семъ въ подлинникъ прилагаемомъ, честь имъю представить Святъйшему Правительствующему Синоду на благоразсмотръніе».

Собственноручное письмо графа А. Ө. Орлова къ его двоюродной сестръ графинъ Аннъ Алексъевнъ, о которомъ упоминаетъ митрополить Серафимъ, слъдующаго содержанія:

"Мосява, 8 Ноября 1831 г.

Письмо твое, мой другъ, отъ 5-го Ноября я получилъ и отвътствую тебъ, что я докладывалъ Государю Императору о желаніи твоемъ перенести прахъ отца твоего и дядей князя Григорья Григорье-

вича и графа Өедора Григорьевича изъ подмосковной въ Юрьевъ монастырь, объяснивъ ему, что они не въ землѣ, а сверхъ земли стоятъ въ гробахъ въ нарочно для сего пріуготованной ротондѣ. Государь Императоръ изволилъ отвѣтить, что прежде должно просить согласія митрополита и Святѣйшаго Синода, и, если они объявять, что сіе не противно церковнымъ нашимъ обрядамъ, то и онъ изволитъ дать свое соизволеніе. Вотъ отвѣтъ на твой вопросъ. Цѣлую тебя отъ всего сердца.

Върный другъ и братъ графъ Алексъй Орловъ».

Св. Синодъ, заслушавъ 23 Ноября того же года вышеприведенное представление своего первенствующаго члена и приложенное къ оному подлинное письмо графа А. О. Орлова, въ которомъ сообщалась Высочайшая по сему предмету воля, постановили: «Составивъ изъ законовъ церковныхъ и гражданскихъ, до означеннаго предмета относящихся, выписку, доложить оную вмёстё съ симъ доношеніемъ въ полномъ собраніи Св. Синода». Въ теченіе следующей недели таковая выписка была составлена, и 4-го Декабря дело было доложено полному собранію Св. Синода *), который постановиль следующее: «Свягейшій Синодъ для разръшенія сего случая приняль въ основаніе, во-первыхъ, Высочайшій указъ, объявленный въ 17 день Декабря 1801 года, которымъ хотя вообще возбранено перенесеніе тълъ, преданныхъ земль, однако и въ отношении къ преданнымъ земль тьламъ предоставлена особеннымъ какимъ либо уваженіямъ къ заслугамъ или знаменитости рода возможность исключенія изъ общаго правила; во-вторыхъ, то обстоятельство, что тъла графа Алексъя Орлова-Чесменскаго и братьевъ его поставлены въ заклепанныхъ мъдныхъ гробахъ, на поверхности земли въ особо устроенномъ мъстъ, въ видъ часовни, каковое положение гробовъ общепринятому въ Великой Россіи обыкновенію не соотвътствуеть, для народа представляеть странный видь и общепринятой неприкосновенности смертныхъ остатковъ не благопріятствуеть. И потому Синодъ подагаеть: первое, по уваженію къ заслугамъ покойнаго графа Алексвя Орлова-Чесменскаго и для приведенія смертныхъ останковъ его изъ настоящаго положенія въ болве правильное, дозволить дочери его графинъ Аннъ Орловой-Чесменской, не въ примъръ другимъ, перенести оные, не открывая гроба, въ Юрьевъ монастырь для преданія землів въ паперти собора; второе, что касается до гробовъ князя Григорія и графа Өедора Ордовыхъ, таковое же пе-

^{*)} Въ засъдавии присутствовали: Сервониъ м. Новгородожий, Филаретъ м. Московский, Григорий архіси. Тверской, Никодимъ епископъ Орловский, духовникъ Павелъ Кривицкой, духовникъ и оберъ-священникъ Николай Мувовской.

ренесеніе оныхъ дозволить въ томъ случав, буде другіе равно близкіе родственники не представять препятствующихъ тому причинъ, заслуживающихъ уваженія; третье, гробы той же фамиліи, кои останутся на прежнемъ мѣстѣ, привести въ сообразное съ обыкновеніемъ и приличіемъ положеніе, то есть не оставлять оныхъ на поверхности земли, но закрыть землею или сводомъ. О семъ заключеніи Святѣйшаго Синода на просьбу графини Анны Орловой-Чесменской доложить Его Императорскому Величеству, на Высочайшее благоусмотрѣніе и разрѣшеніе, предоставить г. тайному совѣтнику, синодальному оберъпрокурору и кавалеру, князю Петру Сергѣевичу Мещерскому, для чего и дать копію съ сего опредѣленія къ оберъпрокурорскимъ дѣламъ».

16-го Декабря 1831 г. оберъ-прокуроръ Св. Синода князь Мещерскій предложиль сему последнему следующее Высочайшее повельніс: «Государь Императорь по всеподданнейшему докладу моему въ 12-й день сего Декабря Высочайше соизволиль утвердить определеніе Св. Синода о перевозе тель покойнаго графа Алексея Орлова-Чесменскаго и братьевь его, князя Григорія и графа Федора Орловыхь изь села Отрады, Московской епархіи, въ Новгородскій первоклассный Юрьевь монастырь на изъясненномъ въ томъ определеніи основаніи, а также о приведеніи другихъ гробовь той же фамиліи, кои останутся на прежнемъ месть, въ сообразное съ обыкновеніемъ и приличіемъ положеніе, то есть не оставлять оныхъ на поверхности земли, но закрыть землею или сводомъ. Имею честь объявить о семъ Святейшему Синоду для надлежащаго распоряженія къ приведенію вышеупомянутаго опредёленія его въ исполненіе».

Св. Синодъ, заслушавъ того же числа вышеозначенное предложеніе, опредълили: «Сдёлать по оному надлежащее распоряженіе, т. е. послать указы преосвященнымъ митрополитамъ Серафиму Новгородскому и Филарету Московскому и сообщить о состоявшемся опредъленіи Св. Синода и министру внутреннихъ дёлъ для зависящихъ съ его стороны распоряженій».

Далъе въ дълъ находится еще записка митрополита Серафима отъ 20 Декабря 1831 года.

«Митрополитъ Серафимъ, свидътельствуя его сіятельству князю Петру Сергъевичу совершенное свое почтеніе, покорнъйше просить, нельзя ли приготовить дъло касательно дозволенія графинъ Аннъ Алексъевнъ Орловой-Чесменской перевезти прахи покойныхъ родителя и дядей ея изъ села Отрады въ Юрьевъ монастырь для преданія ихъ въ ономъ землъ къ завтрашнему дню, чтобы могъ митрополитъ получить указъ во время присутствія его въ Святъйшемъ Синодъ; ибо

графиня, желая безъ промедленія времени приступить къ исполненію дъла сего, убъдительнъйше просить митрополита о доставленіи ей на оное разръшеніе».

Просьба митрополита, конечно, была исполнена и указъ ему данъ 21 Декабря, а 14 Февраля 1832 г. онъ доносиль уже Св. Синоду, что Юрьева монастыря архимандрить Фотій съ братією донесли Новгородской Консисторіи, по ея предписанію, что вышепомянутыя тыла родителя и родственниковъ г-жи графини Орловой-Чесменской въ Юрьевъ монастырь перевезены 24-го истекшаго Генваря и, не открывая гробовъ, преданы оныя землъ въ паперти соборной Св. Побъдоносца Георгія церкви.

Такимъ образомъ изъ дъла видно, что причиною перевезенія праха князя и графовъ Орловыхъ, кромъ родственныхъ побужденій, было еще и то, что тъла этихъ трехъ лицъ не были погребены обыкновенно, а стоили въ мъдныхъ гробахъ сверхъ земли. Были ли въ такомъ же или иномъ положении гроба остальныхъ Орловыхъ, погребенныхъ въ Отрадъ, неизвъстно: ни графиня, ни графъ А. О. Орловъ объ этомъ не говорять. Если же Св. Синодъ и сделаль постановленіе о преданіи по обычаю землі остальных гробовь, находившихся въ Отрадъ, то неизвъстно, на какомъ основаніи. А въ виду того, что отъ м. Филарета не было получено донесенія объ исполненіи посланнаго ему указа по этому поводу, можно предположить, что ему и не пришдось выполнять его, т. е. что тела двухъ графовъ Орловыхъ, оставшихся въ Отрадъ, были погребены ранъе обычно. Впрочемъ въроятно въ архивъ Московской Духовной Консисторіи можно найти объ этомъ боаве точную справку. Наконецъ, Св. Синодъ дозволилъ перевезти тъла дядей графини подъ условіемъ, если «будуть на то согласны ближайшіе ихъ родственники». Возможно, что прежде чемъ начинать дело о перевезеніи тіль изъ Отрады въ Юрьевъ монастырь, графиня спрашивала дозволенія у «ближайших» родственников» погребенных» въ Отрадъ князя и графовъ Ордовыхъ и одни изъ этихъ родственниковъ изъявили на то свое согласіе (какъ напримъръ, графъ Алексъй Оедоровичь Орловъ), а другіе, быть можеть, не согласились, вслёдствіе чего графиня и не могла уже возбудить ходатайства о перевезеніи ихъ *).

А. Львовъ.

^{•)} Въ то время были живы двъ двоюроднын сестры графини Анны Алексъевны Орловой-Чесменской Екатерина Владимировна Новосильцова и графини Софыя Владимировна Панина и четыре двоюродныхъ брата: графъ Алексъй Федоровичъ, Михамлъ, Федоръ и Григорій Федоровичь. Любопытно, что дъло вачато въ годъ кончины дяди ихъ, владъльца села Отрады графа Владимира Григорьевича (28 Февраля 1831). П. Б.

ДЪТСТВО И ОТРОЧЕСТВО НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА *).

I.

Въ ночь на 25 Іюня 1796 года, въ Царскосельскомъ дворцѣ, въ спальнѣ великой княгини, двѣ женщины заботливо ухаживали за супругою великаго князя Павла Петровича. Она мучилась родами. Одна изъ женщинъ была повивальная бабушка, а другая—сама императрица 67 лѣтняя Екатерина, усердно помогавшая первой. Въ третьемъ часу утра Марія Өедоровна разрѣшилась мальчикомъ. Въ тоже утро Екатерина приказала вынести новорожденнаго на балконъ дворца, чтобы показать гулявшимъ въ дворцовомъ саду новаго своего внука. «Ни съ кѣмъ изъ дѣтей у меня не было столько возни», сказала она бывшимъ въ то время во дворцѣ ').

Въ самомъ дълъ, вто былъ необыкновенный ребенокъ. Екатерина, увъдомляя Гримма объ этомъ семейномъ событіи, говорить, что великая княгиня родила «большущаго мальчика». «Голосъ у него басъ, и кричить онъ удивительно, писала она; длиною онъ аршинъ безъ двухъ вершковъ, а руки немного поменьше моихъ. Въ жизнь мою въ первый разъ вижу такого великана. Если онъ будетъ такъ продолжать, то братья выдутъ передъ нимъ крошки».

Это быль третій сынь Павла Петровича Николай. До него, послѣ 1779 года все рождались дъвочки.

Черезъ десять дней послъ его рожденія Екатерина опять писала Гримму: «Великанъ Николай поминутно просить ъсть, и вотъ ужъ три дня, какъ его стали кормить кашкой; это неслыханное дъло для ребенка, которому всего недъля. У нянекъ просто руки опускаются

^{*)} Въ нынѣшнемъ году исполняется стольтіе со дня рожденія Императора Николая Павловича, памяти котораго посвящается настоящій разсказъ, составленный по указаннымъ въ немъ печатнымъ источпикамъ.

⁴⁾ Je n'ai eu d'enfants qui me donnât tant de fils à retordre. Это разсказываль кн. Сергій Михайловичь Голицынь, который въ тоть день быль дежурнымь камерь-мекеромь. Извъство, что Екатерина присутствовала при всёхь родахь своей невъстки и всегда помогала повивальной бабушив. (Русси. Арх. 1878, кн. III, 234).

отъ удивленія; если такъ будеть продолжаться, придется къ шести недълямъ отнять его отъ груди. Онъ смотритъ на всъхъ во всъ глаза (il toise tout le monde), а голову держитъ прямо и поворачиваетъ не хуже моего» 1).

Таково было появленіе на свътъ Николая, который потомъ поражаль всъхъ своимъ громаднымъ ростомъ, величественной наружностію и твердымъ, энергическимъ характеромъ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ рожденія великаго князя были объявлены милости, не громкія, но тѣмъ не менѣе чувствительныя для тѣхъ, кому они были оказаны. Императрица увѣдомила Московскаго главнокомандующаго М. М. Измайлова, что «для рожденія внука великаго князя Николая Павловича» она всемилостивѣйше жалуетъ погорѣвшимъ дворцовой деревни Панокъ крестьянамъ по 25 рублей на каждый дворъ, а купцовъ 10 человѣкъ, приговоренныхъ за продажу запрещенныхъ книгъ къ разнымъ наказаніямъ, для того же радостнаго событія прощаеть 2).

Проживавшій тогда въ Москвъ гр. Орловъ-Чесменскій въ честь рожденія великаго князя устроиль у себя въ Нескучномъ праздникъ съ фейерверкомъ и иллюминаціей, привлекшій множество гостей и толпы народа. Посътители были угощаемы фруктами и ужиномъ; на берегу Москвы ръки стояло нъсколько хоровъ музыки, а по ръкъ разъъзжали освъщенныя лодки съ гребцами, пъвшими на этотъ случай сочиненную пъсню:

Ахъ ты матушка Москва-рѣка!
Понеси свои струи ты чистыя
Мимо стѣнъ Кремля, Китай-Города,
Ты скажи всѣмъ и каждому:
Въ честь Царицы мы пируемъ здѣсь
Для рожденія Царевича и проч.

Объ этомъ праздникъ Измайловъ тогда же доносиль Императрицъ и вызваль въ ней такое удовольствіе, что она сказала: «Москва всегда у меня въ памяти и сердцъ». Пъсню, пътую гребцами, по желанію Екатерины, не разъ пъли придворные пъвчіе съ акомпаниментомъ музыки въ присутствіи ея самой и всего двора.

6 Іюля, въ Воскресенье, придворнымъ духовникомъ Іоанномъ Памфиловымъ было совершено въ придворной церкви съ обычнымъ церемоніаломъ крещеніе новорожденнаго, при чемъ воспріемниками были

^{&#}x27;) Тамъ же, 325.

^{*)} Pyecs. Apx. 1872 r., 877-878.

великій князь Александръ Павловичъ и великая княжна Александра Павловна. Во дворцѣ въ этотъ день былъ объденный столъ. Въ тотъ же день былъ объявленъ народу обычный манифестъ о рожденіи великаго князя. Державинъ, никогда не пропускавшій подобныхъ случаевъ, чтобы напомнить о своемъ талантъ и върноподданническихъ чувствахъ, восторженно провозгласилъ:

Блаженная Россія!
Среди твоихъ чудесъ
Отъ высоты святыя
Еще залогъ Небесъ
Прими и веселися,
Сугубымъ блескомъ освътися!
Се нынъ духъ Господень
На отрока сошелъ;
Препрасенъ, благороденъ
И вакъ заря разцавалъ
Онъ въ пеленахъ лучами.
Дитя равняется съ царями и проч.

Стихи прочли и конечно забыли, но когда черезъ тридцать лѣтъ «большущій мальчикъ» возложилъ на себя корону, то люди восторженные припомнили стихъ дитя равняется съ царями и утверждали, что въ этихъ словахъ заключалось пророчество, даръ котораго ниспосылается иногда поэтамъ....

II.

Когда родился Николай, у Павла Петровича было уже два сына, Александръ и Константинъ, и пять дочерей: Александра, Елена, Марія Екатерина и Анна (шестая—Ольга умерла только годъ тому назадъ). Всё они воспитывались у бабки, и третьему ея внуку не пришлось испытать попеченій Екатерины; хотя по рожденіи и онъ быль оставленъ при большомъ дворъ, но не прошло и четырехъ мёсяцевъ, какъ этотъ дворъ уже оплакивалъ кончину Императрицы, и Николай перешелъ въ нёжныя объятія матери.

Раннее дътство Николая было ввърено надзору вдовы Ливенъ, воспитательницъ великихъ княженъ, женщинъ чрезвычайно умной, чадолюбивой матери, отличавшейся строгимъ взглядомъ на воспитаніе дътей 1). Изъ Николая объщалъ выдти не только рослый, кръпкій и здоровый, но и красивый мальчикъ. «Вы напрасно захотъли составить себъ

¹⁾ До семильтняго своего возраста Николай Павловичь имъль при себъ надзирательпицею еще другую достопанятную женщину, Юлію Оедоровну Адлербергь, ур. Багговуть (вдову Выборгскаго каменданта, родомъ Шведа). Съ ек сыномъ Эдуардомъ (впослъдствін графомъ Владимиромъ Оедоровичемъ) Николай Павловичь подружился съ ранняго дътства на всю жизнь. П. В.

понятіе о красоть вел. кн. Николая, я порожена ею», писала въ Вязьму императору Павлу любимица его Е. И. Нелидова 1), когда ребенку было около года. Въ Августъ 1797 года, когда императрица была уже беременна вел. кн. Михаиломъ и кажется хандрила въ ожиданіи родовъ, Нелидова ее утвшала: «Дорогая, обожаемая государыня, зачъмъ предаваться мыслямъ о томъ, что опредълено Богомъ? Заглянемъ лучше впередъ. Благость Его къ вашему величеству скоро обнаружится дарованіемъ прелестнаго великаго князя, который будетъ утвшать васъ, какъ уже утвшаеть ангелъ Николай 2)».

Великій квязь Михаилъ родился 28 Января 1798 года. Онъ сталь товарищемъ дѣтства своего брата, какъ Константинъ былъ товарищемъ Александра: они вмѣстѣ росли, вмѣстѣ учились, пользуясь безграничной и самой нѣжной любовью матери. По словамъ Коцебу, не разъ видавшаго ихъ въ Михайловскомъ дворцѣ, это были дѣти, исполненныя веселости и живости, чрезвычайно вѣжливыя и со всѣми привѣтливыя. Николая онъ называетъ любимцемъ отца 3).

По вступленіи своємъ на престолъ Павелъ отдалъ приказъ, которымъ великій князь Николай зачислядся въ конно-гвардейскій полкъ полковникомъ, а 9 Іюня 1800 г. онъ назначенъ шефомъ л.-гв. Измайловскаго полка.

Ниволаю еще не минуло года, какъ отецъ его сталъ помышлять объ избраніи ему будущаго воспитателя. Выборъ его остановился на гр. Семенъ Романовичъ Воронцовъ, занимавшемъ тогда мъсто нашего посланника въ Лондонъ. Въ 1798 г. слухи объ этомъ возобновились; но гр. Воронцовъ, прежде нежели успъли сдълать ему предложеніе, съумълъ отклонить отъ себя эту честь '). Въ Ноябръ 1800 г. въ должность воспитателя былъ назначенъ директоръ 1 кадетскаго корпуса генералъ-лейтевантъ Ламсдорфъ 5), человъкъ, какъ о немъ отзываются,

¹⁾ Впоследствів, когда Николей возмужель, въ его профили находили сходство съ Екатериною, что признаваль и самъ овъ. Старшая дочь его, Марья очень живо напоминала се собою, особливо въ последніе годы своей живни. Въ очертаніи рта у покойнаго великаго князя Константива Николаєвича было тоже что-то Екатерининское. П. Б.

^{*)} BOCCMB. BERL. KB. III, 430, 454.

^{*)} Русск. Арх. 1870, 982, 991. Для помилованія княгини Дашковой нашли пужнымъ положить прошеніе о томъ за пазуху младенца - Николая. Отецъ, ласкви ребенка своего замѣтилъ вту бумажку, и позволилъ строптивой внягинѣ ѣхать назадъ изъ Пошехонской нябы въ прекрасное ея Троицкое. П. Б.

^{&#}x27;) Арж. Кв. Ворицова т. XI, 304. (Русск. Арж. 1876 г. № 5, 84).

⁵⁾ Въ Русск. Старинъ (1876 г. Сент., стр. 78) невърно свазано, что Ламсдороъ былъ назначенъ состоять при Николат Павловичъ въ 1811 году. Въ высочайщемъ привазъ 23 Ноября 1800 г. объявлено: "Генералъ-лейтенантъ Ламсдороъ назначенъ быть

прямодушный, скромный, честный, исполненный любви къ ближнему. По смерти Павла императоръ Александръ наградилъ Ламсдорфа орденомъ св. Александра Невскаго и утвердилъ въ должности главнаго наставника при младшихъ своихъ братьяхъ Николаъ и Михаилъ.

Къ сожальнію дальнъйшій возрасть Николая Павловича до 15 льть остается для нась почти неизвъстнымъ. Изъ окружавшихъ его лиць не нашлось никого, кто бы, подобно Порошину или Лагарпу, передаль свои наблюденія о порядкъ воспитанія его, способностяхъ, наклонностяхъ и характеръ, что лишаетъ насъ возможности прослъдить ходъ нравственнаго развитія такой замъчательной личности, какою явиль себя впослъдствіи императоръ Николай.

Недостатокъ свъдъній въ періодъ дътства его отчасти пополняется разсказами, которые находимъ въ сочиненіи Лакруа (Paul Lacroix: Histoire de la vie et du règne de l'empereur Nicolas I), написанномъ по матеріаламъ, которые сообщались ему изъ Россіи, между прочимъ барономъ М. А. Корфомъ*). Не смотря на нъкоторыя неточности этого сочиненія и сомнительность нъкоторыхъ приведенныхъ въ немъ разсказовъ, Лакруа передаетъ многое, что заслуживаетъ полнаго въроятія. Пользуясь этимъ источникомъ (съ крайнею впрочемъ осторожностію), а также тъми данными, которыя приняты въ нашей исторической литературъ, какъ несомнънныя, мы постараемся, насколько возможно, пополнить указанный пробълъ въ ранней эпохъ жизни Николая Павловича.

Прежде всего нельзя не признать важнымъ обстоятельствомъ того, что, благодаря младенческимъ годамъ своимъ, Николай былъ убереженъ судьбою отъ тъхъ морально-отравляющихъ впечатлъній, которыя способны были проникнуть въ юную душу при видъ всеобщей распущенности нравовъ при дворъ его бабки. Въ этомъ отношеніи онъ былъ счастливъе своихъ братьевъ: ибо, не смотря на всю, повидимому, внимательную заботливость Екатерины о двухъ старшихъ ея внукахъ,

при Его Императорскомъ Высочествъ Великомъ Княвъ Николат Павловичъ. Отставной генералъ-фельдцейхмейстеръ князъ Зубовъ припятъ въ службу генераломъ отъ инфантеріи и назначенъ директоромъ 1 кадетскаго корпуса, ему въ помощь опредвленъ туда генералъ-мајоръ Дибичъ, а генералъ-мајору Клингеру оставаться по прежнему командиромъ онаго корпуса". (С.-Петерб. Въд. 1800 г. № 96).

^{*).} Трудъ составленін втой Исторів, по словамъ Карновича, предоставленъ Лакруа Русскимъ посломъ въ Парижъ гр. Киселевымъ. Мы пользовались сочиненіемъ Лакруа въ Русскомъ переводъ, котораго вышелъ одинъ только первый выпускъ перваго тома (Москва 1877—1878 г.). Книга вта становится ръдкостью и едва ли теперь найдется въ продажъ.

воспитаніе ихъ было таково, что императоръ Александръ впоследствіи съ горечью вспоминаль о немъ 1).

Дътство Николая Павловича началось въ сферъ, гдъ все дышало суровостью, составлявшею ръзкую противоположность съ прежнимъ впикуреизмомъ, и хотя суровость эта смягчалась на половинъ Императрицы, гдъ ребенка окружали ласки матери и заботливость г-жи Ливенъ, тъмъ не менъе нельзя думать, чтобы она безслъдно проскользнула въ душъ его, не оставивъ въ ней, по крайней мъръ, общаго впечатлънія. Въ годъ кончины императора Павла Николаю было почти пять лътъ—возрастъ, когда впечатлънія окружающаго незамътно, но иногда глубоко, отпечатлъваются въ нравственной природъ ребенка.

Такъ, несомивно, что страсть къ военному ремеслу, не покидавшая Николая Павловича до самой смерти, зародилась въ немъ именно въ это самое время, когда вокругъ его отца все, можно сказать, дышало этой страстью. Милитаризмъ, насажденный въ Россіи рукою Павла, пустилъ въ семьв царской глубокіе и крвпкіе корни: старшій сынъ его Александръ, не смотря на свой либерализмъ, былъ жаркимъ приверженцемъ вахтъ-парада и всвхъ его тонкостей ²). Не ссылали при немъ въ Сибирь за ошибки на ученьяхъ и разводахъ, но виновные подвергались строжайшимъ взысканіямъ, доходившимъ относительно нижнихъ чиновъ даже до жестокости. О братв его Константинв и говорить нечего: живое воплощеніе отца, какъ по наружности, такъ и по характеру, онъ только тогда и жилъ полной жизнью, когда былъ на плацу, среди муштруемыхъ имъ командъ. Старшіе братья служили живымъ примвромъ для младшихъ: тъже симпатіи, тъже увлеченія.

^{&#}x27;) Баронъ Короъ: Восшествіе на престоль Императора Николай І, стр. 8. Личность Екатерины никогда не внушала симпатіи прямодущному Николаю. Вотъ, между прочимъ, любопытный разсказъ гр. С. Г. Строганова, переданный въ Р. Архивъ (1882 г. III, 115) П. И. Бартеневымъ. Въ 1829 г., по заключенія Адріанопольскаго мира, гр. Строгановъ, возвращаясь осенью изъ Варшавы въ Петербургъ, профажалъ черезъ Москву. «Что говоритъ Москва?" спросияъ его Николай.— "Москва жалъетъ, что не занитъ Константивополь. Старики вспоминаютъ Екатерининское время и вздыхаютъ".— "А и такъ радъ, что у меня общаго съ втою женщиною только профиль лица", ръзко отозвался Государь.

У гр. Сухтелена въ его "Записной Книжкъ" (Русск. Арх. 1876, № 3, 348) нажодимъ замътку: "На парадъ, когда войска маршировали, генералъ-адъютантъ Сипягинъ, онъ же начальникъ гвардейскаго штаба, становится воздъ Государя, держа въ рукахъ секундаме часм. Такіе же часы у Преображенскаго унтеръ-офицера, стоящаго между музыкантами: онъ ежедневно высчитываетъ по нимъ шаги. Надо, чтобъ было 170 секундъ въ удвоенномъ шагу и 80 во время парада. Хотятъ, чтобъ всъ полки ходили одинаково и по ровному числу шаговъ въ минуту".

Лакруа разсказываеть, что великій князь Николай съ самаго дётства своего, какъ только могь ходить и владёть руками, сталь высказывать свой вкусь къ военнымъ игрушкамъ: видёли, какъ онъ носиль ружье, взмахиваль шпагою, биль въ барабанъ. Едва онъ сталь понимать первое значеніе словъ, какъ находиль большое удовольствіе въ разсказахъ о войнё и сраженіяхъ; онъ охотно проводиль бы цёлые дни слушая ихъ, выслушавъ—желаль бы еще слушать. Лучшею наградою для него было, когда воспитатель его Ламсдорфъ могъ ему обёщать сводить его въ день парада на мёсто развода. Онъ отправлялся туда съ восторгомъ, съ поспёшностью и оставался тамъ, какъ можно дольше, наслаждаясь зрёлищемъ, которое онъ наблюдалъ въ малёйшихъ подробностяхъ. Для него не было лучшаго удовольствія, какъ одёться въ мундиръ своего Измайловскаго полка *).

Однажды уже при Александръ Павловичъ, въ Царскомъ Селъ, куда великій князь отправился съ Маріей Өедоровной, узналъ онъ, что Измайловскій полкъ долженъ былъ на другой день занимать во дворцъ внутренній караулъ. Передъ разсвътомъ, когда всъ еще спали, онъ поднялся безъ шума, надълъ мундиръ, взялъ ружье и никъмъ незамъченный отправился къ покоямъ Государя. Дверь въ комнату была заперта, но часоваго при ней не было, такъ какъ императоръ Александръ говорилъ, что хотълъ быть охраняемъ любовью своихъ подданныхъ. Николай сталъ на часахъ съ ружьемъ въ рукъ.

По счастью Александръ Павловичъ вставалъ рано. Немало удивился онъ, увидъвъ своего меньшаго брата съ ружьемъ у дверей своихъ комнатъ.

- Что ты тутъ дълаешь, любезный Николай? спросилъ онъ, узнавъ его въ такомъ нарядъ.
- Вы видите, Государь, отвъчалъ ему ребенокъ, отдавъ честь ружьемъ, что я занимаю караулъ у дверей вашего величества. Полкъ мой сегодня долженъ занимать дворецъ, и я выбралъ себъ самый почетный постъ; я занялъ его съ ранняго утра, чтобы его у меня не отняли.
- Хорошо, дитя мое, возразилъ Государь, сдерживая улыбку; но что ты сталъ бы дёлать, еслибъ пришелъ обходъ: вёдь ты не знаешь пароля....
- Ахъ и въ самомъ дълъ, въдь всегда отдается пароль и лозунгъ, проговорилъ озадаченный Николай; но все равно, прибавилъ

^{*)} Исторія жизни в царствованія Николая I соч. Поля Давруа т. І, вып. І, стр. 21-22.

онъ: я не пропустиль бы никого, будь это самъ Аракчеевъ, который проходить всюду.... ')

Такъ рано привидся къ нему духъ милитаризма и все болъе овладъвалъ имъ, что немало озабочивало императрицу Марію Өедоровну и вызывало съ ея стороны благоразумныя предостереженія.

III.

Ученіе великаго князя началось съ семильтняго возраста. Такъ надо думать, потому что первый наставникъ, Ө. П. Аделунгъ былъ взятъ къ нему въ 1803 году. Затьмъ, по мъръ того, какъ онъ приходиль въ возрасть, число наставниковъ увеличивалось. Послъ Аделунга были назначены: генералъ - маіоръ Ахвердовъ, полковники Арсеньевъ и Ушаковъ; въ 1805 г. къ нимъ прибавлены дъйств. ст. сов. Дивовъ, колл. с в. Вольфъ и маіоръ Алединскій, а въ 1808 г. ст. сов. Саврасовъ. въ 1811 г. Дивовъ выбылъ, и на его мъсто былъ назначенъ колежскій совътникъ Глинка 2).

Эти наставники или надзиратели, бывшіе въ тоже время и преподавателями наукъ, на оффиціальномъ языкъ назывались кавалерами. Они постоянно находились при великихъ князьяхъ и жили во дворцъ; но кромъ нихъ ко двору приглашались и другія лица исключительно для преподаванія наукъ: такъ впослъдствіи фортификацію читалъ полковникъ Джіаноти (Gianotty), а политическую экономію профессоръ Балугь некій.

Глинка, ознакомившись съ своими товарищами, говорить, что они исполняли свою обязанность съ истиннымъ удовольствіемъ и что они вполню честные люди. Если бы мы и не имъли такого отзыва о нихъ Глинки, то и тогда не могли бы думать о нихъ иначе, какъ о людяхъ съ высокими нравственными качествами. За такую репутацію ручался бдительный взоръ и свътлый умъ Маріи Федоровны и ея горячая привязанность къ дътямъ, заставлявшимъ ее быть крайне осмотрительною при выборъ наставниковъ. Глинка, напримъръ, разсказываетъ, что когда онъ прибылъ ко двору императрицы, то въ пер-

^{&#}x27;) Лапруа стр. 22-23. Великому князю Наполаю Павловичу могло быть въ то время 7-8 лътъ.

²⁾ Въ Императорскомъ Эрмитажъ хранится ръдчайшая медаль съ изображениемъ Николай Павловича. Вопругъ надпись "Десаревичъ Николай. 10 Января 1809". Покойный А. А. Васильчиковъ наводилъ, по поводу этой надписи, справку въ неизданномъ камеръсурьерскомъ журналь императрицы Маріи Оедоровны. Оказывается, что утромъ этого дня къ ней приходиля всъ члены тогдашней царской семьи. П. Б.

вый же день она три раза посылала за нимъ и всякій разъ заводила продолжительный разговоръ; въ этотъ день онъ долженъ былъ и объдать, и ужинать съ нею. Очевидно, что такое вниманіе проистекало не отъ одной только любезности характера государыни, но главнымъ образомъ изъ желанія ея ближе ознакомиться съ свойствами, взглядами, образомъ мыслей новаго наставника. Ніть сомнівнія, что такая же осторожность руководила ею и при выборів его предшественниковъ.

Такимъ образомъ мы видимъ, что дътство и отрочество Николая Павловича окружали люди достойные, способные нравственнымъ вліяніемъ благотворно дъйствовать на сердце и душу великаго князя и посъять въ немъ съмена добра—той прямоты, высокой честности, великодушія и строгаго отношенія къ своимъ обязанностямъ, которымъ Николай, какъ мужъ, какъ отецъ, какъ слуга Россіи, ни разу не измънилъ въ теченіе своей жизни.

Николай и Михаилъ, изъ которыхъ одному было пятнадцать, а другому тринадцать лёть, произвели на Глинку весьма пріятное впечатавніе, и онъ отзывается о нихъ съ большой симпатіей. Въ письмъ къ женъ своей отъ 22 Мая 1811 г., онъ пишеть: «Императрица сама провела меня къ великимъ князьямъ, которые чрезвычайно понравились мив, такъ какъ они обладають, повидимому, прекрасивйшимъ въ мірѣ характеромъ и отнеслись ко мнъ съ такимъ вниманіемъ и предупредительностію, которыя поистин' тронули меня. Въ ихъ присутствін не чувствуєщь ни мальйшаго стесненія Въ другомъ письмъ, описывая новое свое положеніе, онъ говорить: «Вчера окончились всв обряды и порядки, сопряженные съ поступленіемъ въ новую должность; вчера я быль представлень вдовствующей государыней Императору, который обощелся со мною не какъ монархъ, но скоръе, какъ старый знакомый, а сама государыня — воплощенная доброта. Покуда день у меня проходить следующимъ образомъ: я встаю въ 5 или въ 6 часовъ и выхожу гулять въ прекрасивищий Гатчинскій паркъ, а если погода не благопріятствуеть, то занимаюсь чтеніемь; въ 10 часовъ спускаюсь завтракать къ великимъ князьямъ и до 12 часовъ присутствую при ихъ урокахъ. Съ 12 до 2 я сижу у себя или гудяю въ паркъ съ великими князьями; послъ объда ихъ высочества играють съ нами на бильярдъ по 30 к. партія; въ 4 часа я опять присутствую при ихъ урокахъ; въ 6 часовъ мы пьемъ у нихъ чай, послъ чего я гуляю съ ними и послъ двухчасоваго занятія, во время котораго великіе князья остаются одни съ своими кавалерами, я иду во дворецъ ужинать, а въ 10 часовъ всякій удаляется къ себъ. Великіе князья съ нами въ высшей степени въжливы и предупредительны, и окружающіе ихъ кавалеры вполет честные люди...> 1)

Что касается другой стороны воспитанія великихъ князей, обра зовательной, то она почти намъ неизвъстна; по крайней мъръ, свъдънія, какія находимъ въ письмахъ Глинки, весьма недостаточны. Такъ, въ письмъ изъ Павловска отъ 24 Іюня 1811 г. онъ передаетъ слъдующее: «Дней восемь тому назадъ, за отсутствіемъ кавалера генерала Ахвердова, вдовствующая государыня поручила мнъ замънить его при урокахъ великихъ князей по исторіи, географіи и статистики Россіи, а равно и по Русскому языку и литературъ, и мнъ кажется, что ея величество осталась довольною моимъ изложеніемъ этихъ предметовъ. Вчера императрица поручила мнъ вычеркнуть и замарать чернилами все то, что безполезно или вредно читать великому князю Николаю въ исторіи Россіи, написанной г. Левекомъ (Levesque) и представить эту книгу прежде нежели великому князю самой императрицъ съ указаніемъ зачеркиваемыхъ мъстъ» ²).

Изъ втого краткаго сообщенія узнаемъ только, что императрица внимательно слёдила за преподаваніемъ и лично присутствовала при урокахъ, когда находила это нужнымъ, но не находимъ ничего подобнаго зам'юткамъ прежнихъ педагоговъ царской семьи, изъ которыхъ можно бы судить о способностяхъ великихъ князей, расположеніи ихъ къ наукъ, любознательности, успѣхахъ и проч. Очень можеть быть, что въ тъхъ неразобранныхъ бумагахъ, о которыхъ говорить г. Пятковскій з), будущій біографъ императора Николая найдетъ матеріалъ для выясненія этихъ любопытныхъ вопросовъ, но до того времени намъ приходится ограничиться свъдъніями, сообщенными у Лакруа.

«Великіе князья, говорить онъ, мало интересовавшіеся тѣмъ, что надо было изучать по книгамъ, пристрастились болѣе къ Исторіи, когда профессоръ, оставивъ въ сторонѣ Римъ и Грецію, заняль ихъ Французскою революцією, представивъ имъ ее въ самомъ дурномъ свѣтѣ. Исторія Франціи возбудила интересъ и любопытство великаго князя Николая. Онъ не уставалъ въ особенности слушать разсказъ, конечно весьма преувеличенный и невѣрвый, о главнѣйшихъ событіяхъ революціи, которая потрясла всю Европу. Онъ чувствовалъ непреодолимое отвращеніе къ кровавымъ людямъ Конвента, къ зачинщикамъ

Русси. Старина 1876 г. Сентябрь, 80—81.

¹⁾ Тамъ же, 82.

^{&#}x27;) Въ Архивъ IV Отдъденія Собст. Его Вел. Канцеляріи хранятся двъ значительнаго объема панки, одна съ надписью Les études du grand-duc Nicolas, а другая — Les ptudes du grand-duc Michel. Руссв. Старина. 1874 г. Февраль, 252.

столькихъ политическихъ преступленій; инстинктивная ненависть, которую онъ чувствоваль къ его дъйствіямъ, росла съ годами и укоренялась въ умѣ его чрезъ размышленія. Но въ замѣнъ того онъ имѣлъ симпатію къ генералу Бонапарту, къ этому великому полководцу, который достигъ власти, какъ спаситель отечества и лучшею побъдою котораго было торжество надъ анархією».

«Король Людовикъ XVI не исполниль своей обязанности, сказаль онъ однажды своему преподавателю: онъ быль за то наказань. Быть слабымъ не значить быть милосердымъ. Монархъ не имъетъ права прощать враговъ отечества. Людовикъ XVI видъль передъ собою настоящее возмущеніе, скрытое подъ ложнымъ названіемъ свободы; онъ бы сохраниль отъ многихъ невзгодъ свой народъ, не пощадивъ возмутителей» 1.

Слова карактерныя въ устахъ будущаго императора....

Если върить Лакруа, Николай Павловичъ, «будучи только десяти лътъ, не только зналъ наизустъ военную Исторію Россіи, но объяснялъ ее и истолковывалъ съ такимъ яснымъ взглядомъ, который былъ выше лътъ его» ²).

«Съ возрастомъ, говоритъ онъ, выяснялись болѣе обдуманно его военныя наклонности. Онъ желалъ себѣ усвоить всѣ отрасли военнаго искусства, предался исключительно изученію математики и приложилъ свой талантъ къ рисованію, къ линейнымъ, геометрическимъ, стратегическимъ и поліорцетическимъ работамъ» 3).

«Вел. кн. Николай никогда не имълъ наклонности къ искусствамъ (?), не смотря на то, что искусно владълъ карандашемъ и часто дълалъ небольшіе рисунки и акварели. Онъ имълъ талантъ къ каррикатурамъ и самымъ удачнымъ образомъ схватывалъ смъшныя стороны лицъ, которыхъ онъ хотълъ помъстить въ какой нибудь сатирическій рисунокъ; онъ упражнялся тоже въ изображеніяхъ военныхъ сценъ, армейскихъ типовъ, формъ и лошадей. Предпочтеніе его ко всему, что касалось военной обязанности, выказывалось даже во врожденномъ его вкусъ къ музыкъ; онъ сочинилъ, прежде чъмъ былъ въ состояніи положить на ноты, военные марши, нелишенные оригинальности, и имълъ удовольствіе слышать исполненіе ихъ музыкою своего Измайловскаго полка» 1.

«Оба брата предались съ раннихъ поръ всёмъ телеснымъ упражненіямъ, которыя были необходимы для сильнаго телосложенія и раз-

¹⁾ Лакруа, стр. 19-20.

³) Crp. 19.

³) Стр. 28. Полеорцетика учить искусству брать города и врапости.

^{&#}x27;) Crp. 21.

витія: всрховая взда и фектованіе служили имъ постоянными предметами соревнованія; преимущество было во всякомъ случав на сторонъ старшаго, который не обладалъ большою силою, но отличался быстротою и ловкостію движеній, равно какъ и граціозною своею походкой» 1).

Вообще паучное образованіе великих в князей Никодая и Михаила было довольно поверхностное.

Сколько можно судить по преподаванію Исторіи, кажется и другіе предметы, за исключсніємъ развѣ воснныхъ и математики, передавались безъ системы, безъ всякой послѣдовательности, отрывками. Само собой разумѣется, что при такомъ способѣ преподаванія память молодыхъ людей удерживала кое-что; но это кое-что, не обогащая ума основательнымъ знанісмъ, не могло служить къ его развитію ²). Все преподаваніе велось на Французскомъ языкѣ—обстоятельство, которое конечно не могло не повлечь ущерба въ точномъ усвоеніи великими князьями правилъ языка отечественнаго. Въ этомъ недостаткѣ впослѣдствіи откровенно сознавался и самъ Николай Павловичъ ²).

Впрочемъ, какъ кажется, и сама императрица Марія Феодоровна не столько заботилась о систематическомъ научномъ образованіи, сколько о вравственномъ воспитаніи своихъ дітей, находя, можеть быть, что посліднее вірніве ведеть къ общечеловіческому идеалу. На нравственномъ воспитаніи сыновей сосредоточивались всів ся помыслы, всів заботы любищаго сердца. Ревниво оберегая юность ихъ отъ всего, что могло преждевременно развить страсти и порывы воображенія, она предусмотрительно устраняла всів, даже малівішіе къ тому поводы, доводя свои опасенія, можеть быть, до крайности. По крайней мізрів самъ Николай Павловичъ говориль, что воспитаніе его было очень строго и что онь вырось въ постоянной боязии передъ матерью ').

По словамъ Лавруа, молодость великихъ князей протекала почти внъ двора, куда призывали ихъ только иногда, въ дни торжественныхъ пріемовъ. Ламсдороть не терялъ ихъ изъ внду ни на минуту и старался держать какъ можно дальше отъ среды политической. Они только

¹⁾ Тамъ же, стр. 20—21.

³) "Умъ его не обработанъ, его воспитаніс было небрежно"; такъ отвывалась впосладствін объ инператора Николав нородена Винторія въ письма къ Бельгійсному кородю Леопольду посла личпаго свиданія и впакомства съ Николаемъ Павловичемъ въ Лондона въ 1844 году. Ист. Васти. 1886 г. Мартъ, 610.

^{*)} Будучи велинить винзенть, Николай Павловачть состаниль для офицеровть своего полка вывое-то руководство. Передавая его офицерамть, опть скизвать: "Не обращайте, господа, виниания на ореографію; я долженть сознаться, что на эту часть при моемть воспитанів не обращали должнаго вняманія ". (Со словть ип. Тенищева, бывшаго управляющимъ путния сообщенія въ Царствт Польскомъ. Русси. Арх. 1873, ИІ, 520).

⁴⁾ Ист. Въсти. 1886 г. Мартъ, 611.

II. 19

смутно знали о новостяхь, которыя всего болье могли интерссовать ихъ; они не читали ни одного журнала и не знали о событіяхъ, происходившихъ въ Европъ; случайно узнавали они, что происходило какое нибудь сраженіе, что подписанъ какой гибудь договоръ—вотъ все,
что могли узнать они. Ихъ свъдънія въ современной исторіи останавливались на воцареніи Александра; они не имъли даже понятія о
главнъйшихъ событіяхъ его царствованія, если въригь свидътельству
одного изъ товарищей ихъ дътства и молодости і).

Такое изолированное положение великихъ киязей, созданное настойчивымъ и неуклоннымъ стремлениемъ матери держать ихъ исключительно подь своимъ вліяниемъ, тогда какъ совершавшіяся въ Европъ событія невольно приводили мысли въ движеніе, естественно должно было задерживать въ молодыхъ князьяхъ развитие политической эрълости и опытности. Но императрица, преслъдуя свою систему воспитанія, не замъчала односторовности ея.

Въ 1811 году, когда Николаю исполнилось 15 лътъ, она благодарила Ламсдорфа въ самыхъ лестныхъ выраженияхъ за его попечелия о ея сынъ. «Примите мой добрый, дорогой и почтенный Ламсдорфъ, прилагаемый при семъ перстень, писала она ему въ день рождения его воспитанника. Я прошу взять его по случаю пынъшняго дня, въ который сыну моему исполнилось 15 лътъ. Надпись на перстив выражаетъ чувство, которое я къ вамъ питаю и которое прекратится только съ моимъ существованиемъ. Продолжайте ваши заботы о Николав, ваши поистипъ отсческия заботы, и онъ оправдаютъ всъ наши ожидания» *).

Удовольствіе, выраженное Ламсдорфу матерыю, разділяль и императорь Александрь. Вы теченіе одиннадцатильтинго служенія вы качествів наставника Ламсдорфы быль послідовательно паграждень чиномы генераль оты инфантеріи, орденомы Владимира I ст. и Св. Андрея Первозваннаго 3).

Кончились дътскіе и отроческіе годы Николая; онъ сталъ юношей и въ этомъ возрасть встрътиль досгонамятный для Россіи 1812 годъ....

А. Корсановъ.

[&]quot;) Лакруа стр. 23-24.

[&]quot;) Pycer. Apr. 1-71 r., crp. 1919.

Въ допь коронаціи своей пиператоръ Ниполай вспомпиль о своемъ старимъвоспитатель, проживавшемъ тогда на поков въ Курлиціи, и послаль сму высшую награду—портреть свой, оправленный въ бридлічны для пошенія на Андреевской лентв. Такое вниманіе несомивши свидательствуеть о добрыхъ отношеніяхъ, бывшихъ между воспитателемъ и воспитанцикомъ.

ИЗЪ РАЗСКАЗОВЪ ГРАФА С. Г. СТРОГАНОВА.

Убажая изъ арміи въ 1828 году, Государь Николай Павловичь поручиль графу С. Г. Строганову вхать въ Ввну и объяснить Меттерниху, что хотя походъ быль не совсймъ удаченъ, но что въ будущемъ году дъйствія послъдуютъ гораздо настойчивъе. Въ Варшавъ же, на обратномъ пути въ Петербургъ, графъ Строгановъ долженъ былъ отобрать у Н. Н. Новосильнова подробныя свъдънія о состояніи умовъ къ Польшъ. Великій князь Константинъ Павловичъ принялъ графа очень ласково и два раза приглашалъ къ объду, а Новосильновъ составилъ вполнъ откровенную записку, въ которой ръзкія дъйствія великаго князя были выставлены въ надлежащемъ видъ и выражалась увъренность, что Поляки добромъ не кончатъ. Эту записку графъ Строгановъ передалъ прямо въ руки Государю.

Весной 1829 года графъ Строгановъ побхалъ опять въ Варшаву на коропацію Государи. Онъ вхалъ вмъсть съ Жуковскимъ, про котораго онъ отзывался намъ, что практическаго смысла въ немъ вовсе не было, что онъ не былъ настоящимъ воспитателемъ, но чистота его души благотворно подъйствовала, и чрезъ него сообщилась Великому Князю та прозрачность душевная, которою такъ любовался Николай Павловичъ. Дорогою Жуковскій читалъ Швана Выжигина и говорилъ своему спутнику, что впечатльше этого романа (втораго у насъ посль повъстей Наръжнаго) похоже на то, какъ въ Нъмецкихъ городахъ идешь по улицъ, глазъешь, и вдругъ съ 3-го этажа кто нибудь обольетъ тебя помоями.

На этоть разъ великій князь Константинъ Павловичь приняль графа Строганова до такой степени холодно, что всё, и въ томъ числъ Жуковскій, не могли надивиться. Графъ спросиль о причинъ у правителя его канцеляріи Моренгейма (отца нынъшияго посла нашего въ Парижъ) и узналь отъ него, что прошлогодняя Новосильцовская записка была Государемъ сообщена брату. Поздите, воспользовав-

шись ласковымъ обращениемъ Няколая Павловича, графъ Строгановъ спросилъ у него, какъ могъ онъ такъ поступить. — Что жъ дълать? Я далъ брату объщания дъйствовать въ отношении къ нему вполнъ откровенно и ничего отъ него не скрывать, отвъчалъ Николай Павловичъ.

Въ 1830 году осенью Новосильцовъ пріважаль къ Строгановымъ въ Дрегденъ и сообщиль имъ: Великій Князь самъ чуялъ возможность варыва и совъговалъ Новосильцову убажать изъ Варшавы, говоря, что, въ случав уличнаго мятежа, на Новосильцова непремънно нападутъ.

ЛЮБОЗНАТЕЛЬНОСТЬ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА.

Въ 1826 г. начальникъ Московскаго Главнаго Архива А. Ө. Малиновскій подносилъ черезъ гр. Нессельроде Николаю Павловичу краткій перечень сокровицъ нашей письменной древности, ввъревныхъ его храненію. Государь сдълалъ карандашомъ слъдующую замътку на поднесенной тетради:

«Je désire, faute de temp, voir les pièces marquées d'une croix, chez moi, et une à une. Veuillez donc, cher comte, me les faire tenir les unes après les autres, en les fesant porter par quelqu'un de leurs *).

Крестикомъ помъчены:

Избраніе на царство Михаила Өеодоровича.

Свадьба Михаила Өеодоровича.

Три вниги съ современными портретами царей Михаила, Алексвя, Эеодора, Петра и Іоанна.

Артиллерійская книга, посвященная гепераль-лейтенантомъ Бауманомъ царю Алексвю Михаиловичу.

Чертежи бателій у разныхъ Европейскихъ державъ съ 1620—1713 годъ.

Планъ С.-Петербурга 1725 года.

^{*)} За невывніснъ времени жедаю посмотріть рукописи, отвіченныя престикомъ, одну—за другою, у себя. И такъ прикажите пожалуста, дюбезный графъ, чтобы мив ихъ деставлями послідовательно; привозигь можеть кто-нибудь изь тамошнихъ служащихъ-

ПРОШЕНІЕ КНЯЗЯ П. А. ВЯЗЕМСКАГО.

Въ Главное Училищъ Правленіе

отъ коллежскаго совътника, Императорскаго Московскаго Университета почетнаго члена и каналера князя Петра Андреева сына Вяземскаго

Прошеніе.

Господинъ цензоръ Красовскій не соблаговолилъ одобрить моего сочиненія, которое отдано было мною г-ну Гречу для поміщенія въжурналь, издаваемомъ имъ подъ именемъ «Сынъ Отечества».

На основанія 40-й статьи Устава о цензурь, Высочайше утвержденнаго 9-го Іюня 1304 г., въ коей между прочимъ сказано: «Если сочинитель или издатель почтеть себя обиженнымъ за неодобрение его сочиненія къ напечатанію, равно и въ случав задержанія его сочинемія или другихъ какихъ притесненій, можетъ принести на цензуру жалобу Главному Училицъ Правленію, которое решить, справедлива ли жалоба или нътъ, -- представляю при семъ рукопись мою на благоразсмотрвніе Главнаго Училищъ Правленія и прошу покорно оное о защить правъ автора, который нимало не подвергается исключеніямъ, предписываемымь въ 18-й и 19-й статьяхъ Устава, въ коихъ изображено: 18. «Если въ цензуру прислана будеть рукопись исполненная мыслей и выраженій, оскорбляющихъ личную честь гражданива, благопристойность и правственность, то цензурный комитеть, отказавъ въ напечатаніи такого сочиненія, объявляеть въ тоже время причины сего запрещень тому, кто прислаль оное, а самое сочинение удерживаеть у себя». 19. «Если же въ цензуру прислана будеть рукопись, исполненная мыслей и выраженій явно отвергающихъ бытіе Божіе, вооружающияся противъ въры и законовъ отечества, оскорбляющая верховную власть или совершенно противная духу общественнаго устройства и тишины, то комитеть немедленно объявляеть о такой рукописи правительству, для отысканія сочивителя и поступленія от нимъ по законамъ.

Если т-нъ цензоръ относить къ непозволительной будто личности мое мавніе о недостаткахъ, находимыхъ мною въ нёкоторыхъ писателяхъ, называя ихъ по имени: почему же цензура дозволяетъ онымъ же писателямъ излагать свободно свое мивніе, и часто въ насмінцивыхъ и непочтительныхъ выраженіяхъ, о другихъ писателяхъ, удосточвшихся и монаршаго благоволенія, и признательности соотечественниковъ, и уваженія Европы, читающей ихъ творенія? Право съ объчихъ сторонъ равное. Смію замітить, что обвиненія мон не насаются нигдів личности прижданина, но падають единственно на пясателя, и то по одному литературному отношенію. Если сужденія мон въ такомъ случав и были бы противны здравому ученію, вкусу и общему мивнію, и тогда еще, кажется, были бы они безгрішны; и тогда еще могъ бы я пользоваться свободою и обнародовать ихъ, не подвергаясь суду цензуры, но отвічая за нихъ единственно передъ судомъ разсудка и просвіщенныхъ читателей.

Соблюдая должное уважение къ свъдъніямъ и личному достоинству чиновника, удостопвшагося довъренности начальства и званія цензора, долженъ я однакоже видъть въ настоящемъ запрещеніи или слъдствіе какого либо недоразумѣнія или дъйствіе недоброжелательства ко миъ. Къ заключенію послъдняго предположенія, можсть быть, тъмъ болѣе имълъ бы я поводъ, что уже нъсколько разъ въ представленіи сочиненій моихъ къ печатанію испытывалъ и неумъренную и неосновательную строгость г-на цензора Красовскаго. Еще въ недавнемъ времени не допускаль опъ до печатанія стиховъ моихъ подъ названіемъ «Гензый Снъгь», которые вскорѣ послъ того напечатаны въ Петербургъ же съ одобренія другаго цензора.

И ныић, не говоря уже о томъ, что г-нь цензоръ Красовскій рѣшительно запрещаеть мнѣ въ представляемомъ сочинени сказать, почему уважаю дарованія такого-то писателя и почему не раздѣляю мнѣній другаго, но и въ тѣхъ мѣстахъ, кои не подвергаются совершенному его исключенію, не ясно ли видно, что г-нъ цензоръ принимаеть на себя въ отпошеніи ко мнѣ обязанность рецензента и съ учительской заботливостью наставляеть меня искусству писать по своему, замѣняя слова мои своими и выкидывая выраженія, по мнѣнію его, видно, некрасивыя или неправильныя? Да позволено мнѣ будеть обратить вниманіе Главнаго Училищъ Правленія на нѣкоторые тому примѣры. Въ одномъ мѣстѣ вмѣсто задъваемъ цензоръ ставить упрекаемъ; въ другомъ не позволяеть мнѣ сказать, что г-нъ Карамзинъ слидовалъ благоразумію; въ третьемъ прибавляеть къ словамъ стро-

тили пригов грама спо справодлизыма», и такимъ образомъ, предугадывая и насплыствуя мое литературное мевніе, хочеть, чтобы я волею или неволею почиталь за справедливое въ словесности то, что онъ справедливымь почитаеть. Далье, вмысто выраженія моего полемической практики онь ссужаеть неня выраженіемъ спорной практики, которое едва ли имыеть какой нибудь извыстый смысль.

Не смъя дальнъйнами выписками обременять болъе вниманіе Главнаго Училиць Правленія, оканчиваю съ полною довъренностью, что
оно приметь въ надлежащее уваженіе причины мон къ неудовольствію
на притъсненіе авторскихъ правъ, Высочайшимъ постановленіемъ
утвержденныхъ и нышъ отъемлемыхъ у меня г-номъ цензоромъ Красовскимъ. Спокойно ожидаю отъ проницанія и правосудія Главнаго
Училищъ Правленія приговора участи моего благонамъреннаго сочиненія, приговора, который будеть навсегда сохраненъ въ лътописяхъ
нашей словесности.

*

Печатается съ черноваго подлининка, сохрандинагося въбумагахъ Н. И. Тургенена и любезно сообщеннаго въ "Русскій Архивъ" его сыномъ, ваятелемъ Петромъ Приодаевичемъ. Какое пменно сочинение инязя П. А. Вяземскаго подверглось притъснению славнаго своими гасительными подвигами Красовскаго, не видно. Упоминаемое визземъ Вяземскимъ его стихотвореніе Первый Сипь папечатано было въ "Повостяхъ Литературы" 1822 года. Во всякомъ случать вышенапечатанное прошение должно относиться къ последнимъ годамъ царствованія Александра Павловича; а то, что оно нашлось въ Тургеневскихъ бумагахъ дасть возможность заключать, что оно писано не позже весны 18:4 года, когда нало министерство князя А. Н. Голицына, при которомъ однимъ изъ влінтельныхъ лицъ былъ А. И. Тургеневъ, Наномнимъ читателю, что жеть тридцеть поздиве, будучи товарищемъ мицистра пароднаго просибиденія, князь Виземскій исходатайствоваль у императора Александра Инколаевича тъ льготы, которыми ныпъ пользуется Русская печать. Въ Порвчъв въ 1864 году, въ музей графа А. С. Уварова случилось намъ читать докладную о томъ записку князя Вяземского со многими отмътками Государя. Эта записка, прекрасно излагающая невыносимое положеніе писателей пь последніе годы царствованія Николая Павловича, доседе не издана. Въ ней одно изъ многихъ правъ киязя II, А, Вяземскаго на уваженів и признательность потомства. П. Б.

О НЕСОСТЈЯВШЕМСЯ МИНИСТЕРСТВЪ ЦЕНЗУРЫ.

Изъ бумать Александра Григорьевича Тройницкаго.

Читатели "Русскаго Архива" (1894, I, 556-591) уже знакомы съ преврасною, вполив достопамятною личностью А. Г. Тройницкаго (р. 12 Марта 1807 † 12 Марта 1871) по его краткой біогравін и письмачь къ нему разныхъ лицъ. При дальичищей разработкъ бумагь его и собирании свъдъний о немъ, еще живъе выясинется его даровитая, неустанная работа, по благо спачала родной ему Одессы, а затимь (съ 1857 г.) на болие широкомь ноприщъ въ Министерствахъ Внутреннихъ Дълъ и Народнаго Просвъщенія, гдь онъ принималь двятельное, пногда руководящее, участіе въ цъломъ ридъ трудовъ по предмету нашего пароднаго самосознанія, а также въ въдомстив учреждевій Императрицы Маріп, ввиценосные покровители которых в его цвнили. Благодари любезности сыповей его, тщагельно собпрающихъ матеріалы для подробнаго жизнеодисація его, приводимъ еще півкоторыя черты его двятельности и сношеній. Лица, имьющія у себя письма А. Г. Тройницкаго, который во всю свою жизнь вель обшириую переписку, могли бы облегчить эту задачу сообщеність сыповьямь покойпаго писечь съ полною увъренностью, что напечатано будеть только то, что представляеть общій интересъ и оглашение чего не можеть быть для кого бы то ни было непріятнымъ. П. В.

Письмо А. Г. Тройницкаго къ брату его въ Одессу.

С.-Петербургъ, 15 Денабря 1859.

Не отвъчаль и тебъ во времи на послъднее писмо, потому что на мени взвалилось въ концъ Ноябри крайне тижелое дъло, которое отняло все мое времи. Вотъ оно въ короткихъ словахъ Вслъдствіе разностороннихъ цензурныхъ затрудненій при кръпко-развивающейся журнальной дългельности, и гласности, Государю пришла мысль учредить совершенно отдъльное цензурное министерство или Главное Управленіе по дъламъ книгопечатанія, въ которомъ бы сосредоточились, независимо оть всъхъ министерствъ, всъ дъла de la presse. Начальникомъ этого новаго управленія назначалъ Государь статсъ-секретаря барона Модеста Коров, который и до сихъ поръ, не знаю по какому

внушению (онъ меня никогда не зналъ), избралъ меня главнымъ свониъ помощникомъ, предложивъ мив должность дяректора канцелярін съ правами члена Совъта. Не безъ труда и послъ совъщанія съ министромъ Ланскимъ, который взяль съ меня слово (и слава Bory) не оставлять Министерства Внутреннихъ Дъль, приняль я это предложеніе, которое сулило мив ощутительную денежную выгоду, крвико мив нужную, но обременяло меня и страшно-гяжелою работою. Мы принялись съ барономъ Корфомъ сочинять новое министерство, указы, штаты, проекты и проч. На прошедшей педеле исе было готово. Но барону Корфу пришла несчастная мысль купить домъ для новаго управленія; кром'в того противъ него и противъ самаго началя новаго управленія возникла сильная оппозиція въ верхнихъ слояхь, и вь последнюю минуту баронъ Коров разошелся съ Государемъ. Въ прошлую Патанцу онъ отказался оть возложенного на него порученія, и Государь приказаль передать всё дёла обратно въ руки министра народнаго просвъщения. Такъ все это здание разлетьлось въ прахъ. Что теперь изъ этого выйдеть, не знаю, да едва ли кто и знасть При предполагавшемся преобразованія крыпко я думаль о Д. И. С. по тебы и надвялся успъть въ своихъ намеренияхъ. Жаль, что это не сбылось. Что касается до меня лично, то увтряю тебя, что искренно порадовался неудачь. Зданіе строилось слишкомъ легко. Баронъ Короъ чедовъть замъчательного ума и образованія, но слишкомъ прыткій и слишкомъ увлекающійся, такъ что едва ли бы дело пошло стройно. Лучше ребенку родиться мертворожденнымъ, нежели немного пожить и умереть насильственною смертью; и я предвидёль, что это случидось бы скоро съ повымъ министерствомъ. Итакъ, да будеть легка память о немъ!

Письма барона М. А. Корфа въ А. Г. Тройницкому.

1.

Не примете ли, ваше превосходительство, трудъ повидаться съ г. Никитенко (живущимъ на Владимирской въ домъ барона Фредерикса), для окончательнаго объясненія о суммахъ пхъ Комитета, т. е. о томъ, сколько Комитетомъ получается (его личное жалованье входить ли въ счетъ общей штатной суммы?), сколько расходуется, за сколько, гдъ и на какой срокъ напята квартира и пр.? Еще два важные вопроса: 1) Считаютъ ли чиновники Комитета, что мы ихъ къ себъ переведемъ? 2) Разсчитываеть ли на это самъ г. Никитенко въ отношеніи къ своему лицу? Изъ послъдняго моего съ нимъ разговора кажется, что нъть; но желательно бы положительные о томъ удостовъриться.

Разръшение всъхъ этихъ вопросовъ самымъ опредълительнымъ образомъ, какъ говорятъ Нъмцы: «черное на бъломъ», необходимо для нашего штага и для зачета суммъ, чтобы послъ не вышло какого нибудь недоразумънія.

23 Ноября (1859).

2.

Воспользовавшись замъчаніями вашего превосходительства и сообразивъ ихъ съ Цензурнымъ Уставомъ, я составилъ новый проектъ указа, который представляю вамъ съ покорнъйшею просьбою измънить или исправить въ немъ что признаете за нужное. Фразою: что намъ подчиняются ценсоры, отта Министерства Народнаго Просвыщенія зависящіе, и означеніемъ на какія мъста и лица переходять права и обязанности соотвътственныхъ теперешнихъ степеней, дъло очень упростилось и редакція облегчилась. Кажется, тутъ теперь все, что нужно сейчась; прочее устроится и прояснится со временемъ.

На вашей запискъ вы изволите найти нъкоторыя объяснительныя замътки.

Завтра въ 11 час. буду имъть честь ожидать ваше превосходительство съ этимъ указомъ и съ проектомъ штата.

1 Депибря (1859).

3.

За симъ останутся безъ подожительнаго разръшенія или оговорки только ст. 28, 29 и 30.

Положена ли въ теперешнемъ (и будущемъ) штатъ сумма на платежи по ст. 120 й?

Въ штатъ надо будетъ опредвлить сумму на усиленіе, въ случав вадобности въ тому, числа ценсоровъ и сдълать оговорку объ остаткахъ отъ суммъ, по штату на это управленіе ассигнуемыхъ.

Такъ какъ, по замъчанію вашего превосходительства, можетъ встрътиться надобность въ чтеніи здъсь книгъ, напечатанныхъ на Польскомъ языкъ и на разныхъ мъстныхъ наръчіяхъ (Эстскомъ, Латышскомъ и пр.), то не угодно ли будетъ прибавить для этого къ штату канцеляріи Главнаго Управленія 500 рублей?

2 Декабря (1859).

4

Спѣшу увъдомить ваше превосходительство, что Государь Императоръ высочайше соизволиль на покупку для нашего управленія извъстнаго (прекраснаго) дома Шишмарева у Аничкина моста. Онъ должень быть сданъ намъ 15-го Декабря. Тамъ будеть очень хороше е помъщеніе и для васъ.

Теперь намъ падо всемърно озаботиться возможно скоръйшимъ пріисканіемъ исправнаго, распорядительнаго и честнаго (легко ди соединить!) экзекутора или смотрителя, безъ котораго невозможно было бы и принять домъ. Мит говорили о помощникъ экзекутора въ Департаментъ Министерства Юстиціи, котораго я, впрочемь, не знаю и по имени. Нътъ ди въ виду кого нибудь у васъ?

Б Девабри (1859).

5.

Воть, милостивый государь Александръ Григорьевичь, какъ я полагалъ бы окончательно изложить наши основные акты, испросивъ у Его Величества соизволеніе, чтобы циркулярь опять перемънить на рескриптъ. Тогда все это можно будеть обнародовать теперь же, а привести въ дъйствіе съ 1-го Января, до котораго мы успъемъ совсъмъ устроиться.

Существенная перемвиа та, что прибавку о военномъ ценсоръ я перенесъ изъ указа въ штатъ. Но нуженъ ди уже будетъ затъмъ въ первомъ 7-й пунктъ? Это, кажется, само собою разумъется.

Недьзя ли пришить трудъ доставить мив именной списовъ переходящихъ въ намъ чиновниковъ М. Н. П., съ означениемъ ихъ окладовъ?

Не угодно ли будеть вашему превосходительству взглянуть на новое наше пріобрітеніе, т. е. на домъ Шишмарева? Входъ въ квартиру, которую я считаль бы для васъ удобною, изъ Графскаго переулка, и здісь съ подъізда наліво; направо я думаль бы помістить канцелярію и г. Янкевича, гді, если онь холостой, для него было бы весьма довольно міста. Съ противуноложной стороны дома, въ нижнемъ же этажі (она тамъ гораздо меніе), можно будеть помістить Центральный Комитеть и, можеть статься, еще одного холостаго чиновника; но теперь эта квартира занята, візроятно, еще на місяць или боліве; а между тімь Е. П. Ковалевскій позволяєть Ценсурному Комитету оставаться въ Университеть. Наконець, есть еще на дворіз двіз или три маленькія квартиры для чиновниковъ; а Совіть будеть собираться въ моей залів. Предаю все это на ваше усмотрівніе и завтра въ 11 часовъ булу иміть честь вась ожидать.

Понедальникъ, 7 Денабря (1859).

6.

Вмъстъ съ проектами указа и штата мнъ необходимо будетъ поднести на предварительное утверждение и проекты разныхъ объявляемыхъ повелъний, въ придагаемыхъ отношенияхъ изложенные. Покорнъйше прошу ваше превосходительство впимательно ихъ разсмотръть и дополнить или исправить что признаете за пужное.

9 Декабря (1859).

Я буду дома весь день, начиная отъ 3-хъ часовъ.

7

Государю Императору благоугодно было снизойти въ всеподданнъйшей моей просъбъ объ увольнении меня отъ предпазначавшейся мнъ должности, и вслъдствіе того все возникшее дъло повелъть передать министру народнаго просвъщенія *).

Для исполненія сей высочайшей воли покорнъйше прошу ваше превосходительство благоволить доставить мит неотложно вст находищілся у вась бумаги.

Искренно уважающій и преданный баронъ М. Короъ. 12 Декабря (1859).

Предположительный указъ Правительствующему Сенату.

При быстромъ, въ последнее время, развитіп отечественнаго внигопечатанія, Мы признали за благо дать управленію этой части устройство боле соответствующее настоящимъ ея потребностямъ.

Веледствие того повелеваемъ образовать самостоятельное государственное учреждение подъ назващемъ Главнаю Управления по дъламъ киштопечатанія на следующихъ основаніяхъ.

- 1) Существующее нынъ при Министерствъ Народнаго Просвъщенія Главное Управленіе Ценсуры упраздняется, и всъ ценсурные комитеты и отдъльные ценсоры по ценсуръ какъ впутренней, такъ и иностранной, подчиняются впредъ исключительно Главному Управленію по дъламъ книгопечатація.
 - 2) Главное Управленіе по діламъ внигопечатанія составляется изъ главноуправляющаго, Совіта Главнаго Управленія и Канцеляріи.
 - 3) Главноуправляющій имфеть по этой части тъже права и обязанности, какія донынъ принадлежали министру народнаго просвъщенія, а по предметамъ, превышающимъ его власть, входить съ докладами непосредственно къ Намъ.
 - Совъть Главнаго Управленія, на воторый переходять всъ права и обязанности, припадлежавшія донынъ Главному Управленію Ценсуры, состоить, подъ предсъдательствомъ главноуправляющаго, изъ четырехъ членовъ,

^{*)} Баронъ Короъ такъ былъ увъренъ въ успъхъ своего начиванія, что приглашалъ пріятеля своего, извъстнаго библіографа С. А. Соболевскаго, занить должность предсъдатели Московскаго Цензурнаго Комитета. Недовъріе Государи вызвано было общиркынъ понъщеніемь, которое отводилось барону Короу въ домъ Шишмарева, и свимиъ способомъ покупии этого дома: Шишмареву объщана унлата волотою монетою. П. Б.

дпректора канцелиріи Главнаго Управленія и предсъдателей С.-Петербургекаго Ценсурнаго Комитета и Комитета Ценсуры Ипостранной. Предсъдатель Московскаго Ценсурнаго Комитета, въ томъ же порядкъ Нами опредъляемый, и главные начальники пограничныхъ губерній, на которыхъ возложено завъдываніе ценсурою мъстныхъ періодическихъ изданій, также присутствуютъ въ Совъть, когда они находятся въ Петербургъ, съ правомъ голоса, наравнъ съ прочими членами.

- 5) Канцелярія Главнаго Управленія, на которую переходить всё права и обязанности, лежащія нынё по этой части на Канцеляріи и Департаменте Министерства Народнаго Просвёщенія, имееть быть составлена по прилагаемому у сего штату, обнимающему и весь остальной составь новаго образованія. Директоръ канцеляріи управляеть ею на одинаковомъ основаніи съ директорами министерскихъ департаментовъ.
- 6) Въ Ценсурные Комитеты С.-Петербургскій и Московскій опредѣляются, какъ сказано выше (ст. 4), особые предсѣдатели, а въ каждомъ изъ прочихъ комитетовъ предсѣдательствуетъ, по назначенію Главнаго Управлевія, одинъ изъ ценсоровъ, съ наименованіемъ старшаю. На этихъ предсѣдателей переходятъ права и обязанности по ценсурной части попечителей учебныхъ округовъ, кромъ только округовъ Варшавскаго и Кавказскаго, въ которыхъ ценсурная часть, впредъ по повелѣнія, удерживаетъ настоящее свое образованіе.
- Духовная ценсура по въдомству Православнаго исповъданія остается на существующемъ теперь особомъ основаніи.
- 8) Разсматриваніе всяваго рода афишъ и медвихъ объявленій тоже остается при настоящемъ порядкъ, равно какъ, впредъ до дальнъйшаго усмотрънія, и ценсура Губернскихъ Въдомостей, съ подчиненіемъ лишь дъйствій мъстныхъ чиновниковъ учебнаго и гражданскаго въдомства по ценсуръ несочицальной части сихъ Въдомостей завъдыванію Главнаго Управленія по дъламъ княгопечатанія.
- 9) За симъ участіе всёхъ прочихъ вёдомствъ въ ценсурё произведевій книгопечатанія и другихъ способовъ изданія впредъ прекращается и, въ соотвётственность тому, отміняются и всё особые довіренные чиновники по ценсурной части, которые донынё состояди при разныхъ министерствахъ и главныхъ управленіяхъ.
- 10) Вст сіи мъры и штатъ новаго Управленія по дъламъ книгопечатанія привести въ дъйствіе съ 1-го Января 1860 года, предоставя дальнъйшія переходныя мъры къ приведенію въ исполненіе настоящей Нашей воли взаимному соглашенію главноуправляющаго съ министромъ народнаго просвъщенія и другими подлежащими начальствами.

Правительствующій Сенать не оставить сділать о семь надлежащее распоряженіе.

Справочныя свыдынія. Въ 1857 году.

Изъ числа 6693 укладонъ освидътельствовано:

Въ Комитетъ Ценсуры Иностранной 2923 укладки, въ коихъ находилось 114.413 сочин. въ 720.839 томахъ.

Въ четырехъ иногородныхъ Цензурныхъ Комитетахъ:

Рижскомъ 1875 укладокъ, содержавшихъ въ себъ 62.978 сочин. въ 685.033 томахъ.

Виленскомъ 406 укладокъ, въ воихъ находилось 6.786 сочин. въ 76.859 томахъ.

Одесскомъ 694 укладки, въ которыхъ было 6.579 сочин. въ 68.704 томахъ. Кіевскомъ 247 укладокъ, содержавшихъ въ себъ 5.199 сочин. въ 14.693 томахъ.

Отдельнымъ ценсоромъ въ Ревеле 173 укладки, въ которыхъ было 5.737 сочин. въ 46.818 томахъ.

Мъстными гражданскими начальствами 315 укладовъ, въ воихъ находилось 692 сочин. въ 916 том. Всего 202.384 сочин. въ 1.613.862 томахъ.

Въ 1858 году.

Изъ числа 7.172 укладокъ освидътельствовано:

Въ Комитетъ Ценсуры Иностранной 3641 укладка, въ коихъ находилось 117.412 сочин. въ 746.089 томахъ.

Въ четырехъ иногородныхъ Ценсурныхъ Комитетахъ:

Рижскомъ 1254 укладки, содержавшихъ въ себъ 61.192 сочин. въ 659.679 томахъ.

Виленскомъ 325 укладокъ, въ коихъ находилось 6.916 сочин. въ 46.616 томахъ.

Одесскомъ 1049 укладокъ, въ которыхъ было 18.151 сочин. въ 93.934 томахъ.

Кіевскомъ 306 укладокъ, содержавшихъ въ себъ 7.420 сочин. въ 18.320 томахъ.

Отдъльнымъ ценсоромъ въ Ревелъ 186 унладокъ, въ которыхъ было 7.230 сочин. въ 48.450 томахъ.

Мъстными гражданскими начальниками 411 укладовъ, въ коихъ находилось 1.344 сочин. въ 1.786 том. Всего 219.665 сочин. въ 1.614.874 томахъ.

Въ бумагахъ А. Г. Тройнициаго сохранились и штаты будущаго главнаго управленія; оно должно было ежегодно тратить по 200.825 рублей, промъ жалованья гланно-управляющему, про которое значится: "по особому назначенію". Нъкоторыя подробности о томъ читатели найдуть во 2-мъ томъ Записокъ А. В. Никитенки, стр. 163—171. П. Б.

ОТПОВЪДЬ Г-НУ МИТРОПОЛЬСКОМУ.

Я даль себъ слово никогда не вступать въ полемику, зная, что за человъка говорять не слова, а дъда. Однакоже, прочтя статью г. Митропольскаго ("Р. Архивъ" 1895 г.), который говорить, что овъ быль секретаремь въ Военво-Медицинскомъ Управленіи, когда инспекторомъ быль Яновскій, и должень заявить, во имя правды, что туть описанъ кто-то другой, а не я. Во 1-хъ, состоя еще гри военномъ министръ, я работадъ въ пользу того, чтобы избавить врачей отъ рабской зависимости военнаго начальства; въ этомъ духв и былонаписано мною положение о преобразовании устройства военно-медицинской администраціи и военныхъ госпиталей, которое, по разсмотръвіи въ особомъгоспитальномъ комитетъ, было Высочайше утверждено. Во 2-хъ, должность штабъ-доктора резервовъ армейской пахоты и взядъ потому, что зваль уже, что буду военно-медицинскимъ инспекторомъ и такъ какъ резервы наши соотвътствовали составу арміи, то я хоталь дично удостовъриться, въ какомъ положени ваходится въ нихъ медицинская часть. Въ 3-хъ, въ должпости штабъ-доктора н. Яновскій, пробыль всего три года, т. е. съ 1861 по 1864 годь, савдовательно въ столь короткій срокь вдругь всосать въ себи вею горечь ругины не могъ. Яповскій, тотчасъ же по вступленіи въ должность, выговориль себъ личный доклядь у начальника резервовь, что и долаль до назначения его военно-медицинскимъ инспекторомъ. Наконецъ, какъ теперь помию, когда въ Военномъ Министерствъ разработывался вопросъ объ обязанностихъ начальника штаба въ военное время, то генералъ Офросимовъ получилъ отъ военнаго министра просьбу сдълать на статьювоваго положенія свои зам'вчанія. Положеніе это начальникомъ резервовъ передано было мив, и когда и представилъ мои соображения и замвчания, то его высокопревосходительство въ своемъ донесени не скрылъ отъ г. мивистра, что замъчанія вти составиль Яновскій, и я получиль лично оть графа Милютина за это благодарность.

Кромъ всего изложеннаго я долженъ сказать еще слъдующее. Какъ я могъ выслушивать какія-то разъясненія объ отношевіяхъ воевно-медицинскаго инспектора къ пачальнику штаба и указанія на несправедливость писанія сему послъднему рапортовъ отъ молодого и неопытнаго батальоннаго врача, когда вотъ въ какихъ словахъ въ 1867 году главный военномедицинскій инспекторъ Цыпуривъ, человъкъ просвъщенный и много скълавшій хорошаго для военныхъ врачей, послъ личной ревнаіи Московскаго военно-медицинскаго управленія, написаль на своей карточкъ, присланной мнъ изъ Петербурга: "Многоуважаемому сотоварищу и одному изъ дъятельнийшихъ моихъ сотрудниковъ по управленію военно-медицинского частью С. Д. Яновскому на память собмъстнаго служенія". А Цыпуринъ въ управленіи

быль не Епохинь и не Коэловъ, дъло разумъль и хинной соли не заготовлялы! Карточка эта и теперь у меня, и и ее могу предъявить во всякое время и кому угодно.

Всь мои награди получаль я не по представлению даже вомандующого войсками, а по представлению Главнаго Мецицинскаго Управления, и увъдомление о томь, что я пожаловынь Государемь за службу орденомь св.
Анны 1-й степени я получиль оть военнаго министра телеграциой. Относигельно того, будго г. Яповсий, изь добровольнаго принижения, согласился
быть доманиимы докторомы у командующаго войсками, скажу не обинуясь,
что вто чистый вымысель. Яновсий никогда не быль доманиимы врачемь ни у начальника резервовь, у котораго домашнимы врачемь былы г.
Добряковы, ни у командующаго войсками, котораго лечилы докторы Рызвовы,
в. Яновский изрыдка приглашался какы консультанты, при сильномы ожесточении подагры, которою страдаль генералы Гильденштуббе.

Врачи Самойло и В. И. Рудинскій были положительно образцовые по своимъ знаніниъ и усердію. Перваго изъ нихъ еще недавно, годъ или 11/2 назадъ, мнъ восхвалиль до нельзи бывшій начальникь дивизіи Шварценбергь, у котораго г. Самойло быль дивизіоннымъ докторомъ, и такимъ и его всегда зналъ. Г-нъ же Рудинскій извъстень быль и какъ отличный полковой врачь, не щадившій себя во всикое времи, даже и во времи дождливаго лагери, для блага создатъ; въ тоже времи онь быль отличный преподаватель въ фельдшерской школъ, написавъ дли нея курсъ внатоміи и искусства налагать повязки. Это былъ человъкъ до крайности смирный и справедливый, а между тъмъ что о немъ написалъ его строитивый и придирчивый товарищь? Больно и очень больно читать подобное.

О Кижперъ скажу кратко: это быль очень умный, скромный какъ могила и опытацій письмоводитель, и такъ какъ онъ жиль у меня на квартирь, а я дъль не откладываль, то онъ праносиль мив каждый день еще запечатанную почту, которую и съ въдома всъхъ членовъ управленія лично распечатываль и на каждой бумагь писаль собственноручно резолюцію. Кижнеръ вносиль это въ входящій журналь и на другой день раздаваль секретарямь. Гдв же эдвсь что либо похожее на то, что Кижперъ управляль и даже назначаль на мъста, а Яповскій только подмахиваль и ругался?

С. Яновскій.

поправка.

Въ стихотвореніи П. В. Шумахера о Москвъ, въ 5-мъ выпускъ "Русскаго Архива" сего года, по недосмотру оказалась грубая ошибка послъдная строфа должна оканчиваться стихомъ: "Спасибо, матушка Москва!" П. Б.

~~~~~~

Нъ стольтію со дня 25 Іюня 1796 года. Императоръ Николай I, зиждитель Русской школы. Историческій очернъ (До вопаренія. — Верховное управленіе государствомъ. — Общія мёры по народному просвещенію. — Царственныя заботы о развитіи военно-учебныхъ заведеній). Съ тремя портретами (превосходно псполненными). Составилъ М. С. Лалаевъ. Спб. 1896. б. 8-ка. VI, 274 л. и 2 нен. стр. съ видомъ памятника Николаю Павловичу въ Петербургъ.

Хвалебная, но очень толково написанная книга, проникнутая искреннимъ чувствомъ почитанія къ покойпому Государю, про котораго А. С. Хомяковъ писалъ: "Его ошибки были въ понятіяхъ и въ ложно прилагаемой системъ; но онъ былъ честный труженикъ".

Русскій біографическій словарь. Томъ І. Ааронъ—Александръ ІІ-й, Изданъ подъ наблюденіемъ А. А. Половцова. Спб. бол. 8-ка 4 нен. 892 л. и 2 нен. стр. въ 2 столбца. Этотъ огромный томъ почти весь занятъ біографіями

им ператоровъ Алсксандра Павловича (соч. Н. К. Шильдера) и Александра Николаевича (соч. С. П. Татищева)

Пожелаемъ успъха этому величавому предпріятію Императорскаго Русскаго Историческаго Общества.

Переписка Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ. Издана подъ редавціей К. Я. Грота. Томъ второй, Спб. 1896. бол. 8 ка. 2 нен., 966 л. и 2 нен. стр. Съ примъчаніями. Переписка идеть съ 1843 по 1846 годъ включительно. Цъна 3 р.

Низнь и труды М. П. Погодина. Николая Барсукова книга десятая. Спб. 1896. 8 ка, XV и 583 стр. Цёна 2 р. 50 к. Жизнь Погодина и сопровождавшія ее общія событія изложены въ этой книгѣ за годы 1848 и 1849-й. Изданіе потомственнаго почетнаго гражданина Александра Николаевича Мамонтова.

Опись старинныхъ вещей собранія П. И. Щунина, составленная П. И. Щунина и Е. В. Федоровой. Часть вторая съ 16 фототипіями. М. 1896. въ 4-ку, 2 нен. 256 и 2 нен. стр.

Поступки и забавы пиператора Петра Великаго. Записки современника (солдата Никиты Ивановича Кашина). Спб. 1895. бол. 8-ка. 22 стр. Это СХ-й выпускъ "Памятниковъ древней письменности". Сообщено В. В. Майковымъ и напечатано съ соблюденіемъ правописанія подлинника, что, по нашему метнію, при изданіи подобнаго рода произведеній, совершенно излишне и только затрудняеть понапрасну чтеніе.

Онежскія былины, записанныя А. Ө. Гильфердингомъ лѣтомъ 1871 г. Изд. 2 е. Томъ 2-й. Съ двумя портретами Онежскихъ рапсодовъ и напѣвами былинъ. Спб. 1896. 8-ка. III и 710 стр. Цѣна 2 р.

ПОДПИСКА

HA

РУССКІЙ АРХИВЪ

1896 года.

"Русскій Архивъ" въ 1896 г. издается двѣнадцатью тетрадями, съ приложеніями (въ числѣ ихъ книга "Архива Князя Воронцова").

Годовая цёна "Русскому Архиву" въ 1896 году съ пересылкой и досгавкой девять рублей. Для чужихъ краевъ—двёнадцать рублей.

Подписка принимается въ Москвъ, въ Конторъ "Русскаго Архива", на Ермолаевской Садовой, въ домъ 175-мъ. Въ книжныхъ магазинахъ "Новаго Времени", въ Петербургъ, Харьковъ и Одессъ.

Въ пріемѣ подлинныхъ документовъ и бумагъ доставляемыхъ "Русскому Архиву", для разработки и печатанія, выдаются росписки, по которымъ владѣльцы получають ихъ обратно. За сохраненіе же статей и современныхъ рукописей, оказавшихся непригодными къ печати, "Русскій Архивъ" отвѣтственности на себя не принимаетъ.

Годовыя изданія «Русскаго Архива» 1881, 1884, 1887, 1888 и 1889 получаются, со всёми приложеніями, по 6 р. за каждый годъ съ пересылкою по 7 р. Годы 1874, 1877, 1878, 1879 и 1880 по 5 р., съ пересылкою по 6 р. Остальныя годовыя изданія «Русскаго Архива» вышли изъ обыкновенной продажи.

Составитель и издатель "Русскаго Архива" Петръ Бартеневъ.

PÝCKIŬ APXÍRZ

1896

7.

CTp.

- Изъ бумагъ и переписки графа Н. П. Шереметева (въ царствованіе Павда Петровича).
- 342. Записки А. Д. Бестужева-Рюмина о Москва 1612 годо.
- 365. Донесеніе его же министру юстиців И. И. Динтріеву.
- 386. Письма его же къ Д. Ө. Шумилову, великому князю Константину Павловичу и императору Александру Павловичу.
- 399. Сваданія объ А. Д. Бестумева-Рюмина.
- 403. Стариннан сатира.
- 408. Графъ К. Е. Комаровскій.
- 417. Записка А. Г. Тройнициаго объ участи періодической литературы въ обсужденів и разрашеніи престыянскаго вопроса (1859).
- 428. Воспоминанія О. А. Оома.
- 453. Еще о перенесенія праха князи и графовъ Орловыхъ. Замътна графа А. В. Орлова-Давыдова:
- Всеподданнъйшее прошеніе философа Канта императрица Елисавета Петровиа (1758).

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи, на Страстионъ будьваръ. 1896.

АРХИВЪ КНЯЗЯ ВОРОНЦОВА.

Въ конторъ "Русскаго Архива" въ Москвъ на Ермодаевской Садовой, въ домъ 175-мъ, можно получать, по уменьшенной пънъ, 26 книгъ этого исторического изданія.

ГЛАВНОЕ СОДЕРЖАНІЕ "АРХИВА КНЯЗЯ ВОРОНЦОВА".

І. Личныя бумаги императрицы Елисаветы Петровны. Письма Шуваловыхъ, князя и княжны Кантемиръ, матери Екатерины Великой. Дъло о Шетарди. Снимки съ писемъ Елисаветы, княгини Іоанны Елисаве-

ты и князя Кантемира.

II. Бумаги гр. М. Л. Воронцова. Письма графа А. П. Бестужева-Рюмина. О Шетарди. Мивніе объ отношеніяхь Россіи къ Пруссіи. Переписка съ гр. Санти. Арестъ Ламберта. Письма гр. М. П. Бестужева-Рюмина. Перлюстрація писемъ касательно заговора маркиза Ботты. Бумаги барона Миника. Прошенія и письма его и Бирона. Письма С. К. Нарышкина, генерала Кейта. Письма и прошенія къ импер. Едисаветь.

Ш. Собственноручный служебный журналъ гр. М. Л. Ворондова. Письма О. Д. Бехтвева. Дъло Каржавина. Аресть Лестока, Бумаги Елисаветинской Конференціи. Письма Л. М. Бестужева-Рюмина къ барону I. А. Короу. Письма гр. Санти. Переписка съ графомъ А. Г. Головкинымъ.

IV. Мявнія графа Бестужева о принятіи Англійскихъ субсидій въ 1747 году. О Московскихъ пожарахъ. Переписка гр. Бестужева съ Апраксинымъ. Доклады графа Воронцова за 1758 годъ. Записка гр. Воронцова о Семильтней войнь. Дъло Лестока. Переписка съ графомъ К. Г. Разумовскимъ. Письма М. В. Ломоносова.

V. Бумаги графа А. Р. Воронцова. Автобіографическое показаніе. реписка съ гр. М. Л. Ворондовымъ. Письма княг. Дашковой. Письма А. Н. Радищева п Е. В. Рубановской. Разборъ сочиненія Радищева, написанный Екатериной Великой. Письма Вольтера.

VI. Бумаги гр. М. Л. Воронцова. Доклады коллегіи иностранных дёль (1744). Переписва съ О. Д. Бехтвевымъ, И. М. Шуваловымъ, съ глав-Семильтнюю нокомандующими ВЪ войну. Вантіе Берлина Русскими войсками. О Русскомъ войска въ 1757. Приложенъ планъ взятія Берлина

Русскими войсками.

VII. Доклады Елисаветь Петровив Коллегіи Иностранныхъ Дель (1746-1755). Рапортъ Костюрина о Русской арміи, дъйствовавшей противъ Пруссаковъ. О перемиріп съ Пруссіей. Дъло графа Тотлебена. Реляція фельдиаршала графа Бугурлина 21 Августа 1761 года. Проекть графа П. И. Шувалова о рекрутскихъ наборахъ. Ресврипты гр. Бутурлину. Елисаветы съ Тайная переписка Людовикомъ XV (1758). Доклады III. Переписка съ Ека-Herpy териною Второю. Замъчанія княг. Дашковой на книгу Рюдьера. Приложены портреть гр. М. Л. Воронцова и снимокъ съ письма.

VIII. Автобіографія графа С. Р. Воронцова. Переписка съ гр. О. В.

Ростопчинымъ (1791-1825).

ІХ. Письма графа С. Р. Воронцова къ брату. Съ гравированнымъ на стали портретомъ.

Х. Письма гр. С. Р. Воронцова къ брату и разнымъ лицамъ. Со

снимкомъ.

XI. Переписка графа С. Р. Воронцова съ гр. Н. П. Панинымъ и съ Н. Н. Новосильновымъ. Со снимкомъ.

ИЗЪ БУМАГЪ И ПЕРЕПИСКИ ГРАФА Н. П. ШЕРЕМЕТЕВА*).

Въ царствование Павла Петровича.

Графъ Николай Петровичъ Шереметевъ родился 28 Іюня 1751 года, въ царствованіе Елисаветы Петровны, у которой особенною милостью пользовалась мать его графиня Варвара Алексвевна, дочь государственнаго канцлера князя Л. М. Черкасскаго. Семи лътъ оть роду онъ лишился старшаго своего брата графа Порфирія (р. въ 1746 г.). Ему было 16 лъть, когда скончалась его мать, а черезъ полгода погибла сестра его, красавица графиня Анна Петровна, невъста графа Н. И. Панина, бывшан на семь лъть его старше. Ему осталась младщая сестра графиня Варвара Петровна (род. 1759), впосавдствии графиня Разумовская, которая и по возрасту, и по способностямъ своимъ не была ему подъ стать. Отрочество и молодость его протекли подъ властью отца его оберъ-камергера гр. Петра Борисовича, дъятельнаго домохозянна, который наблюдаль строгій порядокъ въ обстановив и двлахъ и пріумножаль свое состояніе. Кринимъ здоровьемъ графъ Николай Петровичь не отличался, и товарингь его по Лейденскому университету и Парижской жизни, князь А. Б. Куракциъ не разъ говорить про его болтвиенность (см. "Архивь Князя О. А. Куракина", т. VI). Въ Петербургв Шереметевскій домъ быль на мъств нынішняго дворца Веливаго Кинзи Михаила Ниволаевича, т. е. въ самой близости оть Зимняго дворпа, и графъ Николай Петровичъ съ дътства свосго посъщалъ Цесаревича Павла, который быль на три года моложе его лътами и который, какъ видно по Дневнику Порошина, очень любиль его. Ребенкомъ записанъ онъ былъ въ Преображенскій полкъ, но никогда не быль воиномъ и на славнаго дёда своего фельдмаршала походиль лишь душевнымъ благородствомъ и живымъ благочестіемъ. Можеть быть, ранція сердечныя утраты, при некръпкомъ тълесномъ сложени, вызвали въ немъ цъкоторую мечтательность. Онъ получиль отличное образование. Музыка и сценическое искусство не были для него барскою забавою. Ему было уже 37 леть, когда скончался отецъ его (30 Ноября 1788), и опъ сталъ первымъ богачомъ въ Россіи. Въ теченія восьми льть затымь служиль опъ сенаторомь въ Москвъ. Воцареніе Павла Петровича перепесло этого искренняго друга Музъ и мирныхъ удовольствій въ водовороть придворной жизни. Государь назначиль его своимъ

РУССВІЙ АРКИВЪ 1896.

^{*)} Ом. выше, стр. 189.

II. 20

оберъ-гофмаршаломъ, т. е. по нынвшиему министромъ двора. Можно судить, какъ, при тогдашнихъ быстрыхъ перемвнахъ, коронаціи и путешествіяхъ Павла Петровича по Россіи, трудна была эта должность, въ особенности для человъка, не знавшаго дотолъ мелочныхъ заботь и педовольно опытнаго въ житейскихъ дълахъ. Тъмъ не менъе онъ пробылъ оберъ-гофмаршаломъ около двухъ лътъ. Тутъ возникли у него новыя отношенія, выразивніяся между прочимъ въ нижеслъдующей перепискъ, которая сохранилась у роднаго его внука графа С. Д. Шереметева. П. Б.

Къ неизвъстному лицу.

25 Декабря 1796.

Милостивый государь мой Иванъ Романовичъ.

Для стола Его Императорскаго Величества присылаемы были Архангело-городскіе барашки и поеные молокомъ телита, то вслъдствіе высочайшей воли Его Императорскаго Величества прошу васъ всенокорнъйше, милостивый государь мой, приказать отыскать въ непродолжительномъ времени какъ хорошихъ молодыхъ барашковъ, такъ и поеныхъ телятъ, не болъе числомъ доселъ присылаемаго количества ко двору, дабы не сдълать ощутительнаго казнъ симъ приказомъ убытка противу прошедшихъ временъ. Все сіе предоставляю попеченію вашего превосходительства. Графъ III.

Къ графамъ Тизенгаузену и Віельгорскому.

1 Генваря 1797.

Милостивые государи мои графъ Иванъ Андреевичъ и графъ Юрій Михайловичъ.

По вчерашнему моему отзыву, изъявляя мое согласіе, прошу васъ всепокорнъйше войтить въ распоряженіе высочайше конфирмованнаго штата. Я увъренъ, что мысль ваша на положеніе онаго будеть согласна, сообразно теченію дълъ и конфирмированному штату. Я, конечно, не преминуль бы и самъ въ семъ случать раздълить вашъ трудъ, если бы не бользнь, мучившая меня, тому была причиною. Надъюсь также, что не оставите меня вашимъ увъдомленіемъ. Пребываю впрочемъ съ моимъ почтеніемъ. Гр. Ш.

Къ Кутайсову.

2 Генвари 1797.

Милостивый государь мой Иванъ Павловичъ.

Радъ бы душевно сдълать для васъ сіе, чтобы помъстить означеннаго Фирсова на просимое имъ мъсто; но такъ какъ по высочайше конфирмованному штату положенъ всего одинъ секретарь, который уже и опредъленъ; а между тъмъ гр. Віельгорскій испросиль высочай-

шее повельніе помъстить и другаго. Если можеть онъ выбрать какое либо иное мъсто, я душевно радъ просить объ немь и жалью очень, что не могу вамъ въ семъ случав выполнить вашей просьбы, пребывая впрочемъ съ моимъ почтеніемъ. Гр. III.

Приказъ.

5 Генваря 1797.

По случаю десятидневной моей бользни и по неизвъстности моего вывзда имъють придворной конторы секретари присылать ко мнъ черезь дневальныхъ конюховъ или кого нибудь другаго запечатанныя въ пакеть о всемъ производимомъ по оной дъламъ свъдъціи и дъла, слъдующія къ моему подписанію, дабы я могъ видъть теченіе дълъ; самимъ же секретарямъ кромъ дълъ, требующихъ объясненія, ко мнъ не ъздить, дабы чрезъ то не могли терять времени въ производствъ дълъ. О поданной же запискъ ст. сов. Головцынымъ съ приложеніемъ въдомостей по 15 должностямъ, я надъюсь, что уже о семъ сдълано подлежащее разсмотръніе, почему и доставить ко мнъ свъдъніе, какъ о сей суммъ 825.957 р. 25 ¾ к., которая числится остаточною въ закупленныхъ матеріалахъ, такъ и по мучной поставкъ за 1795 годъ.

О переданныхъ 65.955 р. л думаю, что (надо) имъть въ виду о сей передачъ положеніе, о чемъ и дать миъ свъдъніе, также и о томъ, что учиненъ ли разсчетъ съ нимъ Кариовымъ за прошлый 1796-й годъ, и иътъ ли передачи еще. О всемъ томъ и миогомъ меня увъдомить секретарю въ непродолжительномъ времени. Гр. III.

Къ графу Везбородкъ.

7 Гениаря 1797.

Милостивый государь графъ Александръ Андреевичъ.

Вслъдствіе отношенія моего къ в. с. отъ 4-го числа сего мъсяца касательно высочайшаго путешествія Его Императорскаго Величества въ Москву, будучи понуждаемъ со всъхъ сторонъ требованіемъ нужныхъ свъдъній каждому по своей части, болье тъмъ, что Его И. В. указать миъ соизволилъ отнестись о семъ къ в. с., дабы получить отъ васъ обстоятельное свъдъніе, то сіе самое ихъ и увърнетъ, что яко бы и уже имъю на сіе отзывъ отъ в. с.; въ разсужденіи чего и прошу васъ всепокорнъйше, м. г., не оставить своимъ благоскловнымъ о семъ извъщеніемъ. Гр. III.

7 Генваря 1797.

Его Императорское Величество всемилостивъйше указать соизволилъ, чтобы по особенной его высочайшей къ его превосходительству господину Аракчееву милости, а не по штату и не по состоящей его должности, опредёлить столь, какъ ему, такъ и его адъютантамъ 8-ми человъкамъ противъ стола, положеннаго для офицеровъ въ штатъ 1786 года. И сей Его И. В. указъ къ надлежащему исполненію придворной Конторъ объявляю.

Подписаль: графъ Віельгорскій.

Къ Ростопчину.

10 Генваря 1797.

Милостивый государь мой Өедөръ Васильевичъ.

Письмо в. пр-ва я имъть честь получить, въ коемъ вы изволите прописывать приказаніе Государя Императора вамъ о наборъ въ егери 30 человъкъ, и дабы я позволить в. пр-ву взять двухъ истопниковъ по ихъ желанію, коихъ я съ превеликимъ моимъ удовольствіемъ согласенъ отпустить. Пребываю и проч. Гр. Ш.

Къ Аракчееву.

14 Генваря 1797.

Милостивый государь мой Алексий Андреевичъ.

Его Императорское Величество высочайше указать соизволиль отправить курьеромъ по комиссіи въ Берлинъ и Лейпцигъ фельдъегеря Евстафія Штоса, которому нужно дать подорожную до тъхъ мъстъ. Гр. Ш.

Генваря 23 дня 1797.

Его Императорское Величество высочайше указать соизволиль, чтобы изъ числа положенныхъ по штату 12 гусаръ было только 8, а остальные 4 гайдуками. Каковый высочайшій указъ Придворной Конторъ и объявляю къ исполненію. Гр. Ш.

Къ графу Румянцову.

31 Гепваря 1797.

Милостивый государь мой графъ Николай Петровичъ.

Его Императорское Величество высочайне указать соизволиль, начертавъ собственною Его Величества рукою въ подносимыхъ отъ меня докладахъ касательно назначенія въ Придворную Контору суммъ по разнымъ статьямъ, не положеннымъ въ штатъ, въ томъ числѣ и о 150.000 рубл. на платежъ за поставку водокъ, медовъ и прочихъ ординарныхъ питей, отнестись о семъ къ в. с., также и о столахъ по прилагаемому при семъ реестру, кои Его Величество сверхъ штата указать соизволилъ производить, съ прибавленіемъ противъ штата 3-го класса получающимъ столы на каждую персону по 2 рубли, дабы в. с. на всю сумму объ отпускъ оной изъ суммы, положенной на содержаніе двора, въ Придворную Контору, изволили бы поднести

указъ къ подписанію Его В., равно и о сдёланіи примёрнаго штата ихъ императорскимъ высочествамъ великимъ княжнамъ съ назначеніемъ людей и ихъ содержанія, соображаясь со штатами дочери царствующаго, когда возмужаетъ и принца крови, полагая все на нихъ содержаніе изъ суммы же, положенной на содержаніе двора, до совершеннолітія ихъ высочествъ назначить число людей изъ онаго штата только нужное по теперешнимъ обстоятельствамъ, каковое высокомонаршее повелёніе сообщая в. с., честь имёю пребыть и пр. Гр. Ш.

Къ нему же.

31 Генваря 1797.

По высочайше конфирмованному штату положено отпускать по въдънію оберъ-гофмаршала на расходы по камерцалмейстерскому 60.000 р. въ годъ; а какъ теперь, по случаю (переъзда) высочайшаго двора въ Москву, многія вещи заказаны и требуютъ заплаты денегъ, то и прошу покорно в. с. объ отпускъ на сію треть 20.000 р. подъ росписку комиссара Дудина, дать повельніе придворной канцеляріи и когда назначите сей отпускъ суммы, то надъюсь, что не оставите извъщеніемъ меня, равно и о 25.000 р., назначенныхъ для вояжу Московскаго, которые намъ теперь крайне нужны на разныя мелочныя отправленія и другія надобности, отпускомъ коихъ премного одолжить изволите. Гр. III.

Къ нему же.

Генварь 1797.

Государынъ Императрицъ угодно, чтобы сдъланъ быль медъ бълый лимонный сахарный для питья, такой точно, каковой при покойной Государынъ былъ сдъланъ единожды и апробованъ ею.

Къ графу Зубову.

Генварь 1797.

Милостивый государь мой графъ Николай Александровичъ.

По волѣ Его Императорскаго Величества сообщилъ ко мнѣ господинъ Сартій, что потребны для 14 человѣкъ трубачей и одного литаврщика конскіе уборы, сѣдла и пр., также то, чтобъ обучить ихъ верхомъ, поелику они назначены въ церемоніалѣ верхомъ ѣхать, вслѣдствіе чего и прошу покорнѣйше в. с. приказать означеннымъ трубачамъ сдѣлать конскіе уборы со всею принадлежностью, такъ и обучать ихъ верхомъ ѣздить, для чего и можете ихъ истребовать отъ господина Сартія.

Къ Данаурову.

Генварь 1797.

Милостивый государь мой Михаилъ Ивановичъ.

Его Императорское Величество указать мив соизволиль отнестись къ в. пр-ву объ отпускв 16.000 рубл. изъ Кабинета на раздачу изъ экстраординарной военнымъ чинамъ, которымъ производились изъ конторы порціи, денежной, винной, годовой, по неположенію оной въ штатъ, дабы в. пр-во о семъ поднесли указъ къ подписанію Его Величества.

*

- 1 Февраля 1797 графъ Николай Петровичъ сообщаетъ въ Москву: «По всемилостивъйшему Его Императорскаго Величества благоизволенію возложенъ на меня орденъ св. Апостола Первозваннаго».
- Т. В. Шлыкова*) разсказывала подробности этого пожалованія, со словъ графа. По окончаніи доклада, когда графъ удалялся изъ царскаго кабинета и повернулся къ двери, Государь неожиданно догналъ его и перекинулъ ему черезъ плечо Андреевскую ленту.

Указъ нашей придворной канцеляріи.

Повельваемъ по въдънію нашего оберъ-гофмаршала на положенныхъ сверхъ штата при нашихъ камеръ-фрейлинъ Протасовой и фрейлинъ Нелидовой придворныхъ служителей, камеръ-лакеевъ 2, лакеевъ 6, истопниковъ 8, да въ дополненіе штата по двору нашему 8 помощниковъ мундшенскихъ, 12 камердинерскихъ, 4 конфетныхъ подмастерьевъ и 8 учениковъ, отпускать ежегодно имъ жалованье денежное и хлъбное, также и ливерею противу штата; да сверхъ того, на жалованье по прачешной и другимъ должностяхъ разнымъ служителямъ и служительницамъ по 6524 р. 65 к. изъ суммы трехъ милліоновъ, положенныхъ на содержаніе двора нашего. На подлинномъ: Павелъ.

Въ Спо. Февраля 1 дня 1797.

Къ оберъ-камергеру И. И. Шувалову.

8 Февраля 1797.

Милостивый государь мой Иванъ Ивановичъ.

Его Императорское Величество высочайшимъ указомъ соизволилъ, чтобъ, во время высочайшаго отсутствія двора въ Москву, камергеры двора ея высочества государыни великой княжны Александры Павловны имъли отправиться въ свить при ней.

^{*)} О пей, см. "Русскій Архивъ" 1889, І, стр. 506.

Къ князю Гагарину.

8 Февраля 1797.

Милостивый государь мой князь Сергъй Сергъевичъ.

Для будущаго высочайшаго Ихъ Императорскихъ Величествъ и Ихъ Императорскихъ высочествъ присутствія отправляется туда для ученія предварительныхъ по своей части распоряженій гофъ-фурьеръ Антопъ Граве съ командою, которому приказано явиться съ симъ письмомъ къ в. с., и прошу не оставить его зависящими отъ вашей стороны во всемъ пособіями, дабы въ порученномъ ему дѣлѣ не могло произойти какой остановки.

Къ графу Зубову.

10 Февраля 1797.

Милостивый государь мой графъ Николай Александровичъ.

Потребны фуры и коляски для отправленія нѣкоторыхъ вещей въ городъ Павловскъ, коихъ везти туда въ саняхъ нельзя, вслъдствіе чего и прошу покоривние в. с., по требованію вручителя сего господина камеръ-цалмейстера Кутузова, приказать потребное число отпустить, чъмъ одолжить изволите.

Февраля 12 дня 1797.

Государь Императоръ изволилъ приказать, дабы находящіеся при дворцъ при сервизной военные служители были обмундированы темнозелеными сертуками съ красными воротниками и имъли бы черные штиблеты суконные.

Подп.: генераль-мајоръ и кавалеръ Аракчеевъ.

Рескриптъ императора Павла графу Румянцову.

Спб. Февраля 14 двя 1757.

Графъ Николай Петровичъ.

Прилагая при семъ списки, поднесенные намъ отъ оберъ-гоомаршала графа Шереметева о разныхъ чинахъ и служителяхъ, состоящихъ при дворцахъ и придворныхъ церквахъ, кои получали содержаніе отъ Придворной Конторы, а съ состояніемъ оной конторы стата въ оной не вошли, повелѣваемъ слѣдующую по тѣмъ статьямъ сумму, всего въ годъ по 74.719 р. 89½ коп., равно какъ провіантъ и мундиры, сколько того и другаго по онымъ спискамъ куда означено, съ нынѣшняго 1797 года впредъ до указу, пока о всѣхъ тѣхъ чинахъ и мѣстахъ распредъленіе учинено будетъ, отпускать изъ придворной канцеляріи. Пребываемъ впрочемъ вамъ благосклонны.

На подлинномъ: Павелъ.

При высочайшемъ семъ указъ отмъчается: гардеробмейстеру Кутайсову жалованья 1.500 р., г-ну Бартиянскому столовыхъ 1.000 р., 4 нарикмахерамъ жалованья 1.600 р.

Къ Данаурову.

16 Февраля 1797.

Милостивый государь мой Михаилъ Ивановичъ.

Его Императорское Величество высочайше указать соизволиль истребовать отъ Кабинста: во что обошлась богатая статсъ-ливрея, сдъланная для всего двора въ 1792 году, вообще и порознь по званіямъ на каждаго человъка, для донесенія Его Величеству завтрашній день, о чемъ сообщаю высокомонаршее повельніе.

*

15 Февраля 1797 г. Н. П. пишеть въ Москву и торопить приготовленіями въ Останкинскомъ домъ. «На Святой недълъ должно все поспъть; я думаю дней черезъ пять отсюда отправиться; жаль, когда не поспъешь и тъмъ помъщаещь мнъ принять дорогаго гостя, который третьяго дня быль у мепя отмънно милостивъ и очень весель, слушаль концерть и очень хвалиль и Парашъ пожаловаль перстень. Однимъ словомъ сказать, что милости его неисчетныя».

Прасковья Ивановна Ковалевская съ семилътняго возраста воспитывалась въ домъ графа Петра Борисовича Шереметева подъ руководствомъ княгини Мароы Михайловны Долгоруковой. О ея жизни и о своемъ бракъ съ нею Николай Петровичъ говоритъ въ завъщательномъ письмъ къ сыну своему графу Дмитрію Николаевичу, преисполненномъ высокаго христіанскаго чувства и глубоко-умилительномъ.

Придворной Конторъ.

Февраля 17 дня 1797.

Его Императорское Величество высочайше указать соизволиль, чтобы въ первую и страстную недъли Великаго поста при высочайшемъ Его Величества дворъ ни для кого отпуску мясныхъ припасовъ не было.

И сей Его Императорскаго Величества высочайшій указъ Придворной Конторт объявляю ко исполненію. Графъ Шереметевъ.

Къ оберъ-камергеру И. И. Шувалову.

17 Февраля 1797.

Милостивый государь мой Иванъ Ивановичъ.

По волъ Его Императорскаго Величества опредълены въ пажи трое по фамиліи Мацкевичи, коимъ не даютъ мъста въ корпусъжить; но какъ о семъ проситъ меня генералъ-маіоръ Аракчеевъ, дабы они были помъщены, вслъдствіе чего покорно прошу в. высокопр-во сдълать мнъ въ одолженіе означенныхъ пажей приказать помъстить.

Къ А. Ю. Нелединскому-Мелецкому *).

17 Февраля 1797.

Милостивый государь мой Александръ Юрьевичъ.

Я имълъ счастіе сегодняшній депь поднести Его Императорскому Величеству указъ для подписанія касательно произвожденія получаемаго вами пансіона по неположенной суммъ въ Придворной Конторъ изъ остаточнаго казпачейства, каковой высочайшій указъ и препровожденъ къ А. И. Васильеву. Я душевно радуюсь, что Его Величество оный такъ охотно подписалъ.

Къ графу Салтыкову.

18 Февраля 1797.

Милостивый государь мой Николай Ивановичъ.

За письмо в. с. отъ 16-го Ноября и за поздравленія меня съ монаршею милостію, принеся мою покорнъйшую благодарность, имъю честь увъдомить вась, что я на сихъ дняхъ удостоился получить и другую отъ Государя милость, т. е. орденъ св. Андрея, а въ прошедшую Субботу имълъ счастіе принять у себя въ домъ Его Императорское Величество со всею императорской фамиліею. Гр. Ш.

Приказъ изъ Придворной Конторы.

По случаю высочайшаго изъ С.-Петербурга въ Москву шествія отправиться вамъ и съ вами и ученику Василью Иванову въ Петербургъ и въ Москву, куда въ пробздъ всв состоящіе по Московскому тракту дворцы и при нихъ должности осмотрѣть въ наилучнемъ порядкѣ, и если въ чемъ либо окажется недостатокъ и нужно поправить, починить или вновь сдѣлать, требовать отъ опредѣленныхъ надъ тѣми дворцами начальниковъ и контору немедленно увѣдомлять; осмотря въ дворцахъ или гдѣ высочайшее въ пути пребываніе будеть, вамъ, вплоть до самой Москвы, и по пріѣздѣ явиться къ управляющему гофъ-штабъ-квартирмейстерской должности камеръ-фурьеру г∙ну Волкодаву или на дорогѣ къ г-ну оберъ-гофмаршалу и о всемъ нужномъ донести, и потомъ, ни мало мѣшкавъ, отправиться обратно съ донесеніемъ въ С.-Петербургъ; а на съѣздъ вт Москву и обратно до С.-Петербурга вамъ отъ придворнаго казначейства прогоновъ 93 р. 36 к. Графъ Шереметевъ. Секретарь Николай Смирновъ. № 659.

Февраля 1797.

^{*)} Отлу стихотворна. П. Б.

Рескрипты къ графу Румянцову.

Спб., 20 Февраля 1797.

Графъ Николай Петровичъ.

Разсмотръвъ поднесенный намъ отъ васъ списокъ ливрейныхъ служителей тъхъ, кои остались излишними по новому штату нашего двора, повелъваемъ оставить изъ нихъ при комнатахъ: камеръ-лакеевъ двухъ, лакеевъ 17 и истопниковъ 35 тъхъ, кои по усмотрънію вашему найдутся достойными оставлены быть при дворъ нашемъ, производя имъ денежное и хлъбное жалованье, такъ какъ и ливерею, изъ суммы, опредъленной на содержаніе двора нашего; съ прочими же затъмъ остающимися поступить на основаніи указа, даннаго отъ насъ государственному казначею Васильеву Генваря 14 дня сего года. На подлинномъ: Павелъ.

20 Февраля 1797.

Графъ Николай Петровичъ!

Для удобнъйшаго управленія по должности камеръ-цалмейстерской, въ въдъніе ваше поступившей, прибавя нъкоторыхъ нужныхъ для нея людей и сочиня онымъ штатъ, при семъ препровождаемъ его для пріобщенія къ общему двора нашего штату; а при томъ повелъваемъ:

Первое. Всъ хранящієся нынъ въ казенныхъ по камеръ-цалмейстерской должности кладовыхъ гардеробы государей императоровъ и другихъ особъ, также серебро и разныя ръдкости, разобравъ по сортамъ, представить намъ, дабы можно было отдать подъ сохраненіе въ тъ мъста, до которыхъ они принадлежатъ.

Второс. Исправленіе мебелей и храненіе оныхъ по дворамъ любезныхъ нашихъ дѣтей великихъ князей Александра Павловича и Константина Павловича предоставить на попеченіе ихъ гофмаршаловъ и изъ тѣхъ самыхъ суммъ, которыя опредѣлено отпускать для содержанія оныхъ дворовъ, не заимствуя болѣе суммы, въ вѣдѣніе ваше отпускаемой.

Tpemie. Всъ мебели и вещи, по загороднымъ дворцамъ находящіяся, отдать подъ присмотръ капитановъ замковъ и ихъ болъе камеръ-цалмейстерской должности подъ своимъ присмотромъ не имъть.

На подлинномъ: Павелъ.

Указъ нашей придворной канцеляріи.

Февраля 20-го дия 1797.

Находящимся при любезныхъ нашихъ дочеряхъ ведикихъ княжнахъ Александръ Павловиъ, Маріи Павловиъ и Екатеринъ Павловиъ двумъ Инвейцаркамъ, мадамъ Роть и мамзелъ Менцеллъ, да дъвицъ Алединской, которыя по новому штату двора нашего не вошли въ штатное положение и не получаютъ отпущаемыхъ прочимъ на приборы и свъчи деньги, повелъваемъ отпускать каждой по 60 р. въ мъсяцъ изъ суммы, опредъленной на содержание двора нашего. На подлинномъ: Павелъ.

Указъ нашей придворной канцеляріи.

Февраля 20-го дня 1797. Спб.

Опредъляя учредить при главномъ нашемъ домѣ особую пожарную команду, повелѣваемъ въ оной быть одному интенданту въ чинѣ коллежскаго ассесора и двумъ его помощникамъ въ чинѣ провинціальныхъ секретарей, да урядникамъ 8 и пожарнымъ 122 человѣкамъ, назначая на содержаніе ихъ въ годъ по исчисленію намъ представленному по 6.300 р. изъ суммъ, отпускаемыхъ на содержаніе двора нашего, ради чего всѣхъ присланныхъ для сей надобности отъ коменданта здѣшней крѣпости генералъ-лейтенанта Вязмитинова чиновъ переименовать ихъ сими чинами, которымъ впредъ и произвожденіе имѣть по гражданской службѣ. На подлинномъ: Павелъ.

Въ С.-Петербургъ, Февраля 22 дня 1797.

Гардеробъ-мейстеръ Кутайсовъ представляетъ на положенное по штату мъсто севретаря при комнатъ по въдомству его находящагося при казенномъ гардеробъ титулярнаго совътника Дружинина. А какъ оный отправляетъ уже сио должность съ Декабря прошлаго 1796 года, то просить объ опредълении ему по штату положеннаго жалованья съ 1-го Генваря сего года. На подлинномъ: Павелъ.

Нашему Кабинету.

На украшенія нъкоторыхъ комнать въ главномъ нашемъ домъ, препорученныя надзиранію нашего оберъ-гофмаршала, повельваемъ отпустить помянутому оберъ-гофмаршалу на первый случай 12.000 рублей изъ суммы Кабпнета нашего. На подлинномъ: Павелъ.

22-го Февраля 1797.

Указъ А. И. Васильеву.

Алексъй Ивановичъ. По случаю отсутствія нашего въ престольный градъ Москву къ отпущеннымъ въ придворную канцелярію по въдънію нашего оберъ-гофмаршала 25.000 рублей повелъваемъ отпустить еще 5.000 рублей въ распоряженіе его же изъ суммы, принадлежащей остаточному казначейству. На подлинномъ: Павелъ.

Передъ самымъ отъвздомъ на коронацію изъ Петербурга въ Москву, 28 Февраля 1797 года, записано графомъ Н. П. Шереметевымъ такое распоряженіе императора Павла:

«Его Императорское Величество высочайше указать соизволиль находящуюся при Его Императорскомъ Высочествъ Великомъ Князъ Николат Павловичъ кормилицу отмънить и отъ двора уволить *), а остальнымъ при Его Высочествъ, одной Англичанкъ и одной камермедхенъ, на содержаніе за столъ довольствоваться: первой по 4, а послъдней по 3 рубля каждый день».

Подписалъ графъ Тизенгаузенъ.

Придворной канцеляріи.

Находя нужными нъкоторыя измъненія въ издержкахъ по двору нашему столовыхъ припасовъ, питей и прочаго въ разсужденіи нашего здъсь пребыванія, позволяемъ оберъ-гофмаршалу графу Шереметеву дълать поверхъ нарядовъ и при окончаніи года тому оберъ-гофмаршалу, сдълавъ исчисленіе о всъхъ издержкахъ, представить намъ, какою суммою дворъ навсегда довольствованъ быть можетъ.

На подлинномъ: Павелъ.

Въ Москвъ Апръля 3 для 1797.

Домовой моей канцеляріи.

На сихъ дняхъ ъдетъ изъ Петербурга въ Москву княгиня Елена Никитична Вяземская, которая остановится въ Талицкомъ домъ моемъ, почему и предписываю оной для нея приготовить заблаговременно, также если когда вздумаетъ поъхать въ Кусково или Останкино—допущать и доставлять по временамъ пристойное число фруктовъ, стараясь при томъ во всемъ нужномъ дълать всякое вспомоществование и угодное ей. Гр. Н. III.

23 Апръля 1797.

*

Іюня 2-го дип 1797. Павловскъ.

Его Императорское Величество высочайше указать соизволиль, чтобъ на всемъ высочайшемъ столъ была посуда стеклянная, позолоченная, а другой совсъмъ бы не было. И сей Его Императорскаго Величества высочайшій указъ Придворной Конторъ объявленъ ко исполненію. Графъ Віельгорскій.

Іюня 4-го дия 1797, въ Павловскомъ.

Какъ сего Іюня 3-го дия въдомства Придворной Конторы кихеншрейберъ Алексъй Самсоновъ при въъздъ въ городъ Павловскъ, на за-

^{*)} Стало быть, Николай Павловичъ кормился грудью только 8 мисяцевъ. П. Б.

ставъ, при спросъ: что онъ за человъкъ? объявилъ, что онъ поручикъ, Его Императорское Величество высочайше указать соизволилъ, чтобъ отнынъ впредъ никогда придворные чины себя такъ не именовали и не сказывали бы, а объявляли всегда тотъ чинъ, какимъ кто при высочайшемъ дворъ служитъ, о чемъ всъмъ имъ и объявить. Графъ Віельгорскій.

Къ И. И. Шувалову.

5 Іюля 1797.

Милостивый государь мой Иванъ Ивановичъ.

По дружескому ко мив расположенію вашему, будучи уввренъ въ томъ участіи, которое принимаете вы во всемъ, что до меня касается, а при томъ и за новость посылаю къ в. пр-ву копію съ имяннаго Его Императорскаго Величества указа, который удостоился я на сей день получить, исполняя съ истиннымъ усердіемъ службу мою и стараясь во всей силѣ и по возможности моей дѣлать угодное Его Императорскому Величеству. В. пр-во посудить можете, сколь дорого для меня таковое благоволеніе монаршее. Гр. III.

Къ князю Долгорукову*).

9 Iman 1797.

Милостивый государь князь Иванъ Алексфевичъ.

За скорымъ отъёздомъ моимъ изъ Москвы не успёлъ я проститься съ вами; а притомъ вы знаете, что я всегда убъгаю прощанья съ такими людьми, которыхъ люблю душевно, дабы избавиться той непріятности, которая при всякомъ разставаніи съ объихъ сторонъ встрѣчается. Я, будучи увѣренъ въ принимаемомъ участіи при всякомъ случаѣ что до меня принадлежить, посылаю вамъ за новость копію съ высочайшаго благоволенія, которое удостоился я на сихъ дняхъ получить, надъяся, что и вы обще со мною сему порадуетесь. Гр. III.

Къ неизвъстному лицу.

Monsieur le comte.

J'ai eu l'honneur de recevoir votre lettre et je suis mortifié de vous avoir fait penser un instant comme quoi j'avais envie de vous priver d'un sujet qui vous convient et qui vous est nécessaire.

Pour ma justification je dois dire à votre excellence que Sa Majesté Impériale connaît Guéronant. De jour qu'il m'a honoré de sa présence, ce même homme y apprêtait le souper. Et une autre circonstance, qui m'a fait penser à cet homme, est que mon valet de chambre m'a assuré d'avoir entendu que Guéronant ne vous accompagnait pas.

^{*)} Внуку графа Михаила Борисовича Шереметева.

Je me flatte que v. e. voudrez bien me rendre justice et d'être persuadé que, bien loin de désirer de vous procurer le moindre déplaisir, je suis toujours empressé à conserver votre amitié si précieuse pour moi.

J'ai l'honneur d'être avec la considération la plus distinguée, monsieur le comte, de v. e. c. N. C.

18 Juillet 1797.

(Не въ кому ли нибудь изъ свиты Польскаго короля?)

Отъ Д. П. Трощинскаго.

Милостивъйшій государь графъ Николай Петровичь!

Я два раза уже имътъ честь лично просить ваше сіятельство о доставленіи миж по высочайшему повелжнію новаго придворнаго штата и свъдънія на что именно употребляются отпущенные къ вамъ на гофъинтендантскую часть 41.388 рублей; но, не получа ни того ни другаго и опасаясь непріятности, когда діло настоять будеть до вопроса, почему не исполнено высочайше данное мит приказаніе, побужденъ еще разъ напомнить о томъ вашему сіятельству и вмъсть съ тьмъ сообщить вамъ волю Государя Императора, о которой я также лично объявляль вамъ чтобъ отнынъ впредъ штаты всъмъ придворнымъ служителямъ содержаны были въ исправности и чтобы не было того, что при разсмотрении сверхштатныхъ придворныхъ служителей, что въ спискъ подапномъ отъ вашего сіятельства показанъ, между прочимъ, лакей Александръ Внуковъ, по его уже восемнадцать лёть при дворй нёть и о которомъ Е. И. В. новельть мив истребовать отъ Придворной Конторы свъдение, кому выдавалось витсто его жалованье и кто въ пріемт онаго расписывался, а ежели выдаваемо не было, то гдв оная сумма осталась, о чемъ и буду ожидать вашего увъдомленія, пребывая впрочемъ и пр.

Дмитрій Трощинскій.

Петергооъ, 21-го Іюля 1797.

Придворной Конторв.

Гатчина, 25 Августа 1797.

Господинъ оберъ-гардеробмейстеръ 4-го класса Кутайсовъ объявилъ мнѣ, что Его Императорское Величество высочайше указать соизволилъ находящемуся при Его Величествъ берейтеру Витту производить съ 21-го числа минувшаго Іюля мѣсяца на столъ по четыре рубли въ день, получая отъ придворной канцеляріи. И сей Его Императорскаго Величества высочайшій указъ Придворной Конторъ объявляю къ исполненію. Графъ Николай Шереметевъ.

На докладъ о производствъ актерамъ столовыхъ денегъ послъдовала высочайшая резолюція:

«Столовыхъ денегъ не давать, да и выданныя безъ высочайшаго повельнія и въ счеть казеннаго расхода не пріемлются, впредъ же запрещается подобные расходы дълать безъ докладу Его И. В.».

Въ Гатчинъ, Сентября 2 дня 1797.

Указъ нашей Придворной Конторъ.

По прошенію находящагося двора нашего при пажахъ гофмейстеромъ маіора Шевалье-де-Вильно, уволивъ сго за старостію и бользнями отъ сей должности, повельваемъ быть гофмейстеромъ надъпажами Сухопутнаго Кадетскаго Корпуса поручику Литвинову съ жалованьемъ по штату положеннымъ, а дирекцію надъ пажами и корпусомъ имъть генералъ-маіору отъ артиллерія Шапошпикову, который жалованье по чину его будетъ получать изъ нашего Кабинста.

На подлинномъ: Павелъ.

Въ Гатчинъ, Сентября 13 для 1797.

Къ неизвестному лицу.

17 Сентября 1797.

Милостивая государыня моя Анна Александровна.

Буду я въ готовности, во исполнение воли монаршей, возвратиться опять въ Гатчину и помъщаться въ тъхъ покояхъ, отъ которыхъ уже немало потерпълъ по той причинъ, что къ одной стъпъ пришли кухия и страшные очаги, горящіе почти день и ночь, нагръвають ствну такъ сильно, что тотъ одинъ покой, въ которомъ я помещаюсь, столько всегда жарокъ, что нътъ способу въ немъ жить и здоровому человъку, не только мнв, ослабвающему отъ сильнаго гемороидальнаго теченія, для коего и не столь сильный жаръ совершенно дёлается вреднымъ. Представьте же къ тому и нынъшнія холодныя ночи, при которыхъ не можно отворять окошекъ. Я, будучи увъренъ въ дружественномъ расположеніи ко мив в. пр-ва, ищу чрезъ васъ уже протекціи у Петра Христофоровича и надъюсь, что вы, милостивая государыня моя, пожалвете о здоровьи моемъ и испросите мив какъ нибудь два или три покоя, хотя небольшіе, чтобы я могь только изб'ягнуть столь вреднаго для меня зною. Повърьте миъ, что не ищу лучшихъ покоевъ, но только такихъ, гдъ бы могъ имъть хоть малое убъжище по моей бользни, чъмъ чувствительно обяжете того, который съ совершенной благодарностью и искреннимъ почтеніемъ пребудеть навсегда и пр.

Р. S. Петру Христофоровичу свидътельствую мое почтеніе и васъ покорнъйше прошу сдълать совершенное одолженіе въ приказаніи, перемънить мнъ покои. Вы не только что обяжете меня благодарностью, но и спасете мое слабое здоровье и за то будете два въка жить, чего искренно желаю.

Указъ нашей придворной канцеляріи.

Препровождая при семъ въ оригиналѣ доклады, поданные намъ отъ дъйств. тайн. сов. князя Юсупова, повелъваемъ все потребное для содержанія Эрмитажа нашего въ порядкъ и чистотъ, равнымъ образомъ и все то, что и прежде отпускалось для находящихся въ ономъ какъ людей, такъ птицъ и звърьевъ, отпускать и нынъ изъ придворной нашей канцеляріи безостановочно, держа сему расходу, яко въ штатъ не положенному, особливое исчисленіе, которое памъ по окончаніи каждаго года представить на усмотръніе. На подлинномъ: Павелъ.

Въ Гатчинъ, Сентября 29 для 1797.

При семъ докладъ списки звърьямъ, птицамъ и счисленіе сколько для иныхъ чего потребно.

Рескриптъ графу Віельгорскому.

Октября 4-го, въ Гатчинъ (1797).

Господинъ гофмаршалъ графъ Віельгорскій.

Все то, что по штату двора нашего и по особо даннымъ отъ насъ указамъ предписано въ должность оберъ-гофмаршала, по случаю бользии нынъшняго оберъ-гофмаршала графа Шереметева и въ отсутстви его, предоставляемъ исполнять вамъ, надъясь, что вы во всемъ томъ, а наипаче въ сбережени казны нашей, должное радъние и попечение имъть не упустите. Впрочемъ пребываемъ вамъ благосклонный На подлинномъ: Павелъ.

Приказъ слугъ.

18 Октября 1797.

Иванъ Чистой! Для убору въ Смольномъ монастыръ уборнаго покоя отпусти подъ росписку г-на Герасимова матеріи бълой съ голубыми разводами такой, какою убранъ у меня въ Фонтанномъ домъ гостинной покой; потребное число и сколько отпущено будетъ, меня увъдомить. Гр. Николай Шереметевъ.

Придворной конторъ.

Нонбря 30-го дия 1797.

Господинъ оберъ-гардеробмейстеръ 4-го класса Кутайсовъ объявилъ мнѣ, что Его Императорское Величество высочайше указать со-изволилъ фарфоровый Андреевскій сервизъ не мѣшать съ Андреевскимъ Гарднеровскимъ сервизомъ, сдѣланнымъ въ Москвѣ; а что къ оному Саксонскому сервизу будеть недоставать, то добавлять изъ луч-

шихъ сервизовъ. Каковой Его Императорскаго Величества высочайшій указъ Придворной Конторъ объявляю къ исполненію. Графъ Николай Шереметевъ.

Отъ П. С. Валуева,

11 Декабря 1797.

Милостивый государь графъ Николай Петровичъ.

За приглашеніе къ объду, которымъ я надъюсь пользоваться, всепокорнъйше благодарю; а между тъмъ напоминаю, что канунъ праздниковъ, и по сіе время повъстки нътъ; того ради берегитесь, чтобъ не опоздать. Я затъмъ не поъхаль въ Сенатъ, что ожидаю оную отъ васъ, дабы имъть время сего утра разослать оную, куда слъдуетъ. Ради Христа постарайтесь о томъ поскоръе. Я пребываю съ должною преданностью и пр. Петръ Валуевъ.

Отъ князя П. В. Урусова.

Сіятельный графъ милостивый государь.

Приношу в. с. милостивому государю всенижайшую мою благодариость за присланную жизненцую эссенцію, которую я получиль 4-го числа сего мъсяца; а тъмъ паче чувствую в. с. ко миъ милость, что я оную получиль, когда уже у меня последняя склянка окончилась. Моя княгиня въ крайнемъ мученіи; вчерась у меня быль консиліумъ, и доктора предписали ей продолжать оную эссенцію, а притомъ мъшать въ оную капли, которыя они написали. Дней съ 10 назадъ былъ у меня вашъ управитель и сказываль, что изволите писать, чтобъ поискать сфраго Датскаго жеребда для заводу, то я у многихъ охотпиковъ спрашиваль; но какъ оныя породы уже давно оставлены, и только и можно найти Датской породы у графа Кирилы Григорьевича Разумовскаго, туть только они ведутся, то не знаю, найдется ли въ продажу сфрый. Объ ономъ я постараюсь узнать и увъдомлю. Я видъль во сив, что в. с. прівхали въ Москву. Дай Боже, чтобы оное случилось въ скоромъ времени на яву, чтобы въ моей горести единственная была отрада. Князь Петръ Урусовъ.

8 Апрыя 1798.

Отъ графа В. А. Зубова.

Милостивый государь мой графъ Николай Петровичъ.

Подноситель сего прежде служившій при дворѣ Арапъ, коего желаніс есть оставить здѣшній городъ, почему и прошу ваше сіятельство снабдить его пашпортомъ. Такъ какъ сіе совершенно зависить отъ васъ, почему смѣю надѣяться, что для меня сего ему пособія сдѣлать не откажете. Пребуду навсегда и пр. Графъ Валеріанъ Зубовъ.

18 Апраля 1798.

IL 21

РУССВІЙ АРЖИВЪ 1896.

Рескриптъ Государя.

Графъ Николай Петровичъ. Крайне пріемля участіе въ здоровь вашемъ, ласкаюсь видъть поправленіе онаго, а между тъмъ, желая васъ сохранить при себъ, прошу васъ и, считая на вашу ко миъ привязанность, несомивнио надъюсь, что вы не откажетесь и въ тягость себъ не поставите остаться при нынъшнемъ вашемъ мъстъ, сдълавъ симъ и особливое миъ удовольствіе. Будьте увърены съ моей стороны о непремънномъ моемъ къ вамъ благоволеніи, съ которымъ пребуду вамъ доброжелательный Павелъ.

Въ Павловскъ, Апръля 24 дня 1798.

Во время постигшей графа Николая Петровича тяжкой бользии, его посыщаль императоръ Павель. Больной выдержаль мучительную операцію. «Трудно описать», сообщаль онъ сестръ своей, графинъ Варваръ Петровнъ Разумовской, «или совсьмъ невозможно: домъ быль какъ внъ себя, на людей жалко было глядъть; ръзали шесть разъ. На Бога надежда не бываетъ никогда тщетна, и при семъ мучительномъ случать послано отъ Всевышняго утъщеніе: нбо Государь оказать изволиль великое въ бользии сей участіе, всякій день посылаетъ по два раза освъдомляться и, наконецъ, сей день осчастливить изволиль своимъ постщеніемъ; сидълъ у постели моей. Я хотя довольно слабъ, но благодарное мое сердце ничего не потеряло. Государь держалъ меня за руку, обнималь, поздравляя съ благополучнымъ окопчаніемъ, и и обливался радостными слезами. Государыня также очень о бользни сожальетъ и всякій день освъдомляется».

О томъ же посъщени онъ писалъ князю Лопухину. «Сегодня, сверхъ чаянія, удостоился я высокомонаршаго посъщенія. Пока здоровье позволить самому повергнуть къ стопамъ его благодарнъйшее сердце мое, усерднъйше прошу изъяснить при случать всю благодарность, которую ощущають преискреннъйшія чувства мои».

Въ другой разъ, во время бользии графа, когда прислуга сидъла въ сосъдней комиатъ, откуда вела дверь на черную лъстницу, дверь эта, къ великому изумленію всъхъ, тихонько отворилась, и изъ-за нея появилась голова императора Павла. Прислуга встрепенулась, но Государь пригрозилъ пальцемъ, чтобы не шумъли и, освъдомившись о положеніи больнаго, тотчасъ удалился. (Со словъ графа Д. Н. Шереметева и Т. В. Шлыковой).

Отъ княгини Репниной.

Князь Николай Васильевичь поручиль мив доставить къ вашему сіятельству 50 бутылокъ сладкаго вина (vin de lunelle) для поднесенія Ея Императорскому Величеству Государынъ Императрицъ. Исполняя данное мив порученіе, пребываю съ истиннымъ и должнымъ моимъ почтеніемъ вашего сіятельства покорная слуга княгиня Наталья Репнина.

22 Априля 1798.

Къ Д. П. Трощинскому.

Милостивый государь мой Дмитрій Прокофьевичь.

Благосклоннъйшее расположение в. пр. подаетъ мнъ смълость ввърить еще дружественному свъдънію вашему обстоятельства, которыя изъ прилагаемой здъсь записки усмотръть изволите.

Прибавки сверхъ получаемыхъ денегъ отъ стола и прочія требованія по комнатамъ питей и приборовъ начались еще съ самаго того времени, когда въ прошломъ году графъ Віельгорскій неожиданнымъ образомъ вступился въ распоряженія моей части, ибо до того времени держался я точно штатнаго положенія и никакъ изъ него не выходиль. Когда же послъ вступиль я опять въ правление должности, то, нашедъ тъ излишки, не могъ уже оные пресвчь, чрезъ что навлекъ бы я только совершенно на себя неудовольствіе всего двора; а что и болве рышило меня оставить сіе въ такомъ положеніи, то ощутительный опыть: ибо, когда я не выходиль за границы штата, то получиль не только неудовольствіе всёхъ, но и высочайшее замічаніе, несоотвътственное моему ожиданію, было мав весьма ощутительно. Почему покорнъйше прошу не оставить меня дружескимъ замъчаніемъ вашимъ, что мнъ въ таковыхъ обстоятельствахъ дълать: оставить ли какъ оное есть, или искать средства прекратить излишки и доводить въ прежнее положение? Я столько уже привыкъ чтить дружбу вашу, что основательнъйшимъ правиломъ поставляю совъть вашъ. Пребываю всегда съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданлостію гр. Н. III.

Къ сему приложена записка «О нужныхъ къ замъчанию частяхъ». 7 мая 1798.

Отъ графини А. М. Матюшкиной.

Милостивый государь мой графъ Николай Петровичъ.

Покорнъйше прошу в. с. дать миъ свъдъніе, что какъ слъдуеть выдавать жалованья тъмъ двумъ фрейлинамъ графинямъ Салтыковымъ, которыя въ Москвъ, такъ же какъ и прежде сего, за всю треть года, или выдать имъ по разсчету по то самое число, по которое онъ от-

пущены. И если имъ выдать по разсчету, то слёдовательно на м'єсто ихъ, въ число двънадцати фрейлинъ, должны будутъ поступать старшія двъ фрейлины. О чемъ и прошу в. с. взять на себя сей трудъ меня увъдомить.

Ежели же я осмъливаюсь трудить и безпокоить васъ моею просьбой, если вы не будете жить на своей дачъ, то не отдадите ли мнъ ее помъсячно въ наймы, которую я бы охотно у васъ наняла, о чемъ такожъ покорно прошу в. с. меня увъдомить. Впрочемъ пребуду в. с. милостиваго государя моего покорная услужница графиня Анца Матюшкина.

10 Мая 1798.

Отъ князя А. Б. Куракина.

Мая 11-го 1798 г.

Почитая всегда пріятнымъ исполнять желанія в. с., не оставилъ я приказать по письму вашему отъ 9-го Мая, которымъ ходатайствуете за игумена Устюжскаго Николаевскаго монастыря сдёлать въ Коллегіи Иностранныхъ Дёлъ выправку. Изъ приложенной у сего оной копіи усмотрите вы, что Коллегія ничего въ пользу его сдёлать не можеть, и долженъ онъ въ семъ случай обратиться въ Св. Синодъ. Князь Александръ Куракинъ.

Къ митрополиту Платону.

Высокопреосвященнъйшій владыко, милостивый государь мой.

Находящаяся на Черкасскомъ моемъ огородъ съ давняго времени деревянная церковь пришла уже въ совершенную ветхость, а при томъ бывшій при оной священникъ скончался, почему вся утварь, ризница и деньги находятся еще въ той церкви; а какъ между тъмъ съ благословенія вашего высокопреосвященства строющаяся на томъ же мъсть въ новозаводимомъ моемъ шпитальномъ корпусь церковь приходить уже къ окончанію, почему и осміливаюсь я трудить васъ, моего милостиваго архипастыря, всеповорнейшею просьбою приказать всю имъющуюся въ томъ обвътшаломъ храмъ утварь освидътельствовать и по описи препроводить въ сохранение дому моего приставниковъ или, по освидътельствовании, запечатать въ томъ храмъ. Когда же церковь будеть совствъ отдълана, дать благословение ваше на пренесеніе въ оную той утвари и ризницы въ дополненіе къ той, которую я отъ усердія своего соділаю, чімъ чувствительное миз одолженіе явить изволите. Предая впрочемъ себя въ архипастырскія молитвы ваши, остаюсь съ испреннвишимъ почитаниемъ и совершенной преданностью.

Іюня 6-го дня 1798.

Отъ митрополита Платона

Сіятельнъйшій графъ Николай Петровичъ, милостивый государь.

Относительно писанія вашего сіятельства я объщаюсь все ваше требованіе исполнить, только благоволите прислать формальное прошеніе, чтобы прежнюю приходскую Ксеніевскую церковь, яко ветхую, разобрать и перенести оную въ новостроющійся домъ съ оставленіемъ именоваться ей по прежнему приходскою и назначивъ пристойное содержаніе священнику съ двумя церковниками. Утварь же и ризницу описать и хранить, гдъ пристойно, предоставлено разсужденію вашему. За симъ, при желаніи благословенія Божія, съ истиннымъ моимъ почтеніемъ пребываю вашего сіятельства, милостиваго государя, усерднъйшій богомолецъ и слуга Платонъ митрополить Московскій.

1798 г. Іюпи 21-го дия, Висанія.

Въ прошеніи своемъ графъ Шереметевъ писаль: «Изъ усердія своего состроиль каменнаго зданія шпиталь, въ коемъ расположился содержать разнаго званія бідныхъ и увічныхъ людей на своемъ иждивеніи, и при томъ шпиталь желаю соорудить въ каменномъ же зданіи церковь, коя чтобъ была приходская».

Старая церковь въ с. Черкасскомъ Огородъ, какъ говорится въ томъ же прошеніи, «имълась построенная изъ давнихъ лътъ... во имя Пресвятыя Троицы и пр. Св. Арх. Михаила и Преп. Ксеціи» (ангелы царя Михаила и Великой Старицы).

Отъ графа Віельгорскаго.

Милостивый государь графъ Николай Петровичъ.

Письмо вашего сіятельства имъль я честь получить того же дня. Сожалью чрезвычайно, что вы нездоровы, зная при томь совершенное ваше усердіе и безпокойство къ должности, спъщу увъдомить, что по прівздъ моемь нашель я все въ порядкъ и хорошемъ расположеніи. Никто ничего по сіе время не требуеть и кажутся всъ быть довольными. Хотя господинь капитань замка Чижовъ адресовался къ вашему сіятельству о доставленіи нъкоторыхъ потребностей по камерцалмейстерской должности, но я не нахожу по сіе время ихъ пужными, какъ только можеть быть къ будущему празднику потребны они будутъ, которой Государь Императоръ изволиль отложить до 22-го числа сего мъсяца, и время довольно еще имъется. Ихъ Императорскія Величества довольно веселы, и ни въ чемъ не было у насъ остановки. Я очень желаю васъ видъть, во первыхъ, для пріуготовленія намъ къ приближающемуся празднику, а во-вторыхъ, собственно для надобности своей, ибо я намъренъ быль отлучиться въ городъ на нъсколько дней; однако

прошу ваше сіятельство не безпокоиться: лучше я желаю васъ видъть совершенно здоровымъ и веселымъ, нежели въ безпокойствіи прибыть къ намъ.

Пребывъ съ совершеннымъ и истиннымъ почтеніемъ и предацностью, милостивый государь, вашего сіятельства покорнъйшій слуга графъ Віельгорскій.

Пстергооъ, 9 Іюля 1798.

Къ князю Юсупову.

Милостивый государь мой князь Николай Борисовичъ.

Увъренъ будучи въ благопріязненномъ ко мит расположеніи вашего сіятельства, покорнъйше прошу вручителю сего живописцу моему Николаю Аргунову позволять имъть входъ въ Эрмитажъ для скопированія картинъ; доставленное симъ мит удовольствіе ваше послужитъ пріятною обязанностію при всякомъ случать выполнять угодное волть вашего сіятельства мит препорученное.

Имъю честь пребыть съ истиннымъ моимъ почтеніемъ и совершенною преданностію гр. Н. III.

10 Іюля 1798.

Къ духовнику.

Высокопочтенный отецъ духовникъ Исидоръ Петровичъ, милостивый государь мой.

Весьма пріятнымъ бы почель я случай къ удостовъренію вась въ той готовности, съ какою всегда желаю вамъ служить; немало не помъшкая бы опредълить къ Михайловскому дворцу представляемаго вами Насонова, если бы только не препятствовала мит въ томъ самая невозможность, ибо Государь Императоръ на поднесенный отъ меня докладъ въ Мартъ мъсяцъ сего года объ опредъленіи нъкоторыхъ служителей къ Михайловскому дворцу, высочайше предоставить соизволилъ собственной своей волт опредъленіе и укомплектованіе по оному дворцу встава служителей, когда въ томъ впредъ настоять будетъ надобность.

Сердечно сожалью, что не могу уже затымь оказать вамь сей малой услуги; прошу впрочемь быть увырену о томь истинномь почтении и совершенной преданности, съ каковыми остаюсь всегда вашего высокопреподобія, милостиваго государя моего, гр. Н. Ш.

14 Іюдя 1798.

Къ графинъ Разумовской.

Милостивая государыня моя сестрица графиня Варвара Петровна. Получиль я последнее письмо ваше отъ 5-го сего Іюля, коимъ уведомляете о намфреніи вашемъ имфть подъ своимъ смотрфніемъ человфка, который бы могъ управлять всёми дёлами вашими и имёніемъ. Если вы за лучшій способъ тоть находите, то я на оное также согласень; но совътую вамъ, не входя въ дальныя хлопоты и не упуская должнаго, раздълаться съ оберъ-камергеромъ *), но при томъ самымъ деликатнейшимъ и пристойнымъ образомъ и такъ, что если бы въ иныхъ малыхъ обстоятельствахъ что было бы упущено, то дружески совътую сего почтеннаго старца не оскорблять. Почему и потребенъ къ сему дълу такой опытный человъкъ, на котораго бы прямо положиться и вы могли и который, при знаніи діль, иміть бы и свойства добраго, проткаго и здравомыслящаго человъка; а при томъ какія есть деньги въ наличности, можно принять вамъ и самимъ, какъ и бывшія у Ивана Ивановича Голохвастова 5.000 р., о которыхъ я слышаль отъ Андреяна Андреяновича Лопухина, что были у него. Если вы совершенную пользу и спокойствіе въ томъ находите, то я никакъ вамъ не препятствую и, желая всякаго добраго въ томъ успаха, уваряю васъ чистосердечно, что я навсегда есмь съ искреннимъ къ вамъ расположениемъ и дружелюбною преданностью вашъ върный другъ и братъ гр. Н. Ш.

15 Іюля 1798.

Отъ графини В. П. Разумовской.

Милостивый государь мой братецъ графъ Николай Петровичъ.

Увъдомилась я отъ большаго сына, служащаго въ Астраханскомъ гренадерскомъ полку полковникомъ, что онаго полку шефъ объявилъ ему и всёмъ того полку офицерамъ въ готовности быть къ походу; когда же наслано будетъ повелёніе, тогда выступить имъ въ 24 часа непремённо во всякой исправности. Сынъ же мой объяснилъ мнъ, что онъ къ сему походу не въ готовности, какъ то: верховыхъ лошадей, дорожныхъ экипажей и палатки необходимо нужныхъ въ походъ вещей не имъетъ. Я, матерински собользнуя о нечаянной моей съ нимъ разлукъ и за его ко мнъ отличную горячность, необходимостью поставила ассигновать къ пріуготовленію его 5.000 р. изъ оброчной суммы; но безъ вашего согласія и воли выдать ему не разсудила, о чемъ васъ покорнъйше прошу на оное согласиться и съ

^{*)} Княземъ А. М. Голицынымъ. П. Б.

первою почтой непремвно меня увъдомить, дабы медлительною выдачею назначенныхъ мною денегъ не навлечь ему прискорбія, а по командъ за неисправность строгаго взысканія. Въ ожиданіи сего съ моею къ вамъ искреннею дружбою и совершеннымъ усердіемъ навсегда пребуду вашъ върный другъ и покорная ко услугамъ сестра графиня Варвара Разумовская.

22 Іюля 1798.

Отъ Платона Уварова.

Милостивый государь мой графъ Николай Петровичъ.

Готовясь имъть счастіе соединить судьбу мою съ ел сіятельствомъ княжной Елисаветой Петровной Волконской, пріятнъйшимъ долгомъ почитаю рекомендовать себя въ милость вашу, прося васъ принять и содержать меня въ оной; я же съ моей стороны приложу всё мои старанія къ тому, чтобъ удостоиться благосклонности вашей и тъмъ самымъ засвидътельствовать вамъ отличное мое къ особъ вашей почтеніе, съ коимъ пребыть честь имъю, милостивый государь мой, всепокорнъйній вашъ слуга Платонъ Уваровъ.

26 Августа 1798.

Отъ П. В. Лопухина.

Милостивый государь мой, графъ Николай Петровичъ.

Всеподданнъйшее вашему сіятельству благодареніе за высочайшее посъщеніе имъль я честь представить Его Императорскому Величеству и нахожу истинное удовольствіе сообщить вамъ, милостивый государь мой, что оно съ благоволеніемъ удостоено всемилостивъйшаго принятія.

Петръ Лопухинъ.

Октября 27 дня 1798.

Указъ нашему Сенату.

Двора нашего оберъ-гофмаршалу графу Шереметеву всемилостивъйше повелъваемъ быть оберъ-камергеромъ. Павелъ.

С.-Петербургъ, Ноября 1-го дня 1798 г.

О своемъ назначени оберъ-камергеромъ такъ увъдомлялъ онъ сестру свою: «Послъ письма моего, пущеннаго передъ симъ, былъ я еще восхищенъ новыми знаками монаршаго ко мнъ благоволенія и, зная сколько сія новость будетъ для васъ пріятна, спъшу увъдомить, что сего Ноября 19-го пожалованъ новымъ достоинствомъ, переименовавшимъ меня въ оберъ-камергеры, и я теперь, благодаря Бога, надъюсь быть поспокойнъе въ сравненіи тъхъ трудовъ, какіе имълъ прежде».

Отъ А. Я. Протасова.

Милостивый государь мой графъ Николай Петровичъ.

Ея Императорскому Величеству Государынъ Императрицъ благоугодно было меня увъдомить, что ваше сіятельство, снисходя къ здъшнему Воспитательному. Дому, по сродному вамъ состраданію, дали повельніе въ Московскую домовую контору, на случай настоящаго недостатка въ кормилицахъ, уговорить изъ близъ лежащихъ къ Москвъ вашихъ деревень. Но не могъ я также равнодушно слышать объщаніе отъ васъ награды тъмъ, которыя дътей вскормятъ, сверхъ получаемой отъ Дома. Но какъ уже иъкоторое къ тому время прошло и ни одной кормилицы изъ вашихъ вотчинъ не явилось, когда же я посылалъ въ нъкоторыя, то охочихъ довольно было; а не смъли на то пуститься безъ позволенія вашего главнаго управителя. Между тъмъ погибаетъ у насъ много дътей, то и побуждаюсь симъ всепокорно ваше сіятельство просить о подтвержденіи въ здъшнюю домовую контору о семъ человъколюбивомъ вашемъ подвигъ, ибо я увъренъ о склопности вашей и готовности ко всякому добру.

Принимая участіе во всемъ до вашего сіятельства принадлежащемъ, искренно поздравляю съ высочайшимъ наименованіемъ оберъкамергеромъ, находя съ своей стороны ваше сіятельство увѣдомить, что въ бывшее 28 Октября производство и я пожалованъ въ дъйствительные тайные совъгники, ибо увъренъ о всегдашнемъ вашемъ ко мнъ расположеніи и дружбъ, съ каковыми при совершеннъйшемъ почтеніи на всегда пребуду, вашего сіятельства милостиваго государя моего, всепокорнъйшій слуга Александръ Протасовъ.

22 Ноября 1798 (Москва).

Отъ А. О. Малиновскаго.

Сіятельный графъ милостивый государь.

Ни одного случая къ изъявленію преданности моей в с. пропустить не могу и, чувствуя обязанности мои къ особъ вашей, всеусерднъйше приношу поздравленіе мое съ полученною вами знаменитою въ государствъ степенью оберъ-камергера.

Имъю честь препроводить в. с. проповъдь, говоренную батюшкою моимъ при вступленіи имъ въ новую должность, увъренъ будучи, что, по благоволенію вашему, которымъ вы всегда соизволили удостоивать его, примете оную благосклонно.

Препоручая себя въ продолжение вашего покровительства, въ честь вмъпяю себъ быть на въкъ и пр. Алексъй Малиповскій.

22 Иолбри, 1798 г.

Къ Ростовскому архимандриту.

Высокопреподобный отецъ архимандритъ, милостивый государь мой. Весьма пріятно для меня имъть знакомство толь почтеннаго человъка, который заступилъ мъсто покойнаго отца Авраамія, къ коему привыкши питать въ чувствіяхъ души моей почтительнъйшую дружбу, оставилъ и по кончинъ его въчный для себя памятникъ; почему и прошу быть увърену, что я за удовольствіе поставляю пользоваться и вашимъ знакомствомъ, а притомъ и споспъществовать тъмъ намъреніямъ, которыя являете вы къ довершенію начатаго храма покойнымъ Аврааміемъ. Ничего столь я не желаю, какъ имъть когда случай быть въ обители вашей и поклониться святымъ мощамъ угодника Димитрія и лично съ вами познакомиться; но не знаю, когда въ состояніи найдусь оное исполнить. Между тъмъ же прошу быть увърену о истинномъ почтеніи, съ каковымъ остаюсь вашего высокопреподобія, милостиваго государя моего, покорный слуга гр. П. Ш.

Р. S. Послъ покойнаго отца Авраамія остался у меня въ обители вашей отецъ Амфилохій, котораго благочестивое житіе и богомоліе совершенно заставили меня почитать и имъть къ нему душевную привазанность. Я смъю препоручить его вашему высокопреподобію какъ такого человъка, въ коемъ принимаю я особенное участіе и прошу принять его въ благорасположеніе ваше.

27 Ноября 1798.

Къ П. И. Измайлову.

Милостивый государь мой Петръ Ивановичъ.

Пользуясь на самых опытах благопріязненным ко ми расположеніем в. в., прізтивнимь случаем поставляю отъ искрепняго сердца моего поздравить васъ съ наступпвшимъ новымъ годомъ и пожелать, да Всевышній благоволить, какъ сей, такъ и многіе послъдующіе годы желаемымъ вами благоденствіем в неждельнымъ здравіемъ. Получа на сихъ дняхъ 12 картузовъ самаго лучшаго Англійскаго табаку и того сорту, котораго в. в. употреблять изволите, особеннымъ удовольствіемъ нахожу служить онымъ, который при семъ къ в. в. и доставляю съ усерднъйшимъ желаніемъ, чтобъ оный былъ вамъ угоденъ. Впрочемъ съ истиннымъ почтеніемъ и т. д. Гр. Н. Шереметевъ.

P. S. Ея в-ву Аннъ Васильевнъ свидътельствую мое искреннее почтеніе и прошу, чтобы не лишала меня прежнихъ ея милостей. Если вамъ угодно на меня возложить какое порученіе, то съ охотою исполнить желаю.

3 Генваря 1799.

Къ А. Л. Нарышкину.

Милосгивый государь мой Александръ Львовичъ.

Какъ небезъизвъстно в. в., что Его Императорскому Величеству благоугодно было изъявить высокомонаршее благоволеніе назначенісмъмнъ будущей Пятницы для балу, почему и искалъ я удобнаго случая возъимъть дерзновеніе всеподданнъйше просить, чтобъ осчастливить меня высочайшимъ своимъ посъщеніемъ; но обстоятельства и занятія освященной особы его сими днями удержали во мнъ сіе стремленіе; почему, опасаясь пропустить время, осмъливаюсь, въ надеждъ на дружественное расположеніе ко мнъ ваше, всепокорнъйше просить повергнуть за меня сію дерзновенную просьбу къ стопамъ Его Императорскаго Величества, и когда буду я столько счастливъ, что удостоюсь таковой монаршей милости, не оставить меня предварительнымъ извъщеніемъ вашимъ. Имъю честь впрочемъ остаться и т. д. Гр. III.

21 Февраля 1799.

2 Марта 1799.

Письмо къ его сіятельству графу Ивану Петровичу Салтыкову, коимъ представляетъ находящагося въ службъ при королевскомъ Прусскомъ дворъ капельмейстера г на Гюммел , выъхавшаго въ Россію на короткое время. А какъ сей человъкъ одаренъ талантомъ въ разсужденіи сочиненія музыки, то и препоручаетъ его въ милостивое руководство.

Письмо отдано присланному отъ г-на Гюммеля человъку того-же числа.

Къ А. О. Малиновскому.

Государь мой Алексий Өедоровичъ.

Съ отмънною пріятностью читаю всегда труды ваши; съ удовольствіемъ моимъ получилъ я и послъднія двъ комедіи переводу вашего. Но какъ обстоятельства уже перемънились и прилагаемыя копіи съ письма и высочайшаго указа совершенно могуть вамъ сіе подтвердить, то хотълъ бы я только знать: нужно ли вамъ будетъ, чтобъ я препроводилъ присланныя ко мнъ комедіи отъ себя къ А. Л. Нарышкину, что охотно приму я на себя по полученіи увъдомленія вашего. Гр. Н. III.

8 Апраля 1799.

Къ графинъ Кутайсовой.

Милостивая государыня моя графиня Анна Петровна.

Съ усердивишимъ чувствіемъ совершеннаго соучастія честь имъю поздравить в. с. съ полученіемъ толь знаменитаго достоинства, овначающаго особливую высокомонаршую милость. Я не могу довольно

изъяснить вамъ той радости, которую ощущаю по всегдашней и нелицемърной къ вамъ привязанности моей и, желая при сей новой степени всякаго вамъ благополучія, съ истиннымъ почитаніемъ и совершенной преданностью остаюсь навсегда, м. г. моя, в. с. пок. слуга гр. Николай Шереметевъ.

Для доставленія взяль князь Гаврила Петровичь Гагаринь. 1 Мая 1799 г.

Домовой моей канцеляріи.

3 Іюня 1799.

По копіи, доставленной ко мий съ рапорта села Прудовъ отъ прикащика Седраха Балагаева о крестьянахъ въ с. Прудахъ и Красномъ, пришедшихъ въ несостояніе платить государственныя подати, ни мало не медля, доложить всй обстоятельства подробно, отчего именно пришли они въ такой упадокъ и несостояніе и какой способъ можно придумать для поправленія состоянія ихъ на предбудущее время и какое мийніе, доставить ко мий немедленно. А между тімъ подлежащія казенныя подати веліть взнесть, сколько оныхъ недостаеть въ с. Прудахъ и Красномъ, хотя изъ моихъ доходовъ, какъ и резолюцією канцеляріи моей Мая отъ 24 дия заключено; и если въ Прудскомъ вотчинномъ правленіи въ паличности суммы не окажется, то пужное число дополнить хотя изъ наличныхъ суммъ въ Московской канцеляріи находящихся. Гр. Ш.

Архіепископу Ростовскому и Ярославскому.

10 Іюпя 1799.

Высокопреосвященный владыко милостивый государь мой! Пеоднократныя просьбы Вощажниковской вотчины моей села Въсковъ крестьянъ, которые отъ всего міру неотступно просять меня о испрошеніи защиты и покровительства вашего высокопреосвященства отъ притъсненій и разныхъ обидъ, наносимыхъ имъ отъ тамошняго священника Димитрія Иванова, дьякона и пономаря, которые по общему между собою согласію доводили вражды свои до того, что приносили жалобы на крестьянъ моихъ Земскому Суду, который по обслъдованіи на мъстъ не нашель однакоже въ нихъ никакой справедливости. Таковыя распри между крестьянъ моихъ и священно и церковнослужителями, нанося безпрестанное почти безпокойство всему тамошнему селенію, понуждаютъ меня покорныйше просить в. в. о перемънъ того священника съ показаннымъ причтомъ другими спокойными и добрыми людями, коимъ не упущу и я съ своей стороны доставить все, что только къ спокойному ихъ пребыванію нужно быть можетъ.

Какъ пыпъ и каменняя церковь въ томъ селъ старанісмъ крестьянъ моихъ и способствомъ моимъ пришла уже въ отдълку, и желаніе ихъ есть освятить оную во имя Николая Чудотворца, старую же деревянную, пришедшую въ ветхость, церковь упразднить и антиминсъ со всею церковною утварью перенести въ ту каменную церковь, почему покорнъйше испрашивая на сіе благословенія вашего, приму оное съ истинною благодарностью и не престану чувствовать толь одолжительнаго ко мнъ благорасположенія вашего. А затъмъ, препоручая себя въ священныя молитвы ваши, съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностью честь имъю остаться навсегда гр. Ш.

Къ графу Салтыкову.

Милостивый государь графъ Николай Ивановичъ.

Высочайшія милости ко мит Его Императорскаго Величества съ самаго моего младенчества и умноженіе опыхъ съ восшествіемъ на блистательный престолъ Россіи, когда благоугодно было меня приблизить къ священной его особъ, какъ источнику верховнаго моего блага, и возложить на меня священный орденъ Іоанна Іерусалимскаго, котораго знаки имълъ счастіе носить и дъдъ мой графъ Шереметевъ, какъ первый кавалеръ Россіи; все сіе поселило въ душть моей неизгладимую благодарность изъявить чувствованія мои. Но и самое пламевное усердіе не имъло по сіе время счастія достигнуть своей цъли.

Графъ Н. П. Шереметевъ, во изъявление всеглубочайшей благодарности за всв милости, коими онъ облагодътельствованъ Его Императорскимъ Величествомъ во всв времена, а паче при восшествии его
на престолъ, желая содъйствовоть, поелику способы върноподданнаго
то позволяютъ, человъколюбивымъ взглядамъ Августъйшаго Монарха и
дабы основать на всъ грядущія времена намятникъ благоговънія своего къ ордену Св. Іоанна Іерусалимскаго, къ коему дъдъ его фельдмаршалъ графъ Борисъ Шереметевъ, конечно, первый изъ Россійскихъ дворянъ, достигшихъ таковой почести, въ 1698 году наизнаменитъйнимъ образомъ причисленъ былъ, установляетъ навсегда въ
пользу воспитанниковъ Императорскаго Военнаго Сиротскаго Дома два
командорства подъ наименованіемъ командорствъ Военнаго Сиротскаго
Дома. Подписалъ «учредитель графъ Шереметевъ».

«Какъ именным» Е. И. В. высочайшим» указомъ 1798 Декабря въ 21 день всемилостивъйше дозволено мнъ учредить командорство. Jus Patronatus моего имени, то этого самаго числа должно взноситься въ учрежденный капитулъ ордена Св. Іоанна Герусалимскаго и доходу назначенной мной деревни не менъе 3.000 рублей».

Возстановленіе Св. ордена Іоанна Іерусалимскаго и сверхъ того приведеніе въ блестящее состояніе Сиротскаго Дома, какъ плода добродътельной души его зиждителя, подаютъ мнъ лестный случай къ изъявленію чувствованій души поей; а по сему и осм'вливаюсь покорнъйше просить в. с. о исходатайствования высочайшаго повельния, дабы я могь установить въ пользу государственныхъ воспитанинковъ, сверхъ фамильнаго моего Jus patronatus, опредъляя на сіе 500 душъ не такъ, какъ знакъ благодарныхъ чувствъ къ высочайшей особъ, на которое въ сравнении съ его милостями все существо мое было бы недостаточно, но такъ какъ единственное желаніе хотя мало способствовать благотворнымъ его видамъ. Намъреніе мое въ установленіи сего командорства состоить въ томъ, чтобы оно, по смерти командора, не переходило на потомство, но обращалось на другихъ, какъ слъдствіе цаграды тімь, которые мужествомь и добродітелью достигли цълей, предположенныхъ Его Императорскимъ Величествомъ. Что же касается до наименованія сего командорства, то я оное, равно какъ и выборъ командора, осмъливаюсь предоставить высочайшему благоизволенію.

При семъ случав покорнъйше прошу в. с., повергнувъ меня предъ священною особою Его Императорскаго Величества, изобразить тъ чувствованія, которыя имъю счастіє питать въ душь моей, пребывая къ вамъ съ совершеннымъ высокопочитавіемъ и преданностью. Гр. Ш 5 Іюля 1799.

Отъ Тихвинскаго архимандрита Герасима.

Сіятельнъйшій графъ, милостивый государь и благодътель.

Извъщенъ будучи отъ Дымскаго отца строителя іеромонаха о оказанной в. с. къ той бъдной обители милости, побуждаемый не какимъ либо предполагаемымъ пристрастіемъ, но сердечною признательностью къ добротамъ души вашей, спъшу принесть за то в. с. усерднъйшую мою благодарность, моля отъ всего помышленія мосго Господа, да воздасть вамъ за сіе милостью Своею и да сотворить, чтобъ сколь милосердное къ человъчеству, толико и благочестивое сердце ваше ръшилось въ благословенномъ и во всемъ отечествъ нашемъ любимомъ дом' вашемъ при Его всемощномъ содъйствіи оставить подобныхъ вамъ во всемъ отраслей.... Воть, сіятельнъйшій графъ, о чемъ моя усердивишая, да думаю и многихъ, просьба первая; а вторая-если я симъ прогивняю вась, то прошу о прощении. Но душа моя желаеть, да всебдагій Господь услышить первую, также и вы. А при семъ съ истиннымъ особы вашей почитаніемъ имъю пребыть навсегда в. с. милостиваго государя и благодътеля усердивйшій послушникъ и богомолецъ Тихвинскій архимандрить Герасимъ. 26 Іюля 1799.

Библиотека "Руниверс"

Къ А. Л. Нарышкину.

27 Сентиоря 1799.

Совершенное удостовъреніе мое въ справедливости, отдаваемой в. в. заслугамъ, а притомъ и благопріязненное расположеніе ваше ко мив ободряєть меня обратиться къ вамъ съ покорнайшею просьбою о дацсёръ Гульельми. Въ теченіе 13 лътъ служенія умножившееся семейство его, а съ другой стороны возвышеніе цанъ на всъ жизненные припасы столько затруднили его состояніе, что весьма недостаточно теперь для безнужнаго продовольствія получаемое имъ жалованье.

Удостойте, милостивый государь мой, обратить ваше вниманіе на его обстоятельства и долговременную службу и не откажите ему въ человъколюбивомъ пособіи прибавкою жалованья въ сравненіи съ товарищами, получившими таковое награжденіе. Милость ваша къ нему крайне чувствительна для меня будеть, сколько по моему въ немъ искренному участію, столько же и потому, что она будеть новымъ знакомъ благосклонности вашей къ моему ходатайству. Гр. III.

Отъ Николая Владимировича Шереметева.

Милостивый государь дядюшка, графъ Николай Петровичъ. Знавъ, что гроздіе вареное изъ сада моего в. с. жалуете кушать, то, лучшее изъ онаго собравъ и приготовя такъ, какъ и прежде, при семъ съ камердинеромъ вашимъ Николаемъ Никитичемъ посылаю и желаю кушать на здоровье. А за симъ всепокорнѣйше прошу не оставить милостивыми вашими мнѣ письмами, ибо въ теченіе болѣзни моей ничто другое столь мпого меня пе утѣшаетъ, какъ то, когда буду видъть изъ писемъ вашихъ, что вы, милостивый государь, находитесь въ добромъ здравіи и въ желаемомъ благополучіи и что я въ незабвенной милости вашей ко мнѣ и донынѣ нахожусь; и симъ конча, пребуду навсегда съ достодолжнымъ вамъ моимъ высокопочитаніемъ и преданностію, какъ и есмь, м. г. мой, в. с. всепокорный слуга

3 Октября 1799.

Къ зятю своему графу А. К. Разумовскому.

Милостивый государь мой графъ Алексей Кириловичъ.

Спѣшу сообщить пріятную вамъ повость, что Государь Императоръ пожаловать изволилъ сына вашего, а моего племянника, графа Кирилу Алексѣевича въ дѣйствительные камергеры, съ чѣмъ васъ поздравляю и думаю, что оное и вамъ немалое сдѣлаетъ удовольствіе. А при томъ покорнѣйше прошу, не помѣшкавъ, его прислать въ Пе-

Николай Шереметевъ.

тербургъ для отправленія своей должности. О семъ спеслись мы единомысленно и съ Николаемъ Александровичемъ Загряжскимъ и положили васъ о семъ просить и увърены, что вы согласны будете съ нами и въ скоромъ времени его отпустите. Я же, пользуясь симъ случаемъ, могу увърить о томъ совершенномъ почтеніи и преданности, съ которыми навсегда пребыть честь имъю. Гр. III.

19 Октября 1799.

Отъ зятя его графа А. К. Разумовскаго.

Милостивый государь мой графъ Николай Петровичъ.

Въ самое то время, когда получилъ я пріятнъйшій отзывъ в. с. на письмо мое къ вамъ касательно покупки дому нашего*), столь сильно вдругь занемогь, что къ крайнему прискорбію моему никакъ не въ силахъ былъ приняться за перо. Послъ того дошло ко миъ другое ваше письмо отъ 18-го Октября, увтдомляющее о пожаловании сына моего камергеромъ, и сіе отъ васъ пріятное извъщеніе приняль я за искреннъйшій знакъ благосклоннаго и дружественнаго вашего комнъ расположенія, котораго всю ціну чувствуя преисполненнымъ къ вамъ чистосердечною преданностью сердцемъ, чувствительнъйшую благодарность приношу. Последуя совету в. с., не замедлю я отправлениемъ моего сына въ Петербургъ, сколь ни тягостенъ нынъшній путь и сколь ни нужно бы мив его продержать здвсь для снабденія всвивтъмъ, что имъть должно къ представлению его ко двору; ибо, не предвидя случившагося нынь, не могь я ничего того исполнить; да и надобности не имель онъ ни въ чемъ, не обращаясь еще въ свете. Однако чего сдълать не успъю, то до Петербурга оставлю, гдъ буду просить васъ промедлить ивсколько представленіемь его ко двору, Между твиъ, рекомендуя его въ вашу милость, всепокорно прошу не отказать ему въ вашемъ покровительствъ и по отдаленности моей дозволить ему почитать вась не какъ дядю роднаго, по какъ отца. По молодости лътъ его, по неопытности и по въгренности съ тъмъ сопряженной имъю я довольно причинъ опасаться худыхъ слъдствій таковаго расположенія; но ободряєть меня при томъ мысль та, что, по дружескому вашему расположению къ отцу, не оставите покровительствовать и сыну.

Обращаюсь теперь къ другой матеріи и отвъчаю на послъднее письмо ваше, вчера мною полученное. Вы изволите увъдомлять меня о томъ, что ръшились купить домъ нашъ на кондиціяхъ, мною вамъ

^{*)} Это Шеремстенскій домъ въ Моский на Воздвиженки, гди долго номищалась Городская Дума. П. Б.

предложенныхъ, и желаете быть увъдомлены о подтвердительномъ ко мнъ отвътъ отъ батюшки; почему и имъю честь увъдомить васъ, что я оный получилъ и что онъ согласенъ на все, мною вамъ представленное, о чемъ не преминулъ бы я уже къ вамъ написать, еслибы болъзнь моя въ томъ не воспрепятствовала. И такъ отъ васъ единственно зависъть будетъ довершить дъло, когда только угодно. Если же ръшиться на то изволите въ непродолжительномъ времени, то останется мнъ только просить у васъ дозволенія пробыть въ домъ на нъкоторое время, пока найду нанять или купить другой, куда бы мнъ переъхать, что буду стараться исполнить сколь возможно скоръе.

Къ графу И. П. Салтыкову, Московскому военному губернатору.

Милостивый государь дядюшка графъ Иванъ Петровичъ.

Подуча почтенивищее письмо вашего сіятельства оть 4-го сего Ноября съ благосклоннымъ увъдомленіемъ въ пособіяхъ, каковыя угодно было оказать по дёлу Булатова, и лестнымъ при томъ для меня изъясненіемъ о неоставленіи помощію вашею впредъ въ подобныхъ дълахъ, долгомъ поставляю я спъшить къ принесению вамъ искреннъйшей благодарности моей, чувство коей не въ сидахъ я довольно описать. Слышаль я между тёмъ, что в. с. изволили быть въ сосёдстве Останкина съ охотою и что изволили поберечь моихъ зайцовъ. Оное конечно принимаю я во всей цене благопріятнейшаго ко має расположенія вашего, которое стараюсь я всегда заслуживать моею усерднъйшею и родственническою привязанностью, какъ къ вамъ, такъ и къ милостивой государынъ тетушкъ графинъ Дарьъ Петровиъ; но признаться должень, что я ихъ всегда сберегаю для себя. Однакожъ ежели могло бы сіе принести в. с. хотя малое удовольствіе, то совершенно отдаюсь я въ томъ на волю вашу, соотвётствуя истинному почтенію и непремънной преданности, съ каковыми навсегда за честь поставлю остаться. Гр. Ш.

Р. S. Село же Троицкое, которое также недалеко отъ Москвы, предоставляю въ полную волю в. с. ъздить съ охотою и веселиться сколько угодно, окружныя дачи коего рекомендую особенно, ибо въ нихъ зайцовъ всегда бываеть много.

11 Ноября 1799.

Отъ князя П. В. Урусова.

Сіятельнъйшій графъ милостивый государь.

Въ теченіе шестаго мъсяца горестнаго моего положенія, вчерась первый день ощутиль я отмънное удовольствіе, удостоясь получить письмо в. с., милостиваго государя, и удостовъреніе вашей ко мнъ ми-

II. 22 РУССКІЙ АРЖИВЪ 1396.

лости, за что приношу мою всенижайшую благодарность. Надъюсь, что Николай Бемовъ*) доносилъ в. с., который у меня былъ наканунъ своего отъъзда въ Петербургъ, какъ мы съ нимъ вмъстъ поплакали: я о лишеніи своей княгини, которая меня оставила съ бъдной моей дочерью и двумя сыновьями въ дряхлости и въ совершенной нищетъ; а онъ сердешной—о потеръ своего сына въ крайнемъ огорченіи остался. Но власть Всемогущаго Творца! Что Ему угодно, должно безъ роптанія сносить. Я же по несчастію третій мъсяцъ страдаю отъ жестокой боли въ ногъ и въ поясницъ, гдъ приложилъ по совъту г-на Фреза пластырь изъ Бургонской смолы; но очень слабая помощь. Вашему же сіятельству, милостивому государю, сердечно желаю совершеннаго здоровья и могу увърить, что никто столько не желаетъ вамъ благополучія, какъ тотъ, который навсегда пребудетъ съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенною преданностію с. гр., м. г. в. с. всениж. и всенок. слуга князь Петръ Урусовъ.

14 Ноября 1799.

Къ сестръ своей графинъ В. П. Разумовской.

Милостивая государыня моя графиня Варвара Петровна.

Принося вамъ искреннъйшую благодарность мою за поздравленіе съ новымъ годомъ, душевно желаю и вамъ препроводить оной во всякомъ благополучіи и при добромъ здравіи достигнуть многихъ послъдующихъ. А при томъ имъю вамъ сказать: съ сердечнымъ удовольствіемъ, слъдуя долгу родства, принимаю участіе во всемъ, что до сына вашего, теперь здъсь находящагося, принадлежитъ. Почитая весьма основательнымъ замъчанія, сдъланныя на счетъ его графомъ Алексъемъ Кириловичемъ, чистосердечно даю вамъ мой совъть: не отступая отъ нихъ, дълать ему по временамъ нужное вспоможеніе ваше, ибо неизвъстность ожидаемаго пособія въ деньгахъ конечно молодому человъку полезна и весьма нужна къ обузданію тъхъ излишностей, каковыя обыкновенно молодостью бывають вперяемы. Я во всякое время долгомъ почту отъ искренности сердца моего преподавать ему мои совъты и сердечно буду радъ, когда увижу, что они для него будутъ пріятны.

30 Декабря 1799.

Рескринтъ Государя.

Господинъ оберъ-камергеръ графъ Шереметевъ. Соизволяю на желаніе его величества короля Французскаго удостоить васъ орденомъ Святаго Лазаря. Препровождая при семъ знаки онаго, повелъваю вамъ оный возложить на себя. Пребываемъ къ вамъ благосклонный Павелъ.

С.-Петербургъ, Февраля 19 дня 1800.

^{*)} Камердинеръ графа Николап Петровича.

Вследъ за темъ пометы:

«Выдать управителю Петру Петрову для отдачи подкамердинеру Его Императорского Величества за наколоніе звъзды при пожалованіи ордена Св. Лазаря денегь 200 рублей».

«Выдать двумъ придворнымъ ординарцамъ и двумъ поверстнымъ, разносившимъ билеты для зову на балъ и ужинъ гостей къ 18-му числу— 200 рублей».

A monsieur le comte de Rostopchine, à Gatchina.

Monsieur le comte.

J'ai l'honneur d'informer votre excellence que, conformement à ses désirs, j'ai fait remettre aujourd'hui à son écuyer le cheval que je lui ai cédé, l'assurant que, loin de m'en être fait une privation, je suis, au contraire, très charmé d'avoir pu lui rendre ce léger service, et souhaite de tout mon coeur que ce cheval puisse lui convenir et lui procurer toute la satisfaction qu'elle en attend. J'ai l'honneur d'être etc.

St.-Pétersbourg, le 1 Septembre 1800.

Къ графу И. П. Кутайсову.

Милостивый государь мой графъ Иванъ Павловичъ.

По возвращеніи моємъ въ Петербургъ первымъ долгомъ почель я узнать, какое сділано исполненіе въ разсужденіи пажа Голенищева-Кутузова, почему и поспішаю в. с. извістить, что отъ меня въ тоже время, какъ только получено высочайшее повелініе, и предписано директору пажей сділать исполненіе. А какъ Голенищевъ - Кутузовъ опреділенъ въ пажи сверхъ комплекта, почему если онъ не получаетъ штатныхъ продовольствій, то какъ вся сумма находится въ придворной канцеляріи, то по полученіи оной въ Пажескій корпусь ни малійше не помедлю и я къ доставленію Голенищеву-Кутузову, поставляя всякій случай пріятнымъ свидітельствовать истинное почтеніе и совершенную преданность, съ коими честь имію остаться гр. Ш.

19 Сентября 1800.

Къ графу А. С. Шереметеву.

Милостивый государь мой графъ Алексъй Сергъевичъ.

Княгиня Варвара Алексвевна Касаткина - Ростовская просила меня о снабжении ея парою лошадокъ; почему, желая по родству ее снабдить, прошу васъ выбрать изъ заводскихъ, не очень молодыхъ, но и не старыхъ, добровзжихъ пару и смирныхъ лошадей и приказать къ ней отъ меня доставить, пребывая впрочемъ съ истиннымъ почтеніемъ. Гр. Н. III.

30 Декабря 1800.

Къ графу Ростопчину.

Милостивый государь мой графъ Өедөръ Васильевичъ.

Извъстное расположение къ благодъяниямъ, оказываемое в. с. ко всъмъ, ищущимъ помощи вашей, а при томъ сердечное участие, приемлемое мною въ подателъ сего письма г-нъ Реметевъ *), позволяетъ мнъ смълость безпокоить в. с. и еще всепокорнъйшею просьбою моей, которая состоитъ въ томъ, чтобы, при нынъшнемъ штатномъ размъщении чиновниковъ, не лишить и его счастия продолжать службу свою подъ высокимъ начальствомъ вашимъ въ Коллегии Иностранныхъ Дълъ. Чъмъ не только оказать изволите ему совершенную милость, но и мнъ собственно толь чувствительное одолжение доставите, которое запечатлъетъ въ душъ моей безконечную признательность при истинномъ почитании и совершеннъйшей преданности, съ каковыми честь имъю пребыть гр. Ш.

11 Генваря 1801.

Къ князю П. В. Урусову.

Милостивый государь мой князь Петръ Васильевичъ.

Зная, сколько вы всегда любили покровительствовать нѣжности сего свѣта и потому отдавая вамъ справедливость во вкусѣ и выборѣ, пріятнымъ случаемъ почелъ рекомендовать в. с. отправляюща-гося изъ С.-Петербурга въ Москву торговца деликатностей Сибена и Сомр., который, сверхъ многихъ новѣйшихъ модныхъ товаровъ, изобилуетъ самыми лучшими ароматными снарядами, коихъ пріятный запахъ предвѣщаетъ уже издалека въ улицѣ жилище его. Я прошу васъ принять его въ руководство вамъ и быть увѣрену о совершенномъ почтеніи и непремѣнной привязанности, съ которыми павсегда остаюсь гр. Ш.

4 Февраля 1801.

^{*)} Яковъ Петровичъ *Реметсо*ъ, побочный брать графа Николая Петровичъ; доныит здравствуетъ въ Орлъ его внукъ, Александръ Петровичъ Реметевъ, сынъ Петра Яковлевичв.

ЗАПИСКИ АЛЕКСЪЯ ДМИТРІЕВИЧА БЕСТУЖЕВА-РЮМИНА.

Краткое описаніе происшествіямъ въ столицѣ Москвѣ въ 1812 году.

Вступленіе.

Прежде нежели приступлю въ описанію происшествій въ столицѣ Москвѣ въ 1812 году, которыхъ я былъ очевиднымъ свидѣтелемъ, я долженъ сказать нѣсколько словъ о томъ положеніи, въ какомъ находилась Москва съ 1-го Января 1812 года, то-есть, о бывшихъ въ это время начальникахъ въ ней, и о себѣ самомъ, какъ о человѣкѣ, игравшемъ нѣкоторую роль во время пребыванія въ ней непріятеля, и по-казать причины, почему я остался въ его власти.

Въ началъ 1812 года былъ главнокомандующимъ въ Москвъ генералъ-фельдмаршалъ графъ Иванъ Васильевичъ Гудовичъ; гражданскимъ губернаторомъ Николай Васильевичъ Обръзковъ, оберъ-полицейместеромъ Петръ Алексъевичъ Ивашкинъ, а полицеймейстерами Александръ Александровичъ Волковъ и Егоръ Александровичъ Дурасовъ (что нынъ сенаторъ). Съ 1806 года я жилъ постоянно въ Москвъ, числясь при Герольдіи для опредъленія къ дъламъ.

Съ половины еще 1811 года стали поговаривать въ Москвъ о разрывъ мира, который заключенъ былъ въ 1807 году съ Французами въ Тильзитъ; однакожъ ничего не было примътно, и все оставалось спокойно; напротивъ, еще въ С.-Петербургскихъ и Московскихъ въдомостяхъ величали Наполеона великимъ. Я часто ходилъ въ Греческія гостиницы читать иностранныя газеты, и хотя изъ многихъ листовъ видълъ, что что-то не ладно между нами и Французами, но все это большаго въроятія не заслуживало; потому что газеты иностранныя часто наполняются всякими неосновательными слухами, единственно для того, чтобы только что нибудь печатать. Но когда многіе листы иностранныхъ въдомостей были задерживаемы, то стали догадываться, что что нибудь да есть, а движеніе войскъ нашихъ, которыя отвсюду

стремились къ западнымъ границамъ, дълали догадки въроятными. Въ концъ же 1811 года явно уже говорили, что съ Французами будетъ война, и война жестокая. Однакожъ 1812 годъ начался весьма спокойно и, благодаря Бога, Москва ничъмъ возмущена не была: масляницу провели очень весело, не подозръвая никакихъ опасностей, и не думали даже о нихъ.

Такъ какъ статсъ-секретарь Петръ Сепановичъ Молчановъ еще въ прошедшемъ 1811 году объявилъ бывшему тогда министромъ юстиціи Ивану Ивановичу Дмитріеву, что Его Императорское Величество высочайше повелѣть изволилъ опредѣлить меня къ должности, то, въ слѣдствіе сего высочайшаго повелѣнія, въ половинѣ Февраля мѣсяца 1812 года, директоръ Департамента Юстиціи, графъ Сергій Петровичъ Салтыковъ увѣдомилъ меня письмомъ, что открылась вакансія въ губернскомъ городѣ Вологдѣ губернскаго стряпчаго, и предлагалъ мнѣ это мѣсто, но я отъ него отказался.

Въ концѣ Марта мѣсяца я опять получаю письмо отъ директора Департамента Юстиціи, графа Салтыкова, въ которомъ онъ увѣдомилъ меня, что открылась вакансія въ Москвѣ въ Вотчинномъ Департаментѣ, и я охотно принялъ оное.

По изъявленіи моего согласія на принятіе службы въ Вотчинномъ Департаменть, 2-го Маія, указомъ Правительствующаго Сената, я опредъленъ вторымъ членомъ, а 20 тогожъ Маія, присягнувъ на службу, вступилъ въ отправленіе моей должности.

Мъсто, которое я заняль въ Вотчинномъ Департаментъ, принадлежало до сего колежскому ассессору Дмитрію Ивановичу Дмитріеву (родному братцу бывшаго тогда министромъ юстиціи Ивана Ивановича Дмитріева). Сей Дмитрій Ивановичъ Дмитріевъ, мъсто котораго я заняль, вступиль въ Вотчинной Департаментъ въ Ноябръ мъсяцъ 1811 года изъ отставныхъ маіоровъ, а въ Мартъ мъсяцъ 1812 года, по представленію министра юстиціи, роднаго своего братца, за отличное служеніе пожалованъ въ надворные совътники и посаженъ въ Сенатъ за оберъ-прокурорской столь съ жалованьемъ по тысячъ рублей въ годъ. Такимъ образомъ сіе мъсто и очистилось для меня. Провидъніе избрало меня, чтобъ сохранить архиву сего Департамента отъ совершеннаго истребленія оной непріятелемъ. Сія архива необходима для общаго спокойствія.

Вотчинной Департаментъ съ его четырью архивами находился, какъ и нынъ находится, въ 3-мъ этажъ Сенатскаго зданія, что въ Кремль, и имъеть изъ оконъ своихъ видъ въ три стороны города. Присутствующими въ Вотчинномъ Департаментъ были: 1-й членъ или предсъдатель онаго, г. статскій совътникъ Адріанъ Өедоровичъ Аничковъ, имъвшій тогда около 70 лътъ, если не болье; 2-й членъ быль я; 3-й членъ быль надворный совътникъ Матвъй Кузьмичъ Ивановъ, изъ приказнослужителей сего департамента, имъвшій тогда болье 75 лътъ, и въ личномъ его въдъніи были деньги, принадлежавшія департаменту. Вотчинной Департаментъ, по производству дълъ своихъ, состоялъ подъ непосредственнымъ главнымъ надзоромъ Правительствующаго Сената г. оберъ-прокурора, графа Матвъя Александровича Дмитріева-Мамонова. При департаментъ служили: экзекуторъ, четыре секретаря, да 138 чиновниковъ и приказнослужителей; караулъ состоялъ изъ инвалидовъ, которыхъ департаментъ нанималъ.

Происшествія въ столицѣ Москвѣ до вторженія въ оную непріятеля.

Маія 15 дня. По прошенію главнокомандовавшаго въ Москвъ, генералъ-фельдмаршала графа Гудовича, Государь Императоръ всеми-постивъйше дозволилъ ему сложить съ себя званіе сіе, для поправленія разстроеннаго его здоровья.

Mais 29 дня. Дъйствительный тайный совътникъ и двора Его Императорскаго Величества оберъ-камергеръ, графъ Растопчинъ всемилостивъйше переименовывается въ генералы отъ инфантеріи и назначается военнымъ губернаторомъ въ Москву.

Я не имъть чести знать лично графа Гудовича, не видывавъ его никогда, но въ достоинствахъ его нисколько не могъ сомнъваться: ибо онъ и въ царствованіе Великія Екатерины занималь важныя мъста, а потому заслуги его должны быть извъстны Отечеству; но графа Растопчина я очень хорошо зналь по многимъ отношеніямъ, а особливо по несправедливому поступку его съ пріятелемъ моимъ, Петромъ Петровичемъ Дубровскимъ, который 25 лъть находился внъ предъловъ Отечества при разныхъ посольствахъ и служилъ всегда съ честью и похвалою *). Графъ Растопчинъ не зналь даже лица его, но при вступленіи въ званіе вице-канцлера, въ царствованіе императора Павла І-го, исключиль его Дубровскаго изъ службы, единственно по тому, что онъ не быль никому знакомъ изъ приближенныхъ къ графу, и такою несправедливостью ввергнуль его въ самое затруднительное положеніе возвратиться въ отечество; и потомъ, когда онъ, Дубровскій кое-какъ возвратился и явился къ нему Растопчину, онъ оболгаль его предъ

^{*)} Этотъ Дубровскій привевъ въ Россію изъ Франціи много историческихъ рукописей. П. Б.

Государемъ, и Дубровскій высланъ быль изъ С.-Петербурга. Признаюсь откровенно: лишь только я узналь о сей перемѣнѣ начальства, сердце облилось у меня кровью, какъ будто я ожидалъ чего-то очень непріятнаго.

Іюня 15 дня напечатанъ былъ въ «Московскихъ Въдомостяхъ», № 50, высочайшій рескриптъ на имя предсъдателя Государственнаго Совъта, генералъ фельдмаршала, графа Николая Ивановича Салтыкова, коимъ Государь Императоръ увъдомляетъ, что Французскія войска вошли въ предълы нашей Россійской Имперіи. Рескриптъ сей служилъ объявленіемъ войны съ Французами, и съ 54 номера сихъ же «Московскихъ Въдомостей» пачали печатать извъстія о военныхъ дъйствіяхъ.

Іюли 3 дня выдано въ Москвъ слъдующее печатное объявление: «Московской военной губернаторъ, графъ Растопчинъ, симъ извъщаетъ, что въ Москвъ показалась дерзкая бумага, гдъ, между прочимъ вздоромъ, сказано, что Французской императоръ Наполеонъ объщается чрезъ шесть мъсяцовъ быть въ объихъ Россійскихъ столицахъ. Въ 14 часовъ полиція отыскала и сочинителя, и отъ кого вышла бумага. Онъ есть сынъ Московскаго второй гильдіи купца Верещагина, воспитанный иностранцемъ и развращенный трактирною бесъдою. Графъ Растопчинъ признаетъ цужнымъ обнародовать о семъ, полагая возможнымъ, что списки сего мерзкаго сочиненія могли дойти до свъдънія и легковърныхъ, и наклонныхъ върить невозможному. Верещатинъ же сочинитель и губернской секретарь Мъшковъ, переписщикъ ихъ, преданы суду и получатъ должное наказаніе за ихъ преступленіе».

И нужнымъ поставлю приложить при семъ точныя копіи съ сихъ двухъ дерзкихъ бумагь.

1.

«Письмо Наполеона къ Прусскому королю.

Ваше величество! Краткость времени не позволила мив извъстить васъ о последовавшемъ занятіи вашихъ областей. Я для соблюденія порядка опредёлилъ въ нихъ моего принца; будьте увёрены, ваше величество, въ моихъ къ вамъ искреннихъ чувствованіяхъ дружбы. Очень радуюсь, что вы, какъ курфирстъ Бранденбургской, заглаживаете недостойной вашъ союзъ съ потомками Чингизъ-Хана желаніемъ присоединиться къ огромной массв Рейнской монархіи. Мой статсъ-секретарь пространно объявитъ вамъ мою волю и желаніе, которое, надъюсь, вы съ великимъ рвеніемъ исполните. Дъла моихъ ополченій зовутъ теперь меня въ мой воинскій станъ. Пребываю вамъ благосклонный Наполеонъ».

2.

«Ръчь, произнесенная Наполеономъ къ князьямъ Рейнскаго союза въ Дрезденъ.

Вънценосные друзья Франціи! Дъла въ Европъ взяли другой оборотъ. Повельваю, какъ глава Рейнскаго союза, для общей пользы, удвоить свои ополченія, приведя ихъ въ готовность пожинать лавры подъ моимъ начальствомъ на поль чести. Вамъ объявляю мои намъренія: желаю возстановленія Польши. Хочу исторгнуть ее изъ неполитическаго существованія на степень могущественнаго королевства. Хочу наказать варваровъ, презирающихъ мою дружбу. Уже берега Прегеля и Вислы покрыты орлами Франціи. Мои народы! Мои союзники! Мои друзья! Думайте со мною одинаково. Я хочу и поражу древнихъ тирановъ Европы. Я держалъ свое слово и теперь говорю: прежде шести мъсяцевъ двъ съверныя столицы Европы будуть видъть въ стънахъ своихъ побъдителей Европы».

Читая эти бумаги, съ первыхъ строкъ можно было замѣтить, что двадцатилѣтній купеческій сынъ Верещагинъ, отъ какого бы нио-странца образованіе свое ни получилъ и какою бы трактириою бесъдою развращенъ ни былъ, такихъ бумагъ не напишетъ; а потому и объявленіе это главнокомандующаго Москвою всѣмъ показалось ложью, что, конечно, не могло поселить къ нему ни довѣрія, ни искренняго уваженія *).

Я люблю правду, и всякой гражданинъ, приверженный не одними словами, но душею и серцемъ, къ престолу законнаго Монарха и Отечеству, долженъ любить правду: нбо помазанникъ Божій, Государь, изрекаетъ судъ по правдъ и тогда уже не подвергаетъ себя Божескому суду. И такъ, я объясню дъло о Верещагинъ слъдующею истиною. Дни за четыре до напечатаннаго объявленія графомъ Растопчинымъ, съ пришедшею изъ С.-Петербурга почтою, были получены и иностранныя въдомости, и въ Усть-Эльбскихъ эти, такъ названныя, дерзкія двъ бумаги были напечатаны. Какимъ же образомъ Верещагинъ прочель тъ газеты и успълъ перевести изънихъ ръчь Паполеона на Русской языкъ, я не знаю; по списки его перевода скоро разошлися по рукамъ: я самъ видълъ ихъ у многихъ моихъ чиновниковъ

^{*)} Исторія о Верещагинъ можеть наполнить собою целую книгу: такъ много о ней написано. Не обращено однако должнаго вниманія на то, что для графа Ростончина, вступившаго въ управленіе Москвою, когда уже приближалась къ Русскимъ предвламъ почти вся вооруженная Европа, важенъ былъ не столько Верещагинъ, какъ предлогъ, давшій ему возможность имъть почту въ рукахъ надежныхъ и уделить отъ нея масона Ключарева, у котораго Верещагинъ бралъ ипостранныя газеты. Графу Ростончину исобходимо было обезпечить себя съ этой стороны. П. Б.

въ департаментъ и списалъ для себя копіи, но, прочитавъ въ «Московскихъ Въдомостяхъ» объявленіе графа Растопчина, и чтобъ не подвергнуть себя непріятностямъ, сжегъ ихъ у себя тогда же, и потомъ уже въ 1814 году списалъ ихъ вновь изъ печатной Русской книги, заглавія которой не запомню.

Между тъмъ главной Московской почтъ-директоръ, тайной совътникъ Өедоръ Петровичъ Ключаревъ, человъкъ съ большими достоинствами, обремененный лътами и дряхлостью, но личный врагъ графу Ростопчину, былъ въ ночь арестованъ новымъ третьимъ полиціймейстеромъ столицы Москвы, г. Брокеромъ.

Для поясненія тогдашнихь отношеній, считаю нужнымъ сказать нъсколько словь о г. Брокеръ. Адамъ Өомичъ Брокеръ, съ давнихъ лъть приверженный къ графу Ростопчину и самой короткой человъкъ въ сго домъ, служилъ въ Главномъ Московскомъ Почтамтъ экзекуторомъ, и по назначеніи графа Ростопчина военнымъ губернаторомъ Москвы, по покровительству его, получилъ мъсто третьяго Московскаго полиціймейстера, съ переименованісмъ его въ военный чинъ; и этомуто чиновнику графъ Ростопчинъ поручилъ арестовать Ключарева, чиновнику, который, за двъ недъли назадъ, находился подъ непосреднымъ его, Ключарева, начальствомъ! Арестованный старецъ подъ стражею высланъ въ городъ Воронежъ, а оставшееся имъніе его содълалось пищею пламени и расхищено въ непріятельское нашествіе.

Поступокъ сей съ Ключаревымъ еще болъе утвердилъ ложь Ростопчина относительно Верещагина, потому что если бумаги писалъ Верещагинъ, то не было никакого повода такъ беззаконно поступать съ заслуженнымъ старцемъ, генераломъ; если же, напротивъ, Верещагинъ перевелъ сіи списки изъ иностранныхъ въдомостей, то не слъдовало объявлять, что Верещагинъ сочинилъ ихъ: ложь была очевидна въ обоихъ случаяхъ.

Впрочемъ, бумаги сіи и сами по себѣ не сдѣлали особеннаго впечатлѣнія въ народъ. Народъ говорилъ: «Мы, де, Русскіе и должны держаться Русской пословицы: Богъ не выдастъ, свинья не съѣстъ». И не знали чему дивиться: дерзости ли Наполеона, которую оказывалъ онъ къ вѣнценоснымъ друзьямъ своимъ, или кротости и снисхожденію сихъ вѣнценосныхъ его друзей.

Въ самое это же время слухъ прошель въ Москвѣ, что будто въ С.-Петербургѣ открыта измѣна въ особахъ Государственнаго Совѣта: секретарѣ Михайлѣ Михайловичѣ Сперанскомъ и Михайлѣ Леонтьевичѣ Магнитскомъ, что они уже арестованы министромъ полиціи Балашовымъ, и что ихъ везутъ подъ стражею чрезъ Москву въ опредъленные имъ города для жительства. Говорили при томъ, что лишь только они въ Москву въъдутъ, то будутъ истерзаны народомъ; но, слава Богу, они съ Твери поворотили въ другую сторону и въ Москвъ не были *).

Іюля 5 дня. Первой членъ Вотчиннаго Департамента, статской совътникъ Аничковъ, по случаю ваканціи, уволенъ былъ отъ должности на 28 дней; ему данъ былъ паспортъ, и онъ изъ Москвы выъхалъ, а я остался начальникомъ департамента.

110 дня. Государь Императоръ изволилъ прибыть въ столицу Москву. Съ Его Величествомъ прибыли гг. оберъ-гофмаршалъ графъ Толстой, генералъ отъ артиллеріи графъ Аракчеевъ, генералъ-адъютантъ, министръ полиціи Балашовъ, вице-адмиралъ, государственной секретарь Шишковъ, генералъ-адъютантъ князъ Волконскій, генералъ-адъютантъ графъ Комаровскій.

Въ сей же день рано утромъ читали мы следующій печатный манифесть:

«Первопрестольной столицъ нашей Москвъ.

Непріятель вошель съ великими силами въ предълы Россіи! Онъ идеть разорять любезное наше Отечество. Хотя пылающее мужествомъ ополченное Россійское воинство готово встрітить и низложить дерзость его и зломысліе, однакожъ по отеческому сердоболію и попеченію нашему о встхъ втримхъ нашихъ подданныхъ, не можемъ мы оставить безъ предваренія ихъ о сей угрожающей имъ опасности, да не возникнетъ изъ неосторожности нашей преимущества врагу. Того ради, имъя въ намъреніи, для надежньйшей обороны, собрать новыя внутреннія силы, наипервъе обращаемся мы къ древней столицъ предковъ нашихъ, Москвъ: она всегда была главою прочихъ городовъ Россійскихъ; она изливала всегда изъ нъдръ своихъ смертоносную на враговъ силу; по примъру ея, изъ всъхъ прочихъ окрестностей, текли къ ней, на подобіе крови къ сердцу, сыны отечества, для защиты онаго. Никогда не настояло въ томъ вящшей надобности, какъ нынъ. Спасеніе віры, престола, царства того требують. Итакъ, да распространится въ сердцахъ знаменитаго дворянства нашего и во всъхъ прочихъ сословіхъ духъ той праведной брани, какую благословляють Богъ и Православная наша церковь; да составить и нынъ сіе общее

^{*)} Высылка Сперанскаго и Магницкаго изт. Петербурга произошла еще 17 Марта 1812 года, П. Б.

рвеніе и усердіе новыя силы, и да умножатся оныя, начиная съ Москвы, во всей обширной Россіи! Мы не умедлимъ сами стать посреди народа своего въ сей столицъ и въ другихъ государства нашего мъстахъ, для совъщанія и руководствованія всёми нашими ополченіями, какъ нынъ преграждающими пути врагу, такъ и вновь устроенными на пораженіе онаго вездъ, гдъ только появится. Да обратится погибель, въ которую мнитъ онъ низринуть насъ, на главу его, и освобожденная отъ рабства Европа да возведичитъ имя Россіи!>

На подлинномъ: «Александръ».

Въ лагеръ бливъ Полоцка, 6 1юля 1812 года.

Всякой, кто читаль это воззвание къ столицъ Москвъ, быль тропуть до глубины сердца, всякой готовъ быль жертвовать собою для защиты престола и Отечества. Я въ сей день, со многими другими, объдалъ у начальника моего, графа Дмитріева-Мамонова. Сей вельможа Россійскаго государства, истинный сынъ Отечества, безъ лицемърнаго притворства, приверженный къ престолу Монарха, при своемъ состоянія, ръшился сформировать пехотный полкъ изъ крепостныхъ своихъ крестьянъ и на свой счетъ; онъ приглашалъ меня способствовать ему и вместе служить въ ономъ полку съ нимъ. Я охотно согласился и подалъ прошеніе о увольненіи меня изъ Вотчиннаго Департамента; но, къ сожадънію, дней чрезъ шесть графъ Дмитріевъ-Мамоновъ переменилъ свое намерение и, вместо пехотнаго полка вздумалъ сформировать конной подкъ; а такъ какъ я не только не умъю ъздить верхомъ, но, откровенно говорю, боюсь даже състь на лошадь, и потому поданную мною просьбу о увольнени меня изъ Вотчиннаго Департамента взяль обратно, изорваль и остался при своемъ мъстъ.

Іюля 15 дия. Въ сей день собраны были дворянское и купеческое сословія въ залахъ Слободскаго Дворца. Я самъ былъ тамъ лично. По прибытіи Государя Императора въ залу, въ которой собралось дворянство и по прочтеніи воззванія къ первопрестольной столицъ Москвъ, оное общимъ согласіемъ положило обмундировать и вооружить съ одной Московской губерніи, для отраженія врага, восемьдесять тысячъ воиновъ. Государь, принявъ сіе пожертвованіе съ душевнымъ умиленіемъ, изрекъ дворянству: «Инаго я не ожидалъ и не могь отъ васъ ожидать. Вы оправдали мое о васъ мнъніе». Потомъ Государь Императоръ вошелъ въ залу, въ которой ожидали его купечество и мъщанство, и я туда пошелъ, чтобы слышать, что они будутъ говорить; и по прочтеніи того же воззванія, они общимъ голосомъ от-

въчали: «Мы готовы жертвовать тебъ, отецъ нашъ, не только своимъ имуществомъ, но и собою». И туть же началась подписка денежнаго пожертвованія. Я возвратился въ квартиру свою.

Съ чувствомъ истиннаго прискорбія, невольно дъдаю нъкоторое замъчаніе, совершенно однакоже справедливое. Оно можеть показаться весьма непріятно, но правда всегда священна. До воззванія къ первопрестольной столицъ Москвъ Государемъ Императоромъ, въ лавкахъ купеческихъ сабля и шпага продавались по 6 р. и дешевле; пара пистолетовъ Тульскаго мастерства 8 и 7 р.; ружье, карабинъ того же мастерства 11, 12 и 15 р.; дороже не продавали. Но когда прочтено было воззвание Императора и учреждено ополчение противу врага, то таже самая сабля или шпага стоила уже 30 и 40 р.; пара пистолетовъ 35 и даже 50 р.; ружье, карабинъ не продавали ниже 80 р. и проч. Купцы видели, что съ голыми руками отразить непріятеля нельзя, и безсовъстно воспользовались этимъ случаемъ для своего обогащенія. Мастеровые, какъ-то портные, сапожники и другіе, утроили или учетверили цвну работы своей; словомъ, все необходимо нужное, даже съвстные принасы, высоко вздорожало. Графъ Растопчинъ, главнокомандующій въ Москвъ, могь бы легко такое беззаконное лихоимство властію своею остановить и предать виновных суду; но онъ смотрълъ на это зло равнодушно, и за недълю только до входу непріятели въ Москву публиковаль въ въдомостяхъ следующее: «Дабы остановить преступное лихоимство купцовъ Московскихъ, которые берутъ непомърную цъну за оружіе, необходимое для вступившихъ въ ополченіе противу врага, онъ, главнокомандующій, открыль государственный цейхаузъ, въ которомъ будетъ продаваться всякое оружіе дешевою цвною.

Дъйствительно, цъна продаваемому оружію изъ арсенала или цейхауза была очень дешева, ибо ружье или карабинъ стоили 2 и 3 рубли, сабля 1 р., кортикъ, пики и проч., все очень дешево; но, къ сожалънію, все это оружіе къ употребленію не годилось: ибо ружья или карабины были или безъ замковъ, или безъ прикладовъ, или стволы у нихъ согнутые, или измятые, сабли безъ эфесовъ, у другихъ клинки сломаны, зазубрены, и лучшее, что было въ цейхаузъ, то скуплено уже было купцами; но, не взирая на негодность оставшагося оружія, покупали еще оное, и арсеналъ или цейхаузъ былъ полопъ народу.

Итакъ пожертвованія дворянства были гораздо дъйствительные и полезные для отечества, чымъ пожертвованія купцовъ, мыщанъ, масте-

ровыхъ. Первые шли на защиту отечества сами, съ дътьми своими, нъсколько возмужалыми, жертвуя не только имуществомъ, но и жизнію, для отраженія врага, брали съ собою еще дружину изъ кръпостныхъ своихъ дворовыхъ людей и крестьянъ отъ 10 душъ одного, или и двухъ; а вторые приносили въ жертву однъ только деньги въ ассигнаціяхъ, которыя въ то время никакой цъны не имъли, и тотъ еще излишекъ денегъ своихъ, которыя они лихоимственно получили отъ дъйствительныхъ защитниковъ Отечества за оружіе и прочія необходимыя вещи; сами же они съ своими повъренными, прикащиками и сидъльцами удалялись заблаговременно изъ Москвы на нъсколькихъ сотняхъ троекъ лошадей, чтобы не быть свидътелями ужасовъ нашествія непріятеля, оставя въ домахъ своихъ только то, чего увезти съ собою не могли.

Повторю, что я съ большимъ прискорбіемъ сдъдалъ сіе замъчаніе.

Вотъ еще одно обстоятельство, которое случилось во время пребыванія Государя въ Москвъ и о которомъ умолчать я почель бы преступленіемъ.

Дворянство Рязанской губерній, въ которой имъть я небольшую деревню, узнавъ о воззваній Императора къ первопрестольной столицъ Москвъ, немедленно выслало своихъ депутатовъ, состоящихъ изъ уъздныхъ предводителей дворянства, съ тъмъ, чтобъ они, по пріъздъ въ Москву, повергнувъ себя къ стопамъ Государя, донесли Его Величеству, что Рязанское дворянство готово поставить на защиту Отечества шестдесятъ тысячъ воиновъ вооруженныхъ и обмундированныхъ. Самъ же губернской предводитель сего дворянства, Левъ Дмитріевичъ Измайловъ, въ числъ депутатовъ, по бользни своей, не былъ.

Депутаты, частію мив знакомые люди, по прівздв въ Москву, остановились въ дом'в губернскаго своего предводителя Измайлова, что у Мясницкихъ воротъ, и на другой день явились къ министру полиціи, генераль-адъютанту Балашову, прося его, чтобъ онъ доложиль объ нихъ Государю Императору.

Генералъ Балашовъ принялъ ихъ самымъ неблагосклоннымъ образомъ, кричалъ на нихъ, говоря, какъ смѣли они отлучиться отъ должностей своихъ; и, когда депутаты отвѣчали, что они это сдѣлали по общему приговору дворянства и съ личнаго дозволенія г-на Рязанскаго гражданскаго губернатора, Бухарина, тогда Балашовъ сказалъ, что онъ сдѣлаетъ строгое взысканіе, и почти выгналъ ихъ отъ себя. Хотя депутаты Рязанской губерніи чрезвычайно оскорбились и огорчились такимъ неделикатнымъ поступкомъ съ ними генерала Балашова, однакожъ не отчаявались и обратились къ главнокомандующему въ Москвъ, графу Растопчину, который и принялъ ихъ очень въжливо и ласково. Они, объяснивъ ему причину своего прівзда въ Москву, не умолчали о поступкъ съ ними генерала Балашова, и графъ Растопчинъ, порицая поступокъ Балашова, объщалъ въ тотъ же день доложить объ нихъ Государю Императору. На другой день рано чрезъ Московскую полицію приказано имъ было вытать немедленно изъ столицы. Они съ сердцемъ преисполненнымъ горести, что не видъли Государя и не выполнили на нихъ возложеннаго препорученія Рязанскимъ дворянствомъ, возвратились по свояси. Что должно думать о генералъ-адъютантъ, министръ полиціи, Балашовъ? Искренно ли онъ любилъ благодътеля своего, Государя Императора, и истинный ли былъ сынъ Отечества? По поступку его можно усомниться.

Іюля 18 дня. Обнародованъ составъ военной Московской силы, и Государь Императоръ изволиль вывхать изъ Москвы въ С.-Петербургъ.

Съ отъвздомъ Государя Императора движеніе народа было необыковенное. Множество прівзжихъ изъ деревень наполняло вечернія гулянья на бульварахъ, такъ что тъсно отъ нихъ было; всв почти были въ мундирахъ Московскаго ополченія, вооруженные, готовые кровью своею искупить мать Русскихъ градовъ; по мало по малу эта толпа становилась ръже и ръже, а недъли черезъ три бульвары и вовсе опустъли.

Графъ Растопчинъ, по отъёздё Государя Императора, рёдкій день не выдаваль печатныхъ афишекъ, какъ о дёйствіи армій нашихъ, такъ особенно и отъ себя въ народное извёстіе, писанныхъ особеннымъ слогомъ, который нёкоторые находили соотвётствующимъ времени и обстоятельствамъ, но большая часть пошлымъ и площаднымъ. Онъ писалъ, что глазъ у него болёлъ, а теперь глядитъ въ оба; что Французъ не тяжеле хлёбнаго снопа, и мы его на вилы, де, подымемъ; чтобы народъ не пугался, когда увидитъ шаръ воздушной, и на немъ 50 человёкъ; этотъ шаръ истребитъ армію непріятельскую, и проч. и проч. Однакожъ, смёясь надъ шаромъ, я долженъ упомянуть, что многіе этому вёрили отъ души. Я говорилъ о воздушномъ шарё съ вельможею, сенаторомъ, котораго имени не хочу назвать; онъ былъ точно увёренъ, что воздушный шаръ истребитъ непріятельскую армію, и доказывалъ, увёряя честью своею, что уже сдёлана проба, и собрано

было стадо овецъ, надъ которыми поднялся шаръ съ тремя человъками, и стадо истреблено.

Августа 9 дня. Первый членъ Вотчиннаго Департамента Аничковъ возвратился изъ отпуска къ должности своей, и такъ какъ вакантные дни еще продолжались, то испросилъ и я себъ увольненіе на 28 дней. Мнъ данъ былъ на сей срокъ законной паспортъ, и я не присутствовалъ уже въ Вотчинномъ Департаментъ.

Въ день, въ которой данъ былъ мив паспорть, нисколько еще не помышляли, чтобъ непріятель могъ овладёть Москвою; а какъ срокъ моему увольненію долженъ былъ окончиться около 9 числа Сентября, а непріятель овладёль Москвою 2 Сентября, слёдовательно безъ малъйшей отвётственности для меня и подозрёнія, что я будто въ духё труса бёжаль отъ непріятеля, не заботясь ни мало о сохраненіи сокровищей отечественныхъ, которыя заключаются въ архивё Вотчиннаго Департамента, могъ я съ семействомъ свободно уже удалиться безъ потери моего имущества, и не быть притомъ свидётелемъ ужаснаго нашествія врага. Въ ономъ достаточно оправдывало меня данное мив законное увольненіе.

Августа 18 дня. Главнокомандующій въ Москвъ, графъ Ростопчинь, предложиль письменно Вотчинному Департаменту слъдующее: «Вотчинной Департаменть долженъ уложить всъ дъла свои и имъть оныя въ готовности къ отвозу въ безопасное мъсто, если необходимость можеть того потребовать; а нужное количество лошадей на отвозъ сихъ дълъ чтобы департаментъ самъ уже отъ себя испросилъ отъ Московскаго гражданскаго губернатора».

Такъ какъ я не совершенно еще воспользовался даннымъ мив отпускомъ и изъ Москвы не вывзжаль, то первой членъ Вотчиннаго Департамента Аничковъ, получившій выше прописанное предложеніе графа Ростопчина, прислаль ко мив въ оригиналь оное и, вмысты съ симъ, прислаль сегодня же, то есть 18 Августа, вышедшее печатное объявленіе отъ него же, графа Ростопчина, слыдующаго содержанія:

«Отъ главнокомандующаго въ Москвъ.

Здёсь есть слухъ, и есть люди, кои ему вёрють и повторяють, что я запретиль выёздь изъ города. Если бы это было такъ, тогда на заставахъ были бы караулы и по нёскольку тысячь кареть, колясокъ и повозокъ во всё стороны не выёзжали. А я радъ, что барыни и купеческія жены ёдуть изъ Москвы для своего спокойствія. Меньше страха, меньше новостей; но нельзя похвалить и мужей, и братьевъ,

и родию, которые при женщинахъ, въ будущихъ, отправились безъ возврату. Если по ихъ есть опасность, то непристойно; а если нътъ ея, то стыдно. Я жизнію отвъчаю, что здодъй въ Москвъ не будеть, и воть почему: въ арміяхъ 130 тысячь войска славнаго, 1800 пушекъ и свътлъйшій князь Кутузовъ, истинно государевъ избранный воевода Русскихъ силъ и надо всеми начальникъ; у него сзади непріятеля генералы Тормасовъ и Чичаговъ, вибств 85 тысячъ славнаго войска; генераль Милорадовичь изъ Калуги пришель въ Можайскъ съ 36 тысячами пъхоты, 3.800 кавалеріи и 84 пушками пъшей и конной артиллеріи. Графъ Марковъ чрезъ три дни прійдеть въ Можайскъ съ 24 тысячами нашей военной силы, а остальныя 7 тысячъ всябдь за нимъ. Въ Москвъ, въ Клину, въ Завидовъ, въ Подольскъ 14 тысячь пехоты. А естьии этого мало для погибели злодея, тогда ужъ я скажу: «Ну, дружина Московская! Пойдемъ и мы!» И выйдемъ сто тысячь молодцовь, возмемь Иверскую Божію Матерь да 150 пушекъ, и кончимъ дъло всъ вмъстъ. У непріятеля же своихъ и сволочи 150.000 человъкъ; кормятся пареною рожью и лошадинымъ мясомъ. Воть что я думаю и вамъ объявляю, чтобъ иные радовались, а другіе успокоились, а больше еще тымь, что и Государь Императоръ на дняхъ изволить прибыть въ върную свою столицу. Прочитайте; понять можно, а толковать нечего».

Я не смъю дълать никакого замъчанія на это объявленіе, но спрошу только: какъ надобно было понимать оное?

Сей день 18 Августа быль черной день для меня. Я поздно узналь, что не надобно мив было возвращать паспорта, а идти по указанію случая; насъ всегда губить мудрованіе! Прочитавъ съ большимъ вниманіемъ, какъ предложеніе графа Растопчина Вотчинному Департаменту, такъ и объявленіе его къ жителямъ Москвы, помѣщенныя въ семъ послѣднемъ слова: «непристойно, стыдно», меня какъ громомъ поравили. Я думалъ, что сдѣлаю постыдное преступленіе, если воспользуюсь счастливымъ случаемъ, даннымъ мив законнымъ увольненіемъ, и удалюсь изъ Москвы. Я страшился, чтобъ удаленіе мое въ такое время, когда самимъ Провидѣпіемъ испытуется усердіе служащаго чиновника и сына Отечества, не постановлено бы мив было поступкомъ, близкимъ къ измѣнѣ или предательству, и полагалъ: чѣмъ кто имѣетъ именитѣе происхожденіе свое, тѣмъ болѣе обязанъ служить престолу и Отечеству по правдѣ. И въ таковыхъ-то мысляхъ рѣшился я возвратить данной мив паспортъ и остаться при своей должности.

Сего жъ 18 Августа графъ Растопчинъ далъ письменное приказаніе Московскому Магистрату, чтобы онъ «людямъ купеческаго и мѣщанскаго II. 23 русскій архивъ 1896. сословія не даваль уже паспортовь о выбадь ихь изь Москвы, кромъ жень ихь и малольтныхь дьтей».

Вышедшее вышепрописанное отъ графа Растопчина печатное объявленіе, равно какъ и приказаніе его Магистрату, чрезвычайно скоро разошлись по убзду, и толковали слова «непристойно, стыдно», всякой по своему; запрещеніе же Магистрату давать купцамъ и мъщанамъ паспорты о вывздв изъ Москвы совершенно вложило въ голову, что сіе запрещеніе есть всъмъ вообще, и потому тъ люди, которые не имъли нужды просить особенцыхъ паспортовъ, удаляясь изъ Москвы, находили въ пути своемъ большія непріятности или, лучше сказать, были въ величайшей опасности отъ подмосковныхъ крестьянъ, чрезъ селенія которыхъ должны были тхать. Они называли удалявшихся трусами, изменниками и безстрашно кричали въ следъ темъ, которые мимо селеній вхали: «Куда, бояре, бъжите вы съ колопами своими? Али невзгодье и на васъ пришло? И Москва въ опасности вамъ не мила уже». И которые изъ удалявшихся по необходимости должны были останавливаться въ селеніяхъ для отдохновенія и корму лошадей, то таковые вынуждаемы были хозяевами дворовъ, у которыхъ останавливались, платить себъ за овесъ и съно въ три-дорога, и сверхъ того просто за постой не по пяти копъекъ съ человъка, какъ то обыкновенно платили, но по рублю и болъе, и безпрекословно должны были повиноваться сему закону, если не хотъли сдълаться жертвою негодованія противъ своего побъту освиръпъвшаго народа. Многіе изъ удалявшихся изъ Москвы на своихъ собственныхъ дошадяхъ возвратились опять въ Москву пъшками, лишившись дорогою и лошадей своихъ съ экипажемъ, и имущества. Я свидътельствуюсь въ истинъ сихъ происшествій теми, кои удалялись въ то время изъ Москвы и сами разсказывали со слезами о горестномъ своемъ положения. Между тъмъ въ самой Москвъ такъ вздорожалъ наемъ извощичьихъ и даже крестьянскихъ лошадей, что за 50 верстъ просили съ нанимающаго на три дошади триста рублей и болье, потому что богатые господа и купцы всёхъ лошадей забрали; слёдовательно обремененный семействомъ чедовъкъ въ недостаткахъ своихъ по неволъ долженъ былъ остаться во власти непріятеля, тогда въ скоромъ времени овладъвшаго Москвою.

Августа 19 дня. Возвративъ данный мнѣ паспортъ или свидътельство о увольнения меня отъ должности на 28 дней, я присутствовалъ въ Вотчинномъ Департаментъ съ прочими членами онаго. Мы имъли разсуждение относительно предложения графа Растопчина, «чтобъ были дъла наши въ готовности къ отправлению оныхъ въ безопасное мъсто», и по предмету сего заключили опредълениемъ, всъми тремя членами подписаннымъ и за скръпою секретаря, слъдующаго содержанія: «Такъ какъ по справкѣ оказалось, что при Вотчинномъ Департаментѣ, кромѣ текущихъ дѣлъ, которыя оставить можно на произволъ судьбы, находится много самыхъ нужныхъ документовъ къ разрѣшенію споровъ тяжущихся между собою по вотчиннымъ дѣламъ, и документы сіи состоятъ частію въ огромныхъ книгахъ въ переплетѣ, частію въ связкахъ и въ сверткахъ, всего числомъ 42160; и по математической истинѣ сдѣланному вычисленію, полагая на каждую крестьянскую лошадь 18 пудъ, то потребно будетъ до тысячи лошадей», и проч. и проч. Мы представили это наше опредѣленіе на разсмотрѣніе главному нашему начальнику, графу Дмитріеву-Мамонову, который, съ своей стороны, немедленно, съ приложеніемъ этого нашего опредѣленія въ оригиналѣ, отнесся къ графу Растопчину, и просилъ меня, чтобъ я конвертъ его лично доставилъ въ собственныя руки графа, дабы избѣгнуть дальнѣйшей переписки и проволочки по сему предмету: ибо я, какъ членъ департамента, могъ дать ему нужныя свѣдѣнія и объясненія.

Графъ Растопчинъ въ сіе время жилъ внѣ Москвы, въ загородномъ своемъ домѣ, и потому доставилъ я конвертъ графа Дмитріева-Мамонова на другой уже депь, и отдалъ оный, какъ приказано миѣ было, въ собственныя руки его сіятельства; но графъ, спросивъ меня только: «отъ кого?» не удостоилъ болѣе разговоромъ и не оказалъ большаго вниманія къ отношенію графа Дмитріева-Мамонова, даже не распечаталъ конверта, а кинулъ оный на столъ. (Надобно знать, что графъ Растопчинъ былъ личный врагъ графу Дмитріеву - Мамонову). Послѣ двухъ часовъ ожиданія отвѣта, правитель канцеляріи его мяѣ объявилъ, что графъ Растопчинъ самъ будетъ въ Правительствующемъ Сенатѣ трактовать о дѣлахъ и архивѣ Вотчиннаго Департамента. Сътаковымъ отвѣтомъ и возвратился я къ графу Дмитріеву-Мамонову.

Августа 27 дня въ Москвъ узнали о кровопролитномъ сраженій при селъ Бородинъ, разстояніемъ отъ Москвы 120 версть.

Первый членъ департамента Аничковъ испросиль себъ отъ графа Дмитріева-Мамонова опять увольненіе отъ должности на 8 дней, и просиль меня не только убъдительно, но даже униженно, чтобъ не сдълаль я ему препятствія въ полученіи паспорта, поелику онъ видълъ, что я самъ имълъ полное право на отпускъ. И я, списходя тому жалкому положенію, въ которомъ онъ тогда находился и не могши ожидать отъ пего никакой помощи себъ въ сохраненіи архива Вотчиннаго Департамента, буде нужда того потребуетъ, да и казалось

^{*,} Графъ Растопчинъ обыкноненно проводилъ утро на Тверской въ гепералъ-губерваторскомъ домъ, за тънъ былъ въ своемъ домъ на Большой Лубинкъ (нынъ Кредитнаго Общества), а нечеромъ утажалъ въ себъ на дачу въ Сокольники (поздиће дача Митькова, на лъво отъ въъзда изъ Москвы). Ему случалось по педълямъ не раздиватьси. И. Б

мить, что онъ прежде времени умерь (ибо быль бледень и говориль дрожащимь языкомь, такъ что понять нельзя было, что онъ говориль) и потому не препятствоваль я ему получить паспорть, который я самъ и подписаль.

Такимъ образомъ я опять остался старшимъ членомъ Вотчиннаго Департамента.

Въ сей же день, 27 Августа, получено изъ С.-Петербурга отъ министра юстиціи Дмитріева предписаніе, чтобы главной надзоръ надъ Вотчиннымъ Департаментомъ, вмѣсто графа Дмитріева-Мамонова, поступившаго съ полкомъ, имъ формированнымъ, въ составъ арміи, имѣлъ оберъ-прокуроръ Озеровъ.

Августа 28 дня привезли въ Москву раненыхъ при селъ Бородинъ и помъстили ихъ въ разныхъ казенныхъ и партикулярныхъ домахъ.

Въ ночи съ 29 на 30 число Августа господа оберъ-прокуроры Правительствующаго Сената всёхъ департаментовъ имени необыкновенное свое ночное засъданіе, и отъ оберъ-прокурора Озерова, принявшаго главной надзорь надъ Вотчиннымъ Департаментомъ, приказано было, чтобы и я съ чиновниками моими въ это время находились при своемъ мъств. Я воздерживаюсь дълать какія нибудь замъчанія о семъ ночномъ засъданіи, но долженъ сказать, что господа оберъ-прокуроры, послъ многаго разсужденія относительно къ представшей опасности столицъ Москвъ (ибо и главная, де, квартира непріятеля, говорили они, не далве уже сорока версть), не приняли, однакожъ, никакихъ мъръ къ сохранению архива Вотчиннаго Департамента, равно какъ и небольшой суммы денегь, частію въ міздной монеть прежняго чекана, при ономъ состоящей, и ночное свое засъданіе заключили определеніемъ, которое и миж объявили: «Послать нарочнаго курьера въ С.-Петербургъ и, съ прописаніемъ обстоятельствъ, въ которыхъ находится Москва, испросить отъ министра юстиціи приказаніе, что делать съ архивомъ Вотчиннаго Департамента». И курьеръ съ таковымъ донесеніемъ отправленъ на другой уже день поздно, то есть 31 Августа.

Сіе ночное засъданіе составляли господа оберъ-прокуроры: графъ Кутайсовъ, Озеровъ, Засъцкій и Лужинъ. Оное продолжалось съ 10 часовъ вечера до 3 часовъ слъдующаго утра.

Августа 30 выдано въ народъ слъдующее печатное объявленіе: «Свътлъйшій князь, чтобъ скоръе соединиться съ войсками, которыя идутъ къ нему, перешелъ Можайскъ и сталъ на кръпкомъ

мъстъ, гдъ непріятель не вдругь на него пойдетъ. Къ нему идутъ отсюда 48 пушекъ съ нарядами; а свътлъйшій говорить, что Москву до послъдней капли крови защищать будетъ и готовъ хоть въ улицахъ драться. Вы, братцы, не смотрите на то, что присутственныя мъста закрыли; дъла прибрать надобно, а мы своимъ судомъ съ злодъемъ разберемся! Когда до чего дойдетъ, мнъ надобно молодцовъ и городскихъ, и деревенскихъ; я кличъ кликну дни за два, а теперь не надо, я и молчу. Хорошо съ топоромъ, не дурно съ рогатиной, а всего лучше вилы-тройчатки: Французъ не тяжеле снопа аржанаго. Завтра послъ объда я поднимаю Иверскую въ Екатерининскую гошпиталь къ раненымъ; тамъ воду освятимъ; они скоро выздоровъютъ. И я теперь здоровъ; у меня болъть глазъ, а теперь смотрю въ оба».

Подписаль: «Графъ Растопчинъ».

30 Августа 1812 года.

Это объявление въ народъ, которое, казалось бы, само по себъ ничего не значило, причинило, однакожъ, ужасное волнение въ народъ, волненіе самое убійственное: стали разбивать кабаки; питейная контора на улицъ Поварской разграблена, на улицахъ крикъ, драка; останавливали прохожихъ, спрашивая, гдъ непріятель? Трудно было отойти отъ нихъ. Въ Серебряномъ ряду двое Нъмцовъ, жившихъ въ Россіи нъсколько десятковъ уже леть, желали разменять ассигнаціи на серебро, и когда они не хотъли дать промънъ, который мънялы требовали, то силою отняли у нихъ деньги, а самихъ ихъ избили до полусмерти, подъ предлогомъ, будто они шпіоны *). Словомъ, Москва въ этотъ день какъ будто вовсе была безъ начальства. Я, проходя въ 10 часовъ утра изъ дому въ Вотчинной Департаменть, встретиль въ городъ, у Лобнаго мъста, что близъ Кремлевскихъ Спасскихъ воротъ, огромное стеченіе народа, большею частію пьяныхъ, готовыхъ на всякое буйство. Въ толив сей говорили, что графъ Растопчинъ сзываеть уже сыновъ Отечества на Три Горы, куда и самъ явится предводительствовать народомъ, для отраженія врага отъ Москвы, и что вавтрешній день съ восходомъ солнца народъ долженъ сбираться, кто съ чёмъ можетъ, въ назначенное имъ мёсто.

Въ Вотчинномъ Департаментъ я нашелъ все въ порядкъ: дежурные чиновники были при своихъ мъстахъ. Однакоже многіе удалились уже изъ Москвы, безъ въдома моего.

^{*)} Сперанскій въ Нижнемъ тоже покупаль звонкую монету и писаль своему подручнику Масальскому, что будеть покоенъ, когда набереть столько-то тысичь червонцевъ. Графъ Растопчинъ долженъ быль посылать въ Нижній своихъ людей, чтобы уберечь бывшаго государственнаго секретари отъ просто простонародья. П. Б.

Въ сей же день, по вечеру, прівхали замною отъ графа Алексвя Григорьевича Бобринскаго шесть лошадей въ двухъ повозкахъ; а супруга его, графиня Анна Володимировна, прислала мив 400 рублей ассигнаціями, которыя я отъ аптекаря Ауербаха и получилъ. Сверхъ того, графъ Бобринскій прислалъ мив, при особой запискв своей съ человъкомъ, прівхавшимъ съ лошадьми за мною, 240 Голландскихъ червонцовъ и просилъ меня, чтобъ я поспішилъ къ нему прівздомъ *).

Это частность, и я упомянуль объ ономъ только для того, чтобы доказать, что я всё способы имёль удалиться отъ непріятеля: имёль и деньги, и лошадей, но не имёль ни отъ какого начальства приказанія оставить мое мёсто, а самому собою нарушить присягу и, въ духё труса, спасал себя, кинувъ архивъ Вотчиннаго Департамента на произволъ судьбы, я не думаль имёть право. И если впослёдствіи сей подвигъ усердія моего поставленъ мнё быль въ преступленіе, и безъ суда
сще совершены на мвё жестокости паказанія, то все-таки преступленіе мос было похвальное, а подвигъ истинно-патріотическій, коимъ я
имёю полное право гордиться и хвалиться: по крайней мёрё, сохранепісмъ архива Вотчиннаго Департамента я заплатилъ любезному Отечеству за воспитаніе мое.

Августа 31 дня. Я рано вышель изъ дому моего, желая посмотръть, что двлается въ городъ, и прошель до Пръсненской заставы, изъ которой дорога на Три Горы. Боже мой! Съ какимъ сердечнымъ умидению взираль и на православной Русской народь, моихъ соотечественниковъ, которые стремились съ оружіемъ въ рукахъ, дорого отъ корыстолюбивыхъ торговцовъ купленнымъ. Другіе шли съ пиками, видами, топорами въ предмъстіе Три Горы, чтобы спасти отъ наступающаго врага Москву, колыбель Православія и гробы праотцевъ, и съ духомъ истиннаго патріотизма въ одинъ голосъ кричали: «Да здравствуеть батюшка нашъ Александръ!> Малъйшая поддержка этого патріотическаго взрыва, и Богь знаеть, взошель ли бы непріятель въ Москву. Пародъ, въ числъ ивсколькихъ десятковъ тысячъ, такъ что трудно было, какъ говорится, яблоку упасть, на пространствъ 4 или 5 версть квадратныхъ, съ восхожденіемъ солица до захожденія, не расходился, въ ожиданіи графа Растопчина, какъ онъ самъ объщалъ предводительствовать ими; но полководець не явился, и всё съ горестнымъ уныніемъ разошлись по домамъ.

Сентября 1 дня. Рано утромъ разбужевъ я былъ приходомъ ко мив третьяго члена Вотчиннаго Департамента, Иванова. Овъ принесъ мив конвертъ, содержащій въ себв предложеніе оберъ-прокурора Озе-

^{*)} Графъ Бобринскій жиль тогда за Тулою въ Бобрикахъ, и такъ въ следующемъ зоду скончелся. Супруга его была урождениен Унгервъ-Штернбергъ. П. Б.

рова, которому препорученъ главной надзоръ надъ Вотчиннымъ Департаментомъ. Распечатавъ конвертъ, прочиталъ я слъдующее:

«Вотчинному Департаменту

Такъ какъ оберъ - прокуроръ Сената г. Озеровъ отправляется съ Правительствующимъ Сенатомъ въ городъ Казань, то и передаетъ власть свою надъ департаментомъ старшему по себъ».

Но какое удивленіе мое было! Лишь прочиталь я сіи строки, увидъль у ногь моихъ его, Иванова, блъднаго, трепещущаго, умоляющаго меня подписать ему паспорть о вывъдъ изъ Москвы, который онъ уже держаль въ рукахъ своихъ. Я подписаль сей паспортъ. Въ противномъ случать онъ утхалъ бы и безъ паспорта моего, а можетъ быть еще и того хуже: умеръ бы отъ страху, и причину смерти его приписали бы мить.

Такъ какъ я оставался старшимъ въ Вотчинномъ Департаментъ или, лучше сказать, оставался одинъ съ нъсколькими чиновниками: то, по уходъ отъ меня Иванова, поспъшилъ въ домъ оберъ-прокурора Озерова, чтобъ узнать отъ него, въ чемъ власть его надъ Вотчиннымъ Департаментомъ, которую онъ передаетъ мнъ, и принять наставленіе, что мнъ самому дълать въ опасностяхъ, отъ которыхъ онъ удаляется. Но его превосходительства я не могъ видъть: онъ уже далеко былъ отъ Москвы.

Возвратясь на квартиру, я разсуждаль, что трусость, которую обнаружу подлымь бёгствомь отт непріятеля, кинувь сокровища отечественныя, которыя заключають въ себё архивы Вотчиннаго Департамента, на произволь судьбы, будеть со стороны моей подлымь нарушеніемь присяги. Возложивь все упованіе мое на Всемогущаго Творца, оставиль я квартиру свою со всёмь моимь въ оной имуществомь, приказавь людямь моимь не оставлять квартиры до самой уже невозможности быть въ оной, отпустиль лошадей графа Бобринскаго, присланныхь за мною и, взявь жену и малолётныхь моихь дётей, пошель съ ними въ Кремль, гдё я сдёлаль самого себя стражемъ Вотчиннаго Департамента.

Послѣ полудня ходиль я къ Дорогомиловской заставѣ, въ которую долженъ входить непріятель передовыми своими войсками, и на Арбатской улицѣ встрѣтилъ генерала отъ артиллеріи Лёвенштерна и адъютанта его Фадѣева, съ которымъ я давнымъ давно знакомъ, но около девяти лѣтъ не видался съ нимъ. Мы оба обрадовались свиданію нашему. Я узналъ отъ него, что непріятель непремѣнно войдетъ

въ Москву, потому что наша армія почти погибла и осталась не въ большомъ числѣ, но что еще дни два, какъ кажется, сказалъ онъ, простоимъ около Москвы. Фадѣевъ имѣлъ какое-то препорученіе, и мы скоро разстались. Когда стало смеркаться, то съ берегу Москвы-рѣки, у самого Дорогомиловскаго моста, видно было, что освѣтились бивуаки нашей арміи, расположенной у Поклонной горы, версты три отъ заставы Дорогомиловской. Народное буйство въ Москвѣ, бывшее въ этотъ вечеръ, описать нельзя. Возвратясь въ Вотчинной Департаментъ, я нашелъ тамъ все благополучно: семейство мое уже покоилось; караулъ, стоявшій на кругломъ дворѣ Сенатскаго зданія, билъ, по обыкновенію, вечернюю зорю, и я, осмотрѣвъ обѣ двери въ Вотчинной Департаментъ, заперъ ихъ и ключъ взялъ къ себѣ.

Сентября 2 дня я почти совсёмъ не спалъ, а дремалъ только и, къ удивленію моему, стоявшій караулъ на внутренцемъ кругломъ дворѣ Сенатскаго зданія и бившій вчерашняго вечера еще зорю, ночью снять былъ съ своего мѣста. Я предоставляю отцамъ семейства посудить о положеніи, въ которомъ долженъ я былъ находиться.

Въ 8 часовъ утра стали сходиться въ Вотчинной Департаменть чиновники и приказнослужители. Я имъль, какъ начальникъ ихъ, справедливую причину выговаривать некоторымъ, почему они, бывъ дежурные и дневальные, не находились въ сію ночь при своихъ мъстахъ, и за такое ихъ нерадъніе и пренебреженіе къ службъ угрожаль послать ихъ къ наказанію къ г-ну Московскому коменданту; по бывшій секретаремъ сего департамента, а потомъ дъйствительнымъ членомъ онаго, Рыбниковъ, язвительно мив отвъчалъ: «Ни коменданта, ни главнокомандующаго Москвою, ни оберъ-полиціймейстера, ни полицейскихъ чиновниковъ, никого уже нътъ въ Москвъ; а вы хотите, чтобъ мы были при своихъ мъстахъ». И въ самое это время вошедшій въ департаментъ чиновникъ (не помню имени его) сказалъ: «Ахъ, Алексъй Дмитріевичь, какой ужась я видъль, проходя мимо дома графа Растопчина, котораго дворъ былъ полопъ людьми, большею частью пьяными, кричавшими, чтобъ шелъ онъ на Три Горы предводительствовать ими къ отраженію непріятеля отъ Москвы. Вскоръ (продолжалъ чиновникъ) на такой зовъ вышелъ и самъ графъ на крыльцо и громогласно сказаль: «Подождите, братцы! Мив надобно еще управиться съ измънникомъ». И тутъ представленъ ему несчастный купеческій сынъ 20 лътъ, Верещагинъ, приведенный уже съ утра изъ временной тюрьмы (ямы) въ тулупъ на лисьемъ мъху, и Растопчинъ, взявъ его за руку, вскричалъ народу: «Вотъ измънникъ! Отъ него погибаеть Москва! Несчастный Верещагинъ, блёдный, только успёль громко сказать: «Гръхъ вашему сіятельству будеть!» Растопчинъ махнулъ рукою, и стоявшій близъ Верещагина ординарецъ графа, по имени Бурдаевъ (нынъ онъ въ Москвъ полицейскій чиновникъ, квартальнымъ надзирателемъ) ударилъ его саблею въ лицо. Несчастный палъ, испуская стоны, народъ сталъ терзать его и таскаетъ по улицамъ. Самъ же графъ Растопчинъ, воспользовавшись этимъ смятеніемъ, сошелъ съ крыльца и въ задніе ворота дому своего вытхалъ изъ Москвы на дрожкахъ»*).

Слушая чиновника, разсказывавшаго сіе ужасное происшествіе, я душевно страдаль и, не продолжая болье выговоровь моихъ виновнымъ моимъ чиновникамъ, приказалъ протоколисту Бородину сдълать журналь следующаго содержанія: «Такъ какъ я одинъ целаго присутствія Вотчиннаго Департамента составлять не могу, а потому и закрываю присутствіе. Но какъ чиновники и приказнослужители сего департамента за истекшій Августь місяць не получали слідуемаго имъ жалованья, и Правительствующаго Сената 6-го Департамента, отъ котораго долженъ я требовать разръшенія о выдачь онаго, въ Москвъ уже не находится: то и опредъляю выдать сіе жалованье, кому сколько следуеть, а по раздаче онаго выдать еще впередъ за два мъсяца на собственную мою отвътственность начальству». Подинсавъ сей журналъ, приказалъ я расходчику Рудакову, виъстъ съ экзекуторомъ департамента Гиринымъ и двумя чиновниками при нихъ, принести изъ кладовой ящикъ съ ассигнаціями, а мёдную монету въ мъшкахъ перенести въ присутственную камору. Оставивъ кладовую не запертою уже, выдалъ я расходчику Рудакову нужную сумму для раздачи чиновникамъ и приказнослужителямъ, на лицо состоящимъ по списку, опредъленное имъ жалованье за одинъ только мъсяцъ истекшій Августь.

Надобно знать, что я въ личномъ въдъніи моемъ никакой суммы денегъ не имътъ, а находившаяся при Вотчинномъ Департаментъ сосостояла подъ въдъніемъ 3-го члена департамента Иванова, который вчерашняго числа выъхалъ изъ Москвы, не сдавъ оной никому; а также и секретарь, при сей суммъ находившійся, титулярный совътникъ Воробьевъ (изъ господскихъ людей) уъхалъ изъ Москвы, дней

^{*)} Какъ извъстно читателянъ, самъ графъ Растоичинъ лишь за изсколько часовъ передъ тъмъ узпалъ, что сраженія подъ Москвою не будетъ, а утренними сумерками этого дни его полицейскіе проводили Кутузова отъ Дорогомиловской заставы къ лузскому мосту. Жавшій у гр. Растоичина въ лубянскомъ его домъ Карамзинъ тоже ожидалъ сраженія и готовъ былъ принять въ немъ участіє, какъ показываютъ письма его къ брату въ Симбирскую губернію. П. Б.

пять тому вазадь, какъ сказываль мив приказнослужитель, съ нимъ вмъстъ жившій, не испрося, однакожъ, ни отъ кого позволенія. Сей денежной казны, при Вотчинномъ Департаментъ состоящей, 1-го Сентября свидътельства по обыкновенію дълаемо не было, потому что 1-е Сентября было Воскресенье, а болье по смутнымъ обстоятельствамъ.

Экзекутору департамента коллежскому ассессору Гаврилъ Петровичу Гирину, осъмидесятилътнему старику, приказалъ я со всъмъ его семействомъ перебраться въ Вотчинной Департаментъ и находиться при мнъ. Онъ и вышелъ изъ департамента въ свой домъ, но я его уже болъе не видълъ.

Расходчикъ Рудаковъ раздаваль жалованье чиновникамъ и приказнослужителямъ, а я пошелъ посмотреть, что делается въ городе. На Лобномъ мъсть, что близъ Кремлевскихъ Спасскихъ вороть, площадь была полна народу, такъ что тесно было; въ воздухе же быль пестерпимой смрадъ отъ того, что лавки москательнаго ряда были уже зажжены и какъ говорили, зажигалъ лавки самъ частной приставъ городской части, какой-то князь. Тутъ, на Лобномъ мъстъ, встрътилъ я графа Дмитріева-Мамонова. Онъ былъ на конъ и, увидя меня, соскочиль съ лошади и спросиль: «Что ты туть делаешь, Бестужевъ? Непріятель входить уже въ Москву! Я отвічаль: «Любезный графъ! Я не имъю особеннаго повельнія оставить моего мъста, а самому собою нарушить присягу и, въ духв труса, кинувъ на произволъ судьбы архивъ Вотчиннаго департамента, отъ непріятеля бъжать не думаю быть въ правъ, а потому и остаюсь при своемъ мъстъ; что будеть, то и будеть . -- «Ну, прощай», сказаль графъ и, поцвловавшись со мною, примолвиль: «Да сохранить тебя Господь Богь!» и повхаль.

Возвратись въ Вотчинной Департаментъ, я подписалъ многимъ чиновникамъ и приказнослужителямъ паспорты о свободномь имъ вывздъ изъ Москвы; расходчикъ Рудаковъ еще продолжалъ раздачу жалованья. Выло 3 часа по полудни, и я распустилъ чиновниковъ и
приказнослужителей по квартирамъ ихъ, приказавъ часа черезъ два
возвратиться въ Вотчинной Департаментъ, а оставилъ при себъ однихъ
только дежурныхъ и дневальныхъ.

Любопытствуя узнать, что двлается на большой Арбатской улицв, по которой, какъ я думаль, непріятель должень входить (а онъ, напротивъ, вошель во всв заставы, которыя на сторонв къ городу Смоленску, то есть, въ Дорогомиловскую, Пръсненскую, Тверскую, Міюзскую и другія), я взяль съ собою чиновника и вышель изъ Кремля. Въ сіе время на Ивановской колокольнъ удариль колоколь къ вечерней молитвъ.

Лишь только я съ чиновникомъ вышли изъ Кремля, то встрътили пьянаго господскаго человъка, у котораго въ одной рукъ было ружье со штыкомъ, а въ другой карабинъ. Сей человъкъ былъ въ самомъ безобразномъ видъ и, покачиваясь то въ ту, то въ другую сторону, что-то бормоталъ про себя. Я, усмъхнувшить, сказалъ бывшему со мною чиновнику довольно громко: «Вотъ видишь, что значитъ безпачаліе», и отошелъ уже отъ сего пьянаго нъсколько шаговъ, какъ кинулъ онъ въ меня ружье со штыкомъ, которымъ, слава Богу, не попалъ, но вслъдъ за онымъ кинулъ и карабинъ, которымъ ушибъ меня кръпко въ ногу. Почувствовавъ чрезвычайную боль въ ногъ, я воротился и кое-какъ дотащился до Вотчиннаго Департамента.

Въ 4 часа пополудни пушечные выстрълы холостыми зарядами, по Арбатской и другимъ улицамъ, возвъстили входъ непріятеля въ Московскія заставы. Я считаль выстрылы, ихъ было 18. Звонь па Пвановской колокольно утихъ. Вскоро Троицкіе ворота въ Кремло, которые были наглухо заколочены, и только одна калитка для проходу оставлена, выломлены, и несколько Польских улановъ і) въвхало въ Кремль чрезъ оные. Мъсто это изъ оконъ Вотчиннаго Департамента видно, ибо нъкоторыя окна прямо противъ Троицкихъ воротъ. Я вскричаль: «върно, это непріятель!» — «Э, нъть!» отвъчаль мой знакомой, пришедшій въ департаменть со мною проститься; сэто нашь арріергардь отступающій». Но увидели мы, что въёхавшіе уланы стали рубить стоящихъ у арсенала нъсколько человъкъ съ оружіемъ, которое они изъ онаго только что взяли, и уже человъкъ десять нали окровавленые, а остальные, отбросивъ оружіе и ставъ на кольни, просили помилованія. Уданы сошли съ коней своихъ, отбили приклады у ружей, и безъ того къ употребленію негодящихся, забрали людей и засадили ихъ въ новостроющуюся Оружейную Палату 2). Я заперъ входъ и выходъ въ Вотчинной Департаменть, взяль ключи къ себъ и приставиль къ дверямъ къ каждой по одному инвалиду, изъ служащихъ при департаменть, приказавъ тотчасъ увъдомить меня, коль скоро кто будеть стучаться.

Вскоръ, за передовыми Польскими уланами, стала входить и непріятельская конница. Впереди таль генераль, в музыка гремъла.

¹⁾ И такъ Польскіе уланы первые вошли въ нашъ Кремль. Можетъ быть, въ числъ ихъ были примые потонки тъхъ Поляковъ, которые, двъсти лътъ назадъ, хозяйничали въ Московскомъ Кремлъ. Тотъ же Савка, но въ другой шапкъ. П. Б.

¹⁾ Она была на томъ мъстъ, гдъ нынъ Кремлевскія казармы. П. Б.

Когда сіе войско входило въ Кремль, то на стѣнныхъ часахъ, которые въ департаментъ, показывало $4^4/_2$ часа. Это войско входило въ Троицкіе и Боровицкіе ворота, проходило мимо Сенатскаго зданія и вышло въ Китай-городъ чрезъ Спасскіе ворота; шествіо этой конницы продолжалось до глубокихъ сумерекъ безпрерывно. Ввезена въ Кремль пушка и сдъланъ выстрълъ къ Никольскимъ воротамъ, холостымъ зарядомъ; въроятно, сей выстрълъ служилъ сигналомъ.

Одинъ изъ инвалидныхъ солдатъ, которыхъ я поставилъ у входа дверей въ департаментъ, пришелъ ко мев и скизалъ, что кто-то стучится кръпко въ двери. Я отперъ. Это были люди мои, которые оставались на квартирь. Они сказали, что непріятель овладьль уже совершенно Москвою, и что въ домъ, въ которомъ я жилъ, взошло около 40 человъкъ, но что имъ никакой обиды сдълано не было. Когда стало смеркаться, то пламя зажженнаго утромъ москательнаго ряда освътило комнаты департамента такъ, что никакой надобности не было въ свъчахъ. Круглой въ Сенатскомъ зданіи дворъ занять непріятельскими солдатами, и видно было изъ оконъ департамента, что нъсколько человъкъ бъгали съ огнемъ по комнатамъ, въ которыхъ присутствовали сенаторы, выкидывали столы и стулья на дворъ, для бивакъ своихъ. Хотя ночь эта и была ужасная ночь для меня, но. слава Богу, викто изъ непріятелей не входиль въ Вотчинной Департаменть, и какъ я самъ, такъ и всъ бывшіе при мнъ оставались спокойны.

По сю пору мы не видали еще крови, кромъ крови несчастнаго Верещагина, и часа два тому назадъ непріятельскими уданами избитыхъ у арсенала.

Симъ кончаю описаніе происшествій въ 1812 году въ Москвъ, до входа непріятельскихъ войскъ въ сію столицу. Я описалъ и причины, почему я остался во власти непріятеля. И если таковой примърной подвигъ усердія моего, которой бы долженъ быль заслужить вниманіе, уваженіе и награду, но несправедливостію бывшаго тогда министромъ юстиціи Дмитріева и главнокомандовавшаго Москвою графа Растопчина, почитается преступленіемъ и наказывается жесточайнимъ образомъ: въ такомъ случав надобно дать новую форму клятвенному нашему объщанію и положить въ оной предълы, до которыхъ поръ служащій чиновникъ долженъ сохранять присягу свою, и буде только до того времени, покуда чиновнику личная опасность не представится, то невъроятно, чтобъ царствующій Монархъ имъль бы истинно приверженныхъ къ престолу своему, а Отечество останется

безъ пламенныхъ сыновъ, и несправедливость, мнѣ оказанная, можетъ устрашить всякаго служить по правдѣ и прямымъ путемъ службы искать себѣ чести.

Второе отдёленіе сего описанія *) будеть заключать въ себ'в ужасныя происшествія въ Москв'в въ шестинедёльное пребываніе въ ней непріятеля. Я говорю ужасныя, потому что съ дётства жилъ подъблаготворными и кроткими законами возлюбленныхъ нашихъ монарховъ и подобныхъ дёзній не видёлъ.

О происшествіяхъ, случившихся въ Москвѣ во время пребыванія въ оной непріятеля въ 1812 году. Донесеніе члена Вотчиннаго Департамента А. Д. Бестужева-Рюмина г. министру юстиціи.

Его превосходительству, господину тайному совътнику, министру юстиціи и разныхъ орденовъ кавалеру, Ивану Ивановичу Дмитріеву, отъ надворваго совътника Бестужева-Рюмина доношеніе.

2-го Маія прошедшаго 1812-го года, указомъ Правительствующаго Сената, по предложенію вашего превосходительства, опредъленъ я членомъ Вотчиннаго Департамента. 2 Сентября того жъ 1812-го года, непріятель овладель Москвою, и дела Вотчиннаго Департамента, при которыхъ я былъ изъ членовъ въ наличности одинъ, остались во власти его, въ которой и находились по 11 число Октября мъсяца: въ сей день непріятель совершенно очистиль Москву, оставя въ Воспитательномъ Домъ однихъ больныхъ и раненыхъ. Вскоръ потомъ учреждена, по имянному Его Императорскаго Величества повельнію, коммисія о разсмотръніи, виновны ди тъ, кои, при нахожденіи Французовъ въ сей столицъ, имъли должности? Коммисія засъданія свои уже кончила; а какъ и я быль подъ следствіемъ оной и известился при томъ, что ваше превосходительство предписаніемъ г. статскому совътнику Огареву (пребывающему нынъ въ Москвъ по дъламъ службы) приказали запретить меж присутствовать въ Вотчинномъ Департаментъ: а потому, окончивъ такимъ образомъ служение мое подъ начальствомъ вашимъ, поставляю однакожъ долгомъ сделать вашему превосходительству полное донесение объ обстоятельствахъ, почему дъла Вотчиннаго Департамента оставались не вывезенными по примъру прочихъ мъсть, а равно и о моихъ усиліяхъ къ сохраненію сихъ дъль во время пребыванія непріятеля въ Москвъ и, наконець, о всъхъ происшествіяхъ, которыя могуть оправдывать мои дъйствія въ сіе время безначалія,

^{*)} Этой второй части Записокъ Бестужева-Рюмина мы не имъемъ. Ен отсутствіе пополняется нижеслъдующимъ его допесеніемъ. II. Б.

на пользу Отечества и несчастныхъ соотечественниковъ моихъ, находившихся со мною въ плъну.

Въ началъ Іюля совътникъ департамента, г. статскій совътникъ Аничковъ, по предложенію главнаго директора графа Дмитріева-Мамонова, уволенъ, по надобностямъ его, на 28 дней, а управленіе департаментомъ препоручилъ мнѣ. А какъ онъ, г. Аничковъ, явился на срокъ къ должности своей, то есть, въ первыхъ числахъ Августа мѣсяца, тогда изъявилъ я желаніе быть уволену на 28 дней по моимъ необходимостямъ въ Тульскую губернію, въ городъ Богородскъ. Присутствіе Вотчиннаго Департамента входило съ представленіемъ о семъ моемъ увольненіи къ главному директору, графу Дмитріеву-Мамонову, которой и изъявилъ на оное свое согласіе предложеніемъ, и потому 9-го Августа, получа паспортъ, я кончилъ присутствіе мое въ департаментъ, однакожъ, по причинъ бользненнаго состоянія жены моей, изъ Москвы не выъхалъ.

18-го Августа получено отношение на имя департамента отъ г. главнокомандующаго въ Москвъ, графа Оедора Васильевича Растопчина. Въ семъ отношении его сіятельство предлагалъ департаменту уложить дела опаго и иметь ихъ въ готовности къ отвозу, буде нужда того потребуеть, а о нужномъ количествъ на то лошадей предоставиль департаменту самому требовать отъ г. гражданскаго губернатора. Въ разсуждении таковыхъ обстоятельствъ я почиталъ преступленіемъ оставить департаменть, когда нужно было действовать къ спасенію его общими сидами; и если я, по новости служенія моего въ ономъ мъсть, не могу равнять себя противъ сотоварищей моихъ въ знаніи дълъ, принадлежащихъ оному департаменту, то могу сказать, что я болье ихъ чувствоваль всю необходимость къ внутреннему спокойствію Отечества сохраненіемъ архива и дёль онаго, и потому, возвратя данной мив паспорть, остался при должности моей. Позвольте мив, ваше превосходительство, въ семъ мъсть сдълать нъкоторое замъчаніе. Въ предписаніи вашемъ г. статскому совътнику Огареву касательно меня сказано: «который не успъль вывхать». Сіе несправедливо вамъ донесено. Я не не успъль вывхать изъ Москвы, узнавъ объ опасности, а не хотыть безъ особаго повельнія ни подъ какимъ предлогомъ оставить своего мъста. Въ понятіи моемъ большая разница въ сихъ словахъ и въ отношеніи присяги, и въ отношенію усерднаго сына Отечества.

19 Августа присутствіе Вотчиннаго Департамента, по справкамъ оказавшимся, что въ архивахъ онаго находится книгъ въ переплетъ, въ связкахъ и въ сверткахъ всего числомъ 42.160, кромъ текущихъ

дёль, заключило опредёленіемь, всёми тремя членами подписаннымъ, что на укладку и обвертку оныхъ къ сбережению потребно около 10.000 рублей, а на отвогъ до 1.000 лошадей, полагая на каждую лошадь по 18 пудъ. Съ сего опредвленія представлена копія на разръшение главному департамента директору, графу Дмитріеву-Мамонову, который съ своей стороны сделаль немедленно отношение, съ приложеніемъ сей копіи, къ главнокомандующему графу Растопчину, и просидъ меня, чтобъ оное доставилъ я лично въ руки его сіятельства, съ тъмъ, что естьли нужны могуть быть дальнъйшія объясненія, то я, какъ членъ департамента, могу оными удовлетворить, не входя въ переписку. Я на другой день, по жительству графа Растопчина въ загородномъ его домф, отвезъ сіе графа Дмитріева-Мамонова отношеніе; съ 9 часовъ утра ждаль свободнаго времени ему оное вручить, и въ 2 часа пополудни уже вручиль. Въ отвъть правитель канцеляріи его сіятельства, г. Руничъ, мнъ объявилъ, что графъ Растопчинъ самъ будеть отвътствовать графу Дмитріеву-Мамонову; съ симъ разръшеніемъ и вышель я изъ дому его.

29 Августа, по предписанію вашего превосходительства, вмісто графа Дмитріева-Мамонова особенной надзоръ за Вотчиннымъ Департаментомъ вы препоручить изволили 7-го Правительствующаго Сената департамента г. оберъ-прокурору и кавалеру Озерову, который въ сей же день и присутствоваль въ Вотчинномъ Департаментв. Разсужденіемъ были: отношеніе въ оный графа Растопчина касательно укладки дълъ и заключение на сіе департамента, которое остается безъ разръшенія. Его превосходительство Озеровъ объщаль лично говорить о семъ съ графомъ Растопчинымъ и приказалъ въ сей же день по вечеру быть мит съ чиновниками въ департаментъ, по случаю особеннаго засъданія Сената господъ оберъ-прокуроровъ. Я приказаніе его выполниль и съ чиновниками моими находился до полушочи въ департаментв; однако настоящаго разръшенія никакого не получиль о вывозъ онаго дълъ; а г. оберъ-прокуроръ Озеровъ объявилъ, что, говоря о семъ съ графомъ Растопчинымъ, его сіятельство хотвлъ сдъдать сношение съ вашимъ превосходительствомъ.

31 Августа при выдаваемыхъ «Московскихъ Въдомостяхъ» была печатная прокламація (афишка), въ коей графъ Растопчинъ увърялъ честью своею и клядся съдинами главнокомандующаго арміями, свътлъйшаго князя Кутузова, что Французскія войска не будуть въ Москвъ; а буде до того дойдетъ, то онъ, графъ Растопчинъ, созоветь 100 т. молодцовъ, и самъ съ оными и съ образомъ Иверскія Божіей Матери встрътитъ непріятеля на Поклонной горъ (за Дорогомилов-

скою заставою, 3 версты отъ Москвы). Въ сей день ввечеру началось волнение въ народъ, и многие домы разбиты и разграблены.

1-го Сентября, по утру, въ 8 часовъ, пришелъ ко мив на квартиру третій членъ департамента, г. надворной совътникъ Ивановъ, и просилъ моего согласія на отъбодъ его изъ Москвы на 8 дней. Я не могу описать вашему превосходительству положенія, въ которомъ г. Ивановъ въ то время быль: бледень, трепещущь, едва можеть выговаривать слова, паль съ сею просьбою къ ногамъ моимъ. Я не полагаль, глядя на него, жить ему болье получаса на свыть, слыдовательно, въ такомъ его положеніи никакой помощи ожидать не могъ къ спасенію департамента діль, если нужда къ тому будеть, и потому согласился на отъёздъ его. Въ 9 часовъ утра быль я въ департаментё, но ни дежурныхъ, ни дневальныхъ въ ономъ не было, а находилось только туть человъкъ пять инвалидныхъ солдатъ, при Департаменть служащихъ, изъ коихъ двое были пьяны. Я приказалъ вахмистру Гурилову призвать тыхъ чиновниковъ и приказнослужителей, коимъ слъдовало въ сей день быть безотлучно въ департаментъ, а самъ я пошель въ Успенскій соборь. Божественную дитургію отправляль викарный архіерей, и служеніе съ необыкновенною торопливостію производилось; по окончаніи онаго, пришель я опять въ департаменть, и какъ вахмистръ Гуриловъ мив донесъ, что никого изъ дежурныхъ не отыскаль, то я разсудиль сдълать самаго себя стражемъ департамента и избраль къ жительству своему пустую камору близъ 4-й части архива; его же, Гурилова, посладъ на квартиру свою привести ко мнъ жену и малолетныхъ детей моихъ, а при томъ, чтобъ онъ людямъ приказалъ не оставлять дому до самаго кряйняго часа. Въ 4 часа пополудни явились въ департаментъ нъкоторые дневальные, извиняясь естественной надобностію отлучки ихъ. Я, во избъжаніе подобныхъ отговорокъ, приказалъ отколотить одно нужное мъсто, задъланное прежде сего Кремлевскою Экспедицією, въ надвяніи, что дежурные чиновники не будутъ, подъ видомъ естественныхъ нуждъ своихъ, отлучаться изъ департаментскихъ каморъ. Между тёмъ ходилъ я въ городъ и видель некоторыхъ знакомыхъ мев изъ арміи офицеровъ, отъ коихъ и узналъ, что братъ мой родной, командующій Либавскимъ мушкатерскимъ полкомъ, живъ и объщался на другой день вмъстъ съ ними посътить меня. Волнение въ народъ было уже очень сильное, грабили даже домы; пьянство и озорничество оставались безъ всякаго опасенія быть наказану. Въ 9-ть часовъ вечера карауль, стоящій на кругломъ дворъ Сената, биль вечернюю зорю, и я съ семействомъ моимъ ночеваль въ департаментъ.

2-10 Септября стоящій карауль на дворь Сепата почью спять. Въ 8 часовъ начали сбираться въ департаментъ чиновники и приказпослужители; я нъкоторымъ имълъ справедливую причину выговаривать за неисправление ихъ обязанностей, объщевая послать къ его превосходительству, г. коменданту, для наказанія; но секретарь Рыбниковъ съ язвительною усмфикою миф отвфтствовалъ на сіи угрозы: «Ни коменданта, ни главнокомандующаго, ни оберъ-полицеймейстера, ни квартальныхъ уже въ Москвъ не находится»; а другой, туть же стоявшій, не помню кто, сказаль: «Я сейчась виділь, что по улицамь пьяные таскають мертвое тэло» (тело Верещагина). Не продолжая далъе моихъ выговоровъ, приказалъ я протоколисту Бородину написать журналь, въ коемъ опредълиль: «Послику и одинъ составить цълаго присутствія Вотчиннаго Департамента не могу, и потому закрываю опое; а какъ истечениемъ Августа мъсяца чиновники и приказнослужители не получали за оной следуемаго имъ жалованья, и Ссната шестаго Департамента, отъ котораго долженъ и требовать о выдачв онаго разръшенія, въ Москвъ не находится, а потому и опредъляю: выдать, кому сколько следуеть, а равно, по раздаче онаго, выдать еще за два мъсяца впередъ, на собственный мой отчеть начальству». Подписавъ сей журналъ, приказалъ я расходчику Рудакову, вмъсть съ г. к., ассес. и Вотчиннаго Департамента экзекуторомъ Гиринымъ (оной г. Гиринъ, съ семействомъ своимъ, во время пребыванія Французовъ въ Моский жилъ въ погорбломъ каменномъ домф подъ сводами, и паденіемъ оныхъ окончиль жизнь свою), принести изъ кладовой ліцикъ съ ассигнаціями въ присутственную камору. Въ ономъ находилось наличными 8.125 р., сверхъ того должно числить наличными же взятые подъ росписки въ счетъ жалованья чиновниками 250 р., модной же монеты сколько было, не могу заподлинно сказать, ибо я оной не видалъ.

Я должень извъстить ваше превосходительство, что по приходу и расходу денежной казны въ департаментъ, завъдываль сію часть третій членъ надворный совътникъ, который, не отдавъ отчету наканунъ, изъ Москвы уъхалъ; также и секретарь по оной части Воробьевъ (изъ господскихъ людей) уъхалъ безъ спросу еще 30 Августа, и обыкновеннаго денежной казны свидътельства за Августъ мъсяцъ дълано не было, и въдомость присутствію объ остаткъ суммы къ Сентябрю мъсяцу не представлена.

По принесеніи ящика съ деньгами, я выдаль расходчику Рудакову, для раздачи за Августь мъсяцъ чиновникамъ жалованья, 1.500 р., за тъмъ остальные 6,625 р., не отдавая уже въ кладовую, оставилъ 11. 24 при себъ, а мъдную монету, сколько оной въ кладовой находилось, приказалъ перенести въ присутственную камору.

Я сіе учинилъ потому, что, послѣ раздачи за Августъ мѣсяцъ, долженъ я былъ выдать, въ согласность журнала моего, за два мѣсяца впередъ, а еще болѣе и потому, чтобъ, въ случаѣ какого песчастія, самому мнѣ, какъ начальнику департамента, за оную сумму отвѣтствовать, не объявляя и не ссылаясь, въ растратѣ или похищеніп оной, быть причиною кому изъ подчиненныхъ мнѣ.

До двухъ часовъ пополудни расходчикъ Рудаковъ не кончилъ еще раздачи жалованья за Августъ мъсяцъ, и чиновники разошлись по домамъ, а остались одни только дежурные. Въ три часа непріятель взошель въ Кремль конницею, подъ командою короля Неаполитанскаго (Murat). Я заперъ двери департамента, приказавъ никого не выпускать и не впускать. Люди мои, оставшіеся на квартиръ, прибъжали въ четыре часа, сказывая, что Французскія войска по всъмъ улицамъ разсъялись. Въ восемь часовъ вечера сильное пламя показалось въ Китаъ-городъ, въ москательномъ ряду. Я ночевалъ съ семействомъ моимъ въ департаментъ.

Позвольте мив, ваше превосходительство, при семъ просить вашего начальническаго защищенія противъ клеветы, которую расходчикъ Рудаковъ въ рапортв своемъ, до свъдвиія вашего дошедшемъ, показаль, будто я, до вторженія Французовъ въ Москву, за нівсколько часовъ, мізную монету, въ департаменть находящуюся, приказаль перевезти на свою квартиру.

Я не только не отвозиль на квартиру свою мідной монеты, но на квартирі уже и не быль, какъ оставиль оную накануні для, то есть, 1 Сентября, въ чемъ и самъ Рудаковъ сознался въ коммисін; а потому покорнійше прошу ваше превосходительство приказать наказать его въ приміръ, чтобы не клеветали на своихъ пачальниковъ. Я, кромі чувствительнаго огорченія, что такая клевета могла дать вамъ обо мні худое мнівніе, иміль еще ту непріятность, что съ симъ клеветникомъ долженъ быть въ коммиссіи стать на одну доску и себя оправдывать. Равнымъ образомъ прошу ваше превосходительство приказать предать сужденію по законамъ и бывшаго въ департаменті по части денежной казны секретаремъ Воробьева, которой оставиль свое місто 30 Августа безъ спросу и не отдавъ въ пмінощейся паличной суммі отчету; я бы нимало не задержаль его, поо, по закрытій присутствія, многимъ чиновникамъ, меня просившимъ, подписаль билеты для свободнаго выйзду изъ Москвы.

Въ продолжение ночи сей никто изъ непріятелей въ департаментъ не ходилъ; по видимо было, что множество мародеровъ бъгали въ комнатахъ Сената со свъчами и съ обнаженными саблями, выкидывали изъ оконъ на круглой Сената дворъ столы и стулья, гдъ и разложенъ былъ огонь.

3-го Сентября, въ 9 часовъ утра, явился я въ Кремлевской дворецъ и просилъ Наполеона о покровительствъ въ сохранени архивовъ департамента, коихъ я, какъ сказалъ ему, быль начальникъ. Посланъ со мною секретарь его, г. Делориъ-де-Девилль, освидътельствовать оные, которой, посмотръвъ ихъ, повелъ меня обратно во дворецъ. По сей часъ никто изъ непріятелей въ департаменть не входиль. Пришедъ во дворецъ, маршалъ, герцогъ Фріульской объявилъ мив благоволеніе своего императора, а вивств съ онымъ и объщаніе, что архивы останутся въ целости, и вследствіе сего приказаль одному полковнику дать 4-хъ часовыхъ, для каждой галдерен по одному. Съ симъ полковникомъ и часовыми пошелъ я въ департаментъ, а пришедъ въ оной, нашелъ каморы департамента уже занятыми старой гвардіи солдатами; кладовая, въ которой цичего не было, взломана; семейство мое, совершенно обобранное маршала, герцога Истрійскаго, штабомъ, въ присутствіи самаго его; они накинулись на кое-что, бывшее у меня събстное, какъ голодные волки, и отняли при томъ дарчикъ съ бумагами, въ которомъ находилось 3.500 р. ассигнаціями казенныхъ денегь и 800 р. моихъ собственныхъ.

Когда непріятель взошель въ Кремль, въ то время, дабы сохранить оставшінся у меня казенныя деньгя, всего 6.625 р. ассигнаціями, я раздѣлиль, къ лучшему сбереженію сей суммы, на участки: 3.500 р. ноложиль въ ларчикъ съ бумагами, въ коемъ находилось и мнѣ собственно принадлежащихъ 800 р., 3.000 р. спряталь въ боковой карманъ фрака малолѣтняго сына моего (12 лѣть) уповая, что младенчество его избъгнетъ грабежа, 125 р. спряталь у себя подъ чулки къ подошвамъ. Сверхъ оныхъ денегъ было еще у меня моихъ собственныхъ червонныхъ и серебряной монеты, кои я спряталъ. . . . . но благопристойность не позволяетъ назвать мѣста. Мѣдную же монету я оставилъ въ комнатѣ департамента.

Въ самомъ жалкомъ состоянии нашелъ я семейство мое, взошедъ, съ полковникомъ и часовыми, въ комнату, въ которой они находились. Изъ архива департамента, однако, высланы были всъ солдаты и къ дверямъ опыхъ поставлены часовые; ко мит же въ комнату поставленъ офицеръ Голландской гвардіи съ своими тремя деньщиками. Моей команды солдаты, при департаментъ служащіе, напились пьяны и

вышли ко мит изъ повиновенія, а вахмистръ Гуриловъ изъ окна упаль на дворъ и убился до смерти. Въ 9 часовъ вечера сильный дымъ показался на Арбатт (комнаты Вотчиннаго Департамента имъють видъ въ три стороны города).

4 Сентября огонь сильно действоваль кругь Кремля, и Троицкая башня съ часами уже выгорвла, въ разсуждении чего всв старой гвардіи солдаты, квартирующіе въ Сенатскомъ домъ, коихъ было около 5.000 человъкъ (о числъ оныхъ они сами сказывали), высланы были въ потушенію огня. Наполеонъ вывхаль изъ Кремля въ Петровской дворецъ. Русскимъ же, кои находились въ Кремлъ, велъно было всъмъ оставить оной, и я, выходя со ветми, при мит бывшими, изъ департамента, въ которомъ долженъ былъ оставить имущество мое и мъдную монету, казив принадлежащую, быль на площади, что противъ Сената, совершенно обнаженъ: у меня отняли сюртукъ и капотъ, въ присутствіи самаго командующаго генерала, Ле-Гросса, которой быль на сей разъ пьянъ; а одинъ солдатъ едва меня не прокололъ штыкомъ ружья своего, называя насъ зяжигателями. Съ сына моего 12-ти лътъ, къ которому въ карманъ каотана положилъ я 3.000 р., сорванъ каотанъ и фракъ, и оставленъ опъ въ одной рубашкъ; у младенца же семи недъдь, при мив съ матерью находившагося и котораго мать отъ испуга не могла кормить грудью, отняли полбутылки молока; а двухъ приказнослужителей, тугъ же при мив бывшихъ, Бутурлова и Пищудина, взяди въ работу въ себъ. Въ такомъ горестномъ положения, по усильной просьбъ моей, далъ маршаль, герцогъ Фріульской, до квартиры мнв провожатаго. Сему провожатому, по имени Сабле, я и мос семейство обязаны жизнью. Онъ довель насъ до Сухаревой башни благополучно, и въ знакъ благодарности моей и отдалъ ему образъ Божіей Матери, сохраненный мною на груди и коего золотая оправа. стоила 80 червонныхъ. Я не описываю вашему превосходительству ужасовъ, которымъ я дорогою былъ свидетель: оные не принадлежать къ сохраненію діяль департамента. Такимъ образомъ ночевали мы въ домъ Познанскаго, что у Сухаревой башии.

5 Сентября. Я не распространяюсь въ описании и сего ужаснаго дня, ибо намъреніе мое увъдомить вашего превосходительство о дълахъ ввъреннаго мнъ департамента, а я, вышедъ уже изъ онаго, не могу знать, что тамъ происходило. Въ сей день горъли Срътенская часть, что у Сухаревой башни, и самой тотъ домъ, въ которомъ и ночевалъ, объ Басманныя улицы и Нъмецкая Слобода. Я съ семействомъ монмъ и другими приставшими ко мнъ людьми укрывались отъ мародеровъ, вездъ грабившихъ, въ одномъ огородъ, близъ церкви Спаса что во Спасскомъ, которая, въ два часа пополудни, загорълась. Среди сего

огорода былъ прудъ, и мы овощами утолили ифсколько голодъ, насъ мучившій, но не избъгли однакожъ прозорливости мародеровъ; двое изъ нихъ пришли насъ грабить; въ виду же оныхъ было более ста человекъ. Бедныя творенія! И они были безъ сапоговъ, безъ рубашекъ, платье едва наготу ихъ прикрывало; они, обнаживъ тесаки, требовали наши сапоги и другія вещи, въ которыхъ самую необходимость имвли. Безумное дело, казалось, сопротивляться, и потому отдавали имъ, что надобно. Ваше превосходительство, можетъ быть, не имъете точнаго понятія, что такое за люди передовыя войска Французской арміи, вторгнувшейся въ Москву, а потому позвольте миъ сдълать описаніе случившемуся со мною въ огородъ приключенію. Насъ было въ ономъ около 50 человъкъ; большая часть были женщины. Пришедшіе два мародера, видя, что мы ни мальйшаго сопротивленія ихъ нахальнымъ требованіямъ не дълаемъ, вздумали раздьвать женщинъ и искать сокровищъ въ такомъ мъстъ, гдъ только Алжирскіе корсеры ищуть. Я, боясь, чтобъ подобной обыскъ не быль сдъланъ и женъ моей, подошелъ къ нимъ, и сказалъ: «Messieurs! Vous pouvez prendre tout ce que vous voyez sur nous; mais si vous osez y toucher les dames et les femmes, qui sont ici, au nom du Créateur, que vous ne reconnaissez pas, je jure de vous faire jetter dans cet eau bourbouse», показывая на прудъ. Они съ симъ словомъ вложили тесаки свои въ ножвы и уходя отвътствовали: «Ah! Monsieur, si vous agissez comme cela, nous sommes bien vos très humbles serviteurs.... vos très humbles serviteurs», повторили еще, и пошли прочь. Вотъ герои, овладъвшіе Москвой!!

Я оставиль огородь по причинь, что заборь и дерева въ ономъ уже загорълись, и вышель въ поле между Троицкою заставою и Сокольниками, гдв и ночеваль.

6 Ссимября. Находя большія препятствія, пли лучше сказать никакой возможности не предвидя чтобъ могъ оставить городъ Москву съ семействомъ моимъ и другими приставшими ко мив людьми, я рвшился войти въ Москву; мы три дии уже не видали куска хліба, п бъдныя діти мон, истощивъ себя, плакали. Гласъ и чувство природы требовали моего объ нихъ понеченія. Я пришелъ на Тверскую улицу и у самыхъ Воскресенскихъ воротъ встрітиль Наполеонъ съ его штабомъ верхами. Я скинулъ шляпу, и уповательно Паполеонъ узналъ меня, хотя былъ я нагъ и босъ и имъль только дакейскую шинель на себъ; ибо, посмотрівъ на меня, что-то сказалъ бывшему сзади его чиновнику, который тотчасъ и подъбхалъ ко мив; въ семъ чиновникъ узналъ я секретаря его г. Делорна-де-Девилля, который, узнавъ меня, вскричаль «Ah Monsienr Bestoujeff, dans quelle situation je vous vois!».... Я отвътствоваль: «С'est le sort de la guerre!»—«Ой est votre femme, vos enfans?» примолвиль онъ.—«Vous les voyez», показывая на нихъ (жена въ рубищъ, а дъти босы). —«Аh, Dieu!»... И на глазахъ его слезы показались. Изъ многихъ окружавшихъ насъ приказалъ онъ одному полковнику штаба маршала принца Невштельскаго (Bertier), по имени г. Фонъ-Зейденъ Нивельту, именемъ императора своего, взять меня подъ покровительство. Г. подполковникъ избралъ домъ для жительства на Петровкъ, близъ Петровскаго монастыря, бывшій князя Одоевскаго, а нынъ губернской секретарши Дурповой. Управитель сего дома, Иванъ Александровъ, оставшійся въ Москвъ наканунъ дня, заколонъ Польскими грабителями. Чрезъ два дня потомъ вступили въ оной же домъ для квартированія 50 человъкъ молодой гвардіи съ 3 офицерами. Подъ покровительствомъ оныхъ жилъ я со всъми при мнъ бывшими безопасно и до 16 Сентября не выходилъ изъ комнатъ.

Сей день, 16 Сентября, быль самой ужасивйшій въ жизни моей; описаніе онаго не принадлежить къ предмету моего донесенія.

16 Сентября, сысканъ будучи Французскою полицією, по приказу 9 числа, представленъ я къ графу Мило (commendant de la ville). Опъ за подписаніемъ своимъ далъ мив записку, съ которою долженъ я былъ явиться къ маршалу герцогу Тревизо (Mortier, general-gouverneur de Moscou). Я не могу довольно нахвалиться привътствіемъ и даскою сего маршала. Онъ спросиль меня: «Я ли тоть надворный советникь Бестужевъ, которому препоручены были архивы въ Кремлъ? Мой отвъть быль, что его превосходительство не ошибается: «Я самой тоть». Онъ изъявилъ искреннее сожалвніе къ мосму несчастному положенію и предлагаль не только одежду мив, но даже денежное вспомоществованіе, которыхъ, однакожъ, я не принялъ. Онъ объявиль при томъ, что учреждается Отеческое Градское правленіе (Municipalité Paternelle). въ которомъ, по особенной волъ его императора, и я долженъ присутствовать. Я на первой разъ сдълаль было отрицаніе мое объ участвованіи въ ономъ; но маршалъ, герцогъ Тревизо, сказалъ, что его мунисипалитетъ учреждается не въ пользу Французовъ, а напротивъ учрежденіемъ онаго находять единое средство защитить несчастныхъ соотечественниковъ моихъ отъ грабежа, насилій и обидъ; следовательно и отказываться мив отъ участвованія въ семъ наміреніи будеть съ моей стороны несправедливо, и находить въ принятіи моего отрицанія затрудненія въ томъ еще, что долженъ донести объ ономъ своему императору, а чтобъ я не имълъ сомнънія, что оное учрежденіе

для пользы монхъ согражданъ, показалъ и инструкцію сему предполагасмому мунисипалитету. Я, не находя въ оной ничего противнато совъсти моей, ни нарушенія присяги, изъявиль свое согласіе. Вслъдствіе сего и даль онъ мив, маршаль, свидвтельство (родь патента), съ котораго при семъ прилагаю копію подъ № 1. А дабы въновомъ семъ званіи лично обезопасить меня отъ обидъ непріятельскихъ войскъ, а равно, чтобъ я могъ на улицахъ, въ случав нужды, защитить соотечественниковъ моихъ, приказано носить мнв на лввой рукв красную узкую ленту и съ праваго плеча на лъвое перевязь красную же. Я узкой ленточки на рукъ не носилъ, потому только, что не могъ нигдъ достать оной, а когда выходиль со двора, тогда имъль на себъ подъ шинслью перевязь красную по камзолу (фрака не было) сію перевязь едблаль я изъ ленты ордена святаго Александра Невскаго, доставшейся мнъ по наслъдству отъ дъда моего и служившей по рожденіи мнъ въ пеленахъ свивальникомъ. Дъйствительно, Французскія войска оказывали большое уважение къ сему знаку, и я имълъ счастие человъкъ пять на улицъ защитить отъ грабежа, а при томъ всъ, прибъгавшіе подъ защиту въ домъ, которой я съ г. подполковникомъ Фонъ-Зейденъ-фонъ-Нивельтомъ занималъ, были, по крайней мъръ, уже безопасны, ибо и на воротахъ онаго дома быль билеть: «Logement d'adjoint au maire de la ville»; и таковыхъ пришельцовъ было болъе 50 человъкъ, коимъ и отъ части и хаъба давалъ. Впрочемъ, въ учрежденномъ мунисипалитетъ я имълъ двъ экспедиціи подъ моимъ особеннымъ надзоромъ: 1-я «Approvisionnement des malheureux habitants de la ville», 2-я: «Secours aux indigents»; но по обоимъ симъ предметамъ оставался въ дъйствіяхъ моихъ безполезенъ, потому что не имълъ къ тому способовъ: въ хлебъ самъ очень нуждался, а денежныхъ пособій не двдаль, потому что денегь у меня не было.

Ежели поставить мит въ преступленіе, что я, до вторженія въ Москву не имтвъ о вытадъ повельнія, самъ собою не догадался бъжать изъ города, и съ нарушеніемь присяги оставиль бы діла Вотчиннаго Департамента на произволь, въ такомъ случать я, въ оправданіе свое, ничего сказать не могу и заслуживаю наказаніе по законамъ, буде на таковой мой проступокъ есть постановленіе; если же, напротивъ, поступокъ мой, что я безстрашно сохранилъ місто свое, пе взирая на разглашенія о вступь жестокостяхъ, производимыхъ непріятелемъ, имтя въ виду единое спасеніе діль, надзору моему ввъренныхъ, не вмітняется мит въ преступленіе; слітдовательно, оставшись, такимъ образомъ, во власти непріятеля, по долгу службы моему Отечеству, не въ другомъ чемъ можно отъ меня требовать и отчета, какъ

только: не нарушилъ ли я присяги законному моему Государю? Несдъдаль ли я предательства или измъны Отечеству, открытісмъ тайны моего правительства? Или, возгордясь ивкоторымъ оказаннымъ мив отличіемъ, не дълалъ ли я какія насилія несчастнымъ соотечествениикамъ моимъ, терпъвшимъ равную участь со мною? Присяги законному моему Государю я пи въ какомъ смыслъ не нарушилъ, ибо особу Его Императорскаго Величества я люблю, какъ Россіяницъ; предательства, или измѣны Отечеству открытіемъ тайнъ правительства не учиниль; да и что можеть знать чиновникъ, роющійся въ Москвъ въ архивахъ Вотчиннаго Департамента, о дълахъ Комитета Министровъ въ С.-Петербургъ? Касательно же до притъсненія или обидъ сотоварищамъ общаго со мною несчастія, на меня жалобъ ни отъ кого пътъ, н оныхъ быть не можетъ, ибо я поступалъ со всеми по собственной волъ сердца своего. Между 50.000 человъть обоего пола людей, оставшихся въ Москвъ во власти непріятеля, многіе, въ почетныхъ чинахъ состоявшіе, рубили Французамъ дрова, носили воду, или другіе имъли ноши (butin, какъ они называють), и иногда путешествіе ихъ съ оными было отъ Москвы до Всесвятского, а отъ Всесвятского до Коломенскаго; а я не только не дълалъ подобныхъ послугъ имъ, но, охрания по должности своей, дела Вотчиннаго Департамента, быль еще защитникомъ соотечественниковъ монхъ отъ обидъ, сохранияъ и присягу къ Государю, и любовь къ Отечеству; отказаться же отъ возложенной на меня должности засъданія въ мунисипалитетъ значило воспротивиться воль императора Наполеона безумнымъ упрямствомъ, коего сабдствіемъ, въ примъръ другимъ, была бы мет смерть постыдная. Я взираль бы и на оную равнодушно; ибо чувствую, что есть что-то выше человъка, и безтрепетно предстану на судъ къ сему существу. котораго не постигаю; совъсть моя чиста! Но осмъдиваюсь спросить: могла ли быть смерть моя въ то время полезна для Отечества! Неть, нътъ, ваше превосходительство. Теперь недостаетъ самой малой только части дъль, къ Вотчинному Департаменту принадлежащихъ, а со смертью мосю, можеть быть, ин одного бы не было, и если дела Вотчиннаго Департамента нужны для блага Отечества, то и жизнь моя нужна была; пбо сохранение оныхъ дёлъ сопряжено было съ моимъ усердіемъ.

18 Сентября, съ соизволенія маршала, герцога Тревизо, который мит письмо даль къ маршалу, герцогу Данцигскому (Le Febre), командующему въ Кремлі, входиль я въ Вотчинной Департаменть въ сопровожденіи адъютанта сего послідняго и, къ великой радости моей и удивленію, увиділь, что всё діла были совершенно въ томъ же по-

рядкъ, въ которомъ я оныя оставилъ; и часовые, тутъ стоявшіе, сказали, что имъютъ повельніе никого не впускать въ галлерею архива, но напротивъ въ присутственной каморъ, въ моей бывшей комнатъ, и въ другихъ комнатахъ, къ которымъ не поставлены были часовые, всъ вещи въ оныхъ обобраны и все переломано; ибо занимали оные солдаты постоемъ, и я всего имущества лишился; изъ числа же мъдныхъ денегъ, казнъ принадлежащихъ и которыя я, выходя 4 Септября оставилъ, находилось еще семь мънковъ.

23 Сситября быль я опять, съ его же, маршала, герцога Тревизо, позволенія, въ Вотчинномъ Департаменть, и, по случаю вступившихъ въ Кремль къ квартированію новыхъ двухъ полковъ, галлерен смотрыть, чтобъ дълъ не расхищали; однакожъ я примътиль, что они книги употребляли на постилку вмъсто кроватей, и потому разсудиль, къ дучшему сбереженію, подать письменную просьбу на имя Наполеопа, которую самъ и сочиниль.

25 Сентября подаль оную просьбу маршалу, герцогу Тревизо, па разсмотрвніе.

Въ сей день, по полудии въ 6 часовъ, подавъ просьбу мою марпалу, онъ просилъ меня остаться у него. Между разговорами я объявилъ, что, при вшествіи Французскихъ войскъ въ Москву, имѣлъ при себъ казенныхъ денегъ 6.625 р. ассигнаціями, кои у меня отняты, не взирая, что Наполеономъ объщано мнъ покровительство. Онъ отвъчалъ, улыбаясь: «Справедливъе бы было вамъ просить о своей собственности, которую вы потеряли; а что касается до казеннаго, то оное правомъ войны (butin, droit de la guerre) принадлежитъ имъ, побъдителямъ». Впрочемъ, Бога поставляю во свидътели, что сей маршалъ, сколь часто пи былъ я у него, но онъ не только со мною, но при мнъ и съ другими, никогда на счетъ правительства нашего не говорилъ.

29 Сентября маршаль, герцогь Тревизо, возвратиль мив просьбу мою на имя Наполеона, съ нъкоторыми поправками въ этикетъ.

4 Октября, пополудни въ 6 часовъ, подалъ оную я лично въ Кремлевскомъ дворцѣ (копію, каковую подалъ, здѣсь прилагаю подъ № 2) и отвѣту на тотъ часъ не имѣлъ; а генералъ-адъютантъ его, графъ Нарбоннъ, вышедъ изъ внутреннихъ покоевъ Наполеона, сказалъ: «Si vous voulez passer demain chez moi, vous aurez prendre réponse».

5 Октября, поутру въ 6 часовъ былъ я у графа Нарбонна, и опъ мив сказалъ, что Императоръ его находить просьбу мою совер-

шенно справедливою и, похваляя притомъ усердіе моє на пользу Отечества, обнадеживаль, что сокровища сін отъ войска его останутся невредимы; а какъ просиль я повельніе оныя собрать въ одну залу, то о семъ приказаніе дано маршалу, герцогу Тревизо, не только къ сему допустить, но и оказать въ ономъ вспомоществованіе.

Въ полдень видёль я знакомаго уже мий секретаря, г. Делориаде-Девилля, который сказаль, что онъ читаль мою просьбу къ его императору, и что Наполеонъ въ первыхъ словахъ своихъ сказалъ: «Этотъ чиновникъ съ своею архивою мий уже наскучилъ», и потомъ далъ приказаніе графу Нарбонну.

6 Октября. Хотя въ сей день и ничего такого не воспослъдовало, что касилось бы до предмету моего донесенія вашему превосходительству, однакожъ я не могу умолчать о такомъ обстоятельствъ, которое въ великія хлопоты меня ввело. Въ 8 часовъ вечера, когда я готовился уже ложиться спать, пришель ко мив изъ Кремля солдать старой гвардіи, по имени Сабле, самой тотъ, которой провожаль меня 4-го Сентября изъ Кремля до Сухаревой башии. Онъ пожелаль со мною проститься, какъ самъ сказываль, и пожелать мив всякаго благополучія; ибо завтрашній день, съ восходомъ солица, отданъ приказъ имъ выступить въ походъ; и после получаса разговору ничего незначущаго, распрощавшись со мною, просилъ меня, чтобъ я проводиль его десять шаговъ только, и когда я сіе учиниль, оставшись съ нимъ одинъ, то, взявъ онъ меня за руку, сказалъ: «Sauvez vous, mon cher, si vous pouvez; le Kremlin va sauter en pair, aussi bien qu'une autre place, tout près de votre су-devant» (онъ разумълъ пушечной дворъ, что близъ Сокольниковъ) «On va meme donner les ordres de massacrer tout ce qui porte les armes et de mettre le feu à toutes les maisons qui n'ont pas été incendiées». Я оставляю судить вашему превосходительству, въ какомъ положени долженъ я быль находиться, имъя въ глазахъ моихъ дътей, содълывающихся жертвою смерти, и Богь знаеть какой еще смерти!

7 Октября, въ 6 часовъ утра, Наполеонъ, съ старою гвардією, оставилъ Москву. Молодая гвардія, подъ командою герцога Тревизо, вступила на квартиры въ Кремль. Самъ маршалъ перебхалъ въ Кремлевской дворецъ. Я, по поводу поданной просьбы моей Наполеону, говорилъ съ маршаломъ, который въ отвътъ сказалъ, что въ теперешнемъ обстоятельствъ сіе излишне будетъ, ибо и остальныя войска скоро оставятъ Москву; а между тъмъ приказалъ при мнъ полковнику, командующему тъмъ полкомъ, который занялъ комнаты Вотчиннаго

Департамента, чтобъ дълъ не расхищали и, такимъ образомъ, я простился съ маршаломъ и болъе его уже не видалъ. Кордонъ передовыхъ Французкихъ войскъ стоялъ по бульвару.

- 8 Октября, въ два часа пополудни, взорваны ящики съ порохомъ на пушечномъ дворъ. Кордонъ былъ еще по бульвару, перестръливаясь часто съ нашими мужиками.
- 9 Октабря, не находя себя уже въ безопасности въ домѣ г. Дугновой, ибо солдаты молодой гвардіи съ ихъ офицерами перешли въ Кремль, я разсудилъ также съ семействомъ моимъ искать спасенія въ Воспитательномъ домѣ, и его превосходительство Иванъ Акинеіевичъ Тутолминъ далъ мнѣ, по милости своей, въ ономъ комнату, въ которой я помѣстился.
- 10 Октября, около 4 часовъ по полудни, услышали мы, что командующій корпусомъ Россійскихъ войскъ, баронъ Винценгероде, взятъ въ полонъ близъ Тверскихъ воротъ и приведенъ въ Кремль. Въ 8 часовъ вечера зажгли Французы Винной дворъ и вскоръ потомъ домъ главнаго Кригсъ-коммисаріата. Въ 11 часовъ зажженъ Кремлевской дворецъ, и Французскія войска, подъ командою маршала, герцога Тревизо, оставшіяся, вышли изъ Москвы чрезъ Каменной мостъ по Калужской дорогъ.
- 11 Октября, въ два часа по полуночи, взорванъ Кремль въ пяти мъстахъ. Въ 7 часовъ входилъ я въ оной, и стечение Русскаго народа было несказанно; Вотчинной же Департаментъ, въ каморахъ котораго Французы оставили бочекъ съ двадцать вина и въ архивахъ картофелю и сукна, былъ полонъ мужиковъ, и ужаснъйшаго буйства отъ оныхъ въ пьянствъ ихъ описать нельзя. Въ три часа по полудни пришли казаки.
- 12 Октября, въ 10 часовъ утра, поставленъ былъ вокругъ Кремля караулъ, и никого въ оной не впускали, а въ пять часовъ по полудни я оставилъ Москву, ибо былъ совершенно нагъ и со всъмъ семействомъ, въ чемъ засвидътельствовать можетъ его превосходительство Иванъ Акинејевичъ Тутолминъ, съ которымъ я простился, поблагодаря его за квартиру. Пребываніе мое было въ деревнъ братьевъ моихъ и въ волостяхъ графа Бобринскаго, къ котораго великодушію прибътнулъ я, прося о вспомоществованіи.

Я не знаю, почему г. генералъ-мајоръ Иловайской 4-й, въ рапортъ своемъ къ Государю Императору, написалъ касательно меня «скрылся»; равно не знаю, почему о себъ написалъ, что онъ «вытъсниль непріятеля изъ Кремля. Донесепіе совсёмъ несправедливое, и разница большая въ послёдствіяхъ его рапортовъ; спросить надобно твхъ, кои были въ то время въ Москве, тогда и справедливость его донесепія усмотреть можно будеть, котораго бы и следствія были совершенно противны.

22 Ноября, узнавъ о донесеніи г. генераль-маіора Иловайскаго 4-го изъ газеть, и ни мало не мѣшкалъ явиться въ Москву къ г. главнокомандующему, графу Өедору Васильскичу Растопчину, и вскорѣ потомъ учреждена коммиссія по имянному Его Императорскаго Высочества повелѣнію о разобраніи, виновны ли тѣ, кои, при нахожденіи Французовъ въ Москвѣ, имѣли должности? А какъ сія коммиссія для насъ уже кончилась, то, вмѣстѣ съ окончаніемъ оной, и донесеніс мое о сихъ обстоятельствахъ честь имѣю вашему превосходительству представить.

Симъ и оканчиваю мое донесеніе. Жалью, что не могу опое покончить уведомлениемь, сколько осталось въ Вотчинномъ Департаментв дълъ въ совершенной цълости; ибо, извъстившись, что вы запретили мив присутствовать въ ономъ, я болбе уже и не домогался узнать, въ какомъ состояній находятся тамъ дела. Само Провиденіе къ сохраненію большей части оныхъ внушило вашему превосходительству дать мив сіе м'всто, и я см'вло могу сказать, что ни одинъ изъ сочленовъ моихъ не дълалъ бы такихъ усилій къ спасснію сихъ дъль, и съ такимъ притомъ пожертвованіемъ, съ которымъ я старался исполнить долгь присяги моей. А не стану искать дальнихъ доказательствъ въ разности служенія, которую предполагаю имёть въ разсужденіп сотоварищей моихъ; ибо я, не взирая на всв неистовые поступки непріятеля съ нобъжденными, оставаясь, жертвоваль не только своею жизнью, но и жизнью семейства моего и малольтних детей; глась природы умолкъ при исполнении моихъ обязанностей, обязанностей сына Отечества (свидътель можеть судить о моихъ поступкахъ); а товарищи мон, напротивъ, оставя въ Москвъ только то, что вывезть не могли, сами удалились и возвратились опять въ Москву въ половинъ Февраля, и непріятель очистиль опую 11-го числа Октября, и возвратились не съ тъмъ, чтобъ сдълать опись оставщимся дъламъ, хотя имъють въ отчеть оныхъ равное участіе со мною, но въ срокъ подать объявленія о потеръ своей, которую могли претерпъть съ разрушениемъ Москвы. Повърьте, ваше превосходительство, что я не менъе ихъ потерялъ, но сію потерю я приношу въ дань любезному моему Отечеству.

Я увъдомился отъ прівхавшаго пзъ С.-Петербурга, что ваше прсвосходительство въ большомъ негодованіи на меня въ разсужденіи не-

сбереженія суммы денегь, оставшейся въ Вотчинномъ Департаменть. Я оными не покорыстовался; сія сумма очень педостаточна усыпить совъсть мою, если бы къ несчастію и имъль ее сопливою. Изъ донесенія мосго вы видъть можете, какимъ случаемъ и въ какое время оная у меня похищена, и я еще всего собственнаго лишидся; впрочемъ, почему товарищи мои не увезли ея съ собою? Не скрою, однакожъ, отъ вашего превосходительства, что я имъль случай во время пребыванія Французовъ въ Москвъ опую потерю пополнить, ибо они за 10 р. серебромъ давали мъшокъ мъдной монеты; а какъ я нъсколько червонныхъ и серебряной монеты имълъ счастіе сберечь, то по такому курсу и легко могь вознаградить. И если бъ я въ глазахъ вашихъ могь получить такимъ способомъ какую нибудь цвну ревности служенія моего, то напротивъ самъ себя возгнушался бы; ибо сія мъдная монета принадлежала бы Казенной Палать и Банку, коей оставлено было до нъсколько соть тысячь; или принадлежала бы частнымъ людямъ, которую они грабежемъ доставали, и притомъ послъдствіе показало, что п оное не могло быть твердо, не имъя места, гдв бы сію сумму въмъдной монетъ сохранять, а потому вошедшіе казаки и мужики все бы разграбили, когда уже не пощадили они Воспитательного Дома, котораго и жестокіе непріятели не трогали.

Я откровенно долженъ признаться вашему превосходительству, что нимало не дорожу мъстомъ, членомъ быть Вотчинаго Департамента, и истина уже навсегда оставить усердію моему память въ ономъ; по не могу скрыть чувствительнаго моего огорченія, что липаюсь начальника, котораго въ душть моей уважаю; и шъ мысляхъ моихъ, кто могь въ сказкъ дать правило воснитацію льва, тоть конечно не по наслъдству и не хитрыми происками получилъ блистательное званіе министра юстиціи, по по достоинствамъ своимъ занимаєть, и подчиненный такому начальнику имъетъ уже въ предметь справедливую награду своему усердію.

Въ заключение сего осмъливаюсь просить ваше превосходительство назначить время, съ котораго вы миж дали отставку; ибо я, получая отъ щедротъ монаршихъ пенсіопъ, который со вступленіемъ моимъ въ Вотчинной Департаментъ прекратился, могъ бы вновь просить о выдачъ онаго съ числа сей отставки, потому что въ самой крайней бъдности нахожусь. Москва, 27 Февраля 1813 года.

Надворной совътникъ А. Бестужевъ-Рюминъ.

Приложенія.

Копія № 1.

Au nom de sa majesté l'Empereur et Roi.

Monsieur Bestouscheff-Rumen est nommé adjoint du maire de la commune de Moscou.

Le présent lui tiendra lieu de brevêt. A Moscou, ce 21 Septembre 1812.

Le gouverneur-général de la ville et de la province de Moscou M, le duc de Trevise.

Par s. ex. mr. le gouverneur-général l'intendant de la ville et de la province de Moscou. Lesseps.

N: 2.

Sire! Lorsque l'armée de Votre Majesté Impériale et Royale entra triomphante dans cette capitale, je me trouvois employé au service de ma patrie en qualité du second membre du Département des Domaines.

Je n'ai pas suivi l'exemple de mes collégues, ni de mes subordonnés, qui méconnoissant leur devoir ont abandonnés leurs postes et ont fui dans l'intérieur; j'ai taché, au contraire, de conserver les archives du dit Département, qui étoient sous ma direction, et d'y maintenir l'ordre, qui y existait auparavant. Je me présentai en conséquence dès le lendemain à la cour de Votre Majesté, et par l'entremise de mr. le secrétaire de Lorgne-de-Deville, j'obtins quatre sauvegardes, qui furent placées aux quatre archives. Ce devoir rempli, je quittai le logement, que j'occupais pour le moment au Sénat, et jo mo retirais avec ma famille dans ma maison.

Je n'ai pas (chappé au malheureux sort de la plupart de mes concitoyens; ma maison a été la proie des flammes. Quoique cette perte soit assez considérable pour moi, je la supporterois avec courage, si je pouvois préserver le reste des archives, qui étoient sous ma direction, et dont une grande partie des livres peut encore être sauvée. J'aurai rempli mon devoir, si mon gouvernement me demande compte un jour des efforts, que j'aurois fait pour conserver ce depôt, qui m'a été confié.

C'est pourquoi je prends la liberté de me prosterner aux pieds de Votre Majesté Impériale et Royale, en la suppliant de m'accorder la grâce de pouvoir mettre les dittes archives en ordre, de les rassembler dans une seule salle; par ce moyen les trois autres salles, où elles sont dispersées, pourront servir au logement des troupes de Votre Majesté. Je me permettrai d'ajouter, que ces archives sont d'autant plus précieuses, que ce sont elles, qui sont consultées et ont force de loi, dans tous les différents, qui peuvent survenir entre les sujets Russes, pour la conservation de leurs proprietés.

Dans l'attente, que Votre Majesté voudra bien agréer gracieusement ma prière, j'ai l'honneur d'être avec le plus profond respect et soumission, Sire, de Votre Majesté Impériale et Royale le très humble et très obéissant serviteur A. B. R., conseiller de cour au service de Sa Majesté Impériale de toutes les Russies.

Moscou.
4 Octobre 1812.

₩ 3.

Москва, 10 Іюля 1813 года.

Милостивый государь Иванъ Пвановичъ!

Донесеніе мое вашему превосходительству отъ 27 прошедшаго Февраля остается по сю пору безъ отвъту, а я безъ разръшенія; даже заподлинно не знаю, получили вы оное или нъть? Слышу только, что угодно вамъ было отставить меня оть службы моему Отечеству безъ моей о томъ просьбы еще 2 Января, и хотя таковая отставка предосудительна чести и имяни моему, однако, смею сказать, безъ всякаго моего преступленія, и я поднесь никакого законнаго письменнаго вида не имъю на оную. Въ семъ недоумъніи и находясь въ самомъ трудномъ положенін жизни, рішился я отнестись къ вамъ, милостивый государь, не касаясь званія вашего, министра юстиціи, но какъ частпому благородному человъку, и спросить чистосердечно, что васъ огорчило противъ меня, и чемъ заслужилъ я вашу немилость? Исполнивъ всв обязанности сына Отечества и честнаго человъка, я надъялся, что такого примърнаго усердія чиновникъ, каковымъ я себя быть показаль, и въ такое притомъ еще время жестокости отъ нашествія непріятеля, которому и исторія мало прим'вровъ имбеть, делаеть честь начальству, подъ въдомствомъ котораго состоить, и заслужить, по крайней мъръ, онаго вниманіе; но мнъ, напротивъ, сіе усердіе обращается отъ васъ въ поруганіе, безчестіе и ужасное истязаніе. Сами враги моего отечества не были равнодушны къ усиліямъ монмъ въ исполненій сихъ обязанностей, похваляли заботы мои къ сохраненію государственныхъ дълъ, падзору моему ввъренныхъ и оставшихся въ ихъ власти, а увидъвъ, что я имъю еще семейство и узнавъ, съ какою опасностію жизни моей я исполниль долгь присяги, не могли отказать мив и въ уваженіи. Вы признаетесь, милостивый государь, что не всякой бы согласился быть въ то время на моемъ мъсть, и что

гораздо легче осуждать поступки другихъ, будучи отъ театра ужаса на нъсколько сотъ верстъ, и обвинять тъхъ несчастныхъ, безъ малъйшаго изслъдованія, кои съ истиннымъ усердіемъ къ пользъ отечественной жертвовали жизнію своею. Въ числё сихъ несчастныхъ поставить могу и себя: ибо, не имъвъ ин отъ какого начальства приказанія оставить своего мъста, ниже особеннаго наставленія, какъ поступать въ сіе время страха, я долженъ былъ руководствоваться клятвеннымъ моимъ объщаніемъ, преданностью къ престолу законнаго Государя и любовью къ Отечеству. Еслибъ я и послъдовалъ подлому примъру моихъ обоихъ сотоварищей, кои, при приближающейся опасности, пренебрегли долгы присяги и въ трусости своей оставили мъста, ими занимаемыя, или, по просту сказать, бъжали отъ должностей своихъ, оставивъ дъло на произволь, то и въ такой измвив престолу и Отечеству, я, съ своей стороны, могь дать видь, по крайней мърв, гораздо благородивншій; ибо, какъ вамъ же извъстно, имъль отъ 9 Августа законной отпускъ на 28 дней (въ оное время еще нимало не думали, чтобъ пепріятель овладълъ Москвою), следовательно, срокъ сему отпуску долженъ кончиться около 9 Сентября; а непріятель взошель въ Москву 2 Сентября. Къ тому же, къ отъвзду моему, по милости графа Вобринскаго, имълъ я деньги и лошадей; но при таковомъ безнужномъ къ побъгу моему положени, я не измъниль присять и ръшился ожидать приказанія начальства; а не получивь онаго, самъ собою старался спасти дела Вотчиннаго Департамента. Плоды усердія мосго видимы, ибо Вотчицпой Департаментъ существуеть; если же ибкоторыя дела въ ономъ не въ томъ порядъ, въ которомъ были до нашествія непріятеля, то это потому только, что сей департаменть паходится въ Кремль, а въ Кремль пъть ничего въ порядкъ: даже и Иванъ Великой тронулся съ мвета своего.

Имъя къ личнымъ достоинствамъ вашимъ истинную приверженность, и зная притомъ, что вы имъете благородную душу, въ полномъ смыслъ разумънія сего слова, не могу пе удивляться столь явно несприведливому противъ меня поступку. Ибо товарищи мои, измънивъ престолу и Отечеству, остались при своихъ мъстахъ, а я, напротивъ, сохранивъ всъ обязавности службы и сына Отечества п имъвъ при томъ счастіе спасти дъла вотчинныя, исключаюсь изъ оной, и вопреви даже милосердного закона: «Никто безъ суда не накажется».

Въ такомъ горестномъ положении обращаюсь къ вамъ, мялостивый государь, и убъдительнъйше прошу, не обижайте меня въ безотвътномъ звании своемъ, не порочьте имени моего, не оскорбляйте

юстиція, высочайше вамъ ввъренной. Объявите, по крайней мъръ, въ чемъ преступление мое состоитъ; ибо я долженъ оправдать мой поступокъ предъ обществомъ честныхъ людей, въ кругу которыхъ и себя быть почитаю. Я охотно извиняю вамъ то ужасное состояніе, въ которое вы меня ввергли, и если бъ не великодушіе графа Растопчина, главнокомандующаго въ Москвъ, который даетъ миъ казенную квартиру, въ самомъ томъ домъ, который я спасъ отъ пожару и разграбленія, не взирая на отставку мою, то це зналь бы, гдѣ съ семействомъ приклонить голову. Равно не взыскиваю и того большаго затрудненія, въ которомъ отъ васъ же нахожусь, доставать жизненцыя потребности для біздныхъ малютокъ моихъ, и хотя такое положеніе есть слідствіе вашихъ немилостей, но я умалчиваю объ ономъ; а въ поруганіи чести и имени моего вы непременно должны сказать причину такого поступка вашего. Вы опытомъ знаете, милостивый государь, сколько оскорбительна и чувствительна клевета честному человъку; и если припомните собственное свое несчастіе *) и примъните оное къ теперешнему моему положенію, то можете усмотръть, сколь достойна участь моя сожальнія. Вы искали въ то время себь покровителя, которой бы обнаружилъ вашу невинность; теперь я инцу сего покровителя въ васъ самихъ, сколько по долгу званія вашего, министра юстиціи, столько и по благородной душъ вашей, и вы должны не только обнаружить невинное страданіе, но еще представить заслуги мон Отечеству спасеніемъ дълъ Вотчиннаго Департамента.

Сь должнымъ высокопочитаніемъ и преданностію честь им'ю быть вашего превосходительства, милостиваго государя, всепокоривиній слуга, А. Б.-Р.

Въ отвъть онаго письма, 3 Сентября, объявлено мнъ отъ Московскаго прокурора Желябовскаго, посредствомъ Московской Управы Влагочинія, чтобъ «я впредъ въ отношеніяхъ моихъ съ начальствомъ быль осторожнъе въ выраженіяхъ и наблюдаль должное почтеніе».

and the second s

^{*)} И. П. Дмитріевъ, служа въ гнардін, въ царствованіе Павла, былъ оклеветанъ предъ Государемъ и подвергся задержанію (см. его "Взглядъ на мою жизнь"). П. В.

П. 25

ПИСЬМА А. Д. БЕСТУЖЕВА-РЮМИНА.

Въ "Чтеніяхъ при Императорскомъ Обществъ Исторіи и Древностей" за 1859 (кн. 2-я) напечатаны были "Краткое описаніе о происшествіяхъ въ етслицъ Москвъ въ 1812 году" и "Донесевіе г. министру юстиціи 11. 11. Дмитріеву о происшествияхь, случившихся въ Москвъ во время пребывания въ опой пепріятели", А. Д. Бестужева-Рюмина. Бумаги эти обратили на себи вниманіе лицъ занимающихся псторією Отечественной войны, какъ живостью своего изложенія, такъ и не совстить обыкновенною ролью, которую довелось выполнять автору ихъ во время пребыванія Наполеона въ Москвъ. Ему, члепу Вотчиннаго Департамента, не только пришлось пережить разгромъ столицы, босому, въ одной лакейской шинели и съ голодною семьей отъискивать почлега въ погоръвшей Москвъ, защищаться оть мародеровъ, но сдълаться лично извъстнымъ Наполеону, выпросить у него охрану для архива своего учрежденія, быть назначенным в членомъ "отеческаго градскаго правленія" (Миnicipalité paternelle). Песмотри однако на то, что онъ сохранилъ архивъ Вотчинной Коллегіи отъ разгромленія и, будучи товарищемъ Московскаго мара оказываль номощь и защиту споимъ соотечественникамъ, "присяти же начонному Государю своему ни въ какомъ смысле не нарушилъ, любовь къ Отечеству сохраниять, предательства или намбны Отечеству открытісь тайнъ правительства не учиниль и никакихъ званію своему непристойныхъ посдугъ не дъладъ, хотя многіс, въ почетныхъ чивахъ состоявщіс, рубили Французамъ дрока, носили воду или другіе имвли ноши", Бестужевь, по изгнаніи непріятеля, быль подвергнуть взысканію и лишень міста 2 Инваря 1813 г. по обвинскію върастрать казенныхъ денегъ. Въ оправданіе свое имъ и написаны были напечатанныя въ "Чтеніяхъ" бумаги, доставленныя туда покойными Валеріемъ Ивановичемъ Чарыковымъ и княземъ М. А. Оболенлкимъ. Чъмъ именно кончилось дъло по обвинению его, намъ неизвъстно.

Нынъ, благодаря любезности Михаила Владимировича Жулковскаго, намъ сообщеены подлинныя бумаги А. Д. Бестужева-Рюмина отъ его наслъдниковъ. Среди нихъ находится и то, что уже было напечатано въ "Чтеніяхъ". Помъщаемыя ниже письма Бестужева-Рюмина къ его другу Д. Ө. Шумилову, два прошенія къ Государю и одно къ Великому Киязю Константину Павловичу, сколько намъ извъстно, нигдъ еще не были обпародованы. Опи разъясняють отчасти дальнъйшую судьбу А. Д. Бестужева и довольно ярко обрисовывають впоху. "Русскій Архивъ" дорожить всъмъ относищимся къ левчной памяти двънадцатаго года". Ю. Б.

Письма къ Д. О. Шумилову.

1

Москва, 22 Маія 1813 года.

Милостивый государь мой Дмитрій Өедоровичъ!

Съ какою радостью получиль я письмо твое отъ 10-го числа нынѣшняго мѣсяца! Препокорнѣйше благодарю за оное и болѣе еще благодарю за сохраненіе ко мнѣ пріязни твоей; я большую цѣну даю оной, такъ какъ честнаго человѣка, каковымъ я всегда тебя зналъ. И рекомендую тебѣ вручителя сего. Г-нъ Игнатій Пиколаевичъ Познанской; онъ мой искренной пріятель и по достоинствамъ своимъ заслуживаеть истинное уваженіе, имѣеть дѣло въ вашемъ городѣ и если можешь чѣмъ ему полезенъ быть, то пожалуй не откажи своего ходатайства.

Такъ, ты правъ, мой старинной пріятель: я ни въ чемъ не виновать и Богомъ клянусь, что жертвоваль всёмъ, чтобъ быть полезнымъ Отечеству; но неблагопріятствующая мнѣ судьба опредѣлила такое мое усердіе собственно для меня во зло. Что дѣлать? Терпѣніе все превозможеть. Извини, что я тебѣ не посылаю моихъ Записокъ пребыванію непріятеля въ первопрестольномъ градѣ; ибо, право, не должно. Но вскорѣ пришлю все, что можетъ касаться и до усилій моихъ къ сохраненію дѣлъ, надзору моему ввъренныхъ, а равно и о усиліяхъ моихъ оправданій предъ такими людьми, кои, если судить по ихъ дѣлніямъ, и десятой доли бы не сдѣлали въ пользу Отечества. Рано или поздно Бого ихъ накажетъ.

Я съ большимъ нетеривніемъ ожидать буду отъ тебя увідомленія, какихъ мыслей губернаторь вашъ касательно рапорта моего министру юстиціп. Я хотіль самъ было къ нему написать, но разсудиль лучше побочнымъ образомъ до свідінія его довести. Пословицы Русскія, почтеннійшій мой пріятель, какъ ты и самъ знасшь, всіз почти справедливы. Прощай, мой любезнійшій. У Настасьи Ивановны цілую ручки и благодарю, что меня помнить.

Съ пстинною преданностью пребываю покорнъйшій слуга А. Бестужевъ-Рюминъ.

Адресь ко мив тоть же: на Петровки въ доми Дурнова, въ Моский.

Его высокоблагородію милостивому государю моему Дмитрію Өедоровичу Шумилову. Во Владимиръ. Губернскаго Правленія господину совътнику. 2.

Москва, 24 Октября 1813.

На письмо твое, любезный мой другъ Дмитрій Оедоровичъ, отъ 30 Августа и полученное мною въ свое время, я не отвътствоваль потому, что по мнѣнію моему онос не требовало отвъту, пбо ты о сынѣ своемъ имѣлъ уже извъстіе; а я раза три ходилъ опять въ извъстный тебѣ на бульварѣ домъ и пичего другаго объ сыпѣ твоемъ узнать не могъ, какъ только, что онъ здоровъ и отправился въ Минскъ. Я надѣюсь, что ты регулярно имѣешь отъ сго извъстіе; и да сохранитъ его Всевышняя десница!

Пріятель мой, Игнатій Николаевичь Познанской, паки отправляется въ вашъ городъ по своимъ надобностямъ, и я при семъ случав прошу твоего ему покровительства или, такъ сказать, путеводительства въ его дёлахъ; опъ человъкъ очень хорошій и умный, слёдовательно будеть въ полиой мёрё чувствовать твои одолженія; а я прінму оныя, какъ будто оказанныя миё самому.

Я знаю, что ты меня любинь, а потому и скажу тебѣ нѣчто п о себѣ. Я, слава Богу, здоровъ; но касательно разрѣшенія участи моей нахожусь еще въ безънзвѣстности. Недѣли двѣ тому назадъ потребовали отъ меня въ Правительствующій Сенатъ, что въ Петербургѣ, формулярный мой списокъ, который я уже и послалъ. Уповательно, что дѣло наше къ концу приходитъ, и какая развязка опому будеть—не знаю.

Въ отвътъ на послъднее письмо мое къ г. министру юстиціи, Ивану Ивановичу Дмитріеву, съ котораго я тебъ послаль копію при письмъ моемъ отъ 16-го Іюля 1), мит объявлено чрезъ Московскую Управу Влагочинія 3-го Сентября 2), чтобы я впредъ въ отношеніяхъ монхъ съ начальствомъ былъ осторожение въ своихъ выраженіяхъ и наблюдаль должное почтеніе. А въ чемъ преступленіе мое состоить, объ опомъ ничего не сказано. Г-нъ министръ юстиціи въ Москвъ находится съпослъднихъ числъ Іюля, и я съ пимъ не видался. Однажды въдумалъ было къ нему придти, и по докладъ обо мить опъ сказалъ, чтобъ я въ другое время пришелъ, а теперь онъ занимается съ архитекторомъ

⁴⁾ Этого письма мы не имћемъ. Что насается до письма Бестужева-Рюмина въ II. II. Дматріеву, гдв вспоминается его злоключеніе при императоръ Павлю, то очевидно, что опо только повредило писавшему: Дмитріевъ обидълся. II. Б.

²⁾ Отъ прокурора Желябовского.

разсматриваніемъ плана купленнаго имъ дома *). П такъ я болье уже и не домогался видыть его. Богу угодно дать мит такой жребій существованія, и я безропотно покоряюсь святой Его воль. Нищета, въ которой я нахожусь, мит не постыдна, и всякой честной человыкъ уважить быдность мою; ибо я всымъ достояніемъ моимъ пожертвоваль на пользу Отечества и жертвоваль даже не только своею жизнію, но и жизнію семейства моего. Отецъ можетъ судить о великости усердія моего, и хотя плоды сего усердія видимы, по я терплю уже круглый годъ ужасное истязаніе; а г. Огаревъ, который сохраненные мною архивы приводить въ порядокъ и съ одной полки на другую приказаль переставить, получиль въ награду чинъ. И какой же? Оберъ-прокурора Сената 4-го департамента. Ливны дима Таои, Господи!

Читая въ въдомостяхъ о вспомоществованіи, оказанномъ Патріотическимъ Обществомъ, потерпъвшимъ въ Москвъ разгореніе и видя, что сіе пособіе еще учинено большею частію и богатымъ людямъ, ръшился отнестись къ сему почтеннъйшему сословію и послалъ письмо на имя Виктора Павловича Кочубея, съ котораго копію при семъ прилагаю. Можетъ быть, что нибудь и дадутъ; а мнъ, признаться, крайняя нужда. Адресъ ко мнъ перемъпился, и надписывай на конвертъ такъ: Въ Москвъ, между Тверскими и Никитскими воротами, въ домъ Петрова-Соловова, что на бульваръ.

3

Любезный и почтеннъйшій мой пріятель Дмитрій Оедоровичь!

И очень предъ тобой виновать; прости меня великодушно. Письмо твое отъ 27 Февраля и получиль въ свое время; но оное оставалось по сей день безъ отвъту не потому, чтобъ и не имълъ полнаго уваженія къ принимаемому тобою участію въ моемъ горестномъ состояніи, и новърь нелживой душъ моей, что и теби премного люблю и почитаю; но стеченіе запутанностей, въ которыя и вовлеченъ излишнимъ усердіемъ на пользу Отечества и притъсненіе внутреннихъ, но однакожъ скрытыхъ злодъевъ Отечеству, не давали мнъ времени отвътствовать на оное. Могу ли и когда нибудь забыть, что ты первый мой былъ наставникъ по гражданской части? Вспомни, когда и въ 1795 году, прибывъ въ Пензу, не успълъ дать и резолюціи на рапортъ солинаго пристава въ продажѣ имъ соли и вырученныхъ за оную деньгахъ. Такъ, мой почтенный пріятель, и никогда онаго не забуду. Жаль только, что

^{*)} Это знаменитый домъ на Спиридоновкъ, построенный изъ стоичих бревенъ и обтянутый желъзными полосами. Онъ простояль до повапрошлаго года, и на мъстъ его воздвиглись каменныя палаты С. Т. Морозова. Къ сожальнію, отъ обширнаго сада, откуда, бывало, еще исдавно раздавалось соловьиное пъніе, осталось уже немного. См. объртомъ домъ въ "Русскомъ Архивъ" 1893 года. П. Б.

всё мои записки, кои я храниль, какъ безцённыя для меня сокровища, все пропало. Я всёмъ пожертвоваль Отечеству, спасъ только дёла Вотчиннаго Департамента и за то наказуюсь. Время течеть, и мы оба съ тобой состарёлись, приближаемся къ общей матери нашей, сырой землё; память только добрыхъ нашихъ дёлъ останется въ потомстве, и то на нёкоторое только время. Теперь, кажется, я нёсколько посвободнёе въ дёлахъ моихъ и потому буду отвётствовать на письмо твое отъ 27 Февраля.

Я очень радъ, что ты успокоенъ со стороны сына, ибо имъешь регулярную съ нимъ переписку, и уповательно, что будешь имъть скоро и родительское утвшение его видеть въ объятияхъ своихъ. Миръ во всей Европъ. Жаль мев, что я не знаю твоего сына лично, ибо не имълъ удовольствія его видъть въ пробадъ чрезъ Москву. Г. министръ юстиціи Дмитріевъ, въ бытность его въ отпуску, жилъ въ Москвъ около четырехъ мъсяцевъ; онъ невидимъ былъ для дълъ службы, но для собственнаго его интереса можно было всякому имъть въ чертоги его доступъ. Боже праведный! Для чего Ты помазанникамъ нашимъ, при семъ таниствъ ихъ, нами исповъдуемомъ, не далъ и дара видъть сердца подданныхъ своихъ? Всеконечно, Дмитріевъ никогда бы не былъ министромъ юстиціи. Но оставимъ его. Я писаль къ нему последнее уже письмо 18-го Іюня и ожидаю отвіту чрезъ Московскаго губерискаго прокурора или чрезъ полицію; ибо сей министръ до того надмененъ, что не отвътствуетъ прямо лицу его утруждавшему. Я при семъ посылаю копію съ письма моего на высочайшее имя, которое я посладъ 25 Іюня подъ конвертомъ на имя Государя и Цесаревича Константина Павловича. Будетъ ли конецъ нашимъ страданіямъ? Богу извъстно. (1814).

Письмо къ Цесаревичу.

Ваше Императорское Высочество!

Простите великодушно, Государь Цесаревичь, дерзновенію моему, что я осмѣлился въ горестнъйшихъ моихъ обстоятельствахъ искать высокаго покровительства Вашего. Герой, проливавній кровь за Отечество, не можетъ быть равнодушенъ къ безвинно погибающему върному сыну того Отечества, которому Ваше Императорское Высочество оказали столь блистательныя услуги.

Нижайшая моя просьба состоить въ томъ, чтобы приложенный при ономъ конвертъ доставить въ собственныя руки Августвишаго Вашего Братца, а моего законнаго Государя. Сей конвертъ подъ открытою печатью, и Ваше Императорское Высочество можете изъ содержанія онаго видёть, сколь участь моя отягчена и что одно отчаяніе ръшило меня Васъ безпокоить.

Пребываю съ глубочайшимъ благоговънісмъ Вашего Императорскаго Высочества, милостивъйшаго государя, всенижайшій и преданнъйшій надворный совътникъ Л. Б.-Р.

Москва, 25 Люня 1814 г.

Письма къ Государю.

I.

Konia.

Всемилостивъйшій Государь!

Повергая себя къ августъйшимъ стопамъ Вашего Императорскаго Величества, дерзаю просить правосудія.

Богъ свидътель, Всемилостивъйшій Государь, что я никогда и въ помыпленіи не имъль нарушить данной миою клятвы, но всегда служиль Вашему Императорскому Величеству по правдъ, не щадя живота моего, и никакая клевета опорочить службы моей не можеть; однакожь усердіе мое не только не имъсть награды, но напротивъ еще вверженъ я въ самыя горестнъйшія несчастія, вопреки милосерднаго сердца Вашего Императорскаго Величества.

Въ началъ 1811 года послъдовало высочайшее Вашего Императорскаго Величества разръшение, объявленное мив г. тайнымъ совътникомъ Молчановымъ, касательно позволенія вступить въ отечественную службу; я старался имёть оную подъ вёдомствомъ г. министра юстиціи Дмитрієва и 2-го Мая 1812 года, по указу Правительствующаго Сената, опредвленъ членомъ Вогчиннаго Департамента, что въ Москвъ, а въ концъ того же Мая вступилъ и въ отправление моей должности. 2-го Сентября 1812 года непріятель вгоргся въ столицу Москву. Я безстрашно сохраниль мъсто свое; ибо, не имъвъ ни отъ какого начальства повельнія оставить онаго, самъ собою разрышить клятву при угрожаемой опасности я не думаль быть въправъ. И въ какое же время могь я лучше оказать преданность мою къ престолу Вашего Императорскаго Величества и истинную любовь къ Отечеству, какъ не въ сіе время страха? И потому, хотя и слышалъ о всёхъ жестокостяхъ непріятеля съ побъжденными, однакожъ рішился всімъ жертвовать и старадся сохранить дёла, надзору моему вверенныя, оставиняся во власти у непріятеля. Сін дъла суть драгоцънности, Всемилостивъйшій Государь; ибо по онымъ производятся справки, и они разрживнотъ распри между върноподданныхъ Вамъ по тяжебнымъ дъдамъ въ разсуждении недвижимой собственности. Плоды усердія моего видимы, пбо сей Вотчинный Департаменть существуеть, и дъла въ ономъ по прежнему производятся. Я при семъ осмъливаюсь приложить

копію съ донесенія моего г. мпнистру юстиціи о происшествіяхъ касательно сего департамента. Не смѣю распространиться о тѣхъ ужасахъ, которымъ я былъ свидѣтель, ибо милосердное сердце Вашего Императорскаго Величества не останется равнодушно и содрогнется о моихъ претерпѣніяхъ.

Во время пребыванія врага въ столицъ Москвъ, я ни въ какомъ смыслъ не нарушилъ присяги моей Вашему Императорскому Величеству, какъ законному моему Государю, въ разсужденіи върности, ибо другому государю не присягалъ, да и къ оному не былъ приневоливанъ; а напротивъ еще ходилъ въ храмы Божіи и, преклоняя колъна предъ жертвенникомъ Всевышняго Существа, молилъ о ниспосланіи благоденствія Вашему Императорскому Величеству и всему Августъйшаго Вашему дому. Засъданіемъ же въ учрежденномъ Мунисипалитетъ пли отечественномъ градскомъ правленіи я могъ только быть полезенъ несчастнымъ моимъ соотечественникамъ, оставшимся на жертву врага. Объ ономъ свидътельствуетъ данная сему Мунисипалитету инструкція.

Дворянскаго моего достоинства и чина императорскаго Россійскаго надворнаго совътника я не унизиль, ибо врагамъ не рубиль дровъ, не носилъ имъ воды и ни въ какія услуги употребленъ не былъ; но напротивъ еще твердость духа, съ которымъ я исполнялъ долгъ присяги моей Вашему Императорскому Величеству, заставила и ихъ иметь ко мет уважение. Я, лишившись всей собственности, спасъ однакожъ чужой домъ отъ огня и совершеннаго разграбленія, въ которомъ потомъ и жилъ; охранялъ въ ономъ и кормилъ 78 человияз несчастныхъ согражданъ моихъ, кромъ особо еще приходящихъ и требующихъ пищи. Я самъ и семейство мое, малолетныя дети, голодали, но отдаваль последній кусокь. Французскій маршаль герцогь Тревизо, бывшій въ то время главнокомандующій въ Москвъ, не быль равнодушенъ къ потерямъ и усердію мною оказываемому на пользу Отечества и, видя въ нищенскомъ меня одъяніи, желаль вознаградить сіи потери золотомъ и платьемъ; но я отвергнулъ дары его: ибо потери мои въ такое время были данью любезному Отечеству, которому я обязанъ даже и воспитаніемъ моимъ.

Московская полиція, возвратившаяся паки въ столицу 11 дней спустя по выходъ непріятеля и вступя въ отправленіе должности своей, очищая городъ, нашла въ колодцахъ, въ погребахъ, въ прудахъ и въ другихъ тайныхъ мъстахъ до 12 тысять тълъ убитыхъ непріятельскихъ. Она торжественно услуги свои Отечеству объявила въ

отысканіи, въ сожженін или похоропенін оныхъ, и чиновники ся отъ Высочайшихъ щедротъ Вашего Императорскаго Величества достойно награждены.

Но, Всемилостивъйшій Государь, дерзаю спросить: кто же умилиль силы вражія въ первопрестольномь грады Москвы? Всеконечно не тв были герои, которые возвратились въ столицу по выхода врага; не тъ были мстители за Отечество, которые называють себя вирными сынами Отсчества, но оставили однакоже Отечество во время представшей ему погибеди. Иные кинули на жертву врагу и престарълыхъ родителей своихъ, женъ и малолътнихъ дътей, чтобы спасти себя одного. Всеконечно не сім люди, Всемплостивъйшій Государь, умалили силы вражія въ первопрестольномъ нашемъ градъ и первый шагъ сделали къ безсмертной славе Отечества нашего и освобождению Европы отъ ига; но сіе учинили мы, оставшіеся на жертву врага. Мы не похороняли убитыхъ тълъ враговъ своихъ и ихъ даже не бранили словами; но, будучи наги, босы, обезоруженные, ослабъвшіе отъ голода, сильны однакоже еще приверженностію къ престолу Вашего Императорскаго Величества, яко законному Государю нашему, и пылая любовію къ погибающему Отечеству, мы съ величайшею опасностію собственной жизни своей приносили оную на жертву оскорблепной родина нашей, и въ огорода того дома, въ которомъ я жилъ, нъсколько было сихъ жертвъ. Я самъ собою не обагрилъ въ крови враговъ рукъ своихъ, но кормилъ и защищалъ техъ, кои соделывали себя орудіемъ сего отечественнаго міценія. Я не ищу награды, Всемилостивъйшій Государь, ниже въ потеряхь моихъ вознагражденія, ибо мною содъянное есть долгъ всякаго върноподданнаго Вашего Императорскаго Величества и любящаго свое Отечество; но не желаю одиакожъ, чтобъ соотечественники мои, после всехъ таковыхъ ужасныхъ происшествій, поступали со мною злъе, нежели сами враги наши: ибо многіе сміноть искать наміны въ видимомъ усердіи.

Второй уже годъ въ исходъ, Всемилостивъйшій Государь, что я терплю ужасное истязаніе. Семейство мое, видъвшее всъ ужасы нашествія врага потому только, что я хотъль исполнить долгъ присяги моей, теперь въ самой крайней нищеть со мною находится и среди своихъ соотечественниковъ терпить голодъ, стоная приближается къ смерти. Я, лишившись всей собственности отъ пожара и расхищенія испріятельскаго, два года уже не получаю ни Высочайше положеннаго мнъ по смерть пенсіона, ниже по мъсту моему жалованья, и мъсто мое, какъ слышу, отъ меня отнято въ замъну заслуженной награды

и отдано уже другому; но на отставку мою по сю пору я никакого законнаго вида не имъю, атолько вывздъ мнв изъ Москвы запрещенъ, и я не могу разстроенныхъ дълъ моихъ привести въ порядокъ. То достояніе, которое бы я могъ имъть, избъгшее отъ раззоренія и похищенія врага, по указу Правительствующаго Сената 1-го департамента, повсемъстно арестовано, въ согласность предложенія г. министра юстиціи оному, будто бы я не отдаль отчету въ казенной суммъ, въ въдъніи моемъ находящейся. Но въ послъдствіи времени г. министръ юстиціи узналь, что я въ въдъніи моемъ никакой суммы, казнъ принадлежащей, не имълъ, а что самая часть оной осталась въ рукахъ монхъ, то потому только, что чиновники бъжали отъ должностей своихъ, не отдавъ отчету въ оной, и первопришедний въ комнаты Вотчиннаго Департамента могь бы сею суммою воспользоваться, и тогда бы уже я по всей справедливости должень быль за оную отвътствовать, какъ остававшійся начальникъ, но пренебрегшій долгь присяги. Но я оною не покорыствовался, и сія сумма недостаточна усыпить совъсть мою, еслибы къ несчастію имъль я ее сонливую. Правда, что я не содержался, Всемилостивъйшій Государь, тринадцать недъль въ тюрьмъ, какъ другіе мои сотоварищи несчастія, кои употребили себя на пользу соотечественниковъ своихъ, во время стращнаго нашествія; я не выметаль улицы, какъ сій же мои сотоварищи, въ класныхъ чинахъ Россійской Имперіи состоящіе, не закономъ еще къ тому осудимые, но взощедшею полицією самопроизвольно къ сему приневоленные. Однакожъ на миъ совершена другаго рода жестокость: миъ це позволено было выбхать изъ Москвы и на 8 дней, чтобъ проститься съ отходившимъ отъ сего свъта тридцатисемилътнимъ моимъ благодътелемъ и искренивниимъ другомъ графомъ Бобринскимъ*). Я умолялъ главнокомандующаго въ Москвв, показываль ему письма съ нарочнымъ мною полученныя, въ которыхъ покойника последнее желаніе было, чтобъ со мною увидъться еще разъ; но графъ Растопчинъ миъ самымъ суровымъ образомъ въ семъ утвшеніи отказаль, и въ сей жестокости смъль употребить Высочайщую будто Вашего Императорскаго Величества волю. Двъ недъли потомъ графъ Бобринскій умеръ.

Въ сихъ горестныхъ обстоятельствахъ дерзаю повергнуть себя къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества. Удостой, Всемилостивъйшій Государь, подъ благословеннымъ царствованіемъ своимъ

^{*)} Не быль ли графъ Алексъй Григорьевичъ Гобринскій († 1813) товарящемъ Бестужеву-Рюмину по Сухопутному Кадетскому Корпусу? Намъ псизавстно также, почему Бестужевъ-Рюминъ получаль пенсію. П. Б.

и мит дни проводить спокойно и безобъдственно, и окажите высочайшее Ваше правосудіе.

Пребываю съ глубочайшимъ благоговъніемъ, Всемилостивъйшій Государь, Вашего Императорскаго Величества върноподданный.

25 Іюпя 1814. Москва.

II.

Konin.

Всемилостивъйшій Государь!

Проходя служение мое въ продолжение многихъ лътъ всегда по правиламъ чести и истины, не бывъ никогда подъ судомъ, пиже подъ малъйшимъ взысканиемъ въ упущении моихъ должностей, и когда надъялся, что примърное усердие на пользу Отечества при представшей опасности столицъ Москвъ нашествиемъ врага въ оную заслужитъ впимание начальства, напротивъ сверхъ чаяния содълался я жертвою клеветы, неправды и беззаконнаго притъснения. Честь и имя мое страдаютъ! Въ таковомъ горестномъ положении дерзаю повергнуть себя къ Августъйшимъ стопамъ Вашего Императорскаго Величества, всеподданиъйше прошу правосудия и высоко-монаршихъ щедротъ.

Не задолго до вторженія непріятеля въ столицу Москву опредълень я вторымъ членомъ присутствія Вотчиннаго Департамента и долженъ быль остаться во власти врага при своей должности; ибо, не имѣя ни отъ какого начальства приказанія оставить своего мѣста, а самъ собою нарушить клятву и кинуть въ духѣ труса на произволь судьбы нажныя дѣла, надзору моему ввѣренныя, не думаль быть въ правъ. Я въ полномъ отношеніи исполниль долгь присяги моей, которою обязанъ служить престолу и Отечеству по правдѣ, не щадя живота моего: съ пожертвованіемъ всего имущества, оставя себя съ семействомъ нага и боса, имѣль счастіе спасти отъ вражьяго расхищенія архивы Вотчиннаго Департамента; съ величайшею же опасностію моею и семейства моего, малолѣтныхъ дѣтей, жизни, я сохраниль жизнь около ста человѣкамъ моихъ соотечественниковъ.

Таковую пламенную и пелицемърную приверженность къ престолу Вашего Императорскаго Величества и истинную любовь къ Отечеству, люди удалившіе себя отъ театра ужаса и возвратившіеся въ столицу Москву по изгнаніи уже непріятеля, предпочитая собственную пользу пользъ общей, назвали подвигъ моего усердія наклонностію къ сторонь врага, а твердое сохраненіе клятвы, которую сами не сохранили, измычою Отечества; и я преданъ быль суду. Мъсто по службъ у меня

отпято и отдано другому; словомъ сказать, совершены на мић жестокости наказанія именемъ Вашего Императорскаго Величества, и въ чемъ преступленіе мое—даже не объявлено.

Послв трехъ льть сужденія о преступленіи, котораго дъйствительно я по сю пору не знаю, Государственный Совътъ положеніемъ своимъ заключилъ, что я невиненъ, разръшилъ мин право на службу и даже ношение бронзовой медали вт воспоминание 1812 года. Хотя таковое положение Государственнаго Совъта и пріятно сердну, предапному къ отечественнымъ законамъ и къ законному Государю, однакожъ безъ воздаянія не удовлетворяеть ни подвигу моему, ни безвинному претеривнію; ибо, пожертвовавъ имуществомъ моимъ на пользу Отечества, остаюсь съ бъднымъ семействомъ нагъ, босъ и даже безъ надежнаго пропитанія; а, находясь безъ службы, благомыслящіе люди должны оставаться въ техъ же мысляхъ обо мив, какія произведены въ шихъ неблагонамъренными на счеть поступка моего. Итакъ горекъ плодъ для меня -- твердое сохраненіе присяги! Но, Всемилостивъйшій Государь, не получивъ я награды за подвигъ мой. Государственнымъ Совътомъ оправданный, можеть остановить сыновъ Отечества прямымъ путемъ службы искать себъ чести; а если еще узнають жестокіе поступки со мною, то даже устращить оныхъ служить по правдъ.

Я прошель всв инстанціи, искавъ правосудія, но искаль напрасно, и отечественное правосудіе теряеть для меня свою силу. Неужели, Всемплостивъйшій Государь, въ благополучное и знаменитое царствованіе Вашего Императорскаго Величества, я, рожденный върцоподданнымъ Вашимъ, въ нъдрахъ моего Огечества, долженъ оставаться виъ закона и безъ преступленія терпіть страданія отъ клевегы, неправды и притесненій, пожертвовавъ на пользу Отечества имуществомъ монмъ, въ инщетв, съ бъднымъ семействомъ, стоная приближаться къ смерти? А чуждые народы, върноподданные всъхъ Европейскихъ державъ, прославляють величе Ваше въ правосудін, крогости, милости и щедротахъ! Но нътъ, Всемилостивъйшій Государь, я не столько легковъренъ, робокъ и простъ, чтобы несчастный мой жребій могъ почитать точнымъ удбломъ священнаго правосудія или, какъ увбрить хотять, что на жестокость поступковъ съ несчастными сынами Огочества, остававшимися во власти непріятеля съ занятіемъ его столицы Москвы, есть Высочайшая воля Вашего Императорскаго Величества и будто политическія діла того требують. Ніть! Я не вірю этому. Монархъ, который въ особъ своей представляеть образъ Вожества; Монархъ, котораго и враги Отечества во время пребыванія своего въ столицъ

Москвъ называли вънценоснымъ Ангеломъ, утъшитъ огорченную душу къ въчной славъ своего имени.

Никакого сомнѣнія не имѣю, что истина несчастныхъ и страшныхъ происшествій въ столицѣ Москвѣ отъ Вашего Императорскаго Величества сокрыта или о сихъ происшествіяхъ не такъ доложено; но смѣю сказать, что Вашему Императорскому Величеству измѣниковъ не было; и по крайней мѣрѣ таковыхъ не знаю, да и не знаю, въ чемъ измѣну полагаютъ. Какой Россіянинъ предпочтетъ кроткое самодержавіе законнаго своего Государя, любимаго всѣми пародами монарха Александра, потомка Петра 1-го, внука Екатерины II-й, и содѣлается рабомъ пришельца?

И осмъливаюсь при семъ приложить краткую записку стеченію несчастных со миою обстоятельствъ *) и показать истинныя и законныя причины, почему я остался во власти непріятеля; и если Вожественный духъ правосудія Вашего Императорскаго Величества отдасть подвигу моему справедливость, то я всеподданнъйше прошу:

- 1) Согласно положенію Государственнаго Сов'ята, который заключиль, что я невинень, разрышиль мин право ни службу и даже ношеніе бронзовой медали въ поспоминаніе 1812 года, высочайте повел'ять опред'ялить меня къ должности чину моему соотв'ятственной въ столиц'я Москв'я. Такимъ образомъ честь и имя мое останутся безънятна.
- 2) Удостойте, Всемилостивьйній Государь, и мив быть участинкомь вы высоко-монаршихы щедротахы Вашихы, высочайше повельвы по примъру другимы сдылать и мив денежное вспомоществованіе за потерю мосто пмущества. Хотя потери мои не чрезвычайны и не простираются свыше 20 т. рублей, однакожь оное составляло все мое состояніе и, пожертвовавы опымы, Отечество имбеты истинцую и видимую пользу. Пять лють уже, что, лишившись мосто достоянія, я терплю сы семействомы крайнюю нужду и вы жизненныхы потребностяхы, снискивая себы пропитаніе займомы оты людей, кои, примая вы горестномы положеніи мость участіє, дылаюты мив кредить, и по сіє время задолжаль я около 10 т. рублей; и вы сихы пеоплатныхы моихы долгахы, не взирая, что пожертвовалы имуществомы моимы на пользу Отечества, должень буду кончить дни жизни своей вы тюремномы содержаніи.

Пребываю съ глубочайшимъ благоговъніемъ, Всемилостивъйшій Государь, Вашего Императорскаго Величества върноподданный.

Москва, Декабря 13 дня 1817.

^{*)} Напечатана выше. П. Б.

4.

Письмо къ Д. О. Шумилову.

Сельцо Митякино, 11 Октябри 1821 г.

Извини, что я на сей почтв не посылаю тебв продолженія извъстныхъ Записокъ; право, не имъль времени списать; но въ замъну сего опущенія пришлю уже страниць 16 въ другое время. Въришь ли, мой другъ, что я съ большимъ прискорбіемъ прочитываю сін мон Записки? Говорять, что я писаль дерзко. Но можно ли вмёнять въ преступленіе кто, защищая себя, говорить со всею твердостію утвененной невинности, и можно ли обвинять человъка, основываясь на одномъ только подломъ допосъ, безъ законнаго изслъдованія, и еще на доносъ таковыхъ дюдей, которыхъ буде разобрать свойство и изследовать поступки ихъ, тогда ясно видеть можно будеть, что склонность къ измънъ въ нихъ врожденна и что на однихъ только словахъ преданы они престолу законнаго Государя и любять Отечество, не показавъ однакожъ на самомъ дълъ никакими поступками своего усердія. Слъдовательно и несправедливо дълать приговоръ по одному доносу, не узнавъ правды. Можеть ли нашъ Государь хотвть неправды и утвененій? Онъ, рожденный даже добрымъ и справедливымъ, наказаль бы того, еслибъ зналъ, что оный употребляетъ во зло высочайщую его довъренность. И такъ, истина хотя не всегда бываеть пріятна, но однакожъ она всегда будеть священна. Впрочемъ, какая намъ нужда въ законахъ, если въть исполнителей закона? На что правда, если оная защитниками ея пренебрегается? Ты увидишь, мой любезный другь, въ сихъ Запискахъ моихъ, въ 3-й части оныхъ, происшествія по выходи непріятеля *); ты увидишь, что, къ стыду отечественной юстиціи нашей, верховное наше правительство по части уголовной, Сената 5-й департаменть окончательно судиль о несчастныхь, остававшихся во власти непріятеля, когда оный заняль столицу Москву и между прочими сдълалъ и мев приговоръ: отнять у меня положенное минпо смерть пенсіонное жалованье и проч. Но что удивительно, въ предлинномъ семъ указъ, наборъ пустыхъ словъ, забыто сказать, въ чемъ преступленіе мое. Государственный Совъть потомъ оправдаль меня, но не сдълалъ однакожъ никакого мнъ вознагражденія ни за безвинное мое претерпвніе, ни за усердіе, которое я оказаль на пользу Отечества, сохранивъ отъ непріятельскаго истребленія сокровища отечественныя, которыя заключають въ себъ архивы Вотчиннаго Депар-

^{*)} Этихъ Записокъ не оказалось, или, можетъ быть, они не изданы. П. Б.

тамента. И такъ, мы не можемъ быть обезпечены на счетъ справедливаго служенія; ибо министры нашп, желая господствовать, привязаны къ собственнымъ своимъ пользамъ, къ пользамъ родственниковъ своихъ и любимцевъ, какъ на самомъ дълъ собою оправдалъ сіе бывшій министръ юстиціи, И. И. Дмитрієвъ; слъдовательно, если подобный ему министръ существовать будетъ, то самые усердные чиновники будутъ отставляемы отъ службы отечественной и лишатся чести и даже пропитанія, не будучи выслушаемы.

Теперь, мой любезный другь, живу я въ деревиъ довольно спокойно и почиталь бы себя счастливымъ, еслибъ на миъ долгу не было. Я пикуда не ъзжу, но прівзжають ко миъ иные спращивать по дъламъ своимъ совъту. Чудно, что я прослыль въ околоткъ нашемъ законникомъ, тогда когда я, признаюсь, кромъ естественнаго закона: не дылай другому, чего не хочешь, чтобъ тебъ было дылано, не знаю; да и у насъ нътъ законовъ или очень оныхъ мало, а за то уже много указовъ таковыхъ же, каковъ указъ Сената 5-го департамента относительно остававшихся сыновъ Отечества во власти непріятеля.

Прощай, мой любезный другъ. Я на сихъ дняхъ видълся съ Александромъ Ивановичемъ Чихачовымъ, показывалъ ему письмо твое; онъ хогълъ самъ къ тебъ писать; если пришлеть письмо, то я вложу въ сей же конвертъ. У насъ погода стоить прекрасная уже около трехъ недъль. Мы молотимъ хлъбъ Мнъ писать болъе нечего, какъ пожелать тебъ всякаго благополучія и душевнаго спокойствія, съ чъмъ и пребуду по гробъ мой предацивйшій тебъ А. Бестужевъ-Рюминъ.

Получ. 22 Окт.

Свёдёнія о сочинителё краткаго описанія происшествіямъ въ Москвё въ 1812 году.

Надворный совътникъ А. Д. Бестужевъ-Рюминъ въ 1812 г. служилъ въ бывшемъ Вотчинномъ Департаментъ ассессоромъ. Въ началъ 1813 года возникло объ немъ дъло, производившееся, въ слъдствіе предписанія г. министра юстиціи, въ особо учрежденной для того коммиссіи. Почему завъдывавшій въ то время департаментомъ, оберъпрокуроръ Огаревъ сдълалъ распоряженіе, чтобы онъ къ присутствованію въ департаментъ допускаемъ не былъ. А 17 Марта того же года указомъ Правительствующаго Сената Бестужевъ-Рюминъ отъ занимаемой имъ должности уволенъ, съ причисленіемъ къ Герольдіи.

Этимъ и ограничиваются всё оффиціальныя извёстія о немъ, сохранивніяся въ дёлахъ бывшаго Вотчиннаго Департамента. По вотъ пъсоторыя подробности о жизни его въ Москвё во время непріятельскаго нашествія въ 1812 году, переданныя сослуживцемъ его, Н. С. Налётовымъ, жившимъ тогда также въ Москвё.

Предъ вступленіемъ Французовъ въ Москву, какъ извъстно, всъ жители искали спасенія отъ угрожавшихъ имъ бъдствій. Увлеченный общимъ примъромъ, Бестужевъ-Рюминъ съ женою и двумя малольтними сыновьями изъ квартиры своей перебрался въ Вотчиный Департаменть, надъясь быть тамъ болю безопаснымъ. Это было въ Воскресенье утромъ, 1-го Сентября, а на слъдующій день непріятели уже обладьли Москвою и въ Тронцкія ворота вторгнулись въ Кремль. Разогнавъ холостымъ пушечнымъ выстръломъ народъ, толпившійся около Арсенала для взятія оттуда сабель и ружей, они разсыпались по всему Кремлю, вломились въ зданіе Сенана и наконецъ достигли Вотчиннаго Департамента. Въ это время находились тамъ многіе чиновники, еще съ утра пришедшіе за полученіемъ жалованья. Фравцузы загородили имъ ружьями всѣ входы и выходы, обобрали ихъ всѣхъ до одного, въ томъ числѣ и Бестужева-Рюмина, и выгнали вонъ, а сами остались для помѣщенія въ архивахъ департамента.

Тогда Бестужевъ съ семействомъ своимъ побрелъ опять на прежнюю квартиру, гдѣ, кромѣ голыхъ стѣнъ, не нашелъ уже ничего: все было разграблено, а вскорѣ огонь лишилъ его и самаго крова. Домъ, въ которомъ онъ помѣщалси, сдъдался жертвою пожара. Послъ того жилъ онъ нъсколько времени въ зданіи Медико-Хирургической Академіи. Средствъ къ жизпи никакихъ у него не было, нужда была крайняя; оставалась одна надежда на человъколюбіе. Но куда и къ кому обратиться? Накопецъ пришла ему счастливая мысль пойти поискать своихъ знакомыхъ. Съ этою цълью онъ отправился на Петровку, въ домъ князя Одоевскаго: здъсь укрывался знакомый ему чиновникъ, М. И. Къ нему-то Бестужевъ и ръшился прибъгнуть съ просьбою о помощи. Этотъ сжалился надъ нимъ, накормилъ его съ женою и дътьми и далъ у себя пристанище.

Оставивъ здъсь семейство, пошелъ онъ на Тверскую, съ намърешемъ отыскать домъ одного своего благодътеля (фамиліи котораго передающій этотъ разсказъ не помнить), и вдругъ быль окруженъ Французами. Видя, что онъ умъетъ говорить по-французски, они схватили его и представили къ Наполеону. На предложеніе Наполеона вступить къ нему въ службу Бестужевъ отвъчаль, что считаетъ противнымъ долгу чести и присяги служить двумъ императорамъ. Наполеонъ приказалъ отпустить его.

На возвратномъ пути ожидало Бестужева новое несчастіе: на Тверскомъ бульварів онъ былъ ограбленъ Поляками. ІІ въ этоть разъ М. И. выручиль его изъ бізды, снабдивъ старою фризовою шинелью.

Москва давно уже горѣла. Пожаръ сталь угрожать и дому Одоевскаго. Вестужевъ долженъ былъ искать новаго убъжища, и воть онъ, съ женою и дѣтьми, рѣшился идти въ ту сторону, гдѣ находился Полевой дворъ *). Тамъ на огородахъ стояла изба, въ которой онъ и расположился провести ночь, вмѣстѣ со многими другими несчастными и безпріютными; но и это единственное убѣжище вздумалъ кто-то поджечь. Проведя остатокъ ночи подъ открытымъ пебомъ, на огородахъ, между капустными грядами, рано утромъ воротился онъ въ домъ князи Одоевскаго, но благодѣтеля своего М. И. уже не нашелъ тамъ: пожаръ заставилъ и его удалиться въ другое мѣсто.

Такимъ образомъ положение Бестужева сдвлалось снова безвыходнымъ: ни пристанища, ни хлъба не было; дъти страдали отъ холода и голода. Это безпокоило его больше всего. Чтобы хотя сколько нибудь обогръть малютокъ, онъ повелъ ихъ на Самотеку въ бави, но бавь уже не было: онъ также сгоръли.

Нужно было достать для нихъ, по крайней мъръ, хлъба. Судьба помогла ему въ этомъ. Бродя съ ними по улицамъ, онъ встрътилъ

^{*)} Надо зачатить, что огонь по ватру шель ва направлени къ Полевому двору; здась, не встрачия на пути своемъ ничего, крома огородовъ, онъ прекратился.

II. 26 русскій архивъ 1896.

стараго хромаго солдата и попросиль у него хліба. Солдать отвічаль ему: «Хліба нізть у меня; самъ питаюсь разводимою въ водів мукою; муки, пожалуй, дамъ». И дівствительно подівлился.

Тогда Бестужевъ, успокоенный нѣсколько тѣмъ, что можетъ, наконецъ, накормить дѣтсй, поспѣшилъ въ уцѣлѣвшій, къ счастію, домъ князя Одоевскаго. М. И. былъ опять уже тамъ. Жену и дѣтей Бестужевъ оставилъ у него, а самъ пошелъ къ Москвѣ-рѣкѣ, гдѣ, какъ опъ слышалъ, можно было брать подмоченную на баркахъ пшеницу; по едва вышелъ изъ дома, какъ былъ схваченъ Французами и снова приведенъ къ Наполеону. На этотъ разъ Бестужеву не удалось отдѣлаться отъ Наполеона; онъ долженъ былъ вступить въ его службу и сдѣланъ членомъ Муниципальнаго Совѣта *), а въ отличіе отъ прочихъ велѣно ему носить голубую ленту, на лѣвомъ рукавѣ, выше локтя.

Въ это время нижніе Французскіе чины считали Бестужева городскимъ начальникомъ. Онъ умѣлъ пользоваться этимъ какъ нельзя лучше; бралъ у Французовъ хлѣбъ и раздавалъ бѣднѣйшимъ изъ своихъ соотечественниковъ, въ особенности семейнымъ и, такимъ образомъ, облегчалъ участь многихъ несчастныхъ.

Къ чести его должно также сказать, что онъ заботился о сохранении въ цълости Вотчиннаго Департамента. Такъ, бывши однажды въ Кремлъ, онъ увидълъ, что Французы изъ оконъ архива выкидывали книги и дъла въ вязкахъ; тотчасъ же отправился къ Наполеопу, какъ членъ Муниципальнаго Совъта былъ допущенъ къ нему и донесъ ему объ этомъ. Наполеонъ, по просъбъ его, приказалъ къ архиву приставить караулъ.

(Изъ "Чтеній" 1859 года ки. 2-я. Эти спъдънія записаны Н. С. Палстовымъ)

^{*)} Этотъ Муниципальный Совътъ номъщался на Покровкъ, въ домъ Румянцова. По выходъ непріятеля изъ Москвы, найденъ здъсь гр. Ростончинымъ списокъ всъхъ Русскихъ чиновниковъ, находившихся въ службъ у Французовъ; въ немъ упомянутъ и Бестужевъ-Рюминъ. Вскоръ Бестужевъ былъ выяванъ въ С.-Петербургъ. На проъздъ и путевыя издержки высланы ему деньги отъ одного сенатора.

СТАРИННАЯ САТИРА.

Амурчика рожденьемъ Встревожился народъ. Къ Венерв съ поздравленьемъ Пустился всякой сбродъ: Монахъ, риемачъ, предестники, вельможи; Иной пъшкомъ, другой въ саняхъ. Дитя глядить на нихъ въ слезахъ И вопить: "что за рожи!"

Совъть нашь именитый И въ дентахъ, и въ звъздахъ Приходить съ шумной свитой. Малютку проняль страхъ. "Не бойся, говорять, сиди себъ въ покоъ: Не обижаемъ никого; Мы право, право, ничего, Хоть насъ число большое".

Нашъ Пеккеръ *), запыхансь, Амурчику скозь слезъ, У ногь его валяясь, Молитву произнесъ: "Мой боже, сотвори ты въ нашу пользу чудо! Оно тебъ, какъ плонуть разъ; А безъ него, боюсь, у насъ Финансамъ будетъ худо"!

^{*)} Извъстный гастроновъ графъ Д. А. Гурьевъ; онъ былъ полнаго сложенія и страдаль одышкою. Гурьевская каша славится и донынъ. Изъ Записокъ Голубева ("Русскій Архивъ" сего года) читатели уже знаютъ о государственныхъ заслугахъ этого министра финансовъ въ тяжкое время нашей великой борьбы съ Европою и потомъ въ Европъ. П. Б.

Склонись на просьбу нашу,
Рука твоя легка;
А для тебя я кашу
Начну варить пока.
О мастерствъ моемъ уже́ здъсь всякой свъдалъ,
Я кашу лучше всъхъ варю,
И съ той поры, какъ взятъ къ царю,
Я только то и дълалъ".

Сподвижникъ знаменитый Его достойныхъ дълъ, Румянами покрытый Къ Венеръ вдругъ подеълъ. Онъ говоритъ: "Себъ подобнаго не знаю: Военнымъ былъ средь мирныхъ лътъ; Теперъ, когда торговли нътъ, Торговлей управлню" 1).

**
Пронырливый отъ въка
Сибирскій лилипуть,
Обращикъ человъка
Явился Пестель тутъ:
Что править Зевсъ съ пебесъ землей, ни въ грошъ не
ставлю;

Диви пожалуй онъ глупцовъ! Сибирь и самъ съ Певы бреговъ 11 правлю и, и граблю!?)

Амуру въ новоселье
Песеть министръ овецъ:
Россійское издёлье,
Суконный образецъ ³).
Я знаю, говорить, сукио мое дрянное;
Но ты носи, любя меня.
И въ Съверной о другъ и
Скажу словцо-другое!

Директоръ департамента визнитей торговли, сенаторъ и генералъ - майоръ Михаилъ Алексъевичъ Обръзковъ. П. Б.

²) Будучи генералъ-губернаторомъ Восточной Сибири, Иванъ Борисовичъ Пестель (извъстный пераюстраторъ, отенъ Декабриста), ни разу тамъ не былъ. И. Б.

э) Министръ внутрениихъ дълъ О. И. Козодавлевъ При немъ издавалась "Съверная Почта". И. Б.

Вдругъ слышенъ шумъ у входа: Березинскій герой ¹) Кричитъ толив народа: Раздвиньтесь, я герой! Пропустимте его, вдругъ каждый повторяеть; Держать его грвшно бы намъ: Мы знаемъ, онъ другихъ и самъ Охотно пропускаетъ!

* *

Украшенный вънками
Приходить Витгенштейнъ.
Герою риемачами
Давно приписанъ Рейнъ!
Онъ говорить: Богъ въсть, какъ съ вами очутился;
Летълъ я къ славъ на легкъ.
Летълъ, летълъ съ мечемъ въ рукъ,
Но съ Люцена я сбился! 2)

* *

Пось къ верху вздернувъ гордо
И нюхая табакъ,
Столпъ государства твердый,
А просто злой дуракъ "),
Подводитъ изъ Москвы полиціи когорту.
Амуръ ему, отбривши спѣсь,
Сказалъ: "Тебѣ не мѣсто здѣсь,
Ты убпрайся къ чорту".

* *

Захаровъ пресловутый,
Присяжный Славнинъ,
Ораторъ нашъ надутый,
Бесъды исполинъ,
Венеръ говоритъ: "Пе занятъ н житейскимъ,
Пишу пантіемъ благимъ;
П все не языкомъ людскимъ,
Л самымъ ужъ библейскимъ!

* *

^{&#}x27;) Адмираль Чичаговъ, котораго всъ тогда обвиняли за то, что онъ пропустиль Наполеона подъ Березиной. П. Б.

²) Послъ несчастнаго для насъ Люценскаго сраженія главнокомандующій графъ Витгенштейнъ сифненъ Барилаемъ-де-Толли. П В.

^{*)} Графъ Растопчинъ, въ 1815 году смъненный въ Москвъ Тормасовымъ (Москву затормозили). П. Б.

Съ поэмою холодной Студеный Шаховской Приходитъ въ часъ свободный Читать акаенсть свой. При первыхъ двухъ стихахъ дитя прилегъ головкой. "Спасибо, няня говоритъ: Читай, читай, смотри, какъ спитъ; Баюкаешь ты ловко!"

* *

Къ Амуру риторъ новый Подходитъ Филаретъ, Къ услугамъ всъмъ готовый Азъ Невскій Боссюэть! Мић, право, никогда быть уминкомъ не снилось; Но тотъ шепнулъ, другой сказалъ, И что я въ уминки попалъ, Нечаянно случилось! *)

> Къ Венеръ благодатной Растрепанный бъжить Кликуша князь Шахматной, Бьеть объ грудь и визжить: "Венера, будь мнъ щить, я вовсе погибаю; Лукавый смыслъ мой помрачиль, Шишковымъ я испорченъ быль; Очисти, умоляю!"

Хвостовы предъ малюткой Другь съ другомъ входять въ бой; Одинъ съ старинной шуткой, Съ мѣшкомъ стиховъ другой. Одинъ кричитъ: словцо! Другой мяучитъ: ода! Малютка, ихъ прослуша вздоръ, Сказалъ, возвысн къ небу взоръ: "Несчастная порода!"

**
За ними пара Львовыхъ
Выходить изъ толны,
Бесъды ствиъ Петровыхъ
Надежные столпы.
Прослушавши Амуръ привътствіе ихъ длинно
И смъря съ ногъ до головы,

^{*)} Какъ жестоко ощибся остроумный сочинитель этихъ стиховъ! П. Б.

"Ужъ не Хвостовы ли и вы?" Спросиль опъ ихъ наивпо.

* *

Трактать о воспитаныя Приносить новый Локкъ. Въ малюткъ при стараныя, Новърьте, будеть прокъ. Отдайте мнъ его; могу на Нижній смъло Сослаться объ умъ своемъ. Въ Гишпаныя, не таюсь гръхомъ. Совсъмъ другое дъло *).

**
Горація на шею
Себъ я навязаль;
Я мало разумъю,
Но много прочиталь.
Малютку радь учить всьмъ лексиконамъ въ мірь,
Но математикъ пикакъ.
Боюсь, докажетъ: я дуракъ,
Какъ дважды два четыре!

Къ Венеръ съ извиненьемъ
Подкрался Горчаковъ.
Удобривая чтеньемъ
Похвальныхъ ей стиховъ.
Она ему въ отвътъ: "Прошу, не извиняйся!
Я знаю, ты ругалъ меня;
Ругай и впредъ, позволю я;
По только убирайся!"

Писано не поэже 1815 года. Печатается (съ небольшими, по необходимости, измъненими и опущениями) по списку руки А. И. Тургенева; нъкоторые намеки остаются для насъ непонятны. П. Б.

^{*)} Кто это, намъ неизвъстно. П. Б.

ГРАФЪ Е. Е. КОМАРОВСКІЙ*).

Графъ Егоръ Евграфовичъ Комаровскій (род. 1803, ум. 1875) былъ сынъ генералъ-адъютанта Евграфа Өедотовича, автора извъстныхъ Записокъ (напечатанныхъ въ "Русскомъ Архивъ" 1869 года) и жены его Елисаветы Егоровны, рожденной Пуриковой. Воснитанный первоначально въ Петербургв, въ извъстномъ Ісзуитскомъ нансіонъ, графъ Егоръ Евграфовичь быль, по закрытіи пансіона, взять своимь отпомъ домой и поступиль подъ руководство гувернера, эмигранта Барона (Вагоп), основавшаго впоследстви въ Москвъ частное мужское училище. Французская педагогія и особенный характерь ен паправленія пъ смысл'я того, что называется belles lettres, наложили отпечатокъ на условія воспитанія и на последующій образъ мыслей молодаго графа. Въ основу ихъ дегли преданія и прісмы классицизма. Древніе языки, всеобщая исторія и литература давали главивйшее содержаніе его познавінит, и мышленіе его посило на себ'я явные сл'ялы богословской діалектики Ісзунтовъ. Дровнихъ писателей, преимущественно Латинскихъ, онъ зналь нь совершенствъ, а Французскимь языкомъ владъль устно и письменно съ твиъ изиществомъ, которое способствовало особой предести его остроумной бесёды. Всё эти черты, въ связи съ занимавшими графа Егора Евграфовича паучными (преимущественно теологическими) вопросами, напоминали въ его лиць твхъ представителей Франціи, которые подъ знаменемъ роздистовъ заявили себя извъстными именами въ области науки, дитературы и политики. Это былъ сколокъ съ эмигрантовъ, по съ чисто-русскими, мъстными оттънками въ своемъ міросозерцаніи и въ своихъ національныхъ пристрастихъ. Пе одно воспитаніе, не одни Французскіе педагоги способствовали созданию такого общественнаго типа, сложившагося подъ вліннісмъ міровых в событій первой четверти нашего стольтія, когда вопросы, связанные съ политической судьбою Франціи, вызывали особое участіе и къ этой странъ, и къ условіямъ ся просвъщенія. Графъ Егоръ Евграфовичъ побываль въ раннемъ дътствъ съ своимъ отцомъ въ Германіи и во Франціи, а потомъ имълъ случай оживить свои заграничныя впечатленія, поступивъ, въ последнихъ годахъ царстованія Александра I, юнкеромъ въ лейбъ-гвардіи конный полкъ и слушая разсказы своихъ товарищей - офицеровъ о научныхъ, лите-

^{*)} См. Письмо графа Е. Е. Комаровскаго въ И. В. Кирфевскому въ "Русскомъ Архивъ" сего года (вып. 3-й, стр. 464—470). Пастоящій біографическій очеркъ этого достопамятнаго человъка любезно написанъ для пасъ лицомъ ему близнить. П. Б.

ратурныхъ и культурныхъ предестяхъ Западной Европы. Но при этихъ спошеніяхъ его съ одноподчанами не следуетъ упускать изъ виду техъ условій домашняго замкнутаго воспитанія, которыя сопровождали въ то время молодыхъ людей, поступавшихъ на действительную службу и темъ не вполн'в еще оснобождавшихся отъ педагогическаго контроля. Для характеристики этихъ условій считаємъ не лишнимъ привести напр. следующее.

Въ началъ 20 годовъ, или даже ранъе, въ кавалергардскій полкъ поступилъ юнкеромъ графъ Захаръ Григорьевичъ Чернышовъ, впослъдствій декабристъ. Только что падъвъ военный мундиръ, опъ долженъ былъ вызвать на дуэль одного изъ своихъ однополчанъ, за что, по ръшенію военнаго начальства, былъ присужденъ къ кратковременному аресту въ кръпости. Въ это же самое время опъ получилъ извъстіе о тяжелой бользни своей матери, жившей въ Орловскомъ имъпіи, и долженъ былъ, какъ единственный сынъ, спъщить къ больной, которой могла грозить смерть. Сидъніе нодъ арестомъ пришлось отсрочить и, по особому высочайшему повельнію, графу Чернышову было разрышено съвздить въ деревню и верпуться къ извъстному сроку подъ честнымъ словомъ, даннымъ начальству. Все это было въ точности исполнено молодымъ человъкомъ, который, въ сопровожденіи своего гувернера, Француза Жоайе (Joyeux), успълъ побывать въ Орловской губерніи и, возвратясь въ Петербургъ, немедленно сълъ въ казематъ вмъстъ съ Жоайе, объщавшимъ старому графу раздълить заключеніе своего воспитанника.

Въ подобныхъ же условіяхъ воспитывался и графъ Е. Е. Комаровскій, въ мупдирѣ конногвардейскаго юнкера не смѣвшій иначе, какъ въ сообществѣ своего Барона, посѣщать Петербургскіе рестораны, куда бывалъ принужденъ забѣгать, чтобы погрѣться отъ холода или утолить голодъ послѣ смотра или ученія.

Дли характеристики преобладанія Французскаго языка въ Русскомъ обществъ описываемой эпохи мы считаемъ не дишнимъ привести эдъсь другой разсказъ самого графа Егора Евграфовича. 14 Декабря 1825 года онъ находился въ строю конной гвардіи и участвоваль въ аттакъ канадеріи на матежниковъ, окружавшихъ памятникъ Петра Великаго. По окончательномъ разевянии бунтовщиковъ, часть войскъ, съ пълью охранения порядка въ столицъ, осталась на Сенатской площади на бивуакахъ. У одного изъ костровъ, разложенныхъ по случаю сильнаго мороза, встрътились двое офицеровъ конной гвардіи, къ которымъ присоединился и юнкеръ графъ Комаровскій. Разговоръ шель, копечно, о событіяхъ минувшаго дия, и сообщались другь другу слухи объ ареств товарищей, въ числв которыхъ были офицеры и конной гвардін, какъ, наприм'єръ, князь Александръ Ивановичъ Одоевскій, Графъ Комаровскій особенно интересовался судьбою своего товарища еще по Іезуитскому пансіону, молодаго князя А. А. Суворова, котораго имълъ поводъ считать, если не принадлежавшимъ къ числу членовъ тайнаго общества, то по крайцей мъръ близко знакомымъ съ нъкоторыми участниками мятежа. Желая разсвять свои сомпвнія, графь собпрадся уже спросить одного изъ своихъ сосвдей по костру объ участи князи Суворова, по ствсиялся выразить свои подозрвнія передъ третьимъ, мало ему знакомымъ, однополчаниномъ. Онъ измышляль средства удовлетворить своему любопытству, и наконецъ, рвшился употребить для вопроса Русскій языкъ, котораго не зналь третій конногвардеець, грвшійся у огня, человвкъ вполнъ Русскій по происхожденію и по фамиліи.

Въ 1828-1829 годахъ, въ качествъ адъютанта при принцъ Евгсиіп Виртембергскомъ, графъ Е. Е. Комаровскій принималь участіє въ войнъ съ Турками и имъть случай познакомиться на походъ съ А. С. Хомяковымъ, съ которымъ сблизился еще болъе внослъдствіи, когда женился (1830) на сестръ поэта Веневитинова, Софіи Владимировить (си брать поэтъ Дмитрій Владимировичь быль другомь Хомикова). Женитьба эта ввела графа Е. Е. въ кружокъ Московскихъ Славянофиловъ и бывшихъ архивныхъ юношей, съ которыми у семьи Веневитиновых в были давнія и близкія сношенія. Представители этого кружка, Хомяковъ, Кирвевскіе, Погодинъ, Шевыревъ, Кошелевь, Соболевскій и другіе имбли случай встрачаться съ молодыми Комаровскими при илъ проводахъ чрезъ Москву въ Ордовскій уводъ, гдв въ прекрасной усадьбъ села Городина проводиль послъдніе годы жизни отець ихъ генералъ-адъютанть Александра 1-го, по желанію котораго онъ основаль суконную фабрику въ Петербургъ. Фабрика находилась на Охтв, и при ней быль небольшой домъ съ садомъ, служившій квартирою для управляющаго и конторою. По смерти графа Евграфа Оедотовича, когда это суконное дело прекратилось, молодые Комаровскіе вернулись въ Петсрбургь и стали пользоваться Охтенскою усадьбою, какъ дачею для летияго пребыванія. Здёсь ихъ неоднократно посёщаль Иванъ Васильевичь Кирфевскій (въ свои прівады въ Петербургь онъ останавливался въ ихъ городской зимией квартиръ).

Оставивъ военную службу и поселившись у отца своего въ Орловской деревив, графъ Комаровскій продолжалъ пользоваться досугомъ для развитія своихъ познаній и для неутомимаго чтенія, матеріалъ которому доставляла богатая библіотека его отца со многими Русскими и иностранными журналами и газетами. Все это не только прочитывалось, но служило предметомъ систематическихъ выписокъ. Вернувшись съ семьею въ Петербургъ, въ началъ сороковыхъ годовъ, графъ Е. Е. поступилъ цензоромъ въ Петербургскій комитетъ иностранной цензуры и на этомъ мъстъ оставался до своей смерти.

Новый родъ занятій соотвътствоваль не только характеру восинтанія, но и личнымъ вкусамъ графа. Съ этихъ поръ онъ особенно углубился въ книги и съ помощью богатаго матеріала, обусловленнаго служебнымъ положеніемъ, развиваль свои теоріи о прошломъ и будущемъ Православія, Славянства и Россіи, зародившіяся въ его мысляхъ еще при первыхъ встрѣчахъ съ представителями Славннофильскаго направленія. Къ этимъ же 40 — 60-мь годамъ отпосится эпоха его виднаго участія въ пителектуальномъ и художественномъ кружев, собиравшемся вокругъ братьевъ Михаила и Матвън Юрьевичей Вьельгорскихъ, на вечерахъ у коихъ его бесъда всегда отличалась привлекательною силой *). Темою этихъ бесерь большею частію бывали вопросы религіозные и богословскіе, такъ какъ графъ Комаровскій быль человькомъ глубоко-върующимъ, а сношенія съ Славянофилами еще болће укрћишли въ немъ стойкую приверженность къ Православію. Имън случаи часто встрвчать у Вьельгорскихъ посъщавшихъ ихъ иностранцевъ и иновърцевъ, въ числъ которыяъ бывали строгіе и убъжденные послъдователи Католичества и Протестанства, и преследуя свою заветную мысль о назначени Православнаго Востока, графъ Комаровскій, вступаль по этому поводу въ горячіе споры, отличавшіеся изысканною въжливостью въ вившнихъ формахъ и въ пріемахъ возраженій и нападокъ. Диспуты эти не оставдяли по себъ пи малъйшихъ слъдовъ горечи или даже личнаго раздраженія. Причина такого миролюбія лежала во Французскомъ воспитаніи графа Комаровскаго, обладавшаго высшею тонкостью свътскаго обращения. По своей скромности, безпритязательности, по своему глубокомыслію и характеру остроумія графъ Егоръ Евграфовичъ очень напоминаетъ тотъ типъ людей, къ которому принадлежаль О. И. Тютчевъ, его сотоварищъ по цензурному комитету и весьма часто его собесъдникъ въ гостиныхъ Петербурга.

Изобразивъ личность графа Е. Е. Комаровскаго, намъ бы следовало обратиться къ изложению его историко - философскихъ взглядовъ; но для такой задачи мы, къ сожадению, не имъемъ достаточнаго матеріала. Дело въ томъ, что въ сохранившихся послъ него бумагахъ нигдъ не истръчается полнаго, обстоятельнаго плана его теоріи, которая можеть быть выяснена лишь путемъ возстановленія связи между ен отдільными подробностями. Сколько намъ извъстно, теорія эта скоръе сосредоточивалась въ головъ ся автора, чемъ въ случайныхъ заметкахъ, вызываемыхъ по поводу чтенія книгъ, которыя онъ выбираль въ извъстномъ направлени съ цълью подтвердить научными фактами правильность синтетического построенія. Бъглые проблески цилой самостоятельной системы философіи, имиющей предметомъ исемірцую цивилизацію и указывающей въ ней мъсто Православной въръ и Славлискому племени, являлись плодомъ размышленій надъ прочитанными книгами, развитіемъ или опроверженіемъ мыслей ихъ авторовъ. Такія замітки, сопровождаемыя ссыдками и даже пространными выписками, заносились графомъ на страницы отдъльныхъ тетрадей (числомъ около двадцати) съ особыми заглавілми дли каждой отдёльной отрасли наукъ и дли каждаго отдёльнаго элемента системы. Новыя книги и новыя о нихъ замътки безпрестанно упестряди тетради выносками, и обозначение этихъ выносокъ условными знаками въ текстъ и въ примъчаніяхъ, безпрестанно подвергавшихся дальнъйшимъ по мъръ чтенія дополненіямъ, давало особую внёшность многольтнему труду графа, и нъкоторыя лица имъли право говорить, что трудъ его построенъ многоэтажнымъ способомъ.

^{*)} Брать его супруги Алексъй Владимировичь, жепать быль на старшей дочери гр. М. Ю. Вьельгорскаго Аполина Михайловиъ (см. "Р. Архивъ" 1884, III, 289). П. Б.

Изобиліе тетрадей, ихъ взаимная связь, разбросанность пом'вщенныхъ въ нихъ зам'втокъ, въ связи съ личною скромностью графа Комаровскаго, съ его желаніемъ совершенства въ своемъ трудів, все это, вм'яст'в взятое, ни разу не дало ему повода остановиться на изв'ястной точк'я сво-ихъ изсл'ядованій, подвести итогь ихъ результатамъ и окончательно изложить свои взгляды, кругозоръ которыхъ безпрерывно расширялся въ зависимости отъ постоянаго роста въ объем'я матеріала. Въ тетрадяхъ графа его историкофилософская система отражается лишь въ видів краткихъ, частичныхъ, первоначальныхъ очертаній плана задуманнаго имъ сочиненія, который для
полнаго своего уразумівнія потребовалъ бы возстановленія строгаго систематическаго порядка зам'ятокъ. Ключь къ тому утраченъ со смертью автора:
какъ провърить приводимыя имъ цитаты изъ печатныхъ источниковъ по издавіямъ, отчасти составляющимъ нын'я библіографическія р'ядкости?

Изъ всего того, что до сихъ поръ удалось разобрать въ тетрадяхъ графа Е. Е. Комаровскаго и что можеть быть подкраплено воспоминаніями о его интересныхъ бесадахъ, можно извлечь лишь сладующія, главныя основанія его теоріи.

Исходя изъ православного догмата о св. Троицъ и примънни къ нему Гегелевское положеніе о трехъ моментахъ человъческаго самосознанія, графъ Комаровскій въ своей философіи исторіи ділить судьбу человічества на три эпохи, прошедшаго, настоящаго и будущаго, и олицетворяеть ихъ въ міръ классической древности, въ Западно-европейской цивилизаціи и въ надеждахъ будущаго отъ предстоящей въ немъ роди Славянства и, во главъ его, Россіи. Тройственность такого деленія систематически проводится графомъ во всёхъ отдёльныхъ частяхь его возгрёніи. Независимо отъ эпохъ, отъ народностей, отъ міста дійствія и области культуры, онъ видить къ ходъ развитія каждаго историческаго явленія, всегда и вездъ, три послъдовательныя ступени, соотвътствующія отдъльнымъ ипостасямъ Троицы и подтверждаемыя основами Гегелевской философіи. Такъ, примъняя эту теорію къ исторіи всеобщей литературы, онъ полагаеть, что древній классицизмъ псполниль свое назначение, доведя до совершенства эпическую форму поэзін, Западная Европа выработала высшіе образцы драмы, а приближеніе лирики до возможныхъ предъловъ идеала должно составлять въ будущемъ заслугу Славяно-русскаго міра. Следы примененія этого тройственнаго возаренія къ области политической исторіи отражаются въ письмів графа Е. Е. Комаровскаго къ И. В. Кирвевскому, напечатанномъ въ "Русскомъ Архивъ" нынвшняго года.

Приближансь къ Славинофиламъ въ конечныхъ результатахъ сноей теоріи, графъ Комаровскій отличается отъ нихъ въ матеріалѣ и построеніи своихъ аргументовъ. Онъ недостаточно воспользовался почвою этнографическою, филологическою, политико-экономическою и отчасти философскою, послужившею основою Славинофильскому ученію, насколько оно было выра-

ботано Хомяковымъ, братьями Киръевскими и послъдующими ихъ учениками; но классическое воспитаніе, познанія въ области всеобщей исторіи и литературы, а равно и Французскій оттьнокъ въ прісмахъ мышленія, въ связи съ прирожденной набожностью и порывами безсознательнаго чувства, дали въ руки графу Комаровскому особое орудіе для подтвержденія догмата Славянофиловъ, заимствованное изъ сферы мистицизма и, такъ сказать, богословской кабалистики. Проведеніе начала трехъ ипостасей Троицы чрезъ весь ходь человъческой исторіи, всецълое отраженіе въ ней этого начала мирило Христіанскія убъжденія графа Комаровскаго съ искушеніями Западно-европейскаго скептицизма, съ противоръчіями науки и философіи, которыя онъ всъръчаль въ своемъ неутомимомъ чтеніи по обязанности и по личной страсти къ книгамъ.

Рудиментарный характерь труда графа Комаровского и отсутствіе въ немъ окончательной формулировки объясияются самимъ мистициямомъ его теоріп и мотивами предпринятой ниъ работы. Не представляя въ самомъ себъ ни способа, ни цъли для прямаго примъненія на практикъ и отличаясь этимъ отъ политическаго и экономическаго значенія Славянофильства, теорія графа являлась плодомъ исключительно-книжнаго отношенія къ задачамъ жизни, гигантскимъ трудомъ, коренящимся не столько въ побужденіяхъ дать реальное развите скоимъ основнымъ положениямъ, сколько въ желании утвердиться въ мысляхъ, оправдываемыхъ первопачальными намеками чувства Въ этомъ отношеніп личность графа Е. Е. Комаровскаго представляется намъ весьма характернымъ явденіемъ первой половивы нашего стольтін, когда лучшіе Русскіе люди, всявдствіе модных в космополитических в пріемовъ въ направленіи ихъ воспитанія, тщетно некали выхода для своихъ правственныхъ и умственныхъ силь въ условіяхъ дійствительной жизни своего отечества и, не находи почвы для практической двительности, по неволю удадядись въ область метафизики, хотя и безплодной, по почтенной по пекренности побужденій. А что графъ Е. Е. Комаровскій можеть быть сопричтень къ лучшимъ Русскимъ дюдямъ, это смъло мы говоримъ, вспоминая его обширную начитанность, глубокую образованность, его безграничную доброту, высокую честность и по истинъ Христіанское смиреніе.

Для образца приводимъ выдержки изъ тетрадей графа Комаровскаго.

Prologue.

Ceux qui croient en Jésus Christ connaissent bien cette parole: Une seule chose est nécessaire, c'est en se livrant à Dieu d'acquérir «la bonne part», la vie éternelle.

Ce mot divin réduit toutes les choses d'ici bas à une valeur purement accessoire, mais non sans importance par la corrélation, qui se trouve entre elles et la chose unique. Tout peut agir sur la destinée de l'âme, parce qu'elle même est passible de toutes les influences. Pour peu qu'elle cède, un souffle lui imprime son inflexion. Dans cette

vie éphémère il n'existe, il n'arrive rien d'indifférent pour cette sensitive immortelle.

Comme action permanente notre âme subit entre autres celle des milieux, qui la renferment concentriquement. D'abord la Famille, notre société natale, intime, parlant la même langue, priant autour du même autel. Au loin l'Humanité, qui se compose d'un nombre infini de nos semblables, que nous ignorons. Entre ces deux termes est la Nationalité, la Patrie qui tient de l'un et de l'autre par sa communauté de culte et de langue avec tant de frères inconnus.

A travers ces milieux circule, comme un souffle social, l'esprit du temps, résultat de leurs influences réciproques. Or, la Providence régit le monde diversement tandis que Dieu seul gouverne l'Humanité dans son ensemble, et que la nature, les liens instinctifs, la voix du sang inspirent la Famille, on voit dans la direction du pays intervenir davantage l'exercice plus ou moins libre de la raison humaine. Aussi tout gouvernement chrétien doit reconnaître que dans la mesure de ses forces il a charge d'âmes, pour le moins autant que le clergé, bien que d'une autre manière. Cette responsabilité lui fera mieux apprécier si le but et les moyens ne sout pas intervertis, et si par exemple de nos jours la loi du Christ ne dégénère pas en code de morale, propre à régulariser la vie de tant d'êtres, voués à la poursuite de biens éphémères et à l'exploitation du monde, où s'effectue leur passage? Et cependant un indestructible levain de (hristianisme, resté dans les coeurs, fermente et proteste jusqu'à les rompre. Une soif est allumée qui veut s'assouvir; car pour des créatures douées du sentiment de l'infini, c'est trop peu du bien - être, il faut le bonheur; c'est trop peu même du bonheur, il faut la béatitude!

Voilà de quel côté les hommes, sans le savoir, même en ne le voulant pas, ont besoin d'être conduits! Pourvu que leurs guides tiennent leurs regards attachés au but, à l'issue, comme l'oeil du conducteur qui aperçoit la lumineuse sortie d'un tunnel prolongé. Pourvu qu'ils rappelent sans cesse qu'un jour de ce monde, que nous habitons, il ne restera que des âmes; qu'il n'existe que pour elles, et que par conséquent le sort de chacune de ces âmes a plus de prix réel que la fortune des empires.

On comprend que cette sollicitude diffère du mobile, qui porte un gouvernement à developper sa propre gloire, ou même la prospérité de ses penples. Ceci est une oeuvre terrestre, dont quelques payens ont été capables. On a vu leur génie protéger les hommes, envisagés comme êtres sociaux, jusqu'au seuil de l'inconnu. On ne savait leur en demander davantage. Il n'y a qu'une inspiration évangélique, une clairvoyance

de charité qui, revêtue de ponvoir, s'efforcera de procurer à ccux, qui lui sont confiés, le bien dans un sens absolu, en pure considération d'eux-mêmes, et comme ils le voudraient tous, s'ils étaient au niveau des élus, qu'ils renferment dans leur nombre, en vue de résultats aussi durables que leur existence en deça et au delà du tombeau, c'est-à dire sans terme. Ainsi, en favorisant les progrès des hommes vers Dieu, l'État dans sa forme laïque, dans son domaine temporel poursuivra le même but que l'Église, qui pour ainsi dire est l'État Divin parmi les hommes. Ainsi au salut de l'âme convergeront harmonieusement toutes les forces sociales. Hors de là il n'y a qu'apparences et prestiges. «La figure de ce monde passe», a dit l'Apôtre (1 Cor. VII. 31).

Mais dans cet emploi des forces sociales que deviendra la société même? Sera-t'elle complètement sacrifiée à l'individu? A Dieu ne plaisc! Elle exercera toujours sur lui l'influence d'un milieu, qui, dans sa signification abstraite, comprend tous les autres: la Famille, la Patrie, et même l'Humanité. Aucun pouvoir humain ne la dirige.

Кто въруетъ въ Інсуса Христа, тому хорошо знакомы слова о единой вещи потребной, то-есть предаться Богу, чтобы получить "благую часть", пъчную жизнь.

Это божественное изречение придаеть всемъ предметамъ земли ценность второстепенную, не не лишенную значения по соотношению между этими предметами и единой вещью потребной. Душа подвержена всяческимъ влиниямъ, п все можеть отражаться на ен участи. Ей стоить лишь поддаться, и малъйшее дуновение способно ее паклонять въ ту или другую сторону. Въ нашей призрачной жизни пичего не существуетъ, ничего не случаетси, что пе было бы безъ воздъйствия на это чуткое создание, одаренное безсмертиемъ.

Наша душа, между прочимъ, подчиняется постоянному вліянію среды, въ которой она вращается. Вліяніе это концентрическое. Вопервыхъ, семьи, нашего общества по рожденію, употребляющаго одинъ и тоть же общій языкъ и соединеннаго въ молитвъ вокругъ того же алтаря. Вдали—человъчество, состоящее изъ безконечнаго множества намъ подобныхъ, но незнакомыхъ. По срединъ этихъ двухъ крайнихъ предъловъ помъщается народность, отчизна, соединяющія эти двъ крайности общеніемъ въры и ръчи съ столькими незнаемыми братьями.

Сквозь эту тройственную среду въяніемъ общественности проникаетъ духъ времени, суммирующій всё взаимныя вліянія. Но Провидініе разнообразно править міромъ: съ одной стороны Богь руководить человічествомъ въ его піломъ, а природа, прирожденныя и кровныя связи родства дають содержаніе жизни семьи; съ другой стороны, въ движеніи государства замітно скоріве боліве или меніве свободное дійствіе человіческаго разума. Поэтому каждое христіанское правительство должно признавать, что оно

обязано пещись по мъръ своихъ силъ о душевномъ благъ, хотя и пъсколько иначе, чъмъ власти духовныя. Такая отвътственность побуждаетъ правительство тщательнъе оцънивать соотвътствіе цъли со средствами, напримъръ, въ примъненіи къ нашимъ днямъ, заняться вопросомъ о томъ, не вырождается ли законъ І. Христа въ кодексъ нравственности, пригодной для упорядоченія жизни столькихъ существъ, стремящихся къ призрачному благу и къ использованію того міра, въ которомъ совершается ихъ странствіе? По, неуничтожимая закваска христіанства, хранимая во глубинъ сердецъ, всетаки бродить въ нихъ и угрожаетъ имъ разрывомъ. Возникаеть жажда, стремящаяся утолиться, ибо одаренныя сознаніемъ безконечнаго существа не могутъ удовлетвориться благополучіемъ; имъ даже мало счастія, и надо блаженства!

Воть, въ какую сторону люди должны быть направляемы безсознательно, даже номимо ихъ желанія! Лишь бы ихъ руководители имѣли бы взоры прикованными къ этой цѣли, къ этому исходу, подобно тому, какъ глаза кондуктора разглядывають конечное свѣтлое отверстіе продолжительнаго тунеля. Лишь бы они безпрестанно приноминали себѣ, что придеть день, когда отъ всего обитаемаго нами міра останутся лишь души; что міръ существуеть только для душъ и что поэтому каждал изъ нихъ въ сноей участи имѣетъ болѣе настоящей цѣны, чѣмъ счастіе цѣлыхъ имперій.

Понятно, что подобнаго рода заботливость отличается оть техъ побужденій, которыя занимають правительство въ области развитія своей славы и дяже благополучія подвластныхъ ему народовъ, области, по своему земному характеру, доступной и язычникамь, которые имвли случай въ ней отдичиться, оказывая своимъ геніемъ покровительство дюдямъ, какъ членамъ общества, вилоть до того порога, за которымъ уже начинается пензвъстпость. Болве нельзя было и требовать оть изычниковъ. Одно лишь евангельское вдохновеніе, одна лишь прозорливость любви способны во всеоружін власти доставить темъ, кто имъ вебряется, благо въ смысле положительпомъ, въ исключительномъ отношении къ нимъ самимъ и согласно ихъ собственнымь желаніямь, еслибь они, подобно избраннымь, заключающимся въ ихъ числъ, имъли въ виду такіе длительные сроки, какъ ихъ суптествованіе до и послъ смерти, т. е. въчность. Такимъ образомъ, поощряя стремление людей въ Богу, государство, въ его свътской формъ и временной власти, должно преследовать одну и туже цель, како и церковь, которая, тако сказать, составляеть государство Божіе среди людей, и всю общественныя силы съ тъмъ виъсть будуть въ полиомъ взаимномъ согласіи направлены къ спасенію души. Вив этой цвли всв остальныя будуть стремиться только къ уловленію обманчивыхъ призраковъ. "Преходить образъ міра сего", говорить Апостолъ (I Корине. VII, 31).

Но, что станеть съ самимъ обществомъ при подобномъ пользованіи общественными силами, и не будеть ли оно принесено въ полную жертву личности? Сохрани Боже! Общество всегда удержить падъ личностью вліяние своей среды, въ своемъ отвлеченномъ значеніи суммирующей всв свои элсменты, какъ-то семьи, родины и даже человъчества, и это вліяніе не подчинено никакой человъчесвой власти.

ИЗЪ БУМАГЪ А. Г. ТРОЙНИЦКАГО *).

Записка его объ участіи періодической литературы въ обсужденіи и разрѣшеніи крестьянскаго вопроса.

(1859).

Обнародованіе Высочайшихъ рескриптовъ объ улучшеніи быта помъщичьихъ крестьянъ, положившее начало уничтоженію кръпостнаго состоянія въ Россін, вызвало живое сочувствіе въ Русской литературъ, особенно періодической.

Правительство признало полезнымъ допустить участіе науки и литературы въ разъясненіи многочисленныхъ и многосложныхъ вопросовъ, которые необходимо должно было возбудить коренное преобразованіе постаповленій, относящихся къ цёлой трети всего народонаселенія Имперіи; но опо обратило въ тоже время вниманіе на возможность появленія въ печати, какъ неточныхъ и превратныхъ толковь объ основаніяхъ и подробностяхъ предпринятаго преобразованія, такъ и несбыточныхъ и неосуществимыхъ теорій и предположеній, со стороны писателей, не вполні знакомыхъ съ дівломъ или увлекающихся односторонними и пристраєтными воззрівніями въ пользу того или другаго изъ двухъ сословій, главнійше замитересованныхъ въ возникшемъ государственномъ вопросів: помінциковъ и крівпостныхъ людей.

По этому поводу, Министерство Народнаго Просвъщенія, по Высочайшей воль и отчасти по своему усмотрънію, приняло въ минувшемь году слъдующія міры. Вслідъ за появленіемъ Высочайшихъ респринтовъ, цензурнымъ комитетамъ указано было разрішать печатаніе, въ періодическихъ и другихъ изданіяхъ, всяваго рода статей ученыхъ, историческихъ и статистическихъ, заключающихъ въ себі политико-экономическія изслідованія о настоящемъ и будущемъ устройстві поміщичьихъ крестьянъ; но въ тоже время предписано пе допускать въ печати никакого осужденія правительственныхъ міръ, относящихся къ этому предмету, ни статей, которыя могли бы возбуждать неудовольствіе крестьянъ противу помішиковъ и производить обоюдное раздраженіе въ этихъ двухъ сословіяхъ, или заключали въ себів сужденія о принадлежащихъ будто бы крестьянамъ правахъ собственности на находящуюся во временномъ ихъ пользованіи поміщичью землю. Съ цвлью облегченія общей цензуры въ исполненіи усложившихся ея обязанностей, опреділены были при всіткъ министерствахъ и главныхъ управле-

^{*)} См. выше, стр. 296.

II. 27

ніяхъ особые дов'вренные чиновники, для предварительнаго разсмотрівнія статей, относящихся къ въдомству тъхъ министерствъ и главныхъ управленій, при чемъ разсмотръніе статей по крестьянскому вопросу вошло, по сущности дела, въ кругъ обязанностей доверенныхъ чиновниковъ отъ Миинстерства Внутреннихъ Дълъ. По изданін, въ Апрыль мысяць того же года, особой программы для занятій дворянских тубернских комптетовъ, цензурнымъ комитетамъ положительно указано было: не допускать къ псчатанію ничего противнаго Высочайнимъ рескринтамъ по крестьянскому ділу. или песогласнаго съ духомъ и направленіемъ означенной программы, и не дозволять никакихъ сужденій о предметахъ будущаго устройства крестьянъ въ окончательномъ періодъ предпринятаго правительствомъ преобразованія. Въ концъ года, къ предметамъ, обсуждение которыхъ дозволено было въ неріодических виданіяхь, присовокуплены вопросы относящіеся до порядка п способовъ выкупа земельныхъ угодій пом'вицичьими крестьинами, при будущемъ ихъ устройствъ. Министерство Внутречнихъ Дъль, съ своей стороны. опредвинло, въ ивсколькихъ циркулирахъ, границы того, что могло быть допускаемо къ печатанію въ "Губерпскихъ Въдомостяхъ" на совъщаній созванныхъ по всей Имперін Дворянскихъ Губерискихъ Комитетовъ.

Русская періодическая литература воспользовалась из ипроких разміврахъ предоставленнымъ ей правомъ обсужденія одного изъ каживійнихъ государственныхъ вопросовъ настоящаго времени, вопроса, связаннаго съ кореннымъ преобразованіемъ порядка и обычаевъ, укоренившихся въ Россіи въ теченіе двухъ съ половиною столітій. Въ Москві основались два епеціальныхъ журпала, съ цілью ученой и практической разработки основавій и подробностей преобразованія пом'вщичьяго и крестьянскаго быта. Во всіхъ почти, существовавшихъ уже, С.-Петербургскихъ и Московскихъ журпалахъ появились особые отділы, посвященные тому же предмету, и, сверхъ того, во всіхъ газетахъ стали псчататься статьи по вопросу, такъ сильно занитересовавшему общественное мийніе.

Пельзя не признать, что это оживленное участіе періодической литературы въ крестьянскомъ вопросв принесло опутительную и разпостороннюю пользу. Оно уяснило и правительству, и помъщикамъ мпожество общихъ п частныхъ вопросовъ, для удовлетворительнаго ръшенія которыхъ не отыскиналось достаточных данных ин въ оффиціальных св'ядиніяхь, ин въ неполныхъ и мало еще обработанныхъ, статистическихъ, этнографическихъ и политико-экономических в сочинениях о России. Живыя силы науки и артыдын свъдвии опыта высказались въ самыхъ разнообразныхъ, часто непсныхъ и разноръчивыхъ, но тъмъ не менъе полезныхъ возарвніяхъ на везстороны этихъ вопросовъ. Можно положительно сказать, что періодическая литература сильно содъйствовала распространению во всъхъ образованныхъ сословіяхъ, и особенно въ сословін пом'вщиковъ, двухъ коренныхъ мыслей, заключающихся въ Высочайшихъ рескриптахъ: первой, что криностное право на людей отжило свой въкъ въ Россіи и долье сохранено быть ис можеть и не должно; второй, что крвностные крестьяне не должны быть освобождены изъ подъ помъщичьей власти безъ обезнечении ихъ будущиости посредствомъ надъла землею, подъ извъстными условінми и съ павъстнымъ за то вознагражденіемъ землевладёльну, трудомъ или деньгами. Пеотложность отмины личной зависимости человика отъ человика и необходимость предупрежденія въ тоже время бродяжничества и нишенства освобождаемых ь людей пропикли въ пародное убъждение, сдвлались, такъ сказать, ходичими мыслими въ массъ народа. Кромъ этихъ коренныхъ положеній, усвоившихся, въ теченіе года, всёмъ сословіямъ, періодическая литература пролила много свъта и на множество частныхъ, разработанныхъ ею, вопросовъ, истекающихъ изъ двухъ упомянутыхъ главныхъ положеній. Таковы вопросы: о способахъ устройства и обезпеченія крестьянскаго быта и управленія, въ новомъ предстоящемъ ему положенін; о значенін и цепности усадебъ и усадебиых вемель и о количества земельнаго надала, необходимаго въ разныхъ мъстностихъ Имперін; о преимуществахъ и недостатиахъ владънія общиннаго сравнительно съ владеніемъ посемейнымъ и о раздичін между общиннымъ владъніемъ и общиннымъ управленіемъ; о томъ, предпочтительиве ли надвлять крестьянь землею въ оброчное пользование на продолжительный срокъ или навсегда, или облегчать имъ пріобратеніс земель въ собственность; объ отношеніяхъ труда обязательнаго и свободнаго и о въроятныхъ последствіную замены обизательнаго труда свободнымъ для продовольствія народнаго и для будущности Русской хавбной торговли и проч., п проч. По веймъ этимъ и цо многимъ другимъ вопросамъ сообщена была, разумбется не въ систематическомъ порядев, а въ самыхъ разнообразныхъ видахъ, масса свъдъній, которая (при всей даже неполнотъ и сбивчивости многихъ изъ нихъ) не могла не имъть вліянія на сужденія и ръшенія какъ Дворянскихъ Комитетовъ, такъ и самого правительства.

Нельзя однакожъ не сознаться, что, по повости дъла п по неопытности колбиде пашей литературы въ обсуждении государственных вопросовъ, значительное распространение въ періодических виданіяхъ статей по крестьянскому вопросу имело и невыгодную сторону. Многіе писателя, вместо того, чтобы, съ пособјемъ науки и практическихъ свъдвий, содъйствовить правительству и дворянскимъ комитетамъ въ удобнёйшемъ разрёшенін открывшейся задачи, пустились въ отвлеченныя изысканія о происхожденіи, о законпости или незаконности самаго крвпостнаго права и въ изследованія правъ собственности на землю, со времени самыхъ древнихъ поселеній въ Россіп. ПЕкоторые пришли въ своихъ изследованіяхъ къ выводамъ, примо колеблющимь права собственности на землю и на обизательный крестьянскій трудь, которыми пом'вщики пользовались и пользуются донын'в па основаніи условій, освященныхъ закономъ, а потому и дозволили себъ карать исе настоящее покольніе дворянь и помъщиковь, не за способъ пользованія, а за самоє начало пользованія принадлежащимъ имъ правомъ, будго бы пезаконно присвоеннымъ ихъ дъдами и прадъдами. Другіе, выставлян частные случан влоупотребленія номъщичьей власти въ видъ общихъ влоупотребленій всего сословія пом'вщиковъ, представляли положеніе пом'вщичьих ъ крестьянь въ самомъ мрачномъ и безнадежномъ виде и наконецъ дваали

неосуществимыя требованія не только о немедленномъ и безусловномъ освобожденіи крестьянь изъ подъ власти помінциковь, но и о предоставленіи крестьянамъ части помінцичьей земли и усадебь безъ всякаго за то вознагражденія. Конечно, цензура, какъ общая, такъ и довіренныхъ чиновинковь отъ Министерства Внутреннихъ Діль, не пропускала статей, пропиклутыхъ такимъ духомъ; но, при всей ен осторожности, подобныя мысли прорывались отдільными выходками въ статьяхъ, которыхъ общее направленіе не было неблагонаміренно; а такія выходки должны были оскорблять и раздражать помінциковъ и возбуждать въ крестьянахъ (если доходили до нихъ) пеудовольствіе къ настоящему ихъ положенію, и потому не облегчали, а, напротивъ того, затрудняли діло мирной развязки помінцичьихъ и крестьянскихъ интересовъ.

Правительство не могло оставить безъ вниманія такихъ уклоненій отъ основныхъ началь, на которыхъ опо предположило произвести преобразованіе крапостнаго состоянія, и усилило строгость въ цензурованія статей по крестьянскому вопросу. Строгость эта обнаружилась въ томъ, что, въ ныившнемъ году, установлено было: всв статьи, относящіяся до крестьянского вопроса, подвергать предварительному разсмотранію доваренныхъ чиновинковъ не только Министерства Внутреннихъ Далъ, но и всахъ другихъ
министерствъ и главныхъ управленій, до вадомства которыхъ она могуть
касаться, и съ тамъ вмасть постановлено правиломъ, что предварительное
одобреніе какой либо статьи доваренными чиновниками министерствъ не
освобождаєть цензора, окончательно разранающаго се къ нечати, отъ отватственности за пропускъ масть предосудительныхъ или несоотватствующихъ видамъ правительства.

При разнообразіи и многочисленности вопросовъ, развившихся, въ теченіе полутора года, изъ многосторонняго обсужденія крестьянскаго діла, указанныя здівсь міры, сопряженныя съ многосложною формальностію отъразсылки статей по разнымъ министерствамъ, будуть иміть віроятнымъ нослідствіемъ ограниченіе числа статей, появляющихся въ печати относительно къ предпринятому преобразованію; по едва ли и этими мірами достигнута будеть главная ціль правительства. Ціль эта состопть, конечно, не въ механическомъ, такъ сказать, стісненіи литературной діятельности по государственному вопросу, къ удовлетворительному и мирному разрівненію котораго слідовало бы привлечь, по возможности, всіз умственныя силы государства, но въ предупрежденіи обращенія этой діятельности во зло, къ предупрежденіи распространенія статей несогласныхъ съ видами правительства.

Какое же руководство существуеть ныпѣ для лицъ, на которыхъ возложено наблюденіе по этому предмету? Руководство это ограничивается собственно тѣмъ, что цензорамъ предписано не допускать статей и сочиненій а) противныхъ общимъ правиламъ цензуры и Высочайнимъ рескриптамъ по крестьянскому дълу; б) выходящихъ изъ предъловъ программы, начертанной для занитій дворянскихъ губерискихъ комитетовъ; в) не согласныхъ съ видами правительства.

Раземотрвніе этихъ указаній приводить из следующимъ заключенівмъ:

- а) Общія правила цензуры и Высочайшіє рескринты должны быть изпъстны каждому, по цензора не могуть найти въ пихъ разрішенія на множество частныхъ случаєвь по крестьянскому ділу; прямымъ тому доказательствомъ служить какъ самое учрежденіе довіренныхъ чиновниковъ отъ разныхъ министерствь, такъ и изданіе, отъ времени до времени, объяснительныхъ циркуляровъ отъ Министерства Пароднаго Просвіщенія.
- б) Программа для запятій губернскихъ комитетовъ издана была при самомъ открытіи ихъ дайствій и относится преимущественно къ первому періоду преобразованія крестьянскаго положенія; теперь же, когда большая часть губернскихъ комитетовъ представили свои работы, когда первый періодъ преобразованія приближается къ окопчанію и наступаеть второй, а пръ самыхъ разсужденій комитетовъ позпикли вопросы или непредвиданные въ программъ (паприм. объ общемъ выкупъ земельныхъ угодій) или отпосицієся къ подробностямъ исполненія принятыхъ п обработанныхъ въкомитетахъ основаній и къ будущему окончательному устройству крестьянскаго быта, первоначально пачертанная программа оченидно не можеть уже считаться достаточнымъ руководствомъ для цензоровъ.
- в) Что же касается до видова правительства, то, во первыхъ, при быстромъ развити предпринятаго имъ преобразованія, послів обсужденія возбужденных вопросовъ, и въ дворянскихъ комитетахъ (въ которыхъ участворало испосредственно болье тысячи помъщиковы), и вы періодической литературь, виды эти не могли не измъниться во многихъ подробностяхъ, въ теченіе полутора года. Не касансь указанных в Государем в Императоромъ коренных в началь, которыя должны остаться неизм'вными, ивть сомивнія, что возарбніе правительства уденилось теперь во многихъ частныхъ вопросахъ, относящихся и къ настоящему и къ будущему быту крестьянъ, что разрвиение этихъ вопросовъ въ Главномъ Комитетв привело къ новымъ наключенівить, которыя въ свою очередь должны повести къ новымъ выводамъ и къ маропріятіямъ, отступающимъ отъ первоначально предположенныхъ Во вторыхъ (и это главное) виды правительства, первоначальные и измънившеем впослъдствии неизвъстны пи цензорамъ, ни довъреннымъ чиновникамъ министерствъ, не им'йющимъ никакого спошенія съ совъщательными комитетами и комписсіями по крестьянскому делу.

Изъ этого слъдуетъ, что, по крестъянскому вопросу, руководство для цензпрующихъ липъ не имъетъ въ настоящее время надлежащей опредълнтельности. При недостаткъ же опредълительности для своихъ дъйствій, довъренные чиновники по цензуръ или должны бываютъ часто обращаться за наставленісмъ къ министрамъ и главноуправляющимъ (что и крайне затруднительно при множествъ и разнообразіи статей по крестьянскому дълу, и чрезвычайно замедляетъ появленіе этихъ статей въ свътъ) или, опасалсь отвътственности въ дълъ для нихъ неясномъ, выпуждены бываютъ запрещать статьи полезнын и благонамъренныя, по заключающія въ себъ какіе либо намеки на предметы, выходящіе изъ предъловъ программы, пли кажущіся имъ несогласными съ видами правительства. Послъдствіями того,

особенно при распространеніи нын'я цензурной отв'ятственности на многихъ лиць, должны быть: несоотв'ятственное, конечно, съ нам'яреніемъ правительства ст'я питературной д'ятсльности по крестьянскому вопросу; лишеніе правительства и публики многихъ полезныхъ св'яд'я ній, которыя невозможно получить оффиціальнымъ путемъ; и наконецъ крайнее затрудненіе или почти невозможность изданіи спеціальныхъ журналовъ по крестьянскому вопросу, такъ какъ частое запрещеніе или промедленіе въ разр'яшеніи къ нечатанію статей, доставляемыхъ сотрудниками сихъ журналовъ, возбуждаетъ въ нихъ псудовольствіе и охлаждаетъ ихъ ученую и литературную д'ятельность, не находянцую своевременнаго исхода своимъ трудамъ.

Изложение изъясненныхъ здъсь затруднений наводить само собою на мысль о средству къ ихъ отстранению. Самымъ рациональнымъ къ тому средствомъ казалось бы не оставлять въ невідівнім о видаху правительства относительно къ крестьянскому вопросу, лицъ, которымъ поручено наблюдение за соотвътственностью нечатной литературы съ этими видами. Не признано ли было бы возможнымъ, по примъру изданія ппркуляра по цензурному пъдомству по новоду программы, сообщать оть времени до времени Министерству Пароднаго Просвъщения, отъ имени высшаго учреждения, завъдывающаго предпришитымъ преобразованиемъ (т. с. Главнаго Комитета по крестьянскому дълу) указанія о техъ новыхъ заключеніяхъ, которыя приняты правительствомъ за основание дли дальнъйшихъ дъйствій и которыя, по какимъ либо причинамъ, не подтежатъ тайнъ, съ тъмъ, чтобы означенное министерство, съ своей стороны, поставляло о томъ циркулирами из извъстность какъ цензоровъ, такъ и довъренныхъ чиновниковъ отъ разныхъ министерствъ? Такимъ распориженіемъ правительство вывело бы цензуру изъ ненормальнаго положенія, въ которомъ она подвергается отвътственности по предметамъ дли нея неумспеннымъ, а съ другой стороны, отстраинло бы ствененіе періодической литературы въ обсужденіи одного изъ жизпенныхъ вопросовъ для государства, вопроса столь тесно связаннаго съ будущимъ, юридическимъ, административнымъ и хозяйственнымъ устройствомъ быта двухъ важнъйшихъ въ государствъ сословій: земледъльцевъ и землевладъльцевъ. Быть можетъ, при такомъ распоряжении оказалось бы даже возможнымъ облегчить нынвшиюю формальность цензурнаго двла, предоставничь цензорамъ, на основанін даваемыхъ имъ возможно-опредёлительныхъ указаній, разрівшать самимъ къ нечати статьи по крестьянскому ділу, подходящія подъ эти указанія, и затъмъ уже не вев, а только соминтельныя статьи по этому двлу, передавать на разсмотрвніе довфренных в чиновниковъ Министерства Внутреннихъ Дълъ и, въ случав надобности, другихъ министерствъ.

По этимъ соображеніямъ, при той степени развитія, которой достигло теперь обсужденіе и устройство крестьянскаго діла, т. е. съ окончаніємъ перваго и наступленіємъ срока для втораго періода работъ дворянскихъ губернскихъ комитетовъ, казалось бы соотвітственнымъ съ цілью преподать дензурів слідующія указанія.

Во первыхъ, опредвлить положительно предметы, обсуждение которыхъ должно быть или новсе педозволяемо въ печати, или допускаемо съ

величайшею осмотрительностью, до окончательнаго разръщения крестьянскаго дъла. Къ этому разряду относятся:

а) Статьи, въ которыхъ обсуждаются происхождение и юридическия основанія крыпостнаго права въ Россіи. Къ обсужденію этихъ началь, въ настоящемъ положени дъда, не можетъ быть примънено теоретическое правило о польз'ї гласности въ литератур'в. Приниман пользу гласности въ самомъ обширномъ смыслъ, можно допустить теоретическін изслъдованія о такихъ правительственных установленіяхь, которыя сохраниють свою силу, но которыхъ общія или частныя невыгоды обращають на себя общественное вниманіе; таковы напримърь правила откупной системы, подрядовъ и торговъ: вопросы о свободной торговлъ и кредитной системъ; объ измънении формъ нашего судопроизводства (что и допущено, въ извъстныхъ размърамъ, последнимъ циркуляромъ по цензурному ведометву); о преимуществамъ и пеныгодахъ открытыхъ и закрытыхъ учебныхъ заведеній; вопросы объ эксплуатаціп государственных в имущества правительством в непосредственно, или частною промыщленностью, и т. нод. Ученыя и практическія изследованін подобныхъ вопросовъ могуть содыйствовать правительству въ разъясненіи какъ самыхъ началь, такъ и пользы или вреда оть такихъ устаповленій. Можно безпрепятственно допустить и обсужденіе постановленій, отживникъ свое время, отмъненныхъ положительнымъ закономъ и перешедшихъ уже въ область исторіи; такъ напримъръ: каками бы мрачными красками ин изображали зло отъ мъстничества или отъ употребления пытокъ при допросахъ, и т. п., составлявшихъ некогда часть нашего законодательства, изображенія эти не могуть имъть предосудительнаго вліннія на настоящее покольніе, не подлежащее дійствію ни мъстимчества, ни пытокъ. Но не въ томъ положени крестьянскій вопросъ. Самое начало крвностнаго права признано Верховною властью не соответствующимъ настоящему положению Россіи, и право это рашено отманить; но оно еще не отманено, мы живемъ и дъйствуемъ подъ управленіемъ законовъ, тесно связанныхъ съ крипостнымъ правомъ. Слидовательно, доказывать теперь его вредъ, выводить изъ исторіи, хоти бы, повидимому, и правильно, что опо сначала было учреждениемъ только полицейскимъ, потомъ финансовымъ и мало по малу, отчасти чрезъ злоупотребленіе, обратилось въ юридическое, а тъмъ болъе доказывать его законность или незаконность, во первыхъ излипне, а во вторыхъ можеть быть и не безопасно: потому что, для доказательства его вреда или незакопности, писатели пускаются въ разсмотрѣніе правъ верховной власти на установленіе кріностнаго положенія, въ пехладнокровныя изследованія о правахъ одного человека на трудь другаго, въ сравненія кръпостнаго права съ рабствомъ, и т. под., которыя легко могутъ раздражать людей, живущихъ еще подъ началомъ кръпостнаго права, и возбуждать въ нихъ слишкомъ истерпъливыя желанія сбросить съ себя его иго. Вопросъ теперь не о томъ-следуеть ян удержать крепостное право, а о томъ-какъ его измънить и чъмь его замънить? Пусть литература безпрепятственно займется способами его отмъненія и измъненія.

б) Отвлеченный разсуждения о правы владиния землею. Доказывать, какъ пытались и вкоторые писатели, что земля принадлежить крестьянамъ, ее обрабатывающимъ, потому именно, что они и предки ихъ собственными трудами ее обработывали, противно законамъ о собственности и Высочайшему положительному указанію, что вся земля есть собственность помѣщиковъ. Колебать эту основную идею историческими или теоретическими разслъдованіями, въ какой бы благовидной формѣ они не излагались, значило бы внушать крестьянамъ мысли неосуществимыя, несбыточныя и которыхъ распространеніе во всёхъ отношеніямъ было бы опасно для общественнаго порядка.

Во вторыхъ, разъяснить, по возможности, статьи, которыя могуть быть разръшены къ печатанію вз настоящее время. Въ этомъ отношеніи, казалось бы возможнымъ допустить обсужденіе, напримъръ, слъдующихъ вопросовъ, хотя неуказанныхъ положительно въ программъ, но истекающихъ изъ ен положеній и составляющихъ ен послъдствіи.

- а) Въ чемъ состоить значение и цъль срочно-обязаннаго или персходнаго положения? Дъйствительно ли опо необходимо и полезно из видъ промежуточнаго періода для измънения, безъ сотрясеній, пынъшняго, полнаго кръпостнаго состоянія помъщичьих крестьянь из состояніе вполнъ свободное, и для правильнаго устройства новаго положенія, и помъщиковъ и крестьянь, въ юридическомъ, административномъ и хозяйственномъ отношеніяхъ? Не предпочтительные ли было бы разомъ, безъ переходнаго періода, освободить ихъ отъ прыностной зависимости помъщиковъ, на извъстныхъ условіяхъ, съ передачей примо правъ и обязанностей номъщиковъ въ распоряженіе правительства? При этомъ вопрост необходимо было бы, разумъстся, разръщить и обсужденіе положеніи крестьянъ въ будущемъ или окончательномъ періодъ ихъ устройства.
- б) Въ случав сохранения срочно-обязаннаго положения, какой срокъ слъдуеть опредълить для того? Слъдуеть ли предоставить помъщикамъ право установить, по произволу своему, способы исполнения повинностей престьянъ иъ нимъ (т. е. обязательною работою или депежнымъ оброкомъ), за уступасмыя престъянамъ уседьбу и землю, или предоставить выборъ того или другаго способа вознаграждения и самаго его размъра правительству?

Въ случав же принятія мивнія о пемедленномь, полномь оснобожденій врестьянь изъ крвностной зависимости (съ которымь естественно доджень соединиться выкупъ для крестьянь усадебъ и земельныхъ падвловь), следуеть ли установить этоть выкупъ обязательнымь, на данныхъ правительствомь основаніяхъ, или предоставить его полюбовному соглашенію помъщиковь съ крестьянами съ опредвленіємь только для того извъстнаго срока?

- r) О способахъ выкупа, объ участій, какое могуть или должны принять въ томъ правительство и его финансовыя учрежденія, или мъстные, губернскіе кредитные банки.
- д) О томъ, слёдуеть ли, при выкупъ, соединять усадьбы съ земельными угодіями, или производить выкупъ ихъ отдёльно и независимо однихъ отъ другихъ?

- е) При очевидной невозможности для крестьянь выкупить разомъ пли въ короткій срокъ предоставляемые имъ земельные участки, какимъ способомъ можеть быть обезпечена съ ихъ стироны уплата процентовъ съ условленнаго выкупнаго капитала, съ процентомъ ногашенія долга; какого рода кредитныя бумаги слідуеть выдать ном'вщикамъ; какія правила и какіе сроки опредблить для ихъ реализаціи; чімъ можно обезпечить стоимость ихъ и предупредить пониженіе курса, при переходів изъ рукъ въ руки?
- ж) Въ какомъ видъ правительство могло бы содъйствовать своими средствами выкупу земельныхъ угодій, въ какой степени могуть быть обращены на этотъ предметь отчужденіе государственныхъ крестьянъ или другихъ сословій, или передача эксплуатаціи сихъ имуществъ въ частныя руки?
- з) Съ освобожденіемъ помінцичьихъ крестьянъ изъличной помінцичьей зависимости должно ли быть сопряжено и однокременное освобожденіе ихъ отъ прикрівленія къ землі: Не потребуется ли, въ видахъ государственной пользы и обенеченія народнаго продовольствія, принять мітры къ предупрежденію раздробленія земель, выкупленныхъ для крестьянъ пли крестьянами, на слишкомъ мелкіе участки? Не окажется ли нужнымъ воспретить на ніткоторый срокъ, вездіт ли одинакій и какой именно, отчужденіе ими сихъ земель, посредствомъ продажи, дарснія и завізщанія, и переходъ за тімъ крестьянъ пъ другія мітстности Имперіи?
- и) О способахь обезпеченія обработки оставдяемых в врестьянами земель, нь случай выхода ихъ изъ занимаемыхъ ими мисть, равно какъ п обезпеченія, въ такомъ случай, отправляемыхъ ими натуральныхъ и денежныхъ повинностей въ пользу государства?
- 1) Къ какому сословію слёдуеть причислить пом'вщичьих крестьянь, по освобожденій ихъ изъ крівностной зависимости? Не слёдуеть ли уравнять ихъ немедленю съ государственными крестьянами, поселенными на собственных земляхь; не слёдуеть ли въ тоже время уничтожить юридическія различін, существующія доныні между многоразличными разрядами государственных крестьянь, и открыть симъ послёднимъ возможность ділаться, на равні съ освобождаемыми крівностными людьми, собственниками земли, чрезъвыкупъ находящихся въ ихъ пользованіи земельныхъ участковъ?
- к) Обсуждение вопросовъ объ управлении и внутренней администраціи помѣщичьихъ крестьянъ, по ихъ освобожденіи; вопросовъ объ общинной администраціи и общинной собственности; о томъ, слѣдустъ ли однообразно по всей Имперіи дѣлать общину отвѣтственною за исполненіе крестьянами ихъ повинностей, или предоставлять эту отвѣтственность отдѣльнымъ семействамъ, въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ общинная собственность не существуеть въ обычаѣ народномъ, и проч. и проч.?

Кромъ приведенныхъ здъсь вопросовъ, въ обсуждении Главнаго Комитета по крестьянскому дълу и его коммиссій могуть уже паходиться или вновь вознивать и другіе, которые также слъдовало бы указывать цензорамъ, измъняя или распространяя постепенно программу того, что можеть быть допускаемо въ печати, согласно съ видами правительства и съ развитіемъ предпринятаго преобразованія.

Разръщан, нъ такомъ видъ, возможно свободное обсуждение исъхъ мижній и предположеній по крестьянскому вопросу, неязлишнимъ было бы, сверхъ того, подтвердить цензурь: пе допускать вообще нивакого осуждения коренныхъ началъ, изложенныхъ въ Высочайшихъ рескриптахъ, ни дъйствій или намереній правительства по крестьянскому делу; иметь постоянно въ виду, что правительство не можеть желать зла, но что оно часто встрачаеть неодолимыя препятствін въ осуществленію самыхъ благихъ своихъ предположеній въ недостаткі къ тому средствь, или въ несвоевременности, въ неспособности или неблагонамъренности исполнителей, и что эти препятствія не всегда могуть быть нав'ястны частнымь лицамь, увлекающимся, по невъдънію, къ неосновательному заподозрінію правительства въ незаботливости объ искоренения зла; при критическихъ разборахъ какихъ бы то ни было мивній не дозволять насаться личности авторовъ и оснорблять ихъ презрительными намеками или порицаніями; обращать вниманіе на различіе самой формы проявленія мивній: то, что можеть быть допущено въ изустномъ словъ или ръчи, произносимыхъ съ канедры церковной или ученой. вь ограниченномъ кругу слушателей, не всегда можеть быть разришено къ почати въ ученомъ или спеціальномъ сочиненіи, предназначенномъ собственно для образованнаго класса, не всегда можеть быть безвредно, полилянсь въ газетахъ или брошюрахъ, которыя расходятся во всёхъ сословияхъ, безъ различія степени умственнаго развитія и образованія читателей.

Предлагаемою здъсь мърою, т. с. изданіемъ отъ времени до времени циркуляровъ по цензурному въдомству, съ возможно-точнымъ опредъленіемъ и вопросовъ, которые не должны быть дозволяемы, и твхъ, которые могуть быть допускаемы къ обсуждению въ печати, сообразно съ духомъ и развитіємъ крестьянскаго діла, значительно облегчено было бы для цензоровъ п довъренныхъ чиновниковъ исполнение возложенныхъ на нихъ обязанностей; а еъ другой стороны, постепенно расширялся бы кругь участія періодической литературы въ обсуждении дела, которое можеть быть правильно и спокойно разръшено только при откровенномъ, полномъ и открытомъ содъйствім всех умственных и практических силь государства. Предпринятое правительствомъ преобразование такъ велико, такъ обильно благими последствіями для всей будущности Русскаго парода, что едва ли можеть быть пужно скрывать какія либо решенія и даже главныя предположенія по этому предмету. Казадось бы даже полезнымъ не только не препятствовать широко высказываться общественному мивнію въ этомъ діль, но м вызывать это мивніе посредствомъ статей, соотвітствующихъ даваемымъ цензурі указаніниъ, и которыя, на основаніи обсуждаемых въ Главномъ Комитетв и его коммиссіях врешеній и предположеній, могли бы быть составляемы участвующими въ томъ лицами, для помещения, въ неоффиціальномъ виде, въ Журнале Министерства Внутреннихъ Дълъ, съ приглашениемъ потомъ редакцій другихъ журналовъ и газеть къ перенечатыванію этихъ статей въ своихъ изданіяхъ.

. Чъмъ болъе будеть распространяться свъта на всв подробности крестьянскаго вопроса, тъмъ върнъе для будущности онъ можеть быть ръшенъ правительствомъ па общую пользу; потому что главная и непремънная цъль правительства не можеть быть иная, какъ общая же польза.

(Представлено господину министру внутреннихъ дълъ 9-го Ман 1859).

ВОСПОМИНАНІЯ ОЕДОРА АДОЛЬФОВИЧА ООМА *).

Въ 1861 году была предприпята первая пободка Наслединка Цесаревича Николая Александровича по Россіи, которая вирочемъ ограпичилась Москвою, Пижиниъ - Повгородомъ и Казанью. Въ Пижнемъ была осмотрина ярмарка подъ руководствомъ извъстнаго писателя II. II. Медьинкова (Печерскаго), великаго знатока ярмарки. На пути въ Казань опъ знакомилъ Цесарсвича съ придежащими къ Волгк увадами Костромской и Пижегородской губерий, съ селеціями, въ которыхъ опъ проживалъ долгое время по поручению бывшаго мипистра внутреннихъ двяъ, графа Л. А. Перовскаго, съ цвящо изученія раскольничьяго быта. Разсказы о жизии, обычаяхъ, правахъ раскольпиковъ до того заинтересовали Цесаревича, что онъ подалъ мысль Мельникову издать то сочинение, которое, увы! уже посл'в кончины его появилось въ печати подъ названіемъ: «Въ лъсахъ» и «Па горахъ». Мельниковъ быль очень интересенъ и полезенъ; но, какъ человъкъ, требовалъ крайней осмотрительности людей имъвшихъ съ нимъ дъло. Въ Пижнемъ - Новгородъ былъ губернаторомъ А. Н. Муравьевъ. На него выпала завидная доля приведенія въ исполненіе Высочайшаго манифеста 19-го Февраля 1861 года, которымъ осуществлялись завътныя желанія маститаго декабриста. Предводителемъ былъ въ то время юный, рыяный Стремоуховъ, который, поминтся, позволялъ себъ въ присутствии Цесаревича невозможныя выходки и выраженія, когда шла річь объ освобожденін крестьянъ и относившихся до этого вопроса распоряженій Муравьева. Старикъ, съ своей стороны, уже жаловался на циркуляры миинстра внутрениихъ дёлъ, ограничивающие предоставленныя ему манифестомъ права, такъ что, слушая этихъ антаговистовъ (Муравьева и Стремоухова), невольно спрашиваль я себя, кто изъ нихъ правъ в кто виновать, кто изъ нихъ либералъ и кто консерваторъ.

Какъ часто припоминалось мнѣ это обстоятельство, когда впослѣдствін приходилось слушать разсужденія въ обществѣ о Русскихъ кон-

^{*)} См. выше, стр. 217.

серваторахъ и либералахъ. У насъ ихъ пътъ, и въ настоящее время быть не можетъ, потому что понятія вообще у насъ перспутаны въ силу обстоятельствъ: человъкъ кажущійся консерваторомъ на дълъ оказывается либераломъ и на оборотъ.

Въ Казани губерпаторомъ былъ генералъ-мајоръ Козляпиновъ. У исто во время пашего пребыванія въ Казани родилась впучка, которую крестилъ Цесаревичъ.

Па обратиомъ пути мы оставались на нѣсколько дпей въ Москвѣ, гдѣ генералъ-губернаторомъ былъ П. А. Тучковъ. Тутъ я заболѣлъ перемежающеюся лихорадкою, отъ которой пе могъ отдѣлаться въ продолженія двухъ лѣтъ. Когда возвратились въ Царское Село, я и тутъ слегъ въ постель. На слѣдующій день Цесаревичъ навѣстилъ меня, и когда 8-го Сентября я по болѣзии не могъ поздравить лично Его Высочество съ днемъ рожденія, а написалъ письмо, въ которомъ ноздравилъ его и съ окончаніемъ перваго путешествія по Россіи, оставившаго нензгладимое впечатлѣніе въ пародѣ и во всѣхъ лицахъ, которыхъ опъ встрѣтилъ на пути своемъ, получилъ слѣдующій отвѣтъ:

«Любезный Оедоръ Адольфовичъ. Ваше инсьмо, которое О. Б. (Рихтеръ) мив только что передалъ, меня очень тропуло. Мив самому было прискорбно не видвть васъ у себя послв того, какъ вы, въ продолжени столькихъ лвтъ, были однимъ изъ первыхъ искренио желавшихъ мив счастія на новый мив годъ. Благодарю васъ за тв желанія, которыя вы выражаете въ вашемъ письмв, и пользуюсь этимъ случаемъ, чтобы тъ души поблагодарить васъ за ваши хлопоты въ последнемъ нашемъ путешествіи. Николай».

Приноминаю сще случай, который характеризуетъ и Цесаревича, и настроеніе того времени. Прітхавъ во Владимиръ, Его Высочество, какъ вездѣ, былъ встрѣченъ мѣстными властями. Не ноказывался одинъ только губерискій предводитель, Соленниковъ, подъ тѣмъ предлогомъ, какъ онъ объяснилъ миѣ, что до отъѣзда еще изъ Петербурга было дано знать, что Цесаревичъ никакихъ оффиціальныхъ встрѣчъ не желаетъ. Его Высочество, замѣтивъ однако его отсутствіе, приказалъ миѣ пригласить его къ о ѣду. Соленниковъ былъ въ числѣ тѣхъ дворянъ, которые были педовольны манифестомъ 19-го Февраля и очень сухо принялъ переданное мною ему приглашеніе, но консчно къ обѣду явился, былъ посаженъ возлѣ Цесаревича и всталъ изъ-за стола до того обвороженный ласкою Наслѣдника, что не могъ сдержать чувствъ своихъ и всякому изъ насъ говорилъ, что это счастливѣйшій день жизии его.

На обратномъ пути изъ Казани, мы объдали въ Нижнемъ. Къ объду былъ приглашенъ министръ юстиціи графъ В. П. Паленъ, случайно бывшій тутъ пробъдомъ въ свои имѣнія. Съ нимъ за объдомъ приключилась маленькая бъда. Оказалось, что онъ не взялъ съ собою посоваго платка, а между тъмъ преусердно нюхалъ табакъ. Когда паконецъ, среди разговора съ Цесаревичемъ, попадобился платокъ, и онъ убъдился, что имъ печъмъ снять повисшую на концъ поса крупную каплю, его бросило въ жаръ, онъ нобраговълъ и не зналъ, что ему дълать. Къ счастью сосъдъ его графъ С. Г. Строгановъ, замътивъ это, незамътно всупулъ ему въ руку свой фуляръ, и Панинъ былъ спасенъ.

Въ 1862 году Цесаревичъ вновь провелъ часть льта въ Либавь, тав уже до его прівада проживали братья Его Высочества. Золотушпое расположение, замъченное врачами еще въ 1854 году въ юпомъ Великомъ Киязъ, было причиною ежегодныхъ почти поъздокъ въ Гансаль, гдв грязи приносили извъстную пользу Его Высочеству. Такимъ образомъ мив довелось въ 1855, 1856, 1857 и 1859 годахъ вздить уже въ Мартъ въ Гансаль, для найма и устройства помъщеній, в проводить льтніе мъсяцы съ Ихъ Высочествами въ этомъ маленькомъ городкъ, который впрочемъ, благодаря бъдности и отчасти равнодущію містныхъ жителей, съ тъхъ норъ нисколько не измънилъ вида своего и представляеть для прівзжающихъ безчисленныя неудобства, на равив со всёми нашими отечественными лечебными мъстами. Въ эти годы, а также и въ 1860 году, когда мы жили въ Либавѣ, мѣстный генералъ-губернаторъ князь Суворовъ долгомъ считалъ переселяться на лето въ эти города, и тутъ я имълъ случай короче познакомиться и узнать этого челов'вка, пользовавшагося огромною популярностію въ Прибадтійских в губерніяхъ, благодаря преимущественно своему «burschikosen Wesen». Къ сожальню, если онъ замьчаль мальшиее расположение Цесаревича къ кому либо изъ лицъ ему, князю, несимнатичныхъ, то не было границъ его перасположенія къ этому человъку. Такъ опъ упрекаль Цесаревича въ излишнемъ по мивнію его, расположеній къ д-ру Шестову, говоря: «Veut-il en faire un chambellan, qu' on ne le rencontre qu' avec lui? Si au moins il était bon médecin, mais il ne peut l'être, parce qu'il est recommandé par son oncle. Киязь Суворовъ бъдному Шестову придаль пазваніе Ифмецкое бранное, похожее на его Русскую фамилію. Къ тому же честолюбію князя не было преділа. Вічно педовольный, постоянно жаловался онъ на невнимание къ нему особъ Парской Фамиліи и всегда находиль какой вибудь предлогь для жалобы. Такимъ образомъ опъ однажды цёлое лето пилилъ меня выраженіемъ неудовольствія за то, что его не ділали шефомъ какого-то полка, которымъ командовалъ, кажется, отецъ его. Я виблъ случай пе-

редать это Цесаревичу, и тотчасъ по возвращении изъ Гапсаля Государь быль столь милостивь, что назначиль Суворова шефомъ этого полка. На следующій годе новое неудовольствіе на то, что Государь не зачислиять Цеспревича въ этотъ полкъ. Опять это было доведено до Государя, и 8-го Сентября того же года Цесаревичь, будучи зачислень въ этотъ подкъ и падъвъ мундиръ, явился въ Царскомъ Селъ къ старому шефу. Въ третій годъ пребыванія въ Гансал'в ему пожалованы были знаки ордена Андрел Первозваннаго. Казалось бы, что заслуги князя по грязямъ Гансальскимъ были награждены щедрою рукою. Никогда онъ ни о чемъ не могъ говорить хладнокровно, и горячность его превосходила всякое приличіе, когда онъ выражаль неудовольствіе за воображаемое имъ невнимание Царской Семьи. Говоря со слезами о тыхъ особахъ, которыхъ опъ считалъ своими благодътелями и которыхъ обожаль (обыкновенно временно, par boutades), онъ чуть не приходиль въ бъщенство, когда тъже особы, безъ малъйшаго намърснія оскорбить его, или не приглашали его къ объду или въ ложу въ театръ, или же не были, какъ ему казалось, такъ любезны съ нимъ, какъ ему въ данномъ случав этого хотвлось.

Если ко всему этому прибавить, что опъ быль положительно лишень всякихъ административныхъ способностей, законовъ не признавалъ (что въ особенности онъ доказалъ въ бытность С.-Петербургскимъ генераль-губернаторомъ) и окружалъ себя педостойнъйшими
людьми, о которыхъ ностоянно ходатайствовалъ и, пужно сознаться,
съ огромнымъ усиъхомъ (пначе онъ дулся), то вредъ имъ причинявшийся
не подлежалъ пикакому сомивнию. Образъ его дъйствій во время Польскаго
мятежа былъ внолив педостойный (смотри Заняски графа М. П. Муравьева).

Вотъ два случая характеризующіе киязя. Въ качествъ Повогородскаго помъщика, онъ, магнатъ, считалъ губернію эту имъющею право на особое съ его стороны покровительство и вмъщивался въ административныя и земскія дѣла ся. Узнавъ однажды о свободной вакансів исправинка въ одномъ изъ уѣздовъ Новогородской губерніи, онъ нишетъ губернатору В. Я. Скарятину и проситъ предоставить эту вакансію какому-то господину N, рекомендуя его съ дучшей стороны. На слъдующій день отправляется за его же подинсью другое письмо, въ которомъ говорится: «Извъстясь о томъ, что ваше превосходительство имъете въ виду представить вакансію исправника г-ну N (т. с. тому же, о которомъ было писано паканунъ), долгомъ считаю обратить винманіе ваше на неблагонадежность его и прошу опредѣлить на вакантную должность г. Х., котораго я знаю за отличнаго, честнаго и дѣль-

наго человъка». Скарятинъ, прітхавъ вслъдъ за тъмъ въ Петербургъ, является къ князю и, показавъ ему оба письма, спрациваетъ его, на которомъ изъ двухъ слъдуетъ ему остановиться. Суворовъ, обиявъ и попъловавъ Владимира Яковлевича, отвъчалъ: Cher ami, ne faites aucun cas de mes recommandations; on m'oblige de signer des centaines de lettres, que je n'ai même pas le temps de lire».

Лучше всего то, что когда Скарятииъ назначилъ исправникомъ третье лице, тотъ же киязь Суворовъ бранилъ его ночти ругательски за то, что опъ не исполнилъ его просьбы. Спранивается: которой изъ двухъ?

Во время Польскаго мятежа 1861—1863 г.г. жена Поляка арсстованнаго въ Вильив, узнавъ о покровительстве оказываемомъ княземъ Суворовымъ ея соотечественникамъ ссылавнимся въ Сибирь чрезъ Петербургъ, обратилась къ нему съ просьбою содействовать освобождению мужа ся изъ заключенія. Киязь тотчасъ же телеграфировалъ М. П. Муравьеву съ запросомъ, за что такой-то арестованъ? Муравьевъ отвечалъ безотлагательно телеграммою же: «Отгадайте». Можно себъ представить здобу киязя, парализованнаго этимъ лаконическимъ ответомъ въ своемъ всемогуществе.

Сколько вообще этотъ человъкъ, самъ по себъ добрый, причинилъ бъдъ и перрядицъ самоунравствомъ и безразсудствомъ, вмъшиваясь въ дъла до него неотпосящіяся! Часто опъ, правда, раскаявался въ этихъ поступкахъ, по утъщалъ себя, прінскивая предлоги къ объяснецію своей невиновности.

Когда всноминшь, что князь Суворовъ аплодировалъ на судъ защитнику Въры Засуличъ, что опъ, генералъ-адъютантъ, Андреевскій кавалеръ, бывшій генералъ-губернаторъ, могъ увлечься до громкаго на судѣ одобренія рѣчи, имѣвшей послѣдствіемъ оправданіе женщины нокусившейся на убійство и даже ранившей бывшаго градоначальника генералъ - адъютанта Трепова, то ноневолѣ спрашиваешь себя: «не принадлежалъ ли опъ, но убѣжденіямъ своимъ, къ шайкѣ террористовъ?»

Наконецъ въ 1863 г. было совершено то знаменательное путешествіе по Россіи, въ которомъ Цесаревичъ, въ продолженія $4\frac{1}{2}$ мѣсяцевъ, подробно ознакомился съ значительною частію общирнаго государства, проилывъ отъ Петербурга до Астрахани и отъ Царицына до Крыма, и проѣхавъ отъ Бердянска чрезъ южныя колоніи до Екатеринослава и чрезъ Харьковъ, Курскъ. Орелъ и Тулу до Москвы.

Путешествіе это подробно описано въ письмахъ К. П. Поб'єдоносцова и Бабста, изданныхъ всл'єдъ за тёмъ въ небольшомъ количеств в экземиляровъ отд'єльною книгою. Въ это изданіе не вошло только описаніе
илаванія Цесаревича отъ Петербурга до Рыбинска, потому что оба писавпіе присоединились къ свите Его Высочества только въ Рыбинскі.

Честь и слава графу С. Г. Строганову. Такъ мастерски устронть поводку, какъ онъ исполниль эту задачу, едва ли кто нибудь съумълъ и успѣль бы; потому что пужно было его знаніе Россіи и людей, чтобы остапавливать вииманіе юпаго воспитанника именно на тъхъ людихъ и предметахъ, которыхъ знакомство только и могло, въ относительно-пебольшой промежутокъ времени, просветить Цесаревича и дать ему возможность съ настоящей точки, а не сквозь призму посмотръть на все ему встръчавшееся на пути и върно судить о положении России и народа въ данную минуту. Люди всехъ сословій, отъ встречи съ конин изъ разговоровъ и бесъдъ можно было извлечь пользу, были вызываемы часто изъ толпы въ гостицую или къ чайному столу или къ завтраку и объду, для поучительныхъ бесъдъ. Живое слово быстро знакомило Цесаревича съ краемъ и отдельными вопросами. Пачиная съ губернатора и предводителя до простаго бородача-купца, фабриканта или даже крестьянина, все им'вло доступъ къ царственному юпошів, дабы опъ правильно могъ судить объ извъстныхъ вопросахъ, представаяющихъ мъстный или государственный интересъ.

Вотъ пѣкоторые питересные эпизоды изъ нашего путешествія. Въ Рыбинскѣ вездѣ была страшная толпа, говорю страшная, потому что въ ней множество было рабочаго народа, много напримѣръ такъ называемыхъ крючниковъ, съ которыми никакой не было расправы. Они во время молебствія въ соборѣ сорвали желѣзную дверь съ петель и рванулись съ шумомъ въ церковь. При выходѣ свита Цесаревича старалась ограждать его отъ натиска толпы; кое-какъ это удалось, и онъ съ графомъ Строгановымъ благополучно дошелъ до коляски. Но намъ досталось жестоко: напоромъ меня въ полномъ смыслѣ выбросили изъ толпы на паперть, а оттуда я, какъ пробка, вылетѣлъ прямо въ коляску вмѣстѣ съ двумя крючниками, которые также очутились неожиданно для нихъ самихъ въ моемъ экинажѣ.

Въ Рыбинскъ биржа давала большой объдъ. Между прочими тостами пили за здоровье графа Строганова и благодарили его за то, что привезъ Первенца Царскаго въ главный складъ привозимаго съ Юга хлъба. Графъ отвъчалъ: «Благодарю васъ, господа, за тостъ; я самъ радуюсь, что нахожусь въ Рыбинскъ, потому что вновь убъдился, что подъ вашими туго-набитыми деньгою карманами бьются истинно-Русскія сердца». Впечатавніе было крайне оригипальное: всѣ стояли съ открытыми отъ удивленія ртами.

Въ Ярослават Песаревичъ посътилъ старинныя перкви Іоанна Богослова и Іоанна Предтечи. Въ одной изъ нихъ Его Высочество восхищался древнивь Русскимъ стидемъ и укращеніями изъ изразцевъ, а также утварью. Настоятель церкви, обласканный Цесаревичемъ и ободренцый его впиманісмъ къ памятнику старины, высказаль опасеніе, что церковь будеть закрашена съ тъмъ, чтобы впредъ не привлекала столькихъ посътителей и не вызывала этимъ зависти другихъ причтовъ и нерасположенія преосвященнаго Нила. Его Высочество въ тотъ же вечеръ повхаль къ преосвященному и, входя къ удивленному неожиданнымъ посъщениемъ (ибо Цесаревичъ, въ виду отъбода на другой день, уже съ вимъ простился) сказалъ: «И пріфхалъ къ вамъ только съ темъ, чтобы передать, въ какомъ я восторгь отъ вашихъ старинныхъ перквей. Понимаю, какъ вы должны быть счастливы оберегать эти памятники нашей старивы и какъ вы гордитесь ими». Конечно этихъ словъ было достаточно для того, чтобы преосвященный Нилъ отказался навсегда отъ мысли, которая виушала столько опасецій настоятелю упомянутаго храма.

Но мартруту плаванія по Маріннской систем'я нам'я предстояло на станціи Девятным оставить нароходъ и для сокращенія пути и изобжанія цілаго ряда шлюзовь и нодъемныхъ мостовъ бхать версть около 25 въ экинажахъ. Послів завтрака на станціи, гдф распоряжался ниженеръ канитанъ Лисянсвичъ, и осмотрівъ тугь же шлюзь, лежащій въ прелестной містности, мы сіли въ экинажи в отправились въ нуть. Въ маленькую коляску, въ родів крытыхъ дрожекъ я взяль съ собою писца мосто и кассу, и мы нокатили по ровной, отличной дорогів. Тутъ на нервыхъ порахъ завязался разговоръ, когорый я передаю по оригинальности его. Писець этотъ, родившійся въ Петербургів и никогда оттуда не выіззжавшій, казался въ прекрасномъ расположеніи духа и когда мы въбхали вь лібсъ, онъ спросилъ меня, что это такое?

- Какъ, спросолъ я, о чемъ вы спрашиваете?
- С. Да то, гдв мы вдемъ.
- Я. Да мы вдемъ въ авсу.
- С. Какой это льсъ?
- Я. Хвойный.
- С. Я не знаю, что значить хвойный.
- Я. Неужели не внаете, что сосна, ель, пихта?
- С. Пе знаю.
- 11. 28

РУССВІЙ АРХИВЪ 1896.

- Я. Вамъ же случалось бывать въ Петергофі, въ Царскомъ Сель, неужели вы тамъ не видъли ни сли, ни сосны?
- С. Помилуйте, когда мы туда вздимъ по службв, начъ пе до пихъ, а по своей охотв туда не вздимъ.

Вывхали изъ лвсу въ поле, на которомъ быль разбросанъ навозъ.

- С. Это, что за кучки на полв?
- Р. Неужели вы и этого не знаето? Это навозъ, разбросанный для удобренія почвы.
  - С. Не знаю, что такое удобреніе, да и почвы не знаю.

Удовлетворивъ любозпательность моего спутника, я увидълъ на полъ насущееся стадо овецъ, и спросилъ его. «А знаете ли вы, какія это животныя?»

- С. Нътъ, не знаю.
- Я. Да это овцы, барацы и ягията.
- С. Никогда не случалось видъть.

Въ деревив около домовъ сустплась свинья съ поросятами. Увидавъ ихъ, С. съ восторгомъ вскрикнулъ: «А этихъ я знаю».

- Я. Почему же вы ихъ зпаете?
- С. Такой быль случай. Жена моя очень любить жаренаго нороссика. Желая ей сделать удовольствіс, я накануне Рождества ношель
  на рынокъ, купиль пороссика, завернуль въ бумагу и, примедъ домой,
  говорю жоне: «Воть жена, тебе подарокъ; ты любинь пороссика, такъ
  кушай же въ сласть». Она обияла меня, поцеловала. «Милый мой, спасвбо тебе» и развернула. «Какъ, говоритъ, ты обмануть меня вздумаль,
  ахъ негодяй!» «Какъ обмануть, да разве ты не вядишь, что это не пороссиокъ?» «Господи!» говорю я, «такъ меня вздули, а не я тебя!» —
  «Стунай же опять въ лавку, где купиль и возьчи пороссика».

«Ну вотъ съ того то дия я ужъ илъ знаю и не ошибусь».

По всей Маріннской систем'я провожаль Цесаревича прелюбевный В. С. Лебедевъ, начальникъ IV округа путей сообщенія. Его резиденція была въ Вытегрів, гдів опъ жиль въ весьма саромной обстановків, несравненно скромиве во всякочь случать, чічь его подчиненные на разныхъ станціяхъ. Въ Девятвиахъ не только містность, но и домъ начальника дистанція предестны, даже заманчивы.

Въ Бълозерскъ въ первый разъ встрътилъ я Н. А. Качалова, въ то время предводителя дворянства, только что пачинавшаго проявлять свою дъятельность въ качествъ земскаго дъятеля.

Были въ женскомъ монастырѣ въ Кирпловѣ, и въ Бѣлозерскомъ мужсбомъ. Первый прэдзвель па меня тажелое внечатлѣніе грубостью

монахинь, похожихъ болье на переодътыхъ мужчинъ. О второмъ разсказывали, будто богатая и вкогда библіотека лучшія свои сокровища ебыла тайно и будто большая часть этихъ драгоцыныхъ книгъ перешла въ собственность покойнаго М. П. Погодина. Не мят конечно судить о-томъ, въ какой мърь толки эти основательны.

По Шексив мы плыли на нароходикв братьевъ Милютиныхъ, тогда еще мало извъстныхъ. Благодаря старшему изъ братьевъ, Череповецъ съ твхъ поръ не узнаваемъ.

Во время пребыванія въ Костром А. П. Боголюбовъ п я, гуляя по городу, зашли въ ограду сторъвшаго Богоявленскаго мона тыря, въ которомъ уцильни только стыпы инкоторыхъ церквей и здацій. Туть встратиль насъ сторожь, предложившій намь войти въ кладовую, въ которой было сложено все, что усивла спасти оть огия. Войда въ небольшое вырое пом'ящение, мы увидали множество утвари, образовь, паникадиль, дамиадь, облаченій покрововь (между прочимь великолюдный влаго бархата Саятыковскій покровь, на которочь были нашиты чеканныя вызолоченныя бляхи съ разпычи изображенівчи), наконецъ старинные замки отъ воротъ и двер. й и даже маленькія чугунныя орудія, стоявшія изкогда на ствиахъ монастыря. Въ тотъ же день ва завгракомъ А. П. Боголюбовъ разсказаль объ этомъ Цесаревичу и прибавиль: «Воть это все могло бы служить началочь Русскаго музея, о которомъ Ваше Высочество помышляете. Вы савлаете доброе дело, ссли спасете все это отъ порчи и грабежа». Я тотчасъ же вибшался въ разговоръ. «Ивтъ, сказалъ я, ты забываешь, что тутъ множество предметовъ, жертвованиыхъ царями и великими киязья и, а также боярами и другими лицами. Если Его Высочество коснется этого, то не будеть инчего спасено, и всякій признаеть себя въ прівв брать оттуда, что удастся получить. Это святыня, и мив кажется, что Его Высочество спасъ бы се, есанбъ поручиль местному владыке приказать составить подробную опись всемь предметамь в перспести въ свой домъ. Какъ знать, можеть быть воспресиеть Богоявленскій монастырь, и тогда все будеть вновь употреблено въ цемъ же». Предложение это было поддержано гр. Строгановымъ и К. П. Побъдоносцовымъ, и Цесаревичь согласился съ этимь мивніемъ, осмотрыв самь весь складъ, переговориль съ преосвященнымъ Костромскимъ и впоследствія говориль въ Петербургъ съ оберъ-прокуроромь Св. Синода о возстановлении монастыря, который и нынь процентаеть подъ просвещеннымь управленісмъ и руководствомъ почтенной матери Маріп *).

^{*)} Съ тъхъ поръ обитель эта вновь сдълалась жертвою огня, и если кое что и возобновлено, по уже пъть въ живыхъ матери Марія.

Въ Костромъ Цесаревичъ лично принималъ просьбы народа, стоявшаго предъ губернаторскимъ домомъ. Я въ свою очередь бралъ эти просьбы и разныя медкія приношенія изъ рукъ Его Высочества и влаль ихъ на подносы. Поминтся, что поднесены были старушкою на тарелкъ бумага, при ней просфора и какая-то изъ бумаги же сделаниая коробка, въ роде ковчега. Все это было принесено въ мою комнату, гдв я тотчасъ же запялся разборкою бумагъ и составленіемъ списка просьбъ. Во время этого занятія замічаю какойто странный шелесть, какъ будто жучки или другія насекомыя ползають по бумагь. Смотрю, бумажный ковчегь, стоявшій возяв просфоры на тарелив, покачивается. Замътивъ въ коробив этой небольшое отверстіе, я взглянуль внутрь ея и вижу, о ужасъ! множество таракановъ ползають по дву и ствикамъ ковчега. Туть стало ясно, что старушка поднесла просфору, какъ доказательство, что она утромъ помолидась за Цесаревича, а таракановъ въ коробкъ, какъ выражение пожеланий ему счастія. По просьбі, приложенной къ упомянутымъ предметамъ, удалось отыскать старушку, и оказалось, что толкованіе наше было върно.

Въ Саратовъ Цесаревичъ помъстписи съ своею свитою въ домъ жнязя В. А. Щербатова, въ то время еще губерискаго предводителя. Съ утра уже, какъ и въ другихъ городахъ, масса народу стояла предъ домомъвъ ожидания выхода Его Высочества. Ръшено было идти изшкомъ на выставку мъстныхъ произведеній. Насабдникъ вошель въ толпу и подвигался медасино, окруженный свитою. Подходить крестьянка съ ребенкомъ на рукахъ в проситъ Цесаревича благословить младенца. Его Высочество сняль кепи и исполниль желаніе матери. Вслідь затімь стали подходить и другіе, такъ что приналось остановиться, и нока Цесаревнуъ благословлилъ дътей, пародъ, снявъ шанки, стоялъ какъ вкопанцый. Вдругъ изь толпы выступаеть старикъ, леть 80-ти или более, и обращается къ Его Высочеству съ савдующею речью: «Батюшка, непаглядный ты нашъ, всю жизнь свою молить Господа, да сподобитъ Опр меня хоть разъ взглянуть на кого пибудь изъ царской семьи. И вотъ исполиплась молитва моя: вижу тебя, царскаго первенца, благословаяющого младенцевъ. Жить мив недолго, дай же мив благословить тебя на будуще царство».

Цесаревичь вновь сняль кени и благоговейно преклониль голову, которую старикь осениль широкимь значениемь креста, и вследь затемъ упаль ему въ ноги.

Вообще трогательны были заявленія народомъ неподдільныхъ

Во время этого путешествія на долю мою выпало немало тяжедыхъ испытаній. Вытхали мы изъ Царскаго Села 14-го Іюня и отправились на одномъ изъ пароходовъ Сѣвернаго Общества въ Шлиссельбургъ и оттуда по Маріннской системъ въ Петрозаводсяъ, куда прибыли 16-го или 17-го числа. Утромъ на другой день мною овладела страшная тоска, и я телеграфироваль въ Царское, гдв оставиль семью, прося жену уведомить, все ли здоровы? Не смотря на интересный обворъ заводовъ, который долженъ былъ несколько разсеять меня, я не могъ избавиться, отъ какого-то здаго предчувствія и, возвратившись домой (въ губернаторскій домъ), я засталь отвёть, въ которомъ жена извъщаетъ меня: «Всъ здоровы, Коль лучше, Липочка хвораетъ». Нельпость этой телеграммы поразила меня и я, задумавшись падъ ней, стоялъ у окна и сабдиль за экипажемъ Цесаревича, который вхаль чрезъплощадь и спустился къ дому архіерея. Вдругъ вижу черную собачку; стремтаавъ летвла чрезъ площадь и, остановившись предъ окномъ, у котораго я стоялъ, странию завыла. Вой собакъ для меня всегда былъ венавистенъ и хотя, благодаря Бога, я некогда инкакихъ предразсудковъ не имъдъ и не знаю суевтрія, но собачій вой всегда казался мит дурнымъ предзнаменованість. Совершенно машинально выпуль я часы и посмотрель на нихъ. было безъ 10 минутъ 3 часа. Впосавдствін оказалось, изъ письма полученнаго мною отъ жены въ Бълозерскъ, что это была минута кончины мандшей дочери нашей Липочки, тотчась по отъезде мосмъ забольящей дифтеритомъ, благодаря сырости помещения въ Царскомъ Сель, въ такъ-называемомъ полупиркуль. Тотчасъ посль отвъзда моего, у дочери, которой было всего 1%, года, показался дифтеритъ. Докторъ Обломієвскій, приглашенный женою мосю, пригласиль въ свою очередь доктора Кареля, п оба решили, что оставалось одно средство: немедденно в эти большаго ребенка въ Петербургъ и просить д-ра Раухфуса сделать трахотомію. Но малютка скончалась до операція. Жена возвратвлась съ похоронъ ея въ Царское Село и въ ту минуту, какъ она подъбхаза въ дому, въ ней обращается прибывшій одновременно военный докторъ съ вопросомъ, гдв живетъ г. Оомъ? Тутъ разъяснилось, что старшій сынъ мой лежаль уже въ агонін, задыхаясь отъ той же болвани. Быстро сделана была операція, мальчикъ (5 летъ) ожиль, но увы! для дальнийшихъ мученій, въ продолженія 14 лить. Дифтеритическій ядъ отравиль глазные первы и часть мозга. Слабость эрвнія, самое медленное и слабоо развитие умственныхъ способностей и, наконецъ, издучая бользаь, были удъломъ бъднаго, добраго и такъ горячо меня любившиго Коли. Благодарю Создателя, что онъ не пережиль меня: потому что какая ожидала его будущиость?

Телеграмма, мною полученная въ Петрозаводскѣ, была отправлена одною изъ тетокъ моей жены, болѣзпенной первиой старушкой, оставшейся при дѣтяхъ въ Царскомъ Селѣ по случаю отъѣзда жены съ малюткою Липочкой въ городъ и отъ болѣзни Коли окончательно растерявшейся.

Въ Ростовъ на Дону, 7-го Августа только, узпалъ я объ операція, сдъланной бъдному сыну моему. Въ этотъ день въ Ростовъ прибыла Императрица Марія Александровна, и одно изъ лицъ свиты передало мнѣ письмо моей дорогой жены, которая въ предвидъліи, что истину я узваю неминуемо отъ кого либо изъ прибывшихъ съ Ея Величествомъ сообщала миѣ всъ подробности этой страшной катастрофывъ семъѣ нашей.

He могу не вспоминть о милостивомъ ко мит вниманіи Императрицы. «Sie, Armer! Was haben Sie in dieser Zeit für schreckliche Prüfungen gehabt» *), были первыя слова Ев Величества.

Другой эпизодъ, разыгравнійся во время путешествія, по о которомъ дуналъ только по возвращеній моемъ, заключался въ следующемъ.

Въ числъ денегъ, взятыхъ на расходы по путешествію, было на 6000 р. червопцевъ, сложенныхъ въ свертки, по 30 червопцевъ каждый. Золото это было взяго для поъздки на Кавказъ, на крестины Великаго Князя Георгія Михапловича. Всъ деньги, кредитныя и золото, были уложены въ жельзный ящикъ, впутри выкрашенный краспою масляною краскою. Замътивъ на первыхъ порахъ, что кредитныя прилинаютъ къ краскъ, я накрылъ ихъ холщевымъ денежнымъ мъшкомъ, который вскоръ такъ кръпко прилинъ къ крышкъ ящика, что при вскрытіи не отлиналь отъ нея, въ особенности когда ящикъ на пароходъ сдавался подъ караулъ часевому и стоялъ на налубъ подъ солицемъ.

Въ Ярославаћ, въ депь прибытія пашего, пришелъ ко мив городской голова Лопатинъ и ваявилъ желаціе отъ имени города, чтобы столъ Цасаревича, во время 2-хъ дневнаго пребывація въ Ярославав, былъ отпесенъ на счетъ городскихъ суммъ, въ виду того, что городъ желалъ бы угощать Его Величество и что необходиман провивія уже заготовлена. Такъ какъ вопросъ объ отнесеніи расходовъ на столъ на счетъ городовъ, могущихъ выразить желаціе принять эти расходы на стоя, въ прищинъ былъ предварительно разръщенъ Государемъ Императоромъ, то я заявленіе Ярославскаго городскаго головы дочелъ до свъдъція гр. Строганова и, по приказанію его, Цесаревича. Его Высочество, принявъ предложеніе, приказаль мив благодареть городского голову в пригла-

^{•)} Бадный! Какія испытанія напесан пы въ это время.

сить его присутствовать при завтракахъ и объдахъ, какъ ховянна. Это было исполнено.

Тутъ же собралось множество отставныхъ нижнихъ чиновъ и вивалидовъ послѣ Турецкой войны, обратившихся къ Его Высочеству съ просьбами о пособія. О. Б. Рихтеръ объявиль миѣ, что Цесаревичъ приказалъ всѣмъ выдать не пособія, а скорѣе на чай, распредѣливъ всѣхъ на категорія, начиная съ раненыхъ Георгіевскихъ кавалеровъ, унтеръ-офицерскаго званія, которымъ назначено было выдать по червонцу, и кончая отставными рядовыми не имѣвшими знаковъ отличія и не ранеными, которымъ предназначалось по 25 к. На другое утро всѣ эти люди были собраны на дворѣ, въ которомъ помѣщалась свита; заперли ворота, распредѣлили по категоріамъ, п О. Б. Рихтеръ вмѣстѣ со мною раздавалъ деньги.

По прибытін въ Кострому, я по обыкновенію пропавель ревизію кассы и не досчитываюсь 18-ти червонцевъ, которые, какъ мив хорошо помнилось, остались неъ свертка въ 30 штукъ неизрасходованнымв. Посль тщетныхъ поисковъ я сообщиль объ этомъ Рихтеру и говорю. что намфренъ писать съ отходящимъ въ Ярэславль пароходомъ въ Лонатину и просить его взглянуть въ ящикъ письменнаго стола въ комнать, которую я занималь, не окажется ли тамъ забытыхъ депегь. Рихтеръ отсовътоваль, говоря, что это можеть быть истолковано превратно. Поминтся мив, какъ я не хотваъ согласиться съ этимъ мивијемъ и между прочимъ спросилъ Рахтера: •еслябъ я забылъ свой бумаживкъ или часы свой, пеужели долженъ быль бы я умолчать объ этомъ, по одному только предположению, что могуть заподозрять меня въ обмань?» Ну дьлайте какъ знаете, отвъчалъ Рихтеръ. Я написалъ Лопатину и на другой день получиль отвътъ, что ничего имъ въ столъ не найдено! Да и не могло быть шначе, потому что, когда мы въ тоже утро отправились въ соло Пваново, Владимирской губ и на пути остановились въ Нерехтв, гав попадобилось выпуть изъ злополучиего ящика деньги и подарокъ для жены городского головы Крейцера, то въ моменть вскрытія ящика отсталь отъ крышки мінюкь, о которомь я упомацуль въ началі отого разсказа, и въ врышвъ оказалась прилиппею маленькая бумажная пачка съ 18 червопцачи. Дело въ томъ, что, передъ отъездомъ изъ Ярославля, я оторваль метокъ отъ крышки, накрыль имъ кредитныя и на мішокъ положиль эту маленькую пачку. На пароходів мішокъ подь солисчины принекомъ чиовь цристаль къ крышкъ, конечно вмъств съ пачкою, а на пути въ Нерехту ящикъ стольь не только въ тана, но отчасти подъ дождемъ, такъ что крышка остыла, и мъщокъ оть нея отсталь; только пачка держатась на поверхности крышки,

приставъ въроятно кръпче отъ пажима. Упрекаю себя въ томъ, что не извъстилъ тотчасъ же Лопатина о находкъ. Что же вышло изъ всего этого? Ярославскій жандармскій штабъ - офицеръ донесъ пачальнику ІІІ-го Отдъленія Собств. Его Величества Канцеляріи: 1) Что я скрылъ будто бы отъ Цесаревича о томъ, что городъ принялъ на себя издержки по угощенію, слъдовательно сушулъ себъ въ карманъ сумму равияющуюся этому расходу, взявъ ее изъ вояжныхъ суммъ. (Забылъ этотъ штабъ - офицеръ, что для этого слъдовало предварительно сумму эту выписать въ расходъ по кингъ, которую велъ мой писецъ). 2) Что я требовалъ отъ городскаго головы якобы забытые мною въ Ярославлъ 100 червонцевъ, и что, пе удовлетворясь высылкою мит этихъ денегъ, я изъ Нижняго Новгорода вторично требовалъ опять таки 100 червонцевъ уже изъ Костромы!

Объ этомъ генералъ Потановъ оффиціально написалъ гр. Строганову, и какъ я узналъ поэже, отношеніе это прибыло къ графу въ Ростовѣ на Дону. Но тутъ же было рѣшено между имъ, Цесаревичемъ и Рихтеромъ, чтобы, въ виду семейнаго моего горя, миѣ о приключившемся не говорить вовсе, потому въ особенности, что всѣмъ была извѣстна исторія 18 червонцевъ, а клевета на счетъ обмана города и присвоенія мною казенныхъ денегъ опровергалась не только шиуровою книгою, въ которую самъ Цесаревичъ заглядывалъ пеоднократно, интересуясь расходами, но и тѣмъ, что Цесаревичъ лично благодарилъ представителей Ярославля за угощеніе и видѣлъ ежедневно за столомъ городскаго голову, который одниъ изъ всѣхъ горожанъ постоянно присутствовалъ, въ качествѣ хозянна.

По возвращении нашемъ въ Петербургъ 19-го Октября 1863 г. я узналъ отъ М. С. Сушвискаго всю исторію, т. е. навшія на меня обвиненія. Предоставляю каждому судить, въ какомъ я былъ положенія! Первымъ конечно движеніемъ моняъ было отправиться къ графу С. Г. Строганову, который, подтвердивъ истину, старался меня успоконть, но напрасно: я до того былъ встревоженъ и оскорбленъ, что отъ графа и съ его въдома поёхалъ къ А. Л. Потанову. Потанова я пъкогда встрічалъ въ домі А. Н. Оленнна и помию даже день производства его въ офщеры (опъ въ полной формі л.-гв. гусарскаго полка прівзжаль съ внантомъ къ Оленвнымъ, и очень намятно мий, какъ этого хорошенькаго инніатюрнаго офщера поставили предъ зеркаломъ и любовались его фигурком).

Потаповъ встратилъ меня презвычайно дасково и, догадавшись о причина визита мосто, выразилъ сов алале, что наша встрача вы-

звана прискорбнымъ обстоятельствомъ. «Крайне прискорбнымъ, отвътилъ я, но ваше превосходительство могли бы мив помочь выйти изъ тяжелаго положенія обвиняемаго». — «Какимъ образомъ?» наивно спросиль онъ. «Предполагая, что на обязанности III-го Отделенія лежить не только голословное обвинение, по и предоставлена обвиняемому возможность оправданія или даже доказательства певиновности его и голословности обвиненія, я хотіль просить вась дать мні честнаго, падежнаго офицера, съ которымъ я отправился бы тотчасъ въ Прославль и съ пичъ вийсти добился бы, на чемъ основаны слухи о влоупотребленіяхъ, на меня возводимыхъ». - «Это им нъ чему бы не повело теперь, потому что штабъофицеръ, приславний мив допессије это, бъжалъ изъ Прославля съ купеческою женою», отвічаль Александрь Львовачь. «Впрочемъ, прибавиль онь, это донесение было частное, а не оффиціальное». Крайце удиваенный этимъ замъчаніемъ, я отвъчаль генераду, что, хотя я не нонимаю, какимъ образомъ подчиненный его считалъ себя въ правъ допосить начальству частнымъ письмочъ о поступкахъ лица, пребывавіс косто въ Ярослават было конечно офиціальное, а не частное, мить решительно безраздично, частнымъ или оффиціальнымъ путемъ дошелъ до III-го Отделенія этоть дожный слухь, и что я вижу въ этомь дель только сторону оффиціальную, потому что, онъ управляющій дізлачи III-го Отавленія сообщиль графу Строганову обвиненіе не частнымь инсьмомъ, а оффиціальнымъ отношеніемъ за номеромъ.

Нечего было дёлать, нужно было покориться горькой судьбів. Но туть пришла мий другая мысль: во время пребыванія нашего въ Крыму я ежедневно удостоивался приглашенія къ Высочайшему столу и на вечера; если Государь Императоръ зналь, что я заподозрень въ грабежів и кражів (а знать онъ могь это чрезъ В. А. Долгорукова, пачальника ПІ-го Отділенія), то какими глазами смотріль онъ на меня, сидящаго за однямь съ нимь столомь, а между тімь не подозрівающаго даже обвиненій на меня падавшихь? Мысль эта тревожила меня до отчаянія.

На другой день повхаль я въ Царское Село къ Цесаревичу и, войдя въ его кабинетъ, остановился у дверей и спрашиваю: «Дозволите ди, Ваше Высочество, перешагнуть порогъ компаты человъку, обвиняемому въ дневномъ грабежв и мощениичествъ?»— «Полноте, Оедоръ Адольфовичъ», отвъчалъ мит Великій Князь; «я понимаю, какъ вы должны быть встревожены. Мит говориль уже Оттоиъ Борисовичъ, что васъ болте всего безнокоптъ митие о васъ Государя. Я виноватъ въ томъ, что не объясиилъ ему всю нелтность клеветы, но объщаю, какъ скоро возвратится Государь изъ Крыма, передать ему всю исторію въ подробности». Я чуть не со слезами на глезахъ благодарилъ Цесаревича.

Еще предстивій энизодъ изъ этого же путешествія. Когда прибыли мы въ Петрозаводскъ, Цесаревичь выразиль желаніе присутствовать на выпускномъ актё мужской гичназіи. Онъ самъ раздаваль медали и награды моледымъ людямъ и, сказавъ имъ напутственное слово, обратился въ преподавателямъ, которые поочередно были ему представляемы директоромъ гимпазіи. Между пими стоялъ молодой еще человъвъ, преподаватель Русской Словесности Пв. Петр. Хрущовъ. Изъ разговора съ намъ Цесаревичъ узналъ, что Хрушовъ былъ ученикомъ О. И. Буслаева и очень этому обрадовался. Онъ спросилъ между прочимъ, какъ онъ попалъ въ Петрозаводскъ. «Вслъдствіе домашнихъ обстоятельствъ», былъ отвътъ. Цесаревичь очень ласково сказалъ Хрущову: «Очень радъ, что вижу соученика».

Въ этотъ же день Хрущовъ приходитъ ко мив и предлагаетъ привести извъстнаго сказальщика, старика-слепца Кузьму Пванова, который Безсонову и Якушкину ивлъ свои песии, все ими по словамъ его собранныя и записанныя. Графъ Строгановъ, которому было передано предложение это, решилъ, чтобы Кузьма былъ приведенъ после обеда на пароходъ, на которомъ пазначено было вечеромъ идти на островъ Соломенный, где должно было собраться Петрозаводское общество для угощения вечериимъ чаемъ. Сказано, сделано. Когда мы отошли отъ берега, Цесаревача подвели къ песиопевцу. Хрущовъ попросвяъ его спеть одну изъ песень его.

«Что тебь спъть, Иванъ Петровичъ? Столько уже разъ ты слушалъ меня, а новаго инчего я не знаю», сказалъ Ивановъ. «Сной, что пажелаешь», сказалъ Хрущовъ: «тутъ есть лица, которыя тебя не слыхали и пъссиъ твоихъ не знаютъ».

Запѣлъ старякъ протяжнымъ, заупывнымъ топомъ пѣспь о Вольгѣ Всеславичѣ в вдругъ пріостановился.

- «Что же Кузьма Ивановъ, ты не продолжаенъ?» спросилъ Хрущовъ.
  - «Саышу, что кто то мив вторить; стало, песнь знакома».
  - «А какъ думаень, кто постъ съ тобою?»
  - «Да какъ мив знать: въдь я не вижу».
  - «Вторитъ тебь Пасльдинкъ Цесаревичъ».
- «Что морочинь меня? Смвенься надо ми но! Гдв Цесаревичу знать наши народныя пвени? Ввдь ихъ уже пикто, окромя меня, не постъ».
- «Ты оппибаешься, Кузьма Пвановъ», сказалъ Цесаревичь, «я не одну эту пъсию знаю, но много и другихъ. Споемъ виъстъ и другую».

Старикъ былъ видимо пораженъ: вижиля, отвислая губа затрислась, слезы покатились изъ глазъ, п онъ въ восторгъ воскликиулъ: «Вотъ до чего дожилъ, что Первенецъ Царскій поетъ наши излюбленимя пьсан!»

Весь почти вечеръ Цесаревичъ не могъ оторваться отъ ст ряка-рансода. Послъ чая на островъ, вскоръ пустились въ обратный путь, и
тутъ Цесаревичъ благодарилъ Хрущова за доставленное ему наслажденіе и сказалъ: «Отзывы о васъ здѣсь самые лучніе, а потому я радъ
номочь вамъ въ случат надобности. Прошу васъ всегда обращаться
ко мить. Въ Петербургъ пуждаются въ хорошихъ преподавателяхъ Русскаго языка и словесности».—«Позвольте же и мить, Ваше Высочество»,
сказалъ Хрущовъ, открытъ вамъ горе мое. Когда въ 1861 г. я былъзамъщанъ
въ исторію студентовъ Московскаго Университета, то хотя былъ вполить
оправданъ, но мать моя совершенно отказалась отъ меня и объявила,
что средствъ на продолженіе курса уже давать мить не будетъ. Тогда я
долженъ былъ искать занятій и, благодаря академику Срезпевскому,
получилъ настоящую должность. «А гдѣ ваша матушка?» спросиль Цесаревичъ.— «Живетъ въ своемъ помъстьть Курской губерціи», отвъчлять
Хрущовъ.

Прошли Іюпь, Іюль, Августъ п Сентябрь, въ первыхъ числахъ Октября мы прибыли въ Курскъ и были между прочимъ на балу въ Дворянскомъ собраніи, гдъ жена предводителя дворянства (впослъдствій Казанскаго губернатора Н. Я. Скарятина), faisant les honneurs, представляла Цесаревичу женъ дворянъ. Цесаревичь вспочинлъ о Хрущовъ. «Есть между Курскими дворянами помъщица Хрущова?» спросилъ онъ Скарятину. — «Какъ же, Ваше Высочество, она уже здѣсь на балъ», было отвътомъ. «Пожалуйста познакомъте меня съ нею» Когда отыскали м-мъ Хрущову, Цесаревичъ спросилъ ее, не ея ли сынъ въ Петрозаводскъ, и когда она отвътила утвердительно, «полагаю», сказалъ онъ, что для перваго моего съ вами знакомства не могу вамъ сдѣлать болье пріятнаго, какъ сообщивъ вамъ самыя утъщительныя изъѣстія о сынъ вашемъ; онъ чрезвычайно успѣшно занимается преподаваніемъ словесности въ гимназіи, всѣми чтимъ и уважаемъ, и вы должны быть счастливы имѣть такого прекраснаго сына».

Объ этомъ новомъ знакомствѣ Цесаревичъ однако цикому изъ насъ не говорилъ, а я узналъ объ этой прелестной чертѣ уже послѣ колчины его отъ самого Хрущова, при случайной встрѣчѣ въ Новгородѣ, на обратиомъ нути изъ Старой Русы, куда былъ я въ Іюиѣ 1865 г. посланъ для устройства номѣщенія Великимъ Киязьямъ Владимиру и Алек-

съю Александровичамъ, которымъ тогда Здекауеромъ было предписано лечение мъстными ваннами.

Это сближение съ матерью дало Ивану Петровичу возможность жениться на дочери академика Польнова и перейти на службу въ Новгородъ, оттуда опъ въ послъдствии поступилъ инспекторомъ классовъ въ Кіевскій Институтъ, потомъ былъ пожалованъ въ придворное званіе и пынь, служа въ Министерствъ Народнаго Просвъщенія, составилъ себъ прекрасную извъстность какъ учредитель народныхъ чтеній.

Быль въ Курскѣ па балѣ эппводъ довольно оригинальный. Цесаревичу между прочими была представлена г-жа Устимовичь, рожд. Безакъ. «Вы дочь Александра Павловича?» спросилъ Его Высочество. «Да», отвѣчала она. «А я ея мужъ», неожиданно сказалъ г. Устимовичъ, стоявшій за женою. «А вы гдѣ воспитывались?» спросилъ Цесаревичъ. «Въ Училищѣ Правовѣдѣпія», былъ отвѣтъ.

Когда послѣ бала мы пили дома чай, О. Б. Рихтеръ замѣтилъ, что Его Высочество, вѣроятно безъ намѣренія, далъ хорошій урокъ Устимовичу. Цесаревичъ былъ крайне удивленъ, и когда ему повторили вопросъ, предложенный имъ молодому человѣку, онъ былъ видимо смущенъ и выразилъ даже сожалѣніе по этому поводу. На другой день Его Высочество особенно милостиво обошелся съ Устимовичемъ, который вѣроятно не подозрѣвалъ причины этого отношенія.

Пересматривая бумаги мон, я замѣтилъ, что нѣкоторые эпизоды наъ нашего путешествія по Россіи въ 1863 г. мною не переданы, а между тѣмъ не лишены извѣстнаго интереса.

Такъ напр. я припоминать, что когда мы 31-го Іюля прибыли въ Калачъ, и Цесаревичъ встръченъ былъ тамъ паказнымъ атаманомъ Войска Донскаго П. Х. Граббе, характеръ нашего плаванія по Дону и пребыванія въ станицахъ совершенно былъ иной, болье уютный, семейный, потому что до Новочеркаска не было по всему пути ни одного губерискаго города, а останавливались въ станицахъ, въ скромныхъ весьма помъщеніяхъ или въ становыхъ управленіяхъ или у зажиточныхъ казаковъ; плыли не на большихъ нароходахъ, а на маленькихъ съ тъсными помъщеніями; главная же причина этой перемьны заключалась въ личности генерала Граббе. Онъ, не разставаясь съ Цесаревичемъ до Старочеркаска, вошелъ какъ бы въ нашу семью и, не смотря на преклонныя лъта, на высокое положеніе свое и держа себя съ не обыкновеннымъ достоинствомъ (даже въ осанкъ его и манеръ выражаться былъ рыцаремъ въ полномъ смыслъ слова), съумълъ съ первой

встрым обворожить всых. Цесаревичь привязался тотчась же къ нему всею душою и быль къ нему въ высшей степсии внимателень. Обыдали мы въ Нижнечирской станиць. За объдомъ Его Высочество удостоиль меня поздравить съ днемъ рожденія моего, и по этому поводу Граббе, который зналь хорошо матушку мою и видаль меня ребенкомъ, вавель рычь о матери моей. Это было хвалебное слово, которое было для меня конечно лучшимъ подаркомъ.

Послѣ сладкаго блюда Цесаревичъ вышелъ изъ компаты и, тотчасъ возвратясь въ столовую съ трубкою и горящимъ фитилемъ, предложилъ старику закурить трубку.

Глубоко тронутый такимъ вниманіемъ, онъ никакъ не хотёлъ, чтобы Цесаревичъ держалъ фитиль при закуриваціи трубки. «Какъ, Ваше Высочество, вы ходили за трубкою для меня? Этого вниманія я не васлужиль; благоволите закурить ее вы сами, я же подержу фитиль».—«Нѣтъ, Павелъ Христофоровичъ, замѣтилъ Наслѣдникъ, молодой казакъ съ удовольствіемъ служитъ почтенному наказному атаману своему. Вы не имѣете права отказать мнѣ въ этой услугѣ». Старикъ прослезился и принялъ предложеніе.

Въ Старочеркаскъ мы пробыли нъсколько долъе, чъмъ предполагали, потому что тутъ были получены изивстія о томъ, что Государь пе прибудеть въ Новочеркаскъ, что Императрицу намъ слъдуетъ истрътить въ Ростовъ 12-го Августа и что Цесаревичу разръщается истунить въ «Большой Кругъ». Это потребовало нъкотораго изивненія въ маршруть, и пужно было дать времени приготовиться въ Новочеркаскъ къ истръчъ и къ торжеству. Граббе убладъ туда, а между тъмъ Цесаревичъ самъ сочинилъ ко дию иступленія его въ «кругъ» рескриптъ, опубликованный въ приказъ паказнаго атамана по Войску Донскому.

Приказъ по Войску Донскому.

Новочернасиъ. Августа 8 дия 1863 г. № 23.

Спѣшу, любезные товарищи - Допцы, объявить вамъ полученный мною собственноручно написанный Его Императорскимъ Высочествомъ Наслъдникомъ Цесаревичемъ, Августъйшимъ Атаманомъ всъхъ казачьвяхъ войскъ, приказъ по Войску Донскому.

Подписалъ: Наказной атаминъ Войска Донскаго, гепералъ - адъютантъ Граббе.

Konia.

Повельнісмъ Великаго Государя и Августыйшаго Родителя моего, я принимаю сегодня въ войсковомъ кругь знаки атамана Войска Допскаго. Десять дней, проведенные мною среди доблестного войска, сбливили меня со многими изъ достойныхъ сыновъ его и съ героемъ, наказнымъ атамановъ ванимъ. Находясь среди васъ, узналъ я васъ ближе. И понялъ всю важность званія атамана вашего.

Въръте, храбрые Доицы, что вы близки моему сердцу, что я горжусь вачи и молю Всевышняго, да сохранитъ Онъ васъ на будущія времена тъчъ, чъмъ вы всегда были для славы люб знаго намъ отечества.

Подлинный подписаль: «Атаманъ Николай».

(8) Августа 1863 г. Новочервасвъ.

Върио: Наказной атаманъ, генералъ-адъютантъ Граббе.

«Большой Кругъ» представляеть витересное эрвлище. Казаки собираются съ регаліями на площади предъ соборомъ. Тутъ на паперти встрытизь Цесаревича маститый архіенисковь Воронежскій и Задонскій Іоаниъ. Посать молебствія Насабдинкъ, вошель въ кругъ, и туть ему поднесли перпачъ. Принявъ этотъ жезаъ, Его Высочество сказалъ вороткую, но прекрасно обдуманную рѣчь. Нужно замѣтить, что въ это время въ полномъ разгаръ было Польское возстаніе, и слухи до насъ доходивнію были весьма тревожны. Опасались войны, и Цесаревичь неодновратно говорилъ намъ послъ прочтенія писемъ, приходившихъ изъ Петербурга, что насъ вернуть и что мы въ Крымъ не пожусиъ. Въ тоже время говорилось въ Петербургь также о стремления Донскихъ казаковъ въ автопомін и даже независимости Въ Новочеркасть же услышали мы совстив пное. Всв казаки твердили въ одинъ голосъ, что это клевета, что слухъ этотъ быль поднять и распространенъ лицемъ, которое, для пріобретенія большаго веса въ столице и въ глазахъ Государя и для скоръйшаго достиженія ціли, т. е. назначенія наказнымъ атаманомъ, сбивалъ съ толку казаковъ, обнадеживая ихъ разными виспиуацівми и въ тоже времи доносиль въ Петербургъ о минмыхъ волиенияхъ въ населении Земли Войска Донскаго и предлагалъ совъты свои для усновоснія учовъ. Это быль бывшій пачальникь штаба войска.... Но его отознала въ Петербургъ, и всв толки улеглись при начальникъ, каковъ былъ генералъ Граббе, невозмутимо спокойномъ.

Въ Повочеркаскъ я познакомился съ пиженеромъ, строившимъ Грушевскую желъзную дорогу, В. А. Панаевымъ и восхищался его тремя маленькими дочерьми - красавицами, изъ коихъ вторая впослъдстви пънемъ съ имъ сводила съума стариковъ и молодыхъ людей.

Въ Ростовъ получены были извъстія о рожденіи Великаго Киязя Георгія Михайловича и приказаціе Цесаревичу паъ Крыма отправиться на Кавказъ для воспріятія поворожденнаго отъ купели.

Когда таъ Ростова пришлось вдти на пароходѣ въ Тагапрогъ, гдѣ въ тотъ же день быль назначень обѣдъ, на который были приглашены также всѣ предводители Екатеринославской губ., Цесаревичъ, узнавъ отъ меня, что эти госнода, счатавшіе долгомъ присутствовать при отнлытія Его Высочества наъ Ростова, не успѣютъ прибыть къ объду, пригласиль ихъ на свой пароходъ. Вельзя описать восторга г.г. предводителей, а когда уже на пароходѣ Его Высочество попласиль ихъ състь въ кружовъ и завелъ съ нимв разговоръ о мѣстныхъ ихъ интересахъ, то общество такъ одушевилось и бесѣда пала такая оживленная и назидательная, что сдва ди нагладятся когда либо изъ намяти этихъ госнодъ часы, проведенные на пути въ Тагапрогъ. На намять объ эточъ диѣ миѣ, уже въ Екатеринославлѣ, на обратномъ нашелъ пути, была подарена г.г. предводителями фотографія, изображающая группу ихъ.

Ирибынъ въ Крымъ, Цесаревичъ поселился въ Ливадіи съ О. Б. Рихтеремь. Графъ Строгановъ в лица святы помъстились въ Оріандъ, во не надолго, потому что вскорѣ прибыли изъ Варшавы В. К. Константинъ Инколаевичъ и Великач Киягиня Александра Іосифовна. При Ихъ Высочествахъ между прочими состоялъ генералъ Стюрлеръ. Тогда насъ перевели въ Ялту и помъстили въ частномъ домъ, биткомъ набитомъ разными лицами, въ числѣ коихъ приноминаю, какъ весьма докучливыхъ: генералъ-адъютанта С ***, напоминавиаго миѣ киязя Саюняя въ «Трумфѣ» Крылова, и иѣкоего Клеванова, извъстнаго переводчика Греческихъ и Латинскихъ классиковъ. Не внаень, бывало, какъ отдълаться отъ этихъ гостей, исстда приходившихъ къ намъ пепрошенными. Оба представляли разительный контрастъ: первый стрешный циникъ, а второй ---строгій классикъ.

Но и въ Ялть я пробыль исдолго, потому что 22-го Августа на пароходъ «Тигръ», въ свить Цесаревача, отправился въ Поти и, переночевавъ, мы подиялись по Piony въ Орипри (гдъ быль выставлень почетный караулъ изъ скопцевъ), оттуда въ Кутансъ и чрезъ Сурамскій переваль въ Тифлисъ. Крещеніе происходило въ Бълочь Ключъ. Цасаревичъ остановился въ домъ командира Грузинскаго полка, подковинка Свъчина. Но поъздка наша на Кавказъ была совершена на курьерскихъ, и мы ничего не усиъля осмотръть, ин съ чъмъ не познакомились. Были мы на двухъ балахъ, въ Итальянской оперъ въ прелестномъ Тифлисскомъ театръ, и онять покатила обратно тою же дорогою. Конечно, мы

усивли и на лету увидъть красоты природы и мъстности, во для меня это показалось искупненіемъ: такъ охотно провель бы я пъсколько дней въ разныхъ мъстахъ, какъ папр. въ Михетъ.

Пароходъ «Тигръ» былъ порученъ адмиралу Дюгамелю, командиромъ же нарохода былъ канитанъ 2-го ранга Шмидтъ.

Изъ Бълаго Ключа взяли мы съ собою почтепнаго Шиндта (лейбъакушера). Въ долинъ Ріона былъ устроенъ объдъ кияземъ Дадіяномъ,
при чемъ было вынито много вина изъ невозможныхъ сосудовъ (кулы,
озарнени и турьи рога). Говорю невозможные или безнощадные, потому
что, коли они наполнены, ихъ ноставить пельзя, а нужно поневолъ
вынить все до дна. Такимъ образомъ каждый изъ насъ невольно вынилъ болъс, чъчъ слъдовало, и результатомъ всего было общее безпредълное веселье. Старикъ Шиндтъ, бывшій Деритскій студентъ, вспоминалъ молодость и всякому изъ насъ новторялъ: «Wir haben heute für
eine Idee getrunken, und das liebe ich; freilich ist es mir zweimal vorgekommen, dass ich, als Student, auch ohne cine Idee getrunken habe,
dies ist aber ecklich. Nun, was geschehen ist—ist geschehen; man kann es
doch nicht wieder gut machen». Д-ръ Шестовъ также былъ хорошъ и
Шиндта все называлъ Штейномъ.

На Каввазѣ встрѣтилъ я давиншинхъ знакомыхъ, которымъ искренно обрадовался. Это были В. В. Зиновьевъ, статсъ-секретарь Крузевштервъ и генералъ-адъютантъ Карцевъ. Второй доживалъ послѣдніе дни въ Тифлисѣ, потому что при насъ пріѣхалъ преемникъ его баронъ Пиколаи. Гофмейстеромъ у Великаго Киязя Памѣстинка былъ Алфредъ Федоровичъ Гротъ, адъютантами Его Высочества киязъ С. И. Трубецкой, баронъ Мейидорфъ и Философовъ. Мейидорфъ командоватъ тогда лихимъ конвоемъ Великаго Киязя. По никогда не забуду предестиѣйшаго старичка киязв Дмитрія Григорьевича Орбеліяни. Сомпѣваюсь, чтобы теперь много пашлось такихъ почтенныхъ и симнатичныхъ старичковъ, какъ гр. С. Г. Строгановъ, П. Х. Граббе и Д. Г. Орбеліяни: и тѣста нѣтъ, и форма разбита!

Пребываніе въ Крыму, до дня отъёзда нашего: 29-го Сентября, было чисто оффиціальное: каждый день я въ числё другихъ удостовнался приглашеній къ царскимъ обёдамъ и вечерамъ, но утрамъ же велъ оживленную переписку по новоду предстоящаго переёзда изъ Бердянска до Москвы въ экипажахъ. Возни было немало: пужно было всёмъ губернаторамъ и губернскимъ почтмейстерамъ сообщать маршрутъ съ указаніемъ числа экипажей, лошадей и о томъ, что, по желанію Цесаревича, прогоны должны были быть уплачиваемы на каждой

станціи мною лично (потому что фельдъегерямъ онъ не довѣрядъ) и чтобы не задерживать крестьянъ съ обывательскими лошадьми.

Послѣ одного изъ обѣдовъ въ Ливадіи, Государь поздравилъ К. П. Побѣдоносцова съ назначеніемъ оберъ-прокуроромъ Московскаго департамента Сената и производствомъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники. Наконецъ, мы тропулись въ обратный путь. Всѣ были рады возвратиться домой, а Цесаревича влекло къ брату. Онъ неоднократно повторялъ, что соскучился по Сашѣ.

Моремъ дошли до Бердянска, откуда всѣ, кромѣ Побѣдоносцова и Боголюбова, проѣхали въ экипажахъ въ Нѣмецкія колоніи и потомъ въ Екатеринославъ и т. д.

31-го Октября родился мой дорогой Оедя, а 8-го Ноября жена моя скончалась отъ родильной горячки. Бѣдияжка не устояда противъ физическихъ и нравственныхъ страданій, перенесевцыхъ въ теченіи дѣта. Потеря любимой дочери, болѣзнь сыпа, операція со всѣми послѣдствіями, требовавшими самого заботливаго ухода днемъ и почью, воспаленіе въ легкихъ, послѣ вынутія изъ горла больнаго трубочки, потомъ ножаръ въ Царскосельскомъ дворцѣ, сильно перепугавшій ее ночью, и все это во время разлуки со мною, до того на нее подѣйствовали, что когда я возвратился 19-го Октября, то ее засталъ крайне грустною и убѣжденною въ дурномъ исходѣ предстоящаго ей разрѣшенія.

Къ несчастію, предчувствіе это оправдалось. Кончина ея помирила меня съ мыслію о смерти; потому что, благодаря Бога, она была безъ страданій физическихъ, а глубокая въра придала столько нравственныхъ силъ этой молодой, непорочной душѣ, что оставалось только возносить ко Всевышнему молитвы благодарности за ниспосланную Имъ праведницѣ кончину, которая подробно описана мною въ отдѣльной запискѣ для дѣтей моихъ.

На другой день кончины, Цесаревичъ съ О. Б. Рихтеромъ пріталь изъ Царскаго Села, чтобы выразить мнв свое собользнованіе. Цесаревичъ, какъ всегда, и на этотъ разъ сдержалъ слово. По возвращеній изъ Ливадій, Государь потребовалъ меня къ себъ и встрътилъ меня слъдующими словами: «Ты бъдный, сколько перенесъ мукъ во время путешествія, и здъсь ожидало тебя несчастіе! Я энаю, какую клевету на тебя взвели; но я тебъ върю, и это должно тебя успокоить, Спасибо тебъ за твои труды во время путешествія сына».

Если труда было много во время приготовленій къ путешествію, для того, чтобы организовать всё средства сообщеній (пбо до того никто и 29

не совершалъ повздки водой изъ Петербурга до Астрахани), если много было приложено стараній для того, чтобы, вездв придерживаясь маршрута, посиввать во время, пикого не заставлять ждать понапрасну (и дъйствительно мы всюду прибывали въ опредвленные заранве дни и часы): то всв эти хлопоты были значительно мив облегчаемы людьми, съ которыми я имвлъ двло.

Такого пачальника, какъ графъ Сергій Григорьевичъ Строгановъ, я инкогда не имѣлъ. Если, при вступленіи его въ обязанности попечителя, опъ съ недовѣріемъ отпосился ко всему персопалу, который онъ пашелъ при Цесаревичѣ, или съ пѣкоторыми лицами опъ обошелся крайне круто, или пакопецъ и на меня опъ почти не обращалъ вниманія, а при случаѣ, о которомъ передамъ тотчасъ же, мое положеніе показалось миѣ очень шаткимъ: то впослѣдствій я убѣдился, что, одпажды подаривъ человѣка довѣріемъ, онъ предоставляль ему полную свободу дѣйствій, лишь бы намѣченная имъ цѣль была достигаема. Попятно, что, видя это довѣріе, я изъ кожи лѣзъ, лишь бы исполнить порученіе такъ, какъ графъ этого желалъ.

Часто отдавая приказаніе, опъ самъ намечаль пути и средства къ исполненію его. Приступивъ однако къ самому исполненію и обдумывая эти пути и средства, я приходиль къ убъжденію, что таже цъль могла быть успъщье достигнута инымъ способомъ. Нисколько не стъсняясь, я сообщаль свое мивніе графу, и долженъ сознаться, что если онъ самъ убъждался въ основательности мопхъ предложеній, не только никогда не противился имъ, но даже благодарилъ. Съ такимъ начальникомъ всякое дъло должно спориться.

Кром'в графа, я им'влъ постоянныя спошенія съ номощинкомъ его О. Б. Рихтеромъ. Всякій знающій его, долженъ сознаться, что, по благородству, честности, челов'вчности, трудно, въ особенности въ настоящее время, найти людей ему подобныхъ. Единственный упрекъ, который можно было бы ему сд'влать: это, можетъ быть, излишнее дов'вріе къ людямъ, того не заслуживающимъ, и чрезм'врная доброта.

Графа Строганова многіе чуждались, боялись, потому что онъ неприступностію своею, гордостію, могъ дъйствительно оттолкиуть человъка его незнающаго и особенно ему, графу, неизвъстнаго. Онъ бывалъ ръзокъ именно съ людьми, которыхъ или вовсе не зналъ, пли зналъ съ невыгодной стороны. Нъсколько лътъ ежедневныхъ встръчъ, работы съ нимъ и даже жизнь дверь о дверь во время продолжительныхъ путешествій по Россіи и за границею, прявели меня къ заключенію, что если графъ Сергъй Григорьевичъ по высокому образованію и начитан-

ности стояль выше большей части государственныхъ людей его эпохи, то сердце его всегда брало верхъ падъ умомъ. Я его видълъ въ самыя тяжелыя минуты жизни его: при получени пзвъстія о кончинъ старшаго сыпа его, у гроба жены его, и наконецъ былъ перазлученъ съ нимъ во время бользни, послъднихъ минутъ жизни и послъ кончины Цесаревича, котораго онъ любилъ не менъе сыновей своихъ, потому что имълъ право гордиться молодымъ человъкомъ, развивавшимся такъ удачно, подъ его, графа, руководствомъ, по его плапу и указаніямъ и при помощи людей имъ же избранныхъ.

Вскоръ послѣ назначенія графа попечителемъ Цесаревича, опъ однажды засталъ меня въ кабинетѣ Его Высочества, гдѣ я устанавливаль нѣкоторыя книги, хранившіяся, по желанію Его Высочества, не въ бпбліотекѣ, а въ кабинетѣ».—Что вы тутъ дѣлаете?» спросилъ меня графъ. «Привожу въ порядокъ часть библіотеки, здѣсь установленной».— «Что это за отдѣлъ?» спросилъ графъ, указывая на небольшой шкафъ.— «Русская словесность», былъ мой отвѣтъ. — «Гдѣ же тутъ лѣтописи и акты историческіе?»—«Въ отдѣлѣ Исторіи».

Въ это время въ кабинетъ вошелъ Цесаревичъ. «Послушайте, что за взгзяды у вашего библіотекаря на Русскую словесность», обратился графъ къ Его Высочеству.—«Не знаю, ваше сіятельство, въ обширномъ ли или въ тъсномъ смыслъ вы понимаете слово словесность. Я разумью подъ отдъломъ Русской словесности, здъсь въ кабинетъ находящемся, собраніе сочпиеній Русскихъ авторовъ, т. е. въ тъсномъ смыслъ слова; что же касается до актовъ псторическихъ и лътописей, то по самому названію они должны принадлежать къ отдълу Исторіи».

Затемъ я вышелъ изъ кабинета.

Въ тотъ же день я встрътиль Цесаревича въ одной изъ залъ Замняго дворца. Увидъвъ меня издали, опъ улыбнулся очаровательною, ему свойственною улыбкою и спросилъ меня: «Ну что, Ө. А., переставите вы книги въ моей библіотекъ по желанію графа?»—«Нътъ, Ваше Высочество, не могу, потому что требованіе графа, по моему, неосновательно. Что сказалъ бы С. М. Соловьевъ, еслибъ увидълъ акты и лътописи возлъ Лермонтова, Жуковскаго, Ломоносова и проч.? У всякого барона свои фантазіи, а ежедневно передълывать каталоги, на основаніи различныхъ воззръній, трудъ слишкомъ большой и не къ чему не ведущій».—«Дълайте какъ знаете», отвъчалъ все же улыбаясь Цесаревичъ, «вижу, что и вы правы».

Чрезъ нъкоторое время до меня дошелъ слухъ, будто графъ Строгановъ имъетъ въ виду назначить извъстнаго Забълина на мое мъсто.

Я тотчась же пошель къ графу, передаль ему слышанное и говорю: «Я очень понимаю, что ваше сіятельство имъете причины желать видъть на моемъ мъсть лице другое; но, будучи женать, имъя дътей и живя трудомъ своимъ, я долженъ просить васъ сказать мит заранте о намтреніи вашемъ замтстить меня другимъ лицемъ, съ тъмъ чтобы дать мнт возможность прінскать другія занятія; я, графъ имтю право ожидать этого вниманія отъ васъ, потому что я слишкомъ высокаго мнтнія о васъ, чтобы допустить возможность со стороны вашей поступка, который, собственно безъ вины со стороны моей, поставиль бы меня и семейство мое въ безъисходное положеніе».

«Вы правы», отвѣчалъ графъ, «никогда я не позволилъ бы себѣ подобнаго распоряженія; обѣщаю, что предупрежу васъ, еслибъ представилась надобность; но такъ какъ это пустой слухъ, то не думайте о перемѣнѣ службы, а оставайтесь спокойно при вашихъ занятіяхъ».

Это произошло въ промежутокъ отъ 8-го Сентября 1859-го до весны 1860.

Лѣто 1860 г. мы провели въ Либавъ, и тутъ установились совсъмъ иныя отношенія. Графъ видълъ меня съ утра до поздняго вечера. Каждое утро я приходилъ въ иему съ бумагами и за приказаніями. Дѣла было довольно много, и пребываніе въ Либавъ сошло чрезвычайно благополучно. Предъ прибытіемъ въ Петергофъ, Цесаревичъ и графъ Строгановъ благодарили меня за труды, и Государь Императоръ, при представленіи нашемъ, выразилъ мнѣ всемилостивъйшее благоволеніе, прибавивъ: «сынъ и графъ мнѣ говорили, что многимъ тебъ обязаны». Съ тѣхъ поръ не только не было ни малъйшаго недоразумѣнія въ сношеніяхъ съ графомъ, но онъ оказывалъ мнѣ безграничное довъріе, которымъ я конечно дорожилъ болѣе всего со стороны такого человъка и начальника. До сихъ поръ чувствую потребность хоть изрѣдка видъть графа, къ которому сохраню всю жизнь глубокое уваженіе и нелицемърную привязанность. (Увы, его уже не стало!)

ЕЩЕ О ПЕРЕНЕСЕНІИ ПРАХА КНЯЗЯ И ГРАФОВЪ ОРЛОВЫХЪ.

Въ статью, появившуюся въ Іюньской книжкѣ (№ 6) "Русскаго Архива": Историческая справка о перенесеніи праха князя и графові Орловых изг. Отрады въ Юрьеві монастырь, за подписью г. А. Льнова, вкрались пъкоторыя неточности, о коихъ считаю долгомъ заявить.

Четверо Ордовыхъ, квязь Григорій и графы Пванъ, Алексъй и Осдоръ, одинь за другимъ, были похоронены въ Отрадъ младшимъ ихъ братомъ графомъ Владимиромъ Григорьевичемъ, въ скленъ, подъ построенною имъ по сосъдству съ Князе-Владимирскою приходскою церковью (пмъ же построенною) большою кругообразною часовнею, съ высокимъ куполомъ и каменною вокругъ нея оградою. Склепъ этотъ находится на сажень глубины подъ поломъ часовни и слъдовательно подо повержностью земли. На плитномъ полу этого подземнаю склепа и следопательно на глубине сажени отъ общаго уровня земли, стояли мъдные, запалиные гроба четырехъ братьевъ. Къ нимъ въ 1831 году присоединидся и пятый гробъ самого хозяина. Отрады, восьмидесяти-восьмильтниго графа Владимира Григорьевича, который и понынъ стоить въ томъ же склепъ (на сажень глубины подг, а не надг поверхностью земли), въ числъ пятнадцати другихъ гробовъ многихъ, умершихъ съ твхъ поръ, моихъ ближайшихъ родственниковъ. Гроба эти впослъдствін были накрыты надгробінми изъ бълаго мрамора. Самал же часовня обращена была въ церковь во имя Успенія Божіей Матери въ 1835 году, вскоръ послъ погребенія подъ нею графа Владимира Григорьевича, его родною дочерью Екатериною Владимировною Новосильцовою, тогдашнею владълицею Отрады.

Когда графиня Анна Алексъевна Орлова, по внушенію архимандрита Фотія, въ 1832 году, пожелала перевезти своего отца и двухъ дядей изъ Отрадинскаго склепа, гдв они уже покоились почти полвъка, въ Юрьевъ монастырь, ей потребовался благовидный предлогь, для полученія на то Высочайшаго соизволенія. Предлогомъ этимъ послужило совершенно невърное представленіе въ Святьйшій Синодъ, будто тъла Орловыхъ никогда не были преданы землю, но временно поставлены на полу часовни, на повержности вемли. На основаніи этого невърнаго донесенія, послъдовало

согласіе тогдашняго Петербургскаго митрополита Серафима, одобреніе Сипода и Высочайшее соизволеніе на перепесоніе праха вышеозначенных трехъ братьевъ Орловыхъ изъ Отрадинскаго фамильнаго склепа въ Юрьевъ монастырь, что и было исполнено въ Январъ 1832 года.

Во всемъ христіанскомъ мірѣ подъ именемъ склена разумъется подземелье или подвалъ (будь онъ подъ зданіемъ церкви или часовни), въ коемъ ставятся запаянные металлическіе гроба усопшихъ. Въ эти склены обыкновенно бывають устроены лъстницы для спуска въ нихъ черезъ небольшія входныя двери. Такъ было устроено въ Отрадѣ, и точно также было устроено и въ Юрьевомъ монастырѣ, гдѣ привезенные изъ Отрадинскаго склена гроба были точно также поставлены на полу склепа подъ напертью Георгіевскаго собора Юрьевской обители, что я могу засвидѣтельствовать, такъ какъ мнѣ, въ прошломъ Февралѣ пынѣшняго 1896 года, пришлось лично спускаться по каменной лѣстницѣ въ этотъ монастырскій склепъ, гдѣ на кирпичномъ полу, совершенно также, какъ было въ Отрадинскомъ склепѣ и какъ бываетъ въ большинствъ существующихъ склеповъ, стояли рядомъ и незасыпанные землею три мѣдныхъ гроба братьевъ Орловыхъ.

Изложеніе діла въ стать т. Львова, построенное, конечно, не по его вишь, на вышеупомянутомъ недоразуменіи, требовало настоящаго разъясненія.

Мнъ только остается прибавить, что графъ Владимиръ Григорьевичъ Орловъ, человъкъ глубоко религіозный, построившій множество церквей, по нынѣ существующихъ, въ своихъ вотчинахъ, ръдко пропускавшій церковныя службы и воспитавшій своихъ дѣтей и внуковъ въ страхѣ Божіемъ, не похоронилъ бы своихъ горячо любимыхъ братьевъ, а затѣмъ жену, сына и, паконецъ, по завѣщанію, к самого себя въ какомъ либо почъщеніи на поверхности земли, въ чемъ, впрочемъ, каждый можетъ лично убъдиться въ самой Отрадъ *).

Графъ А. Орловъ-Давыдовъ.

^{*)} Что касается помянутаго въ справив г. Львова родства между графомъ Алексвемъ Федоровичемъ и господами Михаиломъ, Федоромъ и Григоріемъ Федоровичами Орловыми, съ графинею Анною Алексвеною Орловою-Чесменскою, оно также не върпо. Выло знакомство и дружба, по крайней мъръ, съ первымъ изъ пихъ; по родства въ юридическомъ смыслъ между ними и графинею не было (см. Біографію графа В. Г. Орлова т. І, стр. 18). Относительно высказываемаго авторомъ справии удивленін, что дъло начато въ годъ кончины дяди ихъ владъльца Отрады графа В. Г. Орлова, можно смъло сказать, что графии Анна Алексвевна никогда не ръшилась бы затъять его при жизни своего дяди. А. О.-Д.

ВСЕПОДДАННЪЙШЕЕ ПРОШЕНІЕ ФИЛОСОФА КАНТА ИМПЕРАТРИЦЪ ЕЛИСАВЕТЪ ПЕТРОВНЪ.

Еммануэль Кантъ, магистръ, всеподданнъйше умоляетъ Ея Императорское Величество всемилостивъйше назначить его на освободившееся мъсто ординарнаго профессора по кафедръ логики и метафизики въ Кёнигсбергскомъ университетъ.

Пресвътлъйшая, великодержавнъйшая Императрица, Самодержица всея Россіи, всемилостивъйшая Императрица и великая жена!

Со смертью покойнаго доктора и профессора Кипсе каосдра ординарнаго профессора логики и метафизики въ нашей Кёнигсбергской академіи сдълалась свободною. Эти об'в науки были досел'в предметомъ особенно внимательнаго изученія съ моей стороны.

Съ тъхъ поръ, какъ я сдълался доцентомъ въ здъшнемъ университетъ, каждое полугодіе я читалъ лекціи по объимъ этимъ наукамъ. Я написалъ по этимъ наукамъ двъ диссертаціи, кромъ того старался представить нъкоторую пробу своихъ занятій въ четырехъ статьяхъ, напечатанныхъ въ Кёнигсбергской ученой газетъ, въ трехъ программахъ и трехъ другихъ философскихъ трактатахъ.

Надежда, каковою я себя льщу быть назначеннымъ на академическую службу по предмету сихъ наукъ, особенно же всемилостивъйшее расположение вашего императорскаго величества оказывать наукамъ ваше высочайшее покровительство и снисходительное попечительство, побуждаютъ меня всеподданнъйше просить ваше императорское величество всемилостивъйше соблаговолить благосклонно утвердить меня на вакантную канедру ординарнаго профессора, такъ какъ
я надъюсь, что академическій Сенать въ разсужденіи требуемой на
сей предметь способности будеть сопровождать мое върноподданическое исканіе не неблагопріятными показаніями. Готовъ умереть въ

моей глубочайшей преданности вашего императорскаго величества наивърноподданнъйшій рабъ Еммануэль Кантъ.

Кёпигсбергъ, 14 Деквбря 1758.

Переведено съ разръшения издателя, просессора Вайхингера, изъ его журнала "Kantstudien" 1896, вн. 2-я.

Кёнигсбергъ или Кролевецъ Прусскій въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ былъ главнымъ городомъ завоеванной нами въ Семилѣтною войну Восточной Пруссіи. Все управленіе было Русское, и потому утвержденіе ордиварнымъ профессоромъ величайшаго мыслителя новаго времени зависѣло отъ Русскаго правительства. Всеподданнѣйшее прошеніе Канта почему-то не было уважено, равно какъ его ходатайство по тому же поводу передъ тогдашнимъ генералъ-губернаторомъ Пруссіи, барономъ Корфомъ, и на мѣсто умершаго Кипсе былъ назначенъ докторъ Букъ.

Интересно знать, гдё теперь находится подлинное прошеніе Канта и кто именно докладываль о немъ императрицё Елисаветь Петровнь. Надо замътить, что въ то время Канть еще вовсе не быль извъстень и находился въ своемъ "догматическомъ снъ".

Юрій Бартеневъ.

Галдо на Зааль, 24 Іюня 1896 года. XII. Письма гр. П. В. Завадовскаго къ братьямъ Воронцовымъ, кн. Е. Р. Дашковой къ гр. А. Р. Воронцову, Д. П. Трощинскаго, А. Н. Радищева. Бумаги о разлучени герцога Виртембергскаго съ его супругою. Письмо гр. А. Р. Воронцова къ князю А. Чарторыжскому. Со снимкомъ.

XIII. Письма князя А. А. Безбородки (1776—1799).

XIV. Письма кн. Кочубея, гр. А.И. Мєркова, кн. А.И. Вяземскаго, П. А. Левашова, И.П. Страхова.

XV. Письма А. Я. Протасова. Переписка гр. С. Р. Воронцова съ кн. А. Чарторыжскимъ. Записка графа С. Р. Воронцова о внутреннемъ управленіи въ Россіи, Записка его о Питтъ.

XVI. Письма гр. С. Р. Воронпова къ его отпу, къ П. В. Завадовскому, гр. А. А. Безбородкъ. Переписка съ Екатериной Второй для предотвращенія войны съ Англією, письма къ гр. Остерману, М. К. Макарову, Павлу Петровичу, К. С. Рындину и другимъ.

Рындину и другимъ. XVII. Письма гр. С. Г. Воронпова въ его сыну (1798—1830).

XVIII. Письма вн. В. И. Кочубен въ гр. С. Р. Ворондову. Д. П. Татищева въ гр. А. Р. и С. Р. Ворондовымъ. Н. Н. Новосильдова.

XIX. Переписка графовъ Воронповыхъ съ П. В. Чичаговымъ и С. К. Грейгомъ.

XX. Письма гр. А. И. Моркова къ гр. С. Р. Воронцову, В. С. Тамары, А. Я. Италинскаго, барона Грима, В. Г. Лизакевича, св. Я. И. Смирнова. Моск. оберъ-полиц. И. Н. Каверина. Мысли о родъ занятій Русскаго министра въ Римъ.

XXI. Автобіографія вн. Е. Р. Дашвовой. Бумаги по управленію Академісй Наукъ. Письмо гр. А. Г. Орлова въ Екатеринъ о кончинъ Петра III-го. Письма кн. Е. Р. Дашковой къ А. Р. Воронцову. Письмо Е. Р. Полянской къ гр. С. Р. Воронцову.

XXII. Переписка гр. С. Р. и Л. Р. Воронцовыхъ съ бар. А. Л. и П. А. Николаи.

ХХШ. Письма Н. М. Лонгинова

въ гр. С. Р. Воронцову.

ХХІV. Записка объ управленіи Россіи гр. А. И. Остермана. Автобіографическая записка Бирона. Записка канцлера Бестужева о Лестоків. Мать и брать Екатерины въ Семпътнюю войну. Сношенія съ Франціей при Елисаветь. Послідніе дни Елисаветы. Записка объ Индіи. Письма И. И. Годикова, А. В. Храповицваго, гр. П. А. Зубова, П. И. Измайлова, А. В. Гудовича. Письмо Костюшки къ Павлу Петровичу.

XXV. Основательно изследованныя и изысканныя причины перемънъ правленія въ дом'в Романова. О царствованія Іоанна Ш, регентство герпога Курляндскаго, о Аннъ Леопольдовив и о восшествій на престоль Eлисаветы. Etat de la famille du duc du Brunswic (1748). La cour de Russie vis-à-vis des puissances étrangères. L'arrêt du comte de L'Estoq. Mars Екатерины Великой. Гр. Разумовскій и А. В. Олсуфьевъ о Малороссійскихъ дъдахъ. Rélation de la révolution arrivée en Russie le 6 Juillet (1762). Записка о Россін въ первый годъ парствованія Екатерины. Записка о Малороссіи. Письма Екатерины къ Понятовскому. Изъ Записовъ Понятовскаго. Письма Екатерины къ гр. А. В. Браницкой.

XXVI. Изъ бумагъ гр. П. В. Завадовскаго и гр. П. И. Панина. Письма кн. Потемкина къ гр. Суворову. Донесеніе гр. З. Г. Чернышова Екатеринъ Второй объ открытіи Московской губерніи. Переписка Саксонскаго резидента Гельбига съ Лоссомъ. Дъло барона Армфельда.

Цена важдой вниге "Архива Князя Воронцова" съ пересылкой ДВА рубля. Выписывающіе изъ вонторы "Русскаго Архива" не менёе 10 внигь пользуются уступкою 10%.

ПОЛПИСКА

H A

РУССКІЙ АРХИВЪ

1896 года.

"Русскій Архивъ" въ 1896 г. издается двънадпатью тетрадями, съ приложеніями (въ числъ ихъ книга "Архива Князя Воронцова").

Годовая ціна "Русскому Архиву" въ 1896 году съ пересылкой и доставкой девять рублей. Для чужихъ краевъ—двінадцать рублей.

Подписка принимается въ Москвъ, въ Конторъ "Русскаго Архива", на Ермолаевской Садовой, въ домъ 175-мъ. Въ книжныхъ магазинахъ "Новаго Времени", въ Петербургъ, Харьковъ и Одессъ.

Въ пріемъ подлинныхъ документовъ и бумагъ доставляемыхъ "Русскому Архиву", для разработки и печатанія, выдаются росписки, по которымъ владъльны получають ихъ обратно. За сохраненіе же статей и современныхъ рукописей, оказавшихся неудобными къ печати, "Русскій Архивъ" отвътственности на себя не принимаетъ.

Годовыя изданія «Русскаго Архива» 1881, 1884, 1887, 1888 и 1889 получаются, со встми приложеніями, по 6 р. за каждый годъ съ пересылкою по 7 р. Годы 1874, 1877, 1878, 1879 и 1880 по 5 р., съ пересылкою по 6 р. Остальныя годовыя изданія «Русскаго Архива» вышли изъ обыкновенной продажи.

Составитель и издатель "Русскаго Архива" Петръ Бартеневъ.

PÝCHI APXÍRZ

1896

8.

Crp.

- 457. Изъ бумагъ и переписки графа И. П. Шереметева.
- 521. Москва въ 1812 году. (Бъдствія Москвичей).
- 540. Разгадка одного намена въ "Старинной сатиръ".
- **541.** Воспомянанія О. А. Оома.
- 574. Письмо В. В. Кирвевскаго къ А. С. Пушкину.
- 576. Записка подапиан графу Бенкендорфу по поводу запрещенія "Европейца" въ 1832 г.
- 583. Бенкендороовскіе "шалуны" (Черты изъ Николаевскаго временя). А. Н. Трефолева.
- 595. Бабъ и Бабиды. О. Варатынской.
- Б97. Письмо матрополита Филарета из архіспископу Херсонскому Инвонентію.
- 598. Воронцовская библіотека,
- 599. По поводу воспоминавій В. Д. Ильнискаго (Письмо князя А. С. Меньшикова).
- 602. Помяти А. Е. Живневскаго. А. О.
- 608. Матеріалы для очерка служебной двятельности Шидловскихъ въ Слободской Украйна 1696—1727 г.г. Л. М. Савелова.
- 610. "Жизнь и труды М. П. Погодина" кв. Х-н. И. В. Помядовскаго.
- Письмо федьдмаршала М. О. Каменскаго въ одному изъ авадемиковъ.
- 615. О стихакъ къ портрету С. Д. Нечаева, Замътка Н. П. Барсукова.

приложенъ портретъ графа николая петровича шереметева.

MOCKBA.

Въ Университетской типографіи, на Страстновъ бульваръ. 1896.

СТАТЬИ ВЪ ДУХОВНЫХЪ ПОВРЕМЕННЫХЪ ИЗДАНІЯХЪ

1896 года.

Барсовъ Т. В. Синодальныя учрежденія прежняго времени. "Христ. Чтеніе", Май—Іюнь.

Вышельскій Д. О. Борьба древнерусской церкви съ остатками язычества въ строъ семейномъ и общественномъ. "Христ. Чтеніе", Май— Іюнь.

Григоренко Г. Городъ Брандавъ и его храмы. "Подольскія Еп. Вѣд." № 2, 4, 7.

Деленторскій **6**. Значеніе преп. Сергія Радонежскаго для Русскаго народа. "Полоцкія Еп. Въд.". № 3.

Мелетій епископъ. Православіе и устройство перковныхъ дѣлъ въ Дауріп (Забайкальѣ), Монголіи и Китаѣ въ XVII и XVIII столѣтіяхъ. "Православный Благовъстникъ № 10, 11.

Петровъ Н. И. Историко-топографическіе очерки древняго Кіева. "Труды Кіевской Духовной Академіи" № 5, 6.

Петровъ Н. И. Кіевская Рождество-Предтеченская или Борисо-Глёбская перковь. "Труды Кіевской Духовной Академіи" № 3.

Полинарповъ Н. Синодикъ святителя Митрофана. "Воронежскія Еп. Въд.". № 3.

Саввантовъ П. Описаніе Тотемскаго Спасо - Суморина монастыря и приписной къ нему Дъдовской Троицкой пустыни. "Вологодскія Еп. Въд.". № 7—8. Савеловъ Л. М. Синодикъ Боршевскаго монастыря (Коротоявскаго уёзда). "Воронежскія Еп. Вёд.". № 4.

Сергієвскій Н. Ф. Одно изъ неизданныхъ писемъ Филарета, митрополита Московскаго. "Душеполезное Чтеніе", № 7.

Серебрениковъ В. Кіевская Академія съ половины XVIII-го въка до преобразованія ея въ 1819 году. "Труды Кіевской Духовной Академіи" № 6.

Серно-Соловьевичъ Ө. Ө. Святитель Лаврентій, епископъ Туровскій (Историческая замътка). "Минскія Епарх. Въд." № 3.

Сиворцовъ Н. Московская Церковная Старина. Церкви: преподобнаго Михаила Малеина на Туренинскомъ дворъ, у Туренинскихъ, Тургеневскихъ богадъленъ — дворцовая ружная; Николая Чудотворца въ Кіевцъ; Воскресенія Христова (Стараго). "Московскія Церковныя Въдом." № 23, 24. Уничтоженныя домовыя церкви Пречистенскаго сорока № 26.

Титовъ Ө. И. Московскій митрополить Макарій Булгаковъ. "Труды Кієвской Духовной Академіи". №№ 2, 4, 6.

Григорій архим. Письма и резолюціи Филарета митрополита Московскаго. "Душеполезное Чтеніе", № 6.

Келліи митрополита, впоследствій патріарха Филарета Романова (1605)

ИЗЪ БУМАГЪ И ПЕРЕПИСКИ ГРАФА НИКОЛАЯ ПЕТРОВИЧА ШЕРЕМЕТЕВА ').

Распоряженія по Придворной Конторъ.

1.

Денабря 31-го дня 1796 года.

Его Императорское Величество, по разсмотрвній въ сервизной хранящихся сервизовъ, высочайше указать соизволиль пижеписанные сервизы употреблять: 1) Золотой сервизъ для трона. 2) Золоченый для торжественныхъ дней. 3) Большой покупной сервизъ для большихъ столовъ. 4) Первый новый сервизъ для собственной Его Величества персоны. 5) Парижскій сервизъ для Александра Павловича. 6) Второй новый сервизъ для Константина Павловича. 7) Находящійся въ Царскомъ Сель сервизъ везть сюды и употреблять для великихъ княженъ. 8) Для расходовъ первый и второй С.-Пбургскіе сервизы. 9) Для Гатчинскаго, 10) для Петергофскаго, 11) для Навловскаго дворцовъ особые сервизы.

Сверхъ сего указать изволилъ: 1) Чтобы всв сервизы раздълены были, какъ выше показано, и никогда одинъ съ другимъ не мъщать; чего гдв доставать не будеть или что испорчено, исправлять вновы. 2) Ежели дворцоваго серебра для вышепоказаннаго раздёленія будеть недостаточно, то изъ числа присланныхъ изъ намъстничествъ выбравъ лучшіе и употребить, куда слідовать будеть, для дополненія. 3) Пэв фарфоровой посуды фигуры, употребляемыя на столь, выбрать тоже лучшія и при экстраординарныхъ случаяхъ и во время высочайшаго пребыванія въ Эрмитажь оныя употреблять каждую или двъ педъли съ перемвною, дабы однъ всегда употреблясмы не были. 4) Ливрейныхь олужителей четырехъ или пяти человъкъ, находящихся при камеръ-орейлинъ Аниъ Степановнъ Протасовой 2), оставить по прежнему, но въ штатъ ихъ не числить, а числить сверхъ комплекта. 5) Въ церемоніальные и праздничные дни на хоры безъ билстовъ никого не пускать; а тв билеты раздаваны будуть по разсмотрению господъ гофмаршаловъ. Подлинное за подписаніемъ графа Віельгорскаго.

II. 80

PROCEIN APXEES 1896.

^{&#}x27;) См. выше, стр. 305.

³) Въ втой милости могло участвовать ходатайство графа Ө. В. Растопчина, женатаго на одной изъ племяницъ А. С. Протасовой. П. Б.

2.

Генваря 2-го дин 1797.

Его Императорское Величество всемилостивъйше оставляеть при фрейлинъ Катеринъ Ивановиъ Нелидовой придворныхъ служителей на таковомъ же основаніи, какъ у камеръ-фрейлины Анпы Степановны Протасовой съ ношепіемъ придворной ливреи, которую и будутъ получать, какъ первые, такъ и другіе отъ двора. Графъ Віельгорскій.

3.

Въ С.-Петербургъ, Генваря 3-го дня 1797.

Въ силу апробованнаго отъ насъ въ 30-й день Декабря минувшаго 1796 года придворнаго штага, всемилостивъйше повелъваемъ
камергерамъ, находящимся при любезномъ сынъ нашемъ паслъдникъ
цесаревичъ великомъ князъ Александръ Павловичъ: графу Феликсу
Потоцкому, графу Василью Мусину-Пушкину-Брюсу и Сергъю Ланскому; при супругъ его высочества великой княгинъ Елисаветъ Алексъевнъ: Алексъю Ададурову, Ивану Тутолмину и князю Егору Голицыну; при любезномъ сынъ нашемъ великомъ князъ Константинъ Павловичъ: Матвъю Толстому и князю Ивану Гагарину, да при супругъ
его высочества великой княгинъ Аннъ Федоровнъ: Василью Олешеву
и князю Пиколаю Вяземскому быть въ четвергомъ классъ. Павелъ.

4

Генвари 22-го для 1797.

Его Императорское Величество высочайше указать изволиль нажодящимся въ Эрмитажъ профессорамъ *) отпускаемый столъ и пр. продолжать впредъ, пока они тамъ пробудутъ. Графъ Вісльгорскій.

5.

Его Императорское Величество высочайше указать соизволиль, дабы отнынъ впредъ на всегда, во время высочайшаго Ихъ Императорскихъ Величествъ присутствія, придворными должностями для прі-уготовленія кушанья и прочаго возимо Невской воды не было, а употреблять оную всегда такую, какая гдъ имъется. Графъ Вісльгорскій.

Марта 11 двя 1797.

Въ Волданкъ.

4

Въ Январъ 1801-го года, въ Тульскомъ имънін графа Н. II. Шереметева Серебряныхъ Прудахъ произопили безпорядки. Имъніемъ управлялъ графъ Алексъй Сергъевичъ Шереметевъ, большой лошадникъ и

^{*)} Т. е. профессорамъ живописи и ваявія. П. Б.

плохой хозяинъ. Открылись злоупотребленія; туда направлены ревизоры, и между ними некій князь Мамеевъ. Результатомъ ревизіи оказалось открытое сопротивление. Зачинщиковъ отправили въ Петербургъ, п обо всемъ доложено графу Николаю Петровичу, крайне огорченному случившимся. На требованія мірь строгости онь отвіналь: «Сіи, думаю, совершенно невиноваты. Я желаю и прошу сколько можно всёхъ пріохотить изъявлять свои нужды и неудовольствія... Повидимому не правъ былъ князь Мамеевъ. «Стараться сколько можно, пишетъ графъ Николай Петровичь, уговорить князя, чтобъ сколько возможно быть въ наказаніяхъ человъколюбиву и отнюдь палками никого не наказывать, чёмъ немалую пріятность мнё сдёлаеть. Я слышу, что князь горячъ; но какъ онъ и благоразуменъ, то я и не сумнъваюсь, чтобъ онъ не захотвлъ моимъ правиламъ последовать... Мое намерение дать вездъ волю жаловаться и нигдъ остановки не дълать, въ чемъ и пикакому начальнику запрещать не можно. Въ противномъ случав я подозрю начальника, имъющаго дурныя намъренія.

Къ Н. В. Шереметевой.

Милостивая государыня Наталья Владимировиа.

Съ чувствительнъйшимъ прискорбіемъ получилъ я извъщеніе ваше о кончинъ брата вашего и любезнаго мнъ родственника, Никодая Владимировича, привязанность коего ко мнъ въ продолженіе жизни сго содълываетъ навсегда памятникъ въ чувствіяхъ сердца моего. Раздъляя вмъстъ съ вами скорбь сію, не могу вамъ подать инаго совъту, какъ, повинуясь опредъленіямъ Вожіимъ, терпъливо сносить печальвашу. Я же, за удовольствіе поставляя продолжать свойственническую привязанность и искреннъйшее къ вамъ мое расположеніе, остаюсь навсегда съ истиннымъ почтеніемъ гр. Ш.

15 Mapra 1801.

Къ А. Л. Нарышкину.

Милостивый государь мой Александръ Львовичъ.

На письмо в. в. отъ 15-го сего Іюня честь имъю сообщить, что по бытности моей оберъ-гофмаршаломъ объявлено мить было словесно отъ Брена (Brenna) высочайшее Его Императорскаго Величества повельние о допущение его осмотръть всъ кладовыя, какъ въ Петербургъ, такъ и въ Царскомъ Селъ находящися, дабы, въ сходственность высочайшаго повельния Его Императорскаго Величества, взять мъры къ выбору изъ того для Михайловскаго замка и для всякаго другаго употребления. Но какъ я, прежде нежели допустить его къ тому, дол-

гомъ почель узнать о томъ върнъе, то посланною къ нему отъ меня запискою и требоваль подробнаго изъясненія, на которую Ноября 23-го дня 1797 года и получилъ отъ него письменно, чтобъ допустить его, по силъ высочайшаго Его Императорскаго Величества повельнія, къ осмотру всего, которое подлинное письмо на Французскомъ языкъ, бывъ отъ меня препровождено въ Придворную Контору къ исполнению, и должно непремънно храниться при камерцалмейстерскихъ дълахъ; во исполнение чего и предписано было камерцалмейстерскому главному комиссару г-ну Герасимову, чтобы г-на Брена къ осмотру допустить и дать ему обо всемъ свъдъніе, какіе же сорты уборовъ и мебелей отобраны имъ будутъ, не отдавая ему, репортовать въ Придворную Контору. А потому, были-ль отобраны Бреномъ изъ Царскаго Села нъкоторая часть мебелей, которая, сколько, когда и куда отпущено и принято, было-ль о томъ обстоятельное свъдъніе и росписки, должно быть при камерцалмейстерскихъ дълахъ; ибо отъ меня комиссарамъ было предписано и всегда подтверждаемо, чтобы безъ письменныхъ приказовъ и росписокъ никому и ничего отпюдь не отпускать. Но если нужно будеть по сему дальнъйшее изследование, то сверхъ изъясненныхъ здёсь могу я доставить в. в. такіе документы, которые, бывъ мною сохранены въ подлинникъ, могуть еще достаточиве подтвердить нужное по сему предмету свъдъніе; о чемъ чрезъ сіе извъстя, честь имъю пребыть съ истиннымъ почтеніемъ навсегда, милостиваго государя моего, в. в. покорнъйшій слуга гр. Ш.

18 Іюня 1801.

Къ Державину.

Милостивый государь мой Гаврила Романовичъ.

Въ Межевомъ Сената департаментъ подходитъ къ слушанію діло сестры моей родной графини Варвары Петровны Разумовской о землъ въ Саратовской губ., принадлежащей къ вотчинъ ел, смежной съг-номъ Огаревымъ. Я пользуюсь благопріятнымъ ко мнъ расположеніемъ в. пр. и осмѣливаюсь, влагая у сего записку, покоривйше просить о неоставленіи законнымъ благоразсмотрѣніемъ вашимъ сего дѣла и той справедливости, которую пріятнѣйшимъ удовольствіемъ поставлять изволите отдавать при всякомъ случав. Чувствительность же благодарности моей копечно останется навсегда въ душѣ моей при томъ искреннемъ почтеніи и совершенной предапности, съ каковыми честь имѣю быть, милостивый государь мой, и пр. гр. Ш.

22 Ima 1801.

Au landgrave regnant d'Hesse-Darmstadt, à Darmstadt*).

Votre altesse sérénissime.

Il me serait impossible d'exprimer toute la reconnaissance dont je suis pénétré pour le ressouvenir flatteur, dont vous avez bien voulu m'honorer par votre dernière lettre, que m'a remis monsieur le baron d'Oyen, avec lequel je me suis fait un véritable plaisir de lier connaissance, tant pour ses qualités personnelles, que parce qu'il est l'envoyé de votre altesse sérénissime, qui m'a comblé autrefois de ses bontés. Comme mon unique but en ce moment-ci n'est que de vous témoigner combien j'y suis toujours sensible, ainsi qu'aux nouvelles marques de votre bienveillance, je vous supplie d'agréer l'assurance du respectueux attachement qui remplit à jamais mon coeur et que votre préciouse amitié y a si bien gravé. Daignez me la conserver et être persuadé, votre altesse sérénissime, que je fixe l'époque où j'ai eu l'honneur de faire sa connaissance au nombre de mes plus heureux jours.

C'est avec les sentiments du plus profond respect et de la considération la plus distinguée que j'ai l'honneur d'être etc.

S-t-Pétersbourg, le 15 Juin 1801.

Къ графу А. К. Разумовскому.

По свойству дружбы считаю нужнымъ здѣсь вамъ напомянуть, что графъ Кирила Алексѣевичъ паходится здѣсь въ службѣ, бывъ съ прочими камергерами назначенъ въ герольдію и потомъ отставленъ. И думаю, вы о семъ происшествіи извѣстны. И слышу, что онъ находится здѣсь; но только я его нигдѣ не вижу и не встрѣчаю, о чемъ за пужное почитаю васъ увѣдомить, бывъ всегда искренно къ вамъ приверженъ. Гр. III.

30 Іюля 1801.

Къ А. Л. Нарышкину.

Милостивый государь мой Александръ Львовичъ.

Къ крайнему сожалънію моему, по разстроенному здоровью моему, долженъ будучи употреблять лъкарства, лишаюсь я способовъ имъть счастіе пріъхать въ Гатчино къ наступающему 12-го числа торже-

^{*)} Ландграфъ Людвигъ, ученикъ барона Гримма и прінтель Гёте, жившій у насъ въ Россіи, когда выходила замужъ за Павла Петровича сестра его, и за тъмъ обрученный женихъ будущей императрицы Маріи Өсодоровны, которой Фридрихомъ Великимъ приказано было въ 1776 г. отъ него отречься. Онъ умеръ въ 1830 году, когда его родной внучкъ (пашей императрицъ Маріи Александровиъ) было шесть лътъ отъ роду. П. Б.

ственному дню ¹), почему, въ надеждъ благопріязненнаго расположенія в. в., покоритис прошу, если надобность встрътитея, благосклонно охранить меня, изъяснивь сей печальный случай, по которому не могъ я пріткать, чъмъ чувствительно обязать изволите пребывающаго всегда съ истиннымъ почтеніемъ и преданностью гр. III.

Р. S. Хотя и не имъль чести получить письмо в. в., которымъ согланаться изволили на отдачу нажа Зайцова въ пенсіонъ къ Бильдерлингу; но какъ я зналъ, что прежде по желанію вашему оставленъ онъ быль до окончанія наукъ при матери его, соображаясь сему, я надъялся чрезъ то сдълать вамъ пріятное и согласилъ Бильдерлинга принять вмъсто его изъ другихъ назначенныхъ мною пажей; почему и остались, какъ онъ по прежнему въ своемъ домъ, такъ и Бильдерлингъ, довольными.

10 Севтибря 1801.

Къ архимандриту Мельхиседеку.

Высокопреподобный отецъ архимандритъ, милостивый государь мой. Благодарю васъ, высокопреподобный отецъ, за писаніе отъ 21 Декабря; благодарю васъ также и за угощеніе и за бестду, которая, время, проведенное мною съ вами, содълала для меня пріятнымъ, полезнымъ. Пріязненное расположеніе ваше мит интересно, и такъ прошу васъ продолжать его. Съ моей же стороны будетъ соблюдено все то, чти только можно поддержать таковую вашу наклонность. Примите мою благодарность за приложенную при письмт вашемъ бумагу, за привътствіе съ наступающимъ торжествомъ и за таковое же поздравленіе съ симъ истинно-великимъ праздникомъ Церкви и встать Христіанъ, сознающихъ свои слабости.

17Декабря 1801.

Къ Д. П. Трощинскому.

Милостивый государь Дмитрій Прокофьевичъ.

Я имъть честь получить въ почтенномъ писаніи ко мнѣ вашего высокопревосходительства высочайшее благоволеніе, изъявленное въ разсужденіи переименованія Александра Львовича Парышкина въ одинъ со мпою чипъ 2). Будучи преисполненъ чувствами искренней благодарности моей къ таковому милостивому монаршему списхожденію, буду я спѣщить самъ повергнуть себя къ стопамъ всемилостивъйшаго Государя Императора. А между тѣмъ покорнъйше прошу представить Государю Императору мою всеподданнъйшую благодарность, которую

Какое торжество было въ Гатчина 12 Сентя бря 1801 года, не знаемъ. П. Б.

³) Т. е. оберъ-гоомаршаломъ. П. Б.

во всей мъръ чувствъ монхъ пріемлю. При семъ случат свидътельствую чувствительную благодарность и къ в. в. за лестное увъреніе принямаемаго во мит участія и, привыкши быть съ вами откровенну, не могу я скрыть, что слухи, дошедшіе о сей перемтительны и такъ, что я, приготовясь уже тхать, остановленъ былъ сею неожиданною встртчею. По монаршее благоволеніе успокоило мон чувства, хотя кажется, что трудно будетъ двумъ совмтетникамъ прочно оставаться въ одномъ мъсть; конечно, одинъ другаго постарается выжить, а особливо тотъ, который долженъ ожидать заступить мъсто старшаго. По, со встить усердіемъ соображаясь волъ Государя мосго, молчу и охотно буду исполнять угодное, имъя честь допести, что я, какъ только можно будетъ скорте, отправлюсь къ моей должности и думаю, что на будущей педълъ буду уже въ пути. Гр. Шереметевъ.

26 Декабря 1801 (Москва).

Къ графу Н. А. Толстому.

Милостивый государь мой графъ Николай Александровичъ.

Удостоясь чрезъ посредство в. с. получить всемилостивъйшее дозволеніе остаться для исправленія дель монхъ въ Москве до перваго вимияго пути, льстилъ я себя, что, конча ихъ, буду столь счастливъ, что съ наступленісмъ новаго года успъю еще самъ дично принесть всеподданивишее мое поздравление всемилостивыйшему Государю Императору, какъ долгъ, истинною приверженностью внечатавваемый. По при всемъ спышномъ стараній моемъ ощущаю я собственную поміху, будучи по печаяннымъ обстоятельствамъ удержанъ столь много домашними ділами *), что не могу никакъ возвратиться къ новому году, въ чемъ не менъе и наступившій еще педавно путь миъ препятствоваль; почему покориваще прошу в. с., повергнувь меня къ стопамъ Государя Императора и Государыни Императрицы, принести мое усердивйшее поздравление съ паступившимъ повымъ годомъ; а я вслъдъ за симъ не помъшкаю уже и самъ отправиться къ моей должности и -отоя дином приведений признательной привеженности, сторыми преисполненъ я къ монаршимъ милостямъ.

26 Декабря 1801 (Москва).

Къ князю А. Н. Щербатову.

Милостивый государь мой князь Андрей Пиколаевичь. Вы, я думаю, сътуете на меня, что я, не простясь съ вами,

^{*)} Передъ тъпъ графъ П. П. только что женился на быпшей своей кръпостной эктрисъ. П. Б.

увхаль изъ Москвы; по в. с. извъстно, сколь много я люблю васъ и сколь много къ вамъ привязанъ. Вообразите себъ ту непріятность, которую, какъ вы, такъ и я должны были чувствовать, разставаясь. Чтобы избъгнуть сего, я увхалъ, не увъдомивъ васъ о днъ моего отъъзда, не простясь съ вами. И вотъ причина сего поступка моего, которая, думаю, что для васъ будетъ достаточна и по тому болъе, что я не простился и съ ближними моими родственниками. Гр. Н. Ш.

8 Января 1802.

Къ Н. П. Квашниной-Самариной.

Милостивая государыня моя Настасья Петровна.

Поставляя особливымъ удовольствіемъ угождать вашему высокопревосходительству, за честь вміниль бы себі и при семъ новомъ случать едінать истинное доказательство усердія моего къ вамъ; но саман невозможность: во первыхъ, потому что пажъ Квашнинъ-Самаринъ, къ которомъ участіе принимать изволите, по спискамъ числится 38-мъ человіжомъ сверхъ комплекта; а во вторыхъ, имізя высочайнее подтвержденіе поміщать въ комплекть и представлять въ выпуски пажей пепремінно по старшинству ихъ вступленія въ пажи, отнимастся у меня способъ при всемъ искрепнемъ желаніи тімъ вамъ услужить. По первый удобный случай конечно употреблю я на исполненіе вашей воли, желая тімъ на самомъ діль подтвердить истинное почтеніе и преданность, съ коими и пр.

19 Февраля 1802.

Къ митрополиту Платону.

Высокопреосвященный владыко, милостивый мой архипастырь. Чувствуя душевное движеніе, позволяющее мив относиться къ вамъ во всёхъ пріятныхъ для меня въ жизни сей случаяхъ, побужденъ пынь я тёми же чувствіями искрепной привязанности моей къ вашему высокопреосвященству сказать вамъ и о самомъ несчастномъ случать, собывшемся со мною по возвращеніи изъ Москвы. Съ самаго почти въвзду моего въ Петербургъ, чувствовалъ я небольшую простуду, насморкъ и кашель, который много меня безпокоилъ. Сіс понудило меня поставить на лівой лопатків, немного пониже плеча, Шпанскую муху, которая худо подійствовала и не нарвала, какъ должно. Нісколько дней спустя, на томъ місті, гді была муха, показалась какъ бы нівкоторая сынь и нісколько прыщей, которые потомъ, слившись вмістів, сдівали родъ карбункула, въ діаметрів вершка на два, который мучиль меня несказаннымъ образомъ и нарываль весьма медленю. Паконецъ

дней черезъ 12, государевъ операторъ Виллій почель необходимостью сдълать операцію и 27 числа Февраля разръзаль окръплый сей нарывъ кресть на кресть, отчего сделались две раны длиною почти въ четверть и глубиною болве вершка, въ которыя и понынв кладутся корпіи. Дней 10 сряду послъ операціи не имъль я отдыху оть боли. Не удовольствуясь тъмъ, напослъдокъ выръзана была вонъ и вся окружность сей разръзанной уже части, отчего уже и по сіе время еще страдаю; но, благодаря Всещедраго Бога, кажется, ивсколько боль стала утихать, и рана, очищаясь, приходить въ желаемый порядокъ. Въ такомъ горестномъ положении провождая дни мои, съ умиленнымъ сердцемъ молю я, что Боже мой, вскую оставилъ мя еси далече; но возложилъ упованіе мое на Него Единаго. Увъренъ я, что, по благопріязненному расположенію ко мив вашему, пожалвив о несчастім мосмъ, присоедините и вы ваши моленія ко Господу о писпосланіи на меня всещедрой милости во облегчение мучительнаго страдания. Впрочемъ, прося о продолжении ко мит благорасположения вашего и пожелавъ вамъ отъ искреннъйшаго сердца добраго здравія и всякаго благополучія, остаюсь навсегда съ истиннымъ высокопочитаніемъ и таковою же преданностью, высокопреосвященнъйшій владыко, милостивый мой архипастырь, в. в. покорно искреннъйшій слуга гр. Николай Шерсметевъ.

17 Марта 1802.

Къ Московскому доктору Фрезе.

A monsieur de Frese, docteur à Moscou.

Monsieur.

Je vous félicite de tout mon coeur avec les fêtes de l'âques et désire que vous les passiez le mieux possible; en même temps je vous prierai de vouloir bien m'envoyer la recette de cette médecine qu'on appelle Voditchka, dont je fais usage depuis bien longtemps, et cela d'après votre ordonnance. Quant à moi, je vais aussi bien que mon état peut le permettre et me réserve le plaisir de vous entretenir de ma maladie, de ses suites et de tout ce qui a rapport à elle aussitôt que mes forces me le permetteront. En attendant, je suis avec l'estime la plus parfaite, monsieur, votre etc.

S-t-Pétersbourg, le 14 Avril 1802.

Къ внязю И. М. Долгорукому.

A monsieur le prince Dolgorouki, gouverneur de la ville et du gouvernement de Vladimir.

Mon cher cousin.

Les liens de parenté, ainsi que les sentiments que je vous connais, m'encouragent à vous demander justice pour mes paysans du gouvernerment de Vladimir que l'ispravnik Sélivanoff vexe à tout bout de champs. Veuillez bien vous intéresser à leur sort, les protéger contre les chicanes qu'on leur fait et être persuadé que rien ne pourrait me pénétrer de plus de reconnaissance. En même temps, me louant d'avance de pouvoir m'adresser à vous, je vous prie de croire avec les sentiments de la considération la plus parfaite, mon prince, votre très humble serviteur et cousin c. S.

Pavlovski, le 11 Juin 1802.

Къ О. А. Малиновскому *).

Высокопреподобный отеңъ протојерей, милостивый государь мой. Каждое письмо ваше читаю я съ новымъ чувствомъ удовольствія. Живая истипа, говорящая въ разсужденіяхъ вашихъ, потрясая пріятно нѣжные души моей первы, даетъ мив чувствовать въ полной мѣрѣ, какимъ благоговѣніемъ, почтеніемъ и, ежели можно сказать, сыповнею приверженностію обязанъ человѣкъ Богу Всемогущему, Его премудрости, отеческому милосердію, и представляетъ мнѣ какъ бы передъ глаза ничтожность терпимыхъ нами скорбей, которыми Всемогущій, испытуя крѣпость нашу и повиновеніе, яко человѣколюбивый Отеңъ, исправляеть педостатки наши и готовить въ ложѣ Авраама успокоеніе.

Такъ, справедливы слова ваши: върою должны мы оживлять себя въ прискорбіяхъ; она есть неизсякаемый источникъ, изъ котораго проистекаеть цълительный нектаръ, могущій усладить всякую скорбь душевную и тълесную человъка; въ ней видимъ мы, что десница Всемогущаго поражаетъ насъ не въ пагубу, но въ исправленіе.

Последнія строки письма вашего подають мив поводь сказать здёсь пекоторыя свои мысли. Кому предоставлено пыне совершенное право говорить истину, кроме особь, посвятивших жизнь свою на служеніе Богу? Кто кроме ихъ можеть и должень сообщать ее, не смотря на распространеніе и видь ея одежды и на состояніе того, кому она сообщается? Свёть, кажется мив, изгналь сей священный дарь Пеба изъ своего общежитія и не почитаеть его тою существенною своею принадлежностью, которая должна руководствовать имъ во

^{*)} Осодора Ависентісвичь Малиновскій (родомь изъ Сиоленска), протоїсрей церкви Св. Тронцы въ Тронцкой слободь (близь ныпьшняго митрополичьи подворьи на Самотекь), быль катихизаторомь Московскаго университета и пользовалси ебщимь уваженіемь. Изъ сыновей его Василій—первый директорь Царскосельскаго лицен, Алексьй, сенаторы и начальникъ Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дълъ. Третій Павель Осдоровичь, поздиће запимался дъльми по опект падъ имуществомь малольтинго графа Дмитріи Николаевича Шереметева. Представителемь этой даровитой и почтенной, семьи пынъ Автоній Ивановичь Малиновскій, внукъ Василія Осодоровича, служещій въ Московь по судебному въдомству. П. Б.

всёхъ его поступкахъ, во всёхъ движеніяхъ. Люди очень часто и почти всегда налагаютъ на себя несносное иго—говорить, соображаясь съ обстоятельствами и сковывать языкъ свой и мысль цёнями предразсудковъ. Пускай сіи строки мон умертвятъ то мнёніе, которое прочель я въ концё письма вашего; а первыя доставятъ мнё удовольствіе читать и впредъ письма ваши, исполненныя нравственно - пріятныхъ разсужденій, въ которыхъ находить утёшительное занятіе остающійся навсегда съ истиннымъ почтеніемъ, любовію и совершенною преданностью, препоручая себя въ молитвы ваши, милостивый государь мой, вашего высокопренодобія покорный слуга гр. Шереметевъ.

P. S. (собственноручно).

Бесъдовать съ вами, читать ваши письма, всегда почитаю я пріятнъйшимъ для менн чувствованіемъ, и не допустилъ бы я никого вмъсто меня писать, если бы силы мои могли быть къ тому способными; но еще сила моя въ немощахъ находится. По подтвердить мое къ вамъ почтеніе и дружество наше всегда готовъ и не почувствую усталости.

22 Ман 1802.

Къ графу И. П. Салтыкову.

Милостивый государь графъ Иванъ Петровичъ.

Почтенное письмо в. с. отъ 15-го сего Мая я имфлъ честь получить и къ сердечному сожальнію видьль изъ него, что покоривйшая просьба моя принята была за настоящую жалобу, о которой я никакъ не помышляль, потому болье, что не знаю навърно, справедливо ли крестьяне мои просили; а потому прибъгаль я къ в. с. единственно въ надеждв на родственную связь и благосклонное расположение, удостоение коихъ было всегда для меня лестно, а не съ тъмъ, чтобы искать формальнаго удовольствія, но по чувствіямъ искренней преданности къ вамъ моей думаль испросить одного милостиваго обстоятельства в. с. по свойству, а не по правиламъ начальствующей власти.

Что же принадлежить до г-на инспектора, генерала оть кавалеріи и кавалера Степана Степановича Апраксина, присутствовавшаго во время ученія, то сіе узналь я только по письму в. с. и еслибы могь оное предвидіть, то конечно не имізль бы повода и безпокоить в. с., будучи въ полномъ увітреніи, что гдіт присутствіе его, тамъ неминуемо всякій порядокъ и защита совокуплены. Да и собственная связь знакомства нашего, съмалыхъ літь продолжающаяся, боліте еще въ томъ могла бы меня удостовітрить.

Но при всемъ томъ спѣшу я свидътельствовать в. с. искреннъйшую признательность за благосклонное объщаніе въ пособіи, которое пріемля новымъ знакомъ благорасположеніе ко мить в. с., прошу принять и увтреніе истиннаго почтенія и пр.

22 Ман 1802.

Къ оберъ-прокурору Св. Синода графу Д. И. Хвостову 1).

Милостивый государь мой графъ Дмитрій Ивановичь.

- Доброе расположение ваше пріятнымъ дъластъ мить всякій случай, которымъ могу я пользоваться оказать вамъ услугу, почему не останавливаюсь прибъгать и съ моею просьбою къ в. с. о помъщеніи куда можно по духовнымъ правленіямъ стараго моего сослуживца, который, бывъ при мить съ малыхъ лѣтъ, напослъдокъ отпущенъ отъ меня и былъ уже опредъленъ въ Университетской типографіи, оттуда отставленъ канцеляристомъ; но, желаи имъть какое нибудь мъсто подъ начальствомъ в. с., полагаетъ всю надежду на благодътельное пособіе ваше. Ему нужно одно мъсто, а въ жалованы надобности пътъ. Почему чувствительно одолжить изволите меня, сдълавъ добро сему человъку. И же съ истинъмъ почтеніемъ и предацностью остаюсь павестда, м. г. м., гр. III.
- P. S. Павсегда обязаннымъ почтусь, если в. с. не отвергнете мое прошеніе; крайне меня тъмъ одолжите.

31 Man 1802.

Къ А. О. Малиновскому.

Милостивый государь мой Алексъй Өедоровичъ.

Изъ письма вашего отъ 5-го Мая вижу то стараніе, которое вы принимаете въ вспомоществованіи миж при построеніи госпиталя и приношу вамъ благодарность.

Мое мижніе отпосительно подрядчиковъ: собравъ ихъ пъсколько человъкъ и сдълавъ между ними торгъ, отдать построеніе госпиталя тому, кто дешевлъ возметь и върнъе работникъ. Но 15% дать со ста хота и есть выгода та, что скоръе и върпъе пойдетъ работа; по лишняя переплата процентовъ, для которыхъ подрядчикъ, желая большаго интересу, въроятно будетъ стараться употребить больше суммы, имъетъ также свои невыгоды 2).

Прошу васъ, подумавъ о семъ замъчаніи моемъ, сказать свои мысли. Ваше попеченіе о семъ строеніи, давая мив въ полной мъръ себя чувствовать, удаляєть всякую мысль о томъ, что вы поскучаете

¹⁾ До вакой степени дъла церкви были пренебрежены въ то врсия, свидътельствуется тъмъ, что графъ Хвостовъ, посмъщище общества, невъть подобдавшии своими нелъпыми стихами, былъ оберъ-прокуроромъ Св. Сипода. П. Б.

²) Рамь идеть о постройка великольшиаго здація Шереметевскаго Страниопрівинаго дома, въ Москва у Сухарсвой башии, И. Б.

таковыми моими препорученіями, и мит остается только, пожелавъ видъть сему благое окончаніе, пребыть навсегда съ истиннымъ почтеніемъ и таковою же преданностью.

Р. S. Прасковья Ивановна свидътельствуетъ вамъ свое почтепіе и напоминаетъ о тъхъ зубныхъ капляхъ, которыя вы объщали.

Батюшкъ совершенное свидътельствую почтение и прошу не забыть меня въ своей памяти и дружбъ, которою я дорожу, а за старание привести строение къ началу очень благодарю. Не поскучайте продолжать оное. Я много разъ бываю нездоровъ и теперь сижу въ своемъ домъ въ Павловскомъ, поставилъ Ипанскую муху и весело терилю.

1юнь 1802.

Къ графу С. Р. Воронцову *).

Милостивый государь мой графъ Семенъ Романовичъ.

По жеданію в. с. я даль уже приказаніе, чтобъ выдать столовыя деньги нажамь Пелидовымь, радуясь, что нашель случай доставить вамь малос сіе удовольствіе. Пм'єю честь быть навсегда съ истинымъ почтеніемъ и таковою же предацностью, милостивый государь мой, в. с. гр. ПІ.

9 Септября 1802 года.

Къ племяннику графу К. А. Разумовскому.

Милостивый государь графъ Кирила Алексвевичъ.

По желанію вашему приказаль я мужикамъ сдёлать шалаши для спугиваныя тетеревей и чтобы не препятствовали разставить силки для довленія волковъ. Что же до поправленія конюшин принадлежить, то самую нужную поправку прошу приказать сдёлать подъ собственнымъ вашимъ распоряженіемъ, не рубя свёжаго лёсу, а няъ валежнику, котораго въ дёсахъ много. Желая во всемъ, въ чемъ только можно, сдёлать в. с. пріятнос, остаюсь павсегда съ пскреннею преданностью в. с. гр. III.

24 Септибря 1802.

Къ Державину.

Милостивый государь мой Гаврила Романовичь.

Пользуясь всегда благопріятствомъ в. в. и искавъ всегда пріобрасть себъ пріязнь вашу, съ совершеннымъ удовольствіемъ обращу я особенно вниманіс на пажей Окуневыхъ и постараюсь узнать ихъ короче; всякой удобный случай конечно не упущу употребить къ ихъ пользъ. По какъ нынъ по высочайшему повельнію дълается новое по-

^{*)} Прівзжавшему тогда въ Пстербургъ изъ Лондона. Сестра покойной жены его, Анастасія Алекевевна, ур. Сенявива (мать графини М. В. Адлербергъ), была за Василіемъ Ивановичемъ Нелидовымъ. П. Б.

ложеніе всего Пажескаго корпуса, то что можно будеть найтить при томъ къ ихъ выгодамъ, не оставлю я предварительно извъстить в. в., соотвътственно истинному почтенію и преданности, съ коими имъю честь остаться навсегда, милостивый государь мой, в. в. гр. III.

26 Сентября 1802.

Къ князю И. М. Долгорукову.

Милостивый государь мой внязь Иванъ Михайловичъ.

Несчастія погорѣвшихъ Васильевскихъ крестьянъ моихъ побуждаетъ меня покорнѣйше просить в. с. воззрѣть благосклонно на ихъ состояніе и облегчить жребій поверженныхъ случаемъ въ нищету позволеніемъ вашимъ расположить строеніе вновь домовъ согласно съ ихъ выгодами. Сіе приму я одолженіемъ себѣ и новымъ знакомъ той родственнической пріязни вашей, которою прежде имѣлъ я удовольствіе пользоваться, пребывая всегда съ прежнимъ почтеніемъ и преданностью, милостивый государь мой, в. с. гр. III.

2 Октября 1802.

Къ графинъ Разумовской.

Милостивая государыня моя сестрица Варвара Петровна.

Дружеское письмо ваше отъ 25 Августа получилъ и со всею бы охотою далъ вамъ требуемый совъть; но какъ вамъ самимъ извъстно, я въ такихъ дълахъ никогда не бывалъ посредникомъ, то и теперь не могу ничего болъе сказать кромъ, что вы по совъту графа Алексъя Кириловича и по руководству своей же воли можете сдълать распредъленіе, какъ найдете за лучшее. И л очень увъренъ, что вы, будучи матерью, истинно и безъ пристрастія любящею дътей своихъ, наблюдете въ сему случаю также равновъсіе, которое удалить всъ поводы къ неудовольствіямъ. Что же принадлежить до села съ деревнями, то удержать ихъ у себя можете безъ всякихъ непріятныхъ для себя предположеній.

Р. S. Прошу положить на мысляхъ, что если думаете имъ какія деревни сдълать и какое дълается постановленіе, меня увъдомьте. Если долго не отвъчалъ, то меня не было дома: я жилъ въ Гатчинъ и въ Павловскомъ.

15 Сентября 1802.

A madame la comtesse de Lieven, dame d'honneur de Sa Majesté l'Impératrice, dame de la grande croix de S-te Catherine et gouvernante des Grandes-Duchesses, à Gatchina.

Madame.

En vous témoignant beaucoup de reconnaissance pour la commission dont vous avez bien voulu vous charger, je prie votre excellence

de me faire part: quels sont à peu près les dessins qui peuvent convenir à leurs altesses impériales les Grandes-Duchesses; sont-ce simplement des têtes ou bien des petits tableaux comme ceux de Fragonard, Gerard, de Marne et autres dans leur genre? Veuillez bien m'en informer et me croire avec les sentiments de la considération la plus parjaite etc.

S-t. Pétersbourg, le 16 Octobre 1802.

Къ графу А. К. Разумовскому.

Милостивый государь мой графъ Алексей Кириловичъ.

Пріятное письмо ваше отъ 2-го текущаго съ сердечнымъ удовольствіемъ моимъ я получилъ. Могу увърить в. с., что участіе, интаемое мною въ судьбъ любезныхъ дочерей вашихъ, происходить не только по впечатлъніямъ родственнымъ, но и той искренней привязанности, которую всегда имъю я собственно къ вамъ. Съ пыпъпнею же почтой писалъ я къ графинъ Варваръ Петровиъ о сообщеніи вамъ намъренія ея въ разсужденіи графини Варвары Алексъевны 1. Но какъ при ономъ расположеніи должны входить въ предметъ и другія дъти ваши, то и неудобно мнъ отсюда въ томъ се соглашать, а надежиъйшимъ и скоръйшимъ средствомъ признаю, чтобы в. с., чрезъ кого заблагоразсудите, узнали чрезъ сношенія мысль ея; сообщите при томъ и собственныя ваши расположенія. Такимъ образомъ скоръе можетъ сіе приведено быть къ желаемому концу 2). Впрочемъ прошу принять увъреніе истиннаго почтенія и пр.

27 Октября 1802.

Р. S. Не жалью нимало труда, ни старанія въ исполненіи, всдущемъ къ спокойствію и благу дьтей вашихъ; но сіе-то самое стремленіе останавливается тьмъ, что не могу я положить шикакой награды
или положенія, зависящаго единственно отъ милосердія родителей. Почему думается, пужно имъть кого изъ такихъ людей, чтобы нашли
средство, отбирая волю вашу и сестры, согласить намъренія ваши во
едину желаемую цьль. Нашъ раздыть быль таковъ, что прежде какой
свадьбы раздылены были и такимъ образомъ, что какъ часть сына,
такъ и дочерей были сравнены единственно условіемъ и замышою
однаго имънія другимъ встрычающимся недостаткомъ, о чемъ и п
сестрь писаль и еще писать не премицу.

^{&#}x27;) Выходившей въ то время замужъ за князя Пиколая Григорьевича Волконскаго, которому присвоено было ими дъда его по матери княза И. В. Репнина. И. Б.

²⁾ Родители невъсты жили въ это время врозь. И. Б.

A mademoiselle la comtesse Barbe de Razoumovski, demoiselle d'honneur de Sa Majesté l'Impératrice, à Batourine en Ukraïne.

Ma chère nièce.

En vous réitérant tous mes souhaits pour votre bonheur, je recommande à vos soins le sort de la comtesse Grégoire de Razoumovski, dont la situation est on ne peut plus affligeante. Si vous pouvez lui être de quelque utilité auprès du comte votre grand-père, intéressez le en sa faveur et ne laissez point échapper les occasions de pouvoir la rendre plus heureuse. Dans ce moment-ci, que vous allez contracter de nouveaux liens avec la société et qui assurément est le plus essentiel de votre vie, il est indispensable de s'attirer sur soi les bénédictions du Ciel et commencer une nouvelle carrière par de bonnes oeuvres. Au reste je connais très bien votre façon de penser pour ne point être persuadé des soins que vous donnerez à cette affaire. En même temps je vous prie de me croire avec les sentiments de la plus inviolable amitié, ma chère nièce, votre affectionné oncle etc.

De S-t. Pétersbourg, le 10 Novembre 1802.

Ръчь идеть о несчастной графина Генріета Разумовской, которую покинуль и опозориль мужъ ен, сынъ гетмана, графъ Григорій Кирилловичъ Разумовскій. См. подробности въ "Русскомъ Архиви" 1895 года. П. Б.

A monsienr le baron de Stroganoff, maréchal de la cour. chambellan actuel et commandant de l'ordre souverain de S-t Jean de Jerusalème à Koudrovo.

Monsieur le baron.

C'est avec une véritable satisfaction que j'ai eu le plaisir de recevoir votre lettre et que je profite de l'occasion que vous me procurez de rendre un faible hommage à l'humanité. Veuillez donc bien avoir la complaisance de remettre les cent roubles ci-joints à l'infortuné, au sort du quel votre âme compatissante prend tan d'intérêt, et croyez que je ne ferai point de difficulté de me rendre à votre seconde prière, concernant Sa Majesté l'Impératrice-Mère, si ma mauvaise santé n'y mettait obstacle et ne me contraignit de garder la chambre. Au reste conservez moi une place dans votre amitié et agréez l'assurance de la parfaite considération de celui qui se dit etc.

S-t. Pétersbourg. le 15 Novembre 1802.

Къ обергофмаршалу графу Толстому.

Милостивый государь мой графъ Николай Александровичъ.

Влагорасположеніе ко мить в. с. подаеть мить свободу прибъгнуть съ моею покорнтйшею просьбою о неоставленіи меня пріязненною помощію въ такомъ случать, гдт самая необходимость моя, соединяющая съ подкртвиненіемъ слабаго состоянія здоровья моего, заставляеть меня васъ безпокоить. Мить нужно по предписацію медиковъ употреблять портеръ; почему чувствительное одолженіе оказать мить пзволите, когда при удобномъ случать повергнете къ стопамъ Его Императорскаго Величества всеподданнтично просьбу мою о позволеніи выписывать мить изъ Англіи небольшое количество для собственнаго только употребленія моего свтжаго портеру всякой годъ. Таковая монаршая милость, можеть быть, подкртнить здоровье мое.

Опущение же благодарности къ сему одолжительному пособно вашему оставить на всегда въ чувствихъ монхъ то истипное почтение и совершенную преданность, съ каковыми непремънно остаюсь и пр.

16 Декабря 1802.

*

A monsieur Hyvard, musicien du Grand-Opéra de Paris, à Paris, rue. . . . chez le Vitrier № 300.

Monsieur.

Ne pouvant que me louer du succès avec lequel vous avez toujours rempli mes différentes commissions, je me fais un véritable plaisir de m'adresser présentement encore à vous et vous prier de m'envoyer le plutôt possible les partitures des opéras suivants et nomement dans le gonre sérieux: Adrien de Méhul, de Gretry, Hécube, Astianax, les Mystères d' Isis de Mozart, et puis en fait d'opéras comiques: le Trompeur trompé, l'Epreuve d'un beau-père, Stratonice, Elisa ou la Tendresse maternelle.

Je joins à cet effet 2000 r. à la présente, et vous m'obligerez beaucoup, si vous voulez bien m'envoyer en même temps tout ce qu'il peut y avoir de plus joli et de plus nouveau en fait de bijouterie, comme tabatière, montre, chaîne etc.

Je compte sur vous et me dis avec l'estime la plus parfaite, monsieur, votre affectionné c. S.

S-t Pétersbourg, le 3 Janvier 1803.

II. 81

РУССВІЙ АРХИВЪ 1896.

Къ императрицъ Елисаветъ Алексъевнъ.

A Sa Majesté l'Impératrice Élisabeth Alexievna. Madame.

Les sentiments de bienfaisance qui caractérisent Votre Majesté Impériale m'enhardissent à lui faire l'aveu d'un mariage que j'ai contracté le 6 Novembre 1801, et que le déplorable état, où je suis, m' a jusqu' à présent mis dans l'impossibilité de venir lui déclarer de vive voix. Permettez, Madame, que j'ose solliciter vos bontés pour celle que l'Église a rendu ma légitime épouse et qui. après m'avoir donné un fils, baptisé sous le nom de comte Dimitri, est tombée dans un état désespéré. La famille de ma femme est d'origine polonaise, et l'éducation qu'elle a reçue par ma tante, la princesse Dolgoronki *), dans la maison de mon père, ainsi que ses qualités personnelles, l'ont réellement rendu digne de mon attachement, de toute mon amitié. Daignez, Madame, honorer de votre auguste bienveillance la comtesse Prascovia Ivanovna, mon épouse, en donnant un libre cours aux sentiments de cette humanité touchante qui fait depuis longtemps mon admiration et celle de tous vos sujets. C'est sur elle que fonde son espoir celui qui se dit avec la soumission la plus parfaite et le plus profond respect, Madame, de Votre Majesté Impériale le très humble, très obéissant servitenr et sujet c. Nicolas Chéréméteff.

Le 22 Février 1803.

Писано накануна кончины графия Прасковые Ивановиы.

Къ Д. П. Трощинскому.

Милостивый государь Дмитрій Прокофьевичь.

Имъя особой важности письмо къ Государю Императору, покорно прошу поднесть оное Его Императорскому Величеству. Остаюсь впрочемъ съ истинымъ почтеніемъ и таковою же преданностью, и пр.

Феврали 22-го дня 1803 г.

Къ императору Александру Павловичу.

Всемилостивъйшій Государь.

Горестное и крайне несчастивйшее положение мое не лишаломеня еще надежды имъть счастие самому изъяснить Вашему Импера-

^{*)} Книгиня Мареа Михайдовна Долгорукая (род. 1700 г.), дочь графа Миханла Борисовича Шереметева, старшаго сына фельдиаршила и Евдокія Григорьевны Нарышкиной, вдова княяя Алекси Михаиловича Долгорукаго. Она жила до кончины своей въдом'я двоюродного брата своего графа Петра Борисовича Шереметева, и подъ ея надворомъ воспитывались ученицы для домашняго театра. П. Б.

торскому Величеству, что я соединенъ священными узами брака п что сего Февраля 3-го дня Богъ даровалъ мив сына и наслъдника графа Димитрія; но отчаянное состояніе жестокой бользии жены моей, графини Прасковыи Ивановны, при дверяхъ гроба находящейся, заставляетъ меня, не отлагая, чрезъ сіе открыть Вашему Императорскому Величеству, что я точно обвънчанъ 6-го Ноября 1801 года въ Москвъ, въ церкви Сумеона Столпника на Поварской, по всъмъ священнымъ обрядамъ, на что имъю и ясныя письменныя удостовърснія.

Жена моя, графиня Прасковья Ивановна, воспитана въ домѣ отца моего съ отличностью и чрезъ нѣжныя мои объ ней попеченія образовала себя по чувствамъ приличнѣйшимъ нынѣшнему ея состоянію.

Знавъ возвышенность просвъщенія и человъколюбія Вашего, всемилостивъйшій Государь, отдаленъ я той мысли, чтобъ заслужить неблаговоленіе ко мнъ ваше, состоящее въ томъ, что парушилъ установленіе придворнаго порядка и не доложилъ о томъ предварительно; и для того. упадая къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества, дерзаю въ горести моей испрашивать одной милости, чтобы осчастливить и подать мнъ отраду хотя единымъ начертанісмъ священнаго слова, что сіе не противно волъ вашей, но можетъ удостосно быть и благоволительнаго принятія.

Всемилостивъйшій Государь, Вашего Императорскаго Величества върноподданнъйшій графъ Шереметевъ *).

Къ Ростовскому архимандриту Амфилохію.

Честивний отецъ Амфилохій, милостивый государь мой.

Уже не о томъ радостномъ приключеній, о которомъ недавно писалъ я къ вамъ, почтеннъйшій отецъ, извъщу въ строкахъ сихъ; но скажу, что къ чрезмърной скорби души моей графиня моя Прасковья Ивановна сего Февраля 23 числа кончила дражайшую для меня жизнь свою. Смущенный печалію духъ мой въ единомъ только Богъ полагаетъ надежду свою и утъшеніе, умоляя Всевышияго о водвореній души ея въ въчное блаженство и о подкръпленій чрезвычайно разстросшаго моего положенія. Умоляю васъ, какъ друга, не о томъ, чтобы вы печалились вмъстъ со мною, ибо знаю совершенно, что вы, обитая духомъ въ Богъ, предпочитаете блаженную въчность мірскімъ сустностямъ; но, чтобы воззръвъ на слабости человъчества, были ходатаемъ

^{•)} Императоръ Александръ Панловичъ отозвался благосклонно на это трогительное ваявленіе, что видно по письму графа Николая Петровича въ сестръ его (см. ниже). Какъ отнеслась въ неравному браку виператрица-мать, намъ неизвъстно. П. В.

у престола Всевышняго и гроба святыхъ мощей великаго угодника Его Димитрія о подкръпленіи упавшаго моего духа и о водвореніи души усопшей во блаженствъ праведниковъ, въ чемъ имъю вадежду, вспоминая о жизни покойной графини и ея приверженности къ святой религіи, и увъренъ я при томъ, что вы прольете къ Творцу теплыя о ней свои молитвы. Пребываю навсегда съ совершенною преданностію, почтенный, честнъйшій отецъ, милостивый государь мой, покорнъйшій слуга графъ Шереметевъ.

Къ Н. Н. Бантышу-Каменскому.

Милостивый государь мой Николай Николаевичъ.

Пользуясь съ давняго времени знакомствомъ вашимъ и зная пріязнь вашу къ сестрѣ моей графинѣ Варварѣ Петровнѣ, не обинулсь, влагаю здѣсь письмо на имя ея, въ которомъ увѣдомляю о недавно случившемся со мною, крайне разительномъ для меня горестномъ приключеніи и, опасаясь, чтобы она не подумала, что со мною лично что нибудь случилось, покорно прошу ваше превосходительство принять одолжительный для меня трудъ, доставить ей письмо мое, приготовя ее къ тому прежде, сколько можно. А между тѣмъ сообщу вамъ тоже самое, что сказано и въ письмѣ къ сестрѣ. Намъ Богъ даровалъ сына и наслѣдника графа Димитрія. Но при самомъ началѣ сего благополучія моего поразило меня совершенное несчастіє: графиня моя сего же Февраля 23-го числа кончила драгоцѣцную для меня жизнь свою. Оплакивая теперь горестную участь свою, нахожу въ Богѣ единое свое утѣшеніе, и въ увѣренности, что вы примете въ несчастномъ положеніи моемъ соучастіе, пребуду и пр. гр. П. Ш.

Къ графинъ В. П. Разумовской.

Милостивая государыня моя, сестрица графиня Варвара Петровна. Поставляю долгомъ своимъ увъдомить васъ, что я соединился священными узами брака прошлаго 1801 года Ноября 6-го дня въ Москвъ по обряду нашей религіи и на сей бракъ получилъ, какъ отъ Государя Императора, такъ и отъ всей высочайшей фамиліи, благоволительныя подтвержденія; а 3-го числа сего Февраля мъсяца жена моя графиня Прасковья Ивановна, урожденная Ковалевская, разръшилась отъ бремени, и миъ Богъ даровалъ сына и наслъдника графа Димитрія. Но къ совершенному моему несчастію сего же Февраля мъсяца 23-го числа графиня моя скончалась. Имъя мучительную горесть единственною спутницею, не нахожу силъ сказать здъсь ничего болье, кромъ что я съ истиннымъ почтеніемъ и преданностью остаюсь върный вамъ всегда и совершенно преданный другъ, брать и покорнъйній слуга.

Собственноручная приписка: Пожальй о мнв. Истинно я внв себя. Потеря моя непомърная. Потерять достойный шую жену и въ покойной графинь Прасковы Ивановнь имъль я почтенія достойную подругу и товарища. Копчу горестную ръчь. Остаюсь графъ Шереметевъ. 26 Февраля 1803.

Къ барону Корфу.

A monsieur le baron de Korff, conseiller privé à Mitau en Courlande Monsieur le baron. Les témoignages d'amitié de v. c. pendant son dernier séjour à S-t Pétersbourg me sont autant de garants de la part qu' elle prendrait à ma douleur en apprenant le décès de mon épouse la comtesse Prascovia Ivanovna, morte le 23 Février après m'avoir donné un fils, bâptisé sous le none de comte Dimitri. Cette perte, je vous l'avoue, m'est bien sensible; car je perds en elle une amie tendre, une compagne fidèle, qui ne s'est occupée toute sa vie qu'à me rendre heureux. Ce tribut que je dois à sa mémoire semble en quelque sorte alléger mes peines et surtout quand c'est dans le sein d'un ami tel que v. e. que je puis épancher mon coeur. Assurement qu'il donnera quelques larmes à celle qui n'a pas eu le temps de se faire bien connaître, mais qui n'en avait pas moins d' attachement pour vous, monsieur le baron, après toutes les preuves d'amitié que vous avez bien voulu lui donner. C'est ce dont je peux avoir l' honneur de vous assurer, ainsi que des sentiments de la considération la plus parfaite de celui qui se dit etc.

S-t Pétersbourg, le 26 Février 1803.

Къ князю Маврокордато *).

A son altesse le prince de Maurocordato, ci-devant hospodar de Moldavie et de Valachie, à Moscou.

Mon prince.

L'amitié que vous m'avez toujours témoigné m'enhardit à vous tracer l'état déplorable où je me trouve par la perte de mon épouse la comtesse Prascovia Ivanovna, qui quelques jours encore avant sa mort m'a laissé pour gage de son amour un fils bâptisé sous le nom de comte Dimitri. Connaissant vos sentiments, je suis persuadé que vous daignerez partager mes peines et regretterez avec moi celle qui ne s'est occupé pendant toute sa vie qu'à me rendre heureux. Je l'ai épousé le 6 Novembre 1801 et puis vous assurer, mon prince, que je n' ai en qu'à me louer d'avoir uni nos destins ensemble: car j'ai trouvé à la fois en elle une amie tendre, une compagnie fidèle et une

^{*)} Превосходный поисной портреть этого князи находится подъ Москвою во Всссвятскомъ, въ домъ генерада Софъяно. П. Б.

épouse rare. Le tribut que je paye à sa mémoire et que j'arrose de mes larmes est enfin la seule consolation de celui qui se dit etc.

S-tPétersbourg, le 2 Mars 1803.

Къ Е. И. Нелидовой.

A mademoiselle de Nélidoff, demoiselle d'honneur de Sa Majesté l'Impératrice, dame de l'ordre de Ste Catherine et directrice de la Communauté de Smolna.

Mademoiselle.

Connaissant vos sentiments d'humanité, je suis persuadé que vous ne trouverez point mauvais que je me rappelle à votre souvenir par rapport à la jeune personne pour laquelle vous avez bien voulu vous intéresser l'année passée. Comme le terme est venu que je dois prendre soins de son sort, je prie donc v. e. de m' indiquer comment je puis lui être utile et de croire que je n'aurais pas manqué de venir moimême à cet effet si une longue suite de malheurs ne m' avait enfin réduit à un état déplorable en me privant de mon épouse, la comtesse Prascovia Ivanovna. Cette perte qui m'est plus sensible que je ne pourrai l'exprimer, ne me laisse d'autre consolation que de participer au bonheur d'autrui. C'est pourquoi je m'adresse à vous, mademoiselle, comme à une ame bienfaisante et à la protectrice de l'innoconce, pour vous prier de me dire si je peux accomplir ce désir soit à la Communauté, soit à l'Institut de S-te Catherine. Offrez moi, de grâce, toutes les occasions possibles de faire du bien, et je vous serai redevable de la seule jouissance qui me reste. En attendant, j'ai l'honneur de me dire avec la considération la plus distinguée etc.

le 2 Mars 1803.

Къ Ирару.

Hyrard — давий и постоянный Парижскій корреспонденть графа ПЦереметека, обнирная переписка съ нимъ по музыкальнымъ и театральнымъ дъламъ еще началась при графа Петръ Борисовичъ.

Monsieur.

J'ni en le plaisir de recevoir votre dernière lettre et suis fort sensible à l'empressement que vous m'avez témoigné pour les tableaux dont je vous avais chargé de m'envoyer une note. Je regrette de ne pouvoir en profiter, car la perte de mon épouse que je viens de faire tout récemment m'est trop douloureuse pour penser à quelques acquisitions quelconques; puis comme je compte aller voyager *), je me réserve

^{*)} Намъреніе не состоявшееся. П. Б.

alors de faire moi-même des achats d'après mon goût; mais en cas que ce projet ne peut avoir lieu et que j'eusse besoin de quelque chose, c'est assurément toujours à vous que j'aurai le plaisir de m'adresser.

En attendant je suis avec la plus parfaite estime, monsieur, votre dévoué.

S-t Pétersbourg, le 16 Mars 1803.

Следующимъ лицамъ отправлены были письма съ извещениемъ о кончине графини Прасковьи Ивановны:

Его высокоблагородію Александру Владимировичу Шереметеву.

Василію Владпипровичу Шереметеву.

Его сіятельству графу Алексью Сергьевичу Шереметеву.

Михайлъ Сергъевичу Шерсметеву. Алексъю Кириловичу Разумовскому.

Ея превосходительству Федосыв Осдоровыв Ушаковой.

Елисаветь Оедоровнъ Заборовской.

Аграфенъ Өедоровнъ Заборовской.
 Варваръ Өедоровнъ Голохвастовой.

Киязю Ивану Өедөрөвичу Касаткину-Ростовскому.

Василію Алексвевичу Урусову.

Графия Катерин Петрови Строгановой.

Князю Юрію Никитичу Трубецкому.

Ивану Дмитріевичу Трубецкому.

Николаю Никитичу Трубецкому.

Ивапу Никитичу Трубецкому.

Графу Ивану Петровичу Салтыкову.

Князю Ивану Михайловичу Долгорукому.

Ел превосходительству Елисаветь Павловив Поликарновой.

Графинъ Аннъ Павловиъ Каменской.

Его превосходительству Андреяну Андреяновичу Лопухину.

> высокоблагородію Өедору Андреяновичу Лопухину.

> превосходительству Матвъю Оедоровичу Толстому.

Князю Ивану Николаевичу Трубецкому.

Иетру Семеновичу Урусову.

Михайлъ Петровичу Волконскому.

Его высокоблагородію Дмитрію Адамовичу Олсуфьеву.

Князю Александру Борисовичу Куракину.

Гаврилъ Петровичу Гагарину.
 Его в. Платону Өедөрөвичу Уварову.

Ивану Ивановичу Палибину.

Михаилу Михаиловичу Рахманову.

Иетру Александровичу Собакину.

Е. в. Андреяну Андреяновичу Фрезу.
Княжит Дарьт Николаевит Пербатовой.

Его высокопревосходительству Петру Оедоровичу Самарину.

Самарину приписано рукою графа Н. П. Шереметева:

Зная, какъ вы любили покойную жену мою, то долгомъ моимъ почитаю увъдомить васъ о совершенномъ моемъ несчастии. Пожалъйте:

я истинно все потеряль. Р. S. Милостивой государывъ тетушкъ Настасъъ Петровнъ свидътельствую искреннъйшее почтеніе и прошу извиненія, что горесть моя не допускаеть меня самого особо написать.

Всв извъщения отправлены 26 Февраля (1803).

Къ архимандриту Амфилохію.

Состручно: Помолитесь о человъкъ въ горести погруженномъ; истинно, нужна миъ ваша помощь. Желаніе мое одно, чтобы быть съ Богомъ, творить Его святую волю, оплакивать гръхи мои и получить спасеніе души моей. Сыну же моему прошу испросить здравіе и благо земное угодить Вогу, въ чемъ можете умолить. Прошу дать миъ въ письмъ вашемъ наставленіе къ пользъ души моей и къ утъшенію скорбью наказаннаго.

2 Марта 1803.

Къ митрополиту Платону.

Высокопреосвященнъйшій владыко, милостивый мой архипастырь. Кресть и сорочку для сына моего при письмъ в. в. имъль я удовольствіе получить и приношу чувствительнъйшую мою благодарность. Истинно, скорбь души моей такъ велика, что нъть утъщенія, которое спльно было бы и поколебать ее. Творець мой—единая моя надежда; прошу Его, чтобы Овъ даль силы къ перенесенію постигшаго меня песчастія и, можеть быть, временемъ исцъльюсь отъ душевной бользани, жестоко меня разслабляющей.

Покорно прошу в. в. не дишать меня спасительными наставденіями вашими, которыя теперь болье всего для меня нужны и которыя приму я съ совершенной благодарностью, имъя честь быть навсегда съ искреннъйшимъ почтеніемъ и полною преданностью, при порученіи себя и сына моего въ молитвы ваши, милостивый мой архипастырь, в. в. покорнъйшій и искреннъйшій слуга графъ Шереметевъ.

По чувствамъ душевной моей къ вамъ привязанности, откровенно скажу, что въ несчастіи моемъ много виноваты медики. Они дълали упущенія, таковыя, какъ никакая старая бабушка повивальная сдълать не въ состояніи. Впредъ предоставляю о семъ прислать подробное описаніе; повершу тъмъ, что безъ попущенія Божія ничего совершиться не могло. Но не меньше весьма я несчастливъ, что въ жизни сей потерялъ то, что никогда возвратить не можно. Душа моя безпрерывно страдаеть, но увъренъ на милость Божію, что когда не здъсь, то въ будущемъ не буду оставленъ, и вотъ чего единаго всегда желалъ и желаю. Не забудьте меня въ молитвахъ вашихъ; я немалую имъю нужду: душа моя весьма ослабъваетъ, и не встръчаю ничего къ спокойствію и утъшенію.

31 Марта 1803.

Къ П. О. Квашнину-Самарину.

Милостивый государь мой Петръ Өедоровичъ.

Получивъ отвътное письмо в. пр., узналъ и, что увъдомление о кончинъ покойной жены моей графини Прасковьи Ивановны, по новости и ощибкъ секретаря моего, отправлено было къ вамъ съ адресомъ въ Москву; и вижу, что сіе-то самое и было причиною, что и по сіе время лишался удовольствія читать строки, въ которыхъ теперешнее горестное положеніе мое находитъ нъкоторое утъщеніе. Проту васъ случившуюся разстановку времени не приписать чему либо съ моей стороны и быть увърену, что и, зная совершенно расположеніе ваше и любовь къ покойной женъ моей, поставлю васъ въ числъ первыхъ, съ которыми, относясь о случившемся со мною несчастіи, ищу облегчить скорбь, обременяющую мою душу.

Коль скоро разстроенность положенія моего позволить мит вытажать, не премину самъ быть у васъ, и когда угодно будеть в. пр. постить меня, пріятно мит будеть видть васъ въ домт своемъ, раздёлить время съ вами.

Тетушкъ свидътельствую мое почтение и прошу, когда будетъ проъзжаться, заъхать ко мнъ; а васъ я всегда съ удовольствиемъ искреннимъ принять готовъ. Повърьте, что я не лестно изъявляю все, что въ чувствахъ моихъ вкоренено.

16 Марта 1803.

Къ графу А. С. Шереметеву.

Милостивый государь мой графъ Алексей Сергевичъ.

Приношу благодарность мою за пріемлемое вами въ теперешнемъ состояніи моемъ, въ чрезмърной моей потеръ, участіє; крайне сожалью о бользни молодой графини и прошу васъ увъдомлять меня почаще о состояніи ея здоровья; для меня очень чувствительно всякое непріятное происшествіє въ семействъ вашемъ. За желаніе ваше быть со мною въ Петербургъ, раздълять печаль мою, покорно благодарю. Въ другое время принялъ бы съ немалымъ удовольствіемъ такое предложеніе ваше; но теперь, зная, сколь необходимо присутствіе ваше въ домъ для возстановленія здоровья молодой графини, не могу я этого требовать, ибо родительскія попеченія о дътяхъ ничто замънить не можетъ.

Посланный вами чай полученъ, и благодарю за доставленіе онаго. Впрочемъ съ моимъ къ вамъ почтеніемъ остаюсь, м. г. мой, в. с. пок. слуга гр. Шереметевъ.

Истинно тебъ скажу, что грусть моя чрезмърная, потеря неописанная, а потому самому и положение мое жалкое. Вамъ извъстно,

какъ и любилъ и чтилъ покойную жену мою графиню Прасковью Ивановну; по въ сей потеръ безвозвратной Одинъ помощію Своею не оставить; на Пего вся моя надежда и упованіс. Гр. III.

16 Марта 1803.

Къ В. С. Шереметеву.

Милостивый государь мой Василій Сергвевичъ.

Бользнь дупи моей все въ такой же силь, какъ была и при васъ. Наступившій праздникъ Пасхи живо представляеть чувствамъ моимъ прошедшее. Горесть жестоко обременяеть меня; а при таковомъ состояніи духа страждеть вмъсть и тъло. Воть что могу я сказать на письмо ваше отъ 17 Марта. Сынъ мой, слава Богу, здоровъ столько, сколько позволяеть это сказать теперешній его возрасть.

Татьянъ Ивановнъ приношу благодарность мою за пріемлемое въ теперешнемъ состояніи моемъ участіе.

Примите истинное поздравление съ торжествомъ Пасхи и желание вамъ всъхъ благъ и пр.

Април 6-го дия 1803 г.

Къ архимандриту Мельхиседеку.

Высокопреподобный отецъ Мельхиседекъ, м. г. мой.

Давно уже получиль я образь Св. Сергія. Скорбь души, жестоко меня обременяющая, не позволила до сего времени принссть мою благодарность. Примите ее теперь оть чистаго сердца приносимую вамъ. Пожальйте о случившемся со мною. Мъра несчастія моего велика, такъ велика, что едва достаеть силь переносить ее. Ослабъваеть разсудокъ. Одно упованіе на Бога подкрыпляеть меня; въ Немъ нахожу я единственное утышеніе и молю Его о подкрыпленіи упадшаго моего духа. Споспыпествуйте мны въ семъ, прошу васъ, своими молитвами; молите Творца о водвореніи покойной жены моей во блаженствы праведниковъ, о здравіи моего сына, который, можеть быть, можеть ныкогда утышить меня. Благодарность за сіе наполнить душу пребывающаго съ почтеніемъ къ вамъ того, который навсегда останется в. в. м. г. моего и пр. Р. S. Препровождаемую при семъ бездыку прошу принять знакомъ напамятованія обо мны.

Апрали 16-го двя 1803.

Къ Д. Л. Похвисневу.

Милостивый государь мой Дмитрій Любимовичь.

Отъ 26-го Марта письмо ваше я получилъ. Вижу то участіе, которое принимаете въ моей потеръ и скажу: она велика, такъ велика, что едва достаетъ силъ моихъ къ перенесенію постигіпаго меня несчастія. Я лишился всего, что было для меня любезнъйше, въ чемъ заключалось мое счастіе, и одна горесть осталась единственнымъ моимъ собесъдникомъ. Зная, сколь много любили вы покойную жену мою, хотълъ я приложить здъсь какую нибудь изъ ея вещей, которая служила бы вамъ памятникомъ объ ней; но, не нашедъ ничего по мысли своей пристойнаго, ръшился препроводить при семъ три тысячи рублей. Примите ихъ знакомъ того доброжелательства и любви, которыя покойная графиня моя безлестно къ вамъ питала, и будьте увърены, что я навсегда останусь съ почтеніемъ къ вамъ и преданностью, м. г. мой, пок. слуга гр. Шереметевъ.

Р. S. Хотя вы не имъете нужды въ томъ вамъ напоминать, но увъренъ, что вы меня не оскорбите и посланное оставите по желанію моему у себя. Хотя вы меня и разлюбили, но только не могу я вамъ умолчать, что я послъднимъ моимъ несчастіемъ пораженъ до безконечности и не нахожу возможности найти путь не только къ утьшенію, но лишенъ и навсегда спокойствія. Если вы продолжаете такъ хорошо въру сохранять, то пожальйте о моей участи; а о покойной женъ моей, хотя и временно вздохнувъ, помолитесь. Прекращаю опое писать: силы мить не позволяютъ. Увъдомьте меня о вашемъ здоровьть. Желаю вамъ отъ души вста благъ.

Апрвал 16-го дин 1803.

Къ Д. А. Олсуфьеву.

Милостивый государь ной Динтрій Адамовичъ.

Согласіе ваше на мою просьбу и принятый трудъ къ приказанію срисовать миніатюрную копію съ портрета покойной графини моей чувствительно меня одолжають и подають поводъ еще просить васъ, милостивый государь мой, о такомъ же приказаніи срисовать масляными красками другую копію, величиною подобную оригиналу, писанному еп разтеl, и какъ вы изволите замѣтить, что шишакъ, служащій украшеніемъ головы, близко подходитъ къ рамѣ, то, во избѣжаніе сего, въ копіи, которая будетъ писана масляными красками, покорно прошу приказать живописцу дать портрету такой видъ, чтобы шишакъ отъ рамы имѣлъ соразмѣрное разстояніе; нѣтъ нужды, хотя копія будетъ нѣсколько и болѣе подлинника.

Простите мнъ, что такъ много васъ утруждаю; истинно, увъренность въ благорасположени вашемъ ко мнъ, доказанномъ многими опытами, тому причина; а при томъ и несходство съ оригиналомъ, которое нашелъ я въ копіи, писанной масляными красками по приказанію А. живописцемъ Кипелемъ. Покорнъйше прошу приказать живописцамъ, которые будутъ работать, чтобъ сколько можно сберегли подлинникъ, писанный еп pastel, отъ поврежденій; ибо, какъ вамъ самимъ извъстно, писанное сухими красками отъ небреженія весьма легко можеть испортиться.

Къ генералу Гедувилю 1).

A monsieur le général Hédouville, envoyé extraordinaire de la République française à la cour de Russie, à S-t Pétersbourg.

Monsieur.

Je ne crois pouvoir mieux répondre aux témoignages flatteurs que j'ai reçu de votre part qu'en vous envoyant une copie du rescript et de l'oukaze de Sa Majesté l'Empereur, ainsi que du plan de l'établissement qui me les a fait obtenir.

Je mets au nombre de mes plus douces jouissances le sentiment que vous m'avez manifesté, en ne faisant qu'une seule et même nation de tous les coeurs sensibles.

J'ai l'honneur de me dire avec la considération la plus parfaite. Le 28 Avril 1803.

Къ графу А. Р. Воронцову(?)

Monsieur le comte.

Craignant de venir vous déranger au milieu de vos occupations et n'ayant point été assez heureux que de vous trouver à la maison, lorsque j'ai eu le plaisir de passer chez vous à plusieurs reprises, je crois ne pouvoir mieux faire que de m'adresser par écrit à votre excellence, puisque je me fais un devoir de la prier de vouloir bien s'intéresser à monsieur de Malinowski ') qui, dans l'établissement que Sa Majesté l'Empereur a daigné approuver en dernier lieu, m'a beaucoup aidé dans les détails et des arrangements que je ne pourrais faire seul, quoique le plan ait été fait d'après ma dictée, de sorte que les peines qu'il s'est donné méritent quelque encouragement, d'autant plus qu'il doit achever le bâtiment et mettre à l'exécution ce qui a été coufirmé. D'ailleurs je puis vous assurer que cet homme, aussi honnête que serviable, n'a été guidé par aucun motif d'intérêt, mais par pur honneur. Comme c'est une affaire qui est du domaine de votre excellence, je suis persuadé qu'en rendant justice à ma demande, elle aura trop à

¹) Графъ Габріель Теодоръ Іосифъ Гедувиль, извъстный усмиреніемъ Ванден, былъ полномочнымъ министромъ отъ Французской республики при нашемъ дворъ съ 1801 по 1804 годъ. П. Б.

²) А. Ө. Малиновскій уже тогда служиль въ Московскомъ Архивъ Министерства Иностранныхъ дълъ, которыго потомъ до конца своей живни былъ пачальникомъ. П. Б.

coeur d'encourager les personnes de mérite que j'ai le plaisir de recommander à ses bontés.

Dans cette persuasion j'ai l'honneur de me dire etc.

Le 3 Mai 1803.

Къ архитектору Депре*).

A monsieur Desprez, premier architecte de s. m. Suédoise à Stockholm.

Monsieur, j'ai reçu les plans et dessins que vous avez bien voulu m'adresser et je m'empresse de vous assurer qu'ils remplissent parfaitement mes intentions et ne peuvent qu' ajouter encore à la haute idée que je m'étais faite de vos talents. Vous ne pouviez rien me faire espérer de plus agréable que votre arrivée en Russie, où je me fais un plaisir d'avance de vous connaître personnellement. Acceptez, monsieur, comme témoignage de satisfaction et de reconnaisance, 3000 r. que je vous envoie; je me croirai heureux s'ils peuvent contribuer à hâter votre départ et rapprocher le moment qui doit amener en Russie un artiste d'un mérite aussi distingué que vous. En même temps je suis avec le plus parfait estime etc.

S-t Pétersbourg, le 1 Octobre 1803.

Къ графу Цукато.

A monsieur le comte de Zoucato, général-major, chevalier de l'ordre de S-t Georges de la 4-me classe et de celui du Mérite de Prusse, à Skloff.

Monsieur le comte.

Je suis pénétré de reconnaissance pour le choix que vous avez bien voulu faire de moi pour être le parrain de votre nouveau-né. En vous félicitant, ainsi que madame la comtesse, sur cet heureux évènement, j'aurais l'honneur de vous dire que j'accepterais volontiers le titre que vous voulez bien me proposer, si je ne m'étais pas fait un règle depuis longtemps de ne plus m'imposer des devoirs aussi essentiels que ceux du baptême et qui exigent des soins sacrés à tout égard. D'ailleurs, comme je me dois entièrement à l'éducation de mon fils unique, je ne puis prendre aucun engagement sans m'écarter de mon but et m'éloigner du plan que je me suis tracé. Aussi veuillez bien m'excuser sur l'impossibilité qu'il y a de me rendre à votre flatteuse invitation on

^{*)} Депре, Французскій живописець и архитекторь, быль приглашень Густавомъ III-мь въ Стовгольмъ, между прочимъ затъмъ, чтобы паписать картивы, изображающій Русско - Шведскую войну 1788 года. Ю. Б.

bien de prêter mon nom à cet effet, car cela reviendrait au même. En même temps je vous prie de me croire avec la considération la plus parfaite etc.

S-t Pétersbourg, le 17 Janvier 1804.

Къ Мельхиседеку, архимандриту Можайскаго монастыря.

12 Mag 1804.

Высокопреосвященный отець архимандрить.

Съ великимъ удовольствіемъ желаю служить в. в. не только книгами моей библіотеки, но и всёмъ тёмъ, что можетъ быть вамъ пріятно, еслибы къ сожалёнію моему не находились онё въ разстройкі: часть оной находится въ Петербургь, а всё лучшія книги и множество весьма рёдкихъ манускриптовъ хранятся въ Кусковъ въ ящикахъ, отъ коихъ печать и ключи имъю при себъ; не имъя тамъ библіотекаря, опасаюсь кому-либо ихъ повърить, дабы утрачены не были. Намъреніе мое есть собрать всё вмъсть, привести въ порядокъ и тогда съ удовольствіемъ моимъ предложить вамъ оными заниматься. Пользуясь симъ случаемъ, остаюсь гр. Ш.

Къ А. О. Малиновскому.

G Іюня 1804.

Не сумнитесь, что я къ вамъ такъ мало пишу; не причтите оное ничему иному какъ то, что я замученъ разнымъ (дівломъ) и при томъ боленъ и хоть кръпидся корпусъ, но начинаетъ давать себя чувствовать. Я пять дней пролежаль въ постель, ставиль мухи-кантариды в встаю съ постеди; но хотя не опасна бользнь, токмо мучительна, и мысли мои безпрерывно заняты потерею драгоцинаго друга, недостатка мною ощущаемаго во всей мъръ. Притомъ и болъзнь. И слава Вогу, я этимъ зачинаю быть доволенъ и не желаю перейтить въ положеніе никакой веселости. Маленькій вамъ кланяется своимъ манеромъ. Нарядиль я его въ Мальтійскій мундирь и вчерась, не пом'вшкавъ, новый кавалеръ обновилъ свой мундиръ - весь замочилъ; тъмъ все и кончилось; нужно другой шить. Истино, это пресмъшной кавалеръ; жалью, что вы его не видите. Не позабудьте приказать отдълать мою хижину въ Жихаревъ какъ можно теплъе, и желалось бы мив, чтобъ въ будущемъ году въ ней пожить. При томъ желаю вамъ истиню всего добраго и продолженія дружбы вашей. Повърьте, что я всю цвиу ея знаю. Гр. Ш.

Къ княгинъ Дашковой.

A madame la princesse de Dachkoff, dame d'honneur de LL. MM. II et dame de l'ordre de S-te Catherine de la première classe, à Moscou.

Princesse.

Après la lettre remplie de témoignages de votre précieuse amitié, je suis désolé au-dela de toute expression de ne pouvoir plus y répondre au gré de mes voeux et avec tout l'empressement que j'aurais de vous servir; puisque depuis la perte sensible que j'ai faite de mon épouse, Sa Majesté l'Empereur, en condescendant à ma prière, a daigné me dispenser du Corps de Pages pour le remettre entièrement sous la direction du général Klinger.

Je vous avoue, madame la princesse, que depuis que ce Corps n'est plus de mon département, ce n'est que pour la première fois que j'ai lieu de le regretter à cause qu'il me prive de la seule occasion qui peut se présenter de vous donner au moins une faible idée de mon respectueux et sincère attachement pour vous, comme pour ceux qui ont le bonheur de vous appartenir.

Veuillez bien en être persuadée et croire en même temps que j'ai trop à coeur tout ce qui peut vous être agréable pour oublier ce dont vous voulez bien me faire ressouvenir.

S-t Pétersbourg, le 14 Juin 1804.

Къ А. Ө. Малиновскому.

Милостивый государь мой Алексей Өсдоровичъ.

Какое получиль я письмо оть княгиии Анны Николаевны Долгоруковой *), конію при семъ препровождаю для усмотрінія вашего; надіюсь, что его содержаніе столько же вамъ покажется страннымъ, какъ и мнв. Претензія княгини состоить въ томъ, что будто бы родитель мой, получа имініе по наказу отъ діда моего (чему прошло уже около ста літь), выдавая въ замужество сестру свою, графицю Наталью Борисовну Шереметеву, не выділиль изъ педвижимаго имінія принадлежащей ей части.

Недовольно того, что, при жизни родителя моего, въ теченіе столькихъ лътъ, не было никакой отъ сестры его по сему дълу претензін; но и по кончинь его, я, вступая въ наслыдство, ничего касательно сего не слыхалъ. И такъ, цълое стольтіе проходя въ молчаніи, нынъ,

^{*)} Ур ожд. баронессы Строгановой, супруги извъстнаго стихотворца. И. Б.

къ удивленію моему, разсудила убъдить меня очищать совъсть отца и дъда моего, требуя возвращенія дътямъ ея имънія ея свекрови, не взирая, что я еще не родился во время, когда графиня Наталья Борисовна выходила въ замужество за князя Долгорукова, а потому дъло сіе покрыто для меня совершенною неизвъстностью, и предосудительно было бы съ моей стороны удовлетворить ея желанію и тэмъ оскорбить память родителя моего и поддержать возводимую на него клевету. Копію съ отвъта моего письма княгинъ при семъ придагаю, изъ коего усмотрите, что я, не ожесточаясь, старался только уклониться вступить въ ни съ какой стороны до меня непринадлежащее. Мив бы очень желательно было, чтобы приложенное при семъ письмо къ княгинъ вы вручили по знакомству ея съ вами; и ежели она сама вызовется и начнеть съ вами говорить касательно сего дела, то покорнейше прошу представить ей убъдительнъйшими словами, сколько чувствительны для меня приписываемыя ею укоризны къ почтенивищей памяти предковъ моихъ, и сколько бы странно было, ежели бы подумать я склонился на ея предложение и твиъ предъ всвии призналъ бы ложно приписываемый неправильный поступокъ отца моего и показаль бы его притязателемъ ему непринадлежащаго, въ чемъ безъ сумивнія оправдывають его честность и правдолюбіе, столько всемь уже известныя.

Дълаемыя мною пособія бъднымъ и созиданіе гофіппиталя и тому подобное, по изъясненію письма ел долженствующія непремънно подвигнуть меня къ возвращенію ей будто бы принадлежащаго, болье еще доказывають, что я, жертвуя собственнымъ своимъ ко благу другихъ, безъ всякаго принужденія, далеко отстаю отъ удержанія или присвоенія чужаго и готовъ бы былъ взойти въ состояніе дътей ел изъ одного человъколюбія, ежели бы не сама она отняла теперешнимъ случаемъ къ тому способы. Впрочемъ не сокрытно предъ Всевидящимъ окомъ намъреніе мое, съ какимъ приступалъ къ построенію гофіпиталя: я не имълъ цълію тіцеславіе, Богъ тому свидътель, слъдственно не оскорбляюсь никакими выраженіями на сей счетъ.

Въ заключение сего скажу согласно съ нею: по лѣтамъ ея предстоить она ближе другихъ къ дверямъ гроба; не удаленъ судъ вѣчности, гдѣ каждаго совѣсть обнажится; но я до тѣхъ поръ за грѣхъ поставляю себѣ быть судьею отца моего и принять за истину мрачную клевету, ищущую нарушать покой умершихъ.

Съ тъмъ только прошу васъ, по пріязни вашей, взять на себя трудъ вручить лично приложенное письмо княгинъ, ежели почтете сіе приличнымъ; въ противномъ случат прошу приказать отослать оное съ своимъ человъкомъ, и говорить съ нею тогда только, когда сама на сіе вызовется; а безъ сего почтетъ она, можетъ быть, обидою себъ, что кто либо посторонній свідомі о такомі странномі си требованіи. Весьма пріятно будеть миї, ежели о семі посовітуєтесь съ батюшкой. Можеть быть, оні знакомі и если она его столько чтить, какъ я въдуші моей, то не сомпіваюсь о пользі истины.

18 Ангуста 1804.

Къ Новгородскому и С.-Петербургскому митрополиту Амвросію.

Высокопреосвященнъйшій владыко, милостивый мой архипастырь. Въ 1803-мъ году Іюля 2-го дия, по просьбъ моей, милостиво изволили приказать принять въ Певской монастырь надгробный камень, который я для себя приготовилъ. Теперь, изготовя на оный мъдпую вызолоченную съ надписью доску, покоривйше прошу, высокопреосвященнъйшій владыко, соотвътственно всегданнему ко мит благорасположенію вашему, приказать и оную также принять для храненія при томъ же камит, чъмъ обяжете искреннъйше благодарностью имъющаго честь быть, съ совершеннымъ почитаніемъ и таковою же предапностью, милостивый мой архипастырь, и пр.

13 Сентября 1801.

Къ А. О. Малиновскому.

Мплостивый государь мой Алексъй Оедоровичъ.

Спъщу чувствительно благодарить васъ и почтешаго батюшку вашего за попечение и благоразумное миъ содъйствие представить въ пстинномъ видъ княгинъ, сколько требование ен было неосновательно. И сердечно радъ, что сіе, столько непріятное для меня дѣло, по наружности миролюбное окончаніе воспріяло. Ежели бы при присылкъ моей доставить ей выписку изъ выписи оть васъ полученной, то сіе еще болье послужило бы къ ен убъжденію. Не взиран на все сіе, оставиль бы, можеть быть, я подумать въ теперешнихъ обстоятельствахъ кыяжны, дочери ен; но она сама поставила меня въ такое положеніе, что сей поступокъ мой почтенъ уже будеть должнымъ къ очищенію памяти родителя моего, на что я никакъ согласиться не могу. Слова ен недостаточны дать иной видъ сему дѣлу. Я бы желалъ знать, какимъ образомъ располагается она сдѣлать приличный обороть къ исполненію своего желанія. Что касательно сего узнасте, покорно прошу не оставить увѣдомленіемъ.

Приписка: Отъ злонам'вренныхъ людей прошу остерегаться. Истипно малъйшая вамъ непріятность трогаеть меня чрезмірно.

15 Септября 1:04.

H. 32

РУССВІЙ АРАВВЪ 1896.

Къ Дювалю *).

A monsieur Duval à Paris.

Monsieur.

Les exemplaires de votre belle élégie, monsieur, me sont parvenus par la personne que vous avez chargé, et je les ai reçus avec une nouvelle satisfaction pour mon coeur et le plaisir que procure toujours chacun de vos ouvrages. Celui-ci surtout vous assure de toutes les âmes sensibles le tribut d'éloges que je me plais à en faire et qui est si bien du au talent qui vous donne un langage si noble, si touchant pour peindre la douce bienfaisance. Un de nos journaux, en annonçant cette production, dit qu'elle a été lue à la Société Philotechnique et en fait une mention aussi avantageuse que méritée.

Vous pouvez penser, monsieur, combien j'en ai été flatté monmême par le sentiment qui m'attache à l'ouvrage et à l'estime que j'ai pour l'auteur. Je ne puis non plus donner trop de louanges à la partie typographique et à l'exécution de l'ingénieuse vignette qui font une réunion d'avantages que je dois encore à vos soins. Un exemplaire aurait déjà été présenté à l'Empereur, si je ne voulais le joindre aux réglements de l'Hospice que j'ai fondé, mais qui ne sont pas encore imprimés, ainsi qu'aux dessins et plans des bâtiments que je fais graver pour Sa Majesté Impériale, qui recevra le tout ensemble.

Je suis extrêmement fâché de ne pouvoir vous faciliter les moyens de me faire parvenir les restes de l'édition et je m'en rapporte donc entièrement à vous sur le parti que vous préférerez: soit que vous profitiez du départ d'un courrier, ou par tout autre occasion que vous jugerez plus convenable. Acceptez, je vous prie, la lettre de change de 3000 r. que je joins ici, non comme témoignage de ma reconnaissance pour votre ouvrage pour moi innappréciable, mais comme un dédommagement des frais d'impression et autres dépenses qu'il aura pu vous occasionner. Je fais des voeux pour que votre santé devienne meilleure, vous rende au monde et aux lettres que vous honorez également par vos qualités personnelles comme par vos talents.

Je suis, monsieur, avec une considération distinguée votre très obéissant serviteur c. C.

25 Октября 1804.

^{*)} Извъстный въ свое время драматическій писатель и льбретисть, авторъ Элегія въ твин графини Првсковьи Ивановны Шереметевой: "А l'ombre de Prascovia. Elégie".

Къ нему же.

Monsieur.

Vous mettez à trop haut prix le témoignage de ma gratitude ainsi que les dédommagements que j'y ai ajoutés pour les frais d'impression dont vous avez eu la complaisance de vous charger.

Croyez, monsieur, que si je considère en vous l'homme de lettres distingué, je voue en même temps une estime toute particulière aux qualités précieuses de votre âme, ainsi qu' à toute celles qui vous sont personnelles et que j'ai su apprécier pendant le trop court séjour que vout fîtes ici. Je regrette beaucoup que les circonstances qui vous rappelaient dans votre patrie vous aient empêché de le prolonger. C'est pour vous en convaincre, monsieur, que j'agréie l'offre que vous me faites de la dédicace du premier ouvrage que le public devra à votre plume. Je serai véritablement glorieux de voir mon nom attaché à l'un des fleurons de votre couronne littéraire.

Continuez toujours, monsieur, à honorer à la fois les lettres et celui qui les cultive, avantages trop peu recherchés de nos jours et que je me félicite plus que jamais d'avoir rencontré en vous.

Письмо А. Дюваля.

Monsieur le comte.

C'est au plus tendre des pères, c'est à l'époux qui pieure encore sur la tombe de sa fidèle Prascovia, c'est au maître indulgent de nombreux serviteurs, heureux par ses bienfaits que j'ai cru devoir faire hommage de ma comédie du Tyran Domestique*). Je ne pouvais offrir un plus frappant contraste. Peut-être, monsieur le comte, vous répugnerez à croire qu'un tel caractère puisse exister; mais dussiez-vous en être affligé pour l'humanité, il n'est malheureusement que trop commun dans le monde.

Combien ne trouve-t-on pas de ces hommes qui, par un vice d'éducation ou de caractère, font le tourment de tous ceux qui sont obligés de vivre près d'eux? Comme écrivain dramatique, j'ai du m' emparer de ce sujet; j'ai du montrer tous les malheurs, les désordres mêmes qui résultaient pour une famille de cet humeur, de la tyranie du chef.

^{*)} Посвященная Николаю Петровичу книга "Le Turan Domestique on l'intérienr d'une famille". Paris, chez Vents, libraire, bonlevard des Italiens № 340, près de la rue Favart, au XIII (1805).

Ma pièce est donc morale, elle a donc un but utile.

Dans les moments trop courts que j'ai passés auprès de vons, monsieur le comte, dans un moment où votre âme ne pouvait contenir tous les regrets de la perte que vous veniez de faire, j'ai connu votre douceur, votre bonté inaltérable. Quelques larmes sculement s'échappaient de vos yeux, et jamais aucun nurmure ne sortait de votre bouche. Les douces maximes de la religion, la crainte d'affliger ceux dont vous êtes chéri vous forçaient à triompher de votre juste douleur.

Rendre heureux tout ce qui les entoure, voilà pour les âmes délicates la suprême félicité. Vous l'éprouvez sans doute, monsieur le comte, au milieu même des afflictions que vous ne devez qu'à l'ordre de la nature. Oui, vous êtes heureux par le souvenir du bien que vous avez fait, par l'espoir de l'augmenter encore. Vous êtes même heureux en lisant ces lignes que vous savez être l'expression de la plus vive reconnaissance.

Je suis avec respect Alexandre Duval.

Къ А. Н. Оленину.

4 Декабря 1804.

Милостивый государь мой Алексей Николаевичь.

Извъстное расположение в. пр-ва сдълать пособие испранивающимъ справедливаго покровительства служитъ миб пыне поводомъ предстательствовать о вручитель сего Николав Бемв, находящемся при мив съ давняго времени, котораго сынъ, будучи въ Московскомъ университетъ, по случаю отбытія сюда, не могь окончить начатыхъ имъ наукъ; просить о принятіи его въ подъ начальствомъ ваннимъ находящійся Юнкерскій Институтъ, въ число воспитанниковъ на казенное содержаніе; входя въ его положеніе, отягощенное большимъ семействомъ, покорно прошу в. пр-во оказать ему таковое благодъяніе.

Къ митрополиту Платону.

9 Денабря 1804.

Высокопреосвященный владыко, милостивый архинастырь.

Почтеннъйшее извъщение в. в. о милостивомъ дозволении имъть домовую церковь сестръ моей графинъ Варваръ Петровиъ подало миъ весьма лестную обязанность принести вамъ, м. арх., живъйшее чувствование благодарности за таковое внимательное къ просъбъ моей благорасположение. Касательно же Муроносицкой церкви, почитая пепременнымъ долгомъ выполнять волю всегда много чтимыхъ родителей моихъ, попечениемъ коихъ не оскудъвала никогда оная ни содержаниемъ, ни отправлениемъ богослужения, поставляю и нынъ себъ обя-

запностью се поддержать въ память ихъ, и для того съ удовольствіемъ монмъ готовъ опредълить содержаніе церковно-служителямъ; на устроеніе же ея лучшее—вкладомъ частію быть участникомъ. Усердивние прошу в. в. не оставить меня благосклоннымъ увъдомленіемъ, что нужно будеть сверхъ сего къ возстановленію ея приходскою и преподать къ оному способы, на что буду ожидать почтеннъйшаго отзыва вашего, чъмъ обязать изволите и пр.

Р. S. Довершите столь уже много сдъланныя мнъ вами милости и позвольте исполнить здъсь мною просимое. Любезнъйшей вашей илемянницъ посылаю отъ сына моего малую бездълку; прошу благосклонно оную принять.

Къ графу Павлу Александровичу Строганову.

25 Января 1805.

Monsieur le comte.

Il a été fait une omission dans la rédaction de l'état présentée à S. M. I. concernant l'Hospice dont je suis le fondateur.

A moi seul y sont attribués les différents secours et autres actes de bienfaisance qui font les bases de l'établissement, tandis que je n'ai été pour les principaux articles que l'exécuteur des volontés de feue la comtesse, mon épouse, ainsi que des dispositions qu'elle m'avait toujours manifestées, mais qui ne furent point énoncés dans l'état, honoré de la sanction de Sa Majesté l'Empereur.

Je dois à la mémoire de ma femme et pour rendre hommage à la vérité de ne rien négliger pour rétablir une mention, à laquelle sa modestie se serait refusée sans doute, mais que mon coeur réclame, comme un tribut mérité par les vertus et à la sensibilité compatissante de celle que j'ai perdu.

C'est à cet esset, monsieur le comte, que je désirerai pouvoir insérer dans le texte de l'état et des règlements de l'Hospice qui seront imprimés, la mention des volontés bienfaisantes que la désunte m'a exprimées. Si vous n'y voyez pas d'impossibilité, ou si, dans le cas contraire, votre caractère obligeant vous suggérait quelque heureux moyen de m'y faire autoriser formellement, j'en conserverai toute ma vie une reconnaissance égale à la parsaite considération avec laquelle je suis, etc. C. Chérémétess.

Къ Д. Л. Нарышкину.

Милостивый государь мой Дмитрій Львовичъ.

Касательно выхода изъ внутреннихъ покоевъ Государыни Императрицы Маріи Өеодоровны, не имъя никакого сгъдънія, върно извъ-

стить в. в. не могу; но ежели состояние здоровья Ея Императорскаго Величества позволить принимать благодарения завтрашний день, то непремённо буду имёть счастие васъ представить, пребывая съ истипнымъ моимъ почтениемъ, милостивый государь мой, и пр.

27 Генвари 1805.

Къ князю Чарторыжскому.

6 Февраля 1805.

Милостивый государь мой князь Адамъ Адамовичъ.

Свойство и благорасположение в. с. ко благу ближняго подають мит поводъ безпокоить васъ моею покоританием просьбою и препоручить въ милостивое покровительство ваше родственника моего, графа Өедора Михайловича Шереметева *), молодаго человъка, оставшагося послъ родителя своего почти спротою.

Имъл мать, удрученную уже лътами и бользнями, при тепереш нихъ ся лътахъ, желательно, дабы вступиль въ службу. Весьма счастливымъ бы почелъ онъ себя удостоиться служить Государственной Иностранной Коллегіи при Московскомъ Архивъ, болъе потому, что слабость здоровья оставшей родительницы въ Москвъ непосредственно къ тому его призываетъ.

Одолжительное расположение в. с. ко благу сего человъка раздълю купно и я чувствими искренией признательности моей, отличнаго по чтенія и совершенной предациости, съ которыми честь имъю остаться, м. г. м. гр. Н. Ш.

Къ і.ему же.

22 Февраля 1805.

Милостивый государь мой князь Адамъ Адамовичъ.

Нельзя болье чувствовать, сколько я нахожу себя обязаннымъ, за благосклоннъйшее обращение ваше къ моей просьбъ, опредълениемъ свойственника моего графа Оедора Михайловича. Бывъ влеченъ чувствими монми призхать къ в. с. и принесть достодолжную признательность мою, остановленъ я единственно зубною бользиью, отъ которой, вырвавъ зубъ, почувствовалъ послъ флюсъ, съ сильною опухолью, удерживающею меня появиться на воздухъ. Съ крайнею петерпъливостію выжидаю я перваго случая явиться къ в. с. и засвидътельствовать, сколь исполненъ я благодъяніемъ ко мнъ вашимъ, покорнъйше прося не лишить меня сего удовольствія и пр. Гр. Ш.

^{*)} Сыпъ графа Михавла Сергьсвича Шеремстева, когда-то "претендателя", проигравшаго свою тижбу объ имъніи при Екатеринъ; ради пего квязь И. М. Долгорукій и князь М. М. Щербатовъ относились враждебно къ графу П. Б. Шеремстеву и къ его сыну.

Къ князю Ө. П. Щербатову.

28 Феврали 1805.

Милостивый государь мой князь Өедоръ Павловичъ.

Спѣшу принести вашему сіятельству искреннъйшую благодарность мою за пріятное поздравленіе съ днемъ рожденія сына моего,
равно какъ и за присланный ему прекрасный подарокъ. Желаніе
ваше видъть его портретъ приписываю той привязанности и благорасположенію ко мнѣ, каковыя при всѣхъ случаяхъ оказывали. Не
умедлилъ бы оный вамъ доставить, но при теперешнемъ времени, съ
возрастомъ перемѣняющіяся черты лица, а притомъ и по ребячеству, и
двухъ минутъ остаться не можетъ на одномъ мѣстѣ въ одинаковомъ
положеніи. Сіе крайне затрудняетъ живописцевъ и дѣлаетъ сущую
невозможность имѣть схожій портретъ, что и удерживаетъ меня оный
вамъ объщать до нѣкотораго времени. Примите и пр. Гр. Ш.

Два портрета графа Д. Н. Ш. въ дътскомъ возрастъ имъются работы Наколая Аргунова. На одномъ изъ нихъ опъ держитъ въ рукахъ погремушку, подаренную ему Императрицей Маріей Өеодоровной.

Изъ переписки съ А. О. Малиновскимъ.

1.

19 Іюля 1804.

Милостивый государь мой Алексъй Өедоровичъ.

Дайте мив знать, какъ можно угомонить графа Воронцова въ недъльномъ его требованіи, что эта струна весьма трудная; подайте къ оному средства и мысль. Гр. III.

2.

12 Августа 1804.

Прежде нежели получиль письмо ваше послъднее въ разсуждении промъна земли съ графомъ Воронцовымъ, ръшился и далъ слово сенатору Рындину, чтобы уступить графу промъномъ землю, но не по овраги Макушкинъ и Каменной, а прямолинейно съ линіи 3796 и 4675, т. е. за оврагъ Широкой до безъимянныхъ, какъ и въ планъ чернымъ карандашемъ назначено.

Теперь осталось просить васъ приложенное при семъ письмо графу Александру Романовичу, ежели разсудите, сами лично ему доставить. Ежели оное вамъ не сподручно, то чрезъ канцелярію; однакоже съ тъмъ прошу васъ, что ежели что покажется вамъ сумнительнымъ или недостаточнымъ, въ такомъ случаъ надъюсь, что меня предостережете по дружбъ вашей и не оставите меня увъдомленіемъ.

Причина, побудившая кончить сіе дъло такимъ образомъ, есть та, что мнъ никакъ не хочется заводить процессу пли имъть пеудовольствіе со стороны графа Александра Романовича, но кончить сколько можно мирно. Гр. III.

P. S. И какъ вы скажете, съ нѣжной стороны дадимъ восчувствовать его сіятельству, что тутъ моего интересу иѣтъ и что снисхожденіе не съ моей стороны сдѣлапо, по тутъ польза и карману крестьянъ моихъ.

При семъ послано къ Алексъю Өедоровичу письмо для врученія графу Воронцову, планъ Баландинскаго городка и повельніе въ канцелярію о размънъ земли.

3.

19 Апръли 1805.

Очень интересовался посящимся по городу слухомъ объ угощении высокой постительницы и о милостивомъ вниманіи, оказанномъ къ дитятъ 1).

Крестьянина Гаврилу Сергвева, о которомъ сказано ему, что Хлыстовской секты, перевозить въ Жихарево отмвнилъ, и перевозить туда только двъ семьи. Какъ на каждомъ дворъ по двъ избы, то и нътъ надобности умножать теперь строенія.

На вопросъ, чтобъ пребываніе въ Жихаревъ не было никому извъстнымъ: «весьма трудно сдълать и едва ли возможно»...

4

15 Мая 1805.

Пынт въ Останкинт ликуютъ у васъ гости. Просиль позволенія объдать тамъ Николай Петровичъ Архаровъ, повеселиться съ пріятелями и фейерверкъ сдълать; но какъ ему въ томъ было отказано, то Александръ Андреевичъ Беклешовъ 2) проситъ того для себя. Его высокопревосходительству по силъ повелтнія вашего отказать было не можно; но меня увтрили, что фейерверка не будетъ, а одинъ объдъ.

Для возстановленія благоустройства въ Алексвевкъ признаю за полезное туда сыскать человъка посвъдущъе. Во всякой другой вот чинъ я изыскаль бы сочишителя пасквиля, по въ Алексвевкъ не за кого взяться. Тамъ двъ партіи: съ одной стороны Толченовъ при усадьбъ и товарищи, съ другой землемъръ, откупщикъ, Никитенко и попъпоперемънно возмущаютъ спокойствіе поселянъ тамошнихъ и запима-

Т. е. двухлатнято графа Дмитрія Николаевича. Высокая посатительница - Марія Өсодоровна. П. Б.

²) Московскій главнокомандующій. П. Б.

ются напессийсмъ вреда другъ другу. Между тъмъ повторяю, что удалить изъ Алексъевки не только Ваканкина необходимо, по и Инкитенку. Песнокойность права его и злобность мною весьма запримъчены; скрытнымъ образомъ продолжаеть, мстя Толченову. Пемного добра я жду и отъ школы, гдъ будеть опъ учителемъ; опасно, чтобы не внерилъ въ юношей дерзкихъ своихъ правилъ...

5.

7 Марта 1805.

Внушеніе правиль добронравственности и образованіе сердца закономъ и страхомъ Вожінмъ были единственными попеченіями въ воспитаніи Якова Петровича *); но кругонравіе и малодушная вепыльчивость по техъ поръ были изсколько скрыты, пока умягчалъ ихъ моимъ снисхожденіемъ. Съ нъкотораго времени сообщество молодыхъ людей ныпринято свъта подало, можеть быть, ему ложими мечтанія о свободности, увеличились въ немъ непокорливость и склонпость къ своевольству. Я иногда даваль ему чувствовать, сколь непріятно таковое его со мною обращеніе, и оттого болье возродилось въ немъ желаніе быть на своей воль; многократно приступаль ко мив, чтобы отпустить его, между тымь по неосновательности своей то отступаль оть своего намеренія, то упорно въ опомъ настанваль, дълан тъмъ многія мив неудовольствія, которыя, наконець, были для мени неспосны. Убъгая дальнихъ непріятностей, сдълаль и распоряженіе о его благосостоянін, прося быть тому свидітелемь Дм. Пр. Трощинскаго, Мих. Ив. Донаурова, ки. Андрел Пиколаевича Шербатова, старансь между темъ, какъ съ моей стороны, такъ и со стороны свидътельствующихъ особъ, сколько можно, продолжить сіе діло, чтобъ дать ему одуматься; но въ продолжение сего времени неотступно наскучиваль мив объ его отпускъ. Накопецъ, на первой педълъ поста, въ самый день исповеди моей, огорчительных его по сему предмету объясненія принудили меня просить Дмитрія Прокофьевича, дабы кончить сіе дъло, которое день ото дня болье для меня было отяготительнымъ; но нынъ къ спокойствио объихъ сторонъ кончено. Не взирая на вет едъланныя имъ мив пепріятности, не оставиль и устроить его благосостояніе, исполняя весь долгь мой, противъ воли отеческой располагать собою, желая ему быть благополучнымъ. Покорно прошу, въ случать желающимъ сему дълу дать ниой оборотъ, представлять оное въ настоящемъ видъ.

Посудите, сколько все оное мив чувствительно. Оскороленія моего всего здвеь разсказать не місто; но вы, люди чувствительные,

^{*)} Это Реметевъ, побочный сынъ графа Петра Борисовича Шереметева. П. Б.

легко недосказанное вообразить можете, я же съ искренностью пребуду гр. III.

6.

19 Мая 1805.

Вчерашній день видъдся съ Яковомъ Ивановичемъ Булгаковымъ; онъ здѣсь директоромъ Россійскаго благороднаго собранія, клоба; отъ него было мнѣ предложеніе отписать къ вамъ: не подарите ли вы Благородному Собранію статую императрицы Екатерины ІІ-й для помѣщенія опой въ залѣ Собранія. Когда я рѣшительно сказалъ, что вы никакъ пе уступите ее, то онъ настоялъ однакоже написать, увѣряя меня, что будто дѣлаетъ сіе предложеніе, не объявивъ еще товарищамъ своимъ, во избѣжаніе предстоящихъ клобу издержекъ чрезъ выписку заказной статуи. Онъ министръ, но и я въ дипломатической службѣ состою, а потому и спросилъ его: еслибы вы сверхъ чаянія моего уступили статую, то согласится ли дворянство за сіе пожертвованіе написать на пьедесталѣ, что сей монументъ воздвигнутъ въ честь Императрицы. Отвѣтомъ на сіе онъ не поколебался, что надѣется легко согласить на то товарищей своихъ....

7.

Отъ 7-го Сентября 1805.

По письму в. с. оть 29-го Августа совершенно взошель въ смысль нельной претензіи оть княгини Долгоруковой. Княгиня была нъкогда дочерью духовною батюшки, а потому и взялся онь охотно быть вручителемь письма къ чей. Прочитавъ оное, она тотчасъ начала говорить о всьхъ мнимыхъ притязаьіяхъ своихъ. Батюшка легко опровергь ихъ убъжденіями, добавивъ къ тому, что ближе всего было покойному княгю Михаилу Ивановичу ') самому исходатайствовать принадлежащее; а какъ князь не предпринималь сего, то и доказательно, что ея требованіс теперь совсьмъ не у мъста. Однимъ словомъ, не только княгиня, но и объ княжны остались убъждены въ несправедливости своего поступка противъ васъ. Добрая старушка даже призналась, что она не сама собою предприняла это. Не въ топъ претендательницы, а въ топъ уже просительницы изъяснилась она, не номожете ли по случаю помолвки младшей княжны. Ее беретъ за себя подполковникъ Лисовскій.

Чтобы вразумиться въ дъло сіе, то завелъ съ Смирновымъ ²) разговоръ касательно сего и велълъ ему коротенько выписать изъ записки, о которой онъ упомянулъ, предъ нимъ данной отъ княгини На-

¹⁾ Долгорукову, сыну виягини Натальи Борисовны. И. Б.

²) Князь Иванъ Миханловичъ Долгоруковъ женатъ былъ на Смирновой. П. Б.

тальи Борисовны покойному графу Петру Борисовичу въ полученін всего принадлежавшаго ей. Если сія очистка не была свъдома, то оную прилагаю.

Батюшка за особливое удовольствіе вміняеть для себя, что удалось ему исполнить волю вашего сіятельства.

8.

7 Септября 1805.

Княгиня Дашкова препоручила объяснить свои требованія в. с., а именно, чтобы вмъсто двухсоть толстыхъ свъчъ прислать ей только 150; вмъсто 200 бутылокъ шампанскаго, прислать ей только сто, 20 бутылокъ мадеры и картузъ табаку.

9.

Получа сейчась рисунки отъ Гваренги ') крыдосамъ и оградъ Дому Страннопріниному, утвердя оные мониъ подписаніемъ, при семъ препровождаю. Рисупокъ печамъ, образа Воскресенія Христова, которые здѣсь заказываются, я объщалъ вамъ, получилъ также отъ Гваренги; постараюсь немедленно все окончить.

10.

Не лишне разсвять возмутительныя партіи и дать сколько-нибудь успокоиться поселянамъ. Весьма благодаренъ буду вамъ, ежели ихъ какими-нибудь средствами удалите изъ Алексвевки ²), а особливо юно-шество вт рукахъ Никитенка легко духомъ его заразиться можетъ...

Мив крайне желательно очистить вотчину отъ наносителей безпрестанныхъ безпокойствъ, какъ мив, такъ особливо бъднымъ поселянамъ.

Александръ Андреевичъ ³), судя по письму его ко мив, очень доволенъ пріемомъ его въ Останковъ и весьма интересуется, чтобы дороги отъ города въ Останково исправлены были. Частыя посвщенія такого гостя, признательно сказать вамъ, не совсвиъ для меня пріятны. Ежели онъ, тадя по всвиъ загороднымъ мъстамъ, будетъ предлагать мив чинить дороги не только для себя, но и для публики, въ теперешнемъ моемъ положеніи, выключая обязанности моей по Московскому строенію, имъю множество домашнихъ стеченій, неизвъстныхъ

^{&#}x27;) Архитевторъ Гваренги (le chev. de Guarenghi), съ которымъ Н. П. былъ въ прительскихъ отношенияхъ, П. В.

²) Слобода Алексвевка, Воронежской губ. Бирюченского уйзда, принадлежала ийкогда князю А. М. Черкасскому. О Никитенкв (отцв академика) см. выше стр. 496 и 497. П. Б.

³⁾ Беклешовъ.

никому, которыя совершенную дълають невозможность имъть расходы немаловажные на приватныя другихъ удовольствія. При случав на сей счеть деликатнымъ образомъ можно дать чувствовать сіс Александру Андреевичу. Гр. III.

1805.

Къ архимандриту Амфилохію.

Преподобный и почтеннъйшій отець Амфилохій.

Письмо ваше отъ 31-го Мая получиль съ обыкновенною искреннею пріягностью сердну моему, и вслідствіе увідомленія вашего о Петровскомъ монастырів на поправленіе опаго препровождаю при семъ тысячу рублей. Касательно храма Св. Димитрія въ селів Песошиї, то, почтенній отець, къ ревностивій шему моему желанію употребить всевозможные къ тому способы, споспіннествуємь будучи молитвами вашими и помощію великаго Угодника Димитрія, надіюсь увидіть Богомъ вдохновенное наміреніе ваше исполненнымъ и для того съ ныпівшиею же почтою писаль о томъ къ с. в. Павлу, архіепископу Прославскому и Ростовскому со псирошеніємь на то его благословенія, и какой получу оть него отвіть, не премину вась увідомить.

Не принисывайте смиренію, почтенивійній отець, слова въ прежнемъ письмі моемъ на вамъ помінценныя: «спасеніе оть меня далеко». Смиреніе—добродітель христіанина, на которой Самъ Спаситель насъ призываеть и путь намъ показаль, не есть причина ненадіянія моего получить спасеніе. Обязанности тщетнаго міра, гді противу воли вовлекаемъ бываю въ разсіянія, день ото дня, отдаляющія отъ пути нъ Богу; ихъ пепреоборимость меня сокрушаеть. Счастливъ буду, ежели, пройдя многотрудный путь, упованіемъ на Бога и молитвами вашими нъ Угодинку Божію, достигну мирнаго пристанища, о чемъ прося ходатайства вашего у престола Господия, пребуду съ душевнымъ непреміннымъ почтеніемъ и нелицемфрною преданностью и пр. Гр. III.

Р. S. Одно прошу всенокоривйше: не судить меня добрымь предъ Создателемъ по изкоторымъ добрымь наружностямъ. Я не по скромности скажу самую истину: гробъ украшенный и раззолоченный, но внутри наполненъ костей гиплыхъ и всякаго смрада. Богомъ свидътельствуюсь, если я не истинную и сункую правду здъсь говорю.

Къ графу Кирилъ Алексъевичу Разумовскому.

Mon cher neveu.

Je suis très sensible aux preuves d'attachement que contient la lettre que vous m'avez écrite d'Édimbourg et j'apprends avec satisfaction l'entier rétablissement de votre santé. Il s'en faut de beaucoup que je sois aussi content de la mienne, et malgré que je ne sois pas positivement malade, j'éprouve souvent plus que des indispositions qui me forcent à garder ma chambre. Puisque vous êtes dans l'intention de faire quelque séjour à Édimbourg, je vous exhorte, mon cher neveu, de mettre ce temps à profit et de ne négliger aucune des occasions qui pourront s'offrir de rendre vos voyages fructueux. Vous devez même les rechercher et les faire naître autant de fois que cela dépendra de vous. Ce sont les conseils que me dicte mon amitié pour vous.

Quand je verrai votre soeur, je ne manquerai pas de l'engager à vous écrire; elle ne manquera pas non plus de le faire moins à ma recommandation sans doute que par les sentiments qu' elle vous porte.

Je vous remercie pour ce que vous me dites de m-r Rogerson et du chevalier de Romme. Faites feur aussi mes compliments bien sincères et croyez moi votre très affectionné oncle et ami comte Chéréméteff.

26 Марта 1805.

Къ Г. И. Вилламову.

9 Apryera 1805.

Мплостивый государь мой Григорій Ивановичъ.

Препровождаемыя при семъ книги суть тъ самыя, о которыхъ имълъ я счастіе говорить съ Ея Императорскимъ Величествомъ. Dictionnaire de Calmet по мивнію моему не довольно достаточенъ къ изъясненію всъхъ богословскихъ терминовъ; для того осмълился приложить я Dictionnaire de Bergier. Прошу все опое при удобномъ случать подпести Государынъ Императринъ. Гр. 111.

Графу Ранцау.

Monsieur le comte.

Malgré tout l'intérêt que je prends à votre situation, il m'est absolument impossible de vous être utile suivant vos désirs, m'étant entièrement voué au soulagement des infortunés, et ceux de la Russie sont en assez grand nombre pour que mes secours s'étendent plus loin. Je vous prie d'accepter une lettre de change de 200 r. ci-jointe, comme le seul et le dernier témoignage de l'intérêt que je prends à ce qui vous touche et suis très parfaitement etc. C. Chéréméteff.

3 Сентября 1805.

Къ графу Н. П. Румянцову.

Милостивый государь мой графъ Пиколай Нетровичъ.

Получа извъстіе о прибытій въ Кронитадть корабля, на космъ находятся мраморные центавры, выписываемые мною для Государыви Императрицы Марін Өеодоровны, долгомъ поставляю себъ просить покорнъйше ваше сіятельство дать приказаніе и вспомоществованіе ваше, дабы оные безъ задержанія въ таможить были доставлены Ея Величеству; тъмъ болте къ тому побуждаюсь, что уже Государыня Императрица изволить знать о привезеніи оныхъ. На каковой конецъ пріобщая при семъ свъдъніе о названіи корабля и знакахъ на ящикахъ, повторяю усердитышую просьбу мою.

4 Сентября 1805.

Къ С. С. Ланскому.

Милостивый государь мой Степанъ Сергъевичъ.

Находящійся при мит кухмистерь, извітеный и в. пр. съ тіхть поръ, какъ иміть счастіе пікоторыя блюда готовить для Государыни Императрицы Маріи Осодоровны, возъиміть непремінное желаніе быть опреділену въ званіе метрдотеля при высочайшемъ дворіт. Хотя осталось довольно времени по контракту, которымъ обязанъ онь остаться при мит; но я съ совершенною охотою готовъ отпустить его, ежели в. пр. изволите увітдомить меня, что угодно сіє будеть Ея Императорскому Величеству, въ ожиданіи чего и пр.

3 Ноября 1805.

Къ графу А. С. Строганову.

3 Декабри 1805.

Милостивый государь мой графъ Александръ Сергъевичь. Сколько съ одной стороны восхитительно бы для меня было въ соимъ прочихъ принести благоговъйныя чувствованія моей истинной признательности предъ Всемогущимъ Богомъ за новые знаки монаршаго Его Величества благовольнія къ подданнымъ своимъ и, соединя объты, вознесть благодарственное моленіе, столько же и съ другой стороны, отвлека-ясь пріятнымъ воспоминаніемъ должности моей для представленія нынышняго числа къ высочайшему двору нъкоторыхъ особъ Государынямъ Императрицамъ, не могу въ лицъ всъхъ засвидътельствовать того глубочайшаго благоговенія и благодарности къ высочайшей Его Величества особъ, которую за первый долгь для себя поставляю всегда имъть въ сердцъ своемъ, принимая и нынъ пріятвъйшее участіе въ семъ торжественномъ моленіи вмъстъ съ прочими.

Съ совершеннымъ почтеніемъ и проч. Гр. III.

Въроятно относится къ вовпращенію виператора Александра Павловича въ Пстербургъ послъ окончившейся Аустерляцкиять сраженіемъ первой войны его съ Наполсономъ, когда сму представлялись высшіе чины. П. Б.

ИЗЪ ПРЕДАНІЙ О ГРАФЪ Н. П. ШЕРЕМЕТЕВЪ.

Извъстіе о кончинъ императора Павла пришло къ графу Пиколаю Петровичу почью. Т. В. ПІлыкова *) разсказывала, что ее разбудили и потребовали въ его кабинетъ. Она поспъпно одълась и застала его передъ зеркаломъ: его причесывалъ обычный его парикмахеръ Руссо. У нея на храненіи находились ключи отъ ящиковъ съ цъп ными вещами, и ей было поручено тутъ же выпуть изъ комода все пеобходимое. Она застала графа въ сильномъ волненіи и ошеломленнаго. На вопросъ Татьяны Васильевны, что случилось, онъ отвъчалъ: «Государь скончался отъ апоплексическаго удара!» Поспъшно одъвшись, онъ отправился во дворецъ.

Изъ братьевъ Зубовыхъ одинъ только графъ Дмитрій Александровичъ былъ ему близокъ; съ княземъ Платономъ опъ всегда былъ въ колодныхъ отношеніяхъ и во времена его вліянія при Екатеринъ отказаль ему въ желаніи купить приглянувшееся ему имъніе, с. Вознесенское, на берегу Невы. Поведеніе братьевъ Зубовыхъ ему давно казалось подозрительнымъ, и онъ не разъ предостерегаль графа Дмитрія Александровича, совътуя ему осторожность съ братьями.

Опъ быль человъкъ привычки Такъ, онъ пикакъ не могь примириться съ мыслью, что ему придется разстаться съ косою, которая, по воцареніи имп. Александра, была отмънена. Опъ по возможности оттягиваль это ръшеніе; но когда это навлекло на него неудовольствіе Государя, то приказаль своему парикмахеру Руссо сръзать ему косу такъ, чтобы онъ этого не замътилъ, что и было исполнено.

Платье посиль онь до износу. Сколько разь Т. В. Шлыкова замвчала ему неисправность его туалета: халаты были даже разорваны и въ заплатахъ. Чтобы успокоить ее, онъ призывалъ камердинера своего Чистаго и надъвалъ платье поновъе; по послъ иъкотораго времени надъвалось платье старое.

Въ примъръ вспыльчивости его Т. В. Шлыкова указывала, какъ однажды, недовольный непослушаніемъ сына, онъ заперъ его въ комнату, пока тоть не пересталъ кричать и плакать. Т. В. въ испутъ

^{*)} См. о ней въ "Русскомъ Архивъ" 1889, І, 506.

вступилась за цего; по графъ Н. П. еще болбе разсердился, сказавъ, что опъ знаетъ что дълаетъ и просилъ ее не вибиниваться.

По завъщанию его душеприкащикомъ его былъ пазначенъ Анацьевский; онъ и былъ главнымъ распорядителемъ. Помию, какъ неохотно Т. В. отвъчала на вопросы относительно Ананьевскаго. Вообще она всегда избъгала разговора о завъщании графа Н. П.; имя же Ананьевскаго всегда словно напоминало ей что-то педоброе, и ей видимо было пепріятно говорить о немъ. Когда же добивались узнать истину, она всякій разъ отвъчала: «Въдь ихъ никого на свътъ пътъ; Богъ имъ судья!»

Графъ Пиколай Петровичъ завъщалъ, чтобы его похоронили рядомъ съ Прасковьей Ивановной на приготовленномъ имъ самимъ мъстъ и согласно высказаннымъ имъ въ завъщаніи словамъ: «Пдъже духъ мой, ту да будутъ и кости моя».

Никогда не пользовался онъ кръпкимъ здоровьемъ. Послъдияя бользиь его была слъдствіемъ сильной простуды. Къ концу 1808 года онъ уже чувствовалъ себя серьозно-больнымъ. Приглашенный на небольной вечеръ во дворецъ, онъ пересилилъ себя и поъхалъ. Онъ старался казаться оживленнымъ и неозабоченнымъ; но императрица Марія Феодоровна замътила въ немъ перемъну: по лицу она догадалась о его бользии и убъдила его убхатъ и не выъзжать изъ дому. Верпувнись домой, онъ ночувствовалъ себя хуже и слегъ, чтобы болье не иставать.

Въ это премя домъ его на Фонтанкъ отдълывался, и онъ наинмаль насупротивъ, ныиъ домъ графа Папина. Бользиь была мучительная, и самъ онъ сознавалъ свое положеніе; ему казалось даже, что она была прилинчивая. Все время Т. В. Пілыкова отъ него не отходила. Онасаясь прилинчивости, онъ никогда не хотыть давать ей руки, но клаль носовой платокъ на руку, убъядая Татьяну Васильевну держиться за другой конецъ платка. Умирая, онъ взялъ съ нея клятвенное объщаніе никогда не выходить замужъ и не покидать сына, остававшагося шести лётъ отъ роду.

1-го Января 1809 его посътиль, уже умирающаго, императоръ Александръ Навловичъ.

Графъ Никодай Истровичъ запретиль Татьянъ Васильсвиъ и всъмъ окружающимъ посить по немъ трауръ.

Заботы о сып'в не покидали его до конца. Съ самаго рожденія при немъ состояль особый штатъ прислуги. Главное паблюденіе за сбереженіемъ здоровья его и, какъ сказано въ особомъ предписаніи, за «всякимъ охраненіемъ» поручено было Пиколаю Пикитичу Бему, тогда канцеляристу, челов'єку пользовавшемуся особымъ дов'єріемъ со временъ юности графа. Бемъ отв'єчалъ за впутренній порядокъ ком-

нать новорожденнаго, а также и за людей приставленныхъ къ нему. Онъ обязанъ былъ безотлучно при немъ находиться; а въ помощь ему назначенъ былъ Петръ Соловьевъ. У дверей, ведущихъ въ спальну ребенка, посмънно находились по два человъка изъ разночинцевъ. Двери внутри постоянно должны были запираться ключемъ съ тъмъ, чтобы пикто не входилъ, какъ по предварительному оклику: кто пришелъ, съ нозволенія ли Н. П. и имъеть ли билеть? Иначе никто не впускался. Бемъ и Соловьевъ обязаны были по ночамъ осматривать отъ времени до времени караульныхъ, наблюдая, чтобы они не спали. Затъмъ каждое утро и каждый вечеръ они обязаны были доносить графу о благосостояніи ребенка. Имъ же было предписано въ случав нездоровья его пемедленно доносить. Всъ эти предписанія даны были въ домовую канцелярію 25-го Февраля 1803 года, т. е. черезъ два дня по кончинъ графини Прасковьи Ивановны.

Кром'в означенныхъ лицъ при ребсикъ состояль подлъкарь, лицо довъренное, о которомъ часто вспоминала Татьяна Васильевиа, ивкій Петръ Герасимовичъ.

Эти чрезвычайныя мізры предосторожности приняты были подъвліяніемъ свіжей и тяжкой утраты, а также въ виду недоброжелательныхъ слуховъ, сильно смущавшихъ разбитаго горемъ отца...

Графъ Николай Петровичъ Шереметевъ любилъ посъщать Англійскій магазинъ въ Петербургъ, бывшій тогда подъ фирмой Гой и Белизъ, впослъдствіи Никольсъ и Плинке. Но опъ ходиль туда ни за одними покупками: онъ сблизился съ хозяевами и любилъ проводить у цихъ время въ живой бесъдъ и за закуской. Въ Англійскомъ магазинъ онъ чувствовалъ себя, какъ дома.

Лично слышаль я разсказъ одного старика, извъстнаго мебельнаго мастера въ Петербургъ, фирма котораго заслужила себъ громкую извъстность. Устраивая себъ номъщение въ домі: на Фонтанкъ, графъ Николай Петровичь обратиль вниманіе на молодаго человъка, усердио и съ знаніемъ дъла работавшаго у него въ компатахъ. Узнавъ его ближе, онъ настолько имъ заинтересовался, что предложиль ему матеріальную поддержку для болъе самостоятельнаго труда по его спеціальности. Эта поддержка пошла въ прокъ: молодой человъкъ съ помощію ея заработалъ себъ самостоятельное положеніе и заслужилъ извъстность.

Положеніе графа Николая Петровича какъ оберъ-гофмаршала было нелегкое. Т. В. Шлыкова такъ разсказывала о неожиданной опаль его.

На одномъ изъ придворныхъ собраній случилось ему за столомъ сидъть рядомъ съ особой, пользовавшейся особымъ вниманіемъ Государя. Онъ разговорился съ нею довольно оживленно и на столько,

II. 33

РУССКІЙ АРХИВЪ 1896.

что обратиль на себя впиманіе спрывнаго за тымь же столомь Государя. Внезапно Павель потемивль и, подозвавь къ себь одного нав служащихь, шепнуль ему что то на ухо. Вслыдь за тымь тоть подходить къ графу Переметеву и также на ухо передаеть ему слова Государя: «Скажи ему, что я у него всы перыя выщиплю!» Зная харак терь Государя и смущенный такою неожиданностью, графь, по возвращеніи домой, сказался больнымь.

Тъмъ временемъ гивъъ Государя давно прошелъ, и опъ за нимъ посылаетъ; но графъ Н. П. упорно говоритъ, что боленъ и во дворецъ не является. Вторично посылаетъ за нимъ Государь. Все тогъ же отвътъ. Тогда по царскому вельнію является къ нему любименъ Кутайсовъ. Графъ Николай Петровичъ его не долюбливалъ и неохотно его принялъ, но дълать нечего, и Кутайсова нельзя было не принятъ. Кутайсовъ настоятельно, именемъ Государя, убъждалъ Н. П. прівхатъ. Нельзя было долъе отказываться. Онъ ноявился во дворцъ на какомъ-то многолюдномъ собраніи и остановился въ дверяхъ, не желая идти дальше.

Замътивъ его, императоръ Павелъ стремительно направился къ нему и, ласково взявъ его за руку, вывелъ на середниу залы, при чемъ особенно привътливо сказалъ ему, что мъсто его впереди.

Царскій гибвъ проявлялся самымъ пеожиданнымъ образомъ.

Однажды графъ Н. И. паправлялся по Парско-Сельской дорогъ. Только что успъль онъ миновать Среднюю Рогатку, какъ къ изумленю своему встрътилъ идущаго пъшкомъ гофмаршала гр. Тизенгаузена, за которымъ шло нъсколько придворныхъ служителей. Графъ Н. П. остановилъ его, недоумъвая, что все это значитъ. Тогда гр. Тизенгаузенъ пояснилъ, что Государь остался недоволенъ объдомъ, за что приказалъ ему пройти пъшкомъ въ Петербургъ.

Въ другой разъ графъ Н. П. и на себъ испыталь гивив императора Павла. Въ припадкъ бользиенной подозрительности опъ неожиданно отказался объдать. Больно было графу Н. П., когда опъ узпаль объ этомъ необычайномъ явленіи. По Государь скоро спохватился въ сознаніи своей неправоты. Когда опъ увидалъ графа П. П., то горячо обнялъ его и сказалъ: «Насъ съ тобой хотять поссорить; по этому никогда не бывать!»

Особенно знаменательно было последнее свидание графа II. II. съ императоромъ Павломъ вечеромъ 11-го Марта 1801 года. Государь съ нимъ ужиналъ и долго велъ оживленную беседу, вспоминая годы молодости и далекое прошлое.

Въ туже ночь разбудили графа Н. П. съ извъстіемъ, что Государь скончался. Глубоко скорбълъ онъ о кончинъ императора Павла, котораго почиталъ своимъ благодътелемъ.

Графь Николай Петровичь быль очень вспыльчивъ. Занимаясь по утрамъ дълами, неръдко выходилъ опъ изъ себя при извъстіи о какой пибудь песправедливости. Въ такія минуты пикто не умель такъ хорошо его успоконть, какъ Т. В. Шлыкова. Овъ просилъ ее ниогда не выходить изъ компаты и присутствовать при докладахъ. Такъ передавала она одну сцену съ управителемъ Малимоповымъ. Графъ разговариваль съ нимъ о делахъ въ то время, какъ парикмахерь Руссо причесываль его; туть же присутствоваль секретарь Сворочаевъ. Педовольный отвътомъ послъдияго, графъ приказалъ ему выйти изъ комнаты. Услыхавъ это, Малимоновъ обиделся. Въ такомъ случав прикажете и мив выйти вопъ!» Графъ вспылиль. Въ эту мипуту онъ готовъ быль дишить его должности, и нужны были всв старація и усилія Татьяны Васильевны, чтобы удержать его оть подобнаго рашенія. Малимоновъ удалился. Въ тоть же день жена его вь испугь прибъжада къ Татьянь Васильевиь, прося ся заступинчества. Не безъ труда удалось ей и на этотъ разъ отстоять Малимонова.

Графъ Инколай Истровичь пожертвоваль серебряную раку къ мощамъ св. Инкандра; это случилось при исключительныхъ условіяхъ. Татына Васильевна передавала не разъ, какъ однажды утромъ увидали на дворъ дома на Фонтанкъ привезенную серебряную раку. Оказалось, что она была предназначена къ мощамъ св. Инкандра и заказана самимъ настоятелемъ на има графа: чтобы этимъ путемъ побудить его къ пожертвованію. Уловка удалась вполив, и графъ, не пожелавъ возвращать раку обратио, пожертвоваль се Пикандровой пустывь. Вообще же онъ быль щедрь на вклады и пожертнованія по монастырямъ. Такъ, по случаю рожденія сыпа, пожертвоваль онъ дамнаду въ Тихвпискій монастырь къ икон'в Божіей Матери; на лампадъ следующая падпись: «Прінми, Всеблагая, Пречистая Госножа Владычица Богородица, честими даръ сей, Теби Единой отъ мена недостойнъйшаго раба Твоего принесенный. Начать по кончинь супруги своея графини Прасковы Ивановны и по рожденін сына своего графа Дмитрія Николаевича въ 1803 году. Посвященъ храму Богоматери въ Тихвинскую обитель 1806 года въ въчность». Къ этой же иконъ графъ Дмитрій Инколаевичь, по случаю своего совершеннольти, пожертвоваль серебряный подевлиникъ.

Въ церкви Св. Лазаря, въ Александро-Невской Лавръ, сохранилась могила, на которой слъдующая надинсь: «На семъ мъстъ погребено тъло преставшагося раба Божія Іоанна Якимовича, восинтацника графа Николая Петровича Шереметева. Родился 1780 года Января 2-го, скончался 1-го Марта 1804 года. Сей памятникъ сокрылъ не превознесеннаго пышностью и блескомъ, но украшеннаго добродътелію человѣка, съ младенчества его и до 24 года, въ благопризрѣніи воспитаннаго, кроткими правилами жизни и неизмѣнымъ въ теченіе 15-ти лѣтъ усердіемъ, привлекая къ ссбѣ признательность своего воспитателя и благотворителя, который, оплакивая потерю его, изъявилъ онымъ свою признательность. Съ самыхъ юныхъ лѣтъ, даже до послѣдняго вздоха, пребылъ онъ добрымъ въ душѣ, вѣрнымъ въ обязанностяхъ своихъ; съ упованіемъ на Бога, исполняя весь священный долгъ христіанина, смиренно приблизился къ разрушенію бытія своего и оставилъ не только неутѣшное о себѣ воспоминаніе въ благотворившемъ ему, но извлекъ чистую слезу каждаго, кто его зналъ.

Взглядъ гордаго отъ сей могилы отвратится, А добродътельный надъ нею прослевится,.

По сохранившимся свідініямъ этотъ Иванъ Якимовичъ былъ убогій мальчикъ, горбатый, который, подобно другимъ, нашелъ себів пріють въ доміт графа Петра Борисовича и которому въ годъ смерти послідняго было уже восемь літь.

На могилъ графини Прасковыи Ивановны въ церкви Св. Лазаря слъдующая надпись:

«Здёсь предано землё тёло графини Прасковьи Ивановны Шерсметевой, рожденной отъ фамиліи Польскихъ шляхтичей Ковалевскихъ. Родилась 1768 года Іюня 20-го; въ супружество вступила въ 1801 г. Ноября 6-го въ Москве; скончалась въ Петербурге 1803 г. Февраля 23 въ 3-мъ часу по полудни».

Следують стихи:

Не пышный мраморь сей, печувственный и бренный, Супруги, матери скрывають прахъ безцвиный: Храмъ добродътели душа си была. Мяръ, благочестіе и въра въ ней жила. Въ ней чистви любовь, въ ней дружба обичала...

Въ жилищъ праведныхъ, всъхъ благъ ліющій ръки, О Боже, упокой сей чистый духъ во въки!

Въ саду Петербургскаго дома на Фонтанкъ, на мраморномъ подножи, донынъ сохранилась слъдующая надпись:

Je crois voir son ombre attendrie Errer autour de ce séjour. J'approche! Mais bientôt cette image chérie Me rend à ma douleur, en fuyant sans retour...

Въ числъ дицъ, сохранившихъ добрую память о графъ Николаъ Петровичъ, слъдуеть помянуть Марью Андреевну Поликарпову, дочь

киязя Андрея Николаевича Щербатова, друга его дътства. Опъ былъ въ числъ немногихъ свидътелей свадьбы его и тайиу эту до времени не разглашалъ. Даже жена его княгиня Антонина Воиновна, прозванная «la belle Polonaise», отъ которой мужъ никогда ничего не скрывалъ, и та не знала о состоявшемся бракъ и объ участи ея мужа.

Графъ Н. II. Шереметевъ очень былъ привязанъ къ дътямъ князя Андрея Николаевича, двумъ дочерямъ его Аннъ и Маріи. Старшая вышла замужъ за Д. Н. Блудова. Любилъ онъ шутить съ Марьей Андреевной, которую называлъ всегда «княжнуша»*). Она была красавицей и пользовалась расположениемъ императрицы Маріи Өеодоровны.

Старикъ фельдмаршалъ Каменскій также шутилъ съ нею и объяснялъ по своему заглавныя буквы ея имени: К. М. ІЦ.; по его толкованію выходило: «Какая миленькая щучка».

М. А. Поликарпова очень была дружна съ Т. В. Шлыковой. Она же разсказывала, что вскоръ послъ кончины Прасковы Ивановны Татьяна Васильевна видъла сопъ; она передавала его многимъ, но потомъ забыла. Ей казалось, что она въ церкви, и Прасковы Ивановна стоитъ передъ царскими дверьми въ свътломъ одъяніи; обращаясь къ Татьянъ Васильевнъ, она проситъ ее не горевать и не плакать. «Мнъ теперь очень хорошо!» произнесла опа, и сновидъніе кончилось. Марыя Андреевна передавала этотъ разсказъ всегда съ особеннымъ чувствомъ.

Въ семъв ихъ особенно чтилась память старшей сестры графа, графини Лины Петровиы. Между нею и княземъ Л. Н. Щербатовымъ въ молодости была переписка. Къ сожалвию, портретъ ел утратился у нихъ вмъсть съ перепиской. Князь Щербатовъ былъ внукомъ съ материнской стороны Прасковъи Михайловны Шереметевой, жены Василія Петровича (брата фельдмаршала Шереметева). Она была рожденнал княжна Черкасская, сестра канцлера князя Алексъя Михайловича; слъдовательно онъ приходился двоюроднымъ племянникомъ графинъ Варваръ Алексъевнъ Шеремстевой, дочери канцлера, и въ тоже время двоюроднымъ племянникомъ графу Петру Борисовичу. Съ дътства онъ жилъ у нихъ въ домъ и Варвару Алексъевну почиталъ, какъ вторую мать.

Родственныя связи сохранились и въ дальнъйшихъ поколъніяхъ, и дочери князя Андрея Николаевича почитали домъ графа Дмитрія Николаевича Шереметева роднымъ домомъ.

Графъ С. Шереметевъ.

^{*)} Со словъ Марьи Андреевны Поликарновой, рожд. княжны Щербатовой.

Завъщательное письмо графа Николая Петровича Шереметева малолътнему сыну своему *).

Любезивний сынь мой графъ Дмитрій Николаевичь!

Обязанность тристіанина и отца вз наставленіях своєму сыну. По начертаній на случай моей кончины завіщанія, которос доставить тебі Опекунскій Совіть, надлежало мий еще исполнить долгь христіанина и отца въ разсужденій тебя, драгоціаннаго залога супружеской любви нашей съ нокойною твоєю матерью, графинею Прасковьею Ивановною. Прінми мое наставленіе, исполняй его во всемъ точно такъ, какъ тебі совітуєть здісь и новеліваеть твой отець и другь.

Пельзя быть побродытельными и благополучными безь знанія и исполненія законовъ Божескаго и общественило. Я уже кончиль путь суетной жизии; твой путь жизии еще неизивстенъ. Я испыталъ ея удовольствія и горести. Горести всегда превосходили маловременное обольщение забавъ ел и пріятностей. Блогополучіе оной зависить оть исполнения законовъ Вожескаго и общественцаго; цесчастіе - отъ противнаго имъ й развратнаго поведенія. Законы Божескій и общественный да будуть главнымъ основаніемъ твоего воспитанія и путеводителями въ жизли. Въ познаціи и исполнеціи оныхъ заключается истинное благо человъка. Прочія знація безъ сего могуть украсить, обогатить разумь твой, но не направать души твоей къ тому блаженству, коимъ наслаждаются богобоязпенные и добродътельные люди. Безъ сего познанія самые просвіщенниме уловляются свтями пороковъ и часто въ нихъ погибають. Везъ него честь, богатство и слава-стяжанія вредныя, ослівняющія умъ и льстящія однимъ только чувствамъ, вовлекающія человька во всякія излишества.

Сін законы наставляють от истинному употребленіи отличных станжаній от жизни. Не ослыпляйся ими, любезный сынь мой; старайся знать истинное ихъ употребленіе, старайся ими быть полезень въ обществь; въ семь наставять правила, внушаемыя о добродьтели законами Божескимъ и общественнымъ. Всь люди сотворены одинь для другато; всв они равны естественнымъ своимъ происхожденіемъ; разиствуютъ токмо своими качествами или поступками, добрыми или худыми. Кто большими обладаеть стяжаніями предъ другими, тоть имьетъ большіе способы дълать добро. Никогда душа твоя не восчувствуеть

^{*)} Подлиниять, паписанный собственноручно гратомъ Николаемъ Петровичемъ, хранился у графа Динтрія Николаевича и списань сыночь его графомъ Сергісмь Динтрієвичемъ въ Ульянав (подъ Петергофомъ), въ началь шестидесятыхъ годовъ.

сладкаго удовольствія и покоя, если опа пребудеть нечувствительна къ добродітели.

О пордости и смиреніи. Обыкновенный порокъ людей знатныхъ и богатыхъ—гордость, порокъ безумный, гнусный и неспосный. Онъ показываетъ ихъ тщеславіе, презрѣніе къ другимъ; обнаруживаетъ слабоуміе, малодушіе горделивца, хотящаго ослѣпить другихъ блескомъ своего богатства и знатности. Благоразуміе смѣется ему, добродѣтель отъ него отвращается: ихъ нельзи инчъмъ удивить, а можно плѣнить добрыми дѣлами. Удивленіе несмышленныхъ, подобно ему тщеславныхъ, составляеть все его удовольствіе. Да не помутить дущу твою самолюбіе, отъ коего происходитъ гордость; кротость и смиреніе да укращаютъ твою знатность и богатство, да пріобрѣтутъ тебѣ отъ всѣхъ любовь и уваженіе.

О презръніи из сему пороку и о сустности всяких произведеній тщеславія или пышности. Влагостію Создателя моего быль я всегда сохраняємь оть сего порока и ненавидёль его; временемь, однакожь, бывь увленаемь сгремленіемь чувствованій, то нёжныхь, то восхитительныхь, желаль то пріятнаго и веселаго, то великолённаго и удивительнаго.

О разности между тщеславіем и пристрастієм къ произведенію рыдкаго и удивительнаго. Сему желанію способствовали нъкоторое знаніе мое, вкусь и пристрастіє въ произведеніи ръдкаго: желаніе плъпить и удивить чувства людей, кои не видывали и не слыхивали о превосходивйшемъ моему произведенію, походило на тщеславіе и увлеченіе стремительныхъ чувствованій. Вскоръ сознаваль я внутренно, что блескъ всякаго такого произведенія, удовлетворяющаго ихъ на самое краткое время, исчезаль міновенно въ очахъ совершенства, не оставляя въ душь моей ин мальйшаго внечатльнія, кромъ пустоты. И къ чему служить вся эта пышность? Есть ли туть какія побужденія добродьтели? Есть ли въ ней какая польза человъчеству? Питаеть ли она чистьйшимъ удовольствіемъ душевнаго спокойствія? Утьшаєть ли въ злополучіяхъ и горестяхъ? Ивть! Она еще болье даеть чувствовать тяжесть обыхъ.

О великольтноми украшении села Останкина, не принесшеми утишения вы горести. Украсивъ село мое Останкино и представивъ опое зрителямъ въ видъ очаровательномъ, думалъ я, что, совершивъ величайшее, достойное удивленія и принятое съ восхищеніемъ публикою дъло, въ коемъ видны мое знаніе и вкусъ, буду всегда наслаждаться покойно своимъ произведеніемъ. Но оно не принесло мять ни малой отрады, когда я лишился лучшаго изъ друзей моихъ, не облег-

чило жестокой бользии, вскоръ мив потомъ приключившейся: во всемъ богатетвъ и импиности не находилъ я инчего утъшительнаго и цълебнаго для изнемогшей души моей, и тогда-то наппаче позналъ тщету ихъ.

О расположении къ добродители. Несчастныя приключенія перемінили мои мысли и чувствованія: я пожелаль жить умітренно, моля Бога, чтобъ обратиль душу мою на пути правые и вселиль въ сердце мое глубоко чувствованіе добродітели. Въ такомъ расположеніи ко всякому предпріятію приступаль я съ разсужденіемъ, смотря на благій конець онаго. Страхъ, чувствуемый въ душіт моей при поползновеніи въ пороки или излишества, страхъ, впушаемый закономъ Божіимъ, удерживаль меня отъ крайности. Я опасался, да не до конца прогитнастся Господь моими согрішеніями. А отъ сего и произошло то, что и чувствительность или ніжность сердца моего впослідствіи времени могь обращать на доброе.

О испытаніи себя даже ог любои, объ осторожности и оождельниом от того сандетии. Сіе самое испыталь я въ любви моей къ твоей матери. Я питаль къ ней чувствованія самыя ніжныя, самыя страстныя; но разсматриваль сердце мое, не однимъ ли токмо любострастнымъ вождельніемъ оно поражается, или ищеть кромъ красоты си другихъ пріятностей, услаждающихъ умъ и душу. Видя, что оно ищеть выбств любви и дружбы, пріятностей твлесныхъ и душевныхъ, долгое время наблюдалъ я свойства и качества любезнаго ему предмета и нашель въ немъ украшенный добродътелью разумъ, искренность, человъколюбіе, постоянство, върность; нашель въ немъ привязанность ко святой въръ и усердивищее богопочитаніе. Сін качества павинан меня больше, нежели красота ся; ибо они сильные всых вибинихъ предестей и чрезвычайно ръдки. Они заставили меня попрать свътское предубъждение въ разсуждении знатпости рода и избрать ее мосю супругою. И чемъ бы я лучше могъ пожертвовать симъ ся достоинствамъ и любви моей, какъ не соединепіемъ сердець нашихъ и состояція священными узами супружества?

О разности сустных удовольствій от истинных и о переминь первых на удовольствій душевныя. Въ такомъ расположеній души моей видьть и величайшее различіе мнимыхъ удовольствій отъ истинныхъ. Великольпныя пиршества, въ коихъ забываль умъренность въ пищъ и питіи, въ коихъ роскошь и тщеславіе владычествують надъ умомъ и сердцемъ, на кои въ одинъ день для единой прихоти истощаются величайшія стяжанія, пріобрътаемыя годами отъ трудовъ человъческихъ, могущія тысячь бъдныхъ доставить благоденствіе на всю ихъ жизнь; на коихъ нъсколько искреннихъ друзей угощающаго провожаютъ

времи въ смутномъ молчанія, а соимъ лицемфровъ и ласкателей превозноситъ до небесъ похвалами его некорыстолюбіе, щедрость, блескъ, пышность, богатство, вкусъ и благоденствіе; театральныя зрѣлища, отъ правилъ нравственности давно уже во многомъ отступившія и являющіяся намъ болье въ соблазнительномъ и разорительномъ, нежели въ добродьтельномъ видь; сладострастная любовъ, отрава невпиности, губительница силъ тѣлесныхъ и душевныхъ, коей постыдныя забавы влекутъ за собою искушеніе и раскаяніе:—всь такія удовольствія измьились въ глазахъ моихъ. Пиршества перемьшилъ и въ мирныя бесьды съ моими ближними и искренними; театральныя зрѣлища заступило зрѣлище природы, дѣлъ Божіихъ и дѣяній человьческихъ; постыдную любовь изгнада изъ сердца любовь постоянная, чистосердечная, иъжная, коею на вѣки обязанъ я покойной моей супругь,—словомъ, я обратился прямо къ добродьтели.

Чувствованіе величайшаго удовольствій отт добрых дюль. Какое неизъяснимое удовольствіе чувствуєть человькь оть произведенія дъль своихь вы пользу ближнихь! При тяжкихь вы жизни моей скорбяхь, коихь источникомы было лишеніе твоей матери, а моей любезнійшей супруги, прибігнуль я къ добродітели, сей сдиной утішительниць несчастныхь. Душів моей потребно было ліжарство надежное, спасительное. Влагость Божія, когда я расположень быль къ произведенію добраго діла, внушила мий непреложное желаніе совершить оное. Я давно уже чувствоваль тягостное состояніе людей, лишенныхь вы старости, вы болівняхь и нищеть всякаго пособія.

Объ учреждении Страннопримнаго Дома и утпиштельном от того послыдстви. Сіс чувствованіе скрывалось во взаимномъ и тайномъ согласіи нашемъ съ матерію твоею, еще при жизни ея, облегчить страждущее человъчество, а по кончинъ ел произведено въ дъйство учрежденіемъ Страннопріимнаго Дома и разными вспоможеніями бъднымъ по ен завъщанію. Тяжка, несносна, мучительна была миъ утрата любезивищей моей супруги, о коей горестивищее воспоминание приближало меня къ гробу; по сокровенное утъщеніе, происходящее отъ чувствованія сего богоугоднаго діла, услаждало мои горести, укръпляло ослабшую душу мою и родило во миз твердое упование на Бога. Его же благостію и милосердіємъ продолжились лъта жизни моей, посвященныя попеченію о страждущихъ. Впечатлій въ сердців своемъ сіе дъяніе отца твоего, къ косму не тщеславіс, но любовь къ добродътели его побудила. Подражай оному въ жизни твоей, въ изъявленіе любви къ твоему Отечеству и въ благодареніе Промыслу за произведение тебя на свътъ обладателемъ великаго наслъдія; дълай добро для добра. Върь миъ, что удовольствія роскоши и пышности при маломъ пораженіп несчастія исчезають, а услажденіе души, ума и сердца, отъ добрыхъ нашихъ двяъ происходящее, навсегда въ насъ остается.

О пріобритеній друзей и различеній оных от льстецовь. О нуждь оз первых и вредь от послыдних. Трудио, конечно, среди изобильных в даровъ счастія предохранить себя отъ неумвренности злоупотребленія оныхъ; но въ такомъ случав, кромв собственнаго разсудка нашего, который часто отъ усилія страстей ослабіваеть, н кромъ правилъ, внушаемыхъ намъ при воспитании о нашемъ поведецін, нужны совъты, паставленія, руководства и доброе въ намъ расположеніе честныхъ, умпыхъ, опытныхъ и постоянныхъ людей, коихъ долженъ ты всемврио пріобръсти дружество и следовать ихъ наставленіямъ, ввърнвъ имъ твое сердце. Его чувствительность влечетъ на доброе и худое. Узнавай, испытывай себя, чтобъ не сдълать тамъ добра, гдъ изъ онаго произойти можетъ вредъ, и совътуйся съ сими людьми, которые тебъ всегда скажуть, оть какихъ твоихъ начинаній какая можеть произойти польза или вредь. Если не будешь имъть друзей съ такими качествами, то окруженъ будешь одиими ласкателями, которыхъ, къ несчастію, часто почитаемъ мы искренними нашими друзьями и которыхъ во множествъ привлечеть къ тебъ твое богатство. Льстеца можно различить оть друга. Первый говорить и совътуетъ все то, что лестио нашимъ чувствамъ, и никогда или очень ръдко и легко прекословитъ нашимъ намфреніямъ и поступкамъ, противнымъ разуму, и вредныя изъ того следствія открывають дурныя его свойства; другой, напротивъ, такъ управляетъ нашимъ сердцемъ, что, открывая вредныя его желанія, всегда отвергаеть оныя и совътуеть только то, въ чемъ разумъ согласенъ съ сердцемъ; совъты его не всегда бывають пріятны, но слідствія оныхъ спасительны и показывають добрыя свойства друга.

Примирт отща от избраніи друзей. Въ молодости моей старался я снискивать друзей старье, благоразумные и опытные себя; быль столько счастливъ, что находиль ихъ, такъ почтителенъ и внимателенъ быль къ нимъ, что слъдоваль ихъ совътамъ, которые приносили мны великую пользу и удовольствіе. Пиры, всякія увеселенія и великольніе, конечно, привлекуть къ тебы множество пріятелей и друзей, которымъ они весьма будуть пріятны; ихъ ласкательства и ложныя уверенія въ дружбы вовлекуть тебя во всякія излишества. Но какъ скоро пагубныя слъдствія оныхъ подвергнуть тебя какомулибо бъдствію или огорченію, вся сія толпа мнимыхъ друзей удалится отъ тебя, а найдутся, можеть быть, двое или трое искренно тебы предапныхъ, кои будуть посьщать и утышать тебя въ горести. Сихъ-то не-

многихъ друзей пужно тебъ имъть зарапъе, дабы спасительными ихъ совътами предохранить себя отъ всякихъ излишествъ.

О лисивисти мнимых друзей, испытанной вз горести и лишеній супруги и при ся погребеніи. Іживость пріятелей испыталь я самь, къ огорчению мосго сердца. Они, казалось, меня любили, почитали, участвовали въ монхъ удовольствіяхъ; но когда кончина супруги моей повергла меня почти въ отчалиное состояніе, весьма мало нашлось утвиштелей и участниковъ печали моей тогда, когда капля слезы, маавиший вздохъ или одно чувствительное слово искренцяго друга, честнаго человъка, могли бы дать хотя слабую отраду душъ моей. Я пребываль въ безчувственности; тело супруги моей сопровождали къ погребенію; инкто изъ множества монхъ знакомыхъ и цазывавшихся монын друзьями, кромф весьма малаго числа искренно ей и мив преданныхъ, не изъявилъ чувствительности къ сему печальному происшествію и последняго долга христіанскаго въ сопровожденіи гроба ея, въ моленіи объ отпущеній гръховъ и о упокоеній души ся. Въ песчастіяхъ нашихъ познаются также друзья паши. Но я обращаю къ тебъ мон мысли.

Обз употреблении богатетвом. Обладая великимъ имъніемъ, не ослъплийся, повторяю тебъ, богатетвомъ и великольпіемъ, во избъжаніе всякихъ излишествъ и порочныхъ удовольствій, но собираемыми съ него многочисленными доходами управляй и распоряжай такъ, чтобы одна часть удовлетворяла твоимъ нуждамъ, а другая посвящаема была въ жертву общей пользь, благу другихъ, во благо и утъшеніе себъ. Есть довольно средствъ, довольно случаевъ къ произведенію полезныхъ дъль: избирай изъ нихъ ть, которые тебъ будуть по сердцу.

О дъланіи добра изъ обизанности и благодарности из Богу, Государю, Отечеству и обществу. Хотя все, что ты имъещь, непосредственно тебъ принадлежить, но помии, что ты самъ принадлежищь Богу, Государю, Отечеству и обществу, коимъ ты для того долженъ творить угодное, что и они творять все въ твою пользу, коимъ ты должень быть благодарень: Богу за дарованіе тебъ жизни, за сохраненіе оной и промысель Его о тебъ; Государю—за утвержденіе и храненіе правъ твоихъ, за призваніе тебя къ должности, чести, отличіямъ; Отечеству—за содержаніе въ нъдрахъ своихъ всего тноего достоянія, всъхъ твоихъ благъ, бытія твоего; обществу—за всъ приносимыя отъ него тебъ услуги, выгоды и удовольствія, за храненіе и защищеніе твоей безопасности оружіемъ, законами, върою, и чрезъ то пріобрътать отъ Бога благодать, отъ Государя—благоволеніе и милости, отъ Отечества—признательность, отъ общества—любовь и уваженіе. По твоимъ пренмуществамъ, въ разсужденіи особеннаго

твоего счастія, ты такой членъ въ обществъ, на котораго, можеть статься, обращены будуть очи целой Имперіи, ожидающей отъ превосходнаго гражданина превосходныхъ дъяній. Важное воззрълище, въ которомъ сей гражданинъ, если не хочетъ быть презрънъ и забвенъ, долженъ въ самомъ дъл; представлять лице добродътельное, важное и необходимое; отличію рода его и богатства должно соотвътствовать отличіе деяній его. Какое всеобщее посменніе, какой стыдъ для него, если на семъ, такъ сказать, всемірномъ позорищь посрамить онъ свои преимущества развращениемъ и пороками! Ужасайся сего несчастнаго жребія, любезный сынъ мой, и яви себя достойнымъ вниманія въ первомъ случать. Старайся быть въ числе техъ избранитимихъ сыновъ Отечества, которыхъ достойные подвиги, военные или гражданскіе, знаменитыя дъянія общественныя или частныя, свойства великодушныя, добродътельнъйшія и любезныя остаются въ незабвенной памяти современниковъ ихъ и потомства; и ежели тебъ, по какимъ-либо обстолтельствамъ, невозможно будетъ отличить себя въ званія своемъ и общественныхъ должностяхъ ревностивйшими услугами, то старайся въ частной своей жизни отдичиться великодушными своими дъяніями, имфющими по свойству своему равный въсъ съ отмънными дъяніями по званію и должностямъ. Добродетель въ подвигахъ своихъ безконечно разнообразна; но сама по себъ все одна и таже добродътель.

О призвании Бога въ помощь во всихъ благихъ намиреніяхъ. О преклоненіи Его къ себь усердіємь къ вырь и проч. Во встхъ же благихъ твоихъ расположеніяхъ и намфреніяхъ призывай въ помощь Бога, -- Бога, безъ Него же инчто въ міръ семъ не совершается: безъ води Всемогущаго ты ничего самъ собою исполнить не можешь. А чтобы Онъ склонидся на твое моденіе, имъй къ Пему любовь безпредъльную, упование на Его милость совершенное; старайся быть достойнымъ благодати Всесвятаго Его Духа, преисполненіемъ души твоей теплъйшею къ Нему върою, върою тапиственною, непостижимою, по коей божественный свътъ озаряетъ всякую душу чистую и благоговъющую къ Богу, своему Создателю и Отцу. Соблюдай правила ся, какъ надлежитъ ревностивищему христіапину, и не дерзай пикогда что-либо помыслить противу въры, пиже усумниться въ божественныхъ ея преданіяхъ и изреченіяхъ, довъренныхъ Святымъ Духомъ Спасителю и благочестивымъ ен проповъдникамъ. Она есть тайна небесния, тайна въчная. Пусть лучше погибнуть ись стяжанія твои въ мірів семъ, пежели погибнетъ въ тебъ въра твоя. Она есть душа нашей жизни временной и въчной; безъ нея бытіе наше-мука въчная. Съ върою человъкъ никогда ни отъ чего не погибнеть; ибо гдъ только наша въра, тутъ самъ Богь, туть Его премудрость и сила.

О несчастіях, приключающихся и добродьтельными людями по непостижимым судьбам Божінм. Примьрг сему кончина супруги среди полнаго благополучін, среди благих нампреній. По иногда человъкъ, при всъхъ своихъ добрыхъ расположенияхъ и дъянияхъ, бываетъ несчастливъ: влополучія въживни постигають равно добродътельныхъ, какъ и порочныхъ. Не благія ли были мои намъренія въ совершенін супружескаго союза нашего съ твоею матерію? Я основаль оный на заковъ Божественномъ и чистой совъсти; цълію его было наше благоденствіе, долженствующее произойти отъ взаимной любви и согласія сердецъ нашихъ, отъ совокупнаго желанія жить не для себя токмо. но и для другихъ; отъ сладостной надежды имъть плодъ любви нашей и родительскими попеченіями воспитать его въ добродътели. Пачало сего союза произвело счастливое последствіе. Легкая беременность матери твоей возвъщала благополучное разръшение; она произвели тебя на свъть безбользненно, и я восхищался, видъвъ, что цвътущее здравіе ея нимало не измінилось рожденіемъ тебя на спіть. Но узнай, любезнъйшій сынъ мой, что едва почувствоваль я сіе восхищеніе, едва ивжный цвътъ младенчества твоего покрылъ я первыми отеческими лобзаніями, какъ жестокая бользнь твоей матери приключившанся, и наконецъ кончина ея превратили сладостныя ощущения сердца моего въ ядовитую горесть. Я возсыдаль теплейшія моленія къ Всевышнему о спасеніи жизни ея, призываль искусныхь врачей для возстановленія здравія ея; но первый изъ нихъ, по неодиократному приглашенію моему, когда бользыь не такъ еще казалась опасною, безчеловьчно отъ сего отказался, и бользнь усилилась; прочіе, не взирая на сіе, прилагали всв усилія, всв знанія своего искусства, по уже не въ состояціи были помочь ей. Стонъ и рыданія мон о сей безцівнюй и невозвратимой утрать едва не вовлекли и меня въ гробъ. Милый образъ ся никогда не выходиль изъ памяти моей, и душа моя желала всегда соединиться опять съ ся душою. Итакъ, среди полнаго благополучія моего сдълался я вдругъ злополученъ; неизвъстная сила положила препятствія къ долговременному наслажденію онымъ, которыхъ невозможно было предвидъть. Всъмъ управляетъ Промыслъ Божій, и человъкъ долженъ поручать себя оному во всемъ, не утверждаясь на однихъ токмо своихъ расположеніяхъ. Милуетъ ли Онъ насъ или наказуеть, все двлаеть по благимъ Своимъ намъреніямъ. Неиспытанны судьбы Божін и не изследованы все пути Его. Но ты родился, и твое младенчество требовало пржирищихъ о тебр отеческихъ попеченій, которыхъ и въ сибдавшей меня горести не оставляль я ни на минуту. дабы со временемъ былъ ты благополученъ. Я уже тебъ ясно сказалъ здесь о томъ, отъ чего ты можень ожидать своего благополучія; напитай душу свою сими наставленіями. Когда же и при всёхъ добрыхъ твоихъ дёлніяхъ искушенъ будешь несчастіємъ, сноси оное съ твердостію духа и благословляй волю Божію, испытующую наше терпівніе въ несчастіи, нашу слабость въ счастіи.

Заключение о исполнении отеческих наставлений. Если ты по моимъ наставлениять и природнымъ хорошимъ склонвостямъ твоимъ будень благополучень, благодари оть всего сердца Создателя какъ за себя, такъ и за меня, что я и въ удобопреклонности монхъ чувствованій, при вськъ моикъ заблужденіяхъ, Промысломъ Его Святымъ подкрапляемъ быль душевною къ Нему привизанностію, варою, любовію къ добродьтели, и что сін спасительныя пособія сохранили меня для произведенія тебя на св'ять. Въ злонолучін прибъгай и ты къ Вогу; когда пороки вовлекуть тебя из оное, представь всю ихъ гнуспость, вспомни о добродътели, о наставлении отца твоего; проси, моли всеобщаго Отца, да благостію Своею паки направить тебя на путь истинный. При самомъ рожденій твоемъ поручидь и тебя правосудной воль Владыки Бога, и просиль Его, что когда ты будень такимъ, какимъ я желаю тебъ быть должно, то да сохранить тебя Промыслъ Его оть всьхъ напастей въ жизни и сподобить тебя Своихъ милостей; по когда не последуень внушеніямь любви и страха къ Вогу, святыя въры, христіанскихъ добродътелей и обязанностей сыновъ Отечества, когда развратишься совершенно, то да будеть воля Его надъ тобою! Да накажеть тебя въ день страннаго суда Своего въчнымъ отчуждепіемъ отъ лица Своего и проклятіемъ. Я бываль счастливъ и песчастдивъ, радовадся и съговадъ, но во всякомъ случав прибъгаль къ Вогу, не попустившему меня въ крайности. Да будеть Его благословеніе и надъ тобою.

О исполнении послыднию долга от разсуждении комчины отча. О кончины моей, если оная тебя встревожить, не предавайся безыкрной горести. Смерть есть общій и неминуемый путь къ вычности. Когда умираємь въ выры, раскаяніи и чистомь покаяніи въ грыхахь нашихь,—чего иного должно ожидать отъ Творца, кромы безпредывнаго Его къ намъ милосердія? И тогда умирающіе не совсымь достойны слезь: они идуть въ ныдра вычнаго блаженства, а не въ бездну нескончаемыхъ мукъ. Прошу тебя усердныйню отдать пристойнымь бользнованіемь послыдній долгь отцу твоему, постараться всыми мырами исполнить точно волю его, въ помянутомъ завыщаніи моемъ начертанную. Полезные и отрадные душь моей будеть, если вмысто безплоднаго сытованія, ежедневнымь поминовеніемь о мны и супругы моей въ храмахъ Божінхь, при совершеній безкровныя жертвы, и всякими угодными Господу дыяніями станешь молить Его о помилованія

меня и матери твоей во всъхъ нашихъ прегръщенияхъ и упокосии душъ пашихъ во дворъ святомъ Его. Помин, что житіе человъческое кратко, что весь блескъ міра сего пеминуемо исчезнеть и вев живущіе въ немъ переселится въ въчность, не взявъ съ собою инчего, кром'в добрыхъ двлъ своихъ. Исполнене воли благой отца твоего есть также доброе діло. Будь мив любезивницив сыпомъ и по смерти моей. Не преступая нимало предписацияго тебь въ завъщани, оставленные тебъ миою 000 рублей употреби во всей точности завъщанія того. Я увъренъ, что ты, основавнись на внушенныхъ мною тебь правилахъ жизни, послъдуещь благоразумно и душевной доброть твоей, поддержишь достоинство свое не одною знаменитостію титла и богатства, но и безпорочнымъ поведеніемъ и христіанскими добродътелими. Господь да укрвинть тебя въ день нечали, да сохранить тебя во вскуъ путехъ твоихъ и ущедрить благостію Своею! Да освятить вхожденіс твое въ міръ и пехожденіе! Отходя въ въчность, целую тебя последшимъ приованіемъ.

Спаситель сказаль, что удобиве верблюду протвениться сквозь Иглиное Ушко (проходъ въ одной изъ Терусалимскихъ етъпъ), нежели богатому войти въ царство небесное; по туть же прибавиль: невозможное у людей, позможно у Бога. Сынъ плотинка, родивнийся въ ясляхъ, Христось-прямой потомокъ царя Давида, окруженный простонародьемь, въ тоже времи дружить Опъ съ Госифомъ Ариманейскимъ и Никодимомъ. Такимъ именно другомъ Вожінмъ представляется намъ графъ II II. Шереметевъ въ последије годы своей жизни. Когда мы печатали выше помъщенныя выдержки изъ его бумать, намъ приходило на мысль, что сказаль бы, прочитавь ихъ, покойный академикъ А. В. Никитенко, изобразивний его такими неприглядными чертами? («Русская Старина» 1888, № 8-й, стр. 309 и д.)? Впрочемъ, безиристрастный читатель его любонытныхъ Записокъ дегко замичаеть противоръчія въ повъствованіи бывшаго кріпостнаго человіка. Такъ опъ съ горечью передаетъ о ссылкъ его отца изъ Воронежской губерии въ Смоденскую, и самъ же говорить, что ему самому было тогда лътъ пять или шесть: след., это произошло уже по кончице графа Пиколая Петровича. Отецъ его обучился грамоть, получиль возможность быть сельскимъ учителемъ и вести жизиь въ довольствъ, благодаря тому же графу Шереметеву. Въ доказательство заботь этого перваго по богатству тогданняго помъщика о своихъ крестынахъ приводимъ здъсь два его указа.

Домовой моей канцеляріи.

Ī.

Докладомъ оная канцелярія представляеть о выборі въ вотчинахъ изъ сиротъ и изъ дворовыхъ мальчиковъ для обученія грамоть и писать, а гдв есть знающіе ариометикв, то хотя показывать первыя правида, при чемъ подносить о содержаніи тахъ учениковъ въ вотчинахъ генеральное положение и особый реестръ, поскольку въ которой вотчинъ назначается по числу ревизскихъ душъ брать учениковъ. По справив оказалось, что указомъ 1764 г. Августа 7 дня, за рукою родителя моего, вельно завесть школы въ с. Останкинъ и Кусковъ, въ коихъ имъть по 10 человъкъ, въ коихъ и обучать назначено какимъ наукамъ, которые по дому нужны. Въ штатахъ 1769 въ с. Останкинъ опредълено въ школу 20 человъкъ, въ с. Кусковъ 1786 г. велъно имъть для обученія дворовыхъ людей дітей грамотів и ппсать 12 человівкъ. А потому въ с. Останкинъ и числится нынъ въ школь школьниковъ 13 чедовъкъ, но и тъ находятся безъ всякаго призрънія и ученія; а положенную имъ дачу отцы написанныхъ получаютъ напрасно. Л изъ сего и выходить ясное замвчаніе, что въ отдаленности шкоды пазначаемыя канцеляріею не достигають пользы, а убытокъ и притьсненіе крестьянамъ только будетъ, ибо и передъ глазами самихъ управителей не выполняють положенія родителя моего по сіе время. Того ради опредвляю:

Во встат вотинать учредить школы и богадтьнии, на основаній школь въ слободахъ моихъ съ разницею токмо тою, что въ оныхъ быть учителемъ земскому; въ Кусковъ же и въ Останкивъ школы имъть по штату, нынъ учиненному. Гр. Николай Шереметевъ.

Генваря 29 для 1791.

II.

Во время бытности моей въ с. Мещериновъ, Амиревъ и Марковъ и въ проъздъ въ Островцахъ и въ Выхинъ, входя въ оныя правленія, усмотрълъ я многое злоупотребленіе не только въ противность моихъ предписаніевъ, но и совершенное самовластіс, а отъ сего и человъчество непозволительнымъ образомъ страдало, а особливо въ Марковъ. Видно и самъ старшій управитель проъхалъ чрезъ всъ сіи злочнотребленія, имъя, какъ видно, глаза и уши не въ обыкновенномъ своемъ дъйствіи. Гр. Н. Ш.

8 Ноября 1795.

Странлопріимный домъ въ Москвъ остается живымъ въковъчнымъ памятникомъ графу Н. П. Шереметеву. П. Б.

distance of the same and decided a

МОСКВА ВЪ 1812 ГОДУ.

Описаніе моего пребыванія въ Москвѣ во время Французовъ, съ 1-го по 21-е Сентября 1812 года.

1-10 Сентября, по счастю моему, успыть и отправить изъ Москвы жену мою и малольтнихъ дътей, назнача имъ пребывание въ деревиъ Иовой, что по Троицкой дорогь, гдъ бъ они дожидались меня. Но ахъ! Сего не случилось: судьба пріуготовляла мив пить чашу горестей, я пораженъ быль несчастіемъ, совсьмъ мною неожиданнымъ.

2-10 числа воспослъдовала со мною величайшая перемъна: желанія, наміренія, кон я иміль въ мысляхь своихь, осталісь тщетными и безполезными. И видълъ уже въ Москву входящихъ Французовъ, отъ конхъ пришелъ въ безпамятство. Не зная, за что взяться и что убирать, копаль яму для сундука съ величайшимъ напряжениемъ силъ монхъ; въ замешательстве и разстройстве мыслей, укладываль въ него самое лучшее изъ имънія; наконецъ, ндругъ увидълъ входящаго въ домъ мой одиого Француза, который бъгаль, какъ бъщеный, смотрълъ на ту и другую сторону и говориль мив на своемъ Французскомъ языкъ; а какъ я не зналъ опаго, то дълалъ ему рукою знакъ, чтобы онъ вошель въ компаты мон. Описывая горествое свое состояніе, долженъ я упомянуть и о несчастныхъ женщинахъ, не имъющихъ никакого пристанища, коихъ было семь челопъкъ: мать съ дочерью больною, умъвшею говорить на Французскомъ языкъ, посредствомъ кося и отвътствоваль я на вопросы оному Французу. Упомянутый пепріятель, войдя въ комнаты моп, стремительно объгаль ихъ, удивлялся вопросамъ дъвицы, говорившей сму по-французски и, подумавъ прсколько, отвъчалъ ей, что опъ смотрить, прть ли здрсь солдатъ Россійскихъ и оружія; потомъ просиль хльба. Я вельлъ дать онаго и, сверхъ сего, еще полштофа сладкой водки, коей у меня только и было. Онъ, наливши рюмку, приказываль мив напередъ выпить. Я, увидя его сомивиающагося, приняль рюмку и пиль; потомъ, по приказацію его, я подаль ему масла коровьяго и еще мяса, попь столько ълъ жадно, что ничего поставленнаго мною не оставилъ. Во время сіс хвалиль онъ своего Императора и обнадеживаль насъ, что съ

нами ничего не будеть: «Домы ваши будуть цълы, и имънія ваши не будуть разграблены; если же кто осмълится тропуть, то объявите офицеру, и грабители будуть наказацы». Я хотьль продолжать съ нимъ разговоръ чрезъ сію дъвицу, но увидъвъ, что она слаба, да и не понимая смыслу Французскаго языка, оставиль ихъ и пошелъ въ другую половину комнаты, гдъ бъ дать волю течь слезамъ моимъ. Съ колънопреклоненіемъ просилъ я Вога о прощеніи нашихъ согръщеній; потомъ опять вошель къ нимъ и увидълъ, что онъ вышель вопъ, довольно укръпивши себя пищею. Въ сіс-то время я началь колебаться въ мысляхъ своихъ: если мит бъжать изъ Москвы, то мит панесутъ безпокойство бывщіе со мною. Говорилъ я родительницъ своей, чтобъ она со мною ушла тайнымъ образомъ; но она отговаривалась отъ сего, представляя мнт ту причину, что пикакой еще нъть опасности; при крайности же можемъ уйти и въ слёдующій день.

Наступила ночь, въ которую я хотя и безпокоплся, однако съ нами ничего не случилось. Часто выходиль на дворъ, гдъ слышаль стопы въ сосъдинхъ домахъ, стопы, означающіе разбойническій грабежъ. Въ третій день поутру пришель ко мий мой родственцикъ и говориль мий, что Французы вошли самымъ благовиднымъ образомъ, и что одинъ Франкузской офицеръ говорилъ съ нимъ весьма дасково и потчивалъ арбузомъ, за который онъ заплатиль столько, сколько потребоваль лавочникъ. Поговоривши, съ симъ монмъ родственникомъ разстался, и послъ него инчего не дъдалъ и не убиралъ, а тодько ходилъ взадъ и впередъ по компать и быль въ глубокой задумчивости. Въ половинъ дня пошель я къ Арбатскимъ воротамъ уведомить онаго родственника и, пришедин въ домъ его, увидълъ, что у него шесть человъкъ Французовъ искали хлъба, а у сосъда его и другія прихоти исполнять хотіли: кто что хотіль, тоть то и бралъ. Увидя непріятелей въ домъ его, я пустился бъжать въ домъ свой. Не прошло часа, какъ явились и ко мив четыре Француза, начали искать всего, копали и брали все то, что имъ надобно, а именно: рубашки, платки, манишки. Сколько я имъ ни представляль бедность свою, по они, ни на что не взирая, брали все оное. За ними еще всябдъ другіе пять человёкъ пришли и тоже грабили, изъ коихъ одинъ, будучи благосклоннъе, вошелъ со мною въ разговоръ чрезъ оную дівицу, соболізноваль объ участи моей и совітоваль, чтобъ я убралъ оставшееся имущество, и научалъ, какъ спастись отъ грабительства непріятелей; потомъ, вынувъ онъ бутылку дреймадеры, съ нимъ бывшую, пилъ самъ, также просилъ и меня неотступно выпить. Сколько я ни отговаривался, но принуждент быль нить, смъшавъ со слезами моими. Многихъ приходившихъ сей Французъ отводиль оть моего дому, говоря, что я здреь оть начальниковъ приставленъ для сохраненія онаго дому и имінія, и тімъ самымъ сохраняль отъ грабителей. Сіе продолжалось до самыхъ сумерокъ. Выходилъ оный пепріятель къ стучавшимся въ сіе время четыремъ Французамъ и не могъ уже ихъ уговорить отъ грабежа: они выгнали и его и дълались мив защитинками, при чемъ увъряли, чтобъ я пичего не онасался, а между тъмъ спрашивали сахару, нива, водки и облыхъ хлъбовъ. Но какъ у меня сего не было, да и достать негдв, то оть сего они пришли въ бъщеиство, начали мив угрожать опаспостно и убъжденіямъ монмъ не могли повърить до тъхъ поръ, нока не обыскали весь домъ и погреба. Пичего не нашедши, изсколько усноконянсь, стали обходиться ласковъе, потомъ вышли двое куда-то, не знаю, и принесли чугунъ готовой живности, веліли намъ поставить на очагь. Покамбеть это готовилось, они между тъмъ пили принесенные съ собою напитки и, напившись пьяны, потребовали перинъ. Я тотчасъ вельять послать имъ постели; двое изъ нихъ легли, а двое пошли къ сосъду моему въ домъ некать у него напитковъ. Возвративнись оттуда съ одними вязаными перчатками, сбли съ нами, и казалось мив, что они старались за мною примъчать. Я часто выходиль на дворъ смотръть на пламя, пылающее въ рядахъ и на загорающиея въ другихъ мъстахъ зданія. Также и они, растворниъ окошко, смотръли и увъряли меня, что это не Французы жгутъ, а Русскіе. Въ сіе время, т. с. часу въ первомъ почи, загорълся сосъда моего домъ, смежный съ монмъ. Тогда я, оставя все, домъ свой и имъніе, въ немъ находащееся, хотыть бъжать, сказавъ родительниць, чтобы и она за мною следовала. Лишь только за ворота вышель, какъ опи выбетли на улицу и, схвативши меня, пельди опять идти въ домъ мой. Сколько я ихъ ни убъждаль, прося у ихъ со слезами увольнения объ отпущенін себя, по они сего не сдълали. Печаянно навхаль на насъ объвздной ихъ офицеръ, кой, будучи тропуть мосю просьбою и слезами, вельять меня отпустить. И такимъ образомъ освободяся отъ нихъ, нустился я бъжать со вебми прочими, взявим подъ руку родительницу свою. Въ замъщательствъ и забвенін не знали сами, куда шли. Приближась къ Пречистенскимъ воротамъ, увидъли бъгущихъ прямо на пасъ двоихъ Французовъ съ обнаженными мечами, кон, остановя меня, приставляли къ груди моей обнаженный мечъ и угрожали миъ смертію. Родительница, видя сіе мое несчастіе, поверглась къ погамъ сихъ непріятелей, и вст вообще, со мною бывшіе, просили ихъ о помилованін меня. Они жъ, не винмая ихъ прошеніямъ, требовали денегь. При такихъ угрозахъ и при такихъ опасностяхъ, желая сохранить жизнь свою, вев ихъ прошенія дерзостныя я принуждень быль

исполнять. Вынималь имъ денегъ, но не болье 50 копвекъ, коп они брося, начали болье мнъ угрожать смертно и требовали безотступно отъ меня серебра. Послъдніе три рубля отдавъ имъ, вельлъ имъ себя осмотръть всего, какъ имъ угодно. По обыскаціи, нашли у меня они ножикъ перочиный и, взявши опый, отпустили меня.

По претерпвийн сихъ ужасовъ, пустились мы бъжать на Каменный мость, стараясь всячески укрываться отъ непріятелей; косогоромъ спускаясь къ лъснымъ рядамъ, находили препятствіе отъ лаянія собакъ, не дающихъ намъ тихо проходить. Между тъмъ видъли мы издали, какъ пламень пожираль огромныя зданія, какъ непріятели повсюду учиняли грабежи. Въ отчанийи и страхъ прибъжали на Каменный мость п, поднявшись *) до половины опаго, увидели на той сторонъ темноту страшную, возвратились и пошли по набережной. Прошедъ ее нъсколько, сошли по сходамь впизъ къ Москвъ ръкъ, гдъ увидъли караульню и были долго въ неръщимости, думая, что въ опой будив находятся Французы. Однакожь тамъ никого не было. Потомъ смотръли на огонь, кой пожираль строенія, проливали слезы, наполняли воздухъ степаніями, вздыхали; по все было тщегно. Долгое время тамъ мы сидели, не видавъ викого. Потомъ, обративни взоры вверхъ на набережную, увидели одного Француза, идущаго за водою. Поровнявшись съ нами, началъ опъ спрашивать, зачемъ мы здесь? Мы, обливая слезами лице наше, отвічали чрезъ туже дівицу, что мы дишились домовъ и отъ огия ищемъ спасенія у ріки. Пепріятель сей, видя меня дрожащаго отъ холода, даль мив водки, и я, выпивши нвсколько, благодарилъ его. По отшествін его, пришли еще четыре Француза, не такую ласковость намъ оказавшіе, какъ прежній ихъ товарищь: они были дерзки и жестокосерды, требовали съ ногъ моихъ сапоговъ, и я, поспъшно скинувъ, отдалъ пиъ, и получилъ отъ нихъ худшіе, и еще жесточайшій ударъ, лишившись узслка, въ коемъ, пе внаю, что было положено родительницею. Послъ сей встръчи, мы ръшились идти дальше по набережной къ мосту Москворецкому, думая: гдв ихъ много, тамъ ихъ и начальники есть, кои не допустять больше насъ грабить, въ чемъ и не ошиблись. Пришедши къ мосту, увидели нашихъ Русскихъ, сидящихъ на бревнахъ, и говорили имъ, почему они здысь спрять? На сей вопросъ они намъ отвытствовали, что имъ непріятели не дають пропуску чрезъ мость на ту сторону, упомянувъ при томъ и то, что у мосту Французовъ великое множество; рѣшились и мы съ инми състь. Французы, видя насъ, подходили и распрашивали насъ о нашихъ состояніяхъ и о родів. Увидя несчастное наше

^{*)} Каменный мость быль тогда много выше пынащияго, съ башиями по угламъ ; торговыми лавками по бокамъ. П. Б.

состояніс, пришли въ жалость и отвели насъ на свою квартиру, въ коей была цирульня, и предлагали намъ, чтобъ мы шли въ верхній этажъ онаго дома. Но я, опасаясь, не пошель вверхъ, а вачалъ просить, чтобъ оставили насъ здёсь внизу, мы и симъ довольны будемъ. Засвѣтивши свѣчу, съ нами разговаривали и ободряли насъ, чтобъ мы ничего не опасались. Не болѣе посидѣли мы, какъ часа два; начинало разсвѣтать. При наступленіи дия, сошли сверху два Француза высокаго роста, собой весьма красивые, кои намъ казались чувствительнѣе всѣхъ и умиѣс, да и самый разговоръ ихъ показывалъ, что они сожалѣли о насъ; при томъ дали намъ нѣсколько мяса, хлѣба и сахару.

Вотъ уже наступилъ и день 4-го числа. Пепріятели начали для себя готовить кушанье; изготовя, пофли и цамъ делили по и скольку. Потомъ уходили, говоря намъ, чтобъ мы дому сего не оставляли. Находясь мы въ семъ домъ, видъли, что все приходили разные Французы, пекли, варили для себя и опять отправдялись, а куда, намъ совсьмъ было неизвъстно. Улицею же была ъзда безпрерывная въ два ряда, по одной сторонъ мостовой въ гору, а по другой внизъ, т. е. на мостъ. Сіе продолжалось отъ утра до ночи. А пожаръ былъ такъ силень, что куда ин посмотришь, вездь объято было пламенемь; огонь пожираль зданія и производиль сильный вітръ. Віющіеся надъ зданіями клубы огненные представляли взору нашему ужасное и страшное зръдище; наши же несчастные Русскіе ходили взадъ и впередъ, не находя себъ мъста къ выходу; лишенные почти всъхъ силъ, падали оть сего ужасцаго зръдища. Я, обращая изоръ свой на все сіе, не въ силахъ описывать; находясь въ замъщательствъ, говорилъ только въ сердив своемъ: «Господи, Боже нашъ! Ты, Владыка, единъ есть намъ защитникъ! Подъ Твоей всесильною десницей и плънники, окружениые отвоюду ужасами смерти, могуть быть спасены и избавлены отъ смерти». Потомъ видвли, что и у нихъ смятение умножалось: говорили съ величайшимъ жаромъ, спъшили къ выходу какъ будто бы изъ Москвы, вздыхая сильно и взявъ свои ружья, пошли въ гору самымъ скоръйшимъ образомъ, оставя насъ однихъ въ семъ домъ. Чрезъ двъ минуты пришелъ одинъ Полякъ прямо въ этотъ домъ, гдв мы. Онъ почель меня хозянномъ сего дома, да и цырульпикомъ, на что я ему отвъчалъ, что я ни тотъ, ни другой, и что мы оставлены здёсь Французами укрыться оть огня, бури и холода, и что я лишился дому и имбиія. Онъ слушаль слова мои со злобнымъ видомъ и, чувствуя эту отраду, что опъ могъ метить за прошедшія свои разоренія, отъ Россіянъ учиненныя, стращаль меня и, ударя по уху, требовалъ серебра, вынималъ саблю и показывалъ глупую свою

храбрость надъ обезоруженнымъ. Наконецъ, обличаемый товарищемъ своимъ въ дерзкихъ сихъ поступкахъ, совсъмъ перемънился и сдъдался даже для меня удивительнымъ: повергнись на кольни предо мной, приставлять къ своимъ губамъ саблю, хотъль цъловаться. По я, схватя свою шляпу, ушель съ поспъщностно со вежин товарищами. Хотя же онъ пустился за мною бъжать, но офицеръ ихъ его остановиль. Между тъмъ, какъ я удалился на набережную, вдругь сей офицеръ догналъ меня и говорилъ мив, что онъ сего уптеръ-офицера накажеть за его поступки. Упижаясь предъ нимъ, и отъ него старался я удалиться, потому что и у него лице было показываемо исполненнымъ сладострастія; онъ дълаль изъ себя какъ бы видъ сострадательности, а между тымъ дарилъ оной дівиці штуку капивасу, большой кусокъ сахару и бутылку вина; потомъ предлагалъ идти намъ на свою квартиру. Я просиль его, чтобы онъ насъ оставиль. Тронуть будучи и убъжденъ моими словами, онъ не показалъ инкакого насилія, и мы тотчась увшились идти опять къ набережной, къ Москив же ръкъ, гдъ нашихъ сидищихъ было уже множество. Лишь только начали мы сходить на сходъ, какъ вдругъ увидъли посланиыхъ отъ онаго офицера двухъ солдатъ, кои наспльно стали тащить дъвицу лътъ дивиадиати Мать ся громко закричала, и они оставили ее. Потомъ и къ опой дъвицъ, со мною бывшей, приступали; я опять ихъ усовъщеваль словами и тъмъ обратилъ всв ихъ звърства на себя: приступивши ко мив, велвли сиять съ себя капотъ, жилетъ, манишку и платокъ. Покорствуясь власти непріятельской, яко пленикъ, сиялъ я съ себя все сіе и отдаль имъ, при чемъ взяли у меня бумажникъ и портреть миніатурный, обдівланный въ зологів, остави меня въ одномъ кафтанъ и, ударивъ двумя ударами саблей плашмя, со мной разстались. Посль сего случившагося со мною несчастія, сошель я внизъ и, съдши подлъ матушки, обернулся ся салона полами и тъмъ нъсколько сохранялся отъ стужи. Спустя пъсколько времени ходили уже къ намъ пепріятели для грабежа артелью. Видя насъ собравшихся великое множество, обирали все и платки, и шубы. Дошель и опять чередъ до меня: обыскивали и ничего не нашли; только нашли у родительинцы моей обручальное мое кольцо золотое, а у дівицы оной денегь 25 рублевъ и черный платокъ на головъ. Все сіс взяли и пошли.

Ночь сін для насъ была самая жестокая: поминутно приходили, обирали насъ и все разные пепріятели. Приходили еще пъсколько человъкъ и звали меня съ женщинами моими для того, чтобъ нмъ растворить хатбы. Хотя несчастныя женщины отговаривались отъ сихъ трудовъ, однакожъ послушали меня. Пришедши къ нимъ, уви-

дъли мы, что вся ихъ компата застлана была перинами. Хотя сіе мив казалось подозрвніемъ на счеть дввиць, однакожь рышился остаться и дожидаться, что будеть отъ нихъ. Дали намъ всть. Я не знаю, вли ли онъ, а я ничего не могь ъсть. И такъ предлагали, чтобъ онъ принялись за квашни; по женщины мои всячески старались отговариваться пожаромъ, потому что и сей домъ началъ загораться. Видя они женщинъ упорство, отпустили, и мы опять на тоже мъсто пришли и усадились по прежнему. Часа чрезъ два другіе пришли грабить, но мы были такъ уже бъдны, что нечего уже болъе у насъ брать. При семъ несчастномъ состояніи снимади они съ меня и съ прочихъ даже и рубашки. По отходъ ихъ, я принужденъ былъ надъть женскую рубашку работницы моей. Потомъ видълъ на той сторонъ Москвы-ръки мальчика въ одной рубашкъ, не болъе шести лътъ. Ходи онъ около огия одинъ, громко кричалъ: «Прогиввался Господь на насъ», повторяя безпрестание напъвомъ плачевнымъ. Я, показывая своимъ сего мальчика, обливать лице свое горестными слезами, стопаль, мучился, держа въ мысляхъ своихъ слова сін: «Господи! Ты встрвчаемъ былъ младенцами, поющими: «Осанна въ вышнихъ, благословепъ грядый во имя Господне! >> Сей же, напротивъ, отрокъ, вмъсто сей радости, оглашаеть воздухъ горестными слезами и укоряеть насъ во грехахъ нашихъ.

При семъ случав пришли къ намъ еще Французы и велели за собою следовать. Пришедни въ Зарядье, загнали насъ, какъ овець, на дворъ и заперли за нами ворота. Здъсь мы, видя премного предлишыхъ скамей, думали: что съ нами хотели делать? Я мыслиль, не хотять ди насъ заставить крошить хлебь для сухарей; а другіс, что насъ для того въ семъ мъстъ заперли, чтобъ мы, вмъсть съ симъ домомъ, сгоръли. Но мы всв ониблись. Видъли, какъ выпосиль одинъ Французъ мъшокъ, ставилъ у воротъ, потомъ пошелъ за другимъ, и такъ вынесъ ихъ до 30 пли больше. Непріятели приказывали намъ взять сін мізшки и цести за собой. Мы, взявшись за сін ноши, любопытствовали и узнали, что это были сухари; цесли за ними въдругой домъ, кой былъ въ довольномъ разстоянии отъ сего дому. Пришедшимъ намъ сюда, непріятели дали намъ саломаты; я только отвъдалъ, и если бъ всть хотвль, то и тогда бы не сталь всть. Потомъ поставили нива самаго дурнаго и, спусти пемного времени, опить велъли намъ нести сін ноши изъ этого дома. Мнъ уже не досталось несть мъшка, а дали намъ двоимъ несть что-то въ ведръ жидкос. Въ оное время видели мы своихъ бродящихъ, инущихъ мъста, где бы укрыться; ходили они точно сонные, непонимающие одниъ другаго. Напол-

ненъ будучи симъ, вдругъ увидълъ и несходствующаго лицемъ на прочихъ человъка, который походилъ на Евреянина: волосы у него были темнорусые, ивсколько завиты, росту средняго, нось съ горбиною, глазами своими смотрель на меня удивительно; даль онь намъ дорогу, дълая знакъ, будто и опъ, какъ и прочіе, опасается. Я же, замътя его, шель тихо и даль ему пройти. Потомъ тихо сказаль своему товарищу поставить ведро подъ тъмъ предлогомъ, яко бы мив непривольно нести, а самъ обратилъ лицо свое назадъ и смотрълъ на него, равно и онъ на меня. Когда же отвратилъ лице, тогда онъ пересталь смотреть и пошель прямо. Въ сіс-то время сказаль я громко: «О Боже! Доколь будуть съ нами встрычаться песчастія? Доколь будень Ты наказывать насъ рукою въроломнаго испріятеля?> Принесии на дворъ, увидъли, что мои женщины сидълиздъсь у стъпы и слушали худо болгающаго по-русски Французскаго какого-то чиповника, кой закрывалъ свои знаки коротенькой шубейкой, чего я и слушать не хотъль. Будучи сжагь холодомъ, сълъ я съ родительницею дальше оть всехъ и закрыль себя полами ся салопа, и темъ ибсколько сограмен. Спусти немного, опять приказывали намъ нести сухари. Мы брали и выносили оные мъшки уже на набережную, гдв, поставя, спращивать я ихъ о своихъ женщинахъ, и они мив говорили, яко бы онъ пошли впередъ; изъ чего яспо узпалъ и ихъ ложь, что они меня хотвли отъ нихъ отклопить. Въ семъ случав предадся я воль провидвиія Божія и просиль ихъ, чтобъ они меня отпустили посмотреть на мой домъ, и они мив дали на волю выбирать любое изъ двухъ: или остаться съ ними, или пати въ домъ. Отнесъ я имъ съ набережной внизъ къ Москвъ ръкъ свой мъшокъ, въ награду получа отъ нихъ три креидели. Иди набережной, обращалъ взоръ свой на всъ стороны, не познаваль мъсть и дороги, куда мив идги, наконецъ узналь, что я у мосту Москворъцкаго, кой уже весь сгоръль. Далъе продолжая путь свой, встрътился со мною злодъй и заставиль меня нести за собою свъчи сальныя. Пришедши въ часовню, цепріятель сей говориль мив по-русски, мъщая Французскія слова, показывая пальцемъ на образа, чтобъ съ нихъ содрать ризы, отъ чего и будутъ деньги. Я ему инчего въ семъ не прекословилъ, но только отъ него отвернулся; потомъ онъ вышелъ отгуда и пошелъ куда ему надобно. Следуя за нимъ съ поспешностію, урониль я две свечи и кричалъ ему, чтобъ опъ остановился; поднимающаго свъчи ударилъ опъ меня дважды палкою, потомъ, ощупывая меня, нашелъ крестъ, сорваль и бросиль. Оть сего я пришель во рвеніе и великій гиввь, и едва изъ себя не вышель: хотъль было наступить на него. Но вдругъ мив пришли на мысль малольтийн дъти мои, привелъ и на память

опасность жизни и сиротство ихъ, имъющее произойти отъ непокорности. Пепріятель изъ сего моего поступка увиділь, что в ему не надежный рабъ, остановился и спрашивалъ: «Ты нашъ?» Я сказалъ ему, что Русскій, и онъ, ощупавъ меня, сказалъ: «О, ты голый!» Толкнувъ рукой и ударя одинъ разъ палкой, сказалъ: «Поди!» Отошедши нъсколько, думаль и: «Ну, ежели попадусь въ такому же злодъю!» Паконецъ, ръшился идти туда же, гдъ я сухари посилъ. Не болъе я отошель, какъ шаговъ десять, вдругъ часовой набхалъ на меня и ударилъ прикладомъ такъ, что съ ноги моей соскочилъ туфель: я поднималъ его и получилъ отъ него вторичные удары. Хоти я сму пичего противнаго не говорпиъ, кромъ словъ: Дай же мив поднять туфель!» по онъ думаль, что и ему противлюсь, оборотя ружье, хотьлъ заколоть меня штыкомъ; другой, подскочивъ, съ великою скоростію выпуль саблю и удариль меня по львой рукь и по боку такь жестоко, что я думалъ, будто онъ меня пересъкъ поподамъ. Снивни съ другой поги туфель, я бросиль къ нимъ, а самъ пошель по тракту, ведущему въ мой домъ, безпрестанно читая молитву: «Господи, Інсусе Христе, Боже нашъ!» и проч., и съ сею молитвою дошелъ благополучно до самаго моего дому, не видавъ ни одного Француза. Одно лишь эхо въ ушахъ моихъ было слышно: «Наполеонъ». Мечталось мив, будто онъ вездв ходилъ и мучилъ народъ Христіанскій. Сія мысль происходила отъ безсонницы. Наконецъ, пришедъ въ свою улицу, смотрълъ на вет стороны, заливаясь слезами; не узнавалъ, гдт чей домъ былъ. Самыя трубы мив казались за людей или большихъ гигантовъ, будто парочно поставленныхъ для караула. Въ какомъ видъ мив все сіе представлилось, въ такомъ и описываю. Въ страхв человъку можетъ мечтаться все удивительнымъ и чуднымъ. Пришедъ къ своему мъстопребыванію, я увидъль, что одинъ только пенелъ тлился надъ нимъ. Тогда то я сказалъ со слезами: «И вотъ мое имвніе! Вотъ моя и пища! Вотъ все въ этомъ пепав заключается! Легши на него, началъ горько плакать: потомъ всталь и ношель посмотръть, ивть ли кого? II увидель вдали человека, идущаго прямо ко мис, кой, пришедши, проливаль со мною вывств слезы. Въ сіе время я быль вив себя и, по долгомъ испытаніи, едва я могь узнать его: оный человъкъ быль господина Нестерова. И звалъ его въ подвалъ въ домъ Повосильцова, чтобъ ивсколько успоконться; пришедъ туда, успули мы кръпко.

5-10 Сентября по утру всталь я очень рано, по товарища моего уже не было. Потомъ видълъ влъзающаго ко мит непріятеля, коего я самъ, да и изъ отвътовъ его, узналъ, что онъ былъ Полякъ, и потому удариль его такъ сильно, что онъ, не могин стоять на погахъ, упаль; потомъ, поднявши за вороть и ударивши его вторично, выбросиль изъ подвала. По учинени сего поступка, ясно увидъль, что худо едълаль. Размышляль, какъ бы спастись, и вышель въ тоже время въ другой подваль, скрывшись въ вырытой ямв. И здвсь меня непріятели увидели и сыпали медкимъ кирпичемъ на голову мою; потомъ два половинчатые кирпича бросили на меня. Сін удары едва могь я вытерпъть; однакоже не вставаль. Они, видя меня не встающаго, начали ворочать штыкомъ, потомъ сами влізли ко мий въ яму, ощупывали меня, ударили и ругаля, однакоже оставили. Послъ ихъ спустя пъсколько, вышель и вонъ посмотрёть, куда бы мив удалиться, и увидълъ близъ церкви Покрова Левшина многихъ нашихъ Русскихъ, стремедавъ пустился къ шимъ и, прибъжавии, старался подлъ вихъ светь. Увидевъ золу, еще не простывную, свлъ на нес, но и здвеь непріятели насъ безпоконли и тревожили: даже ни одной не проходило минуты, чтобъ они пасъ не обпрали. Потомъ, по приглашению пъкоторыхъ, пошли мы въ домъ какого-то киязя, гдъ жила, мив непзвъстная, Итыка, знакомая симъ. У нея въсколько обогрълись и вдругъ увидъли, что и этотъ домъ зажгли, отчего я поспъщно вышелъ одинъ и пошель къ своему дому, гдв постояль, какъ сумасшедшій. Потомъ, пришедни въ свое положение, обратился къ церкви Священномученика Власія, пошель поклониться ему; по. дошедь къ церкви, увидель множество прихожанъ другихъ церкией, діаконовъ и священниковъ, квартального поручика съ женою и дътьми, коего при миъ также ограбили и раздъвали, оставя въ одинхъ портахъ. Въ горячности хогълъ было онъ бъжать и жаловаться ихъ гепералу; по злодъи, остервенившись, приставили издали прямо на него ружье, и тамъ самымъ его отвратили отъ бъгства и не линили жизни. И съ ужисомъ и тренетомъ взиралъ на сіе страшное позорище, дрожаль отъ холода и стужи. Въ сихъ горестиыхъ обстоятельствахъ предаль себя совершенцо промыслу Божію, потомъ увидъть идущую ко мит родительницу, коя чрезвычайно обрадовалась мив, равно и я ей; давала мив, будучи сама томима голодомъ, засохлыя горочки. Я браль оныя и делиль съ нею пополамъ, видя, что и ей себя пужно было подкрфиить. Посторонніе, видя наше приніе, дали намъ хлиба небольшой ломтикъ, кой мы принявии, благодарили ихъ. Послъ сего я распрашивалъ, гдв она оставила мать съ дочерью. Она разсказывала миѣ такимъ образомъ: «Когда вы иссли сухари на набережную, то воспрепятствоваль намъ следовать за вами тоть самый непріятель, кой враль намъ по-русски, и вельть намъ за собой идти. Приведни въ домъ, заперъ насъ. Чрезъ нъсколько минутъ явился въ такомъ же одъянии непріятель не тотъ уже, а другой; старался всически обольщать спо дъвицу, но не имъль успъха; обратиль мысли свои на служанку, оставя дъвицу, взяль ее и дълаль удовлетворение своимъ прихотямъ. Потомъ приходиль оный же Французъ къ намъ, стращалъ насъ, кричалъ: «Подналивай!» Изъ чего мы заключили, что насъ хотъли сжечь. Опять приходилъ первый, сюда насъ приведшій, и сего пьянаго выгналь, а насъ отвель въ Воснитательный Домъ. И сей дълалъ предложение оной дъвицъ, однакожъ при мив инчего съ ней не послъдовало. Оставиль насъ однихъ нъ темныхъ покояхъ, гдѣ мы, сидя, думали, что намъ дълать? Наконецъ, я ръшилась идти и искать тебя, и они за мною вслъдъ шли. На тотъ часъ, по счастю моему, часовой ихъ спалъ, и мы безпрепятственно прошли ворота. Обрадовавшись сему, пустилась я бъжать, а они останавливали меня для отдохновенія; тогда ръшительно я имъ сказала: «Пусть вы здѣсь отдыхасте, а я пойду искать зятя моего!» Оставя ихъ, пошла съ рабочей дъвкой.» И тъмъ она окончила свою повѣсть.

При паступленіи ночи, квартальный предлагаль намъ всёмъ, чтобы мы оставили сіе м'вето и шли бы съ нимъ въ садъ Корсаковъ. На что многіе согласились, и я съ родительницею за ними следоваль. Пришедши въ оный садъ, нарвалъ для себя рябины и употреблялъ ее въ пищу. Прочіе имёли здёсь кое-что сокрыто и тёмъ самымъ питались; а у меня илчего не было, кромъ упомянутой рябины. Началь сожалъть о томъ, что ушелъ отъ церкви и опять рышидся идти къ оной. Со мной же пошель неизвъстный мив мужчина съ женой и малымъ груднымъ ребенкомъ. На пути встрътился съ нами злодъй, имъющій на головъ шапку архимандричью; я отъ него съ поспъшностію старался убъжать. Оставивъ меня, непріятель безъ вниманія приступиль къ опой женщинъ, съ ребенкомъ бывшей, спяль съ нея салопъ, а съ мужа ел рубашку. Спаснись бъгствомъ отъ непріятеля, пришли мы опять къ церкви, легли на травъ, сжавшись всъ въ кучу, чтобы тъмъ согръть самимъ себя. При наступленіи ночи видёли мы одного молодаго человъка, подходящаго къ намъ, инущаго своихъ родственниковъ и не нашедшаго въ нашей кучъ. Мы, остановя его, спрашивали, что у него въ подолъ, и узнали изъ словъ его, что говядина. Я первый началъ просить его, чтобъ опъ удълплъ мий пемного. Получивъ отъ него, делилъ пополамъ съ родительницею и, употребляя въ пищу, горестно восклицаль сими словами: «О Боже мой! При всемъ моемъ голодь, чувствую омерзвийе и запахь отвратительный, худий самыя падали», и заглушаль оный заразительный духь рябиною. Всю сію почь проводили мы на травъ.

6-10 Сентября по утру пришель къ намъ будочикъ-Чухонець и садился подлъ меня; далъ мив для сбереженія въ мѣшечкъ горохъ сухой и велъль мив всть. Сіе меня обрадовало, и я почиталь его посланнымъ отъ Бога. Здѣсь видѣлъ я сосъда моего учениковъ, приходившихъ ко мив и приносившихъ мив коринки и изюму. Получа отъ нихъ сіс, берегъ и даваль малымъ дѣтямъ; а матери ихъ и отцы, въ замѣну сего, старались мив давать, кто корочку хлѣба, а кто картофелю. Злодѣн же наши не преставали насъ безпокоить: сперва вошли въ церковь, а потомъ къ намъ, обыскивали насъ и, пичего не найдя, ругали насъ; потомъ другіе, третьи, и такъ безпрестанно они насъ посѣщали. По прошествіи сего дня, хлѣбъ уже у насъ весь изошелъ, только что и былъ у одного будочника горохъ. Онъ хотя и не хотълъ дѣлить нашимъ товаришамъ, однакоже, по увѣщаніи, далъ мнѣ волю быть раздаятелемъ.

7-го Септибря рышились мы жить въ церкви. Насъ было числомъ 18 человъкъ, и малыхъ, и большихъ. Въ семъ священномъ мъсть мы какъ бы уже готовили себя на жертву симъ безчеловъчнымъ грабителямъ и условились между собою всв вместе всть, кто что ни иметъ. Пріуготовляли для себя пищу самую небогатую и вли съ умвренностію. По педолго сіе продолжалось. Очень скоро прекратилось наше сіе дружелюбіе: пашло къ намъ пароду такого, который пашу связь всю разстроилъ, а именно: пьяницы, одинъ другому прекословили, другь у друга чинили грабежи, ругались и кричали и другь друга упрекали, словомъ сказать. Я сколько ни старался уговаривать, но мои слова ин малаго дъйствія и вліннія не имъли на сердца ихъ. Тихими и скромиыми они учинялись тогда, когда видели пепріятелей. Въ сіе священное м'єсто стекаясь, злодін обысянвали насъ, такъ какъ и прежде, искали денегъ, серебра и бумажекъ. Если же у кого находили ключи, то къ тому привязывались и требовали, чтобы показали имъ сундучки и ящички. Послъ сего тотчасъ всъ бывшіе у пасъ ключи мы отобрали и покидали. Видели и еще приходящихъ, но уже не съ такимъ страхомъ взирали мы на ихъ, какъ прежде, потому что не къ чему уже было привязаться; входили и, несколько посмотревь, опять уходили.

8-го чизла по утру, приходили въ намъ наши Русскіе и говорили, что выйти изъ Москвы никакъ нельзя, кто и пошелъ, тотъ едва ли спасется отъ смерти. Потомъ услышали мы, якобы нашъ Августвйшій Императоръ Александръ Павловичъ скончался. Сія въсть приведа насъ въ великое возмущеніе и безпокойство и навлекла на насъ еще большій страхъ.

9-го числа по утру, началь я читать канонь Пресвятой Когородицѣ. Читая оный со слезами, увидѣль вдругъ входящихъ разныхъ націй грабителей, воспрепятствовавшихъ миѣ далѣе читать и наполнить душу мою симъ усерднымъ моленіемъ; смотрѣлъ на ихъ мерзкія насмѣшки, подобныя діавольскимъ искушеніямъ; видѣлъ, какъ они наругались надъ святынею; просилъ Кога, чтобъ ихъ не допустилъ скончать дни жизни моея, и чтобы не лишилъ видѣть малыхъ дѣтей мо-ихъ. Сія мысль не только въ этотъ, по и во всѣ дип была у меня.

10-го числа пошла одна старушка готовить для насъ пищу; исчаянно труба упала на нее; едва только успъли ее исповъдать, она умерла. Совершивъ падъ нею службу по долгу Христіанскому, положили въ погребъ. Французы, видя насъ зарывающихъ ее близъ церкви, бъжали къ намъ съ великимъ стремленіемъ, думан, что мы имущество зарываемъ. Прибъжавъ, засмъялись громко и пошли отъ насъ прочь.

11-го Сентабря. Всегда по утру увъдомляли насъ разные наши Россійскіе повостями, возмущающими только васъ, что мы отчаявались выйти когда нибудь изъ Москвы. Въ сей день пришло къ намъ шесть звърообразныхъ непріятелей, имъющихъ у себя предлинный ножъ. Стали они приставать къ священнику, думая, не спряталь яп онъ что-иибудь церковнаго? Но сей священникъ быль сельскій и неученый, не пошимать ихъ словъ; ставъ у царскихъ врать, ожидаль себъ смерти. Оные враги устрашали его и окровенили предъ вратами царскими полъ, поранивъ ему руку. Отъ всъхъ сихъ страховъ страдали мы бользийо желудочною; да и нечьмъ было укрыпиться нашему жедудку: въ пищу обыкновенно мы употребляли редьку и картофель, да и тотъ трудно было пріобръсть; когда за нимъ ходили, то попадались Французамъ: одному спесешь, другой заставляль. И такъ опять приходили уже обезсиленными и голодомъ томимыми. Мой же Чухонецъ меня не оставляль: онъ всегда приносиль картофель и спасаль меня и родительницу отъ голода, а я и другихъ спабжалъ. При всемъ же томъ случалось, что мы были дни по три и болье безъ пищи.

12-го Сентября приходили къ намъ нъкоторые люди иностранные, только не солдаты, кои умъли говорить по-русски и дълали выговоры намъ, для чего мы не приняли съ честію Бонапарта. «Еслибы вы его встрътили со славою и почестями, то не претерпъли бы такого разоренія.» По я говорилъ имъ, что такому завоевателю, каковъ Бонапарть, не должно бы совсъмъ имъть въ мысляхъ честолюбія и думать объ этомъ, чтобъ его принялъ съ какою-нибудь честію простой и бъд-

ный народъ, ничего у себи не имъющій, кромъ одного только усердія къ Богу и своему Государю. Видъли мы нашедшую тучу, покрывшую небо пасмурными облаками, быль великій громь; мы всв цали на колени, повергшись предъ престоломъ величества Вожія. Діакопъ здешнія церкви сталь у престола Божія съ распростертыми руками; словомъ, всё мы модились и, кажется, тогда просили объ одномъ томъ. чтобы Всевышній показаль чудо надъ нашими врагами и разсыпаль бы сихъ жестокосердыхъ враговъ. По прошествіи сея грозныя тучи, приходили цепріятели, изъ коихъ одиць, войдя въ алтарь, увидъль написанную плащаницу, началь лобызать ноги тела Христова, оть всего своего сердца принадаль къ сему образу и дълалъ ноклоненіе. При наступленій ночи мы виділи на небів два знаменія, подобныя ракстамъ, стоящямъ очень долгое время безъ всякаго измъненія, и также тонкія и свътдыя, какъ пускають ракеты. Сему явленію я не могу надивиться: пожаръ ли былъ сего причиною, или другое какое-нибудь предзнаменование? Оставя сіе писать, обращаюсь паки къ собственной своей исторіи.

13-го числа пришли наши Россійскіе купцы, священники и разные чиновники. Всв они были изранены: у кого голова проломлена, у кого рука, кто одътъ рогожкой; словомъ, на всъхъ инчего не было. Если тело ихъ покрыто было чемъ, то именно ободранными рубницами. Пришелъ сюда и тоть самый, кой носиль со мной сухари и ведро. Увидъвши его, я заплакалъ, и онъ также. Потомъ я спрашивалъ, гдъ онь быль въ продолжение сего времени, и я узналь изъ отвътовъ его, что онъ быль въ работъ у Французовъ; надъялся, говориль онь мив, что въ дом'в господина моего сокрытая мука будетъ цела, по, къ несчастію, все разграблено такъ, что я инчего не нашелъ. Потомъ пришель другой мой сосьдь, столярь, увидыль меня въ одномъ кафтанъ и говориль: «У меня есть тулупъ Калмыцкаго мъха; возмите его, хоти отъ него и есть смердящій запахъ». Сему я чрезвычайно обрадовался. Какое же мое удивление! Видель, что оный тулупь быль мой; спрашиваль, какъ онъ къ нему попаль; опъ отвъчаль, что подпяли его ученики на удицъ. Надъвая его на себя, чувствоваль запахъ несьма тяжелый, отъ коего чуть меня не вырвало, и самые Французы, слыша сей запахъ, не отняли у меня сего тулупа.

14-го числа обирали отъ насъ непріятели свъчи, какъ сальныя, такъ и церковныя, и съ оными иногда приходили въ церковь въ почное время, стращали и били насъ.

15-го числа пришли къ намъ ночью двое утомленные силами и хотъли у нъкоторыхъ отнимать одежду для постилки подъ себя, но, видя на насъ худыя рубища, брали ризы ободранныя и ложились на нихъ; также клали иконы на полъ, содранными же съ престоловъ и жертвенниковъ одъяніями облекали себя и препровождали сію ночь съ нами. По утру, очень рано, одинъ Французъ, вставши, увидълъ еще товарища своего кръпко спящаго и унесъ у него сумку. Чрезъ пъсколько времени вставшему сему пенріятелю сказывали мы, что его товарищъ давно уже ушелъ и взялъ его сумку и ружьс, отъ чего опъ пачалъ плакать, и видно по всему, что опъ сожалълъ о сей потеръ.

16-го Септября начали мы съ собою размышлять, какъ бы удалиться изъ Москвы, ибо опасались, чтобы не заразиться отъ наполненнаго худыми испарсніями мертвыхъ тѣлъ воздуха. По какъ мы пи думали, но не находили случая выйти изъ Москвы. Посылалъ я родительницу справиться въ Университетъ, не остался ли кто изъ нашихъ родственниковъ въ опомъ; также еще посылалъ къ Петру и Навлу въ Басманиую, въ домъ нашего же родственника, купца Нечаева, въ коемъ она нашла родную свою сестру и племянинцу, съ четверыми живущую въ подвалъ онаго дома, и увъдомляла меня объ опыхъ.

17-го числа приходя наши Россійскіе, увъряли насъ, что можно выйти изъ Москвы въ почное время; днемъ же идти чрезъ Лазарево кладбище подъ предлогомъ будто за картофелемъ. Распросивни подробно о семъ, я ръшился, какъ можно, выйти изъ Москвы.

18-го числа опять приходиль къ намъ Спаса-Песковъ дьячекъ и удостовъриваль насъ, что онъ трижды изъ Москвы выходилъ и опять въ опую столько же разъ возвращался, чёмъ насъ всёхъ вывель изъ сомивнія и подаль нёкоторый лучъ надежды душё нашей къ освобожденію изъ плёна. По просьбамъ и убъжденіямъ нашимъ, взялся опъ насъ выпроводить изъ Москвы, съ тёмъ только условіемъ, чтобы не было съ нами женщинъ, такъ какъ не могущихъ спосить труды великіе и чрезъ коихъ бы мы не учинились жертвою враговъ нашихъ. Услыша сіе, родительница моя рёшилась вслёдъ за нами идти.

19-го я и надворный совътникъ Шараповъ, еще изъ Чудова монастыря молодой дътина, пріуготовлялись къ выходу изъ Москвы, и лишь только начали употреблять изготовленную нами пинцу, вдругъ увидълъ я идущую сестру моея родительницы, увидълъ и, заливаясь слезами; говорилъ ей, что я сегодняшній день намъренъ выйти изъ

Москвы. И такъ, простившись въ разстроенномъ положения съ моими родными, пошель въ настоящую церковь, падаль предъ Спасителемъ, Вожією Матерыю и предъ иконою Священномученика Власія. Подходя къ улицъ Арбатской, увидъли мы множество Французовъ, ъхавшихъ съ фурами, и со страха укрывались за трубы, давая имъ провхать. Наконецъ, пришедши въ приходъ Спаса-Песковъ, нашли мы своего путеводителя въ подвалъ сгоръвшаго одного большаго дома. Пошли въ путь пожарищами, стараясь смотреть во всё стороны и упрываться отъ злодвевъ нашихъ. Однакоже мы, какъ ни старались укрываться отъ нихъ, но повсюду встръчали ихъ, и отъ взора ихъ приходили въ великій страхъ. Далье продолжая путь свой, вышли мы на бульваръ, наполненный мертвыми лошадьми. Посль сего опять попадались намъ на встрвчу подяв Страстнаго монастыря Французы, бдущіе съ фурами, коихъ лошади едва тащили бремена сін. При сей встръчъ крайне мы опасались, чтобы не заставили насъ, вмъсто оныхъ лошадей, тащить фуры. Въжали какъ наивозможно скоръе къ капавъ и видъли, что тамъ наши Россійскіе строиди на своихъ сгортвшихъ містахъ для жилица своего шалаши. Продолжая путь пашъ неудобными мъстами, наконецъ, пришли въ поле, гдъ была насъяпа ръпа; дълали видъ, что мы ее собираемъ; между тъмъ мало-но-малу приближались къ Лазареву кладбищу. Пришедши сюда, въ страхъ и трепеть обходили оную церковь, и лишь только хотыли перейти чрезъ валь, здёсь имфвиййся, вдругъ услышали голосъ часоваго Француза, и отъ опаго въ такой ужасъ п робость пришли, что едва не пали на землю. Чувствуя по всъхъ нашихъ членахъ сильное потрясение, едва могли пробъжать въ льсъ за сими нашими провожатыми; такія даже случались міста, что принуждены были иногда ползти шаговъ 50 и болъе. Версты четыре отбъжавъ, увидели вдали нашихъ непріятелей, везущихъ спопы; сели у пней, чтобы непріятелямъ не попасться въ руки. Послі сего хоти мы и достигли большаго лъса, однакоже часто случалось, что принуждены были идти краемъ онаго дъса, гдъ видъли, не болъе отъ насъ разстолніемъ полуверсты, огни и непрілтельское войско, и всячески старались укрываться, заходя въ чащину льса. Когда же ночь покрылась совершеннымъ мракомъ, тогда безопаснъе мы шли, хотя еще и не безъ страха.

Прошедши семь версть разстояніемъ отъ Москвы, сопроводники поздравили насъ, что на пути уже почти никакихъ нѣтъ опасностей; но мы еще все опасались. Пришли къ рѣчкъ, чрезъ которую надобно намъ перейти, и нашли такое мѣсто, гдъ лежали чрезъ рѣчку перекладины. По нимъ проходили сперва наши провожатые, потомъ я,

при вспомоществованіи данной мит отъ нихъ палки, за мною и надворный совътникъ, кой, при всей моей помощи, упалъ въ ръку, потому что у него не владела одна рука. Встащивши его на крутой берегъ, устремлялись далве въ путь. Между твиъ сопроводники говорили намъ, чтобы мы какъ можно скорве или и не говорили ни слова. Совратившись съ пути, вели они насъ болотами и кочками, гдв нередко случалось стремглавъ падать. Наконецъ, съ великимъ трудомъ, вышли на большую дорогу, и провожатые уже здёсь совершенно насъ поздравили безопасностію и намъревались утомленному духу своему дать покой. Они вдёсь разсказывали намъ, что въ семъ мёсть наши казаки отбили обозъ и многихъ побили. Слышавъ я отъ нихъ сіе, уговариваль, чтобь они поскорые оть онаго мыста удалились; ибо мны все казалось, что мы еще не ущим отъ нашихъ варваровъ. По совъту моему они пошли далъе. Отошедши 20 верстъ, такъ я изнемогъ въ силахъ своихъ, что едва уже могъ идти. Назначенное же нами мъсто для долгаго отдохновенія еще было разстояніемъ въ пяти верстахъ. Въ семъ случав я ихъ упрашивалъ нервдко отдыхать, и сіи пять верстъ мы шли нога за погу. Пришли чрезъ великую силу въ деревню, гдъ дьячекъ не намфревался еще остаться, но полагаль свое намфреніе дойти до села Медвъдкова, въ коемъ онъ всегда имълъ свое мъстопребываніе. Но л. Шараповъ и еще третій мужчина остались въ сей деревив и едва могли себъ найти для успокоенія нашего квартиру въ пятомъ домъ. Вошедши въ домъ хозяина, увидъли здъсь нашихъ солдатъ, раненыхъ, ушедшихъ же изъ плвна. Сіи добрые хозясва, видя насъ, изнемогшихъ отъ годода, натирали редьки, дали хлеба, потомъ молока, и сею пищею укръпясь, мы успокоились.

На другой день по утру опять насъ снабжали они клібомъ, и мы пошли въ село Пушкино. Но какъ изъ насъ никто не зналъ дороги, то и нередко мы сшибались съ пути своего. Дошедши же къ воротамъ, увидълъ я дающихъ на меня собакъ, отъ которыхъ я ушелъ къ оранжереямъ. Встрътясь со мною, одинъ человъкъ побъжалъ отъ меня, думая, что я Французъ. Я началъ просить его, чтобъ онъ меня оборониль отъ собакъ. Услыша меня говорящаго по-русски, остановился; потомъ я спрашивалъ его о моемъ родственникъ, о женъ и малолътнихъ дътяхъ, и онъ мий отвътствовалъ, что жены моей вътъ. Сіе слово поразило меня точно громовой ударъ. Далве продолжалъ онъ рвчь, что была здёсь какая-то женщина съ малолетними детьми и увхала, не знаю куда. Потомъ я его просилъ, чтобъ онъ проводилъ меня къ моему родственнику; нашедшему мнв мъстопребывание его, сказывали мив хозяева, что онъ пошелъ въ баню. И такъ опять я просиль сего человъка, чтобы проводиль онъ меня до того мъста. Увидъвши меня II. 35 РУССКІЙ АРЖИВЪ 1896.

родственникъ, едва идущаго, заплакалъ. По долгомъ моемъ съ нимъ разговоръ, товарищи ко мнъ пришли и говорили мнъ, что время отправиться изъ сего мъста. Но я уже далъе не пошелъ. Простившись съ ними, остался здъсь съ моимъ родственникомъ, пришелъ на его квартиру и, легши отдыхать, такъ кръпко спаль, что проснулся на другой уже день. Въ половинъ дня пошли мы въ село Пушкино п, купя тамъ баранины, возвратились опять въ Кудрино. На другой день зваль онъ меня въ деревию Новую, разстояніемъ въ четырехъ верстахъ. Въ семъ хотя я и отказывался, чувствуя разслабление въ ногахъ, однакоже пошель и пришель съ нимъ въ самый тотъ домъ, где мол была жена съ малолетними детьми. Разспрашивалъ я здешнихъ жителей о своей жень, и они мнь съ великою жалостію говорили, что ваша жена отъ страха, каковой быль въ то время, едва ли не растеряда детей своихъ. Отъ сихъ словъ почувствовалъ я въ себъ великій ударъ и некоторую перемену; однакоже скоро опять пришель въ прежнее спокойствіе, скидываль свои кеньги, въсомъ въ 10 фунтовъ, отдалъ симъ хозяевамъ и просилъ у нихъ на обмънъ лантей, и послъ сего легъ спать. Проснувшись по утру рано, пошли мы съ родственникомъ въ путь, и какъ слабость моего здоровья не позволяла идти мнъ съ великою скоростію, то и неръдко сътоваль на меня мой родственникъ. Пришли мы въ Троицкую Лавру наканунъ празднованія Чудотворца Сергія. (Этдохнувши здъсь нъсколько, пошли опять въ путь и, отойди 10 версть, ночевали. На другой день едва могь я продолжать путь отъ чрезмърнаго изпуренія, однакожъ вознамврился идти до самаго Переяславля. Въ семъ городъ попались намъ попутчики, вдуще за хавбомъ въ Ростовъ, которые взяли съ насъ по рублю довезти до Ростова. Отъ сего я въ себъ чувствоваль легость и, получивъ слабымъ моимъ силамъ нъкоторую бодрость, сходиль въ монастырь поклониться мощамъ Святителя Димитрія.

Пробывши здёсь нёсколько времени, опять пошли въ путь и, отойдя 20 версть, ночевали. На ночлеге здёсь ночевали съ нами вмёстё и рекруты, изъ коихъ я примётилъ одного съ неумёренностію пьющаго вино. Напившись, онъ кричалъ, бродилъ повсюду; изъ усть его извергались сквернословія даже и на наст. По утру вставши рано, безпрестанно онъ требовалъ отъ отдатчика вина, и вдругъ выпилъ за одинъ разъ три стакана. Видя его такую алчность и пристрастіе къ вину, говорилъ я отдатчику, чтобы онъ какъ можно его старался сберечь и удалять отъ излишняго употребленія вина; въ противномъ случать обопьется, если ему будеть дана воля, что въ самомъ дёлт и случилось: услышали мы на дорогт о смерти сего молодаго человъка м крайне сожалёли о немъ. Въ 25 верстахъ отъ Ярославля наняли

мы попутчика. Добхавъ благополучно до сего города, были мы въ крестномъ ходу, гдъ видъли покойнаго принца и великую княгиню Екатерину Павловну. Послъ сей церковной церемоціи, сошли мы на берегъ ръки Волги, гдъ увидъли многихъ, садящихся въ лодку и ъдущихъ иныхъ въ Нижній Новгородъ, другихъ въ Кострому. Сему случаю крайне я радовался и говорилъ хозяину додки, чтобы онъ насъ посадиль до Костромы. По привъту его мы тотчасъ ръшились състь въ его лодку и вхали всю ночь. Стужа и страхъ, отъ волнъ происходящій, крайне насъ безпокоили. Правители были самые неискусные: они не знали ни мели, ни способа управлять хорошо лодкою; часто наважали на пески, стояли на одномъ мъстъ иногда часа по два и болъе, безпокоились, изнуряли свои силы, сворачивая лодку въ глубину воды. Не думаль я, находившись въ страхъ съ товарищами своими, доъхать до Костромы. По, при помощи Божіей, прівхали мы въ оный городъ и крайне радовались, благодаря Бога за спасеніе нашея жизни. Потомъ, взошедши въ гору, выпили несколько сбитню для отогренія себя, и хотя искали въ семъ городъ общаго нашего благодътеля, сказывая его имя и фамилію, но не могли узнать отъ встръчавшагося съ нами народа, гдв его находится мъстопребывание. Часто осганавливаемы были здёшцими жителями и распрашиваемы были отъ нихъ о родъ нашемъ, и состояни, и извъстности. И мы, отвъчая имъ краткими словами, бъгали изъ улицы въ улицу и старались сыскать того, кто намъ нуженъ быль. Наконецъ, попался намъ такой человъкъ, который зналь домъ нашего благодетеля и привель насъ въ оный. Боже мой! Какое зрълище! Увидълъ я жену мою, коя, смотря на меня, изнуреннаго отъ сивдаемой печали, совершенно перемвинившагося, спрашивала меня о своей родительницъ, о домъ и имъніи. Я жъ, на вопросы ея никакого не дая отвъта, спрашиваль: живы ли малолетнія мои дети? И вдругъ она побъжала въ комнаты и, не допуская меня, по причинъ скорости своей, войти въ оныя, вынесла мнъ моего сына. О, да умолкиеть здёсь языкъ мой! Не въ состояния я теперь описать ту радость, кою я чувствоваль оть чрезвычайной радости. Увидя моего малольтняго сына, держа на рукахъ его, въ безпамятствъ, забылъ уже и о другихъ моихъ. Слышалъ голосъ, поражавшій меня жалостною рычью неоднократно: «Тятя!» Оть сихъ, повторяемыхъ имъ, словъ весь я потрясался и заливался необычайно слезами, ласкалъ его, проливая слезы отъ радости; между темъ мать принесла мнв маденькую дочь мою, и та уже меня утвшила своею нежною улыбкою.

Боже Всемогущій! Твоя всесильная десница сохранила меня, жену и дітей моихъ отъ угрожавшей намъ погибели. Надінось, Владыко

мой, что не допустишь насъ скитаться и терпъть нужду. Ты Сердцевъдецъ, Ты дашь намъ отъ рукъ благотворителей пищу и продовольствіе!

Воть, читатель мой, какою я быль тогда наполненъ мыслію. Чрезъ два дни желанія мои и мысли во благихъ исполнились: нашель я благотворителя, кой, меня не видавши, прислаль мив 25 рублей. Воть какое Господь попечение придагаеть о несчастныхъ, лишенныхъ всего и насущнаго хлъба! Нътъ ни одного несчастнаго плънника, котораго бы Онъ попралъ торжествующею Своею ногою; отъ самыхъ опасностей, влекущихъ за собою смерть, силенъ Онъ изъять. Примфромъ сего я могу представить себя. Сколько со мною встръчалось опасностей, сколько видълъ и отъ непріятелей страховъ и ужасовъ; но Господь не попустиль мнъ погибнуть въчно. Прославляю теперь Господа моего, повергаюсь предъ Нимъ, возсылая теплыя молитвы. Любезные читатели! Прославьте вкупъ и вы со мною Бога, живущаго на небесъхъ! Любезные соотчичи! Не щадите интереса своего, если видите къ тому удобный случай помочь ближнему; чрезъ то сами избъгнете бъдности и никогда не будете упрекать совъсть свою, которая насъ часто толкаеть при встръчъ съ несчастнымъ. Прошу васъ, не отлагайте дълать добро до утра и, если можно, тотчасъ помогайте! Тогда узрите лицемъ къ лицу Бога и истину.

(Изъ 2-й вниги "Чтеній въ Имп. Общества Исторіи и Древностей" 1859 года).

7

Сочинитель втого безъискусственнаго, полуграмотнаго разсказа остался пенвивъстнымъ. Отъ его повъсти въетъ правдою, и для историка овъ ивляется настоящамъ представителемъ Московскаго населенія, захваченнаго нашествіемъ Западной Европы. П. Б.

РАЗГАДКА ОДНОГО НАМЕКА

въ "Старинной сатиръ" ("Русскій Архивъ" сего года, вып. 7-й).

Трактать о воспитаньи Приносить новый Локкъ.

Стихи эти, какъ и вся строфа, должны относиться къ И. М. Муравьеву-Апостолу, нъкогда послу въ Испаніи. Въ 1812 году, живучи въ Инжнемъ, онъ писалъ свои "Письма о классическомъ образованін", на значеніе которыхъ указывалъ А. Д. Галаховъ. Этою разгадкою мы обязаны академику К. П. Бестужеву-Рюмину. П. Б.

ВОСПОМИНАНІЯ ӨЕДОРА АДОЛЬФОВИЧА ООМА *).

12-го Іюпя 1864 г. Цесаревичъ изъ Царскаго Села выбхадъ за границу. Его свиту составляли графъ Строгановъ, флигель адъютантъ полковникъ О. Б. Рихтеръ, поручикъ лейбъ-кирасирскаго Его Высочества подка Коздовъ, прапорщикъ л.-гв. Преображенскаго полка князъ Влад. Анат. Барятинскій, профессоръ Московскаго университета Борисъ Шик. Чичеринъ, докторъ Шестовъ и я. Сверхъ того былъ командированъ фельдъегерскаго корпуса поручикъ Шлотгауеръ. При Цесаревичъ состояли камердинеръ Костинъ и рейткиехтъ Вельцинъ; наконецъ, женевецъ Бо взятъ въ качествъ курьера. Гепералъ-адъютантъ князъ Анатолій Ивановичъ Барятинскій былъ. по просьбъ его, взятъ въ тотъ же ноъздъ до Берлина.

Поминтся, что, за ифсколько дней до отъфзда, Цасаревичъ, въ Петергофь, новелъ меня на балконъ верхияго этажа того домяка, который былъ построенъ для него въ Александрін, близъ фермы и, указавъ на видъ съ него на море, спросилъ меня, какъ мив видъ этотъ правится? Утро было солнечное, безоблачное, и дъйствительно взорамъ представлялось привлекательное зрълище. «Если я, сказалъ Его Высочество, за границею увижу одинъ такой прелестный видъ, то я буду вполив доволенъ». Казалось, что онъ вообще неохотно разставался съ Петергофомъ, да и вообще съ родиною. Особенную прелесть для него ямъли морскія катанья около Кронштадта, на ботикв его «Увалень». Въ предсмертной агоніи, онъ въ бреду командовалъ этою яхтою.

Уже на пути въ Берлинъ получена была телеграмма отъ Государя Императора изъ Киссингена, предписывающая, безъ остановки въ Берлинъ, прибыть въ Киссингенъ, такъ какъ только что вступившій на Баварскій престолъ молодой король Людвигъ ІІ-й съ нетеривніемъ ожидалъ прівзда Цссаревича, ему ровесника по годамъ. Но по прибытіи въ Берлинъ представилась все-таки необходимость отдыха и, переночевавъ въ посольскомъ домѣ, мы на другое утро въ 5 часовъ, инчего не видавъ, выѣхали изъ Берлина.

^{*)} См. выше, стр. 417.

Курьерскій повзять шель ночью до Гофа, а потому въ Лейпцигв быль заказань обвять. Прибывь однако туда позже опредвленнаго времени, мы не успвли даже войти въ обвятенную залу, какъ раздался звонокь и крики кондукторовь: «Einsteigen, nach Hof, Bamberg, Schweinfurt, Kissingen». Заплативь за нетронутый обвять, мы повхали голодные далве, а въ Гофв, гяв пришлось просидеть цвлый часъ въ ожиданіи отхода повзда (Витмеlzug), мы перекусили только хлюбомъ съ пармезаномъ, запивъ этотъ скромный завтракъ рейнвейномъ, такъ что я тотчась же заказаль ужинъ въ Бамбергв, гяв признано было вновь остановиться на почь.

На пути всв пассажиры съ жадностію бросались на промежуточныхъ станціяхъ на горячія Würstchen, съ лотковъ продаваемые. Какойто юноша, первый схвативъ пъсколько ломтей хльба съ сосисками, возвращался въ вагонъ и пожиралъ добычу свою. Ему на встрычу въ попыхахъ, чтобы также усивть къ продавщиць, стремится толстыйшая дама и, видя молодаго человыка жующаго, спрашиваетъ его: «Was essen Sie?»—
«Еіпе Koschke, madame Wurst», былъ отвыть. Выроятно ее звали том Коschke, и этотъ lapsus linguae произвель на всыхъ такое впечатлыніе, что вся наша компанія, голодиая и унылая, начиная съ графа Строганова, разразилась гомерическимъ смыхомъ.

Какъ мы радовались ужину въ Бамбергѣ, и какъ велико было наше разочарованіе, когда, прибывъ въ гостиницу на ночлегъ, увидѣли на накрытомъ столѣ маленькія тарелочки съ какими-то холодными соленьями, которыя не только были несъѣдомы, но даже противны на видъ. Всѣ вновь пріуныли и довольствовались плохимъ чаемъ. Графъ Строгановъ, нагнувшись надъ столомъ, тщательно осмотрѣлъ всѣ тарелочки и, по привычкѣ гладя рукою усы, проговорилъ: «Il faut avouer, que dans се pays on mange, mais on ne dîne jamais.» *)

На другой день прибыли мы въ Киссингенъ, гдъ Ихъ Величества проживали въ кургаузъ. Тутъ же былъ король Баварскій, императрица Австрійская, гросъ-герцогъ Мекленбургъ-Шверинскій и другія владътельныя особы съ ихъ свитами. Общество было блистательное. Всъ Русскіе послы и посланники съъхались изъ разныхъ столицъ и окружали князя Горчакова: баронъ Будбергъ, графъ Штакельбергъ, В. П. Титовъ, Н. П. и А. П. Озеровы. Графъ Постицъ съ фотографическомъ приборомъ своимъ все утро неутомимо ходилъ по Киссингену и по очереди спималъ портреты знаменитостей. Опъ уговорилъ князя Горчакова сняться въ группъ Русскихъ дипломатовъ-Собралось до 15-ти лицъ. Графъ Ностицъ, усадивъ всъхъ, просплъ,

^{*)} Надо согнаться, что ыт этой странв вдять, но нивогда не обвають.

чтобы послѣ словъ un, deux, trois, когда опъ спиметъ крышку со стекла, всѣ сидѣли снокойно и не шевелились. Наступаетъ этотъ моментъ, опъ произноситъ условные ии, deux, trois и сиѣшитъ сиятъ крышку, а въ тотъ же моментъ В. П. Титовъ, вѣчно разсѣянный, подымаетъ руку и, ударяя ею тактъ, считаетъ: un, deux, trois. Нужно было начатъ снова, т. е. перемѣнить объективъ и вновь уснокоить позирующихъ. Можно себѣ представить, какъ всѣ были поражены, когда и во второй разъ, въ роковой моментъ, Владимиръ Павловичъ, забывышсь, вновь продѣлалъ туже штуку.

Король Баварскій, молодой челов'якъ, пріятной, по нѣсколько болѣзненной наружности, казался сосредоточеннымъ нодъ впечатлѣніемъ потерь имъ попесенныхъ въ семействѣ и смерти его воспитателя. Опъ жаловался на судьбу и завидовалъ Цесаревичу въ томъ, что опъ имѣлъ счастіе пользоваться совѣтами такой матери, какова была императрица Марія Александровна. Меланхолическое тогда уже настроеніе короля предвѣщало тѣ страпности, которыя проявились позже въ его дружбѣ съ Вагнеромъ, въ инохондрін и эксцентричности этого юпоши.

Король чрезвычайно привязался къ Императрицъ и всъ мъры употреблялъ для доставленія удовольствій всякаго рода. Для Государя и для Пасафдинка были устроиваемы охоты, на показъ Императрицъ выписывались изъ Мюнхена сервизы и художественныя произведенія. По случаю траура король не могъ устранвать ни баловъ, ни другихъ увеселеній; но за то иноземцы высшаго круга ежедневно собирались на инкинки, танцы въ салонъ, и скоро образовался кругъ избранный и тъсно слившійся въ пріятельскій. Въ Киссингенъ графъ Строгановъ подалъ Государю Императору мпою перебъленную записку свою о Головиннъ, доказывая вредное его направленіе какъ министра народнаго просвъщенія и настанвая на замънъ его другимъ лицомъ, въ самомъ непродолжительномъ времени. А. В. Головиннъ повредилъ своей репутація тъмъ, что рекомендовалъ всъмъ учебнымъ заведеніямъ одну изъ брошюръ Шедо-Феротти (барона Фиркса) о Польшъ.

Паъ Киссингена вся царская фамилія со свитою, въ экстренномъ повадв, отправилась чрезъ Франкфуртъ на Майнв въ Швальбахъ, гдв Императрицв предстоялъ курсъ леченія ваннами. Пвкто Болле распоряжался повадами и при отходв изъ Киссингена говорилъ, что, при всемъ его стараніи и всвхъ мврахъ имъ принятыхъ для предупрежденія песчастій, опъ считаєть все-таки взду въ экстренныхъ повадахъ въ Германіи крайне рискованною, находя опасность въ настоящемъ случав не менве великою, какъ во время осады Севастоноля.

Цесаревичу было предписано сдълать визитъ королю Гановерскому, и мы отправились туда; по каково было паше удивленіе, когда, прибывъ въ Гановеръ въ мундирахъ, мы были встръчены на станціи напимъ посланникомъ Персіяни, который объявилъ, что король извиняется предъ Его Высочествомъ, но принять его не можетъ, потому что проживаетъ въ маленькомъ загородномъ замкѣ, въ которомъ по недостатку помѣщенія Цесаревичу со свитою нельзя провести и одного дня.

Цесаревичъ увхалъ въ Швальбахъ, куда былъ в чсланъ еще разъ съ взвиненіями кто-то изъ приближенныхъ короля; свита же Его Высочества осталась во Франкфуртв, откуда мы вздили въ окрестности, въ Висбаденъ, катались по Рейну и проч., не зная какъ убить время. 8 (20) Іюля изъ Франкфурта же вздили мы из Веймаръ. Въ Эйзепахв Его Высочество быль встрвчень, какъ ближайшій родственникъ. Гросгерцогъ быль въ восторгь отъ посъщения и повезъ всъхъ въ Вильгельмсталь, летиюю свою резиденцію въ Тюрингія близь Эйзенаха. Это пребывание было очень кратковременно, по пикогда не изгладится изъ памяти моей. Чудная мъстность, предестный Вартбургъ, реставрированный мастерски въ средневъковомъ стилъ съ прекрасными фресками изъ жизни св. Едисаветы и съ изображеніями состязанія миниезингеровъ; паконецъ, старинная пристройка, въ которой жилъ Лютеръ, гдв онъ переводилъ Библію и гдв показывають до сего времени черинльное пятно на стъпъ, когда опъ бросалъ чернильницею въ дъявола. Гросгерцогъ устроилъ тутъ вечеръ, на которомъ превосходно исполнены были средневѣковые хоралы и кантаты мѣстною Lieder-Tafel.

Въ самомъ Веймарѣ были также осмотрѣны исѣ достопримѣчательности. Особенно интересенъ миѣ показадся дворецъ съ покоями, устроенными почившею въ Бозѣ Великою Княгинею Марією Павловною. Масса предметовъ, вывезенныхъ ею изъ Россіи, издѣдія фарфороваго и стекляннаго заводовъ, такъ напоминали убранство Петербургскихъ дворцовъ, что я вообразилъ себя въ одномъ изъ загородныхъ нашихъ царскихъ помѣщеній. На стѣнахъ нѣкоторыхъ комнатъ изображены сцены изъ твореній лучшихъ Нѣмецкихъ писателей того времени, и потому и комнаты называются: Goethe-Zimmer, Schiller-Zimmer, Herder-Zimmer и т. д.

Главную роль при гросгерцогскомъ дворѣ въ то время игралъ генералъ адъютантъ графъ Бейстъ. Въ день нашего отъѣзда ему было поручено раздать намъ знаки Веймарскаго ордена Бѣлаго Сокола. Каждому изъ насъ, передавая знакъ, онъ объяснялъ, что это жалуется на первый случай, но что гросгерцогъ надъется, что въ скоромъ времени

представится новый, когда намъ будутъ даны ордена стененью выше. Загадка эта объяснилась тъмъ, что разсчитывали на бракъ Цесаревича съ одною изъ принцессъ. Разсчетъ однако оказался невърнымъ: старшая дочь гросгерцога вышла гораздо нозже за бывшаго при Истербургскомъ дворъ Германскаго посла принца Рейсса, а вторая до сего времени проживаетъ при родителяхъ и уже далеко не молода.

Наконецъ побхали мы въ Скевеннигенъ (близъ Гаги), гдъ предполагалось Цесаревичу купаться въ моръ. Многіе упрекали Шестова въ томъ, что Его Высочеству были предписаны морскія купанья; ибо имъ принисывали и бользиь его. Но вопросъ этотъ былъ ръшенъ въ Петербургъ на консультаціи врачей. Доказательствомъ можетъ служить собственноручная записка графа Строгановъ, писанная послъ консультаціи, въ которой миж дано приказаніе измънить составленный уже маршруть съ тъмъ, чтобы въ него вошло и четырехнедъльное пребываніе въ Скевеннигенъ. На основаніи этого распоряженія были заранъе напяты для номъщенія единственныя тогда двъ виллы «Costa» и «Апіате», и туда былъ вынисанъ изъ Парижа чрезъ барона Будберга отличивійній поваръ Французъ Сёньо (Seugniot).

Жизнь туть была тихая, однообразная, но пріятная. Мы отдыхали и наслаждались независимостію отъ двора. Посль первыхъ визитовъ у короля и королевы, жившихъ врознь, приходилось только изръдка бывать на вечерахъ у королевы Софія, дочери Великой Княгили Екатерины Павловны, которая была чрезвычайно любезна и впимательна къ Цесаревичу, хотя и была извъстна перасположениемъ своимъ къ Россіи. Она въсколько разъ по вечерамъ прівзжала въ Скевенингенъ и приглашала Цесаревича со свитою на чай въ свой Бельведеръ на берегу мори. Королева Анна Павловна проживала въ своемъ загородномъ замкъ Сюздейкъ, куда мы разъ были также приглашены. Пикогда не забуду дия, тамъ проведеннаго. Этикетъ былъ строжайшій. Королева сама вела разговоръ со всѣми поочередно, говоря по-русски, Карамзинскимъ слогомъ, и почти всегда стоя и присъдая. Всѣ другіе въ залѣ должны были молчать.

Симпатичнъйшій принцъ Пидерландскій Фридрихъ также пригласилъ насъ однажды въ свой прелестный замокъ; по тутъ не было ни мальйшаго стъсненія, хотя тонъ въ его обществь былъ самый изысканный. Супруга его, привцесса Прусская, была сестра Императрицы Александры Феодоровны; одна изъ дочерей его была королевою Шведскою, другая въ дътствъ прівзжала въ Петергофъ, и звали се «Магісско». Если не ошибаюсь, она вышла замужъ за одного изъ Прирейнскихъ принцевъ, кажется, за принца zu Neuwied. Еще видъли мы ппогда принца Гейнриха, адмирала Голандскаго флота, и втораго сына короля, принца Александра, уже тогда болъзненнаго, слабоумнаго. Принцъ Оранскій ни разу не показывался, хотя до насъ доходили слухи о его почныхъ кутежахъ по сосъдству съ нами въ «Hôtel des Bains».

Въ Сксвенингенъ наше общество увеличилось еще однимъ человъкомъ. Прибылъ туда ки. В. И. Мещерскій (нынъ издатель «Гражданина»).
Онъ былъ въ близкихъ отношеніяхъ съ Цесаревичемъ, неренисывался
съ нимъ и, въроятно, былъ приглашенъ въ Скевенингенъ. Жизнь тутъ
вообще была довольно однообразна; утромъ обыкновенно ходили на
«plage», гдъ осматривали морскую добычу рыбаковъ: массу разнообразной рыбы, гомаровъ, краббовъ, креветокъ и проч., разостланныхъ на
нескъ. Метръ-д'отель нашъ Сёньо выбиралъ провизію для стола; онъ
былъ спеціалистъ но части приготовленія блюдъ изъ этихъ произведевій моря. Пикогда не ълъ я такихъ risotto aux crevettes или тюрбо à
la hollandaise, какъ за столомъ нашимъ въ Скевецингенъ. Сёньо
полюбилъ меня, нотому что, је lui rappelais son ancien maître, сеt
excellent m-r de Balabine, quand il était ambassadeur à Vienne ').

Лучинимъ для меня препровожденіемъ времени были ночти ежедневныя посъщенія галлерей въ Гагъ. Графъ Строгацовъ былъ монмъ наставникомъ; онъ спабжаль меня разными сочиненіями по части искусствъ, и я, читая все, что было подъ рукою о картинныхъ галлереяхъ и, присматриваясь по иъскольку разъ къ одному и тому же пронаведенію, учился отличать художественныя ихъ достоинства и пристрастился къ этимъ занятіямъ. Глубоко признателенъ я графу за эту школу: выбхавъ изъ Петербурга совершеннымъ невъждою въ отношеніи художествъ, я по возвращеніи изъ путешествія многое зналъ, легко узнаваль школу и эноху, къ которой принадлежали произведенія, и могъ судить о достоинствахъ картицъ.

Изъ Скевенингена мы вздили въ разные города: Амстердамъ, Роттердамъ, Утрехтъ и Гарлемъ, гдв осматривали публичныя и частныя галлерен. Посвтили, конечно, и Саардамъ и извъстную по чистотв своей деревню Брукъ.

Однажды вечеромъ О. Б. Рихтеръ получилъ телеграмму отъ Гедеонова, въ которой сообщалось о внезапной кончинъ графа А. С. Строганова въ его Исковскомъ имъніи, отъ разрыва сердца. Ръшено было

^{*)} И сму напоминаль его прежинго господина, этого превосходнаго Балабина, когда онъ быль посломъ въ Въпъ.—Не одинъ Сёньо находилъ это сходство: и княгини Н. Б. Шаховская (рожд. Четвертинская) исоднократно говорила мив, что и напоминаю ей друга си Балабина.

объявить старику-отцу эту скороную въсть на другое утро; а между тъмъ отдано приказаніе его камердинеру уложить всь вещи графа, съ тъмъ, чтобъ онъ тотчасъ же, еслибы ножелалъ, могъ ъхать въ Россію. Это извъстіе тъмъ болье поразило насъ, что мы еще за пъсколько дней до того объдали съ нокойникомъ во Франкфурть на Майнь, въ Hôtel de Russie, и онъ былъ совершенно здоровъ. Когда на слъдующее утро Рихтеръ заявилъ графу, что онъ имъстъ передать ему тижелую въсть, старикъ отвъчалъ: «Подождите», ушелъ въ другую компату, въроятно, помолился и, вышедъ вновь, сказалъ: «Теперь говорите». Когда извъстіе было ему сообщено, у него вырвалось невольно: «Такъ сынъ, а не жена моя!»

Въ тоже утро мы проводили графа на желёзную дорогу, а по телеграфу Государемъ было сообщено, что графа, на время его отсутствія, замёнитъ графъ Матвёй Юрьевичъ Віельгорскій. Отсутствіе графа Сергія Григорьевича однако чувствительно отозвалось на нервыхъ же порахъ. Бесёды сдёлались менёе оживленными; не было центра, главы, такъ сказать, въ нашемъ относительно юномъ обществе. Да и нозже, когда уже прибылъ гр. Віельгорскій, недоставало гр. Сергія Григорьевича, по той простой причине, что втораго ему нодобнаго уже не было во всемъ Русскомъ обществе. Теперь, носле кончины его, могу онятьтаки сказать, что благодарю Провидёніе за то, что служилъ нодъ его вачальствомъ, имёлъ счастіе узнать его такъ близко и ноучиться многому отъ него.

Въ газетахъ появилось, между темъ, павъстіе о перемиріи между Пруссією и Дацією. Цесаревить, прочитавъ это и не говоря никому ни слова, телеграфироваль Государю о позволения бхать ему въ Данію. По случаю войны, Давія не входила вовсе въ нашъ мартрутъ. Получивъ разръщение, Его Высочество потребовалъ меня въ себъ и объявиль, что чрезъ два дия мы уважаемъ въ Коненгагенъ. Сюриризъ былъ великъ. Нужно было немедленно приступить къ разсчетамъ съ поставщиками и подрядчиками, которые спабжали насъ въ теченіе изсколькихъ недъль провизіею, экипажами п проч. Предъ отъездомъ своимъ гр. Строгановъ, имъвшій неограниченный на путевые расходы кредитивъ, ассигноваль мив получить отъ банкира Схёрлера въ Гагв 30.000 франковъ. Не обративъ винманія на то, что это были франки, а не Голдандскіе гульдены, я вообразиль, что этой суммы будеть достаточно, чтобы разсчитаться, въ случав отъвзда нашего, по всемъ счетамъ. Когда я явился къ Схёрлеру и передаль ему счеты, подлежащие уплать, опъ заявиль, что я не имъю для сего болье 30.000 фр., и туть разъяснидось недоразумьніе. Я быль въ отчаннін, тьми болье, что всегда любезный Схёрлеръ на этотъ разъ оказался крайне пеуслужливымъ. Къ счастію моему, въ моментъ рѣшительнаго его отказа выдать миѣ подъ росинску педостающіе 15.000 флориновъ, вошель въ контору камерсеръ королевы Анны Павловны Wassenaer-de-Kattwigh и, узнавъ, въ чемъ дѣло, тотчасъ же предложилъ принять поручительство за исправный возвратъ мною денегъ переводомъ наъ Копенгагена. Такъ дѣло и уладилось.

Отправились мы чрезъ Гамбургъ и Киль въ Данію. Въ Киль прибыли поздно вечеромъ. Цесаревичъ со всею свитою посившили на катера, стоявшіе около станцін, чтобы на нихъ пати до «Штандарта», стоявныго въ морф на рейдъ. Прислуга съ вещами бросилась за поми. Остался и одинъ съ железнымъ своимъ денежнымъ ящикомъ, въ которомъ были уложены и цъппые подарки. Съ трудомъ я вынесъ его изъ вагона; смотрю-ин души! Не знаю даже, куда идти. Поплелся я съ тяжелою пошею; наконецъ, натыкаюсь на какого-то человъка, предлагающаго мив допести ящикъ до пристапи. Конечно, я обрадовался, по когда пришлось расплачиваться, опъ отказывается отъ Ифмецкихъ денегъ, а требуетъ Датскихъ, которыхъ у меня, конечно, не было. Тогда онъ, для разміна, предложивъ мні идти въ лавочку, ввелъ меня въ совершенно темпую удицу и вдругъ броспася бъжать. Не знаю откуда взялась сила: я схватилъ его за воротъ и, толкая предъ собою, привелъ его къ лавченкъ, скудно освъщенной ламною и тутъ, размънявъ деньги, просилъ хозинна дать мив вожатаго до пристани. Къ счастью мосму онъ согласился в когда я на мизерной лодкв подплыль къ «Штандарту», то весь трясся отъ волненія.

Прибыли въ Коненгагенъ и остановились въ домѣ нашего посланника барона Пиколан. На другой день отправились въ замокъ Фреденсборгъ, гдѣ Цесаревичъ былъ встрѣченъ всею королевскою фамилісю
на наружной, широкой, высекой лѣстинцѣ, ведущей въ замокъ. Тутъ
внервыя увидѣлъ я 16-ти дѣтнюю принцессу Дагмаръ, въ которой тотчасъ узналъ ту особу, которой карточку иѣкегда ноказывалъ миѣ
Его Высочество. Она была одѣта чрезвычайно просто, въ свѣтломъ лѣтнемъ платъѣ, съ чернымъ перединкомъ. Прическа была простая, гладкая,
и коса поддерживалась сѣткою. Маленькая головка чрезвычайно граніозно ноконлась на станѣ невысокомъ, но необыкновенно пропорціональнаго сложенія. Глаза поразили насъ всѣхъ выраженіемъ ласки и
кротоста, а между тѣмъ взоръ проинзывалъ человѣка, на котораго они
были обращены. Вотъ какою впервыя представилась намъ Та, Которой
суждено было сдѣлаться невѣстою Цесаревича, чтобы, послѣ утраты

его, дать руку брату Его и сдълаться примърною супругою самодержавнаго Россійскаго Государя.

Двъ педъли безмятежнаго житъя въ Фреденсборгъ произи почти пезамътно. Осмотръны всъ достопримъчательности Копенгагена и окрестностей, музеи Торвальдсена, этнографическій, съверныхъ древностей (гдъ старякъ Томсонъ самъ знакомилъ насъ со всъмъ наиболъе заслуживающимъ вниманія), и предсетный Розенбергъ, загородные замки Фредриксборгъ, Беристорфъ и Кронеборгъ въ Гельсингрръ.

Въ началъ третьей педъли мы выбхали изъ Даніи съ тъмъ, чтобы чрезъ ифсколько педъль вновь возвратиться туда же.

Забыль я упомящуть о вечернечь визить, сдыланномь нами вдовствующей королевь, не смотря на преклонныя льта, чрезвычайно красивой и представительной. Часъ вечерий быль назначень Ея Величествомъ. Когда мы прибыли туда и пасъ ввели въ общирную залу, королека, принявъ отъ насъ поклонъ, удалилась съ Цесаревичемъ во внутреније нокоп; мы же остались въ заль, и съ цами бесьдовали дамы, между конми особсиво любезна была фрейлина баронесса Розсиъ. Генералъ Ісгермань и поручикъ Лютихау, состоявніе при Цесаревичь, представили насъ вдовствующей наследной принцессе Каролине, ласковой старушкъ, необыкновенно некрасивой (какъ говорятъ всяъдствіе двухкратнаго обжога лица) и отличавшейся крайне инскливымъ и крикливымъ голосомъ. Когда я, стоя, беседоваль съ баронессою Розень и держалъ чашку чая (что всегда цеудобно), мы услышали вдругъ радостные крики этой принцессы, узнавшей въ графа Вісльгорскомъ стараго знакомаго своего по Ницив, когда онъ проводилъ тамъ зиму, состоя при императрицъ Александрѣ Оеодоровиѣ.

Капитанъ Головачевъ (командиръ «Штандарта»), услыхавъ этотъ дъйствительно поражающій голосъ и увидъвъ, что онъ исходитъ отъ принцессы, по обыкновенію своему не могъ воздержаться отъ замѣчанія и сказалъ: «Прости Госноди, что за голосъ и физіономія какая! Вотъ уже никто на прокатъ не возьметъ!» Баропесса Розенъ, услыхавъ восклицанія, но не понимая Русскаго языка, спросила меня, чему удивляется канитанъ? Я просто не зналъ куда дѣться, и съ трудомъ прихлебывая своіі чай, отвѣчалъ, что канитанъ восхищается убранствомъ залы. Она была, кажется, этимъ польщена и воскликиула. «N'est-ce pas, que Sa Majesté a mis beaucoup de goût dans l'arrangement de l'appartement?»—«Énormément, madame; je suis tout-a-fait de l'avis du capitaine.» ')

^{*)} Не правда ли, что ен величество съ большимъ виусомъ убрала залу. — Съ отмъннымъ, государыня, и вполиъ согласенъ съ капитаномъ.

Злодъй Динтрій Захаровичь! Сколько разъ онъ меня ставиль въ невозможное положеніе своими пенриличными замічаніями, которыя высказываль громко, не стісняясь писколько присутствіемъ иностранцевъ, нотому что они не понимали его. Я часто уб'єгаль отъ него, а онъ за миою.

Пе останавливаясь пигдъ, мы пролетъли прямо въ Дармитадтъ, гдъ были Ихъ Величества. Тутъ намъ, то-есть свитъ Цесаревича, принлось скучать преизрядно. Вся царская фамилія жила въ Югенгеймъ у принца Александра. Помъщеніе было тъсное, а потому всъ прибывшія въ свитъ лица были помъщены въ городъ. Миъ были отведены двъ компаты въ великогерцогскомъ замкъ, окнами во дворъ, гдъ башенные часы каждые ¼ часа разыгрывали какіе-то хоралы и пъсни, которыхъ однако поиять было невозможно, ибо карильонъ этотъ былъ совершенно испорченъ. Можно себъ представить тоску, которую паводила эта музыка. Сосъдъ мой, киязь В. А. Барятинскій бъжалъ изъ замка и куда-то убхалъ; я не считалъ себя въ правъ послъдовать его примъру и весь день шатался по пустымъ и скучнымъ улицамъ города.

При прівздѣ нашемъ на станцію, Цесаревича встрѣтили Ихъ Величества и, но какому-то странному недоразумѣнію, воображая, что Его Высочество уже номолвленъ, ноздравляли его. Однако тотчасъ же было все разъяснено, и болѣе объ этомъ не говорили. Къ великому удовольствію, пребываніе наше въ Дармитадтѣ было очень непродолжительно. Мы ноѣхали 1 (13) Сентября въ Фридрихсгафенъ на ноклонъ королевѣ Ольгѣ Пиколаевиѣ, гдѣ пробыли недѣлю.

Здёсь провели мы чрезвычайно пріятно три дия. Пріємъ Ел Величества быдъ самый обворожительный.

Когда я представлялся королевь, ея величество изволила вспомпить мою покойную матушку въ самыхъ лестныхъ выраженияхъ п спросила меня, извъстно ли мив, что императоръ Николай Павловичъ приглашалъ матушку принять на себя воснитание Великихъ Кияженъ.

Наъ Фридрихстафена ѣздили на Шафгаузенскій водонадъ. Въ числѣ пригланиенныхъ былъ молодой штабсъ-ротмистръ флигель-адъютантъ графъ Воронцовъ-Дашковъ, необыкновенно веселый шалунъ и силачъ. Онъ съ княземъ Барятинскимъ выдѣлывалъ такія штуки, что я со страхомъ смотрѣлъ на нихъ. Онъ нодбрасывалъ его на воздухъ и ловилъ на лету; а въ Шафгаузенѣ съ высокой крутой горы бросился съ нимъ бѣжать, обхвативъ за талью. Какъ они оба не разбились, до сихъ поръ объясинть себѣ не могу. Возвратились оба оборванные и испачканные.

Изъ Фридрихсгафена же вздили мы на островъ Майнау, владвийе гросъ-герцога Баденскаго, гдв Государь Императоръ былъ встрвченъ гросъ-герцогскою четою. Не могу себв вообразить удовольствие жить на крошечномъ островкв, въ видв сахарной головы выступающемъ изъ озера, на которомъ построенъ прекрасный замокъ, украшенный внутри старинными, такъ называемыми «Гре» (Grès).

Изъ Фридрихстафена намъ предстояло вхать на Прусскіе маневры въ Бранденбургъ. На нути Государь остановился во Франкфуртъ для того, чтобы сдълать визитъ императрицъ Евгеніи въ Швальбахѣ. Пофадка эта была совершена въ нъсколько часовъ; вечеромъ Его Величество уже возвратился и въ нути персдавалъ о благопріятномъ внечатлѣніи, сдъланномъ на него императрицею. «Љаль только», прибавилъ Государь, «что въ волосахъ золотистая пудра».

На пути въ Потсдамъ около какой-то станціи мы наткиулись на разбитый въ дребезги товарный повздъ, на который неожиданно навхалъ другой. Государь ходилъ на станцію съ докторомъ Карелемъ, чтобы посвтить смертельно раненаго в ошпареннаго машиниста; а мы между тъмъ перебирались въ повздъ, высланный на встрычу по этому случаю, такъ какъ одноколейный путь былъ загроможденъ песчастнымъ повздомъ и сообщеніе было прервано.

Въ Потсдамъ все было биткомъ набито. Мив отвели въ городъ мерзъйшее помъщение на чердакъ какого то мизернаго доминки. Я тотчасъ же отпросился въ Берлицъ, гдъ ожидали меня сестры мон, возвращав-шіяся изъ Швейцарін въ Россію, и я былъ счастливъ выбраться изъ суетливаго Потсдама.

Тутъ Цесаревичъ сталъ жаловаться на боли въ сниив и когда О. Б. Рихтеръ доложилъ объ этомъ Государю, Его Величество былъ крайне недоволенъ, говоря, что ногода хороша и ревматизмъ не можетъ ухудивться.

Между тъмъ съ 5-ти ч. утра до объда (въ 6 ч. вечера) Цесарсвичъ долженъ былъ верхомъ слъдовать за Государемъ на маневрахъ. Послъ объда ежедневно собирались на спектакли, а потомъ ужинали и расходились только въ полночь.

Не знаю, почему впоследствій это сделалось всёмъ извёстнымъ, и какъ часто приходилось мий слышать, что упрекали графа Строганова въ томъ, что онъ не внималь жалобамъ Цесаревича; между тёмъ графа и не было въ Потсдами: онъ вследъ за тёмъ прійхаль изъ Петербурга въ Берлинъ, чтобы ёхать вмёсте съ Цесаревичемъ въ Коненгагенъ.

Прусскимъ военнымъ агентомъ при Государѣ былъ тогда нолковникъ Лёнъ. Онъ неходатайствовалъ намъ Прусскіе ордена, по такихъ низкихъ степеней, что Его Высочество вознегодовалъ и просилъ носла нашего Убри передать Лёну, что если онъ имѣлъ въ виду угодить Его Высочеству, то слѣдовало предварительно справиться, на какіе ордена различныя лица его свиты имъютъ право.

13 (25) Септября мы выскали изъ Берлина и чрезъ Гамбургъ и Киль прибыли 15-го числа въ Консигатенъ. Датскій дворъ имѣлъ въ то время пребываніе въ Беристорфѣ, гдѣ такъ тѣсно жили, что одинъ только генералъ Рихтерь оставался при Цесаревичѣ, графъ же Строгановъ и всѣ остальныя лица свиты помѣстились въ Консигатенѣ, въ домѣ барона Пиколаи. Со дин на день ждали мы извѣстія о номолвкѣ Цесаревича, и такъ какъ между Рихтеромъ и мною было условлено, что онъ извѣстить объ этомъ событіи телеграммою: «Prenez du Champagne», то легко можно представить пашу радость, когда на 7-й день, т. с. 20-го, получена была эта вѣсть. Мы тотчасъ же послѣ объда отправились всѣ въ Беристорфъ, гдѣ принесли наши сердечныя поздравленія и провели тамъ весь вечеръ.

Вотъ какъ совершилась помолвка, Цесарсвичъ сперва обратился къ королю и королевъ съ вопросомъ: согласны ли они вручить ему судьбу любимой дочери? Королева отвъчала, что, на сколько ей извъстно, сердце принцессы Дагмаръ свободно, по что она всетаки не можетъ поручиться за согласіе ся, ибо объ этомъ нею не было, а потому предлагаетъ, чтобъ она предварительно переговорила съ дочерью. Цесаревичь отъ этой услуги отказался и просилъ позволенія лично сділать принцессів предложеніе. Тогда было условлено, что будеть устроена прогулка, во время которой Его Высочество объяснится съ принцессою. Какъ сказано, такъ и сделано. Король и королева или вибств, а передъ илми Ихъ Высочества. Совершена была довольно большая прогудка по нарку, и на обратномъ пути, королева, замьчая, что уже приближаются къ замку, а между тьмъ въ разговорь пичего подобнаго предложению высказано не было, объявила, что она и король войдуть въ домъ, но что Ихъ Высочества могли бы остаться еще въ саду, въ виду отличной погоды. Цесаревичъ и принцесса сълв на скамейку и тутъ, оставшись съ нею глазъ на глазъ, онъ рѣшился на предложение, которое и было принято.

Посль кончины Цесаревича, Принцесса на этомъ мъстъ устроила маленькій цвътинкъ, который въроятио и по сію пору сохраняется вътомъ же видъ.

Радостное событие вызвало рядъ торжествъ. На другой же день быль объдь у короля. За этою торжественною транезою вновь отличидся Головачевъ. Когда подали Шампанское, опъ, послъ тоста за помодвленныхъ, вышилъ глотокъ и говоритъ Чичерниу съ гримасою, что вино кисло. Чичеринъ расхохотался. Король, замѣтивъ гримасу, спросиль. «Qu'est-ce qu'il a le capitaine?» Тогда Головачевъ безъ мальйшаго стысиенія отвычаль: «C'est aigre!»—«Qu'on donne une autre bouteille!» 1) приказаль Его Величество. Цесаревичь, понявь въ чемъ діло, чрезъ столъ замътилъ Головачеву, чтобы опъ оставплъ эти шутки. Что же? Попробовавъ вповь Шампанское, опъ, видя, что король савдить за его выражениемъ, опять таки сказаль: «C'est toujours aigre!» (Все-таки кисло!) Тогда королева спросила Цесаревича, въ чемъ дело? Его Высочество, видимо педовольный пеумъстною шуткою, объяснилъ одиако, что, по принятому обычаю въ Россів, заздравное вино, при подобныхъ случаяхъ, признается горькимъ или кислымъ, пока женихъ не попрауеть невъсты. «Qu' à cela ne tienne, embrassez-la!» отвъчала королева. Цесаревичь, чтобы положить консцъ неловкому положению, поцеловаль принцессу въ щечку. «Maintenant c'est doux, 2), воскликнуль безсовъстный Головачевъ. По за то п досталось ему на другой день отъ графа Строганова, который, объяснивъ ему все неприличіс поступка, объявиль, что если опъ позволить себъ сще разъ подобную выходку, то или будетъ отправленъ въ Петербургъ или исключенъ изъ свиты Его Высочества, дабы не могли его приглашать ко двору.

Второй объдъ былъ у вдовствующей королевы, за которымъ нълп въ четыре голоса разныя Датскія пъсни. Это было такое наслажденіе, котораго никогда не забуду. Исполнено было безупречно. Вообще со времени кончины жены моей, которая даже составила себъ репутацію своею вгрою (Рубинштейнъ увърялъ, что подобнаго тушэ онъ никогда не встръчалъ), я не могъ равнодушно слушать хорошее музыкальное исполненіе, и оно обыкновенно доводило меня до слезъ.

Третій объдъ принадлежаль также къ числу семейныхъ и былъ данъ почтеннымъ батюшкою королевы, ландграфомъ Гессенъ-Кассельскимъ. Онъ былъ чрезвычайно преданъ Россійскому Императорскому дому и храпилъ благоговъйную память къ императору Николаю Павловичу, котораго считалъ, и не безъ основанія, величайшимъ монархомъ своего времени. Онъ бывалъ неоднократно въ Россіи и особенно долго жилъ у насъ по случаю бракосочетанія сына его Фридриха съ Великою Кияжною Александрою Николаевною. Сынъ къ сожальнію не

[&]quot;) Что говорить капитань?---Горько!--Пусть подзауть другую бутылку.

²) Если въ втомъ дело, такъ поцалуйте ес. —Теперь сладко.

II, 86 русскій архивъ 1896.

стоиль отца и оставиль въ Россіи не очень выгодную о себ'в репутацію. Любимымъ предметомъ разговоровъ старика-дандграфа были разспросы о Россіи и восноминація о Петербургів и Москвів. Въ 1867 г. мнів пришлось присутствовать при похоронахъ его въ Румпенгеймів близъ Франкфурта на Майнів, въ его фамильномъ замків.

Кстати вспомнилъ я оригинальную черту почтеннаго лапдграфа. Онъ наслъдовалъ, не помню отъ кого, обширную библіотску и поставилъ себъ задачею прочесть всъ сочиненія въ порядкъ ихъ разстановки въ шкапахъ. Когда попадалась книга по какой пибудь причинъ ему пеправившаяся, опъ добросовъстно прочитывалъ ее до конца, но все время былъ не въ духъ и не скрывалъ, что причиною дурного расположенія была кинга имъ читаемая.

Послѣ упомянутыхъ трехъ фамильныхъ обѣдовъ были еще два оффиціальные.

Въ день помольки былъ немедленно отправленъ въ Дармигадтъ князь Барятинскій для испрошенія соизволенія Ихъ Величествъ на обрученіе. Выборъ палъ на него, потому что когда цесаревячъ Александръ Николаевичъ сдълался женихомъ принцессы Дармигадтской, то паъ Дармигадта въ Петербургъ съ этимъ навъстіемъ былъ посланъ для князя Владимира Анатоліевича, князь Александръ Пвановичъ, впослъдствіи фельдмаршалъ.

Между тѣмъ съѣхалось множество гостей, и главную роль между ними играли принцъ и принцесса Валлійскіе съ ихъ многочисленною свитою. Особенно намятны миѣ красавицы дамы: леди Спенсеръ съ ел супругомъ, леди Грей, жена бывшаго военваго министра, и мистрисъ Грей, Шведка по происхожденію, рожд. Стедингъ, внучка бывшаго во времена Екатерины и при Александрѣ І-мъ Шведскаго у пасъ посланника. Она впослѣдствіи вышла замужъ за герцога d'Otrante. Генералъ Нолисъ былъ гофмаршаломъ, и кромѣ того при принцѣ состояли юный Ридъ (родственникъ князя Воронцова) и полковникъ Кеппель, преуморительный господинъ, какъ будто сдѣланный изъ гутта-перчи, потому что постоянно подскакивалъ и присѣдалъ; да и руки у него постоянно гуляли по воздуху, если онъ отъ удовольствія не потиралъ ихъ, что впрочемъ безпрестанно повторялось, потому что онъ казался чрезвычайно доволенъ самимъ собою и всѣми другими.

Тутъ веселью не было конца. Съ утра до вечера приходилось быть въ этомъ счастливомъ семействъ. Послъ завтрака затъвались игры, потомъ прогудки въ экинажахъ, или верхомъ, или въ лодкахъ на озеръ.

Къ объду являлись всь во фракахъ съ орденами. Оп faisait cercle, до и нослъ объда, и выходы къ объду были всегда очень торжественны и оффиціальны. Тотчасъ нослъ объда — игра à la guerre на бильярдъ; потомъ, въ хорошую ногоду прогулка, а къ чаю вновь собпралясь п обыкновенно пграля въ карты, а молодежь танцовала. Цесаревячъ ръдко принималъ участіе въ танцахъ, по усдинялся обыкновенно съ невъстою, и въ этихъ бесъдахъ опъ конечно знакомилъ невъсту съ тъмъ, что ее ожидало въ Россіи. Сколько разъ приходилось миъ слышать о планахъ его на счетъ занятій будущей Великой Киягини; программа имъ была задумана, и даже пъкоторыя лица намъчены для преподаванія, при чемъ Русскій языкъ и словесность опъ принималъ на себя.

Прівзжаль изъ Швеців наслідный принць, король Оскарь, чтобы отдать визить принцу Валлійскому, посітивнему его дворь въ Стокгольмі. Помнится, что всі г.г. Бритты угостились до того Шведскимъ пуншемъ, что даже, по прибытін ихъ въ Фреденсборгъ, они не могли избавиться отъ Katzenjammer'a, и біздный графъ Спенсеръ (впослідствін Прландскій намістникъ) слегь въ постель: до того ему нездоровилось.

Между прочими повздками въ окрестности памятно посвищение Гельзингара съ крвностию Кронеборгъ и предестнымъ прибрежнымъ «Marienlust». По преданию, это родина Гамлета.

Тогда же былъ ръшенъ вопросъ о назначени меня секретаремъ къ будущей Цесаревиъ.

30 Сент. (12 Окт.) мы выбхали изъ Копенгагена и въ тотъ же вечеръ прибыли въ Корсоръ, откуда должны были на ожидавшемъ насъ «Штандарть» отплыть дальше. Всв радовались опять ступить на Русскую почву; по въ моментъ донессиія командира о томъ, что пары разведены и все готово къ отильтію, летить офицерь и доносить своимъ чередомъ, что лоннула наровая трубка и что идти нельзя. Въдный Головачевъ такъ и присъдъ. Цесаревичъ однако сохранилъ полное спокойствие я когда узналь, что рядомъ съ «Штандартомъ», стоитъ частный нароходъ, на которомъ чрезъ 1 1/2-2 часа можно отправиться въ Киль, то онъ же сталъ успоконвать Головачева. Пока разводили пары на пароходъ «Гермондъ» и переносили туда нашу кладь, мы пили чай на «Штандартв». Его Высочество замътилъ однако грустное настроение Головачева, который, не смотря на ласки Его Высочества, исе хмурплся. Тогда Цесаревичъ отозвалъ его въ сторону и говоритъ: «Понимаю, что вы бонтесь гивва Государя; но неужели вы думаете, что я не съумвю объяснить ему, что вы тутъ не причемъ и что нельзя пикогда предупредить подобныя случайности. Стыдно, Дмитрій Захаровичъ, что вы всякую въру въ меня потеряли!»

Когда прибыли въ Дарминтадтъ, то Цесаревичъ, принявъ благосло веніе и поздравленіе родителей и родимхъ, еще на станціи просилъ позволенія Государя вызвать Головачева въ Дарминтадтъ, съ тѣмъ, чтобы онъ могъ лично объяснить Его Величеству причины случившейся псудачи, что и было разрѣшено. Вотъ чѣмъ царственные юноши привязываютъ къ себѣ людей; такое вниманіе, хотя и внолив естественное, дѣластъ людей самыми надежными слугами. Помию, что этотъ случай послужилъ новодомъ къ назначенію Головачева, уже нослѣ кончины Цесарсвича, флигель-адъютантомъ и къ словамъ, сказаннымъ ему Государемъ при этомъ ножалованіи: «Миѣ извѣстно, что нокойный сынъ любилъ тебя».

На этотъ разъ пребываніе въ Дармштадть было испродолжительно: Государь спъщиль въ Петербургъ, Императрица должна была ъхать въ Ниццу, а Цесаревнчу предстояло ъхать въ Штутгартъ, Мюнхенъ и въ Съверную Италію.

Въ Дармштадтъ былъ выписанъ изъ Висбадена протојерей Япышевъ, которому предполагалось поручить запятія съ Принцессою Дагмаръ. Самъ Цесаревичъ велъ съ отцемъ Япышевымъ продолжительныя бесѣды по новоду этого важиаго порученія, и такъ остался доволенъ тѣмъ, что услышалъ отъ Япышева, что выразилъ полное свое успокоеніе на счетъ преподаванія. Его Зысочество пеодпократно высказывалъ намѣреніе свое принять на себя преподаваніе Русской исторів и Русской словесности и заранѣе радовался этимъ занятівмъ.

Въ Дармитадтъ покойный теперь Кирилинъ передалъ мит пъкоторыя небезинтересныя свъдъція о томъ, какъ принцъ Александръ Гессенскій пользовался пребываніемъ Государя в Императрицы въ Югенгеймъ. Въ то время супруга принца Александра была еще графинею. Странно вспомвнать о всей исторія брака брата Императрицы съ графинею Юліею Гауке. Вся эта исторія мит очень намятна, нбо совершилась, такъ сказать, на моихъ глазахъ; она началась съ пребыванія въ Екатериненталь и прододжалась въ посольскомъ домѣ на Дворцовой Пабережной, въ которомъ жилъ принцъ Александръ. Бъдная Императрица, чистая, какъ голубь, сама того не подозръвая, много содъйствовала сближенію между братомъ и ловкою кокеткою-Полькою. Адъютантъ принца А. И. Самсоновъ игралъ тутъ роль посредствующаго лица. Императоръ Пиколай Павловичъ оценилъ этого молодца по достоинству. Извъстно, что принцу

Александру доставлялись постоянно случан для извлечения всевозможныхъ денежныхъ выгодъ въ России. Онъ былъ страннымъ циникомъ въ этомъ отношения и пользовался всёмъ чёмъ могъ. Когда онъ продаль огромныя свои земли въ Самарской губ., ему пожалованныя, онъ мив сказалъ: «Слава Богу, отдёлался наконецъ отъ этихъ земель; съ нями было истинное мученье (eine wahre Plage)». Такимъ же циникомъ былъ его адъютантъ Роцианъ, почти ежегодно прівзжавшій съ нимъ въ Россію. Онъ также забиралъ, что могъ и къ тому же всегда былъ недоволенъ и жаловался на скупость нашего двора! Знаю это потому, что самъ имѣлъ порученіе съ нимъ объясниться по новоду подарка, имъ полученнаго, которымъ онъ былъ недоволенъ. Отъ меня одного онъ услышалъ рёзкое, по правдиное слово. Я съ нимъ не стёснядся.

3/17 Октября мы прівхали въ Штутгардть; пріємъ вновь быль самый сердечный. Королева старалась всячески сделать пребываніе племянника на сколько возможно пріятиве. Всё лица свиты были обласканы умною и полною женственности тою изъ бывшихъ нашихъ великихъ кияженъ, которую державный отецъ называлъ «безприданною», пбо самъ ценилъ ее за наружныя качества и впутреннія достоинства ея, и признавалъ, что другаго приданаго ей не пужно.

Въ разговоръ со мною ея величество вновь изволила вспомнить о матушкъ моей, отзываясь о ней съ необыкновенною сердечностію и уваженіемъ. Какъ былъ я счастливъ сохраненнымъ о дорогой моей матушкъ восноминаніемъ!

Въ Пітутгардтв застали достойнъйшаго В. П. Титова, который, оставивъ званіе наблюдателя за учебными запятіями Великихъ Князей, возвратился смиренно на свой прежий постъ послацника. Я искренно радовался видъть его, и тутъ между прочимъ онъ выражалъ сожалъніе о томъ, что Кавелинъ какъ бы отвернулся отъ него; между тъмъ миъ лучше другихъ было извъстно, какъ Владимиръ Навловичъ заступался за него, какъ онъ отстанвалъ его.

Осмотрвны были окрестности, и между прочимъ прекрасный Арабскій конскій заводъ, по которому и городъ Штутгардтъ получилъ свое названіе. Возилъ насъ туда оберъ-шталмейстеръ графъ Таубенгейнъ въ просторномъ шарабанв. Онъ самъ правилъ четверкою прекрасныхъ лошадей и я, сидя на козлахъ возлв него, во все время повздки пользовался его бесвдою.

По вечерамъ въ придвориомъ театръ давались спектаклп.

Изъ Штутгардта повхали въ Нюрнбергъ 8/20 Октября, гдв осмотрвли всв интересные въ высшей степени памятники древности (церкви, колодцы, старинный крвностной замокъ и проч.); Gebalduskirche и Laurentiuskirche запяли ивсколько часовъ. Здвсь пріобрвлъ Цесаревичъ изданіе Van-der-Welde «Le pays d' Israël», за которое уплочено 630 фр.

10/22 Октября мы прибыли въ Мюнхенъ. Цесаревичъ сдѣлалъ визитъ престарѣлому королю, отрекшемуся отъ престола, который вслѣдъ за тѣмъ прибылъ въ свою очередь въ гостипицу, въ сопровождени принца Адальберта, весьма величественнаго вида, въ кирассирскомъ мундирѣ, въ датахъ, напоминавшаго Фальстафа.

Потомъ отправились въ Гогеншвангау, резиденцію молодого короля въ Баварскомъ Тиролѣ. Никогда не случалось миѣ видѣть замковъ столь таниственныхъ и причудливыхъ. Тамъ, смотря на внутреннее устройство и расположеніе компатъ, на убранство ихъ, переносинься въ воображеніи въ средніе вѣка. Королю въ такомъ грустномъ настроеніи не слѣдовало бы вовсе жить въ пемъ; а между тѣмъ его именно туда и тянуло: тапиственность замка, мрачность мѣстоноложенія на озерѣ, окруженномъ темными лѣсистыми скалами, располагали короля еще болѣе къ меданхоліи и развивали это болѣзненное расположеніе. Онъ въ одной изъ башень, вислицихъ надъ озеромъ, неожиданно для насъ поднялъ окончину (опускную дверь, trappe) въ нолу, и мы очутплись на краю пропасти колодца, на днѣ котораго виднѣлась освѣщенная солицемъ густая, но прозрачная, спиевато-зеленая вода озера. Поневолѣ всѣ отшатнулись. Говорятъ нынѣ, что въ этотъ колодезь король нокушался броситься исзадолго до гибели его въ Штаренбергскомъ озерѣ.

Визитъ этотъ ограничнася только двумя часами, п мы направились въ Мюнхенъ, гдъ 12/24 Октября остановились въ Hôtel d'Angleterre. Пемедленно въ распоряжение Его Высочества были даны придворные экинажи.

На пути изъ Мюнхена въ кръпость Куфинтейнъ Цесаревичъ былъ встръченъ двумя Австрійскими генералами, изъ коихъ одниъ (забылъ его фамилію) начальникъ мъстныхъ войскъ, а другой, прибывшій съ этою цълью изъ Въны графъ Феститичъ гусаръ. Оба проводили Его Высочество до Инспрука, куда мы 16/28 Октября прибыли на ночлегъ.

На другое утро на почтовыхъ лошадяхъ поъхали мы чрезъ Бреннеръ въ Италію. Тогда только что начиналась постройка жельзной дороги, и мы въ первый разъ имъли случай видъть работы въ горахъ и проведение тупелей въ скадахъ.

Путь пашъ лежаль въ узкой долинь Пина, а потомъ, начиная съ перевала, пасъ обгоняла ръка Эчь (Adjio) до самой почти Вероны. На пути чрезъ Бреннеръ почевали въ Тирольскомъ городъ Боценъ. Графъ Строгановъ обратилъ вниманіе во время перевзда чрезъ Тироль на то, что вездъ рабочіе были Птальянцы и, имъя въ виду, что пародъ этотъ крайне трудолюбивый и довольствующійся скудною пищею (они питаются polento'ю, хлюбомъ изъ кукурузы) предсказывалъ, что паступитъ время, когда онъ вытыснитъ Нъмцевъ изъ Тироля.

На савдующее утро мы спустились въ долину Италіи; по густой туманъ и страшная сырость очень непривътливо встрътили насъ, и весь день мы вхали (уже по жельзной дорогь) до самой Венеціи подъ небомъ сърымъ, облачнымъ. Но вотъ выходимъ изъ вагоновъ и садимся въ гондолы на Canale-grande. Все смолкло: не слышно ни желъзнодорожнаго, ии экинаживго шума, пи даже голоса человъческого. Это было въ Субботу всчеромъ, а нотому во всехъ церквахъ благовъстили къ вечериъ, куполы храмовъ были иллюминованы, равномърные удары веселъ и плескъ воды придавали еще болъс тапиственности этой торжественной тишинъ. Настроение наше было странное: мы всъ модчали и не ръщались произпести слова, чтобы не нарушить этого настроеція, и только по прибытін въ Hôtel Daniel вновь оживились. На станція желівной дороги Его Высочество быль встричень генераль-губернаторомъ графомъ Тогенбургомъ и начальникомъ дивизіи генерадомъ Алеманомъ; сверхъ того быди тутъ генеральный консуль нашъ графъ Кассини и консуль Бакунинь. Воб они были приглашены къ объду, сервированному въ столовой, окна коей и балконъ выходили на набережную и были открыты.

Сидя противъ оконъ, я замѣтилъ вдругъ сильное освѣщеніе на улицѣ, и вслѣдъ за тѣмъ услышали мы чудное хоровое пѣніе. Серенада эта была заранѣе устроена графомъ Кассини. Исполненіе было до того совершенно и мотивы Итальянскихъ напѣвовъ такъ увлекательно хороши, что у меня вновь сдѣлался первный принадокъ, и я прослезился. Миѣ было совѣстно предъ другими, и я съ трудомъ овладѣлъ собою. Немногіе, къ счастію, изъ напихъ замѣтили это, и послѣ обѣда графъ Строгановъ, подойдя ко миѣ съ улыбкою, спросилъ: «Это музыка васъ разстроила?» — Да, отвѣчалъ я: ноневолѣ приноминается прелестный талантъ покойной жены моей». — «Вотъ почему я не люблю музыки», замѣтилъ графъ.

Черезъ два дня мы осматривали Академію Художествъ. Войдя въ одну изъ залъ, я увидълъ графа стоящаго передъ извъстною картиною Тиціана «Иlествіе во храмъ Пресвятыя Богородицы». Я остановился. Смотрю, старикъ беретъ стулъ и садится предъ картиною. Подождавъ немного, я подхожу къ графу и спрашиваю: «Вы восхищаетесь картиною?»—«Это произведеніе божественное, пѣтъ ничего выше его», отвъчаетъ графъ. «А какъ вы полагаете, не производитъ ли она на васъ тоже впечатльніе, какъ на меня музыка? Это тоже дъйствіе на первы».— «Вы можетъ быть правы», отвъчалъ старикъ, но я вамъ сдѣлалъ замѣчаніе это, когда вы ужъ успокоплись; вы же парушили то пастроеніе, которое вызвано картиною, а потому это съ вашей стороны не милосердно». Миѣ стало больно.

Послѣ обѣда мы пошли на площадь Св. Марка, гдѣ, посреди иллюминованной площади, игралъ чудный оркестръ Австрійской военной музыки. Оживленіе было большое. Я гулялъ съ княземъ Барятинскимъ, и мы оба были поражены красотою дамы, которая, окруженная большимъ обществомъ, сидѣда на студѣ, рядомъ съ пожилою и двумя молодыми дамами. Мы вздумали отправить на поиски графа Кассини или Бакунина, чтобы узнать, кто эта красавица, когда первый подошелъ къ памъ съ предложеніемъ представить насъ женѣ его и дочерямъ. Къ счастію нашему, мы не усиѣли еще промолвить слова, когда онъ насъ подвелъ именно къ замѣченной нами группѣ. Красавица оказалась одна изъ дочерей его, графиня Мольтке, жена Датчанина по происхожденію, по до войны Австріи съ Даніею состоявшаго на Австрійской службѣ, а вслѣдъ затѣмъ вышедшаго въ отставку. Весь вечеръ провели мы въ этомъ пріятномъ обществѣ сперва на площади, а потомъ въ театрѣ, въ которомъ давали Лукрецію Борджію.

Въ Венеціи пробыди мы пять дней и съ утра до вечера бродили по церквамъ, музеямъ, осматривая всё достопримъчательности. Начиная съ дворца дожей, въ которомъ осмотрено было все въ подробности до молитвенника Гримани, и кончая домомъ умалишенныхъ и поёздкою по лагунамъ, вся Венеція сдёладась намъ извёстною. Особенно намятными консчно остались богатства Св. Марка, Академіи и церкви св. Іоанна и Павла; восхищался я также бронзовою рёшеткою ложетты и орнаментами на трофеяхъ.

Непріятное впечатя в производили орудія, поставленныя подъ арками дворца дожей, съ жерлами обращенными на площадку (piazetta). Настроеніе въ уроженцахъ Венеціи было таково, что Австрійцы привнали нужнымъ держать на готовъ эту артиллерію. Чувствовалось тогда уже, что владычество Австрійцевъ непрочно, п дъйствительно чрезъ два года Венеція праздновала освобожденіе отъ пта Австрійскаго.

Въ одну изъночей и былъ разбуженъ проходившимъ по набережной ивщомъ. Спачала слышно было ивние его вдали, потомъ опо становилось отъ приближения сто все явствениве, и въ то время какъ опъ проходилъ подъ окнами казалось, что сильнымъ и звучнымъ голосомъ своимъ опъ долженъ разбудить всёхъ снавшихъ въ отелѣ. Удаляясь опять слабѣлъ звукъ, и подъ конецъ, уже далеко отъ насъ, иввецъ взялъ невозможную для мужскаго голоса высокую поту и смолкъ. До сихъ поръ не могу забыть этого чуднаго голоса и той ивги, которую я ощущалъ въ тихую, безмолвную почь при этомъ истивно-Итальянскомъ ивнін. Но тотчасъ же вспомиились мив мон крошки, бъдныя мон дѣти, которыхъ оставилъ я далеко на Сѣверѣ и которыя не могли конечно въ Октябрѣ наслаждаться чудною, теплою осенью, какъ я. Прошелъ сонъ и, какъ обыкновенно бываетъ въ воображеніи, я создавалъ для малютокъ цѣлый міръ страховъ и онаспостей. Какъ часто это повторялось во время продолжительной разлуки моей съ дѣтьми!

Теперь, когда пишу эти строки, Венеція еще болбе мив знакома, по вторичному пребывацію въ ней въ 1886 г. Хотя я парочно остановился и на этотъ разъ въ Hôtel Daniel, по грустныя ди восноминація, отсутствіе ди техъ дицъ, съ которыми я быдъ тамъ въ первый разъ, впечатлівніе было таково, что я далъ себі слово болбе туда не возвращаться, а чтобы могъ поселиться въ Венеціи ипостранецъ, не вынужденный на это бользийю, я и въ первый прібздъ свой поиять не могъ.

Когда въ 1864 г. я познакомился съ вице-консуломъ Бакунинымъ, его женою и милыми ихъ маленькими дочерьми, не воображалъ я, конечно, что участь этого семейства будетъ такая грустиая. Бакунина, рожденная Васильчикова, разъбхалась съ мужемъ; одна изъ дочерей ея вышла замужъ за талантливъйшаго молодаго архитектора, рано умершаго; что сталось съ другою дочерью—не знаю.

24 Октября (5 Ноября) выбхали изъ Венеціи и въ тотъ же день, по жельзной дорогь, пролегающей въ плодородной доливь Ломбардіи, прибыли въ Миланъ. Тутъ застали принца Гумберта, командовавшаго мъстной бригадою. Онъ еще не былъ женатъ и велъ жизнь веселую въ обществъ своихъ офицеровъ. Конечно, тотчасъ же, послъ визита принцу, поъхали осматривать соборъ, съ крыши котораго любовались видомъ на долину и Альны, разаго Вгега, извъстную фреску Леонардо, Визіги (тайная вечеря) и проч. Тздили также въ монастырь за Chertosa

di Pavia, извъстиую фасадомъ и виутренностію двора съ украшеніями перваго изъ мраморныхъ, а втораго изъ глиняныхъ (terra cotta) изванній. Во Флоренціи, итсколькими педтлями позже, была Цесаревичемъ пріобрътена превосходная акварель художника Карелли, изображающая внутренность двора этого монастыря. Акварель была подарена императрицъ Маріи Александровить и, втроятно, находится въ извъстной коллекціи акварелей Ея Величества.

Оригинальный припоминается мив энизодь за объдомъ у принца Гумберта. Цесаревичь, интересуясь конституцією Италіи и желая узнать отъ принца ивкоторыя подробности, между прочимъ по судебной части, которая подлежала введенію у насъ, но образцу Птальянской, предлагаль принцу Гумберту вопросы, на которые, повидичому, принцъ не желаль или не въ состояній быль отвічать и переходиль на другіе предметы, преимущественно же на разсказы о жизни своей, довольно разгульной. Цесаревичь не уступаль однако и вновь возвращался къ тімъ же вопросамъ. Тогда принцъ, видя, что отділаться сму было невозможно вначе, какъ откровеннымъ сознаніемъ своего невіддінія, отвічаль: «Vous me demandez des choses, dont je n'ai pas la moindre idée. Chez vous, dans un pays monarchique, les princes sont obligés de connaître les lois et la constitution du pays; chez nous—c'est !'affaire des chambres!» *). Вотъ странный типъ наслідника-принца.

Въ то время былъ въ Миланѣ оркестръ, подъ названіемъ «банда принца Гумберта», въ пользу которей собирались деньси, и миѣ было поручено внести въ этотъ сборъ 100 франковъ.

Изъ Милана отправились мы въ Туринъ, тогданиною столицу Италіи и резиденцію короля Виктора-Эммануила, куда прибыли 27 Октября (8 Ноября) и были встрѣчены посланникомъ нашимъ Н. Д. Киселевымъ и графомъ Остенъ-Сакеномъ, недавно предъ тѣмъ женившимся на вдовк бывшаго посланника въ Мадридѣ князя Голицына. Пикогда не забуду нашего представленія королю, педаромъ прозванному galanto ното. Цесаревичъ былъ въ парадной формѣ л.-гв. гусарскаго Его Величества полка, вся его свита, кенечно, также въ парадныхъ мундирахъ. Король вообразилъ, что інсодпіто Цесаревича устраняеть оффиціальные визиты, а потому былъ крайне нораженъ, когда, при выходѣ изъ впутреннихъ нокоевъ въ прісмиую залу, увидѣлъ всѣхъ въ мундирахъ. Самъ въ коротенькомъ пиджакѣ, съ открытою шеею, въ свѣтлыхъ шпрокихъ панталонахъ, онъ до того смутился, что вырвалъ изъ рукъ своего дежурнаго камергера складную треугольную шляну и быстрымъ движеніемъ сунулъ ее подъмышку; какъ будто шляна эта придала болѣе оффиціаль-

^{*)} Вы мени спращиваете о предметахъ, мив вполив неизивстныхъ. У васъ, въ странв монархической, государя обизаны знать законы и устройство страны; у насъ это двло падатъ.

ности его костюму и пріему гостей. Поздоровавшись съ Цесаревичемъ, онъ посившно удалился съ Его Высочествомъ въ сосвдиіе анпартаменты и, чрезъ четверть часа возвратившись вновь въ прісмиую, сказалъ каждому изъ насъ ивсколько привътливыхъ словъ. Какъ оказалось послѣ, ему въ особенности ноправился д-ръ Шестовъ, полнотою ли или муидиромъ Военно Медицинской Академів, неизвъстио. Въ слѣдующій день мы объдали за королевскимъ столомъ, къ которому были приглашены, кромѣ принца Амедея Лостскаго (прелестнаго юнония), министры и даже пъкоторыя дамы, что составляло небывалое исключеніе. Въ числѣ послъднихъ была наша соотечественница, графиня Остенъ-Сакенъ, тогда еще красавица въ полномъ смыслѣ слова. Объдъ былъ очень оживленый; всѣ Итальянцы были удивлены любезностію короля, обыкновенно очень сдержаннаго и избъгающаго общества.

Послъ объда Цесаревичъ просидъ генерала Ламармору познакомить его съ милистрами и бывшими тутъ же статеъ секретарями. Пужно замътить, что, предъ отъъздомъ нашимъ изъ Петеромрга, Цесарсвичу были доставлены записки посланниковъ всехъ странъ, чрезъ которыя пролегалъ нашъ путь, съ разными свъдъціями объ учрежденіяхъ, правительственныхъ лицахъ, выдающихся и извъстныхъ по какимъ бы ни было причинамъ личностяхъ и т. д. Такичъ образомъ вопросы дия, наиболже интересные въ данную мянуту въ той или другой странв, должны были едълаться извъстными Его Высочеству. Я во время представленія мииистровъ стоялъ слишкомъ далеко для того, чтобы слышать разговоры съ каждымъ изъ инхъ Цесаревича, по инкогда не забуду предестнаго зрълнца. Юный, обворожительный именно по молодости и свойственпой ему застычивости, онъ, однако, какъ оказалось, такъ умъло и съ такимъ тактомъ велъ разговоръ, что изумилъ всёхъ представлявшихся; а Ламармора, съ которымъ я имълъ случай познакомиться уже въ день прівзда пашего въ Туринъ, подошель ко чив после аудісинів министровъ и сказалъ незабвенныя для меня слова: «Il faut rendre justice à Monseigneur le Grand-Duc, c'est un jeune homme accompli. Comme vous devez être fier de lui 1). Во время представленія министровъ, король удостоиль насъ разговоремъ. Первый вопросъ быль обращенъ къ "Inчерину и ко мить. Король спросиль насть, «si nous sommes chasseurs?» 2) На это мы дали отвътъ отрицательный. Тогда Его Величество замътилъ, что мы лишены, следовательно, большаго наслажденія, что опъ только тогда чувствуеть себя счастливымъ, когда въ горахъ, свободно гуляя и охотясь, забываеть все остальное. Тогда Чичеринъ отвъчаль, что

^{•)} Надо отдать справедливость Его Высочеству Великому Кинзю; это молодой человъвъ-совершенство. Как 6 вы должны гордиться им 6.

²⁾ Охотники ли мы?

ири уваженій и любви, которыми король пользуется въ Италіи, онъ долженъ быль бы считать себя счастливымъ вообще. «Это дѣло прошлое, тенерь же другое настроеніе, которымъ я полонъ до сюда», отвѣчалъ король, указывая на горло. Его Величество говорилъ объ охотѣ на дикаго козла, встрѣчающагося и въ Савойскихъ, и въ Кавказскихъ горахъ, котораго Русское названіе «туръ» было ему извѣстио. Охота на него была, но миѣнію его, лучшая и интересиѣйная.

30 Октября (11 Поября) утромъ выбхали мы изъ Турина въ Геную. Жельзная дорога почти все время проходить чрезъ узкую долицу между горами. Шелъ сиътъ большими хлоньями; въ короткое время и горы, и зелеивющіе деревья и кусты, а также дома и платформы на станціяхъ были покрыты толстымъ слоемъ сибга. Такъ мы подвигались въ невеселомъ расположеній духа, пока не пачались тупели, сначала короткіе въ ивсколько секупдъ, потомъ длиниве, длиниве и, наконецъ, самый длинный, чрезъ который ѣхали 8 минутъ самымъ быстрымъ ходомъ. До этого последняго тупеля, проложенняго чрезъ мребетъ приморскихъ Альнъ, пасъ преслъдовали спъгъ и выога; каково же было наше удивленіе, когда, выбхавъ изъ тупсля, мы вдругь очутились подъ чуднымъ южнымъ небомъ, на высотъ, господствующей надъ городомъ, который раскинулся амфитеатромъ въ видъ подковы у ногъ нашихъ и спускается до снияго, какъ и исбо, моря. Этотъ видъ былъ до того поразительно хорошъ, погода стояла такая великоленная, солице такъ ярко освещало эту картипу, что мы вст стояли у оконъ вагона и восхищались эрълищемъ. Такой сюриризъ не менфе поразителенъ, чфмъ тотъ видъ, который представляется глазамъ прівзжающаго къ Байдарскимъ воротамъ со стороны Балаклавы.

У станцін Цесаревичь быль встрвчень контръ-адмираломъ Льсовскимъ, начальникомъ оскадры, прибывшей въ числь 4-хъ судовъ изъ Америки въ Вилла-Франку, и командирами отихъ судовъ: фрегата «Александръ Невскій», — канитаномъ 1-го ранга Федоровскимъ, корвета «Витязь», канитаномъ 2-го ранга — Кремеромъ, и клинера «Алмазъ» канитаномълейтенантомъ Зеленымъ. Въ Нициъ остался фрегатъ «Олегъ», командиромъ коего былъ отличившійся при оборонь Севастоноля, извъстный отвагою своею флигель адъютантъ Бирюлевъ, тогда уже больной и раз строенный отъ ранъ и контузіи въ голову.

Всв встръчавнія лица были въ Русскихъ мундпрахъ. Цесаревичь быль въ восторть отъ свиданія со своими соотечественниками, и тотчась было условлено объдать съ ними въ гостиниць «Стосе di Malta», а носль объда отплыть на «Александръ Невскомъ» въ Пиццу. Радость Цесаревича объясняется прежде всего скорымъ свиданіемъ съ обожаемою имъ Родительницею, а нотомъ любовію его къ Русскимъ морякамъ.

Прівхавъ въ гостиницу и перемѣнивъ туалетъ, всё собрались въ столовой въ ожиданіи дорогихъ гостей. По ждать пришлось долье, чёмъ предполагалось, и Цосаревичъ уже сталъ выражать пъкоторое петеривніе, когда дверь отворилась, и вошли паши моряки. Пріемъ былъ самый ласковый. Тотчасъ сѣли обѣдать, и завязался оживленный разговоръ. Препмущественно шла рѣчь о плаваніи эскадры, о пребываніи въ Америкѣ. Возникъ также споръ о томъ, на которомъ изъ судовъ Цесаревичу идти въ Пищцу. Кремеръ, командиръ «Витязя», предоставленнаго въ распоряженіе Его Высочества для плаванія въ Средиземномъ морѣ, неохотно уступалъ право свое; по такъ какъ начальникъ эскадры долженъ былъ идти на «Александрѣ Певскомъ», то рѣшено было, что Его Высочество совершитъ рейсъ на этотъ разъ на послѣднемъ.

Когда послѣ обѣда гости разъѣхались, я позволиль себѣ сказать Наслѣдиику, что, видя его въ средѣ моряковъ всегда въ лучшемъ расположеній духа, приходишь невольно къ заключенію, что опъ имѣетъ пѣкоторую слабость къ морскому дѣлу. «Да какъ же вы хотите, чтобы было ппаче, отвѣчалъ Его Высочество, гдѣ же вы найдете столько хорошихъ людей, какъ между моряками? Ихъ характеры вырабатываются именно тою жизнію, которую они ведутъ въ морѣ. Тѣсная жизнь требовательнѣе къ каждому изъ нихъ. Негодиый пли не подчиняющійся этимъ требованіямъ элементъ не можетъ быть териимъ среди товарищей; слѣдовательно, остается только тотъ, кто хочетъ и можетъ быть полезнымъ на служоѣ и раздѣлять се съ товарищами».

Вечеромъ, проводивъ Цесаревича на фрегатъ и послѣ чая простившись съ отправляющимися въ море, мы возвратились въ гостиницу, съ
тѣмъ, чтобы ожидать изъ Ниццы приказанія: ѣхать ли намъ туда же
или оставаться въ Генув до возвращенія Его Высочества въ Италію.
Другое утро было посвящено, конечно, на осмотръ достопримѣчательпостей Генуи и виллы Палавичино въ окрестностяхъ ея. Восхищался я
въ разныхъ палаццо фамильными портретами Ванъ-Дейка и Рембрандта,
изъ коихъ иѣкоторые зайимали цѣлыя стѣны. Объдали Барятинскій и
и у нашего консула Перовскаго, бывшаго до того въ Японіи или Китаѣ. Квартвра его была украшена прелестными произведеніями этихъ
странъ. Въ особенности же я восхищался вазами бирюзоваго цвѣта и
кракле, какихъ я нигдѣ никогда болѣе не встрѣчалъ.

3 (15 Поября) получена мною телеграмма, вызывающая пасъ въ Пиццу. Чичеринъ, Шестовъ и Козловъ предпочли ѣхать въ омнибусѣ сухимъ путемъ; Барятинскій и я отправились вечеромъ на частномъ пароходѣ и прибыли въ 5 часовъ утра въ Пиццу. Никогда не забуду висчатавнія, произведеннаго на меня чуднымъ утромъ, яснымъ небомъ, яркимъ соляцемъ, освіщавшимъ море и берегъ съ прелестнымъ городомъ, окаймленнымъ горами. Все еще было погружено въ глубокій сонъ, городъ былъ пустъ и, когда мы прибыли къ виллѣ Дизбахъ, въ ней господствовала полная типпна. Мий было не до сна: я умылся, переодѣлся и вышелъ на балконъ, чтобы внолий насладиться и видомъ на море, и воздухомъ, насыщеннымъ ароматомъ цвітовъ и тропическихъ растеній. Воображалъ ли я, что этотъ уголокъ, существующій на зеленомъ берегу, какъ казалось мий тогда, для наслажденій, для укрівняенія здоровья, обратится въ місто печали и нынѣ гнетущей всіхъ понесшихъ тутъ незамізнимую утрату? Съ свойственною Цесаревичу ласкою были мы приняты имъ, какъ бы нослів продолжительной разлуки.

Недолго пробыли мы въ Ниццѣ и 8/20 Полоря отправились поздно вечеромъ на «Витязѣ» изъ Вилла-Франки, и на другой день прибыли въ Ливорно, гдѣ тотчасъ-же пересѣли на желѣзиую дорогу и чрезъ Пизу вечеромъ прибыли во Флоренцію.

Когда поводъ остановился, Цесаревичъ съ трудомъ приподнялся, жадуясь на острую боль въ спивъ. Я покрылъ его иледомъ, и мы съ Чичеринымъ вдвоемъ помогла ему выйти изъ вагона. Этотъ моменть былъ началомъ техъ жестокихъ страдацій, отъ которыхъ не суждено уже было ему вполив избавиться. Мы остановились въ Hôtel d'Italie. На другой день Цесаревичь побхаль однако въ Palazzo Pitti, где бегло осмотрель галерею и извъстный серебряный сервизъ. Это быль единственный его выъздъ изъ дому въ продолжение всего 6-ти педъльнаго пребывания нашего во Флоренців. На третій день она слегь, жалуясь все на туже боль въ сниць, на которой появилась краспота съ небольшою опухолью. Приглашенъ быль профессоръ Бурги, который заявиль, что онъ предполагаеть нарывъ въ сининыхъ мускулахъ и потому совътовалъ приложить шпанскую мушку, говоря, что если посл'в мушки пройдуть и опухоль, и краспота, то не можетъ быть и ръчи о парывъ. Исполнили его приказаніс, в дъйствительно вскоръ исчезли эти симитомы, и страданія уменьшились ивсколько; по Цесаревичь до того бояася возвращенія боли, что пе рашался вполив выпрямиться.

Постоянно сидя дома, не выбажая вовсе, онъ конечно вмѣлъ поводъ жаловаться на однообразіе жизни и на скуку. Для ибкотораго развлеченія мы привозили ему на показъ разные предметы и художественныя произведенія. Предложено было Цесаревичу, когда онъ чувствоваль себя ибсколько бодрѣе, пабрать одного изъ мѣстныхъ художниковъ для сиятія съ него портрета Принцессѣ Дагмаръ. Онъ согла-

сился, и выборъ его остановился на молодомъ талантливомъ акварелистъ Віанелли, которой представилъ великозъпные образцы своей работы: портреты въ натуральную величину, разпыхъ лицъ и, между прочими, князя А. В. Мещерскаго, зятя гр. Строганова. Также были показаны копін, снятыя съ портретовъ извъстивішихъ живописцевъ изъ Флорентинской портретной галлерен въ Uffici.

Долго бился бѣдиый Віанелли надъ этимъ портретомъ, по послѣ иѣсколькихъ попытокъ объявилъ, что пе въ состояніи уловить взглядъ Цесаревича, и въ концѣ концовъ отказался отъ заказа. Для лицъ хорошо знавнивхъ покойнаго попятно, что передать вѣрио выраженіе глазъ, уловить его, было болѣе чѣмъ трудно; по теперь, думая о немъ, я вижу его какъ живаго и еслибъ обладалъ талантомъ художинка, тотчасъ изобразилъ бы прелестиыя, пеизгладимыя изъ намяти, черты его.

Такимъ образомъ пребываніе Его Высочества во Флоренціи было крайне грустное и разнообразвлось только перепискою, или лучне, письмами имъ получаемыми, потому что самъ онъ писалъ немного и рѣдко. Развлекали его нѣсколько художественныя произведенія, которыя приносидись ему на показъ. Этимъ путемъ имъ были пріобрѣтены: «Тайная вечеря» Русскаго художника Ге, за 4000 фр., пѣсколько прелестныхъ авварелей Стёкля, портреты Галилея и Рубенса, Віанелли и Карелли, между прочимъ изображеніе Чертозы. Заказана художнику Забеллѣ статуя Татьяны, которая первоначально должна была стоить 8000 фр., но обощлась несравненно дороже вслѣдствіе вѣчныхъ его жалобъ и просьбъ, поддерживаечыхъ Великою Киягинею Марією Николасвною. Пріобрѣтены были также мозанки, булавки и проч. Цесарсвичъ бралъ тутъ-же уроки Итальянскаго языка у нѣкоего Фероле.

Понятно, что мы не могли постоянно сидъть доча или присутствіемъ своимъ стѣсиять Цесаревича, а потому ежедневио бывали въ музсяхъ, церквахъ, монастыряхъ и мастерскихъ разныхъ художниковъ. И почти ежедневно ходилъ въ Uffici и дома перечитывалъ разныя сочиненія, въ которыхъ описывались подробно картины этой едянственной въ своемъ родѣ галлереи. Никогда не забуду внечатлѣнія, произведеннаго на меня фресками Beato Angelico di Fiesoli и осмотромъ въ одно утро 12 изображеній Тайной Вечери разныхъ художниковъ.

Графъ Строгановъ былъ нашимъ cicerone и, благодаря ему, я многое видълъ и многому научился. Въ Сапъ-Донато мы еще видъли чудныя коллекціи новъйшихъ школъ: Поля-де-Лароша, Шеффера в другихъ, а главное, собраніе картинъ Грёза, которыми были украшены стъпы цълой довольно большой компаты. Грустно подумать, что все

распродано, и едва ли найдется богачъ, который въ состояни былъ бы собрать вновь такія сокровища. Въ Санъ-Донато мы задили къ объдив. Священникъ Каченовскій и пувчіе изъ матросовъ съ «Витязя» пріззжали для этого изъ Ливорно.

Многимъ обязанъ я семейству баронета Пепира, съ которымъ познакомился, чрезъ художника Карелли. Баронесса, большая любительница художествъ, объбхала со мною многія мастерскія скульпторовъ: Дюпре, Пауеръ, Фумсра и другихъ. Въ одно утро мы, подъ руководствомъ графа Строганова, осмотрѣли семь изображеній Тайной Вечери разныхъ живонисцевъ и школъ, начавъ съ фрески Рафаэля, случайно открытой и находящейся въ домѣ, въ которомъ ныиѣ, кажется, находится Егинетскій музей.

Однажды послъ объда Цесаровичъ потребовалъ меня къ себъ в сообщиль мив, что Э. Д. Парышкинь и графъ Бобринскій (жепатый на графия Illyваловой) отказались принять на себя управленіе будущимъ дворомъ его и что неизвъстно еще, какой дастъ отвътъ В. И. Скаратинъ (тогда Повогородскій губернаторъ). «Кто бы ни былъ гофмаршаломъ», сказалъ Цесарсвичъ, «по я озабоченъ не менъе выборомъ его помощинка, т. с. управляющаго конторою, потому что это долженъ быть человькъ вполив порядочный и честный, на котораго можно было бы положиться, и поточу прошу васъ, Осдоръ Адольфовичъ, помочь мив въ выборь такого человька». «Благодарю Ваше Высочество за довьріе, по крайне затрудняюсь здёсь во Флорещий цазвать вамъ кого-либо, а нотому позвольте подумать». -«Вёдь вы сами не хотите взяться за это двло?» - «Ивтъ Ваше Высочество, хозяйственная часть не мое двло, и я не желаль бы вообще такъ называемой люкративной должности, въ особенности при дворъ, гдъ къ сожильнию иногда на честивишихъ лидей смотрять съ подозрвијемъ только потому, что они могли бы не устоять противъ искушенія. Я быль бы, можеть быть, неспосень по щенетильности, а потому предпочитаю не браться за діло, къ которому сердце не лежить; по такъ какъ васъ безноковть неизвъстность, то позвольте предложить услуги свои на время, т. е. до тъхъ поръ, пока пе найдется человъкъ, отвъчающій требованіямъ вашимъ». Цесаревичъ обнять и поцъловать меня. «Спасною вамъ за то, что усновоили меня; теперь пускай назначають въ гофмаршалы кого угодно».

И былъ тронутъ до слезъ. Хотя могу сказать по совъсти, что я имълъ право на полное довърје къ моимъ дъйствіямъ, ибо всегда смотрълъ на честность не какъ на добродътель, а какъ на долгъ, по не думаю, чтобы Цесаревичу самому пришла мысль предложить миъ сдъ-

жать выборъ управляющаго конторою. Меня знали хорошо гр. Строгановъ и Рихтеръ; въроятно они и подали Великому Князю мысль лично переговорить со мною.

Въ Флоренціи проживаль въ то время герцогъ Сергій Максимиліановичь Лейхтенбергскій, прелестный тогда мальчикъ, уже знатокъ по части живописи и большой любитель музыки. При немъ состояль полковникъ Бликсъ.

Графъ Строгановъ заинтересовался также сыномъ Герцена, тогда учившимся живописи. Случайно, при посъщеніи картинной галлереи, графъ узналъ, что юноша, копировавшій картину, былъ сынъ того Герцена, которому графъ, будучи попечителемъ Московскаго округа и Университета, оказывалъ постоянное покровительство и употреблялъ всъ усилія, чтобы отговорить его отъ поъздки за границу, гдъ онъ дъйствительно окончательно сбидся съ толку.

Кстати по поводу Герцена. Однажды въ Царскомъ Селѣ А. Ө. Гриммъ попросилъ меня зайти къ нему, чтобы прочесть съ нимъ статью Герцена въ «Колоколѣ». Экземпляръ этотъ былъ ему, Гримму, данъ для прочтенія Императрицею Маріею Александровною. Статья была ругательная. Герценъ бранилъ безпощадно самаго Гримма и лицъ его рекомендовавнихъ. Можно себъ представить мое положеніе: нужно было перевести ему въ слухъ эту брань. Хотя я всячески старался смягчать выраженія, но роль моя была всетаки незабавна. Съ одной стороны жаль было старика, съ другой же я не могъ не согласиться въ нѣкоторыхъ случаяхъ съ доводами Герцена. Гриммъ гіаіт јашпе. Къ счастію моему пріъхалъ принцъ Петръ Георгіевичъ съ какимъ-то новымъ романсомъ своего сочиненія и пригласилъ Гримма акомпанировать, а самъ, ходя по комнатѣ, пѣлъ. Совѣстно сознаться, что я не радъ былъ тому, что остался въ комнатѣ: Принцъ въ кирассирскомъ, полка его имени, бѣломъ мундирѣ съ зеленымъ воротникомъ, пѣлъ съ увлеченіемъ....

Во время пребыванія нашего во Флоренціи, забольть очень серіозно профессорь Чичеринь. Раво утромъ меня разбудили; говорять, что зоветь меня на помощь д-ръ Шестовь, который не можеть справиться съ Чичеринымъ. Одіваюсь, біту и застаю дійствительно Шестова борящагося съ Борисомъ Николаевичемъ, который, въ припадкі, безсознательно бъется въ объятіяхъ Шестова и страшно ругаеть его. Онъ называль его Вельзевуломъ, злымъ духомъ и проч. Не безъ труда удалось намъ уложить его въ постель и нісколько успокоить. Шестовъ не понималь, что сділалось съ Чичеринымъ. Я немедленео послаль къ г. Зассу, старинному знакомому Чичервна, записочку, въ которой про-

силь привезти съ собою мъстнаго, знакомаго ему врача. Когда утромъ собранись завтракать, то получили грустную въсть, что Итальянецъ докторъ, приглашенный Зассомъ, призналъ бользнь за milliara, сыпную лихорадку, которая крайне опасна, заразительна и выражается судорожными припадками, происходящими отъ напряженія организма выділить изъ себя чуждый элементь, после принадковъ выступающій наружу въ видъ сыпи. Если же сыпь не выступаеть, то человъкъ умираетъ. Принадки эти повторяются довольно часто и до тъхъ поръ, нока въ организмъ кроется этотъ ядъ. Въ виду заразительности бользии, къ Чичерину были приставлены особый докторъ и прислуга; сосъди его по комнать перешли въ другія поміщенія, и съ нимъ прерваны были всь сношенія. Бользнь эта служила Провидьнію путемь къ счастію Чичерина. Посав нашего отъвзда въ Ниццу, онъ ивкоторое время пробыль еще во Флоренціи, а потомъ новхаль въ Римъ и тамъ познакомился съ сестрою состоявшаго при миссін нашей молодого, талантливаго Капписта, которой суждено было сделаться женою Бориса Николаевича. Не будь этой бользни, Чичерицъ и не подумаль бы разлучаться съ нами и бхать въ Римъ. Непсповедимы пути Твон, Господи!

При Цесаревичь состояль Италіянскій камергерь Перуцци, чрезвычайно любезный человъкъ, другъ Рибопьера. Онъ былъ знакомъ со всеми Русскими, жившими во Флоренціи, ухаживаль и не безь успеха за многими нашими соотечественницами, которыхъ, конечно, называть не стану. Зам'вчательно, что не только Русскія, по и Англійскія дамы во Флоренціи ведуть жизнь такую, которую не позволяли бы себ'в въ своемъ отечествъ. Многія, конечно, ведутъ себя скромно в безукоризненно, по большая часть прівзжаеть туда именно съ намъреніемъ отбросить въ сторону всякую скромность. Англичанки, изъ лучшихъ фамилій, безчинствують и доводять поведеніе свое до пахальства. Какъ онъ приставали въкнязю Владимиру Барятинскому, этого и представить себъ нельзя. Опъ былъ дъйствительно павнительно хорошъ собою. Ламы, не будучи даже съ нимъ знакомы, писали ему записочки, а когда мы съ нимъ гуляли въ Кашинахъ, то они съ поразительною беззаствичивостію заставляли кучеровъ своихъ бхать шагомъ, рядомъ съ нами и, высунувшись изъ каретъ, нахально смотрели на него, не спуская глазъ съ бълокураго красавца. Но этотъ былъ неприступенъ, по разнымъ причинамъ и, между прочимъ, потому, что былъ влюбленъ въ прелестную, но высоконравственную женщину, графиню Бутурлину, Португальку по рожденію. О пей говорили, будто бы она дочь кардинала Антонелли, и дъйствительно она очень напоминала его блёдное продолговатое лицо и проницательные черные глаза. Мать графа Бутурлина, рожд. Понятовская, была ярая католичка и ненавистница Россіи. Она жила въ окрестностяхъ Флоренціи и никогда нигдъ не показывалась.

Предъ праздникомъ Рождества устроена была охота въ лѣсу около Пизы на фазановъ, которыхъ требовалось ко двору въ огромномъ количествъ. Перупци отъ имени короля предложилъ свитъ Цесаревича принять участіе въ этой бойнъ, при чемъ было дозволено каждому оставить при себъ одного изъ убитыхъ имъ фазановъ. Я назваль эту охоту бойнею, потому что загонщиками было поднято такое множество дичи и фазановъ въ особенности, что они перелетали надъ головами нашими цълыми тучами, такъ что можно было стрълять, не прицъливаясь, въ одну птицу. Сколько было фазановъ надъ нами, столько бъжало одновременно и зайцевъ.

Въ это время Флоренція готовилась къ торжеству объявленія ея столицей Италіп. Переводились изъ Турина присутственныя міста; въ пригородныхъ селеніяхъ и піноторыхъ маленькихъ городкахъ и мівстечкахъ, соединенныхъ съ Флоренцією жельзною дорогою, нанимались квартиры для служащихъ. 1-го Января 1865 года новаго стиля совершилось перенесеніе столицы, но мы утромъ того же дия убхали въ Ниццу, не смотря на равноденствіе и бури, которыхъ такъ боядся одинъ изъ Русскихъ, проживавшихъ во Флоренція, а именно бывшій Саратовскій губерискій предводитель дворянства Иванъ Ивановичъ Берновъ. Онъ постоянно твердилъ намъ: «Въдь теперь экпноксы, какъ же вы решаетесь идти въ море?» Велькій быль оригиналь этогь добрый Иванъ Ивановичъ. Нельзя себъ представить, что происходило въ его домъ. Жена его, рожд. Михайловская Дапилевская, дочь извъстнаго автора «Исторіи отечественной войны», составила себѣ извѣстную репутацію не только во Флоренціи, но и въ Петербургъ. Въ 1864 г. она была уже очень немолода и далеко нехороша, но приводила мужа въ великое отчанніе перем'внувостію вкуса. Не могъ я понять одного: какъ удалось дочери ихъ (впоследствів жене генерала Эллиса) при такой обстановкъ, выйти предестной дъвушкой и потомъ примърной женой. Сыновья уже дітьми сділались извістными въ Италіи тімь, что ушли тайкомъ наъ дому, съ тъмъ чтобы стать подъ знамена Гарибальди.

Берновъ-отецъ приставалъ къ намъ ужасно, приходя ежедневно съ утра въ отель и предлагая намъ каждый разъ свои услуги и разныя удовольствія и развлеченія. Мы въ большей части случаевъ не принимали его любезныхъ предложеній и лишь отъ времени до времени рѣ-шались на прогудки съ нимъ по городу или въ Кашинахъ. Тутъ онъ намъ называлъ всѣхъ проѣзжающихъ и проходящихъ мимо насъ. Онъ иногда

угощалъ насъ отличными объдами изъ Русскихъ блюдъ. Кислыя щи съ гречневой кашей для насъ было самое дакомое блюдо. Послъ объда подавались къ десерту Кіевскія варенья, а послъ кофе, вмъсто ликеровъ—Русскія паливки, при чемъ Иванъ Ивановичъ, очень довольный, приговаривалъ: «А что, господа, въдь наши pousse du саfé получше будутъ ликеровъ Санта-Марія-Новелла (женскій монастырь, извъстный фабрикаціею ликеровъ, духовъ, poudre l'Iris и проч.)

Наканунь Рождества, берновъ пригласидь насъ, Рихтера и меня, прівхать вечеромъ въ соборъ для присутствія при торжественномъ богослуженій, при чемъ должна была быть исполнена месса съ оркестромъ и лучшими пъвдами. Но мы не поъхали. На другой день прівзжаеть онъ къ намъ въ страшномъ негодованін, говоря, что мы его этимъ поставили въ отчаянное положение. «Какъ такъ?» спросилъ я его. — «Ахъ, господа, вы не повяди меня; я устроиль въ соборъ rendez-vous съ княгинею Друцкою». Нужно знать, что эта дама искала встрвчи съ къмънибудь изъ лицъ свиты, чтобы чрезъ него добиться представленія Цесаревичу отца ея, графа Закревскаго, тогда въ опалѣ жившаго во Флоренців. Графъ Строгановъ, зам'єнившій Закревскаго въ Москвѣ по званію генераль - губернатора, объясниль Цесаревичу, что ему неудобно принимать человъка въ немилости у Царя, а потому Закревскому было отказано, а между темъ графъ Сумароковъ былъ принятъ, чего, вонечно, первый перенести не могъ. - «Не бъда», отвъчали мы Бернову. -«Вамъ хорошо, а мив-то каково?» - «А вамъ-то что?» - «Да она меня обругала». - «Какъ обругала?» - «Да, назвала свиньей!»

20 Декабря 1864 (1 Января 1865) мы выбхали изъ Флоренціи и въ Ливорно сбли на «Витязя», который быстро перевезъ насъ въ Ниццу. Поселились въ вилиб Дизбахъ и первые дни провели въ визитахъ. Прибыли между тъмъ Стюрлеръ и Скаритинъ, предназначавшіеся: первый въ шталмейстеры, а второй въ гофмаршалы будущаго двора Цесаревича. Перваго я уже зналъ, со вторымъ впервыя встрѣтился тутъ. Много говорили объ устройствъ двора; каждый излагалъ Цесаревичу свои предположенія. Выписывались разные подрядчики, Cuvillier предлагалъ свои вина, Московскій Сапожниковъ свои шелковыя матеріи и проч.

Графъ Строгановъ отлучился на нѣсколько дней въ Парижъ, чтобы устроить денежныя дѣла покойнаго сына, пріобрѣтшаго не за долго до смерти своей съ герцогомъ Морни извѣстную коллекцію chinoiseries, кажется, у Пурталеса. Между тѣмъ Морни самъ скончался, и требовалось присутствіе графа Строганова какъ для раздѣла этой коллекціи, такъ и для расплаты по оной. Старикъ мвѣ разсказывалъ, по возвращеніи изъ Парижа, что ему предстоитъ уплатить два милліона рублей. «Всю жизнь свою, со времени женитьбы моей, я платилъ долги, оставшіеся послѣ тестя моего; когда былъ погашенъ послѣдній рубль, покойный

сынъ мой заявиль мий о карточномъ долгів въ 2.000.000 рублей. Я вновь сталь платить и едва только погасиль эту сумму, какъ теперь является вновь долгів въ такую же сумму. Успію ли я уплатить и этоть долгів воть вопрость, а хотівлось бы до смерти моей покончить съ долгами. Одпимъ изъ кредиторовъ быль извістный нумизмать и хранитель Эрмитажа баронъ Кёпе, который, по словамъ графа, быль ему непавистень какъ ростовщикъ и крайне неблагонадежный хранитель ввітреннаго ему нумизматическаго отділа Эрмитажа.

Прибыль въ Ниццу гросъ-герцогъ Дармитадтскій и заняль нижній этажъ виллы Дизбахъ. Поэтому насъ перевели въ сосѣдній съ виллою «Hôtel Victoria», гдѣ мы прожили до отъѣзда изъ Ниццы.

Въ это время бользненныя отущения въ спинь были слабъе, но силы не возвращались и, постоянно боясь, чтобъ острая боль не возвратилась, Цесаревичь почти инкогда не выпрямлялся и ходиль сгорбившись. Дълали пассивную гимнастику, растирания въ родь пынь моднаго массажа. Такъ дъло тянулось цълый мъсяцъ. Ежедневно опъ вывъжалъ на прогулку, но всегда на короткое время. Спускаться и подыматься по лъстниць ему было тягостно, и его посили въ кресль. Возвращаясь съ прогулки, онъ всегда заъзжалъ къ Императриць, по не входиль въ домъ, а оставался въ экипажъ, поджидая Императрицу, которая всегда сходила внизъ и садилась въ дандо.

Мнѣ неоднократно случалось сопровождать Цесаревича па прогудкахъ, и потому бывалъ и свидътелемъ свиданій Августъйшей матери съ возлюбленнымъ сыномъ своимъ, ибо Ея Величество всегда приказывала мнѣ оставаться въ ландо. Въ разговорахъ проявлялась та материнская любовь, та заботливость, которую она, не смотря на силу своихъ чувствъ, по принужденію скрывала. Просторъ, которымъ она пользовалась въ Нициъ, служилъ ей такимъ вознагражденіемъ, что она, не сдерживая себя, изливала всю душу свою, всъ сокровенныя чувства къ дорогому сыну. Къ несчастію, бользнь послъдияго отравляла счастіе и, можетъ быть, даже сдерживала чувства, чтобы не показывать больному, какъ она дрожитъ за его существованіе.

Невъжество врачей, пе видившихъ опасности, было можетъ быть опять-таки проявленіемъ Божественнаго Промысла. Какъ бы она страдала, еслибъ эти эскулапы догадались, въ чемъ состоитъ бользнь. Мы, окружающіе, были въ постоянной тревогъ. Сколько разъ графъ Строгановъ, слушая и распрашивая врачей, въ концъ разговора всегда повторялъ: «вы ошибаетесь», или «вы пе угадываете бользии». Но назвать бользнь по имени ея никто пе могъ. Все повторяли, что это ревматизмъ и до того были убъждены, что успъли увърпть въ этомъ и Французовъ, Нелатона и Райе, присланныхъ Наполсономъ для консультаціи.

ПИСЬМО И. В. КИРЕЕВСКАГО КЪ А. С. ПУШКИНУ.

Милостивый государь Александръ Сергъевичъ.

Вчера получиль я разрышеніе издавать съ будущаго 1832 года журналь и спіну рекомендовать вамь его, какъ рекрута, который горить нетерпівніємь служить и воєвать подъ вашимъ предводительствомь; какъ дівушку, еще невинную, которая хочеть принадлежать вамь душой и тіломь; какъ духовную особу, которая просить васъ утвердить ее въ чині пастыря надъ стадомъ словесныхъ животныхъ, и наконецъ, рекомендую вамъ журналь мой, какъ Европейца, потому что его такъ зовуть. Я назваль его такъ не отъ того, разумівется, чтобы надівялся сділать его Европейскимъ по достоинству (я не знаю еще, сколько могу надіяться на ваше участіе), но потому, что предполагаю наполнять его статьями, относящимися больше до Европы вообще, чімь до Россіи. Однако, если когда нибудь Өеофилактъ Косичкинъ захочеть сділать честь моему журналу: высічь въ немъ Булгарина, то разумівется въ этомъ случать Булгаринъ будеть Европа въ полномъ смыслії слова.

Журналь мой будеть состоять изъ пяти отдъленій: 1) Науки, гдъ главное мъсто займеть Философія; 2) Изящная словесность; 3) Біографіи знаменитыхъ современниковъ; 4) Разборы иностранныхъ и Русскихъ книгъ, критика и пр. 5) Смъсъ. Каждый мъсяцъ будутъ выходить двъ книжки. Первая явится къ вамъ около 1-го Генваря.

Такъ какъ ваши друзья должны смотръть на мой журналъ какъ на имъ принадлежащій, то прошу васъ сказать мнъ, куда доставить его Катенину, и какъ вообще его адресъ.

Преданный вамъ слуга И. Киреевскій.

Письмо писано на большомъ листъ почтовой бумаги, при чемъ текстъ письма занимаетъ лишь первую страницу. По старинному обычаю, оно было отправлено безъ конверта, и потому на послъдней страницъ листа находятся адресъ и почтовые штемпеля.

Адресъ: «Его высокоблагородію Александру Сергъевичу Пушкину. Въ Сарское Село». Но эти послъднія слова зачеркнуты, и вмъсто нихъ другою рукой написано: «Въ С.-Петербургъ».

Почтовые штемпеля: 1) «Москва 28 Октября 1831». 2) «Софія или Царское Село 2 Ноября 1831». 3) Получено 1831 Ноября 3».

Пушкинъ, вступившій въ бракъ въ Февраль этого 1831 года, въ Мав прівхаль съ молодою женой въ Петербургь и немедленно вследь затемъ переселился въ Царское Село, где и прожилъ до половины Октября, когда водворился въ Петербургв, въ Галерной, въ дом' Брискорна. И. В. Киреевскому, очевидно, еще не быль извъстенъ этотъ новый адресъ Александра Сергвевича, когда письмо было отправлено. По всей въроятности, одновременно съ Киреевскимъ писаль Пушкину объ основаніи «Европейца» и Н. М. Языковъ, и Пушкинъ отвъчалъ последнему, жившему тогда въ Москве въ доме А. П. Елагиной (матери Киреевскаго) 18-го Ноября, следующими строками: «Сердечно благодарю васъ, любезный Николай Михайловичъ, васъ и Киреевскаго, за дружескія письма и за прекрасные стихи. Еслибы къ тому присовокупили вы еще свои адресы, то я быль бы совершенно доволенъ. Поздравляю всю братію съ рожденіемъ «Европейца». Готовъ, съ моей стороны, служить вамъ чемъ угодно, прозой и стихами, по совъсти и противъ совъсти. О. Косичкинъ до слезъ тронутъ вниманіемъ, коимъ удостоиваете вы его», и т. д. Нечего прибавлять, что «Өеофиланть Косичкинъ» — псевдонимъ Пушкина, подъ его статьями о Булгаринъ. Сей послъдній успъль очернить (Европейца) въ глазахъ правительства, будучи своимъ человъкомъ въ «Третьемъ Отделеніи», гдъ Поляки успъли свить себъ прочное гнъздо. Пушкинъ не успълъ что-либо прислать И. В. Киреевскому, какъ уже «Европеецъ» былъ запрещенъ.

Письмо И. В. Киреевскаго сообщено въ «Русскій Архивъ» Л. Н. Майковымъ, съ подлинника. Ю. Б.

ЗАПИСКА ПОДАННАЯ ГРАФУ БЕНКЕНДОРФУ.

По поводу запрещенія "Европейца" въ 1832 году *).

Его Величество благоводиль бросить взглядь на журналь, который я издаваль. Онъ замътиль въ немъ нъкоторыя идеи, по его мнънію, предосудительныя, и нашель все направленіе журнала таковымъ, что правительство не должно терпъть его обнародованія. Онъ приказаль его запретить. Я подвергнулся величайшему въ монархіи для върнаго подданнаго и хорошаго гражданина несчастью быть опорочену (flétri) въ мивніи Государя. Вы позволили, ваше превосходительство, обратиться къ вамъ съ защитой моихъ идей. Пользуюсь этой милостью съ глубокою покорностью къ запрещенію, проистекшему изъ таковой высоты, и съ довъріемъ къ справедливости и мудрости моего высокаго судьи, надъясь, что онъ снизойдеть выслушать мою защиту. Подагаю, что дучшимъ средствомъ показать, на сколько мои истинныя возгрёнія, смёю сказать, отличны оть того значенія, которое Государь придаль терминамъ, мною для ихъ выраженія употребленнымъ, будеть изложить вамъ всю совокупность моихъ воззрвній на тоть предметь, котораго я лишь коснулся въ моемъ журналъ.

Было время, когда молодое покольніе, къ которому я принадлежу, мечтало для родины о преобразованіяхъ, системахъ управленія подобныхъ Европейскимъ, о порядкъ вещей, скопированномъ съ тъхъ странъ: словомъ, о конституціяхъ и обо всемъ къ нимъ относящемся. Будучи моложе другихъ, я слёдовалъ этому теченію, питалъ тъже чувства, мечтая о тъхъ же благахъ для Россіи; къ счастью, я раздълялъ лишь эти идеи, а не искалъ преступнымъ образомъ, подобно имъ, ихъ осуществленія и нисколько не запятналъ себя ужаснымъ бунтомъ, наложившимъ неизгладимое пятно на народный характеръ. Прежде всего

^{*)} Переведено съ Французскаго изъ книжки: "Oeuvres choisies de P. Tchadaïef", 1862. Чадаевъ близко зналъ графа Бенкендорфа еще въ царствованіе Александра Павловича за границею и въ Россіи. Съ его стороны эта записка была дэломъ дружбы. Французскимъ изыкомъ Чадаевъ владълъ отлично. Мысли, изложенныя въ этой прекрасной запискъ, принадлежатъ самому Киреевскому, Чадаевъ былъ только ихъ излагателемъ. П. Б.

я долженъ быль признаться вамъ въ этомъ, чтобы заслужить довъріе вашего превосходительства; я не боюсь сказать вамъ о томъ, что думаль я нъкогда. Дальнъйшее изложеніе моихъ теперешнихъ идей покажеть, что я вполнъ спокойно могу дълать такое признаніе.

Толчекъ, данный Петромъ Великимъ Русскому народному духу, и то движеніе, которому следовали последующіе государи, ввели къ намъ Европейскую цивилизацію. Естественно, что всё обращавшіяся въ Европъ идеи со временемъ перенесены были къ намъ, и подъ конецъ мы вообразили, что политическія учрежденія тыхь странъ могуть для насъ служить образцомъ, какъ ихъ наука служила для нашего обученія. Мы и не помышляли о томъ, что эти учрежденія, происшедшія изъ состоявія общества намъ совсемь чуждаго, не могли иметь ничего общаго съ потребностими нашей страны, и такъ какъ мы почеринули наше образование изъ Европейскихъ писателей и все, что мы узнавали въ нашихъ научныхъ занятіяхъ о предметахъ законодательства и политики, проистекало изъ того же источника, то естественно, что мы привыкли смотръть на совершеннъйшія формы правленія въ Европ'в какъ на нічто содержащее общіе принципы всякаго правленія вообще. Наши государи вовсе не противились такому направленію идей, они ему благопріятствовали. Правительство, въ той же мъръ какъ и частные люди (nation), замъчало, въ какой степени наше историческое развитіе было отлично отъ Европейскаго и въ какой степени, благодаря сему, политическія теоріи, имінощія тамъ місто, противны потребностямъ великаго народа самостоятельно образовавшагося, который не можеть свестись къ второстепенной роли спутника (satellite) въ системъ политической, не потерявъ всъхъ элементовъ силы и жизненности, составляющихъ существование народовъ. Смъю утверждать, что въ настоящее время не пайдется ни одного разсудительнаго человъка, который не призналь бы, что таковая роль намъ совствиъ не подходить.

Что же касается меня, то воть моя мысль полностью. Каково бы ни было дёйствительное достоинство различных Европейских законодательствь, какъ всё соціяльныя формы они представляють необходимыя слёдствія цёлаго ряда предыдущих условій, которымь мы остались чужды, и поэтому они не могуть подходить намъ никоимъ образомъ. Вольше того: будучи много назади Европы въ нашей цивилизаціи и имёя еще въ нашихъ собственныхъ учрежденіяхъ множество того, что очевидно окончательно несовмёстимо съ подражаніемъ Европейскимъ учрежденіямъ, мы должны думать лишь о томъ, чтобъ извлечь изъ самихъ себя тъ блага, которыми мы призваны пользоваться со временемъ.

Прежде всего мы должны позаботиться о распространении серіознаго и здраваго (forte) классическаго образованія. Оно будеть заимствовано не съ верхушекъ современной Европейской цивилизацій, по изъ эпохи предшествующей, произведшей все то, что есть двиствительно добраго въ современной цивилизаціи. Воть первое, чего я жолаю для моей родины. За темъ я желаю освобожденія крестьянь, такъ какъ считаю, что это необходимое условіе всякаго послъдующаго развитія для насъ и особенно развитія правственнаго. Считаю, что въ настоящее время всякія измінеція въ законахъ, какія бы правительство ин предпринимало, останутся безплодными до трхъ поръ, пока мы будемъ находиться подъ влінціемъ впечатленій, оставляемыхъ въ пашихъ умахъ зрълищемъ рабства, насъ съ дътства окружающаго: лишь его постепенное уничтожение можеть сдалать насъ способными воспользоваться другими преобразованіями, которыя паши государи въ своей мудрости найдуть удобными сделать. Полагаю, что исполнение законовъ, какъ бы мудры они ни были, не можеть никогда быть соотпетственымъ намеренію законодателя, если оно будеть поручено людимъ, съ молокомъ кормилицы впитавнимъ всв возможныя мысли неравенства, если вст вътви администраціи будуть вручены подланнымъ, съ колыбели своей освоеннымъ со всякаго рода несправедливостью. Наконецъ, я желаю для своей родины пробужденія религіознаго чувства; желаю, чтобы религія вышла изъ того состоянія застоя, въ которомъ она теперь находится. Я думаю, что просвещение, которому мы завидуемъ у другихъ народовъ, есть плодъ воздъйствія религіозныхъ идей, что эти иден придали мысли ту энергію и плодотворность, которыя возвели ее на настоящую высоту и что онв даже въ настоящее время избавять Европу отъ гибельныхъ волненій волнующей ен ужасной муки. Иной кромъ христіанской цивилизаціи в не понимаю. Вотъ что, полатаю, можно было увидёть въ статью, которая имела несчастие навлечь па меня высочайшее порицаніе. И я съ невыразимой скорбію вижу, что религія у насъ въ полномъ бъдствін. Отъ всего своего сердца я торячо желаю, чтобъ она оживилась среди насъ. И если бы я думалъ, что голосъ темнаго подданнаго имъетъ право дойти до подножія престола, и я бы могъ безъ крайней дерзости, я, осужденный на молчаніе въ это самое время священной властью, высказать эти пожеланія: я бы умоляль нашего великаго Государя со всемь рвеніемь глубокаго убъжденія, чтобъ онъ обратиль взоры на удручительное положеніе религін въ нашей странв, чтобъ онъ изыскаль средство разжечь пламенемъ, который горить въ его сердцъ, огонь, погасающій въ сердцахъ его подданныхъ.

Судите сами, ваше превосходительство, возможно ли, чтобы, говоря о цивилизацій и разумів, я подразуміваль свободу и конституцію?

Возможно ли, чтобъ я, такъ твердо увърсними въ томъ, что лишь въ спокойствін и сосредоточіи умственнаго труда глубоко продуманнаго мы можемъ найти то, чего намъ еще педостаетъ, такъ глубоко убъжденный, что лишь подъ сънью опекающей власти, которая охраняетъ насъ отъ волненій, столь сильно возмущающихъ въ настоящее время Европу, мы можемъ надвяться наверстать потерянное для нашего нравственнаго преуспъянія время, чтобъ я желаль подъ покрываломъ спокойной мысли философа прятать кинучую (turbulente) мысль демагоговъ?! Мой журналъ долженъ былъ быть всецтло-литературнымъ. Для писателя, начинающаго свою литературную дъятельность, первая забота состоить вполив естественно въ томъ, чтобъ его читали; а кто же сталь бы меня читать, еслибь и говориль языкомъ, ключь къ разумению коего находился бы лишь у меня? Если мие следуеть сознаться въ самоминтельномъ намфреніи дъйствовать некоторымъ образомъ на умы моихъ соотечественниковъ, то, признаюсь, что я желаль привить имъ вкусъ къ философской литературъ, склонить ихъ къ изученію основныхъ началь, что уже продълано вевын пародами Европы, и чего мы еще не сдълали. Не съ политической, но съ мыслящей Европой хотиль я установить у насъ болье тысную связь, и это, полагаю, ясно видно изъ перваго выпуска моего журпала. Если бы мив позволено было продолжать, я бы нопытался показать моимъ читателямъ, что для васъ ифть иной политики, кромф науки, что безъ извъстныхъ предварительныхъ свъдъній самыя мудрыя и благожелательныя меры правительства всегда останутся неприменимы и наилучшія намфренія Государя всегда будуть парализованы въ исполненіи своемъ. Затемъ я бы попытался дать имъ поилть, что самое главное для насъ – это отдать самимъ себъ отчеть о нашемъ соціальномъ ноложеніи, дабы мы зцали, въ какомъ положеніи мы находимся по отношенію къ Европъ; такъ какъ лишь такимъ образомъ мы узийсмъ, что намъ следуеть заимствовать у нея, что должно оставаться намъ чуждо.

Таковы должны были быть стремленія моего журпала. Къ несчастію непонятый въ монхъ чистьйшихъ намъреніяхъ Государемъ, я въ молчаніи спесъ бы наказаніе, на меня наложенное, если бы вы не пригласили меня сказать пъсколько словъ въ мою защиту. Такъ какъ мнъ это позволено, то я долженъ высказать все, что внушить мнъ горестное чувство быть признаннымъ Его Величествомъ за умъ дурно направленный (esprit mal pensant).

Вь то время, когда печальныя следствія духа безпорядка обнаруживаются столь плачевнымъ образомъ среди народовь боле просвещенныхъ чемъ мы, своимъ просвещеніемъ обязанныхъ времени, когда разумъ зрёлъ въ мире и спокойствій, можеть ли у насъ человеть, любящій свою родину, ревнующій о ся прсуспенній не желать, чтобы спокойствіе и порядокъ поддерживались въ ней? Пе увидить ли опъ въ настоящее время, если хоть поверхностно занимался отечественной исторіей и размышляль о различныхъ положеніяхъ занимаемыхъ народами въ общемъ порядке, что необходимо для нашего общества совсёмъ не то, что необходимо для другихъ.

Наконець, надо быть страинымъ образомъ ослъзденнымъ, чтобы въ настоящее время не понять, что ивть страны, гдв бы государи дълали столько для распространенія знаній и блага парода, какъ въ Россіп; что всею нашею цивилизаціей мы обязаны нашимъ монархамъ; что всюду правительства следовали побужденіямъ, которыя даны были народомъ, и до сихъ поръ следують, тогда какъ у насъ правительство всегда было впереди народа и само давало ему движеніе. Прежде всего чувство довфрія и благодарности своимъ государямъ должно одушевлять сердце Русскаго, и это сознаше блага, намъ ими оказаннаго, должно руководить насъ въ нашей общественной жизни. Видя, какъ они выполнили свое высокое назначение, мы должны довърить имъ будущее родины, а между тъмъ молчаливо работать надъ самими собою; особенно же мы должны постараться создать общественную нравственность, которой еще у насъ нъть. Если намъ удастся установить ее на религизномъ основани, какъ она первоначально была во всёхъ странахъ христіанскаго міра, и на этомь новомъ основания всю нашу ципилизацію, тогда мы будемъ находиться на настоящемъ пути, коимъ человъчество идетъ къ свершенію своихъ судебъ. Ясно, что все это должно совершиться лишь въ интеллектуальной сферв и что подитикв здвсь неть места. И какое намъ дело, что происходить теперь на поверхности Европейскаго общества? Зачить намъ вминиваться въ дела повой Европы, столь ужасно мучимой порождениемъ чего-то для нея самой непопятнаго?

Въ старой Европъ, какъ я сказалъ, гдъ сдълано было такъ много хорошаго, чему мы непричастны, гдъ такъ много было порождено великихъ мыслей до насъ не дошеднихъ, должны мы искать уроковъ. Журнальная статья, въ которой я понытался охарактеризовать философское направление въка, должна была служить предисловиемъ къ развитию вышеизложенныхъ мыслей. Государь, среди своихъ высокихъ занятий, конечно, могъ обратить лишь бъглое внимание на мой отрывокъ. Вър-

ный и разсудительный подданный умветь должнымъ образомъ оцвинть страствіе возвышеннаго положенія, занимаемаго монархомъ для блага пародовъ, и охотно ему подчиниться. Но смъю думать, что еслибы Его Величество соизволные посвятить чтенно моей статьи больше времени, онъ не нашель бы ничего, что можеть справедливо мотивпровать строгій приговоръ надь нею произнесенный, что онъ увидель бы въ ней необходимый выводъ, который приведеть чигателя къ болбе пространнымъ разсужденіямъ. Начертавъ исторію философскаго умозрвнія въ последнее время, я попыгался указать, что умъ человеческій, отвращенный отъ своихъ законныхъ путей нельною и нечестивою оилософіей XVIII въка, наконецъ, вернулся къ болъе мудрымъ мыслямъ, что теперь религія спова заявила свои права въ области оплософіц, что наука стала въ той же степени трезвою и умфренцою, какъ быда прежде дерзка и страстна. Признаюсь, я не могь вообравить себь, что подобныя мысли и ть, которыя и дельяль вы умъ своемъ, чтобъ огласить впоследствін, могуть не правиться власти; напротивъ, я думаль, что онв вполив согласуются съ мыслями самого правительства, что онв могуть способствовать благодьтельному действію, которое опо хочеть найть падъ умами. Признаюсь я даже думаль, что распространение ихъ не останется безплодно въ особенности для той части нашей литературной публики, которая еще до сихъ поръ ходить на помочахъ прошлаго въка. Не могь я себъ представить, что можно найти связь между нями и современными подитическими мыслими, не касаясь вопросовь политическихъ, и инчего не сказаль о новъйшихъ Европейских событыхъ; плаче мив было бы легко доказать, чло именно въ силу того, что народы еще не знають о возвращени науки къ болве правильнымъ попятіямъ и что эти понятія еще не сопіли изъ отвлеченной области туда, гдв живуть массы, последнія следують дурпому направленію, данному имъ въ прошломъ въгъ. Я уже характеризовалъ революціонный принципъ какъ принципъ крови и разрушенія и мимоходомъ показаль свои политическій убъждецій, отмътивь грубый способъ пониманія словъ свободи, разума, человычество во время Французской революція. Эго могло, какъ и думаю, защитить меня отъ обвиченій, когорымъ и подвергиулся.

Какъ бы то ни было, теперь, когда я сообщиль вамъ вев свои взгляды и сдълаль это со всей чистотой и искренностью полнаго довърін, могу ли я надъяться, что меня пе будуть считать среди суетныхъ и бурныхъ умовъ, которые полагають, что народы могуть усовершенствоваться лишь при помощи переворотовъ, и не могуть различить судебъ поваго народа, призваннаго къ великой будущности,

оть судебь старыхъ обществъ, которымъ осталось гибельно окончить свое долгое поприще? Могу ли я надъяться, что строгое запрещеніе, наложенное на мсня, какъ на писателя, коего ръчь не можетъ быть терпима со временемъ отмънится и миъ будетъ позволено продолжать скромное дъло, которое, я полагаль, не только не препятствуетъ видамъ правительства, но напротивъ служить ему по мъръ моихъ слабыхъ способностей? Я не могу сомиъваться въ справедливости моего Государи; я не могу думать, что, найдя въ выраженіи моихъ взглядовъчто либо несоотвътственное, заслуживающее исправленія, онъ обрушится на меня удручающею тяжестью своего порицанія. Напротивъ, отказаться навсегда оть надежды получить свободу взяться снова за перо—значить не знать благородной души Его Величества и его благосклоннаго покровительства литературъ. Вы же, ваше превосходительство, соблаговолившіе такъ милостиво прійти мвъ на помощь, примите мою глубокую и живую благодарность.

Не знасмъ, дошло ли до Государя это письмо, написанное конечногажъ сказать, подъ диктовку самаго Киреевскаго, оставнагося въ теченіи всей своей дальнъйшей дъятельности върнымъ тому, что здъсь изложено. П. Б.

A 784.3

БЕНКЕНДОРФОВСКІЕ "ШАЛУНЫ".

(Черты изъ Пиколаевского времени).

1.

На первыхъ же словахъ сибинимъ предупредить читателя, что сообщаемын адъсь "историческія черты" отнюдь не основаны на однихъ лишь преданіяхъ, которыя, съ теченіемь времени, видонзміниянсь, утрачивають въ большей или меньшей степени свою достовърность. Напротивъ, здъсь воспроизводится только архивно-льтописный разсказъ, имъющій значеніе непреложной истины. Чего же ради пастоящая статья озаглавлева именно такъ, а не иначе, это мы сейчасъ увидимъ, если перенесемся за 65 лътъ назадъ, когда во главъ неивной полиціи стоиль знаменитый (тогда еще не графъ) Александръ Христофоровичъ Бенкендоров, а министромъ народнаго просвъщенія быль свътльйній князь Карль Андреевичь Ливень. Нашъ архивный явтописець въ своихъ тябющихъ документахъ, не мудрствуя лукаво, доказываеть, во первыхъ, суровость свътлъйщаго князя Ливена и во вторыхъ, благодущіе Бенкендорфа, тогда какъ роли двухъ названныхъ Русскихъ Нъмдевъ, по свойству запимаемыхъ ими должностей, должны-бы, кажется, играться совствь иначе: въ следующей траги-комедіи Бенвендорфу было-быестествениъе явиться въ видь строгой Немезиды, а квязю Ливену надлежало-бы изобразить добродътельнаго библейскаго отца, прощающаго своего блудиаго сына.

Воть, въ краткихъ словахъ, правдивая архивно-лътописная исторія "шалуновъ". Подъ ними-же нашъ лътописецъ, вмъсть съ А. Х. Бенкендоромъ, разумъетъ не иныхъ кого либо, какъ студентовъ Демидовскаго выстихъ наукъ училища, да еще одного Прославскаго актера.

Быль одинь изь свиточных вечеровь 1829—1830 года. Въ Ярославль, на родинь Русского театра, даналась какан-то комедія; въ ней лицедъйствоваль нъкто Московскій мъщанинь Гуськовь, по сценъ Виноградскій, пользовавшійся большимъ расположеніемъ мъстнаго образованнаго "юношества", иначе сказать студентовъ Демидонскаго Высшихъ Наукъ Училища (такъназывался тогда ныпъшній Демидонскій Юридическій Лицей). Необходимо замътить, что это юношество было уже великовозрастное, хорошо знакомое съ треволненіями жизни сей; а ногому пеудивительно, что оно воспользовалось, послъ спектакля, гостепріимствомъ названнаго актера, который устроилъ у себя маленькую холостую пирушку. И хозяниъ, и гости—печего граха

танть - нарядно выпили, а, вынивши, "въ разнообразное настроспіе духа пришли, смотря по темпераменту": одни стали распъвать свиточныя пъсни, другіе занялись декламаціей произведеній Василія Львонича Пушкина, обезсмертившаго себя своимъ "Опаснымъ Сосподомъ"; наконецъ, остальные гости, въ числъ комхъ находились студенты Иванъ Лебедевъ, Николай Скородумовъ и Константни Кернкорсъ, умилились и до слёзь дощли. Оплакивали они, между прочимъ, свое житъе-бытье студенческое, при чемъ и нечистаго духа діавола веномянули: "Чорть энасть, чему нась учать! Даже, кажется, начнуть вскоръ учить какой-то фортификаціни. .*) Вполив естественно, что негрезная рачь, воснувшись фортификации, оть Ярославскихъ укрвилемій XVII въка (башевъ, устроенныхъ при царъ Алексъъ Михайловичъ), перескочила къ твердынямъ, педавно завоеваннымъ у Турокъ Русскимъ побъдопоснымь вопистномь, а затымь таже рычь, вы смыу своей пыниенькой иперцін, пошла далве. Актеръ Виногрядскій заявиль студентамъ, что плакать и унывать добрымъ Русскимъ молодиамъ не подобаетъ, и что хоти онъ плебей, Московскій мъщанивъ, "по происхожденію", по едва-ли уступить Забалканскому графу Дибичу, если двло коспется взятія штурмомъ одного изъ Ярославскихъ гаремовъ, охраняемыхъ не енпухомъ-Туркомъ, а, просто-па-просто Россійскою солдаткой Катериной Кучиной...

- А киветъ-де сін дама изъ Амстердама (такъ соблазняль "неопытпыхъ юношей" Ярославскій комикъ) имъстъ съ дъвами. А дъвы сіи не на
  одинъ-де грошъ не уступять гуріямъ Магомстовскаго рая. А по своей провессіи онт-де отпюдь не записныя "гуріи": честныя швен, всякаго рода
  бълье, и мужское, и женское, своими хорошецькими пальчиками шьють.
  И особливо благольцны между гуріями двъ особы: крестьяночка Өеклуша,
  но батюшкъ Ипановна, да мъщаночка Паша Бабарыкина... Потдемъ, господа,
  къ нимъ въ гости!
- Отдично! Повдемъ вев на одномъ возницв! согласился первый изъ студентовъ, Инанъ Лебедевъ.
- Быть по сему! ръшила иси компанія и, оглашая отдаленныя улицы града Ярославля "пъніемъ вакхическихъ гимновъ, впрочемъ, отнюдь не противугосударственнаго содержанія", прівхала въ одинъ домъ: отказъ! Постучались въ другой: "Можно войти?"— "Милости просимъ!" Затъмъ послъдовало угощеніе "бълымъ виномъ", окончательно отуманившимъ молодыя головы, и владъльцы сихъ головъ, "произведи шумство", очнулись только на другое утро въ полицейскомъ клоповникъ. Никакого другого кровопролитія, кромъ учиненнаго кровожадными насъкомыми, не воспослъдовало. Студенты, искусанные паразитами, получили свободу и, въроятно питали надежду, что дъло кончится пустячками, въ видъ карцера; по... случилось пначе.

^{*)} Въ 1831 г. императоръ Николай I, посътивъ Демидовское училище, нашелъ, что студенты его пуждаются въ "военной выправкъ", и приказалъ одному изъ штвбъообицеровъ обучать ихъ фронтовой службъ и ружейнымъ пріемамъ. Наука этв, по свидътельству имбющихся у насъ документовъ, вскоръ достигла блестящихъ результатовъ, и преподаватель си получиль высолайшую награду. Л. Т.

Надо замътить, что мъстныя губерискія власти не придали существеннаго значенія этой исторіи, потому-ли, что отнесли се къ обычнымъ явленіямъ тоглашней студенческой жизпи, или потому, что щадили молодыхъ людей—неизвъстно. Объ Ярославскія полиціи, т. е. явная и находившаяся въ въдъпіи Бенкендорфа, промолчали о похожденіяхъ четырекъ гулякъ. Хотя по Ярославлю и ходилъ слухъ, будто-бы студентъ Лебедевъ дозволилъ себъ непочтительный поступокъ съ портретами покойнаго императора Александра І-го и Наслъдника Цесаревича, однако втотъ слухъ, какъ увидимъ, былъ ложный, неподтвержденный никъмъ изъ свидътелей и свидътельницъ. Не смотря на то, минуя и Бенкендорфа, и министра внутреннихъ дълъ Закревскаго, слухъ сей дошелъ до свъдънія князя Ливена. Только отъ послъдняго и узналъ Закревскій, что онъ, министръ народиаго просвъщенія, обратился съ личнымъ докладомъ къ императору Николаю І-му о похожденіяхъ Ярославскихъ студентовъ и актера, вслъдствіе чего и послъдовало предписаніе на имя Ярославскаго губернатора, отъ слова до слова гласившее такъ:

"Студенты Ярославскаго Демидовскаго Высшихъ Наукъ Училища Иванъ Лебедевъ, Николай Скородумовъ и Константинъ Кернкорсъ, будучи завлечены актеромъ въ непотребный домъ, напились тамъ чъяны. Первый изънихъ, Лебедевъ, какъ по слъдствію значится, въ домъ семъ оказалъ разныя буйства и, сверхъ того, снявъ со стъны двъ картины, изображающія портреты въ Бозъ ночивающаго Государя Императора Александра 1-го и Государя Наслъдника, бросиль ихъ, будто-бы, на поль, въ чемъ, однокожъ, при слъдствіи не сознался.

"О происшествій семъ министромь народнаю просвищеній, г. генераломъ отъ инфантеріи, княземъ Ливеномъ, доседено было до свидинія Государя Императора, п Его Величество высочайще повельть соизволиль:

"Актера, завлекиило въ непотребный домъ трехъ вышепоимснованныхъ студентовъ, отдать въ солдаты, а студента Лебедева, за дурную его нравственность, опредълить рядовымъ на правъ вольноопредълющихся, поручивъ ихъ лично надзору командира четвертаго корпуса генерала Савиини.

"Кинзь Ливень о исполнении сего высочайщаго поведыния сообщиль по принадлежности г. управляющему главнымъ штабомъ Его Императорскаго Величества, и о сдачъ въ военное въдомство студента Лебедева, предложивъ г. попечителю Московскаго учебнаго округа относиться ко мнъ объучинении распоряжения касательно упомянутаго актера.

"О таковомъ отношеніи г. министра народнаго просвъщенія увъдомляя ваше пребосходительство, поручаю вашь учинить немедленно надлежащее распоряженіе о сдачъ означеннаго актера въ восилое въдомство и о послъдующемъ донести миъ неукоснительно.

"Министръ внутреннихъ дълъ, генералъ-адъютанть Закревскій" *).

^{*)} Предписаніе отъ 31-го Января 1830 г., за № 179. Замічательно, что здісь осужденный актерь (Виноградскій-Гуськовъ) не названь по чамилін, и что какъ онь, такъ и студенты кутили вовсе не тамь, гді обозначиль кн. Ливень въ своемь докладі: кутежь происходиль въ частномъ домі, не носившемъ изкістнаго оффиціальнаго названія. Иначе

^{11 38} PYOCEIÑ APXERS 1896

Само собою разумъется, что Ярославская губернская администрація не замедлила исполнить высочайшее повельніє; оно было получено изъ Петербурга 10-го Февраля, и въ тоть-же самый день Ярославское Губернское Правленіе занесло въ свой журналь слъдующее постановленіе.

"Слушали предложение исправляющаго должность гражданского губернатора, г. вице-губернатора и кавалера, за № 950, при которомъ препропождаеть, для учиненія должнаго распоряженія, копію съ полученнаго на имя г. начальника губерніи отъ г. министра впутреннихъ дёлъ отъ 31-го минувшаго Генвари, за № 179, предписанія съ изъясненіемъ высочайшаго Его Императорскаго Величества повельнія объ отдачь актера эдешняго театра (Виноградскаго) въ солдаты, а студента Лебедева, за дурную правственность, опредёлить радовымъ на правё вольпоопредёлиющагося. Приказали: Ярославской градской полиціи предписать указомъ, дабы бывшихъ актера Виноградоваго и студента Лебедева, для объявленія посл'ядовавшей объ нихъ высочайшей воли, представила сего-же числа въ Губериское Правленіе и, по объявленіи оной, перваго изъ шихъ, для принятія въ военную службу, отослала въ Ярославское рекрутское присутствіе, а послідняго въ командиру Яросланскаго внутренняго гаринзоннаго баталюна, при сообщеніяхь, съ изъясненіемъ въ оцыхъ изъ производства следующаго (?) и съ требованіемъ о послідующемъ увідомленій. О чемъ Совіть Ярославскаго Демидовскаго Высшихъ Паукъ Училища увъдомить".

Такимъ образомъ, и шести педвав не пропіло со времени совершенія "шалости", какъ уже два "шалупа" взяты были на царскую службу, однит—со студенческой скамъи, па которой опъ слушалъ, пъроятно очень умную и ученую лекцію, а другой—изъ театра, гдъ ему, злополучному компку, прошлось тогда репетировать какую-инбудь развеселую роль.

Первый изъ нихъ, т. с. студенть Лебедевъ, покорился своей участи безпрекословно, актеръ-же Виноградскій обратился съ мольбою о помилованіи. Какія обстоятельства онъ разъясняль въ своемъ прошеніи, чъмъ оправдывался, намъ неизвъстно. Знаемъ только, что просьба его не имъла уснъха; ибо свътлъйній князь Ливенъ настойчиво желаль казнить "мудрость" въ лицъ вовсе не мудраго, а самаго зауряднаго актерика, въроятно, полагая, что и сей послъдній, какъ сценическій исполнитель литературныхъ произведеній, все-таки до нъкоторой степени подлежить его просвъщенному въдомству. Въ доказательство, что наше предположеніе основано не на однъхъ догадкахъ, приводимъ "отношеніе" статсъ секретаря Лонгинова на имя Ярославскаго губерпатора Полторацкаго *):

"Покоривйше прошу ваше превосходительство приказать, чрезъ кого следуеть, объявить съ подпискою жительствующему въ Ярославлев, быв-

полиція не допустила-бы имѣть таль тв портреты, о конхъ докладываль Николаю I его министръ, сославнійся на какос-то "сладствіе", намъ неизвъстное. Пе было-ли опо произведено учебнымъ Ярославскимъ пачальствомъ?—Вопросъ! Л. Т.

^{*)} Отъ 15 Мая 1830 г., № 1869.

шему Московскому мъщанину, а нынъ солдату Виноградскому-Гуськову, что по всеподданнъйшему его прошенію объ освобожденіи его изъ военной службы, въ которую (онъ) назначенъ по высочайшему новельнію, по сдъланному о немъ донесенію министромъ народнаго просвъщенія, коммиссія о принятія прошеній заключила ему отказать, за означеннымъ высочайшимъ новельніемъ". Отсюда слъдуетъ, что мольба одного изъ "шалуновъ" вовсе не доходила до высоты престола. Статсъ-секретарь Лонгиновъ не дерзнуль противоръчить министру изъ-за такой "ничтожности", какою въ глазахъ двухъ столичныхъ сановниковъ былъ провинціальный актеръ...

Но какое-же участіє принималь въ этомъ трагикомическомъ дѣлѣ третій сановникъ, А. Х. Бенкендороъ, и какъ онъ смотрѣлъ па него? Вотъ вопросъ, который легко разрѣшается слѣдующимъ лаконическимъ письмомъ Бенкендороа, обращеннымъ къ Прославскому губернатору *):

"Милостивый государь Константинъ Марковичъ! Покоравние прошу наше превосходительство увъдомить меня, какое послъдовало въ Ярославскомъ Уъздномъ Судъ ръшение по дълу о *шалости* студентовъ Демидовскаго училища, Лебедева, Скородумова и Кернкорса, и актера Виноградскаго?

Бенкендорфа".

Итакъ, въ глазахъ строгаго начальника государственной полиціи означенное діло казалось не болье, какъ "шалостью": и студенты, и актеръ, по взгляду Бенкендорфа (нікогда привезшему изъ Парижа къ намъ славную мамвель Жоржъ) являлись не преступниками, а шаловливою молодежью, которую если и слідовало наказать за баловство, то, во всякомъ случаї, мягко и притомъ законнымъ образомъ, а не тімъ "упрощеннымъ способомъ", къ какому прибітнуль кн. Ливенъ. О посліднемъ обстоятельстві, т. е. о докладів министра императору Николаю Павловичу, Бенкендорфъ узналъ слишкомъ поздно. Иначе, зачімъ-бы онъ сталъ спрашивать: кікъ Ярославскіе судьи рішили діло о "шалунахъ?" Несомивно также, что въ этомъ ділів не заключалось ничего оскорбительнаго для высочайшихъ особъ, имена которыхъ почему-то значились въ министерскомъ "докладъ". Въ противномъ случать, развіз Бенкендорфъ отнесся-бы такъ снисходительно къ одному изъ "шалуновъ", будто-бы бросившему на полъ портретъ Царственного Юнопи?

Къ сожальнію, перерьшать судьбу Виноградскаго и Лебедева, за состоявшимся о нихъ высочайщимъ повельніемъ, было уже немыслимо, и только относительно Скородумова и Кернкорса, предложенный Бенкендорфомъ вопросъ оказался своевременнымъ и благодътельнымъ. Ярославскіе криминалисты, засъдавшіе какъ въ Уъздномъ Судъ, такъ и въ Уголовной Палать, были настолько прозорливы, что вникли въ "тонъ" письма Бенкендорфа къ губернатору и . . . оправдали двухъ "шалуповъ!".

Ръшеніе Уголовной Палаты, утвержденное губернаторомъ, любопытно и по существу, и по юридическому языку.

^{*)} Отъ 22-го Февраля 1880 г., № 735.

"Понеже (читаемъ въ этомъ приговоръ) подсудимые, студенты Демидовскаго училища Скородумовъ и Кернкорсъ, въ соучасти съ бывшимъ студентомъ Иваномъ Лебедевымъ въ произведенномъ симъ послъднимъ буйствъ не сознались, а въ томъ ни отъ Кучиной извъта на пихъ не послъдовало, и ни Лебедевымъ, ни Виноградскимъ они не оговорены, да и въ поведеніи одобрены:—то ихъ, Скородумова и Кернкорса, отъ суда и слъдствія освободить. А какъ сами они показывають, что съ вышеуномянутыми Лебедевымъ и Випоградскимъ, въ 10 часовъ вечера, напятому извощику приказали везти себя въ домъ извъстныхъ тому извощику женщинъ, для препровожденія времени, для чего и привезены были онымъ извощикомъ въ квартиру солдатки Кучиной, почему имъ, Скородумову и Кернкорсу, строго подтвердить, чтобы впредъ отъ подобныхъ сообществъ удалялись и для препровожденія времени, по почамъ, въ подобные дома входить удерживались подъ опасеніемъ пеминуемаго поступленія по всей строгости законовъ".

Затьмь, въ ръшени палаты содержится еще следующій приговорь, васающійся уже не студентовь, а тіхть гурій, которыя ихъ соблазнили "Поелику-же изъ двла видно, что номянутые студенты велвли павощику везти себи въ домъ такихъ женщивъ, которыя принимаютъ всикаго для препровожденія времени, и были привезены начально ко двору дъвки г. Тихомирова, Агранены Ивановой, которан проживаеть въ домъ вахмистра Петрова, якобы для прінсканія себъ, по способностимъ, должности, по ею внущены не были, а потомъ прівхали къ солдаткь Катеринъ Кучиной, подошли къ самымъ дверямъ и, постучавшись, спросили: "Можно-ли войти?" Когда-же получили отвъть, что "можно", то изопили пъ покой, гдв, кромъ Кучиной, находились молодыхъ лъть мъщанка Прасковья Бабарыкина и вольноотпущенная оть помъщицы Зезевитовой дъвка Оскла Иванова, пръ коихъ одна потребовала отъ Кучиной бълаго вина, коимъ и студентовъ подчивала. Означенныя Бабарыкина и Иванова хоти и показывають, что онъ занимаются шитьемъ бълья и прочимъ рукодъльемъ, свойственнымъ женскому полу, но такимъ показаніямъ ихъ, изъ-за вышепрописанныхъ обстоятельствъ, полной въры дать невозможно безъ особеннаго о настоящемъ образъ жизни ихъ и поведеніи изследованія; почему здъшней градской полиціи предписать, чтобы о сихъ обстоятельствахъ, учинивъ аккуративйшее изысканіе и потомъ произведя формальное слъдствіе, отослала опое дъло куда следуеть, и притомъ строжайше опой полици подтвердить, чтобы впредъ за подобными служащими для соблазна женщинами имъла неослабное наблюденіе, подъ опасеніемъ огвътственности по законамъ".

Дальнейшая судьба "шалуновъ" и "шалуній" намъ неизвестна

II.

Другой "шаловливый" случай произошель почти одновременно съ первымъ, т. е. въ томъ-же 1830 году, по уже не въ отдаленныхъ, глухихъ улицахъ Ярославля, а въ Петербургъ—на Морской. Тамъ героями-"шалунама" явились уже не маленькіе люди; то быда столичная "золотая молодежь", въ жилахъ воторой бурлила и "шалила" родовитая кровь.

Къ сожальнію, намъ неизвъстны подробности этого діла, обратившаго на себя особенное вниманіе императора Николан Павловича. Думасмъ, что ихъ слідовало бы извлечь изъ-подъ спуда архивныхъ бумагь во всей ихъ полноть; ибо воспоминанія о "шалостяхъ", случивнихся назадъ тому 65 льтъ, пикого не могуть оскорбить, а между тімь, безъ сомнічнія, въ нихъ найдутся очень любопытныя бытовыя черты, характеризующія столичную молодежь того времени. Воспользуемся тімъ, что дають паши рукописные, далеко неполные, матеріалы. Изъ нихъ видно слідующее.

Въ 1830 году въ департаментъ духовныхъ дълъ иностранныхъ испоиъданій служилъ нъкто молодой дворянинъ Сергъй Романовъ (Serge de Romanoff). Это былъ господинъ веселаго нрава, любилъ выпить въ дружеской компаніи лишній бокалъ Шампанскаго, не чуждаясь также и самыхъ плебейскихъ напитковъ. Да и другія "шалости" за нимъ водились: Романовъ, иногда, позволялъ себъ "произносить пеприличныя ръчи противъ правительства" и распъвалъ ночью, ходя по Петербургскимъ улицамъ, разныя пъсни эротическаго содержанія; ибо онъ былъ однимъ изъ почитателей нескромной музы Полежаева, также и Пушкинскаго "Царя Никиту", родившаго сорокъ дочерей, несьма уважалъ, въ чемъ онъ (Serge de Romanoff) и принесъ чистосердечное раскаяніе предъ Александромъ Христофоровичемъ Бенкендорфомъ, который пригласилъ его къ себъ на пріятную аудіенцію. Бенкендорфъ, въ числъ вопросовъ, предложенныхъ Романову, задалъ и такой:

— А были вы, господинъ Романовъ, свидътелемъ того, какъ князъ Голицынъ, вашъ пріятель, разбиваль окна въ домахъ на Морской? — Былъ, ваше высокопревосходительство. — Хорошо, что не запираетесь... А есть у васъ, молодой человътъ, родители? — Есть старушка-мать, живетъ въ Москвъ. Пощадите меня, хоть ради ен, ваше высокопревосходительство! — Все будетъ зависъть отъ воли Императора. За одно могу ручаться, что значеніе вашихъ "шалостей" не преувеличится мною при докладъ Государю о вашемъ дълъ. Надъюсь, что онъ поступить съ вами милостиво...

И, дъйствительно, Бенкендороъ сдержать свое слово: онъ не разукрасиль (подобно князю Ливену) "шалость" молодого человъка, не придаль ей значенія чего-то "анархическаго". Пъвецъ, громогласно раситвавшій въ столицъ "Царя Никиту", оказался пе демагогомъ, зараженнымъ зловредными идеями 30-го года, а просто-на-просто Россійскимъ дворянчикомъ-кутилой, пылъ котораго надлежало нъсколько охладить... И онъ былъ охлажденъ отправленіемъ Романова, послъ переписки между Бенкендороомъ и статсъсекретаремъ Д. Н. Блудовымъ въ Архангельскъ.

"Господинъ генералъ-адъютантъ Бенкендороъ, читаемъ въ пашихъ бумагахъ *), по высочайшему Его Императорскаго Величества повельню отъ 30-го Ноября 1830 г., сообщилъ господину исправляющему должность главноуправляющаго духовными дълами иностранныхъ въроисповъданій о

^{*)} Отношеніе исправляющаго должность Архангельскаго гражданскаго губернатора Отарева, отъ 28 Февраля 1832 г., за № 413, къ Ярославскому губернатору Полторацкому-

доведеніи его высокопревосходительствомъ (т. е. А. Х. Бенкендорфомъ) до свёдёнія Государя Императора, что служившій въ департаментё духовныхъ дёлъ иностранныхъ исповёданій дворянинъ Романовъ, въ сообществъ съ молодыми людьми предосудительнаго поведенія, посёнцалъ публичныя мёста и, употребляя безъ мёры крёпкіе напитки, позволялъ себё неприличныя рёчи противъ правительства, ходилъ въ позднее время по улицамъ столицы, пёлъ съ товарищами разныя непристойныя пёсни и былъ свидётелемъ, какъ князь Петръ Голицынъ выбилъ камнемъ окна въ домё на Морской.

"Его Императорское Величество, принявъ во всемилостивъйшее отеческое вниманіе молодыя лъта Романова, откровенное его признаніе и чисто-сердечное раскаяніе, высочайше повельть соизволиль: отправить его, въ сопровожденіи жандарма, къ Архангельскому гражданскому губернатору, сътьмъ, чтобы онъ опредълиль Романова на службу, подъ непосредственнымъ его наблюденіемъ, дабы такимъ образомъ открыть быль сему потерявшемуси молодому человъку способъ усерднымъ впредъ служеніемъ и исправнымъ поведеніемъ загладить пятно, коимъ онъ себя помрачилъ, и удостоиться воз зрънія (sic) правительства".

И воть, Иетербургскій, "шалунъ", распъвавшій непристойныя пъсни, очутился подъ Архангельскимъ, еще болъе суровымъ небомъ. Онъ былъ зачисленъ въ штать Архангельскаго Губернскаго Правленія, съ причисленіемъ, для служебныхъ занятій, въ губернаторскую канцелярію. Тамъ, мало-по-малу, "шалунъ сталъ "остепеняться"; онъ уже не упражнялся, какъ въ Петербургв, по ночамъ, въ запретпыхъ пъснопъніяхъ и проклиналъ свое вокальное искусство, которое привело или, върнъе сказать, привезло его на берега Съверной Двины съ "попутчиками" въ голубыхъ мунлирахъ. Жалованья Романовъ не получалъ. У него не было даже надежды, что участь его вскоръ измънится къ лучшему: Архангельскій губернаторъ получиль отъ управлявшаго Министерствомъ Юстиціи, секретное отпошеніе съ сообщеніемъ высочайшей воли, чтобы "высланный, за предосудительное поведеніе, на службу въ Архангельскую губернію, дворянинъ Сергъй Романовъ пе былъ производимъ, по выслугъ лътъ, въ чины, ни уволенъ отъ службы безъ особаго на то разръшенія Государя Императора"...

Такъ прошель годь—тоскливый, мучительный годь—для "шалуна", забытаго всёми, кром'в старушки-матери, да еще... Бенкендорфа. Участіе первой, выражаемое въ письмахъ къ сыну (конечно, приходившихъ къ нему чрезъ губернаторскія руки), вполнів естественно и не нуждается въ объясненіяхъ; но участіе второго—черта историческая, такая черта, которая, быть-можеть, доказываетъ справедливость анекдота о бёломъ платкв, данномъ Бенкендорфу Николаемъ І-мъ, вм'тото "письменной инструкціи" для управленія Третьимъ Отдівленіемъ. "Утирай моимъ платкомъ слёзы несчастныхъ людей. Возьми его себъ на память. Вотъ тебъ и вся инструкція", будто бы сказалъ Николай І-й *).

^{*) &}quot;Русскій Архива", 1889 г., П, стр. 398.

И Бенкендорфъ не злоупотребилъ этимъ оригинальнымъ "документомъ", по крайней мъръ, отпосительно царскаго однофамильца. 22 Января 1831 г. онъ выразилъ Архангельскому губернатору свою надежду, что Романовъ исправляется, и просилъ не замедлить отвътомъ, который, конечно, былъ самый одобрительный: "ведетъ себя сей молодой дворянинъ очень хорошо и вполнъ прилично своему званію". Заручившись такой рекомензаціей, Бенкендорфъ доложилъ о ней Императору, прося смиловаться надъ "шалуномъ", если не вполнъ, то хотя отчасти, а именно — отправить его поближе къ Москвъ, напримъръ, въ Ярославль... По послъдовала высочайшая резолюція: "Еще рано, повременить!"

Затыть еще прошло полгода. "Шалунь", измученный физически и нравственно, рышился, наконець, обратиться къ шефу жандармовъ со своей мольбой-слезницей и получиль отъ А. Х. Бенкендорфа собственноручный отвыть: факть, по нашему минню, незаурядный, особенно если принять во вниманіе разницу между служебнымь и общественнымь положеніемь обоихъ корреспондентовь. Съ одной стороны быль жалкій дворянинь, безъ вліятельной протекціи, да къ тому же нашалившій не гдь-нибудь въ провинціи, а нь столиць; съ другой стороны — вершитель судебъ ссыльнаго люда, могущественный Бенкендорфъ... "Дистанція огромнаго разміра"... И всетаки Бенкендорфъ перешель эту "дистанцію", спустился изъ Петербургскихъ налать въ Архангельскую трущобу съ рачью па Французскомъ языкъ...

Къ сожадению, этой переписки у насъ не имеется, но что она существовала, это вив всякаго сомивнія. Иначе, не осмилился бы Романовъ, впоследстви, въ другомъ письме къ Бенкендорфу, напоминать о себе въ следующихъ, глубоко прочувствованныхъ словахъ: "Voici trois ans que j'eus l'irréparable malheur de mériter le blâme de l'autorité et la punition qui le suivit. Renvoyé d'abord à Arkhangelsk, je me suis trouvé pendant seize (16) mois employé à la chancellerie du gouverneur civil, mais ne recevant ni gages, ni logement. Un entier dénuement et la plus complète misère me firent expier, mieux que le châtiment même, les fautes de mon étourderie bien involontaire. J'eus alors l'honneur de m'adresser à votre excellence, suppliant d'être passé au service militaire ou du moins j'espérai mériter au prix de mon sang un pardon que j'ose à présent attendre de la générosité suprême de Sa Majesté Impériale et de votre puissante intercession. Vous me fites l'honneur de me répondre, monsieur le comte, et votre lettre, que je conserverai toute ma vie, m'a encouragé maintenant à importuner votre excellence"... (Вотъ уже три года, какъ я имълъ несчастіе заслужить порицаніе правительства и послъдовавшее за нимъ наказаніе. Отправленный сначала въ Архангельскъ, и служилъ тамъ въ теченіе 16-ти місяцевъ въ канцелярін гражданского губерпатора, не получая ни жалованья, ни квартиры. Совершенная бъдность и даже полная нищета заставили меня, сильнее чемъ самое наказаніе, искупить вину моего совствить невольного легкомыслія. Тогда я ниталь честь обратиться въ вашему сінтельству, умодяя о переводъ мени въ военную службу, гдв я, по крайней мъръ, надъядся заслужить цьною моей крови то прощеніе, котораго и теперь осмѣливаюсь ожидать отъ высочайшаго великодушія Его Императорскаго Величества и отъ вашего могущественнаго заступничества... Вы, графъ, сдѣлали мив честь отвѣтить мив, и ваше письмо, которое и сохраню въ продолженіе всей моей жизни, дало мив смѣлость и теперь обезпококоить ваше сіятельство).

Но Пиколай 1-й не пожелаль создать изъ канцелярского чиновника плохого солдата и на этотъ разъ ограничиль свое милосердіе тъмъ, что "всемилостивъйше повельть соизволиль перевесть его на службу въ Прославль подъ падзоръ тамошняго гражданского губернатора, съ дозволеніемъ съвздить въ Москву, для свиданія съ его (Романова) старушкой-матерью 1.

Долго ли продолжалось это свиданіе, не знаемъ; намъ только извъстно, что Романовъ въ Ярославдъ, какъ и въ Архангельскъ, велъ жизнь самую безотрадную, полную лищеній. Онъ могъ дучше, чъмъ другая молодежь, съ которою онъ разделяль наказаніе, оденить то, чего лишился, и понять ту бевдну, въ которую паль. Эта молодежь, благопріятствуемая судьбою, всетаки жида въ довольствъ, имъда средства доставлять себъ возможныя развлеченія, которыя, хотя отчасти, вознаградили за испытываемое ею горе. Затемъ, сравнивая свое положение съ судьбою другихъ товарищей по ссылкъ, Романовъ взывалъ въ графу Бенкендорфу такъ: "... Mais moi, monsieur le comte, jugez vous - même: arrivé, dans une ville 3) où je ne connaissais personne, présenté sous le jour le plus défavorable, bientût la pu blicité d'un crime, que je jure devant Dieu n'avoir jamais commis, par a voie de tous les journaux de l'Empire 3), vint de chaque inconnu me faire un ennemi; joignez à ceci la nécessité sans cesse renaissante et le manque total des moyens d'y subvenir, alors votre excellence aura un exposé fidèle de ce que j'ai enduré depuis trois ans". (Что же меня касается, то судите, графъ, сами: я прибылъ въ городъ, гдв никого не зналъ, представленный въ самомъ неблагопріятномъ свёть, и вскорь опубликованіе путемъ всёхъ газетъ Имперіи о преступленіи, котораго, клянусь Богомъ, я никогда не совершаль, обратило всткъ этихъ незнакомцевъ въ моихъ враговъ. Присоедините къ этому все возрастающую нужду и совершенную невозможность удовлетворить ее, и тогда, ваше сіятельство, вы будете имъть върное изображение того, что я претеривлъ въ течение трехъ лътъ).

Письмо оканчивается благодарностью Романова Бенкендороу за принятіе участія въ его судьбъ. Переводъ изъ Архангельска въ Ярославль, гдъ губернаторствовалъ К. М. Полторацкій, человъкъ образованный и добрый, "осыпавшій милостями и попеченіемъ" ссыльнаго молодого человъка, консчно, былъ для него благодъяніемъ, но далеко неполнымъ: служить безъ опредъленнаго жадованья, по недостатку денежныхъ средствъ губернаторской

¹⁾ Письмо Венкендоров въ Архангельскому губернатору отъ 4-го Февраля 1832 г.

¹⁾ Здесь, конечно, разументся Архангельскъ. Л. Т.

³) Было бы интересно внать, въ кажихъ именно газетахъ конца 1850 или начала 1851 г. разсизвана "негорія", въ которой принималь участіє и нашъ "шалунъ". Не откликнется ди на этотъ вопросъ кто-либо изъ нашихъ бабліографовъ? Л. Т.

канцеляріи, было стращно тяжело, о чемъ Романовъ и объясциль подробно въ своемъ письмъ къ гр. Бенкендорфу и закончилъ его такъ: "Pardonnez, votre excellence, si j'ose abuser ainsi de votre attention, mais n'ayant qu'un moyen de rentrer (?) en grâce, je me prosterne à vos pieds, monsieur le comte. Dites un mot, et je pourrai voir des jours plus heureux, servir, et désormais ma vie laborieuse et irréprochable pourra devenir utile un jour à mon Souverain. Depuis longtemps j'espérai que vous daigneriez ne pas rejeter l'humble supplique que j'avais l'intention de vous présenter. Serai-je aussi malheureux que de ne pas mériter cette bonté qui vous fait regarder, monsieur le comte, comme la providence tutélaire de tous les infortunés... (Простите, ваше сіятельство, если я осм'вливаюсь такъ злоунотреблять вашимъ вниманіемъ; но, имъя только это единственное средство получить помилование, я повергаюсь къ погамъ ващимъ, графъ. Скажите одно слово, и мий можно будеть увидать болье свътине дви, можно будеть служить, и впредъ моя трудолюбивая и безпорочная жизнь можеть сдёлаться небезполезною моему Государю. Уже давно и надъялся, что вы удостоите не отринуть моей покориташей просьбы, которую и намъревался памъ подать. Неужели и буду столь несчастливъ, что не заслужу той милости, которая заставляеть видъть въ васъ, графъ, покровительственное провидение для всехъ песчастныхъ:).

Такъ писалъ Романовъ 29-го Октября 1833 года графу Бенкендорфу, который не замедлиль (19-го Ноября того же года) обратиться къ губерна. тору Полторацкому за справками относительно "шалуна"; губернаторъ-же отвъчаль: "Имъю честь донести вашему сіятельству, что дворяниву Сергью Романову, находящемуся, согласно высочайшему повельню, подъ надзоромъ мониъ при занятіяхъ въ канцеляріи моей, производить жалованье изъ весьма ограниченнаго оклада, съ уменьшениемъ онаго у другихъ чиновниковъ, кои даже и при пособіи изъ собственности моей, не обезпечиваются достаточно въ содержания, я не нахожу возможности. Съ другой стороны, педостаточное состояние Романова требуеть непреманно производства ему жалованья, коимъ онъ могъ-бы содержать себя. Почему, и ямъя въ виду уваженія сін, равно и то, что онъ ведеть себя скромно и прилично званію своему, а по канцеляріи моей надобности въ немъ не настоять, я полагаль-бы, со своей стороны, испросить ему всемилостивъйшее прощение въ прежнихъ проступкахъ и дозволить избрать родъ службы, по способностямъ, такой, где-бы онъ на должностять могь получать, по крайней мірт, нужное для себя жадовање, каковое мићніе мое и представляю на благоразсмотрћніе вашего сіятельства. Имъю честь быть..." и проч. 1).

Разумъется, что "шалунъ" Романовъ съ истерпъніемъ ожидалъ, чъмъ кончатся его житейскія мытарства. Графъ Бенкендорфъ, судя по перепискъ его съ Архангельскими и Ярославскими властями, а также лично съ самимъ "шалуномъ", былъ уже давно готовъ простить его, но не мого простить: тотъ "историческій платокъ", о которомъ мы уже упоминали, иногда оста-

⁴⁾ Отъ 28 Ноября 1833 г., № 7812.

вался безъ употребленія по причинамъ, независившимъ отъ шефа жандармовъ. Нужно было тоже умъючи, во-время, избирать минуту, чтобы "утиратъ слезы", которыя иногда, текли по цълымъ годамъ... Однако, не смогря на прежнюю резолюцію, графъ Бенкендорфъ снова заступился за бъдняка, и снова послъдовала неудача, изложенная въ слъдующемъ письмъ 2).

"Милостивый государь Константинъ Марковичъ! Отношеніе вашего превосходительства отъ 28-го минувшаго Ноября, за № 7812, въ коемъ вы, м. г., представляли о всемилостивъйшемъ прощеніи состоящаго на службъ въ канцеляріи вашей дворянина Романова въ прежинхъ его поступкахъ, съ дозволеніемъ ему избрать себъ соотвътственную способностямъ его службу въ такомъ мъстъ, гдъ бы онъ могъ получать необходимое для содержанія его жалованье, я имълъ счастіе докладывать Государю Императору, но его величество высочайше повелъть соизволилъ: "Повременитъ".

"О сей высочайшей вол'в я имъю честь сообщить вашему превосходительству, пребывая съ совершеннымъ почтеніемъ вашего превосходительства покорнъйшій слуга прафіт Бенкендорфъ".

— Опять сще рано! Опять повременить! затосковаль Сергъй Романовъ. Когда же будеть конецъ? Когда послъдуеть благодатное слово: освободить? Слово это написано было императоромъ Николаемъ I на докладъ графа Бенкендорфа въ Октябръ 1834 года. "Его Величество, сообщалъ Бенкендорфъ К. М. Полторацкому (15 Окт. 1834, № 385), изъявивъ всемилостивъйшее прощеніе дворянину Сергъю Романову, высочайте повелъть соизволиль: учрежденный за поведеніемъ его надзоръ прекратить и дозволить ему избрать родъ службы, буде еего пожелаетъ. Увъдомляя васъ, милостивый государь, о сей монаршей воль, для зависящаго отъ васъ къ исполненію оной распоряженія, съ совершеннымъ почтеніемъ и пр. прафъ Бенк ндорфъй.

Что далъе случилось съ Романовымъ, намъ неизвъстно. Можно только съ достовърностью предположить, что, слишкомъ дорого поплатившись за свою "шалость", опъ уже больше пе "шалилъ" и не прибъгалъ къ "платку" графа А. Х. Бенкендорфа.

Л. Трефолевъ.

^{&#}x27;) Отъ 30-го Декабря 1833 г., № 5590.

БАБЪ И БАБИДЫ.

Въ 6-й книгъ "Съвернаго Въстника" нынъшняго года напечатана небольшая статейка Л. Болотина подъ заглавіемъ: "Персидскіе протестанты". По новоду трагической кончины шаха Персидскаго, убитаго однимъ паъ представителей секты Бабидовъ, авторъ статьи предлагаетъ вниманію читателей нъкоторыя, весьма краткія свъдънія относительно этой магометанской секты и, указывая на источникъ, изъ котораго онъ ихъ почеринулъ, говоритъ, что первое обстоятельное изложеніе исторіи бабидизма, его догматовъ, политической и общественной доктрины принадлежитъ графу Гобино"... (les Religions et les Philosophies dans l'Asie Centrale. Paris, Didier 1865). Затъмъ г. Болотинъ приводитъ перечень другихъ писателей, давшихъ "краткіе очерки" исторіи бабидизма, и между прочими упоминаетъ имя Мирзы Касимъ-бека, папечатавшаго свой очеркъ въ "Journal Asiatique", но не означаетъ года.

Для возстановленія истины, а также и значенія работы покойнаго моего отца, считаю нужнымъ свазать, что подробное изследование о Бабе и Бабидахъ было имъ напечатано въ 1865 году отдёльной книгой ін 8° подъ заглавіємъ: Бабъ и Бабиды, ремийстно помитическія смуты въ Персіи въ 1844— 1852 годахг. Содержить эта внига, кром'в предисловія: 1) Біографію Баба, 2) историческое изложение о Бабидахъ, 3) обзоръ ихъ учения и, наконецъ, общій алфавитный указатель собственных имень и технических словь съ указапіємъ на страницы изданія. Матеріалами для составленія этой исторін Баба и Бабидовъ служили автору, какъ онъ о томъ заявляетъ въ предисловіи своемъ: "Новъйшая Исторія Персіи" Насихуттаваридь, затьмъ двъ записки о Бабидахъ (одна г. Севрюгина, прожившаго болъе 20 лътъ въ Персіи, другая г. Мошнина, бывшаго нашего консула въ Арверумъ, находившагося въ Персіи во время гоненія Бабидовъ). Кромъ того Александръ Касимовичъ пользовался разсказами очевидцевъ изъ Тавриза и Мазандарана, придерживаясь однако техъ только показаній, въ которыхъ не было разногласія.

Превосходное знаніе роднаго языка, законовъ и обычаевъ страны, а также глубокое и широкое пониманіе авторомъ нравственнаго смысла религіи и того значенія, которое она должна имъть въ исторіи народовъ, при

дають изследованію о Бабе и Бабидахь окраску особой достоверности. Книга эта была напечатана въ Петербурге (въ типографіи В. П. Майкова) въ начале 1865 года, въ ограниченномъ количестве экземпляровъ, затемъ переведена авторомъ на Французскій языкъ, а въ 1866 году въ "Journal Asiatique" ноявилась подъ заглавіемъ: "Вав et les Babis ou le soulèvement politique et religieux en Perse de 1845 à 1853". Почему туть является разница въ годахъ противъ Русскаго изданія, сказать не могу. Дюга (Dugat) въ своей Пізтоіге des Orientalistes de l'Europe говорить объ этомъ трудъ Мирзы Каземъ-Бека: "Pour donner une idée de l'intérêt qui s'attache aux travaux de l'orientaliste russe, nous allons lui emprunter quelques détails peu connus sur le réformateur Bab, sa doctrine etc."

... И после некоторых выдержень изъ исторіи Вабидовъ, Дюга прибавляеть. Се qui distingue Kazem-Beg, c'est une connaissance solide des langues et littératures arabe, persane et turque. Il a fait des recherches approfondies sur la jurisprudence musulmane, sur les religions et, ce qui est remarquable chez un Criental, c'est qu'il n'est étranger à aucune question de haute philosophie; ses idées ont une ampleur surprenante, et ses oeuvres sont empreintes d'un profond amour du progrès. La Russie doit être fière d'avoir de tels hommes dans ses compagnies savantes, et pour l'avancement des études orientales, nous devons désirer qu'elle attire à elle de l'Orient beaucoup de savants d'un mérite aussi élevé (Hist. des Orientalistes de l'Europe. Dugat, стр. 182).

Пе имъл въ рукахъ работы графа Гобино, не могу судить о сравнительномъ достоинствъ двухъ изслъдованій, по смъю утверждать, что работу А. К. Мирзы Каземъ-Века (а не Касимъ-Векъ) пельзи назвать Краткимъ очеркомъ. Весьма желательно, чтобы съ нею были знакомы люди, занимающеся этимъ предметомъ.

Ольга Баратынская.

ПИСЬМО МИТРОПОЛИТА ФИЛАРЕТА КЪ АРХІЕПИСКОПУ ХЕРСОН-СКОМУ ИННОКЕНТІЮ.

+

Преосвященнъйшій владыко, многочтимый брать о Господь.

Простите долгое дреманіе, естьли не неблаговременнымъ найдете пробужденіе.

Узналъ я, что вы намърены новый градъ вашъ благословить подобіями древней Московской святыни. Ваша благая мысль возбудила меня, и теперь пробуждается мое слово.

Предоставивъ Алексвю Ивановичу исполнять порученное вами ему, я поручилъ снять въ Лаврв подобіе съ древней иконы преподобнаго и богоноснаго отца нашего Сергія, и по освященіи новой иконы съ возложеніемъ на его святыя мощи, укрывъ оную, передалъ Алексвю Ивановичу для препровожденія съ прочими къ вашему высокопреосвященству.

Пріимите, и да пріиметь градъ Одесса, посъщеніе и благословеніе преподобнаго Сергія дъйственное и пребывательное, какъ испытали грады и въки. Да растеть и благоцвътеть градъ сей истиннымъ благочестіемъ и благимъ жительствомъ христіанскимъ; да къ сему и прочія блага приложатся ему.

Съ истиннымъ почтеніемъ и, яже о Господ'ї, любовію пребываю вашего высокопреосвященства покорпъйшій слуга Филаретъ м. Московскій.

Москва, Іюля 27-го 1849.

Упоминаемый въ письмъ этомъ Алексъй Ивановичь—есть Войцеховичъ, служившій тогда въ Синодъ и имівшій значительный въст въ дълахъ его. Когда онъ предприняль путешествіе въ Царьградъ, Инпокентій, всячески угостивъ его въ Одессъ, простился съ нимъ на пристани и немедленно увхалъ на свою приморскую дачу. Нароходъ, увозившій Войцеховича, плыль мимо этой дачи. Иннокентій съ крестомъ въ рукъ съ высоты берега торжественно благословилъ важнаго паломника.

Письмо митрополита Филарета къ "Россійскому Златоусту" (какъ называлъ Московскій владыка Иннокецтія, которому, въ коронованіе императора Александра Николаевича, отвелъ въ Москвъ для жительства Златоустовскій монастырь), печатается съ подлинника, сохранившагося въ бумагахъ Александра Григорьевича Тройницваго и за сообщеніе его благодарны мы его сыну, Григорію Александровичу. Въ крестномъ ходу, учрежденномъ по мысли Иннокентія въ память основанія Одессы (22 Августа) предпосятся обыкновенно списки съ иконъ, преимущественно чтимыхъ въ Москвъ. П. Б.

ВОРОНЦОВСКАЯ БИБЛІОТЕКА.

Въ южныхъ газетахъ нынвшняго года помъщено извъстіе о томъ, что огромная библіотека графа Строганова, пожертвованная однимъ изъ наслъдниковъ его Новороссійскому университету, перевозится въ настоящее время въ университетъ и за перевозку ея уплачивается 500 рублей.

Немудрено, что за одну перевозку библіотеки университету приходится платить такія деньги; но діло въ томъ, что эта библіотека не графа Строганова, а князя Воронцова. Бывшій Новороссійскій генералъ-губернаторъ графъ Александръ Григорьевичъ Строгановъ еще при жизни своей подариль свои книги Томскому университету, Богатый же дарь, поступающій нына въ собственность Новороссійского университета, принесепъ ему покойною княгинею Марьей Васильевной Воронцовой ур. княжной Трубенкой († въ Пиннв 28 Февраля 1895), вдовою последняго инязя Воронцова († 6 Мая 1882) Семена Михайловича (единственный, бездатный сынь фельдмаршала). Университеть, пъ течение многихъ лать, не принималь этого дара, такъ какъ право княгини на библіотеку оспаривалось у нея опекунствомъ надъ племянникомъ ея супруга и наследвикомъ Воронцовскаго мајората княземъ Михаиломъ Андреевичемъ Воронцовымъ - графомъ Шуваловымъ. Нельзя не порадоваться, что эта тяжба, наконедъ, окончилась, и высшее учебное учреждение нашего Юга получило превосходную библютеку*), которан собиралась слишкомъ полтора ивка цвдымъ рядомъ прособщенныхъ людей, каковыми были великій канцлеръ временъ Едисаветы Петровны, графъ Михаилъ Идларіоновичъ Воронцовъ, оба его племянника графъ Александръ (капплеръ при Александръ I-мъ) и Семенъ Романовичи, сынъ сего последнито киязь Михаилъ Семеновичъ и его сынъ квязь Семенъ Михайдовичъ, не щадившій издержекь на пополненіе и упорядоченіе своего родоваго книгохранидища.

Библіотека эта, пом'віцавшаяся въ н'всколькихъ залахъ прекраснаго Воронцовскаго дома на приморскомъ Одесскомъ бульварів, им'вла отлично составленные подвижные на карточкахъ и перечневые въ тетрадяхъ каталоги. Содержаніе ея весьма разнообразно: тутъ и классическіе писатели, и путешествія, книги богословскія и по естественнымъ наукамъ. Мыслью посл'вдняго князя Воронцова было привести библіотеку въ наилучшій порядокъ и подарить ее Болгаріи, если тамъ будетъ основанъ университетъ. Но князь Семенъ Михайловичъ не дожилъ до устройства д'влъ въ новосозданномъ государствів.

Можно поздравить Одесскихъ жителей съ такимъ дорогимъ пріобрътеніемъ. Эти "nutrimenta spiritus" (питалища духа) суть украшеніе и сила городовъ П. Б.

^{*)} Любонытно знать получены ли университетомъ и отличныя этой библютеки шканы.

ПО ПОВОДУ ВОСПОМИНАНІЙ Д. В. ИЛЬИНСКАГО.

Эти воспоминанія Севастопольскаго героя и одного изъ лучшихъ Русскихъ людей, какихъ довелось намъ знать, печатались въ "Русскомъ Архивъ" 1892 и 1893 гг. Вотъ что писалъ намъ о нихъ достопочтенный дипломать, служившій въ Греціи и Турціи и находившійся въ 1854 г. въ Одессь: "Воспоминанія эти замівчательны и увлекательны, какъ правдоподобностью разсказовъ, такъ и глубокимъ уваженіемъ къ намяти героевъ нашихъ, Корнилова, Пахимова, Истомина и др. По, признаюсь, меня пепріятно поразиль очеркъ или характеристика киязя А. С. Меншикова, въ такихъ ръзкихъ и слишкомъ самоувтренныхъ отзывахъ. Я очень близокь былъ къ князю Александру Сергвевичу, какъ во время его посольства въ Константинополв, такъ и въ продолжение всей Крымской войны, будучи и лично, и перепискою съ нимъ поставленъ въ возможность ценить его достоинства и недостатки. У меня до полутораста его собственноручныхъ записокъ и краткихъ пезолюцій во время переговоровь съ Портою. Обращивомъ монхъ съ нимъ отношеній можеть служить посывемое намъ письмо его ко мив. Адмиралъ Корниловъ говорилъ мив о немъ: трудво убъждать его въ чемъ нибудь, онъ упоренъ въ своихъ мивніяхъ, по почти всегда можно достигнуть этого для пользы дъла и жертвуя своимъ самолюбіемъ. Исторія со временемь скажеть, въ какомъ положении находился князь Меншиковь въ началъ Крымской войны, какія у насъ были тогда б'єдныя средства для обороны и въ какой беззащитности быль Севастополь. Во время Крымской войны я находился при князь Паскевичь, при квизь Горчаковь, при графь Сакень (когда бомбардировали Одессу), при графъ Лидерсъ, слъд. много видълъ и слышалъ, но такихъ здравыхъ, глубокихъ и светлыхъ сужденій, какъ отъ князя Меншикова, ни отъ кого не слыхалъ".

Кинзь Меншиковъ держалъ въ большомъ порядкъ свои бумаги, по, говорять, что по кончинъ его, постигла ихъ скорбиая участь. П. Б.

Письмо внязя А. С. Меншивова изъ Севастополя въ Одессу

Reçu le 30 janvier.

Sévastopol, le 28 janvier 1854.

J'ai reçu exactement vos lettres du 13, 15 et 19; les dernières par Skolkow et la brochure très intéressante de Capefigue que je vous demande la permission de garder jusqu'à la prochaine poste, n'ayant pas eu le loisir de la lire en son entier.

Krabbe est arrivé sain et sauf à Pétersbourg.

Je place ci-près une collection de lettres turques pour les faire passer à leurs destinations. Celle d'Osman-pacha accuse réception de différents objets qu'on lui a envoyés de Constantinople; mais ce n'est que par prévision, car ils sont encore à la douane d'Odessa. J'ai prié le g-l Fédorow de me les expédier, mais l'occasion de le faire lui aura probablement manquée. Soyez assez bon pour prendre des informations à cet égard; s'il y avait des frais de douane, je suis prêt à les acquitter.

A propos d'Osman-pacha, le Journal d'Odessa N. 7 nous a révolté ici contre son rédacteur et le censeur pour avoir inséré une traduction de la lettre d'Aïvasowsky, qui compromet ce malheureux vieillard envers ses compatriotes. C'est une indignité. Si vous pouvez le faire sentir à qui de droit, la marine vous en aura de l'obligation.

Vous savez probablemeni déjà que les Égyptiens acheminés à Pétersbourg ont été renvoyés dans leur patrie sous promesse de ne pas servir contre nous durant cette guerre, et que tous les Chrétiens pris à bord des deux pyroscaphes, y compris les mécaniciens anglais, ont eu la permission de quitter la Russie.

Les quatre vapeurs de guerre, dont deux français et deux anglais qui se sont montrés devant Théodosie le 19, y ont produit une panique, ainsi qu'à Kertch, qui a fait fuir beaucoup d'habitants de ces deux villes.

Un bâtiment russe sous pavillon toscan, se rendant à Eupatorie pour prende un chargement de blé et que le gros temps a forcé de relâcher à Sévastopol, déclare avoir quitté Constantinople le 19. Tout y était calme à cette dâte, les flottes combinées avaient repris leur mouillage à Beicos à l'exception de 4 vapeurs qui avaient quittés le Bosphore l'avant-veille, probablement ceux qui sont venus reconnaître la râde de Théodosie. S'ils ont des projets de descente, cette râde pourrait être un objet de convoitise: elle est très approprieé pour une semblable entreprise.

Le «Fury», tout couvert de glaçons, est venu reconnaître l'embouchure de Souline le jour où il a quitté Odessa, mais il a repris le large après une heure d'observation sans communiquer avec la terre.

Hormis les deux points précités les alliés des Turcs ne se sont montrés nulle autre part. Les nouvelles de Soukhoum vont jusqu'au 12 c.

Mille amitiés. Menchikow.

Переводъ.

Получено 30 Января (1854).

Севастополь, 28 Япваря 1854. Я получиль исправно письма ваши отъ 13, 15 и 19 (последнія со Сколковымъ), а также и очень занимательную внижечку Капфига, которую прошу у васъ повволенія удержать до следующей поття, такъ какъ я не имель досуга прочитать ее всю.—Краббо прибыль въ Петербургъ здравь и певредимъ. — Прилагаю при семъ пачку Турецкихъ писемъ для доставленія ихъ по припадлежности. Османъ-паша въ

письмі своемъ увідомляєть, что онъ получиль разныя вещи, посланныя ему изъ Константинополя; но это увідомленіе преждевременное, такъ какъ вещи еще въ Одесской таможнів. Я просиль генерала Оедорова переслать ихъ ко мні; но вітроятно ему не представилось къ тому случая. Будьте добры, разузнайте о томъ. Если понадобится таможенныя издержки, я готовъ ихъ уплатить.

Кстати объ Османъ-пашв. Въ седьмомъ номерв "Одесскаго журнада" помъщено въ переводъ письмо Айвазовскаго, бросающее тънь на этого бъднаго старика, въ отношениять его къ его соотечественникамъ. Мы здъсь козмущены противъ издателя и цензора. Это гнуеность. Если можно, дайте о томъ знать, кому слъдуетъ; моряки будутъ вамъ за то благодарны.

Вы, въроятно, уже знаете, что направлявшиеся въ Петербургъ Египтяне возвращены въ ихъ отечество, давъ объщание не служить противъ насъ въ теченіи настоящей войны, а также, что христіане, взятые съ двухъ пароходовъ, въ томъ числъ и Англичане-механики, получили позводеніе уфхать изъ Россіп. - Четыре паровыя судна (пав нихъ два Французскихъ и два Англійскихъ), показавшись девигнадцатаго числа передъ Өеодосією, произвели тамъ, а также и въ Керчи, такую панику, что многіє жители повытухали изъ обоихъ этихъ городовъ. - Русское судно подъ Тосканскимъ одагомъ, плывшее въ Евпаторію для забора хлабнаго груза и выпужденное непогодою пристать у Севастополя, заявляеть, что оно вышло изъ Константинополя 19 числа, что все тамъ было спокойно, что соедивсиные флоты снова бросили якорь у Бейкоса, за исключениемъ четырехъ паровыхъ судовъ, ушедшихъ изъ Босфора наканупъ того дия; въроятно этс ть самыя, которыя приходили на развидку подъ Осодосію. Если у нихъ въ мыслихь высадка, то Осодосійская пристань для нихъ желательна: она очень удобна для подобнаго предпріятія.-Пароходъ "Фюри", весь обледеналый, приходиль для разпидокь вы Сулниское устье вы день, когда онь вышель изы Одессы, но, простоявь съ часъ времени и не сообщаясь съ берегомъ, снова ушелъ въ море. — Кромъ удомянутыхъ двукъ мъсть, союзники Турокъ нигдъ не повазывались.-Изъ Сухума последиія известія отъ 12 текущаго месяца. Со многою дружбою Меншиковъ.

NAMATH A. K. WHISHEBCKAFO.

19 Марта 1896 г. на 76 году жизни тихо скончался въ Твери тайный совътникъ Августъ Казимировичъ Жизневскій, управлявшій Тверской Казенной Палатой, предсёдатель Тверской Ученой Архивной Коммиссіи и членъразныхъ ученыхъ обществъ. Русская археологическая наука лишилась вънемъ неутомимаго и безкорыстнаго діятеля. Кончина его составляеть горестную утрату для Твери и Тверскаго края. Это былъ человість высокой честности, эпергичный, выдающійся администраторь, основатель Тверскаго Историко-Археологическаго Музея, полезнійшій общественный діятель города Твери.

А. К. Жизневскій родился въ 1820 г., въ 1841 г. окончиль курсъ въ Московскомъ университеть по 2-му отдъленію философскаго факультега и поступиль на гражданскую службу въ 1843 г. Въ следующемъ году опъ быль опредъленъ младшимъ помощникомъ секретаря во 2-мъ отдъленіи 6-го департамента Правительствующаго Сената и въ 1845 г. назначенъ и. д. Новгородскаго губернскаго уголовныхъ дълъ стряпчаго. Въ 1848 г. министръ юстици графь Панинъ назначилъ его въ составъ особой слъдственной коммиссін, учрежденной по высочайшему повеленію для произгодства изследованія въ г. Калугь о неоказавшихся посль смерти одного дворинна значительныхъ каниталахъ, которые и были открыты коммиссіей. Въ 1849 г. Жизпенскій быль командировань младшимь чиновникомь при сенаторь князь Даныдовъ, ренизованшемъ по высочайшему повельнію Калужскую губернію. Въ 1851 г. покойный былъ пазначенъ и. д. товарища предсъдателя Тверской Уголовной Палаты, и въ 1856 г. въ особую сабдетвенную коммиссію, учрежденную по высочайшему повельню, подъ председательствомъ генераль адъютанта князя Васплачикова 2-го, для дозпанія о безпорядках в по заготовленію продовольствія для войскъ Крымской и Южной армій и по содержанію госпиталей Южнаго кран. Въ 1858 г. получилъ опъ пазначение Самарскичъ губерискимъ прокуроромъ, а въ 1862 г. переведенъ на такую же должность въ г. Казань и вскоръ назначенъ предсъдателемъ Тамбовской Казенной Палаты, откуда въ 1863 г. переведенъ на такую же должность въ Тверь. Какъодинъ изъ старъйшихъ и опытитишихъ чиновниковъ, Жизпевскій неоднократио быль вызываемь въ С.-Пегербургь и Москву для участія въ совъпраціях в относительно различных в маропріятій по Министерству Финансовъ. Опъ умеръ въ чинъ тайнаго совътника; имъдъ орденъ св. Анны 1 степ. и волотую бриллівитами украшенную табакерку съ неизелевымъ изображеніемъ

высочайшаго имени. Своей опытностью, трудолюбіемъ и честностью опъ подаваль служившимъ подъ его начальствомъ высокій примірть безкорыстнаго и добросовістнаго отношенія къ дізу. Опъ умізль узнавать и ціннть людей, привіденаль на службу по своему відомству вполні достойныхъ, развиван въ нихъ способности и рвеніе къ службі, почему Тверскан Казенная Палата считается одной изъ лучшихъ. Строгій и взыскательный по службі, онъ относился къ своимь подчиненнымъ съ чисто-отеческой заботливостью и помогаль имъ даже изъ своихъ личныхъ средствъ.

Но еще замъчательные двительность покойнаго Жизневскаго на поприщъ пауки и общественномъ.

Въ 1866 г., по почину бывшаго Тверскаго губернатора князя И. Р. Багратіона, при Губерискомъ Статистическомъ Комитетъ основанъ музей, помъщенный въ здани губериской гимпазии. Музей предпазначался сначала для храненія образцовь мастныхъ произведеній земледалія, фабричной и ремесленной промышленности, редкостей минеральнаго, растительнаго и животлаго парствъ, а также предметовъ отпосящихся къ этнографіи и археологіи Тверской губерии. Живое участи въ дълъ собирани предметовъ для музея принядь покойный поэть Ө. Н. Глинка. Заводскіе и промышленные образцы были собраны быстро и из достаточномъ количестив; что же касается до предметовъ археологін, то еще въ 1872 г. въ музеф хранилось только три незначительные предмета и въсколько монеть. Въ 18/2 г. А. К. Жизневскій быль нэбрань помощинкомь председателя Статистическаго Комитета и приняль на себя также занедынапіе муземь. Сь техъ порь музей, а главнымъ образомъ археологическій его отдъль, сталь быстро расти. Жизневскій решиль приступить къ изученію Тверской губерній въ историческомъ отношенія, для чего и запяден разыскаціями и собпраціємъ намятинковъ старины, помъщая спои пріобритегія нь музев. Близко знакомый съ губерніей, имъя общирныя связи въ убадахъ, при содъйствія своихъ подчиненныхъ, которыхъ онь съумьль пріохотить въ этому ділу, онь обогащаль музей повыми пріобратеніями и пъ пъсколько лать превратиль его въ историко-археологическое хранилище. Весьма многіе предметы пожертвованы имъ еамимъ, другіє принесены въ даръ разными лицами при его посредствъ. Будучи человъкомъ одинокимъ (опъ впрочемъ много номогалъ своимъ роднымъ), онъ тратилъ ежегодно большія суммы денегь на музей и не жальль пи времени, ни силъ въ собираніи дренностей, употреблян всевозможныя усилія для розысканія ихъ и спаряжая даже порою экспедиціп для раскопки кургановъ и городиндъ, откуда и добыто пемало важныхъ вещей. По отзыву многихъ знатоковъ, посъщавшихъ Тверской музей, онъ по богатству и разнообразію своихъ коллекцій самое лучшее изъ провинціальныхъ древлехрапилицъ. Въ немъ находится около 9.000 предметовъ древности, свыше 7.000 рукописей и до 2.500 предметовъ по отдъламъ естественному и промышленному. Археологическій отділь замічателень по богатству, разнообразію и научной ценности предметовъ; но всемъ отраслимъ археологіи въ музев имъются не только ръдкіе, иногла единственные экземплиры, но часто цълыя колленців съ разновидностями и подразділеніями, собраніе же Тверскихъ

молеть и патвльных в крестовь одно изъ первыхъ. Вев иногочисленныя коллекціи хранятся въ образцовомь порядкв; вев предметы и рукописи впесены пъ описи и разміщены какъ слідуеть; со иногихъ древностей спяты фотографіи, планы, свимки. Рукописи музея описаны проф. М. Н. Сперацскимъ.

Последніе годы, благодаря возрастанію коллекцій музея, помещеніс его вь зданія губернской гимназіи стало тесно; некоторые более громоздкіе предметы не могуть даже въ немъ помещаться, почему и явилась забота о повомь помещеніи. Вопросъ этоть пына разрешень наилучшимь образомь. Г. Тверской губернаторь камергерь П. Д. Ахлестышевь и Тверская ученая архивная коммиссія просили г. начальника Главнаго Управленія Уделовькияз Л. Д. Вяземскаго объ исходатайствованіи высочайщаго соизволенія на перемещеніе музея въ Императорскій Тверской дворець, и 25-го Февраля 1895 г. носпоследовало высочайщее соизволеніе на уступку подъ помещеніе Тверскаго историко-археологическаго нузея западнаго крыла Императорскаго Тверскаго дворца*), съ отнесеніемъ расхода по содержанію этой части дворца, временно, въ теченіе двухъ леть, на счеть уделовь, при чемъ расходы по приспособленію этого помещенія для музея привиты тоже на средства удельнаго ведомства. Веронтно, нъ вынешнемъ году музей перейдсть из свое новое помещеніе.

Это перемъщение музея во дворецъ больше всего занимало послъднее время покойнаго Жизневскаго; онъ видъль, что предстоить еще много труда и заботь, чтобы довершить это дъло. Во время своей предсмертной бользии онь высказываль опасеніе, что если даже и выздоровъеть, то бользиь отниметь у исго силы, необходимыя для трудовъ по водворецію музея въ пономъ помъщенія; смерти же опъ не боялся. Утромъ, въ самый день своей кончины, послъдовавшей въ 8 ч. нечера, онъ прислаль губернатору, непремишному поцечителю архивной коммиссіи, 1.000 рублей на нужды музея.

Все останавшееся свободнымь отъ служебныхъ занятій времи онъ посващалъ своему любимому дътищу-музею, которому былъ предапъ всей душею. Онъ занимался приведеніемъ въ порядовъ общирныхъ воллевцій музен, описаціемъ вповь поступающихъ предметовъ, а въ 1888 г. издалъ прекрасное "Описаціе Тверскаго музея. Археологическій отдълъ" со многими рисупками и грапюрами. Опъ любилъ лично показывать посътителямъ сокровища музея и двлаль это съ увлеченіемъ.

Покойный имъть утвинене видеть обильные плоды своихъ трудовъ, положенныхъ имъ въ дъло расширенія музея. О трудахъ его самымъ лестнымъ образомъ отзывались многіе ученые и пысокопоставленные посътители музея. Ведикій Князь Николай Николаевичъ Старшій, осмотрѣвъ музей 20 Октября 1885 г., дважды изволизъ вспоминать о немъ; за завтракомъ въ помѣщенія драгунскаго Московскаго полка и за объдомъ въ залѣ Городской Думы и, обращаясь въ Жизневскому подпималь бокалъ за процвътаніе Тверскаго музея, а при отътвув послѣ объда изъ Думы на вокзалъ желѣзной дороги еще разъ благодарилъ его за его труды по устройству музея. Мило-

^{*)} Гдт въ 1811 году И. М. Карамзина чатыл наператору Александру I свою исторію.

етиное винманіе оказали музею Великій Киязь Владимиръ Александровичь, посттивній его 13 Іюня 1892 г. и Принцесса Евгенія Максимиліановна Ольденбургскай, посттивная Тверской музей вибств съ принцемъ Петромъ Александровичемъ Ольденбургскимъ 18 Октября 1893 г. Съ живымъ участіемъ относился въ музею графъ А. С. Унаровъ, постщавній его и удивливнійся его богатствамъ, и многіє другіє. И дъйствительно, музей составляєть слану Тверской губерніи.

Когда въ 1884 г. поковнымъ основателемъ Археологического Ипститута И. В. Калачовымъ была открыта въ Твери ученая архивная коммиссія, то представтелемъ ен былъ избранъ А. К. Жизпевскій. Древнія рукописи музен дали богатый матеріаль для работь членовь коммиссіи. Жизневскій привлекаль постоянно кь архивной работь всехъ, кто хоть немного натереговался родной стариной и такъ или иначе могь принести пользу двлу изученія ен, и умило собраль вокругь себя полезныхъ дингелей и работинковъ. Съ подной готовностью и любовью овъ руководиль запятіями членовъ коммиссін; онъ указываль и доставляль имь ночти всв необходимые для работы матеріалы, благодаря своему вліннію и знакомствамъ онъ добываль нужныя справки въ столичныхъ архивахъ и умъль передать своимъ согрудникамъ горичую любовь къ архивному двлу, словомъ, былъ душею коммиссін. Дъятельность Тверской ученой архивной коммиссіи ознаменована песьма почтенными паслъдованінми и трудами, и она выдается изъ ряда другихъ. Самому Жизпевскому принадлежить целый рядь рефератовъ, читанныхъ имъ ил засъданіяхъ коммиссіи. Замътимъ еще, что денежныя средства коммиссіи сравнительно съ другими крайне ограничены: она не имъетъ даже своего печатнаго органа, и труды ся членовъ помъщаются въ "Тверскихъ Губерискихъ Въдомостихъ". Число членовъ гораздо менъе, чъмъ въ другихъ коммиссіяхъ, которыя дають званіе члена слишкомъ щедро.

Дли храненія собираємых архивной коммиссіей исторических документовъ быль учреждень, согласно съ изданными на этотъ предметь правилями. Тверской историческій архивъ, помінденный въ казенномъ зданін, уступлениомъ по ходатайству бывшаго губернатора А. Н. Сомова и А. К. Ж изневскаго, заботами котораго, оно было тщательно ремонтировано. Зданіе это стоить особинкомъ оть другихъ на базарной площади и въ пожарномъ отношенін безопасно.

Особенной заслугой Жизневскаго являются его заботы о позстановленін дреннихь храмовь. По его настояніямъ была возобновлена разрушивщанся древняя (XIV в.) церковь въ с. Микулинъ Городицъ, Старицкаго убзда (по освящени которой опъ самъ присутствовалъ), и при его горячемъ участи быль возстановленъ Старовознессискій деревянный храмъ въ г. Торжкъ XVII в

Больное содъйствие оказаль онь Антропологической выставкь из Москва 1878 г. и вообще Антропологическому отдалу Импер. Общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи. Онъ организоваль из иксколькихъ убядахъ Тверской губерній курганцыя расконки, при чемь добытые черена, костяки и разные курганные предметы отсылались на выставку п въ отдълъ, гдъ были пзелъдованы и послужили матеріаломъ для монографія предсъдателя ея проф. А. П. Богданова (педавно скончавшагося) о доисторическихъ Тверптинахъ по курганнымъ раскопкамъ. Тверской музей участвовалъ въ Московской географической выставкъ 1891, а самъ Жизневскій принималъ дъятельное участіє въ археологическихъ събздахъ, на которыхъ выставлялъ свои коллекціи и велъ большую ученую переписку.

Весьма замвиательна также двятельность Жизпевскаго благотворительная, свидвтельствующая о его добромь сердив. Онь принималь самое жиное
и двятельное участіе въ "Обществі Доброхотной Конвійки", возникшемь въ
Твери въ 1863 г. по почину покойной А. П. Глинки, супруги поэта. Онъ
оставался постояннымь и полезивйщимъ членомъ этого общества, пертдко
предсъдательствуя въ пемъ, и притомъ въ самое трудное для общества время,
когда ему грозило распаденіе, предотвращенное, быть можеть, усиліями его.
Въ 1867 г. въ Твери было открыто мъстное управленіе Общества попеченія
о раненыхъ и больныхъ воннахъ, переименованное впослъдствіи въ общество Краснаго Креста, и въ пемъ, съ самаго его открытія, Жизневскій
сталь виднымъ двятелемъ, исполияя обязанности вазначея. За выдающіяси
свои заслуги Обществу Краснаго Креста онъ быль удостоенъ высочайшей
награды орденомъ св. Апны 1 степ. и пабранъ почетнымъ членомъ Краснаго Креста.

Жизневскій такъ дюбиль Тперь и сроднидся съ всю, что пе желаль ее покинуть даже когда ему предстояла блестищая служебная булупшость Такъ въ 1876 г. онъ получиль оть главнаго управленія Кавказскаго намбетинчества приглашеніе занять місто начальняка управленія государственными имуществами на Кавказі (должность IV кл. съ содержаціємь въ 6.000 р.\; но онъ отклониль это предложеніе и остался въ Твери, хоти на Кавказі находился его родной брать съ своимь семействомь. За то покойный пользовался въ Твери общей любовью и уваженіемь. Когда въ 1888 г. исполнилось 25-літіе управленія его Тперской Казенной Палатой, Тверская городская Дума въ засіданія 13 Апріля 1888 г. постановила просить его изъявить согласіе на принятіе званія почетнаго гражданния г. Твери. Въ втомъ званіи онъ быль утверждент, съ высочайшаго сонзволенія, 29 Декабря того же года.

Но чёмъ особенно дорога и замъчательна личность А К. Жизневскаго, такъ это тёмъ, что онъ, будучи не-Русскаго происхожденія, католикъ по въроисповъданію, былъ искрение, всей душой преданъ Русской старинъ и жилъ Русской жизнью. Онъ хлопочеть о возобновленіи древнихъ храмовъ, присутствуеть на церковныхъ торжествахъ, на освищеніи церквей, поддерживаєть самыя сердечныя отношенія съ духовенствомъ Тверской слархіи и самыя близкія, даже дружескія отношенія съ Тверскими архинастырями. Изъ Тверскихъ замъчательныхъ людей онъ быль друженъ съ извъстнымъ романистомъ И. И. Лажечниковымъ и поэтомъ О. Н. Глинкой.

Всегда живой, энергичный, онъ не здядъ отдыху. Всегда онъ быль въ непомъ и добромъ расположении духа, исполненный душевнаго мира, исседа

постатую умственными интересами Путемъ вещественныхъ наглядныхъ намятнивовъ опъ пробуждалъ любовь къ прошлому роднаго врая и интересъ къ познаніе опъ старался развить въ немъ интересъ къ роднымъ древностямь и любовь къ родинѣ, ея прошлому, пробудить участіе къ мысли, къ наукѣ. Многіе не попимали его, считали его чудакомъ; но нельзя было не видѣть, что ему удавалось вносить движеніе и жизнь въ провинціальную среду, стольнебогатую умственными интересами Путемъ вещественныхъ наглядныхъ памятниковъ опъ пробуждалъ любовь къ прошлому роднаго края и интересъ къ познанію его исторіи.

Погребенъ Августъ Казимировичъ 22 Марта на Смоленскомъ кладбищъ г. Твери. На погребени его присутствовали: Тверской губернаторъ П. Д. Ахлестышевъ съ своей супругой, предсъдательницей общества "Доброхотной Коифики", почти всъ начальники отдъльныхъ частей, сослуживцы покойнаго и многочисленная публика. Къ выносу тъла покойнаго прибыли два депутата отъ Московскаго Археологическаго Общества В. К. Трутовскій и графъ И. А. Уваровъ, возложивше на гробъ въпокъ. На гробъ было возложено всего 26 вънковъ; на одномъ изъ нихъ была надпись: "Замъчательному дъятелю на поприщъ Русской археологіи, основателю Тверскаго музеи, Русскому человъку А. К. Жизнелскому за работу на пользу Русской науки". На могилъ почившаго говорили ръчи: членъ Тверской ученой архивной коммиссіи В. И. Колосовъ и начальникъ отдъленія Московской Казенной Палаты Н. А. Виноградовъ, служившій прежде подъ пачальствомъ покойнаго.

A. O.

Русскіе люди относится съ чувствомъ радостной признательности къ такимъ дългелямъ, каковы были въ наши дни Гацискій въ Нижнемъ, Жизпевскій въ Твери, нъкогда библіографъ Анастасевичъ въ Петербургъ. Поляки происхожденіемъ, они оказали прочный услуги Русскому самосознанію, разысканіемъ, сохраненіемъ, изученіемъ и добросовъстною разработкою нашихъ древностей. Широта жизненныхъ началъ и безпримъсно-христіанскій духъ, въющій отъ вещественныхъ, письменныхъ и словесныхъ памятниковъ древней Руси внушали этимъ людямъ искрениюю любовь къ новому ихъ отечеству. Въ одну изъ бесъдъ съ нами, покойный А. К. Жизневскій передаваль намъ, что, будучи студентомъ Московскаго университета, любилъ опъ въ лунныя ночи, ходить по Кремлю, и Кремлевская древность пробудила въ немъ первую любовь къ историческимъ поискамъ. Этой любви остался онъ въренъ во вссь долгій въкъ свой и въ силу ея успъль сдълать одинъ больше, чъмъ нныя комиссіи и ученыя общества.

Въчная намять дорогому собрату! П. Б.

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ОЧЕРКА СЛУЖЕБНОЙ ДЪЯТЕЛЬНОСТИ ШИДЛОВ-СКИХЪ ВЪ СЛОБОДСКОЙ УКРАЙНЪ 1696—1727 г.г.

Собранные и изданные С И. Шидловскимъ. Спб. 1896. 8°. XII+266.

Въ настоящемъ году появилось въ свъть изданіе С. И. Шидловскаго по исторіи рода Шидловскихъ. Въ виду цънности этого изданія, въ генеалогическомъ и историческомъ отношеніи нахожу нелишнимъ сказать о немъ нъсколько словъ.

Шидловскіе, въ старину называвшівся Шиловыми, по предапію произошли отъ Кузьмы Васильевича Шилова, выбхавшаго въ 1535 г. изъ Польши на службу къ великому килзю Московскому Василію Ивановичу и жалованнаго помъстыми въ Суздальскомъ увздъ.

Мив не разъ приходилось высказываться по поводу вывздовъ нашихъ древцихъ дворянскихъ родовъ; въ большинствъ случаевъ я ихъ отрицаю и считаю необходимымъ, въ случав указанія на вывздъ, представление неопровержимыхъ доказательствъ этого вывада. Воть почему и, несмотря даже на точное указаніе года (1535) вывзда Кузьмы Васильевича Шилова, не могу согласиться съ действительностію этого вытада и говорю о пемъ лишь какъ о преданія, весьма сожалтя, что С. И. Шидловскій, при указанія на происхожденіе рода (стр. 1-я), не сделаль ссылки на документь, доказывающій этоть выбадь, если таковой, конечно, существуеть, въ чемъ я сильно сомивраюсь. Правда, указапіе на вывідь К. В. Шилова вошло въ Общій Гербовникъ (ч. V); но къ сожально Общій Гербовинкъ не можегь служить доказательстомъ, такъ какъ онъ полопъ фантастическихъ сведений, ни на чемь не основанныхъ. Наковецъ, въ сочетания словъ (1535 годъ) и «великій кразь Василій Ивановичь»—явная ошибка (Общ. Герб V): въ 1535 г. великаго князя Василія Пваловича уже не было въ живыхъ, такъ какъ онъ умеръ 3 Декабря 1533 года.

Документы, помъщенные въ настоящемъ изданіи, почти исключительно относятся къ Оедору Владимирокичу Шилову, первому изъ этого рода, поселившемуся на Украйнъ, и состоять изъ бумать кранящихся въ Архивъ Морскаго Министерства и пъсколькихъ извлеченныхъ изъ Архива Департамента Герольдіи. Всёхъ документовъ помъщено 77, съ 1696 по 1727 годъ; въ копцъ личный и географическій указатели, что дълаетъ книгу вполнъ удобною для справокъ. Очень жаль, что не приложена покольная роспись рода.

Оедоръ Владимировичъ Шиловъ, женившись на дочери Харьковскаго полковника Григорія Еровенча Донца, Ульянъ Григорьевнъ, перебрался изъ Москвы, гдъ быль стольникомъ, на службу къ своему тестю въ Малороссію, и благодаря высокому служебному положенію тестя, самъ занялъ непослъднее мъсто въ рядахъ казачей старшины, получивъ въ 1694 году мъсто полковника Изюмскаго слободскаго полка; въ это же время онъ поддался существовавшей тогда въ Малороссіи модъ: измънилъ свою Русскую фамилію на Польскій ладъ и сталъ писаться Шпаловскимъ, каковому примъру послъдовали и слъдующіе Шиловы, перебравшіеся на Украйну подъ крылышко хорошо устроившагося на новомъ мъсть родственника.

Въ 1706 г. Ө. В. Шидловскій, уже въ чишь бригадира, сталь Харьковскимъ полковниковъ, а въ 1709 г. произведень въ генералъмајоры и назначенъ начальникомъ всъхъ слободскихъ полковъ, каковую должность занималъ по Апръль 1711 г., когда, по приказу императора Петра, былъ арестованъ и затъмъ лишенъ чиновъ и имъній. За что именно пострадаль опъ, достовърно сказать нельзя; въроятно онъ изъ угоды корыстолюбивому и не отличавшемуся честными правилами Меншикову пе всегда дъйствовалъ такъ, какъ бы слъдовало, и въ трудную минуту Меншиковъ предпочелъ за лучшее пожертвовать Шидловскимъ чъмъ рисковать самому чъмъ бы то на было, и произошла совершенно обыкновенняя исторія: болъе спльный, цъль и невредимъ, а кго поменьше, тогъ уничгоженъ.

Паденіе Ө. В. Шидловскаго конечно, не могло не подъйствовать и на судьбу его родственниковъ; по со временемъ они и безъ его помощи съумъли воспользоваться свободою и привольемъ степей и стали одними изъ богатъйшихъ помъщиковъ края, исторія коихъ не безъинтересна.

Будетъ очень жаль, если С. И. Шидловскій ограничится этимъ изданіемъ, такъ какъ подобныя бумаги представляютъ собою цвиный вкладъ въ литературу мъстнаго края.

Л. М. Савеловъ.

жязнь и труды м п. погодина.

Кинга десятая. С.-ПБ. 1896 г. 8-ка, 584 стр. Цена 2 р. 50 к.

Въ отчетв о девятой впигв г. Н. Барсукова ("Русскій Архивът 1895 г.) мы замътили, что книга эта издана почтеннымъ авторомъ на премію графа Уварова, которую онъ получиль оть Императорской Академіи Наукъ за первыя семь книгъ своего монументальнаго труда, что служило доказательствомъ что скудныя дичныя средства издателя уже были истощены изданіемъ предшествующихъ томовъ. Мы выразили горячее пожеланіе, чтобы автору "Жизия и трудовъ М. П. Погодина" была предоставлена возможность докончить свое предпріятіє, и пожеляніе наше исполнилось скорве, чъмъ мы предполагали. "Въ Поноръ мъснић 1895 г., разсказываеть Н. Б. Барсуковъ пъ предпеловіи къ Х-й квигь, меня посттиль господинъ Москонскій присяжный попъренный Михапль Георгісвичь Бажановъ, дотоль миз нопсе незнакомый. Онъ сообщиль, что допъритель его, имя коего отказался назвать (какъ оказалось впоследствіи, Александръ Николаевичъ Мамонтовъ, давно известный своимъ проседщеннымъ отношениемъ ко всему, что касается Русской пауки и литературы), сочувствуя направлению моего сочиненія и узнавъ изъ статьи г. Розанова, напечатанной из "Русскомъ Вістникв" (Культурная Хроника Русскаго Общества и Литературы за XIX вък., Октибрь 1895), что я не имъю средствъ на продолжение издания моего сочиневія, выразиль желаніе придти мит на помощь своими денежными средствами". Такимъ образомъ печатаніе обезпечено съ матеріальной стороны, и всв цвиний трудь г. Н. Б. Барсукова искрение признательны А. Н. Мамонтову за тотъ подаровъ, который онъ имъ сдалалъ, давъ возможность читать далье біографію Погодина.

Мы уже нъсколько разъ знакомили читателей "Русскаго Архива" съ пріемами почтеннаго біографа; здъсь скажемъ лишь, что по своему интересу Х-я книга нисколько не уступаетъ предыдущимъ, даже превосходить ихъ. Подъ умълымъ перомъ автора, какъ живые, проходятъ уже знакомыя читателю лица: самъ Погодинъ, Шевыревъ, Буслаевъ, Бодянскій, Григоровичъ, Срезневскій, Жуковскій, князь П. А. Вяземскій, Хомяковъ, Кирѣевскій, Самаринъ, графы Уваровъ и Строгановъ, И. И. Давыдовъ и пр., пр., въ крайне интересныхъ и поучительныхъ событіяхъ ихъ жизни. Пора, кото-

рую рисуеть Х-я внига, весьма питересна въ исторіи нашего духовнаго движенія. Это конецъ 1848 г. и 1849 годь, когда наукт и въ частности университетскому преподаванію грозила опасность: графъ Уваровъ вышель въ отставку, и министромъ народнаго просвъщения былъ назначенъ виязь Ширинскій - Шихматовъ, быль введень комплекть студентовъ, канедра чидософіи закрыта и преподаваніе ся возложено на профессоровъ богослопія. воспрещено чтепіе въ увинерситеть въкоторыхъ юридическихъ предметокъ и т. д. Тогда же въ Обществъ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ университетъ произошелъ и чальный эпизодъ съ печатаціемъ неревода записовъ Флетчера, результатомъ чего было лишение Бодинскаго профессуры въ Московскомъ университеть и переводъ въ Москву Григоровича изъ Казани. Эпизодъ этотъ весьма обстоятельно разсказанъ г. Барсуковымъ и во многомъ документально исправляеть то, что раняе было извъстно объ немъ по слухамъ, освъщаеть новымъ севтомъ многія страницы этой исторіи и отводить участвовавшимъ въ ней лицамъ иное мъсто. Къ этой же поръ отпосятся появление Рижскихъ писемъ Самарина и арестъ И. С. Аксакова.

Слъдя за грустными страпицами въ исторіи Русскаго просвъщенія, читатель съ наслажденіемъ отдыхаєть на эпизодахъ, имьющихъ ближайшее отношеніе къ ученой дъятельности Погодина, особенно къ его трудамь по собиранію знаменитаго его книгохранилища. Страницы эти къ высшей степени интересны и поучительны, ибо вводять читателя въ самый процессь собирательской дъятельности Погодина, которая составляеть одну изъ наиболье очевидныхъ его заслугъ.

Наша замътка о X-й книгъ "Жизни и трудовъ М. П. Погодина" значительно разрослась бы, еслибы мь захотъли въ подробности перечислять всю массу витереснаго и поучительнаго матеріала, въ ней заключающагося. Кладемъ перо въ увъренности, что слъдующая XI книга не заставить себя долго ожидать. Порукою въ этомъ служить энергія почтеннаго біографа, которому позволяємъ себъ сказать то, что говориль самъ Погодинъ въ письмъ кь одному ученому: Впередъ, съ Божіей помощью!

И. Помяловскій.

ПИСЬМО ФЕЛЬДМАРШАЛА ГРАФАМ. Ө. КАМЕНСКАГО КЪ ОДНОМУ ИЗЪ АКАДЕМИКОВЪ.

Recu le 26 juin 1793.

Monsieur.

Je suis très sensible au désagrément qui vous arrive par votre déménagement de la maison académique. Il serait à souhaiter que les gens des lettres, comme vous au moins, ne fussent pas exposés à ces façons. On contracte toujours des certaines habitudes dont la privation ne fait pas plaisir, surtout étant en famille; mais la chose est sans remède, puisqu'une résolution académique une fois prise ne se change pas aussi facilement qu'une résolution quelconque d'un département civil, toujours gouverné par des avocats et qui toujours trouvent des camarades d'un avis contraire.

Daignez au moins, monsieur, en changeant de maison, ne point éloigner de vous mon fils; vous l'avez adopté, continuez de lui servir de père. Je sacrifie volontiers par an deux cent roubles pour son logement tout le tems qu'il restera chez vous et auprès de vous, ce que je crois devoir durer trois ou au moins deux ans encore. Permettez moi cependant de le prendre à Moscou pour un mois ou deux par les premiers traînaux, pour pouvoir juger de ses progrès par moi-même, de même que de l'état de sa santé. Comme je pars aujourd' hui pour mes terres, où je resterai jusqu' à l'hiver, j'ai chargé madame Kamensky de vous envoyer au premier de Septembre mille roubles. Nous compterous à l'arrivée du jeune homme.

Si monsieur mon fils ne veut pas changer de caractère d'écriture, qu'il n'écrive pas en écrivant, mais qu'il peigne, qu'il dessine en ne se pressant pas de former ses lettres, et alors peut-être reformera-t-il sa main. Serait-il donc plus difficile de griffoner un A ou un B d'après un autre A ou un autre B, que de dessiner un nez d'après un nez ou bien un sourcil d'après le sourcil de monsieur votre élève? Le tout dépend d'une certaine applicatiou, et c'est là le mot de l'énigme que je conseillerais à notre très cher Nicolas de deviner.

Pardon, monsieur, voilà bien des balourdises; je le sens moimême, mais je suis père, je m'entretiens de mon enfant et je parspour ne plus en avoir des nouvelles de longtems. Daignez suppléer aux idées que j'aurais voulu pouvoir lui inculquer pour son bien, et voilà pourquoi je ne lui écris pas. Si son écriture ne change pas, je souhaitrais ne point commencer l'équitation pour l'engager d'autant plus à mieux écrire, à mieux dessiner, enfin à ne rien faire en négligeant.

D'après votre lettre j'ose espérer que mon fils, lors de son arrivée à Moscou, apportera avec lui quelques plans de fortitication avec les profils que j'avais désiré et un plan d'attaque quelconque, faits par lui-même, et vous assure encore une fois de l'estime et de la considération avec lesquels je ne cesserai jamais d'être, monsieur, votre très humble et très obéissant serviteur Michel Kan:ensky.

Moscou, le 8 juin 1793.

Agréez, s'il vous plait, mes très humbles hommages et les sentiments de reconnaissance pour toutes les bontés que madame Euler veut bien avoir pour mon fils. Puisse-t-elle les lui continuer et puisse-t-ils'en rendre digne.

Переводъ. Получено 23 Іюня 1793. Милостивый государь. Очень сожалею о непріятности, которую приходится вамь испытать, выселяясь изъ академическаго дома. Желательно, чтобы поступали иначе съ учеными людьии, по врайней мъръ съ такими, какъ вы. Всегда заводятся извъстныя привычви; нарушение которых: тежело, особлико когда живешь семьею. Но поправить дело пельзя; ведь академическое постановление отменяется не такъ легко, вакъ постановление какого инбудь гражданского департамента, гдв управдяють стрянчіе и гда всегда найдутся члены мивнія противнаго. По врайней міррь, милостивый государь, міння місто жительства, сділайте милость, не удаляйте отъ себя моего сына. Вы его усвоили себъ, продолжайте быть ему отцомъ. Я охотно жертвую по двъсти рублей ежегодно за его помъщеніе, все времи пока онъ останется при васъ, что должно, думаю, продлиться три или по крайней мъръ сије два года. Однако, позвольте миъ, по первому санному пути, взять его въ Москву на месяцъ или ва два, чтобы я самъмогъ судить объ его усивхахъ и о состояніи его эдоровья. Сегодия отправляюсь и къ себъ въ деревню, где останусь до зимы. Я поручиль госпожъ Каменской препроводить въ вамъ 1-го Сентября тысячу рублей. По прівздв. молодаго человъка мы сочтемся. - Если господинъ сынъ мой не желаетъ неремънить своего почерка, то пусть онъ не пишеть, а рисуеть, и не торопясь выводить буквы въ своихъ письмахъ; можеть быть, такимъ образомъ онъ поправить свою руку. Что трудиве: напачкать A или E съ другаго Aили другаго Б., или срисовать восъ или бровь съ носа или брови господина вашего питомна? Все зависить оть извъстнаго придежания, и вотъ туть загадка, которую и бы посовътоваль разгадать нашему мидому Николаю -Простите, милостивый государь, мив эти пустяки; я самь ихъ такими считаю; но я отецъ, говорю о моемъ сынъ и уважаю, елъдовательно долго не буду имъть о немъ извъстія. Пожадуйста, поддержите мысли, которыя бы я желаль вибдрить въ него для его блага, и вотъ почему и не пишу въ нему. Если почеркъ его не перемвнится, я желаль бы, чтобы онъ не начиналь верховой вады: пусть это побудить его лучше писать, лучше рисовать, слономъ отвыннуть отъ небрежности. По письму вашему смею падеяться, что сынь мой принезеть съ собою въ Москву планы фортпоинаціи съ профилями, какъ и желалъ, и планъ вакой пибудь атаки, составленные имъ самимъ. Еще разъ върьте уважению и почтению, съ наковыми не престану быть навсегда вашимъ м. г., покоривищимъ и послушивищимъ слугою. Михаилъ Каменскій. Мосява, 8 Іюня 1793.—Сділайте милость, примите выраженіе моей почтительной признательности за вет милости, которые госпожа Эйлеръ благоводить овазывать моему сыну. Да продолжить она ихъ, а онъ да будеть ихъ достоинъ.

Печатается съ подлинения, принадлежащаго графу С. Д. Шереметеву и сообщениаго имъ въ "Русскій Архивъ." Знаменитый вониъ и выученикъ Фридриха Великаго въ 1793 году, когда письмо это писано, жилъ въ отставкъ и въ опалъ (за то, что самовольно принялъ на себя командованіе войсками по кончинъ внязя Потемкина). Замъчательва его забота о второмъ его сынъ (позднъе тоже великомъ полководиъ), которому тогда было 16 лътъ отъ роду. Къ кому письмо написано, не знаемъ; во всякомъ случать не къ елавному Эйлеру, который умеръ въ 1783 году. Не пріятно ли его Фуссу, у котораго могла жить вдова Ейлера? П. Б.

О СТИХАХЪ КЬ ПОРТРЕТУ С. Д. НЕЧАЕВА.

Въ первой книжкъ "Русскаго Архива", 1895 года, въ біографическихъ свъдъніяхъ о Степанъ Дмитрієничь Нечаевъ, папечатано, что сослуживецьего по Московскому Сепату Михаилъ Александровичъ Дмитрієвъ, "человъкъ, котораго никто не упрекнеть въ льстивости", выразилъ въ слъдующихъ стихахъ достоинства С. Д. Нечаева:

Кто, законъ храни въ Севатъ. Звуковъ лиры не забилъ? и проч. (стр. 48)-

Надвихь мив попаден листовъ, на которомъ пензиветною мив рукою ваписано тоже осьмистиние съ заглавиемъ: Къ портрету С. Д. Нечаева, безъозначения, принеденной въ "Русскомъ Архивъ" даты: "Москва 15 Ноябри-1845 г."

Но на томъ же листив, подъ стихами, рукою хорошо мив знакомою М. А. Дмитріева, написано: "Къ портрету Степана Дмитріевича Нечаева я микогда не писываль; а можеть быть это не изъ другихъ ли какихъ моихъстиховъ. Мих. Дмитріевъ".

Николай Барсуковъ.

Означенные хвалебные стихи принисаны М. А. Динтріску въ той рукописи, которая была сообщена въ "Русскій Архивъ" сыномь С. Д. Нечасва, Дмитрісмъ Степановичемъ. П. Б.

ОНЕЧАТКА.

Въ Воспоминаніяхъ О. А. Оома, стр. 429, строчка 2-и сверху, вмъстографъ Паденъ слъдуеть читать: графъ Панинъ.

Приложенный къ этому выпуску поргрегь графа Н. П. Шереметева сиять съ гравюры, припадлежащей Борису Сергвевичу Шереметеву, господину директору Шереметевскаго Страннопріимнаго дома. Приносимъ ему глубочайшую признательность за дозволеніе познакомить читателей «Русскаго Архива» съ вившнимъ обликомъ приснопамятнаго благотворителя, душа котораго такъ привлекательно выражается въ его бумагахъ и перепискъ, выше напечатанныхъ. П. Б.

СОДЕРЖАНІЕ

второй книги

«РУССКАГО АРХИВА»

1896 года

(выпуски 5, 6, 7 и 8).

455. Всеподраннайшее прошеніе философа **Канта** императрица Елисавета Петровив (1758).

188. Письмо Енатерины Великой къ Шведскому королю. 1767.

185. Три писька Екатерины Великой въ Е. А. Щербинину (1763-1772).

5, и 161. Къ исторія Пугачовщины. І—VI.

п. Л. Юдина. 147. Ярославскан старина. Солдатикъ.

Отречение отъ васонства, Л. Н. Трефолева. 189. 305 и 457. Изъ переписки графа И. П. Мереметева (въ царствованіе Ева-теривы Великой и Павла Петровича).

612. Письмо фельдивршала графа М. О.

Каменопаго въ однову изъ академиконъ. 129. Письмо виязи А В. Куракина иъ императору Аленсандру Павловичу. 1801. (Жалоба на графа Н. П. Папина).

132. Изъ писемъ партизвив А. Н. Сесла-

вава. (1817-1850).

521. Бъдствія Мосявичей въ 1812 году. Разславъ Москвича.

341. Записки А. Д. Бестужева-Рюмина о Москвъ 1512 года.

885. Донесеніе его же министру юстиція

И И. Дмитріеву. 386. Письма его же къ Д. О. Шумялоку, всянкому кинзю Константиву Павловичу и императору Александру Павловичу.

400. Свадація объ А. Д. Бестумева-Рю-

403. Старивная сатира (1815) на министровъ Александра Павловича.

540. Разгадка одного намека въ "Ствривиой сатиръ".

293. Прошеніе вияви П. А. Вяземскаго въ Главное Училищъ Правленіе. (Жалоба на Красовскаго).

47. Записки Петербургского чиновпика

стараго времени. П. И. Голубева. 278. Дътство и отрочество императора Николая Павловича. Статья А. Н. Корса-

201. Изъ равскавовъ граса Строганова. 292. Любовнательность императора Николан Павловича.

408. Графъ Е. Е. Комаровскій.

143. Стихотвореніе князя П. А. Вязем-

127. Письмо А. С. Хомякова въ В. В.

Ганкъ (1847). 158. По поводу отвывовъ объ А. С. Хомяковъ С. М. Соловьска и г. Боборывина. Ю. В.

145. Изъ письма В. В. Скрипинына къ графу Д. Н. Толстому (о нашемъ духовен-

598. Письмо митрополита Филарета въ врхіспископу Херсонскому Иннокентію.

144. Письмо архіепископа Херсонскаго Иннокентія къ А. П. Озерову (1854).

417. Записка А. Г. Тройнициаго объ участім періодической литературы въ обсуждепін и разрішенім крестьянского вопроса (1859).

296. О несостоившения министерства ценвуры, Писька барона М. А. Корфа въ А. Г. Тройницкому.

110. Изъ воспомваній врача (1865— 1875). Н. А. Митропольскаго.

303. Отповидь г-ну Митропольскому. С. Д. Яновскаго.

217, 427 и 541. Воспоминанія О. А. Осма. 156. Стихотвореніе П. В. Шумахера (о MOCKBE).

273. Историческая справка о перепесенів праха пинзи и графовъ Орловыхъ паъ Отрады въ Юрьевъ конастырь. А. Н. Львова.

453. Еще о перенесенія прили винан ж графовъ Орловыхъ. Занатав графа А. В. Орлова-Давыдова:

574. Пасьмо И. В. Кирвевскаго въ A. C.

Пушкину.

576. Записка поданная графу Бенкендорфу по поводу запрещенія "Европейца" въ

583. Бенксидоровскіе "швауны" (Черты изъ Наколаевского времени). Л. Н. Трефо-

598. Бабъ и Бабизы. О. Баратынской.

599. Воронцовская библютева.

600. По поводу воспоминвий В. Д. Ильнискаго (Письмо винзи А С. Меншикова изъ Севастополи въ Одессу). 1854 г.

603. Памяти А. К. Жизневскаго. А. О. 609. Матеріалы для очерка служебной двительности Шидловскихъ въ Слободской

Украйн 1696—1727 г.г. Л. М. Савелова. 611. "Жизнь в Труды М. П. Погодина" кн. Х-н. И. В. Помяловскаго.

159. Историческія статьи въ повремевныхъ изданіяхъ пеисторическихъ.

615. О стихиять въ портрегу С. Д. Не-часва. Звиштва Н. П. Бирсукова.

Приложевы: Кинга "Архина Кинзя Воронцова" и портреть графа Н. И. Шерсметева.

—1639 гг.) въ Ростовскомъ Кремав. "Ярославскія Еп. Вёд.", № 28.

Фининовъ В. Новгородская епархія въ первой половинъ XVIII въка. "Новгородскія Еп. Въд.", № 5, 6.

Хрусталевъ Д. Къ исторіи Иркутскаго духовнаго училища. "Иркутскія Еп. Вѣд.", № 9.

Б. Н. Дмитровское духовное училище. (Первыя историческія свёдёнія о немъ). "Мосновскія Церк. Вёд.", № 23.

Е. Н. Старые синодики Антоніево-Сійскаго монастыря (Архангельской губ. Холмогорскаго увзда). "Архангельскія Еп. Ввд.", №№ 2, 3.

С...въ Н. Деревни Кадниково и Брянцево въ Вологодской губерніи, въ Кадниковскомъ убздѣ. Челобитная царю Петру I о рёшеніи между упомянутыми двумя деревнями спора о томъ, которой изъ нихъ быть почтовою станціей, 1702 г. "Вологодскія Еп. Вёд.", № 2.

С...въ Н. Черты быта и нравовъ Русскаго духовенства въ XVII столътіи. "Вологодскія Еп. Въд.", № 1.

С...въ Н. Изъ быта духовенства XVII въка. Праздничные діаконы (Челобитная конца XVII въка). "Вологодскія Еп. Въд.", № 4.

6. Ж. Изъ исторіи взаимныхъ отношеній между православными и уніатами во "Мстивлавщинъ" въ концъ XVI и первой половинъ XVII въка. "Могилевскія Еп. Въд.", № 13—15.

Изъ жизни преосвященнаго Іосифа, бывшаго архіспископа Воронежскаго. "Воронежскія Еп. Въд.", № 9.

Духовные дъятели Тобольскаго края. "Тобольскія Еп. Въд.", № 3, 4, 5.

Древняя Русь въ великіе дни. "Душеполезное Чтеніе", № 7.

Лѣтніе народные праздники въ старину. "Яросданскія Еп. Вѣд.", № 28.

Коронованіе православныхъ христіанскихъ государей. "Могилевскія Еп. Въд.", №№ 12—15.

Къ трехсотлётію со дня рожденія паря Михаила Өсодоровича (1596 12 Іюля 1896). "Московскія Церк. Въд.", № 27.

Трехсотявтіе со дня рожденія родоначальника благословеннаго царскаго дома Романовыхъ (1596 12 Іюля 1896 г.) "Душеполезное Чтеніе", № 7.

Рождественская перковь во имя Собора Пресвятыя Богородицы, она же Строгановская, въ Нижнемъ-Новгородъ. "Нижегородскія Еп. Въд.", № 11.

Указатель литературы по исторіи Новгорода. "Новгородскія Еп. Вѣд.", № 5, 6.

ПОДПИСКА

H A

РУССКІЙ АРХИВЪ

1896 года.

"Русскій Архивъ" въ 1896 г. издается двѣнадцатью тетрадями, съ приложеніями (въ числѣ ихъ книга "Архива Князя Воронцова").

Годовая цёна "Русскому Архиву" въ 1896 году съ пересылкой и доставкой девять рублей. Для чужихъ краевъ—двёнадцать рублей.

Подписка принимается въ Москвъ, въ Конторъ "Русскаго Архива", на Ермолаевской Садовой, въ домъ 175-мъ. Въ книжныхъ магазинахъ "Новаго Времени", въ Петербургъ, Харьковъ и Одессъ.

Въ пріемъ подлинныхъ документовъ и бумагь доставляемыхъ "Русскому Архиву", для разработки и печатанія, выдаются росписки, по которымъ владъльцы получають ихъ обратно. За сохраненіе же статей и современныхъ рукописей, оказавшихся неудобными къ печати, "Русскій Архивъ" отвътственности на себя не принимаетъ.

Годовыя изданія «Русскаго Архива» 1884, 1887, 1888 и 1889 получаются, со всеми приложеніями, по 6 р. за каждый годъ съ нересылкою по 7 р. Годы 1874, 1877, 1878, 1879 и 1880 по 5 р., съ пересылкою по 6 р. Остальныя годовыя изданія «Русскаго Архива» вышли изъ продажи.

Составитель и издатель "Русскаго Архива" Петръ Вартеневъ.